MD
19
C 1
т. I

АРХИВ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

1917 г.

В ДОКУМЕНТАХ и МАТЕРИАЛАХ

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ
М. Ф. ВЛАДИМИРСКОГО, А. С. ЕНУКИДЗЕ
М. Н. ПОКРОВСКОГО и Я. А. ЯКОВЛЕВА

ПЕРВЫЙ ВСЕРОССИЙСКИЙ СЪЕЗД СОВЕТОВ

ЦЕНТРАРХИВ С РФСР С

1930
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач_____

Вологда, тип. „Сев. Печатник". Зак. 1[illegible]

1-4 9: Ронда

МД
19
С-1

ЦЕНТРАРХИВ

1917 ГОД В ДОКУМЕНТАХ И МАТЕРИАЛАХ

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ М. Ф. ВЛАДИМИРСКОГО, А. С. ЕНУКИДЗЕ, М. Н. ПОКРОВСКОГО и Я. А. ЯКОВЛЕВА

МД
20
1-к

947 рд
П 26
С-94

ПЕРВЫЙ ВСЕРОССИЙСКИЙ СЪЕЗД СОВЕТОВ Р. и С. Д.

Подготовил к печати
В. Н. РАХМЕТОВ

ПРОВ. 1935
ОБ'ЕДИНЕННАЯ БИБЛИОТЕКА И. К. П.

С предисловием Я. А. ЯКОВЛЕВА

Том I

105 865

КОММУН. УНИВЕР. НАЦ. МЕН. ЗАП.
№
КАБИНЕТ ЛЕНИНИЗМА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА * 1930 * ЛЕНИНГРАД

Государственная публичная
историческая
библиотека РСФСР
1185730

Государственное
Издательство
типография
ПЕЧАТНЫЙ
ДВОР
Ленинград
Гатчинская-24

С,54 Гиз № 1788
Ленинградский Областлит
32 л. Тираж 2000

ПРЕДИСЛОВИЕ

На I Всероссийском Съезде Советов подавляющее большинство составляли меньшевики и с.-р., которым противостояла маленькая группа большевиков. Меньшевики и с.-р. были у власти, — их лидеры, Керенский и Церетели, играли первую роль в коалиционном правительстве. Они же охватили своей организацией всю деревню и всю армию, поскольку вся система сельских организаций и солдатских комитетов оформилась как меньшевистско-эсеровская организация. Таковы были показатели, которыми могли гордиться на I Съезде лидеры меньшевиков и с.-р. Именно на этих показателях основывается их уверенность в возможности разгромить большевистскую партию, победить большевистское движение, применить к большевикам любые меры насилия.

Между тем, именно на I Съезде Советов Ленин открыто, перед лицом всей страны, заявил, что большевики готовы взять власть в свои руки. Самое интересное во всей груде наговоренного на этом длительнейшем из всех Съездов Советов было именно заявление Ленина — заявление о готовности взять власть перед лицом меньшевистско-эсеровского большинства в Советах, меньшевистско-эсеровского правительства, меньшевистско-эсеровских армейских и крестьянских комитетов.

Ответ на вопрос о причинах ленинской уверенности в неизбежности крушения мелкобуржуазной демократии только отчасти дает I Съезд Советов — скорее притом не в официальных докладах, мотивировавших политику Временного Правительства, сколько в обсуждении вопроса о демонстрации, в отдельных выступлениях отдельных делегатов, через которые прорывалась истинная жизнь страны, клокотавшая за стенами Таврического дворца.

Конечно, для определения соотношения сил в стране большую роль играют такие показатели, как показатели партийного состава соответствующих выборных органов. Что это, однако, далеко не все — лучше всего демонстрирует I Съезд Советов. Марксисту при анализе любого явления нужно учиться тому, чтобы отличать вес и значение явления, внешне заслоняющего собою все остальное; но уже отражающего вчерашний день истории и иногда почти незаметный для глаза зародыш нового, за которым обеспечен завтрашний день истории.

Эту тему мы продемонстрируем на одном только примере — на примере наступления 18 июня. Наступление 18 июня определило все содержание I Съезда Советов соответственно тому, что оно представляло собой кульминационный пункт политики блока кадетов, меньшевиков и с.-р. От февраля до октября 1917 г. не было события более важного, чем наступление 18 июня. 18 июня сконцентрировало внимание десятков миллионов людей, которые в упор были поставлены перед необходимостью

выбора между продолжением империалистической войны и борьбой против власти меньшевистско-эсеровского блока.

Прав был меньшевистский лидер Церетели, когда заявил на заседании 19 июня: «Открывается новая страница в истории великой русской революции». [1]) Прав был эсеровский министр Чернов, когда по случаю того же наступления заявил: «Данный момент является решающим во многих отношениях моментом в истории русской революции». [2])

Что именно по мнению социал-демократов-меньшевиков и с.-р. определяло решающее значение июньского наступления?

Временное Правительство «уже заявило отказ, полный разрыв со всей политикой старого царизма, со всеми империалистическими тенденциями, которые выдвигались в начале этой войны со стороны России». (Из речи Церетели, «I Всероссийский Съезд Советов», заседание 19 июня, стр. 83.)

«Успехи русской революции, ее укрепление на фронте и переход в наступление облегчит» революционному меньшинству в других странах «задачу борьбы с империализмом их стран». (Из речи Церетели, там же, стр. 84.)

«Неопределенность отношения к вопросу о наступлении в настоящий момент лучше всего ликвидирована тем блестящим наступлением революционной армии, которым открывается новая эра нашей революции». (Из речи Церетели, там же, стр. 84.)

18 июня «послужит исходным пунктом собирания сил революции и исходным пунктом нашей конечной победы, конечной победы русской революции». (Из речи Церетели, там же, стр. 84 — 85.)

«Нам никогда никто не подсунет иных целей, кроме тех, которые мы уже сформулировали на весь мир». (Из речи Чернова, заседание 19 июня, там же, стр. 86.)

«Международная политика России направляется лозунгами русской революции». (Из речи Чернова, там же, стр. 86—87.)

Солдаты «с сияющими лицами идут вперед на фронт». (Из речи Скобелева, заседание 19 июня, стр. 88.)

Такова версия 18 июня, данная вождями мелкой буржуазии. Таково изображение ими целей войны, характера наступления. Таково их объяснение «поворотного» значения июньского наступления.

Этой версии 18 июня мы противопоставляем действительную историю 18 июня, как материал для оценки обоих томов, наговоренных ораторами I Съезда Советов.

«Наша сила в армии».
(Из речи Чернова.)

Состояние армии к июню 1917 г. исключало какую бы то ни было возможность серьезной наступательной операции на фронте. Это великолепно знали верхи. Это они знали через три недели после начала революции, когда командующие армиями, корпусами, дивизиями и командиры полков в ответ на запрос Ставки о состоянии армии единодушно констатировали прогрессирующий распад армии. О том же в марте свидетельствовали члены Государственной Думы, посланные в армию Думским комитетом. Свидетельствовали и самые события на Стоходе, где две кавалерийских и одна ландверная дивизии противника, имея против себя 30 батальонов русских войск, в течение одного дня захватили 12 000 пленных.

---

[1]) «Первый Всероссийский Съезд Советов», т. II, стр. 85.
[2]) Там же, т. II, стр. 85.

Об этом же говорило братание, принявшее уже в апреле исключительные размеры. Во время пасхи на фронте установилось фактическое перемирие, несмотря на то, что российское командование имело еще в своем распоряжении артиллерию, пулеметы, которыми русские офицеры уговаривали русских солдат отказаться от братания. Типичны для тех дней сообщения X армии от 29 апреля: «На участке Шалудьки-Кунава (2-я кавалерийская гренадерская дивизия, 2-й гренадерский корпус) наши и немецкие солдаты пытались выйти друг другу навстречу, но огнем нашей легкой батареи и те и другие были разогнаны»...

«30 апреля в районе Судково (участок 2-й кавалерийской гренадерской дивизии к югу от Сморгони) наши солдаты и немцы пытались, выйдя из окопов, сблизиться, но были разогнаны несколькими выстрелами нашей легкой батареи»...

«30 апреля в районе Шалудьки-Кунава (участок 2-й кавалерийской гренадерской дивизии) нашей батареей несколько раз разгонялись немецкие и наши солдаты, пытавшиеся выходить из окопов»...

Русских солдат к братанию толкала тогда не большевистская партия. Большевистская партия еще не выдвинула этого лозунга. Большевистская партия в тот момент еще не имела организационной связи с армией. Большевиков на фронте в тот момент можно было считать по пальцам. Братание было стихийным выражением жажды мира в армии в условиях начинающейся революции.

Об этом господ буржуа предупреждал в своем отчете о пребывании в армии некий член Государственной Думы, отец Филоненко, еще в марте месяце: «Один рыженький солдатенок все время повторял: «Желаем республику!» Мы объяснили, что мы не можем этого решить сейчас; это разрешит Учредительное Собрание, а он все время упрямо повторял: «Желаем республику!..»

Это «желаем республику», которое противопоставлял «рыжий солдатенок» почтенному депутату Государственной Думы, помноженное на миллионы солдат, бывших на фронте, требовавших республику, и определило тот неслыханный распад, который переживала самая большая в истории армия.

К этому присоединяется еще одно показание отца Филоненки: «Один солдат говорит: «Что земля? Если меня не будет, то мне и земли не надо»... Филоненко думал, что это только эпизод, не имевший большого значения и смысла; в действительности же это было великолепнейшей формулировкой того, во имя чего пошли на революцию солдатские массы Петрограда, во имя чего в дальнейшем на революцию пошли все десять миллионов солдат, которые царская Россия выставила на полуторатысячеверстном фронте.

Солдаты явно предпочитали небольшой клочок реальной земли наступлению на фронте. Нет лучшего свидетельства того, что собой представляла наша революция, чем этот поток братания, который пронизал все 1650 верст фронта.

В то время, как буржуа всячески доказывали, что Российская революция совершена во имя продолжения войны, что русский народ горит только одним желанием проливать и дальше свою кровь во имя победы Антанты, солдаты разоблачали их наиболее наглядным образом: они заключили фактическое перемирие с противником.

Братание заражало и войска австро-германской армии. Сила воздействия братающихся солдат оказалась настолько большой, что даже в тех случаях, когда братание организовалось германским командованием, в целях разложения русской армии, оно превращалось в могущественный фактор

распада и германско-австрийской армии. Мы имеем об этом ныне десятки свидетельств. Братание было направлено, в конечном счете, и против русского и против германского правительства; братание уничтожало армейскую дисциплину, противопоставляло солдата офицеру и в германской и в русской армии. Братание, ломая преграды окопов и проволочных заграждений, связывало непосредственно германских, австрийских и русских солдат. Братание, даже организованное по инициативе германского командования, превращалось в братание масс; формы его определялись инициативой масс, их пробуждающимся классовым инстинктом. И хотя братание не оказалось прямым путем к миру, но в ряде путей распада вооруженной силы господствующих классов и Германии, и Австрии, и России братание оказалось одним из путей наиболее важных. И именно поэтому так велика была ненависть к братанию и буржуазных, и мелко-буржуазных партий России. Именно поэтому у них для братания не было другого слова, как измена, предатéльство. Именно поэтому они пытались сорвать братание всеми доступными им способами. Именно поэтому правительство вместе с меньшевиками и с.-р. травило братающихся, командование их расстреливало. Именно поэтому, наконец, в реальной программе коалиционного правительства основной задачей было сорвать «установившееся на фронте фактическое перемирие», как заявил председатель Совета министров Львов представителям печати в самый день организации коалиционного правительства.

Сообщения командующих воинскими частями, информация членов Государственной Думы, поражение на Стоходе, братание, — все это было известно и Терещенко, и Алексееву, и Керенскому, и Церетели. Все это, казалось бы, исключало возможность успешного наступления на фронте.

Первого мая в Ставке состоялось совещание главнокомандующих. О состоянии армии одинаковые показания на этом совещании давали и Алексеев, и Брусилов, и командующие фронтами. Алексеев,—бывший начальник штаба верховного главнокомандующего при Николае II (назначенный верховным главнокомандующим армии Временного Правительства, вопреки протесту Родзянко, понимавшего его политическую непригодность к такой роли), превратившийся после революции из царского служаки, отличавшегося необычайной работоспособностью, исполнительностью и распорядительностью, в военного лидера всей контрреволюции, вслух мечтавшего на совещании в Ставке о том, чтобы чернь перестрелялась в Петрограде, — не мог скрыть все же перед совещанием командующих факта глубокого распада армии.

Брусилов, представлявший на совещании в Ставке то крыло армейских верхов, которые хотели приспособиться к революции путем комбинации расстрелов солдат с овладеванием солдатскими организациями и подчинением их своему влиянию, не мог все же скрыть того, что российская армия уже являлась «просто толпой солдат, с одной стороны, и офицеров — с другой».

Про солдат Брусилов рассказывал: «На правительство они не надеются, для них все в Совете Рабочих и Солдатских Депутатов... Если затронуть последние, это вызывает у них злобу и раздражение... Офицер и начальник вообще для них не больше, как буржуазия, так как стоят за Временное Правительство и против солдат»...

От Керенского, а значит и от Церетели, не могло быть скрыто то, о чем рассказывал на совещании в Ставке генерал Драгомиров: «Солдаты в Совет просто влюблены... У всех заметно стремление уйти с оружием в

руках, так что заметно невероятно нежное отношение к лошадям, на которых многие рассчитывают для возвращения домой при невозможности попасть на поезда»...

К июню месяцу распад армии углубляется. Дает себя чувствовать и некомплект, в виду того, что пополнение на фронт почти перестает поступать. Маршевые роты если и отправляются, то по дороге тают, очень часто больше, чем на половину своего состава. Да и отправлять маршевые роты становится задачей непосильной для командования и местных меньшевистских исполкомов, вместе взятых.

На-ряду с полным нежеланием солдат, находящихся в тыловых частях, отправляться на фронт, здесь играет роль и ускорившийся распад самой организации тыловых частей. Этот распад идет еще более ускоренным темпом, чем распад фронтовых частей. Там, где организующие элементы рабочего класса оказываются достаточно сильными, это разложение тыловых частей приобретает формы фактического превращения тыловых войсковых частей в собрание сочувствующих большевикам крестьян, временно находящихся в городе и носящих солдатские одежды. Там, где это воздействие оказывается недостаточным, разложение тыла приобретает характер погромов, повального пьянства, разгрома погребов, иногда еврейских погромов. Конечно, такой тыл не мог дать серьезного пополнения действующей армии.

К тому же сама железная дорога начала уже в этот период представлять собой специальный аппарат разложения армии. Железная дорога, по которой непрерывно курсировали солдатские массы, правда, преимущественно в одном направлении — с фронта домой, конечно, содействовала тому, что маршевые роты, даже отправленные из того или иного тылового города, таяли по дороге.

Дорогу в этот период можно было сравнить с рекой, текущей в определенном направлении — от фронта. Меньшевистско-эсеровские комитеты плюс Временное Правительство, плюс командование пытались протолкнуть против течения на фронт те или иные маршевые части и, конечно, это для них оказалось задачей совершенно непосильной. Другой причиной некомплекта является невозвращение на фронт уехавших в отпуск. Механизм отправки в отпуск продолжает действовать по-старому, но механизм возвращения солдат из отпуска на фронт отказывается действовать. Таким образом, начинается фактически стихийная демобилизация. По одной из армии Западного фронта, по свидетельству командующего этим фронтом — Деникина, к 11 июня некомплект составлял на 1 мая 16 000, на 16 июня — 46 000, на 1 июня — 63 000.

Комиссар VII армии Савинков сообщает: «Отказавшись исполнять боевые приказы, солдаты 12-й и 13-й Сибирской стрелковой дивизии, сорганизовавшись группой около 8 тысяч с винтовками и пулеметами, угрожают самовольно уйти на отдых в тыл»... Этот тип демобилизации становится типичным уже для следующего, последнего этапа разложения армии — после корниловщины. Но зарождение его в этот период являлось лучшим показателем того, насколько невыполнима была задача восстановить армию на старой основе методами Керенского и Брусилова.

Другим характерным для этого периода явлением является рост эксцессов. Случаи насилия над офицерами, побоев, срыва погон, арестов командного состава, даже истязаний и убийств лиц, принадлежащих к командному составу, учащаются. Растет чисто-физический панический страх офицеров перед солдатами и одновременно под воздействием солдатской массы начинает нападать некоторая часть низшего офицерства, которая вы-

ступает иногда совместно с солдатами против высшего командного состава. Памятником дикой слепой паники, животного ужаса перед солдатами может служить сообщение командира 61-го Сибирского полка: «Мне и офицерам остается только спасаться, так как приехал из Петрограда солдат 5-й роты — ленинец. В 16 часов будет митинг. Уже решено меня, Морозко и Егорова повесить... Я еду в Лошаны... Много лучших солдат и офицеров уже бежало»..

Этот один солдат-ленинец, вероятно, был похож на того самого «рыжего солдатенка», который желал республику в присутствии депутатов Государственной Думы еще в марте месяце. Соответственно новым условиям этот «рыжий солдатенок» очень недавно, в 1916 году, называвшийся солдатиком всеми нежными барынями Петрограда и Москвы, вырос к лету 1917 года в фигуру безмерной величины — солдат-ленинец! Бедный командир корпуса ищет помощи у других корпусов, зная заранее безнадежность попытки усмирить ленинца собственными силами.

От милого солдатика к рыжему солдатенку, от рыжего солдатенка к апокалипсическому зверю — солдату-ленинцу, от которого можно только бежать, от которого нет спасения — таков путь, пройденный царской армией в несколько месяцев в условиях революции. Удивительно ли, что в этой обстановке все большее количество низшего офицерства начинало предпочитать союз с солдатами — и даже с этим самым солдатом-ленинцем — ужасу войны.

В эти же дни учащаются случаи отказа войск от всяких передвижений, если они направлены к тому, чтобы продвинуть солдат ближе к фронту. В большинстве случаев тут еще нет основанной до конца политической программы. Это скорее саботаж войны со стороны замученных крестьян, страстно стремящихся домой к земле, на отдых. Наиболее типичным, пожалуй, для этой формы отказа является случай, рассказанный членом Государственной Думы Маньковым: «Один из полков 137-й дивизии отказался еще в середине апреля сменить другой полк, в виду малочисленности своих штыков. Чтобы уговорить солдат и успокоить их, было прислано в этот полк пополнение». Таким образом, была уничтожена, по мнению депутатов и командного состава, причина, мешавшая солдатам выступить на фронт. Несмотря на это, этот полк 6 мая отказался снова выступить на позицию, на этот раз мотивируя свой отказ недоверием к начальству дивизии. Наученное горьким опытом долготерпения, начальство решило сменить начальника дивизии. Начальник дивизии был отставлен. Таким образом, казалось бы, все причины к невыходу полка на позицию были уничтожены. Все же полк выйти на позицию и на этот раз отказался, применив для начала метод отсрочки: мы, де, выступим только 1 июня. Господин депутат Маньков не без основания полагал, что 1 июня найдутся новые мотивы для отказа от наступления.

Львов еще 21 мая в телеграмме к Алексееву точно описывал сложившееся в армии положение: «Войска стали грозными не врагам, а своему отечеству»... (под отечеством Львов понимал, конечно, буржуазию и помещиков).

Но все же, зная все это, Временное Правительство решило, как признал генерал Щербачев, «играть ва-банк». Российская буржуазия действительно сыграла ва-банк 18 июня, расплатившись по июньским векселям событиями 3 — 5 июля в Петрограде и событиями июля на фронте.

«Международная политика России направляется лозунгами русской революции».

(Из речи Чернова.)

Экономически истощенная до конца страна, — хозяйственный и финансовый кризис которой рос из месяца в месяц в условиях невиданного в истории непосредственного столкновения классов, при армии, с каждым часом неуклонно превращавшейся в толпу вооруженных крестьян и рабочих, — не могла воевать. Перед новым господствующим классом страны встал здесь тот же вопрос, который стоял перед ним и по отношению к помещичьему землевладению: или пойти на разрыв с империалистическими кругами Антанты, или остаться рабом финансового капитала Антанты и погибнуть самой.

Так же стоял вопрос в отношении к помещичьему землевладению: или разорвать решительно и до конца с помещиками — предать помещиков крестьянам, — или погибнуть самой. Исторически был предопределен ответ русской буржуазии на оба эти вопроса: она оказалась не в состоянии выйти из зависимости от англо-французского капитала так же, как она оказалась неспособной разорвать блок с помещиками, которые в финансовом капитале страны сливались с русским торгово-промышленным капиталом. И даже исключительно благоприятные условия, сложившиеся в первой половине 1917 года для российской буржуазии, тут не помогли ей ничем. Только что вступила в войну Америка. Она могла в значительной степени заменить через некоторое время русские войска на полях империалистической бойни. Антанте для ее победы необходима была помощь русских войск лишь на то время, которое должно было потребоваться для мобилизации в Америке. Это делало позицию российского буржуазного государства в отношении к империалистическим кликам Англии и Франции особенно сильной. В мире, где все продавалось и покупалось, перед русским буржуа открывались огромные возможности выторговать условия своего постепенного выхода из войны. Положение в Германии и Австрии этому благоприятствовало. В сознание господствующих классов этих стран все более проникало понимание невозможности добиться победы. Они искали выхода немедленно, дабы предупредить разгром в будущем году. Они искали через Россию пути к миру, основанному на «справедливом» разделе уже награбленного. Под напором явно нарастающего революционного настроения в массах своих стран, господствующие классы Германии и Австрии пробовали искать выхода из войны через буржуазную Россию. Буржуазия России с решимостью антантовского лакея, который может выполнять только дежурные приказания, отвергла все эти попытки. Меньшевики и с.-р. на словах занявшие позицию, соответствовавшую буржуазным интересам России, т.-е. позицию осуществления «согласительного» грабительского мира, оказались однако не в состоянии свою линию провести более или менее деятельно, более или менее выгодно. Русский буржуа, с помощью англо-французского капитала и его социалистических агентов, в один — два месяца сбил меньшевиков и с.-р. с их позиции, свел на нет их попытки осуществления «согласительного» мира, отсек их от шейдемановских собратий, без которых, конечно, русские меньшевики и с.-р. ничего добиться не могли, превратил их в такую же агентуру своей политики, которой были Вандервельде, Гендерсон, Тома в отношении своих государств. В вопросах иностранной политики, как и в вопросе аграрном, верхушка мелкой буржуазии также не сумела занять твердую, особую линию от линии крупного капитала страны, как в свою очередь национально-русский капитал не-

смог занять самостоятельную линию и в вопросах иностранной политики по отношению к капиталу англо-французскому. Историческая обреченность новых господствующих классов страны, историческая обреченность российской буржуазии этим вскрывается лучше всего.

Решение о наступлении на фронте было принято на конференции союзников в Шантильи 15 — 16 ноября 1916 года и на Петроградской конференции союзников в феврале 1917 года. Российское командование приняло на этих конференциях обязательство не позже, чем через три недели после начала наступления союзников решительно атаковать германскую армию. Об этом факторе наступления совершенно откровенно говорили на майском совещании в Ставке и генерал Алексеев, и помощник главнокомандующего Румынским фронтом Щербачев, и главнокомандующий Западным фронтом Гурко.

Союзники не только требовали наступления на фронте, — они шантажировали героев российской буржуазии угрозой мира за счет России. Англия к этому шантажу присоединяла фактически отказ от материального снабжения российской армии, а лакеи английского и французского капитала в ответ на шантаж англо-французских хозяев, требовавших крови российских солдат и рабочих, не могли ответить ничем, кроме рабского «слушаюсь».

Меньшевистско-эсеровское правительство — правительство майской коалиции — в этом отношении ничем не отличалось от первого правительства Милюкова-Гучкова. Правда, в своей декларации Временное Правительство обещало бороться за достижение всеобщего мира без аннексий и контрибуций. Эту декларацию всерьез приняли меньшевики и с.-р., которые в десятках тысяч речей, статей и воззваний убеждали рабочих и крестьян в том, что российская революция отказалась от всяких завоевательных целей. Но, кроме меньшевистско-эсеровских дурачков, никто не принял всерьез правительственной декларации. Само правительство в своих обращениях к союзникам немедленно разъяснило свою декларацию, как ни к чему не обязывающую бумажку для внутреннего употребления.

Наиболее типична формула обращения к французскому правительству. Здесь правительство обещает спешно приступить «к восстановлению боеспособности русских армий, чтобы они могли пойти полные великого революционного духа к исполнению задачи, лежащей на них, совместно с их доблестными собратиями по оружию». 7 мая японский посол в Москве шифром сообщил своему правительству дополнительные разъяснения действительного содержания декларации правительства и нот Терещенко. Терещенко в разговоре с ним прямо сказал, что «он принял должность министра иностранных дел, чтобы оказать поддержку военному и морскому министру Керенскому и чтобы сделать действия против неприятеля более энергичными»...

Английское правительство в ответ сердечно объединилось со своими русскими союзниками по части одобрения «принципов войны», но, вместе с тем, подробно перечислило все захваты, уже произведенные Англией, столь же подробно указав, что ни один из них не является захватом. В конце своей ноты Бьюкенен сообщает, что английское правительство готово «исследовать и, если нужно, пересмотреть» заключенные соглашения, хотя они в общем и целом вполне соответствуют вышеуказанным благородным целям войны. О том, в каком направлении не прочь было английское правительство пойти на пересмотр, дает нам серьезные указания тот факт, что в общем перечне предстоящих благородных завоеваний Англии и России не упоминается о Константинополе.

Французское правительство сообщило, что оно счастливо солидаризироваться с русским правительством в принципах, вдохновляющих русский народ, но вместе с тем также не забыло перечислить все свои планы вплоть до желания получить контрибуцию и захватить Эльзас и Лотарингию, тут же, конечно, пояснивши, что все это ни в коей мере не нарушает принципов справедливого мира. И Вудро Вильсон объяснил Терещенко, Керенскому и Церетели, что великодушию придет еще время по окончании войны, а пока «мы не должны упустить ни одной меры обеспечения справедливости и безопасности».

И Англия, и Франция, и Америка не отказывались принять такой высокий штиль российской демократической болтовни. Больше того, — они не прочь были умолчать о Константинополе и Армении, не прочь даже были отказаться от той части добычи, которая предназначалась России, но вместе с тем они твердо заявляли, что все их захваты на все сто процентов покрываются любой формулой российских демократов.

Ответными нотами союзников Временному Правительству была открыта возможность быстрого пересмотра договоров в части империалистических замыслов царской России. От этого пересмотра не отказывалось ни одно из союзнических правительств. И тут-то с необычайной ясностью вскрывается весь действительный классовый характер российского правительства. 24 мая Терещенко сообщает поверенному в делах в Лондоне о том, что Временное Правительство не хочет в настоящий момент обсуждать с союзниками вопрос о целях войны. Еще чернила не обсохли на декларации 6 мая, еще звучали по всей стране трезвоны Иванушек из меньшевистско-эсеровского большинства Совета об особой миссии революционной демократии России, уже якобы заставившей свое правительство отказаться от империалистических замыслов, когда Терещенко 24 мая в секретной телеграмме поверенному в делах в Лондоне заявил: «В виду принципиального согласия английского правительства на обсуждение вопроса о целях войны, мы считаем, что в настоящую минуту нашим интересам не отвечало бы вызвать немедленный обмен взглядов с союзниками по этому вопросу...»

Так писалось в секретных телеграммах, а для российской мелкобуржуазной демократии 31 мая, когда господин Альберт Тома уезжал во Францию, Терещенко сообщил ему ноту, в которой русское правительство предложило для пересмотра старых соглашений созвать «конференцию представителей союзных держав, которая могла бы состояться в ближайшее время, когда создадутся для этого благоприятные условия».

В то время, как «Рабочая Газета» скакала от дурацкой радости по случаю новой меньшевистской победы, Терещенко не преминул 21 июня разъяснить послам: «Для вашего строго доверительного сведения добавляю, что по соображениям, как военного свойства, так и внутренним, мы не считали бы желательным созыв этой конференции ранее половины августа»...

Капитал Англии и Франции явно не возражал против «отказа» России от империалистических завоеваний. Это значило, что право на проливы, Армению, Галицию надо было снова завоевывать новыми порциями русской крови. Вот где коренится основная причина величайшего напряжения, величайшей настойчивости, которые проявляет буржуазия России в деле организации июньского наступления. Руководящие государственные деятели Антанты достаточно ясно давали понять российскому правительству, что при пассивности российской армии российской буржуазии придется отказаться от осуществления своих империалистических замыслов. Перед этой

альтернативой: или воевать, каково бы ни было состояние армии, или остаться без Константинополя и стала российская буржуазия еще в мае-июне 1917 года. Поэтому надо было воевать, надо было наступление во что бы то ни стало, каково бы ни было состояние армии, о чем бы ни свидетельствовало поражение на Стоходе, о чем бы ни говорили командиры воинских частей, как бы далеко ни зашло разложение армии.

На карте стояло все, во имя чего буржуазия России освятила, благословила, подняла на щит царскую войну.

Если российскую буржуазию толкала к немедленной организации наступления боязнь потерять возможность захватов в Турции, Германии и Австрии, то Антанту к тому же толкала боязнь за самые судьбы войны. Как сообщал 27 мая Севастопуло — русский поверенный в делах в Париже, — во французском обществе и печати отмечается сильное раздражение против России. В основе этого раздражения, по его мнению, лежат, с одной стороны, «опасения за боевые качества русской армии», с другой стороны — «опасения парламента и правительства, что русская пацифистская пропаганда повлияет на массы французского населения и на французские войска»... Севастопуло, более того, признает прямо, что «широкое русское демократическое движение вызывает во французской буржуазии сильную боязнь, в виду его влияния на массы французского рабочего класса»... Среди причин недовольства Севастопуло на первое место ставит опасения влияния русской революции на войска и рабочих. Того же 27 мая Севастопуло сообщал: «Под влиянием событий в России за последнее время наблюдаются отдельные случаи брожений и мятежей в некоторых французских воинских частях». Отсюда особое внимание руководящих кругов капиталистов Франции и Англии к организации русского наступления на фронте. Это наступление сорвало бы фактическое перемирие, покончило бы с особой ролью революционной России.

—

«Переход в наступление облегчит» революционному меньшинству в других странах «задачу борьбы с империализмом их стран».

(Из речи Церетели.)

Нужно было решить основную политическую задачу — сорвать влияние русской революции на народные массы Англии и Франции, сорвать фактическое перемирие, которое грозило превратиться во всеобщее перемирие. Для этого прежде всего нужно было, конечно, наступление. И Антанта властно диктует это наступление, стремится сорвать маклерскую деятельность социалистических агентов германской и австрийской буржуазии по части сколачивания Стокгольмского согласительного мира о дружественном разделе награбленного и об отказе от дальнейших грабежей. Для того, чтобы добиться наступления, все средства хороши. Особо хороши оказались для этого европейские социалисты, представители так называемого большинства социалистических партий стран Антанты.

Надо отдать должное фактической гибкости и чувству действительности, которые обнаружились при этом у руководящих государственных деятелей буржуазии Антанты. Социалистов, в качестве средства добиться наступления русской армии, они выпускают с первых же дней февральской революции с величайшей ловкостью (а их социалисты идут на это с не меньшей ловкостью).

Идея использовать европейских социалистов для давления на русских

рабочих и солдат уже 10 марта 1917 года была реализована начальником военно-французской миссии в России. В этом предприятии непосредственное участие принял начальник штаба верховного главнокомандующего генерал Алексеев, который за неделю до этого в официальном приказе именовал лиц, разоружающих жандармов, «разнузданными шайками». 10 марта он посылает председателю совета министров князю Львову следующее письмо:

«В собственные руки.

Милостивый государь, князь Георгий Евгеньевич!

Начальник французской военной миссии в России генерал Жанен обратился к министру военных дел Франции с предложением, чтобы последний вошел в сношения с французскими социалистическими организациями по вопросу об обращении последних к соответствующим русским организациям с призывом продолжать войну до победного конца.

Ныне генералом Жаненом получен от французского военного министра ответ, что французские социалистические организации обратились к соответствующим русским организациям с призывом продолжать войну до крайности.

Об изложенном довожу до вашего сведения и, пользуясь случаем, прошу принять уверения в совершенном уважении и полной преданности.

Мих. Алексеев».

Не требует никаких разъяснений этот документ, раскрывающий основной источник грядущего далее нашествия на Россию социалистических делегаций и деклараций. В деле посылки социалистических делегаций одна держава Антанты конкурирует с другой. Каждая направляет своих социалистов во имя общей цели, изложенной генералами Жаненом и Алексеевым. Франция направляет Муте, Лафона и Кашена.

О предстоящей отправке этих социалистов в Россию французским правительством Извольский подтвердил Милюкову уже 11 марта, разъяснив, что «все три упомянутые лица представляют все надлежащие гарантии». Не ограничившись посылкой этих трех агентов под видом социалистов, французское правительство решает направить дополнительно и направляет в Россию Альберта Тома, согласно сообщению Палеолога, для воздействия «на здешнее общественное мнение в смысле необходимости войну довести до конца». Милюков, столь последовательный противник социалистов, сторонник немедленного воцарения Михаила, наиболее принципиальный из всех сторонников решительной расправы с Советами, наиболее твердый противник каких бы то ни было уступок Советам, 20 марта особо благодарит министра иностранных дел Франции за выбор в качестве делегата Франции именно социалиста Тома: «Благоволите передать Риво горячую признательность Временного Правительства за этот знак внимания и за выбор господина Тома, миссия которого встречает с нашей стороны живейшее сочувствие...» Тома, как правоверный «социалист», информирует о каждом своем шаге свое правительство. Французское правительство информирует соответствующим образом русское правительство, русское правительство вместе с французским разрабатывает соответствующие директивы Тома; Тома, в качестве представителя социалистической партии Франции, эти директивы русского правительства излагает в качестве последнего слова социалистической мысли меньшевистским дурачкам из Исполнительного Комитета Петроградского Совета.

Не отстало от французского правительства и английское правительство. Оно посылает сначала прибывшую вместе с французскими социалистами группу представителей английских рабочих во главе с представителем ан-

глийской федерации профсоюзов О'Грэди. Затем, не удовлетворяясь этим, в соответствии с посылкой французским представителем господина Альберта Тома, оно посылает своего министра социалиста господина Артура Гендерсона, представителя парламентской группы английской рабочей партии и секретаря международного социалистического бюро. Еще до приезда Гендерсона, только узнав через английского посла о намерении английского правительства направить в Россию Гендерсона, Терещенко, как в свое время Милюков в отношении Альберта Тома, 13 мая выражает лондонскому кабинету «искреннюю признательность Временного Правительства за этот знак внимания и за выбор господина Гендерсона»... Конечно, английский министр труда Гендерсон, как представитель социалистического интернационала, в заседании Временного Правительства заявил, что «англичане и союзники с нетерпением ждут, чтобы русский народ укрепил свою свободу и принял участие в общем наступлении союзных армий»... В своей речи в Исполнительном Комитете Совета он же заявил, «что британский пролетариат с самого начала поддерживал эту войну не как войну завоевательную»... А 3 июля, в виду отъезда Гендерсона, Терещенко поспешил выразить великобританскому правительству свою искреннюю признательность за посылку Гендерсона, содействовавшего укреплению уз, связывающих Россию Временного Правительства с Англией Керзона, Ллойд-Джорджа и Гендерсона.

За большими капиталистическими разбойниками следуют мелкие. За большими социалистическими жуликами следуют помельче. От Бельгии в деле организации июньского наступления принял участие Вандервельде. Вандервельде специализировался, главным образом, на непосредственном воздействии на армию.

В начале июня, окончив свой объезд, Вандервельде оставил верховному главнокомандующему письмо, в котором описал, как его торжественно встречали повсюду, как любезны были все генералы, какой дружеский, горячий прием оказывали ему солдаты, выносившие «решения не складывать оружия, пока Бельгия не добьется вновь свободы в освобожденной Европе», каким доверием солдат пользуются генералы, как один из генералов распорядился напечатать в приказах и прочесть во всех частях речи Вандервельде, как генерал Корнилов с успехом формирует многочисленные добровольческие батальоны, которые желают итти вперед при наступлении, как солдаты Румынского фронта приветствовали генерала Щербачева и французского генерала Бертело, как облыжно русские солдаты обвиняют правительство румынских бояр в том, что оно повесило румынских социалистов, как повсюду дух войск бесконечно лучше того, что можно было ожидать, как в противовес разлагающейся пропаганде левых идет пропаганда наступления целого ряда доблестных людей, как особо «бельгийская пропаганда или вернее пропаганда, упоминающая о Бельгии, может оказаться плодотворной»...

Все эти банды иностранных социалистов, банды купленных людей, с восторгом принимались русскими меньшевиками и эсерами в качестве представителей социалистического интернационала, чествовались меньшевистско-эсеровским большинством Совета, хотя цели этих прожженных мошенников были совершенно ясны.

«Поход» иностранных социалистов так же, как усилия российских меньшевиков и с.-р., имели своей целью прикрыть тот факт, что для российской буржуазии дело шло о самой власти. Еще три месяца назад не имевшие ни одной массовой организации, рабочие, крестьянские и солдатские массы, сложили костяк организации неслыханной мощности. К этой

организации — начиная от профессиональных союзов и кончая солдатскими комитетами и земельными комитетами — с поразительной быстротой, энергией и силой пробивает себе дорогу меньшевистская партия. Демонстрация 21 апреля уже показала российской буржуазии, насколько глубоко охватывает большевистское влияние широкие народные массы, насколько серьезна опасность захвата большевистской партией в свои руки руководства складывающимся в лице Советов новым типом государства. Аграрное движение, нараставшее непрерывно, частью ломавшее рамки эсеровских комитетов, частью подчинявшее эти комитеты себе, в корне уничтожало традиционного союзника российской буржуазии — помещика. Распад армии уничтожал те отряды вооруженных людей, без которых немыслимо существование никакого государства. Перед буржуазией ребром ставился вопрос: быть или не быть ее власти. В таких условиях идея наступления на фронте была лишь выражением идеи укрепления буржуазной власти. Тут в одном узле сплелись и империалистические интересы русской буржуазии, и интересы ее прямого самосохранения, и интересы антантовской стратегии, и интересы предотвращения развития революционного движения на Западе. Этот узел должно было разрубить наступление 18 июня.

«18 июня и послужит исходным пунктом... конечной победы русской революции».

(Из речи Церетели.)

Подготовка к июньскому наступлению велась правительством Керенского целым рядом методов: первый — расформирование частей и усмирение бунтующих, второй — уговоры, третий — формирование ударных частей, четвертый — формирование национальных частей. Каждый из этих методов носил в себе самом элементы собственной негодности. Чтобы расформировать и усмирить какой бы то ни было полк, приходилось прибегать к услугам других полков; приэтом не было никакой уверенности, что этот другой полк окажется более лояльным по отношению к Временному Правительству, чем полк бунтовщиков. Да и какие основания были предполагать, что этот полк окажется более лояльным, если он состоял из той же солдатской массы, также хотевшей земли и мира. Между меньшевиками и командным составом на этой почве происходит некоторое разделение труда. В то время, как командный состав концентрирует свое внимание на усмирении, требуя восстановления деятельности судов, немедленного предания виновных расправе, без всяких смягчений и изъятий, возвращения начальникам дисциплинарной власти, — комитеты преимущественно уговаривают по методу Керенского.

Первый метод вел в большинстве случаев к тому, что разложение распространялось на новые районы, охватывало большее количество людей, на почве усмирения тысячи—бунтовали десятки тысяч, и в результате все приходили в состояние внешнего спокойствия, готового в любой момент превратиться или в бегство с фронта, или в жесточайший самосуд над офицерами.

Метод второй — уговаривание — также ничего дать не мог, кроме спокойствия внешнего, кажущегося. Этого «спокойствия» и добивался Керенский своими речами. Керенский объехал почти все армии. Его встречали повсюду так же горячо, с такими же «ура», с какими несколько месяцев тому назад встречали почтеннейших депутатов Государственной Думы. Несомненно,

Керенскому удавалось растрогать солдат. Часто бывало так, что солдаты тысячами рыдали под воздействием его экзальтированной, страстной, правильней сказать, истерической речи. Солдаты клялись итти за своим вождем в наступление против врага, пока это наступление носило характер обыкновенной резолюции, записанной на соответствующей бумажке. Но когда понадобилось от бумажки, от поднятой руки перейти к наступлению, то солдаты начали прежде всего с того, что те же руки подымали против наступления, с той только разницей, что на этот раз то, что обещали поднятые руки, действительно и выполнялось. Достаточно просмотреть сводки командования последней недели перед началом наступления 18 июня, чтобы убедиться в том, что внешнее спокойствие было тем максимумом, которого добивались и командный состав, и Временное Правительство, и комитеты.

В сводках этого периода указывается, что солдаты в том или ином месте дали свое согласие на наступление, что это согласие можно рассматривать, как некоторое «оздоровление» армии. В то же время они не могут скрыть того, что на фронт выступают только разрозненные части полков, дивизий, корпусов. Иллюзорность, несерьезность такого рода успокоения, которым считалось дружное голосование резолюции за наступление, обнаружилось вскоре целиком, тем более, что и эти подсчеты были преимущественно подсчетами голосов меньшевистско-эсеровских армейских верхушек.

Таким образом, например, в сводке Западного фронта от 11 июня обнаруживается, что в III и X армиях комитеты удовлетворительные, идущие в ногу с командным составом, что относительно хорошо настроена артиллерия, что настроение пехоты весьма пестрое. Если же измерять это настроение не резолюцией, а успехом проделанных работ, то обнаружится, что из намеченных с начала наступления 179 наблюдательных пунктов создано лишь 85, из необходимых 231 тяжелого блиндажа создалось лишь 83, из необходимых 173 тысяч шагов плацдарма создано только 48 тысяч шагов и т. д. и т. п. Размеры проделанных работ лучше определяют действительное настроение и состояние в армии, чем какие бы то ни было резолюции.

Не смогло помочь и формирование ударных национальных частей. Каждый из этих методов также обратился против самого же командного состава и Временного Правительства.

Ударные части вызывали озлобление и еще большее разложение солдат остальных частей. Темп формирования устойчивых национальных частей отставал от разложения армии по национальному составу.

Буржуазия пыталась созданием ударных батальонов наверстать потерянное в начале резолюции,— создать нечто в роде буржуазной милиции. Солдаты на фронте и в тылу, рабочие повсеместно немедленно разгадали истинное социальное значение организующихся добровольческих частей. Солдаты к тому же озлоблялись материальными преимуществами, которые получали участники добровольческих частей. За каждой из организующихся частей следили десятки тысяч солдатских глаз, негодовавших против преимуществ, оказывавшихся людям, которые часто до самого 1917 года жили в тылу, всеми путями отклоняясь от отправки на фронт.

К тому же присоединялось еще то обстоятельство, что, в погоне за материальными преимуществами и за возможностью снова в тылу пройти период довольно длительного формирования, в батальоны пошли часто недоброкачественные элементы, наиболее разложившиеся, хотевшие использо-

вать свое положение в ударных частях для целей грабежа и наживы. Все это в целом в значительной мере исключало возможность серьезного использования ударных батальонов, как буржуазной гвардии, как в целях организации наступления на фронте, так и в качестве организации для подавления рабочего и солдатского движения в тылу.

Показателем трудностей организации ударных частей при ненависти к этой идее со стороны солдатских масс может быть следующая телеграмма от начальника штаба командующего Черноморским флотом от 31 мая 1917 г.:

«Вследствие небольшого числа желающих и сильной контр-пропаганды, сформировать ударные батальоны не представляется возможным. Подъем прошел, агитация лучших частей офицеров и солдат и Центрального Комитета осталась безрезультатной, и надежды на успех в общем нет»...

Таково положение было в том самом Черноморском флоте уже к концу мая, от имени которого Баткин 14 мая торжественно предлагал Брусилову начать организацию добровольческих частей. К 18 июня буржуазии не удалось создать никакой серьезной организации из добровольческих частей. Борьба против идеи организации буржуазной добровольной гвардии превратилась в один из могущественных лозунгов большевистской партии, сплотившей солдатские массы вокруг рабочего класса.

Под тем же лозунгом 18 июня буржуазия попыталась организовать инвалидов войны. Буржуазия попыталась патриотические чувства у людей, пострадавших на фронте, организовать для своих целей. В отношении к инвалидам это делается с гораздо большей откровенностью, чем даже в отношении ударных батальонов, при формировании которых приходилось всячески считаться с общественным мнением солдатских масс. Поэтому, положение о Центральном Комитете по формированию отрядов увечных воинов предусматривает их обязанность активно содействовать Временному Правительству, ограждать армию от «предательского удара в спину со стороны шпионов и предателей», бороться с анархией и т. п.

На буржуазном языке того времени под шпионами и предателями прежде всего понимались большевики и им сочувствующие, а под анархией—все советское движение в целом. То же положение предусматривает формирование особых частей, рот, батальонов и полков «для охраны заводов, работающих на государственную оборону для борьбы с анархией»...

Такие специальные организации для борьбы с рабочими должны получать, согласно положению, специальное дополнительное вознаграждение от владельцев заводов и предприятий. Целям соответствует и тип организации, которая предусматривает создание Центрального Комитета, окружных, областных и местных комитетов. Эти организации инвалидов не смогли, конечно, оказать никакого серьезного влияния на события на фронте, но позже в целом ряде городов, при попытках буржуазии бороться с Советами, они сыграли известную роль. В связи с этим приходится упомянуть еще о женских батальонах, идея создания которых была наиболее горячо поддержана Александром Федоровичем Керенским. Эти батальоны составились в значительной степени из истерически-настроенных женщин, в большинстве буржуазно-интеллигентского происхождения. Крестьяне-солдаты вообще не допускали их нигде на фронт.

Мы здесь упоминаем о них только потому, что позже, в октябре месяце, в числе тех нескольких сот человек, которых нашло Временное Правительство для своей защиты в Петрограде, был и отряд керенских ударниц. Ни одна из этих частей не приняла участия в наступлении 18 июня.

Таковы были ресурсы правительства Керенского, противопоставленные развалу армии. Здесь не могли помочь и меньшевистско-эсеровские интелли-

гентские верхи в солдатских комитетах. Комитеты, вчера еще всевластные, вчера еще пользующиеся полным доверием солдат, с необычайной быстротой начинают терять накопленный ранее капитал солдатского доверия, как только они открыто солидаризируются с командованием в деле организации наступления. Сама подготовка июньского наступления означала не только глубокую, но и непроходимую, в конечном счете, трещину между солдатскими массами и комитетской верхушкой. Мы знаем это из истории борьбы нашей партии за влияние в армии. Мы имеем великолепное свидетельство этому со стороны самого генерала Клембовского, командовавшего одно время Северным фронтом. На июньском совещании в Ставке он великолепно охарактеризовал диалектику комитетского развития: «Чем лучше комитет, тем скорее падает его авторитет в глазах солдат»... Слово «лучше» означало в устах Клембовского состав комитета, наиболее близкий к высшему составу, наиболее к нему лояльный, наиболее оппортунистически настроенный, имевший в своем составе наибольшее количество меньшевиков и правых с.-р., включавший в себя наибольшее количество лиц интеллигентных профессий.

В период непосредственно перед наступлением качества комитета, худое или хорошее, в глазах командования определялись прежде всего тем,—уговаривал ли данный комитет солдат вести наступление. По словам Клембовского, авторитет комитетов у солдатских масс обратно пропорционален степени защиты ими идеи наступления на фронте.

Также и генерал Рузский на том же июньском совещании в Ставке совершенно правильно охарактеризовал политические результаты комитетского участия в деле организации июньского наступления: солдаты слушают комитеты «только тогда, когда хотят», а когда не хотят, тогда не слушают. Об этом же еще 6 июня сообщал в Морской штаб верховного главнокомандующего командующий Черноморским флотом Колчак. В Черноморском флоте комитеты были наиболее патриотичны. От делегаций Черноморского флота исходит инициатива организации добровольческой буржуазной гвардии. В то же самое время, когда представитель черноморских комитетов Баткин от имени матросов призывал к мобилизации всех сил вокруг Керенского, Колчак сообщал в штаб: «Анархическое движение развивается, происходят митинги, проводящие свои постановления в исполнение без санкции Центрального Комитета. Арестован помощник командира и два офицера экипажа и командир полуэкипажа. На некоторых судах отбирают оружие от офицеров».

«С сияющим лицом идут вперед на фронт».

(Из речи Скобелева.)

18 июня началось наступление на фронте. Будучи актом игры буржуазии ва-банк, оно и стратегически не было подготовлено, превратившись не только в авантюру политическую, но и в стратегическую авантюру российских, английских и французских капиталистов.

В 1917 году союзное командование предполагало нанести решительный удар Германии.

Все предпосылки для этого были налицо. К 1917 году Антанта достигла огромного перевеса в силах, и в отношении численности и в отношении вооружения. Германия была уже вынуждена перейти к оборонительным операциям.

На конференции в Шантильи 15 и 16 ноября 1916 года был разработан

план союзников, который в основном сводился к задаче перейти в 1917 году в наступление на всех фронтах, не допуская до начала этого наступления возможности германской армии подготовиться к наступательным действиям, путем ее дезорганизации отдельными ударами и местными наступлениями.

Соответственно и русская армия должна была еще с начала весны нанести противнику ряд коротких ударов.

После длительной русской генеральской склоки непосредственно перед революцией был утвержден окончательный план кампании на русском фронте. Главный удар должен быть нанесен Юго-Западным фронтом Брусилова в направлении на Львов.

Румынский фронт должен был занять Добруджу; Северный и Западный фронты должны были взять на себя задачу отвлечения сил германской армии путем частичных ударов. Таков был русский или точнее — союзнический план кампании. За исключением отдельных частностей (отмена тактики частичных ударов), план наступления не изменился и после революции, хотя теперь наступление имело уже значение не столько акта войны с Германией, сколько акта расправы с рабочими и крестьянами России. Послереволюционные директивы Алексееву ничем не отличаются по существу от того, что было намечено в конце 1916 и в начале 1917 г.г.: главный удар должен нанести Юго-Западный фронт, примерно, в тех же направлениях; вспомогательные удары — Западный и Северный фронты: первый в направлении на Вильну, второй на Митаву; Черноморский флот должен содействовать операциям Румынского фронта в направлении на Добруджу.

Командующие Западным и Северным фронтами не возражали против задачи, им поставленной, оспаривая только частности.

При той чехарде командующих, которая происходила в подавляющем большинстве случаев без особого стратегического и политического смысла, ибо одни генералы заменялись другими, большей частью по случайным поводам, от недели к неделе сменялись и отдельные подробности плана, но основа оставалась неизменной. Смена Алексеева на посту верховного главнокомандующего Брусиловым не вносит также никаких изменений.

Наступление на Юго-Западном фронте предполагалось начать 10-го, затем 12-го и, наконец, 18-го июня. Главнокомандующий Юго-Западным фронтом Гутор, сменивший на этом посту Брусилова, для выполнения своей задачи имеет в своем распоряжении четыре армии, расположенные с Севера на Юг в следующем порядке: Особая, XI, VII и VIII. Основная идея операции сводится к тому, чтобы прорвать фронт противника частями XI и VII армий на участке Поморжаны-Пржежаны и в направлении на Глиняны-Львов.

Особая армия должна была прикрывать операции, не допуская переброски немецких сил. VIII армия предназначалась для прикрытия операций со стороны Карпат. С этой целью Гутор предложил командующему VIII армией Корнилову занять долину реки Ломницы и продвинуться далее.

Главный удар должен был быть произведен частями XI и VII армий в четырех местах. Операция началась 18 июня. XI и VII армии в первый же день достигли небольшого тактического успеха, заняв несколько деревень. Наступление VII армии натолкнулось немедленно на значительное сопротивление противника и фактически прекратилось уже 20 июня. Попытка наступления XI армии закончилась 24 июня, когда уже выяснилась необходимость значительной перегруппировки сил этой армии для достижения какого бы то ни было успеха.

Таким образом, план командования был сорван в первые же дни.

23 июня вступает в борьбу VIII армия, которая должна была провести вспомогательные операции. Этой армии удается в первые дни достигнуть ряда успехов, безмерно раздутых российской керенщиной в своих политических интересах. Начал 16-й корпус, которому удалось сбить противника с его позиций. 25 июня вступил в дело 12-й корпус, прорвав главную позицию противника. Этому корпусу удалось в первый же день своего наступления захватить до семи тысяч пленных и 48 орудий. К 30 июня VIII армии удается продвинуться на линию реки Ломницы, заняв Калуж. Эта операция была блестяще проведенной авантюрой.

Стремясь к политическому эффекту, Корнилов не считается с опасностями, которые грозят правому флангу VIII армии при занятии Калужа.

По этому поводу орган московских буржуа «Утро России» 20 июня писал: Керенский «проник в народную душу русского солдата и уверовал в нее... армия поняла своего министра и поверила ему»...

Центральный орган кадетской партии, приветствуя Керенского, серьезно оценивает наступление 18 июня, как преддверие к полной победе над большевистскими «тесретиками подсолнуха».

Автор «Истории империалистической войны» Зайончковский не смог все же затушевать того факта, что это вне всякого плана предпринимаемое наступление одной из армий при срыве наступления XI и VII армий, при полной неподвижности остального фронта, и стратегически было только удачной авантюрой.

Политическая авантюра буржуазии России, Англии и Франции превратилась в небольшую авантюрку генерала, которого еще в первые дни революции русская буржуазия выдвинула в кандидаты на пост российского Бонапарта.

С 30 июня до 6 июля VIII армия перегруппировалась с целью дальнейшего развития наступления, потеряв вместе с прочими армиями за эту операцию до 14% своего состава — 1 222 офицера и 37 500 солдат.

Германскому командованию было не трудно, конечно, перебросить за это время необходимые для контр-наступления силы. Это было тем более легко, что на Западном фронте ясно обнаружился провал начавшегося в марте наступления союзников.

6 июля германская армия начала свое контр-наступление.

С 6 по 22 июля длилось наступление германской и бегство русской армий. С 6 по 22 июля держал решающий политический экзамен режим Керенского. Этот режим сконцентрировал все свои силы на июньском наступлении. Он отдал июньскому наступлению все силы своей организации, все напряжение своего убеждения. С победой он связывал не только свое внутреннее и международное укрепление. С победой он связывал перспективу расправы с рабочими и крестьянами страны. Под победу он надеялся получить от мелкой буржуазии, крестьянства и части рабочих мандат на уничтожение большевистской партии. Июньское наступление не было просто эпизодом империалистической войны. Оно было решающим сражением режима Керенского...

В начальный момент германской контр-операции в этой операции русская армия имела решающий перевес: 240 батальонов, 40 эскадронов, 100 тяжелых и 475 легких гаубичных орудий левого фланга; XI русской армии противостояло, по данным Зайончковского, всего 83 батальона, 60 тяжелых и 400 легких и гаубичных орудий противника.

В этом пункте огромного численного и материального перевеса армии Керенского германское командование нанесло первый контр-удар. Подвергшиеся удару части левого фланга XI армии подались назад, не приняли

боя. Образовался прорыв. Дальнейший ход операции едва ли может быть описан в терминах стратегии. Немцы били в стыки корпусов и армий. Солдатская масса начала свое отступление, — правильнее, бегство. Какой бы то ни было контр-маневр со стороны российского командования фактически был невозможен, поскольку командование не являлось хозяином воинских частей, поскольку отступление русских армий носило характер не поражения русской армии германским противником, а поражения режима Керенского народными массами страны. Вслед за отступлением левого фланга XI армии обнажились фланги соседних частей. В силу одного этого отступает соседний корпус. Командование бессильно произвести контр-атаку как частями армий Юго-Западного фронта, так и армиями других фронтов. Ни один из фронтов не исполняет приказа Брусилова о развитии демонстративных активных операций. 8 июля втягивается в отступление расположенный к Югу от XI и VII армий отдельный корпус, и части при этом теряют связь друг с другом. В этот момент назначают спасать положение на фронте командующего VIII армией Корнилова — того самого Корнилова, авантюристическое наступление которого послужило одной из серьезных причин, увеличивших размеры катастрофы.

Что делу не поможешь никакими стратегическими авантюрами, показал следующий день. Нанесенный 9 июля германцами удар VII армии обратил в бегство не только VII армию, но и Корниловскую — VIII. Политические спекулянты из лагеря Церетели, Керенского, Корнилова пытаются и бегство армии использовать в своих политических интересах: военным приказом запрещаются митинги. Бегущих корниловские банды расстреливают. Не помогает ни то, ни другое. Не помогают вывешенные трупы расстрелянных дезертиров вдоль дорог, по которым бежали возбужденные крестьянские массы в ужасе перед наступающим врагом и в неудержимом стремлении домой. Русское командование намечает один рубеж за другим. Пытается задержаться на ряде рек, являющихся естественным рубежом наступления. Но в последующие дни картина не меняется. Германские войска наносят ряд ударов и XI, и VII, и VIII армиям. Каждый такой удар заставляет откатываться назад не только части, подвергшиеся нападению, но и соседние части. 11 июля русская армия сдала Тарнополь. Вслед за VIII армией наступила очередь последней из оставшихся еще на месте армий Юго-Западного фронта — I армии. С отступлением I армии становится неустойчивым положение Румынского фронта, правый фланг которого обнажается.

16 июля германская армия подошла к реке Сбручу, преодолев три естественных речных рубежа, на которых думали еще задержаться герои керенского командования. Особенно энергично бежала VIII армия вплоть до 22 июля, — в ночь с 20 на 21 июля она оставила Черновицы с огромными запасами воинского снаряжения. Только 23 июля заканчивается германское наступление в силу, главным образом, внутренних политических соображений германских командующих классов.

В срок, меньший чем две недели, войсками Керенского была оставлена огромная территория и ряд крупнейших пунктов с военным имуществом исключительной ценности...

Главная карта режима Керенского тем самым была бита. Этот режим играл ва-банк. Организацией наступления на германскую армию он думал победить рабочих и крестьян своей страны. Потерпев поражение от германской армии, он потерял не Тарнополь и Черновицы, он потерял свою армию, он потерял те отряды вооруженных людей, без которых немыслимо существование буржуазной власти, опирающейся на прямое насилие над

народными массами. В следующие недели и месяцы распад армии войдет в новую фазу. Стихийная жажда мира превратится в сознательную ненависть к правительству июньского наступления. Величайшая жажда земли превратится в организованную войну с правительством июньского поражения. Недоверие, недоброжелательство и ненависть к офицерам превратится в войну с офицерами, организаторами июньской бойни. Недоверие к меньшевистско-эсеровскому составу армейских верхушек превратится в перевыборы, отзывы эсеровских соглашателей и певцов июньского наступления.

И поэтому на следующем этапе революции, когда рабочий класс поставит вопрос о свержении правительства лидеров июньского Съезда Советов, российская буржуазия не сможет найти в многомиллионной армии даже десятков тысяч для организации отпора наступающей большевистской революции.

Я. Яковлев.

ОТ РЕДАКЦИИ

Вопрос о созыве Всероссийского Съезда Советов Рабочих и Солдатских Депутатов был поставлен еще на Всероссийском Совещании Советов, которое в резолюции, принятой 2 апреля, постановило созвать Съезд к 25 апреля; в том же заседании были установлены нормы представительства на Съезд, совпадающие с приводимыми ниже нормами, принятыми Исполнительным Комитетом Петроградского Совета.

Но в апреле Съезд собрать не удалось; лишь 18 (5) мая Исполнительный Комитет Петроградского Совета принял и одобрил доклад иногороднего отдела по созыву Съезда. На основании этого постановления в «Известиях», № 61, от 9 мая, было вскоре помещено объявление о созыве Всероссийского Съезда Советов:

«Ко всем Советам Рабочих и Солдатских Депутатов и армейским комитетам.

Исполнительный Комитет Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов постановил созвать 1 июня Всероссийский Съезд Советов Рабочих и Солдатских Депутатов и армейских организаций фронта.

К участию в Съезде должны быть привлечены все существующие в России Советы Рабочих и Солдатских Депутатов и приравниваемые к этим Советам армейские органы.

Выборы должны быть произведены по следующей, установленной Всероссийским Совещанием Советов Рабочих и Солдатских Депутатов норме:

Сов. избр. [1])	25 т.	до	50 т.	—	2	дел.
» »	50 »	»	75 »	—	3	»
» »	75 »	»	100 »	—	4	»
» »	100 »	»	150 »	—	5	»
» »	150 »	»	200 »	—	6	»
» »	свыше		200.000 »	—	8	»

Представительство от фронтовых армий должно быть организовано от армий как таковых, не от отдельных частей, как полков, дивизий и т. д. Наиболее желательной организацией представительства являются выборы делегатов на армейском съезде. Если же созыв съезда невозможен, то выборы должны быть организованы в соответствии с местными условиями, с привлечением, однако, к выборам возможно более широких слоев армии. Организация выборов возлагается на исполнительные армейские комитеты. Каждая армия посылает на Съезд не более восьми делегатов.

Черноморский и Балтийский флоты приравниваются к Советам Рабочих и Солдатских Депутатов и избирают делегатов на Съезд сообразно об-

---

[1]) Следует читать: Советы, представляющие от 25 тысяч до 50 тысяч, посылают 2-х делегатов и т. д.

щей норме. Для более тесного организационного объединения местных Советов между собой Исполнительный Комитет постановил организовать областные съезды и областные центры. Эти центры уже отчасти образованы, а отчасти должны быть образованы в нижеследующих городах: Москве, Вологде, Ревеле, Минске, Саратове, Киеве, Одессе, Харькове, Перми, Тифлисе, Иркутске, Омске, Хабаровске и Ташкенте.

Этим областным центрам поручается организовать в своей области выборы на Всероссийский Съезд.

Советы, представляющие менее 25.000 организованных рабочих и солдат, должны объединиться для выбора делегатов, согласно вышеуказанной норме. В случае невозможности их объединения, способ и норма представительства намечаются областными центрами.

Представительство от крестьян на Съезде будет организовано по соглашению с Всероссийским Советом Крестьянских Депутатов. Местные же крестьянские организации участвуют в выборах на Всероссийский Съезд Советов Рабочих и Солдатских Депутатов, поскольку они объединены в местных или областных Советах.

Исполнительный Комитет установил следующий порядок дня Съезда:

1. Отношение к войне: вопросы обороны и борьбы за мир.
2. Революционная демократия и правительственная власть.
3. Подготовка к Учредительному Собранию.
4. Национальный вопрос в России.
5. Земельный вопрос и вопросы крестьянской жизни.
6. Вопросы рабочей жизни.
7. Вопросы солдатской жизни.
8. Организация производства, распределения, транспорта и контроль над ними.
9. Продовольственный вопрос.
10. Вопросы финансовой политики.
11. Местное самоуправление.
12. Организационные вопросы и выборы.

Товарищи! Продолжающаяся мировая война, разруха и развал в тылу, острый продовольственный кризис требуют властного вмешательства революционного народа. Организованная в Советы Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов демократия должна принять немедленное и энергичное участие в деле организационного строительства страны.

Отнеситесь к предстоящему Всероссийскому Съезду со всей той серьезностью, какой требует переживаемый нами момент. Сплотитесь, укрепите свою организацию, обсудите порядок для Съезда и пошлите на него достойных представителей.

За дело, время не терпит.

Исполнительный Комитет Петроградского Совета Р. и С. Д.

(«Известия», № 61, от 9 мая.)

На заседании 23 мая Исполнительный Комитет заслушал и утвердил план подготовки к Съезду:

«О подготовке к Всероссийскому Съезду.

Все подготовительные работы уже закончены. Почти везде созваны областные и армейские съезды. Всего на Съезде предполагается от 1.200 до 1.500 делегатов. Правом на посылку делегатов с решающим голосом пользуется Совет, насчитывающий не меньше 25.000 человек. Представители Советов, насчитывающих больше 10.000, но меньше 25.000, пользуются лишь совещательным голосом.

С правом совещательного голоса на Съезде могут участвовать:

1. Все члены Исполнительного Комитета.

2. Члены Исполнительного Комитета Совета Крестьянских Депутатов (число установить по соглашению с его Бюро).

3. Представители социалистических партий, входящих в состав Исполнительного Комитета (по 1 месту каждой из них), с правом заместительства.

На каждое заседание решено допустить по особым билетам до 1.000 гостей, из них 400 из состава Совета. Остальные распределить между социалистическими партиями, профессиональными союзами, страховым советам, советам офицерских депутатов народной армии. Около 200 мест оставить в очередь вольным гостям. Решено пригласить и Временное Правительство в полном составе. Печати будет предоставлено по одному месту каждой газете.

Составление докладов поручено отделам, за исключением трех (о войне, отношение к Временному Правительству и по национальному вопросу), по которым доклады подготовляет Исполнительный Комитет.

Место заседаний Съезда — Кадетский корпус; там же будет устроено общежитие для делегатов на 1.500 человек.

С 28 мая в зале заседаний в Таврическом дворце предполагаются доклады с мест, сводка которых будет представлена Съезду.» («Петроградский Совет Р. и С. Д.». «Протоколы заседаний», стр. 159 — 160).

В конце мая Исполнительный Комитет Петроградского Совета утвердил и докладчиков по намеченной повестке дня и тезисы их докладов. Доклад об отношении к Временному Правительству был поручен Дану, об Учредительном Собрании — Брамсону, о международной конференции — Розанову и т. д. По национальному вопросу сперва намечался доклад Либера, но 28 мая Исполнительный Комитет принял постановление: снять доклад Либера по национальному вопросу и поручить Бюро подыскать докладчика по национальному вопросу. Кроме того, «Исполнительный Комитет признал необходимым, чтобы докладчик по национальному вопросу касался лишь национальной политики». (Там же, стр. 169.)

На одном из следующих заседаний Исполнительного Комитета, — 1 июня, — были утверждены следующие тезисы по национальному вопросу:

«1) Разрешение национального вопроса и обеспечение прав национальностей России неразрывно связано с упрочением в стране начал демократизма и свободы.

2) Правильным разрешением национального вопроса революционная демократия может считать лишь обеспечение за каждой национальностью полного права на самоопределение, понимаемое в самом широком смысле (вплоть до отделения).

3) Революция должна создать государственные формы, гарантирующие такое именно разрешение всех национальных противоречий в России. Органом, определяющим эти государственные формы, является всенародное Учредительное Собрание.

4) Впредь до созыва всенародного Учредительного Собрания революционная демократия все свои действия в области национального вопроса подчиняет задаче объединения сил революции.

5) Необходимо прежде всего устранение всех пережитков национального гнета, питавшего национальную рознь и чувство национальной исключительности при царизме. К неотложным мероприятиям в этой области относится предоставление всем гражданам всех народностей права и возможности пользоваться родным языком при осуществлении гражданских и по-

литических прав, в школе, суде, органах самоуправления, при сношениях с государственной властью и т. д.

6) С другой стороны, признавая бесспорным право каждой национальности самостоятельно решать вопросы своего существования, революционная демократия признает нецелесообразным частичное решение национального вопроса до Учредительного Собрания явочным порядком, путем обособления от России отдельных ее частей, путем выделения из армии отдельных боевых единиц и т. д. Все подобные шаги, разобщая силы революции, порождая бесконечные споры внутри каждой национальности и противополагая одну национальную группу другим группам, ведут к ослаблению размаха революции, подрывают хозяйственные и военные силы России и, в частности, создают угрозу торжеству начал национального самоопределения.

7) Временное Правительство должно издать декларацию прав национальностей. На ряду с этим должны быть осуществлены в спешном порядке путем издания декретов Временного правительства все мероприятия, изложенные в пункте 5.

Докладчиком по национальному вопросу был намечен т. Войтинский.» (Там же, стр. 177—178.)

В том же заседании были утверждены и тезисы о международной конференции:

«Международная конференция, созываемая по инициативе Исполнительного Комитета, имеет своей целью достигнуть объединения трудящихся классов всех стран в смысле совместной борьбы за справедливый мир.

Почву для такого объединения дает повсеместное желание трудящихся достигнуть возможно скорее мира без каких-либо угнетений и несправедливостей над отдельными народами. Эти условия мира в общем виде выражены известной формулой: «без аннексий и контрибуций, на основе права наций на самоопределение». Для достижения такого мира необходимо, чтобы солидарная в своих целях демократия вела борьбу, каждая в своей стране, против империалистических классов, и вся демократия вместе — против господства империализма в мировой политике. Только преодолев империалистическую политику, мы можем достигнуть демократического мира.

Поэтому в платформе, на основе которой созывается конференция, центральное место занимает призыв к партиям решиться на объединенные и совместные действия против империалистической политики буржуазии.

Мы должны стремиться к тому, чтобы достигнуть объединения всех трудящихся масс всех стран. Чем шире будет объединение, тем оно будет плодотворнее. Поэтому Исполнительный Комитет в приглашении на конференцию не делает различия между партиями и направлениями, но призывает всех желающих объединиться на указанных выше основаниях. Созываемая Исполнительным Комитетом конференция имеет целью восстановить доверие демократий различных стран друг к другу объединением их на одной платформе мира, с обязательством поддерживать друг друга в общей борьбе против империализма». (Там же стр. 349—350.)

Следует отметить, что при обсуждении порядка дня Съезда Церетели настаивал на том, чтобы при открытии Всероссийского Съезда был поставлен в первую очередь отчет министров, и Исполнительный Комитет постановил: предоставить слово министрам после доклада о Временном Правительстве.

Вопрос о представительстве на Съезд несколько раз обсуждался Исполнительным Комитетом. 31 мая «Исполнительный Комитет одобрил постановление Бюро о предоставлении членам Исполнительного Комитета с решающими голосами решающего голоса на Всероссийском Съезде и чле-

нам Исполнительного Комитета с совещательным — совещательного голоса». «Исполнительный комитет одобрил схему и порядок выборов 8-ми представителей от Совета на Всероссийский Съезд (два места предоставляются оппозиции — большевикам и интернационалистам-меньшевикам), шесть предоставляется остальным фракциям по их соглашению между собою (предполагается общий согласительный список).

Предложение с.-р. фракции о пропорциональных выборах отклонено». (Там же, (пункты 4-й и 6-й), стр, 174 и 175.)

Далее Бюро Исполнительного Комитета постановило: допустить следующих двенадцать членов экономического отдела на Съезд с совещательным голосом: Череванина, Громана, Базарова, Буковецкого, Авилова, Шуба, Брауштейна, Цыперовича, Фалькенштейна, Либера, Френкеля и Маслова.

Регламент Съезда был утвержден на заседании Исполнительного Комитета 1 июня.

Съезд согласно регламенту должен был разбиться на следующие секции:

«1) по рабочему вопросу, 2) по вопросам аграрному и крестьянской жизни, 3) вопросам солдатской жизни, 4) финансово-экономическим вопросам: а) продовольственный вопрос, б) финансовая политика, в) контроль над производством и распределением, 5) по национальным вопросам, 6) по организационным вопросам, 7) вопросы местного самоуправления и управления. (Там же, стр. 179.)

1 июня начались фракционные совещания, а 3-го — начал свое трехнедельное заседание Первый Всероссийский Съезд Советов Рабочих и Солдатских Депутатов. Закрылся он 24 июня.

По данным мандатной комиссии, на Съезде присутствовало 1090 делегатов, из которых 822—с правом решающего голоса и 268—с правом совещательного голоса. О партийной принадлежности заявили 777 человек. По партиям эти 777 человек распределяются следующим образом:

С.-р.	285	Бундовцы	10
С.-д. меньшевики	248	Группа Плеханова «Единство»	3
Большевики	105	Народные социалисты	3
Интернационалисты	32	Трудовики	5
Внефракционные социалисты	73	На платформе партий с.-р. и с.-д.	2
Объединенные с.-д.	10	Анархистов-коммунистов	1

Сочувствующих с.-р. — 20, меньшевикам — 8, и 17 человек — тех, которые не заявили о своей партийной принадлежности. Таким образом, господствующей на Съезде была «самая крупная партия» в России — с.-р. Вместе с меньшевиками они составляли абсолютное большинство. Большевиков было всего около 10% всего состава и 13% от партийной части Съезда.

На Съезде, по докладу мандатной комиссии, было представлено 305 рабочих, солдатских и крестьянских объединенных организаций, 53 организации районных, областных, губернских и армейских, 21 организация действующей армии, 8 тыловых воинских организаций и 5 организаций флота. [1]

[1] Львов-Рогачевский, приводит в своей работе почти те же цифры представительства, при этом он сообщает следующие дополнительные данные: «В общей сложности все эти Советы и части насчитывают организованных 20.323.000 человек. При этом 173 Совета объединяют рабочих и солдат, в состав 72 Советов входят также представители от крестьян, в 24 городах существуют только Советы Рабочих Депутатов, в 17 городах имеются исключительно солдатские Советы. Кроме того, существуют четыре Совета,

На основании всех этих данных докладчик заявлял, что «делегаты Съезда представляют организованный пролетариат всей России и всей действующей и находящейся в тылу армии».

Публикуемый текст стенографического отчета I Съезда Советов печатается по стенограммам, хранящимся в Архиве Октябрьской Революции (фонд № 1235, серия А/4). Часть речей имеет редакционные правки, а некоторые речи, главным образом в первом томе издания (речи Ленина, Зиновьева, Дана, Брамсона и др.), имеют также и авторскую правку.

Для отдельных заседаний сохранился второй экземпляр стенограммы, с купюрами и незначительной правкой, по которому печатались отчеты Съезда в «Известиях».

В стенографическом отчете в большинстве случаев отсутствуют зачитывавшиеся на Съезде резолюции, заявления, поправки к резолюциям и т. п. Все найденные нами в периодической прессе отсутствующие в отчетах резолюции и пр. вводились в текст с соответствующими оговорками в подстрочных примечаниях. Речи делегатов, имеющие авторскую правку, приводятся в окончательной редакции, в подстрочных же примечаниях воспроизводится первоначальный текст; редакционная правка отмечалась нами в подстрочных же примечаниях лишь в тех случаях, когда она изменяла смысл первоначальной редакции.

объединяющие рабочих и крестьян. В остальных городах существуют функционирующие отдельно, но координирующие свои действия Советы Р., С. и Кр. Д. Количество организованных рабочих, крестьян и солдат в отдельности не удалось точно установить, так как в целом ряде ответов указано только общее количество организованных единиц. Получены данные о 5 100 000 рабочих, 8 149 000 солдат и 4 239 009 крестьян». («Социалисты о текущем моменте». Собрал Б. Л. Львов-Рогачевский. Издательство «Дело», стр. 202 — 203).

ПЕРВЫЙ
ВСЕРОССИЙСКИЙ СЪЕЗД СОВЕТОВ
Р. и С. Д.

Заседания 5 — 11 июня 1917 г.

(Стенографический отчет).

ЗАСЕДАНИЕ 3 ИЮНЯ

(вечернее).

Чхеидзе (аплодисменты). Объявляю заседание I Всероссийского Съезда открытым.

Приветствую Съезд от имени Совета Рабочих и Солдатских Депутатов Петрограда и от Исполнительного Комитета Совета. (Аплодисменты.)

Товарищи, два с лишним месяца тому назад Петроградский Совет Р. и С. Д. предстал пред лицом Всероссийского Совещания и представил отчет в своей деятельности за период времени после того, как революционная армия и революционный народ нанес решительный удар царизму. Всероссийское Совещание одобрило работу и деятельность Петроградского Совета Р. и С. Д. [1].

Сейчас Петроградский Совет Р. и С. Д., в лице его Исполнительного Комитета, предстал пред вами, пред лицом Всероссийского Съезда, и он должен перед вами дать отчет за тот период времени, который прошел с того времени, когда имело место Всероссийское Совещание. Одобрив шаги, тактику и работу Петроградского Совета Р. и С. Д., Совещание дало указание на то, в каком направлении должна итти работа Совета Р. и С. Д. Теперь Съезд Всероссийский, — преддверие будущего Всероссийского Учредительного Собрания, — должен сказать свое беспристрастное слово.

Товарищи, велики ваши права, права эти совпадают с правами Великой Победоносной Русской Революции, но, товарищи, еще более велики ваши обязанности перед революционной Россией, скажу больше, перед всем миром Наша революция, вы сами это отлично знаете лучше меня, получила характер не только русской, но мировой революции, и очень понятно, что к вашему слову будет прислушиваться не только Россия, но и весь мир в этот критический момент, который мы переживаем, скажу даже больше, не только критический момент, но и момент грозный.

Товарищи, мы не новички революции; я полагаю, что едва ли здесь среди вас найдется кто-нибудь, кто бы не сказал про себя: я участвую уже во второй революции. Этот революционный опыт должен был сказать нам, каков характер того политического момента, который переживаем мы. И когда я к оценке этого момента перехожу с тем революционным опытом, то я должен сказать, что момент весьма и весьма критический.

(В зале появляется Керенский. Его встречают бурными аплодисментами.)

Уже одного того, товарищи, достаточно сказать, что русская революция — революция исключительная в полном смысле этого слова, что она произошла в процессе мировой войны. Уже это обстоятельство делает наше положение чрезвычайно сложным, я повторяю, критическим.

Но, товарищи, и внутренняя конъюнктура и внутреннее положение наши исключительные. Я теперь не стану развивать перед вами эту основную мою мысль. Достаточно указать на одно: кто в 1905 году задумывался над тем, что на второй день, завтра, мы очутимся лицом к лицу с голодом, кто

мог представить себе, что в один прекрасный момент может быть прервано сообщение в России? Больше того: революцию 1905 года мы начали с железнодорожной забастовки, но попробовали бы мы теперь прибегнуть к этому средству, — и Россия представила бы из себя разорванные на части куски, потерявшие всякую связь между собою. Вот, товарищи, — повторяю, развивать этого положения я не буду, — достаточно того, что я сказал, чтобы с ясностью и определенностью констатировать весьма большую серьезность того положения, в котором мы ведем революцию.

Но уроки 1905 года для нас не прошли даром. Тот революционный опыт, которым мы располагаем, указал нам путь выхода из этого критического положения. Этот путь — единение всех революционных сил, умение использовать эти силы с наименьшей затратой и наибольшей целесообразностью. Вот тот путь, который привел нас к благополучному разрешению того критического положения, в котором очутилась революция.

Товарищи, Совет С. и Р. Д. с самого начала, в разгар революционной борьбы, стал на этот путь объединения вокруг себя всех революционных сил. Этот путь, как я сказал, был одобрен Всероссийским Совещанием, и к этому призовете и вы, товарищи; вы усилите его во время вашего пребывания в Петрограде и вы скажете: «Объединитесь около единой мысли». И да будет одна ваша воля. И про это единение вы скажете, когда будете уезжать: «Сим победиши». (Аплодисменты.)

В заключение, товарищи, я должен сказать, что у нас сегодня есть еще один символ единения всех революционных сил: припомните день 3 июня 1907 г., когда наши товарищи были заточены в тюрьмы, когда была разогнана Дума, и вот эти люди, которые были заточены в тюрьмах, сидят здесь [2]. (Бурные аплодисменты.)

(Чхеидзе целует Церетели. На эстраде появляется Анисимов; собрание ему аплодирует.)

ЧХЕИДЗЕ. Товарищи, теперь позвольте вам предложить выбрать председателя Съезда и затем президиум Съезда. Прошу назвать, кого вам угодно иметь председателем. (Голоса: «Чхеидзе, Чхеидзе!») Может быть, еще кого-нибудь угодно будет назвать? (Голоса: «Чхеидзе! Просим!»). (Аплодисменты.)

Позвольте, товарищи, выразить глубокую признательность за доверие. Я знаю, что ваше доверие ко мне есть доверие к революции. Позвольте, товарищи, мне выразить надежду, что я найду силы при вашей поддержке довести ваш Съезд благополучно, с успехом и с таким концом, чтобы весь мир сказал: Съезд выполнил свой долг перед революцией. (Аплодисменты.)

Теперь позвольте, товарищи, огласить список лиц, которые предлагаются в члены президиума.

От с.-р.: т.т. Крушицкий, Саакиян, Алексеев, Лазурский, Лордкипанидзе. Если нет возражения, позвольте считать этот список принятым. (Голоса: «Просим!»).

От меньшевиков: т.т. Хинчук, Никольский, Орловский, Печерский, Захватаев. Возражений нет? (Голоса: «Просим!»).

От Исполнительного Комитета: т.т. Дан, Богданов, Гоц, Каменев и Брамсон (голоса: «Просим!») и тов. Завадье. От большевиков: т.т. Ногин, Зиновьев, Крыленко, Луначарский, Шумяцкий. От фракции народных социалистов и трудовиков: [3] т.т. Державин и Гегечкори. Возражений нет? (Голоса: «Просим!»).

Тогда позвольте считать этот список принятым целиком и просить товарищей пожаловать сюда. (Аплодисменты.)

Т. Луначарский желает сделать внеочередное заявление.

ЛУНАЧАРСКИЙ. Товарищи, во избежание недоразумения, я должен заявить здесь, что представляю в президиуме не товарищей большевиков-правдистов, а организацию объединенных с.-д. [4].

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Товарищи, прошу теперь вашего внимания для заслушания регламента, который вам будет угодно одобрить. Он будет сейчас оглашен.

БОГДАНОВ. На заседании Исполнительного Комитета от 1 июня принят нижеследующий регламент Всероссийского Съезда Советов Рабочих и Солдатских Депутатов:

1) Докладчик имеет по 30 минут для доклада и по 15 минут для заключительного слова.

2) Фракционным ораторам слово предоставляется вслед за докладчиком на 15 минут.

3) По каждому вопросу порядка дня слово предоставляется каждому оратору не более двух раз: первый раз — 10 минут, второй раз — 5 минут.

4) По предложениям к порядку дня слово предоставляется одному — за, и одному — против, по 3 минуты.

5) По мотивам голосования оратору предоставляется 3 минуты.

6) Слово по справкам и резолюциям предоставляется автору поправки и докладчику по 5 минут каждому.

7) Все предложения по существу вопроса и поправки к резолюциям вносятся в письменном виде.

8) Желающие получить слово просят слова запиской.

9) Слово для приветствий предоставляется по 5 минут.

Съезд разбивается на следующие секции: 1) по рабочему вопросу, 2) вопросам: аграрному и крестьянской жизни, 3) вопросам солдатской жизни, 4) финансово-экономическим вопросам: а) продовольственный вопрос, б) финансовая политика, в) контроль над производством и распределением; 5) по национальным вопросам, 6) по организационным вопросам, 7) вопросы местного самоуправления и управления.

Секция конструируется самостоятельно. Во главе каждой секции стоит президиум. Секция имеет право по своему усмотрению намечать докладчиков.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Товарищи, если угодно кому-нибудь сделать замечания, я прошу это сделать; если нет замечаний, тогда позвольте регламент считать принятым. (Голоса: «Просим!»).

ГОЛОС С МЕСТА. Я хотел бы узнать, куда отнесли продовольственную секцию, куда она войдет?

БОГДАНОВ. Финансовая комиссия состоит из трех подъотделов, в частности продовольственного.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Товарищи, во избежание каких-либо недоразумений, я должен дать следующие разъяснения: тов. Гегечкори предложен всеми фракциями, а не отдельной. (Аплодисменты.)

Товарищи, президиум предлагает избрать мандатную комиссию, при чем просит фракцию составить этот список. Может быть, это угодно будет вам сделать после окончания вашего сегодняшнего заседания и представить это президиуму? (Голоса: «По скольку человек?») По два или по три.

ГОЛОС С МЕСТА. По три человека от фракций с.-р., меньшевиков и большевиков.

(Дан оглашает приветствия Всероссийскому Съезду Советов Рабочих и Солдатских Депутатов.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Итак, товарищи, приветствия исчерпаны на этот раз. Теперь, как вам известно, товарищи, в порядке дня у нас стоит в первую очередь вопрос об отношении к Временному Правительству. Угодно будет перейти к этому вопросу или есть какие-нибудь другие предложения? (Голоса: «Просим!»). Товарищ Абрамович.

АБРАМОВИЧ. Товарищи, вы все прочитали в газетах сообщение Временного Правительства о высылке из пределов России председателя Интернациональной Социалистической Комиссии швейцарца Роберта Гримма. Вы все понимаете, какие чувства были вызваны у всех, следящих за событиями Интернационала в Европе за последние годы. Вы все знаете ту роль, которую тов. Гримм, в попытках восстановления Интернационала, играл и играет. Для вас поэтому ясно, что вопрос об изгнании Роберта Гримма из пределов России не есть вопрос об изгнании какого-то неизвестного швейцарца, в чем-то заподозренного, а является чрезвычайно крупным политическим актом [5]. (Слабые аплодисменты.)

Вы знаете, товарищи, что у всех, прочитавших это сообщение Временного Правительства, остается впечатление, что Роберт Гримм совершил нечто такое, за что он должен быть изгнан из пределов России и что со званием социал-демократа и социалиста-интернационалиста несовместимо; между тем у всех, знавших Роберта Гримма, не может быть сомнений в том, что ни в каких неблаговидных и недопустимых для социал-демократа политических поступках Роберт Гримм заподозрен быть не может.

Для нас, следовательно, является факт, что тут произошло какое-то печальное недоразумение, которое должно быть выяснено, и что мы здесь имеем дело с каким-то непродуманным шагом, который может иметь совершенно нежелательное политическое последствие.

Для нас не подлежит сомнению, что при той травле, которая против Р. Гримма велась во всех буржуазных газетах центральных держав: Франции, Англии, Австрии и Швейцарии одновременно, что при той травле, которая против него ведется, сообщение Временного Правительства об изгнании его из пределов России является бубновым тузом, нашитым на его спину. При всем этом мы не можем оставаться спокойными зрителями, мы не можем пройти мимо этого шага, имеющего крупное политическое последствие, и я считаю необходимым, чтобы настоящий Съезд занялся разбором этого вопроса.

Я поэтому предлагаю, товарищи, настоять на том, чтобы этот вопрос был поставлен в порядке дня. Для меня является безразличным, в какой пункт вы его захотите внести, но для меня не подлежит сомнению, что этот вопрос является делом нашей совести, и пройти мимо него мы никак не можем. (Аплодисменты.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово принадлежит тов. Мартову.

МАРТОВ. Необходимость поставить в первую очередь вопрос о высылке Роберта Гримма содается тем, что официальное оповещение об этой высылке бросает тень на Совет. Русская революционная демократия на этом Съезде впервые предстает пред миром, как организованная сила. Если в тот же момент по Европе раздастся весть, что русская революция выбросила самого энергичного борца за мир, самого последовательного интернационалиста, если в России нет места для Гримма, — какое впечатление это произведет на Европу? Там трудящиеся массы приветствовали воззвание к народам всего мира. И когда узнают, что выслан социалист, боровшийся за мир, скажут: они не ведают, что творят.

Позиция Гримма — позиция Циммервальда, — яснее ясного. С ней можно не соглашаться, ее можно оспаривать, можно находить сектантской, утопической или, наоборот, совершенно правильной, но никому, кроме наемных

клеветников, не приходило в голову объяснять ее какими-то связями с империализмом одной из воюющих стран. Но тов. Гримму, именно в качестве председателя циммервальдской комиссии, больше всех в течение этих двух лет пришлось принять на себя этой клеветы. Во всех воюющих странах о нем постоянно поднималась молва, как о скрытом агенте другой страны, каждый раз, как выяснялась его связь с революционными социалистами данной страны.

Говорили: «Чего лезет этот иностранец, чего он поддерживает Карла Либкнехта или Макдональда, — очевидно, он агент, в одном случае германский, в другом случае, — французский или английский».

Тов. Гримм имел в этом смысле весьма почетную репутацию, почетную для всех тех, кто в течение войны не забывал интернационального дела. И когда тов. Гримм при первых звуках российской революции поспешил приехать в Стокгольм и пожелал явиться в Россию, то, как оказывается, господином Милюковым было заявлено представителям Петроградского Совета, что он пустить в Россию Гримма не может, ибо Гримм, по его тайным сведениям, — агент германского правительства. Товарищи наши в Совете Р. и С. Д. возмущены были подобным заявлением, оспаривали его, но сделать ничего не могли, так как Милюков стоял у власти. Когда Милюков пал, они опять поставили вопрос о разрешении тов. Гримму приехать в Петроград. Новый министр иностранных дел не дал положительного ответа, а заявил, что он пустит тов. Гримма в Россию в том случае, если за его политическую честность поручатся Церетели и Скобелев. Но Гримм не дождался получения извещения об этом и решился сам ехать на российскую границу без паспорта и вместе с нами появился в Торнео тогда, когда эстафета о разрешении еще шла по дороге в Стокгольм.

Россия пустила к себе Гримма, но не по приказу Временного Правительства, а по самочинной попытке Гельсингфорсского Совета Рабочих, Солдатских и Матросских Депутатов, который послал своих делегатов на границу с заявлением пограничной страже, что он берет на свою ответственность доставить Гримма в Петроградский Совет, который решит, оставаться Гримму или нет. Я прошу иметь в виду заранее, как поправку к тому заявлению, которое будет сделано, что за поручительством т. т. Церетели и Скобелева Гримм был [1]) пропущен, и потому теперь от них зависит, снявши свою ответственность, решать, что он был выслан [2]). На самом деле, разрешение, по словам Церетели и Скобелева, пришло в Стокгольм тогда, когда уже фактически тов. Гримм был на пути в Петроград. Он приехал сюда без паспорта, но с именем достаточно известным, приехал в распоряжение Петроградского Комитета.

Три недели прошло, и сегодня читающая Россия могла прочесть, что Временное Правительство признало деятельность тов. Гримма отрицательной. Не совсем ясно выражаясь, оно нашло, что те объяснения, которые Гримм счел возможным представить по поводу перехваченного документа, где значилось его имя, что эти объяснения являются неудовлетворительными. Временное Правительство решило, что по отношению к такому иностранцу нейтральной страны, который дал неудовлетворительные объяснения по поводу документа, не у него найденного, не им писанного, а документа, в котором его имя значится, — решило, что этого достаточно, чтобы такого иностранца без суда и следствия выслать за границу.

Повидимому, в это время во Временном Правительстве не было социалистов, которые знали бы, что из года в год до этой войны на националь-

---

[1]) В подлиннике: «будет». — [2]) Так в подлиннике.

ных и международных конгрессах рабочего класса неизменно выдвигалось требование покончить с тем положением дела, существующим во всей Европе, вследствие которого иностранец является бесправным, по которому с иностранцем можно расправляться путем высылки за границу за те самые действия, за которые туземца, гражданина этой страны, предают суду со всеми гарантиями правосудия. Временное Правительство, когда решался этот вопрос, об этом, очевидно, не знало, и не знало, что представителями социалистических партий всех стран неоднократно предъявлялись требования о полном равноправии в этом отношении заграничных подданных с гражданами самой страны.

Вот почему, очевидно, по отношению к Гримму была принята мера административной высылки не в 24 часа даже, а в 12 часов. Вчера, вечером, в 5 часов, ему было объявлено о выезде, и он должен был выехать в 7 час. 40 м. утра сегодня. Вот почему о факте этой высылки в газетах сообщено в такой глухой форме, как вы знаете. Сообщен факт о раскрытии известной депеши, дан текст заявления, которое в ответ на запрос тов. Гримм дал Церетели и Скобелеву. Сообщено, что, после признания объяснений неудовлетворительными, правительство постановило тов. Гримму выехать.

Форма эта позволяет каждой буржуазной газете в России и в Европе объяснять высылку тем, что Гримм оказался неблагонадежным в политическом смысле, действительным или возможным политическим агентом германского правительства. Сегодняшние утренние и вечерние газеты в таком виде и пишут. Вечерняя «Русская Воля» говорит о том, что заслуженная высылка этого посредника Бетмана-Гольвега никого не удивит, и т. д. Если принять во внимание, что в течение всех последних дней газета «Речь» и некоторые другие не переставали обращать внимание правительства на агитационную деятельность Гримма, на ту агитационную деятельность, которую он вел, как интернационалист, то всякий поймет и согласится с этой самой «Русской Волей», что высылка Гримма является ответом на агитацию ленинцев. Под ленинцами разумеются, конечно, все те, кто агитирует за немедленный мир. Это не есть ответ на политические действия, но ответ на полицейскую непродажность, ибо для господ из «Русской Воли», «Нового Времени» и «Речи» заранее известно, что кто берется за мир, тот тем самым является агентом чужого правительства.

Так поступило наше Временное Правительство, в котором находятся социалисты. Что же побудило их так поступить и социалистов санкционировать этот акт? Я имел честь, или, лучше сказать, бесчестие, — послужить посредником в тех переговорах, которые министры имели с тов. Гриммом в течение семи дней после того, как они узнали о получении российским правительством текста этой расшифрованной депеши, которая была послана от швейцарского министра к швейцарскому посланнику.

Узнав об этом документе, они пожелали объясниться с Гриммом, чтобы выяснить, как это могло случиться. Я имел честь быть приглашенным к посредничеству в этом деле и обратился с тов. Аксельродом к Гримму с сообщением этого факта в тех пределах, в которых поручено было сообщить. Я получил словесный ответ тов. Гримма в том смысле, что никакой депеши от швейцарского посольства он не получал и не понимает, как такой документ мог явиться. Затем я присутствовал при разговоре непосредственно между т.т. Церетели, Скобелевым и Гриммом, в котором выяснилось, что Гримм разделяет мнение т.т. Скобелева и Церетели, что, в виду предстоящей огласки этого документа, он должен выступить с категорическим заявлением о своем отношении к тем маневрам, в которые его кто-то хотел втянуть.

Тем не менее два предъявленных один за другим документа не удовлетворили товарищей министров, главным образом из-за одного пункта; по другим пунктам был спор, и требовалось от Гримма сказать решительнее. Спор был не принципиальный. Если бы дело шло об этом, то, в конце концов, заявление [1]) Гримма удовлетворило бы товарищей министров, но речь шла о последнем пункте, и здесь обнаружилось принципиальное разногласие, по крайней мере для тов. Гримма.

Дело в том, что в пункте втором Гримм высказал свое суждение о попытке немецких империалистов или немецкого правительства использовать его собственную деятельность для того, чтобы содействовать проникновению в Россию всякого рода предложений сепаратного мира. Он это выразил, имея текст перед глазами, но товарищи министры настаивали на том, что это недостаточно и что рядом с этим необходимо также резко заклеймить поведение швейцарского правительства. На это тов. Гримм, после совещания со мною, Аксельродом и другими тремя товарищами, заявил, что он при данных условиях напасть в этом документе на швейцарское правительство не может [не] потому, что считал бы швейцарское правительство правым, а потому, что Швейцария в течение $2^1/_2$ лет, как и другие маленькие страны, постоянно опасалась оказаться в таком положении, когда те или другие шаги ее правительства [могли бы] явиться поводом к нарушению ее нейтралитета штыками, насилием, как это сделано с Бельгией, Сербией и другими странами.

По поручению Гримма, я поставил — в его присутствии — т.т. Церетели и Скобелеву вопрос, гарантируют ли они, что это нарушение нейтралитета швейцарским правительством не будет использовано союзными державами для оккупации Швейцарии или вторжения в нее. Я получил ответ, что лишь за русское правительство они могут ручаться, а за союзные правительства они ручаться не могут. После этого мы, в качестве посредников, присутствующих при разговоре, сказали, что при таких условиях не считаем возможным, чтобы тов. Гримм, как интернационалист-социалист, а не как швейцарец, чтобы он мог подписать такую бумагу, которая бы служила в глазах мира подстрекательством к тому, чтобы генеральный штаб французский и английский начал какую-нибудь операцию по отношению к Швейцарии, чтобы он крикнул: «Ату ее!»

Эта принципиальная точка зрения заставила тов. Гримма ограничиться заявлением очень категорическим, что истинную подоплеку и участие швейцарского правительства в этом деле он может установить только приехав в Швейцарию. Это было найдено неудовлетворительным и за это тов. Гримм выслан. (Голоса: «Позор!» «Правильно!» «Ваше заявление — позор!») Тов. Гримм выслан официально потому, что его объяснения показались неудовлетворительными.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Товарищи, я вначале просил вас вести заседание с наибольшей целесообразностью. Я должен предупредить вас, что, кроме вашего решения, у меня решительно никаких других приемов нет. Я должен подчиниться тому порядку, который вы признаете необходимым, но в случае, если я не в состоянии буду водворить порядок, я немедленно закрою собрание. (Аплодисменты.) (Обращаясь к Мартову): Товарищ, ваше время истекло. Регламент, только что всеми принятый, говорит, что по докладу полагается полчаса. Это не доклад, но я должен подвести это под понятие доклада. Я больше не имею параграфов наказа, которые давали бы мне другие приемы в данном случае. Я квалифицирую товарища [2]), как

---

[1]) В подлиннике: «заявления». — [2]) В подлиннике: «товарищи».

докладчика по этому вопросу, вследствие чего я его предупредил, что его время кончается, и ни одной минуты больше я дать не могу. (Аплодисменты.)

МАРТОВ. Я заканчиваю, товарищи, не имея возможности высказать собственного суждения по этому вопросу, не имея возможности даже исчерпать фактическую сторону вопроса. ([Голоса: «Просим продолжать!») Я не прошу для себя привилегий. (Голоса: «Правильно»). Те [1]), кто захочет со всем ознакомиться, найдут [2]) способ это сделать.

Во всем этом факте должно быть наиболее замечено то, что товарищи из министерства, обратившись к двум социалистам, своим товарищам, ко мне и Аксельроду, издавна стоящим [3]) в близком контакте с ними, спросили нас, что̀ мы думаем об ответе Гримма, и получили категорический ответ, что мы считаем объяснения тов. Гримма удовлетворительными, и что Временное Правительство никакого повода объявлять их неудовлетворительными не имеет. Другого мнения народа товарищи министры не имели. Они не пожелали обратиться ни к своей партии, ни к Исполнительному Комитету Совета Р. и С. Д...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Товарищи, я еще раз напоминаю, что время тов. Мартова истекло...

МАРТОВ. Я сейчас кончаю.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Прошу меня не перебивать. Я своей властью не могу нарушить вашего постановления: угодно ли вам продлить время тов. Мартова? (Голоса: «Просим!»). Товарищ Мартов, сколько вам времени угодно будет продолжать еще речь?

МАРТОВ. Десять минут.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Тов. Мартов просит еще 10 минут для себя. Ставлю это на голосование. (Производится голосование.) Очевидным большинством тов. Мартову предоставляется 10 минут.

МАРТОВ. Итак, говорю я, не только не был опрошен об этом важном, быть может, роковом для революции шаге Исполнительный Комитет и представители партий, перед которыми ответственны товарищи министры, но когда третьего дня в моем присутствии тов. Гримм спросил, почему не пригласить сюда, на это совещание, где мы были вчетвером, тов. Чернова, тоже министра-социалиста, то тов. Церетели было отвечено, что он не стоял в списке поручителей за вас, и поэтому мы его не пригласили. Поэтому, как вы видите, наши два министра-социалиста взяли на свою ответственность решить этот вопрос во Временном Правительстве и объявить, что воля революционного пролетариата, революционного народа — та, чтобы такие люди, [как] Р. Гримм, не мешали русской революции. Таков был ответ. Положение создалось в высшей степени тяжелое. Много надежд, много упований возлагали те, кто посылал вас сюда на работу по восстановлению Интернационала, по созыву международной конференции, как рычага, которым можно будет пустить в ход ту машину, которая приведет нас к демократическому миру без аннексий и контрибуций!

Товарищи министры по своему разумению решили вопрос, что для того, чтобы взаимное доверие различных партий, так грубо подорванное в течение всей войны, было восстановлено, для того, чтобы могли съехаться те, которые все время боролись за революцию, не щадя себя, которые во время войны забыли свой долг, но теперь готовы встать на путь борьбы за мир, — товарищи министры решили, что для этого хорошим средством

---

[1]) В подлиннике: «Тех». — [2]) В подлиннике: «найду». — [3]) В подлиннике: «извне — стоящих».

явится объявить председателя циммервальдской социалистической организации и, косвенно, ему подобных под подозрением по части служения германскому милитаризму. Этого потребовала от них буржуазия, в правительстве которой они сидят, и этому требованию товарищи министры подчинились.

Товарищи министры согласились дать свой штемпель под этим позорным документом, который Временное Правительство выпустило, сказав на всю Россию, на весь мир, что объяснения Гримма признаны неудовлетворительными, не объяснив, что ему диктовали выступить против своей страны, предлагая сказать, что маленькая Швейцария нарушила свой нейтралитет, когда большие Франция и Англия нарушили нейтралитет в Греции, произведя там новый переворот и высадив войска. [6] Министры социалисты требовали, чтобы он это сказал, а когда он сказал, что он этого не напишет, его выслали.

Я прошу тов. Церетели подтвердить, что, кроме этого документа, ни для каких подозрений в шпионстве [оснований] нет, а между тем этого не сказано. Товарищи могли, конечно, ожидать, что он ответит резче, определеннее в одном из пунктов, но допустить, чтобы из русской республики высылался социалист за то, что он дает официальные объяснения, которые не удовлетворяют слабостью или резкостью тона министров Временного Правительства, это значит итти очень далеко в торжестве победы.

Принципиальный вопрос прост. Мы пришли, очевидно, к поворотному пункту русской революции, раз под каким бы то ни было соусом, под соусом ли подозрений, вытекающих из документа, или каким-нибудь другим, один из интернационалистов, который не призывал к гражданской войне, который не призывал к поножовщине, не призывал выходить на улицу, а который просто выяснял массам необходимость бороться за общий мир, этот человек только потому, что он иностранец, без суда и следствия вышвыривается из России.

Мы считаем этот вопрос в высшей степени принципиальным; мы спрашиваем, может ли Съезд Советов Р. и С. Д. одобрить, чтобы в России, на основании таких признаков революционный работник мог быть не только выгнан, но и обесславлен, объявлен предателем, изменником, или, по крайней мере, квалифицирован в такой форме, что подобного рода толкование является неизбежным. На этот вопрос вы должны дать ответ, не считаясь с тем, что ваши представители приняли участие в этом деле. Принцип выше личности, и если товарищи сделали политическую ошибку (почему они сделали ее, они сумеют объяснить вам), то [1]) не ваше дело покрывать их. На свою личную ответственность взяли они это дело; они не спросили даже ни Совет Рабочих и Солдатских Депутатов, ни свою партию, они не собрали их ни на минуту, чтобы посоветоваться с ними, — ваша обязанность свободно высказаться по этому вопросу. (Аплодисменты части собрания.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово принадлежит тов. Церетели.

(На трибуну подымается И. Г. Церетели, встречаемый продолжительными аплодисментами, переходящими в овацию).

ЦЕРЕТЕЛИ. Я, прежде всего, должен развернуть перед вами фактическую сторону дела и отметить те существенные моменты, которые оказались неотмеченными в докладе тов. Мартова. Я должен указать товарищам, что Р. Гримм был впущен в пределы России по настоянию революционной демократии, с одной стороны, и по личному поручительству тов. Скобелева

---

[1]) В подлиннике: «но».

и меня, с другой стороны. Совет Рабочих и Солдатских Депутатов, революционная демократия, затем мы, министры социалисты, требовали допущения Гримма на территорию русской революции. Мы говорили именно то, что пытался в противовес нам здесь отстаивать тов. Мартов. Мы говорили, что вождь швейцарской демократии, поднявший знамя борьбы против империализма всех стран, социалист, ведущий революционную борьбу и против своего правительства и против мирового империализма, имеет право вступить на территорию русской революции, когда демократическая борьба против империализма стала знаменем всей русской революции.

Мы говорили, что не может быть такого соображения, которое доказало бы вредность для русской революции свободной, идейной пропаганды социалистических взглядов всех течений и того течения, во главе которого стоит Р. Гримм в частности. Так говорили мы, и когда в ответ на это нам прежний министр иностранных дел сообщил ничем не подкрепленные соображения о зависимости Р. Гримма от германского правительства, мы говорили: если вы нам дадите какие бы то ни было доказательства, то да, мы тогда не будем требовать въезда Р. Гримма, не потому, чтобы мы отказались от своей принципиальной позиции по отношению к течению, им представляемому, нет, а потому, что он оказывается человеком не идейным. Но мы знаем его прошлую деятельность, мы требуем доказательств для того, чтобы мы могли изменить этот взгляд, который этих доказательств не предвидел, и раз у вас их нет, мы требуем его впущения.

Как раз в этот момент, когда еще не было достигнуто этого, когда прежний министр иностранных дел упорно уклонялся от исполнения этого требования, разразился тот кризис Временного Правительства, основанием которого в значительной степени послужила политика министра иностранных дел.

И вот, вступивший во Временное Правительство тов. Скобелев и я обратились к новому министру иностранных дел с просьбой, чтобы Р. Гримм был впущен в нашу свободную революционную страну. Министр иностранных дел заявил, что, рассмотрев сведения относительно Р. Гримма, он ничего определенного не нашел, но что у него нет твердой уверенности, что все это неосновательно.

Ручаемся ли мы за нашей личной ответственностью в том, что Р. Гримма можно впустить в пределы России? Он имел в виду не направление, он имел в виду личность, и мы, зная деятельность Р. Гримма в продолжение всей войны, зная его прежнюю деятельность, открытую, на виду у всех, мы твердо сказали: да, мы берем его на поруки, мы ручаемся, что все это неверно, и требуем, чтобы он был впущен. И тогда министр иностранных дел впустил его в Россию. И вот, товарищи, за все время пребывания здесь Р. Гримма он свободно проповедывал те идеи, в которые он верил. Ни у кого из нас, не только у министров социалистов, но вообще в среде революционной демократии, не явилось сомнения, что это право социалиста куплено кровью российской демократии. И как бы он ни расходился во взглядах с нами, — и мы, конечно, видели с самого начала, что во взглядах на тактику революционной демократии по отношению к войне и к борьбе за мир он с нами расходился, — как бы далеко ни шли эти разногласия, мы считали, что в пределах российской революции всякий имеет право свободно излагать свои взгляды. Это право мы и за Р. Гриммом отстаивали, отстаивали так же, как за всяким русским гражданином. Мы хорошо помнили постановления тех конгрессов, о которых здесь говорил Мартов, мы не только помнили, мы проводили их в жизнь. И вот, приблизительно неделю тому назад, министр иностранных дел

обратился ко мне и Скобелеву с вопросом: «Вы все еще продолжаете ручаться за Р. Гримма?» [1]) Тогда он вынул документ, сегодня опубликованный, и показал его нам. В этом документе министр иностранных дел Швейцарии пишет петроградскому швейцарскому послу, чтобы он передал [2]) Р. Гримму устно о некоторых намерениях Германии, в частности, что Германия не откроет наступления, пока есть надежда на мир с Россией. Затем довольно недвусмысленное предложение сепаратного мира, а затем некоторые общие соображения о мире всеобщем. Конечно, если бы этот документ доказывал неопровержимо, что Р. Гримм повинен в том, что на него возлагаются поручения, если бы это доказательство у нас имелось, то мы решили бы вопрос тотчас и без объяснений с Р. Гриммом. Но мы считали, что здесь, в этом документе, такого доказательства не было, и что никакой документ, адресованный одним представителем правительства другому относительно того или другого социалиста, не может служить доказательством вины этого социалиста. Мы сказали, что запросим Р. Гримма и, получив от него объяснение, мы примем то или другое решение.

Мы предъявили этот документ Р. Гримму.

Я вам должен сказать, что первоначально не имелось в виду [ни опубликования], ни предъявления этого документа Р. Гримму. Вы знаете, что в настоящий момент революционная Россия, как и всякая воюющая страна, в целях самозащиты должна прибегать к контр-разведке, для того, чтобы парализовать шаги со стороны правительств воюющих стран, шаги, направленные к шпионажу и разложению России изнутри. Этот принцип принят не только правительством, этот принцип принят всеми революционными организациями России. Там, где нужна контр-разведка, революционные организации организуют ее, ибо опасность шпионажа реальная, не выдуманная, опасность настоящая.

И вот, первоначально, в целях сохранения в тайне тех источников, откуда получены эти сведения, публикация документа не предполагалась. Мы обращались к Р. Гримму через тов. Мартова с сообщением, что вот есть слухи, — мы не указали, откуда они, — о том, что Р. Гримм в какой-то зависимости от начинаний германского правительства и его посредников, что, в виду наличности таких слухов, не выступит ли Р. Гримм с таким заявлением, где он категорически заклеймил бы такие методы борьбы со стороны германского правительства и такое посредничество со стороны швейцарского правительства.

Во время этого запроса выяснилось для нас, для тов. Скобелева и меня, что Р. Гримм перед поездкой в Россию, когда он визировал паспорт у германского посла в Швейцарии, наткнулся на попытку заговорить с ним о целях войны. Эта попытка была сделана в очень осторожной, в очень туманной форме. По выражению Р. Гримма, у него получилось впечатление, что делается попытка использовать его поездку, поездку социалиста в Россию, для тех или других задач германского империализма, поэтому, по его словам, он сразу оборвал этот разговор.

Мы предложили Р. Гримму, не найдет ли он нужным, в связи с теми слухами, которые циркулируют и которые могут набросить тень на него, не найдет ли он возможным категорически заявить, что он считает провокацией такие методы борьбы со стороны воюющей страны, когда она пытается использовать мирную агитацию в империалистических целях, и при этом рассказать о той попытке, которая была сделана германским послом в Швейцарии.

---

[1]) В «Известиях». далее следует: «Мы ответили: Да». — [2]) В подлиннике: «преподал».

То, что дал Р. Гримм в ответ на эту просьбу, было до такой степени неудовлетворительно, что мы сочли нужным предъявить этот документ.

Он говорил, что пока он имеет дело с неопределенными слухами, он не может выступить с той категоричностью, которая нужна. И тов. Скобелев и я обратились к министру иностранных дел с просьбой разрешить нам предъявить Гримму точный текст документа.

Получив согласие министра иностранных дел, мы предъявили этот документ и заявили, что сам по себе, конечно, этот документ в наших глазах не является доказательством какого бы то ни было участия Гримма в этом деле, какой бы то ни было его вины. Но мы сказали, что есть способы, которыми Р. Гримм мог бы рассеять всякую возможность обвинения. Он, конечно, не может доказывать, что он не виновен. Стать на этот путь он не может. Тот, кто предъявляет обвинения, тот должен доказывать.

Но мы говорили, что есть один способ, имеющийся в распоряжении у всякого революционера, — способ отмежеваться от всяких подобных гнусных попыток. Если предположить, что здесь сделана сознательная со стороны правительства германского или швейцарского попытка скомпрометировать вас и так формулировать документ, чтобы выставить вас соучастником их замыслов, если это так, говорили мы, то выскажитесь публично на счет такого метода борьб . Скажите, что вы считаете такой способ действия со стороны германского правительства гнусной провокацией, и что вы считаете посредничество в этом деле швейцарского министра прислужничеством и поощрением провокации. (Бурные аплодисменты.)

Вот как ставили мы вопрос. Мы говорили, что для нас, для русских революционеров, нет такого положения, когда бы правительство пыталось опорочить нас, навязать ту или другую неблаговидную роль, и когда мы затруднялись бы в подыскании настоящего выражения для этого действия.

И вот те объяснения, которые дал нам Р. Гримм, нас абсолютно не удовлетворили. Я должен констатировать, что мы, конечно, сами были уверены в подлинности этого документа и сейчас уверены в подлинности этого документа, но мы допускали, что нашу веру может не разделять Р. Гримм; он может сказать, что этот документ подложный, что ничего подобного Гофман не мог написать. На этот путь Р. Гримм не встал при объяснениях. Он не сказал, что документ подложный; он, склоняясь к его подлинности, не сказал, что это действительно направлено против него.

И мы говорим: при таких условиях, какие могут быть колебания, как отнестись к этому документу? Он мог бы говорить, подлинный или подложный этот документ, но что самое содержание есть гнусная провокация, в этом он колебаться не мог.

И он дал нам первое заявление, — оно имеется у тов. Мартова. Я приведу на память самое существенное место, чтобы показать вам его характер. Это заявление гласит, что мы сообщили ему документ министра иностранных дел Швейцарии, а затем следовало: «Если этим путем германское правительство хочет использовать меня в своих империалистических целях, то я считаю это действие грязной провокацией». Вот как был построен этот документ. Мы считали, что для социалиста не может быть сомнения, какие цели преследуют германское правительство и Гофман, если они пишут такой документ. Мы на это указали ему, мы сказали, что оставляем в стороне все прочее, но это место делает для нас абсолютно неудовлетворительным данный ответ.

Роберт Гримм переработал и дал нам тот документ, который вы имеете перед собой. Мы заявили ему, что и этот документ нас не удовлетворяет. С одной стороны, слишком мягкие выражения употреблены по отношению к тому методу действий Германии, который социалисты никогда не стеснялись заклеймить самыми резкими выражениями. Это нам казалось недостаточно для человека, святое святых которого оскорбило империалистическое правительство, пытающееся навязать свои цели его социалистической пропаганде.

Но главное было не в этом. Главное — не удовлетворяет третий пункт. Здесь говорится: «Еще в Берне, явившись в германское посольство для визирования паспорта, необходимого для поездки, я уклонялся от всякого политического разговора, а во время путешествия в Стокгольм избегал даже всяких сношений с представителями германской социалистической партии большинства». Вот здесь, где Р. Гримм только защищает себя, говоря, что он оборвал разговоры, он не делает того, что нужно: он не обличает тех, которые делали эти попытки, он не указывает, в какой мере он возмущен такими методами борьбы, когда социалистам навязывается роль приспешника империалистического задания.

Мы хотели от него услышать слово социалиста, мы хотели, чтобы он публично заклеймил этот способ действий, и тогда мы, конечно, считали бы вопрос разрешенным, потому что не вина Гримма, что чужое и его собственное правительства пытаются его втянуть в историю, которая равносильна смерти для социалиста. Но он должен заклеймить такие попытки, и в этом — то оружие, которым социалист может бороться с этими попытками.

Затем следующий параграф: «Что касается участия швейцарского правительства в этом деле, то действительную подоплеку я сумею установить лишь на месте». Мы говорили ему, что подоплека этого документа уже и здесь достаточно ясна. Если Гофман послал такой документ, то ясно, что он — прислужник Бетман-Гольвега, ясно, что он тоже хотел вас использовать уже не в целях своего правительства, а германского, и ясно, что вы должны беспощадно заклеймить его.

И вот, товарищи, тут мы услышали то возражение, о котором здесь говорил тов. Мартов. Он говорил: «Если в связи с этой историей будут сделаны те или иные шаги против Швейцарии со стороны держав согласия, то я не хочу за это нести ответственность и потому не могу говорить свободно о своем правительстве». Вот что он сказал.

Тов. Мартов несколько неверно излагал то, что мы ему ответили. Он спросил: ручаемся ли мы, даем ли мы гарантию, что эта история не будет использована против Швейцарии для нарушения ее нейтралитета? Мы отвечали, что мы, как члены Временного русского Правительства, даем гарантию в том, что русское правительство этого намерения не имеет; мы заявили, что глубоко убеждены в том, что таких намерений не имеют и союзные правительства, но что мы, не будучи членами ни английского кабинета, ни французского кабинета, формальной гарантии от лица этих кабинетов давать не можем.

Вот то, что мы сказали; мы были убеждены, что таких намерений нет, но, конечно, тут возможны всякие предположения. Человек может хотя и неосновательно, но искренно тревожиться, и, в конце концов, можем ошибиться и мы, — невозможного на свете нет.

Но в одном мы дали полную гарантию, и с этим согласились и тов. Мартов и Р. Гримм, — мы сказали: что бы ни произошло, письмо Р. Гримма ни на иоту не наклонит весов ни в ту, ни в другую сторону. Если вы и боитесь нарушения швейцарского нейтралитета, то единственным, сколько-

нибудь правдоподобным основанием может служить тот документ, который опубликован. Объяснения Р. Гримма, одобряет ли он действия своего правительства, не могут влиять на те или другие агрессивные шаги того или другого правительства.

С этим они согласились, но сказали, что для Р. Гримма все же остается неудобное положение, если он сейчас заклеймит поведение своего правительства, а в связи с этим осужденным шагом что-нибудь будет предпринято против Швейцарии. Тогда враги социалистов в Швейцарии сделают оружием для нападения на Р. Гримма его письмо и постараются объяснить, будто бы он со своим письмом явится причиной этих бед.

Мы сказали, что для социалиста, если он сознает, что перед родиной он не виновен, такие нападения не страшны. Социалист не может бояться обвинить свое правительство, когда оно предпринимает провокаторский шаг.

Не может бояться этого из ложного опасения (аплодисменты) и Р. Гримм, который стоял во главе бернской комиссии, который все время проповедывал во всех странах отречение от каких бы то ни было соображений, кроме соображений международного единства, кроме соображений долга социалиста. Р. Гримм, когда он встал лицом к лицу с таким фактом, где долг социалиста заставляет его выступить открыто против своего правительства, меньше, чем кто бы то ни было другой, имеет право колебаться.

Нам говорили: Швейцария — маленькая страна, ее легко могут раздавить. Мы отвечали: благодаря вашему письму не увеличится опасность для этой страны. Во всяком случае, мы говорили, что действия социалистов, исполняющих свой долг, не могут ослабить народа или государства в тех столкновениях, которые им грозят.

Если против Швейцарии были бы предприняты какие бы то ни было шаги, которые я считаю совершенно фантастическими, невозможными, то положение, при котором бы швейцарский социалист стал придатком швейцарского правительства, не усилило бы, а ослабило бы швейцарское государство.

Мы задали этот вопрос циммервальдцу и сказали ему: мы требуем, чтобы на этот вопрос вы дали такой же ответ, какой давали в Циммервальде, когда вы предлагали всякому действовать так, как мы предлагаем сейчас вам действовать. (Аплодисменты.) Мы не могли допустить, чтобы узкие национальные соображения, соображения, к тому же не оправданные объективным положением вещей, чтобы эти соображения могли явиться для Р. Гримма основанием, чтобы отвергнуть то элементарное требование, которое надо предъявить всякому социалисту в этом положении.

Мы говорили: вы боитесь за свою Швейцарию,—вы ложно боитесь за свою родину, она не находится в опасности, и, во всяком случае, ваши шаги не подвергнут ее опасности. Мы психологически понимаем, что вы боитесь за судьбу своей родины, но мы доказываем, что ваша боязнь неосновательна.

Они ничего не могли возразить, и мы сказали: почему же вы не понимаете, что [мы] так же бережно относимся к опасности для нашей страны, нашей революции? (Аплодисменты.) Мы говорили, что темные силы ведут борьбу с русской революцией всякими путями. Они обвиняют ее в зависимости от немецкого влияния, они пытаются страну, порвавшую с империалистическими классами, связать со страною, с ней воюющей, изобразить ее орудием в руках империалистических замыслов другой страны.

Мы говорим: русская революция с презрением отбросит всю эту грязь и клевету. Русская революция в своем поступательном развитии выдви-

нула знамя всеобщего мира, исключающего насилия с чьей бы то ни было стороны. И, борясь у себя с империализмом, она, конечно, с презрением отбрасывает прочь империалистические попытки воюющей с нами страны. Мы сказали, что при малейшей неясности в этом деле возникает величайшая опасность для нашей страны, для нашей революции и для международного движения в пользу всеобщего мира.

Инициатива этого движения внутри нашей страны. И вот теперь, когда враги этого движения пытаются набросить на нее тень, когда они пользуются всяким случаем, чтобы оправдать ту враждебную точку зрения, которую они проповедуют против революции, в этот момент русская революция не может допустить ни на одно мгновение, чтобы под ее покровительством, на ее территории находился бы человек, не имеющий смелости открыто отмежеваться от империалистических приемов своего и воюющего с нами правительства, в момент, когда эти правительства пытаются навязать ему роль агента-провокатора.

Вот почему мы сочли неудовлетворительными объяснения, данные Р. Гриммом. Мы заявили, что он имеет возможность в будущем, оказавшись на швейцарской территории, отрешившись от всех страхов, о которых он здесь говорит, выступить решительно против своего министра иностранных дел, против германского правительства, посягавшего на его доброе имя социалиста.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Тов. Церетели, время истекло. (Голоса: «Просим!») Сколько минут вам понадобится?

ЦЕРЕТЕЛИ. Минут 10. Мы говорили Р. Гримму, что создалось такое положение, при котором он, конечно, на русской территории находиться не может. Тов. Мартов говорил, что был другой путь, — путь ареста, путь суда.

Я вас спрашиваю, товарищи: чем принципиально отличается этот путь от того пути? Ведь по отношению Р. Гримма была применена та минимальная репрессия, которая требовалась обстоятельством дела. Что же касается чести, то неужели же вы думаете, что, заключив его в тюрьму по обвинению в этом деле, вы бы могли спасти его честь? Позвольте, товарищи, очевидно, одно из двух: или не надо его трогать совершенно и оставить после опубликования этого документа здесь, в России, чтобы он, отказавшись отмежеваться публично от германского и швейцарского правительств, все-таки здесь оставался и действовал. Правильно ли это товарищи? [1])

С другой стороны [2]), если бы мы заключили его в тюрьму, то ведь вы пришли бы к этой тюрьме с требованием его освобождения. Но вы должны знать, что [3]) другие пришли бы к этой тюрьме с требованием, чтобы вы сняли свое требование. (Аплодисменты.) [4])

Здесь тов. Мартов пытался отождествить Р. Гримма с тем направлением, к которому он принадлежит [5]). Он говорил: русское правительство, русская революция напали на циммервальдское течение [6]). Вот как хотел он объяснить дело.

---

[1]) Начиная со следующего абзаца и до конца речь Церетели печатается по машинописному тексту с собственноручными поправками Церетели (дело № 59), отмечаемыми в дальнейших подстрочных примечаниях. — [2]) Слова: «С другой стороны» — вписаны. — [3]) Слова: «Но вы должны знать, что» вписаны; первоначально после слов «освобождения» стояла запятая и далее шло: «а другие...» и т. д. — [4]) В подлиннике далее зачеркнуто: «Ни Роберту Гримму, ни его защитникам не заказаны пути; они могут дальше вести свою кампанию, но они встали на неверный путь». — [5]) Слова: «к которому он принадлежит» вписаны над зачеркнутым: «во главе которого он стоит». — [6]) Слова: «Циммервальдское течение» вписаны над зачеркнутым «социализм».

Я спрашиваю тов. Мартова: несет ли Циммервальд [1]) ответственность за такие документы? Когда-нибудь и где-нибудь отказался ли социалист заклеймить провокаторским именем то правительство, которое навязывало ему роль агента? Этого не было, товарищи. (Аплодисменты.)

Тов. Мартов говорил о том гостеприимстве, которое было оказано Гриммом социалистам в Швейцарии [2]). Я не знаю, — здесь, в революционной России, разве менее ограждаются права иностранцев, и [3]) не только социалистов, а [4]) представителей всех течений?

Я говорю: если бы тов. Мартов попал в Швейцарию [5]), когда Швейцария после трехлетней войны напрягала бы [6]) все силы для достижения всеобщего мира, если бы в этот момент тов. Мартов получил такой документ, и если бы тов. Мартов на предложение Р. Гримма заклеймить правительство, пытающееся сделать [7]) его агентом или провокатором, ответил отказом, — то [8]) как бы тов. Гримм, любящий свою Швейцарию настолько, что это заволакивает перед ним все горизонты, как поступил [9]) бы Гримм? [10]) Конечно, он не остался [11]) бы для Мартова защитником [12]), потому что одно — защищать эмигранта, высланного за пределы России [13]), который во всех выступлениях [14]) всегда с одинаковой смелостью обличает империалистов всех стран и их гнусные приемы, когда он их может установить на той или другой стороне; другое дело, когда встречаешь социалиста, которому предъявляют документ [15]), пытающийся набросить на него тень, и предлагают заклеймить авторов [16]), а он отвечает: нет, я [17]) не могу их [18]) заклеймить.

Гримм в Швейцарии сказал бы: защищая Швейцарию, я защищаю не только свою страну, но и социализм от упреков, от теней. Так сказали мы: защищая революционную Россию, мы защищаем нашу страну [19]) и дело международного мира, и считаем, что величайшим ударом было бы, если бы под покровительством революции остался [20]) человек, не желающий достаточно резко отмежеваться от империалистических гнусных приемов воюющей с нами страны.

Когда такое положение создалось, мы сказали Р. Гримму [21]): мы не считаем ваших ответов удовлетворительными и мы предлагаем вам покинуть пределы России. (Аплодисменты.)

СКОБЕЛЕВ. Товарищи, когда перед русской революцией вдруг разверзлась бездна гражданской войны, революционная демократия в лице Петроградского Исполнительного Комитета и всего Совета Р. и С. Д. отправила своих представителей во Временное Правительство, предоставив им действовать в пределах полномочий и всякий раз отчитываться перед Петроградским Советом Р. и С. Д. впредь до Всероссийского Съезда. И мы спешим, товарищи, увидевши вас, представителей революционной демократии

---

[1]) Слово: «Циммервальд» вписано над зачеркнутым «социализм». — [2]) Слова: «оказано Гриммом социалистам» вписано над зачеркнутым «открыто». — [3]) «и» вписано. — [4]) «а» вписано. — [5]) Первоначально: «если товарищ был в Швейцарии». — [6]) «бы» вписано. — [7]) Слова: «пытающееся сделать» вписаны над зачеркнутым: «делающего». — [8]) «то» вписано. — [9]) Слово: «поступил» вписано над зачеркнутым: «ответил». — [10]) Первоначально запятая и далее зачеркнуто: «когда имел бы право выступать на защиту своей Швейцарии?» — [11]) Слово: «остался» вписано над зачеркнутым «был». — [12]) Слово: «защитником» вписано над зачеркнутым: «тем, чем он есть на самом деле». — [13]) Далее зачеркнуто: «относительно которого нет никаких документов». — [14]) Далее зачеркнуто: «а это делал тов. Мартов». — [15]) Первоначально: «когда социалисту предъявляют документ». — [16]) Первоначально: «и говорят: заклеймите ваше правительство». — [17]) «я» вписано. — [18]) Слово: «их» вписано. — [19]) Слова: «нашу страну» вписаны над зачеркнутым: «социализм». — [20]) Слово: «остался» вписано над зачеркнутым: «находится». — [21]) «Р. Гримму» — вписано.

всей России, сказать вам, что мы делали в исполнение нашего долга, в силу нашего разумения и по нашей революционной совести. И тяжело, что отчитываться приходится в первую очередь по вопросу о Р. Гримме.

Гостеприимство русской революционной демократии с первых же дней охранялось Советом Р. и С. Д. в полной мере в лице его представителей в Исполнительном Комитете и в лице его министров. Никто больше не добивался абсолютного допуска в пределы России всех, без различия их убеждений и их мышлений. Исполнительный Комитет отправил специальные приглашения представителям всех течений во всех союзных странах от своего имени и добился того, что правительство прежнего состава специально разослало документ от имени Исполнительного Комитета правительствам союзных стран, чтобы они не чинили препятствий к проезду в Россию всех политических деятелей без различия их отношения к войне.[7] Особенно энергичны были мы, будучи лишь ответственными деятелями в Исполнительном Комитете; еще более настойчивы стали, ставши его ответственными министрами.

Р. Гримм здесь, на митингах, с настойчивостью и решительностью, достойными председателя циммервальдской и бернской комиссий, проводил свои взгляды и добивался их осуществления в формах, даже, может быть, не предусмотренных в манифесте Циммервальда. Однако, несмотря на то, что тактические методы Р. Гримма расходилась с методами Совета Р. и С. Д., он и его министры стояли на-страже неприкосновенности и полной свободы слова всех русских товарищей и всех товарищей иностранцев, стоящих на точке зрения Р. Гримма и еще дальше его идущих.

Но когда нам, более чем кто-либо ответственным за деятельность Р. Гримма, был формально предъявлен документ, в виде этой телеграммы, нам, больше чем кому бы то ни было, стало ясно, какой жестокий удар наносится этим документом и делу мира, которое делает русская революция, и всем идеям Циммервальда. И не лишить гостеприимства спешили мы Р. Гримма, ибо для этого не нужно было с ним объясняться. Другое правительство сделало бы немедленно вывод, вытекающий из этого документа, а мы немедленно отправились к Р. Гримму и сказали: документ наносит удар всему делу мира и делу Циммервальда; необходимы столь же решительные шаги для того, чтобы этот решительный удар, нанесенный делу мира, был немедленно отпарирован.

Здесь говорят, что Р. Гримм выслан только на том основании, что два министра, да еще социалиста, признали его разъяснения неудовлетворительными. Не так, товарищи, обстоит дело. Не в том дело, признали ли два министра разъяснения удовлетворительными или неудовлетворительными, а дело в том, действительно ли Р. Гримм, председатель циммервальдской и бернской комиссий, отпарировал столь решительно этот удар, нанесенный нашему делу, с такой решительностью, на какую имела право рассчитывать русская революция, с той решительностью, с какой обязан это сделать председатель Циммервальдской конференции.

И, по нашему глубокому убеждению, это было не так. Когда нас спрашивали,—в частности тов. Мартов, который считает несчастьем, что он был свидетелем нашего разговора,—когда нас спрашивали: что же вы считали бы для вас удовлетворительным, мы прямо заявили: мы хотим слышать от председателя Циммервальдской конференции язык циммервальдских манифестов, а тем более в такой ответственный момент и по поводу гнусного хода против Циммервальда.

По совести говорим вам, что решительности и смелости, с которыми развивались на митингах идеи Циммервальда, в этом документе нет. Мы не

ставим упрека и не судим за это Р. Гримма. Мы вполне уважаем его бережливое отношение к интересам Швейцарии, как к его родине, и к Швейцарии, как нейтральной стране. Но мы вполне убеждены, что не его слова поставили бы в щекотливое положение Швейцарию, а телеграмма его министра. И мы, уважая его бережливость, должны сказать ему, что мы имеем право на такое же бережное отношение к стране, находящейся в состоянии революции, тем более, что мы убеждены, что знамя мира и братства всех народов, находившееся до сих пор в слабых количественно руках циммервальдцев, отныне находится в мощных руках революции. И во имя общего мира, во имя тех идеалов, которые написаны на знамени русской революции, русская революция не может потерпеть ни одной минуты, чтобы на этом знамени хоть на минуту появилась черная точка или темное пятно. Поэтому, когда мы требовали от Р. Гримма категорического выступления, чтобы не оставалось тени сомнения вокруг этого документа, мы не свой каприз изъявили, мы защищали честь русской революции, чтобы лишить возможности кого бы то ни было вокруг идейной борьбы русской революции за мир создать хоть какое-нибудь темное, неясное место. Мы могли ошибиться; может быть, надо было согласиться с мнением тов. Мартова, что документ этот надо признать удовлетворительным, а, значит, на другой день продолжать с решительностью и смелостью, свойственной революции, защищать Гримма от всяких нападок. Нет, товарищи, мы не чувствовали силы и не считали себя в праве защищать Р. Гримма.

Я лично его никогда до приезда в Россию не видел. И на работе не сталкивался.

В то время, когда на Гримма уже сыпались обвинения в печати, в некоторой части русской печати и в заграничной союзнической печати, и когда вначале министр иностранных дел дал нам заключение, порочащее его имя, мы, несмотря на это, грудью стали на защиту его, ибо, товарищи, мы всегда вставали на защиту людей, борющихся за мир, как идею большинства Циммервальда, и продолжаем это делать и теперь. И если мы после разъяснения не считали себя в праве, не в силах выступить в защиту Р. Гримма, то только потому, что думали, что он своим шагом нанес жестокий удар циммервальдцам.

Мы не скрываем, что инцидент с Р. Гриммом ударяет всех нас, да, ибо этот инцидент осложняет работу русской революционной демократии на пути к миру и в первую очередь осложняет вопрос о созыве международной конференции. Мы учитывали все последствия этого шага не только здесь, но и в тот момент, когда ручались за него. Скажу больше, что инцидент с Гриммом, или, вернее, с телеграммой, затрудняет внешнюю политику России в вопросе скорейшего достижения мира.

Мы это учитывали еще тогда, решаясь на этот шаг. Но сознание этих последствий не могло диктовать нам обратного решения: мы не могли сказать, что раз этот шаг будет чреват последствиями, мы должны его замять и не делать соответствующего вывода. Замять его мы не имели права; мы, министры социалисты, должны были, больше, чем кто либо другой, настоять на полной гласности в этом деле. Настаивая на полной гласности в этом деле, мы знали, что правительство революционной страны, предавши гласности факт, не может не сделать соответствующего вывода. И мы настаивали на гласности, и мы сознательно сделали все вытекающие отсюда выводы и несем ответственность перед вами и перед всем рабочим классом и перед всеми демократиями других стран. (Аплодисменты.)

Мы надеемся, что Р. Гримм сделает все от него зависящее для того, чтобы смягчить удар, нанесенный его шагом делу мира, делу, которое

дорого всем нам здесь. И если завтра же Р. Гримм докажет, что он здесь не при чем, докажет, что он сделался жертвой германских интриг и неосторожного, чтобы не сказать более, шага своего министра иностранных дел, то мы будем требовать, и считаем себя в праве это делать, мы будем требовать от других признания, что до тех пор, пока он этого не сделал, русская революция не имела права не отмежеваться от него, ибо только во имя сохранения чистоты борьбы за мир русская революция в этом неопределенном, неясном шаге должна была принять самую решительную позицию, отмежевавшись от него. И тогда, когда он восстановит в своем шаге всю ясность, тогда он вернется к тому делу, которому служит русская революция, — делу мира, возможно скорейшего. (Бурные аплодисменты.)

КЕРЕНСКИЙ (Бурные овации). Товарищи, в этом случае с Р. Гриммом все должны совершенно определенно выяснить свое отношение. В эпизоде говорится о министрах социалистах Церетели и Скобелеве. Там нет и не упоминается моей фамилии. Еще во Временном Правительстве старого состава я добивался разрешения для Р. Гримма въезда в Россию и в этом вопросе считаю себя морально связанным с моими товарищами. И поэтому прошу тех, кто по поводу этого дела, по поводу поступка т.т. Церетели и Скобелева, поступка, который, по-моему, действительно показал, что они понимают задачи русской революции и цели ее в настоящее время в международной борьбе за мир, я прошу тех, кто нападает на них за этот их поступок, присоединить также и мое имя. (Бурные аплодисменты.) Я совершенно с ними солидарен. (Бурные аплодисменты.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Товарищи, записалось 47 человек. Предлагается закрыть запись ораторов. Возражений «нет». (Голоса: «Нет».) Позвольте список считать закрытым. Теперь, товарищи, на основании § 2 принятого вами наказа, позвольте следующим ораторам от фракций давать по 15 минут. Слово принадлежит тов. Зиновьеву.

ЗИНОВЬЕВ. Товарищи, о деле Р. Гримма наша партия и фракция большевиков, заседающая здесь, знает только то, что мы узнали сегодня из газет и из речей, произнесенных здесь. Никто из нас не имел случая слышать тех объяснений, которые, по нашим сведениям, сегодня давались в ряде фракций, никто из нас ровным счетом ничего не знал о тех переговорах вокруг этого дела, которые, повидимому, велись в течение нескольких дней до опубликования этого материала. Мы судим об этом деле, повторяю, только на основании тех материалов, которые мы имеем теперь. (Аплодисменты группы большевиков.)

Товарищи, наше направление никогда не отождествляло себя с тем направлением, которое защищал Р. Гримм. Мы с самого начала в Циммервальде конструировались, как левые циммервальдцы (шум), разошедшись с Р. Гриммом в целом ряде в высшей степени важных вопросов. [8] Более того, я скажу, что объяснения, данные Р. Гриммом в печати, мы не можем признать удовлетворительными; мы не можем понять, почему, в самом деле, Гримм не мог сказать, что он считает этот поступок провокацией (аплодисменты); мы не можем понять, почему он по отношению к своему министру Гофману и к своим империалистам не мог повести таких речей, как это подобает революционерам-социалистам по отношению к своему правительству. (Аплодисменты.)

Но, товарищи, существует английская поговорка, что прежде всего помети перед своим собственным домом, и мы обращаемся к министрам социалистам: почему они не позаботились о том, чтобы помести в первую очередь перед своим собственным домом?

В чем обвиняют Р. Гримма? Если бы здесь вышли министры социалисты и сказали, что обвиняют Гримма в том, что он является сознательным агентом германского правительства, то мы сказали бы, что это дело надо разобрать в соответствующей комиссии. Мы знаем, что в ходе мировой войны погибло много репутаций, погибло слишком много социалистических репутаций. Мы сказали бы, что мы допускаем все: разберите этот вопрос. Но, товарищи, мы не слышали никаких обвинений; мы слышали от Церетели и Скобелева пространные доказательства того, что Гримм плохой интернационалист. Я охотно соглашусь с этим. Мы говорили это Гримму гораздо раньше,—мы говорили это в печати, говорили на конференции и на швейцарском собрании перед рабочими, что Гримм принадлежит к тому направлению, которое мы называем центром, принадлежит к тому направлению, которое хочет мира с шовинистами, которое не хочет расколоться с теми, кто перешел на сторону своего правительства.

Если Гримм обвиняется в том, что он плохой интернационалист, что он не решается выступить против всякого империализма, то мы позволим себе спросить министров социалистов: а как они относятся к английским и французским представителям империализма? (Аплодисменты большевиков.) Мы не можем забыть первого приезда английских гостей сюда, во главе с О' Греди, [9] мы не можем забыть того, что наши товарищи устроили с ними братание перед всем российским рабочим классом, мы не можем забыть того, что, когда приехал сюда не какой-нибудь ужасный большевик, а Виктор Чернов, который сидит сейчас рядом с вами, он сказал, что английские социалисты поручили ему сказать, что эта делегация О' Греди и других послана английским правительством и находится в тесной связи с английским правительством. Это сказал Чернов на всю Россию, а призвали вы их к порядку?

Мы не можем забыть того, что у нас недавно гостил Альбер Тома, и что когда он приходил в Исполнительный Комитет, то в честь его все члены вставали, и когда уходил, то тоже вставали, а он перед своим отъездом устроил грандиозное собрание в Петрограде, где братался с Милюковым, которого вы «ушли». Милюков братался с ним и заявил, что с его разъяснениями он в общем и целом согласен.

Мы не можем забыть, что Гендерсон является также представителем английских империалистов. И мы спрашиваем товарищей: если они так строги, если они не могут стерпеть того, что некоторые люди недостаточно размежевываются с империализмом, то мы спрашиваем их: размежевались ли они с империалистом Англии Гендерсоном и с империалистом Франции Альбером Тома?

Вы знаете ноту, сделанную французским и английским правительствами, ноту, которая поставила в тупик всю политику Совета, ноту, которая сорвала всю нашу политику согласия с ними, — мы спрашиваем министров: потребовали ли они от Тома и Гендерсона, чтобы они открыто сказали, что они не солидарны с этою нотою, что они не солидарны со своим правительством, не солидарны со своими капиталистами? [10] Они этого не сделали, и мы считаем своим долгом обратиться к ним: пометите прежде всего перед своим домом. (Аплодисменты части собрания.)

Но, товарищи, кроме всего прочего, существует и другой, гораздо более важный, вопрос, не столько о принципах социализма, сколько о принципах простого демократизма; [мы] говорим, что то, что сделано было по отношению к Р. Гримму, есть нарушение элементарных принципов демократизма, и в этом отношении мы вполне солидарны с тов. Мартовым; мы спрашиваем: почему министры не созвали совещание, хотя бы своих собственных

партий, с.-р. и меньшевиков, почему они не пришли в собственный Исполнительный Комитет, представителями которого они являются, большинство в котором за ними обеспечено?

Мы спрашиваем их, с каких пор против плохих интернационалистов борются высылками. (Аплодисменты части собрания.)

Мы говорим, что если бы дело шло о чести только Р. Гримма, то хотя, конечно, долг русской революции щадить честь каждого отдельного человека, даже если он не революционер, — личная честь для нас дорога, — но мы говорим, товарищи, что в этом деле идет речь о чести нашей, о чести русской революции, о чести Совета Рабочих и Солдатских Депутатов. (Аплодисменты.) И я думаю, товарищи, что когда этот вопрос немножко отойдет подальше, когда у нас не будет такой страстности, когда у нас не будет такого напряжения, то сторонники т.т. Церетели и Скобелева скажут себе, — это не было самой славной страницей в их деятельности. (Голос: «Прекрасная страница!»)

Первый раз высылка применена, и применена кем? Нашими товарищами. Мы считаем, что в этом инциденте, как в капле малых вод, отразилось все положение современного социализма со всеми его ужасами и слабостями. Беда Гримма в том, что он не оказался решительным интернационалистом, что он дал один палец своим капиталистам, дал один палец своим социал-патриотам, и это привело к тому, что он поставил себя и движение, во главе которого он стоит, в двойственное положение.

Мы говорим, что наши товарищи, которые, увы, подали своим капиталистам не один палец, а гораздо больше пальцев, все пять, они поставили себя в такое положение, что такие функции, как высылка, возлагаются на них, функции, которые мы не можем признать особенно почетными во всяком случае.

Наша партия ни в коем случае не берет под свою защиту заявление Гримма; мы не понимаем, мы отказываемся понять, что̀ мешало ему сказать, что Гофман, германские капиталисты или швейцарские — такие же провокаторы, такие же злодеи и грабители, как капиталисты всех стран. Это было его долгом, его обязанностью сказать, но мы совершенно отказываемся понять, как можно было человека, без суда, без следствия, без совещания с собственными товарищами, без совещания с Исполнительным Комитетом, выслать, и как можно было поставить вас перед совершившимся уже фактом, зная, что Съезд будет сейчас же, зная, что можно поговорить с делегатами, зная, что на самом деле в шпионстве или даже в агентстве никто его не обвиняет.

Мы говорим, что мы видим во всем этом инциденте отражение всего положения вещей. Кто хочет не только увлекаться эффектами, не только тем, что будут кричать в газетах, которые закричали уже, что во всем виноваты злые ленинцы, которые, кстати сказать, с Гриммом рука-об-руку никогда не шли, кто захочет понять, откуда же такое обстоятельство, что Всероссийский Съезд, собравшись со всех концов России, встал перед этим сюрпризом, тот должен будет сказать: это коренится во всем кризисе социализма.

Нет спасения, пока мы будем искать сучок в глазу соседа и не замечать бревна в собственном глазу, не замечать того, что пока мы находимся в блоке, в союзе со своими империалистами, всякая наша критика, направленная в защиту Интернационала и социализма, будет звучать поневоле фальшиво (аплодисменты части собрания) для того человека, у которого есть уши, чтобы слышать. Пусть этот печальный инцидент, которому суждено стать предисловием к нашим занятиям, докажет, что для того,

чтобы быть интернационалистом не на словах, а на деле, нужно бороться со своими империалистами, со своими капиталистами. Только тогда мы будем иметь право говорить об интернациональном социализме. (Аплодисменты.)

ЛИБЕР. Товарищи, прежде чем приступить к изложению позиции фракции меньшевиков, которая уполномочила меня сделать здесь от ее имени выступление по этому вопросу, я должен отвести в сторону ту аргументацию, которую здесь пытался развить тов. Зиновьев. Эта аргументация сводится к следующему, — он говорит: вы сюда допускали английских империалистов, вы сюда допускали французских империалистов; Тома у вас на собраниях произносил речи, и Гендерсон произносил у вас речи, и поэтому, — вывод, — поэтому германских империалистов мы должны пустить к нам произносить у нас на собраниях речи. (Аплодисменты большей части собрания.)

Чем объяснить психологическую возможность такой нелепой аргументации? Она объясняется тем, что здесь сознательно вычеркнута перед вами обстановка войны, забыто о том, что мы находимся в состоянии войны, и что целый ряд действий, которые в мирное время никогда не могли иметь места, вызываются той трагической обстановкой, в которой мы оказались в настоящее время и которая зависит не от нас. И вот поскольку эта позиция существует, я именно и хочу показать вам, к каким печальным последствиям она привела.

Разве, товарищи, на этом Съезде русской революционной демократии нужно доказывать, что инцидент с Гриммом есть инцидент печальный, разве кто-нибудь из нас на этом Съезде не отдал бы очень и очень многого для того, чтобы этого инцидента не было? (Аплодисменты.) Следовательно, дело сводится не к этому, — не к тому, чтоб констатировать этот чрезвычайно тяжелый и печальный факт, а к тому, чтобы попытаться объяснить ту обстановку, которая к нему привела. Трагизм этой обстановки, товарищи, я уже имел случай об этом говорить неоднократно, состоит в том, что милитаризм умудряется даже интернационализм заставлять служить себе. Вот в чем трагизм положения. (Аплодисменты.) Тов. Гримм, в котором никто из нас не имеет права сомневаться, потому что нет никаких доводов и никаких аргументов в пользу того, чтобы усомниться в искренности его интернационалистических побуждений, сам в своем документе заявляет, что его петроградские выступления германские империалисты желают использовать в своих интересах. Это определенно заявляет сам Гримм, следовательно, вы видите, что бывает такое трагическое положение, когда интернационалистическая тактика, развиваясь только в одной стране, является на службе империализма другой страны. (Аплодисменты.)

И вот, когда вы перейдете к самому существу, то заметьте, какой мы имеем перед собой документ: швейцарское правительство в очень простой, лапидарной, самой обычной форме, как будто дело идет о самой обычной вещи, пишет: «Извольте, пожалуйста, словесно передать Р. Гримму, председателю интернациональной комиссии, следующее мнение германского правительства по отношению к войне».

Это сообщено в тайной шифрованной переписке. Следовательно, по существу, когда тов. Гримм говорит здесь, что [дело] сводится к использованию только его петроградских выступлений германскими империалистами, то, вчитавшись в документ тов. Гримма, вы замечаете, что в нем есть явное противоречие. Ибо Гримм говорит в другом пункте, что дело сводится не только к петроградским выступлениям, что попытка использовать его была предпринята и по пути при визировании паспорта, когда об его петро-

градских выступлениях еще ничего не было известно. Следовательно, с этой стороны, несомненно, это есть, пусть с негодными средствами, пусть неудавшееся, но покушение, покушение использовать работу революционного интернационалиста в пользу германского милитаризма.

И вот, когда перед товарищами Гримма и прежде всего перед товарищами социалистами, которые представляют интернационалистов в данном правительстве, встал вопрос, как быть с этими документами, то ответов на это могло быть два. Или оставить без ответа совсем, т.-е. скрыть, что в революционной России возможен такой факт, который в старой самодержавной России даже Сухомлинова бросал на скамью подсудимых, возможен такой факт, что правительство официально получает документ о том, что один гражданин иностранной державы, приехавший на русскую территорию, получает поручение о том, чтобы здесь заняться разъяснениями взгляда германского правительства. Правительство могло, значит, заявить: я перехожу к очередным делам, меня этот вопрос не интересует.

Я говорю вам, что если бы мы были в стране, где только были бы одни социалисты, где не могло бы быть никаких недоразумений, может быть, тогда можно было бы перейти к очередным делам. Но в настоящее время, когда у нас в России контр-революция в достаточной мере сильна, когда всякий ложный шаг Временного Правительства если не может быть учтен сегодня, то будет учтен завтра и послезавтра, когда ошибочный шаг с нашей стороны явится тем острым оружием, которое куют против нас наши враги, чтобы потом сказать: во время войны, когда вы имели такой документ, вы его даже не опубликовали, вы его просто спрятали, перешли к очередным делам, — разве мыслимо подобного рода отношение со стороны правительства?

Следовательно, оно документ этот должно было опубликовать, а раз оно должно было опубликовать, то возникает вопрос и о том, могло ли правительство просто опубликовать этот документ, не сопровождая этого никакой попыткой получить со стороны Гримма какой-либо ответ? Нет, этого оно не могло бы сделать, — это было бы косвенным признанием того, что они признают подозрения против Гримма основательными. Они потребовали от него объяснений, и Р. Гримм дал ответ. Вы должны теперь сказать, удовлетворителен ли этот ответ, не только с точки зрения тов. Зиновьева, для которого Р. Гримм недостаточно левый циммервальдист, а с точки зрения самой обыкновенной, с точки зрения общей, демократической. Обратите ваше внимание на то, что прежде всего он говорит о том, что ему не было известно такое сообщение швейцарского посла, ни прямо, ни через чье-либо посредство; он констатирует, что этот документ до него еще не дошел, будто бы все дело сводится к тому, что если бы этот документ до него дошел, а он не довел бы его до сведения всех товарищей социалистов, тогда дело было бы кончено, — тогда ясно было бы, какова его роль. Обязанность его констатировать не только то, что этот документ не дошел до него, а что одна мысль, что к нему, Р. Гримму, могут запросто обращаться министры буржуазного правительства с дипломатическим поручением здесь, в России, невозможна, и подобного рода подозрения по его адресу он должен был отмести, как покушение на его честь. (Аплодисменты.) И в данном случае это было бы только выступлением в защиту интернационализма, в защиту циммервальдизма. Он этого не сделал.

Дальше он говорил, что содержание телеграммы приходится рассматривать, как попытку со стороны Германии использовать его петроградские выступления. Какой объективизм тона! Он просто констатирует факт: «Попытались использовать мои петроградские выступления». Если бы кто-

нибудь из нас осмелился в подобном тоне что-либо подобное сказать, если тов. Церетели по поводу какого-либо отдельного обстоятельства сказал: Это просто правительство пыталось меня использовать (смех, аплодисменты), ему бы сказали: Вас пытались использовать, а вы что сделали? Вы дали себя использовать? Как вы отнеслись к самому покушению на это?

На это тов. Гримм не отвечает ни слова. Больше того, он обещает нам, что когда он приедет в Швейцарию, то он вскроет подоплеку, т.-е. начнет заниматься расследованием, на каком основании Гофман отправил такую телеграмму Одье. Задача эта почтенная, и очень хорошо, что Гримм будет ею заниматься. Но, независимо от того, к каким результатам он придет, он должен был сказать, что эта телеграмма является покушением на социалистическую революционную честь, и что подобного рода покушения он самым решительным образом отвергает. Он этого не сделал и не случайно не сделал. Когда его об этом просили, когда его об этом умоляли, то он все-таки отказался. С того момента, когда он от этого отказался, положение до чрезвычайности осложнилось, потому что наши товарищи не могли в ответ на ту буржуазную кампанию, которая с сегодняшнего дня начнется по поводу этого документа, не могли сказать: когда пожелали Р. Гримма использовать, вот какую пощечину Р. Гримм дал. Ответ этот пощечина или нет? Нет. Мы имеем затем новое положение, — последовал ответ Р. Гримма, ответ, который всякий беспристрастный человек должен признать неудовлетворительным; а если это ответ неудовлетворительный, то тогда получилась такая коллизия, выход из которой мог быть только тот, чтобы опубликовать сообщение о том, что они признают ответ неудовлетворительным. И наши товарищи министры обязаны были, они не могли скрыть своего отношения, они должны были это сделать.

Я отнюдь ни на один момент не хочу закрывать глаза на тот факт, что Гримм должен был оставить Россию принудительно. Этого факта мы не можем скрыть никакими обстоятельствами, и пытаться скрыть его не приходится. Этот факт до последней степени печальный и лишний раз подчеркивает трагизм положения, в котором мы оказались; но этот факт является неизбежным последствием всей цепи событий, которая началась с опубликования этой телеграммы и ответного разъяснения Р. Гримма.

Нам говорят о суде. О каком суде? О суде социалистическом? Это могут говорить только те люди, которые предлагают это нам, заранее зная, что из этого не вышло бы ничего, потому что они прекрасно знают по собственному опыту, что никакой суд, который выскажется против них, не является судом, потому что они заранее заявляют: те, которые в большинстве, это — буржуи, мелкие, средние и какие угодно. (Смех, аплодисменты.) И понятно, что для Р. Гримма авторитетным судом мог быть только суд в его собственной стране, в его собственной Швейцарии. Если я вас здесь призываю, то не к тому, чтобы осуждать Р. Гримма, — на это мы не имеем права и к этому не призываем, — но здесь мы должны вынести свое суждение о поведении наших товарищей-социалистов, которые этот шаг предприняли сами, которые взяли на себя за этот шаг ответственность. Нам предстоит сказать: желаем ли мы эту ответственность разделить или нет. Только по поводу их поведения мы можем вынести решение, и, в связи с событиями, о которых я сказал, они должны вынести ответ, несмотря на то, что положение крайне тяжелое для них и всех нас в России и для Интернационала.

Вот резолюция, которую мы предлагаем по этому поводу:

«Признавая образ действий т.т. Церетели и Скобелева в деле тов. Гримма соответствующим интересам русской революции и международного социа-

лизма, Всероссийский Съезд Советов Р. и С. Д. вместе с тем приветствует их решение опубликовать подробное сообщение обо всех обстоятельствах этого дела, в частности о мотивах, заставлявших их признать объяснения тов. Гримма неудовлетворительными». (Аплодисменты.)

ГОЦ. Тов. Либер так усердно сейчас подвел мину под дом тов. Зиновьева, что на мою долю остается мало прибавить к словам тов. Либера.

Тов. Зиновьев представил все дело в следующем виде: мы обрушились на тов. Р. Гримма только потому, что он оказался плохим интернационалистом, и он негодовал, каким образом мы, которых он сам заподозревал в интернационализме, каким образом мы вдруг за то, что человек оказался недостаточно последовательным, по нашему мнению, или плохим интернационалистом, высылаем его за пределы русской революции.

Я думаю, что дело не так обстоит; не за то мы выслали или предложили покинуть пределы русской революции Р. Гримму, что он оказался плохим интернационалистом. С моей точки зрения, и тов. Зиновьев очень плохой интернационалист. (Аплодисменты. Смех.) Но из этого не следует, конечно, что я должен предложит ему покинуть пределы русской революции. (Аплодисменты.)

Товарищи, дело ведь ясное и определенное. Тов. Гримм явился к нам, как официальный лидер определенного течения—Циммервальда, за которым я в прошлом признаю несомненные исторические заслуги. Надо признать, товарищи, что группа, к которой примыкает Р. Гримм, была первой, которая до русской революции подняла знамя борьбы за всеобщий мир. И вот, когда тов. Гримм явился к нам, мы встретили его, как представителя этого течения. Когда же нам стало известно, что этот официальный представитель известного течения оказался орудием в руках империалистических кругов Германии... (шум) и когда его хотели сделать этим орудием, и он не протестовал против этого... (шум), когда он не энергично протестовал против того, что империалистические круги хотят его сделать орудием своих замыслов,—когда он не протестовал против этого, не нашел в себе политического мужества, чтобы решительно, категорически отмежеваться от этого, — тогда только мы и осудили его.

Товарищи, тут дело не в плохом интернационализме, а в полном забвении самых элементарных основ интернационализма и социализма, — вот в чем дело. (Аплодисменты.)

Тов. Зиновьев встал в благородную позу и негодовал: как мы без суда и следствия Гримма выслали? Товарищи, судить Р. Гримма будет международный социалистический конгресс, они в праве его судить и осудить. Мы же здесь не судим Р. Гримма и не разбираем всю его деятельность в целом, мы разбираем только эпизод, который здесь имел место и который хотели сейчас использовать, как орудие борьбы против нашего Временного Революционного Правительства. (Аплодисменты.)

Тов. Зиновьев говорит: как же, почему т.т. Церетели и Скобелев не советовались со своими политическими единомышленниками? Я не понимаю той чуткости, которую проявляет тов. Зиновьев в этом вопросе. Только вы в праве будете решить, правы или неправы были т.т. Церетели и Скобелев, и никакого отношения сюда не имеет то обстоятельство, советовались они или не советовались. Конечно, советовались, но это не изменяет существа дела. Только вы, представители революционной армии и революционного пролетариата, только одни вы можете решить, правильно они поступили или нет. ([Голоса]: «Правильно». Аплодисменты.)

Но, товарищи, не надо впадать в другую ошибку. Тов. Гримм оказался слишком маленьким, ему не по плечу оказалась та огромная историческая

роль, которая, случайно быть может, выпала на его долю. Но, товарищи, не надо ставить знак равенства между маленьким [Гриммом] и великим делом борьбы за всеобщий мир. Товарищи, я думаю об этой идее, о всеобщем мире, и думаю, что есть лучший знаменосец, чем тов. Гримм, и этим знаменосцем всеобщего мира является великая русская революция. (Аплодисменты.)

И не надо бояться, товарищи, что этим мы скомпрометировали дело борьбы за всеобщий мир. Нет, мы не скомпрометировали, потому что русская революция явилась авангардом борьбы за мир, она явилась главным застрельщиком. Дело Р. Гримма забудется, а великое дело борьбы за всеобщий мир, конечно, не теми путями, не сепаратным миром, не сепаратным перемирием, а в международном масштабе, усилиями всей международной демократии, это дело было, есть и будет делом русской революции.

От имени фракции с.-р. я уполномочен сообщить вам, что мы вполне одобряем действия наших товарищей Церетели и Скобелева. (Бурные аплодисменты.)

АБРАМОВИЧ. Товарищи, я узнал об истории с Р. Гриммом из газет и из того, что я здесь слышал. На меня, как на человека, лично знающего Гримма, это произвело удручающее впечатление. Я старался добросовестно разобраться в этом трагическом, скажу, инциденте и, внимательно прислушиваясь ко всем речам за и против Гримма, желал понять, в чем, в сущности, Гримма обвиняют и за что его выслали.

Тов. Церетели заявил: Гримм недостаточно резко отмежевался от провокационной выходки швейцарского правительства. Тов. Скобелев заявлял, что Гримм недостаточно последовательный циммервальдист, тов. Гоц заявил, что это не играет роли, что человек не циммервальдист, но важно, что он самые основы интернационализма и циммервальдизма не понимает, что он слишком маленький человек, и роль, взятая им, ему не по плечу.

Я спрашиваю, товарищи, так как я не юрист, но в зале здесь достаточно хороших юристов, я прошу объяснить: является ли нейтральный иностранец, подданный не воюющей державы, а нейтральной Швейцарской республики, является ли для него преступлением быть германофилом, франкофилом, англофилом или каким угодно «филом»? Является ли для иностранца, гражданина иностранной республики, обязательно быть интернационал-социалистом или он может быть буржуазным националистом? Является ли преступлением для нейтрального социалиста, если он социалист, если он отступает от основ Циммервальда или от основ социализма, в лице тех священных институтов, которые Временное Правительство берет под свою высокую защиту, и за преступление против которых оно наказывает высылкой из России? То обстоятельство, что Р. Гримм — маленький человек, является ли законным поводом для высылки его из России?

Я тщетно старался выяснить, за что Р. Гримм выслан, и от наших товарищей-министров ответа на это не получил, как не получили и вы все. Товарищи, здесь произошло чрезвычайно трагическое смешение. Мы, привыкшие дискутировать в тесном кругу социалистов, стали и с Р. Гриммом дискутировать, как будто бы мы находимся на партийном собрании, где нелогичность, недостаточная социалистичность, мелкая, редакционная, является достаточным поводом для обвинения и изгнания из среды.

Но речь шла не о том, что [нужно] Р. Гримма исключить из рядов той или другой социалистической фракции, — для этого материала достаточно, — а речь шла о том, чтобы изгнать Гримма, как агента-провокатора, как агента германского правительства. Это единственное обвинение, которое могло быть к нему предъявлено и за которое он мог заслужить высылку. Я спрашиваю: было ли это обвинение доказано, и утверждаю, что нет.

Все говорившие против Гримма подчеркивали, что они его лично ни в чем не подозревают. Значит, человек, против которого никаких данных судебных или документальных не имеется, человек, о личности которого даже у его обвинителей не возникает сомнений, такой человек изгоняется из пределов России за свою колеблющуюся социалистическую позицию. Я спрашиваю вас, как демократов, как граждан: мыслимо ли такое положение в свободной России, чтобы нейтральный иностранец изгонялся за свои политические взгляды? (Голос: «Шпионаж — разве политический взгляд?»)

То заявление, которое здесь было сделано от имени Временного Правительства и наших товарищей, состоящих во Временном Правительстве, сводилось к чему? Текст заявления Временного Правительства способен возбудить самые худшие подозрения относительно Гримма, относительно его самой простой, житейской честности. Сформулирован он в таком виде, что его объяснения признаются недостаточными, неудовлетворительными, и потому он изгнан из пределов России. Так это поймет всякий, кто прочтет. Ведь эта телеграмма передана сегодня по радиотелеграфу во все концы земного шара, и имя Гримма треплется в сотнях газет разных направлений. Как это будет воспринято? «Ага, изловили голубчика, поймали, уличили, как агента немецкого правительства, и изгнали!»

Так будет истолковано. А разве это доказано? Разве он, обвиняемый, должен доказывать, что он не виновен, или, наоборот, обвинители должны на суде доказать, что он виноват?

Что же это за новый суд? Призывают человека и говорят: пиши, что ты не виновен. Да нет, товарищи-министры даже этого не требовали, они не сомневались ни одной секунды, что он не виноват, и говорили: дай нам заявление, что ты возмущен, во-вторых, что ты проклинаешь милитаристическую Германию. Прежде всего требовали проклятия Германии, с одной стороны, и заявления против собственного своего правительства.

Товарищи, можно быть каких угодно взглядов о том, следует ли швейцарскому интернационалисту, социалисту защищать Швейцарскую республику от французов, немцев, или не следует, но вы не берите на себя смелости здесь, в зале, судить о положении Швейцарии и швейцарских социалистов. Вы слишком мало осведомлены об этом, а я осведомлен, я прожил много времени в Швейцарии и знаю это. Я утверждаю, что всякий, кто знаком с швейцарскими обстоятельствами и кто не берется прямолинейно судить о вещах, которых не знает, должен заявить: Швейцария мобилизует все свои войска на французской границе; швейцарцы живут под постоянной угрозой нарушения нейтралитета со стороны Франции. Может быть, они ошибаются, ибо в тайны эти никто не посвящен. Но я знаю, что бедная Швейцария, бедная деньгами, содержит огромную армию на французской границе все время; вероятно, имеет основания для этого.

И вот наш известный товарищ циммервальдец возражает против швейцарской мобилизации, требует демобилизации. Теперь тот момент, когда война достигла критической степени, когда Швейцария также относится отрицательно к демобилизации, в этот момент поднимать вопрос о нейтралитете своей страны есть шаг, на который нужна огромная смелость, не только смелость личная, но смелость политическая, на которую ни один политический деятель не решится, не посоветовавшись предварительно со своей партией. А он ответственное лицо в партии.

Я спрашиваю вас: если вы беретесь предъявлять к человеку такого рода требование, то вы должны отдать отчет в тех последствиях, которые этот шаг мог повести за собой. Вы говорите: этого документа достаточно, чтобы нанести вред Швейцарии, и, что бы Гримм ни сказал, от этого ничто

не изменится. Вы ошибаетесь: ведь каждое письмо бельгийца, перехваченное немцами, используется ими, как оправдание их нарушения бельгийского нейтралитета; так и заявление Гримма дало бы пищу контр-нападениям на Швейцарию, которая, по словам такого видного швейцарца, как Р. Гримм, сама нарушила бы нейтралитет. Можете ли вы требовать от Р. Гримма, чтобы он дал такой ответ? Вы не имеете морального права ставить человека к кресту за такие вещи.

Товарищи, прежде всего, есть основной вопрос, который для нас стоит: имели ли право не только министры-социалисты, имело ли право Временное Правительство осуждать без суда, без следствия, без документов, при внутренней уверенности в личной честности Р. Гримма, накладывать на него позорное пятно, пятно германского агента? Имело ли право русское правительство это делать, имело ли юридические основания? Нет, этого никто не доказал. Здесь говорили, что положение такое тяжелое, что это нужно было сделать, но никто не доказал, что было моральное право это делать. (Аплодисменты.)

Товарищи, бывают вещи, которые нужно было бы сделать, которые полезно было бы сделать для укрепления позиции правительства, но есть революционная социалистическая мораль, которая такого оппортунизма не допускает и делает его морально недопустимым. Я не хочу спорить с тов. Либером и другими: может быть, положение министров было щекотливое, может быть, неудобное, может быть, им для укрепления своей позиции в стране удобнее выслать Р. Гримма, но не все то, что удобно, позволительно делать. Вы не имеете права накладывать жупел, бубновый туз нашивать на спину человека, в моральной чистоте которого вы уверены. Ибо вы это заявили.

Товарищи, это начинает походить несколько на дело Дрейфуса, когда был пожертвован один человек, потому что для республики, для спасения ситуации французского правительства это было нужно. Вы говорите: Р. Гримм не осужден, он сможет оправдаться. Тов. Скобелев говорил, что когда он вернется к заветам Циммервальда, он может начать свою деятельность. Это не наше дело призывать его к возврату, это дело социалистов, а это было постановлением Временного Правительства, поддержанного всей военной силой российского государства.

Товарищи, говорят, что это было совершенно неизбежно, что это был трагический конфликт, из которого не было выхода, потому что создался бы кризис правительства. Я понял по аплодисментам, что собрание, очевидно, этот мотив считает главным, что собрание из внутренних политических соображений о том, что делают наши министры в правительстве, готово одобрить этот шаг, хотя у него нет юридических и моральных оснований, чтобы обвинить Р. Гримма. Я этих оснований не слыхал. Если они есть, расскажите, и я под вашим приговором подпишусь.

Я говорю: вы хотите с этими темными силами бороться, хотите укрепить позицию, но чем вы боретесь? Вы боретесь тем, что вы им уступаете позицию за позицией. Буржуазная печать — «Биржевка», «Воля», «Речь» — ведут в течение трех недель травлю против Гримма и румынского товарища Раковского, и в «Речи» неделю тому назад можно было читать жирным шрифтом напечатанные слова «О странном чужестранце Гримме». [11] Какой же результат? Эта травля дала свои плоды: вы выслали человека, обвинить которого вы не имели возможности, и в невиновность которого мы верим.

ЧХЕИДЗЕ. Осталось еще два оратора. Есть предложение о прекращении прений.

МАРТОВ. Я не считаю возможным прекратить прения по одной простой причине: мы слышали много доводов за и против, мы слышали многое относительно того, почему правы министры, но не слышали, почему нужно было выслать тов. Гримма. Нельзя ли продолжать дебаты, чтобы выяснить, почему его нужно было выслать.

ЧХЕИДЗЕ. Ставлю на голосование предложение о прекращении прений. Прения прекращены. Я предоставлю слово т. Мартову и Церетели.

ГОЛОС. Когда говорил предыдущий оратор, собрание вело себя очень шумно, а вы не пригласили собрание к порядку. Я предлагаю, когда будет говорить тов. Мартов, предложить собранию вести себя спокойно.

ЧХЕИДЗЕ. Товарищи, я вас призываю к порядку. (Аплодисменты.)

МАРТОВ. Товарищи, главный вопрос, который был задан, почему нужно было выслать тов. Гримма из революционной России, остался без ответа. Этого вопроса старались избегать.

Я ставлю на вид тов. Либеру, что резолюция, к которой он предлагает Съезду присоединиться, заключает в себе маленький дефект: в ней сказано все, но в ней не сказано, что правительство хорошо сделало, приказав выслать тов. Гримма. Я полагаю, что это должно быть сделано, товарищи, и если вы в основном положении резолюцию тов. Либера поддерживаете, то я попрошу поставить на голосование мою поправку, гласящую, что правительство, Временное Революционное Правительство, правильно поступило, выслав из России тов. Гримма. Этот вопрос вы должны голосовать; вы должны сказать, что вы отождествляете себя с теми методами борьбы с нежелательными элементами, которые проявились в акте этой высылки.

Товарищи, вопрос этот не личный; мы, не только как партия пролетариата, но как вся революционная демократия, не можем быть беспринципны в этом вопросе, а ваши вожди первее всех не должны быть беспринципны. Нам никто из них не сказал, кого они обязуются отныне высылать без суда из России, какая категория людей подлежит этому методу расправы. Товарищи, вы знаете, что у нас в революционное время в тюрьмах Кронштадтской, Петропавловской и в других сидят определенной категории люди, но между нами нет двух мнений о том, какая категория людей может подвергаться по указанию правительства содержанию в тюрьме, с тем, чтобы принципы нашей революционной деятельности не нарушались бы.

Относительно права высылки за границу русских или иностранных граждан нам товарищи министры своих руководящих принципов не изложили, не заявили, какую политику они преследуют, отстаивая право Временного Правительства выслать тов. Гримма. Это главный вопрос, товарищи, и будет громадный моральный удар для правосознания русской революции, если мы не ответим на этот вопрос. Можете ли вы сказать так, как скажет каждый из нас: выслать за границу можно только изобличенных провокаторов, изобличенных агентов контр-революции или агентов шпионажа того или другого милитаризма? Подпишетесь ли вы под этой формулой, согласитесь ли вы вместе с нами, что только в этом случае нет места для запроса; подпишетесь ли вы под этим положением, товарищи, да или нет, что, кроме этих категорий, нет людей, которые могут быть без суда, по решению десяти министров, высланы из пределов России, что нет таких людей, которые, не будучи порочны, могут подвергаться обесчещению?

Партия с.-р., которая вынесла свое доверие, согласна с этой формулой или нет? Партия меньшевиков, которая вынесла свое доверие, согласна с этой формулой или нет?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Я бы просил вас, тов. Мартов, к собранию с вопросами не обращаться.

МАРТОВ. Меня просят не обращаться с вопросами; я должен подчиниться; я надеюсь, что тов. Церетели разъяснит, какие еще категории могут высылаться. (Церетели с места: «Я вам разъясню».) К сожалению, до сих пор это еще не было сделано, и я не могу критически разобрать те категории, которые имеются в виду. Я спрашиваю: каким образом ваши вожди держали в кармане эти категории; почему не сказали, какую категорию считают себя в праве высылать, кроме тех категорий, которые я перечел: заведомо уголовных, заведомо провокаторов, заведомых агентов милитаризма и заведомых агентов контр-революции? Из того, что было сказано о тов. Гримме, выясняется, что он повинен в том, что не согласился в тексте с тов. Церетели во время разговоров в гостиной тов. Скобелева. Они говорили, как написать, и не сговорились. Этот мотив, что объяснение его признали неудовлетворительным, есть ли законный мотив для высылки? Я спрашиваю, даете ли вы полномочия тов. Церетели высылать всякого гражданина? (Голоса: «Даем, даем».)

Я докладываю перед всей Россией, перед всем миром, что здесь, в Кадетском корпусе, не случайное явление, когда я спросил: дается ли тов. Церетели право высылать каждого гражданина, хором раздалось: даем. (Аплодисменты. Шум.) Мои бывшие товарищи по революции, меньшевики, которые когда-то гордились, что стоят во главе наиболее сознательных элементов революционной армии, я обращаюсь к вам: вот кто с вами, вот с кем вы идете,—с теми, которые говорят, что своему министру они дают право заранее высылать любую категорию граждан. (Возглас с места: «Церетели не министр, а совесть российской революции!» Шум. Аплодисменты.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Я вас еще раз прошу не обращаться к собранию с вопросами, а вас, товарищи, прошу не отвечать на те вопросы, которые вам будет задавать тов. Мартов.

МАРТОВ. Я констатирую, что с вопросами к собранию обращались все. Здесь товарищ матрос мне крикнул: «Церетели не министр, а совесть российской революции». Допустим, что так, но именно по отношению к совести предъявляются такие требования, чтобы она не считала себя в праве действовать репрессиями на основании неограниченных полномочий. Я возвращаюсь к вопросу, который я ставлю тем, кто будет голосовать: мы должны получить руководство, мы должны знать, что законно не в смысле бумажной законности, а с точки зрения правосознания, что законно и что незаконно, какие категории граждан могут и должны быть высылаемы из России. На этот вопрос ответ не дан. Факт показывает, что может быть выслан человек, о котором говорят, что он не подозревается ни в каких нелойяльных преступных деяниях в смысле служения каким-либо державам — раз, его никто не подозревает в провокации или служении провокации — два, и которого обвинить могут только в том, что он недостаточно энергично отмежевывался от швейцарского правительства и германского милитаризма.

Товарищи, если бы велась дискуссия по поводу того, как нужно отвечать германскому милитаризму, и если в борьбе мнений Роберт Гримм вооружен был только словами, убеждениями, а тов. Церетели был вооружен правом, в случае несогласия с ним тов. Гримма, выслать его за границу, то я скажу, что здесь не могло быть места честному бою. (Аплодисменты.)

Здесь в таком случае не может [быть] разговора о том, что мы сговаривались, как тов. Гримму написать ответ. Это неверно, товарищи. По форме только сговаривались, и велико было преступление мое, что я позволил

себе принимать участие в этих разговорах, что я не счел своим долгом сорвать их, что я не сказал, что я не участвую в них. Я не сделал этого потому, что не было выдвинуто того положения, что если мы с вами не сговоримся, то мы будем требовать высылки. Говорили, что если мы с вами не согласимся, что все худшее может быть—и эксцессы на улицах, и репрессии правительства, и т. д., и т. д., но чтобы социалисты были инициаторами, освятителями и защитниками высылки, — нет, товарищи, на этой почве разговора быть не могло.

Я должен просить извинения у всех тех петроградских товарищей, от которых я вынужден был 6 дней держать в тайне эти переговоры. Если я это сделал, то не по симпатии к закулисным переговорам, а потому, что передо мною были товарищеские разговоры между циммервальдцем Церетели и циммервальдцем Гриммом, и я не мог предполагать, чтобы из этих разговоров мог бы выйти политический скандал—высылка. Я мог предполагать только, что если тов. Церетели, не удовлетворится заявлением Гримма, то в таком случае т.т. Гримм и Церетели на равных основаниях смогут отстаивать свою точку зрения на трибуне. И я дожил до того, что сегодня утром, по приказу Церетели, тов. Гримм выслан из Петрограда, что здесь на трибуне говорили о дряблости его характера, о том, что он — мелкая личность, что он не настоящий интернационалист и т. д., и т. д. Вот фальшивое положение, в которое лучшие из наших товарищей попадают, когда смешивают два оружия, которые революция не может держать в одних руках: оружие революционной борьбы и оружие полицейской расправы. (Аплодисменты.)

Если вы имеете дело с нечистым человеком, как бы он ни назывался, вы имеете право применять оружие полицейской расправы,—революция знает и кронштадтские и петроградские тюрьмы,—но там, где вы стоите на почве идейной общности, там, где вы говорите: идемте вместе на Стокгольмскую конференцию [12], где вы говорите: мы идейные противники, но сплотимтесь вместе вокруг Совета Р. и С. Д., как революционного центра, — если кто-нибудь из наших рядов может быть вырван и на этих основаниях отправлен в Сибирь или выслан за границу, это будет, товарищи, деморализация и разложение... (Аплодисменты части собрания.)

Если вы, вернувшиеся из ссылки, не понимаете, если вы, видевшие все, что видели при прошлом режиме, не понимаете, что русская революция обесчестит себя в тот день, когда возведет этот метод борьбы с несогласно мыслящими, хотя бы по вопросу, как нужно писать ответные ноты германскому милитаризму, боюсь, что всякие предостережения напрасны.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Тов. Мартов, ваше время прошло.

МАРТОВ. Боюсь, что таким путем вы куете орудие контр-революции. (Голос: «Не бойтесь».) Товарищи, я завидую молодой самоуверенности кадет революции, но я знаю, что придут другие кадеты, которые пожнут плоды этого. (Аплодисменты части собрания. Шум. Голос слева: «Да здравствует известный революционер Мартов!»)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово принадлежит тов. Церетели. (Аплодисменты. Крики: «Ура, браво». Голоса: «Да здравствует Церетели!»)

ЦЕРЕТЕЛИ. Товарищи, я прямо начну с ответа на тот вопрос: кого можно высылать из пределов революционной России. Тов. Мартов говорил, что только агентов-провокаторов можно высылать из пределов революционной России. Я говорил: из пределов революционной России можно выслать того социалиста, который принят революционной Россией, как идейный борец за свои убеждения, на которого легла тень тайных сношений с империалистическим правительством. (Бурные аплоди-

сменты собрания. Протесты с левой стороны. Голос оттуда: «Утром Церетели говорил иначе».) Неправда, товарищи. (Шум.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Я вас прошу соблюдать тишину, иначе я объявляю заседание закрытым.

ЦЕРЕТЕЛИ [1]). Товарищи, когда здесь говорил Мартов, Абрамович и другие, внутри, я глубоко убежден, и у меня и у огромного большинства кипело, но мы сдерживали себя, мы давали им высказаться. Сегодня я говорил в двух собраниях: в меньшевистском и с.-р. [13]. В обоих собраниях на вопрос, как я смотрю на Гримма, я отвечал, что, по моему убеждению, его поведение дает основание думать, что он не независим [2]) по отношению к правительствам, о которых идет речь. [3]) Товарищи, я говорил: из пределов революционной России высылаются и, пока мы, ваши делегаты, у власти, будут и впредь высылаться все те социалисты, которые под покровом русской революции, под защитой русской революции вступили на ее территорию, как идейные пропагандисты, и на которых легла тень... [4]) (Шум, протесты, отдельные голоса слева, аплодисменты.)

Вы боитесь того, что я говорю. Товарищи, я спокойно слушал и не прерывал тех, кто задавал мне вопросы, а когда я отвечаю на эти вопросы, меня прерывают, мне не дают говорить, — этим вы показываете, что в прямой идейной борьбе вы боитесь грудь с грудью сразиться. (Бурные аплодисменты. Шум.)

Вы хотите сорвать эти прения. Я вам отвечу на все вопросы. Вы не дали, вы не даете мне закончить фразу.... на которых легла тень тайных сношений с империалистическими правительствами... (Шум, бурные аплодисменты.)

Вы не хотите, вы боитесь, чтобы я кончил. Стыдно, господа... (Шум). Дайте же мне сказать. Я заявляю, товарищи, что высылается тот, на которого легла тень тайных сношений с империалистическим правительством своей страны и воюющей с нами страны, который имел возможность решительным заявлением, клеймящим провокаторские приемы, снять с себя это обвинение и этого не сделал. Они будут и впредь высылаться из пределов России. (Бурные аплодисменты.)

Товарищи, я заявляю, что мы не могли удовлетвориться, не могли не почувствовать, что какая-то тень брошена, когда человек на словах нам говорит, что ему делались определенные [5]) по значению и туманные по форме предложения, и что он их оборвал, но он отказывается потом написать это в документе. В настоящий момент, пока положение таково, что тень с Р. Гримма не снята, революционная Россия не может под своей защитой держать этого человека; пусть он снимет эту тень и тогда, только тогда вы сможете получить смелость говорить в его защиту.

Тов. Мартов говорит, что он совершил тягчайшее преступление тем, что не оборвал переговоров, а я вам скажу и думаю, он не будет отрицать, что он не только [не] оборвал, но даже затягивал переговоры. Он говорил, что Р. Гримм не разобрался, что ему нужно дать срок, и мы пошли ему навстречу, а теперь он приходит и говорит, что он жалеет, что он не

---

[1]) Речь Церетели печатается по машинописному тексту в д. № 59, с карандашными поправками. [2]) «не» вписано карандашом, в поправке в «Известиях» № 85 от 7 июня: «не независим». [3]) Далее зачеркнуто: «Вы говорите, что я считаюсь (ошибаюсь?), — говорите, но не говорите, что утром Церетели говорил другое. Нужно правду говорить перед революционной демократией, когда несешь ответственность за свои слова». [4]) Далее зачеркнуто: «тайных сношений с империалистическими правительствами». [5]) В подлиннике: «неопределенные»; в поправке в «Известиях» № 85 от 7 июня: «определенные».

оборвал. Когда мы получили первое письмо, мы сказали: хорошо, объяснения кончены, мы не удовлетворены. Тов. Мартов нам сказал: нужно дать ему возможность лучше разобраться в деле, подождемте еще. И мы дали ему эту возможность.

Тут несколько человек, Абрамович, Мартов, заявили, что никаких подозрений у них нет, и что его выслали, как плохого интернационалиста, за проповедь интернационалистских взглядов. Когда я с вами борюсь, разве я так извращаю ваши взгляды? Кто борется, тот должен правильно излагать, что говорит противник. Я говорю, — вот за что он был выслан. За то, что интернационалистские взгляды он проводил, хорошо или худо, его не только не высылали, а демократия сама дала ему возможность вступить на территорию российской демократии, его защищала и ограждала русская революция. Вот как было дело до того момента, когда было брошено это сомнение. Если бы он не имел никакой возможности отмежеваться от Гофмана, то тогда разговор был бы другой, но он имел эту возможность и сказал, что он этого сделать не может, и мы сказали тогда: в таком случае мы не имеем уверенности, что вы не зависимы.

Говорят, — агент-провокатор. Я не знаю, что вы называете агентом-провокатором. Агентом провокации называется тот, кто приедет со специальной миссией провокации. Для этих подозрений не было почвы, но была почва для того, что он, ведя интернационалистскую пропаганду, тайно все-таки кое-какие сведения получал. И я спрошу гражданина Троцкого: если бы о нем был опубликован такой документ: призовите Троцкого и передайте ему следующее словесное сообщение,— что бы ответил он? (Троцкий: «Я вам скажу, что бы я ответил».) Я скажу, что гражданин Троцкий заявил бы, что это гнусная выходка.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Тов. Церетели, я прошу вас не задавать вопросов.

ЦЕРЕТЕЛИ. Я не задавал вопросов. Это риторический вопрос. Ответить должен был на это каждый революционер, что это грязная, гнусная провокация, и я ее отбрасываю. Тут говорят, почему выслали, а я вас спрашиваю, как же мы могли бы поступить, что же я, министр русской революции... (Голоса слева: «Почт и телеграфов!») Да, министр почт и телеграфов есть министр русской революции... (Бурные аплодисменты.)

Здесь представительство русской революции, и спросите, кого оно признает своим представителем: министра почт и телеграфов или гражданина Троцкого или кого-либо другого такого же гражданина? (Бурные аплодисменты.)

Я говорю вам, министр русской революции понимает свой долг в тот момент, когда на всю русскую революцию могла быть наброшена тень, когда могли бы сказать, что она заведомо покрывает под своим щитом человека, за которого она не может поручиться, что он не проводит какие бы то ни было империалистические замыслы. Могут ли в этот момент министры русской революции судиться третейским судом с этим человеком?

Я говорю, что такой министр не исполнил бы своего долга и его немедленно надо было бы отозвать [1]).

Русская революция переживает величайшую опасность [2]). В этой обстановке всеобщей материальной разрухи едва ли что так укрепляет русскую революцию, дает надежду на победу, как моральный ореол, окружающий русскую революцию.

---

[1]) Далее зачеркнуто: «с ответственного [поста] революции». [2]) Далее зачеркнуто «Я не знаю, есть ли у нас что-нибудь более прочное, более надежное».

*

Я говорю, разве мы так сильны, чтобы диктовать всему миру свои условия? А разве мы не хотим этого сделать? Мы говорим: знамя русской революции, имя русской революции, это — призывный клич к народам всего мира. Мы не силою давим на международные демократии, а своим примером, тем политическим ореолом, которым окружена русская революция [1]). Если мы не защитим ее, мы будем преступниками перед русской революцией.

Мы не перешагнули через чьи-либо интересы, мы не сказали Гримму: интересы русской революции требуют, чтобы мы верили документу Гофмана. Нет, мы сказали ему: мы верим вашему слову, только скажите его, как надлежит циммервальдисту.

Здесь говорят, почему А. Тома, Вандервельде и другие принимались нами, разве они отмежевались от своих правительств [2])? Дело не в том, как смотрят они на свои правительства. Но если бы кто-нибудь приехал сюда, как официальный делегат французской партии, не разорвавший связи с политикой правительства, и вместе с тем мы узнали бы, что он действует в совершенно ином духе, по тайному соглашению с другими правительствами или державами, я глубоко убежден, он был бы недостоин, чтобы его принимать.

Есть огромная разница между тем, идет ли человек с открытым забралом или нет, и есть огромная разница, от кого он идет. Если подозрение против Гримма неверно, то у него есть возможность в Швейцарии защититься, и у него есть возможность здесь найти защитников [3]).

Но я говорю, если это правда, если правильно подозрение, которого он здесь не захотел рассеять, то ни Тома, ни Гендерсон, ни Асквит не идут в сравнение, но если дальнейшими действиями Гримма будут рассеяны подозрения, мы будем его приветствовать.

Здесь нас упрекают еще в том, что мы не пошли в Исполнительный Комитет и не спросили, как нам поступить. Министр, поставленный революционной демократией, должен действовать, и за его действие только в том случае несет ответственность демократия, если она одобрит его действия. Но и, помимо того, чрезвычайно трудно было [4]) сообщить все [5]) заранее [6]), даже невозможно, товарищи,—ведь [7]) дело идет о тайных документах, дело идет о подозрении такого рода, что в тот момент, когда оно опубликовано, правительство должно принять решительные меры по отношению к лицу, к которому это относится. Ни одной минуты после этого Р. Гримм не мог оставаться в пределах территории России, или же он должен быть арестован. Но в этом случае пришли бы и сказали бы, что нужно было его [8]) выслать. Р. Гримм просил нас, чтобы мы опубликовали документ [9]) после его отъезда, потому что могут случиться неприятности.

Что же, вы бросите в него камнем [10])?

Если бы Р. Гримм здесь остался, и была [11]) манифестация с криками «долой буржуев», то гарантировали бы вы, что не пролилась бы кровь на улицах?

---

[1]) Далее зачеркнуто: «При малейшей опасности, что может быть наброшена тень на этот ореол русской революции»; дальнейший текст первоначально шел со строчной буквы.— [2]) Первоначально: «Здесь говорят, почему вы Тома, Вандервельде и др. принимали, — от правительств разве они отмежевались?». — [3]) Далее зачеркнуто: «вынести на суд божий». — [4]) Слово: «было» вписано. — [5]) Слово: «все» вписано. — [6]) Далее зачеркнуто: «было». — [7]) Слово: «ведь» вписано. — [8]) Слово: «его» вписано. — [9]) Слово: «документ» — вписано. — [10]) Далее зачеркнуто: «Что он,—по глупости говорил? Нет, он уже отлично понимал, товарищи, что... (аплодисменты, не слышно) может быть, он думал не о собственной только персоне; вероятно, он также не хотел быть причиной тех выступлений, которые в этом случае непременно начались [бы]». — [11]) Далее зачеркнуто: «патриотическая».

Поэтому я говорю, товарищи, арестовать его можно было бы, но это имело логические последствия, ни в малейшей степени не гарантирующие ничего, потому что он все равно бы [1]) сказал, что остался при этом заявлении, а русское правительство при этом заявлении не могло емў сказать: «идите, Р. Гримм, на митинги, на собрания и проповедуйте, что хотите».

До тех пор, пока не было этой тени, правительство обеспечивало ему свободу, но когда появилась эта тень, правительство этого сказать ему не могло. И если бы правительство ошибалось относительно данного случая, то в этой ошибке повинен Р. Гримм, который отказался сделать шаг, который является долгом всякого социалиста. Имейте в виду, что в дальнейшем правительство так будет действовать.

Власть нужна революционной России, власть, товарищи, не бегающая каждую минуту за указаниями.

Надо иметь представителям революционной демократии смелость делать шаги, которые диктуются их политическим пониманием, их политической совестью и честью. Мы не навязывали никому свои шаги. Мы пришли и сказали: мы так сделали, — хорошо или плохо? (Голоса: «Хорошо».) Принцип ответственности в этом и заключается.

Гражданин Троцкий требует, чтобы по поводу Гримма мы пришли совещаться. (Голоса: «Это говорил не Троцкий».) Все равно. Товарищи, я вам говорю: делегаты революционной демократии в каждом шаге ответственны перед вами, но мы не будем приходить к вам по каждому поводу, мы будем действовать [2]). Если наше разумение окажется несогласным с вашим, вам достаточно сказать, и, конечно, мы не будем уже вашими [3]) делегатами.

Но от этого права мы не откажемся. Там, где мы считаем, что надо действовать, мы будем действовать и на другой день готовы перед вами отвечать. (Аплодисменты).

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Таким образом, прения исчерпаны, и у нас имеется сейчас только одна резолюция. Угодно будет огласить резолюцию? [4])

.....[5]) «Признавая образ действия т.т. Церетели и Скобелева в деле тов. Гримма соответствующим интересам русской революции и международного социализма, Всероссийский Съезд Советов Р. и С. Д. вместе с тем приветствует их решение опубликовать подробное сообщение обо всех обстоятельствах этого дела, в частности, о мотивах, заставлявших их признать объяснения тов. Гримма неудовлетворительными».

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Сейчас мне подана другая резолюция. Потрудитесь, товарищ, ее прочесть.

ГЕРМАН. Эта резолюция группы меньшевиков, не согласных с решением своей фракции:

«Заслушав объяснения т.т. Церетели и Скобелева по поводу высылки тов. Р. Гримма, Съезд не сомневается в том, что товарищами руководили интересы защиты русской революции и борьбы за международный мир, и заявляет, что: а) высылка тов. Р. Гримма является лишенной всякого основания, б) высылка эта, являющаяся оскорблением борцу за международный мир, является ошибкой и может нанести удар интересам международной борьбы, произошла в результате того, что министры социалисты приняли

---

[1]) «бы» вписано. — [2]) Далее зачеркнуто: «В тех случаях, когда дело по нашему разумению терпит предварительного совещания». — [3]) Слово: «вашими» — вписано. — [4]) В подлиннике, начиная со слов: «и у нас», кончая выступлением Мартова, зачеркнуто и вписано карандашом: «оглашаются резолюции». Резолюция Либера, Войтинского и Гоца приводится по тексту в деле № 59 (л. 15), остальные — по газетам. — [5]) Фамилия выступавшего не указана.

свое решение без предварительного совещания с Исполнительным Комитетом Совета Р. и С. Д.».

.....[1]) Товарищи, резолюция, которую предлагает фракция большевиков:

«Съезд считает установленным, что высылка Р. Гримма произошла без необходимых гарантий, обеспечивающих полноту прав Р. Гримма; что это является нарушением принципов демократии и обесславливает русскую революцию; что министры Церетели и Скобелев проявили самовластие, несовместимое с признаваемою ими ответственностью перед Исполнительным Комитетом Совета Р. и С. Д.».

МАРТОВ. Я прочту резолюцию, которую я вношу от имени моих товарищей, и если она будет отвергнута, мы будем голосовать за вторую или третью, большевистскую. Наша резолюция гласит:

«Съезд требует от Временного Правительства отмены распоряжения об изгнании из России неустрашимого борца за международный социализм Р. Гримма; Съезд посылает извинения Р. Гримму от имени революционной демократии за нанесенное ему тяжелое, незаслуженное оскорбление; участие министров социалистов в этом акте Временного Правительства свершилось без осведомления своих партий и Исполнительного Комитета Совета Р. и С. Д. и рекомендует этим организациям обсудить поведение товарищей министров».

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Позвольте, товарищи, я буду называть резолюции именами внесших их, иначе трудно,—надо будет опять оглашать. Трудно ведь сказать, например: резолюция от части фракции, которая не согласна с фракцией. Первая резолюция подписана т.т. Либером, Войтинским, Гоцем и т. д. Позвольте поставить на голосование в порядке поступления.

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ТРУДОВИКОВ и НАРОДНЫХ СОЦИАЛИСТОВ[2]). Позвольте по мотивам голосования. Т.т. Церетели и Скобелев взяли на себя всю ответственность за приезд Р. Гримма в Россию. И когда настало время дать ответ на это свое поручительство, то товарищи министры-социалисты, не сваливая ответственности ни на кого, нашли в себе твердость духа притти сюда и перед лицом организованной революционной демократии отчитаться за свою деятельность. Подчеркиваю это обстоятельство и приветствую т.т. Скобелева и Церетели. При этом фракция трудовиков и народных социалистов заявляет, что она всецело доверяет товарищам министрам-социалистам и будет голосовать за резолюцию, подписанную Либером, Гоцем и другими.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Я прошу голосовать с карточками в руках. Товарищи, кто за первую резолюцию, которая вам была прочтена, прошу поднять руки. В виду того, что нет гарантии, что точно будет подсчитано, я попрошу обойти по рядам и собрать карточки для того, чтобы точно подсчитать.

(Производится подсчет голосов, и резолюция принимается большинством 640 против 121 голоса при 14 воздержавшихся [3]).

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Позвольте заявить, что тов. Чиж, который подал свой голос сначала за резолюцию, а потом заявил, что он по ошибке это сделал, что подает его против, что этот голос учтен. Товарищи, теперь имеется добавление к принятой резолюции.

ВОМПЕ [4]). Товарищи, я буду аргументировать небольшое дополнение к резолюции тов. Либера, без которого эта резолюция не может считаться

---

[1]) Резолюция от фракции большевиков была оглашена Каменевым; в подлинном фамилия пропущена. — [2]) Вписано чернилами. — [3]) В д. № 59 (л. 15) далее вписано: «Результаты голосования встречены долго несмолкающими аплодисментами». [4]) В подлиннике: «Вольпе».

удовлетворительной. Не входя по существу в рассмотрение дела, мы считаем, что в заявлении правительства по делу Гримма должно быть осуждено безответственное шельмование Гримма буржуазией, как агента германского правительства, впредь до разбора дела судом демократии. Дело в следующем: положение Гримма таково, что он по постановлению Временного Правительства отстранен, как человек, который не сумел себя достаточно реабилитировать,— с этим мы согласны, но позвольте вам сказать, что это еще не означает, что Гримм осужден, и с этой стороны нужно признать, что на начавшееся сегодня наступление буржуазной печати, которая откровенно и открыто называет Гримма человеком, работающим на дело Германии, которая указывает, что Гримм способствовал провозу через Германию наших товарищей, Съезд должен наложить свою авторитетную руку. (Читает. [1]) (Сметанин с места: «Судить его будут в Швейцарии». [2])

ЛИБЕР. Я высказываюсь против поправки не потому, чтобы я не был согласен с ее содержанием, а потому, что мы здесь занимаемся не судом над Гриммом, а обсуждаем вопрос о поведении Церетели и Скобелева в этом деле. И поэтому предвидеть все то, что буржуазная пресса может сказать по этому поводу, и заранее выносить резолюцию не приходится. Я поэтому полагаю, что эта поправка открыла бы целый ряд поправок таких, которые повели бы нас к рассмотрению этого вопроса по существу.

ГОЛОС. Позвольте спросить, будем ли мы считать прецедентом этот случай и поправки впредь будем голосовать после резолюции, или у нас останется порядок голосовать их раньше?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. А я спрашиваю, что это—поправка или дополнение? (Шум.) Ставлю внесенное дополнение не голосование. (Производится голосование. Дополнение отвергнуто.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Внесено еще предложение, я не знаю, дополнение это или поправка. Я нахожу, что это поправка, а автор дополнения считает это дополнением. Я 12 лет председательствую и не могу понять, что это. Предоставляю судить вам.

ИВАНОВ. Я в двух словах вынужден формулировать, что это дополнение, а не поправка. Дело в том, что безусловно, как признают товарищи министры, этот факт сам по себе печальный и чреватый последствиями, и, несомненно, империалисты всех стран используют этот факт для того, чтобы указать рабочим, и французским, и английским, и германским: посмотрите, правительство свободной России вашего вождя, испытанного интернационалиста, высылает. И этот факт, пока он получит проверку и доказательство, будет таким орудием в руках империалистов для того, чтобы бросать тень на русское правительство. Поэтому я считал бы необходимым к той резолюции, за которую я не голосовал, между прочим, а воздержался, но которая здесь принята, внести соответствующую [3]) добавку прямо в текст. «Признавая, что...» (Читает. [4])

ПРЕСЕДАТЕЛЬ. Ставлю на голосование. (Баллотировка. Дополнение отклонено). Ставлю на голосование резолюцию Мартова. Предлагаю голосовать резолюцию тов. Мартова. (Производится голосование. Резолюция отклонена.) Резолюция тов. Каменева [5]).

---

[1]) Текст предложенной поправки не найден.— [2]) В подлиннике начиная со слов: «Съезд должен»... и до конца зачеркнуто.— [3]) Слово: «соответствующую» вписано над зачеркнутым «следующую»: слова: «признавая, что (читает)» зачеркнуты.— [4]) Текст не найден.— [5]) В подлиннике: «Каменского».

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ОБЪЕД. С.-Д. [1]) Товарищи, фракция объединенных с.-д. интернационалистов уполномочила меня сделать следующее заявление: Официальный оратор, выставленный фракцией для освещения ее точки зрения по существу, не имел возможности высказаться вследствие прекращения прений. В виду этого фракции приходится ограничиться кратким заявлением по мотивам голосования. Она присоединяется и поддерживает резолюцию тов. Каменева [2]), как направленную против высылки тов. Гримма,— против меры, которая фракцией решительным образом не принимается, но не против лиц, а как резолюцию, лишенную личных нападок.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Ставлю на голосование резолюцию тов. Каменева [2]). (Резолюция отвергается.) Я больше резолюций не имею. Таким образом, товарищи, считается принятой резолюция, предложенная т.т. Либером, Войтинским, Гоцем и другими. (Аплодисменты.) Тов. Троцкий просит слова по личному вопросу. В виду отсутствия в регламенте указаний, я не могу дать слова по личному вопросу, но если вы найдете это необходимым, то прошу вас внести поправку в регламент, и я тогда этим параграфом воспользуюсь.

НОГИН. Позвольте мне слово.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Никаких слов.

Ногин настаивает. Председатель лишает его слова. (Общий шум и аплодисменты по адресу Чхеидзе.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Кто за то, чтобы продолжать заседание, прошу поднять руки. Очевидное большинство за прекращение заседания. Объявляю заседание закрытым. Следующее заседание завтра, в 12 часов. [3])

---

[1]) Вписано чернилами. — [2]) В подлиннике «Каменского». — [3]) В конце дела № I (л. 54) помещена рукописьая запись речи делегата Московского Совета Р. Д. Вегера. В виду невозможности установить, в какой последовательности она должна быть в тексте, приводим ее в примечании:

«Товарищи! Я — делегат Московского Губернского Совета Р. Д. Пользуюсь правом выступления по мотивам голосования; чтобы заявить, что, голосуя против резолюции, одобряющей действия Временного Правительства в деле высылки Р. Гримма, я руководился, между прочим, следующими простыми соображениями.

Как бы то ни было и каковы бы ни были мотивы министров и их партии, мы здесь имеем дело с голым фактом административной высылки. (Шум.) Да. Да. Это административная высылка и ничто иное. Что такое административная высылка, мы все хорошо знаем...

Высылка произведена Временным Правительством при ближайшем и непосредственном участии министров-социалистов. И мотивы в оправдание административной высылки приведены здесь министрами точно такие же, какие приводило всегда в оправдание административной высылки и старое царско-полицейское правительство.

И первому Всероссийскому Съезду Советов Р. и С. Д. угодно было огромным большинством голосов одобрить этот факт административной высылки.

Товарищи! Когда будущий историк в своих исследованиях хода великой российской революции остановится над вопросом: когда она сделала свой первый поворот вниз к реакции, он скажет: «Это было 3 июня, когда первый Всероссийский Съезд Советов Р. и С. Депутатов одобрил административную высылку, произведенную Временным Правительством». (Шум.)»

ЗАСЕДАНИЕ 4 ИЮНЯ

(*утреннее*) [1]).

Заседание открыто в 12 час. 50 мин. дня. Председательствует Е. П. Гегечкори.

Председатель докладывает, что президиум нашел необходимым несколько пополнить принятый накануне регламент. Прежде всего, это касается заявлений по личному вопросу; слово для таких заявлений должно предоставляться в конце заседания и время оратора должно быть ограничено 3 минутами. Затем министрам, по мнению президиума, слово должно быть даваемо вне очереди с ограничением времени по регламенту. Наконец, к постановлению о фракционных ораторах президиум предлагает сделать дополнение, что разрешается суммирование фракционных ораторов в смысле времени с предоставлением им в таком случае права говорить не более 30 минут. Сверх того, надо постановить, что нельзя закрывать прений, пока не выскажутся фракционные ораторы.

Съезд принимает дополнение к регламенту без прений.

Хинчук докладывает о происшедших по фракциям выборах в мандатную комиссию: по 3 от фракции большевиков, меньшевиков и социалистов-революционеров, 2 от объединенных социал-демократов и 1 от трудовиков и народных социалистов.

Съезд утверждает выборы.

Затем слово по вопросу о программе Съезда получает докладчик Исполнительного Комитета тов. Богданов.

БОГДАНОВ. Исполнительный Комитет наметил следующую программу работ Съезда. Первым вопросом поставлен вопрос о революционной демократии и правительственной власти; затем отношение к войне, куда входят два вопроса: вопросы обороны и борьбы за мир. Далее следует вопрос земельный, вопросы крестьянской жизни, национальный вопрос в России, подготовка к Учредительному Собранию, вопросы рабочей жизни, вопросы солдатской жизни, вопросы финансовой политики, продовольственный вопрос, организация производства и распределения, транспорт и контроль над ним, местное самоуправление, организационные вопросы и выборы. Исполнительный Комитет, а сейчас и президиум предлагают принять эту программу работ Съезда. При чем предлагает первым пунктом порядка дня сделать вопрос о революционной демократии и правительственной власти, вторым пунктом — отношение к войне, вопросы обороны и борьба за мир, при чем президиум предлагает, в согласии с Исполнительным Комитетом Петроградского Совета Р. и С. Д., не приступать к секционным вопросам до тех пор, пока первые два вопроса не рассмотрены, — это даст возможность Исполнительному Комитету и президиуму съэкономить время. Только после

---

[1]) Стенограмма начала заседания до выступления Ционa утрачена; текст печатается по «Известиям» № 84 от 6 июня.

разрешения этих вопросов мы должны будем приступить к секционным вопросам, при чем имеется такое предложение, что, очевидно, в первые два дня секционных работ общих собраний Съезда не будет. Таким путем мы думаем достигнуть экономии времени и Съезд закончить в тот период времени, который мы наметили, — 10 дней.

ПОЗЕРН (представитель Минского Совета С. и Р. Д.) требует постановки в первую очередь вопроса о наступлении, указывая, что вопрос о том, надо ли наступать, или нет, слишком волнует армию, и оглашает следующее заявление: [1])

«Мы, нижеподписавшиеся фракции, группы и отдельные делегаты Съезда, считаем необходимым в первую очередь работ Съезда поставить вопрос, от которого зависят судьбы не только всех остальных мероприятий Съезда, но — в полном и точном смысле слова — судьба всей русской революции: вопрос о подготовляемом на ближайшеевремя военном наступлении. [14] Что это наступление есть решенное дело, в ближайшей очереди, об этом открыто свидетельствуют многочисленные непререкаемые факты и заявления, доступные общей проверке: образование батальонов смерти, раскассирование определенных полков, и, наконец, прямое указание министра Керенского в разъяснении по поводу запрещения Украинского съезда. [15]

По существу всех условий переживаемого момента наступление на фронте, продиктованное магнатами союзного империализма, преследует чисто политическую цель: отодвинуть назад и совершенно вытравить из сознания широких народных масс результаты дипломатических переговоров с союзниками, обнаружившие глубоко империалистический характер той группировки, в составе которой выступает до-революционная Россия (вопросы об Албании, Греции, Персии, ответные ноты и заявления союзных дипломатов).

Поставив народ и армию, которая не знает, во имя каких международных целей она в данных условиях призвана проливать свою кровь, перед фактом наступления со всеми его последствиями, контр-революционные круги России рассчитывают и на то, что наступление вызовет сосредоточение власти в руках военно-дипломатических и капиталистических групп, связанных с английским, французским и американским империализмом, и освободит их от необходимости считаться в дальнейшем с организованной волей русской демократии.

Явно в расчете на такой благоприятный для имущих классов перелом в соотношении сил, Родзянко созывает своих третьеиюнцев в Петроград, рассчитывая на то, что старая Государственная Дума сможет быть с успехом противопоставлена Совету Р. и С. Д. и поможет обеспечить курс твердого и решительного империализма, решительного прежде всего против революции и демократии. [16]

Закулисные контр-революционные инициаторы наступления, не останавливающиеся, по справедливому выражению съезда партии с-р., перед «военной авантюрой», сознательно пытаются сыграть на разложении армии, вызываемом всем внутренним и международным положением страны, и в этих целях внушают отчаявшимся элементам демократии ту в корне ошибочную мысль, будто самый факт наступления способен «возродить» армию и таким механическим путем возместить отсутствие определенной действенной программы ликвидации войны. Между тем ясно, что такое наступление может лишь окончательно дезорганизовать армию, противопоставляя одни ее части другим.

---

[1]) Текст заявления Позерна печатается по «Правде» № 75 от 10 июня 1917 г.

В этих условиях на Съезд Советов Р. и С. Д. ложится колоссальная историческая ответственность. Съезд не может пройти мимо открыто подготовляемого и всесторонне организуемого удара против международной революционной борьбы за мир, удара против завоеванных и организованных позиций русской демократии. Съезд должен дать немедленный отпор контрреволюционному натиску, путь к которому должно расчистить наступление, или взять на себя ответственность за эту политику целиком и открыто.

Предостерегая рабочий класс, армию и крестьянство против нависшей над страной угрозы, мы настаиваем на постановке вопроса в первую очередь работ Съезда.

Делегат Минского Совета Р. и С. Д. П. Позерн.

Бюро фракции Р.С.Д.Р.П. (большевиков) на Съезде.

Бюро Объединенных социал-демократов Интернационалистов».

Представитель фракции большевиков, объединенных с.-д. и левой группы с.-р. интернационалистов поддерживают это предложение.

Представители фракций меньшевиков, социалистов-революционеров, трудовиков и народных социалистов и другой представитель Минского Совета, Фишгендлер, указывают, что вопрос о наступлении тесно связан с вопросом о войне и о политике военного министра, и потому надо сначала обсудить вопрос о нашем отношении к власти.

Утвердив программу, предложенную президиумом, Съезд переходит к заслушанию приветствий.

Первым выступает представитель Главного Организационного Комитета Всероссийского Крестьянского Союза тов. Мазуренко.

Приветствуя передового бойца революции — рабочий класс и его союзницу армию, он сообщает о пожертвовании, сделанном Щаповским волостным исполнительным комитетом: 1.167 р. 60 к. в пользу лиц, пострадавших от войны и революции. Деньги эти переданы Мазуренко Исполнительному Комитету Совета Р. и С. Д. (Аплодисменты.)

ЦИОН. Товарищи, я бывший штабс-капитан Свеаборгской артиллерии, один из первых, который поднял знамя революции. Я сейчас приехал из Лондона, и товарищи в Лондоне, работающие при правительственном комитете, просили меня, когда я ехал сюда, сказать, что, пережившие муки плена, пережившие тоску изгнания в чужой стране, они все-таки живут теми же радостями, которыми живут и товарищи здесь, они живут теми же скорбями, которыми живете вы. Вместе с тем, зная, что я буду на Съезде, они просили передать Съезду привет и сообщить, что они приветствуют последний в его творческой работе, ведущей к миру и благоденствию всех народов, и всецело присоединяются к постановлениям нынешнего правительства: 1) что русский фронт должен рассматриваться, как часть общего фронта союзного, со всеми вытекающими отсюда последствиями, 2) что ни в каком случае не следует заключать сепаратного мира, так как это роковым образом привело бы к поражению мировой демократии, 3) что в иностранной политике необходимо стремиться к скорейшему всеобщему миру. (Читает [1]). Я исполняю этот мандат и приветствую от этой группы первый Съезд С. и Р. Д.

Теперь, товарищи, у меня есть другой мандат — от товарищей социалистов-англичан. На этом месте в эту минуту здесь должен был бы стоять член независимой рабочей партии Рамзай Макдональд. (Рукоплескания.) Английское правительство путем разных уловок, путем провокации, я скажу, лишило его этой возможности. (Возгласы: «Позор».)

---

[1]) Текст не найден.

Когда я уезжал из Англии две недели тому назад, то его товарищ, известный член независимой рабочей партии Вильям Андерсон, просил меня передать привет Съезду, если я на него попаду, при чем сказал, что привет его будет краток, так как он отлично знает, что вместе со мной выезжает на Съезд его товарищ Рамзай Макдональд, который передаст привет от независимой рабочей партии и скажет все, что следует. Он был уверен в этом, но его надежды не оправдались.

Поэтому я, как бывший член независимой английской рабочей партии, которая дала мне приют в дни моего изгнания, исполняя его волю, заявляю, что он просил сообщить, что английская независимая рабочая партия с восхищением и восторгом смотрит на завоевания, сделанные русской революцией, что она надеется, что эта революция, в интересах международных демократий, откажется от постыдного сепаратного мира и что она в то же время заставит английское и французское правительства согласовать свои требования с требованиями русской революционной демократии. (Рукоплескания.)

В то же время товарищ Андерсон просил сообщить, что революционный огонь в Англии начинает распространяться, и нет сомнения, что если только русская демократия останется на той позиции, на которой она стоит сейчас, то в ближайшем будущем и в Англии вспыхнет революция. (Рукоплескания. Возгласы: «Браво».)

Теперь у меня есть два приветствия от бывших английских министров Тревельяна и Понсонби, членов радикальной партии, не социалистов.

Они с самого начала войны отказались от портфелей и вышли из министерства, потому что они еще в то время заявили, что английское правительство не имело права начинать войну и что оно, начав войну, преследовало только узкие империалистские цели, и они не желали брать на себя ответственности за это. В то же время они заявили, что война должна окончиться возможно скорее на тех основаниях, которые сейчас приняты Советом Р. и С. Д. и объявлены русским правительством, т.-е. всеобщий [мир] без аннексий и контрибуций. За это они должны были выйти из английского правительства, и с тех пор стоят вне и работают в этом направлении.

Я думаю, что мое время истекло, и если председатель позволит, я оглашу приветствие члена английского парламента Чарльза Тревельяна: [1])

«Великобританская демократия и лица, принимающие участие в общественной и демократической жизни страны, приветствуют русскую революцию.

Англия с глубоким восхищением наблюдала за действием великой нации, так быстро завоевавшей себе свободу.

Великобританская демократия также приветствует сделанные молодой русской революционной демократией шаги, направленные к заключению всеобщего мира, который приведет к разрешению мирового конфликта и к удовлетворению всех пострадавших народов. Великобританская демократия присоединяется к отклонению всякой попытки к заключению сепаратного мира.

Британские политические деятели всегда преследовали те же цели, т.-е. заключение мира без аннексий и контрибуций, без каких-либо империалистических захватов, заключение мира прежде, чем весь цвет молодежи Европы ляжет костьми на поле брани.

У нас в Палате Общин наблюдается такое же движение, как и в Го-

---

[1]) Приветствие Тревельяна печатается по «Известиям» № 28 от 8 июня.

сударственной Думе при старом режиме, когда товарищ Керенский и его единомышленники усиленно протествовали против империалистической войны.

На ряду с этим в Англии с каждым днем и часом растет убеждение, клонящееся к тому, что империалистический способ войны до полного сокрушения врага неприемлем.

Наш министр иностранных дел лорд Роберт Сесиль, по духу империалист, не посмел отвергнуть тех принципов ведения войны, которые русское правительство предлагало принять своим союзникам, ибо как он мог отказать [1])... народное сознание.

Таким образом, можно сказать, что близко то время, когда наша демократия освободится от влияния империалистических кругов.

Демократия Англии в громадном большинстве уже осознала формулу: «мир без аннексий и контрибуций, никаких захватов территорий».

Мы глубоко надеемся, что русское правительство будет категорически настаивать, чтобы союзники стали на их платформу и приступили к ведению переговоров о мире.

Верьте, товарищи, что рабочая масса на Западе сумеет поддержать ваши требования.

Требование демократией Великобритании и Франции заключения мира на основе, принятой Петроградским Советом Р. и С. Д., будет меньшим чудом, чем великое неслыханное чудо русской революции.

Я верю, что свободная Россия питает благодарность к свободной Англии за то, что мы давали убежище и приют вашим политическим изгнанникам и подымали ваш дух в темные дни реакции и царизма, служа вам примером, что свобода — не пустое слово, а реально существующая вещь.

Мы просим вас в настоящее время оказать нам подобную же услугу. В то время, как вы в России политически абсолютно свободны, население нашей страны находится в рабстве, и не только в экономическом отношении, но и в политическом.

Мы стонем под игом правительственного и военного деспотизма».

Подобное же заявление и приблизительно в тех же выражениях, что касается мира, сделано было и бывшим министром Понсонби, которое за неимением времени я не могу прочитать. Я хотел только сказать, что эти заявления не допускаются английским правительством. Многим из вас может быть [покажется] странным, что я, русский, говорю от имени англичан, друзей мира, но дело в том, что никакие телеграммы от последних сюда сейчас не могли бы пройти, и я должен был это провезти под страхом быть задержанным в Англии. (Рукоплескания.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. В связи с этим приветствием слово просит для внеочередного заявления тов. Дан.

ДАН. Товарищи, предыдущий оратор упомянул здесь имя Рамзая Макдональда. Все вы знаете, товарищи, о деятельности Макдональда за время войны; вы знаете, что он был одним из первых и немногих, которые с самых первых дней войны подняли в Англии знамя борьбы за мир и держат это знамя до сих пор с честью в своих руках. Вы знаете, что мы ждали тов. Макдональда к себе, и вы знаете также, как часть моряков английских, повидимому, при прямом попустительстве и даже подстрекательстве английского правительства, помешали осуществиться этой нашей надежде и не дали Рамзаю Макдональду возможности приехать в Россию и лишили нас радости видеть и приветствовать его в своей среде.

---

[1]) В «Известиях» далее пропуск строки.

Исполнительный Комитет Совета Р. и С. Д. послал уже по этому поводу Макдональду телеграмму с повторным приглашением прибыть в Россию.

Я теперь предлагаю от имени всего Съезда уполномочить наш президиум послать сегодня же приветственную телеграмму Рамзаю Макдональду, с выражением надежды, что революционная демократия России в ближайшем будущем увидит его в своей среде, несмотря на те препятствия, которые ставятся ему империалистским правительством Англии, и тем, будем надеяться, все уменьшающимся и уменьшающимся, слоем рабочего класса, который не видит и не понимает еще, что борьба за всеобщий мир есть действительная борьба за спасение и возрождение и дальнейшее развитие рабочего класса. (Рукоплескания.) Я делаю это предложение от имени фракции меньшевиков.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Товарищи, угодно принять предложение, сделанное тов. Даном. (Голоса: «Просим».) Дополнение хочет сделать тов. Луначарский.

ЛУНАЧАРСКИЙ. Товарищи, было бы несправедливо послать приветствие действительно решительному пацифисту и поборнику за мир, социалистическому вождю Макдональду, задержанному в Англии, и не вспомнить о другом, еще более решительном и энергичном нашем товарище Мак-Лине, который в настоящее время сидит в тюрьме. (Рукоплескания.) К приветствию Макдональда предлагаю прибавить и приветствие нашему товарищу Мак-Лину.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Товарищи, угодно принять это предложение?

ГОЛОСА. Просим.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Кто возражает — поднимает руку. Принято единогласно. (Голоса: «Не поняли».) Тов. Дан сделал определенное предложение послать приветственную телеграмму Макдональду; товарищ Луначарский дополнил это предложение предложением послать телеграмму Мак-Лину, при чем он пояснил и указал на те заслуги, которые этот товарищ имеет в борьбе за мир. Я и ставлю это на ваше голосование. Если угодно, я разделю эти предложения. (Голоса: «Вместе».) Тогда позвольте, раз возражающих нет, считать, что предложение тов. Дана с дополнением тов. Луначарского принято единогласно. (Рукоплескания.) Приветствие будет послано и тому и другому.

Таким образом, мы переходим к деловой части наших занятий. Первый пункт программы Съезда — отношение к Временному Правительству. Слово предоставляется товарищу докладчику Либеру [1]).

ЛИБЕР. Исполнительный Комитет Петроградского Совета уполномочил меня изложить основные положения той тактики, которую Петроградский Совет предлагает Всероссийскому Совету принять в основу по отношению к Временному Правительству и к задачам революционной демократии. Вы помните, что Всероссийское Совещание почти единогласно, большинством голосов, приняло постановление о том, что рабочая демократия и вся трудовая демократия страны должна оказать Временному Правительству поддержку постольку, поскольку Временное Правительство и в области политики внешней, и в области политики внутренней будет твердо стоять на страже интересов революции, будет выполнять ту программу, которая уже в первые дни была намечена Петроградским Советом и принята как обязательная к исполнению Временным Правительством. [17] Но уже вскоре после этого Сове-

---

[1]) Последняя фраза в подлиннике повторена два раза, при чем во второй редакции после «Либеру» стоит: «докладчику от Исполнительного Комитета».

щание с ясностью обнаружило, что длящаяся революция в обстановке войны создает огромные затруднения и для Временного Правительства, и для той части демократии, которая вынесла постановление о поддержке этому Правительству. Вы знаете, что, кроме этой основной большой трудности, которая стоит перед русской революцией и которая определяется тем, что нам необходимо создавать прочные основы нового строя в тот момент, когда вся страна отвлечена внешней войной, в тот момент, когда главные усилия страны должны быть направлены на то, чтобы поддержать армию, стоящую на фронте, и вместе с тем, чтобы помогать этой стране выйти из создавшегося кризиса, что в этот момент укрепление революционной власти и создание нового порядка является затруднительным. Но кроме того в русской революции должны были создаться и новые внутренние затруднения [1]). Эти затруднения состоят в том, что хотя эта революция в первые моменты явилась революцией национальной, что хотя у старого порядка не оказалось в стране ни одной силы, которая бы пожелала его поддержать, но поскольку дело шло о создании порядка нового, о создании новой революционной власти, то совершенно неизбежно внутри нации должны были обнаружиться внутренний антагонизм, внутренние конфликты, противоположность интересов разных классов и слоев. Русская революция тем отличается от революций, которые происходили в Европе, что во время тех революций противоречие классовых интересов не выступало и не могло выступать с такой остротой, именно потому, что русская революция произошла позже, под непосредственным напором борьбы рабочих масс, которые пришли с этой борьбой, с подготовленной классовой борьбой против своих антагонистов, борьбой крестьянства с классом помещиков. Уже эта самая революция — главная энергия создана была в ней внутренней борьбой. Поэтому совершенно ясно, что когда наша революция вошла в стадию закрепления завоеваний, то этот конфликт должен был становиться все острее и утонченнее. Кроме того, в русской революции именно потому главной движущей силой явился рабочий класс, который должен был поставить на очередь разрешение таких социальных вопросов пролетариата и крестьянства, самое разрешение которых начинает далеко выходить за пределы рамок этой страны. Он выставил целый ряд вопросов, которые поднимают все основные вопросы всего существования данного строя. Русской революции приходится преодолевать не только препятствия внутри страны, не только препятствия, созданные обстановкой международной войны, но и препятствия, вызываемые тем, что она вынуждена разрешить социальные вопросы, в которых заинтересованы не только трудовые массы России, не только государственные классы, но и трудовые классы и классы государственные всего мира. Вот в чем трудность разрешения революционного конфликта. И совершенно естественно, дальнейшее развитие революции должно было обнаружить целый ряд конфликтов и осложнений. И вот, когда мы перейдем к фактам, мы скажем, что Временное Правительство имело перед собой две задачи. Во-первых, принять все меры к тому, чтобы эта война, которая является главным препятствием к укреплению нового строя в России, чтобы она была возможно скорее в международном масштабе, путем согласия с другими странами, ликвидирована. Внешняя политика правительства должна быть политикой активной, энергичной, идущей в определенном направлении. Русская революционная демократия на конференции Советов определенно сказала: она не верит в такой исход войны, который определяет победу одной коалиции над другой, — не по этому пути лежит окончание этой войны:

---

[1]) В подлиннике начиная со слов: «Вы знаете, что»... и до конца зачеркнуто.

в интересах демократии эта война может быть окончена только победой коалиции трудовой демократии всех стран против коалиции империалистов всех стран, и внутренние интересы нашей революции, укрепление нового порядка требовали от нашего правительства такой политики, которая бы облегчала это объединение, создавала бы такую почву, давала бы возможность международной демократии объединить свои усилия, чтобы добиться скорейшей ликвидации этой войны. А вместе с тем вы знаете, что политика Временного Правительства, представленная Милюковым, была политика, шедшая вразрез с этим. Эта политика и внешняя, и внутренняя является направленной против интересов русской революции. Внешняя потому, что она не давала возможности создать тот союз, который один мог помочь ликвидации войны, и внутренняя потому, что Россия не была в состоянии до бесконечности, при той разрухе, которая у нас, находиться в таком положении, что интересы нового порядка требовали, чтобы народ видел, что делается все возможное для скорейшей ликвидации этой войны. Этого не было сделано, и те, которые выступают под лозунгом патриотизма и защиты обороноспособности страны, защиты боеспособности русской армии, по существу своей политики затягивания этой войны, понижали боеспособность армии, понижали обороноспособность страны. Вот почему в области внешней политики прежде всего обнаружилось резкое несогласие и невозможность для правительства разрешить этот вопрос [1]). И дальше, в области внутренней. Вам не нужно упоминать о том, что после переворота, благодаря тому, что все внимание демократии прежде всего было остановлено на вопросах политики международной и на вопросе о демократической реорганизации армии, которые являлись одной из главных основ победы русской революции, у нас в центре слабело внимание к вопросу о демократизации всего внутреннего строя России на местах. Вы помните первое положение относительно смены старых властей, которое свелось только к тому, что обязанности официальных исправников и губернаторов взяли на себя председатели губернских и уездных земских управ. [18] Мне не зачем доказывать, что этот шаг свидетельствовал о том, что новое правительство революционного времени не отдавало себе отчета во всей сложности положения, что эти новые органы не только не могли явиться проводниками начал новой революционной России, но даже с точки зрения элементарного сохранения порядка не в состоянии были сохранить этот порядок, потому что им никто не верил. Это были те самые господа, которые в других мундирах являлись представителями и главной опорой существующего строя. Таким образом, и в этом отношении, в вопросе о создании такой власти на местах, власти крепкой именно своим [2]) доверием широких народных масс, отсутствием решительных мероприятий в этой области, правительство подготовило два кризиса. Революционная страна ждать не могла и начала выступать собственными средствами, а они состояли в том, что тех комиссаров, которые назначались правительством, оставили сидеть, а создалась единственная властная организация: местный Совет Рабочих Депутатов. Вместо того, чтобы единая революционная власть провела во всей стране единую революционную демократическую реформу местных органов, вместо этого открылся путь для тех сепаратных переворотов, маленьких республик и анархии, которые мы видим теперь. Мы должны сказать, что вина за создавшееся положение ложится не на революционные демократии, а на недостаточную дальновидность и умелость проводить основы революционной жизни со стороны Временного

---

[1]) В подлиннике начиная со слов: «и те, которые выступают...» и до конца зачеркнуто. — [2]) Так в подлиннике.

Правительства в его прежнем составе. Все это приводило к тому, что власть и влияние Временного Правительства все более и более колебались, что на местах начиналось то расхищение революционной власти, свидетелями которого мы являемся теперь, что поскольку известные шаги не предпринимались из центра, это ослабляло центр и не увеличивало центробежную силу революции. Целый ряд функций правительственных органов, в силу таких обстоятельств, переходил в руки Советов Рабочих и Солдатских Депутатов, даже тогда, когда они этого не желали, устранялись [1]). И вот, как раз в такой момент, когда и в области политики внешней и внутренней была особенно необходима революционная власть, сильная и крепкая доверием самых широких демократических слоев страны, крепкая своей творческой продолжительной работой, энергией по созданию нового порядка, эта власть ни одним из этих свойств в достаточной мере не обладала. Я думаю, что мы не боимся этой крепкой, сильной революционной власти. Да, это есть то, чего мы хотим и к чему стремимся. Это то, без чего стране немыслимо выйти из того тупика, в котором она оказалась. (Аплодисменты.) Вот в виду этого это Временное Правительство такой сильной властью оказаться не могло. И вот разыгрался тот кризис, который произошел 20 и 21 апреля. [19] Конечно, этот кризис, в данной форме, быть может, мог произойти несколько позднее, но по существу он был совершенно неизбежен. Я укажу вам, что в тот момент, когда с одной стороны в области политики внешней обнаружилось, что Временное Правительство не только само не ведет активной внешней политики, но та политика, которую вел Петроградский Совет, — политика сближения трудовой демократии всех стран, — она была, благодаря ноте Милюкова, взята под подозрение, казалось, что Совет Рабочих Депутатов сам являлся орудием политики Милюкова. Следовательно, не только официально правительство доказало свою неспособность, но была сделана попытка лишить Совет Рабочих Депутатов способности вести свою политику в пользу прекращения войны, которую он начал вести [2]).

Другой момент, когда во время разгара кризиса произошло то, что в буржуазной прессе истолковывается, как узурпация власти со стороны Петроградского Совета. Я говорю о знаменитом инциденте с Корниловым, на котором позволю себе остановиться две минуты, потому что он ярко иллюстрирует то положение, в котором находилась тогда страна. Этот инцидент свелся к тому, что, когда без воли Совета Рабочих Депутатов, вернее, против его воли и без его ведома, одна из воинских частей, а вслед за ней и другие вышли на улицы и когда к ним присоединилась демонстрация рабочих, генерал Корнилов отдал приказ, чтобы артиллерия и другие части пришли на Дворцовую площадь. Он исходил из старой психологии буржуазии, что стòит народным массам увидеть мобилизацию воинских сил, как все уляжется само собою. И вот петроградский гарнизон, все воинские части его, начинают запрашивать Исполнительный Комитет, как им быть. Исполнительный Комитет, обязанный предотвратить возможность столкновений, отдает распоряжение оставаться на месте, встать на караул. В один момент создается положение, когда главная его опора, — революционная сила, — уходит от Временного Правительства и переходит в руки Совета Рабочих Депутатов. Это не на почве борьбы за власть, а на почве того естественно создавшегося столкновения между политикой по крайней мере части прежнего Временного Правительства и политикой Петроградского Совета Р. Д. Здесь создалось такое положение, что если бы Петроградский

---

[1]) В подлиннике начиная со слов: «Мы должны сказать...» и до конца зачеркнуто. — [2]) В подлиннике начиная со слов: «Конечно, этот кризис...» и до конца зачеркнуто.

Совет не вмешался во власть, то это могло бы привести несомненно к самым печальным конфликтам. Эти два конфликта привели к двум результатам: с одной стороны, самый уход Гучкова, — это является началом того великого отхода буржуазии от правительства, в котором обвиняли рабочие классы. Начинается выдвигание условной формулы поддержки в скромной дозе, которую буржуазия еще пока обещает правительству.

С другой стороны, под влиянием создавшегося положения в области управления армией, начинается уход командующих армиями, в том числе Корнилова и Гучкова [1]). Уход не случайный, свидетельствующий о новой стадии развития русской революции, о том, что прежний состав правительства уже не может управлять страной. Наконец, когда во время самого конфликта и дальнейших переговоров о составлении нового правительства с неизбежностью наметился уход Милюкова, то это свидетельствовало не об уходе личности, а об уходе краха [2]) с точки зрения интересов революции и ее методов ведения внешней политики. Следовательно, этот кризис был неизбежен, и при наличности его в стране создалась обстановка, которая привела к образованию коалиционного правительства. [20]

Те товарищи-министры, которые выступят перед вами, они более подробно очертят эту обстановку. Моя задача только охарактеризовать ее.

Создалось такое положение, когда Временное Правительство, видя, что оно не опирается на поддержку страны, потребовало от представителей социалистических партий разделить с ними бремя власти и управления страной. На этот вопрос при создавшемся положении могло быть несколько ответов. Я не стану подымать здесь фактического вопроса о том, нужно ли или нет принимать участие в составе правительства. Я только хочу нарисовать объективную обстановку, которая, в известном смысле, предрешила неизбежность положения, приведшего к образованию коалиционного правительства. Исходы были такие [3]). Первый: революционные социалистические партии будут придерживаться той тактики, которой они придерживались раньше, и отказываться от участия во власти, и тогда перед ними одно положение: или передать всю полноту власти правительству однородному, цензовому, буржуазному, или продолжать ту политику антагонизмов бесконечных, конфликтов непрерывных, т.-е. такое положение, при котором фактически власть находится в руках Советов Рабочих Депутатов, а формально — в руках правительства. Третий исход — всю полноту власти взять в свои руки, т.-е. в руки Советов Рабочих и Солдатских Депутатов. Вот три исхода, которые стояли перед страной. Разберем их.

Первый — переход всей власти в руки буржуазно-цензового правительства. Я ставлю этот вопрос не только с точки зрения интересов трудовой демократии [4]). Разве в период революции наученные опытом прошлого, рабочий класс, крестьянство и демократическая армия, разве могли они доверить руководство внутренней и внешней политики цензовой буржуазии? Разве мыслимо представить себе это политически и психологически? Конечно, нет. Этого быть не могло. Такой момент может наступить против воли рабочего класса, когда он предварительно будет раздавлен, но добровольно такая вещь произойти не может. Поэтому этот исход в период развивающейся революции объективно был невозможен и потому, что такое буржуазное однородное правительство не просуществовало бы и нескольких дней и рухнуло бы именно потому, что должно было бы оказаться безвластным, или сильная власть — она была бы направлена против главных

---

[1]) В подлиннике: «и Гучкова» зачеркнуто. — [2]) Так в подлиннике. — [3]) Первоначально: «Исходов было два». — [4]) В подлиннике последняя фраза зачеркнута.

сил революции — рабочего класса, крестьянства и армии. Такой исход — был исключен, как объективно невозможный [1]).

Второй исход — переход всей власти в руки Совета Рабочих и Солдатских Депутатов. Вы знаете, что в рядах рабочей демократии есть довольно многочисленные сторонники этого лозунга, усиленно пропагандируемого. В тяжелые дни 20 и 21 апреля была сделана попытка даже организовать конкретное движение в сторону этого лозунга. Какова цена его с точки зрения фактически объективных возможностей? [21] Что обозначает переход власти в руки Совета Рабочих и Солдатских Депутатов? Это обозначает лишь одно, возможное при одних лишь обстоятельствах: если у рабочей демократии есть твердая уверенность в том, что влияние ее, удельный вес ее и сила во всей стране, а не в каком-нибудь Петрограде, настолько велика, что ее власти добровольно подчинится вся остальная нация, за исключением, быть может, небольшой горстки. Ибо, товарищи, вы прекрасно понимаете, что задача была не взять власть, — это было так легко, что ее осуществить могли несколько выборных людей из Исполнительного Комитета, которые явились бы к министрам за портфелями и те охотно, без боя, уступили бы их. Задача была не взять эту власть, а удержать ее, — удержать не только во имя диктатуры, а для творческой работы, которую мы можем проводить и осуществлять в интересах подавляющего большинства всего народа. И тогда, несомненно, обнаружилось бы, что не только по отношению к тем слоям, которые стоят вне Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, но даже которые внутри Совета, который не является однородной политической группой, а представляет собой блок, союз, внутри которого находятся различные течения, такое единство авторитетности не представлялось бы возможным. Даже те, которые являются сторонниками этого лозунга на местах и здесь, на Всероссийском Съезде Советов, составляют маленькую группу внутри этих Советов, не имеют той власти, на которую они претендуют во всероссийском масштабе по отношению ко всей стране. Таким образом, попытка осуществления этого лозунга обозначала бы во всероссийском масштабе не что иное, как эксперимент Петрограда, т.-е. не усиление власти революционной в стране, не усиление власти рабочего класса, а распад единой революции, полная изоляция рабочего класса.

События Петрограда доказали это вполне. Когда утром 23 числа Центральный Комитет партии, который стоял на стороне этого лозунга, должен был сказать, что этот лозунг ниспровержения правительства — пустая фраза, стало ясно, какова ситуация в этот момент.

Оставался третий исход. Рабочая демократия и Совет Рабочих Депутатов просто умывают руки и говорят: вы не хотите оставаться у власти, делайте что угодно. Мы умываем руки, мы сохраняем свое прежнее положение и остаемся на своем посту в стране. Пусть события идут своим чередом. Но черед событий в атмосфере, которая царила в те революционные дни, привел бы к тому, что те, кто не вошли бы в правительство организованно и добровольно, были бы туда внесены на плечах революционной толпы, которая, чувствуя, что без создания единого центрального органа не может укрепиться революция, внесла бы их только [2]) под напором своего собственного движения. Что же, оставалось всему рабочему классу, крестьянству и пролетариату и революционной армии ответить на это положение так: пусть страна впадет в пучину анархии, никто из нас не чувствует себя

---

[1]) В подлиннике начиная со слов: «Поэтому этот исход...» и до конца зачеркнуто. — [2]) В подлиннике слово: «только» зачеркнуто.

в силах принять участие в создании власти? Несчастье было бы в том, что вся тяжесть отрицательного ответа на этот вопрос легла бы на плечи рабочей демократии. Их вся страна обвинила бы в том, что они бойкотируют власть, не будучи в силах и не желая поддерживать ее целиком, и вся ответственность за анархию и за возможность военной диктатуры пала бы на плечи социалистических элементов [1]).

Вот та трагическая обстановка, которая создалась в тот момент, когда наши товарищи, стоявшие на той точке зрения, — и я лично присоединился к ним, — что нецелесообразно входить в состав правительства, они самым ходом событий, неизбежной логикой событий, которые предотвратить они были не в состоянии, оказались вынужденными принять участие в создании этого коалиционного правительства, потому что за пределами организации рабочей демократии, при том отношении, которое проявила буржуазия, есть только одна область — область авантюр, сепаратных выступлений отдельных городов, области всероссийской анархии и военных диктатур. И те, кто чувствует ответственность за невозможность создания такого положения, вынуждены были принять участие во вступлении в правительство.

Говоря о физиономии нового Временного революционного Правительства, часто пытаются играть исключительно арифметическими цифрами, соотношением чисел: 10 и 6, 10 и 5 и т. д. Думаю, слишком ясно, на основании местного опыта, что̀ значат цифры в данный момент. Определяется ли влияние наших товарищей в составе правительства цифрами, в которых они там представлены, или цифрами всей трудовой демократии, которая поддерживает их во всей стране? Ясно, когда мы говорим: Временное Правительство, коалиционное министерство, мы должны это учитывать. И вот когда дело идет о политике Временного Правительства, той политике, которую мы обязаны и должны наметить, то она сводится к следующему. Конечно, о каждом вопросе в отдельности вам будет представлен специальный доклад. Моя задача состоит в том, чтобы наметить линию политики Временного революционного Правительства. Мы не стоим, конечно, на той точке зрения, что когда наши товарищи представляют наше правительство, наша задача кончена, — правительство существует, пусть оно работает, а мы со счета списаны. Если бы мы решили вопрос так, то наши товарищи поступили бы правильно, немедленно уйдя из состава правительства, ибо их сила состоит в том, что мы, как организованный трудовой народ, будем намечать ту линию, которой они должны придерживаться. Мы должны сказать: никаких чудес от нахождения их в составе правительства ждать нельзя было, ибо их политика определяется объективными условиями, в которых они находятся. Дело идет о длительном процессе политики, в которой намечается следующее положение: 1) Временное Правительство должно заняться самым настойчивым проведением внешней политики, которая, с одной стороны, заключается в достижении разными дипломатическими средствами пересмотра союзных договоров в смысле отказа от аннексий и контрибуций на основе самоопределения народов. 2) Открытие мирных переговоров на основах интернациональных, по программе, возвещенной Временным Правительством. 3) Обеспечить возможность трудовой демократии создание таких благоприятных условий, при которых мы могли бы работать над международным объединением, и нам не клались бы палки в колеса. Необходимо, чтобы рабочая демократия явилась бы тем авангардом, который сплотит международный пролетариат и создаст условия ликви-

---

[1]) В подлиннике начиная со слов: «Что же оставалось...» и до конца зачеркнуто.

дации войны в том виде и масштабе, в каком заинтересован всемирный пролетариат.

В области внутренней политики — демократизация армии и укрепление ее для предотвращения разгрома страны.

Когда мы будем говорить по вопросу о наступлении, вы увидите, что гораздо легче говорить о том, чего не нужно делать, и очень трудно ответить на вопрос, что же нужно делать.

Можно ли допустить, чтобы армия превратилась в пыль, которая, ветром погнанная в одну сторону, двинется обратно в тыл внутренне-разложенной, рассыпанной массой, или нужно стремиться сделать из этой армии действительно революционный, вооруженный народ, который будет стоять на-страже и защитит страну внутри и извне? Вот та задача, для выполнения которой Временное Правительство должно было выдвинуть Керенского, пользующегося доверием именно народных масс.

И дальше, в области внутренней политики Временное Правительство должно стремиться к преобразованию всей системы, как центральных, так и местных управлений и самоуправлений. Пора покончить с анархией, которая вызывается отсутствием единой твердой политики. Нужно создать такое положение, при котором власть на местах могла бы пользоваться доверием народа и поддерживать власть. (За окнами раздается пение демонстрантов, в зале начинается волнение. Председатель призывает к сохранению спокойствия и просит оратора продолжать). [22] Необходимо провести целый ряд мероприятий в области политики рабочей, земельной, финансовой и экономической самым решительным образом, потому что другого исхода нет, как создать власть, которой подчинится не маленькая горсть, власть, в которой примут участие наши представители, не только в том смысле, что мы их раз выбрали, но и в том, что они остаются с нами в непрерывном контакте и нам подотчетны.

Успешное выполнение деятельности наших представителей заключается не в том, что мы словесно выразим им доверие, а в том, что каждым шагом своим и работой на местах мы будем творить работу и [1]) докажем, что они опираются на творческую работу революционной демократии. Наша задача—теснее сплотиться вокруг Совета Р. и С. Д. и всю силу своего влияния употребить на то, чтобы линия политики правительства пошла по тому направлению, в котором заинтересована трудовая демократия, и чтобы наши товарищи социалисты нашли твердую и решительную опору [2]).

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Согласно принятому вами решению, заседание должно прерваться ровно в 3 часа; сейчас без четверти 3. В виду того, что вам предстоит заслушать объяснение целого ряда наших товарищей министров, предлагаю прервать наше заседание на этом [3]).

---

[1]) В подлиннике слова: «мы будет творить работу и» — зачеркнуты. — [2]) Далее по «Известиям» № 84 от 6 июня, следует: «Тов. Лерман, получающий слово для внеочередного заявления, указывает, что накануне, во время речей Мартова и Троцкого, раздавались неуместные крики: «вон» и «долой». Оратор просит вести себя так, чтобы кадеты не могли злорадствовать, глядя на революционный Съезд, заседающий на Кадетской линии Председатель подтверждает, что такие выкрики с мест во время речи ораторов не допустимы. В 2 часа 50 минут объявляется перерыв до 6 час. вечера». — [3]) Речь председателя в подлиннике зачеркнута.

ЗАСЕДАНИЕ 4 ИЮНЯ

(вечернее).

ЦЕРЕТЕЛИ [1]). Впервые пред Всероссийским Съездом мы, представители организованной демократии [2]), отдаем отчет общей политики, которую мы осуществляли, находясь во Временном Правительстве.

Мы были делегированы Петроградским Советом Р. и С. Д., который до созыва Всероссийского Съезда был уполномочен представлять всероссийскую демократию. С того момента, как настоящий Съезд собрался, полномочия всероссийской демократии [3]) перешли к настоящему Съезду. И, давая отчет в своих действиях вам, товарищи, парламенту революционной демократии, мы считаемся с тем, что мы находимся перед органом, призванным определить всю дальнейшую политику революционной демократии [4]).

Если вы по поводу нашего отчета сделаете нам те или иные указания, эти указания будут приняты нами к руководству, как указания полномочного органа российской революционной демократии. Если бы вы, в связи с нашим отчетом, нашли, что шаг, сделанный Петроградским Советом Р. и С. Д. от имени всей российской демократии, не оправдался в последующей деятельности делегатов демократии во Временном Правительстве, то мы, конечно, сделали бы [5]) соответственный вывод из этого и сложили бы свои полномочия. И вот, сознавая всю ответственность перед вами, товарищи, мы хотим наметить в общих чертах все то, что нами сделано до сих пор, все то, что предполагается в будущем.

Мы знаем заранее, что пробелов и недочетов в нашей деятельности было много, и не только пробелов, объясняемых объективными препятствиями и затруднениями, но также и пробелов, объясняемых просто нашими личными качествами [6]), недостаточно верной, быть может, оценкой нашей [7]) тех задач, тех требований, которые мы были призваны исполнить [8]).

Пробелы, которые объясняются нашими недочетами или [9]) недостаточно хорошей обстановкой нашей работы, — эти пробелы, конечно, могут быть исправлены благодаря вашим указаниям, критике и той поддержке, которую вы можете оказать своим представителям. Гораздо труднее исправить [10]) другого рода недочеты в нашей деятельности [11]), вызванные [12]) объективными

---

[1]) Речь Церетели печатается по машинописному тексту (д. № 61), с собственноручными поправками Церетели. В д. № 3 сохранилась речь Церетели в виде вырезки из «Известий» с немногочисленными поправками; на л. 1-м дела № 3 написано чернилами: «Заседание открывается в 6 ч. 30 мин. под председательством Гегечкори. Слово предоставляется И. Г. Церетели». — [2]) Слова: «мы, представители организованной демократии» вписаны, слово «организованной» в д. № 3 пропущено. — [3]) В д. № 3: «Полномочия эти». — [4]) Первоначально: «полномочным во всей дальнейшей политике революционной демократии». — [5]) «бы» вписано. — [6]) Слова: «нашими личными качествами» вписаны над зачеркнутым: «недостаточной силой и». — [7]) Далее зачеркнуто: «ваших представителей». — [8]) Далее зачеркнуто: «Относительно пробелов, на которые я в настоящий момент указал, могут быть два решения, товарищи». — [9]) Слова: «нашими недочетами или» — вписаны. — [10]) Слова: «Гораздо труднее исправить» вписаны над зачеркнутым: «Есть и». — [11]) Далее зачеркнуто: «которые не так легко исправить и которые объясняются». — [12]) Слово: «вызванные» вписано.

условиями, в которых находится в настоящий момент русская революция [1]).

Русская революция, взявшая [2]) в свои руки знамя борьбы за всеобщий мир, русская революция должна была принять войну, начатую другими правительствами, решение и завершение которой не зависит от усилий одной только русской революции. В этом основная черта, основная трудность для деятелей русской революции и для представителей революционной демократии в правительстве. Пока не будет разрешен вопрос о войне, пока не будет достигнута та цель, к которой стремится вся российская демократия, — цель всеобщего мира на началах, исключающих насилие с чьей бы то ни было стороны, — закрепить окончательно свои завоевания, подводить итоги великой российской революции демократия не может, ибо не только внешние, но и все внутренние вопросы связаны с вопросом о войне. И прежде всего, конечно, представители революционной демократии во Временном Правительстве должны были обратить [3]) свое внимание на то, каким способом действий Временное Правительство может содействовать [4]) скорейшему успешному завершению этой борьбы за всеобщий мир, начатой русской революцией.

Мы считали, что для успеха в этом деле со стороны русского революционного Временного Правительства необходимо 1) ясное, категорическое заявление о тех задачах, которые поставлены революционным правительством в настоящий момент, и категорический разрыв со всей прошлой империалистической политикой, а также предложение в первую очередь союзным с нами державам пересмотреть на этих новых началах все соглашения, заключенные до настоящего времени. Мы считаем, что в этом вопросе, конечно, нельзя считать решающим фактором давление русской дипломатии на дипломатию союзных держав; вообще путем дипломатических переговоров и договоров в настоящий момент вопросы мировой важности решаться не могут. Задача дипломатии — поставить ясно и открыто перед правительствами и народами всего мира этот вопрос и с своей стороны сделать все [5]), чтобы начала, признанные [6]) русской демократией [7]), были признаны началами международной политики в союзных с нами странах, чтобы такая всеобщая платформа войны и мира была бы выдвинута не только от имени русской революции, но и всей коалиции всех союзных с нами стран.

Мы идем к этой цели, выдвигая открыто свою программу и употребляя все меры, чтобы сделать ее приемлемой для всех союзных с нами правительств, с одним ограничением: мы считаем, что в пределах наших усилий и возможностей мы не должны предпринимать таких шагов, результатом

---

[1]) Далее зачеркнуто: «Преодолеть эти препятствия подчас не под силу всей революционной российской демократии. Силами только русской демократии вопрос, поставленный русской революцией, решить невозможно. Только пробуждая поддержку в демократии других стран, можно разрешить те основные вопросы, которые поставлены перед нами, и наша задача в этом отношении — взять почин, а успех зависит от того, насколько этот почин будет поддержан также и в других странах. Прежде всего, я останавливаюсь на этих основных вопросах, решение которых зависит не только от успеха русской революции в границах русской революции. Я остановлюсь на международных вопросах в основном вопросе об отношении к войне». После слов: «Силами только русской демократии» зачеркнуто слово: «вопрос»; далее вписано: «основной вопрос, — вопрос о войне, поставленный перед русской революцией, решить невозможно. Только пробуждая поддержку в среде демократии других стран совместными усилиями». — [2]) Первоначально: «взявши». — [3]) Слова: «должны были обратить» вписаны над зачеркнутым «обратили». — [4]) Слово: «содействовать» вписано над зачеркнутым: «способствовать». — [5]) Далее зачеркнуто: «для решения этого вопроса в духе демократических начал, провозглашенных русской революцией. Все, что я говорю, не есть одно ограничение в этой области, — в области внешних сношений мы исходим из желания ускорить заключения новых соглашений, сводящихся к тому, чтобы начала». — [6]) Слова: «чтобы начала, признанные» вписаны. — [7]) Первоначально: «демократии».

которых мог бы явиться [1]) разрыв с союзниками. Мы не можем произвести такое давление, которое в результате должно дать прекращение дипломатических сношений, ибо, товарищи, мы считаем, что самым худшим исходом для нашей кампании в пользу всеобщего мира, неизмеримо более худшим, чем, например, некоторая отсрочка заключения этого всеобщего мира, был бы исход, сводящийся к сепаратному миру, сепаратному соглашению с Германией. Мы считаем, что это было бы гибельным для русской революции, для дела международной демократии (рукоплескания), ибо в настоящий момент, товарищи, при том объективном международном положении, которое существует, нет ни малейшего сомнения, что сепаратный мир не только нежелателен, но он фактически невозможен.

Если бы русская революция сделала шаги, которые разорвали бы ее союз с державами, с которыми она находится теперь в союзе, если бы она сделала шаги, которые поставили бы ее перед необходимостью сепаратного мира, то вслед за заключением этого сепаратного мира русской революции пришлось бы немедленно вновь вступить в войну,— [2]) в войну на стороне стран германской коалиции. Ибо не подлежит ни малейшему сомнению, если оставить в стороне все разговоры, которые в прессе муссируются, о возможности нападения Японии и т. д.,— все это, конечно, проблематично, и должно быть скинуто со счетов твердой и решительной политики,—но если исключить [3]) все это, представьте себе, в каком положении оказалась бы русская революция при заключении сепаратного мира, когда во всем остальном мире продолжалась бы нынешняя мировая война. Ведь тогда она лишена была бы всякой экономической и финансовой связи со всем миром, с которым она в настоящее время находится в связи. И при настоящем финансовом положении, в котором находится [4]) государство, при том неравенстве сил, которое создалось бы между изолированной Россией, с одной стороны, и германской коалицией, с другой стороны, и при необходимости каких бы то ни было сношений с ними,— разве можно сомневаться, что германская коалиция, продолжающая эту войну, условием, обязательным для более слабой стороны, поставила бы военную поддержку с этой стороны? Не надо закрывать глаза на это, товарищи [5]).

Тот, кто скажет: «сепаратный мир», будет говорить об утопии. Сепаратный мир, товарищи, вообще невозможен. Возможно ли продолжение войны и заключение всеобщего мира тем путем, которым идет российская революция, или же выступление из одной коалиции для того, чтобы вступить в другую коалицию? Я знаю, товарищи, что двух ответов на этот вопрос не может быть ни у одного человека в России.

И вот, товарищи, этот объективный предел стоит перед дипломатическими действиями Временного Правительства. Никакого шага, разрывающего союз с правительствами, с которыми мы в настоящее время находимся в союзе, мы предпринять не можем и предпринимать не будем. Все то, что можно сделать для того, чтобы пересмотреть старые договоры в духе принципов русской революции, чтобы заключить новое соглашение на основе новой международно-демократической политики, будет сделано со стороны русской революционной власти Временного Правительства.

И вчера еще в этом отношении предпринят решительный шаг. Вы все, вероятно, читали ноту, с которой Временное Правительство обратилось

---

[1]) Слова: «мог бы явиться» вписаны над зачеркнутым: «явился бы». — [2]) Далее зачеркнуто: «но уже». — [3]) Слова: «но если исключить» вписаны над зачеркнутым: «если исключить». — [4]) Далее зачеркнуто: «в настоящее время». — [5]) Далее зачеркнуто: «Тот, кто говорит: «сепаратный мир», — в России ни одна политическая партия не говорить этого, — »; первоначально слово «тот» было написано со строчной буквы.

к союзным державам. [23] Там [1]) ясно и открыто, языком революционного правительства сказано о том, к чему стремится русская революция. Там нет ни одной недомолвки. Там сказано прямо, что мы боремся со всеми империалистическими стремлениями, в какой бы форме они ни проявлялись [2]). Там сказано, что мы считаем, что в настоящую минуту существуют разногласия между русским правительством и союзными правительствами, что русское правительство, исходя из нерасторжимости союза [3]), в то же время прилагает все усилия к тому, чтобы построить этот союз на новых основаниях, — на основаниях пересмотра старых соглашений в духе принципов, провозглашенных русской революцией. Не навязывая никому свою точку зрения, русское правительство выражает уверенность, что создадутся благоприятные условия для того, чтобы эти стремления русской революции получили реальное осуществление, и оно предлагает в ближайшем будущем, когда создадутся благоприятные условия, созвать конференцию союзных держав для пересмотра всех старых договоров, исключая [4]) договор о сепаратном мире. Мы заявляем во всеобщее сведение [5]), что путь сепаратного мира для нас исключен [6]): это признано русским правительством, и в пересмотре этого договора русское Временное [7]) Правительство не нуждается.

Вот прямой голос русского революционного правительства, совпадающий с голосом всей русской демократии [8]). (Рукоплескания.)

Но вот, товарищи, является вопрос, на чем основано предположение, что осуществится пересмотр именно в духе принципов, провозглашенных русской революцией? Мы считаем, что если бы создалась конференция, и на этой конференции выявились бы те разногласия, которые в настоящий момент существуют, то, конечно, конференции пришлось бы или разойтись без всяких результатов, или выработать новое соглашение, не удовлетворяющее ни одну из сторон.

Но вместе с тем мы считаем, что есть объективное основание рассчитывать, что во всех решительно странах возможен поворот общественного мнения, происшедший в России и имеющий также почву во всех других странах. Если этот поворот произойдет, если он произойдет в результате тесного единения русской демократии с демократией всех союзных стран, то тогда задача конференции будет облегчена, и мы твердо верим, что такие результаты даст деятельность демократии в России, имеющей почву, чтобы найти сочувствие в демократиях союзных стран. Насколько это зависит от русской демократии, от ясности обращения тех нот, которые во всеобщее сведение опубликовываются, и насколько [9]) в международном масштабе ставят на очередь в практической форме эти [10]) основные вопросы, Временное Правительство будет итти по этому пути и всегда будет так рассматривать свою деятельность.

Здесь, товарищи, раздавались голоса и даже было сделано предложение выделить один вопрос из области деятельности Временного Правительства, якобы идущей вразрез с этой общей основной задачей русской революции —

---

[1]) Далее зачеркнуто: «без всякой утайки». — [2]) Слова: «ни проявлялись» вписаны над зачеркнутым: «ни исходили». — [3]) Слова: «исходя из нерасторжимости союза» вписаны над зачеркнутым: «поддерживая союзников, отказывается от разрыва» вписаны. — [4]) Далее зачеркнуто: «один пункт договора, т.-е. исключая». — [5]) Далее зачеркнуто: «что сепаратный мир не (зачеркнуто вписанное: «должна») заключит (переделано: «заключить») ни одна держава». — [6]) Слова: «что путь сепаратного мира для нас исключен» вписаны. — [7]) Слово «Временное» в подлиннике д. № 3 пропущено. — [8]) Далее зачеркнуто: «революционной». — [9]) Слово: «насколько» — вписано (д. № 3). — [10]) Слова: «ставят на очередь в практической форме эти» вписаны; первоначально: «выдвигают основные вопросы современности».

задачей борьбы за всеобщий мир. Это—вопрос о наступлении, о деятельности военного министра тов. Керенского и всего Временного Правительства в деле поднятия боеспособности нашего фронта и укрепления нашей армии. Говорили, что под влиянием империалистических кругов [1]) Временное Правительство и в частности военный министр предприняли шаги, с целью форсировать военные действия на фронте, с целью вызвать немедленное наступление, чтобы этим путем ликвидировать ту политическую кампанию за всеобщий мир, которая ведется тем же Временным Правительством.

Я, прежде всего, должен заявить категорически, что Временное Правительство во всем объеме своей деятельности, во всех отдельных выступлениях министров [2]) руководствуется единой задачей, и каждый из членов Временного Правительства ответствен как за общую политику, так и за действия каждого отдельного министра. Если бы мы рассматривали эту деятельность военного министра, как деятельность, идущую не по одной линии с общей политикой Временного Правительства, то мы или ликвидировали бы эту деятельность, или поставили бы вопрос о министерском кризисе. Но мы считаем, что деятельность тов. Керенского укрепляет задачи революции и создает надежную базу для успеха нашего в деле международных сношений и постановки вопроса о всеобщем мире на реальную почву. Для нас не подлежит сомнению, что [3]) русская революционная армия в момент [4]), когда наша страна подвергается нападениям и угрозам извне, должна быть крепка [5]) должна быть сильна [6]), должна быть способна к наступлению [7]). (Рукоплескания). [8]) Великим несчастьем для нашей революции явилось то, что [9]) в момент [10]) огромного перелома, происшедшего в стране, произошла временная заминка, приведшая [11]) в расстройство [12]) боевой [13]) механизм нашей армии. Голос всех, кто видел нашу армию, тех, кто из окопов [14]) приезжал к нам, этот голос говорил нам, что революционная армия пришла в состояние, лишающее ее возможности проявить свою силу в случае столкновения с противником. Товарищи, то бездействие, которое до настоящего времени наблюдалось на нашем фронте, не укрепляло, а ослабляло и дезорганизовывало нашу русскую революцию и армию, стоящую на позициях русской революции.

Армия должна быть боеспособна; армия, стоящая на охране русской революции, должна быть способна защитить ее от сильного противника. Мы знаем, что опасность вторжения есть, мы знаем, что переброска войск противника на Западный фронт не означает вовсе, что он отрешился от каких бы то ни было империалистических [15]) заданий на нашем фронте, что это есть стратегический маневр, который, увенчавшись успехом, сейчас же отразился на русской революции, на ее интересах. Конечно, если бы удалось германскому генеральному штабу на Западном фронте разгромить про-

---

[1]) Далее зачеркнуто: «военный министр». — [2]) Первоначально: «министра». — [3]) Слова: «Для нас не подлежит сомнению, что» — вписаны; первоначально: «Дело в том, что». — [4]) Далее зачеркнуто: «когда революция подвергается нападкам». — [5]) Далее зачеркнуто: «когда она предпринимает кампанию в целях защиты, основываясь на постановке новых международных отношений, она». — [6]) Далее зачеркнуто: «она». — [7]) Слово: «наступлению» вписано над зачеркнутым: «нападению на фронте». — [8]) Далее зачеркнуто: «Вопрос о нападении и наступлении, о тех или других стратегических операциях нельзя смешивать с общими политическими вопросами». — [9]) Далее зачеркнуто: «вследствие временной заминки, вследствие». — [10]) Слово: «в момент» вписано. — [11]) Слова: «произошла временная заминка, приведшая» вписаны над зачеркнутым: «и приведшего к неизбежному расстройству механизма всего государства, при котором пришел». — [12]) Далее зачеркнуто: «весь». — [13]) Слово: «боевой» вписано. — [14]) Слова: «тех, кто из окопов» вписаны; первоначально: «т.-е., кто приезжал к нам с фронта, говорил нам и это факт». — [15]) Слово: «империалистических» вписано над зачеркнутым «милитаристических».

тивников, он не постеснялся бы перебросить войска на наш фронт и нанести нам сокрушительный удар. Мы все знаем, что до настоящего времени армия революционной России не была так организована, так боеспособна, чтобы противостоять этому натиску, и мы знаем, что поездка тов. Керенского была предпринята с тем, чтобы там, на фронте, делать то, что каждый из нас обязан делать здесь, в тылу. (Аплодисменты.) Тов. Керенский укреплял революцию, когда призывал солдат быть организованными, быть сплоченными, быть готовыми каждую минуту, когда это понадобится в интересах революции, перейти в наступление, быть готовыми со всей энергией броситься на защиту своей страны, быть готовыми каждую минуту, когда это потребуется, — вот девиз, брошенный революционной армии тов. Керенским [1]). Но тут вам говорят: ведь вы знаете, что через 2 — 3 дня может быть предпринято наступление. Некоторые утверждали даже [2]), что у них есть точные сведения, что такой приказ отдан уже. Я не знаю, отдан такой приказ или нет. Я вас предупреждаю, товарищи, если мне, как члену Временного Правительства, военный министр сообщит, что он в такой-то день отдаст приказ к наступлению, я не выйду сюда и не скажу об этом. (Голоса: «Браво». Аплодисменты.)

Я хочу констатировать одно: это собрание — парламент русской демократии [3]). Это собрание полномочно давать политические директивы всем своим избранникам, всем своим министрам и военному министру, конечно. Оно может ему сказать, желательна или нежелательна боеспособность русской армии [4]). Это собрание может сказать, желательно или нежелательно, чтобы русская армия в каждую данную минуту была готова к нападениям, и оно это скажет, — я глубоко в этом убежден, — что русская армия в каждую минуту должна быть готова к наступлению. (Аплодисменты.) Но, товарищи, решать вопросы о том, когда нужно наступление, должен сам военный министр в связи с теми обстоятельствами, которые ему одному известны [5]), в связи с теми сведениями, которые у него имеются о движениях противника, в связи с той картиной, которую он видел на фронте.

Военный министр и все Временное Правительство должны понимать, что в вопросах стратегии [6]) должны отойти на задний план всякие политические соображения [7]). Нельзя вести армию в наступление, если [8]) нет соответствующей стратегической обстановки [9]), и нужно вести армию в наступление, если есть опасность для фронта [10]) в стоянии армии на месте. (Аплодисменты.) Я отвергаю все те шовинистические выкрики, которые слышатся на страницах алярмистской буржуазной прессы, когда пытаются превратить [11]) редакцию алярмистской газеты в генеральный штаб великой русской революции, когда гонят армию [12]) итти в наступление, ибо это им [13]) нужно [14]) в их политических [15]) интересах. Я отбрасываю эти выкрики, но говорю, товарищи, нельзя становиться на эту почву и нам [16]). Не может это собрание сказать:

---

[1]) Слова: «девиз... тов. Керенским» вписаны над зачеркнутым «что делает тов. Кер.». — [2]) Слова: «Некоторые утверждали даже» вписаны над зачеркнутым: «тут даже некоторые говорили». — [3]) Далее зачеркнуто: «полномочная часть судьбы российской революции». — [4]) Далее зачеркнуто: «оно сказало, что желательно, и он исполняет веления демократии». — [5]) Далее зачеркнуто: «которые известны военному командованию и». — [6]) Слова: «вопросах стратегии» вписаны над зачеркнутым «вопросе о наступлении». — [7]) Зачеркнуто: «Абсолютно». — [8]) Далее зачеркнуто: «это опасно и опять есть продолжение разгрома». — [9]) Слова: «нет... обстановки» вписаны. — [10]) Слово: «фронта» вписано над зачеркнутым: «дела революции». — [11]) Далее зачеркнуто: «каждую». — [12]) Слово: «армию» вписано над зачеркнутым: «ее». — [13]) Слово: «им» вписано над зачеркнутым: «нам». — [14]) Далее зачеркнуто: «в наших милитаристических». — [15]) Слова: «в их политических» вписаны. — [16]) Слова: «и нам» вписаны; далее зачеркнуто: «даже самой революционной организации».

в такой-то день наступления быть не может [1]), столько-то времени должно быть стояние на месте, в такой-то срок можно открывать наступление. Здесь не генеральный штаб, товарищи. (Аплодисменты.) Мы дадим только одно полномочие, одно указание Временному Правительству и военному министру: да, революционная демократия желает, чтобы наша армия была приведена в полную боевую готовность, чтобы наша армия, если это окажется нужным [2]), могла бы перейти в наступление. Вот только эти политические директивы могут быть даны.

Если бы Съезд оказался на иной точке зрения, если бы он разделил точку зрения авторов здесь прочитанного [3]) заявления, он также был бы в праве принять другое [4]) решение: пусть военный министр не забывает, что наступление может быть истолковано, как стремление к захватной политике; пусть поэтому он исключит наступление из методов действий революционной русской армии. Вот такую общую директиву тоже формально в праве принять настоящий Съезд, но я не думаю, что Съезд стал бы на эту позицию. Я думаю [5]), когда Съезд должен решить, что же нужно русской революции: нужна ли крепкая, сильная армия, связанная единым стремлением со всеми, дабы со всей русской революцией быть способной нанести удар тем, кто попытается вторгнуться на ее [6]) территорию [7]), это грозит ей разорением и захватами, нужно ли, чтобы наша боевая армия была готова к наступлению по первому зову революционного правительства,— я глубоко убежден в ответе: «Нужно». (Голоса: «Нужно» и аплодисменты.)

Вот только в этой плоскости может быть [8]) поставлен [9]) вопрос и здесь, а вопрос о том, в какой день, когда — это надо предоставить всецело военному министру и тем, кому он вверил командование. (Голос с места: «Правильно».) Теперь я должен вам сказать о шагах, предпринятых нами в области внешней политики. О них вы осведомлены не только из сообщений наших, сделанных [10]) в [11]) Совете Р. и С. Д., не только из заявлений русской прессы, но также из заявлений официальных руководителей политики союзных с нами стран. Недавно Бонар Лоу в палате общин давал разъяснения о том, почему английское правительство выдало паспорт тов. Макдональду, принадлежащему к меньшинству английского рабочего движения. Я вам должен сказать, что мы, члены Временного Правительства, не упускаем случая, чтобы все то влияние, какое мы можем иметь, как члены Временного Правительства, использовать для того, чтобы создать тесную связь между российской революционной демократией и всеми течениями социализма в союзных с нами странах. Те [12]) препятствия, которые существовали относительно Англии, по заявлению английского министра Бонар Лоу, устранены именно благодаря вмешательству русского Временного Правительства, поддержавшего всемерно ходатайство Совета Р. и С. Д. перед английским правительством о пропуске тов. Макдональда в Россию. Он указал, какие предубеждения были против этого у всех членов английского правительства и в общественном мнении Англии, и как они, считаясь с явно выраженной волей русской революции, переданной им министрами

---

[1]) Далее зачеркнуто: «а в такой-то день должно совершиться наступление»; над последним словом написано и зачеркнуто: «отступление». — [2]) Далее зачеркнуто: «по стратегическим соображениям, те, кому вверена ответственность за судьбу армии, и, в первую очередь, если это решено будет военным министром и Временным Правительством, чтобы революционная армия оказалась бы готовой и». — [3]) Слово: «прочитанного» вписано над неправильно написанным тем же словом. — [4]) Слово: «другое» вписано. — [5]) Далее зачеркнуто: «что когда вопрос стоит практически». — [6]) Слово: «ее» вписано. — [7]) Далее зачеркнуто: «русской революции». — [8]) Слово: «быть» вписано. — [9]) Далее зачеркнуто: «быть». — [10]) Далее зачеркнуто: «на предыдущем собрании». — [11]) «в» вписано. — [12]) Слово: «Те» вписано; первоначально: «Вот те».

социалистами, отказались от своего прежнего решения и приняли новое — позволили поехать в Россию представителю самого оппозиционного течения. И в дальнейшем во всех своих действиях мы будем руководствоваться этим стремлением сделать все, чтобы прочно укрепились связи между российской демократией и всеми течениями социализма союзных с нами стран.

Я хотел бы в нескольких чертах обрисовать задачи внутренней политики, — то, что в этой области сделано, те пробелы, которые имеются, и тот путь, который нам рисуется в будущем. В области внутренней политики мы имеем дело также с величайшими затруднениями, с которыми нам приходится бороться [1]). Русская революция приняла тяжелое наследие трехлетней войны и 10-ти летней реакции 3 июня [2]). Экономическая разруха, которая существует, и тяжелые, невыносимые финансовые затруднения, с которыми приходится нам считаться [3]), продовольственная разруха, которая ежеминутно грозит стране голодом, все то, что в настоящее время является препоной к быстрому движению революции вперед, все это—наследство старого режима, наследство трехлетней войны в самых тяжелых условиях русского самодержавия. Самодержавие, погребенное российской революцией, из могилы хватает эту революцию и старается задушить ее. Мы горячо убеждены, что справимся с этими трудностями, но знаем, что в настоящий момент справиться с ними может русская демократия только путем неслыханных жертв и самоотвержения. Нет таких финансовых мероприятий, самых радикальных и самых крайних, которые могли бы в настоящий момент совершенно ликвидировать финансовый кризис и привести в нормальное положение финансы государства. Если страна тратит в год 16 миллиардов, а весь чистый доход не превышает половины этой суммы, то, конечно, здесь никакая финансовая реформа, никакое коренное преобразование не может избавить население от необходимости напрячь все силы, быть готовыми ко всяким жертвам, чтобы помочь в этот момент государству. То же самое в области организации народного хозяйства: надо спешно и решительно подвергнуть государственному регулированию промышленность, подчинить ее авторитетному для всех слоев населения контролю и предпринять те меры, которые, укрепляя промышленность, в то же время привлекли бы имущих [4]) к жертвам в пользу спасения страны, извлекли бы тех, кто до настоящего момента был избавлен от этого в большей мере, чем кто бы то ни было другой. Точно также во всех других областях нужны решительные, героические меры, и все-таки эти меры, в конце концов, в лучшем случае приведут только к более правильному распределению тягот и финансовых, и экономических [5]). Самое правильное распределение будет требовать от всех слоев населения самых решительных жертв, самого решительного самоотвержения [6]). В частности, в области экономической политики, мы, министры социалисты [7]), предполагаем предложить [8]) систему регулирования народного хозяйства на тех началах, которые были предприняты, как вам известно, в Исполнительном Комитете Совета Р. и С. Д. Мы, министры социалисты, на основании этих начал разрабатываем [9]) законопроекты, которые в наибольшей мере способствовали [10]) бы обеспечению интересов государства созданием такого органа центрального, который способен был бы вмешиваться и регулиро-

---

[1]) Далее зачеркнуто: «Эти затруднения не есть следствие нового режима, но дело в том». — [2]) Далее зачеркнуто: «что». — [3]) Далее зачеркнуто: «так». — [4]) Слово: «имущих» вписано над зачеркнутым: «в первую очередь промышленников». — [5]) Далее зачеркнуто: «и всяких». — [6]) Слово: «самоотвержения» вписано над зачеркнутым: «самопожертвования». — [7]) Слова: «министры социалисты» вписаны. — [8]) Слово: «предложить» вписано над зачеркнутым: «построить». — [9]) Слово: «разрабатываем» вписано над зачеркнутым: «думаем разработать». — [10]) Первоначально: «законопроект, который... способствовал».

вать производство во всех тех отраслях, где это нужно, с [1]) самыми широкими полномочиями. Все другие передовые страны, и союзные, и воюющие с нами, в виду неслыханных тягот, возложенных войной на страну, сумели так или иначе приспособить к этим потребностям и государственный, и экономический организм. Там [2]) осуществлены коренные финансовые преобразования и регулирование государством народного хозяйства в той мере, в какой это было необходимо. Только в России в настоящий момент, после трехлетней разрухи, которая еще более увеличивалась политикой безответственной самодержавной власти, впервые [3]) приходится приниматься за эту задачу и приходится форсировать решение этой задачи, потому что от скорости ее решения зависит вся дальнейшая судьба революции [4]). Нам говорят, почему до сих пор ничего не сделано. Да, до сих пор только разрабатываются проекты всех этих преобразований, и экономических, и финансовых, ибо нельзя в один момент выступить с готовыми программами, решающими все эти вопросы так, как этого требуют интересы демократии. Можно принять самый радикальный финансовый законопроект, проводить его в жизнь, и самый радикальный может оказаться самым вредным для интересов демократии, если не учесть обстоятельства и не принять мер, чтобы действительно настигнуть все доходы, которые подлежат обложению. Можно принять какой угодно, самый радикальный план регулирования народного хозяйства, взаимоотношений труда и капитала, и если при этом не будут приняты во внимание заявления организованных групп [5]), которые затронуты этим законом, если не будут приняты меры для радикального демократического решения этого вопроса и реального осуществления, то, конечно, ни один декларационный закон никакой пользы России не принесет, ибо [6]) вся российская демократия вступила в революцию неподготовленной для немедленного ссуществления творческой работы. Даже у той революционной организации, которая критикует действия правительства и требует ускорения, у них ничего в настоящий момент, кроме декларации [7]) и принципов, нет. Чтобы претворить их в дело, нужен некоторый срок. И вот, с момента вступления нашего во Временное Правительство, путем постоянного соглашения с демократическими организациями [8]), мы подготовляем почву для того, чтобы экономические мероприятия были разработаны и [9]) осуществлялись в наиболее выгодной форме для всех демократических слоев всей революции [10]). Общий план финансовых мероприятий таков, чтобы настигнуть все доходы, подлежащие обложению, чтобы принять максимальные нормы этого обложения, не уничтожая в то же время их [11]) источник. Мы хотим обложить доходы промышленности, но мы не хотим разрушать промышленность [12]). Если бы мы приняли такие меры, которые не считались бы с [13]) соображениями о существовании самой промышленности, если бы мы предъ-

---

[1]) «с» вписано.—[2]) Далее зачеркнуто: «все-таки».—[3]) Слова: «еще более ... впервые» вписаны вместо зачеркнутого: «не только не ослабилась, но увеличилась действием власти, теперь, после революции, потребовавшей новой организации страны, государственной власти». — [4]) Далее зачеркнуто: «и она должна решить ее на демократических началах, ибо демократический контроль, регулирование со стороны государства, выражающие стремление русской революции, — вот так должны быть построены экономические мероприятия». — [5]) Далее зачеркнуто: «в первую очередь демократии, а затем всех других слоев». — [6]) Слово: «ибо» вписано над зачеркнутым: «и». — [7]) В д. № 3: «декламация». — [8]) Далее зачеркнуто: «о разработке практических мероприятий, которые должны осуществиться». — [9]) Слова: «экономические ... разработаны и» вписаны и далее зачеркнуто: «они». — [10]) В д. № 61: «для всей демократии, для всей революции» (исправлено по д. № 3); далее зачеркнуто: «Я вам говорю».—[11]) Слово: «их» вписано.—[12]) Далее зачеркнуто: «Единственная граница, где мы останавливаемся, это граница самой основы промышленности. С этой стороны мы считаем, что». — [13]) Далее зачеркнуто: «этим чрезвычайно важным».

явили к ней такие требования, которые она не в состоянии исполнить, мы, конечно, во вред демократии вели бы всю нашу экономическую [1]) политику.

Для того, чтобы установить, в какой [2]) максимальной мере с промышленников, без ущерба для промышленности [3]) могут быть государством взяты [4]) доходы, которыми они до сих пор пользуются, — для этого нужна тщательная разработка соответствующих [5]) законопроектов [6]). Некоторые законопроекты уже готовы, но мы хотим все-таки выступить только с такими проектами, которые безусловно гарантируют реальное изменение финансовой политики, максимально выгодное для трудящегося населения. Что касается вопроса о земле, то в этом отношении политика Временного Правительства всецело идет в той плоскости, которая указана постановлениями революционной демократии. Мы считаем, что наша задача в настоящий момент — подготовить правильное решение этого вопроса Учредительным Собранием. Мы считаем, что вопрос о переходе земли в руки трудящихся может быть и должен быть положительно решен в Учредительном Собрании, и что теперь наши мероприятия должны клониться к тому, чтобы в этот переходный период обеспечить интересы трудящихся в сельском хозяйстве и подготовить почву к тому, чтобы действительно мог совершиться этот организованный переход всей земли в руки трудящихся на тех началах, которые признает Учредительное Собрание. Министр земледелия внес уже соответствующий законопроект во Временное Правительство; вероятно, он сам будет давать по этому поводу свои разъяснения, точно так же, как министр труда в области экономической политики обрисует вам более детально картину тех законопроектов, которые разрабатываются им, и всех мероприятий, которые мы думаем принять в ближайшем будущем. Я же ограничиваюсь этой [7]) общей картиной. Затем я должен несколько остановиться на [8]) министерстве внутренних дел [9]). В этой области больше всего слышалось нареканий с разных сторон в том, что министерство внутренних дел недостаточно связано с местами, что министерство внутренних дел не избирает комиссаров, приемлемых на местах, работающих в контакте с местными организациями, что благодаря этому получаются трения, и целый ряд вопросов, которые на местах решаются правильно местными организациями в соответствии с общей политикой демократии [10]), не получают своего завершения в виду отсутствия санкции со стороны центральной власти, не разобравшейся в местных делах в виду отсутствия прочных связей. Я вам скажу: и в министерстве внутренних дел, как в остальных министерствах, как и [11]) у министров социалистов, конечно, не все обстоит благополучно, не все сделано так, как следовало бы. Но министерство внутренних дел до настоящего момента было поглощено в значительно большей степени другой работой, которая как будто-бы забывается всеми теми, кто критикует деятельность министерства внутренних дел.

Я согласен, что в этих указаниях, которые я здесь привел, есть много правды, и что ближайшая задача — коренным образом реорганизовать сно-

---

[1]) Слово: «экономическую» вписано над зачеркнутым: «внутреннюю». — [2]) Далее зачеркнуто: «мере в настоящий момент в». — [3]) Слова: «с промышленников ... промышленности» вписаны над зачеркнутым: «с промышленников, капиталистов и земле[вла]дельцев». — [4]) Слова: «государством взяты» вписаны над зачеркнутым: «сняты все». — [5]) Слова: «тщательная разработка соответствующих» вписаны над зачеркнутым: «подробно разработать соответствующие». — [6]) Первоначально: «законопроекты»; далее следует стоящее в скобках: «и только после этого они могут войти в действие. Именно на основе этого принципа мы работаем». — [7]) Слова: «ограничиваюсь этой» вписаны над зачеркнутым: «ограничусь только». — [8]) Слова: «я должен ... на» вписаны над зачеркнутым: «я должен вам указать относительно мин.». — [9]) Далее зачеркнуто: «что» и строчная буква изменена на прописную. — [10]) Слова: «общей политикой демократии» вписаны и далее зачеркнуто: «нашими телеграммами». — [11]) Слова: «как и» вписаны.

шения с местами и поставить их так, чтобы закрепить связь центрального революционного правительства с местными демократическими организациями. Я с этим согласен, но дело в том, что министерство внутренних дел до настоящего времени выполнило огромную работу, последствия которой скажутся в ближайшее время. Не забывайте, товарищи, что фактически уже проводится и проведен в жизнь закон о местном самоуправлении, городском и сельском, на самых демократических началах. Товарищ Пешехонов будет подробно докладывать об этом, но я вам укажу еще, что и закон о волостном [1]), об уездном и [2]) губернском земстве [3]), и городское [4]) самоуправление [5]), — все это на демократических началах уже принято [6]) и уже проводится в жизнь [7]).[24] И министерство внутренних дел в этом смысле выполнило огромную работу, — работу, прошедшую через Временное Правительство. Вся работа, которая ведется теперь, ведется наспех, и нельзя [8]) говорить, что она идеальна, но общие демократические [9]) основания, несомненно, получили в ней реальное воплощение. Несомненно, что благодаря этому закону вся революционная Россия получит более совершенную форму организации, чем та, которую она имела до сих пор, и, организовавши страну на этих началах, сможет с удесятеренной энергией принять участие в строительстве нового государства. Что касается сношения с местами, преобразования комиссариатов, создания в Петрограде таких центров, которые бы связывали более прочно центральную власть с местными организациями и сделали бы центральную власть более чуткой к требованиям местных организаций, то в этом отношении, товарищи, самые решительные шаги будут предприняты в ближайшем будущем. И министерство внутренних дел, и все [10]) Временное Правительство целиком стоит на этой почве, что нужно [11]) принять все меры для того, чтобы создать более прочную связь между центральной властью и местными организациями.

Затем мне приходится коснуться вопроса о действиях центральной власти, действиях Временного Правительства. Нам говорят: вот в области творчества вы не смогли разом дать то, что требуется от революционного правительства. Вы не дали нам [12]) коренных экономических преобразований, вы не дали нам [12]) коренной финансовой реформы, вы не дали нам [13]) коренного решения [14]) земельного вопроса, вы не дали нам коренного решения международного вопроса о мире, — ничего этого вы нам не дали. Но зато вы действуете с достаточной решимостью против тех, кто, по вашему мнению, делает анархические выступления. Творческая ваша работа, говорят нам, не дала никаких плодов, зато ваша репрессивная работа сказалась. По этому поводу, товарищи, я должен дать объяснения. Я говорю вам, товарищи, что нет ни одного правительства, — такое правительство немыслимо в революционной России, — которое, очутившись у власти, в один-два месяца выполнило бы то, что в настоящее время нужно России. Никаких финансовых коренных преобразований в один-два месяца провести в жизнь фактически невозможно, ни экономического урегулирования, ни решения вопроса о земле, ни, тем более, заключения всеобщего мира. Я глубоко убежден, что самые крайние левые наши критики, очутись они завтра у власти, вынуждены были бы точно так же засесть за работу,

---

[1]) Далее зачеркнуто: «земстве». — [2]) Слова: «уездным и» вписаны. — [3]) Слово: «земстве» вписано. — [4]) Первоначально: «городовое». — [5]) Слово: «самоуправление» вписано над зачеркнутым: «положение». — [6]) Слово: «принято» вписано над зачеркнутым: «проведено». — [7]) Далее зачеркнуто: «эти законы». — [8]) Слово: «нельзя» вписано над зачеркнутым: «не может». — [9]) Слово: «демократические» вписано. — [10]) Слова: «И министерство... и все» вписаны над зачеркнутым: «Мы эту критику примем к сведению и примем все меры». — [11]) Слово: «нужно» вписано над зачеркнутым: «оно должно». — [12]) Далее следует: «ни». — [13]) Далее зачеркнуто: «ни решения». — [14]) Слово: «решения» вписано.

чтобы проводить такие мероприятия в жизнь, которые обеспечили бы интересы всего населения, интересы трудящихся,—обеспечили бы в виде реальных мер, а не парадных фраз и парадных деклараций. Плохо делают те, кто без всякой предварительной подготовки, без создания соответствующего органа, без участия заинтересованных общественных организаций принялись бы сразу с места в карьер проводить в жизнь коренные государственные мероприятия [1]). В настоящий момент Россия, изнуренная войной, Россия, поставленная [2]) в условия неслыханных материальных стеснений, и, закрепляя завоевания революции [3]), организовывая себя [4]), она должна считаться с критическим [5]) положением и не может пускаться на рискованные эксперименты в какой бы то ни было области [6]). И вот, если в это время [7]) власть не будет чувствовать себя достаточно крепкой для того, чтобы и без того трудное положение государства, всей страны не отягчалось [8]) еще более дезорганизаторской [9]) внутренней борьбой, внутренними трениями, внутренней смутой, если власть окажется недостаточно сильной, чтобы обеспечить страну от таких новых осложнений, то, конечно, она ни в коем случае не справится с теми задачами, которые возложены на нее. Я скажу прямо, товарищи, что в настоящий момент, когда мы ведем нашу международную политику за всеобщий мир, призываем подкреплять ее боевыми действиями нашего фронта, напрягаем все силы для того, чтобы организовать продовольствие страны, напрягаем все силы для того, чтобы добыть новые финансовые источники доходов государства, — если в этот момент начнется распад государства, начнется по всей России в разных концах то, что недавно происходило в Кронштадте, [25] т.-е. отказ от признания единой революционной власти, объявление себя самочинной верховной организацией, если это начнется, и если власть не сможет с этим справиться, тогда она должна отложить все свои законопроекты и мероприятия в области политики, ибо она должна считать, что если она не справится с этими затруднениями, то все остальные будут сметены гражданской войною и развалом революции. В этом отношении, товарищи, мы особенно чутки. Мы знаем, что в настоящий момент в России происходит упорная, ожесточенная борьба за власть. В настоящий момент в России нет политической партии, которая говорила бы: дайте в наши руки власть, уйдите, мы займем ваше место. Такой партии в России нет. (Ленин с места: «Есть».) Я заявляю, что в настоящий момент сторонники захвата власти, и тов. Ленин в том числе, заявляют, что они понимают эту борьбу, как подготовку в среде демократии соответствующей организации, соответствующего сознания. Они говорят: когда мы станем большинством, или когда большинство станет на нашу точку зрения, тогда надо захватывать власть. Тов. Ленин, вы так говорили? Да, они так говорят, и во всяком случае в официальных своих заявлениях так выступали товарищи большевики и в том числе тов. Ленин. Вот, я говорю, поскольку мы имеем дело с этими заявлениями, а не с тем новым откровением, которое, быть может, мы услышим через пять минут или полчаса здесь, я считаюсь с тем, что до сих пор было. Итак, господа, до сих пор в России не было ни одной партии, которая заявляла бы притя-

---

[1]) Далее зачеркнуто: «Все, что мы должны сделать, мы сделали, но это немного, товарищи, ибо». — [2]) Далее зачеркнуто: «своей революцией». — [3]) Слова: «завоевания революции» вписаны». — [4]) Слово: «себя» вписано. — [5]) Слово: «критическим» вписано над зачеркнутым: «этим». — [6]) Далее зачеркнуто: «Прежде чем не будут утрачены все обстоятельства и не будут приняты все гарантии, что они будут осуществлены». — [7]) Слова: «в это время» вписаны над зачеркнутым: «во время этой работы». — [8]) Слово: «отягчалось» вписано над зачеркнутым: «затруднять». — [9]) Слово: «дезорганизаторской» вписано.

зания на захват власти немедленно, но были такие заявления со стороны безответственных групп слева и справа[1]). Слева были заявления о том, что они ведут работу для создания большинства в среде демократии, готового захватить власть в свои руки, и вместе с тем они считали возможным расшатывать ту[2]) революционную власть, которая существует. Они говорили: это правительство буржуазное, правительство капиталистов. Нет никакого различия между политикой нынешнего правительства и политикою правительств Гучкова и Милюкова, и лучше было бы, если бы там не было министров социалистов, потому что страна лучше бы увидела, что это правительство капиталистов, и сделала бы отсюда соответственный вывод. Вот, что мы слышали слева. С другой стороны, и справа как будто не было прямой[3]) борьбы за власть. Там говорили: мы знаем, что мы не можем быть в настоящий момент у власти. Нам в настоящий момент страна не доверяет, но нынешнее правительство, это — социалистическое правительство, и уже лучше пусть социалисты совсем захватят власть, пусть социалисты прямо объявят о введении социалистического строя. Это заявлял Гучков, заявлял Коновалов и в скрытой форме заявляет и Милюков в своей сегодняшней речи [26]. Да, — говорит он[4]), — это кинтальское-циммервальдское правительство, и, конечно, лучше, чтобы социалисты одни[5]) прямо завладели властью. В такой форме идет борьба за власть. Справа говорят: пусть возьмут власть левые, и затем страна и мы сделаем соответствующий вывод. Слева говорят: пусть возьмут власть правые, и затем страна и мы сделаем соответствующий вывод. Я говорю, товарищи, под этим покровом, под этим стремлением якобы передать власть другим скрывается самая ожесточенная борьба за власть, ибо каждая сторона понимает, что если бы осуществилось то, что они предлагают, то страна получила бы такой урок, после которого она шарахнулась бы в объятия к ним. Они хорошо это понимают, но мы также понимаем, товарищи, что не время, чтобы страна получала такие уроки, от которых ей пришлось бы шарахнуться вправо или влево[6]), мы понимаем, что только при такой политике, которую мы ведем, — политике, сплачивающей все живые силы страны в поступательном развитии революции, — спасение страны[7]); только этот один опыт под силу революции, на которую и без того наложено величайшее бремя и величайшие испытания[8]). Я вам говорю, товарищи, чтобы выполнить эту задачу, сплотить все силы страны для ее спасения[9]), нужно быть сильной властью[10]), нужно быть облеченными доверием демократии, нужно быть связанными с демократией. Только в этих условиях под силу может оказаться революционной власти исполнение международных и внутренних задач революции[11]). И, конечно, она должна, предоставляя полную свободу идейной пропаганде, предоставляя полную свободу организации не только[12]) сторонникам, но[13]) и политическим противникам, она в то же самое время должна быть достаточно сильной, чтобы противостать тем, кто[14]) решается на эксперименты, опасные для судеб революции, — на эксперименты открытого выступления против власти, отпадения от России, на эксперименты, сеющие гражданскую войну. Она должна быть в силах с самого

---

[1]) Слова: «слева и справа» вписаны. — [2]) Слово: «ту» вписано. — [3]) Слова: «С другой стороны... прямой» вписаны над зачеркнутым: «и справа. Так что не было прямой». — [4]) Слова: «говорит он» вписаны. — [5]) Слово: «одни» вписано. — [6]) Слова: «от которых... влево» вписаны. — [7]) Слова: «спасение страны» вписаны. — [8]) Слова: «на которую... испытания» вписаны над зачеркнутым: «он избавит ее от потрясений». — [9]) Слова: «сплотить... спасения» вписаны. — [10]) Первоначально: «власти» — [11]) Слова: «международных... революции» вписаны над зачеркнутым: «этих задач». — [12]) Слова: «не только» вписаны над зачеркнутым: «и всем». — [13]) Слово: «но» вписано. — [14]) Слова: «чтобы... кто» вписаны над зачеркнутым: «если».

начала [1]) ликвидировать эти эксперименты [2]). Мы не должны забывать, что вступление на путь, на который вступил, было, Кронштадт, это выступление, товарищи, затрагивает насущные [3]) интересы [4]) всей революционной России, ибо не будь оно во-время остановлено, оно неминуемо должно было привести к гражданской братоубийственной войне в рядах самой демократии. И, несомненно, под развалинами этого пожара погребена была бы вся революция и [5]) восторжествовала бы контр-революция. Вот путь, по которому мы идем.

Товарищи, может быть, по отдельным запросам нам [6]) придется давать более детальные разъяснения, и при этом вами [7]) будет указано много промахов, много недочетов, будет указан путь, по которому мы должны итти, и будет дана та поддержка, которая облегчит итти по этому пути. Никакой критики, никаких указаний мы не боимся, мы приветствуем их и знаем, что в этом наша сила. Но [8]), если бы мы разошлись в этом основном понимании задач нашей революции, если бы мы разошлись [9]) в оценке [10]) политических перспектив, если бы мы разошлись в сознании, что необходима твердая революционная власть, осуществляющая политику огромного большинства революционной демократии, тогда бы мы не могли быть вашими представителями. Этому вопросу я придаю основное значение, и с этим основным вопросом [11]) вы, внося свой вотум об отношении к Временному Правительству и к вашим представителям [12]), должны считаться. (Бурные и продолжительные аплодисменты.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово предоставляется тов. Ленину [13]).

ЛЕНИН. Товарищи, я в тот краткий промежуток времени, который мне предоставлен, смогу остановиться, и, думаю, это целесообразнее, лишь на основных принципиальных вопросах, выдвинутых докладчиком Исполнительного Комитета и [14]) следующими ораторами. Первый и основной вопрос, который стоял перед нами, это вопрос, где [15]) мы присутствуем, что такое те Советы, которые собрались сейчас на Всероссийский Съезд, что такое та революционная демократия, о которой здесь так безмерно много говорят, чтобы затушевать полное ее непонимание и полнейшее от нее отречение? Ибо говорить о революционной демократии перед Всероссийским Съездом Советов и затушевывать характер этого учреждения, его классовый состав, его роль в революции, не говорить об этом ни звука и в то же время претендовать на звание демократов — странно [16]). Нам рисуют программу буржуазной парламентарной республики, которая бывала во всей Западной Европе, нам рисуют программу реформ, признаваемых теперь всеми буржуазными правительствами [17]), в том числе и нашим [18]), и нам говорят вместе с тем о революционной демократии. Говорят перед кем? Перед Советами. А я вас спрашиваю, есть ли такая страна в Европе, буржуазная, демократическая,

---

[1]) Слова: «Она... начала» вписаны над зачеркнутым: «чтобы». — [2]) Далее зачеркнуто: «Ибо товарищи, как бы ни относиться к товарищам, которые свою политику считают правильной» и далее строчная буква переделана на прописную. — [3]) Слова: «затрагивать насущные» вписаны над зачеркнутым: «касается насущных». — [4]) Первоначально: «интересов». — [5]) Далее зачеркнуто: «тогда». — [6]) Слово: «нам» вписано. — [7]) Слова: «при этом вами» вписаны. — [8]) Слово: «Но» вписано. — [9]) Далее зачеркнуто: «в той» и вписано: «в». — [10]) Далее зачеркнуто: «ближайших». — [11]) Слова: «и с этим... вопросом» вписаны над зачеркнутым: «по этому вопросу». — [12]) Далее зачеркнуто: «и вашим делегатам, — с этим основным вопросом вы». — [13]) Слова: «(Бурные и продолжительные аплодисменты)» и «Председатель. Слово предоставляется тов. Ленину» вписаны (д. № 3). Речь Ленина печатается по машинописному тексту с собственноручными поправками (д. № 3); в д. № 61 имеется та же речь с редакционными купюрами. — [14]) «и» вписано. — [15]) Слово: «где» подчеркнуто двумя чертами. — [16]) Слово: «странно» вписано. — [17]) Слова: «признаваемых» вписано; первоначально: «существующих теперь во всех буржуазных правительствах». — [18]) Первоначально: «нашем».

*

республиканская, где бы существовало что-нибудь подобное этим Советам? Вы должны ответить, что нет. Нигде подобного учреждения [1]) не существует и существовать не может, потому что одно из двух: или [2]) буржуазное правительство с теми «планами» [2-a]) реформ, которые нам рисуют и которые десятки раз во всех странах предлагались и оставались на бумаге, или [2]) то учреждение, к которому сейчас апеллируют, то нового типа [3]) «правительство», которое революцией создано, которое имеет примеры только [4]) в истории величайшего подъема революций, например, в 1792 году во Франции, в 1871 году там же, в 1905 году в России. Советы, это — [5]) учреждение, которое ни в одном обычного типа буржуазно-парламентарном государстве [6]) не существует и рядом с буржуазным правительством существовать не может. Это — тот новый, более демократический тип государства, который мы [7]) назвали в наших [8]) партийных резолюциях крестьянски-пролетарской [9]) демократической республикой, в которой единственная власть принадлежала бы [10]) Советам Р. и С. Д. [11]) Напрасно думают, что это вопрос теоретический, напрасно пытаются представить дело так, как будто бы его можно обойти, напрасно оговариваются, что сейчас того или иного рода учреждения существуют вместе именно с Советами [12]) Р. и С. Д. Да, [13]) они существуют вместе, но именно это [14]) порождает [15]) неслыханное количество недоразумений, конфликтов и трений и именно это [16]) вызывает [17]) переход русской революции от ее первого [18]) подъема, от ее первого движения вперед к ее застою и к тем шагам [19]) назад, которые мы теперь видим в нашем коалиционном правительстве, во всей внутренней и внешней политике, в связи с готовящимся империалистическим наступлением. Одно из двух: или обычное буржуазное правительство, — [20]) и тогда крестьянские, рабочие, солдатские и прочие Советы не нужны, тогда они будут либо разогнаны теми генералами, контр-революционными генералами, которые армию держат в руках, не обращая никакого внимания на ораторство министра [21]) Керенского, или они умрут бесславной смертью. Иного пути нет у этих учреждений, которым нельзя ни [22]) итти назад, ни стоять на месте, а можно только существовать, идя вперед. Вот тот тип государства, который не русскими выдуман, который выдвинут революцией, ибо [23]) иначе революция победить не может. В недрах Всероссийского Совета неизбежны трения, борьба партий за власть. Но это будет изживанием возможных ошибок и иллюзий собственным политическим опытом масс (шум) [24]), а не теми докладами, которые делают министры, ссылаясь на то, что они вчера [25]) говорили, завтра напишут и после-завтра обещают. Это смешно, товарищи, с точки зрения того учреждения, которое русской революцией создано и перед которым сейчас стоит вопрос: быть или не быть. Продолжать существовать так, как они существуют теперь [26]), Советы не могут. Взрослые люди,

---

[1]) Слова: «подобного учреждения» вписаны. — [2]) Слово: «или» подчеркнуто двумя чертами. — [2-a]) Кавычки вписаны. — [3]) Слова: «нового типа» вписаны. — [4]) Слово: «только» вписано над зачеркнутым: «только». — [5]) Слова: «Советы, это — » вписаны над зачеркнутым: «Далее». — [6]) Первоначально: «буржуазном парламенте»; «арном государстве» вписано. — [7]) Слова: «это — тот новый... который мы» вписаны над зачеркнутым: «(неслышно)». — [8]) Слово: «наших» вписано под зачеркнутым: «своих». — [9]) Первоначально: «крестьянской парламентской». — [10]) «бы» вписано. — [11]) Первоначально: «С. Р. и С. Д.». — [12]) Слова: «с Советами» вписаны над зачеркнутым «С». — [13]) Слово: «Да» вписано. — [14]) Слова: «но именно» вписаны; «это» — первоначально: «что». — [15]) Далее зачеркнуто: «то». — [16]) Слова: «именно это» вписаны. — [17]) Первоначально: «доказывает, что». — [18]) Слова: «от ее первого» вписаны. — [19]) Первоначально: «до ее застоя и шагов». — [20]) Знак тире вписан. — [21]) Первоначально: «мин.». — [22]) «ни» вписано. — [23]) Слово: «ибо» вписано. — [24]) Первоначально: «Но это будет изживанием против собственных масс (шум) и политическим опытом». — [25]) Слово: «вчера» вписано. — [26]) Первоначально запятая стояла перед словом «теперь».

рабочие и крестьяне, должны собираться, принимать резолюции и выслушивать доклады, которые никакой документальной проверке подвергнуты быть не могут![1]) Такого рода учреждения[2]), это —[3]) переход к той республике, которая создаст твердую власть, без полиции, без постоянной армии, не на словах, а на деле, ту власть, которая в Западной Европе существовать не может, ту власть, без которой не может быть победы русской революции в смысле победы над помещиками, в смысле победы над империализмом[4]). Без этой власти не может быть и речи о том, чтобы мы сами подобную победу одержали, и чем больше вникаем мы[5]) в ту программу,[6]) которую нам здесь советуют, и в те факты, перед которыми мы становимся, тем более вопиющим выступает основное противоречие.[7]) Нам говорят, как говорил докладчик и другие ораторы, что вот первое Временное Правительство было плохо![8]) А тогда, когда большевики, злосчастные большевики, говорили: «Никакой поддержки, никакого доверия этому правительству», сколько тогда сыпалось на нас обвинений в «анархизме»[9])! Теперь все говорят, что прежнее правительство было плохо, а что же, коалиционное правительство с почти социалистическими министрами[10]) чем оно отличается от прежнего[11])? Не довольно ли разговоров о программах, о проектах, не довольно ли их, не пора ли перейти к делу? Вот уже прошел месяц с тех пор,[12]) когда 6 мая образовалось коалиционное правительство. Посмотрите на дела, посмотрите на разруху[13]), которая существует в России и во всех втянувшихся в империалистическую войну странах. Чем объясняется разруха? Хищничеством капиталистов[14]). Вот где настоящая анархия. И это — по тем признаниям, которые опубликованы не нашей газетой[15]), не какой-нибудь большевистской, боже упаси, а министерской «Рабочей Газетой»: промышленные цены на поставки угля[16]) были подняты[17]) революционным правительством[18])!! И[19]) коалиционное правительство ничего не изменило в этом отношении. Нам говорят, можно ли в России вводить социализм,[20]) вообще совершать коренные преобразования сразу, — это все пустые отговорки[21]), товарищи. Доктрина[22]) Маркса и Энгельса, как[23]) они всегда разъясняли, состоит вот в чем[24]): «Наше учение не догма[25]), а руководство к деятельности»[26]). Чистого капитализма, переходящего в чистый социализм, нигде в мире нет и быть не может во время войны, а есть что-то среднее, что-то новое, неслыханное, потому что гибнут сотни миллионов людей, втянутые в преступную войну между капиталистами. Вопрос идет не об обещании реформ, — это пустые слова, — вопрос в том, чтобы сделать тот шаг,

---

[1]) Восклицательный знак вписан. — [2]) Далее зачеркнуто: «либо». — [3]) Знак тире вписан. — [4]) Первоначально стояла запятая и после нее строчная буква. — [5]) Слово: «мы» вписано. — [6]) Далее зачеркнуто: «тем больше возникает противоречий. Нам говорят». — [7]) Слова: «которую нам... основное противоречие» вписаны над зачеркнутым: «которые нам здесь советуют, и те факты, перед которыми мы становимся, тем более вопиюще, ставят противоречие». — [8]) Восклицательный знак вписан вместо запятой и далее строчная буква исправлена на прописную. — [9]) Кавычки и восклицательный знак вписаны, зачеркнуто «а» и в слове «теперь» строчная буква исправлена на прописную. — [10]) Первоначально: «социалистическим министерством». — [11]) Слово: «прежнего» вписано над зачеркнутым: «него». — [12]) Слова: «с тех пор» вписаны. — [13]) Первоначально: «Посмотрите на деле, посмотрите на разрухе». — [14]) Слово: «разруха» вписано; первоначально: «Чем объясняется хищничество капиталистов». — [15]) Слова: «И это по тем признаниям» вписаны над зачеркнутым: «в тех пределах». — [16]) Слово: «угля» вписано. — [17]) Слово «подняты» подчеркнуто двумя чертами. — [18]) Слова: «революционным правительством!!» вписаны. — [19]) «И» вписано. — [20]) Первоначально запятая стояла после слова «вообще». — [21]) Слова: «пустые отговорки» вписаны над зачеркнутым: «сразу». — [22]) Первоначально: «Доктрины». — [23]) Слово: «как» вписано над зачеркнутым: «которые». — [24]) Слова: «состоит вот в чем» вписаны над зачеркнутым: «ведь». — [25]) Слово: «догма» вписано над зачеркнутым: «демагогия». — [26]) Первоначально: «действительности».

который нам сейчас нужен. Если вы хотите ссылаться [1]) на «революционную» [2]) демократию, то и отличайте [3]) это понятие от реформистской [4]) демократии при капиталистическом министерстве, потому что, наконец, пора перейти от фраз о «революционной [5]) демократии», от поздравлений друг друга с «революционной демократией» [6]) к классовой [7]) характеристике, чему нас учил марксизм и вообще научный социализм. То, что нам предлагают [8]), есть переход к реформистской демократии при капиталистическом министерстве. Это [9]) может быть великолепно [9-а]) с точки зрения обычных [9-б]) образцов Западной Европы. Сейчас же целый ряд стран накануне гибели, и те практические меры, которые будто бы так сложны, что их трудно ввести, что их надо особо [10]) разрабатывать, как говорил предыдущий оратор, гражданин-министр почт и телеграфов, — эти меры вполне ясны. Он говорил [11]), что нет в России политической партии, которая выразила бы готовность взять власть целиком на себя. Я отвечаю: есть, — ни одна партия от этого отказаться не может, и наша партия от этого не отказывается: каждую минуту она готова взять власть целиком. (Аплодисменты и смех.) Вы можете смеяться, сколько угодно, но если гражданин министр поставит нас перед этим вопросом [12]) рядом с правой партией, то он получит надлежащий ответ. Ни одна партия не может от этого отказываться. И [12-а]) в момент, пока существует свобода, пока [13]) угрозы арестом и отправкой в Сибирь, — угрозы со стороны контр-революционеров, в коллегии с которыми находятся [13-а]) наши почти социалистические министры [14]), пока это только угроза, в такой момент [15]) всякая партия говорит: окажите доверие нам, и мы вам ладим нашу программу. Наша конференция 29 апреля эту программу дала. [27] К сожалению, с ней не считаются и ею не руководятся. Видимо, требуется популярно выяснить ее [16]). Я постараюсь дать г. министру почт и телеграфов популярное объяснение нашей резолюции, нашей программы. Наша программа по отношению к экономическому кризису состоит в том, чтобы немедленно, — для этого не нужно никаких оттяжек, — потребовать публикации всех тех неслыханных прибылей, достигающих 500—800 процентов, которые капиталисты берут не как капиталисты на свободном рынке, в «чистом» [17]) капитализме, а по военным поставкам. Вот, действительно, где рабочий контроль необходим и возможен. Вот та мера, которую вы, если называете себя «революционной» [17]) демократией, должны осуществить от имени Совета и которая может быть осуществлена с сегодня на завтра [18]). Это не социализм [19]). Это — [20]) открытие глаз народу на ту настоящую анархию и ту настоящую игру с империализмом, игру с достоянием народа, с сотнями тысяч жизней, которые завтра погибнут из-за того, что мы продолжаем душить Грецию [21]). — Опубликуйте прибыли господ

---

[1]) Слово: ссылаться» вписано. — [2]) Слово: «революционную» подчеркнуто двумя чертами. — [3]) Слова: «и отличайте» вписаны надзачеркнутым: «отвечайте». — [4]) Слово: «реформистской» подчеркнуто двумя чертами. — [5]) Слова: «фраз о «революционной» вписано над зачеркнутым «реформистской». — [6]) Кавычки вписаны. — [7]) Слово: «классовой» подчеркнуто двумя чертами. — [8]) Первоначально: «То, что мы предлагаем». — [9]) Слово: «Это» вписано, перед ним запятая переделана на точку. — [9-а]) Первоначально: «великолепной». — [9-б]) Слово: «обычных» вписано под зачеркнутым: «способа в виде». — [10]) Слово: «особо» вписано. — [11]) Слова: «Эти меры... что» вписаны над зачеркнутым: «что». — [12]) Слова: «перед этим вопросом» вписаны. — [12-а]) Первоначально стояла запятая и строчное «и». — [13]) Слова: «свобода, пока» вписаны, далее зачеркнуто: «контр». — [13-а]) Слова: «угрозы... находятся» вписаны. — [14]) Первоначально: «коллегией наших почти социалистов министров». — [15]) Слова: «в такой момент» вписаны. — [16]) Слова: «Видимо... выяс ее» вписаны над зачеркнутым: «и требуют попутно выяс». — [17]) Кавычки вписаны. — [18]) Первоначально стояло тире и после него строчная буква. — [19]) Первоначально запятая и строчная буква. — [20]) Тире вписано — [21]) Первоначально двоеточие и строчная буква.

капиталистов, арестуйте 50 или 100 крупнейших миллионеров. Достаточно продержать их несколько недель, хотя бы на таких же льготных условиях, на [1]) каких содержится Николай Романов, с простой целью заставить вскрыть нити, обманные проделки, грязь, корысть, которые и при новом правительстве тысяч и миллионов ежедневно сто́ят нашей стране [2]). Вот основная причина анархии и разрухи, вот почему мы говорим: у нас осталось все по-старому, коалиционное министерство не изменило ничего, оно прибавило только кучку декламаций [3]), пышных заявлений. Как бы искренни ни [4]) были люди, как бы искренно они ни желали добра трудящимся, дело не изменилось, — тот же класс [5]) остался у власти. Та политика, которая ведется, не есть политика демократическая. Нам говорят о «демократизации центральной и местной власти» [6]). Неужели вы не знаете. что только для России новинка эти слова? что в других странах десятки [7]) почти-социалистических министров обращались к стране с подобными обещаниями? Что значат они, когда перед нами [8]) живой конкретный факт: население местное выбирает власть, а азбука демократии нарушается претензией центра назначать или утверждать местные власти [9]). Хищение [10]) народного достояния капиталистами продолжается [11]). Империалистская война продолжается. А нам [12]) обещают реформы, реформы и реформы, которые вообще в этих рамках осуществлены быть не могут, потому что война все подавляет, все определяет. Почему вы не соглашаетесь с теми, которые говорят, что война ведется не [13]) из-за прибылей [14]) капиталистов? В чем критерий? В том, прежде всего [15]), какой класс у власти. Какой класс продолжает быть хозяином, какой класс продолжает наживать сотни миллиардов на банковых и финансовых операциях? — Все тот же капиталистический класс, и война поэтому продолжается империалистическая. И первое Временное Правительство, и правительство с почти-социалистическими министрами ничего не изменило: тайные договоры остаются тайными, Россия воюет за проливы, за то, чтобы продолжать ляховскую политику в Персии и пр. [16]). [28] Я знаю, что вы этого не хотите, что большинство из вас [17]) этого не хочет, что министры этого не хотят, потому что нельзя этого хотеть, так как это — избиение сотни миллионов людей. Но возьмите то наступление [18]), о котором так много [19]) говорят теперь Милюковы и Маклаковы [20]). Они отлично понимают, в чем дело; они знают, что это связано с вопросом о власти, с вопросом о революции. Нам [21]) говорят, что надо отличать политические и стратегические вопросы. Смешно подобный вопрос и [22]) ставить. Кадеты [23]) прекрасно понимают, что ставится вопрос политический [24]).

Что начавшаяся революционная борьба за мир [25]) снизу могла бы привести к сепаратному миру, это — клевета. Наш первый шаг, который бы

---

[1]) Слово: «на» вписано. — [2]) Слова: «ежедневно стоят нашей стране» вписаны; первоначально: «в тысячах миллионов сыпятся на страну». — [3]) Первоначально: «прокламаций». — [4]) «ни» вписано. — [5]) Слова: «тот же класс» подчеркнуты двумя чертами. — [6]) Кавычки вписаны. — [7]) Далее зачеркнуто: «сотен». — [8]) Слово: «нами» вписано над зачеркнутым: «ней». — [9]) Слова: «претензий... власти» вписаны на верхнем поле страницы. — [10]) Первоначально перед словом: «хищение» стояла запятая и строчная буква. — [11]) Первоначально запятая и далее строчная буква. — [12]) Слова: «А нам» вписаны над зачеркнутым: «а им». — [13]) Слово: «не» вписано и подчеркнуто двумя чертами. — [14]) Слово: «прибылей» вписано. — [15]) Слова: «В том... прежде всего» вписаны; в слове «какой» прописная буква переделана на строчную. — [16]) Слова: «в Персии и пр.» вписаны. — [17]) Слова: «из вас» вписаны. — [18]) Слова: «Но возьмите то на» вписаны над первоначальным: «В том выступлении». — [19]) Слово: «много» вписано. — [20]) Первоначально стояла запятая и строчная буква. — [21]) Слово: «Нам» вписано над зачеркнутым: «Они». — [22]) «и» вписано. — [23]) Слово: «Кадеты» вписано над зачеркнутым: «они» и запятая переделана на точку. — [24]) Вписан знак абзаца. — [25]) Слова: «за мир» вписаны.

мы осуществили, если бы у нас была власть: арестовать крупнейших капиталистов, подорвать все нити их интриг. Без этого все фразы о мире без аннексий и контрибуций — пустейшие слова. Вторым нашим шагом было бы объявить народам отдельно от правительств, что мы считаем всех капиталистов разбойниками, — и Терещенко, который ничуть не лучше Милюкова, только тот немножко поглупее, и капиталистов французских, и английских, и всех [1]).

Ваши собственные «Известия» запутались и вместо мира без аннексий и контрибуций предлагают оставить status quo. Нет, мы не так понимаем мир «без аннексий» [2]). И тут ближе подходит к истине [3]) даже Крестьянский Съезд, [29] который говорит о «федеративной» [4]) республике и тем [5]) выражает мысль, что русская республика ни одного народа ни по новому, ни по старому угнетать не хочет, — ни с одним народом, ни с Финляндией, ни с Украиной, к которым так придирается военный министр, с которыми создаются конфликты непозволительные и недопустимые, не хочет жить на началах насилия. Мы хотим единой и нераздельной республики российской с твердою властью, но твердая власть дается добровольным [6]) согласием народов [7]). «Революционная демократия», это — [8]) большие слова, но применяются они к правительству, которое мизерными придирками осложняет вопрос с Украйной и Финляндией, не пожелавшими даже отделяться, а лишь говорящими: не откладывайте до Учредительного Собрания применение азбук демократии [9])!

Мира без аннексий и контрибуций нельзя заключить, пока вы не откажетесь от собственных аннексий. Ведь это же смешно, это игра, над этим смеется в Европе каждый рабочий, — он говорит: на словах они красноречивы, призывают народы свергать банкиров, а сами собственных банкиров посылают в министерство. Арестуйте их, раскройте проделки, узнайте нити, — этого вы [10]) не делаете [11]), хотя у вас есть властные [12]) организации, которым сопротивляться нельзя. Вы пережили 1905 и 1917 г.г., вы знаете, что революция по заказу не делается, что революции в других странах делались кровавым, тяжелым путем восстаний, а в России [13]) нет такой группы, нет такого класса, который бы мог сопротивляться власти Советов [14]). В России эта революция возможна, в виде исключения, как революция мирная [15]). Предложи мир эта революция сегодня-завтра всем народам, путем разрыва со всеми классами [16]) капиталистов, и в течение самого короткого времени и от Франции и от Германии в лице их народов получится [17]) согласие, потому что эти страны гибнут, потому что положение Германии безнадежно, потому что она спастись не может, и потому что Франция...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Ваше время исчерпано.

ЛЕНИН. Я через полминуты кончаю... (Шум, просьбы с мест продолжать, протесты, аплодисменты.)

---

[1]) Вписан знак абзаца. — [2]) Слова: «мир без аннексий» вписаны, запятая заменена точкой и строчная буква исправлена на прописную. — [3]) Слова: «К истине» вписаны. — [4]) Кавычки вписаны. — [5]) Слово: «тем» вписано. — [6]) Слово: «добровольным» вписано. — [7]) Слово: «народов» — вписано. — [8]) Слово: «это — » вписано. — [9]) Восклицательный знак вписан вместо двоеточия, далее знак абзаца и строчная буква заменена прописной. — [10]) Слово: «вы» вписано над зачеркнутым «они». — [11]) Первоначально: «делают». — [12]) Слово: «властные» вписано над зачеркнутым «властные». — [13]) Зачеркнуто над строкой «где». — [14]) Вписана точка и строчная буква переделана на прописную. — [15]) Слова: «в виде исключения, как революция мирная» вписаны вместо первоначального «в виде исключительно мирной». — [16]) Слова: «путем разрыва со всеми классами» вписаны над зачеркнутым: «отойдя от всех». — [17]) Слово: «получится» вписано.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Докладываю Съезду, что президиум предлагает продлить срок речи оратора. Кто возражает? Большинство за продление речи.

ЛЕНИН. Я остановился на том, что если бы в России революционная демократия была демократией не на словах, а на деле, то она перешла бы к движению революции вперед, а не к соглашению с капиталистами, не к разговорам о мире без аннексий и контрибуций, а к уничтожению аннексий в России и к прямому объявлению, что всякую аннексию она считает преступной и разбойнической. Тогда было бы возможно избежать империалистического наступления, грозящего гибелью тысячам миллионов людей из-за дележа Персии, Балкан. Тогда открыта была бы дорога к миру, дорога не простая, — этого мы не говорим, — дорога, не исключающая [1]) действительно революционной войны. Мы не ставим этот [2]) вопрос так, как ставит Базаров сегодня в [3]) «Новой Жизни»; [30] мы говорим только, что Россия поставлена в такие условия, что в конце империалистской войны ее задача легче, чем могла [4]) бы казаться. И она поставлена в такие географические условия, что те державы, которые рискнули бы опереться на капитал и хищнические его [5]) интересы и восстать против русского рабочего класса и примыкающего к нему полупролетариата, т.-е. беднейшего [6]) крестьянства — [7]), если бы они на это пошли, это было бы для них в высшей степени трудной задачей. Германия стоит на краю гибели и после выступления Америки, которая желает скушать Мексику и которая завтра, вероятно, вступит в борьбу с Японией, — после этого выступления положение Германии безнадежно, — ее уничтожат. Франция, которая географически поставлена так, что страдает больше всех, и истощение ее достигает максимума, — эта страна, менее голодающая, чем Германия, она неизмеримо больше потеряла человеческого материала, чем Германия. И вот, если бы с первого шага начали с того, что обуздали бы прибыль русских капиталистов и отняли у них всякую возможность забирать сотни [8]) миллионов наживы, если бы всем [9]) народам предложили мир против капиталистов всех [9]) стран с прямым заявлением, что вы с немецкими капиталистами и теми, кто хотя бы прямо или косвенно им потакает, или [10]) с ними путается, что вы с ними ни в какие разговоры и сношения не вступаете, что вы отказываетесь говорить с французскими и английскими капиталистами, — тогда вы выступили бы [11]), чтобы обвинить их перед рабочими [12]). Вы не рассматривали бы [13]), как победу, выдачу паспорта Макдональду, который никогда революционной борьбы с капиталом не вел и которого пропускают [14]) потому, что он не выражал ни идей, ни принципов, ни практики, ни опыта той революционной борьбы против английских капиталистов, за которую наш товарищ Маклин и сотни других английских социалистов сидят в тюрьмах и за что сидит наш товарищ Либкнехт, который сидит в каторжной тюрьме [15]) за то, что сказал: «Немецкие солдаты, стреляйте против своего кайзера» [16]). Не правильнее ли было бы империалистов [17]) капиталистов [18]) отправить [19]) на ту же самую каторгу, которую нам боль-

---

[1]) Слова: «не исключающая» вписаны. — [2]) Слово: «этот» вписано. — [3]) Слово: «сегодня в» вписано над зачеркнутым «из». — [4]) В подлиннике: «могли». — [5]) Слово: «его» вписано. — [6]) Слово: «беднейшего» вписано. — [7]) Тире вписано. — [8]) Слова: «забирать сотни» вписаны над зачеркнутым: «сотен». — [9]) Подчеркнуто двумя чертами. — [10]) Слово: «или» вписано. — [11]) Слова: «— тогда вы выступили бы» вписаны. — [12]) Поставлена точка, зачеркнуто: «что» и строчная буква переделана на прописную. — [13]) Первоначально: «рассматриваете». — [14]) Первоначально: «допускаете». — [15]) Слова: «в каторжной тюрьме» вписаны. — [16]) Вставлена точка. — [17]) Слова: «не правильнее ли было бы империалистов» вписаны над зачеркнутым: «вы, наоборот, всех этих». — [18]) Далее зачеркнуто: «за это». — [19]) Первоначально: «отправите».

шинство членов Временного Правительства в специально для этого воссозданной 3-ей Думе,—я не знаю, впрочем, какая она по счету, третья или четвертая,—ежедневно уготовляет [1]) и обещает, и новые проекты законов по министерству юстиции об этом уже пишет? [2]) Маклин и Либкнехт, вот имена [3]) тех социалистов, которые идею революционной борьбы против империализма проводят в жизнь. Вот [4]), что нужно сказать всем [5]) правительствам, чтобы бороться [6]) за мир, нужно их обвинить перед народами [7]). Тогда вы поставите в запутанное положение все империалистские [8]) правительства. А теперь [9]) вы запутались, когда обращались к народу с воззванием о мире 14 марта, [31] говоря: «свергайте ваших царей, ваших королей и ваших банкиров», в то время, как мы, имея в руках неслыханную, богатую по численности, по опыту, по материальной силе организацию, как Совет Р. и С. Д., мы с нашими банкирами заключаем блок, учреждаем коалиционное почти социалистическое правительство и пишем проекты реформ, которые в Европе [10]) десятки и десятки [11]) лет писались. Там, в Европе, смеются над подобного рода борьбой за мир. Там поймут ее только [12]) тогда, когда Советы возьмут власть и выступят революционно [13]). Только одна страна в мире сможет сделать шаги к прекращению империалистической войны [14]) сейчас в классовом масштабе, против капиталистов без кровавой революции, только одна страна, и эта страна — Россия. И она остается ею до тех пор, пока Совет Р. и С. Д. существует. Долго он рядом с Временным Правительством обычного типа существовать не сможет [15]). И он останется [16]) по-прежнему лишь [17]) до тех пор, пока не осуществится [18]) этот переход к наступлению. Переход к наступлению есть [19]) перелом всей политики русской революции, т.-е. переход от ожидания, от подготовки мира революционным восстанием снизу, к возобновлению войны [20]). Переход от братания на одном фронте к братанию на всех фронтах, от братания стихийного, когда люди обменивались коркой хлеба с голодным немецким пролетарием за перочинный ножичек, за что им грозят каторгой, к братанию сознательному [21]), — вот какой путь намечался [22]). Когда [23]) мы возьмем в свои руки власть, тогда мы обуздаем капиталистов и тогда это будет не та [24]) война, какая ведется сейчас [25]), — потому что война определяется тем, какой класс ее ведет, а не тем, что в бумажках написано. В бумажках можно написать, что угодно. Но пока класс капиталистов в правительстве представлен большинством, что бы вы ни [26]) написали, как бы красноречивы ни были, какой бы состав почти

---

[1]) В подлиннике: «уготовает». — [2]) Первоначально «пишут»; вопросительный знак вписан. — [3]) Слова: «Маклин и Либкнехт, вот имена» вписаны над зачеркнутым: «вот» — [4]) Слова: «Против империализма проводят в жизнь. Вот» вписаны над зачеркнутым: «выражают в том». — [5]) Слово: «всем» вписано над зачеркнутым «этим». — [6]) Первоначально: «они боролись». — [7]) Первоначально: «народом». — [8]) Слова: «все империалистские» вписаны; в слове: «правительство» «о» исправлено на «а». — [9]) Слова: «А теперь» вписаны над зачеркнутым «потому что». — [10]) Слова: «в Европе» вписаны. — [11]) Слова: «и десятки» вписаны над зачеркнутым «сотни». — [12]) Слово: «только» вписано над зачеркнутым машинисткой «только». — [13]) Слова: «когда Советы возьмут власть и выступят революционно» вписаны над зачеркнутым: «когда»; далее поставлена точка и в слове «только» строчная буква исправлена на прописную. — [14]) Слово: «войны» вписано над зачеркнутым: «борьбы». — [15]) Вставлена точка и следующая буква изменена на прописную. — [16]) Первоначально: «остается». — [17]) Слова: «по-прежнему лишь» вписаны. — [18]) Слова: «не осуществится» вписаны. — [19]) Слова: «Переход к наступлению есть» вписаны над зачеркнутым «т.-е.». — [20]) Слова: «к возобновлению войны» вписаны, поставлена точка и следующая буква исправлена на прописную. — [21]) Слово: «сознательному» вписано вместо первоначального «союзному». — [22]) Слова: « — вот какой путь намечался» вписаны над зачеркнутым «наступит». — [23]) Первоначально «тогда». — [24]) Слова: «не та» подчеркнуты двумя чертами. — [25]) Слова: «какая ведется сейчас,—» вписаны. — [26]) Первоначально «не».

социалистических министров ни имели, война остается империалистической. Это все знают и все видят. И вот пример Албании, пример Греции, Персии это так ясно и наглядно показал, что меня [1]) удивляет, почему все нападают на нашу письменную декларацию (о наступлении) [2]) и никто ни слова о конкретных примерах не говорит! [3]) Обещать проекты легко, а конкретные мероприятия все откладывают. Писать декларацию о мире без аннексий легко, но ведь пример Албании, Греции, Персии произошел после [4]) коалиционного министерства. Ведь о них «Дело Народа», [32] орган не нашей партии [5]), а орган правительственный, орган министров, писал, что этой [6]) издевке подвергают русскую демократию, что Грецию душат. И тот же Милюков, которого вы представляете бог знает кем, — он рядовой член своей [7]) партии, Терещенко от него ничем не отличается,—он писал, что на Грецию давила союзная дипломатия. Война остается империалистической, и, как бы вы мира [8]) ни хотели, как бы искренно ни было ваше сочувствие трудящимся, и как бы искренно ни было ваше желание мира [9]), — я вполне убежден, что оно не может не быть искренним в массе [9]), — вы бессильны, потому что войну нельзя кончить иначе, как [10]) только дальнейшим [11]) развитием революции. Когда в России революция началась, началась и революционная борьба [12]) снизу за мир. Если бы вы [13]) взяли власть в свои руки, если бы власть перешла к революционным организациям для борьбы против русских капиталистов [14]), тогда трудящиеся иных стран [15]) вам поверили бы, тогда вы могли бы предложить мир. Тогда наш [16]) мир был бы обеспечен по крайней мере с двух сторон, со стороны двух народов, которые истекают кровью и дело которых безнадежно, — со стороны Германии и Франции. И если бы тогда обстоятельства нас [17]) поставили в положение революционной [18]) войны,—этого никто не знает, мы от этого [19]) не зарекаемся [20]),— то мы сказали бы [21]): «Мы не пацифисты, мы не отказываемся от войны, если революционный класс у власти, если он [22]) действительно устранил [23]) капиталистов от всякого [24]) влияния на постановку дела, на увеличение той разрухи, которая позволяет им наживать сотни миллионов». Революционная власть [25]) всем без исключения народам [26]) объяснила бы [27]) и сказала, что все народы должны быть свободны, что [28]) как немецкий народ не смеет воевать за то, чтобы удержать Эльзас и Лотарингию, так и французский народ не смеет воевать за свои колонии. [29]) Ибо, если Франция воюет за свои колонии, то у России есть Хива и Бухара, это тоже [30]) нечто в роде колоний, и тогда начнется дележ колоний. А [31]) как их делить, по какой норме? По силе [32]). А сила изменилась,

---

[1]) Далее зачеркнуто «не». — [2]) Слова: «(о наступлении)» вписаны. — [3]) Восклицательный знак вписан. — [4]) Слово: «после» подчеркнуто двумя чертами. — [5]) Слова: «нашей партии» вписаны над зачеркнутым: «партийный». — [6]) Первоначально: «это». — [7]) Слово: «своей» вписано. — [8]) Слово: «мира» вписано. — [9]) Тире вписано. — [10]) Слова «иначе, как» вписаны. — [11]) Слово: «дальнейшим» вписано над зачеркнутым: «естественным». — [12]) Первоначально: «революция». — [13]) Слово: «вы» вписано. — [14]) Первоначально: «русского капитализма».—[15]) Слова: «иных стран» вписаны. — [16]) Первоначально: «ваш». — [17]) Первоначально: «вас». — [18]) Слово: «революционной» вписано. — [19]) Первоначально: «об этом». — [20]) Первоначально: «заикаемся». — [21]) Слова: «то мы сказали бы» вписаны над зачеркнутым: «мы говорим». — [22]) Первоначально: «она». — [23]) Первоначально: «устранила». — [24]) Первоначально: «такого». — [25]) Слова: «Революционная власть» вписаны над зачеркнутым: «если бы они». — [26]) Слово: «народам» вписано. — [27]) «бы» вписано. — [28]) Слова: «должны быть свободны, что» вписаны. — [29]) Вписана точка и следующая буква изменена на большую. — [30]) Слова: «это тоже» вписано над зачеркнутым «есть». — [31]) Первоначально «И». — [32]) Слова: «по какой норме? По силе» вписаны над зачеркнутым: «чем? Силою».

положение капиталистов [1]) таково, что иного выхода, кроме войны [2]), нет. Когда вы возьмете революционную власть, у вас будет революционный путь к миру [3]): обращение к народам с революционным призывом, объяснение тактики [4]) на вашем примере [5]). Тогда перед вами дорога к революционным путем завоеванному миру [6]) откроется с величайшей вероятностью того, что вы гибели сотни тысяч людей избежите. Тогда [7]) вы можете быть уверены, что немецкий и французский народы выскажутся за вас. А [8]) капиталисты английские, американские и японские, если бы даже они [9]) хотели войны против революционного рабочего класса, силы которого удесятерятся [10]), когда капиталисты будут обузданы, устранены и контроль перейдет в руки рабочего класса,—даже если бы американские, английские и японские капиталисты войны [11]) хотели, 99% из 100 за то, что они не смогут ее вести [12]). Достаточно будет вам заявить, что вы не пацифисты, что вы свою республику, рабочую, пролетарскую [13]), демократию от капиталистов немецких, французских и других [14]) защищать будете, этого будет [15]) достаточно, чтобы [16]) мир был обеспечен [17]).

Вот почему мы придавали нашему [18]) заявлению о наступлении [19]) такое коренное значение. Наступила пора перелома во всей истории русской революции. Русская революция началась с того, что ей помогала империалистическая буржуазия Англии [20]), которая думала, что Россия нечто в роде Китая или Индии [21]). Вместо этого рядом с правительством, в котором сейчас большинство помещиков и капиталистов, возникли Советы,—неслыханное, невиданное в мире по силе представительное учреждение, которое вы убиваете участием в коалиционном министерстве буржуазии. Вместо этого русская революция сделала то, что революционная борьба снизу против капиталистического правительства всюду во всех странах [22]) стала встречаться втрое более сочувственно [23]). Вопрос стоит так: итти вперед или назад. Стоять в революционное время на одном и том же месте нельзя. Вот почему наступление есть перелом всей русской революции, не в стратегическом значении наступления, а в политическом, экономическом. Наступление теперь есть продолжение империалистической бойни и гибели сотен тысяч, миллионов людей,—объективно [24]), независимо от воли или сознания того или другого министра, из-за задушения [25]) Персии и прочих слабых [26]) народов. Переход власти к революционному пролетариату [27]), при поддержке беднейшего крестьянства [27]), есть переход к революционной борьбе за мир в самых обеспеченных, в самых безболезненных, какие только знает человечество, формах, переход к тому, что власть и победа за революционными рабочими будет обеспечена и в России и во всем мире. (Аплодисменты части собрания.)

---

[1]) Слово: «капиталистов» вписано.—[2]) Слова: «иного выхода, кроме войны» вписаны над зачеркнутым: «тут средств».—[3]) Слова: «когда вы... путь к миру» вписаны над зачеркнутым: «тогда у вас будет такой путь».—[4]) Слово: «тактики» вписано.—[5]) Вставлена точка, зачеркнуто «и», строчная буква в слове «тогда» изменена на прописную.—[6]) Слова: «путем завоеванному» вписаны; первоначально: «революционному».—[7]) Слово: «Тогда» вписано над зачеркнутым: «что».—[8]) «А» вписано над зачеркнутым «что».—[9]) Далее зачеркнуто: «так».—[10]) Первоначально: «удесятерились».—[11]) Слово: «войны» вписано над зачеркнутым: «этого не».—[12]) Слова: «ее вести» вписаны над зачеркнутым: «это сделать».—[13]) Запятая вставлена.—[14]) Слова: «и других» вписаны.—[15]) Слово: «будет» вписано.—[16]) Далее зачеркнуто «этот».—[17]) Вписан знак абзаца.—[18]) Слово: «нашему» вписано над зачеркнутым «этому».—[19]) Слова: «о наступлении» вписаны.—[20]) Слово: «Англии» вписано.—[21]) Перед словами: «вместо» вставлена точка и строчная буква изменена на прописную.—[22]) Слова: «во всех странах» вписаны.—[23]) Слова: «втрое более сочувственно» вписаны над зачеркнутым «иначе».—[24]) Первоначально: «объективное».—[25]) Слово: «из-за» вписано; первоначально: «задушение».—[26]) Слово: «слабых» вписано.—[27]) Запятая вписана.

КЕРЕНСКИЙ [1]). Товарищи, начну также с исторической справки. Нам говорили о 1792 годе, о французской революции, о 1905 годе, т.-е. о первой русской революции. Нам не говорили, чем эта революция окончилась. Для того, чтобы указывать нам путь 1792 года и 1905 года и говорить, что то, что сегодня существует в государстве русском: организации демократии, Советы, в истории уже известно и опытами истории оправдано, но я спрашиваю вас, как кончился 1792 год во Франции? Он кончился падением республики и торжеством диктатора. Он кончился тем, что республика Франции превратилась в империалистическую подлинную завоевательную империю, остановившую прогресс демократии в Европе на многие десятилетия. Чем кончился 1905 год в России? Торжеством реакции, тем, что мы теперь только, в 1917 году, делаем то, что мы могли бы сделать гораздо раньше. И задача наша, — объединенных русских социалистических партий и русской демократии, — задача наша заключается именно в том, чтобы не допустить такого конца, который был во Франции сто лет тому назад, чтобы закрепить за русской демократией те завоевания, которые мы сделали теперь, чтобы наши товарищи, которые были на каторге и вернулись, не вернулись бы туда обратно, чтобы тов. Ленин, который был за границей, мог бы и дальше здесь говорить и не возвращаться к себе в Швейцарию. (Бурные аплодисменты.) Задача, товарищи, заключается в том, чтобы не повторить исторической ошибки, чтобы не создавать такого положения вещей, при котором возможно возвращение к реакции и торжество сил, противных демократии. Нам предлагают рецепты борьбы, нам указывают, что необходимо бороться не столкновениями на словах, не говорить об аннексиях, об отказе от них в нашей декларации, а нужно на деле показывать, что мы боремся с капитализмом. Какие же средства нам предлагают? Арестовывать русских капиталистов. (Смех.) Товарищи, я не принадлежу к с.-д., я не марксист, но я с глубоким уважением отношусь к доктрине марксизма и первому учителю марксизма, Карлу Марксу, и его ученикам. Таких элементарных детских вещей никогда марксизм никому не предлагает. (Бурные аплодисменты. Возглас: «Правильно».) Нас упрекают в том, что мы кого-то хотим арестовать, нам говорят, что мы, министры социалисты, во Временном Правительстве готовим какие-то кары тем, кто говорит против нас, говорят, что мы хотим нарушить основные принципы демократии, свободной человеческой личности. Что же предлагается, какие способы борьбы предлагаются? Предлагаются способы борьбы с капитализмом. Я должен сказать, что, вероятно, сам гр. Ленин забыл [2]), что такое марксизм. Я полагаю и скажу ему, что такой человек не может называться социалистом, потому что социализм никогда не предлагал переносить вопросы экономической борьбы, вопросы борьбы классов в их экономических отношениях, вопросы конструкции хозяйственной жизни государства, никогда не предлагал переносить в плоскость, где пользуются рецептами первобытных правителей, азиатских деспотов,—арестовать людей. Вместе с тем, всякий марксист, который призывал к соблюдению своего учения, он сказал бы, что процесс экономического развития капитализма в мире носит мировой характер, носит интернациональный, международный характер, и что арест капиталистов, т.-е. отдельных людей в данном государстве, не уничтожит железного закона экономического развития эпохи

---

[1]) Речь Керенского печатается по машинописному тексту (д. № 61), с немногочисленными поправками карандашом и купюрами, оговариваемыми в дальнейших подстрочных примечаниях. В д. № 3 речь Керенского представляет собою вырезку из «Известий». — [2]) Первоначально: «сами же марксисты забыли».

сегодняшнего дня. Я не марксист, но не помните ли вы, господа, как вы десять лет тому назад изволили указывать нам, представителям народного течения, что мы утописты? Не помните ли вы, когда марксизм начал свою жизнь в России, вы говорили, что наш путь развития пойдет несколько особо от развития Европы, что в нашем развитии сыграет огромную роль крестьянство, организация земельного строя; помните ли вы, сидящие здесь большевики, что вы называли нас утопистами, называли нас не социалистами и даже мелкими буржуа, — теперь я возвращаю вам эту кличку. Какая же борьба возможна с вами? Вы предлагаете детские рецепты. Вы предлагаете средства борьбы, осужденные и осмеянные научным марксизмом: «арестовать, разгромить, убить». Что же вы, — социалисты или держиморды старого режима? (Шум, движение, возгласы. Голоса: «Призвать к порялку». Ленин с места: «Вы должны его призвать к порядку».)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Прошу сохранять тишину. Тов. Керенский, прошу вас выслушать... (Шум.) Некоторые из членов президиума предлагают мне призвать к порядку оратора за допущенное им выражение «держиморды». Я считаю, товарищи, что это предложение вытекает из полного непонимания значения того выражения, которое употребил тов. Керенский. (Голоса: «Правильно, верно!» Рукоплескания.) Я предполагаю, что это выражение и литературное, и парламентское, поэтому это предложение, сделанное товарищем, я считаю необоснованным и отклоняю его. Тов. Керенский, можете продолжать.

КЕРЕНСКИЙ. Товарищи, меньше, чем кто-либо, я стараюсь и хочу принципиальные вопросы переносить на личную почву. Если кто-либо из вас понимает это, как желание каких-либо личных нападок, я извиняюсь, я этого не хотел и не желал, но я должен сказать, товарищи, что те приемы, которые предлагаются в исключительно трудные моменты, как месть, как борьба для русской демократии, они действительно носят характер чрезвычайно наивный, детский. Здесь, в этом большом собрании, где собрался цвет русской демократии, которая понимает свои задачи, которая знает свое прошлое и хочет сохранить то, что она завоевала кровью и страданиями для многих поколений, эти рецепты безопасны. Мы достаточно политически и научно образованы, чтобы разобраться в том, что является действительным социализмом и что является пародией на социализм. Но, товарищи, кроме нас, есть еще массы, и в этих массах есть люди, которые не по своей вине, а по преступлениям старого режима, благодаря темноте и невежеству, в котором держала их старая власть, в вопросах политических достаточно разбираться не могут; они чрезвычайно элементарно понимают происходящие события и принимают лозунги, которые ничего общего не имеют ни с наукой, ни с социализмом, но которые в процессе экономической борьбы представляют трудные задачи, которые встают перед русскими людьми. Эти лозунги предлагают расправу с нашими капиталистами, и могут найтись люди, которые пойдут за этими лозунгами, и вот для малых сих я это говорю, иначе я не стал бы возражать на эту доктрину социализма. Итак, товарищи, для того, чтобы закрепить завоевания нашей русской демократии, нам предлагаются подобные методы борьбы с капитализмом. Затем нам говорят: покажите на примере собственного государства, что вы против аннексий, покажите сами внутри, что вы отказываетесь от завоеваний! Как же это мы можем сделать? Нам говорят: вот военный министр Керенский ведет борьбу с Финляндией и Украиной. [33] Я пользуюсь парламентским выражением и говорю: «Это неправда». Неправда потому, что в то время, когда большевистская часть социал-демократической фракции в 4-ой Думе под руководством Малиновского предлагала не включать в состав

фракции Ягелло, потому что он принадлежит к П. П. С., а не к русским социал-демократам, я защищал принцип и право самоопределения каждой национальности и каждой социалистической партии [34]. (Рукоплескания.)

Мне странно, когда представители партии, которые боролись с нами, сторонниками федеративной республики, боролись за унитарное всероссийское государство и называли нас за наш призыв к федерации мелкими буржуа, утопистами, насаждающими шовинизм, и т. д., и т. д., осмеливаются мне бросать обвинение, что я борюсь с автономией и самоопределением наций во всем Российском государстве. Нет, товарищи, мы не меняемся, мы не меняем наши лозунги и принципы, как перчатки, мы не выставляем лозунги, которые нужнее сегодня, даже если бы они противоречили нашим принципам, нашей доктрине. Мы не идем за толпой, мы никогда не занимаемся демагогией; мы говорим то же самое сейчас, что говорили 10 лет тому назад. И в отношении Финляндии и Украины мы являемся горячими защитниками их автономии. Мы говорим только одно: «Мы, как Временное Правительство, не обладающее, не желающее иметь самодержавных прав, мы до Учредительного Собрания не считаем себя в праве декретировать независимость той или другой части русской территории». (Рукоплескания.) Нам, товарищи, в этом месте нашей защиты — поддержка всей страны. Кто может, пока еще не высказалась решительная воля русского народа, заниматься декретированием и перекройкой карты русского государства? Мы считаем, что это не в нашей компетенции и этого делать мы не имеем права. Я спрашиваю вас, что же значит это, — объявление немедленно независимых государств Российской империи в Российской будущей республике, в этом союзе демократии, что же, если даже между нами есть споры? Если те, кто еще так недавно не пускали во фракцию человека только потому, что он называется П. П. С., если они так изменили свою точку зрения, то, простите, это значит вопрос не чрезвычайно важный и не принципиальный для вас, значит, здесь могут быть ошибки. И разве в момент великого переворота и торжества демократии социалистические партии во что бы то ни стало на первый план должны выдвигать то, что гораздо более, чем что-либо другое, затуманивает ясное демократическое сознание, уничтожает представление о классовом различии и в пьяном угаре шовинизма сливает в один клубок ненависти и нетерпимости социально разрозненных между собою врагов? И поскольку мы стоим на той точке зрения, которую защищали до социалистического правительства, мы защищаем ее и сейчас. Когда я говорил в Совете Р. и С. Д., то представитель большевиков [1]) сказал: никто от вас независимости не просит. Следовательно, они сами признают, что если бы речь шла о независимости, там бы полномочия наши кончились, а сейчас этот вопрос нашими усилиями в достаточной мере в Финляндии урегулирован. Я останавливаюсь на этом месте для того, чтобы показать, как часто под влиянием обстановки и задач сегодняшнего дня не считаются с принципами, которые защищали сами четыре года тому назад. Какие же средства предлагают нам: арестовать собственных капиталистов, отказаться от аннексий в собственном государстве. Что же еще, — братание. Да, я рад и горд за русскую демократию, что она в огромном большинстве отвергла это средство социалистической борьбы и торжества социализма. (Рукоплескания.) Если мы пойдем по этому пути, то мы должны признать величайшим борцом за социализм и демократию принца Леопольда Баварского, который в своем воззвании выставляет те же тезисы, которые защищаются некоторыми социалистами. [35] А почему же, я спрашиваю вас, в то

[1]) Слово: «большевиков» вписано.

время, когда офицеры германской армии являются брататься в наши окопы, они не братаются на французском фронте? Почему в то время, как наш фронт остается в бездействии, немецкие войска бросаются на фронт английский? Что же, в Германии войсками распоряжаются товарищи генерала Ленина, что же, это их программа? Кому же мы помогаем в этот момент, — тем, кто сидит в тюрьмах, или тем, кого вы у нас предлагаете сейчас арестовать? (Рукоплескания.) Почему эта политика братания так сходится странно с той линией германского генерального штаба, которую проводят сейчас неукоснительно на русском фронте? (Рукоплескания.) Я считаю, что именно те, которые прикрываются знаменем Циммервальда, должны быть особенно осторожны, чтобы не играть в руку своих социальных врагов. Я понимаю, — есть наивные люди, которые думают: если русские солдаты меняют корку хлеба на шкалик водки [1]), то совершается приближение царства социализма, но я думаю, что это — такой момент, когда каждый истинный демократ и социалист должен содрогнуться в сердце своем, потому что там, где разменивается черный хлеб на шкалик водки, в тех местах мы не найдем борцов за социализм. (Рукоплескания.)

Еще раз говорю, я полагаю, что если могут быть и такие наивные мечтатели, которые думают, что торжество социализма можно достигнуть арестом капиталистов, то они могут также думать, что братанием отдельных солдат можно завоевать социалистическое царство в Европе, но мы, русская демократия, вынесшая на своих плечах все, что предшествовало 27 февраля, которая поставила на карту будущее и подлинное торжество демократии и социализма в Европе, нам, товарищи, роскошь быть наивными не разрешается. (Рукоплескания.) Вы должны сознавать ваш долг и ваши обязанности. До переворота 27 февраля, с самого начала войны, в первом же заседании Государственной Думы 20 июля 1914 г., мы и социал-демократы в России первые, запомните это, единственные в Европе, голосовали против военных ассигновок публично. [36] (Рукоплескания.) За все время войны мы смело и определенно выдвигали лозунги, что первый враг есть царизм, что первая борьба есть борьба со старым режимом, мы не заключали и не заключаем сейчас ни с кем «бургенфрида». У нас нет того колоссального большинства, которое с первых дней войны солидаризировалось бы с империализмом в государстве. С первого дня войны у нас не было колоссальных профессиональных организаций рабочих с миллионами членов и миллионами касс, которые бы во главе с генеральным секретарем Легином так решительно до сегодняшнего дня шли бы одной дорогой с империализмом. Что же вы теперь, объявив открыто на своем знамени отказ от империализма, от завоевательных задач, подчинив этому требованию власть в государстве, — что же вы на нас теперь нападаете? Вы сами же говорите, что во всей Европе нет такой конъюнктуры, как у нас, — что же вы хотите, закрепив эту силу, борясь с анархией, с реакцией, создать мощный оплот интернационалистического движения в Европе? Нет, вы предлагаете итти путем, которым шла французская революция в 1792 году. Предлагаете ли вы несплоченной, неподготовленной демократии вступить во всеоружии своей силы, объединенной демократии, в ряды ослабевших духом братьев? Вы этого не предлагаете. Вы предлагаете путь дальнейшего разрушения. Из этого хаоса, как феникс из пепла, восстанет диктатор, — не я, которого вы стараетесь изобразить диктатором (рукоплескания), а вот, когда вы бессознательным, безумным союзом с реакцией уничтожите нашу власть, вы откроете двери подлинному диктатору, который вам покажет

---

[1]) Слово: «водки» вписано над зачеркнутым: «вина».

тоже, как вы предполагаете обращаться с капиталистами, который нас арестует, и вновь мы останемся с разбитым корытом. И вот наш долг, долг российской демократии, сказать: не повторяйте ошибок истории, вас зовут на путь, который, как когда-то Францию, приведет Россию к новой реакции, к новым потокам демократической крови!

Мы говорим: имейте гражданское мужество, стиснув зубы, во имя будущего сдерживайте себя; задача наша — подчинить все, подчинить себя великой идее, общей идее окончательного торжества демократии в России, а это значит — торжества мира [1]). Мы, товарищи, подлинные интернационалисты, понимаем, как трудны эти задачи, мы понимаем, какое напряжение нервов, разума, сознательности и политической честности требуется для этого, и мы рады, что против нас только те, кто в мечте, в неудержимом стремлении перескочить десятки лет, века, влекут за собой малосознательные элементы и неукоснительно прямо идут вместе с той буржуазией, которую, они говорят, мы поддерживаем. Нет, вы ее поддерживаете! (Рукоплескания.) Вы ее поддерживаете, потому что вы разрушаете в государстве веру в демократическую власть, потому что вы разрушаете демократическую революционную дисциплину, провозглашаете лозунги, что меньшинство при всех условиях может не подчиняться большинству, что все средства борьбы возможны. Нет, товарищи, это неверно, и только во имя сегодняшнего собрания я этого доказывать не буду. Я вам могу сказать, как понимает лозунг «без аннексий и контрибуций» подлинная, зрелая политика. Мне пришлось видеть один договор, заключенный нашим полком на фронте. Этот полк заключил мирный договор с двумя германскими офицерами, исполняя лозунг демократии, отказался за себя и за Россию от аннексий и контрибуций. (Смех.) Я хочу сказать, товарищи, как часто в неподготовленной массе те же самые лозунги с недостаточной продуманностью превращаются в орудие, которое бьет и уничтожает иногда идеи, за которые мы боремся. Итак, если вы хотите немедленного торжества рабочей, социалистической демократии в государстве российском, то есть партии, которые готовы принять всю полноту власти, изложенной только-что перед вами, и от вас зависит, товарищи, сказать, считаете ли вы эти средства борьбы достаточными для того, чтобы торжествовала революционная демократия в России, а затем и в мире. Я уверен, что вы скажете: «Нет, мы еще не созрели для такой идеальной программы». (Рукоплескания.) Что же, будем учениками, пойдем за старыми учителями социализма, будем творить дело демократии и дело Интернационала так, как этого требуют совесть и разум мощной русской демократии и наши личные убеждения.

Товарищи, говорили еще, что, объявляя и говоря о необходимости, чтобы армия была боеспособной, способной к наступательным операциям, мы, якобы, затрудняем, усложняем [2]), затягиваем конец войны и идем на помощь интернациональным капиталистам [3]), — это неверно. Неверно уже по тому примеру, который я вам привел, привел пример братания, когда лозунг нашего фронта превращался в могучее орудие борьбы на том фронте для [4]) германского генерального штаба, и нам, чтобы приблизить конец войны, нам нужно показать действительно интернациональному капитализму, что мы сила, а не бессилие, что мы воля, а не разбитое, уничтоженное, распыленное стадо людей, не способное диктовать миру то, что оно хочет. (Рукоплескания.)

---

[1]) Дальнейший текст до конца абзаца в подлиннике зачеркнут.—[2]) Слово: «усложняем» зачеркнуто.—[3]) Слова: «и идем... капиталистам» зачеркнуты. — [4]) Слово: «для» вписано.

Я был на фронте, товарищи, и рад засвидетельствовать, что все, на что надеется русская демократия,—вся новая организация армии, все союзы, комитеты, самоуправляющиеся организации,—все стоят со мною и с Советом Р. Д. на одной точке зрения. ([Голоса]: «Браво». Бурные рукоплескания.) И это поддержка людей, которые знают, чем они рискуют, которые не декламируют здесь, а говорят на фронте, и знают, что они сами будут отвечать жизнью своею за свои слова. Это подлинная поддержка для революционной и демократической власти [1]). Я должен с прискорбием сказать, что там, где кончается разум в армии, где много неграмотных, там, где очень плохи пищевые и географические условия жизни, там торжествуют лозунги, которые зовут от риска самопожертвования во имя общих целей и задач, зовут к отходу, развязывают душу утомленным, дают ей лозунги, чтобы прикрыть весьма часто только трусость. Это не мое мнение, это мнение фронта, мнение моих товарищей демократического государства. (Бурные рукоплескания, крики: «браво!»). И в этом наша сила, что не арестами и не расправой, а убеждением и словом, верой в здравый разум масс, верой в творческий инстинкт демократии мы создаем новую революционную армию, которая действительно даст миру мир, свободу и равенство народов.

Мы, и я в том числе (рукоплескания), неоднократно, вопреки инсинуациям моих противников, и на фронте защищали право вашей свободной пропаганды (Голос: «Спасибо» [2]), защищал не потому, что мне нужно ваше «спасибо», а для того, чтобы вы научились с честными людьми бороться правдой. (Аплодисменты; крики: «Правильно».)

Что же, когда мне солдат сказал: «А плевать мне на вашу свободу, когда я сам земли не получу,—вы мне дайте землю», и я сказал полковому командиру: «Пусть он едет домой, дайте ему свободу», а вы знаете, чем это кончилось?—солдат просил меня, чтобы я сделал ему милость и оставил его в полку. (Бурные аплодисменты.)

А в 19 корпусе, вы знаете, что было, когда я спросил, кто здесь защищает братание,—ни одного человека не было, а там было 19—20 тысяч человек. (Голос: «Испугались».)

Испугались меня? Да, товарищи, вы правду сказали: «испугались», потому что, когда мы и наши товарищи шли за торжество идеи, за революцию на каторгу и на смерть, мы власти, ссылавшей на каторгу, не боялись. (Шум, крики, аплодисменты. Голоса: «Это доклад министра?» «Чего вы пристаете к нам с вопросами?») Я не пристаю с вопросами [3]).

Товарищи, здесь перед вами не доклад министра; я министр,—да, но я, кроме того, революционер и старый товарищ русской демократии, я пришел сюда не для того, чтобы делать доклад министра гражданам, а для того, чтобы сказать то, что мы переживаем и чувствуем и что я знаю, рассказать правду вам, мои товарищи, а вы меня судите.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Товарищи, предлагают объявить перерыв. Кто за перерыв, прошу поднять руки. (Большинство.) На сколько минут? (Голоса: «На 10 минут».) Товарищи, объявляю перерыв на 10 минут.

После перерыва.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Ко мне поступило предложение прервать сегодняшнее заседание до завтрашнего дня. (Шум.)

---

[1]) Дальнейший текст до конца абзаца в подлиннике зачеркнут.—[2]) Слова «(Голос: «Спасибо»)» зачеркнуты.—[3]) Слова: «Чего вы... с вопросами» зачеркнуты.

ГОЛОС. Позвольте мне сказать. Я думаю, товарищи, что мы сюда съехались для работы государственной важности, и я заявляю, что мне интересно знать, как работа идет, как думают солдаты, приехавшие с мест. Работа колоссальная, вопрос важный в высшей степени, и если мы будем прерывать заседание таким образом, как сейчас, если будем выслушивать митинговые речи вместо отчетов министров, то я полагаю, товарищи... (Шум, звонок председателя.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Я вас призываю к порядку. Покорнейше прошу товарищей не шуметь, не разрешаю вам шуметь и нарушать порядок. Голосую внесенное предложение. Кто за перерыв, тех прошу поднять руки; кто против перерыва, прошу не поднимать. Заседание продолжается. Слово принадлежит тов. Луначарскому.

ЛУНАЧАРСКИЙ [1]). Товарищи, мы сделаем вам совершенно деловые предложения и приступим после этой дискуссии, принимавшей местами характер почти спектакля, к более деловому обсуждению вопросов, которые стоят в порядке дня. Я менее всего желал бы затрагивать в моей речи личности. Я думаю, всеми здесь уважаемы, как люди, министры наши Церетели, Керенский и т. д., тем не менее, мне придется в виде вступления к моей краткой речи сказать несколько слов, как марксисту. Министр-оратор сделал свои упреки и свои указания относительно ортодоксальности марксизма тов. Ленина, обратившись к нему с таким эффектным изображением его позиции: «Ваши мероприятия — арестовать, разрушить, убрать». Да, товарищи, Николай II арестован, «Кресты» разрушены, старый порядок убран. И, быть может, впоследствии те товарищи, которые являются представителями этой самой революции и продолжают утверждать те самые мероприятия, также заслужат название держиморд... (Аплодисменты.) Маркс, товарищи, между прочим, говорил следующее, — я приведу эту цитату в слегка смягченной форме, так как я не любитель крепких слов, — Маркс говорил: «Несчастие демократических партий заключается в том, что они переполнены прекраснодушными разговорщиками, и в то время, как они говорят красивые слова великодушия, реакционеры, которые являются людьми дела, под сенью их слабодушия подготовляются свернуть им шею». [37] Я не сомневаюсь в том, что люди, которых судьба поместила сейчас на горбу этого пламенного коня революции, — люди прекрасные, но мне хочется думать, что им не удастся все-таки объездить и усмирить этого коня так, чтобы он согласился возить воду повседневщины. Товарищи, от того, будет ли развиваться наша революция дальше со всей пламенной энергией, будет зависеть не только спасение России, не только будут не даром павшими не одни жертвы петроградской революции, но и жертвы всей великой войны, которая эту революцию породила, но от этого зависит, быть может, судьба всего мира, и вот почему мы являемся сторонниками энергичного продвижения революции вперед. И в вас, несмотря на то, что вы в большинстве своем отметаете наши советы, мы упрямо продолжаем видеть представителей подлинной демократии и поэтому обратимся к вам с некоторыми советами относительно организации власти, не только с простой критикой того, что уже сделано, или, вернее, того, что не сделано, а также с известным советом относительно того, что сделать нужно. Я не представляю себе, может быть, дело так, что вы могли бы принять наши резолюции, но мне не хотелось бы думать, что вы от них отмахнетесь; я хотел бы думать, что вы увидите

---

[1]) Речь Луначарского печатается по машинописному тексту в д. № 3; оглашенные им резолюции по тексту в д. № 61.

*

в них плод зрелой политической мысли и примете во внимание и удостоите их рассмотрения в комиссии Съезда.

Резолюций этих две. Из них одна, менее значительная, рекомендует вам меры, которые мы, революционные социал-демократы-интернационалисты, считаем совершенно необходимыми и относительно неприятия которых мы можем выразить только наше удивление по адресу революционного министерства. Эта резолюция такова:

«Съезд, принимая во внимание:

что Государственная Дума, избранная на основании анти-народного закона 3-го июня, являлась не представительством народа, а организацией наиболее реакционных элементов цензовой России;

что председатель Государственной Думы Родзянко, как видно из письма его, опубликованного в газетах от 3-го июня 1917 г., продолжает считать ее важным фактором государственной власти;

что в призыве его к членам Думы в том же письме «держаться наготове, ибо скоро придет время для их вмешательства в жизнь страны», явно звучит надежда на контр-революцию и угроза ею;

что Государственный Совет представляет собою обломок черной реакции в механизме новой русской государственной власти;

что министр юстиции Переверзев не только не считает ненормальным получение членами Государственного Совета, злейшими врагами русской свободы, даже в ее самых бледных дореволюционных проявлениях, огромного жалования из государственной казны русского свободного народа, но и признал за судебно-административными департаментами Государственного Совета важные судебные функции, вплоть до права кассировать в последней инстанции некоторые решения обновленного Сената, — находит, что надо положить предел всем заигрываньям с этими пережитками царской России, путем немедленного и окончательного упразднения Государственной Думы и Государственного Совета». [38] (Аплодисменты.)

Товарищи, фракция объединенных социал-демократов-интернационалистов предлагает вашему вниманию другую резолюцию, более сложную, и очень вероятно, что я не буду здесь в состоянии, если мне не продлят время, сколько-нибудь широко ее комментировать. Я прошу ее по крайней мере заслушать:

«Констатируя, что затянувшаяся война и произведенное ею во всем организме нашей страны разрушение ставят перед ее правительством поистине грандиозные задачи;

что решение их возможно лишь при наличности сильной революционной власти, каковою может быть лишь власть, опирающаяся на массы;

что первая попытка создать власть из представителей думского блока с империалистами Милюковым и Гучковым во главе, при условной поддержке Петроградского Совета Р. и С. Д., привела к необходимости опрокинуть это правительство;

что вторая попытка, — создать власть путем коалиции в министерстве буржуазного большинства и социалистического меньшинства, при всемерной поддержке Петроградского Совета Р. и С. Д., — не подвинула Россию ни на шаг к освобождению от кошмара войны и надвигающейся разрухи, а, напротив, привела к вредоносной пропаганде правительством наступления (несмотря на отказ наших союзников отрешиться от их империалистических целей), к ряду строгих мер по отношению к левому крылу революции и полному бессилию перед губительной для страны тактикой капитала, —

Съезд считает необходимым переход всей власти в руки трудовых классов народа в лице Исполнительного Комитета Всероссийского Союза

Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов, при контроле Временного Революционного Парламента.

Съезд избирает из своей среды Временный Революционный Парламент, из 300 делегатов, при пропорциональном представительстве всех фракций. Съезд приглашает Петроградский Совет Р. и С. Д. пополнить этот состав 100 делегатами из своей среды. Съезд приглашает к тому же Всероссийский Совет Крестьянских Депутатов.

Временному Революционному Парламенту поручается избрать из своей среды Исполнительный Комитет, которому и передана будет вся исполнительная власть в стране. Власть эту Исполнительный Комитет будет осуществлять через своих министров и специальную государственную комиссию.

Съезд полагает, что организованная таким образом центральная власть сможет оказаться действительно могучей лишь при замене старого бюрократического, а также буржуазно-помещичьего, земского и стародумского аппаратов новым революционным и народным.

Для этого должны быть организованы в деревнях Советы Крестьянских Депутатов, волостные и уездные, а в городах — Советы Р. и С. Д., которые совместно организуют губернские и областные Советы Р., С. и Кр. Д. которые посылают по одному делегату во Временный Революционный Парламент. Исполнительный Комитет связывается с Областными Советами через своих коммиссаров.

Специальные и централизованные ветви государственного организма (железные дороги, почта и телеграф и т. п.) Исполнительный Комитет ведает через министров и специальные комиссии, при деятельном участии представителей от профессиональных союзов, служащих и рабочих этих отраслей.

Сильная власть должна и на местах, и в центре быть построенной самим революционным народом и состоять из его доверенных лиц». (Аплодисменты.)

Товарищи, мы прекрасно знаем, что не в резолюции можно дать грамоту этого нового государственного порядка; резолюция имеет характер не конституирующей грамоты, а политической директивы. Взятый в отдельности, рецепт, который здесь дается, можно переделать, но нам слишком часто задают вопрос: чего же вы хотите? Чего мы хотим? Мы хотим, чтобы вы взяли власть в свои руки... (Голос: «Спасибо»). Это совершенно неправильно, будто кто-то такой стремится авантюристским путем, представляя из себя меньшинство в стране, каким-то образом пробиться к власти. Другое может нас смущать, — те упреки и те запросы, которые обращают к нам чистые марксисты и социал-демократы, стоящие на точке зрения абсолютной классовой политики. Спрашивают нас: почему вы так свирепо относитесь к коалиции, в которой социалисты сидят вместе с буржуазными министрами, почему вам не кажется с точки зрения классово-пролетарской, что и коалиция революционного пролетариата и крестьянских и мелкобуржуазных элементов, которые представлены фактически в Совете,—почему эта коалиция не кажется вам страшной? Я должен сказать, что когда я слушал о страхах тов. Либера и страхах тов. Мартова, мне так и казалось, что история своей железной рукой сдвинула немного правду, которая была вычитана в книжках. Тов. Либер сейчас плачет: какое несчастье, что пролетариат слишком развился; революция пришла так поздно оттого, что пролетариат представляет большую величину, слишком большую величину; от этого буржуазная революция не имеет возможности пройти в классических формах, а тов. Либер справился бы с нею только в том случае, если бы она прошла в классической форме, — он готов принять и социальную революцию, но только в классической форме. И тов. Мартов также подходит к этому с другой стороны.

Если тов. Либер делает из этого вывод, что следует делить власть в неравной мере с буржуазией, то тов. Мартов делает из этого вывод, что пролетариат должен отойти в сторону и оставаться в роли совершенно незаметной оппозиции. Мы думаем, что революция и история не спрашивают нас о том, как должны происходить события. Буржуазная революция в России происходит вместе с демократическим переворотом, а после демократического переворота наступают уже меры полусоциалистического характера, и пролетариату поэтому приходится взять на себя единую организующую роль при самых невыгодных условиях, взять власть, опираясь, — на кого же? — сам он бессилен, — опираясь на революционную часть крестьянства, опираясь на революционную армию. Он должен войти с ними в союз даже в том случае, если бы он оказался при этом в меньшинстве, ибо его сила, это — чистота его сознания, уверенность в себе, знание исторических законов, это то, что жизнь властным голосом поддерживает все его требования, и так как объективно между интересами пролетариата и интересами революционными нет никакого противоречия, крестьянству нет интереса почему-то задушить рабочего за его эксперименты. Почему-то крестьянину от земли, которой никто не хочет касаться, как неоднократно утверждали социалисты, придет в голову захлеснуть морем черной сотни, о которой говорил тов. Либер и министр Чернов, — захлеснуть город за то, что в городе его брат, рабочий, стремится к тому же, к чему и он стремится в деревне? Это неправильно. На самом деле представители Совета Кр. Д., чрезвычайно далеко идущие революционно-демократически, и в массе своей окрашены уже в социалистический цвет, и вот тогда, когда Совет сам превратится в настоящий жизнеспособный организм, он будет пятиться с недоверием к себе и с испугом книжников, не представлявших себе революцию в таком образе, — нет, тогда он перестанет пятиться от власти и станет делить ее вот в какой пропорции. Тов. Либер говорил так решительно, так выпукло, так сочно, как собрались 500 социал-демократов; [39] эти 500 социал-демократов могут подтвердить то, что я ни на один штрих не изменяю того, что было сказано, т.-е. того, как Войтинский пропел дифирамб власти правительства. Тов. Либер проглотил его внезапно вместе с его речью, заявив, что ни один социалист не может петь таких дифирамбов Временному Правительству. Он сказал: я не боюсь, что мы дали туда шесть заложников. Тов. Либер сказал: не боюсь, и я верю этому, потому что он смелый человек. Тов. Дан в другой области обрисовал нам количество власти; при этом дележе известная часть падала и на вашу долю; сегодня это было повторено министром Церетели в более смягченном виде. Мы, сделавшие революцию, не верим больше в войну и мир не потому, чтобы мы находили необходимым свергнуть иго немецкого самодержавия в Германии, а только потому, что если мы посмеем рассуждать, то так, как когда-то наемников солдат гнали в бой, приставляя револьвер к затылку, те или другие бурбоны, точно так же нас хотят гнать на немецкий фронт японским револьвером; нас запугивают, что сейчас же, стоит только английской буржуазии прекратить выдачу по текущему счету своих денег, и сейчас же русская революция обмякнет, как мокрая курица, она сразу окажется лишенной всех сил. Вот та доля демократической самостоятельности, которую обеспечивают товарищи министры при делении власти с буржуазией. Если же мы начнем вычислять, какова доля буржуазной власти, то мы найдем, что на деле сделано все, что они требовали. Милюков говорил: «Говорите сколько угодно о мире без аннексий и контрибуций, но на деле сделайте маленькое наступление, и мы будем очень довольны». Точно так же во всех других областях, с одной стороны, анархическое расхищение благ, с другой стороны — анархический саботаж промышлен-

ности, чего не отрицает «Рабочая Газета». Нам отвечают на все: товарищи, мы готовили проекты. Но вот один из проектов созрел, сладкий плод уже висит, мы протянули руки и сорвали; нам говорят: видите ли, товарищи, нам теперь позволено предложить нашим союзникам собраться на конференцию на предмет того, чтобы потолковать вместе, когда и где обстоятельства позволят. Товарищи, если это не издевательство над революцией, тогда это в крайней степени слабодушие тех запугивающих министров, которым дали кусочек власти. Они так боятся каждого окрика в том смысле, что сейчас же говорят: «уйду, ей богу, уйду». Они так боятся, что рады, когда им говорят: после дождичка в четверг мы поговорим, а пока что — пожалуйте стратегическое наступление... (Аплодисменты. Крики: «Бис».) Товарищи, на бис я повторять этого не буду, но еще много неприятных вещей я вам скажу, если будет время для этого. (Голоса: «Просим говорить». Аплодисменты.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Угодно продолжить время оратору? Прошу поднять руки. Прошу опустить. Кто против? Продолжайте.

ЛУНАЧАРСКИЙ. Товарищи, я не буду долго занимать ваше внимание; я хотел только сказать в дополнение к тому, что я уже сказал, что, по существу говоря, это, конечно, уродство, когда думали, что при данном положении вещей буржуазия окажется представительницей власти. Мы верим, что как бы т.т. министры ни боялись, как бы они свой карточный домик ни охраняли, но домик этот скоро рухнет, быть может, в результате того самого наступления, которое теперь выпускают «из правого рукава», но которое вернется очень большой катастрофой. Берегли точно также, чтобы мы не дунули на милюковскую комбинацию, но она пала; берегут комбинацию Терещенко, но и она падет. По крайней мере, мы все-таки, вопреки некоторым чрезвычайно неприятным симптомам поворота назад, думаем, что нельзя поворачиваться. Так полагают усталые или нерешительные из тех элементов или близких к тем, которые накануне революции говорили рабочим: не устраивайте забастовок и беспорядков, чтобы не дезорганизовать оборону страны. Мы думаем все-таки, что волна колебания, которая грозит всей необъятной России, понижается, и вот потому мы надеемся, что, быть может, и здесь, на Съезде, если не в большинстве представителей революционной демократии, здесь собравшейся, то, по крайней мере, в некоторой крайней левой ее части мы найдем отклик нашим предложениям, представляющим собою не столько проект, сколько, я бы сказал, политические директивы. Прочту абрис того, что нам теперь нужно: «Удаляя Государственную Думу, удаляя Государственный Совет, создадим революционный парламент и дадим возможность этому революционному парламенту создать революционную власть». Вот то, что мы вам рекомендуем, товарищи. (Голос: «Мало».) Этого мало, говорят, — больше того, что вам здесь сказали. Пусть мы не можем выйти из войны, но никаких мероприятий, кроме переговоров после дождичка в четверг, вы не можете представить, и наша мера о революционном парламенте и революционной власти—эта мера для какого-то канцеляриста, который меня сейчас прерывает, может быть неприемлема, но эта мера приемлема для революционеров, которые говорят о необходимости сильной революционной власти. Поэтому я повторяю, что, может быть, и в этом составе Съезд найдет возможным разговаривать об этом громко. Мы выражаем глубокую и полную уверенность в том, что через небольшой промежуток времени соберется новый Съезд, который будет несравненно ближе к нашей позиции, и я льщу себя надеждой видеть там лиц, сидящих на скамьях этого Съезда. Многие, которые теперь остаются равнодушными и враждебными, тогда будут с нами, товарищи. (Аплодисменты.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово принадлежит тов. Скобелеву.

СКОБЕЛЕВ [1]) Товарищи, решительной критике и жестокой квалификации подверглась деятельность Временного Правительства в новом составе в устах одного оратора: ничего не сделано в течение месяца, — сказано было, — в области ликвидации хозяйственной разрухи, в области ликвидации войны.

Если припомните, тов. Церетели сказал вам прямо, что и в той и в другой области перед русской революцией и ее честью стоят серьезные препятствия и что никакая власть в течение месяца не могла дать и в течение ближайших дней не даст окончательного решения всех вопросов в этих двух областях. Если припомнить его заявления, что нет в России сейчас ни одной политической партии, которая немедленно [2]) претендовала бы на власть, то может показаться, что положение русской революции безвыходное.

Оппонент облегчил наше положение, — он сказал, что партия его готова хоть сейчас взять власть в свои руки, если только ей дадут оную, и, обвиняя Временное Правительство в обилии программ и всяких проектов, присовокупил, что его [3]) партия, претендующая на власть, имеет тоже [4]) свою программу. Я, товарищи, должен оговориться, что не полемизировать пришел я сюда, и не для того, чтобы слушать нашу полемику съехались вы; я пришел, чтобы отчитаться перед вами, выслушать ваше слово, ваш суд над нашей прошлой деятельностью, и если ваш вотум будет вотумом недоверия к той власти, которая дана Петроградским Советом Р. и С. Д., уступить ее другим или же, получив ваше доверие, выслушать ваши авторитетные указания для деятельности в будущем. Но разрешите мне для большей легкости, для большей ясности выражения моих собственных мыслей оперировать иногда доводами и мыслями некоторых наших оппонентов.

Представитель партии, которая претендовала на смелость взять власть сию секунду, указывал, что программа их [5]) в весьма решительной и краткой формуле: арестовать [6]) капиталистов, продержать их, может быть, очень недолгое время, и это разрешит самый тяжелый вопрос — вопрос финансово-экономический. Я должен сказать откровенно, что, на мой взгляд, в вопросах внешней политики у нас, может быть, будет в ближайшем времени меньше затруднений, чем в вопросах внутренней хозяйственной жизни. Да простит мне наш оппонент, его программа напомнила мне недалекое прошлое: в Думе 3 июня не раз поднимался вопрос о борьбе со спекуляцией, о борьбе с мародерами, и член Думы Пуришкевич один смело и решительно предложил рецепт: арестовать нескольких мародеров, и этим разрешится вся проблема о спекуляции. (Смех, аплодисменты.) Когда нам, или, вернее, вам, предлагают сложную проблему, — проблему, с которой связана судьба революции [7]), — разрешить упрощенным [8]) методом ареста, и [9]) это может показаться [10]) соблазнительным, [11]) товарищи. Мы решительно употребляли это оружие в первые дни революции и арестовывали собственными руками слуг старого режима, врагов революции, — да [12]). Это

---

[1]) Речь Скобелева печатается по машинописному тексту (д. № 61) с собственноручными поправками Скобелева. — [2]) Слово «немедленно» вписано над зачеркнутым «не». — [3]) Слово: «его» вписано над зачеркнутым: «при новой комбинации новая». — [4]) Слово: «тоже» вписано. — [5]) Далее зачеркнуто: «развиты в известной резолюции». — [6]) Далее зачеркнуто: «нескольких». — [7]) Первоначально: «которая связана с судьбами революции». — [8]) Слово: «упрощенным» вписано над зачеркнутым: «революционным». — [9]) «и» вписано над зачеркнутым: «потому что». — [10]) Слова: «может показаться» вписаны над зачеркнутым: «очень». — [11]) Первоначально: «соблазнительно». — [12]) Слово: «да» вписано.

метод очень соблазнительный. Да позволено мне будет спросить [1]): а что же дальше в осуществлении программы разрешения хозяйственных и финансовых вопросов?

Я позволю себе только в этой области касаться [2]) замечаний, которые делались нам нашими оппонентами, — всех общих вопросов касался тов. Церетели, а я, как министр труда, в дополнение обязан высказать несколько соображений в области финансово-хозяйственной, в области промышленной. После ликвидации капиталистов [3]), какое конкретное мероприятие должно последовать? Этим рецептом [4]) не соблазнится квалифицированная аудитория, а товарищам рабочим на местах может показаться, что вопрос об урегулировании промышленности, о ликвидации хаоса в транспорте может быть разрешен очень просто — арестом начальников дорог и директоров заводов. Кто предлагает здесь этот метод ликвидации хозяйственной разрухи, не должен забывать, что речи стенографируются и могут попасть в печать. (Аплодисменты.)

А что же дальше, вслед за устранением, какой метод созидания? Что же, тов. Ленин предложит лиц своей партии [5]) на место капиталистов поставить? Но, ведь, тогда может встать вопрос об аресте новой очереди капиталистов. Или нам предлагают арестовать не капиталистов, а капиталистическое производство? Если так стоит вопрос, — об изъятии из обращения капиталистического производства, — то надо дать ответ и на вопрос, вытекающий из этого положения. Что же предлагается поставить на место капиталистического производства? Оратор, который предлагал этот решительный хирургический метод, один из видных экономистов русского марксизма. И мне, как марксисту, чрезвычайно неловко было выслушивать здесь поучения народника марксисту. (Аплодисменты, смех.) Но мы на его книгах учились экономическим вопросам, и я спрашиваю у него [6]): Россия созрела в хозяйственном отношении, чтобы заменить капиталистическое производство социалистическим, или не созрела? По книгам тов. Ленина, старого, не теперешнего, можно сделать вывод, что не созрела. Но [7]) что же все-таки [8]) предлагается? Нам было сказано, что это не регулирование, даже не контроль, а лишь арест, чтобы узнать, сколько прибыли получают капиталисты.

Я думаю, что отчетность промышленных предприятий может быть произведена и без тюремщика. А что же предполагается вместо арестованных капиталистов? Недавно на съезде представителей петроградских заводских комитетов [40] была предложена резолюция от той партии, к которой принадлежит наш оппонент, и там предлагалось образовать специальную организацию управления предприятиями [9]), в которой две трети, большинство, принадлежало бы рабочим, а треть в порядке принуждения представителям технических сил и капиталистам. Где же взять капиталистов, если они будут арестованы? Очевидно, предлагается не социалистическое производство, а что-то другое с капиталистами на принудительных началах. Как [10]) основной элемент в программе, развивающейся здесь, — элемент диктатуры, и если эта диктатура будет основана только на принципе огня и меча, то эта диктатура может вернуть к той прежней диктатуре, от которой мы, слава богу, освободились окончательно. Если оставить лишь здоровую мысль об урегулировании производства и всей хозяйственной народной жизни

---

[1]) Далее зачеркнуто: «или, вернее, вам предложить спросить». — [2]) Далее зачеркнуто: «всех». — [3]) Первоначально: «с капиталистами». — [4]) Далее зачеркнуто «который очень соблазнителен». — [5]) Первоначально: «Что же, нам предложат лиц какой-нибудь партии». — [6]) Слова: «у него» вписаны. — [7]) Первоначально: «И». — [8]) Слово: «все-таки» вписано. — [9]) Слова: «управления предприятиями» вписаны. — [10]) Слово: «Как» вписано.

страны, то это, действительно, будет здоровая постановка вопроса, ибо тот период, в который застала революция наш хозяйственный строй, диктует один выход из [1]) положения: спасти хозяйственный народный организм [2]), спасти промышленное развитие от разрухи можно только путем решительного вмешательства в область хозяйственной и промышленной жизни в виде регулирования и контроля, но этим должны заниматься не искусственно придуманные [3]) организации [4]). а власть государственная, власть революционная, и только она через регулирование и контроль может спасти государственную хозяйственную [5]) жизнь и не вести ее на путь дальнейшего разрушения. (Аплодисменты.)

Конечно, государственная власть, революционная по своему существу, не может действовать старыми методами; она должна не только опираться на доверие широких масс, она должна жить их самодеятельностью. И в этой области ее задача точно также только организовать и регулировать [6]), а не приказывать и запрещать [7]). И, конечно, к регулированию хозяйственной и [8]) промышленной жизни страны должны быть привлечены все элементы демократии, рабочий класс в первую очередь. Но разрешение [9]) вопросов [10]) распределения и принуждения должны принадлежать не трети и не двум третям, а власти государственной [11]) и только ей. Нас упрекают здесь в слишком частом повторении программ реформ, но я позволю себе все-таки остановиться на этом вопросе. Когда говорят, что ничего не сделано за месяц, то нужно, действительно, сказать, что разруха еще не прекращена, она даже еще не уменьшилась, но, к сожалению, нет другого способа быстрого действия, кроме здесь предложенного тов. Лениным [12]), но эти методы, действительно, ведут не к ликвидации разрухи, а к ее усилению и углублению. Метод регулирования может быть только организованный снизу доверху, и в финансовой политике без программы не обойдемся, ибо арест капиталиста не решает вопроса, как же быть с прибылями, как их безболезненно обложить [13]), куда их направить и в каких организациях согласовать интересы отдельных классов [14]). Хорошие финансы могут быть у революционной власти только в том случае, если она делает хорошую экономическую политику, но хорошая экономическая политика может быть только лишь, если в руках государства могут быть средства, [15]) и это — заколдованный круг.

Но из него есть выход: изменение финансовой политики в смысле решительного обложения всех имущих в пределах всем известных финансовых мероприятий, которые знает финансовая наука. Очевидно, и [16]) та партия, которая претендует взять власть в свои руки и повести к социализму, очевидно, она должна будет вернуться к этим методам, к этой программе. И [17]) здесь указывалось на решительное обложение и арест [18]) для того, чтобы открыть [19]), какие прибыли, и все их забрать. Позвольте вас спросить: если даже обратить все доходы имущих классов в распоряжение государственного казначейства, разве [20]) эти средства устранят все финансовые

---

[1]) Далее зачеркнуто: «создавшегося». — [2]) Далее зачеркнуто: «спасти прибыли капиталистического производства». — [3]) Слова: «искусственно придуманные» вписаны над зачеркнутым: «те». — [4]) Далее зачеркнуто: «где две трети кого-то и треть еще кого-то по принуждению». — [5]) Слово: «хозяйственную» вписано. — [6]) Слово: «регулировать» вписано над зачеркнутым: «организовать». — [7]) Слово: «запрещать» вписано над зачеркнутым: «отменять». — [8]) Далее зачеркнуто: «всей». — [9]) Слово: «разрешение» вписано. — [10]) Первоначально: «вопросы». — [11]) Слово: «государственной» вписано над зачеркнутым: «революционной». — [12]) Слова: «тов. Лениным» вписаны. — [13]) Слова: «как.... обложить» вписаны. — [14]) Далее зачеркнуто: «хозяйственной жизни с интересами других классов». — [15]) Далее зачеркнуто: «для создания» — [16]) «и» вписано: — [17]) Первоначально: «Но». — [18]) Далее зачеркнуто: «предлагался». — [19]) Слово: «отрыть» вписано над зачеркнутым «узнать». — [20]) Слово: «разве» вписано.

затруднения в жизни государства? И на этот вопрос мог бы дать определенный ответ все тот же наш оппонент. Ему известно, конечно, что национальные доходы наши слабы в сравнении с другими капиталистическими странами. Статистика у нас слаба, — не говорят о цифрах в 12 — 13 миллиардов ежегодно, и ему известно также, что на долю имущих классов, на долю классов, живущих не трудом, а дивидендом, приходится из этого национального дохода лишь [1]) одна пятая часть, maximum [2]) одна четвертая часть.

И [3]) что же, разве можно усыплять общественное мнение демократии предложением лишь двух рецептов: арестовать капиталистов и реквизировать их прибыли [4])? Прибылей не хватит, если бы даже можно было сейчас эту операцию сделать, не хватит всех этих доходов, приходящихся на имущие классы, для того, чтобы разрешить финансовую проблему сегодняшнего дня, все равно, будет ли [5]) завтра день мира или войны. Поэтому встает вопрос о регулировании не только производства, но и о регулировании интересов и запросов отдельных классов населения. Вот основная позиция, из которой Временное Правительство исходит и будет исходить в дальнейших мероприятиях: спасение государственного организма от дальнейшего хаоса и дальнейшего разрушения может быть осуществлено путем государственного регулирования и согласования экономических интересов отдельных классов. И теперь, когда имущие классы стоят перед мощной волей революции, не о них идет речь, не с их стороны может встретиться неодолимое [6]) противодействие. Когда говорят о саботаже, то мы знаем, что чем организованнее, чем сильнее, чем здоровее, чем сознательнее воля революционной демократии, тем легче будет ликвидировать вопрос о саботаже всех имущих классов.

Встает вопрос о регулировании интересов отдельных слоев демократии [7]), — здесь кроется опасность для русской революции. Русская демократия — мощная и сильная; она представляет, может быть, 90% всего населения, но она сложна по своей структуре, и рабочий класс в ее пределах представляет, может быть, самый маленький по числу отряд. Он политически самый зрелый и самый сильный, но хозяйственные его интересы представлены самой незначительной частью демократии, и крестьянство, как таковое,—главная опора хозяйственной жизни. Его интересы могут столкнуться с непосредственными интересами рабочего класса в области экономической, и основная проблема революционной власти, власти демократии— координировать интересы бедных слоев демократии, сопоставить их творчество в зависимости друг от друга, чтобы с максимумом производительности их творческую энергию использовать. С этого и начало Временное Правительство. Крестьяне были призваны дать революции хлеб и продукты сельского хозяйства. Их продукты производства были объявлены государственным достоянием. На хлеб объявлена монополия и установлены твердые цены. И со всех концов несутся телеграммы от крестьянских волостных комитетов, и они заявляют, что они приемлют волю революционной государственной власти, признают государственную монополию на хлеб и везут хлеб по этим твердым ценам, но тут же говорят: дайте нам взамен этого в деревню и продукты промышленного производства по таким же фиксированным и регулированным твердым ценам. И эти телеграммы напра-

---

[1]) Слово: «лишь» вписано над зачеркнутым: «может быть». — [2]) Слово: «maximum» вписано. — [3]) Первоначально: «Ну». — [4]) Первоначально: «на предмет реквизиции их прибылей». — [5]) Далее зачеркнуто: «это». — [6]) Слово: «неодолимое» вписано. — [7]) Далее зачеркнуто: «и когда здесь оперируют против интересов рабочего класса, мы должны прямо сказать:».

влены не только к Временному Правительству, — эти телеграммы направлены к промышленности, к предпринимателям промышленности и к рабочим. И Временное Правительство позаботится, чтобы голос крестьян дошел до слуха предпринимателей, а вам, представителям организованной демократии, нужно позаботиться о том, чтобы голос крестьян дошел до слуха пролетариата. (Аплодисменты.)

Экономическое улучшение положения всех трудящихся, конечно, неотложная задача дня, и стремление и борьба за увеличение заработной платы рабочего класса вполне понятны и естественны. Но мы, представители Временного Правительства, должны прямо сказать рабочему классу, и я это считаю своим долгом, как министр труда [1]), что рост заработной платы в хаосе хозяйственной жизни при [2]) финансовой политике, построенной [3]) на самых нездоровых началах, это есть рост не улучшения положения рабочего класса, а рост хозяйственной разрухи, и только. А тем более всякие попытки рабочих отдельных предприятий за свой собственный риск и страх решать вопрос о заработной плате усиливают эту разруху и лишают государственную власть возможности регулировать благополучие рабочего класса и координировать его запросы с запросами других слоев демократии. Действительное, реальное улучшение заработной платы рабочего класса может быть лишь только организованным методом, потому мы прямо заявляем: революционная демократия должна сказать рабочему классу: личный почин на отдельных фабриках, решение вопроса на отдельных фабриках об условиях труда, о заработной плате, — это есть не шаг вперед, а шаг назад. Лишь только через классовую организацию пролетариата, лишь только через его профессиональные и другие [4]) организации, организованные для всех рабочих данной категории, возможно улучшение экономического положения. Только этот метод спасет и интересы рабочего класса и не разрушит революции, и только этот метод даст возможность рабочему классу доказать и крестьянству, и другим слоям демократии, что он претендует на то, на что он имеет право. Только государственная власть может сказать, где предел экономического улучшения отдельных классов населения в связи с теми материальными благами в данный момент, которыми располагает государство. И тут у Временного Правительства есть программа и есть целый ряд законопроектов в виде реформ. Мы другого метода себе не представляем.

Статистику здесь отвергают, а революционная власть лишь только на статистику может опираться, лишь только через статистику она может распознать, что̀ в стране, и реагировать на этот процесс можно только реформами в виде декретов революционной власти, если угодно, назовите их [5]) «реформами» [6]). Другого метода мы не представляем. Метод личного почина всякого гражданина есть метод, ведущий в сторону не развития революции, а, наоборот, к возвращению ее вспять. И Временное Правительство издало целый ряд декретов в области создания [7]) органов местного самоуправления, земского, городского и волостного; точно также имеется целый ряд готовых декретов, — не сегодня-завтра они пройдут через Временное Правительство, — в области регулирования рабочего движения, законопроекты о свободе коалиций, о [8]) бирже труда, о примирительных камерах и т. д. О всех финансовых мероприятиях вам здесь докладывалось уже. Лишь так мыслим

---

[1]) Слово: «труда» вписано. — [2]) Слово: «при» вписано над зачеркнутым: «в области». — [3]) Первоначально: «политики построен». — [4]) Далее зачеркнуто: «экономические». — [5]) Слово: «их» вписано. — [6]) Первоначально: «реформы». — [7]) Слово: «создания» вписано над зачеркнутым: «организации жизни». — [8]) Слова: «свободе коалиций, о» вписаны.

мы, ваши представители, дальнейшее развитие революции. Революция может двигаться дальше лишь только через организацию творчества, а не через разрушение.

Когда нам говорят, что еще нужно что-то разрушить, и [1]) предлагают реформу в виде резолюции, предложенной тов. Луначарским, я не могу не дать ответа на вопросы, затронутые в этих резолюциях [2]).

Первая резолюция затрагивает несколько [3]) конкретных вопросов, и на них необходимо дать ответ сейчас,—что̀ Временное Правительство сделало с Государственным Советом и Государственной Думой.

Позвольте ответить, что Временному Правительству ничего не оставалось делать. Эти вопросы разрешила революция. Государственный Совет не существует, с ним уже покончено. Даже Государственная Дума, сыгравшая в первые дни революции свою роль, — этого, товарищи, нельзя отрицать,— Государственная Дума против собственной воли сыграла свою роль, и, когда ее роль кончилась, революция пошла мимо нее, забыла ее [4]). Что же касается отношения к Государственной Думе, то лично я еще на заседании членов Государственной Думы всех созывов свое отношение к этому вопросу высказал. [41] Революция уже ответила. Государственная Дума умерла [5]). Да здравствует Учредительное Собрание! (Аплодисменты.) Когда нам говорят: почему нет декрета, я на это отвечу: Товарищи, если революция будет гарантироваться только декретами, — много еще осталось в 16 томах свода русских законов вещей, которые нужно декретом ликвидировать. Но революция не может ждать, она сама должна ликвидировать, и когда говорят, что Дума может стать центром организации контр-революции, то здесь можно апеллировать только к тем самым товарищам, которые здесь грозили контр-революцией. Ошибочные шаги, неорганизованные, неосторожные шаги революционной демократии могут создать условия для того, чтобы подняла голову контр-революция, и произойдет ли это в тот момент, когда будет декрет о ликвидации Думы, или не будет, от этого дело не изменится. Если демократия не справится с разрухой, если она не организует страну в политическом и хозяйственном отношении, то контр-революция не только поднимет голову, она будет иметь корни в широких [6]), обывательских кругах, ибо страна не может жить постоянно под страхом, что у нее нет власти, нет органов местного самоуправления, нет уверенности в завтрашнем дне. Когда нам говорят: вот власть теперешнего состава не отвечает на эти запросы, что нужна другая власть, — власть Советов Рабочих и Солдатских Депутатов, то я позволю напомнить, товарищи, что мы, министры-социалисты, считаем себя властью Советов Рабочих и Солдатских Депутатов. От них мы получили власть и чувствуем эту власть и ею управляем лишь постольку, поскольку чувствуем за собою опору и волю революционной демократии. Как только Советы Рабочих и Солдатских Депутатов лишат нас этой власти, мы ее выпустим из рук, ибо она будет у нас отнята. Но, говорят, вы пользуетесь лишь частичкой власти, необходимо взять власть всю целиком. Позвольте тогда спросить: а что будет с той контр-революцией в то время, когда вы возьмете власть в свои руки и не справитесь с теми задачами, которые стоят на очереди дня? И это те самые товарищи признают, когда они выносят резолюцию, предоставляя одну треть представителям науки и капитализма в порядке

---

[1]) Далее зачеркнуто: «вместе с тем». — [2]) Далее зачеркнуто: «Вторая резолюция, затрагивающая вопрос об организации власти, она будет вами разрешена в конечном счете». — [3]) Далее зачеркнуто: «как». — [4]) Далее зачеркнуто: «и даже лишила возможности говорить вслух». — [5]) Слово: «умерла» вписано над зачеркнутым: «ушла». — [6]) Далее зачеркнуто: «чисто».

принуждения для разрешения хозяйственных вопросов. Дальше говорят, что власть у ваших министров, это — почти фикция, она ограничена. Ее пугают японскими револьверами, с одной стороны, — мы этого не чувствуем, — а с другой стороны, она ограничена империализмом и дипломатией союзников. А вот, если будет власть Советов Р. и С. Д. [1]), то все эти факторы будут отсутствовать? Очевидно, русская революция, во главе которой будут стоять министры Советов Р. и С. Д., будет в безвоздушном пространстве, будут отсутствовать все факторы международной политики, будут отсутствовать японские револьверы, будут отсутствовать союзники или противники, или они будут иметь свое место на земном шаре. А если они будут иметь место на земном шаре, то, очевидно, и власти Советов Р. и С. Д. придется с этими факторами считаться [2]). Здесь говорили [3]), что власть Советов Р. и С. Д. лучше справится с этими задачами, что теперь, благодаря такой конструкции правительства, эти факторы угнетают и душат революцию, и оно с ними не справится [4]). На это мы отвечаем: «да», сила сопротивления русской революции извне огромна, но, конечно, не она задушит русскую революцию. Русскую революцию могут задушить только собственные неосторожные шаги, во-первых, и, во-вторых, если она будет делать неосторожные шаги, не координируя их [5]) с шагами демократии других стран.

Здесь говорили, что министр Церетели обрадовал вас очередной бумагой — декларацией Временного Правительства, где сказано, что русская революция настаивает на созыве конференции, но тогда, когда будут созданы благоприятные условия. Очевидно, значит, под чьим-то давлением взята эта формула, неопределенная, откладывающая конференцию ad calendas graecas.

Нет, товарищи, вот вы предлагаете созвать конференцию сейчас? С кем? Мы думаем, что конференция с представителями всех союзных держав может дать тогда лишь результаты и пересмотреть договоры в желательном для русской революции смысле только в том случае, если демократии союзных стран отдадут себе отчет в задачах международной политики. Если демократии Франции и Англии останутся в том виде, как есть, а приедут представители правительств, то мы плохо верим, что пересмотр договоров произойдет в желательном направлении. Когда мы говорим о благоприятных условиях, мы имеем в виду, что эти условия создадутся не только русской революцией, а и демократиями союзных стран. Тот факт, что русская демократия взяла на себя смелость открыто поставить вопрос о необходимости созыва конференции, есть огромный шаг вперед [6]). Ибо мы сказали демократиям Франции и Англии, что на очередь поставлен вопрос жизни и смерти русской революции, вопрос ликвидации войны, в разрешении которых заинтересована не только русская, но и французская и английская демократии, и в разрешении их должны принять участие и те и другие. (Аплодисменты.)

Когда нам вместо этих сложных, правда, методов действия предлагают более упрощенные хирургические способы действия, мы на это отвечаем, что от такой критики решительно ничего мы для дальнейшей нашей деятельности не выносим, ибо в основе ее отвергаем. Мы выслушали критику наших действий в прошлом, не закрываем глаз на то, что сделано

---

[1]) Далее зачеркнуто: «это тов. Луначарский развивал свою мысль». — [2]) Далее зачеркнуто: «Если вы сказали». — [3]) Слово: «говорили» вписано. — [4]) Первоначально: «а тогда они с ней не справятся». — [5]) Слово: «их» вписано над зачеркнутым: «своих шагов». — [6]) Слова: «огромный шаг вперед» вписаны над зачеркнутым: «факт символический».

очень мало. За месяц, может быть, сделать можно было гораздо больше. Не закрываем глаз на то, что и персонально мы, может быть, не на высоте задач; не закрываем глаз на то, что и русская демократия не на высоте в смысле своей неорганизованности, ибо надо прямо сказать: всегда русская демократия имела право упрекать, что кто-то мешает ей быть организованной. Теперь этого упрека не кому послать, и если демократия и русский рабочий класс плохо организованы, упрек может быть направлен лишь по адресу самой демократии [1]).

Мы хотим, чтобы вы не только санкционировали нашу деятельность, не только вотировали доверие, а чтобы вы путем строгой критики указали нам конкретные мероприятия в дальнейшем [2]), ибо только лишь тогда наше пребывание во Временном Правительстве может иметь плодотворное значение и будет иметь тот смысл, который в него вкладывают, когда вы на этом Съезде ясные и определенные мероприятия ближайших дней выработаете и в области финансовой, экономической и внешней политики.

Лишь когда во Временном Правительстве мы будем опираться на волю революционной демократии, лишь только тогда наш личный труд в составе Временного Правительства принесет все плоды, которые русская революция ждет от нас [3]).

И [4]) я считаю себя в праве сказать: мы, представители революционной демократии в составе Временного Правительства, можем одно требование предъявить ко всей демократии, демократии недостаточно организованной: она должна быть организована с ног до головы, и всякий рядовой член рабочего класса и других слоев демократии, до сих пор не состоящий членом ни своего класса, ни экономической, ни политической организации, совершает преступление против революции. (Аплодисменты.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Заседание закрываю до завтрашнего дня, в 12 часов.

---

[1]) Далее зачеркнуто: «и критику, сказывающуюся в предложении хирургических методов, мы отвергаем самым решительным образом». — [2]) Далее зачеркнуто: «давили бы на нас». — [3]) Далее зачеркнуто: «и только тогда ни перед Временным Правительством, ни перед вами не будет вставать вопрос о том, что где-то в том или другом месте начинает поднимать голову контр-революция». — [4]) Первоначально: «Итак».

ЗАСЕДАНИЕ 5 ИЮНЯ

(утреннее).

ЧХЕИДЗЕ. Объявляю заседание открытым. Прошу заслушать несколько приветствий.

(Оглашаются приветствия от Кавказского краевого съезда и от съезда представителей Балтийского флота.)

ЧЕРНОВ [1]). Товарищи, я очень боюсь, что наши вчерашние прения с самого начала после двух докладов, которые были здесь заслушаны, пошли по несколько неправильному руслу, и мне хотелось бы вернуть эти прения на тот путь, на который, мне кажется, они должны были бы встать с самого начала,—на путь спокойного, вдумчивого и делового обсуждения всего создавшегося положения и, с точки зрения создавшегося положения, обсуждения той линии поведения, которой приходится держаться группе социалистических министров вообще и министру земледелия в частности. Товарищи, когда я слышал постановку вопроса, делавшуюся здесь разными ораторами, я спрашивал себя: все ли одинаково отвечают себе на самый первый основной вопрос,—я бы сказал, на вопрос вопросов, стоящий перед нами,—на вопрос о том, в чем же заключается вся сущность того трагического положения, той исторической драмы, той исторической трагедии, которую переживает русская революция в современной международной обстановке. Ведь совершенно ясно, что, только ответивши на этот вопрос вопросов, на эту программу вопросов, поставленных историей перед русской революцией, только ответивши на него самым категорическим и ясным образом, самый вопрос поставивши ребром и ответивши на него решительно и определенно, можно иметь исходную точку для оценки всех частностей, всех мер, которые нам предлагались. Позвольте мне с этой точки зрения начать установление следующего обстоятельства. Ведь весь трагизм положения русской революции заключается в том исходном, основном противоречии, которое бросается, я думаю, всем в глаза, когда они посмотрят на то, что делается в России, и какова та международная обстановка, в которой делается то, что делается в России. Вот между этой международной обстановкой и тем, что происходит в России, существует колоссальное противоречие. Россия окружена огненным кольцом войны. Внутри ее победа революции с политической точки зрения может считаться совершенно упроченной, но упроченная политическая победа не упрочена в полной мере экономически и социально. Перед победившими стоит ряд вопросов, которые всего труднее разрешить потому, что они не разрешаются простой силой.

Это сложные, глубинные вопросы, вопросы тех поддонных стихийных хозяйственных сил, которые сейчас проявляются в виде процесса разложе-

---

[1]) Речь Чернова печатается по тексту д. № 4; в д. № 62 имеется тот же текст речи, по которому она печаталась в «Известиях», — с редакционными правками и купюрами.

ния, распада, разрухи, в виде действий стихийных сил, подземного гула, который доходит часто до нашего слуха и заставляет нас тревожно настораживаться. Вместе с тем, мы не можем не видеть, что вот эта экономическая разруха усугубляется продолжающейся войной; эта война, как могучий насос, продолжает выкачивать из нашей страны все силы, все средства, она ведет свою тихую сапу под все политические здания во всех странах, и здания общественного хозяйства, куда лучше налаженные, чем наши русские, и те начинают трещать под этими действиями. Что же говорить нам о нашем положении? Здесь, товарищи, колоссальная опасность, опасность тем более, что никто не может с полной определенностью предсказать, в течение какого времени русской революции придется перетерпеть, пережить. Вот это противоречие, это роковое противоречие, ибо вторым противоречием, вторым проклятым вопросом для русской революции является то, что в то время, как в России, самой, быть может, экономически отсталой из всех европейских стран, находящихся в этом мировом конфликте, ей первой пришлось совершить победоносную революцию, тогда как движение демократий, рабочих трудовых демократий, в странах гораздо более передовых отстает и еще до сих пор далеко отстает от судеб русского движения. Товарищи, конечно, счастлив тот, кто думает, что он нашел какое-то волшебное средство, чтобы выпутаться из этого положения. К сожалению, вглядываясь во все предлагаемые нам волшебные средства, я не могу признать, чтобы они действительно существовали. Возьмем и не полемически, а совершенно спокойно попробуем оценить то, что предлагал нам тов. Ленин. Я оставлю в стороне ту внешнюю комичность, которую имеют его предложения, — арест пятидесяти или ста фабрикантов. Не в этом дело. Оставим это в стороне. Для него это имеет вид неопровержимой иллюстрации для Европы, — иллюстрации того, что серьезно идет в России революция, что серьезен абсолютный разрыв революционной России с Россией буржуазной, и он твердо верит, убежденно верит, сосредоточенно верит в то, что воззвание ко всему миру: «мир между народами, война правительствам», тотчас это будет той волшебной палочкой, которой русская революция может оперировать и которая выведет русскую революцию из этого основного противоречия, из того, что она, в экономическом смысле отсталейшая из всех стран Европы, находящихся в конфликте, и она первая сделала революцию, а передовые страны, которые должны были бы итти вперед, отстают и отстают. Но, товарищи, неужели в самом деле они отстают только потому, что из России не сделано какого-то дополнительного жеста? Неужели эти жесты такая могучая сила, такая колоссальная историческая сила, что есть они — и совершается как по волшебству могучее историческое движение демократии, нет их — и не совершается, опаздывает, отстает. Товарищи, я не склонен недооценивать революционную инициативу людей и групп коллективных, живых сил истории, я не склонен их недооценивать, они имеют большое значение, но придавать им такое чудесное значение я все-таки не решился бы. Мне думается, что есть какие-то более глубинные причины, почему как раз в странах передового капитализма движение революционное в данный момент отстает, а в стране наиболее экономически, в капиталистическом смысле, отсталой, в России, революция совершилась и, совершившись, идет к тем решительным, к тем смелым социальным лозунгам, к которым она идет; и эти более глубокие причины, увы, никакими нашими жестами не устранить. Мне кажется, это должно быть совершенно ясно для всех и, конечно, в особенности для социал-демократов, в особенности для марксистов и в особенности для самых ортодоксальных из марксистов. Какие же это условия? Мне представляется, товарищи, что современная жизнь слишком ясно показала, что

если раньше можно было думать, что капитал есть абсолютно космополитическая сила, не знающая отечества, то вся эволюция, эволюция последних лет, показала, что, увы, капитал, капиталистическое развитие современности пошло не совсем этим путем и капитализм выявил свой глубоко национальный лик, переплелся, сросся с классовым национальным государством, и вот это основное обстоятельство, — доминирующая роль капитализма, как национального капитализма, — обнажило и для трудящихся масс, в частности для пролетариата индустрии, известные слабые стороны их позиции в современном обществе. Поскольку пролетариат есть чистое воплощение труда эксплуатируемого, постольку, конечно, в нем находится великий стимул, стремление к социалистическому будущему. Но поскольку в то же время этот труд — в условиях современного буржуазного общества и особенно в условиях капиталистического развития, определяющего резко, определенно и ясно свой национальный лик, поскольку в этих условиях приходится существовать труду, постольку зависимость пролетариата от экономических условий его существования является для него оружием обоюдоострым. Мне кажется, слишком тесно связаны его судьбы, судьбы национального пролетариата в каждой отдельной стране, с судьбами национально-капиталистическими в каждой отдельной стране, и чем выше, капиталистически совершеннее, цветущее страна, тем зависимее эта повседневная позиция пролетариата данной страны от этого цветущего состояния промышленности, и чем более однобоко переразвита и перегипертрофирована в смысле развития индустрия данной страны, тем больше зиждется на ней все существование страны, тем труднее положение пролетариата, тем грознее для него опасность впасть в известную зависимость от своего национального капитализма. Товарищи, в этой войне, когда великие индустриальные страны, которые в то же время суть и самые великие капиталистические страны, когда они схватились между собой и когда встал вопрос о существовании их индустрий, тогда и обнаружилось, как трудно передовым слоям пролетариата удержать всю пролетарскую армию на настоящей классовой социалистической позиции, как легко в момент паники, созданной всемирной войной, как легко вырвать у них из рук, вместе со значительной частью вождей, значительную часть армии пролетариата. Вот, товарищи, те трудности, которые показывает история, вот то осложнение задач социализма, которое демонстрирует история. Вот почему наши товарищи интернационалисты Германии, Франции, Англии, Австро-Венгрии с такими колоссальными трудностями выдерживают натиск своих бывших товарищей, низко пригнувшись к империалистической, капиталистической колеснице, превратившись в каких-то особых социал-империалистов. Вот почему трудно выдержать борьбу, вот почему с такой медленностью удается им подтягивать слои пролетариата до той высоты, на которой остался его авангард, верный социалистическому, революционному интернационалистическому знамени. Вот в чем трудности, и эти трудности никакими жестами с нашей стороны не устранимы.

Здесь есть длительный процесс оздоровления. Товарищи наши в тех странах работают над этим; они работают много, неустанно и не без успеха, но этот успех, — конечно, это для всех ясно, — медленнее, чем мы хотели бы, и даже больше того, — возникает новый страшный вопрос: не слишком ли он медленный. Не слишком ли он медленный с точки зрения трудностей, с которыми приходится справляться русской революции, — это совершенно ясно. Ясно для всех, что российская революция или перешагнет узкий предел, узкие национальные рамки своего существования, перешагнет сразу эти границы, межи и линии, и тогда не только она, но и все лозунги, в ней заключенные, спасены, но им дано распростра-

нение, им дана сила мировая, всеевропейская, вместе с тем всемировая. Если же этого не случится или слишком поздно случится, тогда российской революции грозит опасность задохнуться в этих узких, в этих тесных, в этих ограниченных национальных рамках. Вот, товарищи, какая громадная проблема перед нами стоит, вот какая громадная стоит опасность перед нами, и значило бы, мне кажется, совершенно не ощущать, не взвешивать во всей силе, во всей глубине эту опасность, рассуждая так, как часто у нас рассуждают теперь. Товарищи, разве не велика была сила исторического примера, когда в такой слабой, в военном смысле, в то время стране, потерпевшей громадные поражения стране, как Россия, когда в такой стране, столь неблагоприятно стратегически поставленной, как Россия была поставлена, когда в ней, несмотря на эту стратегическую слабость, все-таки смогла произойти и произошла огромная, величественная внутренняя революция? Разве это не был великий пример, и разве в этом примере для той же Германии, для той же Австро-Венгрии, где Либкнехты сидят в тюрьмах, где Адлеры заряжают револьверы и выходят с этим способом борьбы, столь непривычным для их обычного политического мышления, — разве для этих стран не вставал прежде всего этот пример? Однако, он доселе оказался слишком слабым, слишком недостаточным, чтобы форсировать процесс медленно идущего внутреннего оздоровления. И что прибавит к этому примеру какое-то внешнее, показное и демонстративное отрешение российской революции от всего буржуазного, которое выразилось бы в аресте не только ста крупнейших капиталистов, но хотя бы 500 и 1000? Товарищи, мне кажется, слишком ясно, что не здесь отмычка, не здесь ключ к ситуации, и вообще не в том направлении, которое многие нам предлагают, не в том направлении, по которому иногда стихийно идет как-будто бы и сама жизнь. Это направление, товарищи, я бы охарактеризовал, как направление розничного, сепаративного решения задач революции. Это розничное, сепаративное разрешение может проявляться в тысяче примеров, оно может иметь тысячи внешних форм, и все они равно несостоятельны, и все они, как я постараюсь вам показать, равно идут не в направлении основной цели революции, а против этой цели. Вот вы видели одно из таких сепаративных решений, розничных решений, — это арест крупнейших капиталистов; что может он дать для разрешения нам той проблемы, которая состоит в том, что война все выкачивает и выкачивает наши силы, а между тем, и теперь чуть-чуть мы не накануне того, когда можно сказать: постоянный капитал наших фабрик и заводов изношен, изгрызен, изъеден войной? Больше у нас от ареста капиталистов будет выходить паровозов из ремонта, меньше будет больных паровозов и вагонов, больше будет хлопка?

Товарищи, все те запятые, о которые спотыкается наша промышленность, и начинает спотыкаться все больше и больше, и начинает грозить нам перспективой остановки, перспективой, когда государству, новой революционной власти, придется браться за организацию национальных производительных сил в наихудших из всех возможных условий, потому что не может быть хуже условия, как такое, когда революционной власти приходится брать предприятия, от которых отказываются по невозможности справиться с ними частное производство и частная промышленность. Хуже этого положения, хуже этих условий для проявления и доказательства жизненности революционных сил социалистической организации быть не может. Что же это розничное решение, этот их арест могут вызвать? Они могут вызвать только одно: максимальную панику среди капиталистов, и вместо того, чтобы вопросы сосредоточения в руках революционной власти ресур-

*

сов войны могли [1]) вставать последовательно по линии сравнительно наименьшего сопротивления и наибольшего успеха, они вдруг встали бы в один прекрасный момент, как одна колоссальная проблема чуть ли не всеобщего бегства и локаута, которыми, конечно, ответила бы русская промышленность на арест сотни крупнейших капиталистов. Что от этого облегчилась бы задача сосредоточения в руках новой революционной власти ресурсов страны или затруднилась? Вы сами прекрасно знаете, что [2]) в этой колоссальной стране организующиеся силы, сравнительно с силами, подлежащими организации, являются тонким отстоем сливок на громадной крынке молока. Тут нам нельзя наши силы переоценивать и одной решимости, хотя бы одной фракцией, в любой момент встать у власти и все это организовать, — одной решимости [3]), товарищи, при этих ресурсах недостаточно. Таких же розничных решений в других областях жизни много.

Вот вам решение аграрной проблемы. И здесь может быть розничный метод, — метод сепаратного разрешения земельного вопроса на отдельных местах, отдельными явочными действиями, отдельными захватами, пусть,— прибавим это магическое всеспособное слово, — организованными. Но это остается тем же сепаратным, тем же розничным методом разрешения колоссальных проблем, стоящих перед русской революцией, тем же розничным методом, который грозит не упростить, а усложнить дело, которое новой Россией должно быть сделано. И это мы видели неоднократно. Мы это видели хотя бы там, где организованный захват был,— организованный даже не в пределах села, а в пределах нескольких сел, пусть, в пределах волости. Но, товарищи, в пределах одной волости могут быть громадные имения, на которые с завистью посмотрят несколько соседних волостей. И, кроме того, товарищи, не ясно ли вам, что если бы этим сепаратным, розничным путем подошли бы к разрешению в России аграрной проблемы, то по всему фронту, по всей армии поднялся бы крик: землю уже делят; если мы не поспеем к дележу, мы останемся обделенными; и получился бы, быть может, сплошной побег с фронта, чтобы не опоздать к дележке. И что же, это облегчило бы наши задачи или [4]) затруднило бы во много раз? И дальше, товарищи, вот вам третий вопрос, тоже громадный вопрос, на котором много трудностей лежит перед российской революцией,— это вопрос о тех отдельных национальностях и о тех даже отдельных местах, о тех местных радикальных группах, которые при старом строе жили под ярмом тяжкой централизации и у которых поэтому отдача в сторону децентрализации, полной свободы, полной самостоятельности колоссальна. Вот здесь возможен и легок сепаратный и розничный метод. И я боюсь, что когда тов. Ленин говорит: нам нужна центральная революционная власть, нужна революционная централизация революционной власти, которая примиряется с правом отдельных мест и отдельных национальностей на самоопределение, то тем самым [5]) им предоставляется право отложения, с тем, чтобы, отложившись, они в своей среде создали опять ту же центральную сильную революционную власть. Или централизация всеобщая, или же централизация сепаратная, но среднего, например, в виде сепаративной [6]) республики, нет. Такую постановку тов. Ленин считает ошибочной. По его мнению, здесь право самоопределения не выражено вполне. Но, товарищи, и здесь я скажу: нет. И этот сепаративный метод, и здесь проявление его не дает надлежащих результатов, и здесь, товарищи, право самоопределения есть живое и здоровое право постольку, поскольку оно не отрицает кооперации народов. Отождествлять право самоопределения исклю-

---

[1]) В подлиннике: «могут». — [2]) В подлиннике: «как». — [3]) В подлиннике: «решимостью» — [4]) В подлиннике: «и». — [5]) В подлиннике: «тем же». — [6]) Так в подлиннике.

чительно с правом отложения и ничего среднего не признавать, это значит именно сталкивать лбами право самоопределения с потребностью великой...[1])

И с этой точки зрения, когда мы говорим, что великий принцип децентрализации, автономизма, федерации должен лечь в основу организации России, — мы это говорим, — что право самоопределения, согласное с потребностью кооперации, великого сотрудничества народов под свободною широкою кровлею, дающей полную свободу проявления каждой отдельной народности,— вот где решение, а не в этом сепаративистском пути, который, продолженный до своих логических последствий, я не знаю что даст, ибо каждой мелкой народности будет поставлен вопрос: или извольте отделяться, тогда совершенно отделитесь, или извольте подчиняться централизации и совершенной централизации. Этим мы обрекаем их на сепаративный путь. В настоящее время, товарищи, легко толкнуть на сепаративные пути, на все розничные пути, потому что, товарищи, старые общественные связи, бывшие при старом режиме, легко распадаются, но новые общественные связи созидаются труднее и медленнее, и когда рост новых связей отстает от распада старых, то является процесс распада старых тканей, и эти процессы мы достаточно видим в пределах России, слишком достаточно, чтобы не видеть в этом сепаративном, розничном методе великой угрожающей опасности. Товарищи, мы видим, что в известных местностях России, в роде какого-нибудь Переяславского уезда, просто душевно неуравновешенный человек, которому нужно проконсультироваться с психиаторами, может явиться диктатором, централизатором власти. В отложившейся местности торговец демагог Трунин может создать кирсановскую республику и в ней быть диктатором с большими революционными фразами. [42] Вот тот опасный путь распада и распадения, перед которым мы стоим. И если бы мы, товарищи, во всех вопросах в этом розничном пути...[2]) его усматривали бы движение революции вперед, мы совершенно ясно подпиливали бы тот сук, на котором мы все сидим. Но вот, товарищи, и в вопросе о войне и в вопросе об армии есть та же опасность розничного, сепаративного пути. Тов. Ленин говорил нам вчера о братании, доказывая, что [это] вещь не только не страшная, но желанная, такая вещь, которая может, наконец, саботировать и взорвать[3]) войну, войну, которая стала в тупик, которая, может быть, накануне издыхания, нанести ей последний «coup de bras». Я согласен, товарищи, что братание вещь не страшная, не страшно братание бытовое, то братание, которое имеется во все войны, во все времена, которое никогда не принимало угрожающих размеров и которое всегда было лишь простым симптомом того, что уставшие истреблять друг друга люди по обе стороны окопов в известные моменты передышки способны относиться друг к другу, как люди. Не в этом опасность; но есть опасность, и опасность грозная, когда такое только бытовое явление, само по себе не опасное или мало опасное, бывавшее во все войны, когда его хотят поднять на степень какого-то политического средства войны, могучего политического средства войны, способного всю Европу вывести из того тупика, из которого его не способна до сего времени вывести слишком медленно организующаяся[4]) рабочая, трудовая, социалистическая демократия. Товарищи, мы имеем свое социалистическое братание, когда от имени Совета Р. и С. Д. идет во всю Европу, во все страны нейтральные и воюющие, по обе стороны окопов, линии огней и проволочные заграждения призыв собраться на съезд, на интернациональный социалистический съезд всех тех, кто готов откликнуться

---

[1]) В подлиннике последняя строка не отпечатана. — [2]) Одно слово неразобрано. — [3]) В подлиннике: «порвать». — [4]) В подлиннике: «организованная».

на призыв российской революции и пойти путем, обязывающим организованные социалистические партии [к] шагам, которые должны привести к постановке на очередь задачи преодоления империализма, поднявший против него все негодование всех толщ народных, которые от него терпят в эту войну. Вот, товарищи, когда такой план исходит от нас, и когда на него откликнутся, то с теми элементами, которые на него откликнутся, у нас возможно наше настоящее революционное, социалистическое, организованное братание. Вот мы здесь, товарищи, часто встречаемся с известным «па-де-консьянс», тут, товарищи, возникают известные затруднения революционной совести, и я это понимаю. Те же товарищи большевики, с которыми я желаю разговаривать, как с товарищами, с которыми мы хотим выяснить целый ряд вопросов, когда они говорят: «Но если на эту конференцию явятся сторонники Шейдемана, то можем ли мы им подать руку? Можем ли мы явиться на вашу конференцию...»[1]) но если для них, закаленных в боях, если для них, подкованных на обе ноги в вопросах социализма, так трудно и так опасно встретиться за одним столом со сторонниками Шейдемана, то для солдат, не искушенных часто в политике и социализме, встретиться в розничном братании не только со сторонниками Шейдемана, но и с ярыми сторонниками Бетмана-Гольвега не опасно, но смертельно. (Аплодисменты.) Вот, товарищи, я хотел бы поставить перед вами, перед товарищами большевиками этот вопрос. (Голос. «Вам ответят».) Я убежден, что мне ответят, поэтому я поставил вопрос. Мне представляется, что в этом вопросе, в вопросе о встречах, о братаниях, организованным социалистическим партиям меньше следует бояться за себя и побольше за неорганизованные массы, больше следует доверять организованному способу братания, ибо там, товарищи, в международной социалистической конференции сторонники Шейдемана, если они явятся только для того, чтобы своим нахождением на конференции засвидетельствовать перед миром, что они тоже социалисты, тоже интернационалисты, товарищи, это им не так легко будет сделать по той простой причине, что пребывание на конференции может оказаться не безнаказанным для тех, кто на нее явился, потому что выйти из нее придется связанными известными обязательствами. Эти обязательства придется либо не принять,— и тогда так же скоро уйти, как скоро пришли,—или, взявши обязательства притворно и их не исполнив, бить самого себя своим собственным поведением, этой двойной бухгалтерией своего собственного поведения. Вот почему, товарищи, я говорю и здесь, — и в [этой] области, и во всех других областях, как в области аграрной, как в области рабочей, как в области национального вопроса, как в области вопроса о капиталистах, получающих прибыли, — не метод розничный, не метод сепаративный и тем самым дезорганизованный спасает, а только противоположный метод, метод организованный. И в этом смысле, товарищи, я думаю, приходится нам понять то, что, может быть, мы не всегда понимаем. Нас соблазняют часто, на первый взгляд, действительно соблазнительной картиной застоя войны на одном из фронтов. Почему бы, — думается — не привести к такому же застою на всех фронтах, когда война просто умрет от собственного издыхания и истощения? Вот, товарищи, в этом отношении нам приходится, я думаю, [2]) (ко многим документам, появившимся в последнее время, отнестись с серьезным вниманием). Посмотрим хотя бы на этот недавний документ, идущий от Гофмана, посмотрим на то [3]), что сказано конфиденциально, шифровано. Было сказано

---

[1]) Далее в подлиннике пропуск целой строки. — [2]) Далее в подлиннике пропущена целая строка; дальнейшие слова до конца фразы приводятся из дела № 62, в котором они вписаны карандашом. — [3]) В подлиннике. «него».

вот что: Германия до тех пор не будет совершать наступлений на русском фронте, пока есть какая-нибудь надежда на сепаратный мир. И здесь вы видите возможность сепаратного, розничного метода разрешения трудностей мирового положения. Но, товарищи, всякая теорема имеет свою обратную, а обратная теорема, стало быть, гласит, что если последняя надежда на возможность сепаратного мира в Германии исчезнет, то прекратится то положение, которое в этом шифрованном документе изложено словами: до тех пор Германия не будет совершать наступления на русском фронте. Вот почему, товарищи, для меня кажется глубокой ошибкой, громадной ошибкой тот метод рассуждения, по которому идут некоторые, тот метод рассуждения, который привел вчера некоторых ораторов к следующей мысли. Дело обстоит вот как: Германия слаба, Германию не трудно догромить, стереть с лица земли, уничтожить. И вот, так как это не трудно, так как, может быть, это соблазнительно и так как этот соблазн может повлечь за собой другие, другие и другие соблазны, но... не пойдем по этой дороге и будем ждать, — чего? Если мы не можем и не хотим, — а мы всем говорим, что не можем и не хотим, — подать ни малейшей надежды на возможность для нас сепаратно выскочить из мирового пожара, если мы действительно понимаем, если нам в плоть и кровь проникло убеждение, что из этого мирового пожара выскочат все или никто, если мы понимаем, если это будет ясно тем странам, которые с нами сейчас воюют, то какой результат может из этого получиться?..

Мне кажется, товарищи, этот результат слишком ясен для того, чтобы нужно было ставить здесь какие-нибудь точки над i. И откуда, кроме того, товарищи, взято то, что Германия до такой степени слаба, что ее так легко до границ разгромить? Доселе это нам говорили все те шовинисты, которые во имя этого провозглашали лозунг: война до полной победы, до конца.

Они нам говорили это, а мы говорили им: как можете вы так легкомысленно судить об исторических событиях? Там, где две половины Европы, вооруженные с ног до головы, от мала до велика, от стариков почти до младенцев, стоят вооруженные друг против друга и в панике боятся поражения, разве там можно воевать, провозглашая лозунг: война до полной победы, до конца? Согласитесь, что это значит в сущности вести войну без конца.

Вот что говорили мы доселе. И вдруг с некоторого момента оказывается, что были правы, очевидно, не мы, а были правы эти шовинисты, которые как раз говорили, что это не мираж — окончательная победа, что это так легко, так достижимо и можно не только разгромить, но и догромить, стереть с лица земли.

Товарищи, со стороны шовинистов это было легкомысленно. Но неужели легкомыслие так заразительно? И кроме того, товарищи, я приглашаю вас, и в особенности наших товарищей большевиков, подумать вот о чем. Мне кажется, что с некоторого момента у них воскресает, правда, в альтруистической форме, гипноз фронта. Ведь гипноз фронта был все время тем ужаснее, что он тяготел над всей Европой, что он сковывал движение во всех странах: гипноз фронта, во имя которого говорили внутри страны, что надо разгромить и стереть с лица земли, во имя его мы отложим пока все, все вопросы, все революции, отложим всякую гражданскую войну.

Страшный гипноз фронта сковывал все движения летаргией и поражал политическую жизнь. Вот что было. С этим гипнозом фронта мы упорно боролись с первого дня войны, когда мы заявили с первого дня войны, что революция в России, несмотря ни на что, во время войны, несмотря на

войну, вопреки войне, продолжается, что Россия должна пройти через огненное крещение революции и именно во время этой войны.

Когда мы это провозглашали и когда мы предлагаем товарищам других стран стать на эту же точку зрения, тогда мы колебали этот гипноз, этот убийственный в социалистическом, революционном смысле гипноз фронта.

Товарищи большевики в этом отношении доходили даже так далеко, что считали, что пролетариат всякой страны в этой войне должен желать поражения своего правительства.

Я не стоял никогда на этой точке зрения. Мне даже казалось, что она есть патриотизм, вывернутый наизнанку. В первом случае благом признается победа, и поэтому пролетариат каждой страны призывается бороться за свои победы, а во втором случае признается благом поражение, и пролетариат каждой страны призывается хвалить поражение. Но и в этом, и в другом случае интересы отдельных пролетариатов оказываются противоположными, потому что только один может быть победителем, а другой будет при этом побежденным: только одному достанется благо победы, а для другого — поражение и, с точки зрения противоположно мыслящих, и тому и другому достанется зло. Повторяю, я никогда не стоял на этой точке зрения, но, товарищи, когда в лозунг политики нашей предполагается поставить принципиальный отказ от всяких наступательных действий в виду того, что здесь можно дойти до того, что [необходимо] разгромить, догромить и стереть с лица земли Германию, то именно со стороны товарищей большевиков, которые в интересах германского пролетариата должны были бы желать сейчас поражения Гинденбурга, именно с их стороны я меньше всего ждал встретить воскрешение для немецких товарищей гипноза фронта. Мы все отрешились от него, поэтому мы можем смело обратиться к немецким товарищам и сказать им: отрешитесь и вы от гипноза фронта, сделайте то, что мы сделали у себя во время войны, сделайте то же во время войны, несмотря на то, что в это время происходит, — ваша победа или ваше поражение на фронте, — поставьте, наконец, вашу собственную социалистическую революционную политику вне зависимости от тех склонений военного счастья, которые происходят на фронте. И вот, товарищи, почему я говорю, что логику здесь нужно продолжать до конца.

Положение историческое, положение военное, положение политическое, международное — достаточно ясно. Русская революция, — вот та новая исходная точка для международных революционных действий. Русская революция действует и будет действовать своим интернационалистическим революционным рычагом, своим примером, своим призывом к международным социалистическим силам сойтись на международном конгрессе и выработать ряд норм для революционных действий, во имя исключения всех империалистических целей из этой войны и во имя преодоления империализма. Вот как должна действовать и с этой стороны будет действовать русская революция.

Она имеет и другой рычаг. Она имеет то завидное преимущество, что она может на внешнюю политику наложить в определенном смысле, в известной степени свою печать, и она это делает. Недостаточно быстро делает, могут нам сказать, и так нам и говорят. Однако же в вопросе о конференции для пересмотра целей войны и секретных договоров, в вопросе о созыве конференции сказано: когда окажется возможным или подходящим по обстоятельствам.

Таким образом, это делается не немедленно, а куда-то откладывается? Да, товарищи, да, откладывается. Это делается не завтра, и я думаю, что хорошо делается, что откладывается, потому что наша главная надежда

не на тех дипломатов, которых пришлют нам правительства союзников, а на демократию этих стран, и нам выгоднее, чтобы прежде съезда дипломатов был съезд представителей революционных социалистических партий всех стран. Их решение, их интернациональное действие и было бы началом действия, которое одно способно оказать давление на дипломатов, которое одно способно дать нам больше успеха, ибо, товарищи, для кого же не ясно, что Россия и в настоящем трудном положении, — Россия, за которой столько проклятых вопросов, Россия, которой так трудно будет справиться с процессом распада повсюду: в продовольствии, транспорте, армии, везде, — неужели кто-нибудь думает, что одной идейной красоты русской революции достаточно, чтобы при встрече с дипломатическими представителями правительств союзных стран одолеть все то, что с их стороны может встретиться?

Вы видите тенденции характера буржуазного, характера империалистического, а если нет, то наше действие в смысле приглашения пересмотреть договоры, наше действие в смысле приглашения созвать конференцию для пересмотра договоров может иметь и будет иметь реальное, прежде всего, вот какое значение.

Поставивши перед Англией, внутри Англии демократию и правительство лицом к лицу перед вопросом, на который должно правительство ответить, а демократия должна проверить этот ответ и определенным образом отнестись к нему, наше предложение, идущее в этом направлении, имеет, с нашей точки зрения, одну задачу: облегчить действие социалистических демократий этих стран. На это наша надежда: если она не подоспеет, тогда наше дело переговоров с дипломатами обстоит довольно безнадежно. Тогда мы можем односторонне заявить о том, что такие-то и такие-то цели, подписанные царским правительством, не соответствуют нашим воззрениям, но мы не можем принудить другие страны стать на нашу точку зрения. Вот почему, товарищи, совершенно нет никакой необходимости в дипломатическом порядке итти быстрее, чем мы можем итти в порядке интернационального, социалистического, демократического, рабочего, классового действия, — вот почему. Потому что это — исходная точка, а не то, потому что это — основная сила, которая должна давить на ту.

И мне казалось это так понятным для всех социалистов, так вытекающим из сущности социалистического миросозерцания и методов социалистического классового действия, что я не понимаю, как этот вопрос здесь поставлен и как он может быть поставлен на такую почву.

Как форсировать переговоры с союзниками? Чем? Поставить им ультиматум, говорят иногда. Ультиматум: в такой-то срок соглашайтесь с нашими целями войны, или... Что — или?

Ультиматум есть вещь в международных отношениях совершенно определенная. Царю Никите Черногорскому был дан ультиматум: очищайте Скутари! [43] Блокада, десант, — и Скутари очищено от Никиты. Это я понимаю, это ультиматум в настоящем смысле этого слова. Но наш ультиматум, ультиматум нашим союзникам, что он может дать?

Говорят так: а вот что он даст, — они ответят либо категорически «да», либо категорически «нет», а если они скажут «нет», это будет иметь агитационное воздействие для пролетариата этих стран.

Но, товарищи, если они ответят не простым «да» или простым «нет», а, например, следующим простым путем они ответят: «с великими державами не разговаривают ультиматумами»? Если они так ответят и просто не примут никакого разговора?..

«Страшно», говорят нам. Не в том дело, что страшно, а в том дело, скажет ли нам спасибо рабочая демократия этих стран, скажет ли нам

спасибо независимая рабочая партия и британская социалистическая партия Англии? Легче ли ей будет вести войну с своими империалистами, или этот гордый ответ британского правительства правительству России поставит их в более трудное положение?

Тов. Луначарский, которому ничего не страшно, справился ли он у товарищей британской социалистической партии и у товарищей независимой рабочей партии Англии, желают ли они от них этой дружеской услуги — такой постановки ультиматума, или не справился? Справился ли он у французского меньшинства, облегчит или не облегчит в его стране его работу постановка нами ультиматума республиканской Франции? Справился ли он у итальянцев, будет ли им легче их борьба, их нахождение в меньшинстве с первого дня войны от постановки нами ультиматума Италии? Если он справился, — это другое дело. Я согласен, товарищи, пойдемте дорогой ультиматума, хотя бы всему миру, нейтральным, врагам, союзникам, — врагам тоже придется ставить ультиматум, — поставимте ультиматум всему миру, мы так сильны. Поставим им всем ультиматумы и ответим им тем, чем отвечают в случае неблагоприятного ответа на ультиматум. Но если он с ними справился, — почему он доселе не опубликовал этих ответов? А если он с ними не справился, то не лучше ли ему сначала съездить к ним, к социалистическому меньшинству Франции, Италии и Англии, посоветоваться слегка с ними, а потом уже приехать и рекомендовать нам. (Рукоплескания).

Товарищи, положение слишком серьезное, и я думаю, что доселе в сознание многих не вошло вполне, не прочувствовано все вполне, до какой степени сейчас всякое безответственное слово, всякий безответственный жест наш до какой степени сейчас может быть чреват гибельными последствиями, осложняющими, затрудняющими положение, которое и без того, товарищи, слишком сложно, слишком трудно. Было когда-то то время, когда слова и жесты наши могли оцениваться только по тому, как они звучат, я позволю себе сказать даже, как они звучат на митинге. Теперь, товарищи, мы больше не на митинге; теперь, товарищи, всякое наше слово и всякий наш жест имеют колоссальный отзвук в мировой истории: это — камень, брошенный в воду, от которого расходятся громадные круги, с тем различием от кругов водных, что они сглаживаются не так легко, они вкрапливаются и закрепляются навеки. Вот в чем разница, и вот почему, товарищи, здесь приходится сейчас нам действовать и взвешивать слова и деяния несколько иначе, чем раньше. Товарищи, совершенно ясно вместе с тем, что если мы хотим иметь, а мы хотим иметь, для новой России самостоятельную новую политику, такую политику, которая проложила бы себе дорогу на весь мир, не осталась бы только нашей политикой, товарищи, — совершенно ясно, что для того, чтобы проложить дорогу такой политике, мы должны иметь и сильную армию; и сильную армию не только для того, чтобы в тот момент, когда, потеряв всякую надежду на возможность сепаратного мира с российской революцией, изменится тактика Гинденбурга по отношению к России, тактика Леопольда Баварского по отношению к России, — того самого Леопольда Баварского, который в радио-телеграмме доходит до цитат из обращения солдатских депутатов, — когда изменится эта тактика, а может быть, даже не дожидаясь, когда там заблагорассудят изменить ее, а когда нам заблагорассудится изменить, потому что нам не обязательно ждать борьбы, ждать решительных ударов там, где противнику выгоднее, не обязательно быть в этом отношении пассивными; так я говорю, что не только для этого России нужна сильная армия: она нужна и для того, чтобы слово новой России имело большой, полный, полновесный удельный вес во всем между-

народном политическом обороте, чтобы оно имело больший вес в глазах наших врагов, в глазах нейтральных, в глазах союзников, ибо, товарищи, если [не] мы будем с успехом проводить свою международную политику по отношению к союзным правительствам, в этом случае [1]) эти правительства могут смотреть на нас во всем этом великом мировом конфликте, как на нуль, с которым можно не считаться, как на величину разлагающуюся, распадающуюся в процессе хмельного революционного угара и пошедшую по линии розничного революционного метода во всех областях жизни. Если бы по дороге такого розничного распада и разложения пошла бы революция российской истории, если бы так определились судьбы русской революции, то международное значение, значение тех новых принципов, которые мы провозгласили в области отношений между отдельными странами, было бы совершенно кончено. Вот почему, товарищи, я говорю, что если мы взвесим все положение, для нас станет совершенно ясно, что из двух путей, которые перед нами лежат, — путь перехода к организованной творческой работе, созидательной работе и путь толкания революции по явочно-захватно-сепаратно-розничному пути действия,—между этими двумя дорогами должен быть сделан решительный определенный выбор [2]): Россия слишком долго шла стихийными порывами по второй дороге; так долго шла, что если бы она еще пошла слишком долго, русская революция уподобилась бы тому поезду, который идет по насыпи, на которой начинают происходить зловещие оползни. Разве не было недавно такого положения, когда мы все начали чувствовать, начали сознавать, даже те, которым инерция безответственного митингового способа действия не давала времени вдуматься в ситуацию, разве не начали чувствовать, что русская революция начинает съезжать вниз по какому-то зловещему оползню разрухи? Товарищи, вся история с начала воздержания от участия в правительстве, затем создания коалиционного Временного Правительства была историей вот этой тревожной мысли. Мы почувствовали эти оползни. Мы почувствовали, что нужно, пока не было поздно, на известном пункте организованным силам демократии встать твердо, вкопавши ноги в землю для того, чтобы поддержать этот скатывающийся и в бок и вниз тяжелый грузовик русской революции. Вот, что случилось, товарищи, и это тревожное положение доселе продолжается на почве этой разрухи. Мы только ее усилили бы [3]), только толкнули бы вперед, если бы пошли по розничному методу.

Мы уже видим во всех этих республиках, начиная от таких, как кронштадтская, и кончая переходом к кирсановской, даже к переяславльской, [4]), мы видели, что нам здесь грозит собирание сил революции. Вот что сделалось совершенно необходимым. Но нам здесь говорят: да, собирание сил революции, но зато и исключение всех сил, не относящихся к социализму. Нам здесь был развит вчера стройный план классовой власти, начинающийся сверху: вот вам Совет Рабочих и Солдатских Депутатов и присоединившихся к нему Крестьянских Депутатов, и по этому же принципу нисхождения централистической революционной власти до мест, до таких же классовых советов, — полное выключение всего, не относящегося к Совету Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов, полное выключение, последовательное выключение из политической жизни. Ценз на-выворот. Раньше нас цензовая Россия исключала из власти; теперь мы цензовую Россию исключаем из власти, и когда оказалось, что Родзянко желает собрать думцев, то один из товарищей ударил в набат: вот опасность, вот

---

[1]) В подлиннике: «в том случае, если». — [2]) В подлиннике: «вывод». — [3]) В подлиннике: «усилиями». — [4]) В подлиннике: «екатеринославский».

грозная опасность! Товарищи, эта грозная опасность недавно была перед нами в четверном виде: были собраны все четыре Думы, было то собрание, которое в печати окрестили заседанием четырех покойниц, ибо, действительно, товарищи, от большинства этого четверного собрания слишком разило покойницкой. Вот кого, товарищи, мы испугались в данный момент, вот в чем мы видим истинное разложение, — исключение их из участия в общественной власти в центре и на местах. Исключение ее из участия в самоуправлении. Ценз на-выворот; да здравствует новый ценз, рабочий ценз, — да почему не пролетарский, почему миновать крестьянский, доколе будут его миновать и все ли будут миновать? У меня, товарищи, в этом отношении сердце не совсем спокойно, ибо уж сегодня раздаются голоса о том, что здесь есть вредная тенденция: слияние рабочих, солдатских и крестьянских депутатов в явно не классовую, в явно противоклассовую смешанную, пеструю, винегретную организацию, и если исключение цензовой буржуазии есть только начало, а дальнейшая...[1]) дальнейшая сепарация будет следующим словом, то к чему, собственно, мы должны притти и к чему мы идем? По пути великой французской революции, о которой говорил тов. Ленин? Да, есть путь великой французской революции, путь постепенного и неуклонного и непреклонного суживания того базиса, на который опирается новая революционная власть, и такого суживания, пока последний жирондист не будет казнен последним монтаньяром, социалистическим якобинцем. Я боюсь: не слышали ли мы вчера некоторого последнего жирондиста и некоторого последнего монтаньяра, после чего, товарищи, действительно, только одного нехватало бы: генерала на белой лошади.

Товарищи, мне совершенно ясно, что здесь нам предлагается путь, на который вступить было бы, в смысле уроков прошлого, не только неприемлемо, но и преступно. Неужели не ясно, что тот путь, который в этом отношении нам предлагается, не есть путь силы, спокойной и уверенной силы, силы, имеющей право быть спокойной, ибо она знает, что она растет с каждым днем, ибо она знает, что она не муха-поденка, что для нее не стоит вопрос так: теперь или никогда, все или ничего, но стоит вопрос иначе: она может итти поступательным ходом, делая каждый новый шаг, утвердившись на предыдущем?

Вот тот путь, которым доселе шла российская революция, и этим путем она шла от успеха к успеху, от победы к победе, и этот путь оставлять для какого пути? — для пути азартного игрока, ставящего сразу все на одну карту, суживающего и суживающего базу, на которую опирается революция, под флагом того, что никакая партия и никакая фракция не в праве отказаться от борьбы за власть и от того, чтобы в любой момент вступить одной во власть и дать одной всех людей на все то дело, которое предстоит в огромной, колоссальной России, потрясаемой колоссальной разрухой и окруженной колоссальным огненным кольцом войны и, кроме того, поставленной в затруднение отставанием хода держав союзных и враждующих с нами, отставанием демократического подъема в этих странах? Нам предлагают, чтобы здесь мы одним каким-то сверх-жестом ультимативным, по отношению ко всем капиталистам — путем их ареста, по отношению к народам — путем предъявления им ультиматума немедленного прекращения войны, а также партиям — о немедленном мире международном и немедленной войне с правительствами, и вот эти ультиматумы ультиматумам и ультиматумы в ультиматумах, этот путь, да еще подкрепленный разрозненными ультиматумами явочного порядка отдельным госу-

---

[1]) Одно слово не разобрано.

дарствам, отдельным национальностям, которые или должны подчиниться революционной централизации, или совершенно отделиться от России, чтобы у себя вводить такую стройную, определенную, неуклонную, до самых низов идущую централизацию, — товарищи, когда я подумаю обо всей этой грандиозной картине, которую нам рисуют, то для меня совершенно ясно, что это — игра ва-банк и что игра ва-банк безнадежная, и авторы этих проектов, игры ва-банк сами это чувствуют, когда они говорят в своих статьях или своих речах, что, может быть, мы на этом погибнем, но зато мы оставим миру великий пример. Великий пример чего? — игры ва-банк, азартной игры. Азартная игра и готовность поставить все на одну карту, — таких примеров, правда, в мелком масштабе, в игре карточной, мы имеем слишком много, но поднять этот мелкий пример и раздуть его в грандиозный исторический пример, да еще в ту эпоху, которую мы переживаем, да еще в России, которая как раз находится в таком проклятом положении самой отсталой экономически страны, которой приходится играть роль политического и революционного авангарда по отношению к странам, медленно поспевающим, но гораздо более сильным, и менее их способной выдерживать напряженное выжидательное положение, — не ясно ли, что это — путь к роковому срыву, к гибели всего; как это не ясно созидателям этих проектов, товарищи, я долго старался это понять и понять я не мог. (Рукоплескания.)

Товарищи, от этих проектов, от этих прожектов перейдем к действительности, к тому, что мы можем за снами проглядеть, а в действительности, товарищи, сейчас будут происходить, и они уже начинают происходить, настоящие, истинные творческие процессы. Товарищи, когда нам говорят обо всех этих проектах и о цензе на-выворот, у нас как будто даже забывают о том, что нас отделяет каких-нибудь четыре месяца, максимум пять месяцев от открытия Учредительного Собрания, что из этих пяти-четырех месяцев первые два месяца будут еще заняты, должны быть заняты предварительным экзаменом всего населения, созданием на местах учреждений органического народовластия. Тов. Ленин не заметил, что мы делали, но, между прочим, по вступлении в министерство мы гнали, гнали и гнали совместно с прежними представителями министерства, которые нам не препятствовали, а, наоборот, шли нам навстречу, мы гнали окончание законоположения о земствах, начиная с самого близкого к народу, с волостного земства, и переходя к уездному и губернскому земствам, и вместе с этими земствами будет итти создание на местах местных земельных комитетов, волостных, уездных и губернских органов, в руки которых поступает вся подготовка к великой земельной реформе.

Товарищи, у нас сейчас, поскольку мы будем говорить о создании земства, великий экзамен народа, переэкзаменовка будет при выборах в Учредительное Собрание. Вот когда испытание, основное испытание, предстоит русскому народу; вот когда мы увидим прообраз того, что совершится при выборах в Учредительное Собрание, в руках которого будут все судьбы страны, непререкаемо, и мы этого не видим, а вместо этого задаемся проектом ценза на-выворот и проведением его сверху донизу по всей России.

Прежде всего надо пойти в народ, и провести его через это испытание, через этот великий экзамен, первый политический экзамен, чтобы он его выдержал, ибо — [что], если он его не выдержит? А я боюсь, что он его не сможет выдержать.

Это раз, а второе, товарищи, это вот что. У нас не только предстоит колоссальная по своим размерам, по своему объему и по своей глу-

бине земельная реформа, небывалая по объему, небывалая по заданиям земельная реформа, — у нас предстоит земельная реформа, небывалая еще и по методам ее осуществления и ее подготовки, ибо она будет подготовлена не разработкой в канцеляриях, а она будет подготовлена разработкой в земельных комитетах, идущих снизу на выборном начале и соприкасающихся с Советами Кр. Д., также органически вырастающими для классовой организации трудового крестьянства.

Вот что подготовляется у нас, вот какой великий подготовительный процесс будет итти у нас, вот что мы движем, вот на что должны быть обращены сейчас все силы, — на создание органического народовластия, подготовляющего создание общего органа народовластия — Учредительного Собрания, на подготовление на местах, сначала на местах, приступить к земельной реформе, совершающейся не захватом, не натиском, не наскоком в каждом отдельном месте, не отдельным, даже, скажем, магическим словом организованных групп, а в общенациональных размерах, на общегосударственных и правовых основаниях, к земельной реформе, которая осуществится работой на местах, учетом на местах всего, всех ресурсов, всех богатств, рабочих рук, находящихся на земле, занятых в земледелии, недозанятых в земледелии, — вот та громадная органическая, созидающая, творческая работа, которая будет в Учредительном Собрании, вот где сейчас бьющийся пульс истории русской жизни, вот в чем будет углубление российской революции, а не в новых потрясениях, не в новых революциях, не в отдельных захватах власти кем-то, кто боится, что в Учредительном Собрании народ ему не даст власти, что в местных самоуправлениях, демократически организованных, народ ему не даст власти, кто до этого спешит как-то толкнуть революцию по дороге сужений, сужений и сужений того кружка, тех сил, потом тех групп, потом тех, может быть, лиц, которые все задержат в своих руках. Кто на этом только может основываться, кто так может поставить вопрос, что только теперь или никогда, — только тот может не видеть этого бьющегося пульса истории, этого углубленного процесса, в котором идет созидание новой России. Тот должен итти на азартную игру, в которой он проиграется, если сумеет ее повести, но которую Россия никому сейчас не даст вести, потому что трудовая Россия сейчас сама охвачена этим великим организационным, творческим, углубленным процессом, потому что она, двигаясь в этом процессе, с каждым днем все более и более сознает свою демократическую подлинную силу, потому что в сознании этой силы не хочет, не может и не пойдет на какую-то азартную игру и на срывы решений, а пойдет все тем же путем, который ее вел от успеха к успеху, от победы к победе, а не тем путем, который может привести только снова и снова к разбитому корыту.

Вот что известно трудовой России, вот что известно ей и из прошлого горького и из нынешнего счастливого опыта. Она нашла свой путь, и с этого пути ее не столкнет никто, никто не в силах, никто не может и никто даже не посмеет реально, а посмеет лишь словесно, а эти слова прозвучат, как медь звенящая, как кимвал бряцающий, ибо жизнь сильнее слов: жизнь дала могучий порыв в совершенно определенную сторону, жизнь нашла, жизнь все более и более углубляет свое истинное, подлинное русло, по которому она идет, со всей силой многоводности, и увлечь на раздробление, на разрознение сил, на истощение их в этом разрознении, она, товарищи, — это всем нам ясно, — никому не даст, ибо только в этом залог победы, а в понимании того, что это залог победы, в понимании этого, товарищи, — надежная основа для нашей уже не веры, уже не слепой веры, а уверенности, основанной на уверенности в том, что на этот раз, несмотря на все труд-

ности, от российской революции окончательная и упроченная победа не уйдет. (Рукоплескания.)

МАРТОВ [1]) (Рукоплескания). Товарищи, когда я вчера слушал речь тов. Керенского и сегодня речь тов. Чернова с их упоминанием великой французской революции, я невольно сказал себе, что знание истории, повидимому, не самое сильное место в обновленном кабинете. (Шум.)

Меня удивило это признание, — заявление министров-социалистов о том, что нам нужно в нынешнем положении уберечься примеров великой французской революции, единственной из известных. Я повторяю, меня удивило это предостережение российской революции не следовать примеру революции французской, единственной известной нам буржуазной революции, которая, после всех перипетий, после всех зигзагов назад, оставила человечеству и своей стране великое наследие.

Я удивлялся, когда слышал, что сводят всю сущность французской революции к тому, что она смелостью задач, которые она себе ставила, и широким размахом классовой борьбы внутри революционной армии того времени, что она, как сказал тов. Чернов, постепенно суживала базис, на котором она стояла, и в результате попала в объятия военного диктатора.

Я не буду анализировать этих ссылок, — я только укажу одно, товарищи: сила великой французской революции до тех пор, пока она исчерпала все положительное, что ей суждено было совершить, до тех пор, пока она расчистила почву для дальнейшего развития демократического общества, сила ее заключалась и проявлялась в том, что когда народные трибуны являлись в свои советы, в свои клубы, в свои конвенты, они, пока революция шла наверх, они являлись туда для того, чтобы, прежде всего, обличать перед народом все опасности справа, еще не раздавленные, а не для того, чтобы целиком концентрировать внимание народа на недоверии к тем или другим проявлениям слева, которые могут не итти в ногу с революцией. (Рукоплескания.)

Я невольно беспокоюсь о том, если пафос, если сущность мелкобуржуазной демократической революции, которая сейчас господствует в России, выражена в тех речах, которые говорят, что революции мешают только сепаратистические, анархические и центробежные и прочие тенденции; если в этом пафос революции, то она уже кончена, товарищи! (Рукоплескания.)

Не все в исторических справках тов. Керенского, товарищи, было неверно.

Когда он говорил о том, что это не Маркс придумал социальные противоречия, социальные задачи разрешать таким простым способом, такими простыми средствами, как арест 15 капиталистов, он был прав.

Он верно помнит, — это не Маркс, это А. Н. Хвостов в 4-й Думе предлагал таким образом разрешать некоторые проблемы. [44] Но он совершенно неправ, когда говорит, что в понимание марксизма меры насилия по отношению к классовому противнику не входят; он неправ, и тов. Луначарский ему на это ответил.

Он был бы прав, если бы сказал, что марксизм, как политическое направление, а не только как теория... (Шум, возгласы с мест.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Товарищи, не говорите с мест, вы отлично знаете, что с мест говорить нельзя. Прошу порядка не нарушать и быть потише,

---

[1]) Речь Мартова печатается по тексту д. № 4; в д. № 62 имеется тот же текст с редакционными купюрами и поправками Ф. И. Дана; последние оговариваются нами в дальнейших примечаниях без ссылки на дело.

потому что у оратора нет такого голоса, чтобы его свободно было слышно на конце зала.

МАРТОВ. Товарищи, тов. Керенский был бы вполне прав, говорю я, если бы он сказал, что марксизм, как политическое направление, а не только как теория, отвергает применение насилия по отношению к друзьям революции и не отвергает применение насилия по отношению к контр-революционным элементам. В этой связи, конечно, его вопрос о «держимордах» или «социалистах» был бы вполне уместен, например, если бы он нам прочел документ, который я сейчас прочту, и свой вопрос поставил после этого.

Документ, гласящий: «Статья 129. Виновный в публичном призыве или в призыве в распространенных или публично выставляемых произведениях печати, в письме или изображениях: 1) к учинению тяжкого преступления, 2) к учинению насильственного деяния одной части населения против другой, 3) к неповиновению или противодействию закону, или обязательному постановлению, или законному распоряжению власти, наказуется заключением в исправительном доме на срок не свыше 3-х лет или заключением в крепости на срок не свыше 3-х лет». [45]

Если бы он нам сказал, что это не по-марксистски, мы бы охотно с ним согласились, хотя он не марксист; если бы он обличил тов. Ленина, что его подпись стоит под этим не марксистским произведением, мы бы ему аплодировали. К сожалению, не подпись тов. Ленина, а подпись министра юстиции Переверзева стоит под этим документом, опубликованным вчера и представляющем собой один из образцов того укрепления революции, о котором думают в настоящее время. (Рукоплескания.)

Тов. Керенский не марксист, но, изменяя слова поэта: «марксистом можешь ты не быть, но демократом быть обязан». (Рукоплескания.)

Через три месяца после того, как Милюков провозгласил и обещал, что он никогда не воспользуется военным временем, чтобы хоть в одном пункте отсрочить применение возвещенных в декларации первого министерства свобод, [46] если через три месяца нам говорят, что призыв в печатном произведении к неповиновению законному постановлению законной власти будет караться крепостью до трех лет, я прежде всего спрошу, но в каком положении находится эта законная власть, неповиновение которой карается таким образом?

Все вы, товарищи, приехавшие из провинции, знаете, что представителями законной власти по сейчас во многих местах являются комиссары реакционеры; я могу сообщить, да всем вам, вероятно, известно, что существует инструкция военного министра, что войска могут быть выводимы не иначе, как по постановлению губернского комиссара, а все вы знаете, а может быть, и не все знаете, что были случаи, когда солдаты отказывались выходить по распоряжению контр-революционного или заведомо октябристского комиссара. При таком положении, спрашиваю вас, будете ли вы голосовать за то, чтобы солдат, который отказался выйти по распоряжению какого-нибудь черносотенника или октябриста, поставленного в звание комиссара, чтобы этот солдат карался 3-летней крепостью?

В то время, как, по признанию самих министров, очистка персонала власти от контр-революционных или ненадежных элементов еще не совершилась, в это время в срочном порядке издается такой законопроект, — и это лучше всего говорит, насколько неблагополучна та позиция, которую заняло Временное Правительство по отношению к борющимся силам России.

В один момент здесь было указано, товарищи, министром на существование мнимой, не существующей Государственной Думы.

Тов. Скобелев успокоительно говорил: это мертвецы собираются, не бойтесь мертвецов. Да, товарищи, как собираются эти мертвецы, вы можете найти в том же номере газеты. Опубликована их резолюция, в которой говорится, — резолюция очень длинная, по существу она нас не может интересовать, но достаточно, если я скажу, что ее конец гласит: «Государственная Дума считает своим долгом обратиться к России и ко всем гражданам, в особенности ко всем войскам русской державы, напоминая им то-то, то-то и то-то».

Итак, товарищи, наши министры, наши представители в министерстве, замечающие очень много, и кирсановскую, и переяславскую республики, и сепаратистские акты там и здесь, они, подобно щедринскому прокурору с недреманным оком, не заметили, что под самым их носом совершается сепаратный акт,—существует Государственная Дума (рукоплескания), о которой вчера нам сказали, что она не существует, что это мертвецы.

Мертвецы собираются, они называют себя уже Государственной Думой, и они обращаются с призывом к русской армии и к русскому народу.

Нам говорят: не стоит о них беспокоиться, это — мертвецы. Товарищи, история знает много мертвецов, много тех мертвецов, которые в скором времени обнаруживались в роли вампиров. Как бы эти мертвецы в известный момент гражданской войны и в момент столкновения между общественными силами не встали бы в качестве уже существующего, организованного и формально не отмененного центра контр-революции, который к себе привлек бы все силы, которые могут быть шаткой политикой буржуазной демократии отброшены вправо.

И поэтому мы присоединяемся к требованию, формулированному здесь Луначарским, что правительство наше обязано немедленно легализовать эту отмену, эту смерть Г. Думы, что оно обязано этим актом прежде всего подтвердить, что Учредительное Собрание есть не красивая сказка, о которой говорится, как о каком-то далеком, безбрежно далеком моменте революции, а что это есть ближайший политический акт Временного Правительства, и именно потому, что это есть уже реальность, независимая от того, в каком положении находится работа в той или другой комиссии, именно поэтому не может существовать учреждение, основанное на государственном акте 3 июня и игравшее, несмотря на последние дни перед революцией, игравшее заведомо контр-революционную роль. Это должно быть сделано, и то, что это не сделано, это, конечно, не случайность.

Когда нам говорят: помилуйте, с финансами и экономическими реформами мы не двигались вперед потому, что это дело сложное, оно разрабатывается, обсуждается, на все нужно время. Я говорю, — если самое минимальное не сделано в области финансовых и социальных реформ, если не приступлено даже к подготовительным шагам, не в области законодательной подготовки, а в области политических действий, чтобы сделать возможным реальный контроль государства над производством, делать возможным принудительное распределение производительных сил, если все это остается в стадии проектов, эта медлительность не может быть объяснена случайностью, и случай с Г. Думой достаточно ясно говорит, в чем дело: если не могли решиться наложить руку на нее, то при таком положении не решатся наложить руку и на капитал в той мере, в какой это необходимо. (Рукоплескания.)

Тов. Чернов нам нарисовал обворожительный план того, как созывается Учредительное Собрание, почти такой же обворожительный, как план того, как Россия предъявит союзникам свои требования об ограничении целей войны, об исключении захватных целей.

Он говорил нам, что управление будет снизу, от земельных комитетов, от учреждений, от губернских земств, и в идеале — Учредительное Собрание, как объединяющее все это. Товарищи, 30 лет тому назад российское правительство создавало волостные учреждения, уездные, земские и т. д. Мы теперь уже не можем стоять на этой точке зрения. Нужно, чтобы мы получили орган, объединяющий всю программу революционных сил, дающий возможность планомерного постепенного воздействия на то правительство, которое будет стоять у власти. Мы должны заявить ясно и отчетливо, что дальнейшие оттяжки Учредительного Собрания должны прекратиться.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Товарищей, желающих, чтобы тов. Мартов продолжал, прошу поднять руку. Прошу опустить. Слово принадлежит тов. Мартову.

МАРТОВ. В области внешней политики: мы слышали объяснения товарищей министров; тов. Чернов нам осветил эти объяснения, свел воедино, и получилась картина такая: Россия собственными силами и русская революция собственными силами не может разрубить Гордиев узел империалистической войны. Поэтому товарищ министр полагает, что задача должна заключаться в том, чтобы подготовить общественное мнение европейской демократии, союзной демократии, подготовить, между прочим, к социалистической конференции, которая будет созвана, — предложить пересмотреть военные цели четверного согласия, стремление российской революции к отказу от аннексий и контрибуций, которое было заявлено торжественно неделю назад Временным Правительством [1]).

Казалось бы естественным, акт, вытекающий из союзных дипломатических сношений между Россией, Англией, Францией и т. д., заключается в том, что российское правительство предлагает немедленно пересмотреть вопрос об общих целях союза, ибо после того, как решено, что российский солдат не может проливать свою кровь ни за Константинополь, ни за Персию и т. д., ни даже за воссоединение украин российских с галицийскими [2]), — вполне законно поставить вопрос: будет ли он проливать кровь за воссоединение [3]) французской Лотарингии? [4]) Это был бы вопрос, поставленный вполне законно, и было бы вполне законно немедленно его выяснить.

Товарищи министры говорят: этим путем правительство итти не может, и нота, третьего дня оглашенная, говорит, что когда будут условия благоприятные, нужно будет созвать союзную конференцию. На это тотчас же Милюков в той же Думе дал ответ, что так как мы доказали, что условия весьма неблагоприятны для пересмотра договора, — это откладывается в дальний ящик.

До сих пор дело конференции союзной не подвинулось. Но совершился другой факт, о котором имели мы суждение третьего дня — высылка Роберта Гримма. С одной стороны, воздействие на союзников (дипломатическое), пока будет подготовлено общественное мнение демократии, а с другой стороны, делаются шаги в тех интересах, чтобы не раздразнить дипломатию, и вся политика, вытекающая из коалиционного характера министерства, сводится к выступлению представителей революционной силы, каким является Совет, и во имя того, что наши представители сидят в правительстве, имеют средства вести переговоры от правительства к правительству, — нас просят не шевелиться и не действовать самостоятельно.

---

[1]) Исправлено: «... подготовить, между прочим социалистической конференцией и, основываясь на этой мирной конференции предложить пересмотреть военные цели четверного согласия, стремление российской революции к отказу от аннексий и контрибуций, который был заявлен торжественно Временным Правительством». [2]) Исправлено: «Украины российской и галицийской». [3]) В подлиннике далее следует: «за взаимоотношение». [4]) Исправлено: «Франции и Лотарингии».

Я скажу прямо: если бы сейчас в правительстве не сидели наши товарищи, а был бы тот же самый Милюков, и если бы русская революция поднесла тот же ответ союзникам, который был намечен неделю назад, то ваше различие и различие народное было бы настолько усилено, что тов. Милюков написал бы ответ яснее и отчетливее, чем он написал [1]). (Аплодисменты.)

Что бы вы ни думали принципиально о правильности или неправильности коалиционного министерства, вы должны признать факт, что мы не подвинулись ни на шаг в дипломатической области. Для революционной демократии, союзной и европейской, важно, чтобы положение выяснилось, чтобы был дан ответ, как обстоит дело с пересмотром, как далеко союзники согласны пойти [2]).

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Товарищи! Когда я спросил тов. Мартова, сколько ему предоставить времени, он не нашел возможным дать ответ; из присутствующих никто не указал на время. Таким образом, я дал ему слово. Есть заявление, чтобы ограничить время тов. Мартова.

ГОЛОСА: Почему Чернова не ограничили?.. Просим продолжать.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Тов. Мартов желает говорить еще 10 минут. (Голоса. «Просим».)

МАРТОВ. Я по необходимости сокращу все дальнейшее и перейду к общим выводам. О внешней политике: здесь нерешительность, и эта нерешительность объясняется просто. Тов. Чернов говорит: мы не можем ставить ультиматума великим державам, они не примут его. Я об ультиматуме не говорю; я согласен, что его нужно ставить с умом и знать, когда ставить, но я не понимаю той политики, которая ставит ультиматум угнетенной Греции, потому что она маленькая и угнетенная (аплодисменты)... и отвечает русская демократия: великим союзникам ультиматумов не ставить; [3]) ультиматум Греции опубликован от имени Франции, Англии и России...

ЦЕРЕТЕЛИ. Россия против этого протестовала...

МАРТОВ. Я не читал этого протеста; я охотно допускаю, — не только из доверия к словам тов. Церетели, но и по положению дела, — допускаю, что Россия отгородится от этого акта, но что ее именем могут злоупотреблять. Это односторонняя точка зрения — сказать, что мы не ставим ультиматумов великим державам союзников, потому что мы слабы, и я заявляю, что революция еще не побеждена контр-революцией, чтобы быть слабой.

Мы никому не ставим ультиматумов, а мы не должны допускать, чтобы нам ставились ультиматумы, чтобы через голову правительства русской революции ставились ультиматумы. Тов. Церетели говорил: в своей деятельности мы знаем единый предел, когда может быть разрыв дипломатических сношений с союзниками, никто не должен стремиться к этому; мы — партия мира; если мы боремся против одной войны, то не для того чтобы навлекать другую войну; грань, которую мы себе очертили, это есть та, с которой захотят порвать отношения, — а я спрашиваю, как широко порвать? [4]) Был момент, когда от нас требовали только сохранения конституционной монар-

---

[1]) Исправлено: «Я скажу прямо: если бы сейчас в правительстве не сидели наши товарищи, а был бы тот же самый Милюков, и если бы русской революции поднесли тот ответ союзников, который был опубликован неделю назад, то ваше возмущение и возмущение народное бы бы настолько сильно, что тов. Милюков написал бы ответ яснее и отчетливее, чем написал Терещенко». — [2]) Далее в подлиннике следует зачеркнутое: «в смысле выражения общей революции». — [3]) Исправлено: «... и отвечает, что русская дипломатия великим союзникам ультиматумов не ставит. — [4]) Исправлено: «грань..., на которой союзники захотят порвать отношения. А я спрашиваю: как широко это понимать?»

*

хии; может быть, завтра отношения добрых союзников потребуют обуздания революционных сил?

Русская революция должна самостоятельно стоять на ногах, в этом смысле подобные заявления не могут стать одним profession de foi, [1]) одним исповеданием веры, и если они предъявят силу оружия, — мы будем защищаться.

В этой области стоит вопрос [2]) о наступлении. Тов. Керенский пытался объяснить нам, что задача — наступление, что армия стоит долго без движения, деморализуется, как будто бы это спорт какой-то, самое наступление как будто бы для того, чтобы мускулы не стали дряблы. Дело не так обстоит. Кто читал русские газеты в европейском освещении, тот знает о гениальной работе тов. Керенского на фронте, имеющей самостоятельное значение, независимо от того, будет ли дело итти о наступлении, или обороне, или окончании войны, — эта организационная работа всегда одинаково полезна. До тех пор, пока [3]) цели войны не выяснены, — а вы слышали, что товарищ предпочитает сам отложить [4]) это выяснение до тех пор, пока состоится конференция, — а для того, чтобы она не состоялась, товарищи министры делают все возможное, когда [5]) говорят: подождите выяснения целей и до тех пор, [6]) можете ли вы дать благословение на это наступление? Ответ может быть только один: при условии такой невыясненности и двусмысленности — нет.

Я не имею возможности останавливаться на деталях. Я [7]) явился противником вступления в коалиционное министерство по соображениям принципиальным. В течение четырех недель пребывание социалистов в политике не принесло тех результатов, которых можно было бы ожидать. Оно не принесло не потому, чтобы они были плохие выразители вашей воли, а потому, что ваша воля была недостаточно ясно и отчетливо формулирована. В каждом политическом вопросе выступление представителей ваших [во] Временном Правительстве всеми Советами России не рассматривалось как то, что революция прекращена [8]), что наступила пора, когда правит правительство, отдавая только отчет перед планомерно действующими законодательными собраниями.

Нет [9]), ваша организация осталась тем, чем была, — революционной организацией власти народа, и демократии, и пролетариата. Мы еще не пришли к положению, когда вся власть в стране может быть сконцентрирована в руках революционного правительства; органы революционной демократии стоят [10]) рядом.

Задача этого Съезда — ясно и отчетливо сказать, чего мы требуем от правительства, — независимо от того, сидят ли в нем социалисты или нет, — в области вопросов финансовых, экономических и других и борьбы с контр-революционными поползновениями, и вопросов, связанных с борьбой за мир, — в этом духе мы, товарищи, от меньшевиков предложили резолюцию.

Я заявляю: если ошибки сделаны министрами, если еще бо̀льшие ошибки сделаны всей революционной демократией, если оставалась возмож-

---

[1]) Слова: «profession de foi» в подлиннике пропущены; исправлено по тексту д. № 62. [2]) Слова: «В этой области стоит вопрос» зачеркнуты, вписано: «теперь». [3]) Слова: «До тех пор, пока» зачеркнуты; вписано: «но». [4]) Исправлено: «т. т. министры предпочитают отложить». [5]) Слово: «когда» зачеркнуто; вписано: «И если нам». [6]) Слова: «до тех пор» зачеркнуты; вписано: «то». [7]) В подлиннике далее следует: «бы». [8]) Исправлено: «...выступления представителей ваших во Временном Правительстве всеми Советами России рассматривалось так, что революция прекращена». [9]) Слово: «нет» зачеркнуто; вписано: «Но нет!». [10]) Далее вписано: «с ним».

ность и время действовать так, чтобы революция не осталась жалким историческим выкидышем, чтобы она не задохнулась в тисках мирового империализма, чтобы эта бесконечно тянущаяся война не заглушила бы эту революцию в своих тисках, чтобы не задохнулась среди всеобщих тисков одичания и распада, развала, — для этого нужна большая вера в свои собственные силы и меньше склонности и стремления передоверять эту силу той или другой коллегии, как бы ни было законно личное политическое доверие к каждому из них.

Самодеятельность этих органов, несогласие, чтобы они являлись аппаратом, post factum [1]), — наоборот, как реальная инициатива [2]) для того, чтобы через те органы, которые представляют вас в правительстве, это правительство, как молот над собой, чувствовало бы тяжелую руку революционной демократии, говорящей [3]) ему: «или вперед, или прочь с дороги».

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Товарищи, у нас в три часа должен быть перерыв, но тов. Церетели просит слова сейчас же, для фактического разъяснения. (Голоса. «Просим»)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Кто желает дать слово тов. Церетели, прошу поднять руку.

ЦЕРЕТЕЛИ. Товарищи. Тов. Мартов, критикуя действия правительства, положил в основу своей критики два факта. Один из области внешней политики, другой из области политики внутренней. Оба эти факта, товарищи, неверны. Во-первых, тов. Мартов, сказал, что Россия, как это видно из газетных сообщений, присоединилась к тому насилию, которое учинено над Грецией.

Я заявляю, что Россия в лице министра иностранных дел с самого начала, когда это вторжение во внутренние дела Греции было проявлено, о котором говорил здесь тов. Мартов, протестовала, и на-днях будет опубликована декларация, в которой будет заявлено, что Россия снимает с себя за это ответственность, что она протестует против нарушения конституции Греции и нарушения прав на самоопределение Греции. (Аплодисменты.)

Я говорю об этом единичном факте. Что касается общей политики России в настоящий момент, то я в нескольких словах разъясню эту политику.

Теперь я коснусь другого факта, сообщения о законопроекте, разрабатываемом министром юстиции Переверзевым. Я говорю: на основании газетных сообщений нельзя ставить правительству в вину того или иного действия. Это газетное сообщение неверно. Когда министр юстиции разрабатывает законопроект, когда он за своей ответственностью внесет [его], и Временное Правительство так или иначе выскажется, — мы придем сюда, мы будем давать ответы, но нельзя на газетные слухи ссылаться для того, чтобы направлять удар против Временного Правительства. Опровержение будет, я заявляю, что оно будет официальное, но дело в том, что почему нет опровержения.

А я спрашиваю: почему нет опровержения на те обвинения против вас, что вы к сепаратному миру стремитесь? (Аплодисменты)...

[Голос] Кто смел эти обвинения поставить?

ЦЕРЕТЕЛИ. Здесь люди просто разучились понимать то, что говорят; я заявляю, товарищи, что, по крайней мере, это необходимо в данный момент учитывать то, что говорят.

---

[1]) Слова: «post factum» в подлиннике пропущены; исправлено по тексту д. № 62. [2]) Слова: «несогласие... как» зачеркнуты, далее вписано; «нужны». [3]) В подлиннике: «говорившей».

Я говорю: что так же неосновательным и позорным я считаю это обвинение, но вы не дали труда себе [его] опровергнуть.

Я заявляю, что и относительно действия правительства и относительно действий каждого из политических деятелей и каждой из политических партий появляются из одних и тех же источниках тысячи противоречивых, несоответствующих действительности слухов; нет возможности создать такое учреждение, которое изо дня в день проверяло бы все неверные слухи и их опровергало бы. Я здесь перед лицом Всероссийского Съезда заявляю, что это сообщение не исходит из министерства юстиции. (Голоса: «Этого достаточно».) Этого вполне достаточно.

Я даю это опровержение после того, как мне здесь сделали запрос. Я не понимаю, как можно поднимать шум в таком вопросе. (Аплодисменты.)

Мы хотим вести ответственность за наши шаги. Все то, что мы сделаем, будет появляться официально. Мы будем давать ответы по поводу наших действительных шагов. Но предъявляйте запросы по поводу этих шагов, а не по поводу тех слухов, о которых возникают недоразумения, что они исходят от правительства, а представитель правительства говорит, что этого нет. На этом и надо закончить.

Но я хотел бы сказать еще несколько слов. (Голоса: «Просим».) Я не могу оставить без разъяснений того, что здесь говорилось. Здесь говорилось то, что мы, министры-социалисты, по своей деятельности не хотим учитывать великих примеров французской революции.

Я остановлюсь на том, насколько могут быть перенесены уроки французской революции на русскую действительность настоящего времени.

Но известно ли тов. Мартову, который обвиняет Переверзева в намерении издать закон, карающий за призывы каторгой и т. д., известно ли ему, что французская революция за это противодействие расстреливала? (Аплодисменты.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Я дал слово, тов. Церетели, для фактического разъяснения, и я прошу это принять во внимание.

ЦЕРЕТЕЛИ. Я потому перешел к этому вопросу, что принято предоставлять слово в порядке разъяснения не только о фактической стороне, но и по политическим вопросам. (Голоса: «Просим».)

Я говорю, что мы учитываем примеры великой французской революции, но мы хотим перенимать оттуда не те ошибки и промахи, которые привели ее к гибели, а то положительное, что дала великая французская революция.

Когда здесь говорилось о том, что нельзя переносить этого общего урока великой французской революции к России, то имелось в виду не то всенародное объединение, которое действительно дало победу французской революции, а ту специфическую обстановку, в которой действовала революционная Франция, огнем и мечом неся другим народам свободу, и когда французская революция взялась за эту задачу, рухнула французская революция.

Мы говорим здесь: есть течение, — его представитель развивал здесь свои идеи,—что русская революция может продиктовать свои условия капиталистическому миру, и в тот момент, когда она продиктует эти условия, она станет мощной и сильной, она может силою оружия проводить эти идеи в мир. Мы говорим: если мы станем на этот путь, мы погубим русскую революцию вернее, чем погибла французская революция. Там условия диктовали ей сделать этот шаг, там она вынуждена была пойти по этому пути. Такой тяжелой задачи на нас не возлагается, мы не справимся

с ней, если силой русского оружия возьмемся бороться с мировым капитализмом.

Мы говорим, великая русская революция — наследница великой французской революции, наследница ее правильных шагов, но не ее ошибок, не заблуждений.

Здесь тов. Мартов говорил, что мы почему-то отсрочиваем конференцию; почему же мы ее не предлагаем созвать немедленно?

Он говорит, что надо прямо, резко поставить вопрос союзникам. При тех условиях, когда еще общественное мнение не подготовлено, — что же: мы поставим вопрос и получим отрицательный ответ, и должны будем разорвать; будет ясно, что мы должны будем разорвать.

Итак, мы должны ускорить конференцию, предъявить ультиматум, оказаться перед лицом отказа и разорвать.

Этого мы боимся, — необходимости оказаться лицом к лицу с сепаратным миром и последствиями, которые я обрисовал. Этого мы боимся.

Нас упрекали в том, что мы боимся, но мы говорим, что фактически сепаратный мир в настоящее время поставил бы Россию в безвыходное положение.

Я не знаю примеров такой революции, где были бы причины ничего не бояться.

Я в этом отношении согласен с Генрихом Гейне, который говорит: «дурак лишь не боится ничего».

ЗАСЕДАНИЕ 5 ИЮНЯ

(вечернее).

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (ЧХЕИДЗЕ). Объявляю заседание открытым. Я должен сделать, товарищи, внеочередное заявление от имени вашего президиума.

Час или полтора тому назад стало здесь известно, что анархисты захватили типографию газеты «Русская Воля». [47] Около этого здания, где помещается типография, собралась довольно значительная толпа. Как передают, туда ездил, между прочим, наш товарищ Анисимов от Исполнительного Комитета и сообщил, что эта масса довольно возбуждена и, повидимому, отнюдь не в пользу собравшихся там анархистов. Помимо того, к этому зданию, во избежание всяких недоразумений, главнокомандующим вызваны две роты войск. Президиум обсуждал этот вопрос и единогласно вынес резолюцию. Само собой разумеется, товарищи, что в президиуме есть представители от фракции. Так вот президиум обсудил этот вопрос и вынес резолюцию, выработанную единогласно и предлагает ее для апробации и для соглашения. Она сейчас будет оглашена. (Оглашает резолюцию.)

«Съезд категорически осуждает захват типографии Березина, произведенный группою лиц, называющих себя анархистами. Съезд предлагает этим лицам немедленно очистить дом и типографию».

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Позвольте, товарищи, вам сообщить, что президиум уже уполномочил двух своих членов, т.т. Каменева и Гоца, и тов. Анисимова, не входящего в президиум, но состоящего членом Исполнительного Комитета, делегировал их туда, чтобы они передали эту резолюцию, если вам угодно будет ее одобрить. Предлагаю ее на голосование. (Баллотировка.) Насколько я могу видеть, трое нашлось против. (Аплодисменты.) Прошу поднять руки тех, кто воздержался. Воздержалось 8. Таким образом, позвольте считать этот вопрос исчерпанным и перейти к порядку дня. Слово принадлежит тов. Брамсону.

БРАМСОН [1]). Товарищи! Сегодня с этой трибуны по адресу наших товарищей министров раздалось два упрека, на первый взгляд как бы противоречащих друг другу. С одной стороны, указывали, что наши товарищи министры, слишком поддаваясь [2]) голосу рассудка [3]), чересчур [4]) часто вспоминали опыт западно-европейской революции и слишком много [5]) руководились им в своих действиях. С другой стороны, слышался упрек, что, чрезмерно поддаваясь чувству [6]), они слишком много [7]) пафоса уделяют не

---

[1]) Речь Брамсона печатается по тексту д. № 5 с собственноручными поправками Брамсона, оговариваемыми нами в дальнейших подстрочных примечаниях; в д. № 63 текст речи Брамсона представляет собою сокращенную запись, по которой эта речь была опубликована в «Известиях» № 85 от 7 июня. — [2]) Первоначально: «поддавались». — [3]) Далее зачеркнуто: «и». — [4]) Слово: «чересчур» вписано над зачеркнутым: «слишком». — [5]) Слова: «и слишком много» вписаны. — [6]) Первоначально: «под влиянием чрезмерного чувства». — [7]) Далее зачеркнуто: «своего».

на борьбу со своими противниками там, в контр-революции справа, а с противниками здесь, в нашем кругу.

Я бы, на ряду с этими упреками, которых я не разделяю, поставил бы [1]) другой упрек: упрек [2]) в том, что министры [3]), являясь сюда, недостаточно уделяли внимания и времени тому, чтобы дать нам систематический отчет в том, что каждый из них по предметам своего ведения делал, какая предпринималась работа [4]) для того, чтобы поставить дело [5]) управления [6]) в духе, соответствующем нашим требованиям. (Аплодисменты.) Не только потому я им ставлю [7]) такой [8]) упрек, что это дало бы нам [9]) возможность более стройно и последовательно приступить к рассмотрению вопроса о нашем отношении [10]) к правительству: я поставил этот упрек еще [11]) потому, что такое изложение с их [12]) стороны дало бы самый красноречивый ответ на те два обвинения [13]), о которых [14]) я упомянул. Поскольку речь шла о том, что наши министры слишком много считаются с опытом Запада [15]) и с [16]) историей революции [17]), я их вполне понимаю [18]): если бы каждый из них последовательно рассказал здесь, на что уходит их [19]) главное внимание и большая часть их [19]) времени [20]), и когда они [21]) до поздней ночи сидят в совете министров, и когда они являются к нам в заседания [22]) Исполнительного Комитета [23]), все вы убедились бы, что или [24]) действительно тратится [25]) уйма энергии [25]), масса времени именно на то, чтобы предотвратить тот шквал роковых катастроф, который затопил не только французскую революцию XVIII века, но и целых три французских революции. Я думаю, что глубоко правы наши товарищи, если они [26]) на каждом шагу этот опыт ставят перед собой, как живое предостережение в их повседневной работе.

Если [27]) вспомнить, что те [28]) же Скобелев [29]), Церетелли и др. [30]) должны ездить по целым дням на митинги, в Кронштадт, должны заниматься вопросом о новых [31]) республиках, в роде кирсановской и царицынской и т. д., если подумать, какой [32]) это является непроизводительной тратой времени и энергии, то станет понятною [33]) необходимость [34]) таких [35]) действий, вызываемая [36]) печальным и горьким опытом, который они вынесли из знания хода [37]) революции на Западе [38]). Постольку, поскольку они держат этот опыт перед собою, я считаю, что они поступают вполне [39]) в духе заветов революции.

---

[1]) «бы» вписано. — [2]) Слово: «упрек» вписано. — [3]) Слово: «министры» вписано над зачеркнутым: «они». — [4]) Слова: «какая предпринималась работа» вписаны. — [5]) Слово: «дело» вписано. — [6]) Далее зачеркнуто: «основанное». — [7]) Первоначально: «поставлю». — [8]) Слово «такой» вписано над зачеркнутым: «этот». — [9]) Первоначально: «поставило бы нас в». — [10]) Первоначально: «вступить в область рассмотрения нашего отношения». — [11]) Слово: «еще» вписано. — [12]) Слова: «с их» вписаны над зачеркнутым: «со своей стороны». — [13]) Слово: «обвинения» вписано над зачеркнутым: «упрека». — [14]) Первоначально: «которые». — [15]) Слово: «Запада» вписано. — [16]) «с» вписано. — [17]) Далее зачеркнуто: «я не сомневаюсь, что». — [18]) Слова: «Я их вполне понимаю» вписаны. — [19]) Слово: «их» вписано. — [20]) Далее зачеркнуто: «наших товарищей министров, которые». — [21]) Слова: «и когда они» вписаны. — [22]) Первоначально: «заседание». — [23]) Далее зачеркнуто: «то я считаю и как член Исполнительного Комитета должен это сказать, что». — [24]) Слова: «все вы убедились бы, что ими» вписаны. — [25]) Далее зачеркнуто: «такая». — [26]) Слово: «они» вписано. — [27]) Первоначально: «Я считаю, что если». — [28]) Слово: «те» вписано над зачеркнутым: «тот». — [29]) Далее зачеркнуто: «и». — [30]) Слова: «и др.» вписаны. — [31]) Слова: «должны ... о новых» вписаны над зачеркнутым: «и говорить о разных». — [32]) Слова: «если подумать, какой» вписаны над зачеркнутым: «что». — [33]) Слова: «то станет понятною» вписаны. — [34]) Первоначально: «и необходимостью». — [35]) Слово: «таких» вписано. — [36]) Первоначально: «вызываемых». — [37]) Слово: «хода» вписано. — [38]) Слово: «на» вписано; первоначально: «Запада». — [39]) Слова: «поступают вполне» вписаны над зачеркнутым: «идут».

С другой стороны, если бы наши министры [1]) здесь рассказали последовательно, сколько еще больных мест [2]) в каждом ведомстве, сколько там [3]) еще есть остатков старого режима и контр-революции, мы бы знали, что всему [4]) этому уделяется много места в их работе, и [5]) вполне естественно, что об этой борьбе со старыми началами они не говорят с особым пафосом, а весь жар души отдают на то [6]), что может спасти революцию с другой стороны: от тех, которые считают себя друзьями революции. Здесь была приведена одним из ораторов [7]) справка, что во времена французской революции народные вожди являлись в свои клубы, в свои собрания, чтоб [8]) говорить не о том, что их ожидало от друзей слева, а чтобы поделиться мыслями и сведениями [9]) о том, что накопилось и что делается в гнездах контр-революции. Нет [10]), эта историческая справка неверна. Вспомните борьбу, связанную с именами [11]) Дантона, Камилла Демулена и Сен Жюста. Там вождям революции тоже [12]) пришлось бороться на два фронта: с косной провинциальной Францией и с [13]) неудержимым анархическим влечением одних и безотчетной демагогией других, и вы поймете, что товарищи наши должны держать в памяти уроки французской революции. Не для того же, товарищи [14]), пролита [15]) кровь [16]) наших [17]) народных борцов, чтобы эта кровь не послужила живым уроком [18]) для тех, кто сейчас стоит во главе российской революции. Именно [19]) исторические справки и указывают [20]) на то, что революционный опыт [21]) должен иметь свое предостерегающее [22]) значение. Когда нам [23]) говорят, что революционный пафос направляется больше всего по адресу [24]) тех, кто сейчас кладет нашей революции,—может быть, и невольно,—палки в колеса, то я скажу [25]), что этот пафос является [26]) вполне понятным [27]) и естественным [28]). Чего требуют от наших министров? Какие конкретные требования к ним предъявляют? Здесь вчера предлагали два практических мероприятия: одно — [29]) арестовать 50 или [30]) 100 фабрикантов, а другое [31]) — положить предел тем частным совещаниям, которые происходят в Таврическом дворце. Я не понимаю, какой же это выход? Я считаю, что это совсем [32]) не выход из создавшегося сейчас положения. Эти жалкие остатки 4-й Гос. Думы, которые собираются там и старческим брюзжанием хотят побороть могучее революционное движение, — они нам не страшны. Мы можем ей сказать —

---

[1]) Слова: «наши министры» вписаны над зачеркнутым: «они нам». — [2]) Слово: «мест» вписано над зачеркнутым: «заноз». — [3]) Слово: «там» вписано. — [4]) Слово: «всему» вписано. — [5]) Далее зачеркнуто: «что». — [6]) Слова: «что об этой борьбе... отдают на то» вписаны над зачеркнутым: «что они не приходят сюда говорить об этом деле со своим пафосом, но говорят здесь о том». — [7]) Слова: «одним из ораторов» вписаны. — [8]) Слово: «чтоб» вписано. — [9]) Слова: «поделиться мыслями и сведениями» вписаны над зачеркнутым: «говорить». — [10]) Далее зачеркнуто: «я считаю, что». — [11]) Слово: «именами» вписано над зачеркнутым: «временами». — [12]) Слова: «Там... тоже» вписано над незачеркнутым: «которым». — [13]) Слова: «и с» вписаны. — [14]) Первоначально: «не даром, господа». [15]) Слово: «пролита» вписано над зачеркнутым: «потрачено». — [16]) Первоначально «крови». — [17]) Слово: «наших» вписано. — [18]) Слово: «уроком» вписано над зачеркнутым: «укором». — [19]) Слово: «Именно» вписано над зачеркнутым: «Я говорю, что». — [20]) Первоначально: «историческая справка указывает». — [21]) Слово: «опыт» вписано над зачеркнутым: «пафос». — [22]) Слово: «предостерегающее» вписано над зачеркнутым: «место и свое». — [23]) Слово: «нам» вписано над зачеркнутым: «мне». — [24]) Слова: «направляется... по адресу» вписаны над зачеркнутым: «идет в сторону». — [25]) Слово: «скажу» вписано над зачеркнутым: «говорю». — [26]) Слово: «является» вписано. — [27]) Первоначально «понятен». — [28]) Слова: «и естественным» вписано над зачеркнутым: «и неизбежен». — [29]) Слова: «предлагали... мероприятия: одно — » вписаны над зачеркнутым: «говорили о том, что им нужно одно из двух: или». — [30]) Слово: «или» вписано вместо знака тире. — [31]) Первоначально: «другие» и далее зачеркнуто: «говорили, что нужно». — [32]) Слово: «совсем» вписано.

многим из этих [1]) ораторов [2]): руки прочь [3]), — эти люди сейчас не страшны [4]) русской революции. Всякое [5]) посягательство на свободу суждений [6]) нас не достойно. Не от нас могут исходить [7]) такие посягательства на свободу слова. Трудовая [8]) группа, к которой я принадлежу, с самых первых дней революции, всегда охраняла свободу печатного и устного слова, и [9]) я должен заявить от имени своей фракции, что бессмысленно, бесцельно и недостойно русской революции [10]) разгонять такие [11]) собрания, поскольку они носят [12]) характер частный, а не государственный. Это ниже достоинства революции. Но если говорить о юридическом существовании Госуд. Думы, как [13]) учреждения, то оно неминуемо идет к своей смерти. Как [14]) только [15]) закон об Учредительном Собрании будет [16]) готов, как только мы будем стоять перед созывом Учредительного Собрания, само собой разумеется, вопрос об упразднении Государственной Думы, как юридического органа, неминуем, ибо несомненно, что [17]) господская Дума, Дума 3 июня, сейчас, среди существующих организаций, среди всего обновляющегося строя страны существовать не может, и ей нет в нем места [18]).

Нечего нам создавать себе образ мнимой [19]) опасности [20]) и подчеркивать силу [21]) того, в чем ничего, кроме привередливой критики и досады [22]) нет, где настоящая сила народная не может таиться, и никогда ее там не было [23]).

Если говорят вообще о [24]) революционном пыле и пафосе [25]), то нужно перейти [26]) к другому вопросу, — к вопросу о том, что действительно сейчас составляет сущность наших революционных действий. Нужно себя спросить, какова должна быть ближайшая задача нашей революционной работы, и каков должен быть характер той революционной власти, у которой [27]) мы поставили наших товарищей министров-социалистов. Мы [28]) прежде всего должны [29]) сказать себе, что миновал [30]) тот первый период русской революции, когда, рискуя жизнью [31]), нужно было для немедленного захвата власти [32]) в свои руки решительное выступление [33]) против тех, кто тогда [34]) был страшен и опасен, когда всех их [35]) нужно было сажать под замок, с корнем [36]) вырывать, как плевелы, рассыпанные остатки старого режима [37]). Этот первый [38]) период прошел, и [39]) та готовность [40]) на жертвы, на кото-

---

[1]) Слова: «многим из этих» вписаны над зачеркнутым: «этим». — [2]) Первоначально: «ораторам». — [3]) Далее зачеркнуто: «потому что не». — [4]) Слова: «не страшны» вписаны над зачеркнутым: «чужны». — [5]) Первоначально: «Я считаю, что всякое». — [6]) Слово: «суждений» вписано. — [7]) Слово: «исходить» вписано над зачеркнутым: «итти». — [8]) Слово: «Трудовая» вписано над зачеркнутым: «Если наша». — [9]) «и» вписано над зачеркнутым: «то». — [10]) Далее зачеркнуто: «итти». — [11]) Слово: «такие» вписано над зачеркнутым: «эти». — [12]) Слова: «они носят» вписаны над зачеркнутым: «у них». — [13]) Слова: «существовании ... как» вписаны над зачеркнутым: «основании этого». — [14]) Первоначально: «ибо как». — [15]) Далее зачеркнуто: «будет». — [16]) Слово: «будет» вписано. — [17]) Слово: «что» вписано. — [18]) Слова: «ей нет в нем места» вписаны над зачеркнутым: «ее смерть неминуема». — [19]) Слова: «образ мнимой» вписаны. — [20]) Первоначально: «опасность». — [21]) Первоначально: «силой». — [22]) Слова: «привередливой ... досады» вписаны над зачеркнутым: «брюзжания». — [23]) Слова: «таиться ... не было» вписаны над зачеркнутым: «крыться и не крылась. — [24]) Слова: «вообще о» вписаны. — [25]) Первоначально: «с революционным пылом и пафосом». — [26]) Слово: «перейти» вписано над зачеркнутым: «подходить». — [27]) Слова: «у которой» вписаны над зачеркнутым: «в которой». — [28]) Слово: «Мы» вписано над зачеркнутым: «я». — [29]) Первоначально: «должен». — [30]) Слово: «миновал» вписано; первоначально: «прошел». — [31]) Слова: «рискуя жизнью» вписаны. — [32]) Слово: «власти» вписано. — [33]) Слова: «решительное выступление» вписаны над зачеркнутым: «власти немедленное обращение». — [34]) Слово: «тогда» вписано. — [35]) Слова: «когда всех их» вписаны над зачеркнутым: «которых». — [36]) Слова: «с корнем» вписаны над зачеркнутым: «которых». — [37]) Слова: «рассыпанные... режима» вписаны. — [38]) Слово: «первый» вписано. — [39]) «и» вписано над зачеркнутым: «потому что». — [40]) Первоначально: «способность».

рые всегда были способны русские революционеры [1]), уже проявилась, и [2]) вознаградились [3]) сторицей те десятилетия [4]) страданий и жертв, которые отдала русская революция на то, [5]) чтобы дойти до этого момента.

Затем наступил [6]) второй период, когда революция не была достаточно [7]) представлена во [8]) власти, а только [9]) диктовала [10]) определенный план. Это — тот период, который охарактеризован знаменитыми словами: «постольку-поскольку», т.-е. период, когда мы [11]) только [12]) воздействовали на то, чтобы власть поступала согласно указаниям, которые ей диктовали Советы Р. и С. Д. [13]) Это было [14]) тоже нечто привычное для нашего революционного обихода [15]). Но настал и [16]) третий период, когда стало ясно, что [17]) власть, состоявшая в большинстве не из наших людей, не могла справиться с стоявшей перед ней задачей. Уже на первом Всероссийском [18]) Совещании [19]) мне [20]) от имени трудовой группы пришлось [21]) настаивать на той [22]) идее [23]), — что необходимо создание коалиционного министерства и непосредственное вхождение нескольких социалистов [24]) в самую власть. Ныне [25]), когда эта идея, наконец [26]), получила осуществление [27]), наше отношение к революционной власти должно носить совершенно иной характер. Мы должны отделаться от той рабской психологии, от тех старых пережитков, что все идущее от власти [28]) рассматривается [29]), как нечто, исходящее от лукавого, как на нечто, вызывающее [30]) подозрения, сомнения и недоверие [31]). Товарищи, нет больше места таким понятиям и представлениям. Нельзя ни на одну минуту забывать, что [32]) наши люди, нами же [33]) намеченные, нами избранные, нами поставленные [34]), стоят теперь [35]) у власти, и то, что они делают, — доколе мы не лишили их нашего доверия, — это наше собственное дело. И тем лучше, спокойнее и увереннее [36]) они будут делать свою работу [37]), чем будет полнее та власть, которой мы их наделим [38]). Не может быть половинчатых [39]) полномочий [40]) у революционной власти. Мы не можем дать ни одного фора [41]), ни одного преимущества буржуазной [42]) власти

---

[1]) Далее зачеркнуто: «она». — [2]) Далее зачеркнуто: «мы». — [3]) Первоначально: «вознаградим». — [4]) Первоначально: «то десятилетие». — [5]) Слова: «на то» вписаны. — [6]) Слова: «Затем наступил» вписаны над зачеркнутым: «Настал». — [7]) Слово: «достаточно» вписано. — [8]) Первоначально: «поставлена у». — [9]) Слово: «только» вписано. — [10]) Первоначально: «продиктовала». — [11]) Далее зачеркнуто: «давили и контролировали власть, когда мы». — [12]) Слово: «только» вписано. — [13]) Слова: «Советы... Депутатов» вписаны над зачеркнутым: «вожди народных требований». — [14]) Слово: «было» вписано. — [15]) Далее зачеркнуто: «давить, требовать, заставлять угрозами, при несоблюдении этих требований, что будет что-то предпринято народом, что он сделает для того, чтобы настаивать на своем. Это — дело привычное для российских революционеров». — [16]) «и» вписано. — [17]) Слова: «когда... что» вписаны. — [18]) Слова: «людей... Всероссийским» вписаны над зачеркнутым: «после долгих наших атак и бамбардировок должна была податься, и мы сочли нужным и необходимым созвать Всероссийское». — [19]) Первоначально: «Совещание». — [20]) Слово: «мне» вписано. — [21]) Слово: «пришлось» вписано. — [22]) Слово: «той» вписано. — [23]) Далее зачеркнуто: «проводимой Исполнительным Комитетом, — и даже большинство должно было согласиться». — [24]) Слова: «несколько социалистов» вписаны. — [25]) Слово: «Ныне» вписано. — [26]) Слово: «наконец» вписано. — [27]) Далее зачеркнуто: «и настал момент, когда». — [28]) Далее зачеркнуто: «надо». — [29]) Первоначально: «рассматривать». — [30]) Слово: «вызывающее» вписано над зачеркнутым: «требующее». — [31]) Слова: «и недоверие» вписано над зачеркнутым: «и заподазривания». — [32]) Слова: «нельзя... забывать, что» вписаны. — [33]) «же» вписано. — [34]) Первоначально: «нами поставленные, нами избранные, нами намеченные». — [35]) Слово: «теперь» вписано. — [36]) Слова: «лучше, спокойнее и увереннее» вписаны над зачеркнутым: «легче, сильнее и полнее». — [37]) Слова: «свою работу» вписаны над зачеркнутым: «его». — [38]) Первоначально: «наделили ли». — [39]) Первоначально: «половинчатой». — [40]) Слово: «полномочий» вписано над зачеркнутым: «власти». — [41]) Слово: «фора» вписано над зачеркнутым: «хода». — [42]) Слово: «буржуазной» вписано над зачеркнутым: «старой».

Запада перед той правительственной [1]) властью, во главе которой [2]) находятся наши [3]) товарищи министры [4]).

Мы должны [5]) дать себе совершенно [6]) ясный отчет, по какому пути должна итти власть, находящаяся в руках наших товарищей. Это не значит, что мы даем им чистый [7]) бланк заранее на всякие действия [8]) и освобождаем их от всякой критики. Нет, мы хорошо [9]) знаем, что еще многое неладно в этом правительственном механизме. Ни для кого не секрет, что правительственный аппарат слабо действует потому, что каждую минуту можно [10]) ждать анархических вспышек, в роде той, о которой вы слышали сейчас; на каждом шагу идет та разлагающая критика, которая разрушает эту власть, и на каждом шагу приходится считаться с пережитками старого. [11]) Мы знаем, что во многих ведомствах [12]), в том числе и [13]) в тех, во главе которых стоят наши товарищи, еще не все сделано, чтобы подвинуть нас ближе [14]) к новому, лучшему строю [15]); мы знаем, что, например, в министерстве внутренних дел, и в центре, и на местах, многое еще не ладно, и что во многих районах [16]) местные органы министерства не идут в унисон с местными Советами Р. и С. Д. Доходят вести, что на глазах властей идет [17]) скупка земель иностранными [18]) акционерными предприятиями [19]). Старым духом веет [20]) в министерстве торговли и промышленности, в [21]) ведомстве государственного контроля. Все разочарованы работой и министерства народного просвещения, да и целого ряда других ведомств. [22]) Еще многое нужно сделать, чтобы расчистить эти авгиевы конюшни. Но критика наша должна быть направлена не [23]) к тому, чтобы мешать, а чтобы [24]) наши товарищи могли легче справиться с выпавшей на них [25]) задачей. И теперь, поскольку [26]) нужно применить власть, поскольку нужно облечь власть силой и авторитетом во всем объеме [27]), как это подобает революционной власти, мы [28]) должны содействовать этому за страх и за совесть от имени российской революции. Наша задача, — задача революционной демократии, — продолжать сплачиваться и организовывать свои силы, чтобы при помощи будущих объединенных органов, которые оставит после себя Съезд, чтобы при помощи [29]) всех наших организаций, рассеянных по земле русской, укрепить эту власть. Пора, давно пора [30]) создать в интересах революции [31]) твердую и сильную власть, какая [32]) одна в состоянии привести нашу страну к осуществлению наших

---

[1]) Слова: «той правительственной» вписаны над зачеркнутым: «нашей центральной». — [2]) Далее зачеркнуто: «и под влиянием которой». — [3]) Первоначально: «находится наш»; далее зачеркнуто неразобранное слово. — [4]) Слова: «товарищи министры» вписаны. — [5]) Первоначально: «Товарищи, я считаю, что мы в этом деле должны». — [6]) Слово: «совершенно» вписано. — [7]) Слово: «чистый» вписано. — [8]) Слова: «на всякие действия» вписаны. — [9]) Слово: «хорошо» вписано. — [10]) Первоначально: «может». — [11]) Далее зачеркнуто: «нет настоящей полноты этой власти». — [12]) Первоначально: «в каждом ведомстве, и». — [13]) «и» вписано. — [14]) Слово: «ближе» вписано. — [15]) Далее зачеркнуто: «мы должны много времени тратить на борьбу с анархией слева, потому что». — [16]) Слова: «во многих районах» вписаны. — [17]) Слова: «Доходят вести, что на глазах властей идет» вписаны вместо зачеркнутого: «По другим ведомствам идет еще». — [18]) Слово: «иностранными» вписано. — [19]) Далее зачеркнуто: «иностранными». — [20]) Слова: «старым духом веет» вписано над зачеркнутым: «не все еще улажено». — [21]) Первоначально: «и». — [22]) Слова: «Все разочарованы... других ведомств» вписаны. — [23]) «не» вписано. — [24]) Слова: «мешать, а чтобы» вписаны. — [25]) Слова: «выпавшей на них» вписаны над зачеркнутым: «этой». — [26]) Слова: «И теперь, поскольку» вписаны вместо зачеркнутого: «поскольку». — [27]) Слова: «силой и авторитетом во всем объеме» вписано над зачеркнутым: «в плоть и кровь, которая должна быть сильна». — [28]) Слово: «мы» вписано и далее зачеркнуто: «не». — [29]) Слова: «чтобы при помощи» вписаны. — [30]) Слова: «Пора, давно пора» вписаны над зачеркнутым: «в любое время дать возможность». — [31]) Слова: «в интересах революции» вписаны. — [32]) Слово: «какая» вписано над зачеркнутым: «которая».

тех идеалов, за которые мы всегда боролись [1]). Единственно такая власть может обеспечить [2]) нашей стране выход из [3]) печальной [4]) разрухи, принести [5]) торжество идеям социализма [6]), за которые идет теперь [7]) борьба. Если мы искренно хотим [8]) поддержать [9]) наших товарищей министров, облечем их доверием и дадим им всю без остатка [10]) полноту власти и не будем обрекать на беспомощность и бессилие [11]). (Аплодисменты).

МАЗУРИН. [12]) Товарищи, я начну свою речь с того, что я слышал здесь и что мне приходилось слышать в кулуарах, — это о воздыхании о твердой революционной власти. На ниве русской жизни это было уже. Мы слышали еще в дореволюционные периоды, когда тоже воздыхали о твердой [13]) власти. Теперь нам указывают, что армия дезорганизована, в стране разруха, в стране мелькают, как маленькие огоньки, всякие республики. И вот требуется твердая революционная власть для того, чтобы подавить эти республики, для того, чтобы уничтожить разруху, для того, чтобы восстановить организацию и боеспособность армии. Раньше нам указывали то же самое. Когда возникало какое-нибудь, где-нибудь общественное движение, когда где-нибудь на местах возникало революционное наступление рабочих и крестьян, то в дореволюционный период нам указывали, что это есть анархия; для того, чтобы подавить эту анархию, необходима та твердая власть, которая скрутит в бараний рог эту анархию (Аплодисменты.) Я ни на минуту не задумаюсь, что теперешние воздыхатели о твердой власти вполне искренни и не руководствуются теми соображениями и теми чувствами, какими руководствовались прежние воздыхатели о твердой власти. Но для меня представляется, что это не случайное совпадение, что в дореволюционный период все силы, с которыми нам приходилось вести самую напряженную борьбу, воздыхали [14]) о твердой власти, [а теперь силы], которые выброшены на поверхность революционной волной, тоже воздыхают о твердой власти. Но только с добавлением революционной власти. И вот, что же это? Я должен сказать, если в сознании людей является необходимость охранять старое или, в силу тех или иных причин, создавшееся новое, то неизбежно должна возникнуть мысль о том, чтобы была твердая сильная власть, чтобы задержать это старое и зафиксировать создавшееся новое. Вот это и сближает теперешних воздыхателей твердой революционной власти и прежних.

Я начну дальше с указаний с мест, что я знаю, когда я приехал из Красноярска. Давайте, товарищи, отнесемся совершенно спокойно к тем явлениям, которые охарактеризовывались здесь неоднократно, как явления чисто анархические. Я поведаю то, что происходит в Красноярске [48]. Я могу сказать почти категорически, что комиссары первого Временного Правительства заседают где-то в канцеляриях, что-то пишут. Когда кому бы то ни было из деревенских, кому бы то ни было из рабочих масс, кому бы то ни было из товарищей солдат, скажу даже больше, кому бы то ни было из представителей буржуазии понадобится вырешить окончательно какую-нибудь нужду или

---

[1]) Далее зачеркнуто: «и которые», и в слове: «единственно» строчная буква исправлена на прописную. — [2]) Слова: «такая ... обеспечить» вписаны над зачеркнутым»: «может дать счастье». — [3]) Слова: «выход из» вписаны над зачеркнутым: «находящейся в самом». — [4]) Первоначально: «печальном состоянии». — [5]) Слово: «принести» вписано. — [6]) Слова: «идеям социализма» вписаны вместо зачеркнутого: «и нашим идеям». — [7]) Слово: «теперь» вписано. — [8]) Слова: «Если мы искренно хотим» вписаны. — [9]) Первоначально: «Поддержим же». — [10]) Слова: «без остатка» вписаны. — [11]) Слова: «и не будем ... бессилие» вписаны. — [12]) Речь Мазурина печатается по тексту в д. № 5; в д. № 63 речь Мазурина представляет собою сокращенную запись, по которой эта речь была опубликована в «Известиях» № 85 от 7/VI; в «Известиях» речь Мазурина помещена после речи Пешехонова. — [13]) В подлиннике далее следует: «революционной». — [14]) В подлиннике: «воздыхателям».

какой-нибудь вопрос, то эти представители по преимуществу обращаются к нам в Исполнительный Комитет. Я полагаю, что это всюду, но я хотел продолжить дальше. В первые же дни революции, когда вы ставили вопрос о том, упорядочено ли продовольственное дело, упорядочена ли торговля, обеспечены ли необеспеченные слои населения всем тем, что им необходимо, что это является одной из первых задач революции, чтобы желудок не заговорил и не сказал бы, что вот старый порядок свергнут и новый настал, но он ничего нам не дает,—когда мы приглядывались к тому, что же делают старые продовольственные организации, тогда мы убеждались окончательно, что эти старые продовольственные организации попрежнему занимаются больше всего изведением бумаги и чернил, то перед нами возник вопрос, не следует ли нам, представителям революционной власти, выступить на сцену и разрешить те или иные вопросы, чтобы обеспечить тыл революции и сказать, что желудок никогда не заговорит так, что старый порядок сгнил и что новый порядок народился и тоже не дает. (Аплодисменты.) Мы, Исполнительные Комитеты, в мгновение ока нарядили специальных комиссаров, дали в их распоряжение соответствующее число войск и в один день учли все товары, расценили их в течение двух недель и поставили [1]) новую форму торговли. Я, как представитель союза торгово-промышленных служащих, могу констатировать, что в первую неделю нового порядка торговли представители торговцев пустили всяческие слухи о том, что они ликвидируют свою торговлю, что они оставят город Красноярск совершенно без всякого товара. Таким образом, перед нами опять во всей грозности стал вопрос о том, что мы одну меру приняли и что нам необходимо сделать что-то дальнейшее для того, чтобы население не осталось без товара. Но это продолжалось [2]) только в течение нескольких недель. Постепенно эта атмосфера угроз, что город останется без торговцев и без товара, рассеялась. Сами господа торговцы к нам обратились полуофициально, с доведением до нашего сведения о том, что они согласны торговать, если Исполнительный Комитет оставит за собою функции контроля над торговлей и если он будет способствовать торговцам в выписке товаров. Здесь, товарищи, сказывается полностью, до какой высоты авторитета дошел наш Совет Р. и С. Д., до какой высоты дошел авторитет его исполнительных органов. Буржуазия вынуждена была склониться, она никуда не могла деваться, она вынуждена была исполнить наше предписание.

Это одна сторона. Я могу много рассказать фактов, доходящих почти до курьезов. Когда сидишь с 9 до 3 час. дня в Исполнительном Комитете, то к вам обращаются абсолютно по всевозможным вопросам. Если, например, у крестьянина какой-нибудь волости нет семян на обсеменение, то крестьяне посылают делегацию к нам в Исполнительный Комитет и говорят: товарищи, у нас нет семян. Мы, конечно, принимаем соответствующие меры для того, чтобы эти семена были доставлены. Если в крестьянской семье, работник которой находится в данный момент в войсках, не хватает сельско-хозяйственных орудий или лошадей, та же самая делегация возвращается к нам в Красноярск и говорит: товарищи, у нас этого нет. Эти факты не курьезные. Крестьянство убеждается, что революционный орган в период революции является самым авторитетным органом. Оно это чувствует. Но я могу вам рассказать факты, от курьезности которых вы будете так же смеяться, как мы смеялись первое время. К нам приходят и просят произвести развод супруги. Ко мне, как к товарищу председателя Исполнительного Комитета, обратился один австрийский подданный

---

[1]) В подлиннике: «постановили». — [2]) В подлиннике: «возникало».

с жалобой, что один из красноярских батюшек отказался венчать его на русской подданной. И вот он просит Исполнительный Комитет дать предписание этому батюшке, чтобы он их обвенчал. Таких курьезов не мало. Я думаю, что это делается не только в Красноярске, но и всюду, где Совет Р. и С. Д. с первого момента своей деятельности сумел завоевать достаточный авторитет как в среде рабочих масс, так и в среде товарищей солдат. Если такой авторитет есть, то правильно, что всякие действия Совета всегда будут исполнены населением, если мы говорим.

Я могу рассказать вам следующее. У нас в рабочей секции возник вопрос о падении продуктивности работ в железнодорожных мастерских. Администрация мастерских довела до сведения Исполнительного Комитета об этом. Я, как один из членов рабочей секции, соответствующим образом довел об этом до сведения рабочей секции. Когда рабочая секция этот вопрос рассмотрела и осведомилась у самих рабочих, почему это происходит, и когда товарищи рабочие сказали нам, что это происходит отчасти от недостатка материала, но, к великому огорочению и к великой печали, отчасти это происходит от маникировки самих товарищей рабочих, то тут стоило нам вынести постановление о необходимости всемерно поддерживать сейчас производительность железнодорожных мастерских, как сейчас же сказался результат. Сама администрация довела до нашего сведения, что все обстоит благополучно.

Товарищи, является ли у нас анархия в Красноярске? Являемся ли мы красноярской республикой? Мне сегодня на заседании нашей эсеровской фракции сказали, что у нас в Красноярске почти республика. Но я вас спрошу: республика у нас или только авторитетный революционный орган? Я полагаю, что вы единогласно скажете, что это авторитетный революционный орган (Аплодисменты.)

Здесь выступали товарищи министры, которые указывали нам на всю трудность положения, в котором находится Россия, на всю почти невозможность выйти из этого положения. Мы, товарищи, на местах так же думали. Но если нет такого положения, из которого не было бы выхода, то мне кажется, что наша [задача] — как раз найти этот выход. Я, к сожалению своему, должен сказать, что нам товарищами министрами этот выход все-таки не указан. Я полагаю, что мы, представители революционной демократии, съехавшейся здесь, можем поставить вопрос несколько шире, чем отношение к Временному Правительству,—мы может поставить вопрос о том, как Съезд решит, будет ли Временное Правительство конструировано так, как оно сейчас конструировано, или, в зависимости от тех задач, какие стоят сейчас перед страной, в зависимости от тех условий, в каковых страна вынуждена решать эти задачи, может быть, мы скажем, что будет иначе организована исполнительная государственная власть. Следовательно, мы не можем даже высказываться об отношении к Временному Правительству, а должны говорить об организации такой государственной исполнительной власти, которая как раз выведет Россию из того тяжелого положения, в каком находится она по указанию самих товарищей министров-социалистов. Так вот, товарищи, тов. Церетели указал, что в борьбе за мир, принимая те или иные меры, они могут доходить только до определенного предела. Я, быть может, ошибусь и скажу, что, быть может, мы находимся в каком-то заколдованном кругу, что наш Петроградский Совет Р. и С. Д. делал воззвания к народам всего мира, и тем не менее мы все-таки еще не знаем и категорически не можем сказать, как к тому течению, какое уже вполне определилось в России среди ее революционной демократии, относится демократия Запада. Но ведь если мы не знаем, то мы, быть может, и завтра не будем знать и послезавтра

не будем знать. Когда нам товарищи министры указывают, что они могут бороться только до определенного предела, пускай они укажут нам, если они дойдут до этого предела, то что же дальше, что же вся страна в целом должна будет сделать? К сожалению, тов. Церетели этого нам тоже не указал. Если наша политическая конъюнктура настолько тяжела, что нет почти из нее выхода, то мне кажется, что в зависимости от этого приходится искать такую форму государственной исполнительной власти, которая была бы наиболее авторитетной в стране и, так как мы переживаем еще революционный период, чтобы она была всецело революционной властью, а таковой властью может быть только власть, опирающаяся как раз на революционные демократии. Если было допущено создание коалиционного министерства, то я не знаю, почему не поставили точку над і и не создали просто революционное демократическое министерство. Если вообще считалось необходимым влить в определенные формы правительства революционные социалистические элементы, для того чтобы выйти из того тяжелого тупика, в котором стоят все воюющие страны, тем более Россия, то почему же, спрашивается, не сделать в период революции, чтобы эта исполнительная власть была наиболее авторитетной перед революционной демократией? (Аплодисменты.)

ПЕШЕХОНОВ [1]). Товарищи, я в некотором смущении и опасении взял слово. У меня лично есть такого рода опасение: не чересчур ли мы, министры, утруждаем ваше внимание своими речами? Может быть, с нашей стороны сказано уже довольно, чтобы вы могли так или иначе судить о нашей деятельности? Но вот упрек одного из предыдущих ораторов, близкого ко мне, тов. Брамсона, о том, что министры дали пока слишком мало фактических материалов, чтобы судить о деятельности Временного Правительства, заставляет меня просить вас выслушать для того, чтобы дать этот материал по одному из самых больных, самых тревожных вопросов нашей русской теперешней жизни,—по вопросу продовольствия. Я должен предварительно сказать, что, по условиям нашего вступления, нас, социалистов, в министерство, министерство продовольствия должно было перейти в мое управление лишь 1 июня. [49] Фактически я вступил в управление министерством несколько раньше, именно 9 дней тому назад. Но этот срок еще небольшой, и я должен предупредить, что мне придется не столько давать отчет в своих действиях в качестве министра, сколько говорить о своих предположениях, главное, о том общем продовольственном положении, в котором теперь находится страна.

Товарищи, я уже сказал, что это—одно из самых больных наших мест. Когда разразилась революция, мы были уже, можно сказать, в продовольственной катастрофе. Хлеба в крупных городах, в армии, в запасе почти не было. Первые месяцы революции пришлось жить изо дня в день. Но все-таки надо сказать, что страна к новому порядку отнеслась с доверием. Хлеб в марте месяце поступал в общем гораздо лучше, чем в феврале, в последний месяц при старом правительстве. Были надежды, что поступления дальше еще больше усилятся. Но потом, в апреле месяце, произошла большая задержка с хлебом. Тут целый ряд обстоятельств: и весенняя распутица, и пасха, и разливы рек, при чем с весны некоторые мосты железнодорожные были попорчены, так же, как и весенние посевы, чем должны заняться наши товарищи крестьяне. Все это привело к тому, что поступление хлеба в апреле резко сократилось и пало в конце концов до 5.000.000 пуд. в неделю, тогда, когда на потребности армии, городов и покупающего насе-

---

[1]) Речь Пешехонова печатается по тексту в д. № 5, с немногочисленными редакционными поправками и купюрами.

ления нужно было ежедневно иметь 17.000.000. В некоторых случаях наряды правительства могли быть исполнены только на 10%.

Положение создавалось еще более острое и еще более грозное. В частности Москва была почти без хлеба. Петроград тоже жил со дня на день. Надо сказать, что за май месяц положение улучшилось в значительной мере. Подвоз хлеба к станциям и сдача его крестьянами усилились. Теперь мы уже в состоянии в армию подавать хлеб в достаточном количестве. Если теперь есть какая-нибудь задержка, то главным образом железнодорожная. Этим, между прочим, объяснялось то, что в последнее время, даже в самое последнее, на Северном фронте ощущались самые серьезные продовольственные затруднения. Хлеб в Рыбинске, в Нижнем к подаче был, но железные дороги не справлялись. Лишь в самое последнее время им удалось справиться. Подвоз идет, станции обеспечены, до нормы он не достиг, но теперь, по приблизительным подсчетам, мы можем обеспечить армию и крупные города, а затем и другие нуждающиеся местности на июнь и июль. Очень серьезное имеется сейчас опасение за август, потому что в конце июня настанет страдная пора, когда подвоз хлеба к станциям опять упадет. Но во всяком случае положение чересчур отчаянным, чересчур рискованным, повидимому, считать нельзя.

Но надо сказать, что, благодаря прежним неурядицам, благодаря некоторому упадку подвоза в апреле, некоторые местности находятся в очень остром положении. Многие местности находились в остром положении, но теперь в Петрограде имеется запас хлеба на 15 дней. Мы имеем 635 вагонов, уже назначенных для Петрограда. Мы имеем возможность отправить часть по Мариинской системе и подвезти водой, так что за Петроград можно быть спокойным чуть не до сентября. Но в некоторых местностях в Смоленской губ., в нескольких местностях в Могилевской губ., в некоторых местностях Владимирской губ. и т. д. есть местами очень острая нужда. Крестьяне съели весь свой хлеб, а подвоз был нерегулярным в течение апреля и в первой половине мая. Так что с этой стороны положение еще остро и это не устранено.

Что касается видов на дальнейшее будущее, то дело обстоит так, что посевы кое-где действительно сократились, но в общем, по имеющимся у нас сведениям можно думать, что сокращение посевной площади не имело места, а в некоторых местах посевная площадь увеличилась. Этому помогла отчасти весна, затянувшаяся несколько и давшая возможность продолжать посев дольше обычного времени, этим помогшая использовать лучше рабочую силу; с другой стороны, этому помогла, несомненно, энергия, которую внесло крестьянское население в это дело. Что же касается урожая, то сведения пока имеются тоже довольно благоприятные.

Есть только одна местность, где определился почти полный неурожай, местность обширная, терпящая сейчас очень острую нужду, которая должна будет в будущем жить исключительно привозным хлебом; это — Туркестан. Там, благодаря морозам сначала, потом засухе, приходится урожай считать почти пропавшим. Но в других местах есть вместе с тем не совсем удовлетворительный урожай.

В общем положение, особенно в тех местностях, где это определилось, благоприятное.

На Северном Кавказе, который дает много хлеба, урожай, повидимому, будет удовлетворительный, а местами даже очень хороший.

Были очень большие опасения за Поволжье. Но в последние дни получены сведения, что там прошли дожди. В Поволжье, в Заповолжье и в Оренбургской губ. есть надежда на урожай.

Таким образом, в смысле имения хлеба мы находимся в положении, что хлеба у нас теперь должно хватить, и в будущем году, можно думать, хватит. Это [можно сказать] не о всех продовольственных продуктах.

Некоторых продовольственных продуктов с самого начала войны у нас абсолютный недостаток. Крупы у нас с самого начала не хватает, теперь не хватает, и в будущем, вероятно, в полной мере удовлетворить потребность будет нельзя. Точно также не хватает многих пищевых продуктов, мясных и жировых. В этом случае населению и дальше придется терпеть нужду и очень сокращать свои потребности.

Но главный продукт питания — хлеб все-таки, насколько можно судить по теперешним данным, особых опасений не вызывает, судя по количеству хлеба, имеющемуся в стране. Но задача состоит в том, чтобы этот хлеб взять и подвезти. И вот, надо сказать, в разрешении этой задачи уже раньше встречались большие затруднения и в будущем могут встретиться тоже очень большие затруднения.

Как вы знаете, попытка брать хлеб по старой системе, при помощи торгового аппарата, за время войны совершенно себя скомпрометировала. Нет, жить попрежнему, чтобы торговцы нам доставали, собирали хлеб и привозили, нельзя. В этом пришлось убедиться и прежнему правительству. Оно все больше и больше хлеба должно было поставлять сначала для армии, затем для населения, минуя купцов. Участие купцов, даже в небольшой доле, как пришлось убедиться за время войны, ведет к тому, что по условиям военного времени это ведет к резкому и быстрому повышению цен, когда население начинает с бóльшим и большим трудом отдавать хлеб, потому что оно говорит: зачем я отдам сегодня хлеб, если завтра цена будет еще выше. Разыгрывается спекуляция, за спекуляцией следует взяточничество, подкупы жел. дорог, толкачи. В этом вы достаточно убедились, чтобы к этой системе не возвращаться, и, напротив, решительно от нее отказаться. Временное Правительство решило отказаться от этого и частную торговлю от снабжения страны хлебом совершенно устранить.

На этом приходится очень твердо стоять, настолько твердо стоять, что даже городам, отдельным волостям и отдельным комитетам, даже отдельным полковым частям мы вынуждены теперь не позволять самим закупать хлеб, потому что когда выяснилось, что поедет от городского управления кто-нибудь закупать хлеб, то, чтобы привести хлеб к себе, он начинает волей-неволей говорить: мы не стоим за ценой и прибавим. Затем нанимают толкача, чтобы вагон просунуть. Чтобы прекратить это и сделать планомерным сообщение, нам приходится очень строго стоять на том, что по плану снабжения, по государственному плану, выработанному и утвержденному, чтобы не было никаких частных закупок даже частными общественными организациями. Каждый пусть о своей нужде заявляет, и по наряду, по плану будет назначено, откуда хлеб будет доставлен, чтобы друг у друга граждане этот хлеб не перебивали.

Это, я говорю, один из элементов плана; он введен и на этом приходится очень твердо стоять.

Теперь другая задача в том, чтобы взять хлеб у населения, чтобы его не брали опять-таки торговцы, а хлеб объявлен был государственной собственностью, весь хлеб. Но он будет объявлен государственной собственностью только тогда, когда будет взят на учет, и чтобы учесть этот государственный хлеб у населения и передать его в армию или нуждающимся местностям, учреждены продовольственные комитеты, но пока у нас не будет этих продовольственных комитетов по губерниям, уездам, волостям, учесть не представится возможным. И вот надо сказать, что одно из глав-

ных затруднений, которое сейчас происходит, это то, что комитеты далеко не везде и не так быстро основываются, как мы на это рассчитывали, и надо сказать, общее впечатление такое: в тех местностях, где не хватает хлеба, где хлеб распределять нужно, там комитеты возникли очень скоро, а в тех местностях, где хлеб отпускать нужно, отдавать, там комитеты учреждаются очень медленно. И это, конечно, понятно: эти чувствуют нужду, а те этого не видят, и поэтому приходится теперь всю энергию и все усилия тратить на то, чтобы по возможности быстрее происходил этот организационный процесс. В этом направлении приходится опять-таки развивать сейчас главную деятельность, именно подталкивать организацию, потому что пока организация не сложилась, до тех пор рук у населения, которыми можно было бы принять этот хлеб, не хватает.

Но этого, товарищи, опять-таки мало. Хлеб нужно взять. Хлеб объявлен государственной собственностью; сказано, что население никому его не может продавать и закладывать, может только отдавать государственным учреждениям; но требуется, чтобы население согласилось отдать этот хлеб. Ведь нельзя, товарищи, себе представить, что у многих миллионов крестьянского населения можно брать хлеб силою, ходить по домам и отбирать. Когда вот тут, я слышал, говорили, что нужна новая власть, то я должен прямо сказать, что, имея всю полноту власти, взять хлеб, если население не пожелает отдать, этого ведь нельзя. Не найдется такой силы, которая могла бы этот хлеб взять; стало быть, нужно добиться, чтобы население этот хлеб дало. И вот теперь, товарищи, мы стоим перед такой самой трудной задачей. Прежде хлеб брали за деньги, теперь у населения отдавать хлеб за деньги совсем почти нет охоты, потому что деньги теперь дешевы, и на деньги очень мало что можно приобрести, крестьянское население держится за единственное, так сказать, что у него есть в руках, и просто у людей [нет] желания получить деньги, за которые ничего не купишь, когда цены так растут на все изделия, на все продукты.

Поэтому, для того, чтобы обеспечить получение хлеба из деревни для армии и для города, остается для правительства, для министерства продовольствия такая задача: обеспечения крестьянского населения получением тех продуктов из города, в которых оно нуждается. Обеспечить его нужно просто и в интересах общего производства, потому что для того хотя бы, чтобы подвезти хлеб к станции, нужно оковать колесо, а сейчас в деревне железа нет или по неимоверно дорогим ценам. Затем нужны населению сеялки, нужны молотилки и разные другие орудия, затем нужны продукты для того, чтобы обуться, одеться и т. д., и вот в этом направлении, — я говорю, поскольку мне только пришлось к этому прежде всего и приготовиться, — [необходимо], чтобы населению доставить все, что ему нужно, и доставить это опять-таки через наши государственные продовольственные комитеты, и этим поддержать их [1]) авторитет, [показать], что [2]) они не только отбирают хлеб, но и дают населению нужное, и с другой стороны, чтобы население видело, что у него не только отбирают, но о нем заботятся и, что только можно, дают. И я думаю, что довольно многого в этом отношении можно достигнуть даже в том только случае, если удастся устранить посредника от отдела снабжения. Я приведу вам такой пример. Гвозди с заводов отпускаются теперь только по разрешениям правительственным, государственным по 10 руб. 50 коп. пуд, т.-е. 20 коп. фунт, а до населения они доходят по 2 руб. фунт. И вот мой план, между прочим, на том строится, что если мы только население избавим от этих переплат,

[1]) В подлиннике «его». — [2]) Далее в подлиннике следует: «это».

сами будем брать гвозди с заводов и через продовольственные комитеты так или иначе под их контролем, распределять пусть даже у нас, — мы ведь люди неумелые в торговле, — продовольственые комитеты окажутся, может быть, недостаточно умелыми, но все-таки — ну, доставим гвозди, обойдутся [они] по 50 коп., но все-таки не по 1 руб., не по 2, как платит население. В этом мы уже кое-чего достигнем. Сделаем что-нибудь с тканями, с ситцем, мануфактурой; так же вопрос идет о керосине, о мыле и других предметах первой необходимости. К этому, говорю, мы подготовляемся и в этом направлении работаем, чтобы это наладить. При всем том, товарищи, я должен сказать, что это паллиатив; это вещь очень малая в том, что перед нами стоит и что нам предстоит разрешить.

Основная беда заключается вот в чем: что у города продуктов, которые он мог бы отдать в деревню за хлеб, не хватает, их слишком мало. Пусть даже мы цены так или иначе удержим, пусть мы не допустим их взвинтить, но основная беда в том, что в стране очень многих продуктов не хватает. Не хватает прежде всего такого основного продукта, как железо. Из-за каждого пуда железа приходится теперь, так сказать, торговаться и разрывать его на части, — оно нужно и для армии, и для железных дорог, и для деревни, и этого железа у нас слишком недостаточно. Обуви, скажем, кож у нас и того меньше. При всем желании снабдить население обувью, в стране кож не хватает. Делали и делают все время заказы, на сколько возможно, за границей, но сейчас ведь у нас и кредит там очень ограничен, и с этой стороны очень большие усилия нам приходится делать, чтобы эту беду пережить: нечем обуть население, когда приходится обувать такую огромную армию, [отсутствует] целый ряд продуктов, в которых приходится терпеть большую нужду и лишения.

И сейчас задача, товарищи, сводится к двум [положениям]: 1) тем, что у нас еще есть, если и нет надежды всех удовлетворить в полной мере, то все нужно направить к тому, чтобы распределить то, что у нас есть, равномерно, чтобы не было обидно, чтобы дело не происходило так, что одни захватят себе больше, а другие меньше (голоса: «Верно»), и чтобы не было этой обиды среди населения. Вот, я говорю, это первая задача: установить равномерное распределение всех продуктов, которых не хватает.

Другая задача, товарищи, еще более серьезная, еще более трудная, — это увеличить нашу производительность, постараться, чтобы этих продуктов было все-таки возможно больше, и к этому направить все наши усилия. И вот, надо сказать, что с этой стороны задача представляется особенно и особенно трудной. Хозяйственный аппарат, от которого зависит наша производительность, находится в расхлябанном состоянии: в одном месте не хватает угля — от этого останавливается производство, в другом есть, может быть, уголь, но не хватает металлов, в третьем еще какие-нибудь причины, и благодаря этому происходит то, что во многих случаях наша производительность меньше наших усилий, но есть, товарищи, еще одна причина очень серьезная, и я решаюсь о ней здесь прямо говорить. Товарищи, наши рабочие силы, которыми мы располагаем, используются недостаточно удовлетворительно. Уже раньше обращалось внимание, что старым правительством было призвано в армию гораздо больше народа, чем требовалось, и сейчас в армии, несомненно, есть много лишнего народа, а особенно в тылу, который остается в сущности [без] всякого дела, и вот использовать эту рабочую силу — это одна из таких задач, которые нам предстоят.

Другая задача, товарищи, к которой опять-таки трудно подходить, это — понижение производительности наших рабочих. Надо это опять-таки признать, что за время революции производительность упала: мы оказались

в таком положении, что в то время, как у нас в продуктах большой недостаток, у нас как раз производительность падает и падает. Товарищи, я думаю, что всем понятно, почему это произошло и происходит, и останавливаться на причинах этого я не буду. (Голоса: «Просим».) Товарищи, дело ведь обстоит так: в течение многих и многих лет наш рабочий класс находился под прессом, и этот пресс во время войны особенно сильно на него налегал. Рабочий класс должен был работать сверх меры, и в то же время вознаграждение далеко не соответствовало его труду и даже тому достатку нашему общему, который мы имели. Это было до революции. С момента революции соотношение сил, как вы знаете, изменилось: рабочие получили возможность потребовать себе лучших условий и в смысле рабочего времени, которое они затрачивали, и в смысле вознаграждения; но при этом размах рабочего движения получился гораздо более сильным, более широким, чем допускают наши материальные возможности. Значительной части рабочего класса представляется так, что раз есть возможность предъявить требования, и эти требования могут быть исполнены, то, стало быть, их нужно предъявлять, при этом предъявляют в мерках обширных и значительных.

Но вот, товарищи, им представляется, что они предъявляют требования исключительно за счет тех барышей, которыми пользовались заводчики. Надо сказать, что, действительно, барыши эти были очень и очень значительны, но вот в каком мы положении, все-таки, товарищи: до войны наш общий народный доход, прежде чем он, так сказать, поступал в раздел, по самым лучшим, по самым большим исчислениям, оценивался в 15 миллиардов, — вот приблизительно весь наш народный доход. Приблизительно, — я говорю, что это приблизительно, — даже 20%, как это рассчитывают некоторые экономисты, поступало в пользу предпринимателей, а прочее, стало быть, расходилось в остальном народе; частью брало государство на нужды государственные и на содержание всей государственной машины, а частью это обращалось в заработок рабочим, шло крестьянству и т. д. Вот какое было наше богатство. Стало быть, самое большое, насколько мы теперь могли бы увеличить [доход], — это на три миллиарда, т.-е. если взять весь доход у предпринимателей.

Но взять весь доход у предпринимателей, товарищи, нельзя, так как часть этого дохода должна итти на восстановление капитала, на то, чтобы капитал не иссяк в производстве. Но, допустим даже, — я говорю, что это расчеты приблизительные, — но я беру другую крайность: допустим, что капиталисты-предприниматели брали в среднем доход не 20% всего, а пусть даже 40% общего дохода,—6 миллиардов; но вот что происходит во время войны: война, как вы знаете, требовала сначала 7 миллиардов в год, потом 10 — 15, в нынешнем году она потребовала 20 миллиардов, — стало быть, всего нашего народного дохода, если так взять в рублях, в сущности не хватает, чтобы покрыть эту войну, и, очевидно, в значительной части, мы должны жить за счет[1]) имущества, накопленного раньше. Правда, это соотношение не так грозно, как может показаться с первого взгляда. Дело в том, что когда теперь говорится, что война стоит 20 миллиардов, то надо иметь в виду, что деньги теперь понизились в цене, и поэтому действительная стоимость войны если по теперешнему расчету была в 20 миллиардов, по прежнему расчету была бы меньше, или, наоборот, если доход ценить по теперешним ценам, доход в продуктах, который раньше до войны оценивался в 15 миллиардов, по теперешним ценам он был бы около

[1]) В подлиннике далее следует: «его».

40 миллиардов, и, стало быть, мы все-таки по крайней мере половину тратим на войну.

При этих условиях увеличить, так сказать, общий уровень благосостояния населения, я говорю,—вот этот расчет показывает,—что нам нельзя. Можно добиться повышения заработной платы, но это ведет к чему? К тому, что деньги падают в цене, а цена на продукты растет. Каждый, получивший деньги, старается получить продукты,— ведь, не деньгами же сыт он,— а так как продуктов не хватает, то на продукты цены начинают быстро подыматься, и производители берут в свою пользу разницу. Таким образом, итти к улучшению своего положения путем повышения цен, я говорю, очень мало надежды, чтобы этим можно было улучшить [положение].

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Товарищи кому угодно, чтобы тов. Пешехонов, срок речи которого истек, продолжал, прошу поднять руку. Пожалуйста.

ПЕШЕХОНОВ. Товарищи, и я говорю, что поскольку рабочий класс направляет в эту сторону свои силы, то первым делом, конечно, он может отобрать доход у капиталистов, а затем уже наступает другой момент, когда уже отбирать у них нечего или приходится разрушать все их предприятия. Но, во всяком случае, неизбежно происходит то явление, что приходится набивать цену на продукты, которых не хватает, и, в конце концов, если итти этим путем повышения заработных плат, то это сводится к тому, что та группа, которая забежит вперед раньше, она набьет цену и возьмет продукты в свою пользу или следующая группа нагонит и, очень может быть, перегонит и постарается взять продукты в свою пользу путем повышения цен, наконец, кто-нибудь останется обиженным, а я говорю, что так как продуктов не хватает, то, все равно, всем их нельзя получить, сколько бы мы деньгами ни зарабатывали. Это только обманывать людей,— все равно, как пить соленую воду: люди пьют, кажется, вот напьются, а там опять пить приходится.

Так и тут: когда деньги выпускаются без всякой валюты, когда никакого обеспечения для них нет, когда весь вопрос сводится к тому, сколько станок успеет отпечатать денег, то денег, конечно, может быть и очень много, но какой прок от них населению? Это может повести к тому, что цены, скажем, на городские продукты будут очень быстро[1]) расти, а на деревенские вот мы поставили твердые цены: или мы должны их удержать, и тогда деревня при тех высоких ценах, по которым она будет получать продукты, не станет продавать хлеб, или, наоборот, придется сломать твердые цены, и начнется с хлебом такая же спекуляция, такой же подъем цен, и тогда мы окажемся в совершенно трудном, невозможном положении. Так вот, я говорю, что это обстоятельство еще больше усиливает затруднительность нашего положения, что производительность падает, а цены на продукты очень быстро растут и будут еще, быть может, расти; между тем, весь аппарат находится в расхлябанном состоянии, не координирован, и происходит задержка в производительности, потому что нет этой регулярности производства, нет контроля над ним, нет определенной системы, по которой это производство шло бы, и т. д. И вот здесь мы стоим перед большой задачей, и нужно сказать, товарищи, этой задачи Временное Правительство ни в старом составе, ни в новом не разрешило. (Голоса: «Совершенно верно».) Этот упрек «совершенно верно» брошен с этой стороны; товарищи, я должен сказать, что над той задачей мы с первого же дня вступления нашего в правительство ломаем себе голову, строим всякого рода предположения и планы, многое задумано, многое готовится, но я

[1]) В подлиннике: «скоро».

должен признать, что эта задача не разрешена еще. За это вы нас можете судить, товарищи, судом совершенно нелицеприятным, но я должен, во всяком случае, в качестве подсудимого, товарищи, сказать откровенно, что же нам главное мешает разрешить эту задачу. Товарищи, главное затруднение, какое мы встречаем в разрешении этой задачи, нужно сказать,—это затруднение в вас и в этой массе, которая стоит за вами. Товарищи, сопротивление капиталистов, повидимому, сломлено. Их, видимо, ударить можно, итти в эту сторону очень далеко, почти вплоть до экспроприации всех их прибылей; по крайней мере, некоторые делегации являлись к нам и говорили: мы готовы поступиться всей прибылью, сохраните только нашу промышленность; даже больше того,—многие приходили и говорили: берите наши предприятия, мы их отдаем, пожалуйста, управляйте ими сами,—и с этой стороны, я говорю, вместе с тем у правительства решимость итти в этом направлении очень большая, очень большая готовность.

Но, товарищи, этого одного мало. Нужно вместе с тем, чтобы и масса населения поняла, сознала, почувствовала, что сейчас вопрос идет и о том, чтобы и ее призвать тоже к жертвам, чтобы она сознала, что в тех условиях, в которых мы находимся, удовлетворить потребности полностью немыслимо, что при этих условиях нужно стремиться к тому, чтобы никто не забирал на свою долю больше, чем ему следует, чтобы дележ среди масс населения был, по возможности, равномерный, но что итти и добиваться улучшения сейчас нельзя, что нужно добиваться только распределения равномерного и справедливого, и, с другой стороны, призвать эту массу к тому, чтобы для улучшения этого положения всех трудящихся, население напрягло все силы, приложило все усилия к поднятию производительности. Вот, товарищи, к чему нужно итти, к чему нужно стремиться. Пока мы не пришли к этому сознанию, до тех пор все надежды наши наладить хозяйственный аппарат будут недостижимы.

И вот надо сказать, что у нас именно и не находится этой решимости потребовать от них жертв, с одной стороны, и, с другой стороны, дать им понять, что эти жертвы действительно необходимы. Я говорю, что мы, действительно, так представляем дело, почему нам задача и представляется сложною и трудною: нужно, чтобы это дошло до сознания населения, широких масс, что только братскими дружными усилиями, напряжением труда, напряженной работой мы можем предотвратить себя от дальнейших бед, и, с другой стороны, чтобы население призвать к этому, надо ему дать уверенность, что усилия его будут не напрасны, что никто общенародного дохода не присвоит себе, что продукты, действительно, получат равномерное распределение. Эта задача и представляется в высшей степени сложной и трудной: с одной стороны, выработать такие условия контроля и распределения продуктов, чтобы они были всем ясны, всем понятны, чтобы каждому было ясно, что, действительно, тут не происходит какого-нибудь неправого нажима, который был раньше, а с другой стороны, призвать население к жертвам, которые неизбежны, которых предотвратить нельзя. Но есть, товарищи, и еще задача, еще кое-что нам приходится определять,—это лично может быть в каждом из нас.

Товарищи, ведь дело так стоит. Вот мы, социалисты, так долго добивались свободы, более того, добивались, может быть, с тем, чтобы иметь достаточное влияние на власть; и вот теперь, когда мы сами призваны к власти, когда из нашей среды министры, в то время, как мы прежде только и думали о том, чтобы, добившись свободы и власти, направить все усилия наши к тому, чтобы увеличить благосостояние трудящихся масс, стремиться к обеспечению условий, несравненно лучших, чем старые,—в это

время, я говорю, приходится говорить, товарищи: свобода, к которой вы стремились, сопряжена с трудом, нуждою, тяжелыми лишениями. Вместо того, чтобы улучшить ваше экономическое положение, облегчить ваш труд, мы должны вас звать к тому, чтобы трудиться напряженным образом для удовлетворения своих потребностей; и так определять этот момент, я говорю, — это далеко не легкая вещь, товарищи, но эта задача стоит перед нами, и я говорю, что нам удастся наладить производство, наладить хозяйственную жизнь, наладить весь хозяйственный аппарат не прежде, чем нам удастся удалить те препятствия, которые стоят на нашем пути.

Я говорю, что поскольку дело идет о сопротивлении буржуазии, то можно считать, что оно в данный момент не особенно сильно, что это преодолеть нетрудно. Но вот другое: преодолеть нам самих себя и преодолеть своих ближайших сотрудников, — к кому мы, так сказать, всей душой стремились, из-за чего главным образом и происходит эта заминка, вследствие которой мы в течение месяца этой главной задачи не могли разрешить. Я говорю: эта задача не разрешена; правительство над ней работает усиленно, думает усиленно, подготовляет, но задача не разрешена, а в ряду стоящих перед нами это, может быть, самая главная, самая спешная, самая срочная, и, я говорю, товарищи: вы можете судить нас за это и должны судить, как только можете, потому что, я говорю, задача не разрешена. (Рукоплескания.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово принадлежит тов. Дану.

ДАН[1]). Товарищи! Речь[2]) тов. Пешехонова была очень кстати, чтобы ввести нас в существо того вопроса, которым мы теперь заняты, — вопроса[3]) об отношении к революционной демократии, к революционной власти. Эта речь была тем более[4]) кстати, что она вернула[5]) нас от отвлеченных формул, от далеких полетов[6]) в облака на почву реальной действительности, в которой возникла[7]) в которой живет и развивается и только и может развиваться русская революция.

Вот здесь выходил перед тов. Пешехоновым тов. Мазурин и произносил[8]) страшную филиппику против твердой центральной власти, к моему изумлению, вызвал[9]) аплодисменты[10]) того сектора[11]) (указывая на большевиков[12]), фракционный оратор которого вчера перед вами более чем кто-либо настаивал на необходимости именно твердой революционной власти и который обещал нам эту власть в ее настоящем виде, когда к власти придет его партия.

Тов. Мазурин возражал против этой центральной революционной власти и рассказывал нам, как на месте, в Красноярске, Совет Р. и С. Д. разрешал те очередные вопросы революции, которые перед ним[13]) стояли и как хорошо он их разрешал.

Я не сомневаюсь, товарищи, что в том процессе ломки, который[14]) называется революцией, который сдвигает с места все установившиеся отношения и заставляет революционный народ быстро и наспех творить новые формы жизни[15]), я не сомневаюсь, что были, есть и еще будут моменты, когда необходимо будет и в той экономической области, о которой

---

[1]) Речь Дана печатается по тексту д. № 63 с собственноручными поправками Дана; в д. № 5 имеется речь Дана без поправок. — [2]) Первоначально: «Товарищи, речь». — [3]) Первоначальны: «Вопросы». — [4]) Слова: «тем более» вписаны над зачеркнутым: «очень». — [5]) Первоначально: «чтобы вернуть». — [6]) Далее зачеркнуто: «от действительности». — [7]) Первоначально: «возникала». — [8]) Слово: «произносил» вписано над зачеркнутым: «говорил вам». — [9]) Слово: «вызвал» вписано над зачеркнутым: «пожал». — [10]) Первоначально: «аплодисментов» и далее зачеркнуто: «из». — [11]) Первоначально: «секретаря». — [12]) Слова: «указывая на большевиков» вписаны. — [13]) Слово: «ним» вписано. — [14]) Первоначально: «которая». — [15]) Слова: «новые формы жизни» вписаны.

говорил тов. Мазурин, это самостоятельное творчество каждого отдельного Совета.

И когда такие моменты острого кризиса приходят, местные революционные организации, местная революционная демократия не исполнили бы своего долга, если бы всеми мерами не способствовали [1]) тому, чтобы найти выход из критического положения.

Но вводить в систему местные разрешения экономических и политических вопросов, говорить нам, что это есть тот идеал, к которому надо стремиться, что центральная революционная власть есть идеологический пережиток старого режима, — это значит совершенно не понимать, как совершается и как может совершаться революция, совершенно игнорировать ту реальную действительность, в которой нам приходится жить и бороться.

Вы видели в речи тов. Пешехонова, как вопрос о продовольствии цепляется за вопрос о всем производстве вообще.

Этот вопрос цепляется за вопрос о заработной плате, вопрос о заработной плате за вопрос финансовый, вопрос финансовый приводит нас прямо к вопросу политическому, к той войне, которая лежит в основании всех наших экономических бед.

И вот, что бы было, если бы не только выхватывались отдельные звенья из этой цепи, если бы мы хотели отдельно разрешать продовольственный вопрос и отдельно, вне связи с ним, рабочий, что было бы, если бы каждый из этих дробных вопросов мы пытались [1]) разрешать своими местными средствами, вне зависимости от того, что делается в других местах? Ясно, что все эти вопросы могут быть разрешены только в общегосударственном масштабе, и нам нужно создать революционную власть, способную разрешать их во всем масштабе.

И только в центральной власти будет выражаться действительная воля демократии.

Тов. Мазурин сделал вывод, что такая центральная власть есть пережиток старого. Я же скажу, что наоборот: тот метод, которым он думает разрешать вопросы в органах местных, губернских, заключает в себе [2]) не что иное, как метод старого времени — губернаторскими средствами разрешать все вопросы, которые могут быть разрешаемы только в государственном масштабе.

Это при старом режиме каждый губернатор устанавливал свой порядок. Нам же таких революционных демократических губернаторств [3]) не надо.

Два вопроса затрагивались в дебатах [4]) о Временном Правительстве. Первый [5]), — это кому взять власть в свои руки, и второй вопрос, тесно связанный с ним, — о том, что делать этой власти [6]) для спасения революции, для дальнейшего ее развития.

Относительно первого я вам напомню, товарищи, что на Всероссийском Совещании, от которого нас отделяет всего два месяца [7]), в вопросе [8]) о том, как должна быть организована власть в революционной России, не было принципиальных разногласий, и резолюция об отношении революционной демократии к Временному Правительству [9]) была принята [10]) всем Совещанием единогласно, со включением [11]) товарищей большевиков.

Для всех тогда было ясно, что в том периоде, который переживала наша революция, в той обстановке, в которой она развивается, взять исклю-

---

[1]) Далее зачеркнуто: «бы». — [2]) Далее зачеркнуто: «тогда». — [3]) Первоначально: «губернаторов». — [4]) Первоначально: «Второй вопрос сводился к» — [5]) В подлиннике: «первое». — [6]) Первоначально: «с этой властью». — [7]) Далее зачеркнуто: «на этот счет» — [8]) Первоначально: «на вопрос». — [9]) Далее зачеркнуто: «власти». — [10]) Далее зачеркнуто: «тем». — [11]) Первоначально: «за исключением».

чительно пролетариату или пролетариату и крестьянству власть в свои руки, значит помешать дальнейшему развитию революции, значит преждевременно отколоть от революции такие слои, которые могут итти еще вместе с нею и делать вместе с ней революционное дело. При этом Всероссийское Совещание имело в виду вовсе не тех крупных капиталистов, буржуа, помещиков и т. д., о которых так часто говорят, а те очень обширные в России слои средней и мелкой буржуазии, которые вовсе не представлены г. Милюковым, но которые мы бросим в его объятия, если [1]) будем действовать так, как нам советуют некоторые чересчур пылкие товарищи слева.

Это было так ясно, что это дало себя знать и второй раз, в те апрельские дни, когда кризис власти встал на очередь дня и пришлось решать вопрос о том, кто будет преемником власти Временного Правительства, оказавшегося неспособным делать дальше то дело революции, которое ему поручили.

И вы знаете, товарищи, что в те дни, 20 и 21 апреля, когда на улицах Петрограда начала литься народная кровь, когда были демонстрации с лозунгом: «долой Временное Правительство»,—лозунгом, который сам в себе заключает требование нового правительства и новой власти, в эти дни, когда власть заколебалась, зашаталась и готова была упасть в наши руки, как перезрелый плод, вы знаете, что те [2]), кто выставляет эти [3]) лозунги [4]), и признали их [5]) несвоевременными [6]), они признали [7]) что та тактика, которая ведет к гражданской войне, бессмысленна, что на очереди стоит еще, как тогда говорили, длительное воспитание демократических масс [8]). Но на следующий день началась тактика усиленного впихивания власти в наши руки, та тактика, которая только что была объявлена несвоевременной, и в те дни, когда у нас происходят прения по вопросу о Временном Правительстве, единственное, можно сказать, сколько-нибудь [9]) состоятельное [10]) возражение против взглядов революционной демократии и Петроградского Совета Р. и С. Д., действующего по вашему полномочию, было возражение, связанное именно с переходом власти в ваши руки.

Я думаю, что и товарищи, вносившие такие предложения, на самом деле, если бы им сегодня предложили взять эту власть в свои руки, ее бы не взяли, и я думаю, что тов. Ленин, смело заявивший вчера, что он и его партия каждую минуту готовы взять эту власть в свои руки, может быть, был прав за себя, но сомневаюсь, чтобы он был прав и за свою партию. (Протесты слева.) По крайней мере, резолюции недавней всероссийской конференции этой партии говорят обратное. [50] (Шум слева.) Они говорят не о том, что эта партия готова каждую минуту взять эту власть в свои руки, они говорят о том, что необходимо длительное воспитание демократических масс, прежде чем партия большевиков изъявит готовность взять государственную власть в свои руки. (Протесты слева.) Возражают мне, что речь идет не о том, чтобы взяли власть в свои руки большевики, а о том, чтобы взяли власть Советы Р. и С. Д. Я не понимаю смысла этого возражения. Одно из двух: или товарищи эти думают, что мы, отказавшись сегодня от коалиционного министерства и составив министерство чисто из наших представителей, будем вести принципиально какую-то

---

[1]) Далее зачеркнуто: «мы». — [2]) Слово: «те» написано над зачеркнутым: «мы осудили тех». — [3]) Слово: «эти» вписано. — [4]) Первоначально: «лозунг» и далее зачеркнуто: «и». — [5]) Слово «их» вписано над зачеркнутым: «что эти лозунги». — [6]) Первоначально: «несвоевременны». — [7]) Слова: «они признали» вписаны. — [8]) Далее зачеркнуто: «Мы, чувствуя ответственность за дело революции, понимаем, что преждевременно брать в свои руки власть неорганизованным органам демократии». — [9]) Слова: «сколько-нибудь» вписаны. — [10]) Первоначально: «действительное».

другую политику, чем та, какую теперь ведем [1]), будем вести их политику, — да ведь это и значит, что они должны взять власть в свои руки, потому что они знают, что громадное большинство с их политикой несогласно, или это возражение не имеет смысла. (Шум слева.)

Но я, товарищи, в этом выставлении лозунга «вся власть в руки Совета Р. и С. Д.», я вижу не прямое практическое предложение, — хотя тов. Луначарский довольно подробно и разработал здесь проектец, — но я вижу, в указании на это выражение известного стремления уйти от той действительности, в которой нам приходится действовать, под сень революционной романтики, ибо этот переход в ваши руки служит не средством ответа на вопросы, которые нам ставит изо дня в день революция, а средством уклониться от ответа. (Рукоплескания. Голоса слева: «Неверно» [2]). Это революционная романтика.

Здесь говорят «неверно», но я приведу один классический по своему анекдотизму пример. Я на днях читал в «Правде» статью, как уничтожить, хвосты у лавок, собирающиеся [3]) за хлебом. [51] В начале этой статьи было сказано черным по белому: эти лавочные хвосты могут быть уничтожены только тогда, когда вся власть перейдет в руки Совета Р. и С. Д. (Смех и рукоплескания.) Правда, товарищи, в конце этой статьи был приведен пример какого-[то] дома на Подъяческой улице, где жильцы образовали домовую лавку и, таким образом, уничтожили хвосты, так что хвост этой статьи с головой не сходился. Но насколько тут играет роль романтика, видно из ответа даже [4]) на такой чисто практический вопрос, что вся власть должна перейти в наши руки. (Шум.)

Я утверждаю, если мы стоим на почве реальной действительности и если в особенности мы, марксисты, настолько не забыли основы своего учения, что не нуждались бы еще в том, чтобы товарищи с.-р. напоминали нам основные догмы марксизма, если мы думаем, что экономическая, социальная действительность, это — тот базис, только на котором и [5]) строится политическое движение и на котором мы можем строить свои политические планы, то я спрашиваю, каким образом можно было вчера выслушать из уст тов. Луначарского такое выражение, что мы, захватив власть в свои руки, будем вести не [6]) буржуазно-демократическую [7]) политику, а какую-то полусоциалистическую, — не буржуазную и не социалистическую, а полусоциалистическую [8]). Ведь, тов. Луначарский повторяет при этом, — да простят мне товарищи с.-р., что я в это время говорю, как марксист, — эти слова напоминают те самые народнические утопии о каком-то особом пути развития, по которому должна итти Россия [9]) и от которого товарищи с.-р., твердо став на почву [10]) действительности, отказались. И неужели это надо повторять от имени марксизма?

Нет, товарищи, если бы у нас было сейчас и министерство совершенно социалистическое, мы должны сказать, что другой политики, кроме политики буржуазной, революционной демократии, это министерство вести не может. И это мы должны иметь в виду и тогда, когда, [11]) — если это случится, — власть попадет в наши руки, и тогда, когда мы оцениваем деятельность наших товарищей в министерстве и деятельность Временного Правительства в целом. Оценивать эту деятельность [12]) не с революционно-

---

[1]) Далее зачеркнуто: «на почве, на которой мы стоим». — [2]) Далее зачеркнуто: «Вот это, и именно». — [3]) Первоначально: «собравшиеся». — [4]) Слово: «даже» вписано. — [5]) «и» вписано. [6]) Далее зачеркнуто: «какую-то». — [7]) Первоначально: «буржуазную», слово: «демократическую» вписано. — [8]) Далее зачеркнуто: «примера, который он говорил, не бывало. Но». — [9]) Далее зачеркнуто: «социалистическая». — [10]) Первоначально: «почве». — [11]) Слово: «когда» вписано. — [12]) Слова: «эту деятельность» вписаны.

демократической [1]) точки зрения, требовать от него какого-то полусоциализма мы не можем.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Время тов. Дана прошло. Угодно собранию разрешить ему продолжать? (Голоса: «Просим».)

ДАН. Товарищи, постараюсь не злоупотреблять вашим вниманием и кончить возможно скорее [2]). Что [3]) предлагалось тов. Лениным в смысле изменения политики Временного Правительства? [4]) Вы помните эти меры: надо опубликовать прибыли, арестовать несколько десятков капиталистов, объявить капиталистов всего мира разбойниками и заключить всеобщий мир без аннексий необычайно простым способом: отделив от России все ее части, которые когда-то, со времени Гостомысла, были к России присоединены. Это называется миром без аннексий.

И вот, товарищи, тов. Ленин отвечает вам этой программой на те серьезнейшие вопросы революции, которые перед вами стоят. И что же? Осуществив эту программу, достигнем мы того, что у нас побегут поезда, полные хлебом, явятся те гвозди, обувь, те товары, о которых говорил тов. Пешехонов, и исчезнет финансовый кризис, прекратится мировая война и нам не будут угрожать империалистические государства? Очевидно, весь этот план со включением присоединенной сюда тов. Луначарским [5]) меры окончательного роспуска Гос. Думы, никакого решительно отношения к интересующему и волнующему нас вопросу не имеет. И тов. Луначарский гораздо лучше бы сделал, если бы, вместо того, чтобы разрабатывать подробный проект перехода власти в ваши руки, разработал, хотя бы [6]) не так подробно [7]), проект взимания с капиталистов той сверхприбыли, которую нам нужно взять и которая до сих пор не может быть взята, потому что революционная демократия до сих пор еще не установила [8]), как это сделать. В финансовой, экономической и всякой другой политике, то, что нам сейчас нужно, и то, что революционная демократия должна делать, это не выставление абстрактных отвлеченных принципов, — она должна, руководясь и своим революционным чутьем и всем своим опытом, дать конкретные указания, как всю эту программу провести в [9]) исполнение [10].)

И вот, когда мы начинаем это делать, когда мы прикасаемся к настоящей деятельности, то мы видим, что эта деятельность полна самого глубокого противоречия. Тов. Мартов в своей речи коснулся отчасти этого противоречия. Он глубже, чем кто-либо, подошел к этому вопросу, как это свойственно вообще тов. Мартову. Тем более меня удивил его взгляд на выход из этого положения. Тов. Мартов рекомендовал какую-то решимость, он [11]) в какой-то робости нашел причину [12]) неуспеха [13]) всей нашей деятельности.

Но ведь дело не в этом, товарищи. Дело в том, что вся наша деятельность происходит на почве глубочайшего противоречия. У нас революция и у нас война. А мы знаем, что это — огонь и вода: не может революция развиваться свободно до конца, не может расправить все свои члены и вести дело так широко, как вела бы в нормальное время, если она скована этим огненным кольцом войны. Война, вместе с порожденными ею экономическими вопросами, подрывает объективные основания революции.

---

[1]) Далее зачеркнуто: «буржуазной». — [2]) Далее зачеркнуто: «Здесь, товарищи». — [3]) В слове: «что» строчная буква исправлена на прописную и далее зачеркнуто: «в смысле, так сказать, политики, изменяющей ту политику, которую мы ведем». — [4]) Слова: «в смысле... правительства» вписаны. — [5]) Первоначально: «Лениным». — [6]) Слово: «хотя бы» вписано. — [7]) Далее зачеркнуто: «но все-таки». — [8]) Далее зачеркнуто: «схему». — [9]) Далее зачеркнуто «действительность». — [10]) Первоначально: «исполнения». — [11]) Далее зачеркнуто: «чисто». — [12]) Далее зачеркнуто: «нашего». — [13]) Далее зачеркнуто: «во».

А[1]) с другой стороны, когда у нас кипит война,—война не национальная не местная, не такая, какая была у России с Японией, а война мировая, империалистическая, в круговорот которой мы захлеснуты, — эту войну мы тоже не можем разрешить нашими национальными средствами.

Нельзя апеллировать к[2]) национальным средствам[3]) и национальной решимости[4]) для того, чтобы разрешить те вопросы, действительное разрешение которых находится в плоскости интернациональной.

Мы не можем окончить эту войну национальными средствами, потому что она мировая. Мы не можем выскочить из того противоречия, что, с одной стороны, мы хотим освободиться от ига всякого империализма, а с другой — над нами еще тяготеет иго империализма Англии и Франции, — мы не можем из этого противоречия выскочить[5]) разрывом с союзниками и сепаратным миром; так как это противоречие мировое, то мы, выскочив из-под ига[6]) одного империализма, не попадем ли сейчас под иго империализма другого? Вот целый ряд противоречий, которые нужно преодолеть. Но[7]) можно преодолеть их не[8]) словами, не игнорированием действительности[9]). Нужно во всей политике внутренней и внешней[10]) искать тот путь, который ведет к истинному преодолению. Делая свое национальное дело, делать его так, чтобы оно будило и ту интернациональную[11]) силу[12]), пробуждение которой[13]) необходимо[14]) для спасения нашей революции.

Я верю достаточно в силу русской революции и в разум русской революционной демократии. Она показала[15]) за истекшие месяцы, что никакие фантомы, никакие миражи, никакая игра[16]) на ее собственном, ярком революционном чувстве не могут ее совлечь на ложный путь. Она[17]) показала, что в ней есть разумение, есть способность действовать на почве такой запутанной и[18]) противоречивой действительности и нести красное знамя революции вперед. И потому я верю, что, оставаясь на почве[19]) реальной, действительной[20]), а не романтической фантастики[21]) мы сумеем довести борьбу до победы, довести ее[22]) до того времени, когда навстречу русской революции поднимается встречная волна международной демократии, и мы положим конец этому позору всемирной войны и прочно[23]) водрузим знамя русской революции[24]). (Рукоплескания.)

ТРОЦКИЙ[25]). Товарищи, я думаю, мы все с огромным интересом прослушали речь министра продовольствия, которая многих из нас, большинство из нас кое-чему прямо-таки научила, что вряд ли можно сказать о всех речах, здесь произнесенных.

Эта речь если не давала отчета о совершенной организационной работе, что объясняется отчасти тем, что новый министр только недавно вошел в исполнение своих обязанностей, то эта речь наметила, во всяком случае, программу деятельности определенной, в настоящее время важнейшей области, а это именно то, чего не хватало в остальных министерскихе речах.

---

[1]) Первоначально: «и». — [2]) «к» вписано. — [3]) Первоначально: «средством». — [4]) Первоначально «решимостью». — [5]) Слово: «выскочить» вписано над зачеркнутым: «выйти». — [6]) Слово: «ига» вписано. — [7]) Первоначально стояла запятая и после нее строчная буква. — [8]) Далее зачеркнуто: «только». [9]) Слово: «действительности» вписано и далее зачеркнуто: «а» и в следующем слове строчная буква исправлена на прописную. — [10]) Слово: «внешней» вписано. — [11]) Первоначально: «национальную». — [12]) Далее зачеркнуто: «суждения, которая». — [13]) Слова: «пробуждение которой» вписаны. — [14]) Первоначально: «необходима». — [15]) Далее зачеркнуто: «это». — [16]) Слова: «никакая игра» вписаны. — [17]) Первоначально перед словом «она» стояла запятая. — [18]) «и» вписано. — [19]) Далее зачеркнуто: «объективных данных, на почве». — [20]) Слово: «действительной» вписано. — [21]) Слова: «романтической фантастики» вписаны. — [22]) Слово: «ее» вписано. — [23]) Слово: «прочно» вписано. — [24]) Далее зачеркнуто: «навсегда и вечно». — [25]) Речь Троцкого печатается по тексту в д. № 5; в д. № 63 имеется тот же текст речи с немногочисленными редакционными поправками и купюрами.

Товарищи говорили нам о революциях, о великой французской революции, обменивались по этому поводу суждениями, снова проветривали старые марксистские и народнические споры, но, товарищи, ведь мы здесь стоим перед парламентом революционной демократии, перед которым отчитываются министры относительно того, что ими уже сделано и что они собираются сделать. И так как вопрос стоит о власти, стало быть, задача каждого оратора, особенно такого ответственного, как министр, состоит в том, чтобы сказать: я в своей области сделал то-то и то-то, считаю это достаточным и, следовательно, данная организация власти удовлетворительна, или, наоборот, сказать: товарищи, мои планы деятельности таковы, но они встречают сопротивление в организации власти, и поэтому необходимо здесь решить эту власть реформировать, перестроить. Вот естественный, товарищи, план речи каждого министра. Ближе всего к этому плану подошел министр продовольствия. Вот почему я лично не только внимательно слушал его, но и утверждался в тех выводах, с которыми я явился на собрание, ибо и у идейных противников можно всегда, если они серьезно ставят свою собственную задачу, многому научиться.

То, что нам говорил министр продовольствия, сводит вопрос, действительно, с высоты отвлеченности на землю, на достаточно истощенную землю русского хозяйства. Нам необходимо организовать продовольствие, нам необходимо расширить и регулировать производство. Организовать продовольствие — значит организовать его распределение; здесь есть трудности транспорта, которые должны быть преодолены и могут быть преодолены только общегосударственным путем. О трудностях транспорта экономический отдел Исполнительного Комитета много говорил: и о больных паровозах, о неспособности нынешней промышленности строить новые паровозы и починять старые. В частности, товарищи, вот пример, который я также рекомендую вниманию министра продовольствия.

Именно, один из директоров петроградского крупного завода, прекрасно оборудованного, говорил, что в Петрограде сейчас выделываются дизеля для подводных лодок на 1920 г. по контракту [1]). Он утверждал, что известное количество заводов, которые ему, как инженеру, организатору и директору, прекрасно известны, могли бы без серьезных технических переделок выделывать 15 паровозов в месяц. Я не ручаюсь за цифру, беру цифру на веру, но это серьезный техник и организатор, и он назвал соответственное количество вагонов. Почему же не делается это? Потому что необходимо нарушить контракты, заключенные государством с другими такими заводами или заводом, с другими предприятиями. Это нарушит частные интересы, частные прибыли, и государственная власть, при данной конструкции, на это не решается итти. Нам говорят: мы не нашли еще пути. Да о каких же путях может еще итти речь, товарищи?

Ведь было создано правительство, в которое вошел министр труда социалист и министр торговли и промышленности, очень серьезный политик торгово-промышленной буржуазии, Коновалов. [52] Очевидно, сотрудничеством этих двух представителей предполагалось в первую голову ввести организацию, планомерность производства в промышленность. Что же сделал Коновалов? Коновалов ушел, ушел при содействии и сочувствии, открыто выражаемом виднейшими органами торгово-промышленной буржуазии. Он ушел, товарищи, и было бы смешно и с нашей точки зрения было бы политикой страуса говорить, что он ушел вследствие вредного своего личного характера.

---

[1]) Далее в подлиннике следует: «на 1920г. выделываются дизеля для подводных лодок».

Я думаю, что это широко распространенное мнение, что Коновалов является одним из наиболее прогрессивных и серьезных представителей русского торгово-промышленного капитала, и он ушел, он саботировал ту задачу организации производства, которая была поставлена и стоит перед нами во весь свой рост. Я спрашиваю, товарищи, дальше: где же выход? Это есть конкретная задача и центральный вопрос всего нашего правительства. Это есть вопрос о судьбе нашей промышленности, это вопрос, который обходят, как будто тут есть вопрос о тех или других придирках большевиков или интернационалистов. Сделан был опыт построить коалиционное министерство. Кто там будет,— Переверзев ли, социалист или честный либерал, это нам совершенно безразлично. Но центр всей организации был построен по типу коалиции: министр труда — социалист, министр торговли и промышленности — ответственный представитель капитала. И когда вопрос был поставлен так, Коновалов ушел. И вот, если не ошибаюсь, три недели ищут ему заместителя и не находят, не находят, товарищи... (Рукоплескания.)

Одно из двух, товарищи, либо, если принцип был верен, самый принцип, положенный в основу создания правительства коалиционного с ответственным представителем капитала был верен, надо себя спросить, чем объясняется его банкротство, его крушение. Ведь у нас сейчас нет правительства, — правительство находится в состоянии кризиса, потому что самый ответственный представитель торгово-промышленных сфер вышел из него при поддержке торгово-промышленного капитала.

Это значит, что мы живем в состоянии панического кризиса власти. Пытались приглашать профессоров,—по крайней мере, газеты так говорили,— профессоров, которые не ответственны перед промышленниками, т.-е. пытались создать министра торговли и промышленности из лица, которое ни за что и ни за кого не отвечает, за которым ничто и никто не стоит.

Не знаю, почему такая попытка не привела к успеху. Теперь говорят о привлечении Третьякова из Москвы, [53] представителя московского биржевого комитета, т.-е. ответственного перед этими торгово-промышленными сферами, от имени которых имел полное право говорить Коновалов. Вопрос сводится к перемене лиц, и не можем ли мы, не должны ли мы предсказать, что эта попытка сведется к тому же: т.-е. либо Третьяков с успехом будет парализовать, т.-е. саботировать организационные, творческие революционные начинания власти, либо уйдет, а уйдет почему, товарищи? Он будет саботировать промышленность, чтобы углублять кризис, чтобы показать, что революционные элементы дезорганизуют хозяйство, чтобы таким образом взять революцию, пролетариат измором. Это есть их тактика. Почитайте речь Кринского в частном совещании, будто бы таком невинном, Государственной Думы. Он говорит: чего вы пугаетесь, — что слишком много ассигнаций в стране? Погодите, когда начнется голод и не хватит денег, когда начнется подлинный голод, все возопиют о твердой и крепкой власти, и тогда придет наш черед. Но ведь то, что у Кринского на языке, то у серьезных капиталистов, у помещиков на уме. Они все ждут, что революционный пролетариат и деревенские низы будут взяты измором и тогда придет их черед. Я говорю, Третьяков явится только для того, чтобы проводить эту программу, если его не обратят в социализм, а если он не окажется преданным своему собственному классу, этот класс будет поворачиваться к нему спиной, как он поворачивается к Скобелеву и другим министрам-социалистам.

Мы стоим, таким образом, пред хронической невозможностью, ибо дело сводится не к техническому плану.

Это смешно, когда тов. Дан говорит, что у нас нет норм исчисления подоходного прогрессивного налога и нет конкретного плана. Конечно,

иметь хороший план приятнее, чем плохой, но в такую революционную эпоху, в какую мы живем сейчас, когда нам говорят, и говорят серьезно, искренно,—я думаю, что это так,—что страна идет к полной катастрофе, то, само собою разумеется, дело не в технически совершенном плане, а в решительном проведении хотя бы не вполне совершенного плана, а для такого решительного проведения необходимо иметь однородность власти,—вот в чем вся суть, ибо одно из двух: либо вы хотите действовать рука-об-руку с торгово-промышленниками, тогда безразлично, сколько будет, пять социалистов, десять буржуев или наоборот; если считать, что нужно действовать по соглашению, то вы должны тогда капитулировать перед ними, и вся их тактика в вопросе хозяйственном сведется к тому, чтобы взять революцию измором.

Что говорит Коновалов? Когда Коновалов уходит из министерства, он не потому уходит, что желает предоставить все поле деятельности Скобелеву и другим. Он говорит, что Скобелев и его друзья больше всего боятся получить всю полноту власти. Он говорит: «Я запугаю вас тем, что если вы будете покушаться на 100%, я вам подкину всю государственную власть», и он знает, что Скобелев в ужасе отшатнется, если он подкинет ему государственную власть, и пользуется этим страхом, этим глубоко антиреволюционным страхом перед вручением всей власти в руки революционной демократии. Пользуясь им, представители помещичьего землевладения и крупного капитала занимаются систематическим шантажом и вымогательством по отношению к партиям и революционным силам демократии, и когда мы стоим, товарищи, перед таким вопросом, является тов. Брамсон и говорит: «не вините министра или правительство, помните, что им приходится каждый раз пробираться сквозь колючую изгородь всяких препятствий, левых элементов, анархий, интернационалистов, большевиков, и т. д.». Товарищи, разве это серьезная постановка вопроса, разве есть в ней на гран серьезности? Каким образом [1]) вы так ставите вопрос,—раз [2]) власть, которая есть в России, есть ваша [3]) власть? Ведь большинство в Совете Р. Д. есть ваше [3]) большинство, армия стоит за вами [3]), демократия за вами [3]), и вот являются агитаторы-смутьяны, анархисты, которые парализуют творческие усилия этой государственной власти, которая опирается на все Советы, на армию, на демократию. Товарищи, эта точка зрения глубоко унизительна для вас самих.

По-моему, неправда, товарищи, будто революционная власть, опирающаяся на большинство народа, может быть парализована в своих творческих усилиях теми или другими смутьянами. Я приведу пример, когда в Петроградском Совете Р. Д. один из ораторов, принадлежащий к партии министра Церетели, поставил ему вопрос такого рода: что у вас в министерстве, сказал он, имеется черносотенное гнездо в одном почтово-телеграфном правлении, чиновники его ходят по деревням и спрашивают крестьян: не правда ли, было лучше в стране при царе? Не намерены ли вы, спрашивал интерпеллянт, разорить это черносотенное гнездо? [54] Что ответил ему Церетели? У меня остается еще две минуты... (Голоса: «Просим».)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Угодно продолжить речь тов. Троцкого? (Предложение принимается.)

ТРОЦКИЙ... «Нет, я не желаю применять меры репрессии, я желаю создать такие условия, что когда явятся черносотенные агитаторы в деревню и спросят, не было [ли] лучше при царе, ему бы ответили: лжешь, при царе было хуже, теперь лучше...» (Рукоплескания.) Верно, совер-

---

[1]) В подлиннике далее следует: «революционная власть, а».— [2]) В подлиннике: «та».— [3]) В подлиннике: «наша», «наше», «нами».

шенно верно. Я сам рукоплескал этому ответу. Так я и от вас требую, чтобы тот же самый принцип применялся не только к черносотенным агитаторам, но и к агитаторам левого крыла, к которым вы относитесь хуже, чем к черносотенным агитаторам... (Рукоплескания.) Товарищи, то, что я требую, это есть очень скромная программа минимум.

Эта программа та, чтобы комиссар Временного Правительства, приехавший в Кронштадт, совершал там такие дела, чтобы кронштадтцы сказали: да, этот правительственный комиссар лучше нашего выборного комиссара. А если этого нет, нужно их в этом убедить и именно потому, товарищи, что Временное Правительство, при настоящем своем составе, посылает на места комиссаров, которых даже лояльнейший, очень лояльный, министрам дружелюбный Совет Крестьянских Депутатов назвал односторонне подобранными из помещичьего состава. Поэтому, товарищи, и происходят на местах так называемые недоразумения местных Советов Солдатских Рабочих и Крестьянских Депутатов с комиссарами.

Это есть, г.г., результат всей той злосчастной политики: в революционную эпоху, когда социальные интересы особенно обнажены, все классовые страсти обострены, и народные массы, освободившиеся от старых крепостнических репрессий, предъявляют свои собственные интересы и запросы, сверху мы имеем власть расколотую на-двое и не потому, что есть Советы и Временное Правительство, а потому, что Временное Правительство построено не по типу твердой власти, а по типу постоянной конференции, постоянной примирительной камеры между представителями помещиков и крестьян, представителями капитала и представителями рабочих. Примирительная камера в революционную эпоху править не может, и так как у большинства правительства, у них гораздо более твердый спинной хребет, они представляют классы, которые в течение десятилетий и столетий привыкли управлять и властвовать, то наши министры по важнейшим вопросам фактически капитулируют перед ними, или вся работа приходит к полному застою, справа ее саботируют, и мы не выходим из постоянной дезорганизации.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Ваше время прошло.

ТРОЦКИЙ. Я просил мне десять минут еще дать. (Продление речи на 10 минут принимается.)

Товарищи, я совершенно согласен с нашим министром продовольствия, я не принадлежу к одной с ним партии [1]), но если бы мне сказали, что министерство будет составлено из 12 Пешехоновых, я бы сказал, что это огромный шаг вперед... (Рукоплескания.)

Я бы сказал: Коновалов ушел,— найдите второго Пешехонова, серьезного работника... (рукоплескания) и уберите из министерства всех тех, которые мешают Пешехонову, создайте там возможность работы... (Голоса: «Правильно». Рукоплескания.)

Это будет серьезный шаг вперед. Вы видите, товарищи, что я в этом вопросе исхожу не из какой-нибудь фракционной, партийной точки зрения, а из более широкого взгляда на задачи организации хозяйства в настоящий момент. Я совершенно согласен с министром продовольствия Пешехоновым, когда он говорит нам, что необходимо народные массы дисциплинировать. Правильно.

Что наблюдает рабочая масса? Она наблюдает, во-первых, полную дезорганизацию государства, во-вторых, не прекращающиеся хищения представителей капитала, и я вам говорю, товарищи, что каждый рабочий имеет в этих условиях психологическое право сказать себе: раз все в распаде,

---

[1]) В подлиннике: «симпатии».

капиталисты продолжают грабить, что же, я буду молчать? я предъявлю максимум требований и возьму, что смогу. Это неизбежный результат положения вещей.

Но в тот день, в тот час, когда будет во главе страны стоять такая власть, в которой каждый рабочий, по крайней мере, каждый честный, не развращенный рабочий, будет видеть свою собственную власть, он скажет: эта власть меня не обманет, не обкрадет. Пешехонов меня не продаст, — скажут рабочий, крестьянин, солдат. И когда Пешехонов не как земский статистик и не как полуминистр в настоящее время, ибо он полуминистр, а как полноправный министр скажет рабочему классу: у нас сейчас столько-то угля [1]), столько-то чугуна, на этом фундаменте могут работать такие-то заводы, в кассах государства столько-то средств, в банках столько-то денег, ты можешь получать такую-то заработную плату и такое-то количество продуктов, тогда, скажем, каждый сознательный рабочий будет чувствовать себя, как чувствует стачечник по отношению к управлению своего союза: он требует больше субсидии, союз скажет—вот моя касса, мои книги, больше не могу дать. Так же будет смотреть рабочий класс в записи министра Пешехонова, а пока будут сидеть Шингаревы, Терещенко, Львовы и Коноваловы, кадеты или, может быть, правее кадетов, рабочий класс говорит: это ставленники капиталистов, я им не верю и буду добиваться максимума того, что я могу получить, — это естественная психология. (Рукоплескания.)

Я должен сказать то же самое и о всех остальных вопросах. Через две недели или через месяц все вопросы станут перед вами еще острее, чем стоят сегодня, и выход нужен будет еще более героический, чем сегодня. Я возьму один пример, товарищи. Представьте себе демобилизацию русской армии при нынешнем правительстве, правительстве примирительной камеры, абсолютно недееспособной, когда русские солдаты, которые участвовали в войне и мечтали о земле, ринутся лавиной в деревню и застанут неразрешенной по существу ликвидацию помещичьего владения, когда русский солдат доехать до деревни не сможет, будет сталкиваться с железнодорожным аппаратом, будет голодать, не сможет получить продовольствия, несмотря на все усилия министра продовольствия,—тогда могут быть тягчайшие осложнения, тягчайшие конфликты. Вы скажете: нужна дисциплина. Правильно, дисциплина нужна, но кого и над кем?

Когда тов. Дан говорил, что будто бы представители социалистов-революционеров, интернационалисты отрицали необходимость крепкой революционной власти; это неверно. Никто из нас не отрицает необходимости крепкой революционной власти,—вопрос: чья власть и над кем. Власть ли князей Львовых, или тех людей, которые стоят за их спиной над рабочей демократией, или власть рабочей демократии над всеми ее частями, над всем народом. Вот как стоит вопрос. товарищи. (Рукоплескания.) Я говорю, товарищи, что в момент демобилизации нам нужна будет крепчайшая власть. Как сейчас солдат, который, скажем, дезертирует из армии, или солдат, который устраивает бесчинства на железнодорожной станции, или громит хлебный магазин, он чувствует себя, как бунтарь, до известной степени, как стачечник против власти, которая стоит над ним.

Если же над ним стоит власть, которая вышла из Совета Р. Д. крепкая власть, то ослушник будет иметь психологию не стачечника, а штрейхбрехера, стачколома. Нужно воспитать и создать такое обще-

---

[1]) В д. № 5 далее отсутствуют три страницы; дальнейший текст печатается по тексту д. № 63.

ственное мнение, что вот рабочие, крестьяне и солдаты, — это есть ваша собственная власть, а вы имеете в этой власти Львовых, Коноваловых или завтрашнего Третьякова, и никакими речами, никакими воззваниями, как бы они ни были красноречивы, вы ничего не достигнете, ибо у русского рабочего и мужика крепко стоит в мозгу, что означают для него эти классы в течение столетий, какое рабство и какое унижение, и вы ничего не достигнете, несмотря на посредство всех министров-социалистов, потому что рабочие массы не будут считать это правительство своим правительством ни в одном вопросе.

Поэтому так называемые левые агитаторы, которые подготовляют завтрашний день русской революции, которые поддерживают, — несмотря на вашу политику, которую я считаю ошибочной, — поддерживают весь авторитет Советов Р. и С. Д., ибо говорят: их политика сегодня ошибочна, но вся полнота власти должна быть передана им, воздействуйте на них в этом направлении и помните, что у вас нет других революционных организаций, кроме этих Советов Р. и С. Д., и потому, товарищи, что политика половинчатости, политика примирительной камеры окажется бессильной, она грозит увлечь в бездну непопулярности, враждебности и авторитет Советов. Я смею думать, что мы своей работой не подрываем ваш авторитет, а являемся необходимой составной частью в подготовлении завтрашнего дня.

Тут говорят о захвате власти кружками и кучками,—это неверно. На всяком митинге, на всяком собрании, где я бываю и где спрашивают меня, что делать сейчас, уходить из Совета, не подчиняться Советам, воевать с ними, рвать с правительством, я отвечаю: нет, мы недовольны правительством, мы недовольны Советами, но нельзя взять власть в свои руки, пока сам Совет Р. Д. не придет через переработку своего внутреннего сознания [к] пониманию того, что в эту критическую эпоху он должен сказать себе, что на мне лежит долг взять на себя ответственность за все проклятое наследие царизма и углубление войны и разрухи первым либеральным правительством.

Только Советы Р., Кр. и С. Д. способны еще внести элемент действительно творческой, революционной дисциплины в сознание изголодавшейся и уже начинающей отчаиваться массы и только они способны, товарищи, не считая интересов частной собственности, разрешить наиболее неотложные наши задачи. Та политика, которую, ведут многие министры, отвечающие: это разрешит Учредительное Собрание, — это, товарищи, политика ложная, это по существу либеральная политика. Учредительное Собрание многое разрешит, но его нужно подготовить, нужно создать условия его осуществимости, и эта обстановка разрухи, обстановка растущего недоверия к недееспособной власти может подкопать самую возможность созыва Учредительного Собрания, и те черные вороны 4-й Гос. Думы—они совсем не так невинны, как их здесь хотели изобразить некоторые, простите за выражение, [1]) простаки. Они совсем не так невинны,—они стоят на своем классовом посту. Их ставленники в министерстве саботируют творческие усилия Пешехоновых, берут измором русскую революцию, продовольственное дело, аграрное дело, промышленное дело, дипломатическое дело. Во всех областях политика измора, политика истощения, подрыва авторитета и доверия власти. Она идет справа, а те стоят на-чеку в своем Таврическом дворце и ждут, по выражению Кринского, момента, когда массы отчаятся и скажут: хотим старого царя, твердой октябристской власти. Тогда явится

[1]) Дальнейший текст печатается по тексту д. № 5.

Родзянко, тот самый Родзянко, портреты которого висят в деревнях, как отца нового Временного Правительства, на котором есть отблеск русской революции; поставит он своего Гучкова, и тогда мы будем иметь подлинно крепкую власть, власть, которая в один куль свяжет вас с правого крыла и нас — из левого. (Шумные аплодисменты.)

Товарищи, я вас не надеюсь сегодня переубедить,— это было бы слишком дерзкой мыслью с моей стороны, но то, чего я хотел бы достигнуть сегодня, — это пробудить в вас мысль, что если мы делаем вам оппозицию, то не из враждебных, не из вредных, каких-нибудь корыстных фракционных побуждений, а потому, что мы, как и вы, болеем теми же болезнями, страдаем всеми страданиями революции. Но мы видим другие ответы, чем вы; мы твердо убеждены, что если вы утверждаете сегодняшний день русской революции, то мы изготовляем для вас ее завтрашний день. Мы мобилизуем наиболее революционное левое крыло, и если политика двое-безвластия, безвластия Совета и правительства, приведет к контр-революционному кризису и Гучковы вместе с Родзянками придут выметать революцию вон, как вы, товарищи, увидите, что мы из левого крыла были не последними в борьбе вместе с вами, что мы также отстаивали развитие и углубление завоеваний революции. ([Возгласы:] «Браво». Шумные аплодисменты.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово имеет тов. Скобелев.

СКОБЕЛЕВ[1]). (Аплодисменты.) Товарищи, в связи с некоторыми указаниями в речи предыдущего оратора, я имею честь сделать следующее разъяснение. Мне неизвестен руководитель промышленного предприятия, с которым вел разговор предшествующий оратор; мне неизвестно также и то предприятие, в котором изготовляются дизельмоторы на 20-й год, но мне известно, что Временному Правительству от предшествующей эпохи нашей промышленной политики достался хаос, беспорядочность и бессистемность ведения нашей промышленно-хозяйственной жизни.

Временному Правительству приходится прибегать к самым решительным мерам, чтобы наладить в той или иной мере более целесообразное использование и финансовых ресурсов государства, и творческих сил всех народов, населяющих Россию, и, в первую очередь, ее[2]) трудящихся масс.

Временное Правительство, в целях финансовой экономии и в целях распределения рабочих рук более целесообразно, вынуждено сейчас ликвидировать целый ряд предприятий, целый ряд хозяйственных сооружений и государственного порядка, и частного порядка.

В частности, в министерстве путей сообщения уже приступлено к немедленной ликвидации всех работ, начатых во время войны, не могущих быть законченными в ближайшее время.

Прекращается постройка целого ряда железнодорожных линий, рассчитанных на более длительную войну; прекращается целый ряд хозяйственных сооружений, не могущих иметь значения для промышленной жизни в ближайший период.

В военном и морском ведомствах немедленно прекращаются все сооружения, которые не могут иметь непосредственного значения для обороноспособности страны в ближайший период и которые имели в виду лишь осуществление более отдаленного плана.

Прекращается целый ряд сооружений на заводах морского и военного ведомств из тех же соображений.

---

[1]) Речь Скобелева печатается по тексту к д. № 5, с собственноручными поправками Скобелева, оговариваемыми в дальнейших примечаниях в д. № 63 и имеется тот же текст речи без поправок. — [2]) Первоначально: «его».

Свободные рабочие руки, квалифицированные и неквалифицированные, немедленно перераспределяются при содействии, правда, еще слабых органов министерства труда, в тех областях, где ощущается нужда в этих квалифицированных рабочих руках.

В частности, в железнодорожном хозяйстве, как здесь было справедливо указано, главное или, вернее, непосредственное средство облегчить все транспортные затруднения лежит в возможности более быстрого ремонта всех средств для передвижения. И поэтому в мастерских и депо всей сети российских железных дорог вводятся две смены [1]) рабочих. Целый ряд не только промышленных предприятий [2]), находящихся в ведении государства, но и целый ряд промышленных предприятий частновладельческих, естественно, замирают [3]). Временное Правительство не препятствует [4]) их вымиранию для того, чтобы освободившиеся на них рабочие руки немедленно направить в депо и мастерские железных дорог.

Целый ряд промышленных предприятий волею Временного Правительства ликвидируется в тех же самых соображениях — для того, чтобы не питать их финансовыми ресурсами страны, для того, чтобы освободить [5]) все производящие творческие силы, занятые в этих предприятиях. Мы только лишь [6]) приступили к этой работе; уже есть конкретный результат, но это — необъятная [7]) область для решительных мероприятий Временного Правительства в смысле урегулирования всей нашей хозяйственной жизни. Должен сказать, что на министерстве труда в этой области лежит грандиозная работа, справиться с которой можно, лишь обладая неисчерпаемой верой в творчество русской демократии, ибо легко закрывать немые фабрики, легко приостанавливать и оставлять без внимания мертвые машины, но значительно труднее оперировать в целях государственных с живыми людьми. Поэтому процесс перераспределения рабочих рук [не] может быть не [8]) болезненным для каждого гражданина, являющегося рабочим.

Однако же, мы верим в гражданское сознание рабочего класса, мы рассчитываем на него доверие к целесообразным мероприятиям государственной власти и, опираясь на его организованность, мы надеемся, что нам удастся этот грандиозный процесс произвести более или менее безболезненно и для интересов рабочего, как [9]) гражданина, и для интересов рабочего класса, и для интересов всего государственного организма.

Должен сказать, к сожалению, что и здесь в 1001-й раз сказывается недостаточная организованность рабочего класса. К нам, в министерство труда, ежедневно являются десятки делегаций из различных предприятий с заявлениями, что их предприятия ликвидируются, по их мнению, лишь благодаря злостному намерению предпринимателя или сбавить расценку, или же выгнать их на улицу, или же [в] каких-либо других целях. Я хотел бы, чтобы меня отсюда услышал весь рабочий класс России.

Я говорю: да, злая воля отдельных предпринимателей не умерла; конечно, индивидуальный эгоизм и классовый эгоизм развернулись сейчас во всю ширь на свободной ниве русской революции, но в большинстве случаев отдельные [10]) предприятия [11]) вымирают естественной смертью, и Временное Правительство считает себя не в праве содействовать их искусственному возрождению; наоборот, оно стоит в интересах народного хозяйства

---

[1]) Далее зачеркнуто: «работ квалифицированных». — [2]) Далее зачеркнуто: «о которых уже говорили». — [3]) Первоначально: «замирает». — [4]) Слова: «не препятствует» вписаны над зачеркнутым: «способствует». — [5]) Слово: «освободить» вписано над зачеркнутым: «выпустить». — [6]) Слово: «лишь» вписано. — [7]) Слово: «необъятная» вписано над зачеркнутым: «непочатая». — [8]) «не» вписано. — [9]) Слова: «рабочего, как» вписаны над зачеркнутым: «каждого». — [10]) Слово «отдельные» вписано. — [11]) Далее зачеркнуто: «эти».

за необходимость этот процесс вымирания даже ускорить. В других случаях мы эти предприятия сами закрываем: товарищи, рабочие могут быть своевременно осведомлены об этом и они могут более безболезненно перенести этот процесс перехода из одного предприятия в другое, и лишь тогда, когда они будут организованы, когда мы будем иметь дело не с отдельными делегациями, отдельными фабриками, а с профессиональной организацией, охватывающей рабочих снизу до верху во всех предприятиях. Это облегчит болезненность процесса для самих рабочих, это облегчит всю работу Временного Правительства в этой области. Работа эта большая, грандиозная, и когда кто-нибудь уходит от этой работы, очень часто приходится причину ухода искать не только в тех глубоких соображениях, о которых здесь говорил предшествующий оратор,—приходится принимать во внимание и индивидуальные качества. Нужно, товарищи, обладать, как я уже сказал, очень большой верой в русскую революцию, чтобы не страшиться всех этих задач и взять на себя смелость быть ответственным руководителем их разрешения [1]).

Когда здесь говорят, что разрешение этих задач возможно лишь при изменении самой социальной структуры власти, на это мы отвечаем: нет, мы совершенно иначе смотрим на этот вопрос. Когда здесь говорят, что примирительными камерами во время революции ничего не сделаешь, министерство труда отвечает,—я хотел бы, чтобы и здесь [2]) меня услышал весь рабочий класс [3]): ни в одной стране, ни в одну эпоху не могли сыграть такой решительной роли для хозяйственной жизни страны [4]) примирительные камеры, как сейчас, в эпоху русской революции. Министерство труда считает, что этот институт столь же обязателен [5]), как и законопроект [6]) о свободе коалиции. [55] (Аплодисменты.) Ибо та абсолютная свобода игры классовых интересов, которая добыта русской революцией, она должна упираться в единственные пределы, — в пределы, где начинается уже разрушение всего государственного хозяйственного организма, и отдельные классы должны считаться с этими пределами, ибо, превзойдя их, они разрушают [7]) государственный хозяйственный организм, а [8]) интересы всех классов, интересы каждого гражданина в отдельности рушатся вместе с рухнувшими интересами государства в целом.

Мы уже разработали законопроект об этих институтах, и в ближайшие дни он будет введен в жизнь. Я надеюсь, что рабочий класс, сознавши всю важность их [9]), прибегнет к его услугам. Должен сказать, что наши законодательные мероприятия выходят не из головы, они диктуются жизнью.

Рабочий класс русской революции уже показал без всяких законодательных норм, без всяких институтов правового порядка свою гражданскую зрелость за два с половиною месяца революции, когда не было примирительных камер, когда не было закона о коалициях, но когда рабочий класс владеет более чем где-нибудь абсолютным правом свободы коалиций; мы можем с гордостью сказать, что стачечное движение в качестве борьбы за улучшение своего положения рабочий класс не знает в широких размерах. Он это самое острое, решительное оружие для защиты своих экономических интересов считает возможным вынимать из ножен лишь в исключительных [10])

---

[1]) Слово: «разрешение» вписано над зачеркнутым: «осуществление». — [2]) Слова: «и здесь» вписаны. — [3]) Далее зачеркнуто: «что». — [4]) Далее зачеркнуто: «вот эти». — [5]) Далее зачеркнуто: «в смысле ведения народного хозяйства». — [6]) Далее зачеркнуто: «институт». — [7]) Далее зачеркнуто: «их». — [8]) Далее зачеркнуто: «вместе с тем». — [9]) Слово: «их» вписано над зачеркнутым: «этого института». — [10]) Слово «исключительных» вписано над зачеркнутым: «конечном».

случаях[1]), ибо знает, что это оружие в данной обстановке обоюдоострое. Когда здесь говорят, что во время революции для примирительных камер ни на фабриках, ни в центральной власти нет места, мы отвечаем: как раз наоборот. И если уходит один представитель промышленности с своего поста, то это не значит, что русская промышленность в целом не выросла до сознания[2]) гражданского долга перед страною и до уровня распознания всего того, что происходит.

Будем надеяться[3]), что русская промышленность окажется на высоте своего положения и выдвинет своего представителя, который должен понять, что спасение хозяйственной жизни страны и спасение промышленности в частности может быть разрешено только решительным вмешательством государственной власти в область урегулирования и контроля[4]) промышленности.

А если русская промышленность до этого не созрела, так это лишний показатель того, что мы не созрели для тех завоеваний, которые перед нами широко[5]) открываются. (Аплодисменты.)

Дело не в том, кто ушел и кто должен притти. Я бы тоже предпочел, чтобы с нами в министерстве сидел и еще один тов. Пешехонов, но я бы и тов. Пешехонову 2-му при вступлении его в министерство предложил определенную программу в области хозяйственных мероприятий, в области урегулирования промышленной жизни, ибо не личности, а принципы решают сейчас вопрос. (Шумные рукоплескания.)

Временное Правительство уже сделало постановление о том, что шести министрам поручается разработать создание центрального государственного органа для урегулирования всей хозяйственной жизни, промышленной в частности, а также и в области труда.

Министерство труда уже разработало свои взгляды на этот вопрос, и 7-го июня будет первое заседание шести министров, где будут подвергнуты обсуждению все мероприятия[6]), выдвинутые по инициативе отдельных министров в этой области. Основные положения урегулирования в общем и целом намечены. Детали в смысле создания аппаратов для урегулирования, конечно, еще не намечены, и это[7]) главное затруднение, с которым мы здесь столкнемся, — нам придется учесть, конечно, весь опыт революции и участие всех тех институтов и органов, которые созданы революционной инициативой на местах, ибо нам нужно централизовать, свести к единообразию, создать достаточно авторитетный центр здесь, в Петрограде, для того, чтобы действительно уметь регулировать и руководить промышленной жизнью, а не дезорганизовывать ее еще больше, и здесь поспешность, может быть, еще менее уместна, чем где бы то ни было.

Когда здесь шла[8]) речь о новом министре торговли и промышленности, то[9]) пытались уход министра[10]) или работу министерства торговли и промышленности ставить в тесную связь с работой министерства труда. Мы[11]) озаботимся, конечно, чтобы новый руководитель министерства торговли и промышленности выяснил во Временном Правительстве свою точку зрения на основные принципиальные вопросы, задачи дня, и министерство труда будет, конечно, принимать участие[12]) в выясненении точки зрения министерства торговли и промышленности на этот вопрос.

---

[1]) Первоначально: «случае» и далее зачеркнуто: «в самый решительный момент».— [2]) Далее зачеркнуто: «своего классового достоинства, до сознания».— [3]) Слова: «Будем надеяться» вписаны над зачеркнутым: «Мы верим».— [4]) Слова: «и контроля» вписаны.— [5]) Первоначально: «широкою» и далее зачеркнуто: «волною».— [6]) Слово: «мероприятия» вписано над зачеркнутым: «законопроекты».— [7]) Слово: «это» вписано.— [8]) Слово: «шла» вписано над зачеркнутым: «идет».— [9]) Слово: «то» вписано над зачеркнутым: «если здесь».— [10]) Слово: «министра» вписано.— [11]) Первоначально: «то мы».— [12]) Далее зачеркнуто: «в выработке программы и».

А когда здесь говорят нам о том, что эгоизм предпринимателей развернулся во всю ширь и глубь и что стихийное движение в пользу увеличения заработной платы объясняется этой психологической обстановкой, когда рабочий класс видит, как предприниматель продолжает расхищать государственное достояние, мы, конечно, против этого ничего возразить не можем. Но способ для борьбы со стихийным движением классовых интересов может быть один единственный: интересам предпринимателей, точно также неорганизованным интересам рабочего класса должны быть противопоставляемы интересы государственные. Твердая воля смелой, решительной государственной власти должна установить те методы хозяйственной политики, единственно способной спасти государственный организм, а вместе с тем спасти и русскую революцию. А тем отдельным ораторам, в Думе ли, или где-нибудь на митинге, которые себе позволяют смелость открыто спекулировать на недостаточной организованности демократии и на том, что она еще не сумела справиться с хозяйственной разрухой, Временное Правительство сможет указать [1]) свое место. (Голоса: «Браво». Шумные рукоплескания.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Товарищи! После голосования резолюции относительно высылки Грима в президиуме возник вопрос о проверке этого голосования. Чтобы привести в исполнение это постановление, я должен, товарищи, предупредить вас, что это придется сделать сегодня, при чем мы решили проверять голосование не карточками, а посредством выхода в двери. О технике я сообщу вам в свое время, но нужно, чтобы был достаточный кворум, поэтому я прошу вас, товарищи, не расходиться. (Голоса: «Кворума сейчас нет. Может быть, отложить до завтра?») Товарищи, я вас предупредил уже: когда перейдем к этому вопросу, тогда вы скажете, можно ли отложить до завтра или решать сейчас. (Голоса: «Скажите причину».) Товарищи, я уже сказал: для более точной проверки голосования президиум постановил сделать эту проверку, так как могли быть некоторые недоразумения, некоторые недочеты и т. д. В виду этого президиум и предлагает это сделать. Когда мы будем обсуждать этот вопрос, вы выскажетесь; я только предупредил вас. Слово принадлежит тов. Фирсову.

ФИРСОВ [2]). Товарищи, тов. Троцкий сказал... (Голоса: «От кого вы говорите?») ... я говорю от имени фракции социалистов-революционеров... тов. Троцкий сказал, что он немногому научился у тов. Пешехонова из его доклада. Очень жаль,—если бы он научился большему, он не сказал бы того, что он сказал. У тов. Троцкого получился очень простой выход из того сложного вопроса, из того сложного положения, которое обрисовал тов. Пешехонов: назначить 12 Пешехоновых в министерства, это и будет выход. Я думаю, что 16 Лениных тоже ничего не сделали бы. Дело не в 12 Пешехоновых и не в 16 Лениных, и дело даже не в создании единой сильной якобинской революционной власти, как многие об этом любят говорить, особенно товарищи слева, а дело в том, чтобы хозяйственная народовластная и организационная работа была проделана на местах. Дело именно в этом, это и есть главная основная мысль тов. Пешехонова. Дело заключается не в том, чтобы выработать только продовольственный план, а в том, чтобы этот план провести на местах, в том, чтобы на демократических началах его построить, и чтобы продовольственные комитеты существовали, чтобы они увенчались уездными и губернскими комитетами, и чтобы они действовали на местах на деле, а не только на бумаге. Эта работа, товарищи,

---

[1]) Далее зачеркнуто: «им». — [2]) Речь Фирсова печатается по тексту в д. № 5; в д. № 63 текст речи представляет собою краткое изложение стенограммы.

требует громадной вашей собственной организационной работы, и если вы этого делать не будете, то ни 12 Пешехоновых, ни 16 Лениных не помогут. (Сильный шум.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Товарищи, я не имею возможности слушать оратора и следить за ним и, таким образом, не буду в состоянии выполнять свою задачу. Еще раз прошу вас, товарищи, соблюдать тишину и прекратить хождение.

ФИРСОВ. Обязанность министерства—дать свободу и возможность создания, я бы сказал, плана организации, ну, скажем, промышленности, но фактическое проведение его в жизнь зависит только от вас самих. Я дам вам несколько примеров московского промышленного района, и вы увидите, что дело не столько в этом цвете центральной власти, сколько в вашем участии в этом; главнейшая трудность—взять промышленность в свои руки, наладить все хозяйство,—заключается скорее в слабости работ демократии в этих органах, чем в самой проблеме государственной власти. Я бы товарищи, не хотел, чтобы вы это упускали из вашего внимания. Возьму пример московского центрально-кожевенного комитета, который имеет своей целью объединить все производство кож и всю выработку изделий из кож в один центральный орган. В его местных всевозможных разветвлениях принимают большое участие профессиональные союзы и представители рабочих. Этот закон был издан Временным Правительством, но я должен констатировать, товарищи, что у нас, благодаря нашему несчастью заниматься бесконечными политическими спорами, у нас для этой творческой, органической работы мало работников, которые желали бы работать в этих органах снабжений, где творится хозяйственная жизнь, где она демократизируется на началах, защищающих рабочих. В этом главная проблема. К сожалению, у нас много социалистических фракций—целых четыре,—мы бесконечно спорим, а творческой работы мы не делаем в тех самых органах, которые должны творить жизнь. Не нужно иметь гипертрофии нашей революционной власти, не нужно спорить: 12 Пешехоновых или 1,—дело не в этом. И поэтому, товарищи, я обращаю ваше внимание на громадную творческую работу над завоеванием муниципий: волостных, земских, губернских и уездных,—вот тут завоевывается власть демократии, а не там, в министерстве, где сидят Пешехоновы. Это—гипертрофия мысли, которая, несомненно, имеется у товарищей большевиков, меньшевиков и у интернационалистов,—обратите на это внимание. Не нужно думать, что дело много изменится от этого, если не будет вашего собственного творчества. А теперь я перейду к вопросу о проблеме власти и о кризисе власти. Я согласен с товарищами большевиками в том, что нельзя смотреть на этот вопрос легко, что эта их пропаганда о том, что власть должна перейти к Советам Р. и С. Д., есть нечто утопическое, мечтательное, как говорили все старые товарищи. Я полагаю, что эта пропаганда исходит из реального и бьющего в глаза факта. А он, этот факт, заключается в следующем, товарищи. Всем известно, что уже в течение 50 лет после того, как русская революция борется с царизмом, эта революция всегда шла под знаменем социализма. Мы не знали в России ни одной демократической или буржуазной партии,—были только социалистические, революционные партии. И что же удивительного, когда во время революции победил социализм, в конце концов, главенство в организации сознания рабочих масс получили социалистические партии.

А если это так, то ясно с точки зрения общего демократизма, что власть должна быть такой же. Вот как рассуждают просто и ясно товарищи большевики. Что им можно возразить на это, если, действительно, социалистические партии главенствуют в организации и сознании рабочих

масс? Вы посмотрите здесь, в этом представительстве трудящихся рабочих и солдат, разве тут не главенствуют социалистические партии? Это простой и естественный выход, что и власть должна быть такой же. Вот в чем сила их аргументации — я просил бы понять серьезно это возражение. Несмотря на это, я полагаю, что они неправы и вот по каким соображениям. Вот именно благодаря этому противоречию между главенством социалистических партий в организации и сознании народных масс и буржуазной конструкции власти нашего Временного Правительства, — отсюда и возник кризис власти, тут-то и было вопиющее противоречие. Какой же выход? Правилен ли при таком положении вещей тот выход, который требуют товарищи слева, и тот выход, который приняли сейчас Совет Р. и С. Д. в Петрограде, а впоследствии и в Москве, — необходимо создание коалиционного министерства? Да, соглашение между левым крылом буржуазии и трудящимися массами, — в этом, в конце концов, смысл коалиционного министерства. Мы должны открыто и просто это сказать. Я думаю, что те из нас, которые хотят установить полный параллелизм между главенством социалистических партий в Советах Крестьянских Депутатов, вообще трудящихся масс, и между организацией власти, упускают из внимания одно самое серьезное и самое трудное противоречие, которое совершается в нашей жизни, это именно — войну; они упускают из вида, что такая великая революция, как наша, не может совершаться в государственном масштабе, что она совершается в международном масштабе. И только исходя из этой международной обстановки нашей революции, можно понять, почему мы не делаем так просто, как рассуждают наши товарищи большевики: взять и организовать власть, как это соответствует настроению масс. Это не трудно сделать реально, это ничего не стоит фактически в смысле материальной силы, и следовательно, если мы приходим к другому выводу, то есть достаточно серьезное основание. Наша революция не только по организации тех масс и тех органов, которые ее двигали, была по существу социалистичной, т. е. в ней господствовали социалистические партии, но и по содержанию своему она таит в себе величайшие социальные перспективы.

Знаете ли вы в мире такую революцию, которая бы так бурно провела возможность дать политические реформы своему государству? Где вы видели Учредительное Собрание на основе всеобщего, равного прямого и тайного, без различия пола, голосования? Я такой революции еще не видал в мире. Знаете ли вы такую революцию, которая бы провозгласила передачу всей земли всему народу? Такой революции мы также не знаем. А провозгласила она это не как далекий принцип, а как действующий лозунг, который должен осуществиться в течение ближайшего революционного времени. И по своему содержанию, следовательно, эта революция грандиозна, но именно потому, что она так велика, она не может никогда совершаться в ограниченных государственных рамках. Следовательно, благодаря тому обстоятельству, что она поставила перед собой такие громадные задачи, по своему политическому и социальному содержанию она должна была роковым образом встретить несомненное сопротивление международного капитала, который пока еще главенствует на Западе. И я лично полагаю, например, что если бы даже войны не было и если бы предположительно наша революция, с ее таким громадным политическим и социальным содержанием, разразилась бы в России под таким главенством социалистических партий, то, быть может, она вызвала бы войну с Западом, постольку поскольку на Западе не было бы социальной революции; но она разразилась, когда война уже была, и вот тут-то тот узел, который предлагают разрешить наши

товарищи большевики. Вы знаете, что наш кризис осложняется кризисом международным. Он заключается в том, что через три года войны все государства совершенно истощены и идут к несомненной катастрофе, если война будет продолжаться. Но, товарищи, катастрофа, к которой приближается одна из воюющих стран, именно мы, Россия, гораздо ближе, чем та катастрофа, к которой приближаются западно-европейские милитаристские и империалистские государства, — вот это надо всегда помнить. В то время, как там с самого начала войны приступили давно, правда, в рамках капиталистических, к организации промышленности, к организации производства, к известному налаживанию хозяйственного организма и приспособлению его к этой безумной войне, которая растрачивает и употребляет все силы страны на изготовление орудий истребления людей, а не на орудия потребления и производства, в то время, как мы здесь в течение трех лет, благодаря господству царского режима, ничего в этой области не сделали, в то время, как мы в марте уже подошли к краху, там к краху еще не подошли, — на Западе есть еще организация производства, там еще есть много пороху в пороховницах, и благодаря такой организации производства там, к сожалению, западно-европейский пролетариат так врос в эту государственную организацию, так объединился, несомненно, со всем этим капиталистическим организованным прочным подсчетом всех сил, что он не сразу может от этого высвободиться, что он до сих пор находится под давлением империалистских лозунгов и не может начать борьбы с своим государством, как мы ее начали, не объединенные, не связанные с этой органической, творческой ролью государственного механизма. Отсюда вывод, что если мы благодаря гораздо большей близости к катастрофе, чем это имеется на Западе, вынуждены были начать с воззвания 15 марта о мире всего мира, — я вижу в этой близости экономической катастрофы объяснение нашего стремления к миру, — то на Западе этого стремления еще не было. И вот благодаря такому соотношению сил велик один соблазн окончить войну иначе, чем мы этого хотим: окончить войну посредством международного восстания пролетариата, — это дело сложное, это длинный и сложный процесс, но при той ситуации, которую я вам нарисовал, при господстве западно-европейского капитализма над массами, при господстве хозяйственно-империалистского капитализма, который мы видим, есть другая возможность закончить войну и привести к нашей катастрофе, — закончить войну империалистическим разгромом нашей революции. Это было бы прелестно: во-первых, был бы уничтожен очаг, который мог бы вызвать международное движение с точки зрения международного капитала, а с другой стороны, можно было бы окончить войну, в которой истекают кровью и силами западно-европейские государства. И я не уверен при нынешнем положении вещей, чтобы мы сколько-нибудь были гарантированы, в особенности два месяца тому назад, от такой комбинации. Закончить очень просто. Мы бы имели конгломерат всех государств против одной России, и тогда эти государства, конечно, сговорились бы между собой: Курляндия могла бы перейти к Германии, Германия отдала бы Эльзас-Лотарингию Франции, — тут можно было бы сделать всевозможнейшие сделки и возмещения, и мы, несомненно, должны были учитывать такую возможность. Одним словом, и по политическим и по социальным соображениям, с одной стороны, и по нашей экономической и хозяйственной разрухе, с другой стороны, мы имеем против себя, товарищи, не только русский, но и международный капитал, но и международную организацию капитализма. Что нам делать при таких условиях? Вы говорите: взять власть в свои руки. Да разве вам международный капитал позволит это

сделать, разве вы независимы от него во всех мелочах финансовой и хозяйственной жизни, разве ваше финансовое хозяйство и экономическое благосостояние не связано тесно с мировым международным капитализмом и разве этот капитализм даст захватить власть социалистическим партиям в государственных рамках? Так вот, товарищи, раз дело обстоит так, раз мы имеем против себя международный капитал, раз мы связаны с войной и международным капиталистическим хозяйством в единый клубок, то в государственных ограниченных рамках социалистическим партиям ни в коем случае нельзя захватывать власть, ибо это будет величайшая утопия. Я понимаю, — нам говорят: да, берите власть и проводите буржуазно-демократическую платформу. Вот что говорят большевики. Я не желаю дискредитировать свои социалистические партии и их идеи социализма, но социалисты не могут переходить к власти и проводить буржуазно-демократические реформы. Одно из двух: или, если он переходит к власти, он проводит социалистическую платформу, а если он этого не может по условиям момента и по международной обстановке, то он должен честно сказать: я этого сделать не в состоянии и поэтому открыто и гласно иду на соглашение с левым крылом буржуазии. Этим я провожу, несомненно, решительную демократическую платформу, не имеющую резко социалистического характера, но не прячу правды от масс; я не говорю, что пришел к власти и действую, как социалист, чтобы в массах не было потом неизбежного разочарования. Проводить социалистические реформы и резкие меры, когда властвует международный капитал и главенствует на мировом рынке, нет совершенно никакой возможности, поэтому я полагаю, что соглашение с левым крылом буржуазии на основании решительных социальных мер, не уничтожающее капиталистический порядок, но выводящее страну из той экономической разрухи, в которой она находится, — это соглашение было неизбежно, оно диктовалось всем международным положением и всей обстановкой хозяйственной жизни России и кто этого не видел, тот, несомненно, был утопистом.

Поэтому, несмотря на то, что нашим национальным рамкам, быть может, соответствовало построение власти исключительно из Советов Р. и С. Д., соответствовало бы тому влиянию, тому политическому авторитету, который действительно имеют Советы, несмотря на это, при той международной обстановке, которую я обрисовал, была только одна возможность соглашения с левым крылом буржуазии на основании решительной и смелой демократической платформы. Вот почему было неизбежно это соглашение и почему мы его поддерживаем. Но, товарищи, я должен здесь одно обстоятельство отметить и подчеркнуть. Тем самым, что шесть наших товарищей вошли в министерство, этим ваша работа, ваша беспощадная критика и ваши указания на их ответственность не должны ни на одну иоту уменьшиться, и поэтому я с удовольствием слушал тов. Мартова, ибо он ставил вопросы и критиковал их деятельность.

Это именно и должно быть. Хотя бы наши товарищи министры были искреннейшими и убежденнейшими социалистами, но если они оторвутся от масс, не будут с ними в органической связи, если вы не будете критиковать их, и они не будут отдавать отчета в каждом шаге, то они, несомненно, перестанут под давлением обстановки быть проводниками ваших идей. Поэтому я полагаю, что ваша критика, их ответственность перед вами и ваш контроль — это есть действительная гарантия, что действительно осуществятся те задачи и платформы, о которых говорят товарищи министры, и я убежден, что ваше мнение о необходимости беспощадной критики и о их ответственности перед вами, о вашем беспрерывном и деятельном контроле, что это ваше мнение есть также и их мнение, что это есть желание и

самих министров, ибо, если этого не будет, они будут как бы совершенно висеть в воздухе. На этом я кончаю свою мысль. Итак, коалиционное министерство было неизбежно и необходимо, и два вывода из этого следуют: 1) ваш постоянный беспрерывный контроль над ним и постоянная отчетность перед вами, и 2) это главное, — ваша творческая работа во всех не только муниципальных учреждениях, не только волостных и уездных земствах, но и во всех организациях промышленности, в комитетах и в национальных союзах, в так называемых органах снабжения, в заводских совещаниях, которые уже организуются везде, где творится жизнь и где организуется промышленность и хозяйство. Ваше участие во всех этих организациях необходимо, ибо революцию двигают вперед не только тем, что кричат о реформах, а именно и больше всего тем, что творят непосредственно в низах, участвуя в контроле на каждой фабрике, заводе, в каждой отрасли производства, хозяйственной жизни и т. д. Если вы это будете делать, только тогда те планы, которые будут разрабатывать министры, вы сумеете провести в жизнь. Вот к чему сводится мое мнение. (Рукоплескания.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Подано несколько заявлений о желательности закончить заседание. (Возгласы с мест: «Довольно, кончить».) Кто за то, чтобы продолжить заседание? (Баллотировка.) Кто за то, чтобы на этом заседание сегодня [закончить]? (Баллотировка.) Очевидно, большинство. В виду того, что придется закрыть собрание, по личному вопросу слово принадлежит тов. Троцкому.

ТРОЦКИЙ. У меня есть всего три минуты, и я не перейду этого предела. Товарищи, я был лишен третьего дня возможности по формальным причинам сделать сообщение по личному вопросу в связи с тем, что я был трижды назван в сопоставлении с тов. Робертом Гриммом, и тогда по этому вопросу я не выступал. После этого на другой день появилось в печати новое сопоставление меня и тов. Ленина с тов. Робертом Гриммом и с журналистом Колышко. В речи Милюкова, произнесенной в частном совещании Государственной Думы, сказано, — я, к сожалению, не нашел цитаты, но приведу почти дословно, — что правительство, наконец, сделало шаг вперед, арестовавши журналиста, буржуазного журналиста Колышко, как агента Германии, и выславши социалиста Роберта Гримма, как агента Германии, но до сих пор останавливается в нерешительности и не арестует Ленина, Троцкого и других, которые хотя и являются социалистами, но однородного с Колышкой типа,—вот буквально, — т.-е. являются фактически наемниками Германии.[56] С этой трибуны революционной демократии я говорю и желаю, чтобы все представители честной печати услышали мои слова и их зарегистрировали, что до тех пор, пока Милюков не подтвердит или не снимет этого обвинения, на его лбу останется клеймо бесчестного клеветника. (Шумные рукоплескания. Возгласы: «Браво».)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Товарищи, позвольте все-таки решить вопрос, угодно ли будет собранию проверить голосование, о котором я упоминал? Предоставляется слово одному за, другому — против.

ИСУВ.[1] Товарищи, от имени бюро меньшевистской фракции я заявляю, что переголосовывать теперь нельзя, потому что состав собрания изменился, многие ушли, многие вновь приехали; поэтому я считаю совершенно невозможным допустить переголосование. (Голос: «Правильно». Рукоплескания.)

...[1] Товарищи, я взял слово за и вот по каким основаниям. Голосование путем сложения дало 775 голосов, но когда мы проверили количе-

---

[1]) Фамилия оратора не указана.

чество выданных билетов, то оказалось, что их выдано 713, таким образом, 62 голоса при голосовании оказались лишними. Таким образом, товарищи, в момент голосования в одной части возникло сомнение о действительном количестве голосов, поданных против резолюции, и так как тов. председатель сам разделял это сомнение, а с другой стороны, так как весь президиум в полном своем составе всех представителей фракции знал, что голосование за резолюцию могло тоже быть произведено неточно, потому что некоторые билеты подавались два раза, то весь президиум единогласно постановил произвести новую перебаллотировку. (Голоса: «Поставьте этот вопрос на голосование».) Товарищи, я до сих пор говорил, как член президиума, хотя и от своего имени, но теперь я говорю, как представитель известной части собрания. Нам хочется точно знать, сколько голосов в действительности было против этой резолюции, и поэтому наше право обращаться к собранию, к представителям революционной демократии, чтобы они с достоинством охраняли интересы меньшинства.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Позвольте поставить на голосование вопрос: угодно ли вновь проверить прошлое голосование или нет? Кто за новую проверку, тех прошу поднять руки. Большинством проверка отвергнута.

Объявляю заседание закрытым.

(Заседание закрыто в 10 часов 30 минут.)

ЗАСЕДАНИЕ 6 ИЮНЯ [1])

(утреннее).

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (ЧХЕИДЗЕ). Объявляю заседание открытым.

КРУТИСКИЙ. Товарищи, сегодня годовщина кронштадтского восстания. [57] В этот день партия социалистов-революционеров предлагает почтить память бывших героев этого восстания. (Все встают.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Предлагаю выслушать приветствия. Слово принадлежит представителю русских войск во Франции.

ДЕРЖАВИН. Товарищи, делегаты русских войск во Франции, [58] солдаты и офицеры, горячо приветствуют Всероссийский Съезд Советов Р. и С. Д.

„Мы верим, что Всероссийский Съезд создаст в стране одно настроение, одну волю, которая укрепит авторитет Временного Правительства, чтобы оно могло через скорейший созыв Учредительного Собрания привести страну к демократической республике, с честью выйдя из экономического и финансового кризиса. Мы верим, что Всероссийский Съезд поддержит стремления Временного Правительства поднять боеспособность армии, чтобы быть готовым ко всяким возможностям, если международный пролетариат своими силами не сможет прекратить мировой бойни. Русские войска во Франции готовы своей кровью запечатлеть свою преданность Совету С. и Р. Д. и Временному Правительству, действующему в согласии с волею Совета. Делегаты русских войск во Франции» (подписи).

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Предлагаю выслушать ряд приветственных телеграмм. (Оглашаются приветственные телеграммы.)

Я должен сделать заявление о том, что очень часто приходилось отступать от регламента, и чем дальше подвергались вопросы обсуждению, тем это нарушение приходилось все чаще и чаще делать. Президиум находит, что это в высшей степени нецелесообразно в виду экономии времени, которым мы не особенно много располагаем. Поэтому от имени президиума я прошу строго держаться пределов регламента и отступления от него не делать. (Аплодисменты.) Должен сказать затем следующее: внеочередные заявления могут быть оглашены лишь после того, как будут обсуждены в президиуме, а не раньше.

Товарищи, приветствие желает сделать представитель Крестьянского Союза. (Аплодисменты.)

АВКСЕНТЬЕВ. Товарищи. Я делегирован сюда как председатель Исполнительного Комитета Всероссийского Совета Кр. Д. (Аплодисменты), чтобы приветствовать этот Съезд Советов Р. и С. Д. [59]

Товарищи, вам всем, вероятно, известно, что несколько времени тому назад здесь, в Петрограде, в течение трех недель заседал первый Всерос-

---

[1]) Заседание 6 июня печатается по тексту в д. № 6; в д. № 64 текст сохранился в том виде, в котором он был опубликован в «Известиях».

сийский Совет Кр. Д. Собралось сюда больше 1.400 представителей с разных концов России — с Севера, с Крыма, с далекого Туркестана, из Сибири и с Запада. Были представлены ряды местных Советов Кр. Д. Этот Всероссийский Совет Кр. Д. выделил из себя Исполнительный Комитет в количестве 250 человек, который должен продолжать существование вплоть до Учредительного Собрания, который должен периодически созывать здесь, в Петрограде, сессии Всероссийских Советов Кр. Д. Товарищи, этот третий член великой российской революционной демократии, трудовое крестьянство, теперь уже в значительной мере организован и с каждым днем, с каждым новым часом все более определенно организовывается вокруг своего центрального органа. Товарищи, если мы хотим действительно создать мощное и сильное движение демократии, если мы хотим действительно создать новые условия русской жизни, если мы хотим действительно положить в основу нового революционного творчества крепкий фундамент, мы должны думать об объединении этого тройного течения единой по своим заданиям и по своим целям русской революционной демократии. (Бурные аплодисменты.)

Трудовое крестьянство, рабочие и солдаты, — эти три русла должны в своем высшем органе, Всероссийском Исполнительном Комитете Всероссийских Советов Кр., С. и Р. Д. найти свое возглавление, найти свое завершение, найти руководство всем этим движением. (Аплодисменты.)

Товарищи, позвольте мне от имени этого Исполнительного Комитета Всероссийского Совета Кр. Д. обратиться к вам с горячим приветствием, с пожеланием плодотворности ваших работ, с выражением надежды, что в ваших резолюциях вы будете настроены так же, как был настроен Всероссийский Совет Кр. Д., и что ничто не помешает нам в дальнейшей нашей деятельности объединить эти три могучие ветви единого революционного движения, чтобы вести вперед твердым, определенным, организованным шагом революционную демократию от победы к победе, от новых расширений права к новым расширениям права, от нового строительства к большому, широкому, все к более полному, к все более выражающему все чаяния российской демократии, к строительству новой, свободной, великой России. (Аплодисменты.)

ШНИТНИКОВ. Товарищи, я говорю перед [вами], как представитель народно-социалистической партии.

Моя задача — высказаться об отношении партии к Временному Правительству.

Отношение это при настоящей комбинации может быть двояким: за коалиционное правительство или за социалистическое правительство.

Гражданин Ленин предлагал вам правительство чисто социалистическое [и] брал на себя осуществление задачи, но в другой части своей речи указал, что он и его товарищи обеспечили [бы] завтрашний день. Нам же нужно еще пока говорить о дне сегодняшнем, — довлеет дневи злоба его, и злоба сегодняшнего дня довольно велика, чтобы покуда остановиться только на ней.

Тов. Церетели высказался за временное коалиционное правительство, но обоснование, которое он этому дал, было чисто отрицательное: он сказал, что правые, смотря на левых, сказали: попробуйте-ка, а мы сделаем вывод, а левые, смотря на правых, сказали: попробуйте-ка, а мы сделаем вывод.

Само собою понятно, что исторически может сложиться такой момент, когда возникает правительство из такого чисто отрицательного отношения, но существовать правительство может только тогда, когда у него есть все-таки что-нибудь в основе положительное. И вот об этом положительном

почти не было разговора. Может быть, не было потому, что он настолько прост, что понятен всякому. Припомните, товарищи, что сделали наши союзники, когда их стране начала грозить опасность. Они немедленно пополнили или пригласили в свое министерство представителей тех фракций, тех течений и мыслей в стране, которых там до сих пор не было; в данном случае они пригласили главным образом социалистов. Почему они это сделали, — для того ли, чтобы министерство было единым? Очевидно, нет; очевидно, когда стране грозит такая опасность, которая для всех граждан очевидна, которая и для всех граждан одинаково грозна, то вопрос не в том, чтобы было единение среди членов правительства.

Есть другое единение, которое в таком случае важнее и глубже: правительство должно быть соединено с народом, не должно быть такого оттенка народной политической мысли, который не нашел бы себе выражения в правительстве. И вот именно с этой точки зрения народно-социалистическая [1]) партия находит, что сейчас социалистическое правительство несвоевременно. В самом деле: есть ли у нас сейчас такое единение с народом? Припомните первые дни революции. Что поразило всех в эти дни? Многие ожидали, что будет трудная и долгая борьба. Борьбы не оказалось. Оказалось, что все, почти все, кроме тех, кто совсем скрылся и ушел в подполье, все были за революцию и были за то правительство, которое тогда появилось. В чем же причина? Причина в том, что в то время революция была в своем [высшем] политическом периоде. За политическую революцию, за выразителями ее шла вся страна.

Но когда время прошло, когда примешались социалистические оттенки, положение получилось другое, — появились препятствия слева, появились они и справа. И эти последние стали особенно сильны тогда, когда один из буржуазных министров не хотел или, может быть, почему либо не мог выразить в своих действиях, — а действия должны были исходить от него, — те слова и мысли, которые в основе своей проводили социалистические элементы страны. Как только первый из них, а затем вскоре и второй ушли из министерства, [60] появились нападки даже на то коалиционное правительство, которое их заменило. Сначала нападки шли на правительство целиком. Разуметь нужно было, что правительством руководит социалистическая часть его и что эти нападки собственно к ней и относятся, но направлены они были против правительства. Затем появились нападки уже на отдельных министров, на одного, по крайней мере, министра, принадлежащего к буржуазной части министерства. Таким образом, правая оппозиция подняла голову и стала укрепляться. Я вас спрашиваю, товарищи, что будет, если министерство сделается целиком социалистическим? Всякая сдержка для нападок справа уничтожится, министерство социалистическое подвергнется травле. Желательно ли это и почему нежелательно? Один из предшествовавших ораторов, тов. Дан, уже говорил, уже предупреждал, что при известной комбинации вся мелкая буржуазия может броситься в объятия правых, а я вам скажу больше: не только мелкая буржуазия, но и огромная часть демократии.

Не нужно, товарищи, закрывать глаза на то, что мы, здесь находящиеся, мы — представители только небольшой части русской демократии: мы — представители той ее части, которая сумела сорганизоваться, кроме войск, которые, благодаря соединению всех их представителей в одном месте, имели близкое общение; кроме них, успели сорганизоваться главным образом крупные города, те города, в которых большая фабричная и промышленная

---

[1]) В подлиннике: «народно-политическая».

деятельность. Остальная Россия сорганизоваться не успела,— не сорганизовались ремесленники, не сорганизовалась та мелкая часть, не сорганизовалась та маленькая часть купечества, интересы которой противны интересам более капиталистической части купечества; наконец, в огромной своей массе крестьянство в тех частях России, где нет земских учреждений, не сорганизовалась. Даже учительский персонал не сорганизован. Я думаю, что для всякого ясно, что огромная часть демократической России не сорганизовалась.

Если бы в министерство вступили одни социалисты, то они, при нынешних трудных обстоятельствах, не могли бы не делать некоторых ошибок; если бы они и не делали ошибок, но с известных точек зрения, в глазах людей, которые дела хорошо не знают, хорошо не понимают, их действия могли быть выставлены, как ошибки, и за это время, когда эти массы не сорганизованы, такое выставление на вид таких ошибок, придавание неверного значения правильным действиям могло бы привлечь в руки тех правых буржуазных элементов, которые бы это сделали, огромные массы демократии. Вот еще, значит, и по этим основаниям я считаю, что сейчас министерство исключительно социалистическое было бы несвоевременно.

Но и у министерства коалиционного есть одна беда: беда его заключается в том, что его власть недостаточно велика. Откуда взять эту власть? Откуда взять эту власть, вам показывает пример министра Керенского. Я не ошибусь, если скажу, что сейчас в России он имеет наибольшую популярность. Что значит наибольшая популярность? Это значит, что общественное мнение страны главным образом склоняется в его пользу, и Керенский получил возможность проводить в армии такие меры, которые никто другой не мог бы провести. Следовательно, весь вопрос в том, чтобы создать общественное мнение, и в этом отношении, товарищи, именно вы можете помочь коалиционному министерству прежде всех других.

Итак, товарищи, я приглашаю вас подавать голоса за сохранение коалиционного министерства, снабженного сильной и большой властью. (Аплодисменты.)

КАМЕНЕВ. Товарищи! Сейчас говоривший оратор призывал вас подавать голоса за сохранение коалиционного министерства, министерства сильной и большой власти. Мы стоим на той точке зрения, что то коалиционное министерство, которое сейчас в России существует, этой большой и сильной власти получить не может не потому, что та или другая партия проголосует так или иначе, а потому, что по самой своей структуре, по самому тому положению русской революции, которого она достигла в современный момент, она не может снабдить правительство, составленное так, как составлено наше правительство, той твердой революционной властью, которая действительно необходима для того, чтобы вывести Россию из того трудного положения, в котором она находится.

Мы полагаем, что эта сильная и твердая власть дается не декларациями, может быть приобретена не резолюциями, которые здесь читались, и не патетическими речами, а делом. И мы предлагаем вам, полномочному собранию революционной организации России, обратить свое внимание не на ту идеологию, которую защищает эта власть, не на те схемы, по которым выходит, будто бы эта власть за исключением всех необходима, а на ту практику этой власти, которая в продолжение месяца перед нами развивалась. Я не могу в предоставленные мне 15 минут практику этой власти рассмотреть, но в самых общих чертах я хотел бы наметить, что дала эта власть в продолжение протекшего времени. Ведь люди, взявшие эту власть, взяли ее только потому, как они говорили, что Россия находится на краю

гибели, и что нужны решительные немедленные революционные меры, чтобы эту гибель предотвратить. И мы все должны задаться вопросом, действительно ли приняты были эти меры и действительно ли эта власть приспособлена к тому, чтобы эти меры предпринять? И на этот вопрос я отвечаю: меры эти не были приняты и меры эти этим правительством приняты быть не могут. И я попытаюсь иллюстрировать вам это с самого начала хотя бы на самом мелком факте, — на факте существования Государственной Думы и Государственного Совета.

Вы все здесь без различия фракций аплодировали и приветствовали предложение, сводившееся к необходимости упразднения этих остатков старого режима, этих несомненных центров мобилизующейся контр-революции. И я вам говорю, товарищи, что ни один министр из выступавших после, несмотря на ясно выраженную волю Съезда, не присоединился к этой резолюции, не сказал то, что должен был сказать истинный представитель революционной власти: что здесь не может быть никаких сомнений, что декрет, который выполнит ваши желания о том, чтобы Дума и Совет не существовали, будет издан немедленно. И почему? Потому ли, что товарищи-министры сочувствовали этим учреждениям, или потому, что действительно убеждены, что это мертвецы? Нет, не потому, а потому, что с представителями этих мертвецов они сидят в правительстве; они не посмеют распустить этой группы мертвецов раньше, чем не получат на это согласия представителей этих мертвецов и их собственного министерства. А это согласие не будет дано.

И, товарищи, я скажу, что если вы не окажете самого сильного давления, если в вас не окажется самого сильного протеста против этой тактики, которая раньше, чем реализовать самую крохотную революционную меру, должна совещаться с представителями этих мертвецов, в этом случае Дума распущена не будет. Но не только в этом случайном вопросе, во всех крупных вопросах все революционные меры неизбежно тормозятся, неизбежно откладываются, потому что самый принцип власти построен на соглашении между революцией и центрами мобилизующейся контр-революции. Вести революционную работу, стать во главе революционного народа, иметь в себе энергию и силу, во главе этого народа принимать революционные меры и иметь за своей спиной контр-революционеров и быть связанными обещанием не принимать никаких мер и не разрывать никаких соглашений невозможно. Наше коалиционное министерство не только не улучшило положения дел, оно его ухудшило, ухудшило потому, что контр-революция и буржуазия получили в лице этих министров защитников постоянного откладывания необходимых революционных мер, людей, которые могут, опираясь на всю свою личную честность, на все доверие, которое к ним питает революционная демократия, могут приходить сюда и защищать меры, защиту которых из уст Милюкова и Гучкова вы не потерпели бы. И если бы сюда пришел бывший министр Милюков, или если бы сюда пришел Гучков, или если бы сюда пришел хотя бы кн. Львов, чтобы сказать: «мы не будем распускать эту Думу, потому что они мертвецы», вы им бы не поверили. Церетели вы поверили, и Дума осталась. То же самое во всех других областях; в области внешней политики ваше негодование по поводу тех нот, которыми ответили западно-европейские правительства на предложение о мире без аннексий и контрибуций, было бы бурным негодованием, выразившимся[1]) в свержении того министра, который осмелился притти к вам и сказать, что та пощечина, которая нанесена империалистическим правительствам

[1]) В подлиннике: «если бы [бурное?] негодование, выразившееся».

Италии, Англии и Франции русской революционной демократией, представляет собою шаг к победе, [61] но они не пришли сюда, они знают, что в их среде есть люди, которым вы доверяете и которым они поручают защищать этот акт.

В области внешней политики тов. Церетели затронул вопрос о сепаратном мире. Он сказал, что мы, большевики, не опровергли или не хотим опровергать сыплющиеся на нас упреки в том, что мы сочувствуем сепаратному миру. Церетели ошибся. Мы опровергали это, и мы опровергли не от имени того или другого литератора, а опровергли от имени полномочного собрания нашей партии. В резолюции этой партии написано: «конференция протестует еще раз против низкой клеветы, распространяемой капиталистами против нашей партии, именно будто мы сочувствуем сепаратному отдельному миру с Германией», [62] и мы добавили в этой резолюции, что нельзя окончить эту войну отказом солдат только одной стороны от продолжения войны, простым прекращением военных действий одной из воюющих сторон... (Аплодисменты.)

Товарищи, не потому отвергаем мы сепаратный мир, что для нас [важны] целость и неприкосновенность договоров, заключенных не нами, заключенных русскими империалистами с империалистами союзников; не потому отвергаем мы сепаратный мир, чтобы мы не считали неприкосновенной даже ту ноту, неприкосновенность которой специально оговорена коалиционным министерством, — ноту, связывающую все правительства коалиции на счет невозможности заключения сепаратного мира. Нет, для нас, как для классовой партии, есть нечто выше [1]) всяких договоров: это — интересы мировой пролетарской революции, и если эти интересы потребуют от нас разрыва договоров, мы это скажем: договоры должны быть разорваны сейчас же, немедленно и не потому, что существование этих договоров отвергает сепаратный мир, а потому, что сепаратный мир не входит вообще в план наших действий, как пролетарской партии, потому что сепаратный мир стоит вне горизонта тех действий, которые мы, как пролетарская партия, можем развивать.

Я рекомендовал бы вам осторожно относиться к этим крикам о сепаратном мире, потому что только те, кто ставит свою ставку на сильную армию и на дипломатические переговоры с союзниками, только те обратной стороной этой медали могут получить сепаратный мир. Но мы, которые не ставим свою ставку на дипломатические переговоры с империалистами Франции, Англии и Германии, не на сильную партию и не на наступление, мы, которые ставим нашу ставку только на развитие пролетарской революции во всем мире, мы не имеем перед собой перспективы ни полюбовного соглашения с западно-европейским империализмом, ни полюбовного соглашения с германским генеральным штабом. Это вне нашего горизонта. В нашем горизонте только одна мировая пролетарская революция, и мы говорим вам ясно и точно: да, мы уверены, что если пролетарская революция не явится [2]) поддержкой русской революции, русская революция погибнет. Другого спасения мы не видим, и поэтому, именно поэтому, что это — единственная гарантия сохранения и развития русской революции, мы все свои действия рассчитываем только с точки зрения того, насколько то или другое движение в России способно разбудить эту дремлющую силу пролетарской революции в Западной Европе.

Мы твердо уверены, что если империализм в Европе будет продолжать доминировать и господствовать, то русской революции будет положен конец:

---

[1]) В подлиннике: «высшее». — [2]) В подлиннике «не является».

она будет задушена этими жерновами империалистической мельницы, с какой бы стороны это удушение ни началось, — начнется ли оно со стороны германского империализма или со стороны англо-японского империализма. Мы считаем неуместным обсуждать здесь, что лучше: колонией ли германского империализма, или колонией англо-японского империализма надлежит быть русской революции. Мы полагаем, что единственный путь не быть колонией ни того, ни другого империализма — найти путь, который бы гарантировал российскую революцию от использования ее как германским империализмом, так и англо-японским империализмом.

История русской революции, та краткая, но бурная история, которая лежит перед нашими глазами, она показывает, что в логике самой революции лежит именно этот процесс. Вы знаете, что русская революция задумана была наверху партией буржуазии, в коалиции с которой наше правительство сейчас работает, задумана была как маленькая революция во имя большой войны. [63] Она вылилась как грандиозная революция, приведшая уже на деле, пока на одном фронте, к ослаблению этой войны, и мы стоим сейчас на поворотном пункте, когда этот лозунг «большая война и маленькая революция» опять подъемлется.

Эти самые думские кадеты и министры Милюковы, которые изо дня в день призывают вас арестовывать левых, они надеются на то, что эта их формула, погибшая в народном движении 20-х чисел апреля, опять возродится, как формула наступления во имя не вами созданных целей, во имя целей, предписанных вам Англией и Японией, как большая война, как торжествующее наступление, которое неизбежно должно здесь, в России, превратиться в удушение революции. Так поставлен вопрос, поставлен не нами, не из теоретических соображений, а из того, что русская революция запутана, связана империалистическими цепями, и единственный выход, который из этого есть, он заключается в том, чтобы русская революция попыталась разорвать эти империалистические цепи. Но она не может их разорвать до тех пор, пока она внутри, у себя дома, не разорвала со своей собственной буржуазией.

Товарищи, вы в течение двух месяцев своим доверием и Петроградский Совет, как исполнитель вашей воли, позволяли, чтобы Милюковы насиловали молодую русскую революцию во имя своих империалистических целей. Вы выносили резолюцию о том, что поддерживаете то правительство, когда оно издавало ноту, вы просили разъяснения у него и писали в резолюции о том, что инцидент исчерпан или разъяснения признаны удовлетворительными. Это продолжалось два месяца, и за эти два месяца вы не имели никакого права надеяться на то, что пролетарский элемент в Западной Европе поверит тем, кто в телеграмме взывает к восстанию всех народов, а у себя дома держит империалистических насильников в качестве министров и представителей революционной России. Но после того как народное движение скинуло этого Милюкова, после того как вы или ваши представители, в виде большинства Петроградского Комитета, пытались оставить Милюкова хотя бы на посту министра иностранных дел, чтобы наше государство не лишилось такого крупного политического деятеля, [64] после того как свергнуто было это министерство, вы получили новых министров и вы с этими новыми министрами, несомненно, пришли не к улучшению, а к ухудшению, потому что, если вы против сепаратного мира, тем паче вы должны быть против того, что от вашего имени производятся сепаратные аннексии. Я спрашиваю, где протест Совета Р. и С. Д. против аннексии Албании, где протест против того, что имя русской революционной демократии использовано для насилия против Греции, где ваше возмущение

против того, что в итоге трехмесячной революции персидская демократия обращается к вам и говорит: три месяца русской революции ни на каплю не ослабили грабительской политики, политики России в Персии?

Товарищи. То, что мы сейчас переживаем, бросает не только тень на правильность нашей политической линии, оно ослабляет нас, потому что никакие пролетарии в Западной Европе не поверят ни одному вашему воззванию и призыву к восстанию против своих империалистических правительств, когда у них в другом кармане будет лежать протест персидской демократии о том, что от имени русского революционного правительства там стоят русские войска, насилующие самоопределение этой самой несчастной Персии.

Нельзя вести двойную политику, нельзя вести двойную бухгалтерию в вопросах внешней политики той организации, единственное спасение которой заключается в том, что ее честный революционный голос будет услышан западно-европейским пролетариатом и будет настолько силен, определенен и ясен, что он только один может порвать те проклятые цепи, которые привязывают еще западно-европейский пролетариат к Гинденбургам и Бонар-Лоу.

Товарищи. Если вы не положите конец этой двусмысленности, если вы формулу «мир без аннексий и контрибуций» будете только писать на своих прокламациях, если вы не покажете примера ее честного и искреннего осуществления, вы не имеете права рассчитывать, чтобы западно-европейские рабочие подняли то восстание, к которому вы их призываете.

И до тех пор, пока наше новое правительство создает конфликты не только с Персией, что можно объяснить так или иначе военным временем, но и с Украиной и с Финляндией, когда в продолжение нескольких недель в Финляндии приходится добиваться того, чтобы за нею было признано то право, которое на бумаге провозглашено вами давно, когда с Украиной создается конфликт, который бы не имел места, если бы русское революционное правительство у себя в стране проводило бы право наций на самоопределение, а не только хранило бы его для внешнего экспорта, — покуда это правительство создает эти конфликты, это значит, мы сами здесь, внутри страны, связаны путами империалистической буржуазии настолько, что мы сами не можем свободно двигаться.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Ваше время прошло. Слово принадлежит тов. Филипповскому.

ФИЛИППОВСКИЙ. Товарищи, те великие идеи, которые русская революция несет и которые она воплощает в жизнь, мы знаем, они дороги трудящимся всех стран всего мира, но в то же время мы видели, что во время мировой войны эти идеи не имели реальных союзников, эти идеи, казалось, временно как бы заглохли, ушли куда-то глубоко в землю. И только когда русская революция разразилась, эти идеи нашли своего воплотителя в жизнь.

Мы, товарищи, знаем прекрасно, что русская революция в начале своего существования видела кругом только одних врагов, и враги эти были многочисленны. Старая власть оставила глубокого врага у нас внутри; мы знаем, экономическая разруха подтачивала силы русской революции. Кроме того, мы получили в наследие тяжелую империалистическую войну. Та сила, на которую мы надеялись, — международный пролетариат, — не оправдал тех надежд, которые на него возлагали.

Я помню, с каким энтузиазмом была встречена в начале марта весть о том, что в Берлине наступила революция. Помните тот глубокий энтузиазм, которым было встречено это известие? Но вскоре мы убедились, что это известие ложно, и русской революции нужно надеяться на себя. Единственная сила русской революции, это — вы и те, которые вас послали. Отсюда

вполне естественно то бережное отношение, которое среди масс русской революционной демократии наблюдалось в русской революции.

Мы были очень далеки от политического романтизма, мы прекрасно сознавали, что та великая идея, которую суждено русской революции осуществить, требует долгого пути, и нам казалось, что прыжки в сторону могут повести к полному краху. Мы сразу увидели, что русская революция имеет глубокую международную сущность, и все вопросы, которые она ставит, и вопросы власти нужно рассматривать в широком масштабе, ибо эта власть должна быть проводником известных идеалов революции во вне.

В то время, товарищи, мы видели, что когда было создано первое Временное Правительство, правительство первого состава, оно было составлено исключительно из цензовых элементов. Мы видели, что это правительство до известной поры может проводить те завоевания, которые были сделаны в первые же дни. И действительно, это цензовое правительство, оно, насколько было в его силах, проводило в жизнь эти завоевания. Но скоро мы убедились, что есть вопрос, который органически чужд этим элементам, это — вопрос иностранной политики. Мы видели, что органически невозможно проводить их в жизнь. Вот перед революционной демократией стал вопрос о том, как преобразовать эту власть, чтобы она могла [быть] способна итти и дальше по тому пути, который наметила русская революция. Но тут мы встретились с массой самых разнообразных возражений.

То мнение, которое было высказано Петроградским Советом, в Петроградском Исполнительном Комитете, [65] оно возбудило яростную критику с двух сторон. Одни говорили, ссылаясь на опыт Западной Европы, что нельзя пускать наших товарищей социалистов в министерство. Мы прекрасно знаем, что все попытки коалиционного министерства с участием социалистов кончались крахом, и эти социалисты постоянно были пленниками в этом лагере. Мы на это возражали, что русская революция имеет так много своеобразного, так много самобытного, что полной аналогии проводить нельзя.

Мы говорим, что если сравнить с Францией, то мы все прекрасно знаем, что во Франции существует буржуазный парламент, который долгие, долгие годы не может провести такой социальной реформы, как прогрессивный подоходный налог. Мы прекрасно знаем, чем является французское министерство. (Шум.) Мы прекрасно знаем, что французская власть есть власть исполнительная, тогда как Временное российское Правительство обладает всей полнотой законодательной власти. В тот период русской жизни, когда старая жизнь разломана, когда строится новая жизнь, когда она ищет новых форм, тогда эту аналогию проводить невозможно. Наоборот, мы думали, что и другие ораторы также подтвердят наш взгляд.

С другой стороны, все товарищи слева, — большевики и примыкающие к ним, — говорят, что наступило время, чтобы создать власть социалистическую. Мы полагаем, что это нецелесообразно. Даже в вопросе коалиционного правительства мы смотрели на этот вопрос не как на вопрос принципиальный, а вопрос целесообразности данного переходного периода русской революции. Мы говорили, что мы прекрасно знаем, что русская революционная демократия едва организована и не достигла еще той степени развития, когда может взять власть в свои руки и проводить то, что может проводить. Мы прекрасно сознавали, что время социализма еще не наступило, что та эпоха, которую мы переживаем, именно есть эпоха колоссального сдвига влево, в область социального устройства; мы прекрасно знаем, что каждое государство, как русское, так и западно-европейское, иное, чем оно было до войны, но вместе с тем мы думаем, что царство социализма не наступило еще.

Товарищи слева говорят мне, что они в этом отношении держатся определенного мнения и не могут свернуть с того пути, на котором до сих пор стояли и которым русская революционная демократия должна быть сильна. Мы им говорим: товарищи, нужно помнить, что всякий социализм должен признавать право большинства, и я думал бы, что та линия поведения, которая была принята Петроградским Советом Р. и С. Д. и Исполнительным его Комитетом, она, так или иначе, выражает мнение широких кругов революционной демократии. Действительно, Всероссийское Совещание здесь, в Петрограде, затем Минский фронтовой Съезд, [66] Крестьянский Съезд и целый ряд Областных Съездов показали, что широкие круги населения имеют, так сказать, в этом направлении определенное мнение, и это мнение согласуется с мнением Петроградского Совета Р. и С. Д. И это согласие, это единение с нами целого ряда съездов давало нам силы потому, что, как мы уже говорили, силы нам нужны, чтобы мы сознавали, что мы действительно выражаем мнение широких кругов революционной демократии.

И вот еще последний раз правильность нашего мнения и наших путей показали петроградские выборы в районные думы. Не раз приходилось слышать, — и, может быть, это действительно так, — что Петроград более лево настроен, чем вся остальная страна. Выборы в районные думы показали, что это мнение неправильное: они показали, что абсолютное большинство, так сказать, социалистических кругов настроено таким образом, что готово стать на ту точку зрения и пойти по той линии поведения, которая имелась у большинства Петроградского Совета Р. и С. Д. и его Исполнительного Комитета, а не по линии поведения наших товарищей слева, которые получили сравнительно небольшое число голосов. [67] В то же время эти выборы показали, что даже в Петрограде, в этом центре революции, существует около одной трети такого элемента, который не является нашими товарищами; это — элемент буржуазный, этически мещанский, эта та серая сотня, о которой в одной из своих речей говорил тов. Чернов. И действительно, нам приходится считаться с мнением всей страны, нам приходится считаться с тем, какие определились в стране мнения при создании власти, той власти, которой силы были распределены соответственно существующим мнениям, чтобы они имели своих представителей. Так какой же выход из создавшегося положения в смысле создания власти?

Я думаю, что создание коалиционного министерства есть мера, которая является вполне целесообразной для данного периода русской революции. Так мы думали и потому были за создание такого коалиционного министерства. Затем, когда коалиционное министерство было создано, мы убедились, что оно не обладает той полнотой власти, тем авторитетом власти, которыми должно обладать, чтобы спасти страну, чтобы вывести ее из того тупика, в который мы попали. Не нужно говорить еще раз, что страна находится в большой опасности, что экономическая разруха достигла крайних пределов, — все это мы прекрасно видим и сознаем, и выход из этого положения может быть только в самой коренной, в самой большой реформе, затрагивающей самую сущность нашей жизни, — паллиативами ограничиваться нельзя. Но в то же время мы прекрасно сознаем, что для того чтобы такая реформа могла быть произведена, она должна быть поддержана широкими кругами российской революционной демократии, и мы думаем, что та сильная власть, по которой все теперь тоскуют, не имеет ничего общего с той сильной властью, которая была раньше, и с той властью, про которую нам тут говорили, а это — та власть, которая должна продолжать начатую работу по пути дальнейших завоеваний и по пути расширения и углубления завоева-

ний революции; это — та сильная власть, в которой будет отражение воли всей страны, которая будет пользоваться полным авторитетом.

Нам лично казалось бы, что единственный выход из положения, это — создание особого органа, который должен выделить Всероссийский Съезд, — органа, который должен выражать мнение всей революционной России, который всем своим могуществом, всем своим авторитетом должен поддерживать те реформы, которые стоят на очереди. При этом мы лично глубоко убеждены, что этот орган действительно будет авторитетным только в том случае, если в нем будут представлены и крестьянские элементы, а для этого Крестьянский Съезд, который оставил после себя Исполнительный Крестьянский Комитет, должен иметь там место. Только из соединения этих трех элементов революционной демократии можно создать ту опору, в которой нуждается так сильно революционная власть.

Товарищи, на одном из прошлых заседаний мы, я думаю, все с большим вниманием выслушали очень содержательную и очень блестящую по форме речь тов. Троцкого. Я видел в этой речи один недостаток: мне казалось, что тов. Троцкий — слишком большой романтик и не оценивает нашей тяжелой действительности. Я лично думаю, что русская жизнь только тогда может выйти из того тупика, в котором она находится, если будет итти по определенному пути, — по тому пути, который указывает нам исторический момент. Всякие скачки в сторону опасны. Слишком бушуют волны в том всемирном океане, по которому плывет корабль русской революции. Я опять-таки повторяю: у нас союзников нет, мы предоставлены самим себе и должны сами о себе думать. При сознании этого только и могут быть найдены пути для нашего спасения. Я вполне согласен, что пусть левая часть наших товарищей, пусть они в нашем Совете и в наших организациях жестоко нас критикуют. Без этой критики нет жизни, и она нужна нам, как воздух; но в то время, когда эта критика выносится на улицу, когда она проводится с оружием в руках, когда она из области романтизма переходит в область, я бы сказал, авантюризма, тогда она становится опасной и вредной, а мы, товарищи, знаем, что есть целый ряд фактов, которые наблюдались за последнее время в нашей стране и которые могли бы повести к ужасным последствиям.

Я напомню вам, товарищи, апрельские дни, когда нам чуть было не пришлось стать свидетелями гражданской войны, и тогда товарищи, которые сидят слева, те товарищи, пропаганда которых вызвала эти события, не в состоянии были справиться с тем демоном, которого они сами вызвали, и они принуждены были обратиться к авторитету того Совета и того Исполнительного Комитета, про который они обычно говорили, что они никакого авторитета не имеют и что они не являются выразителями страны. И только этому Исполнительному Комитету и этому Совету мы обязаны тем, что была предотвращена эта гражданская война, — гражданская война в самой ужасной форме, не между буржуазией и пролетариатом, а между пролетариатом и товарищами солдатами.

Я лично думал бы, что эти события отрезвят наших товарищей слева, покажут им, какая громадная разница существует между товарищеской критикой и теми действиями, которые могут из этой критики выйти, и к чему все это может привести страну. Повторяю, критика нам нужна, она нам необходима, но критика должна быть внутри, она не должна выноситься наружу. Я говорю это, конечно, не в смысле митингов, а в смысле определенных сепаратных действий. Наше спасение в единении революционной демократии, в единении во всех наших действиях. (Шум.) Товарищи, мы можем иметь самые разнообразные мнения по разным вопросам,

но действовать мы должны едино. В этом наше спасение, и если и этого не будет, произойдет полный разгром революционных сил, и наша революция погибнет. Так вот, я лично думал бы, что эту мысль поддержат и многие из товарищей слева. Товарищи, ведь в этом единении вся сила русской революции.

Теперь я остановлюсь на том, что всех наших вождей, вождей русской революции, нам дала ссылка и заграница. И мне лично кажется, что ссылка дала нам тех вождей, которые ближе и глубже поняли русскую революцию. (Бурные аплодисменты.) А те вожди, которые пришли к нам из-за границы, — я их глубоко уважаю и ценю их заслуги перед русской революцией... (Голоса: «А Чернов?») Исключения бывают.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Товарищи, прошу вас соблюдать тишину и еще раз прошу. (Бурные аплодисменты.)

ФИЛИППОВСКИЙ. Товарищи, у каждого может быть свое мнение. У вас свое мнение, у меня свое. И я лично думаю, что наши вожди, пришедшие оттуда, из-за границы, они плохо поняли русскую революцию. Слишком многие факты подтверждают это. Должно быть спертый воздух Западной Европы, воздух «свободной Швейцарии», этой глубоко буржуазной и этически-мещанской страны, не дает достаточно широких горизонтов.

Возьмем яркий пример, — возьмем того же тов. Гримма. Я не буду говорить и не буду называть его так, как называет его буржуазная печать. Я хочу согласиться с тем, что он идейный работник, что он один из первых поднял то знамя, которое теперь взяла в свои руки русская революция. Но здесь, в России, где он произносил такие горячие речи, разве он был истинным интернационалистом, разве он поставил интересы всемирной революции выше интересов Швейцарии, интересов своего маленького отечества? (Шум и возгласы.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Тов. Троцкий и вообще все товарищи, еще и еще раз прошу вас соблюдать тишину и еще прошу.

ФИЛИППОВСКИЙ. Товарищи, из моих слов нельзя было делать этого вывода, но я оставляю это в стороне. Я хочу только опять повторить, что Роберт Гримм не является верным союзником русской революции. Верными ее союзниками являетесь вы, только вы и больше никто. Нас никто не понимает. Нужно пережить все то, что мы пережили, нужно вариться в том котле, в котором мы варились, чтобы понять нашу действительность. А с той стороны мы слышали только теоретические рассуждения и предложения одних мер для нас и других для себя. У них был один язык для нас и другой для себя. (Бурные аплодисменты.)

Товарищи, я опять вернусь к тому вопросу, который я уже затронул, — к вопросу о сильной власти. И я думаю, что фактически ответственными перед русской революционной демократией в лице того Совета или Исполнительного Комитета, который будет оставлен после этого Съезда и в котором мы соединимся с крестьянскими депутатами, будут не только наши товарищи социалисты, но и все министерство в целом. Таков объективный ход вещей, и мне кажется, что только тогда возможны те широкие реформы, те реальные и очень большие шаги, которые предстоит нам делать, чтобы вывести страну из того тупика, в котором она находится, и действительно явиться той революцией, которая зажжет пламя революции для всего мира. Я глубоко верю в то, что пламя революции разгорится повсюду и что русская революция явится тем факелом, который зажжет эту революцию по всему миру и даст начало общему миру, которая одна даст возможность прекратить эту ужасную братоубийственную бойню. (Бурные аплодисменты.)

НИКОЛЬСКИЙ. Товарищи, некоторые провинциальные делегаты, отправляясь сюда на Съезд, в своей наивной простоте, по дороге сюда обсуждали те проекты спасения революции, которые они намерены были изложить здесь. Это были одиночки, и эти одиночки говорили о том, что данное собрание Съезда должно превратиться в Национальное Собрание, в тот революционный парламент, о котором так живописно и так подробно говорил тов. Луначарский. Вероятно, они не ожидали, что здесь, в Петрограде, они встретят изготовленный и разработанный по пунктам проект этого Национального Собрания, выделенного из Съезда.

Тов. Луначарский перед вами здесь продефилировал с этим разработанным проектом революционного парламента. Этот революционный парламент, разработанный по параграфам, у тов. Луначарского должен представлять собою то Национальное Собрание, которое у нас в качестве Учредительного Собрания имеется в перспективе, перспективе, быть может, возможно близкой, во всяком случае, ожидаемой нами в скором времени. Отсюда вы видите, что уже этим самым делается противопоставление, с одной стороны, объединению всех классов общества, несомненно, так или иначе идущих по пути разрешения задач революции. Это с одной стороны; с другой стороны, определенных классов, которые теперь у нас объединяются под именем революционной демократии.

Я не знаю, что появилось раньше: проект ли тов. Луначарского об этом революционном парламенте, или письма о тактике тов. Ленина, но там, где говорится сначала об откалывании революционной демократии от тех групп общества, от той буржуазной демократии, которая пошла вместе с революционной демократией на одной республиканско-демократической революционной платформе, — там, где говорится об этом, там нет большой разницы между тем, что предлагал тов. Луначарский в качестве революционного парламента, и тов. Ленин, который выступал здесь и который говорил о том, что, вот, настоящая власть, это — власть Советов Р., С. и Кр. Д. [68]

Тов. Ленин, вероятно, забыл о том постановлении в этот момент, которое вынесено их собственной конференцией. Если там, в этом постановлении, говорилось о диктатуре пролетарских элементов и элементов полупролетарских, т.-е. деревни, то в том, что здесь говорил на Съезде тов. Ленин, не было никакого совпадения, и где была правда, где была неправда, пусть себя спросят те товарищи, которые идут за Лениным. Во всяком случае, те способы разрешения задач русской революции, которые выдвигались тов. Лениным, — в качестве ли ареста капиталистов, о котором все бесконечно говорили, в качестве ли воздействия последствием ареста наших капиталистов на международный капитал, — очевидно, это есть тот путь создания мировой пролетарской революции, или, вернее, один из способов создания мировой пролетарской революции, о которой здесь только что говорил тов. Каменев; во всяком случае, это только во всероссийском масштабе тот кронштадтский способ, к которому мы так привыкли за последнее время. (Аплодисменты.)

Товарищи, Кронштадт сам по себе прогремел по всей России только потому, что он находится под боком у Петрограда, и только потому, что его откалывание от всей революционной России было слишком рельефным фактом для этой революционной России. Я иркутский делегат, и рядом у нас имеется такая блаженная автономная республика в лице города Красноярска, которая давным-давно опередила этот Кронштадт.

Эта красноярская республика, это — идиллическая страна господства изолированной революционной демократии; она давным-давно существует и давным-давно осуществляет те способы, о которых здесь так много гово-

рится слева... (Голоса: «И что же, — погибла она или нет?») Я вам сейчас расскажу, погибла она или нет и к чему она привела.

Иркутский Совет получил телеграмму о том, что Красноярский Совет не подчиняется ни Временному Правительству, ни Петроградскому Совету Р. и С. Д. и хочет арестовать комиссара Крутовского, который был выбран всем населением в качестве комиссара за то, что он не дает денег Красноярскому Совету. В Красноярске существует то, что, так как аресты, которые начал производить Исполнительный Комитет по отношению к тем гражданам, которые, вероятно, может быть, или, вернее всего, и не должны были бы быть арестованы, продолжены были потом большевистским с.-д. комитетом, а потом через голову его уже отдельными группами солдат, — в Красноярске создалась та анархия, где личная безопасность, где всякая свобода совершенно не существует.

В Красноярске, товарищи, этот Совет, полновластный Совет революционной демократии, который господствует безраздельно, захватил в свои руки и продовольственный вопрос и уничтожил не только комитеты общественных организаций, а уничтожил и самый продовольственный вопрос. И что он сделал в смысле продовольствия? Он сделал следующее: мы, говорит, таксируем по этому поводу цены и по этим таксированным ценам с завтрашнего для все купцы обязаны начать продавать товары. И вот явились все окружающие деревни и начали этот товар раскупать, и в два дня очистили от них магазины, и на третий день Красноярск оказался и без товаров, и без продуктов. (Аплодисменты.) И даже тот транспорт по Енисею, который имеет существенное значение в экономической жизни этого края, даже этот транспорт теми забастовками, которые поощрялись с.-д. большевистским комитетом, даже этот транспорт был совершенно парализован, и в городе создалось то настроение, при котором, мы это знаем прекрасно, если бы теперь же происходили выборы в городскую думу, то $^2/_3$ голосов получили бы реакционные элементы. (Аплодисменты.)

Вот та благополучная республика, именуемая городом Красноярском, которая методы и действия Кронштадта продолжила и до известной степени реализовала в жизнь. Я говорю о том, что кронштадтские революционные способы действия, разумеется, не имеют под собою основания; когда о них говорят открыто, когда говорят о том: признаете ли вы их или нет, — они на это отвечают: нет, мы их не признаем; но когда развивают ту политическую линию поведения, которую рекомендуют в качестве единственной политической линии, способствующей революции, тогда рекомендуют именно кронштадтский способ.

Тов. Троцкий, который выступал вчера и который так долго и много останавливался на том, как все немедленно должно быть сосредоточено вокруг Совета, как он привлекал к этому внимание всей революционной демократии, — если бы тов. Троцкий выступал так всегда, то тов. Троцкий делал бы то дело, которое делаем мы, но, к сожалению, тов. Троцкий выступает так чрезвычайно редко и чрезвычайно часто в противоположном направлении. (Бурные аплодисменты.) Тов. Троцкий говорил о том: вы посмотрите, как только они вступают на почву только одной ногой, одной только ступней на почву революционной политики, — вы посмотрите, какими утопистами они становятся. Тов. Троцкий говорил, как было бы хорошо, если бы у нас в министерстве было бы 12 Пешехоновых. Тов. Троцкий, я не знаю, были ли вы в тот момент, когда составлялось это министерство, я не знаю, знаете ли вы о том, как одни социалисты, с.-д., с одной стороны, и другие социалисты, представители с.-р., с другой стороны, должны были

итти так, как диктовала им историческая судьба, и войти в это министерство. И разве в этот момент нельзя было найти 12 Пешехоновых, и разве в этот момент у всех на языке этих 12 Пешехоновых не было? Почему же они все-таки не вошли и почему не образовалось министерство 12 Пешехоновых? А потому, что в основе этой революции лежит коалиция тех сил, которые именуются социалистической демократией, с одной стороны, и буржуазной демократией, с другой стороны, и что эта коалиция является основной силой и что представители этой коалиции должны были отразить во Временном Правительстве то действительное взаимоотношение сил тех классов, которые ведут в настоящий момент революцию и которые потому и должны быть представлены во Временном Правительстве.

Тов. Каменев здесь говорил об уничтожении Думы и Совета. Если тов. Каменев полагает, что министры-социалисты против того, чтобы развенчать и снять ореол государственности с выступлений Государственной Думы, который ей придает это особое значение государственного органа, вокруг которого в то же время группируются контр-революционные элементы, — если тов. Каменев думал, что они против того, чтобы снять такой ореол и уничтожить то значение, которое имеет в этом смысле Государственная Дума, как законодательное учреждение, то он наверно от товарищей министров услышит как раз противоположное. И, верно, мы не идем на то, чтобы окончательно порвать и опять-таки отколоться от той буржуазной демократии и в министерстве (бурные аплодисменты большевиков), но мы, верно, не идем против того, чтобы итти вместе с Некрасовым и другими.

Конечно, повторяю, основная комбинация сил русской революции, ведущих эту революцию и творчески разрешающих задачи, которые стоят перед революцией, заключается именно в этом. Тов. Каменев говорил, что мы — те решительные политики, мы те, которые твердо и решительно стоим на точке зрения пролетарской мировой революции, и мы, решительные политики, не остановимся перед тем, чтобы разорвать договоры с теми странами, с которыми мы находимся в союзе. А что же дальше? Что последует за этим, — не сепаратный мир, вы не идете на сепаратный мир, — нет, значит, нужна изоляция России, значит, вы и в эту международную сферу, и в область международной политики проводите то самое знаменитое откалывание, которое должно начаться с откалывания революционной демократии, продолжиться затем в виде откалывания уже пролетариата от этой революционной демократии, что можно прочитать в этих письмах о тактике, — и здесь откалывание и изолирование страны.

Вы говорите: ничего не делается в области международной борьбы, ничего не делается в области борьбы за всеобщий мир. Вы говорите: нам нужно форсировать эту борьбу за мир, — вы это предлагаете; вы полагаете, что вы в данном случае не утописты, вы думаете, что если налицо не имеется тех сил организованной демократии, которые бы в данный момент могли вести эту борьбу за мир таким образом, чтобы ликвидировать европейскую войну, вы полагаете, что достаточно послать своего рода международную Эмскую депешу, [69], достаточно подложить бомбу, — и вот у нас является это отношение.

То, что было в 1905 г., теперь революционная демократия повторять не может, не хочет, не желает, и за тем не пойдет. То, что было в 1905 г., в смысле изоляции пролетариата от других творческих сил страны, которые могли выйти на революционную платформу, того не повторится, товарищи. И эта основная коалиционная сила, в рядах этой коалиционной силы и внутри ее необходима критика. Мы, приехавшие сюда с мест,

отлично знаем, что в области борьбы за мир, за всеобщий мир, в области борьбы с экономической разрухой, во многих областях внешней и внутренней политики Временное Правительство и наши представители не успели сделать того, что, может быть, нужно было сделать. Мы это признаем, но вместе с тем мы говорим, что по пути этой критики, по пути решительного осуществления этих задач, по пути комбинации тех сил мы пойдем, и вот на этом пути революционная демократия...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Товарищ, ваше время прошло...

НИКОЛЬСКИЙ... революционная демократия должна сохранить в своих руках оценку творческого осуществления задач русской революции. (Аплодисменты.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Товарищи, еще раз предупреждаю, что когда я говорю оратору, что время его прекращается, и если он после этого предупреждения не кончает речь, я немедленно прерву ее.

РЯЗАНОВ. Товарищи, я тоже хотел бы вас вернуть на почву реальной политики. К сожалению, в то короткое время, которое я имею в своем распоряжении, я не в состоянии буду этого сделать.

Тов. Церетели вчера самым категорическим образом ответил тов. Мартову по поводу его ссылки на вырабатывающийся законопроект о 129 статье, что это просто газетные слухи. К сожалению, я должен констатировать, что, может быть, за недостатком времени тов. Церетели не читает «Вестник Временного Правительства». Если бы тов. Церетели и не только тов. Церетели, но и все остальные члены Временного Правительства, делегированные Советом Р. Д., давали себе труд внимательнее читать «Вестник Временного Правительства», они поняли бы многое, чего теперь понять не хотят. Они возмущаются тем, что в рабочих кругах в Питере их называют агентами и прислужниками капиталистов. Это обвинение возмутительно, но если бы они читали «Вестник Временного Правительства», они поняли бы, почему в рабочих кругах Питера создается впечатление, что они являются бессловесными прислужниками этих капиталистов.

Вам, товарищи, известен циркулярный приказ князя, — у нас князья существуют, несмотря на отмену сословий, — князя Львова о борьбе с анархией. (Голоса: «Мы читали это».)

Товарищи, некоторые мне заявляют, что они этот циркуляр читали. Я ограничусь тем только, что прочитаю вам заключение: «Все подобного рода действия должны считаться явно неправомерными, в некоторых случаях даже анархическими, подрывающими в корне новый строй, энергичная борьба с которыми во исполнение декларации Временного Правительства от 5 сего мая является ближайшей задачей как представителей правительства на местах, так и всего населения. Прошу вас при поддержке образованных на местах общественных комитетов принять самые решительные меры для ликвидации указанных явлений, дезорганизующих страну, и обеспечения нормальных условий жизни». (Аплодисменты. Смех.)

Но те товарищи, которые читали этот циркуляр, забыли посмотреть «Вестник Временного Правительства» за три дня перед этим. За три дня перед этим было опубликовано письмо Коновалова к князю Львову. Прочтите это письмо, которое представляет слезницу промышленников, кулаков и всех тех, которые наживаются на этой войне, прочтите эту слезницу, где князь Львов приглашается принять решительные меры. Если бы у меня было время прочитать это письмо, вы поняли бы, почему питерские рабочие думают, что этот указ князь Львов написал под диктовку Коновалова. Буквальное совпадение, где канцеляристы, которые составляют эти циркуляры, не дали себе труда изменить слова и предпочли просто переписать письмо Коновалова [70].

Товарищи, у нас теперь многого боятся. У нас боятся контр-революции во всех местах, но у нас не боятся вызывать эту контр-революцию как раз в той части страны, без поддержки которой эта революция никогда не свершит того дела, которое она должна совершить. Вам тут уже Шнитников сказал: тов. Керенский настолько популярен в стране, что под его именем, от его имени вы можете проводить такие меры, каких никто проводить не может.

Товарищи, вот вам прокламация к крестьянам, вот прокламация к солдатам, — называется она «Голос Солдата»; тут напечатана статья «Борьба с дезертирами», где напечатан указ. Те лица, которые к 15 мая сего года не явятся, независимо от наказаний, каким они подлежат по закону, будут лишены права участия в выборах в Учредительное Собрание [71]. (Аплодисменты. Голос: «Правильно, довольно газет, мы газеты читаем»).

Я только что получил от тов. председателя Чхеидзе компетентное разъяснение, что в этом собрании приказы Керенского можно читать, и я думаю, вы мне не помешаете дочитать до конца. (Голоса: «Просим, только громче».) Предоставить, дальше, Учредительному Собранию о лишении их права на получение земли при земельной реформе. (Аплодисменты. Голоса: «Правильно».) Дальше, товарищи, — вы можете и дальше аплодировать: «Семьи означенных лиц лишить до возвращения последних в свои части права на получение пайка», — аплодируйте! (Бурные аплодисменты. Голос: «Это решение армейского съезда тоже».)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Товарищи, я вас прошу соблюдать тишину. Я еще раз обращаюсь с просьбой не мешать оратору.

РЯЗАНОВ. Товарищи, теперь выслушайте меня несколько спокойнее, чем слушаете приказы тов. Керенского.

Товарищи, вам Керенский, Церетели, Дан и другие говорили об ошибках великой французской революции; вам, товарищи, говорили о той ошибке, которая привела к банкротству великую французскую революцию. Но одной ошибки конвент не совершил: когда он поставил в порядок дня оборону страны, он не говорил крестьянам: несите последние крохи, а если вы не пойдете защищать свое отечество, я лишу не только вас, но и детей ваших, жен ваших последнего куска хлеба. Конвент не написал крестьянам: несите последние крохи, — конвент конфисковал помещичьи земли. (Аплодисменты части собрания. Голос: «Там дезертиров не было».)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Товарищи, я должен вам сказать, что буду вынужден дать оратору больше времени в виду того, что вы его останавливаете и ему приходится терять время. Я вас предупреждаю, товарищи (голос с места: «Просим прочитать»); прошу без всяких вопросов и заявлений с мест. (Голоса: «Правильно».)

РЯЗАНОВ. Конвент наложил свою тяжелую руку на тех дезертиров, на тех праздношатающихся, которые в этом самом Петрограде, которые по всей России скрываются и могут скрываться совершенно безопасно. (Слабые аплодисменты.) Он дал крестьянам землю, и крестьяне вернулись защищать это отечество. Он не кричал женщинам, как это делал Людовик XVI, отказавший в хлебе, устроивший голодный заговор; у него не хватило смелости, которой хватает у тех, которые обращаются с такими прокламациями; у него не хватило смелости налагать наказания за проступки, — и какие проступки, мы сейчас разберем, — на семьи, на женщин, на детей; он не плодил черносотенной агитации. (Аплодисменты части собрания. Шум.) Товарищи, вы возмущены? Теперь позвольте вам сказать, я нахожусь сейчас, я нахожусь в приличной компании... (Смех.) Вот сидят... (Жест в сторону президиума. Шум.)

Послушайте, товарищи, когда в Исполнительный Комитет Совета Рабочих Петрограда к нам явилась делегация, к нам, в комиссию по созыву Учредительного Собрания [72], то она нам сообщила о том, что̀ предполагается создать из дезертирства, которое я осуждаю так же сильно, как и дезертирство всех тех, которые в дни революции, которые во время революции покидают дело пролетариата, дело крестьян. Вы говорите о дезертирстве военном, мы его осуждаем, но мы осуждаем и дезертирство гражданское; мы осуждаем уклонение от всякой общественной обязанности. Там, где вы обеспечиваете избирательные права Романовым, там, где вы обеспечиваете избирательное право всем тем дезертирам, которые за вашей спиной готовят контр-революцию, товарищи, вы должны быть так же осторожны, как мы были в Исполнительном Комитете.

В Исполнительном Комитете, я это повторяю, поднимался этот вопрос. Тов. Дан, которого вы не будете подозревать, тов. Дан и вместе с ним те товарищи, которые стоят за коалиционное министерство, предложили формулу, которую мы единогласно приняли. Они настаивали на том, что осуждать за дезертирство без суда, что создавать из дезертирства особое преступление и за это карать лишением самого почетного звания, которое великая русская революция добыла, наконец, для русского обывателя, не годится. И это решение было принято почти единогласно, и Исполнительный Комитет поручил нашей делегации в комиссии об Учредительном Собрании защищать это предложение... (Шум. Голоса: «Это неверно. Это раньше было».)

Но, товарищи, в этом есть то основное противоречие между той видимой колоссальной властью, которую имеет Совет, и той реальной властью, которую имеет Временное Правительство, опирающееся на мертвецов Думы, на мертвецов Государственного Совета. (Шум. Возгласы: «На нас!» Аплодисменты части собрания.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Товарищи, тов. Рязанов, обратившись в нашу сторону, сказал, что он находится в приличной компании. Я полагаю, товарищи, что тов. Рязанов мог бы не делать совершенно свободно такой аттестации. (Бурные аплодисменты. Голоса: «Правильно».) Слово принадлежит тов. Вознесенскому.

ВОЗНЕСЕНСКИЙ. Товарищи, здесь много говорилось о том, и говорилось одинаково всеми, что необходимо создание сильной революционной власти и что эта сильная революционная власть должна группироваться, должна сплочиваться вокруг Совета Р. и С. Д., и я думаю, что мы, составляющие большинство в Советах Р. и С. Д., к этому именно и стремимся, и я думаю, все, кто идет в разрез с нашим направлением... (Движение.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Товарищи, ведь собрание пока не закрыто. Я прошу не расходиться. В 3 часа будет перерыв.

ВОЗНЕСЕНСКИЙ. И я думаю, что все, которые идут в разрез, которые идут против этого стремления, они только мешают созданию такой единой сильной революционной власти.

Я напомню вам, товарищи, небольшой спор между большевиками и тов. Церетели в момент создания коалиционного министерства [73]. Тогда также поднимался этот вопрос, и тов. Церетели сказал, что — да, мы в принципе тоже стремимся к созданию социалистического министерства; но мы знаем, что это время еще не пришло: мы согласны, что это есть программа будущего, и к этому мы идем, и когда настанет время, мы это сделаем. Я думаю, что эти слова остаются в силе и до сих пор, и я думаю, что создающееся положение оставляет за собою исключительно только одну возможность — создание коалиционного министерства.

Нам говорил вчера гражданин Троцкий: посадите 12 Пешехоновых. Я вам скажу, товарищи, что если они вам будут нынче говорить: посадите 12 Пешехоновых, и если они вас к этому склонят, то как только вы этих 12 Пешехоновых посадите, то завтра же они скажут: эти Пешехоновы мелкие буржуа, эти мелкие народнические партии, эти мелко-буржуазные теперь партии меньшевистские продались буржуазии. (Рукоплескания части собрания.) Достаточно развернуть почти любой листок «Правды», где это написано черным по белому. И я говорю, товарищи, что когда здесь выступают наши товарищи слева и говорят, что — это только заложники в этом правительстве, только посланцы, чтобы защищать те или иные острые вопросы перед вами, прикрываясь своим авторитетом, то я нахожу такие заявления в высшей степени несправедливыми: это, мне кажется, можно осветить с совершенно другой стороны.

При выступлении тов. Церетели здесь раздались слова, — только одно и слышал, — что он министр почт и телеграфов, но это министр почт и телеграфов, но это действительно министр революции, как себя назвал тов. Церетели. Я вас спрашиваю, разве тов. Церетели ездил в Кронштадт ревизовать почтовые и телеграфные учреждения? Нет, товарищи!

Ни одного важного государственного дела не проходит без участия делегированных нами туда наших товарищей. Это показывает тот огромный авторитет, ту огромную силу и значение, которое они имеют, и я говорю, чем больше будет наш авторитет и наша сила и значение, то это будет их же авторитет и их же сила. И тот, кто подрывает силу и значение нами делегированных товарищей во временное министерство, он подрывает в то же время авторитет Совета Р. и С. Д., пославших туда своих представителей. Эти две вещи неразрывно связаны между собой, потому что делегированные наши товарищи есть мы сами, наша частичка, наше неразрывное целое, и поэтому тому, кто старается их отколоть, не удастся это сделать. И только с потерей всего морального значения Совета Р. и С. Д. падет значение и сила посланных нами делегатов. И вот во имя сплочения и организованности действительно сильной революционной власти мы должны стремиться к упрочению и большей организованности Совета Р. и С. Д. и предоставления всего морального веса нами делегированным министрам. (Рукоплескания.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Объявляю перерыв до 6 часов.

ЗАСЕДАНИЕ 6 ИЮНЯ [1])

(вечернее).

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ЧХЕИДЗЕ. Товарищи, прошу занять места. Товарищи, завтра, в 9 часов утра, приглашаются все члены фронтовой группы на общее собрание, в котором будет присутствовать военный министр Керенский, по вопросу о действующей армии, комната № 58, фронтовая группа. Заседание будет закрытое [74].

КРЫЛЕНКО. Товарищи, вы слышали здесь выступление министров-социалистов, министров представителей, посланных туда Советом Р. и С. Д. в качестве участников смешанного коалиционного министерства. И здесь выступавшие ораторы от фракции большевиков говорили, что тот компромисс, на который они принуждены там пойти, прежде всего сказывается здесь в том, что, выступая здесь, они должны защищать министров не-социалистов. Этот вопрос и такое положение сплошь и всюду происходит там, где существуют организации, которые имеют хоть каплю власти, хотя некоторую возможность влиять на жизнь страны, хотя некоторую возможность осуществлять и регулировать ее течение.

Нам, представителям с мест, нам, которые приходят сюда с тем, чтобы найти руководящую, регулирующую нить общего положения вещей, которые приходят сюда за тем, чтобы услышать, как и чем будут врачеваться те раны, те недостатки, которые мы на местах так остро чувствуем, — здесь мы на эти вопросы ответа не встречаем.

Военный министр здесь нам говорил обо всем: он обучал нас принципам марксизма, читал лекцию по истории французской революции, но о положении дел, что сделано им по исполнению возложенной на него задачи — организации демократической армии, о том, как идет демократизация армии, в чем она выражается, в чем ее недостатки и в чем достоинства им созданной организации, — об этом не было сказано ни слова.

Я позволю себе сказать, что̀ сделано по этому вопросу в армии — по вопросу организации и демократизации революционной вооруженной армии, вооруженного народа. За месяц, когда военный министр, гражданин Керенский, стоит у власти военного министерства, [2]) в этом отношении не сделано абсолютно ничего. (Голоса: «Неправда, это ложь!») Товарищи, позвольте фактически обосновать, а потом вы будете спорить и возражать. Я буду рад, когда военный министр здесь, перед правомочным собранием революционной демократии, ответит и опровергнет мои слова. У нас были в первые дни революции попытки самочинных организаций снизу, организаций, которые строили сами полки, отдельные команды. Затем нам был дан Алексеевский приказ с четырехстепенными выборами, с куриальной системой,

---

[1]) Заседание 6 июня печатается по тексту д. № 7; речь Старостина с собственноручными поправками. Речь Церетели с собственноручными поправками печатается по тексту д. № 65. — [2]) В подлиннике: «министра».

*

с крайне ограниченным влиянием. По этому приказу были введены некоторые организации. Затем был приказ Гучкова, более расширяющий демократическую базу этих организаций [75]. В день моего отъезда из армии перед нами, армейскими организациями, был поставлен вопрос: что же, есть у нас какие-либо организации или нет? Есть ли у нас однообразный принцип построения демократической армии? Нет, такого принципа нет.

У нас есть в отдельных армиях самочинная организация на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования. Затем организации, построенные по Алексеевскому принципу, в-третьих, по Гучкову, а в-четвертых, приказ Керенского, — приказ приостановить реорганизацию [76]. Когда же мы спросили: что же делать?— получили телеграмму: «Предоставьте этот вопрос на усмотрение командующего армией». Когда же мы обратились к командующему армией, он сказал: прекрасно, делайте, что хотите. Вот положение, которое существует до сих пор. Однообразия демократической организации армии, однообразия всего фронта, для всего революционного вооруженного народа, до сих пор нет. Но одновременно существуют самочинные революционные организации.

Возьмем другую область — область суда. После того как пала дисциплина, после того, как офицеры и командиры полков представляли из себя царя и бога для солдат в полку, что было здесь сделано? Здесь есть приказ о введении дисциплинарных судов, не товарищеских по существу; а только по названию, и там, на основании положения Поливановского комитета [77], председателем этого суда обязательно должен быть выбран офицер, которого стрелки и солдаты должны выбирать из своей роты, где часто бывает один только офицер, и таким образом ротный командир является председателем товарищеского суда. Ответ стрелков и солдат, вооруженных граждан, в массе частей, в массе полков, — мне лично приходилось бывать при целом ряде конфликтов, — таков, что они категорически отказывались выбирать в эти дисциплинарные суды, и у нас в этом отношении до сих пор ничего не сделано и ничего нет. (Голос: «У нас есть».) Может быть, у вас в армии и есть, но я отвечаю, что у нас есть только приказ Керенского вводить незамедлительно эти дисциплинарные суды под обязательным председательством офицеров, и есть целый ряд полков, в которых солдаты отказались признать их, как не отвечающих элементарным требованиям демократии.

Пойдем дальше. Дальше вопрос снабжения, интересующий нас в первую голову, — вопрос, по которому мы должны также входить в целый ряд совещаний и комиссий. Мне пришлось в целом ряде комиссий выезжать на конфликты, и были случаи, когда из 900 солдат оказывалось 700, которых я лично осматривал, бессапожными, так что из 200 в роте выходят 55 номеров, а остальные выходить не могут. Я тогда написал командиру корпуса, и он дал приказ выписать 700 пар сапог. Я поехал к корпусному интенданту, и через два дня им было выдано 72 пары. Когда я опять пошел к командиру корпуса по этому поводу, он сказал: пойдите к генералу Андро, а генерал Андро созвал полковую комиссию и говорил одно: я действовал в данном случае по уполномочию существующей власти и я так считал единственно возможным этот вопрос разрешить.

Мы имели факты более ужасные. Мы имеем факт такой организации, как хлебармия, где 40.000 пуд. хлеба гниет, потому что они запроданы определенным образом, чтобы обеспечить более определенную цену при поставке в армию представителям помещичьего класса. Мне приходилось быть на крестьянских беспорядках, где каждый солдатский комитет хотел помочь крестьянам разрешить эти вопросы. И там тоже крестьяне отвечали: хлеба

для армии мы дадим сколько угодно, по нынешней организации хлебармии, при нынешней постановке дела, не дадим, потому что мы ей не верим.

Все это, я бы сказал, можно поправить, но чего нельзя поправить, — это основной линии поведения военного министра, это политики компромиссов по отношению к командному составу. Вот вам факт. Генерал Гурко, как известно, за свое противодействие формуле «мир без аннексий и контрибуций» перемещен на должность начальника дивизии [78]. Солдаты знают, что он переведен Керенским, солдаты ему не верят, и за этим начальником дивизии в бой не пойдут. Мы знаем, что военный министр Керенский, приехав на фронт, прогнал через строй, перед всем полком, и выгнал в резерв чинов одного старого полковника, основателя республиканского союза офицеров в этом полку, за то, что он не исполнил раньше приказа начальника дивизии, и тот же военный министр Керенский, когда у нас в полку были арестованы мною пять офицеров по требованию полка за то, что пели «боже, царя храни» перепившись, и когда потом они были отправлены нашим армейским комитетом для расследования, они были тоже отчислены в резерв чинов. Солдаты послали меня спросить здесь: что же, всякий черносотенный офицер, чтобы уйти из армии в резерв чинов, как эти господа, которые гуляют в Финляндии, куда они были посланы в авиационную школу, чтобы уйти с поля битвы и получать порционные и всякие другие жалования, — что же, для этого достаточно пропеть «боже царя храни» — и все? (Рукоплескания.) Почему же можно, разжаловав генерала Гурко, поставить его начальником дивизии, а почему нельзя поставить его младшим офицером у нас в полку, чтобы мы за ним смотрели, чтобы мы видели, что такие офицеры делают? (Рукоплескания.)

Этого мало. А жандармские офицеры? Где эти полковники, которым теперь вручают роты, назначают в отдельных местах на должности командующих полками? Что же, солдаты за ними пойдут? Солдаты по-своему ответят. И этот ответ будет в первом сражении: пуля в спину. (Голоса: «Правильно». Аплодисменты.) Я боюсь этого, но такой ответ будет.

Возьмем дальше. Вот другой пример. Вы все читали в «Известиях Совета Р. и С. Д.» о том, что в одном из полков было арестовано 74 человека евреев [79]. Это было в нашей армии. И те пять офицеров черносотенцев, которые вели пропаганду и произвели этот арест, где они? Они отчислены в резерв чинов. Когда я говорил с министром Керенским, министр ответил: я не могу ничего сделать, максимум — могу послать в обоз. Значит, они будут в обозе, не будут там работать, а будут получать полевые и порционные деньги. Значит, обоз будет служить средством борьбы против такого способа действия.

А наши генералы, весь наш генералитет, который определенно и ясно говорит: вот Керенский помог нам, он вдохнул энергию, теперь мы пойдем, теперь мы двинемся вперед, теперь мы разобьем немцев, но согласитесь же, говорят они, — и это они говорят мне, — согласитесь, какой мир может быть без аннексий и контрибуций? И аннексии и контрибуции нужны. И они говорят об этом и говорят, что они надеются на движение вперед для таких определенных целей при помощи министра Керенского. Вот как говорят генералы. Вот как, прикрываясь стратегической обстановкой, ставят все они вопрос о войне.

А товарищ министр Керенский? Когда мы, армейская делегация, пришли к нему и заявили, что хотим говорить по существу вопроса, он сказал, что у него нет времени, переговорите с моим товарищем и моим старым другом Н. Д. Соколовым. Два часа мы говорили в этой плоскости, в плоскости практической организации работы, но ничего из этого не вынесли. Вер-

нувшись в армию, я должен дать отчет об этом Съезде. Но где я соберу армейский Съезд? Теперь ведь его собрать нельзя! Объединенной организации нет, а самочинной организации не создашь. Теперь совершенно определенно говорят, что время такое, когда никаких Съездов созывать нельзя, а нужно только итти, итти и двигаться вперед. Вот какое положение в армии.

Я говорю, что армия, преклоняясь перед революционным энтузиазмом Керенского, авансом дала ему свое доверие, но на практике положение вещей такое, что это опять тот же компромисс. Бывали минуты, когда устраивали забастовку генералы, когда они говорили: или эти офицеры, или мы. А мы на это говорили: либо мы, либо эти генералы. Если производят теперь чистку генералов, то кто ее производит? Мы, армейские организации, ее производим. Мы нарушаем алексеевские приказы и гучковский устав, который предписывает нам поддерживать министр Керенский. Мы, представители революционных низов, снизу создаем революционную организацию. Сверху нам приказывают беспрекословно подчиняться. Но теперь, когда в армии нет доверия, когда, как здесь говорилось, армия говорит: мы пойдем наступать, когда нам прикажет не Брусилов, а сам Керенский, а пока нам приказывает Брусилов, мы не пойдем, — при таком положении может наступить момент, — я знаю такие части, — когда будет [итти] отдельный батальон на батальон, отдельная рота на роту, полк на полк, когда будут такие столкновения, против которых будут изданы распоряжения: подстрекателей и зачинщиков под суд, а полки раскассировать. Вот при таком положении, когда все это будет и уже есть, возможно, что доверие, авансом данное Керенскому, заколеблется в низах, заколеблется в низах солдатских масс, и недалек момент, когда оно, может быть, совсем иссякнет.

Вот по этому вопросу я хочу, чтобы военный министр пришел сюда и сказал, что сделано им за этот месяц в этой плоскости. Я хочу, чтобы он дал нам здесь ответ. Нам не нужно поучений о марксизме и всеобщей истории французской революции, нам нужно знать, что сделано за этот месяц. А за этот месяц мы не имеем ничего. (Аплодисменты.)

САКО. Товарищи, я не собирался возражать кому-нибудь, я совершенно добросовестно выставлю несколько положений, чтобы осветить тот вопрос, который был поставлен в порядке дня, именно: что такое революционная демократия и правительственная власть, так как этого самого понятия не анализировали. С одной стороны, левые все время подходили к этому вопросу так, что существующее правительство — это есть власть, это есть сила. С другой стороны, к этому вопросу подходили так, что тяжелы были условия, так как все отказывались от власти, а мы, ответственная демократия, мы взяли это на себя. А как в дальнейшем выйдет, что будет потом, вот об этом до сих пор не говорили, за исключением тов. Луначарского, который предлагал организовать демократию и этой организованной снизу демократии объявить себя в скором будущем единственной властью.

Я именно собирался говорить в этой плоскости, но сейчас выступление товарища военного, тов. Крыленко, заставляет меня внести некоторые разъяснения по этому поводу уже не в военной области, — туда я не смею заглядывать, — а привести маленький пример из моей жизни, жизни человека, который в маленьком месте маленькое дело делал. Но вот и в этом маленьком деле я нес известную ответственность, и в результате мне говорили, что за три месяца работы я также для рабочих ничего не сделал, хотя я спал всего только [по] четыре часа.

Мои товарищи из Баку присутствуют здесь, и они могут засвидетельствовать, что хотя я не военный министр, а только маленький работник там на месте, преданный делу и работающий, как велит мой долг,

мои товарищи рабочие не раз говорили мне: что вы делаете? Что вы сделали до сих пор? Вы прислужники капитала. Мои товарищи здесь сидят, и они знают, что такие голоса действительно раздаются; но сознательные товарищи всегда в собраниях говорят, что таких речей не надо, потому что в один месяц или в три месяца, в то время, когда безбрежный океан пришел в такое волнение, когда брызги его грозят затопить стоящих недалеко от этого океана, в это время они говорят: таких речей, таких слов не нужно пускать в оборот. И это называется демагогией. (Бурные аплодисменты.)

Если мы в Баку, где революционный пролетариат давно зарекомендовал себя, если мы в Баку, имея во главе выдающегося большевика [80] в конце трех месяцев работы заслужили от товарищей наименование прислужников капитала, если нас оскорбляли в некоторых местах, если через три месяца работы нас спрашивали: а что же вы сделали, то что же мог сделать тов. Керенский после того, когда наша армия, которая несла на себе крест и все надругательства самодержавия, которая была дезорганизована, после того, когда наша армия сознательно подставлялась под немецкий расстрел,— после всего этого что мог, товарищи, сделать министр Керенский в один месяц? Товарищи, он не чародей. Разве одним словом он мог все сделать, все восстановить, все организовать? Нет, он не мог этого сделать. Вы критикуйте честно, и за это мы будем благодарить вас. Так должны вы делать, но вы не должны говорить, что он только ухудшил положение.

Дальше, простите, товарищи, еще один вопрос о критике и вопрос о некоторой этической дисциплине. Завтра предполагается ваше собственное собрание по чисто военным вопросам, и товарищ военный мог бы поднимать все эти вопросы [там], а не так, как он сделал сейчас. (Аплодисменты.) А он здесь все высказал, и, по совести говоря, его речь произвела на меня не впечатление того, что он хотел указать, какие ошибки были сделаны, а впечатление дискредитировать того, кто является цементом организации. Это совершенно недопустимо. (Бурные аплодисменты.)

Простите за невольное отклонение,— я возвращаюсь к теме и использую то время, которое остается. Что такое революционная демократия? Из отдельных разъяснений вытекало, что это есть революционный пролетариат, и революционное воинство-солдаты, и революционное крестьянство, при чем, к моему удивлению, мне, социал-революционеру из маленького буржуазного города, пришлось со стороны тов. Ленина услышать, что крестьянство левее нас. Ни один социал-революционер не может так говорить. Социал-революционеры говорят: триединая революционная сила, но организует революционный пролетариат. Тов. Ленин в своей полемике зашел так далеко, что крестьянскую массу объявил революционной и стоящей левее нас. Это является доводом от противного и неправильным доказательством. Если тов. Ленин так хорошо оценил крестьян, так понял их положение, что они стоят левее нас, то за ними нужно итти.

Тов. Ленин должен был помнить одну вековую пословицу крестьянства: выше ушей не перепрыгнешь,— это нужно помнить. Если это будете помнить, вы не скажете, что социалистическое министерство при буржуазном строе будет проводить политику диктатуры пролетариата при буржуазном строе,— это без предпосылки экономической, именно данном строе, именно ту диктатуру, которую проектировал великий учитель, и мой учитель, Маркс; он разумел эту диктатуру, диктатуру революционного организованного пролетариата, при известной экономической предпосылке, как экспроприацию. Это была диктатура силы организованной, это было меньшинство

при известных условиях. Тов. Ленин, — да простят меня, старого революционера, может быть, это дерзко, — но он рекомендует установить диктатуру, но уже не пролетариата, не революционной демократии, а это будет диктатура безумия, потому что это поведет нас в пучину и в бездну. (Бурные аплодисменты.) И вот почему: здесь есть товарищи большевики, они могут это подтвердить, что такая власть, о которой говорят, не есть то, что мы желаем осуществить, а то, что мы можем осуществить в объективных условиях момента. В Баку есть организация, так называемый Исполнительный Комитет общественных организаций. Собирается там цвет местной буржуазии, мелкой буржуазии, в известном соотношении, — их 10 человек, нас 11. Бывают моменты, когда от нас является только один человек, и когда наш один товарищ является туда и хотя соотношение сил ничтожно, но они смотрят мне в глаза, — я не страшен, а им важна та сила, которая стоит за мною, — и большинство вопросов не решают, а говорят: как вы думаете?

Когда в моих руках не было власти, я был счастлив, я был работником и все время говорил: «безумству храбрых поем мы славу», шел вперед, говорил: «громите самодержавие», потому что в борьбе обретешь ты право свое, но когда мы это право приобрели, то оно накладывает на нас и известные обязанности: выше шеи не перепрыгнешь. Ни один парламент, созданный сверху без низов, без того, чтобы иметь опору в действительности, серьезную опору, имея ряд ступеней для того, чтобы можно было отступить с тем, чтобы дальше наступать, — при отсутствии таких организаций ни один парламент не может существовать.

Эти организации только проектируются. Совет Р. Д. в Баку выбран не на демократических началах, не потому, чтобы мы этого не желали, а потому, что до сих пор было мало опыта, не могли сорганизоваться как следует. Вот нужны организации, все эти Советы и Областные Съезды, нужно создание Всероссийского Совета триединой силы: революционного крестьянства, революционного воинства и революционного пролетариата, и, на ряду с этим, нужно создать орган государственного самоуправления и местного самоуправления и органы государственного управления. Когда это все будет создано, тогда в процессе создания, поступательных шагов вперед мы осуществим то, на что толкает революционная воля народа. Социализм не сразу явится, а в процессе борьбы, в процессе организации будет единая воля. И вот мы к чему стремимся, и, может быть к следующему Съезду, который будет представлять эту триединую сильно организованную волю, — к следующему Съезду мы конкретно поставим вопрос: можем ли мы взять власть в свои руки... Мы — партия сегодняшнего дня, а вы говорите, — партия завтрашнего дня, страна же сегодня требует от нас ответа. Мы настолько сильны, что и завтра дадим ответ, и этот ответ не будет похож на ваш ответ (аплодисменты), потому что мы, материальная животворящая сила, несем ответственность свою перед народом и мы можем производить только организационную работу, а не организационные эксперименты над людьми и отдельными группами.

Мы вам предложим не это, а организационную революционную работу по части создания революционной демократии и организованного давления для осуществления воли этой революционной демократии в правительстве, власть которого должна быть юридически едина, но фактически должна отражать нашу волю, поскольку это позволяют объективные условия, именно то, что говорит Маркс. Вот в этом смысле мы сильны, но эту силу не нужно преувеличивать, — выше ушей не перепрыгнешь, это ясно.

СОКОЛОВСКИЙ. Товарищи, я принадлежу к той незначительной группе меньшевиков-интернационалистов, которые считали и считают, что вступление представителей Советов Р. и С. Д., особенно представителей социал-демократии во Временное Революционное Правительство было большой политической ошибкой [81]. (Аплодисменты меньшевиков.)

Мы остаемся, товарищи, на той же точке зрения, и то, что произошло с того момента, когда было избрано это коалиционное министерство, только подтверждает, что наша позиция была верная. Мы, товарищи, не задаемся такими широкими целями, как наши ближайшие товарищи слева: мы не говорим, что теперь настало время, чтобы вводить половину социализма или четверть социализма, но, как шаг в направлении социализма, мы говорим, что у нас происходит революция буржуазно-демократическая, и этому Временному Правительству мы отводим чрезвычайно скромную роль, — оно должно довести страну до Учредительного Собрания. И поскольку мы убеждены, поскольку мы уверены в 99% из 100%, что это Учредительное Собрание, если события будут развиваться так, как развивались до сих пор, будет крестьянским, то мы говорим, что там должны быть представители крестьянства, но мы считаем, что это не пролетариат, что представители подлинных интересов крестьянства не могут быть представителями другого класса — социал-демократами.

Нам немножко странно слышать от многоуважаемого товарища и учителя Дана, который 12 лет тому назад исписал целые брошюры и книги на ту тему, что социал-демократия, которая стоит на классовой точке зрения пролетариата и на той почве остается, и что, поскольку она на классовой позиции будет оставаться, ей нечего будет делать во Временном революционном Правительстве, и тот же самый уважаемый тов. Дан говорит теперь другое. Мы не знаем, кто же истинный, действительный марксист: социал демократ-меньшевик Дан, тот, который был в 1904 г., или тот, который теперь явился в 1917 г.? [82] И вот, товарищи, нам кажется, что некоторые из происшедших недавно событий, как будто гениально предвосхищенные нашим тов. Даном, говорят нам о том, как не может вести себя представитель пролетариата, стоя на точке зрения пролетариата, в каком бы то ни было революционном Временном Правительстве. И вот те шаги, которые произвел уважаемый наш тов. Скобелев, подтверждают, что тов. Дан был прав. Вспомните, товарищи, что наш товарищ заявил на одном из собраний Совета о 100% прибылей [83]. Из этого последовало то, что на биржах парижской, лондонской и американской была паника, и курс рубля пал. Мы, товарищи, спрашиваем: что же, этим шагом товарищи с.-д. усилили революцию или ослабили, подорвали финансы государства и подорвали революцию в этом отношении или усилили? И мы говорим, что шаг этот ослабил революцию, что прав был тов. Дан тогда, когда говорил, что участие с.-д. во Временном Правительстве может привести к нежелательным и вредным экспериментам.

Точно также и от других наших товарищей социалистов мы слышали подобные объяснения. Мы слышали объяснения по национальному вопросу министра земледелия Чернова, и, товарищи, я немножко не разобрался в той теории национального самоопределения, которую нам предлагал тов. Чернов. И я не вынес себе представления о том, как же думает и чем же думает бороться тов. Чернов с теми сепаратистскими теориями, которые проявляются на некоторых наших окраинах, в частности на Украине. Если тов. Чернов доказывает, что мы не можем допустить, чтобы решался вопрос сепаратно, что это только будет ослаблять силы революции, то с этим мы вполне согласны. Но если он говорит, что Временное Правительство не

имеет права санкционировать право нации на полное самоопределение и даже, в случае необходимости, на отделение, то для нас непонятен, например, вопрос о свободной Польше.

Я, товарищи, вам говорил, что Временное Правительство прежнего состава, не наше, а чисто буржуазное, декретировало полную свободу и независимость Польши. Что же из этого получилось? Получилось отделение или нет? Вы видели съезд польских военных организаций [84] и вы, может быть, слыхали там другое: что рабочие и польская демократия борются против создания отдельной польской армии и борются с большим успехом. Я вас, товарищи, спрашиваю: почему так успешно идет борьба польских рабочих против образования отдельной польской армии? Я говорю: только потому, что эти польские рабочие имеют акт Временного Правительства о полной свободе и независимости Польши [85].

Таким образом, мы думаем, что только таким образом может решаться всякий другой вопрос, вопрос о самоопределении нации. Мы, как интернационалисты, являемся страшными противниками разделения, отделения и т. д.; мы стоим на точке зрения, что не только во время революции, но и после революции всякое деление для пролетариата и для экономического и политического развития страны и всего населения страны вредно, но, мы знаем, чтобы иметь возможность бороться с этим явлением, нужно предоставить каждой нации, — а нация это не одно целое: там борьба классов, из которых одним выгодно отделение, а другим невыгодно, и для того чтобы отделения не было, для того чтобы демократия могла на что-нибудь опереться в своей борьбе с сепаратистскими тенденциями мелкой и крупной буржуазии,—для этого она должна быть уверена, что та нация, которая имеет силу, не будет ее давить. И в этом отношении для нас вопрос ясен. И если так, как ставит вопрос о самоопределении нации тов. Чернов, довольно туманно и неясно, то чем же мы будем бороться в случае желания отделения? Вам говорят, что отделение Украины, это—вопрос дутый, потому что там нет тех глубинных течений, которые бы оторвали Украину от России, там только пена мелкобуржуазная и шовинистическая, которая старается использовать момент, но для того, чтобы эта пена разошлась сама собою, не нужно декретировать какими-либо насильственными присоединениями и не предоставлять права на полное свободное самоопределение даже в процессе, даже в момент революции, потому что если таким образом обрабатывать нацию, как обрабатывается приказами, запрещающими съезды и т. д., то, товарищи, может получиться совершенно обратное, и как раз после такой обработки, после такой подготовки права нации на самоопределение, может быть, придется уже посылать не бумажную резолюцию, а нечто более существенное.

Я кончаю свое время.

Мы считаем, что точно так же участие тов. Керенского с этим его законом, как распоряжение о том, чтобы вместе с Временным Правительством лишить избирательных прав этих злосчастных дезертиров, о которых здесь говорили, тоже подрывает силы революции, тоже разбивает силы революции, потому что, если тов. Керенский, этот признанный вождь революции, это краса и гордость русской революции, это наиболее популярное лицо не только в России, но и в Западной Европе,—если он после этого указа косвенным образом получает недоверие своей родной партии, как это было на съезде с.-р., которые выставляли кандидатуру... (голос с места: «Неправда») так напечатано в газетах,—кандидатуру его в Центральный Комитет [86], то мы говорим: этим актом не усиливается, а ослабляется демократия. Но мы считаем, что центр вопроса не здесь, а во всей международной политике, и в этом отношении мы считаем, что всем своим весом, всем

своим авторитетом это Временное коалиционное Правительство с участием социалиста делает все то, что не могут делать настоящие демократы,— оно делает, потому что оно связано этим договором с буржуазией. И поэтому, товарищи, мы считаем глубоко ошибочным и неверным тот шаг, который сделан Временным Правительством, опираясь на авторитет тов. Церетели, что оно удалило из России тов. Гримма, потому что если кому-нибудь бросают такое тяжелое обвинение, то либо берут на себя обязанность доказать, кто же в конце концов этот тов. Гримм, — Иуда-предатель или наш товарищ, может он пользоваться доверием или не может пользоваться доверием, тут никаких оттенков не может быть, тут не может быть доверия с тенью, как это [есть] в вынесенной резолюции Временного Правительства, на которой стоит тов. Церетели. И мы говорим, что тот, кто бросает такое доверие с тенью и его не доказывает, тот берет на себя тяжелую ответственность,— вся тяжесть поворачивается против того, кто бросает такое обвинение. (Аплодисменты.)

ЗАХВАТАЕВ. Товарищи, все согласны с тем, что самой насущной задачей в настоящий момент для нас является скорейшее заключение мира в международном масштабе, но очевидно, что для достижения этой задачи должны прежде всего [быть] созданы те объективные условия, те силы, опираясь на которые, можно было бы притти к этой цели. Несомненно, что армия, и прежде всего действующая армия, является одним из главных факторов, одним из главных объективных условий для скорейшего достижения мира. Все также согласны с тем, в том числе и наши товарищи слева — большевики, что армия должна быть организованной, что она должна быть цельной, но как к этому притти, как ее сделать организованной и цельной, и для какой цели должна существовать эта организованная армия, — с этого момента — наше расхождение, и, в сущности говоря, в этом заключается весь вопрос.

Какие условия могут способствовать созданию сильной единой армии? Политика военного министра в данном случае играет, конечно, первостепенную роль. Какова же эта политика при данном министре — товарище Керенском? Тов. Крыленко, задавая вопрос, что сделал тов. Керенский за месяц его пребывания на министерском посту, отвечает, что он не сделал ничего. Я думаю, что вопрос нужно задать совершенно иначе; нужно задать вопрос таким образом: что можно сделать при министре Керенском, что могут сделать те сознательные элементы страны и армии, которые стремятся к созданию цельной организованной единой армии?

Очевидно, что один министр тут сделать ничего не может, но министр может создать для этого более или менее благоприятные условия. Я говорю, что самым фактом своего вступления в военное министерство Керенский сделал уже чрезвычайно много. Он дал армии уверенность, что она не будет брошена в авантюру, что будут соблюдены все гарантии, которые обеспечивали бы армию как от авантюр, так и от всех печальных явлений, которые наблюдались, которые существовали при старом строе и продолжали существовать отчасти в министерстве Гучкова. Я говорю, что такие условия свободной работы сознательных элементов армии над ее организацией министром Керенским созданы.

Нам говорят о том, что там не так удаляются те или другие маленькие офицеры из полка, не туда удаляются, куда следует, — все это совершеннейшие пустяки. Я говорю, и говорю на примере нашей армии — 12-й армии, что у нас даже до министерства Керенского, начиная от командующего армией, не было такого офицера, которого, если бы мы пожелали, нельзя было бы устранить. И даже когда верховным главнокомандующим был Алексеев,

и когда мы ему при личной встрече поставили вопрос, как вы смотрите на такое положение, когда армейская организация находит, что тот или иной офицер не терпим, — допускаете ли вы возможность его устранения, он только спросил: каким путем? Мы ему указали легальный путь, — путь предъявления нашего требования командующему армией, а если бы это касалось командующего армией, то мы представили бы свое требование, конечно, уже выше. На такую постановку вопроса, постановку серьезную и, по нашему мнению, единственно возможную, он не мог дать отрицательного ответа.

То же самое было и при нашей недавней встрече с министром Керенским. На все те условия, обеспечивающие нормальное развитие нашей работы, протекающей уже три месяца, создавшейся с первых дней революции, работы, которая в результате дала то, что, по заявлению командующего армией, в нашей армии процент дезертиров не увеличился по сравнению с дореволюционным временем, — со стороны министра Керенского не последовало отрицательного ответа. Нам здесь перечисляли все министерские и верховного главнокомандующего циркуляры об армейских организациях, указывали, что они несовершенны, что они недемократичны и т. д. У нас ни один такой циркуляр не введен; организация, так сказать, самочинная организация, имеющая резкое отличие от всех других организаций, и тем не менее, когда мы поставили министру Керенскому вопрос, прикажет ли он нам ввести новую организацию (это ставилось главным образом из-за одного пункта, — из-за существования у нас раздельной солдатской и офицерской организаций), он нам сказал, что хотя он считает свободную совместную организацию лучшим типом, но если вы находите лучшим ваш тип, то он приказывать и ломать существующую организацию не будет. Вот каково отношение военного министра к тем организациям, которые подходят к нему не с заранее обдуманной намеренной критикой, а с доверием. Но, конечно, работа в военном министерстве во многих отношениях только начинается. Ведь военный министр находится в тех же, очевидно, условиях, в которых находятся все остальные министры. Они пришли на самый верх, и весь аппарат, весь министерский аппарат власти находится еще в старом состоянии. В нем нужно многое изменить, и не такое, конечно, значение имеют лица, как самая организация, демократизация всего ведомства. Проведение демократизации всего ведомства, начиная сверху и кончая низом, должна, конечно, быть произведена.

Если на что надо указать, то, во всяком случае, не на замену отдельных командующих, — талантов в этом отношении у нас не так много, но все же это не такая беда, и комаддующих не так трудно заменить. Есть более сложные вопросы, например вопрос о штабе. Штаб, действительно, является таким ядром в армиях, такой организацией, которая должна быть подвергнута существенным изменениям, в работу которых должен быть введен контроль революционно-демократических организаций.

К сожалению, мое время истекает, можно сказать, в самом начале тех вопросов, которые я затронул. Я должен указать, что для того, чтобы армия была спокойна, чтобы могла быть организована, могла исполнять те задачи, которые на ней лежат, нужно все вопросы, которые слева так мусируются, как, например, земельный вопрос, который предлагается разрешить хотя и организованно, но сейчас, у нас решаются так, что до Учредительного Собрания ни этот вопрос земельный, ни национальный вопрос и другие важные вопросы не могут быть разрешаемы, ибо иначе призыв к разрешению этих вопросов сейчас же может быть поставлен только с той целью, чтобы посеять в армии тревогу и вызвать в армии то движение, которое наблюдалось в ней несколько времени тому назад.

Для того чтобы в армии была уверенность, что эти вопросы будут разрешены тогда, когда это в ее интересах, для этого должна существовать сильная, твердая власть, покоящаяся на том широком основании, каким является как революционная, так и буржуазная демократия, составившая то коалиционное министерство, которому мы оказывали и будем впредь оказывать доверие и полную поддержку. И хотя левый сектор нашего зала с такой легкостью принял бы на себя бремя власти и берется осуществить интересы демократии, может быть, в более широком масштабе, именно эта легкость и те результаты их деятельности, которые мы видели и в особенности ярко видим в армии, они нас, и прежде всего армию, заставляют отнестись только отрицательно. Власть, которую берут с такой легкостью, не может быть в эти легкие руки отдана.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово принадлежит тов. Зиновьеву.

ЗИНОВЬЕВ. Товарищи. Мы обсуждаем вопрос об отношении к коалиционному министерству. Этот вопрос еще совсем недавно был очень спорным вопросом и на скамьях, на которых сидят наши товарищи противники. Этот вопрос вовсе не издавна был столь ясен и решен для вас, товарищи противники. Я вспоминаю, когда впервые этот вопрос был поставлен в Исполнительном Комитете, — входить или не входить социалистам в министерство, — то голоса в Исполнительном Комитете, где не нашей партии принадлежит большинство, голоса разделились приблизительно поровну, хотя сначала большинство высказалось против. Мы знаем, что очень быстро изменилось настроение Исполнительного Комитета, и мы напомним, что в момент, когда он решил этот вопрос в утвердительном смысле, товарищи из провинции, — меньшевики и социалисты-революционеры, — продолжали еще по инерции посылать телеграммы против вступления в коалиционное министерство. Напомню, [что] такой влиятельный Совет Р. и С. Д. как Тифлисский, в котором председательствует тов. Жордания, прислал телеграмму против вхождения социалистов в коалиционное министерство.

Товарищи, я вспоминаю это к тому, чтобы указать, что вопрос этот, в высшей степени важный и сложный, не всегда он стоял так, что против коалиционного министерства высказывался только тот левый отрезок зала или левый отрезок социал-демократии в России. Вопрос еще очень недавно был в высшей степени спорный и для вас и для целого ряда товарищей. Мы имеем перед собою опыт месяца или больше, мы должны обсудить или взвесить этот опыт. Опыт короткий, — месяц слишком небольшое время, — но мы переживаем такую эпоху, когда каждый день, без преувеличения сказать, идет за год, и мы спрашиваем себя после бывших прений и обширных речей товарищей министров, мы спрашиваем себя: оправдал ли себя этот опыт, оправдана ли та линия поведения, которая высказывалась за участие в министерстве? Товарищи, мы слышали от министров целый ряд боевых полемических речей, реплик против нас, против оппозиции. Когда я слушал эти речи, я думал: допустим, что мы, грешники и мытари, действительно не правы, допустим, что наша оппозиция недостойна шнурка подвязать нынешнему Временному Правительству, — допустим все это. Но в чем же ваша программа? Вы же руководители на ответственных постах, вы в результате месяца работы в исторический момент должны дать теперь положительную программу ваших действий. Принято говорить, что на нас надвигается кризис. Товарищи, это не точно. Кризис уже надвинулся, мы живем в этом кризисе, мы переживаем в Питере дни, которые очень напоминают канун 20—21 апреля; мы в Петрограде переживаем момент, когда военное положение, внешнее и внутреннее положение приобретает громадную остроту. Нельзя говорить о кризисе в будущем, надо говорить о кризисе

в настоящее время. Мы живем в нем и в праве спросить ответа у наших представителей: в чем заключается их положительная программа?

Товарищи, у меня нет времени останавливаться сколько-нибудь подробно на вопросах внешней и внутренней политики. Я вкратце коснусь вопроса внутренней политики. Ничто так не освещает положение вещей, как вопрос о роспуске 4-й Думы.

Когда внесена была резолюция на счет того, что необходимо ликвидировать 4-ю Думу, вы все или почти все аплодировали. И тем не менее,— я не желаю быть пророком, но боюсь, что окажусь правым, если скажу: Съезд, почти единогласно аплодировавший этой резолюции, ее не примет, не может принять, и ваши министры ее не примут и политически не могут принять. (Аплодисменты слева.)

Товарищи, я буду рад, если ошибусь, но из всех реплик, которые я слышал от товарищей министров, и из всего политического положения вещей они, говорю: не могут принять, конечно, не из любви к прекрасным глазам Милюкова,— я знаю, у них в груди бьется такое же социалистическое сердце, как у каждого из нас, они так же ненавидят буржуазию, но они поставили себя в такое политическое положение, что не могут сделать такого шага потому, что за так называемыми живыми мертвецами стоят 10 министров-капиталистов, стоит г. Бьюкенен, английская и французская буржуазия, с которой Родзянко и К° братаются. И до тех пор, пока они остаются в рамках резолюции, которую дал тов. Либер, и в рамках резолюции тов. Церетели, они не могут сделать роспуска Думы, не могут сделать такого шага, который означал бы разрыв с Милюковым, разрыв с Бьюкененом.

Дальше я подхожу к вопросу о войне. В начале революции все мы полны были веры, что мы шутя сломим войну. Казалось, мы одержали такую грандиозную победу, что после нее ничего не будет стоить сокрушить и гидру войны. Мы видим, что [эти] надежды не оправдались, и мы стоим у глухой стены. Три месяца прошло, и никто не может сказать, где начало конца. Мы спрашивали и мы ждали с нетерпением от наших товарищей, что̀ предложат они Съезду, какая положительная программа действий у них сейчас? Я не преувеличиваю, если скажу: все, что было сказано Церетели, сводилось к одному: что будет созвана в подходящий момент конференция дипломатов союзных нам держав и там они обсудят этот вопрос. Я спрашиваю: где тут выход, где какое бы то ни было начало конца?

Возьмите резолюции, нам предложенные; там сказано: «Настойчивое проведение внешней политики, имеющей целью, с одной стороны, достижение дипломатическими средствами пересмотра союзных договоров и отказ от аннексий и контрибуций». Товарищи, допустим на минуту, что наша русская дипломатия после революции облагородилась, стала иной, хотя я в этом очень и очень сомневаюсь. Вы слышали, как действует нынешняя, новая, якобы, дипломатия в Персии; слышали речь нашего представителя Набокова в Лондоне, который сказал, что если понадобится для того, чтобы довести войну «до конца», сжать немножко русские свободы, то в этом большой беды нет [87]. Я допускаю, что русская дипломатия обновилась, но английская и французская дипломатия также обновилась? Нет! Там остались старые методы грязной и разбойничьей империалистской политики. И если вы все надежды возлагаете на них, мы остановимся перед этой глухой степой и не сделаем ни одного шага дальше.

Тов. Церетели и другие ораторы говорили так, что как будто бы мы переживаем не июнь, а апрель месяц. Они забыли, что мы стоим перед в высшей степени громадным фактом, что все попытки, которые вы нам предлагаете, были уже сделаны. Вы забыли маленький факт — что вы уже стоите

перед отказом французского и английского правительств. Вы игнорировали мелочь, игнорировали ноту английского и французского правительств. Когда в конце апреля, — 30 апреля, — перед делегатским фронтовым съездом, [мне] пришлось спорить с тов. Церетели по вопросу об опубликовании тайных договоров [88], тов. Церетели говорил: конечно, эти договоры грязные, разбойничьи, но мы их постановили опубликовать по соглашению с союзниками других стран. Солдаты спрашивали его: когда это будет, и тов. Церетели, — я цитирую по стенограмме, [ответил]: «... скоро, очень скоро, через неделю, через две, на интернациональном конгрессе формально встанет этот вопрос, и если нам ответят отказом тов. Тома и Гендерсон и другие союзные социалисты, за которыми идет большинство, и об этом узнают французские и английские рабочие, то они к нашему голосу прислушаются, и эти социалисты не будут иметь большинства, и большинство примкнет к меньшинству». Это говорилось 30 апреля, — это когда тов. Церетели еще не был министром.

Прошло два мучительнейших месяца. Мы стоим перед наступлением, перед переломом [во] всей нашей революции. И здесь нам предлагают вопрос: как же мы кончим эту войну и выйдем из нее? — нам обещана конференция. С чем же мы останемся? Сами империалисты, которые остались на своих местах и продолжали угнетать свои собственные народы, нам говорят: мы не можем порвать с нашими союзниками, иначе они объявят нам войну, иначе японцы отхватят до Иркутска и «наши [союзники»] англичане и французы перейдут к наступательным мерам...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Ваше время истекло. (Шум. Голоса: «Просим продолжать».)

ЗИНОВЬЕВ. Я совершенно согласен с такой оценкой так называемых «наших» союзников. Больше того, я уж думаю, что когда нам приводят этот довод якобы против нас, [то] на самом деле он говорит за нас. Если вы говорите: японцы отхватят до Иркутска, англичане и французы перейдут против нас, то разве этих людей называют союзниками, разве для квалификации таких людей не существует совсем другого слова? (Аплодисменты.)

Но в каком же мы положении, если вы нам говорите, что нужно вести войну до того момента, когда добровольно согласятся окончить эту войну? Нужно же смотреть правде в глаза. Когда же японские капиталисты согласятся окончить эту войну? Японцы, как вы знаете, не потеряли ни одной пяди земли. (Шум.) Вы знаете, что они нажились на поставках и на нашей войне. (Сильный шум.) Я говорю, товарищи, те, которые нам это предлагают, они, сами того не сознавая, отдают себя в рабство этим капиталистам. Какой стимул кончать войну японцам? Они пограбили на этой войне чужие земли и деньги. Они не могут хотеть окончить ее. Если вы собираетесь воевать до того момента, когда они ее кончат, мы сами никогда не кончим.

Меня спрашивают: как [же] окончить [войну]. Я скажу, как я рисую себе это дело. Оно рисуется так: то, что тов. Чернов называл азартной игрой ва-банк, мы считаем единственно реальным, единственно приемлемым рабочим и солдатам. Я спрашиваю: с каких пор для революционных социалистов вопрос о социалистической революции стал игрой ва-банк? Я напомню, как громадное большинство русских социалистов ставило этот вопрос в 1905 г., но революция 1905 г. была детской игрушкой по сравнению с тем, что мы видим теперь, — она не была победоносна и все-таки она разбудила сотни людей на Востоке — в Турции, Персии, Китае. [89] Мы не видим всей грандиозности нынешних событий, мы слишком близки к ним, чтобы видеть,

какие грандиозные последствия они будут иметь во всех странах. Посмотрите, что делается в нейтральной Швеции, — разве мы не видим там пламенных языков революции? Мы говорим: это называется игрой ва-банк, а то, что нам предлагается, это — игра в бирюльки, если не хуже. Если вы не замечаете, что английские и французские капиталисты смеются над вами, играют с вами в дурачки, то вы не замечаете главного. Мы говорим, война подвела все человечество к тому положению, когда или гибель или социалистическая революция. Она разыгрывается во всех странах. Мы видим в Австрии, когда Фридрих Адлер поднимал знамя восстания, в Вене бастовало 80.000 рабочих, а в Берлине и в Гамбурге мы видели первые аресты солдат, а в окопах немецкие солдаты приносили трупы немецких офицеров, расстрелянных ими за то, что они мешали братанию. Мы видим стачки амуниционных рабочих в Будапеште. Мы слышим о стачках во Франции и в Англии [90].

Мы не знаем, как быстро развивается рабочая революция. Но мы знаем одно: отдать свою жизнь, прозакладывать свою голову стоит только за это дело, — за дело мировой рабочей революции. (Аплодисменты.)

ВИЛЕНКИН. Тов. Зиновьев с изумлением сказал о том, как быстро перерешился вопрос о коалиционном министерстве. Для нас, фронтовиков, в этом ничего удивительного не было. Мы думали, что тот стон, который испустила армия, когда узнала, что товарищи социалисты не хотят войти в министерство, совместно работать с людьми, которым не верят, в то время, когда вся армия принуждена продолжать умирать с людьми, которым она не верит, — этот стон донесся до Петрограда и получил ответ, — они пошли. И эта резолюция была бесконечно важна: с этого момента армия поверила министерству, потому что она сумела забыть, сколько [там] социалистов, и помнила только то, что то дело, которое нам всего ближе, то дело, от которого зависит жизнь и смерть армии, а с нею и России, и революции, и свободы, — это дело в руках человека, которому вся армия верит и никакие слова этой веры не отнимут. Поверив, мы не стали ожидать каких-либо политических чудес; мы не думали, что можно в 24 часа притти к разрешению всех сложных вопросов; никто не думал, что из чудесного мешка можно вынуть средства. Времена политических кудесников миновали, и с падением самодержавия их не может быть. Армия стала ждать работы, и эта работа шла. Я жалею армию тов. Крыленко, если она не смогла создать своей демократической организации и ждала жареных рябчиков, поднесенных ей сверху. Тогда к нам пришел приказ ген. Алексеева, пресловутый приказ № 51 [91]; у нас было свое положение, которое давало ответы на все вопросы, созданное снизу и законченное доверху, и приказ Алексеева, столкнувшись, разлетелся. (Голоса: «Анархия».) Нет, народное творчество.

Когда пришел приказ комиссии Поливанова, он оказался тоже неподходящим и разлетелся потому, что тов. Керенский сумел увидеть, где настоящая демократическая организация и где ее нет, и когда он будет пересмотрен, тогда, вероятно, армия тов. Крыленко, которая не сумела создать своего положения, организуется, как организовались другие. Но с этого момента мы от правительства ждали одного: власти твердой, той власти, которая, опираясь на нас, давала бы и нам опору.

Когда я здесь слышал речь тов. Рязанова, которая вызвала аплодисменты, правда, не ему, а тов. Керенскому, негодовавшего на действия власти по отношению к дезертирам, то я, действительно, недоумевал. Ведь надо же нам, наконец, уговориться, товарищи, что дезертиры не особый класс, не политическая партия, не общественная группа, не особенная порода людей, а это люди, которые по слабости, по малодушию или по трусости, или

потому, что никто не запрещает, перелагают тяжелую ношу общественного бедствия, — участие в ужасной войне, — на плечи других, таких же усталых, но на плечи людей, которые не решаются уйти со своего поста. (Бурные аплодисменты.) И это не политическая борьба: это — первое основание к завоеванной свободе, сознание того, что у каждого есть право на равномерное распределение тяжелых обязанностей. (Голоса: «А дети?»)

Я скажу вам, вместе с вами, как юрист, что паек, это — дело жестокое, но в данном случае вы должны знать, какой труд нам, армейским организациям, надо было вынести, чтобы предотвратить самосуды, чтобы избавить этих дезертиров от народного гнева, — тогда вы поняли бы, что это не компромисс власти, недостаточно властной, а это один из маленьких компромиссов. Но есть больший: я с изумлением и негодованием прочел в одной газете статью, что четыре расформированных полка были названы лучшими революционными полками России [92]. Эти полки отказались итти не в наступление, — это вопрос спорный, мы будем говорить о войне, — а пойти в окопы сменить такие же усталые полки. Почему они отказались, я не знаю, но я знаю, что три недели тому назад мне пришлось приехать в один из полков, который отказался итти в окопы. Я указал им, что сепаратного мира никто не хочет, указал на статью в газете «Правда», где доказывалось весьма основательно и правильно, что сепаратного мира заключить нельзя. Весь полк единогласно признал, что он будет страдать, терпеть и умирать. Ко мне подошел представитель полкового комитета и сказал: товарищ, а вы спросите, пойдут ли они в окопы? — Я говорю: какой странный вопрос: ведь они сказали, что пойдут и будут страдать, терпеть и умирать в окопах. — А вы спросите их, пойдут ли они в окопы? — Я тогда сказал: вы единогласно, свободные граждане, сказали мне, что будете терпеть, страдать и умирать в окопах; кто не пойдет в окопы, пусть поднимет руки, — и рук поднялось столько, что я содрогнулся. Я начал объяснять им, что если вы не пойдете, то вас сменить некому, потому что запасных частей нет, и если вы не смените более вас усталые части, то эти части могут уйти, и тогда русский солдат сделает то, чего не сделал Николай Романов: откроет фронт и на ваши головы падет кровь тех, кого обойдут немцы при прорыве фронта, — и после этого я голосовал вторично и почти 400 голосов получил за то, чтобы не итти в окопы. Это были не старые солдаты. Налево, — за то, чтобы итти в окопы, — голосовали все старые солдаты, раненые и изнемогшие, а направо — не итти в окопы. Кто же это были? Кучка ратников, пришедших три месяца тому назад, и вся нестроевщина, во главе с каптенармусом, выгнанным за воровство во время революции. Вот с кем мы имели дело. Когда я стал снова уговаривать, то я услышал возражения: что можайцы не уйдут. Это уже спекуляция на чужое благородство: что те останутся, а мы будем здесь сидеть. И я определенно, с сознанием ответственности, говорю: что если бы тогда был поставлен вопрос о расформировании этих полков, то я, не колеблясь ни одной минуты, написал бы бумагу, что надо расформировать. Но полк пошел, честь ему и слава.

Но если есть такие полки, которые не идут в окопы, — я не знаю, чем руководствуются эти полки: либо тем, что они устали, но ведь они не пошли сменить таких же усталых, — то это преступление против товарищей, или же не пошли потому, что, по их мнению, это конец войны. Вы сами знаете, что ни одна партия не допускает возможности окончания войны частичным образом. Это в лучшем случае заблуждающиеся, а не лучшие полки революции. Армия ценит революционный паспорт, и если вы будете лучшими революционными полками называть тех людей, которые не хотят итти туда, где есть опасность, то, по моему мнению, давайте это почетное

название тем, которые имеют на это больше прав. Но есть еще и третье, и в этом третьем мы в праве ожидать властного слова, и это третье — то, что кто-то крикнул: «окопавшиеся в тылу». Вот с этим мы пришли сюда. Да, довольно аристократизма всякого, до революционного включительно.

Я тут на улицах слышал молодых людей военного возраста, которые говорят: сепаратный мир заключать нельзя, и армия не может втыкать штыки в землю, она должна оставаться и ждать. А я спрашиваю их: почему вы не идете? — Я пойду, когда будет революционный подъем, когда настанут такие условия, что истинный революционер сможет итти умирать.— Позвольте, господа аристократы, вам, чтобы итти туда, нужны особые условия, а нам не нужно, а мы можем умирать без всяких революционных условий? Нет, пусть будет справедливость (рукоплескания): либо все по домам, либо все туда. Это не к рабочим относится, и никто у нас в армии слова не скажет. Их место здесь, но это относится к тем, и преимущественно к интеллигенции, которые окопались в тылу и которых силой надо гнать (рукоплескания), и во имя чистоты наших идей и во имя, позвольте сказать, чистоты революции особенно надо гнать тех, которые сумели сопричислиться к революции, потому что и такие есть, товарищи. (Рукоплескания.) Есть люди, которые примазались, не имея никакого права; их надо гнать отсюда. И я вам скажу, что когда это будет сделано, главная задача будет выполнена: организация армии будет создана, когда армия увидит, что не на словах, а на деле действительно есть равноправие. И я скажу, что в этом отношении нужна большая власть того же министерства, нужна большая власть, чтобы не было тех компромиссов, о которых говорили. Есть итальянская забастовка генералов-реакционеров, и с ней надо бороться, но есть итальянская забастовка людей, не желающих итти в армию, и с ней тоже надо бороться.

И армия ждет, армия верит. Я позволю себе привести заключительные слова той резолюции, которая была принята на двух с половиной тысячном съезде пятой армии, принята всеми против ста или ста пятидесяти: «Съезд выражает коалиционному Временному Правительству, идущему рука об руку с Петроградским Советом Кр., Р. и С. Д. и со вновь созываемым Всероссийским Съездом Кр., Р. и С. Д., свое полное доверие и обещает ему, — величайший дар, товарищи, — повиновение и поддержку». Это не пустые слова, это слова людей, которые знают, что слово «повиновение» значит иногда отказ от жизни, а слово «поддержка», это — обязательство работать, а не смотреть наверх, откуда все должно итти. (Рукоплескания.)

КАНТОРОВИЧ. Товарищи, я член фракции объединенных с.-д. и говорю от имени этой фракции. Я хочу сначала сказать несколько слов по поводу речи предыдущего оратора. Конечно, к некоторым местам его речи мы не можем не присоединиться, мы не можем не присоединиться к протесту против окопавшихся в тылу, который мы слышали из его уст; мы не можем, пожалуй,— я, по крайней мере, говорю за себя,— не присоединиться к тому, что он сказал о том, являются ли расформированные полки лучшими полками или худшими. Но, товарищи, в его речи было несколько слов и несколько замечаний, которые меня сильно удивили. Он сказал следующее: он сказал, что жалеет ту армию, армию тов. Крыленко, которая сама себе не могла создать организации, хотя он не знает, не было ли причиной того, что эта организация не создалась, противодействие командного состава этой армии. Товарищи, а ведь если командный состав армии противодействовал этой организации, то знаете, как называется такая самочинная организация с мест? На вашем языке она называется анархией,— вот как она называется. (Рукоплескания.) Поэтому странно, с точки зрения тов. Виленкина, что

он жалеет эту армию. Армию надо жалеть, но не потому, что она сама не сумела создать своей организации, а потому, что ей сверху ее не дали, конечно. Дальше мы знаем, что сейчас общее положение на фронте, которое раньше представляло из себя более или менее развал, это общее положение значительно улучшается. Но я поставлю вопрос: кому мы этим обязаны,— командному составу армии или тем органам революционной демократии, органам революционной армии, т.-е. армейским, корпусным и полковым комитетам? Ясно, что именно этим органам. Стало быть, спрашивается, чем это противоречит нашей точке зрения, точке зрения, что единственная, действительная власть сейчас—это есть только власть революционной демократии, и она не должна и не может от этой власти отказаться.

Из того, что я дальше скажу, вы увидите ясно, что моя речь не направлена против министров-социалистов, и что не их мы хотим нарочито дискредитировать, как нас подозревал в этом один из товарищей. Мы, делегаты с мест, приехали сюда с ясным и точным сознанием, что Россия находится на краю гибели. У нас была маленькая надежда, что здесь, в центре, министры и другие знающие люди скажут нам, что это неверно, что наш местный опыт, маленький, провинциальный опыт, привел нас к неверному заключению и что Россия не на краю гибели.

Мы выслушали здесь всех министров, являющихся представителями революционной демократии. Спрашивается: разубедили они нас? Нет, они подтвердили весь наш вывод во всем его ужасающем трагизме. Я не буду останавливаться на докладах остальных министров, кроме Пешехонова; остальные доклады были скорее блестящими полемическими речами вождей той или иной партии, которые, по-моему, производили впечатление людей, не входящих в правительство, а поддерживающих его, поддерживающих правильность позиции правительства,— так мало говорили они о деятельности правительства и так много о том, почему его нужно поддерживать. Но вот я остановлюсь на докладе Пешехонова, в высшей степени интересном, беру несколько на удачу выбранных мест: «у нас кризис кож и других товаров, мы хотели покупать за границей, но у нас нет кредита...»; второе: «за время революции производительность все время падает и падает, а размах рабочего движения больше, чем это допускают наши материальные условия...»; дальше: «сейчас положение такое, что за деньгами нет обеспечения, все сводится к тому, сколько успеет напечатать станок». Дальше: «задача времени—это, борьба с чрезмерными стремлениями рабочего класса», и т. д., и т. д.

Товарищи, мы не можем не верить Пешехонову, должны верить,—ведь все эти отдельные выдержки далеко не самые ужасающие в этом смысле из его доклада, ведь их нужно напечатать кровавыми буквами, ведь России грозит гибель, а мы это забываем. Дальше, перед нами невероятный кризис, мы к нему уже подошли. Сделано что-нибудь,— нет, ничего не сделано, и этого министры не отрицают, этого не отрицают даже те, кто официально защищали точку зрения министров со стороны, т.-е.,— говорю в ковычках, не хочу никого задевать,— «правительственной партии», которые признали, в конце концов, что многое, как они выражаются, можно было сделать, должно было сделать, и не сделано, не сделано многое из того, что нужно было сделать. Товарищи, когда такие вещи говорят официально с кафедры, то это значит, что ничего не сделано. Я категорически это утверждаю. (Шум. Голоса: «Что же делать, укажите».)

Один из товарищей, который обвинял нас в том, что мы дискредитируем министров, говорил, что власть налагает огромную ответственность. Я говорю, что мы имеем преступное бездействие власти. И вот я ставлю

вопрос: чем же это объясняется? Есть, товарищи, три возможных объяснения. Первое объяснение: наши министры недостаточно понимают всю гибельность положения, недостаточно стоят на точке зрения революционной демократии. Ну, господа, разве может быть у кого-нибудь здесь сомнение в этом отношении? Разве можно найти здесь кого-нибудь, кто бы сказал, что Чернов или Церетели недостаточные сторонники революционной демократии, недостаточно понимают положение момента, существующее положение вещей? Нет, мы знаем, что они хорошо понимают серьезность момента, так что, значит, это объяснение нужно отбросить. Второе объяснение: они ничего не могли сделать, потому что они не способны, они ничего просто не могли придумать. В сущности говоря, по-моему это утверждает тов. Дан, который говорит, что революционная демократия и этот Съезд должны дать правительству рецепты, что правительство само выдумать ничего не может и ему должны быть даны Съездом известные рецепты. Я, товарищи, утверждаю, что это не так. Мы все знаем, и я думаю, что мне перед этим Съездом особенно не придется защищать то положение, что среди них есть лучшие люди, лучшие лидеры, достаточно, само собой разумеется, способные. Значит, и это объяснение нужно оставить. Чем же тогда это объясняется? Тем, что Россия погибла и ее спасти нельзя? Совершенно естественно, инстинкт самосохранения подсказывает, что и такое положение принять нельзя. Остается, следовательно, только одно,—остается положение вещей, при котором работать нельзя: остается предположение, что что бы наши министры ни делали, какими бы способными представителями революционной демократии ни были, все равно они ничего сделать не могут, и не могут потому, что буржуазия систематически саботирует все, потому что сами себе поставили известный предел, за который перейти не могут, и этот предел определен группой буржуазии, участвующей в правительстве, а вы, следовательно, должны отступать перед каждым натиском буржуазии. (Голоса: «Что же делать?»)

Итак, тут установлено, как факт, что ничего не сделано, и это объясняется не какими другими причинами, как тем, что этого нельзя сделать при данных условиях. А мы предлагаем определенный выход, практический выход. Меня спрашивают: какой же практический выход? Я скажу на это: тот, который был дан в резолюции тов. Луначарского. Тов. Дан заявил, что все равно, какое бы правительство ни было, это правительство не будет вести иной политики, кроме политики революционной демократии. Да, товарищи, иной политики оно вести не будет, но если вы думаете, что та политика, которая у нас в настоящее время существует, есть политика революционной демократии, то вы жестоко заблуждаетесь. Разве комиссары Временного Правительства это комиссары революционной демократии? Разве те законопроекты о борьбе с анархией, которые выходят из-под пера этого самого министра Львова, разве это деятельность, разве это мероприятия революционной демократии? Нет, товарищи, мы не желаем вводить социализм, мы надеемся, что проводить социализма не станут, потому что не смогут, потому что практические условия ставят препятствия. Но, товарищи, мы считаем необходимым, во имя спасения прежде всего страны, которая погибает, последовательным проведением мероприятий, отличающих действительно революционную демократию, необходимым вывести ее из того положения, в котором она находится. Именно поэтому мы предлагаем не нелепую диктатуру пролетариата, в чем нас, между прочим, обвиняют, а совершенно определенную передачу власти в руки великой российской революционной демократии в лице ее трех ветвей: революционных рабочих, революционных солдат и революцион-

ного крестьянства. Именно это, а не что-нибудь другое мы предлагаем. (Аплодисменты.)

СМИРНОВ. Товарищи, вопрос так освещен, что я не взял бы слова, если бы я не обязан был представить несколько соображений, которые одушевляли краевой съезд Кавказской армии. Эти соображения я коротко предложу вам в качестве материала, если хотите.

Здесь нам предлагают взять в свои руки власть. У нас есть опыт этой власти, маленький опыт, относящийся только к Кавказу, но, во всяком случае, гораздо больший, чем тот опыт, который приходит к нам из кабинета. У нас есть опыт, у нас власти так много в руках революционных организаций, так много, что я скажу, что вся полнота власти находится у нас. Если пойдете туда, где работают наши кавказские организации, вы увидите, что эти революционные организации, как дух святой, проникают всюду: ни одного решения, ни одного учреждения, ни одной организации нет, куда бы власть революционной демократии не проникала. Мы все держим в своих руках, и эта власть утомляет нас, ибо мы поставлены в необходимость забывать о самых основных задачах. Мы, представители революционной демократии, вместо того, чтобы писать и проводить в жизнь манифесты демократии, мы, в конце концов, принуждены изучать чуть ли не уставы благочиния. Мы, которые призваны быть, плохими или хорошими, но вождями этой демократии, мы становимся чуть не ночными сторожами. Мы все делаем, потому что на нас легла вся тяжесть, вся ответственность, вся полнота власти. Товарищи, кто на местах, не в кабинетах сидит, тот скажет то же, что и я скажу, — что власти сколько угодно, но эта власть нас утомляет. Мы не хотим этой власти, мы хотим, чтобы ответственность за то строительство революционное, которое создается, чтобы ответственность легла на плечи тех, которые уклоняются от этого.

Тов. Троцкий говорит, что наверху устраиваются итальянские забастовки министрами Коноваловым и другими. В наших организациях хотя и нет министров, но это отражается и там; в наших организациях точно так же устраиваются итальянские забастовки, точно так же представители тех классов, которые стоят наверху, представители этих классов не хотят брать ответственности. Мы хотим, чтобы они взяли и часть работы, и часть нашей ответственности, мы хотим, чтобы они работали вместе с нами. Вот чего мы хотим, вот что фактически делаем, ибо фактически вся полнота власти находится в наших руках.

Что нам предлагает тов. Луначарский? Он начинает шутить о красной девице, которая из правого рукава выпускает какого-то сокола, а добрый молодец тов. Луначарский из левого рукава, — конечно, из левого, товарищи, ибо из другого он выпускать не может, — что выпускает? Выпускает не сущность власти, не вопрос о всей власти, а вопрос о форме власти. Он говорит, что надо сделать так, чтобы собрать революционный парламент, составленный из 300, потом еще из сотни и еще из сотни, и тогда, когда составится пятьсот человек, тогда и явится у нас, в конце концов, такая форма власти, которая великолепно ответит на все вопросы, которая великолепно возьмет в свои руки власть, великолепно сможет удержать. Это вопрос не существа власти, — существо власти в наших руках, — это вопрос о форме власти. Тут исключительно вопрос: куда власть приспособить, — приспособить ли к этим организациям, или приспособить к тем организациям, которые существуют.

Вопрос разрешается чрезвычайно просто, как вообще все те вопросы, которые ставятся товарищами слева. Когда говорят о братании, они говорят: классовая борьба; когда говорят о том, что нужно создать новые органи-

зации, они говорят: прямое народоправство. Вот если бы можно было осуществить прямое народоправство, я бы согласился, что другой формы нет, но прямое народоправство неосуществимо. В то время, когда создается новая организация, вы для исполнения функций власти, которая называется исполнительной, вы все время ставите или отдельных людей от этого парламента, или отдельные комиссии от этого парламента, ну, а скажите, вы безусловно верите этим людям, которые поставлены вами, что они лучше тех, которые имеются сейчас, и что они будут безупречны, что они ни в коем случае не вызовут никакой идеи подозрения? Нет, товарищи,— а борьба, а это бесконечное количество выражений недоверий, разве вы не знаете, сколько раз исполнительные комитеты переизбирались, то с одной стороны недоверие, то с другой стороны недоверие, то с третьей, и это исполнительному комитету революционной демократии, а не кому-нибудь другому.

Это недоверие всегда будет; это недоверие — такой вопрос, который, в конце концов, заставит эти организации на некоторое время ставить те же самые вопросы, которые ставит сейчас тов. Троцкий,— это единственный довод, который выставляется за то, чтобы переменить организации. Он говорит, что тогда, когда революционный демократический парламент тов. Луначарского станет наверху и внизу будет та же организация, тогда он говорит, если будет полное нарушение, то это психология штрейкбрехерства. Тов. Луначарский берет четыре иностранных слова для того, чтобы образовать одно понятие; это чувство иностранное, у нас в России его нет. Эта психология штрейкбрехерства, которой хорошо проникнут Луначарский, эта психология штрейкбрехерства едва ли у нас в России найдет место. Мы не доросли до более простых и ясных вещей, чем такое сложное понятие, как психология штрейкбрехерства. Вы, товарищи, вы, когда устраиваете маленькое, так сказать, выступление, разве вы, в конце концов, не делаете этой психологии штрейкбрехерства? Когда устраиваете Кронштадт, разве вы выступаете только против буржуазного правительства, а не против петроградских представителей революционной демократии? (Бурные аплодисменты.)

Отчего тов. Троцкий не говорит о психологии штрейкбрехерства? Оттого, что психология штрейкбрехерства, это — единственный довод, довод отвлеченный, висящий в воздухе, который может быть брошен оттуда. Вот почему, товарищи, когда ставится вопрос о том, будет ли лучше [эта] организация, чем та, которая существует, я ищу указаний с другой стороны, и никаких основных указаний не нахожу.

Можно поставить и другой вопрос: так что же тогда будет, если эта организация не будет лучше, что же будет? Это будет опыт, который ставят товарищи с этой стороны. А в наше революционное время, когда мы идем вперед, опыты ставить нельзя. У нас есть организации, которые хорошо поставлены, которые дают нам возможность работать. Так мы должны это смести во имя опыта, во имя чистоты, которую они доказать еще не могут, должны иначе взглянуть на вопрос? Вот почему я говорю, что [мы] так говорить не будем, мы должны иначе взглянуть на вопрос: мы должны сказать, что та организация, которая существует, то министерство, которое существует, против него могут ли быть брошены какие-нибудь доводы, могут ли быть указаны с этой стороны какие-нибудь возражения, могут ли сказать, что она не выполнила своего назначения.

Вы слушали здесь четыре дня и скажите, товарищи, есть с этой стороны какие-нибудь определенные указания на какие-нибудь определенные непозволительные поступки? Нет, таких указаний нет. Могут быть ошибки,

которые делаются ею, но и они делают такие же ошибки и гораздо еще больше, и они забывают, что не ошибается тот, кто ничего не делает; мы делаем, мы и ошибаемся. (Аплодисменты.)

Если так подойти к вопросу, можно сказать, что с этой стороны нет никаких доводов. В революции 48-го года был такой курьезный случай, когда одного молодого человека, занимавшегося чем-то непозволительным, потащили в кордегардию и по дороге разорвали брюки, то этот человек был остроумен, он вывесил брюки и стал кричать: «Товарищи, здесь показывают свободу Германии». И, товарищи, когда они тоже кричат, они показывают рецепты, которыми можно спасти страну, но когда дело доходит до доводов, тогда они даже и штанов показать не могут, потому что нет доводов. (Бурные аплодисменты.)

И вот почему, я говорю, мы не пойдем ни сюда, ни туда. Революционная демократия не должна шарахаться из одной стороны в другую сторону,—с одной стороны нас пугает Ленин, с другой стороны нас пугают правые. Виноват, не с этой стороны, не в этом собрании, а в общем смысле. И когда с правой стороны нас пугают, то мы почему-то должны кинуться в объятия тов. Луначарского, который с милой шуткой бросает нам эти рецепты. Нет, мы ни туда, ни туда не пойдем. Мы пойдем прямой дорогой. Мы знаем, что на этой дороге есть много провалов. Мы их обойдем. Мы знаем, что на этой дороге есть много камней, мы их счистим. Мы пойдем по этой дороге прямо, мы пойдем прямо к цели, прямо к нашим конечным идеалам—к торжеству революции. (Бурные аплодисменты.)

ОРЛОВ. Товарищи, я из центра Донецкого бассейна, из города Екатеринослава.

Слушая здесь многих ораторов, которые называются защитниками министерской партии, я пришел к тому заключению, что им нужна сильная власть для борьбы с левыми, а не с правыми. (Аплодисменты.) Они видят гибель революции от анархии, они видят анархию слева. Товарищи, позвольте нарисовать вам известного рода картину: здесь есть сидящие слева товарищи, с которыми я во многом не согласен, которые принимали совместно со мной участие в борьбе против этой анархии. Я вам нарисую определенного рода картину.

Вы все знакомы с Донецким совещанием [93]. Вы все хорошо знаете это положение. Мы, представители Донецкого бассейна, сидим здесь и думаем: не на вулкане ли мы сидим, не останемся ли мы завтра без угля, без металлов и без всего, потому что три месяца уже тянется соглашение, три месяца ведется борьба за те прибавки, которых требуют шахтеры, которых требуют рабочие этих металлургических заводов. Я вам нарисую картину этого положения, и вы увидите, в чем тут сила.

Первое совещание было в апреле месяце, когда мы, представители рабочих, поставили определенные и ясные требования. Большинство так называемых чернорабочих на металлургических заводах, большинство чернорабочих-шахтеров, зарабатывает по 1р. 50 коп.—1 р. 75 коп. в день теперь. И когда мы поставили ставку на 100 %, так нам капиталисты закричали тогда, что они дают только 50, или промышленность буквально развалится. Мы говорим: на такие уступки мы пойти не можем, потому что рабочие нас не уполномочили. Тогда перенесли конференцию в Харьков на первое мая. Представьте себе положение от апреля до мая. Это что значит? Это значит жизнь возросла минимум на 20 %. Ясно, что ставка повысилась, потому что то, что мы предлагали раньше, волей неволей для изголодавшегося рабочего стало мало. И они там вовсе забыли. Перенесли в Петроград. Говорят, что эта прибавка невозможна. Когда делега-

ция поехала в Петроград, то вы читали в газетах, что они кричали: «грабеж». В то же время эти господа капиталисты отдельным цехам прибавили в два раза больше, чем мы требовали, но тем цехам, которые получают очень высокую заработную плату; тем прибавили, а тем, которые имеют мизерный заработок, тем не давали. И что же они внесли, — это не анархия?

Вы знаете, что там теперь делается. Там теперь накануне того, что вспыхнет забастовка всего Донецкого бассейна. А это грозит знаете чем? Это грозит тем, что вы останетесь и без угля, и без хлеба, потому что железная дорога зависит от того, насколько будет работать Донецкий бассейн, потому что он единственный пункт, который в более или менее достаточном количестве снабжает в настоящее время железные дороги и заводы топливом. Вот каково положение. Скажите мне, это не анархия? Для этого ли нужна сильная власть или для того, чтобы бороться справа? Нет, вовсе тут не нужна сильная власть, потому что она сильна и она может опереться на нас, потому что мы ее во всякое время поддержим.

Это одна сторона дела. Теперь я приведу вам целый ряд примеров. Вы, приехавшие с мест, знаете, в каких условиях вам приходится бороться. В Донецкий бассейн, центр производства металлов, из армии, с фронта приезжают люди [и] по полтора месяца 100 пудов железа, нужного для той дивизии, которую посылают в бой, не получают, — полтора месяца сидят и ждут. Когда мы явились к главному уполномоченному, которого мы искали три месяца, центральная власть заявила: все остается по-старому. Пускай будет так. Но положение такое, что железа нет, а железо уплывает. На Брянском заводе[1]), который выпускал в день сотни тысяч пудов, нет и пуда для армии; отовсюду получаются запросы, приезжают из Балтийского флота, приезжают из Черноморского флота, приезжают представители всех армий, — и нет ни пуда.

Что же нам делать? Осуществлять революционным путем? Нам скажут, что это анархия. Да, анархия, но откуда? Скажите мне, для этого вам нужна сильная власть? Если для этого, то вы ее имеете здесь. Вам нужна сильная власть для того, чтобы бороться с критикой слева, — вот для чего вам нужна сильная власть. (Аплодисменты со стороны большевиков.) Бороться слева надо бороться идейно; приехавшие сюда мои товарищи скажут, каких усилий перед поездкой сюда нам стоило удержать рабочих от забастовок (аплодисменты слева),—и слева мы старались, товарищи, предотвратить анархию, и там остались товарищи, которые, может быть, захлебываются теперь в борьбе с анархией, которая справа распространяется. (Аплодисменты большевиков.)

АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Товарищи, позвольте и мне, по примеру некоторых товарищей социалистов-революционеров, напомнить представителям научного социализма, представителям марксизма некоторые истины, которые они забыли.

С каких это пор, спрашивает тов. Зиновьев, требование немедленной социалистической революции есть азартная игра? Я отвечаю вам, товарищи, что с тех пор, когда на место социализма утопического, который считал во всякое время, во всякий момент возможным осуществление программы социализма, встал социализм научный, — с этого момента требование сразу и немедленно социальной революции, вне времени и пространства, стало азартной игрой.

Дальше, товарищи, позвольте ответить на другое обвинение, которое здесь было брошено нашим товарищам министрам. Тов. Зиновьев говорит, что

---

[1]) В подлиннике: «на Брянский завод».

товарищи-министры, как средство для ликвидации международной бойни, предлагают нам дипломатические переговоры и конференцию. Это неверно. Неужели вы забыли слова тов. Чернова, который сказал ясно: «Мы не требуем немедленного созыва международной конференции, ибо не на ней покоятся наши надежды. Мы убеждены в том, что только тогда, когда весь международный пролетариат соединится на конференции социализма, только тогда, когда эта международная демократия скажет свое властное слово, только тогда может быть созвана конференция дипломатов, ибо на этой конференции вопросы будут решаться не в зависимости от дипломатических ухищрений, а в зависимости от голоса международного пролетариата». Если вы не верите в это, если вы надеетесь на силу этого международного пролетариата, то какие же основания и какие же права дают вам основание сказать, что вы надеетесь, что достаточно нам бросить лозунг, достаточно нам призвать к международной немедленной революции, и этот самый пролетариат международный, который вы не считаете способным с нами объединиться, в этом отношении поддержит вас и опрокинет буржуазный строй?

Товарищи, как в малой капле воды, вопрос о власти отражается в армии, и я скажу вам, что это вопрос особенно болезненный. Я считаю, что только организация масс даст решение вопроса. Вопрос не в министрах и их декретах сверху, и в этом отношении положение армии стало тверже и отчетливее, чем было: если в момент революции у нас в армии создался полный хаос, то этот хаос постепенно разрушался. Я прекрасно знаю, что много ошибок есть в деятельности военного министерства, даже за последнее время, но в то же самое время, товарищи, мы должны понять одно: вопрос о создании боеспособности армии есть вопрос жизни и смерти русской революции, и тем, кто взял на свои плечи эту работу, мы должны помогать, может быть, помогать и критикой, но не той, которую мы слышали от тов. Крыленко. Если мне говорят, что, после месяца деятельности тов. Керенского, тов. Крыленко находит полк, в котором нет сапог, то я говорю, что такую критику можно допускать на митинге, но не на таком Съезде, где собрались представители революционной демократии. И если тов. Крыленко говорит, почему Керенский удаляет из полка арестованных нами младших офицеров, а не оставляет их у нас в полку, то я спрошу того же тов. Крыленко: разве он не знает сам, что это невозможно, чтобы офицеры эти были в полку и что лишь по требованию солдат они выброшены из полка? Предлагая это средство, он знает, что оно невыполнимо. Я повторяю еще раз: тов. Крыленко ошибся адресом и обращается к тому собранию, которое сумеет разобраться, помогает ли эта критика, или она есть сплошная демагогия. Мне кажется, вопрос стоит совершенно ясно.

Для нас, для фронта, вопрос власти есть вопрос жизни и смерти. Если у нас на фронте, по пятам кронштадтской и красноярской республик, станут создаваться республики полковые и дивизионные, то гибель фронта несомненна, и в этом отношении Съезд революционной демократии, которым является настоящее собрание, должен сказать свое властное слово. Это слово должно быть требованием единства революционных сил, а не распыленности их, ибо, товарищи, вопрос стоит очень остро, ибо в армии навстречу всем элементам, которые требуют, во что бы то ни стало, ликвидации войны из соображений ли социализма или других, которые требуют просто бегства, чтобы покинуть фронт и уйти, если навстречу этим людям идет пропаганда, если навстречу этим людям говорят, что преступник тот, кто тащит их на бойню, кто заставляет сменять своих товарищей на фронте, в окопах, то я скажу, что создается положение ужасное: те, кто остаются в окопах, готовы

выйти из них для того, чтобы загнать на свои места тех, кто не хочет туда итти.

Надвигается анархия, которая может исчезнуть только в том случае, если там будет твердая, определенная и ясная власть. И поскольку она теперь создана, поскольку она гарантирует возрождение армии, постольку мы можем ее приветствовать. Все противодействующие ей течения, которые стремятся к тому, чтобы разложить армию, должны встретить наше противодействие. Я лично не хотел бы отождествлять с этими течениями те взгляды, которые предлагаются здесь слева. Но позвольте спросить вас, товарищи слева, разве не нужно пересмотреть те взгляды, которые на местах приводят к анархии? А если бы вы знали, что говорят нам те толпы дезертиров, толпы вольницы на фронте, которые бродят по деревням и которые отказываются быть в окопах, если бы вы знали, что они говорят вашими аргументами, цитируют ваши слова, то вы поняли бы, почему этот вопрос так больно, так мучительно нас задевает: вы поняли бы, что если эта пропаганда может привести к таким результатам, если она последствием имеет такого рода положение вещей, то является вопрос: не пора ли подвергнуть пересмотру вашу программу.

Дальше, мне приходилось слышать, что боеспособная армия — это был бы подарок нашим империалистам, которые, опираясь на нее, могли бы бросить Россию в пучину авантюристских предприятий. Но я спрошу вас, разве то, что наростало на нашем фронте до последнего времени, разве это не есть прямое, определенное движение в сторону одного — крушения фронта и всего, что с ним связано, в сторону сепаратного перемирия, как преддверия сепаратного мира? И это перемирие разве это не есть подарок империалистам и Германии, все равно, во всяком случае, это есть подарок империализму какому бы то ни было. Не в этом направлении, не сюда мы должны итти, — мы должны итти в определенную сторону, в сторону сплочения сил, в сторону организации.

Позвольте мне, как представителю фронта, в заключение сказать, что в этом отношении мы сделали очень многое, в этом отношении положение довольно прочно. Власть, которая у нас существует, пользуется абсолютным и безусловным авторитетом, и сама армия, организовавшаяся, сплотившаяся, достигла того, что в лице своих выборных, в лице своих представителей, которые съезжаются на съезды, нашла общий объединяющий ее язык. Если в этом отношении замечаются противоборствующие течения и если они имеют успех, то это—признак нашей победы, победы революции, потому что этот успех существует только среди масс, которые не доросли до понимания задач революции, среди самых темных и отсталых элементов. В этом заключается наша победа, в этом заключается наша уверенность в торжестве революции, которая действительно должна явиться преддверием социальных преобразований.

В конце концов, нам безусловно всем [1]) грезится социализм. Но, во всяком случае, нужно помнить, что если говорится об армии, то двух точек зрения, двух мнений быть не может: или армия должна быть возрождена, должна стать боеспособной, или она должна погибнуть. Всякий, кто пытается найти середину, эту армию губит, а погибнет армия, то погибнет вместе с нею и революция. Позвольте, товарищи, сказать вам прямо, — в этом отношении у нас на фронте соглашение достигнуто. Если бы я хотел обозначить тот процесс, который происходит в сознании солдатских масс, то я не нашел бы другого выражения, как сказать, что это — процесс

[1]) В подлиннике: «нам».

осознания всего совершающегося и это есть процесс победы организации над дезорганизацией, и только в этом залог успеха нашей революции.

ЛЮБОВИЧ. Нам здесь говорили о готовых рябчиках, о тех рябчиках в виде самочинных организаций, которые, якобы, желательны вместо тех положений, которые не подходят для данного момента. Но, товарищи, не из одного, а из многих примеров, что делают с этими рябчиками: их едят, и едят под разными соусами,—под соусом сепаратизма, под соусом самочинных республик, под соусом анархии, и едят те товарищи, которым даже не следовало бы их есть. Товарищи, мы знаем из ближайших примеров, что когда возникает так называемая самочинная организация, то она подвергается таким нападкам, которые делают ее существование более невозможным, более нетерпимым, чем существование самой яркой черносотенной организации. Товарищи, это не случайность, это не единичный пример, это массовое явление. Говорят, товарищи, что некоторые места, создающие такой сепаратизм, как его называют, обладают революционным полнокровием; но, товарищи, мы знаем, что есть другие места, обладающие революционным малокровием. Что же, мы будем применять старый испытанный раньше способ бросания крови тем местам, которые обладают революционным полнокровием? Не лучше ли подлечить те места, которые малокровны, которые нуждаются в хроническом и долгом лечении, которые страдают? Но, товарищи, у нас поступают иначе, и когда на местах есть полнота власти, та полнота власти, о которой говорил нам и представитель Кавказа, то товарищи склонны от этой власти отказываться,—говорят: бремя власти слишком велико, бремя власти не дает нам возможности вершить нашу работу. В чем же, товарищи, наша революционная работа, как не в создании оплота тем, кто будет стоять у власти, не тем, кто стоит сейчас у власти, а власти действительно революционной? Товарищи, нужно быть последовательными, и если мы говорим, что мы нуждаемся в твердой власти, то нужно же создать и на местах эту власть. Если же на местах мы этой власти не создаем и если говорим, что полновластие местное вредит полновластию общему, то тем самым подсекаем то дерево, на котором должна сидеть общая власть.

Здесь часто упоминалось имя Кронштадта в связи с сепаратистическими, якобы, тенденциями; но, товарищи, если я задам вопрос, мог ли от общей со всей Россией артерии отделяться этот город, который посылал все время припасы в действующий флот, вы, вероятно, ответите, что не мог, но отделили бы его те товарищи, которые пытались отказать ему в том, чтобы он мог снабжать этот флот припасами. Такая попытка, такая угроза была. Если бы мы прекратили работу на оборону, как бы нас назвали? Как же назвать такую угрозу, такую попытку? Товарищи, мы знаем, что в то время, когда нам говорят о власти, то мы забываем те положения, которые развивал докладчик и которые, наконец, не мешало бы вспомнить. Докладчик нам говорил, что да, мы эту власть, пожалуй, даже и взяли бы, но кто может поручиться, что не только Петроград, не только Кронштадт, но и вся Россия подчинится этой власти? Товарищи, действительно, положение серьезное: подчинится ли вся Россия этой власти? Но, товарищи, мы знаем, что подчинение было бы не подчинением в то время, когда этой власти не подчинились бы на местах, а наоборот, тогда в этой власти черпала бы свои силы революция. Но мы знаем, что этого нет. Что сейчас власть подавляется на местах, что эти оазисы местной власти, которые сейчас остались, будут, в конце концов, подавлены. Я не берусь быть пророком, но мне думается, что они будут подвергнуты старому испытанному способу бросания крови.

Товарищи, мы знаем еще на практике, в какое положение попали наши социалистические министры, войдя в кабинет. Товарищи, мы знаем, что кадет — не социалист, а кадет Некрасов оказался гораздо демократичнее в проведении реформ в железнодорожном ведомстве, чем Церетели, министр-социалист, у которого сейчас наблюдается конфликт с почтово-телеграфным съездом [94]; разве это не симптоматично, товарищи, что кадет оказался демократичнее социалиста в этом министерстве? (Голоса: «Да здравствуют кадеты!») [1]).

Вы аплодируете вашему же фальшивому положению. Товарищи, дело в том, что мы видим на примере, как насилуются социалисты, когда они входят в коалиционное министерство. У кадетов больше развязаны руки; они связаны у социалистов, которые связаны по рукам и ногам, и ими бросают, как пешками. Мне говорят: да здравствуют кадеты, но, товарищи, подождите смеяться. Вы не будете им аплодировать, когда я скажу: да здравствует социалистическое министерство. Вы скажете, что мы еще не доросли до этого. Будьте последовательны и скажите, что мы не доросли еще до коалиционного министерства,—нам нужно кадетское большинство. Оно только может вас выручить из этого тупика. Мы знаем, что те социалисты, которые сейчас пришли в министерство, они окажутся в дальнейшем еще более бессильными, чем кадеты, которые хоть что-нибудь делают, больше, чем делает Некрасов. Они подготовляют ту почву, на которой вырастет махровый цветок контр-революции, и тогда будет поздно сказать: «да здравствуют кадеты». Тогда вы скажете: «да здравствует революция». Сейчас нужно поставить у власти действительно революционное правительство, а не призрак его, не фантом, который только на словах, а не на деле может проявить себя.

ФИШГЕНДЛЕР. Я не принадлежу к числу тех, которые ставят своей задачей петь дифирамбы тем министрам, которых Совет Рабочих и Солдатских Депутатов делегировал в коалиционное правительство. Я считаю, что наша задача значительно шире и серьезнее, чем это кажется. Если меня в данном случае, как работника, проведшего первые дни революции на фронте, волнует взаимоотношение вопросов о характере власти, вопросов о демократизации армии, вопросов, поднятых здесь тов. Крыленко, эти вопросы приобретают с этой точки зрения большой интерес, но тов. Керенский заявил, что об этом вопросе мы будем говорить значительно шире и глубже, чем это говорил тов. Крыленко, в той военной секции, которая будет работать не час и не два, а два дня, и тогда мы попросим у тов. Керенского дать обстоятельный ответ на целый ряд серьезных вопросов. Я принадлежу к числу тех, которые заявили, что вступление тов. Керенского [2]) в министерство сыграло огромную роль во внесении порядка и организации армии. Я принадлежу к числу тех, которые могут указать тов. Керенскому [2]) на те дефекты, которые необходимо исправить. Эта критика будет основана на документах. Я не принадлежу к числу тех, которые на основании своего поля зрения будут переносить результаты этих наблюдений на весь многоликий фронт и из этого делать окончательные выводы о деятельности министерств.

Вопрос об организации армии имеет самодовлеющее значение, не только как вопрос, имеющий непосредственное отношение к войне и миру. 12, 10 и больше миллионов переодетых в солдатские шинели рабочих, этот цвет нации находится в ужасных условиях, вызываемых атмосферой военных действий.

---

[1]) Далее в подлиннике следует: «Он отвечает: да здравствует в этом отношении».—
[2]) В подлиннике: «Крыленко».

Вы знаете, что организация фронта имела двоякое значение. С одной стороны, нужно было, чтобы фронт и переодетые в солдатские шинели рабочие и крестьяне стали прочным и действительным оплотом революции, чтобы оттуда не стали коваться та цепь и тот кинжал, который мог бы нанести удар в сердце революции, чтобы и там создать такую же мощную и демократическую организацию, которая создана в Петрограде, Москве. Те же самые товарищи крестьяне сделали свое дело, худо ли или хорошо, но так, как это делается везде, и поэтому противопоставление: мы и они — чрезвычайно опасно. Стремление отовсюду истеричными выкриками [говорить] о том, что фронт ведут по неправильному пути, что их толкают в наступление на бессмысленное проливание крови, это недостойно революционной демократии.

Мы также имеем свою собственную организацию и мы также решаем все вопросы жизни и войны, и если найдется такой министр, который, вознесенный на гребень революционной демократией, на одну минуту подумал бы двинуть армию по пути, враждебному революционной демократии, мы ему не дадим этого сделать, но, с другой стороны, мы не дадим вносить дезорганизацию и анархию всем безответственным лицам, которые думают, что проведением своих сектантских и кружковых интересов сумеют служить делу революции. (Аплодисменты.) Мы подождем до военной секции, я надеюсь, что тов. Крыленко там будет, и мы подробно поговорим о тех пунктах декларации прав, которые перед нами.

Я думаю, что с первого дня вступления тов. Керенского[1]) в министерство мы признали определенное положение, которое вывело нас из состояния дезорганизации. Роль министра Гучкова, который вклинивался в процесс демократизации армии, выдвинул свои демократические планы, несомненно, сказалась в создании итальянской забастовки, которая разорвала армию на части. Появление тов. Керенского[1]), который в первые дни подписал декларацию прав солдата, по отношению к которой тов. Гучков сказал, что скорее даст отрезать руку, чем подпишет эту декларацию, было первым решительным шагом в деле демократизации армии. Вся армия это почувствовала. Это не значит, что все пункты декларации нас удовлетворяют. Фронтовый комитет, членом которого я состою, указал на целый ряд пунктов, с которыми он не согласен, и предложил ее на рассмотрение тов. Керенского[1]). Так делают деловые работники, которые считают необходимым создание крепкой революционной власти, которая сумеет сделать великое дело организации армии.

Я хочу остановиться на вопросе и обратить внимание товарищей большевиков на вопрос о дезертирстве. Я не хочу и не имею никакого права сказать, что большевики будто бы содействовали дезертирству или призывали к дезертирству. Конечно, это ложь и клевета, но, товарищи, есть одно соображение, которое, если вы проанализируете его, привело бы вас к убеждению, что уже два месяца тому назад, когда наш фронтовой съезд заявил, что он поручает фронтовому комитету войти с представлением о приказах, дающих отсрочку дезертирам, что вы должны были взять всех дезертиров, находящихся в тылу, и отправить их туда.

Тов. Троцкий говорил о той анархии, которая грозит нам, когда миллионы сразу бросятся в тыл, запрудняя вагоны, у нас начнется голод и анархия в окопах и погибнет русская революция. Эта опасность восстала перед нами во всей реальности в момент, когда дезертирство достигло апогея. Вы помните, какую роль играли дезертиры, не по злой воле, а в силу условий, созданных трехлетней войной. Дезертиры, находящиеся вне стихии революционной

---

[1]) В подлиннике: «тов. Крыленко».

демократии, вынужденные прятаться и играть роль штрейкбрехеров, чрезвычайно легко поддающихся на контр-революционную пропаганду, резко враждебно относятся к таким резолютивным съездам и поэтому представляют прекрасную почву для пропаганды, они приняли страшную опасность для всей русской революции. Я краснел от стыда, когда тов. Троцкий говорил, что [надо] раскассировать революционные войска, это русские революционные войска! (Аплодисменты.) Позор! я скажу, потому что эти войска, эти дезертиры силою логики были в таком положении, что во время борьбы с ними делались попытки с их стороны устроить нечто в роде еврейских погромов и разбитие складов. Они чрезвычайно легко поддавались на контр-революционную пропаганду, и, таким образом, искусственно настроенные товарищи крестьяне и рабочие, находящиеся в окопах, представляли известную опасность. В роте оставалось 40 — 50 человек, которые целиком должны были выполнять все наряды. Нам, — Минскому Совету, — пришлось начать борьбу с солдатами дезертирами, игравшими роль штрейкбрехеров, в забастовке ломовиков.

Целый ряд фактов политико-экономического характера, как то невозможность кормить огромное количество людей, накопляющихся в пунктах, и т. п., все это поставило лицом к лицу со страшной опасностью. Но главное не в этом, а главное я вам говорю (обращается к большевикам) в том, что вы говорили: «мы не за дезертирство», но вы ни разу нам не помогли. Если находятся иногда демагоги, которые понимают и чувствуют страшную силу, если они скажут товарищам, сидящим в окопах: там, в тылу, сотни и тысячи, которые зарабатывают 15 — 20 руб. в сутки, а вы голодаете, когда они ведут вольготную жизнь, — бросьтесь-ка вы своей вооруженной силой на этих дезертиров, уклоняющихся от войны. Этот путь делит страну на две части, — на фронт и тыл, — тот страшный путь, который заставил меня категорически протестовать против той группы, тенденция которой сильно заражает самых опытных работников социал-демократов и социал-революционеров.

Вы должны это понять, — я думаю, что Съезд в этом отношении сыграет эту роль, — вы поймете, что, независимо от нашего сидения, суждения по вопросу о войне и мире, нужно, чтобы 10-миллионная революционная демократия, находящаяся на фронте, находилась в состоянии полной организации, и тогда она сумеет выполнить все задачи и решить вопрос о войне и мире, независимо от того, как решить этот вопрос — по-меньшевистски или [по-] большевистски. Нужно, чтобы это была не банда, не сброд ничем не спаянных людей, а вполне сознательная соединенная воедино армия. С этой точки зрения появление Керенского, несомненно, спаяло армию. В военной секции, куда войдут многие, и я в том числе, будет подвергнут критике целый ряд данных и фактов, обнаружившихся в деятельности военного министерства. Здесь не место об этом говорить, и я кончаю предложение убеждением, что путь к победе революции есть один: через организацию и через одинаковую однообразную работу, как в тылу, так и на фронте. (Аплодисменты.)

СТАРОСТИН. Товарищи. Мы, [1]) фракция [2]) объединенных [3]) интернационалистов, [4]) с.-д. большевиков и меньшевиков, [5]) не могли в порядок дня Съезда [6]) поставить на [7]) обсуждение свое мнение о [8]) вопросе [9]) о

---

[1]) Слово «мы» вписано над зачеркнутым: «наша» — [2]) Далее зачеркнуто: «как раз разделяла убеждение относительно». — [3]) Слово «объединенных» вписано. — [4]) Далее зачеркнуто: «объединенных» — [5]) Далее зачеркнуто: «когда мы» — [6]) Слово: «Съезда» вписано — [7]) «на» вписано — [8]) Слова: «свое мнение о» вписаны — [9]). Первоначально: «вопрос».

власти; мы [1]) говорим, что для того, чтобы решить вопрос о власти и вытекающий из него вопрос, [2]) который предлагается вам по существу здесь, — вопрос о [3]) доверии или недоверии [4]) всему министерству в целом, этот вопрос может быть решен и выяснен, по нашему мнению [5]), только тогда, когда в работах комиссий и секций [6]) примут участие отдельные министры всего правительства [7]) и когда они [8]) дадут ответы по всем поставленным им [9]) вопросам. Только тогда, когда эти вопросы и их ответы [10]) будут перенесены сюда, тогда [11]) можно говорить о доверии или недоверии. Но раз сейчас поставлен вопрос так, что с самого начала все клонится к тому, чтобы без этого материала, авансом было вынесено доверие, и когда товарищи, имеющие тот или иной материал и ответственные перед своими избирателями, имеющие определенные [12]) наказы [13]), лишены [возможности] сказать свою волю с мест [14]) и [15]) им не дают этой [16]) возможности вынести этот материал здесь [17]), чтобы не скрыть от вас и чтобы не дать вам возможности сказать впоследствии [18]), что вы вынесли то или другое решение, не имея и не зная [19]) этого материала. Поэтому, товарищи, в этом [20]) виноваты [21]) вы, все [22]) собрание, потому что [23]) был принят этот порядок дня, и другого выхода нет, так что приходится [24]) держаться этой плоскости [25]). Здесь тов. Никольский говорил, что он знает, что в [26]) Исполнительном Комитете [27]), в этом штабе революции, приготовлено все [28]) для исполнения вам. Когда нас приглашают на Всероссийский Съезд, и если здесь нелицемерно говорят, что с нашей волей хотят считаться, то, тов. [29]) Никольский, с революционной демократией так не говорят. Когда известная группа вносит определенный конкретный план работы, вы его можете отрицать, с ним не соглашаться, как, например, вы [30]) можете [31]) не согласиться с планом тов. Луначарского, но тов. Никольский говорит: «а у нас это уже есть». Что же это такое, тов. Никольский, для чего же мы [32]) призваны? Разве только для того, чтобы слушать молча [33]) ваши приказы или сказать свою, волю своих избирателей [34]).

Здесь товарищ бакинец говорил о критике Керенского, а я еще в начале собрания сказал, что об этом можно говорить в комиссиях [35]) и секциях [36]); товарищу бакинцу было бы логичнее это сделать там. Но пускай он помнит, раз с этой трибуны на Всероссийском Съезде С. Р. и С. Д. допущена и продолжается травля буржуазной прессы и науськивание на одно течение, на одну партию, раз это делается, то в праве и другие товарищи вносить

---

[1]) Далее зачеркнуто: «как раз». — [2]) Слова: «о войне . . . . . вопрос» вписаны, далее зачеркнуто: «который» — [3]) Слова: «вопрос о» вписаны над зачеркнутым: «а» — [4]) В подлиннике: «доверие или недоверие». — [5]) Слова: «по нашему мнению» вписаны. — [6]) Слова: «и секций» вписаны — [7]) Слова: «всего правительства» вписаны. — [8]) Слова: «когда они» вписаны — [9]) Слово: «им» вписано. — [10]) Слова: «и их ответы» вписаны — [11]) Слово: «тогда» вписано. — [12]) Слова: «имеющие определенные» вписаны над зачеркнутым: которые им дали». — [13]) Первоначально: «наказ». — [14]) Слова: «лишены . . . . . с мест» вписаны над зачеркнутым: «и дали свой опыт» — [15]) Первонально: «а». — [16]) Слово: «этой» вписано. — [17]) Слово: «здесь» вписано. — [18]) Слово: «впоследствии» вписано. — [19]) Слова: «и не зная» вписаны. — [20]) Слова: «в этом» вписаны над зачеркнутым «не виноваты ораторы, а». — [21]) Первоначально: «виновато» — [22]) Слова: «вы, все» вписаны. — [23]) Далее зачеркнуто: «им». — [24]) Слово: «приходится» вписано над зачеркнутым: «будем» — [25]) Далее зачеркнуто: «о которой я говорю». — [26]) Слова: «говорил . . . . в» вписаны над зачеркнутым: «имел возможность каким-то образам вынести, может быть, для него широко открыты двери». — [27]) Первоначально: «Исполнительного Комитета», и далее зачеркнуто: «и узнать, что» — [28]) Слово: «все» вписано — [29]) Слова: «то, тов.» вписаны. — [30]) Слово: «вы» вписано — [31]) Первоначально: «можно» — [32]) Первоначально: «вы». — [33]) Слова: «слушать молча» вписано над зачеркнутым: «вносить». — [34]) Слова: «сказать . . . . . избирателей» вписаны над зачеркнутым: «выслушать вашу волю.» — [35]) Первоначально: «комиссии» — [36]) Слова: «и секциях» вписаны.

ту или другую критику. Я не буду говорить об этом, ибо [1]) я совершенно отвергаю и решительно отбрасываю отдельные выпады по отношению к отдельным министрам, и я полагаю, что никто не смеет сомневаться в честности и преданности революции тов. Церетели, но мы имеем полное право говорить об отношении к власти и отношении к Временному Правительству [2]) в целом, ибо тов. Церетели и другие министры подчеркивали, что отвечают от имени всех [3]) министров [4]), и вам предлагается говорить о доверии только им, а через них и всему правительству в целом. Если это так, а в действительности это [5]) так, то я, как депутат с места, должен заявить [6]), что правительство в целом, в лице Церетели, не дало [7]) законопроектов и [8]) конкретных мер, до сих пор не дало, а когда нам это не дано, нам предлагают вынести ему доверие [9]). Я даже сомневаюсь в том, что все, что говорил [10]) тов. Пешехонов, [11]) чтобы эти меры не были бы паллиативами [12]), — они будут [13]) паллиативами, ибо [14]) бо̀льшая половина министров — представители [15]) другого класса, класса буржуазного во Временном Правительстве; она, эта группа, имевшаяся в нашем обществе, в нашем государстве (в) меньшинстве [16]), эта группа, в большинстве в правительстве [17]), ведет строго [18]) классовую линию и ясно классовую политику, и эти представители, достойные своего класса, блестяще защищают свои интересы, и они до сих пор не пошли ни на одну уступку. И вот вам предлагается и [19]) этой части правительства вынести доверие, одобрить их [20]). Да, вы иначе не можете поступить; доверие может быть дано только в целом, иного выхода для вас нет [21]), а, с другой стороны, вам хочется [22]) вынести доверие меньшинству [23]) Временного Правительства, своим товарищам от Исполнительного Комитета, которые, как раз наоборот, не стоят на классовой позиции, своего класса они [24]) не защищают так, как надо защищать представителям класса. Это их дело. И я скажу — урезанными лозунгами и половинчатой политикой они не дали настоящей политики своих доверителей [25]) и они нам [26]) в будущем этой политики не дадут. Но [27]) они честны. И только так можно ставить вопрос, как ставит Церетели. Он не может вас обмануть. Этот опытный борец революции, даже больше, этот гигант, силу которого все признают, он признает, что он не может нам дать то, что нам нужно [28]); он знает, что это зависит не от его желания, а зависит от того, как позволит другая [29]) половина правительства [30]). Он не может обещать [31]) этого и не обещает [32]), но я знаю, что Церетели, как социалист, дал бы конкретное расписание всех проектов, но он не дает не потому, что не хочет, а потому, что не может. Если он это скажет сейчас, то ему придется уйти из министерства. И при таком положении дел вам предлагают вынести доверие, абсо-

---

[1]) Первоначально: «о том, что». — [2]) Далее зачеркнуто: «только». — [3]) Слово: «всех» вписано. — [4]) Первоначально: «министерства в целом» — [5]) Слово: «это» вписано над зачеркнутым: «было». — [6]) Далее зачеркнуто: «что если я не хочу сказать». — [7]) Слова: «лице Церетели не дало» вписаны над зачеркнутым: «своей политики». — [8]) Первоначально: «или». — [9]) Далее зачеркнуто: «или недоверие». — [10]) Слова: «все . . . . . говорил» вписаны над зачеркнутым: «сказал так дельно». — [11]) Далее зачеркнуто: «я сомневаюсь». — [12]) Далее зачеркнуто; «потому что» — [13]) Слово: «будут» вписано над зачеркнутым: «могут быть». — [14]) Слово: «ибо» вписано над зачеркнутым: «раз». — [15]) Слова: «министров — представители» вписаны. — [16]) Слово: «меньшинство» вписано. — [17]) Слова: «в большинстве в правительстве» вписаны. — [18]) Далее зачеркнуто: «свою». — [19]) «и» вписано. — [20]) Слова: «одобрить их» вписаны. — [21]) Слова: «иного . . . . нет» вписаны. — [22]) Первоначально: «вы должны». — [23]) Далее зачеркнуто: «этого». — [24]) Слова: «своего класса они» вписаны над зачеркнутым: «в целом». — [25]) Слова: «своих доверителей» вписаны. — [26]) Слово: «нам» вписано над зачеркнутым: «дадут» — [27]) Слова: «этой . . . . . дадут. Но» вписаны над зачеркнутым: «они и в будущем ее дать не могут. И» — [28]) Слова: «то . . . . нужно» вписаны над зачеркнутым: «этого». — [29]) Слово: «другая» вписано над зачеркнутым: «та». — [30]) Слово: «правительства» вписано. — [31]) Слово: «обещать» вписано над зачеркнутым: «сказать». — [32]) Слово: «обещает» вписано над зачеркнутым; «говорит».

лютно не зная, что в будущем будет делать правительство, и абсолютно не зная, что до сего времени еще сделано.

Маленькая картинка. Здесь тов. Никольский взял на себя отчет за другие республики, но я скажу вам, — я здесь как представитель Одессы, но я недавно был в Иркутске, — я скажу, что Совета Р. Д. там нет, как такового [1], — там существует Исполнительный Комитет общественных организаций, и я бы сказал, что он все функции Совета Р. Д. Иркутска [2] исполняет и к этому дискредитированию и подрыву авторитета Совета Р. Д. как революционного вождя привела именно тактика Никольского и других ему подобных [3]. Товарищи, как представитель Всероссийского союза торговых [4] моряков Черноморской организации не могу не дать вам [5] следующего материала: у нас есть транспортная флотилия [6], моряки транспортного флота работают [7] там, и знаете, что там творится? Не понимаю, какой это министр не знает этого, не знает, что там идет расхищение народных денег? Там шесть транспортов заняты штабами, которые с начала войны ни разу не выходили в море. Транспортов для доставки металлов и топлива на заводы не хватает, а транспорты уже в течение почти всей войны [8] и до сего времени заняты штабами, тогда как они великолепно могли бы находиться на берегу. Там платят не в зависимости от тоннажа того или иного транспорта, а так, как это угодно акционерам [9], потому что при царском самодержавии, когда великие князья [10] состояли акционерами Русского общества, и еще с тех пор аренда и оплата этих наемных судов так велика и так не соответствует стоимости самих транспортов [11], что вместо этих старых калош можно построить на те деньги, которыми они оплачиваются [12], можно построить новые транспорты, нужные и необходимые, которых нет и материалов для которых можно привезти на этих транспортах, на которых сидят штабы. Когда мы принимаем меры против этого, то нам тов. Никольский говорит: анархия, нельзя. Когда военные моряки в Одессе [13] пошли и раскопали в порту 10.000 [14] пуд. [15] спрятанных кож, нам говорят: анархия. По приезде нам придется сказать им: не делайте этого, это анархия [16]. Товарищи, с чем мы придем к массам [17], вернувшись отсюда? [18] Здесь товарищи Дан и Либер, лидеры, я скажу, представители [19] правительственных партий, меньшинства правительства, нам говорят следующие речи: что же вы предлагаете конкретно? А когда дают определенные планы, как, например, план тов. Луначарского, то тов. Дан говорит: этого мало, дайте на каждый день расписаньице, что мы должны делать. А я скажу, что до сего дня ни Либер, ни Дан, ни все правительство в целом, ни социалистическая его часть вам не только не дали своего расписаньица [20], но вообще не дали ничего и даже общего плана [21]: внешняя политика в зависимости от условий, а внутренняя так примешана

---

[1]) Слова: «как такового» вписаны. — [2]) Слова: «Совета . . . . . Иркутска» вписаны над зачеркнутым: «затет (?) Исп. Ком.» — [3]) Слова: «и . . . . . подобных» вписаны. — [4]) Слово: «торговых» вписано. — [5]) Слово: «вам» вписано. — [6]) Далее зачеркнуто: «мы». — [7]) Первоначально: «работали». — [8]) Слова: «почти всей войны» вписаны над зачеркнутым: «трех месяцев» — [9]) Слова: «так . . . . . акционерам» вписаны — [10]) Далее зачеркнуто: «в огромном количестве». — [11]) Слова: «стоимости . . . . . транспортов» вписаны над зачеркнутым: «тоннажу». — [12]) Далее зачеркнуто: «даже в течение трех — четырех месяцев, на эти деньги», — [13]) Слова: «в Одессе» вписаны над зачеркнутым; «сделали анархию» — [14]) Первоначально: «15.000» — [15]) Слово: «пуд.» вписано. — [16]) Слова: «нам говорят . . . . . это анархия» вписаны над зачеркнутым: «В следующее времячко что же мы должны сказать: не делайте этого, это — анархия?» — [17]) Слова: «к массам» вписаны. — [18]) Далее зачеркнуто: «с тем, как вы ставите вопросы, вопросы здесь.» — [19]) Слово: «представители» вписано. — [20]) Слова: «своего расписаньица» вписаны над зачеркнутым: «этого письма». — [21]) Слова: «и . . . . . плана» вписаны.

к внешней, что она [1]) тоже в зависимости от тех же [2]) условий, а главное [3]) каково будет настроение и мнение [4]) Коновалова и К°. Что это? То конкретное расписаньице [5]) о чем говорит и требует от других [6]) Либер? Нет, товарищи. [7]) Но что же вы [8]) делаете, вы товарищи министры, что вы можете дать на ближайшее время, чтобы мы, приехав на места, могли сказать: вот то министерство, которому мы вынесли доверие, будет делать то-то и то-то, а мы теперь не можем ничего сказать, мы ничего не имеем от них [9]). Доверие-то мы выразить можем, но как министры-социалисты [10]) будут [11]) действовать, я, ей-богу, не знаю, и вы не знаете,—они вам этого не сказали.

Тов. Дан ссылался на Всероссийское Совещание. Товарищи, на Всероссийском Совещании предложена резолюция Исполнительного Комитета и мы ее приняли: конфискация сверх-прибылей и ограничение прибылей капиталистов строго определенными нормами [95]. Ну, и что же? Она лежит в мешке уже два месяца, — почему она не приготовлена конкретно в виде того расписаньица, какого требует от нас тов. Дан? [12]). Почему этого расписаньица нет у них [13])? Тов. Дан и компания [14]), помните [15]) об этом, а также вспомните результаты рабочей [16]) секции Всероссийского Совещания [17]), — много ли проведено в жизнь, и [18]) вы, товарищи [19]), знаете, — о свободе союзов и собраний,—что-то там не очень демократично дело обстоит.

За недостатком времени я только одно могу сказать: моя критика относится ко всему правительству в целом, и я должен сказать, как ответственный перед своими избирателями, что в этом вопросе о власти [20]) и вы, товарищи, не можете дать доверия, потому что вы не имеете никакого плана правительства [21]), вам его не дали до сих пор [22]), и свое доверие вы окажете авансом, только из-за личных симпатий, из-за личной любви к отдельным товарищам, но ваша любовь, ваши симпатии не гарантия для [23]) великой российской революции. Это вы [24]) можете сделать только тогда, когда ваша воля будет выслушана и принята во внимание товарищами Либером, Даном и компанией. Но я говорю, что ими ваша воля здесь как раз не признается — она игнорируется [25]).

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ЧЕРНОМОРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ. Товарищи, я не стал бы утомлять ваше внимание, ибо чувствую, что и сам устал, и вы утомились, если бы не предполагал, что освещу вопрос несколько иначе, чем он освещался всеми товарищами, выступавшими с этой кафедры.

Товарищи, в первый день как только мы сюда пришли, нам сказали, что сейчас перед нами, как перед первым всероссийским парламентом, будут отчитываться наши министры. Кроме того, в «Известиях Совета Р. и С. Д.» было сказано: «3-го июня была похоронена вторая Дума и 3-го июня собрался первый революционный парламент». И вот, то-

---

[1]) Слово: «она» вписано. — [2]) Слова: «тех же» вписаны. — [3]) Слова: «а главное» вписаны. — [4]) Слова: «и мнение» вписаны. — [5]) Слово: «расписаньице» вписано. — [6]) Слова: «и . . . . . других» вписаны. — [7]) Слова: «Нет, товарищи» вписаны над подчеркнутым: «да это почти то же самое, что говорят все ораторы без различия фракций». — [8]) Слово: «вы» вписано. — [9]) Слово: «мы . . . . . них» вписаны. — [10]) Слова: «министры-социалисты» вписаны над зачеркнутым: «оно». — [11]) Первоначально: «будет». — [12]) Слова: «тов. Дан» вписаны. — [13]) Слово: «них» вписано над зачеркнутым: «вас». — [14]) Слова: «тов. Дан и компания» вписаны над зачеркнутым: «вот». — [15]) Первоначально: «вспомните». — [16]) Первоначально: «рабочего». — [17]) Слова: «секции . . . . Совещания» вписаны над зачеркнутым: «союза». — [18]) Слова: «в жизнь и» вписаны. — [19]) Слова: «товарищи» вписаны. — [20]) Слова: «о власти» вписаны. — [21]) Слова: «правительства» вписано. — [22]) Слова: «до сих пор» вписаны. — [23]) Слово: «вы» вписано — [24]) Слово: «для» вписано. — [25]) Слова: «только тогда . . . . . она игнорируется» вписаны над зачеркнутым: «вы при вашей воле, и я скажу, что товарищами Либером и Даном эта воля как раз не признается».

варищи, когда мы решили собраться сюда, и когда нам это сказали, то многие подумали: что же мы в самом деле, — может быть, мы, и правда, русский парламент, революционный парламент, может быть, министры, действительно, должны отчитываться перед нами? И вот показалось, что министры, действительно, начали как будто бы отчитываться перед нами, но я думаю, что они сами поняли свою ошибку, поняли, что это не революционный парламент, и поэтому, наверное, перед нами не отчитались, а если отчитался, то только один тов. Пешехонов, за что я ему очень благодарен, но не как член первого русского революционного парламента. И вот теперь, товарищи, здесь намечаются два течения: одни говорят, что нужно взять власть в свои руки, другие говорят, что власть в свои руки не надо брать; и вот я спрашиваю тех и других: о какой власти вы говорите? Ведь когда говорят товарищи большевики, что надо власть взять в свои руки, то им возражают, что вы, взяв власть в свои руки, отдав власть местным Советам Рабочих и Солдатских, а в некоторых местах, как в Новочеркасске, откуда я прибыл сюда, и в руки Казачьих Депутатов, этим создадите тысячу республик в нашей России, раздерете ее на мелкие части, и эти мелкие части изгрызут друг друга и подавят дело революции, погубят его окончательно.

Товарищи, мне кажется, что в понятии власти нам нужно все-таки сделать некоторое разграничение, даже в понятии власти революционной. Вспомните, что приходилось говорить тов. Церетели, и что мы видели здесь, и что мы здесь слышали. Тов. Церетели, уважаемый нами товарищ, отчитывался за удаление из России Роберта Гримма. И вот я спрашиваю вас. как он отчитывался, как какая власть? И если бы он не получил от нас доверия, как он должен был бы уйти отсюда, какую власть он бы потерял? Несомненно, он потерял бы две власти: и власть законодательную и власть исполнительную. На этот момент, на момент разделения этих двух понятий, здесь не было обращено внимания, по крайней мере, я здесь этого не слышал. Это необходимо здесь сделать, необходимо отделить эти два понятия. Когда товарищ большевик говорит здесь, что надо захватить власть в свои руки, я не испугаюсь этого, но надо сказать, что это — власть исполнительная. Здесь, товарищи, неужели у вас нет сейчас власти? Я объясняю ваше нежелание взять власть в свои руки только тем, что она у вас уже есть. Вы все, наверное, люди, стоящие близко к Советам Р. и С. Д.; ведь те товарищи, которые приехали с юга и проезжали через наш Новочеркасск, наверное знают, что когда в этом году было размыто полотно Юго-Восточной дороги, то оно было подчинено нашим Советам Рабочих, Солдатских и Казачьих Депутатов. Администрация дороги растерялась. Действительно, железная дорога была размыта, шпалы и рельсы висели в воде, починить не было возможности, говорили о том, что починка займет два-три и больше месяцев, но вот движение совершенно было нарушено, и когда оно будет восстановлено, трудно было сказать. И вот Совет Р. и С. Депутатов берет и начинает исправлять дорогу: мы вызываем 1000 солдат, реквизируем походные кухни, реквизируем по линии дороги все нежилые помещения, и в две недели оба пути были исправлены. (Аплодисменты.)

Товарищи, я повторяю, что эти два понятия власти надо отличать, и я сейчас говорю: если мы отличим эти два понятия, мы иначе отнесемся и к вопросу об отношении к Временному Правительству. Надо заняться не вопросом об отношении к Временному Правительству, а вопросом об организации власти.

Товарищи, в то время, когда здесь произносили фразы о временном революционном парламенте, я смотрел вот на эту стену, на эти два изображения.

*

Посмотрите, тут земной шар, — так мне, по крайней мере, представляется; пояс, это — Совет С. и Р. Д.; с одной стороны рабочий с молотом и факелом, с другой стороны воин с оружием в руках, а внизу, товарищи, маленький снопик. И вот, когда мне, как социал-революционеру, говорили здесь, что мы отчитываемся перед вами, как перед русским революционным парламентом, я смотрел на это изображение и думал: а как же то многомиллионное крестьянство, наша сила, именно та сила, которая выражена здесь только маленьким снопиком? Товарищи, несомненно, мы не революционный парламент, но революционный парламент, революционная временная законодательная власть, отделенная от власти исполнительной, создана быть должна. Я говорю, товарищи, что такая власть должна быть, и вы безусловно согласитесь, что до тех пор, пока разговаривают о временной власти, пока можно выражать доверие или недоверие Временному Правительству, о такой власти и разговора быть не может и не может быть применено из-за отдельного министра изменение всех тех предначертаний и всех тех законов, которые хотят издать. Я говорю, что к этим двум фигурам, которые здесь изображены, [надо] прибавить еще третью фигуру, товарищи, потому что она не менее сильна, чем и эти две фигуры, и не может быть изображена только этим маленьким снопиком. Эта третья фигура так же сильна и может быть еще больше, чем две другие, и она должна стоять наравне с ними только с более мягким оружием в руках — со сноном, этой эмблемой силы нашей земли. Я говорю поэтому, товарищи, что нам пора заняться не партийными спорами, не полемическими выступлениями отдельных хорошо вымуштрованных и политически развитых ораторов, а нам нужно организовать власть. (Аплодисменты.)

Поэтому я говорю, товарищи, вы подумайте только психологически: неужели не ясно, что до тех пор, пока мы будем говорить о доверии, будем говорить о том, кому дать доверие, до тех пор, пока нам будут говорить: поддержите нас, а мы будем говорить: мы вас поддержим, — до тех пор никакой власти не будет, до тех пор ничего из этого не выйдет. Неужели психологически не понятно, что тот, кто имеет власть, тот не ищет ни доверия, ни поддержки (аплодисменты), но, товарищи, я говорю, что именно мы должны приступить к организации революционной власти, мы должны выделить из нашего Съезда, как хотите назовите, Совет или Исполнительный Комитет, который должен слиться с Крестьянским Советом и приступить к временной революционной законодательной работе. (Аплодисменты.)

Только перед этим парламентом будут отчитываться наши товарищи министры, но не перед нами. И голос этого парламента, и голос наших министров будет действительно силен революционной поддержкой, революционным доверием, высказанным ему всеми революционными силами страны. Но чтобы это сделать, прежде всего нужно сделать, чтобы тот небольшой снопик, который находится внизу, стал там, наверху. И вот, товарищи, я повторяю, такая власть должна быть создана, и эту власть будут составлять вот тот молот, меч и сноп, который наравне с ними станет там, наверху.

ВАСИЛЬЕВ. Товарищи, мы, представители провинции, подходим к вопросу о характере революции и к вопросу о проблеме власти не как социалисты-книжники, а прежде всего как практические работники, постоянно имеющие дело с революционной массой. Мы должны не забывать тех великих идей, которые изложены нашими учителями-социалистами, не забывать и уроков истории, но, товарищи, мы не забываем и главных положений, которые нам, марксистам, указал один из наших учителей: что

главное, это—бытие, которое определяет и ваше сознание, и ваши действия. И когда мы решаем вопрос о характере революции, мы не упускаем из виду то бытие, в котором мы живем, и уроки прошлого мы используем, считаясь настоящим бытием.

Нам говорят: революция буржуазная, поэтому мы должны предоставить в этой революции решающую роль буржуазии. Поэтому мы должны эту революцию производить для буржуазии, и поэтому мы должны входить в соглашение с буржуазией. Мы говорим, что мы как раз ведем в настоящее время борьбу против этой буржуазии, и когда ведется такая революция, такая борьба, понятие этой борьбы и соглашение двух понятий совершенно несовместимо и непонятно для нас, и сколько бы здесь представители якобы революционной демократии ни соглашались с министерством, с представителями буржуазии, — вы никогда в действительности не примирите двух интересов, интересов двух классов, борющихся теперь особенно энергично, ибо революция, это—высший порыв классовой борьбы. Никогда не примирите двух классов, класса рабочих и класса буржуазии, не примирите интересов двух других прямо-противоположных классов, класс крестьянства и класс помещиков, никогда не примирите.

Мы понимали, когда у нас было буржуазное правительство, понимали революцию, ибо тогда был первый этап революции, — это свержение самодержавия было только политической революцией. Сущность революции не в этом и не в смене политических положений. В основе революции лежит изменение экономических отношений. В этом сущность революции, и здесь наши интересы, интересы пролетариата, с одной стороны, и буржуазии, с другой, прямо противоположны, и вы их не примирите; точно так же, как интересы крестьянства и помещиков прямо противоположны, и вы их никогда не примирите никакими соглашениями в министерствах. Вот как мы подходим к вопросу о революции и так же мы подходим к вопросу о власти.

Буржуазия знала, что она делает, когда она в свои рялы, в ряды своего правительства, пригласила вместо одного министра, вместо Керенского, еще четырех министров, ибо уже опыт дал буржуазии возможность делать кое-что. Буржуазному правительству, не только Милюкову, но всем представителям прежнего правительства, мы не верили или верили «постольку — поскольку», и лишь один из этих министров прежнего правительства мог делать то, что никогда не простили бы никакому другому представителю прежнего правительства, — это министр Керенский. Мы знаем, что и тогда, когда он был министром юстиции, он делал многое, чего не мог бы сделать другой министр, министр-буржуа, и делал то, чего мы никакому другому не могли бы простить. Третьего дня он чрезвычайно и весьма недвусмысленно огласил свой секрет, но я должен сказать, что министр юстиции Керенский — необыкновенно добрый человек, и свою доброту он проявил прежде всего к целому ряду представителей старого режима. Товарищи, вы знаете и помните, конечно, что даже Николая Романова он хотел проводить за границу [96]. Министром Керенским об этом было объявлено, и ему это простили. Вы знаете, что министр Керенский подписал и акт 18 апреля, и его никто не упрекнул за это [97]. А мы, товарищи, провинциалы, знаем ряд других фактов. На Всероссийском Совещании был поставлен вопрос о том, как ликвидируются обломки старого строя, и тогда этот вопрос не был разрешен. А мы знаем, как ликвидировались эти обломки министром Керенским: у нас в Саратове был арестован, вероятно, не безизвестный товарищам с.-р.-ам деятель старого режима — наказный атаман казацких войск генерал-лейтенант Соколовский. Этот генерал-лейтенант Соколовский был когда-то вице-губернатором при губернаторе Богда-

новиче, который расстреливал рабочих в Златоусте [98]. Был убит с.-р.-ами Богданович, был ранен и его помощник Соколовский...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Ваше время истекло.

ВАСИЛЬЕВ. К сожалению, я должен прервать, потому что истекло мое время, но я скажу только, что к этому Соколовскому министр Керенский отнесся весьма милостиво в свое время и ни в коем случае не грозил ему так, как грозил нам. И вот, товарищи, я думаю, что буржуазию с частью демократии, с левой частью демократии, никогда не удастся примирить никакой буржуазии...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Ваше время истекло. Слово принадлежит тов. Романову.

РОМАНОВ. Товарищи, перед нами стоит вопрос о власти, и мы обсуждаем его здесь, в революционном парламенте, хотя у нас и нет представителей крестьянства, но, тем не менее, мы, представители революционной демократии, обсуждаем вопрос об организации власти, и тот способ критики, с которым подошел к вопросу наш товарищ большевик, само собою понятно, запугать нас не может. Вопрос не о критике, а вопрос в тех методах, которыми мы можем выйти из того положения, в котором находимся. И вопрос в том, как нам создать сильную революционную власть, которую признают товарищи большевики. Прежде чем говорить о власти, я должен отбросить те аргументы, того конька, на котором стараются выехать товарищи большевики. Тов. Каменев и иже с ним тычут в нас вопросами внешней политики — Грецией, Персией и Албанией. Да, товарищи, мы, как революционный парламент, должны сказать, что в области внешней политики нужна решительность, определенность, твердость.

Все это несомненно, и я думаю, что мы найдем тот язык, который соответствует нашим достоинствам, и скажем нашим товарищам, да не только скажем, а, я думаю, создадим в стране такое соотношение сил, которое даст возможность, действительно, не играть в революцию, не играть страной. Но, товарищи, это будет зависеть не от нашей резолюции, а от создания соотношений сил, от организации самой русской революции. Когда мы подходим к организации России, когда мы говорим о том, что распыление есть смерть для русской революции, то мы говорим, товарищи, что метод, предлагаемый товарищами большевиками, не организует революцию, а дезорганизует, подготовляет ей развал.

Вы, товарищи, говорите не о власти, а о захвате власти. Если бы вы здесь, только в революционном парламенте, говорили об этом, это не было бы страшно, но до тех пор, пока организация революционной власти еще не решает вопросы, вы захватываете власть на местах, — вот, где гибель для дела революции. (Аплодисменты со стороны большевиков.) Вы можете аплодировать, потому что вы, действительно, на словах только боитесь развала революции; вы говорите об объединении революции, а на деле вы несомненно дезорганизаторы. Товарищи, вы это должны признать. (Аплодисменты.) Вы здесь говорите нам: «страна дезорганизована, у нее нет хлеба, нет кожи, нет денег. И вот вам всеисцеляющее средство — захватим власть, и мы обрастем кожей, пошлем хлеб и распухнут наши карманы от денег». Ваш способ насаждения власти на местах есть захват власти, есть кирсановская власть. Ваш способ пропаганды, — то, что говорит ваш вожак Ленин, — не руководитель, а вожак, который сказал, что наше учение не догма, а действие, — приводит к тому, товарищи, что мы видим на местах на заводах: нежелателен управляющий, директор, — хватайте фабрику их в свои руки. Вот вам № 1-й захвата власти.

Ваш лозунг «хватайте землю» — что создает на земле? Крестьяне друг друга сажают на вилы. И это называется организация русской революции, организованное выявление линии поведения народа. До сих пор вы говорили о долге, о марксизме, но забывали о программе. До сих пор, товарищи, вы говорили, что стремитесь к народовластию, а тов. Ленин вас призывал к всевластию. До сих пор мы говорили, что добиваемся народовластия через Учредительное Собрание, а вы говорите: «Улита едет, когда-то будет. Мы сейчас мнение всего народа можем заменить и имеем на это право». Вы говорите, товарищи, о марксизме, а забываете о программе, которая построена на его догматах. С этой точки зрения, подходя к вопросу о революционной власти, мы, конечно, товарищи, должны ставить вопрос не на теоретическую почву, а на практическую. Что вытекает из тех лозунгов, которые вы предлагаете, из тех лозунгов, которые вы проводите в жизнь? Являются ли они организующим началом для дела революции или подготовляют они развал и распад ее? Это вопрос, который мы здесь, представители революционной России, должны решить.

Когда вы, товарищи, говорите, что соотношение сил в России за то, чтобы можно было осуществить полный захват власти, вы сами впадаете в противоречие, вы забываете очень и очень многое. Здесь даже, в этом революционном гнезде, в Петрограде, недавние выборы что показали? Показали, что ваши товарищи оказались выборщиками на третьем месте: оказалось, что из всего числа голосов 150.000 за кадетов было подано. Что сей сон означает? (Голос: «Что мы не блокисты».) Это значит не то, что вы не блокисты [99], а то, что вы утописты, что вы не видите действительного соотношения сил в России, не понимаете России, что вы живете на луне, а не на грешной земле. Вот в чем дело. В этом вся и заковыка, товарищи. И мы говорим: мы не слепцы, мы понимаем соотношение сил и то экономическое положение России, о котором мы с вами вместе столько лет твердили; мы говорим, что это единоличное понятие не теоретическая формула, это есть сама жизнь, на основах которой мы строим свою тактику. И если бы на вашу тактику стал какой-нибудь безумец, — его пока в собирательном лице нет, — это было бы гибельно для дела революции. Следовательно, тактику «захват власти», как гибельную для революции, такую тактику мы не приемлем; мы говорим, что единственная возможность, это создание — не распыление, а создание — органа, сильного на местах. Мы говорим, что всякий выступающий на месте по собственному почину, вопреки воле всего народа, воле того органа, который мы теперь создаем, есть несомненный изменник, не тот, о котором вы пишете в бумажках, а изменник делу революции, и поэтому мы с ним не пойдем. (Бурные аплодисменты.)

МАЛЕВСКИЙ. Товарищи, я здесь являюсь представителем фракции социалистов-революционеров, а по местам я председатель армейского комитета 4-й армии. Поэтому я отлично осведомлен и великолепно знаю то положение, в котором находится наша армия.

Я не буду спорить по существу с теми доводами, которые приводил тов. Крыленко, но скажу, что та плоскость критики, к которой он обратился, критики действий нашего военного министра тов. Керенского, его плоскость недостаточно определенна, потому что говорить так, что Керенский виноват в том, что офицеры, которые в пьяном виде кричали «боже царя храни», наказаны очень мало, Керенский виноват в том, что дезертиры, которых мы лишаем права участия в Учредительном Собрании, наказаны очень много,—это недостаточно серьезно; на эту критику отвечать не приходится. Это вопрос детальный, вопрос организации русской армии, вопрос этот будет разрешаться в специальной и длительной секции, которая будет этим зани-

маться. Я хочу в вопросе о власти сказать вот о чем, — о тех принципиальных, о тех теоретических даже положениях, на основании которых 4-я армия и весь румынский фронт пришли к формуле, что в настоящее время мы будем поддерживать временное коалиционное министерство, и это временное коалиционное министерство должно работать под контролем и в полном согласии с волей революционного народа. Вот та формула, к которой, после детального обсуждения и вовсе не слепо, вовсе не неразумно, пришла армия, пришел фронт и Всероссийский Совет Крестьянских Депутатов.

Я хочу сказать об одном. Я хочу сказать, что мы, как представители наших избирателей, мы должны выражать действительные настроения и желания наших избирателей. Ведь мы должны совершенно объективно сфотографировать то, что фактически на местах хочется, что делается и что фактически существует. Ведь мы должны здесь для того, чтобы принять то или иное решение, действительно сделать вытяжку и сказать: вот то желание, вот та воля, вот то, что хочет революционная демократия. Мы не можем не считаться с таким фактором, мы не можем совершенно не учитывать того, что тринадцать армий и целый ряд областных съездов и, наконец, Всероссийский Съезд Крестьянских Депутатов пришел к формуле поддержать Временное коалиционное Правительство, работающее в согласии и под контролем революционной демократии. Товарищи, эта формула не есть случайная формула. Это определенная формула, она вытекла вот почему, в целом ряде страстных дебатов, в целом ряде страстных заседаний выяснилось вот что. Есть ли у нас полная гарантия, уверены ли мы в том, что если мы возьмем власть в свои руки немедленно, если власть будет передана Советам Рабочих и С. Д., то, действительно, эта власть приведет очень быстро страну к тому, что страна получит все необходимое, что страна скоро закончит войну, что наступит мир и мы можем провести в жизнь те идеи и ту платформу, которую мы хотим? Если этой уверенности нет, если реальные взаимоотношения сил и действительное настроение демократии говорят иначе, если мы, товарищи, не можем сказать ясно всему миру: да, если мы передадим всю власть Советам Р. С. и Кр. Д., то приведем страну к тому, чего страна хочет, — если этой уверенности нет, — это ведь будет авантюра, а во время революции, — особенно революции русской, которая все шире и шире захватывает, которая может, наконец, действительно явиться авангардом всемирной революции, — мы не можем базироваться на авантюрах и на личных желаниях.

Товарищи, теперь другой вопрос, — вопрос о том, действительно ли, если мы передадим власть Советам Р., С. и Кр. Д., то действительно ли за этим пойдет вся страна, или это будет определенный узкий круг, который не может явиться обязательным для всех? Целый ряд съездов, ротных, полковых, армейских дивизионных, фронтовых, пришел к выводу, что, анализируя реально существующие взаимоотношения сил и желая спасти и продолжить, может быть, и медленный ход революции, но продолжить его, мы не можем сейчас отдать всю власть в руки Советов Р., С. и Кр. Д., т.-е. не можем отдать, а не хотим ее взять, и вот почему. Вы знаете, товарищи, это не секрет ни для кого, что контр-революционные силы не спят. Неужели вы думаете, что десятки тысяч, сотни тысяч и даже миллионы мелкой буржуазии, торговцев, всевозможных темных сил, так спокойно относятся к тому, что происходит? Представьте себе, товарищи, что если бы, не дай бог, произошло бы так, что мы взяли бы всю власть в руки Советов Р., С. и Кр. Д., и эта власть не дала бы сразу реальных результатов, не напоила бы, не подняла бы курс русского рубля и не закончила бы войну,—

что бы стала говорить буржуазия, империалисты всех стран? Она стала бы травить нас: «вот видите, они получили власть, теперь исключительно демократия господствует, что же происходит, спасения нет, разруха продолжается». И вот этот момент может быть не в пользу, а во вред завоеваниям русской революции. Товарищи, вот в чем известная принципиальная точка зрения в смысле нашего решения. Кроме того, я говорю еще вам, что русская армия, находящаяся в неизмеримо тяжелых условиях, в частности, армия на румынском фронте, которая ест мамалыгу и кукурузу, которая находится в невозможно тяжелых условиях, чисто местных, — эта армия, несмотря на то, что она бесконечно жаждет мира, она выказала полную государственную мудрость в этом отношении и полную объективность суждений реальной политики и сказала, что да, сейчас не может быть власть передана всецело в руки Советов Р., С. и Кр. Д., потому что у нас нет убеждения, нет определенной уверенности в том, что этот Совет моментально выведет страну из того тяжелого положения, в котором она находится. Нет убеждения, что все необходимые мероприятия будут сейчас же проводиться в жизнь, и поэтому мы поддерживаем коалиционное министерство, а поддерживаем вот почему: если в политике министерства произойдет такой шаг, который недопустим с точки зрения социальной честности, если они увидят, что производится шаг, который усиливает силу буржуазии, то неужели министры-социалисты там останутся? Нет, они скажут, как честные люди: мы оттуда выходим.

Второе положение следующее, товарищи. Сейчас нельзя закрывать глаза на то, что остальные министры, находящиеся в правительстве, фактически не являются теми полновластными министрами, работающими в коалиционном министерстве, в котором, когда был один только Керенский, и то он давил на все министерства, — он говорил: «мое слово звучит властно, так как за мною вся демократия». И вот, становясь на почву реальной действительности, мы голосовали и будем голосовать, и армия наша голосовала, и Всероссийский Крестьянский Съезд заявил, что в настоящее время мы поддерживаем Временное Правительство, работающее под контролем Совета Р., Кр. и С. Д. и находящееся в контакте с ним. Товарищи, это есть та политическая мудрость, тот правильный взгляд на совершающиеся события, который может создать действительную силу революции, или же революция пойдет дальше, охватит все и скинет все, стоящее на ее пути. (Аплодисменты.)

ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ. Товарищи. Здесь много говорилось о разных анархиях, о разных республиках, говорили наши министры-социалисты, и я хотел бы сделать небольшое историческое воспоминание, когда теперешний министр Церетели не был еще министром, когда он находился в Иркутске и был председателем общественных организаций. В то время в Иркутск ехал отсюда назначенный правительственный комиссар, мой однофамилец, Преображенский, и вот тогда теперешний министр Церетели участвовал в составлении той программы, которая была послана Временному Правительству и в которой говорилось, что комиссар им не нужен и что они просят его вернуться обратно. Когда мой однофамилец туда пожаловал, то, увидевши, в чем дело, вернулся обратно в Петроград. Товарищи, это на языке теперешнего министра Церетели называется анархией. И я думаю, товарищи, что министру Церетели почаще нужно было бы вспоминать об этом, когда он отправлялся в Кронштадт и там боролся против того, что он раньше сам делал, когда еще не был министром.

Этого мало. В том же Иркутске, представителем которого здесь выступал тов. Троицкий, был проведен 8-часовой рабочий день декретом обще-

ственных организаций, в которых участвовал в качестве председателя теперешний министр Церетели. Эта мера проводилась и тов. Никольским, который здесь так критиковал злосчастных большевиков. Эта мера была проведена во всех учреждениях, не только работавших на оборону, но и других. Она была проведена путем декрета, распространяющегося на всю Иркутскую губернию. Было проведено постановление о повышении заработной платы на 50%. Это было сделано не в государственном масштабе, а было сделано местной анархией, это было проведено в местной иркутской республике.

Товарищи, на основании того, кем это было сделано, вы можете теперь судить о том, что мы имеем перед собою. Если у нас было правительство прежнего состава, о котором говорили: мы доверяем ему «постольку-поскольку», то позвольте вам сказать, что есть много мест в России, где о теперешнем министерстве говорят, если не абсолютно не доверяют, то все же говорят: «никакой поддержки и никакого доверия».

Если в Тифлисе, где тов. Жордания является председателем Совета Р. и С. Д., где говорят: мы этому правительству оказываем поддержку «постольку-поскольку», если там они по местным соображениям находят нужным провести ряд революционных мер, то как к ним отнесется настоящее правительство, давление на которое со стороны демократии заслонено этой социалистической заслонкой министров? Оно объявит это анархией.

Это историческое воспоминание очень много говорит. Оно говорит о том, что, быть может, мы находимся накануне решительного момента, накануне того, что начинается так называемое успокоение, то успокоение, после которого нам обещали когда-то и где-то реформы. Я думаю, что мы находимся накануне перелома русской революции и, быть может, нам скоро и определенно придется сказать, что русская революция кончилась, что русская революция дала максимум того, что она могла дать. Идет только закрепление отдельных частностей, идет сковыривание мелких горочек, как выразился один из ораторов, с которых и не двигаемся вперед. Я не пророк и предсказывать не могу, но на основании положения, которое перед нашими глазами, я скажу: это — грозные симптомы, это стремление все силы направить на борьбу налево, оставляя без внимания все то, что грозит справа. Это обстоятельство меня тревожит.

Здесь обращались к примеру великой французской революции. Если вы вглядитесь в прошлое, то я скажу: там решительная победа революционной демократии была, но как она состоялась, на кого эта революционная демократия опиралась в проведении своих решительных мер? Эта революционная демократия была действительно революционной демократией, а не той, о которой здесь всуе говорят с этой кафедры министры. Эта революционная демократия провела свои решительные меры и во внутренней и во внешней политике, поскольку велась война, в отношении армии и пр.; она привела к полному разрыву с буржуазией, с которой Россия, стоящая на гораздо более высокой ступени развития, в лице наших социалистов-министров не может разорвать. Быть может, наша трагедия революции, быть может, мы пришли к конечному итогу, мы дальше не пойдем, но это факт, и от этого факта ничем не огородиться.

Я скажу, если русская революция кончилась, то наша оппозиция слаба. Разве мы не вступили в период органического строения буржуазного общества, и разве не правы те, которые представляют здесь заглушенный голос пролетариата? Вот теперь, когда со стороны наших министров-социалистов мы не видим решительности также разорвать с Государственной Думой, распустить Думу, которая продолжает истреблять народные средства, которых так мало, как нам говорили, то я спрашиваю: Вы, министры-социали-

сты, почему вы этого не делаете? Почему единодушные в этом отношении требования, несущиеся из всей провинции, почему вы их не можете удовлетворить? Почему вы отмалчиваетесь здесь, когда раздаются аплодисменты всего Съезда, приветствующие резолюцию тов. Луначарского? Я спрашиваю, — вы и этого даже боитесь? Тов. Церетели на это ответил: «только дурак никого не боится».

ГОЦ (председательствующий). Товарищи, в речи тов. Соколовского было указано, что тов. Керенский будто бы не пользуется доверием своей партии, партии с.-р. Это будто бы выразилось в том, что он не был избран членом Ц. К. Позвольте от имени Ц. К., вернее сказать, как представителю Ц. К. партии с.-р., дать вам следующее разъяснение.

Тов. Керенский не был избран в Ц. К. не потому, что партия ему не доверяла, а исключительно по деловым соображениям. Часть товарищей считала, что тов. Керенский настолько обременен своими делами в качестве представителя партии в министерстве, что они не считали возможным избрать [его] членом Ц. К., но для того, чтобы вам показать, как велико было доверие Всероссийского съезда партии с.-р. к тов. Керенскому, [укажу на то], что он огромным большинством, подавляющим большинством голосов, был признан официальным представителем партии с.-р. во Временном Революционном Правительстве. Поэтому заявление тов. Соколовского я могу рассматривать только как покушение с негодными средствами. (Аплодисменты.)

ПОЗЕРН. Товарищи, я на одну минутку займу ваше внимание. Дело в том, что по поводу моего выступления по порядку дня работы Съезда, вызвавшего некоторое волнение среди товарищей с фронта, вкралось недоразумение. Я говорил здесь, как представитель Минского Совета, и даже заявил, что я являюсь в то же время и членом фронтового комитета и, как таковой, могу судить о настроениях у нас на фронте, но я не говорил о том, что я здесь выступаю, как представитель фронтового комитета. В виду того, что в газетах появилось неправильное сообщение, я взял стенограмму первого заседания и в этой стенограмме нашел тоже ошибочное изложение. Тут сказано, что я выступаю как представитель Минского Совета и член Исполнительного Комитета Съезда Западного фронта. Я говорил раньше и подтверждаю опять, что выступаю только как представитель Минского Совета.

ЦЕРЕТЕЛИ (встречен аплодисментами). Один из товарищей здесь коснулся противоречия в моих действиях как председателя Иркутского Исполнительного Комитета, с одной стороны, и как министра почт и телеграфов, с другой [1]).

Я не могу оставить без фактического разъяснения то, что якобы осведомленным товарищем вам здесь заявлялось. Товарищ сказал, что, будучи председателем Исполнительного Комитета, я в Иркутске устраивал нечто в роде Кронштадта, не признавал законных распоряжений Временного Правительства, писал телеграммы с протестами, отменяющими распоряжения, и т. д.

Дело в том, что когда я был председателем Исполнительного Комитета, мне от имени Комитета приходилось [2]) предпринимать шаги, осуществляющие верховную власть народа, потому что тогда в первые дни революции [3]) не было физической возможности связаться с Петроградом и действовать,

---

[1]) Далее зачеркнуто: «В настоящий момент я выступаю не для того, ответить на все то, что говорилось по существу представленных нами докладов, — и без того слишком часто приходится министрам выступать с этой трибуны, — но все-таки», и далее строчная буква переправлена на прописную. — [2]) Слова: «от . . . . приходилось» вписаны над зачеркнутым: «пришлось сделать целый ряд действий». — [3]) Слова: «в первые дни революции» вписаны.

как в организованной революционной стране. Когда, например[1]), было постановлено арестовать генерал-губернатора и других членов администрации, то, конечно[2]), немедленно же надо было приступить к исполнению этого решения. Вот в таких действиях, когда нужно было немедленно революционным путем смещать старые власти, в таких действиях, я думаю, Иркутск уподоблялся не Кронштадту, он уподоблялся Петрограду, взял пример с Петрограда. В этом сила русской революции, что во всех концах, одновременно по данному из Петрограда сигналу народной революцией[3]) одним и тем же методом была свергнута старая власть. (Аплодисменты.)

Я говорю: не было организованных сношений[4]) с центром, не получали ответов, и в это время приходит известие, что из Петрограда Временным Правительством послано сообщение о назначении комиссара на имя начальника канцелярии смещенного нами генерал-губернатора, и что это назначение произошло по указанию бывшего городского головы иркутского, который абсолютно не пользовался доверием населения. Тогда мы заявили: знайте в Петрограде, что мы в Иркутске произвели то же самое, что вы в Петрограде, что нет здесь генерал-губернатора[5]) с его канцелярией, и сноситесь[6]) прямо с Исполнительным Комитетом, носителем новой народной[7]) власти[8]). С самого начала хотя мы[9]) не имели[10]) прямых связей[11]) с Петроградом, но нас связывал единый дух[12]) русской демократии[13]), и вот Исполнительный Комитет заявил:[14]) мы поддерживаем новое Временное Правительство вместе со всей остальной революционной демократией. Эту формулу мы приняли и отвергли формулы многих других товарищей Преображенского, которые говорили:[15]) они тоже не имели связи с остальной Россией, но у них также, очевидно, были духовные нити, связывающие их с другими большевиками. Они[16]) говорили:[17]) единственная власть, это — Совет Р. и С. Д., а[18]) Исполнительный Комитет, председателем которого я имел честь быть, наметил ту самую позицию, которой придерживалась вся русская демократия. Он заявил, что он признает Временное Правительство, с ним сносился и сговаривался о комиссарах.

Я должен сказать, что и[19]) сейчас в качестве министра[20]) я смотрю так, что комиссары должны назначаться именно по соглашению с местами. Этот принцип я отстаивал, как председатель Исполнительного Комитета, и отстаиваю, как член Временного Правительства. (Аплодисменты.)

Я вам уже докладывал, что таков взгляд Временного Правительства в целом, и что для устранения всяких недоразумений[21]) в этом отношении в ближайшем будущем последует[22]) коренная реорганизация[23]). Уже теперь Временное Правительство ни одного комиссара не назначает, не сговорившись с местами; в дальнейшем это получит еще более широкие органи-

---

[1]) Слова: «когда например» вписаны над зачеркнутым: «ибо вечером». — [2]) Слова: «то, конечно» вписаны над зачеркнутым: «и». — [3]) Слова: «по данному . . . . революцией» вписаны. — [4]) Первоначально: «организованной власти». — [5]) Слово: «генерал» вписано. — [6]) Слово: «сноситесь» вписано над зачеркнутым: «сносились» — [7]) Слова: «носителем новой народной» вписаны над зачеркнутым: «той новой». — [8]) Далее зачеркнуто: «которая» и строчная буква исправлена на прописную — [9]) Слово: «мы» вписано. — [10]) Первоначально: «имела» — [11]) Слова: «прямых сношений» вписаны над зачеркнутым: «связей» — [12]) Слова: «нас . . . . дух» вписаны над зачеркнутым: «их вела». — [13]) Первоначально: «русская демократия». — [14]) Далее зачеркнуто: «что да». — [15]) Первоначально: «тов. Преображенский, который говорил». — [16]) Слова: «но у них . . . . большевиками. Они» вписаны над зачеркнутым: «но у них были нити, — тов. Преображенский». — [17]) Первоначально: «говорил». — [18]) «а» вписано над зачеркнутым: «и вот». — [19]) «и» вписано — [20]) Слова: «в качестве министра» вписаны. — [21]) Слова: «что таков . . . недоразумений» вписаны над зачеркнутым: «что». — [22]) Слово: «последует» вписано. — [23]) Далее зачеркнуто: «последует».

зованные формы: предполагается [1]) создать [2]) центральный комиссариат в Петрограде, поддерживающий самые тесные отношения с местным организациями [3]).

Я не вижу разницы в своих действиях с самого начала и до настоящего момента не потому, чтобы я лично отличался особым политическим инстинктом. Я думаю, что вся организованная демократия, в своем огромном большинстве, почувствовала ту правильную линию, на которую должна стать революция, чтобы спастись, и эта линия была та, которую мы здесь на Всероссийском Съезде скрепляли.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Тов. Церетели, время ваше истекло. (Голоса: «Просим продолжать»).

ЦЕРЕТЕЛИ. С другой стороны мне указывают, что, будучи председателем Исполнительного Комитета, я был участником проведения декрета о 8-часовом рабочем дне. Тов. Преображенский хотел спросить, почему не установлен таким же декретом правительства [4]) 8-часовой рабочий день для всей России? Так, кажется? Я скажу, почему. Потому, что в огромном большинстве организованный рабочий класс заявил, что 8-часовой рабочий день — да, это принцип для нормальных условий буржуазного строя, но что в настоящий момент, когда Россия изнемогает под тяжестью войны, когда приходится всем слоям населения и армии, и крестьянству нести неслыханные жертвы, чтобы помочь спасению государства, — огромное большинство заявило: если это нужно в интересах русской революции, мы готовы работать 24 часа; и вот при этих условиях не о том нужно думать, чтобы теперь в декларативных декретах [5]) разъяснить то, что бесспорно для всякого.

Дело не в том [6]), чтобы декларировать то, что бесспорно для всякого, а в выработке закона, который определил бы путь, для достижения того [7]), чтобы рабочий класс, напрягая все усилия для спасения страны, в то же время был настолько в человеческих условиях, чтобы быть в силах выполнить долг гражданина.

Никто из рабочих при настоящих условиях не говорит: осуществляйте 8-часовой рабочий день. Все понимают, что тревожная пора, опасная пора. Надо спасать страну, и они готовы работать свыше 8 часов. Вы сами упрекаете правительство, что оно выходит и заявляет свои декларации; это упрек правильный по отношению к правительству. Я хотел сказать вам и изобразить те объективные затруднения, которые помешали превратить в жизнь многие из необходимых начинаний. Ваше дело оценить, правильно ли мы оцениваем эти объективные затруднения, нужна ли совместная наша борьба, чтобы преодолеть и ускорить введение в жизнь этих начинаний. Это, товарищи, предстоит решить Съезду.

Относительно 8-часового рабочего дня не декларациями должны мы заниматься, а должны разработать закон, который закрепил бы не только принцип 8-часового дня, но и порядок и оплату сверхурочных работ в условиях настоящего времени. И мы должны создать организацию рабочего [8])

---

[1]) Слово: «предполагается» вписано над над зачеркнутым: «будет». — [2]) Первоначально: «создан». — [3]) Слова: «поддерживающий . . . . . организациями» вписаны над зачеркнутым: «при чем главные места этих людей будут по соглашению с авторитетными органами, и ни один комиссар не будет назначен на местах без предварительного соглашения с местными организациями». — [4]) Слова: «таким . . . . правительства» вписаны. — [5]) Слова: «в декларативных декретах» вписаны. — [6]) Слова: «дело не в том» вписаны. — [7]) Слова: «в выработке . . . . . достижения того» вписаны над зачеркнутым: «о том надо декларировать, каким образом достичь того». — [8]) Слова: «а должны . . . . рабочего» вписаны над зачеркнутым: «а должны создать такую организацию рабочего».

класса, которая гарантировала бы им возможность обеспечить свои интересы при работах сверх 8 часов, при оплате, которая при нынешних условиях обеспечит необходимые ему человеческие условия существования. При таких условиях [1]), я знаю, что нет влиятельной рабочей организации, которая этот упрек ставила бы правительству: почему не декларировали 8-часовой рабочий день. (Голоса: «Есть».)

Если есть, то их очень мало. Если хотите, то я могу декларировать сейчас, не имея даже полномочия от Временного Правительства, потому что это бесспорно и [2]) можно сказать в каждом собрании. Всей революционной Россией признан в [3]) принципе 8-часовой рабочий день. Но надо добавить: погодите, товарищи рабочие, вы сами знаете, что сейчас нельзя его во всей чистоте [4]) осуществить. Вот, если угодно, я скажу, но я думаю, что это никакого значения не имеет. Надо создать такой закон [5]), который дал бы возможность рабочему классу отстаивать свои интересы с максимальной пользой для дела революции и свободы. Вот в чем задача. И я скажу: эта линия поведения одна, — она была в Иркутске, она есть и здесь, но, конечно, формы проявления различны. В Иркутске мне приходилось входить в дом генерал-губернатора и говорить: «генерал, вы арестованы». Я не был судебным следователем и не был на это уполномочен центральной властью, но это был момент, когда еще не была объединена, сорганизована страна, и переносить те действия, которые тогда диктовались, в обстановку нынешнюю, когда создана [6]) организация объединенной власти для всей России, это значит уподобиться тому народному герою, который на похоронах говорил «таскать вам не перетаскать», а на свадьбе пел «со святыми упокой». (Бурные аплодисменты.)

ПРЕСЕДАТЕЛЬ. Закрываю заседание до завтра, 7 июня, до 6 часов вечера.

---

[1]) Слова: «обеспечит . . . . . условиях» вписаны над зачеркнутым: «возможна, чтобы при контроле самого рабочего класса, при его участии происходили эти экономические мероприятия, и» — [2]) Слова: «бесспорно и» вписаны. — [3]) Слова: «собрании . . . . . признан в» вписаны над зачеркнутым: «заседании. Вот в». — [4]) Слова: «во всей чистоте» вписаны. — [5]) Слово: «закон» вписано над зачеркнутым: «орган». — [6]) Слова: «в обстановку . . . . . создана» вписаны над зачеркнутым: «ту же тактику, диктующую уже теперь».

ЗАСЕДАНИЕ 7 ИЮНЯ [1])

(вечернее).

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Объявляю заседание открытым. Товарищи, прошу заслушать приветствия. (Оглашаются приветствия.) Слово принадлежит тов. Скобелеву. Так как ему, вероятно, не хватит времени, отведенного регламентом, а именно, полчаса, желательно было бы не ограничивать времени его речи. (Голоса: «Просим!» Рукоплескания.)

СКОБЕЛЕВ. Товарищи, ваши прения вступили во вторую стадию: вопросы о конструкции и реконструкции власти сменились критикой отдельных мероприятий и действий правительства в нынешнем его составе. Поэтому я считаю своим долгом сделать вам более подробное сообщение и дать более подробные разъяснения относительно нашей деятельности и в частности деятельности министерства труда. Но те сведения, которые предполагалось раньше сделать в секциях, я считаю своим долгом сделать в общем собрании, если вам будет угодно их выслушать. (Голоса: «Просим, просим».)

Итак, доклад мой будет касаться сферы компетенции министерства труда и неразрывно с ним связанных вопросов нашей хозяйственной жизни вообще и главным образом регулирования промышленной жизни. Тот и другой вопрос может получить надлежащее освещение лишь при свете всей финансовой политики Временного Правительства, и я себе позволю свое слово начать с кратких сообщений о нашем финансовом положении.

Очень многим из вас известно, товарищи, что финансовая политика старого режима базировалась главным образом в его доходных частях, на косвенном обложении и на сравнительно слабом прямом обложении. Что же касается финансирования войны, то, в виду того, что наш нормальный бюджет еле-еле сводился бездефицитно, все расходы на войну своим источником не могли, конечно, иметь наш нормальный бюджет, а если принять во внимание, что отмена винной монополии старым режимом во время войны доходную часть старого бюджета сократила почти на миллиард рублей, то в этом смысле финансовые затруднения, которые наблюдались в России с возникновением войны, еще более осложнились.

Еще старым режимом введен был целый ряд косвенных налогов и некоторых прямых налогов, что, до некоторой степени, залатало брешь, нанесенную бюджету военными мероприятиями; что касается финансирования войны, то главный источник для всех расходов, вызываемых войной за пределами России, был во внешних займах; для расходов же, вызываемых внутри страны, был во внутренних займах, а главным образом этим источником служил выпуск бумажных денег. В грубых округлениях на долю выпуска бумажных денег приходилось иногда до 40% всех средств, получаемых старым правительством для ведения войны.

Само собой разумеется, русская победоносная революция стремительно могла свергнуть только политический режим, но с такой же стремитель-

---

[1]) Заседание 7 июня печатается по тексту д. № 6.

ностью не могла ни реорганизовать всех основ нашей хозяйственной жизни, ни изменить все основы финансовой политики, и Временное Правительство первого состава должно было унаследовать все приемы старой финансовой политики.

Если вы примете во внимание, что революционные потрясения на некоторое время бросили в летаргию хозяйственный организм, если припомните, что в первые дни революции замерла, в сущности, вся хозяйственная жизнь,— не потому, что демократия перестала работать, а потому, что капиталистическое хозяйство может протекать нормально лишь только в мирных условиях спокойного бытия, и всякие политические потрясения немедленно отражаются на всей хозяйственной жизни и в первую очередь на финансовом рынке, — если примете все это во внимание, если примете во внимание, что денежное обращение замедлилось еще больше, чем до революции, в первые дни революции, если примете во внимание, что расплата в товарообмене, которая в обычное время производится не только денежными знаками, но и разными другими способами в области кредитных операций, если примете во внимание, что за время войны расплата в большинстве случаев стала за наличные, а в первый период революции, период неуверенности промышленного и финансового мира, период неуверенности всего торгового класса в завтрашнем дне, все расчеты начали производиться за наличные, если принять во внимание, что с первых же дней наблюдался стремительный рост заработной платы, если принять во внимание, что новые мероприятия государства в смысле создания новых аппаратов государственного управления вызвали новые расходы, — то вам станет понятно, что Временному Правительству первого состава пришлось в первое время еще больше налечь на станок экспедиции заготовления государственных бумаг, чем старому режиму [100].

Мы, бывшие постоянными критиками всей финансовой политики старого режима до революции, должны были констатировать, еще оставаясь в Совете Р. и С. Д., что та политика станка экспедиции заготовления государственных бумаг, чреватая последствиями и прямо разрушительная для хозяйственного организма, она уже не может быть изменена в первые дни революции, и, скрепя сердце, мы должны были с этим мириться. И в первые дни революции Временное Правительство первого состава разрешило министру финансов новый выпуск кредитных билетов на два миллиарда рублей. А затем, когда мы вошли во Временное Правительство и были посвящены в картину финансового положения, то мы увидели, что в первое время [1]) выпуск денежных знаков из Государственного банка на рынок денежного обращения с каждой неделей рос и увеличивался.

Это явление продолжалось до самых последних дней, и были недели, были даже месяцы, когда размер выпущенных на рынок новых кредиток доходил до ужасающих цифр и превышал в несколько раз обычный средний выпуск денежных знаков за последний год войны. С одной стороны, это явление есть отражение всех тех обстоятельств, о которых я здесь говорил, с другой стороны, это свидетельствует о том, что, к сожалению, в первый период революции новая власть, занятая по преимуществу лишь политическими вопросами, мероприятиями преимущественно по ликвидации старого политического режима, не уделяла своего времени вопросам хозяйственно-экономическим.

В этом стремительном росте количества выпускаемых денежных знаков отражался стремительный процесс разложения государственного хозяйства

---

[1]) В подлиннике: «в первую неделю»

и он же вопиял к Временному Правительству о необходимости самых решительных мероприятий в области регулирования производства и хозяйственной жизни и вмешательства государства в область хозяйства.

Но революционный процесс не подчинен, конечно, воле даже самых решительных и мудрых руководителей, стоящих во главе Временного Правительства, и этот естественный процесс революционной не только политической и хозяйственной стихийной реконструкции всего производства, но стихийного отмирания отраслей производства, — вся эта пертурбация на рынке труда, вся эта ломка старых хозяйственных отношений явилась выражением отмирания старого государственного организма, его дальнейшего разложения.

В целом этот процесс выражался в этом стремительном росте все большего числа денежных знаков, которые денежный оборот, денежные каналы выбирали из Государственного банка.

И до сих пор в распоряжении Временного Правительства нового состава, в котором имеем честь и мы быть, нет никакого другого способа непосредственно сейчас же, на завтра и послезавтра, заполучить [в] свое распоряжение денежные знаки, как орудие регулирования хозяйственной жизни, нет более надежного и более верного источника, как все тот же злосчастный станок экспедиции заготовления государственных бумаг, конечно, потому, что и по сие время Временное Правительство нового состава не внесло, — не потому, что не хотело, а потому, что не могло внести, — серьезных изменений в основу нашей финансовой политики.

Поэтому перед нами стоит во весь рост в первую очередь вопрос об изменении самой основы финансовой политики, именно об усилении не косвенного обложения, а прямого обложения.

Это самый правильный рычаг, при помощи которого можно изменить финансовую систему. И такое изменение быстро отражается на более правильном циркулировании денежных знаков в каналах денежного обращения. И такое изменение финансовой политики скоро отражается на более здоровом развитии всех производительных сил страны и, в частности, промышленности.

Это [1]) изменение финансовой политики и в социальных отношениях даст большой плюс для трудящихся масс. Поэтому перед Временным Правительством нового состава стоит в первую очередь вопрос о введении целого ряда новых прямых налогов и очень значительное усиление всех уже введенных.

В наследие от старого режима нам осталась робкая попытка к введению обложения военной сверх-прибыли и робкая попытка применения подоходно-прогрессивного налога.

На-днях министр финансов представил Временному Правительству значительное увеличение ставок прогрессивно-подоходного налога, — в частности он действует уже, — и по налогу на военную сверх-прибыль, введенному старым режимом в порядке 87 ст., есть уже поступления, насчитывающие несколько сот миллионов рублей за счет военной сверх-прибыли за 1915 и 1916 годы. Однако, мы считаем необходимым ставки этого налога на военную сверх-прибыль значительно повысить.

Как я сказал, для подоходно-прогрессивного налога министр финансов уже ввел увеличение этих ставок; в отношении высших ставок обложения процент обложения увеличен в два с половиной раза. Однако, Временное Правительство не удовлетворилось этим и предложило министру финансов вернуть этот законопроект для новой переработки в сторону еще боль-

---

[1]) В подлиннике: «Этакое».

шего увеличения ставок обложения вверх и для увеличения прожиточного минимума.

Законопроект о подоходно-прогрессивном налоге, доставшийся нам от старого режима, начинает облагать личные доходы лиц, получающих 850 руб. в год. Мы считаем, что при теперешней дороговизне, при теперешних реальных ценах денежных знаков очень мало граждан осталось, которые зарабатывали бы меньше 850 руб. Поэтому естественно, что главный смысл подоходного прямого прогрессивного обложения, состоящий в том, что он минует неимущие классы и главным образом обрушивается на имущие классы, здесь несколько искажен. И поэтому министру финансов предложено прожиточный минимум значительно повысить и повысить ставки обложения высших категорий дохода. Министру финансов предложено принять меры в отношении коренной реформы наследственного налога, направленного в ту сторону, что процент отчисления государственного казначейства с имуществ значительно увеличивается. Затем категория наследников, имеющих право на наследство, значительно сокращается в смысле колен родства.

Эти законопроекты уже в основе своей готовы и в ближайшие дни будут окончательно рассмотрены Временным Правительством.

Министр финансов, развивая перед Временным Правительством свою деловую программу финансовых мероприятий, указал нам, что приступил к выработке более жестокого для имущих слоев населения налога, именно, поимущественного налога и его неразрывного спутника — налога на прирост дохода, являющегося самым ярким отражением современной системы прямого обложения. В русских условиях мы наталкиваемся на огромные препятствия в осуществлении этого мероприятия, ибо мы удивили Европу нашей блестящей и победоносной революцией, но мы до сих пор поражаем Европу своей хозяйственной и государственной отсталостью. Для введения же этих налогов необходима большая статистическая работа, а, как вы знаете, у нас статистика, к сожалению, даже до последнего времени не пользуется большим уважением.

Итак, введение этих налогов всегда предусматривает наличие другого вида прямых налогов, как подоходного, и при помощи этих только налогов можно построить стройную систему, дающую возможность обложить более справедливо и гарантировать, что от обложения не ускользнет ни одно имущество.

Но все эти финансовые мероприятия, во-первых, оздоровляющие самую финансовую политику, во-вторых, несомненно, обещающие государству новые средства, являющиеся для государственного казначейства новым изысканием источника, реального результата, в смысле получения денежных знаков государственным казначейством, не могут дать непосредственно, — это дело только лишь осени, ближайших месяцев, ибо, как вы знаете, декларация о введении подоходно-прогрессивного налога уже сделана, но платежи будут поступать только с 1 сентября.

Что касается поимущественного налога, при помощи которого будет взиматься не доход, а будет взиматься самый основной источник дохода — капитал, основной капитал, заложенный в имуществе, его результаты могут сказаться еще позже. И этот налог, решительно ударяющий по всей основе хозяйства, он, вероятно, поступит к тому времени, когда мы вступим в полосу окончательной ликвидации войны, связанной с еще бо̀льшим потрясением, чем теперешнее.

Что же остается в распоряжении Временного Правительства в виде источника для непосредственного пополнения государственного казначейства? Я уже вам сказал: станок экспедиции заготовления государственных бумаг.

Это очень милый [источник] для министерства финансов в смысле легкости добычи средств, но и очень опасный для всей финансовой системы и для хозяйственной жизни страны. Это сладкий яд, при помощи которого можно, упиваясь, лишь только отравляться.

Даже и в этом отношении, к сожалению, Временное Правительство исчерпало все возможности для дальнейшего увеличения выпуска кредитных знаков на рынок. Экспедиция заготовления государственных бумаг работает полным ходом. Это единственное промышленное предприятие, за время революции не сократившее ни интенсивности труда, ни продуктов производства. Наши товарищи-рабочие и главным образом работницы, работающие в экспедиции заготовления государственных бумаг, могут служить примером гражданской доблести [1]). Там введена непрерывная работа в три смены, абсолютно нет прогулов, тщательность работы не оставляет желать ничего лучшего и производительность доведена до максимума. Экспедиция заготовления государственных бумаг выпускает до 32 с лишним миллионов рублей в день. И если мы останемся при старой финансовой политике, мы вынуждены будем предъявить к экспедиции загототовления государственных бумаг новые требования, которые она и технически и физически удовлетворить не сможет: нужно будет поставить или новые станки или нужно будет заказывать у ближайших соседей для изготовления кредитные бумаги.

Мы прибегли к весьма рискованному способу, — упростили процесс производства денежных знаков для того, чтобы еще увеличить производительность. Но, товарищи, я это все говорю вам не для того, чтобы доказывать, что тенденция Временного Правительства продолжается в эту сторону только для того, чтобы напрячь все свои усилия для получения средств.

Не обманывая себя относительно этих прямых налогов, [я] считаю абсолютно невозможным в дальнейшем еще более налегать на станок экспедиции заготовления государственных бумаг ради отыскания средств государственного казначейства. А что в них чувствуется недостаток, лучшим доказательством может служить то обстоятельство, что министерство финансов получает из целого ряда своих провинциальных отделений, из провинциальных отделений Государственного банка запросы [с требованием] присылать им все новые и новые денежные знаки в таком размере, что центральное кредитное учреждение, Центральный Государственный банк, не может их удовлетворить.

И поэтому в целом ряде мест в провинции были случаи, когда Государственные банки не могли кредитным учреждениям и своим отделениям-клиентам отпускать столько денег с текущих счетов, сколько это было необходимо. И у Временного Правительства остался единственный источник для немедленного пополнения своих ресурсов, это — экономия.

Я уже вам докладывал, что целый ряд непроизводительных расходов на сооружения, которые не имеют непосредственного интереса для ближайшей судьбы революции, ликвидируются. Затем, расходы на армию, расходы на обстоятельства, вызываемые войной, до сих пор, как вы знаете, при старом режиме производившиеся при исключительной обстановке из так называемого военного фонда, не подлежащие никакому контролю, не только Государственного банка, но даже и министра финансов, они были предоставлены целиком усмотрению военного ведомства и своих собственных генералов, очень много, может быть, смыслящих в стратегии, но плохих финансистов.

---

[1]) Слово: «доблести» вписано над зачеркнутым: «работы и внимания к своей работе всем остальным».

*

Военное ведомство в порядке полевого управления войска распоряжалось средствами фонда, не давая никакого отчета. Временное Правительство считает такое положение абсолютно недопустимым, и военный фонд, как неприкосновенный кладезь для удовлетворения всех потребностей войны, ликвидируется, и отныне все государственные ресурсы, все средства находятся в непосредственном распоряжении министра финансов и под контролем Временного Правительства.

И здесь мы имели случай убедиться, что есть необъятное поле деятельности для государственного контроля, точно также и для министра финансов: возможны громадные сокращения по ассигновкам, возможно устранение целого ряда расходных статей и пр. Отсюда мы ждем некоторой толики сокращения денег, а этим самым и некоторого облегчения финансового положения государства.

Вот единственный реальный, не словесный и не с завтрашнего дня, а сегодняшнего дня, наш источник. Этот источник тоже только перспектива: эти сокращения должны быть произведены и они производятся. Это не дает нам обратно никаких средств, это лишь не усиленный нажим на станок экспедиции заготовления государственных бумаг.

А положение, товарищи, таково, что страна, что ее хозяйственная жизнь все больше и больше приходят в расстройство. Я вам сказал о наших планах в области прямого обложения, но не должен скрыть от вас об одном мероприятии, скорее приближающемся к косвенному налогу, проведение которого происходит почти немедленно. В этом и несчастие прямых налогов, что они не дают таких скорых результатов, какие дают косвенные налоги.

На-днях правительство увеличило железнодорожный тариф для грузов и для пассажирского движения. Это по существу есть как бы косвенный налог, [но] это обложение можно также назвать прямым налогом, — новое увеличение платы пассажирских билетов. Это единственное утешение.

Чем же вызвано это обстоятельство: хозяйственная разруха, расстройство транспорта, некоторая летаргия в хозяйственном обороте, значительное сокращение доходов от железнодорожной сети, — здесь просто отразились те мероприятия Временного Правительства, которые сводились к улучшению экономического положения служащих, выразившиеся в ассигновании нескольких миллионов рублей, но главным образом расстройство транспорта, разруха, расстройство движения по нервам хозяйственной жизни, по железным дорогам товаров.

Невозможность в виду расстройства средств передвижения усилить это передвижение было главной причиной того, что за последнее время железнодорожная сеть России ежедневно давала до 5 миллионов убытка, а повышение тарифа было рассчитано в тех пределах, что оно только лишь сбалансировало бы этот дефицит.

Еще один источник непосредственного получения средств государственным казначейством из страны, это — заем. Как вы знаете, Временное Правительство, еще прежнего состава, выпустило заем свободы, и процесс его развития был недавно в интервью министра финансов оглашен в печати, — надеюсь, вы все его читали, — и характерно, что на судьбе займа отражалась политическая жизнь страны. Если бы вы проследили ход подписки на заем, вы заметили бы, что в первые недели его выпуска медленно, но все-таки продолжался рост поступлений, дошедший в последнее время до 200 с лишним миллионов в неделю, затем стремительный скачок вниз, в неделю после кризиса власти, — за эту неделю всего 54 миллиона поступило, и затем, когда опять наступило некоторое политическое равновесие

страны, опять подписка на заем стала происходить успешнее и за каждую неделю поступало все больше и больше. Отсюда ясно, это единственно чистый, единственно безвредный, безупречный способ заполучения финансовых ресурсов, целиком связанный с политической конъюнктурой, с авторитетом власти, с ее способностью справиться со всеми вопросами момента и со зрелостью самой демократии, от которой в большей мере, чем от зрелости членов Временного Правительства, зависит более безболезненное течение всего процесса революции.

Конечно, заем этот преимущественно может быть пополняем из избытков, находящихся в распоряжении всех имущих классов, но нужно сказать, что статистика министерства финансов показывает, что это море денежных знаков, которые выпущены были за время войны, оно залило всю страну, докатилось до самых уголков деревни, ибо война, забравши из деревни реальные продукты, действительные живые рабочие руки, именем правительства компенсировала денежными знаками, и денежные бумажки в несметном числе, в нескольких миллиардах, расплылись по всей стране, и заем, на который можно рассчитывать, что он даст реальные, осязательные результаты и выразится в нескольких миллиардах рублей, может иметь место в том случае, если к подписке будут привлечены не те обычные категории граждан имущих, которые живут в атмосфере денежного обращения на бирже, в банках, но и та демократия, которая никогда не слышала о займе и только тогда, когда она будет привлечена к делу займа, в государственное казначейство может вернуться несколько денежных знаков, а это явится самым лучшим способом оздоровления всей финансовой системы и упорядочения нашей хозяйственной жизни.

И поэтому я думаю, что Всероссийский Съезд выскажет свое отношение к этому вопросу точно так же, как высказал свое отношение к займу, правда, с некоторым замедлением, наш Петроградский Совет Р. и С. Д. [101].

Далее, есть другой способ не добровольного, а принудительного займа... (Шум). (Председатель. Товарищи, я покорнейше прошу соблюдать тишину и не вести частных разговоров.) Уже не дивидендом в 5 — 6%, приносимым облигациями займа, привлекаются граждане к покупке этих облигаций, а путем государственного принуждения.

Этот способ более решительный, товарищи, более убедительный и для революции, может быть, более подходящий, но аппарат, который мог бы эту решительность и убедительность осуществить без разрушения самой денежной системы, без разрушения всего денежного обращения, гораздо сложнее, чем тот аппарат, который необходим для проведения свободного займа, и Временное Правительство озабочено этим.

Вы знаете, что одно сообщение в печати о том, что может быть поставлен на очередь вопрос о принудительном займе, всполошило революционного обывателя, — к сожалению, и революция знает обывателя. С текущих счетов обыватель начал снимать свои вклады для того, чтобы обезопасить их от принудительного возвращения в государственное казначейство.

И обеспечить успешность этого мероприятия, когда Временное Правительство вынуждено будет прибегнуть к принудительному займу, можно только оздоровлением революционной атмосферы, созданием более устойчивого революционного порядка и воспитанием граждан, в особенности имущих, в сторону обеспечения сознания их обязательств перед революционной родиной.

Само собой понятно, что на фоне этой хозяйственной разрухи и на фоне все растущей дороговизны во всю ширь и глубь развернулось дви-

жение в пользу улучшения экономического положения своего в демократических кругах и в рабочем классе в особенности.

С первых дней революции революционным органам пришлось иметь дело с конфликтом между трудом и капиталом, и мне, пришедшему в министерство труда, где, кроме небольшого отдела труда, выделенного из министерства торговли и промышленности, и нескольких скромных работников, ничего еще не было, нам сразу пришлось столкнуться с грандиозным экономическим конфликтом.

И теперь, когда министерство в центральном своем учреждении еще не налажено и штаты даже не пополнены, я должен констатировать, что у русской демократии не оказывается достаточно сил, достаточно работников, чтобы в течение месяца можно было сразу пополнить необходимый штат хотя бы для центрального учреждения министерства труда. Я надеюсь, что мы справимся с этой задачей и, уже организовавши центральное учреждение, приступим к созданию наших местных органов.

Но вся деятельность министерства труда с первых дней моего приезда туда главным образом выражалась в его участии в сфере регулирования взаимоотношений труда и капитала и вмешательства в конфликты. Это является основным делом министерства,—вмешательство в борьбу и взаимоотношения труда и капитала; оно поглощает работу не только управляющего этого отдела, не только товарища министра Гвоздева, который этим ведает, но и все мое время, которое я могу уделять министерству. Нам пришлось на опыте установить методы и принципы, которые министерство труда в качестве органа государственной власти, вмешиваясь в экономические конфликты между трудом и капиталом, вносило [1]). Нам пришлось благополучно разрешить большой конфликт здесь, в Петрограде, между служащими всех технических промышленных предприятий и предпринимателями, конфликт, который, если бы он дошел до открытого разрыва, угрожал приостановкой всей металлообрабатывающей промышленности в Петрограде, ибо без конторских работников, без технических руководителей немыслима была бы работа на этих заводах [102].

Мы предоставили течение конфликта самому себе, наблюдая, как стороны делали попытки согласиться, и когда мы убедились, что соглашение сторон без нашего содействия невозможно, когда мы стали перед фактом, когда союз служащих в конторских учреждениях заявил, что они предъявили требования в ультимативной форме и назначили предпринимателям срок, то мы считали своим долгом вмешаться в этот конфликт и авторитетом государственной власти пригласили и ту и другую сторону в министерство и выступили в качестве арбитров, в качестве посредников между ними вначале, пытаясь при нашем посредничестве привести к соглашению.

В некоторых детальных пунктах расхождения нам это удалось сделать в порядке арбитража, но в некоторых пунктах нам этого достигнуть не удалось; остался один пункт, по которому соглашения достигнуть не удалось, и мы впервые прибегли к дискреционной власти революционного Временного Правительства: мы от имени министерства труда заявили, что одна сторона должна сделать уступки в таком-то размере, другая сторона должна сделать уступки в таком-то размере, это — воля министерства труда, как представителя Временного Правительства, и не подчиняющаяся сторона берет на себя моральную ответственность за неблагополучное окончание.

Этот опыт привел к благополучному результату: согласие было достигнуто, и конфликт был устранен.

---

[1]) В подлиннике: «выяснило».

Этот инцидент дает нам основание и в дальнейшей деятельности руководствоваться основным принципом. И нам пришлось примирять целый ряд мелких конфликтов: сейчас протекает конфликт текстильной промышленности Московского района и в недалеком будущем, повидимому, нам придется вмешаться. Мы имели случай вмешаться в еще более грандиозный конфликт промышленности Донецкого бассейна, где обеими сторонами, к чести рабочих Донецкого бассейна, очень долго обсуждались условия взаимоотношений наших товарищей рабочих в рудниках и копях, которые всегда считались самыми отсталыми, самыми малосознательными рабочими, и они показали себя, может быть, более сознательными и более способными к той организованной самодеятельности рабочими, они показали, что они достаточно зрелы. Грандиозные массы в несколько десятков тысяч, а может быть, в несколько сотен тысяч рабочих, от простых углекопов до квалифицированных рабочих на металлургических заводах, объединились в одну организацию, созвали конференцию и разговаривали как сторона со стороной и, не придя к соглашению, явились к нам сюда и при нашем посредничестве пытались до чего-нибудь договориться; но расхождение было настолько велико, основные пункты их настолько диаметрально противоположны, что немыслим был сговор. Ясно было, что раз промышленники заявляют, что удовлетворение требования в тех размерах, которые предъявлены рабочими, грозит крахом промышленности, а представители рабочих заявили, что никаких других требований они предъявлять не могут, они никаких полномочий на это от своих товарищей не получили, и они обратились к Временному Правительству, чтобы оно разрешило конфликт своей властью, а мы можем разрешить конфликт только изучивши дело на месте, поэтому, по моему предложению, Временное Правительство постановило образовать специальную комиссию и отправить ее на место, в Донецкий район, где представители центральной власти с одной стороны, представители труда с другой, с третьей представители предпринимателей должны будут обследовать всю финансовую и хозяйственную структуру промышленности, ее хозяйственное положение, положение рабочих, обеспечение дальнейшего развития промышленности, и только тогда мы с полным сознанием ответственности можем сказать нашим товарищам: вот в каких пределах возможно улучшение экономического положения рабочих и за этими пределами уже начинаются интересы государства, интересы целого, а мы, как охранители интересов государства, не можем допустить нарушения и потому мы открыто заявляем: стоп вашим притязаниям [103].

Эти примеры развернули перед нами всю необъятную область нашей деятельности и наметили основной принцип нашей деятельности, которым мы должны руководствоваться. Кроме отдела взаимоотношений труда и капитала, кроме отдела регулировки отношений рабочих, в ведении министерства труда есть самая благодарная, самая достойная работа, — это область охраны труда в виде законодательных мер [1]) охраны труда в смысле техническом, гигиеническом и в смысле обеспечения имущественно слабых классов в виде социального страхования; и в этой области нам от старого режима кое-что досталось.

Сейчас мы заняты разработкой целого ряда крупных новых законодательных мероприятий, которых не знал старый режим и которые известны всем европейским странам. Сейчас нам приходится в этой области ликвидировать лишь те варварские мероприятия, [2]) которые были предприняты старым режимом; в частности мы успели восстановить все статьи

---

[1]) В подлиннике: «законодательной меры». — [2]) В подлиннике: «предприятия».

относительно охраны женского и детского труда в предприятиях, работающих на оборону, и в каменноугольных копях, и законопроект, проведенный старым режимом в порядке 87 ст.

Есть еще целый ряд мелких мероприятий — относительно обеспечения нормального отдыха приказчиков и служащих в ремесленных предприятиях, даже на основании того старого закона, при помощи старой инструкции урезанного; восстановив все старые законы по охране труда, мы приступили к разработке их на новых началах. Эта работа обширная и закончена она в ближайшее время быть не может. [1])

Мы сейчас заняты разработкой наших собственных органов на местах, наших отделов труда и наших инспекторов труда. В области социального страхования выдвинут специальный отдел; мы сделали целый ряд конкретных шагов, ликвидировавших все те дефекты старого страхования, которые обнаруживались за время их существования, в частности, разработали проект положения об обеспечении рабочих на случай болезни, разработали проект реформ о совете и о присутствии по делам страхования. Закончилась разработка законопроекта о повышении пенсии рабочим, получающим пенсию от страховых товариществ (читает), ведется разработка на случай инвалидности и старости и целый ряд других конкретных мероприятий [104].

Что касается области ближайшей нашей политики и тех изменений, которые могут быть в порядке административном сделаны в действующих законах о страховании, то в основу нашей деятельности положена резолюция о социальном страховании, вынесенная на Всероссийском Совещании Советов Р. и С. Д., происходившем здесь на пасхе; разработанные еще частью в старом отделе труда, частью законченные и вновь выработанные уже в министерстве труда следующие законопроекты: законопроект о примирительных камерах, о третейских судах, при чем проект этот построен в тесной связи с предположением закона о государственном контроле над промышленностью; законопроект о бирже труда, обязующий все органы местного самоуправления вводить эти институты; законопроект об урегулировании безработицы и помощи безработным; законопроект о введении 8-часового рабочего дня, требующий очень серьезной и детальной обработки, ибо принцип введения 8-часового рабочего дня был провозглашен не Временным Правительством, а революцией. Временному Правительству, как органу не только исполнительному, а и законодательному, приходится разрабатывать проведение в жизнь этого принципа, а это, товарищи, не так просто. Применение принципа не только на принципе, но на мероприятиях, гарантирующих действительно 8-часовой рабочий день для работников отдельных категорий труда, очень сложно, в особенности если мы переходим из области чисто промышленного труда в область ремесленного труда, в область подсобного вида труда, в виде труда прислуги в различных предприятиях, которые общественно необходимы, и т. д.

Везде необходимо обеспечить максимальный 8-часовой рабочий день. Везде необходимо обеспечить недельный отдых. Все это должно пройти без ущерба интересов трудящихся, без ущерба самих предприятий. Конкретизация этих вопросов значительно сложнее, чем может показаться с первого взгляда. Кроме этих разработанных законопроектов, уже находится в разработке законопроект о нормальной заработной плате, о временных местных органах, об инспекции и местных советах. Предпринята разработка законо-

---

[1] Далее в подлиннике следует: «В частности мы приступили к частичному пересмотру... (Читает)».

проекта о договоре найма, пересмотр законодательства об охране женского и детского труда.

Наконец, несколько слов о деятельности самого последнего отдела. Я не буду говорить о канцелярии и статистике, которая является подсобным учреждением для этих основных органов. Самый обширный по своей обстановке, это — отдел рынка труда, регулирование рынка труда в смысле передвижения свободных рук из одной области в другую, в смысле обеспечения безболезненности этого процесса, и поэтому этот отдел распадается на несколько отделов: отдел по учету и распределению рабочих сил, отдел биржи труда, который будет ведать технической и организационной областью, отделение по безработице, организующееся с целью проведения в жизнь различных форм помощи безработным путем субсидирования профессиональных союзов, страховые отделения, отделение продовольственной помощи, отделение несвободного труда, где сосредоточиваются все сведения о военнообязанных и военнопленных, законтрактованных инородцев и иностранцев, и, наконец, отделение по демобилизации промышленности и армии ставит задачу разработки плана демобилизации в связи с другими ведомствами. Здесь начинается та сфера, где министерство труда непосредственно соприкасается с областью деятельности других министерств.

Нельзя регулировать рынок труда, нельзя передвигать свободных рабочих, не зная, в каком направлении идет реконструкция самой промышленной жизни, не зная, в каком направлении идет демобилизация промышленности. Этот процесс даже вне субъективной воли Временного Правительства уже происходит. Фактически мы вступили стихийно в область демобилизации промышленности и реконструкции всего хозяйства, и здесь нам приходится исходить из вопиющих фактов действительности. К нам приезжают рабочие из глухой и неглухой провинции с целым рядом вопросов, которые, казалось бы, меньше всего касались рабочих и министерства труда в частности. Одни заявляют, что их предприятия закрываются, потому что у предпринимателя нет средств, и они остаются без работы. Кроме того, они руководствуются государственными соображениями и считают, что данное учреждение необходимо. Другие говорят, что они предъявили требования, но хозяин, в виде скрытого локаута на это, отвечает закрытием предприятия. Затем приезжают представители местных комитетов, Совета Р. и С. Д. или местных заводских комитетов и заявляют, что предприятию грозит остановка из-за отсутствия сырья и топлива, и, таким образом, даже перед всеми теми, кто хотел закрывать глаза на необходимость решительного государственного вмешательства, эти вопросы встают во всей широте.

Если государственная власть до сих пор уклонялась от этого и считала, что не в интересах дальнейшего развития промышленной жизни вмешательство государства, то местные органы, местные живые силы страны, в порядке революционного почина, сами это делают, и перед властью стоит задача организовать эти процессы, выработать однообразные нормы, создать единый институт для этого урегулирования, ибо не всякое вмешательство в область хозяйственной жизни действительно ее регулирует. Были случаи, что рабочие, видя, что нет топлива, забирают у соседа или выходят на железные дороги и захватывают к себе на завод вагоны с топливом. Это вмешательство не только не регулирует, но еще больше углубляет расстройство, и единственно мыслимое урегулирование — это только в порядке государственной инициативы создание общегосударственных мероприятий. И, таким образом, ставши перед этим фактом, нам, в частности министрам-социалистам, не было надобности сталкиваться с этим фактом.

Мы себе представляли, что в обстановке войны немыслимо ведение промышленной и хозяйственной жизни страны без вмешательства государства, но, наглядно ставя этот вопрос перед министром военным, финансов и торговли, мы убедили Временное Правительство в необходимости такого решительного вмешательства государственной власти. Как я уже сообщал, Временное Правительство постановило разработать проект о создании центрального государственного органа для регулирования хозяйственно-промышленной жизни и труда и для выработки общего плана всех финансовых предприятий и всей хозяйственно-экономической политики. Сегодня эти шесть министров, которым было это поручено, собрались в лице своих представителей для того, чтобы приступить к разработке проекта создания такого органа. В частности министерство труда выступило со своим проектом, основные положения которого считаю долгом огласить. Мы мыслим всеобъемлющее вмешательство Временного Правительства, как государственной власти, во всю хозяйственную жизнь. Для намечения перспектив нашего хозяйственного развития, для использования в этих целях всех научных сил, всего опыта отдельных классов населения мы предлагаем Временному Правительству создать Экономический совет при Временном Правительстве, в котором будут представлены заинтересованные министерства, все революционно-демократические организации, все профессиональные организации, классовые организации, участвующие в хозяйственном процессе страны, и представители научных организаций [105]. Я не буду подробно перечислять [положений] законопроекта, — он будет опубликован.

В таком экономическо-совещательном парламенте, где будут использованы все наличные ресурсы науки, мы мыслим организацию, которая сможет вывести страну из той хозяйственной разрухи, которая усилилась еще до дней революции. Это нужно признать. Для осуществления этого плана, который будет представляться необходимым Временному Правительству для проведения в жизнь, мы мыслим создание так называемого комитета снабжения, состоящего из специально делегированных от семи министров, участвующих в процессе хозяйственной жизни: от министра земледелия, финансов, торговли и промышленности, труда, продовольствия и путей сообщения; с их согласия будут делегированы Временным Правительством специальные представители, и эта коллегия в 7 — 8 человек будет являться тем учреждением, которое будет исполнительным органом, осуществляющим, во-первых, всю ту программу, которую намечает Экономический совет, и, во-вторых, связывающим деятельность отдельных министров во имя общих единых программных мероприятий. Затем, вокруг него будет совещание, составленное из тех организаций, которые фактически на местах существуют.

Война даже старый режим и старую промышленность заставила внести кое-какую регулировку и создать целый ряд институтов по топливу, металлу, кожевенные и пр. Все эти институты, которые заняты регулировкой, которые построены на старых бюрократических началах, сейчас демократизируются по составу и будут привлечены к комитету снабжения. Затем эти комитеты, пополненные представителями научных и революционных организаций, которые входят в совет, создадут местные органы по образу и подобию своему, и таким образом будет создан аппарат, входящий в толщу и в глубину всей хозяйственной жизни страны. И только так мы мыслим действительно разумное вмешательство государственной власти во весь сложный механизм.

Что касается отдельных предприятий, то во имя обязательства их осуществлять эту единую государственную волю и подчинять интересы

этих отраслей промышленности и отдельных предприятий общему плану, то Временное Правительство через свои органы вынуждено будет подойти близко к самому [1]) предприятию, раскрыть его книги, ввести контроль над целесообразностью мероприятий в техническом и коммерческом порядке. Это легко сделать по отношению тех областей промышленности, которые достаточно развились и уже синдицировались, как металлургическая промышленность и целый ряд других отраслей, где синдицирование окончательно завершено. Здесь достаточно подвинуть аппарат государственной власти к центру, который создался самой промышленностью, и через этот центр регулировать ее.

Что касается регулирования средней и мелкой промышленности, здесь вопрос значительно сложнее, и мы должны будем в отдельных случаях, по мере надобности, к отдельным предприятиям подходить, создавая органы контроля над этими предприятиями. Конечно, в этих местных аппаратах контроля будут принимать участие не только представители Временного Правительства, но и представители революционного общественного мнения, революционно-демократических организаций и, конечно, заинтересованные классы в этих предприятиях, — предприниматели, как ведущие предприятие, и рабочие, как отдающие свой труд.

Вот в общем и целом те мероприятия, к которым уже приступлено, но ни одно еще в полной мере не осуществлено. Осуществлены лишь мероприятия, которые направлены были к устранению тех аппаратов, которые старая власть наладила [2]). Создание новых законов еще в процессе. Даже те законы, которые разработаны министерством труда, еще не могут быть внесены во Временное Правительство, потому что, считая, что законодательная инициатива должна осуществляться в демократической обстановке, министерством создан комитет, в котором представлены рабочие и предприниматели, и все законодательные нормы, которые касаются взаимоотношений труда и капитала, в этом комитете рассматриваются. Мы делаем попытки найти с ними общий язык и только после тщательной разработки, единственно гарантирующей безболезненное прохождение этих мероприятий, мы тогда входим с этим законодательным предложением во Временное Правительство.

Я сказал, что целый ряд мероприятий уже начат, и осуществление будет зависеть от того, будет ли Временное Правительство в состоянии творить организационную, революционную работу, или ближайшая эпоха революции чревата еще большими потрясениями, еще большими осложнениями, чем в первые ее дни. Мы верим в революционную мощь и творчество русской демократии. Мы знаем, что ничего не сделаем без решительной поддержки, не только без доверия, товарищи, — доверия одного мало, — без решительной поддержки, без сознания демократии, что самодеятельность на месте, если она не координируется всей самодеятельностью в других местах, если не централизуется центральной революционной властью, — эта самодеятельность, на которую затрачивают много сил, она не принесет всех тех плодов, а зачастую самодеятельность, совсем порывающая связь с самодеятельностью другой части, наносит ущерб революции, и поэтому самое главное условие осуществления всех этих мероприятий не в доброй воле Временного Правительства, не в его личных способностях и намерениях, а в той мере, в какой революционная демократия окажется сорганизованной снизу доверху.

---

[1]) В подлиннике: «своему». [2]) В подлиннике: «положила».

Конечно, если даже все эти широкие мероприятия в области регулирования промышленной жизни, в области оздоровления нашей финансовой системы Временному Правительству удастся в ближайшее время осуществить, то не надо скрывать от себя, что непосредственные результаты в смысле благосостояния, в смысле улучшения положения каждого гражданина в отдельности, не произойдут, — товарищи, это надо прямо сказать, ибо это регулирование и организация, они только упорядочат то, что сейчас есть, но нового не создадут. Само собой разумеется, что в более упорядоченном производстве, в более упорядоченном хозяйстве и производительность увеличится и целесообразность распределения будет бо̀льшая, но все-таки основная причина, истощившая хозяйственную жизнь, с одной стороны, лежит вне пределов министерства труда и даже того Экономического совета и даже будущего комитета снабжения. Это — вопрос внешней политики, это вопрос войны и мира.

Мы можем только упорядочить и задержать процесс разрушения хозяйственного организма, но истощения хозяйственного организма нельзя задержать волей Временного Правительства, ибо основной фактор, истощающий хозяйственный организм, — война, и до тех пор, пока она существует, никакие мероприятия самого разумного порядка не могут устранить этого истощения. Здесь, конечно, мы непосредственно в нашей деятельности, внутри хозяйственной политики, соприкасаемся со всей политикой Временного Правительства и не скрываем от себя, что все эти мероприятия еще не запоздают и принесут свои плоды в той мере, в какой день мира будет приближаться. Чем более затянется эта война, чем опустошительнее она будет, тем бессмысленнее будут все эти мероприятия. Они останутся добрыми пожеланиями, добрыми намерениями, и проведение их в жизнь отстанет от самой жизни.

Товарищи, поэтому вопросы хозяйственной жизни и вопросы внутренней политики в смысле административно-политической реконструкции страны непосредственно упираются в этот злополучный вопрос войны и мира. Мы вертимся в заколдованном кругу. Для того, чтобы спасти хозяйственный организм, для того, чтобы прекратить процесс обнищания и истощения страны, необходима возможность скорейшей ликвидации войны, а для того, чтобы приблизить день ликвидации войны необходимо, чтобы революционная страна, находящаяся в состоянии войны, была в хозяйственном и экономическом отношении здорова и сильна. Это — заколдованный круг, товарищи, но выход из него есть, — для революции есть выход даже из заколдованного круга. Этот выход — решительная внешняя политика и столь же решительные хозяйственные мероприятия внутри страны, опирающиеся на организованную волю революционной демократии. (Продолжительные рукоплескания.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. По предложению президиума объявляю перерыв на полчаса.

(Перерыв объявлен в 8 час. 5 мин. вечера.

Заседание возобновляется в 8 час. 50 мин. под председательством Н. С. Чхеидзе.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Объявляю заседание открытым. Слово принадлежит тов. Сухову. (Отсутствует.) Слово принадлежит тов. Басинову.

БАСИНОВ. Товарищи, мы возвращаемся к вопросу о проблеме временной революционной власти, проблеме, которая встала в момент таких условий внутреннего состояния страны и такой международной конъюнктуры, которая бросает зловещие зарницы на самое разрешение этого вопроса и, быть может, на дело будущего русской революции. Казалось бы, что при

таких условиях каждый, выходящий на эту кафедру, должен был бы особенно мучительно чувствовать ответственность за каждое слово, которое он отсюда произносит, ибо оно раздастся по всей России, и каждый, выставляющий то или иное положение, должен был бы аргументировать его, проверяя предварительно всею сложною совокупностью конкретной действительности русской жизни. И вот это последнее я, к глубокому моему сожалению, не всегда видел в выступлениях нашего крайнего левого сектора.

Стоит только на минуту вдуматься в ту аргументацию, которую предлагают нам в защиту положений, выставляемых нашими товарищами большевиками интернационалистами, чтобы, отметая все хитросплетения тонкой диалектики, определить, что в их распоряжении имеются два аргумента, защищающих положение. Первый аргумент гласит: так как повсеместно в России существуют и функционируют, как правомочные и полновластные органы революционной власти, Советы Р. и С. Д., то в центре должен быть организован такой же орган, на той же основе сорганизованный, ибо, в противном случае, центр встанет в непримиримое противоречие с местными силами и будет служить не регулятором революционных сил, а будет служить тормазом революции. Это — первое положение, осново-положение. Второе положение гласит: доколе в составе Временного Правительства останутся представители буржуазии, до той поры все начинания министров социалистов в составе Временного Правительства будут . . . (не слышно), и действительной фактической руководительницей внутренней и внешней политики России окажется буржуазия. Вот два положения: первое — положительное, второе — отрицательное.

Я вполне соглашаюсь с логической аргументацией первого положения большевизма, но есть маленькое «но», заключающееся в том, что их фундамент, их базис, гласящий о том, чтобы всеместно в России должны образовываться органы полноправной, правомочной революционной власти в лице солдатских и рабочих депутатов, — неверно. На основании всего того, что приходилось слышать в прениях, во фракциях, на основании того, что приходилось слышать из личных разговоров с делегатами с мест, я утверждаю, что Советы Солдатских и Рабочих Депутатов отнюдь не являются во всей России теми органами, которым добровольно подчинилось бы на местах большинство демократии, большинство населения, а ведь это, г.г., основное условие демократической власти — добровольное подчинение большинства. Мы знаем, что Советы Солдатских и Рабочих Депутатов на местах объединяют не большинство населения, а они объединяют и их поддерживает активное, но все же меньшинство. На это нельзя закрывать глаз, с этим приходится считаться, это — первое.

Во-вторых, не нужно никаких доказательств, так как это все знают, что многомиллионное русское крестьянство далеко не во всей России успело сорганизоваться и войти в организационную связь с Советами С. и Р. Д., — то многомиллионное крестьянство, голос которого в разрешении судеб России должен, по существу, играть решающую роль. Вот эти два обстоятельства, которые докажут это положение с неопровержимостью. Они говорят, что первая основная предпосылка большевизма о том, что Советы С. и Р. Д. являются полновластными и правомочными органами революционной власти, — к счастью или к несчастью, это все равно, — объективно неверна.

Что касается второго положения, что доколе в составе Временного Правительства будут существовать представители буржуазии, доколе фактической руководительницей судеб России будет буржуазия, относительно этого мы, представители активного социализма, привыкли думать, что действия

правительства, особенно действия революционного правительства, они своей равнодействующей определяются отнюдь не портфелем, находящимся в руках той или иной партии, а определяются всецело фактическим соотношением в стране.

В этом отношении знаменательными являются некоторые факты русской революции. Вспомните, когда Милюков явился перед Петроградским Советом С. и Р. Д. и заявил, что он — министр, голос из толпы спросил: «а кто вас выбрал?», то Милюков ответил: «меня в частности выбрала русская революция!» Вот, г.г., ответ, достойный революционного момента, ответ, действительно соответствующий фактическому соотношению сил страны, ибо ясно, что революционная демократия в тот момент была абсолютна несорганизована. Она представляла собой силу только в Петрограде, а отнюдь не во всей стране. Поэтому те, которые были раньше сорганизованы, должны были раньше выдвинуться, т.-е. должна была выдвинуться буржуазия. Вспомните, что в составе Временного Правительства Керенский сказал: мой голос должен мощно звучать среди ваших голосов, потому что мой голос есть голос представителя демократии, ибо хотя демократия не сорганизована в стране, она все же представляет собой огромную силу, и эта сила должна, хотя бы посредством одного моего голоса, сказать свое решающее слово.

По существу, каковы же условия, при наличности которых можно было бы сказать, что вот уже наступил момент, когда возможно участие в составе Временного Правительства только социалистических элементов? Этот момент, г.г., определяется следующими условиями: во-первых, чтобы под знаменами революционной демократии России было сорганизовано подавляющее большинство революционной демократии, а во-вторых, чтобы в распоряжении революционной демократии были все организационные и все технические элементы, без наличия которых управление народо-хозяйственными функциями жизни страны, управляемыми в настоящее время буржуазией, невозможно.

Когда мне скажут, что огромное, подавляющее большинство революционной демократии уже сорганизовано, сорганизовано под знаменами революции, когда мне скажут, что пролетариат обладает достаточным количеством представителей, которые могут взять в свои руки управление финансами, управление народо-хозяйственными функциями страны, тогда я скажу: да, наступил тот момент, когда можно отгородиться от буржуазии окончательно и решительно и всю власть взять целиком в свои руки без примеси буржуазного правительства.

Я утверждаю, что этого момента нет. Доказывать это не приходится. Все, что мы слышали отсюда, вся дезорганизация, которая вносится в промышленность благодаря некоторым действиям вольных казаков революции, доказывает с несомненностью, что это положение абсолютно верно; но не для полемики взошел я на кафедру, я хотел обратить внимание Съезда на другое обстоятельство, которое грозной тучей нависло над делом революции: это — разруха, одна из тех многочисленных разрух, которая грозит России такой страшной опасностью. Это разруха революционного сознания.

Товарищи, все вы не новички в деле революции, и если не все ее проделали, то все старались вдуматься в ее силу, и вы знаете, что, по существу, подготовка всякой революции направляется двумя путями: не только сознания и организации сил революционных, но путем организации революционного настроения, революционной психики, революционного сознания. И вот, с этой точки зрения, как раз я вижу, что делу русской рево-

люции грозит огромная, непоправимая беда, заключающаяся в том, что это революционное сознание на местах раскалывается, разрушается с каждым днем все более и более. Я не имею времени, чтобы обосновать это, и мне придется выставить только голое положение: причина этого заключается в том, что огромное количество демократии, принимающей участие в первой революционной работе, не смогло войти в пределы партии; партии не смогли переработать в своем составе, не смогли дисциплинировать их волю, их сознание. В результате получилось, что эта огромная масса без единой [воли], направляющей революционное сознание, колеблется в отношении к явлениям жизни; она идет зыбью, с уклонениями; она нерешительно вырабатывает свои мнения. К этому еще прибавляется плюс то обстоятельство, что известные партии, пользуясь наличностью революционного настроения, недостатком революционного сознания, толкают эту массу на розничные выступления и тем выбивают ее из единого русла организационной революционной деятельности. Что же мы видим в результате этого? Мы видим следующее явление: в тот момент, когда необходимо в центре принимать энергичные, решительные меры, не терпящие никаких отлагательств, Временному Правительству приходится, прежде чем принять какую-нибудь решительную меру, ждать, когда со всей страны последует одно за одним проявление определенного отношения революционной демократии; только тогда, когда скопятся понемногу, день ото дня, эти определенные настроения и мнения, только тогда Временное Правительство имеет возможность предпринять что-нибудь решительное и часто, быть может, слишком часто, этот решительный шаг оказывается несколько запоздалым. (Рукоплескания.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово принадлежит тов. Лебскому.

ЛЕБСКИЙ. Товарищи, мы должны выяснить свое отношение к Временному Правительству: идет ли речь о том, чтобы выразить безоговорное доверие нашим представителям, даем ли мы им «карт-бланш», говорим ли мы, что такое безоговорное, такое полное доверие удовлетворило бы нас и их? Я утверждаю, — что нет, что о таком доверии и не может быть речи. Доверие будет иметь тем больший вес, чем сознательнее будем мы относиться к их деятельности.

В этом смысле нужно признать, что те доклады, которые были прослушаны нами здесь, показали нам, что если на местах мы недостаточно организованы, если [1]) там революционная демократия не создала никаких крепких [2]) органов, которые позволили [бы] успешно [3]) демократизировать страну, то и здесь, в центре, имеется также много дефектов, много пробелов в организации центральной власти. И наши представители этого не скрывали. Мы должны прежде всего, на мой взгляд, поставить вопрос ребром: каким образом можно установить тесную связь между революционной демократией на местах и центральной властью, которой мы доверяем.

Мы можем облекать полнотой власти наших представителей, мы можем говорить, что они являются ответственными, делегированными лицами революционной демократии, но это обязывает нас к определенному, точному ответу на вопрос: каким образом связать провинцию с этой центральной властью? Вы знаете, и здесь тов. Церетели это признал, что посылки комиссаров на места были неудовлетворительны и не отвечали неотложным нуждам ни провинции, ни центральной власти. Вы знаете поэтому, что если на этом Съезде не будет избран такой всероссийский центр, который связал бы эту провинцию с центральной властью, если не будет той опоры

---

[1]) В подлиннике далее следует: «их». — [2]) В подлиннике: «липких». — [3]) В подлиннике: «неуспешно».

для центральной власти и для нас, при которой деятельность правительства была бы ясна и понятна, и при которой то, что мы делаем на местах, было бы понятно нашим представителям здесь, то Съезд цели не достигнет.

Товарищи, нам министры говорили, что они нуждаются в опоре. Но мы знаем, что и мы нуждаемся в опоре: мы нуждаемся в том, чтобы политика Временного Правительства была бы последовательна, чтобы эта политика была бы ясна массам, чтобы декларация правительства действительно проводилась в жизнь. С другой стороны, мы знаем прекрасно, — я могу говорить о своем городе, но каждый из вас это знает, — как хаотично идет работа на местах, как неорганизована эта революционная демократия.

И вот, я думаю, что до созыва Учредительного Собрания всероссийский центр должен быть такой опорой, должен служить тем передаточным пунктом, который будет знакомить страну с деятельностью Временного Правительства и будет нашим товарищам передавать то, что мы делаем там, на местах.

Я думаю, товарищи, что если те, которые слева говорят о создании коалиционного парламента, если бы они считались с тем фактом, что даже при условии осуществления плана, если бы мы решились объявить себя таким революционным парламентом, то и тогда, с их точки зрения, в виду того, что огромная масса представителей далека от их взглядов, они, разумеется, ничего бы от этого не выиграли, ибо ясно, что раз мы отказываемся вместе с ними потворствовать, вернее, внушать массам определенные лозунги о возможности какой-то специфической рабочей революции, о которой сегодня говорится в «Правде», [106] и если, с другой стороны, сегодня Милюков в «Речи» вполне определенно заявляет, что, по его мнению т.т. Ленин и Троцкий действительно не имеют права свободно разгуливать по Петрограду, [107] то это значит, что, во-первых, мы должны создавать оплоты русской демократии на местах, мы должны требовать от революционного правительства энергичной борьбы с контр-революцией посредством тех же организаций.

Когда у нас в Самаре началась так называемая алкогольная революция, [108] когда в продолжение нескольких дней громили винные склады, то только путем сильной власти, употребляющей те методы борьбы, которые теперь в Томске и в других местах употребляются, можно бороться не только с проявлением анархии, но и с проявлением контр-революции. Я думаю поэтому, что создание такого всероссийского центра должно прежде всего всем нам указать определенный путь в смысле сплочения тех расщепленных, распыленных частей революционной демократии, которая находится на местах; а с другой стороны, выражая доверие нашим товарищам, мы должны им прямо сказать, что там, в глуши, в провинции, многие имеют весьма неточное и очень смутное представление о том, что делает это Временное Правительство, какие реформы оно проводит.

Если у нас, например, на Трубочном заводе даже партийный заводский комитет из товарищей большевиков был смещен, потому что не провел реформу страхования рабочих, [потому] что он не выработал одинакового тарифа заработной платы для всех рабочих, то это свидетельствует только о том, что масса не организована, что ни рабочая, ни крестьянская, ни солдатская масса на самом деле не является такой революционной демократией, которая выявляет свою физиономию. Выявить физиономию этой революционной демократии, указать на ее задачи, на ее права, на ее обязанности, — вот, по моему мнению, то, что мы должны делать. Те, которые работают здесь, должны помнить, что только тесное общение через революционные

органы революционной демократии обеспечивает им эту опору. Тогда, товарищи, я думаю, наш Съезд действительно явится не только преддверием к Учредительному Собранию, но явится тем, я бы сказал, коридором, по которому революционная демократия войдет в это Учредительное Собрание.

Если этот всероссийский центр окажется достаточно гибким и работоспособным, то задача Съезда будет осуществлена. Если этого мы не достигнем, то все заслушанные нами доклады, все речи в пользу правительства и против правительства, все резолюции, которые будут нами приниматься по рабочему, солдатскому и крестьянскому и другим вопросам, — они останутся только резолюциями, и, в конечном итоге, мы уедем разочарованными.

Кончая свою речь, я хочу указать еще на один следующий пункт. Когда происходит социальная ломка в том масштабе, как это мы видим теперь, то и анархия, и контр-революция, разумеется, не являются чем-то случайным. Не было революции, где бы не было анархических проявлений; не было революции, которая не сопровождалась бы контр-революционными попытками, и это нас не должно смущать. Я скажу более,—нас, может быть, в значительной степени должно радовать, что мы имеем здесь не только правую часть нашего почтенного съезда, но мы имеем и левую часть. Я думаю, что товарищи слева, которые, чувствуя, я бы сказал, известную безответственность в своей позиции, считают себя в праве говорить о том, о чем мы лично не считаем себя в праве говорить, что этим самым они выясняют и нашу позицию. Я думаю поэтому, что борьба мнений, что борьба между отдельными отрядами революционной демократии не столь опасна, как распыление, как отсутствие цемента в нас самих на местах. Вы знаете прекрасно, что не только работа в Советах Р. и С. Д., но что все проявления деятельности этих Советов страдают часто неопределенностью, страдают часто отсутствием определенного плана. И поэтому те, кто говорят о том, что деятельность правительства недостаточно энергична, они забывают о том, в какой атмосфере приходится работать здесь, ибо они знают, что когда в каком-нибудь месте начинаются волнения, то эти волнения сразу выбрасывают нас из колеи, и мы сразу как будто теряем нить. А когда органу центральной власти приходится работать в атмосфере постоянного непрерывного напряжения, когда ему действительно приходится давать не только директивы определенные, но заменять и законодательную власть,— а, ведь, нужно сказать, что трагизм положения заключается именно в том, что нет пока того законодательного аппарата, на который опиралась бы исполнительная власть, — тогда все эти нападки, все эти упреки в высокой мере являются необоснованными и несправедливыми.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Тов. Лебский, ваше время прошло.

ЛЕБСКИЙ. Я кончил, товарищи. (Рукоплескания.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово принадлежит тов. Ногину.

НОГИН. Товарищи, я начну с той мысли, о которой только что сейчас еще раз повторил предшествовавший оратор.

Во многих Советах, во многих собраниях товарищей большевиков обвиняют в том, что они не чувствуют той ответственности, которую возлагает на них та работа, которую они ведут. Их впервые назвали партией безответственной. Я подчеркнул при этом, что особенно часто стали нас называть безответственными с тех пор, как представители товарищей меньшевиков, социалистов-революционеров оказались в правительстве. Я не знаю, товарищи, только ли поэтому мы стали безответственными, или же потому, что товарищи меньшевики почувствовали особую ответственность на своих плечах.

О том, как мы работаем на местах, действительно ли мы только дезорганизуем, я не буду, товарищи, здесь вам это докладывать [1]). Всякий честный товарищ, знающий, что мы делаем, не поддающийся влиянию таких газет, как «Русское Слово», «Русские Ведомости» и «Русская Воля», и других, поддерживающих эту мысль органов печати, всякий честный товарищ знает, что мы сознаем ответственность и работаем.

Теперь, товарищи, дальше. Говорят о том, кто здесь проявляет больше чувства ответственности перед тем, что поставила перед нами жизнь. Мы, товарищи, с самого начала работ этого Съезда говорили, что это не простой съезд, что это собрание носит особый характер и что решения, которые мы здесь принимаем, наложат глубокую печать на все последующее развитие нашей жизни. И мы, товарищи, говорим, что по этому вопросу, который поставлен нами сейчас на очередь, мы должны отнестить ко всему тому, что здесь говорится, с сугубым вниманием. Мы говорили, что по отношению к правительству нам нужно прежде всего знать положение дел в стране. И мы старались всякими путями добиться того, чтобы были здесь заслушаны доклады, которые бы действительно дали нам подробную характеристику того, каково же положение дел в стране.

К сожалению, несмотря на то, что ответственные партии в меньшинстве, несмотря на то, что им давно нужно было бы быть особенно заинтересованными, несмотря на то, что они доверяют не только тем товарищам министрам-социалистам, которые вошли в министерство, но они доверяют всему министерству, представителям буржуазии,—а что они им точно также доверяют, видно из того, что постоянно говорится о поддержке всего правительства, — до сих пор из ваших рядов не раздалось ни одного требования, чтобы на эту кафедру пришли те люди, которым они доверяют, чтобы эти люди нарисовали нам картину того, что они сделали. И если бы они пришли, может быть, и нам и вам легче было бы разобраться в тех вопросах, которые перед нами стоят.

Может быть, товарищам социалистам, занимающим определенные портфели, мы бы облегчили их доклады. Они не стали бы выступать в роли специалистов на все руки. И, может быть, гражданин Шингарев сделал бы нам более подробный доклад о финансовом положении, чем тот доклад, который сделал нам тов. Скобелев. И я думаю, вы его встретили бы совершенно иначе, внимательнее отнеслись бы к некоторым указаниям на то финансовое положение дел в стране, которое сейчас наблюдается, и, может быть, он вам также рассказал бы финансовое положение страны, как он докладывал это на продовольственном съезде [109]. На продовольственный съезд он счел нужным явиться, сюда же он не считает пока нужным притти; он не думает, что здесь надо также разъяснить все, так как есть разница между Съездом Советов и продовольственным съездом, — там были представители буржуазии, здесь их нет. Может быть, поэтому он не хочет к вам притти.

Дальше, товарищи. Мы были очень рады, когда тов. Пешехонов своим докладом совершенно изменил ту атмосферу, которая была на этом Съезде. До тех пор единственным центром внимания всего Съезда был вопрос об отношениях правительства, как такового, не к вопросу о положении в стране, а о том, прав ли тов. Ленин или нет, удачно ли он сказал или нет, какова линия большевиков. Центром внимания всего Съезда были большевики. Мы, понятно, очень вам благодарны за это (рукоплескания), потому что, как-никак, но обсуждение этого вопроса способствует

---

[1]) В подлиннике: «доказывать».

распространению наших взглядов, и, понятно, мы сможем сейчас доказать вам ваши заблуждения. Но все-таки если этот Съезд деловой, то он должен был быть поближе к вопросу, как тов. Пешехонов. И я должен сказать, что тут вы в этих-то именно вопросах недостаточно внимательно разобрались; тут обнаружилось, что ваше отношение к докладу Пешехонова немножко иное, чем на продовольственном съезде.

Товарищи, положение дел действительно трагично, и продовольственный съезд признал, что в стране уже началась катастрофа, что положение промышленности таково, что дальнейшее продолжение войны невозможно, что ее немедленно нужно прекратить. Совершенно определенно резолюция продовольственного съезда говорит, что вмешательство в государственно народную хозяйственную жизнь должно быть всестороннее и равномерное, оно должно быть осуществлено немедленно. И дальше, эта резолюция говорит: полное разрешение этой задачи невозможно без прекращения губительной войны, которая разрушает народное хозяйство. И там, товарищи, было совершенно ясно и определенно указано, что если война продолжится без всяких изменений, если никаких сугубых мер не будет принято, то мы, действительно, станем перед такими явлениями, которые парализуют жизнь страны совершенно.

Докладчик Переверзев указал, что к осени целый ряд железных дорог должен стать. Докладчик Баранов заявил, что во всей России имеется только одна фабрика — бумаго-прядильная, у которой есть достаточно хлопка для того, чтобы работу продолжать до 1 января; во всех же остальных никаких запасов нет. С топливом, с электрической энергией положение дела таково, что все это грозит остановиться в ближайшую минуту. И вот вместе с этим обнаружилось, что надо принимать героические средства. И в требовании этих героических средств тов. Пешехонов проявил то отношение к вопросу, которое поддержки продовольственного съезда не получило. Это отношение к вопросу таково же, как и у тов. Скобелева. Разрешение этих задач, которые поставила перед нами жизнь, они оба думают сделать благодаря тому, что буржуазия поможет этому положению и проявит свой патриотический призыв, отдаст и капиталы и энергию на службу стране.

Мы должны заявить, что продовольственный съезд с этой точкой зрения не согласился; он подчеркнул в своей резолюции, — мы вам на это указываем, — что такое разрешение вопроса мыслимо лишь тогда, когда целый ряд мер обеспечит положение для пролетариата иное, чем то, которое в настоящее время происходит. Буржуазия же не намерена итти по этому пути; об этом совершенно ясно говорит тот факт, который вам уже здесь тов. Троцкий напоминал, о том, как относится к данному вопросу буржуазия.

Товарищи, совсем не случайность, что Коновалов отказался от своего места в правительстве в момент продовольственного съезда. После того, как продовольственный съезд наметил ряд действительно решительных мер, без которых коренное изменение положения промышленности немыслимо, он вышел из министерства.

Я, к сожалению, не могу закончить своей мысли, так как время моей речи прошло, но вкратце она сводится к тому, что только тогда, когда вы действительно поймете свою ответственность, только тогда, когда вы возьмете бремя на свои плечи, тогда вы найдете выход. Мы не доверяем буржуазии, а доверяем вам; так как мы знаем, что вы своих интересов не продадите, товарищи. (Рукоплескания.)

СУХОВ. Товарищи, прежде всего я хочу начать с одного заявления: что хотя мы здесь вступаем в разногласия друг с другом, но тем не менее мы все социалисты, мы все товарищи. И многие из тех людей, которые

имеют за собой партийное прошлое, не должны забывать, что эти два ближайших сектора долгое время были вместе. И я думаю, что воспоминание о тех временах, когда мы были едиными, это воспоминание должно руководить нами и в наших спорах. Если ошибки тех или иных из нас приведут к краху, я думаю, мы все вместе три сектора будем чувствовать себя одинаково ответственными. (Рукоплескания.)

Я думаю, что с этой точки зрения сознания своей ответственности перед всей страной, перед всей революцией, с этой точки зрения мы, несмотря на разногласия, все же едины. Товарищи, тем не менее, несмотря на единство, нам приходится критиковать друг друга, и вот с этой точки зрения я хотел бы указать на то, что, по моему мнению, одно из наших крыльев забывает о двух основных принципах: первый принцип, это — необходимость сохранить единство революции, как все равно наша резолюция о войне на Всероссийском Совещании говорила, что всякое крушение фронта было бы несчастьем для революции, так и в этом деле в единстве революционной армии то же самое единство, целостность фронта, — первое условие для всякой нашей победы. Второе условие, второй принцип, это — использование всех сил, которые в настоящий исторический момент не изжили целиком своего революционного содержания.

Товарищи, когда бросаются те или другие лозунги, то надо посмотреть не на то, как они воспринимаются, как они обнаруживаются в сознании масс таких крупных центров, как Петроград и Москва. Нет, товарищи, загляните в провинцию, например, заглянем к нам, в Область Войска Донского, как там на деле осуществляется захват власти, к каким иногда юмористическим формам и проявлениям он приводит. Вы все слыхали о кирсановской республике. Не знаю, слышали ли вы об урюпинской республике, а была и такая [110]. Там, к нашему счастью, во главе стояла революционная социал-демократия. Кто же был там, кто составлял ядро? Я позволю себе перечислить: Селиванов, бывший неоднократно в психиатрической лечебнице, Селиверстов, освобожденный от воинской службы по слабоумию, выживший из ума дьякон Федор, лет 75, и сзади их всех провокатор — перводумец Клавдий Иванович Афанасьев. И вот эта милая компания стояла в центре урюпинской республики, и граждане урюпинцы по крайней мере недели две переживали состояние хронического землетрясения. (Рукоплескания.)

Товарищи, я не могу сказать, что такое состояние особенно способствовало популярности социал-демократов, и нужны были все усилия, чтобы доказать, что их тактика не социал-демократическая, что на самом деле мы интересуемся не отдельными маленькими недоразумеиями, не отдельными захватами власти, а что мы имеем в виду гораздо более широкие задачи и интересы — единство революционного движения.

Товарищи, я вам привел один мелкий пример, таких примеров еще нашлось бы, и вот, интересно, о захвате власти, в сущности говоря, можно спорить, целесообразен он или нецелесообразен, если находиться в Петрограде или в Москве, где задачи революции кажутся более или менее решенными. Но ведь у нас не только правительство временное, а иногда кажется, что у нас вся ситуация, все положение дел временное, иногда кажется, что все решительно можно взять в свои руки, и в этой революционной атмосфере все и порождает проекты и планы; но спустимся в провинцию, и там мы увидим картину, мало похожую на торжество революции.

Дальше, товарищи, сюда же относится стремление, по моему мнению, слишком далеко идущее стремление, ответить по возможности скорее на требования всевозможных национальностей на немедленное отделение. Товарищи, я возьму два примера: один — не с Дона, другой — с Дона. Веро-

ятно, вы все, товарищи, читали про национально-литовский съезд. Вы все, вероятно, читали, что там были две партии, две основных группы — правый блок, руководимый ксендзами, и левый, который состоял из социалистов, народников и марксистов. Что же получилось? Именно, правый блок и вынес резолюцию о немедленном отделении Литвы. Как же поступили социалисты-литовцы? Они ушли со съезда и заявили, что они не желают отмежевываться от единой русской демократии. Товарищи, я думаю, этот яркий пример литовского съезда, который учел необходимость единства революционного фронта, этот пример должен послужить и нам всем [111]. (Рукоплескания.) Вот как действует настоящая демократия и социалистические элементы разных национальностей, и если мы пойдем слишком далеко навстречу тем требованиям, которые время от времени слышатся с разных съездов, то мы, может быть, будем итти навстречу реакционным, консервативным группам и поэтому играть во всяком случае не в руку революции, а в руку реакции.

Теперь я беру пример с Дона. Мне осталось две минуты. Я не могу развить свою мысль. (Голоса: «Просим».) Я прошу еще 10 минут. (Голосуется и принимается продолжение речи на 10 минут.)

Вам всем, вероятно, известно из газет, что там собрался недавно, и сейчас еще, может быть, идет казачий круг, а раньше производились казачьи съезды, вернее, казачий союз, который вдохновляет в значительной степени казачий круг. Основным его принципом является защита так называемой, самобытности, которая в корне сводится, по смыслу по крайней мере, к защите всевозможных национальных требований. Кто же стоит в этом казачьем круге? Как выражаются казаки, — «самая войсковая старшина». Это люди, имеющие крупные поместья, люди, которые с войскового земельного фонда имеют огромные поместья, и эти самые люди хотят под покровом самобытности сохранить эти самые земли.

Они говорят: «Мы все казаки. Между нами нет классовой розни, между нами нет буржуазии и пролетариата, и мы должны отстаивать наши общие казачьи интересы». И они выстраивают казаков решительно всех классов, всех групп единым фронтом против иногороднего населения, которое составляет около 60% всей области. Если бы мы сразу откликнулись на требования этой самой автономии, сразу согласились, с одной стороны, мы пошли бы на потерю прав значительной части иногороднего населения, а это не в наших интересах. К этому иногороднему населению относятся многочисленные рабочие Донецкого района, которые находятся в области Войска Донского; кроме того, мы должны прислушаться к тому, что говорит демократическая часть казачества. Это особенно Хоперский и Усть-Медведицкий округа. Они говорят, что нам не по дороге с такими резкими идеями: для нас, — крестьян по крайней мере, — те, которые живут бок-о-бок, они нам братья. Мы сами — тоже трудовые казаки. Вы видите, и здесь демократическая часть населения не идет так легко за левыми течениями.

И если бы вы моментально решили отделить все, что хочет отделиться, [то] сыграли бы в руку реакционным, а не революционным элементам той или другой области, т.-е. не тем элементам, которые являются нашими естественными союзниками. Поэтому, товарищи, я призываю решительно всех без различия фракций понять, что, конечно, мы все стоим здесь за одну платформу. Здесь нет ни одного человека, который стоял бы на другой платформе. Все стоят на платформе самоопределения национальностей, но сейчас, в беспокойную пору, когда каждый раскол сил привел бы к страшным последствиям, будем относиться серьезнее, к тем требованиям немедленного отделения [от] демократической России, представляющей всю Россию.

Россия достаточно велика и сознательна, и сильна, и достаточно правдива, что, когда мы в Учредительном Собрании разрешим все такие вопросы, ее слову будут верить решительно все. Товарищи, я говорю, что такие примеры показывают, каким образом лозунги, бросаемые отсюда, воспринимаются там у нас, в далекой провинции. И я скажу еще, что надо помнить, что вот опять-таки, если мы поглядим на то же самое казачество, если мы обратим внимание на его революционно-демократическую часть, то как на нее влияют хотя бы наши лозунги о захвате власти. И здесь, товарищи, они пугаются этого самого захвата, — на Дону даже демократические элементы казачества, например, принимают великолепно Шингарева, они также принимают Керенского, они примут любого из представителей нынешнего правительства, — у них во всяком случае еще не настолько велико сознание, чтобы так различать отдельных представителей правительства, и если мы пойдем легко по пути смены правительства, легко будем предпринимать крутые ломки, то как раз эти демократические элементы, но недостаточно разбирающиеся, мы можем прямо толкнуть в объятия различных черносотенцев, прямо в объятия бывшего социал-демократа, бывшего камергера и вообще бывшего человека Леонова, — там есть такой. И вот почему, товарищи, я и здесь предлагаю, если вы хотите, чтобы не только Петроград и Москва шли за вами, но и вся провинция, учесть это.

Товарищи, мы — представители в большинстве случаев маленьких городов, маленьких центров, но именно это наше положение вернее показывает картину всей России. Именно маленькие центры гораздо лучше отражают численность отдельных классов, отдельных групп во всей России. Какой-нибудь Новочеркасск со сравнительно небольшим рабочим населением, которое тонет в мелкой и крупной буржуазной массе основного населения, гораздо вернее отражает условия жизни во всей России, чем Петроград или Москва. Я предлагаю каждый раз при своих резолюциях, при своем поведении исходить из учета сил, из учета реального соотношения сил именно во всей провинции. К тому же, товарищи, я думаю, что как бы ни относились даже товарищи большевики хотя бы к Временному Правительству, даже они должны признать, что работа наших представителей делается добросовестно. Надо признать это и надо признать, что срок до сих пор для работы был дан сравнительно небольшой, и потом мы должны признать, как на это много раз указывалось, что только тогда, когда за нашими министрами будет достаточно организованной силы, когда мы можем оказать им поддержку, они в состоянии будут оправдать полностью наше доверие, которого без нашей поддержки они не смогут заслужить. Поддержка и доверие, это — один аккорд, из которого нельзя вырвать ни одной ноты, иначе получится во всяком случае не та гармония революции, которой мы желаем достигнуть. Товарищи, я говорю, что на это надо обратить самое серьезное внимание.

Обыкновенно, занимаясь арифметикой, говорят: у нас там пять представителей, у буржуазии десять и т. д. Товарищи, когда за нашими пятью представителями будут стоять десятки миллионов организованной массы, эти пять человек получат гораздо больший удельный вес, чем десять остальных. Не цифрами надо оперировать здесь, а тем удельным весом, который получат наши представители в зависимости от нашей поддержки.

И вот, товарищи, я заканчиваю, думаю, что необходимо единство революционного фронта, нужно предостерегать самих себя и других от всяких выступлений, которые ведут к распылению революции, а пока в глазах огромной массы населения Временное Правительство является таким центром, около которого можно сплотиться. Постараемся нашим организованным да-

влением и поддержкой придать нашим представителям в правительстве такой вес, что это правительство не только по форме, но и на деле будет представлять действительно такой организующий центр. (Аплодисменты.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово имеет Советов.

СОВЕТОВ. Дорогие товарищи, один из ораторов сказал, что здесь не слышно голосов низов. Я, крестьянин, в свою очередь, скажу о том, как говорит и выражает доверие и отношение к Временному Правительству крестьянство. Крестьянство всецело присоединяется к Временному Правительству; если оно не верило в правительство Николая, кровавого палача, и его приспешников, то как же оно не будет верить народному правительству, избранному вами? Я просил бы, в свою очередь товарищей, как я старый ветеран революции, быть объединенными в этом отношении между собой и быть согласованными в одну общую революционную армию, а то у нас является какая-то разобщенность. Ведь мы все одинаковые социал-революционеры и придем к единому — к равенству, братству, свободе и разумной воле. Тогда только поблагодарит нас наша святая Русь, наше крестьянство. Пусть будет родина не мачехой, а родной матерью, иначе оно нас при нашем разъединении проклянет и наших борцов за свободу также. (Аплодисменты.)

ШУМЯЦКИЙ. Товарищи, десять минут, которые даны мне, мне придется разделить не в пользу того материала, каким я располагаю.

Я—представитель Красноярска, той благословенной красноярской республики, о которой с легкого почину одного из товарищей здесь особенно прокричала так падкая на эту республику благословенную уличная печать. Товарищи, все то, что вчера сказал товарищ относительно Красноярска, ни в какой мере неправдоподобно: не было ни одного ареста комиссаров, не было разрушения транспортов, не было не только такого порядка, как я разъяснил вам его в этих двух словах, но там было нечто большее, чем мои голословные разъяснения: было фактическое признание со стороны комиссаров Временного Правительства единственно целесообразным того порядка, который установил Красноярский Совет в отношении регулирования транспорта.

Вот что там было: речной транспорт, поставленный в условия страшнейшей эксплуатации населения, играет вспомогательную роль при акционерном обществе, которое преследовало совершенно не транспортные цели, а цели биржевого ажиотажа на бумагах пароходства. Красноярский Совет, считаясь с прямой задачей транспорта, заставил его служить целям перевозки и провозу грузов и поднял норму перевозок и продовольственных грузов, по признанию речных комиссаров Временного Правительства, особенно назначенных из речного округа, поднял на максимальную высоту. Точно также, товарищи, для того, чтобы обеспечить возможность беспрепятственных и свободных перевозок войск отпускных солдат, Красноярский Совет мерами реквизиции части перевозок, части пассажирских пароходов также по соглашению с пароходовладельцами обеспечил их выдачей временных реквизиционных квитанций, на которых стоит штемпель того Временного Правительства, которому многие из вас доверяют. Мы обеспечили возможность перевозки без всяких эксцессов всей массы отпускных солдат. У нас на этой громадной водной артерии, Енисее, не было ни одного случая, когда бы солдатская масса при помощи самосуда вносила коррективы водной перевозки. Не было таких случаев и в нашем железнодорожном хозяйстве, управляемом нами, а не теми, кому мы доверяем, не было, товарищи, и такого случая, чтобы какой-нибудь комитет был раскассирован, выражаясь мягко. Все комитеты, включая и комитет общественной безопасности, кото-

рый ничего общего не имеет с революцией, а есть, напротив, орган контр-революционный, существуют до сих пор, как те мертвецы, какие существуют у вас здесь, в Петрограде.

Вот те главные вынужденного характера разъяснения, но я думаю, что мысль этих разъяснений сводится вовсе не к обсуждению этих фактов,— их я буду иметь возможность освещать и иллюстрировать в секциях продовольственной, по транспорту и других. Я этими фактами апеллирую к вам, товарищи, опять-таки чтобы не давать уличной буржуазной печати муссировать этот вечный и вечный вопрос, который ставится исключительно с контр-революционными целями: вопрос о сепаратных, розничных республиках.

Товарищи, мне хочется в следующей части своей речи указать на то обстоятельство, что всякая такая постановка вопроса есть вечный страх, более того, вечная борьба революционного центра, центра, находящегося в робких руках. Вечная борьба с местами создает, действительно, ненормальный язык, на котором говорит, с одной стороны, центр, и другой язык, на котором говорят места. Сегодня товарищ Скобелев, в качестве министра труда, попытался понять этот местный язык и говорил о том, что необходимо в целях борьбы с разрухой опереться на почин и на работу мест. Это не то, что говорилось раньше; это то, что говорили всегда мы. Я попытаюсь вам показать, как не желали [этого] все время из тех сфер, в которых работают тов. Скобелев и другие социалисты-министры, попытаюсь вам показать, как этот революционный центр или Временное Правительство отнеслись к тем действиям, которые диктовались объективными условиями самого острого момента революции.

Вчера тов. Церетели говорил, что очистка местных властей в Иркутске, где он был председателем одной из крупнейших организаций, была произведена в острый момент революционной борьбы и явилась актом напора этой силы. Точно таким же актом явилась смена известного на всю Россию погромщика, убийцы Караваева, депутата Екатеринославской губернии, Гололобова, губернатора Енисейской губернии, губернским городом которой является Красноярск. И вот с первого момента, когда Гололобов был в первые дни революции арестован, издано товарищем социалистом министром, — вы знаете, конечно, его имя: Керенским, — требование к Красноярскому Совету о его немедленном освобождении.

И Красноярский Совет, арестовывая и отстраняя Гололобова, вовсе не рассматривал его, как погромщика всей России, — он считался с ним, как с организатором местного розничного антиеврейского погрома в 1916 г. в г. Красноярске. И вот ряд телеграфных указаний и предписаний, которые шли из центра и его министерства юстиции, из революционного центра. И в первые же дни произошел конфликт, когда после ряда телеграфных предписаний Красноярский Совет обязан был подчиниться безоговорочно этим предписаниям. И, несмотря на то, что в распоряжении Керенского имелись материалы следственного характера, на которых стоял штемпель прокуратуры, материалы, которые заставляли рассматривать Гололобова, как местного погромщика, несмотря на это, недоверие к местным силам, которое так крепко внедрилось в сознании Временного Правительства, особенно первого созыва, заставило поставить острый вопрос об освобождении Гололобова.

Так создался первый конфликт, который, выражаясь мягко, создал у нас вопрос о Красноярской республике. И вот, товарищи, через два с половиной месяца, после тщательной проверки в центре и после того, как заработала машина министерских исходящих, после того, как предписания из Петрограда старым бюрократическим путем посыпались на место и с места,

этот губернатор оказывается привлеченным за те преступления, за которые привлекал его к суду по постановлению подлежащей власти Красноярский Совет. Вот подоплека тех розничных действий, того сепаратизма, который отделяет места от центра.

В заключение своей речи я хочу вам, товарищи, указать, что недоверие к местному революционному почину является результатом нежелания работать совместно с теми революционными организациями на местах, которые существуют. Это недоверие и создает ряд отдельных республик, которые существуют только на страницах продажных газет. (Аплодисменты.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Тов. Чукалинский. (Отсутствует.) Тов. Арбатов.

АРБАТОВ. Товарищи, я снова обращусь сейчас к той идее коалиционного правительства, которая столько занимала наши умы и которая сейчас, как проблема, поставлена перед нами. Противники коалиционного министерства и его идеи обычно говорят нам: кто первый поставил эту идею, кто первый стал добиваться ее, кто первый закричал о ней? И отвечают: буржуазия, буржуазная печать, буржуазные министры. Я могу ответить на это вот что. Кто сказал о захвате власти, кто сказал: власть в руки Совета Р. и С. Д.? — и отвечу: министр торговли и промышленности Коновалов, бывший военный [министр] Гучков. Очевидно, дело не в этом. Ибо я тогда могу сделать вывод, что наши товарищи слева помогают поддерживать эту идею. Очевидно, дело в тех чаяниях, которые возлагала буржуазия тогда и которые она возлагает сейчас.

И вот нам говорят: буржуазия хотела часть ответственности переложить на нас, социалистов, и за нашей спиной проделывать свои грязные делишки. Прекрасно; а я скажу, что Коновалов говорил о том, что он передает власть в руки Совета Р. и С. Д. или что он хочет передать; он хотел всю ответственность снять с буржуазии и снять с себя и всю ее переложить на нас. Но вы скажете тогда: почему об этом не говорят, почему об этом не кричат? Ведь мы имеем только два голоса — Коновалова и Гучкова.

Еще, товарищи, силен национальный инстинкт, силен гражданский инстинкт наших промышленников, нашей крупной буржуазии, но вы дождетесь решительных шагов. Пройдет время, пройдет месяц, другой, три, и они закричат и пойдут рука-об-руку с товарищами большевиками: «Ради бога, возьмите власть, ради бога, освободите нас от ответственности». И вот здесь посмотрим, к чему приведет эта власть, и если мы снимем эту ответственность, освободим их от этих векселей, то тогда и придет та открытая борьба, вот тогда и явится к нам Родзянко, которого так боится тов. Троцкий, тогда-то и поставит своего Гучкова, и вот тогда и придет то, чего опасается тов. Троцкий в другом смысле.

И если теперь мы обратимся к результатам этих чаяний, и если сейчас мы проанализируем, оправдала ли надежды буржуазия, то мы придем к совершенно противоположным результатам. Тов. Троцкий говорит: «Да, они оправдались, да, буржуазия добилась своего, она проделывает свои грязные делишки, она саботирует наших товарищей министров-социалистов», — и, указывая на уход Коновалова, говорит: «Коновалов не сумел саботировать, он должен уйти». Но тов. Троцкий не указал, тоже саботировал [1]).

Я, товарищи, не буду говорить, я укажу на факт. Еще недавно мы имели приказ министра путей сообщений Некрасова, перестроивший всю жизнь железнодорожного ведомства на новых началах. И вы великолепно знаете, как всполошилось чиновничество и инженеры; вы помните комичную

---

[1]) Так в подлиннике.

картину, когда министр Некрасов сокрушенно заявил, что он был принужден издать этот очень левый приказ под влиянием некоторых обстоятельств [112]. Я не знаю, саботировал ли кого Некрасов или кто-то надавил на Некрасова, и если это так, если мы не видим той властной руки, которая водит пером буржуазных министров, то мы ясно понимаем, что они связаны, что они до некоторой степени представляют только собою граммофонную ручку, которую мы вертим, мы, русская социал-демократия. Но несмотря на то, что они связаны, они самым фактом того, что представительствуют в правительстве, связывают всю буржуазию и накладывают на нее известные обязательства, ответственность за происходящее в стране. И если вам дорога русская революция, не отдавайте этих векселей, товарищи, не рвите и не давайте рвать другим, ибо тогда наступит анархия и гражданская война, ибо министры являются, как я уже имел возможность говорить, лишь передаточным ремнем нашей государственной динамо-машины, электричеством же, движущим ее, эту машину,—наши товарищи-министры социалисты (аплодисменты), а генератором, источником этого электричества, — вы сами, русская революционная демократия. (Аплодисменты.)

Вот мы все, собравшись сюда со всех концов России, должны сказать так, что мы собрались сюда не для авантюр, не для хирургических экспериментов над и без того израненным телом русской революции, которые нам советуют [1]) дилетанты политической медицины, а для плодотворного настойчивого лечения, для труда и для дела. Вот для чего мы сюда съехались, и если это так, мы можем потребовать власти, но не той, о которой здесь говорят, а другой: мы должны создать орган, который будет оказывать помощь нашим товарищам и будет итти рука-об-руку вместе с ними в законодательной работе, и только тогда товарищи социалисты-министры станут на твердую почву революции, только тогда они смогут непреклонно и решительно проводить вашу волю, ваши решения, ваши задания. (Аплодисменты.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово имеет тов. Эрман.

ЭРМАН. Товарищи, как это ни странно, но я все-таки осмеливаюсь сказать, что у нас нет ни коалиционного министерства, ни коалиции. Товарищи, мы все, которые приехали сюда, ясно знаем, что все попытки создать коалиционное министерство, т.-е. примирить буржуазию в известных частях с демократией, это — совершенно праздные попытки, которые ни к чему не приводят и не могут привести, что повсюду, откуда бы мы ни приехали, мы находимся в процессе борьбы с этой самой буржуазией, с которой нас хотят здесь искусственно склеить, и какие бы мы искусственные меры здесь ни принимали, мы не наладим того, что хотят создать авторы коалиционного министерства, что хотят увенчать на министерских скамьях.

Товарищи, нет и самого коалиционного министерства, потому что каждое утро, когда мы просыпаемся и разворачиваем газеты, мы ждем, не ушел ли еще какой министр, не ушел ли еще кто-нибудь. В самом деле, стоит только предъявить какое-нибудь решительное требование, как наступает кризис самой власти, как немедленно кто-нибудь из министров столь же решительно уходит.

Когда потребовали проведения решительной иностранной политики, Милюков ушел, потому что не хотел быть только граммофонной ручкой, к чему его некоторые наивные господа хотят направить. То же самое и в области внутренней политики: когда мы потребуем [2]) решительного и определенного проведения наших требований, ни один буржуазный ми-

---

[1] Далее в подлиннике следует: «рецепты». — [2]) В подлиннике: «потребовали».

нистр не согласится на то, чтобы исполнять наши требования, и мы будем перед той хронической забастовкой, хроническим кризисом власти, которые есть и сейчас и, несомненно, будут продолжаться до тех пор, пока власть не станет однородной и не будет встречать сопротивления в своей собственной среде. Товарищи, наивно себе представлять, что те буржуазные министры представляют собою каких-то безответственных господ, которых можно направлять куда угодно,—они также ответственны перед своей партией, так же, как наши министры, и как скоро поведут политику, которая неугодна буржуазии, они должны уйти и уходят. Они сидят только до тех пор, пока там добиваются того, что нам нужно, а не авансом получают одобрение[1]) в то время, когда ничего не сделано в иностранной политике, ничего не изменилось, т.-е. фактически на место Милюкова пришел другой, который не мог добиться того, чего не мог добиться Милюков. Точно также в вопросе внутренней политики рекомендуется ограничение рабочего класса, т.-е. того, что нужно было Коновалову, и чего они не могли добиться, т.-е. фактически коалиционное министерство исполняет все то, чего не может исполнить буржуазный министр.

Это — факт, на который закрывать глаза нечего и который будет продолжаться до тех пор, покуда политика не будет поставлена резко и определенно. Если политика пойдет иначе, то будьте уверены, что сейчас же наступит тот период власти, который наступает, когда мы предъявляем окончательные и определенные требования. Нечего, товарищи, закрывать глаза и ждать, пока разразится общий кризис. Никакой парламент, никакая власть, которую вы будете давать министерству, не удержит буржуазных министров у власти,—они будут держаться «постольку—поскольку», и у вас есть только один выход укрепить это коалиционное министерство, это — отказаться от всяких требований, не претендовать на проведение той политики, которая нужна вам, делать ту буржуазную политику, которая угодна министру, и тогда не будет раскола, и останется неизменно целым то коалиционное министерство, которое мы имеем сейчас.

Затем, товарищи, как только мы уезжаем из Петрограда, когда мы минуем коалиционное правительство, то на местах, где нет коалиционного правительства, где есть один Совет С. и Р. Д., ему приходится осуществлять все какие угодно меры и требования: он отправляет маршевые роты на фронт, он занимается тем, что устанавливает проверку белобилетников на местах, производит контроль, он должен делать обыски во всех магазинах города, потому что он является на месте единственной властью и никто другой не имеет возможности претендовать на это. Товарищи, если вы будете устанавливать коалицию там, то я хотел бы знать, что вы сделаете на местах?

Совет Р. и С. Д. — не власть, но кто же на местах будет властью, к чему сведется ваша собственная политика, я реально этого себе не представляю. Я заявляю: или мы должны себя упразднить, или же мы должны взять эту власть и делать так, как делали до сих пор, т.-е. имея санкцию сверху, не получая наименования отдельных республик, как это делалось до сих пор. Ничего другого, товарищи, нельзя себе представить. Какое соотношение между вами и другой властью, я затрудняюсь сказать.

Затем, товарищи, вы должны сказать одно: до сих пор, по существу, еще не проведены те требования, которые вам нужны. Забастовки назревают всюду: назревает забастовка в Донецком бассейне, сегодня читали о том, что назревает забастовка на Николаевской жел. дороге [113]. Необходимо требовать прове-

---

[1]) В подлиннике: «наступление».

дения в жизнь того, что идет со стороны рабочих. Если, товарищи, на местах будут такие следственные комиссии, которые будут отправляться на места и которые не смогут урегулировать там дело, то мы будем стоять перед кризисом, и ни одна следственная комиссия ничего не сможет сделать. Есть только один выход: поставить в центре власть, которая не будет смущаться тем, что среди нее есть эти элементы, или отказаться от всяких требований и предоставить забастовки на волю божию, и мы будем тогда стоят перед забастовками на железных дорогах и перед забастовками железных дорог и заводов. По отношению к дезертирам теперь принимаются очень решительные меры. Это можно приветствовать, если бы это было не столь кардинально, но на местах кардинальные меры не принимаются в отношении других господ, которые скрываются там, на местах. Там принимаются меры против дезертиров солдат, но интересно знать, — почему эти меры принимаются по отношению к ним, но, как говорю, не к тем, которые скрываются на местах? Интересно знать, почему не принимаются эти меры: потому ли, что этого не хочет министр, или он не может этого сделать? На отдельных местах приходится сепаратным образом устанавливать ловлю и переосвидетельствование этих господ, которых министр почему-то не касается.

Точно также в области финансов приходится сидеть без средств не только казне, но и Совету Р. и С. Д. В то же самое время имеются огромные монастырские средства, которые почему-то не конфискуются. Интересно знать, почему они не конфискуются? Потому ли, что министр не может, или потому, что он этого не хочет, потому что наступит кризис власти и обер-прокурор Львов должен будет уйти? Я думаю, что для того, чтобы не было этой последней причины, для того, чтобы не было кризиса власти и чтобы забастовки внутри не продолжались, вы должны создать однородное министерство, т.-е. объявить себя парламентом, министерство же должно быть ответственно перед вами. Это есть выход из создавшегося положения. (Рукоплескания.)

.....[1]) Товарищи. Прошу со вниманием выслушать всех нижепоименованных товарищей: завтра, в 10 часов утра, вы должны явиться в мандатную комиссию, в комнату, где выдавались делегатские билеты. Эти товарищи следующие: (читает)[2]).

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Поступило несколько заявлений о прекращении прений. Я должен, товарищи, сказать вам, что о необходимости окончания этого вопроса было суждение сегодня в президиуме, где имеются представители фракций, между тем никто из членов президиума не предлагал, чтобы сегодня прекратить прения. Конечно, я не в праве не ставить этот вопрос сейчас, но боюсь, что выйдут недоразумения, если сейчас прекратить прения; поэтому не угодно ли передать на обсуждение президиума этот вопрос, где бы представители фракций имели возможность до чего-нибудь договориться? (Голоса: «Просим».)

Засим поступило несколько внеочередных заявлений, но я не могу их огласить, потому что по нашему регламенту внеочередные заявления предварительно рассматриваются в президиуме, а затем представляются на ваше усмотрение. Поэтому так и поступим в данном случае, а пока будем продолжать заседание. Слово принадлежит Попову.

ПОПОВ. Я вошел на эту трибуну для того, чтобы отнять у вас несколько минут времени по следующему вопросу. То, что я хочу сказать, это — фактическое замечание по поводу только что выслушанной вами речи товарища из Красноярска. Он опровергал сделанное здесь с трибуны заявле-

---

[1]) В подлиннике фамилия не указана. — [2]) То же.

ние тов. Никольского относительно той безалаберщины, которая в настоящее время наблюдается, и заявил, что тов. Никольский якобы почерпнул сообщенные им сведения из буржуазной прессы. Я должен вам сказать, что представитель от иркутского отделения Областного Бюро Совета Р. и С. Д. сообщил вам безусловно достоверные сведения. Они были получены в Иркутском Исполнительном Комитете, в Областном Бюро, а также в Иркутском социал-демократическом комитете... (Шум; не слышно.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Товарищи, прошу соблюдать тишину.

ПОПОВ ...присутствовал на Красноярской конференции, сведения им сообщенные достоверны. Скажу больше, сведения, сообщенные Никольским, были далеко не полны. Тов. Никольский не указал, что Красноярский Совет Р. и С. Д. проявляет, я бы сказал, мягко выражаясь, какое-то... (не слышно) отношение к Временному Правительству... (не слышно; шум).

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Товарищи, прошу соблюдать тишину, — стенографистки лишены возможности записывать речь оратора, потому что вследствие шума они ее не слышат...

ПОПОВ ...даже те шаги, которые предпринимало Областное Бюро... (не слышно)... тов. Никольский в полном праве сказать то, что он сказал. Товарищи, хотя вопрос об общей политике правительства имеет чрезвычайно важное значение, я лично полагаю, что этот вопрос достаточно разрешен, и поэтому я говорить об этом не буду. Я поднялся на эту кафедру только для того, чтобы поддержать здесь заявление, сделанное тов. Никольским. (Рукоплескания.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово принадлежит тов. Моисееву. (Отсутствует.) (Шум)... Я вынужден поставить вопрос: угодно собранию заседать или нет? (Голоса: «Просим продолжать».) Слово принадлежит тов. Поршневу.

ПОРШНЕВ. Товарищи, по вопросу о власти здесь часто высказывались в такой повышенной температуре, что, конечно, в пылу этих споров могли вырваться мысли, не совсем достаточно обдуманные, факты, недостаточно проверенные. В частности, я вошел на эту трибуну для того, чтобы еще лишний раз восстановить в должной степени один из примеров той розничной, сепаратистской тактики на местах, какая, к сожалению, имеется в глубоких местах России.

Я считаю, что когда революционное дело только налаживается, то, безусловно, оно не может обойтись без шероховатостей, без того, что здесь называют самочинностью, но самочинность самочинности рознь, даже в революционном деле. Та самочинность, о которой здесь говорилось в применении к тов. Церетели, как председателю Иркутского комитета общественных организаций, когда эта самочинность происходила в первый момент революции, момент разрушения, когда нужно было разрушать, а не требовать санкции, тогда эта самочинность для революционера понятна и жизненно необходима; когда же этот первичный момент революционного разрушения власти прошел, и когда властью до некоторой степени в сотрудничестве с буржуазной демократией стали социалисты, стали революционеры, то в это время вопрос о самочинности власти, безусловно, должен с нашей стороны иметь совершенно другое отношение.

В этот момент, когда уже существуют центральные власти, когда уже начинает организовываться сеть новых административных ячеек, в это время самочинность, безусловно, должна быть окрашена теми словами, которые теперь у нас в большом ходу, иронически «республикой». И безусловно, в этот момент нельзя не признать, что значение таких республик исключительно отрицательное в революционном деле, исключительно дезорган-

зующее. Здесь один из товарищей, представитель Красноярска тов. Мазурин, определенно пропел апофеоз действию революции, ссылаясь на пример Красноярска. Мой товарищ Никольский осветил только часть работы красноярской республики. И если я еще остановлюсь на этом моменте, то лишь для того, чтобы в вашем сознании рекомендуемый вам с крайних левых скамей Красноярск не мог служить похвальным примером. Я член Совета Р. и С. Д. гор. Иркутска, член президиума, и мне известны те факты, о которых говорил тов. Никольский, но он говорил не все.

Тов. Мазурин определенно говорил, что действия Совета Р. и С. Д. Красноярска пользуются авторитетом и у буржуазии, и у рабочих, и у крестьян. Чтобы опровергнуть это, я должен вам заявить, что все окрестности Красноярской губернии, примыкающие к Красноярску, настолько ценят авторитет Совета Красноярского, что разорвали с ним организационную связь, что все эти организации примкнули к областному объединению Иркутска, от которого город Красноярск отказался. Такие Советы, как Ачинский Совет Р. Д. как Канский Совет Р. Д., как Крестьянский Совет Енисейской губернии, опять-таки отказались от Красноярского Совета, от всякой революционной связи с ним и примкнули к областному единению Иркутска. Это ли не доказательство вреда сепаратистско-розничных действий в деле революции?

Здесь тов. Старостин как будто подтвердил точку зрения тов. Мазурина, ссылаясь на то, что в Иркутске, в сущности говоря, все революционное дело ведет не Совет Р. и С. Д., а Исполнительный Комитет. Здесь есть, товарищи, доля истины, и мы, иркутские делегаты, признаем это, что даже у нас Исполнительный Комитет общественных организаций, который в первые дни возглавлялся тов. Церетели, а теперь возглавляется тов. Кругликовым, социалистом-революционером, даже этот Комитет общественных организаций делал революционное дело, делает революционное дело и идет рука-об-руку с Советом Рабочих и Военных Депутатов, и на совещании от этих объединенных революционных органов был здесь тов. Старостин, и так как здесь он выступил точно так же, как выступил вчера, то напрасно он вам не объяснил, как его встретили за такую тактику в Иркутске. Теперь он не в Иркутске, теперь он с того времени уже в Севастополе, и уже старым моряком выступает перед вами и диктует определенные условия революционной власти от имени Черноморского флота. (Рукоплескания.) Если, товарищи, в такое время можно стать старым моряком, если в такое время можно от лица Черноморского флота говорить так определенно и авторитетно, то, товарищи, не говорит ли этот мелкий факт о том, какова ценность всех заявлений, идущих с этой стороны? (Рукоплескания.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово принадлежит тов. Киселеву.

КИСЕЛЕВ. Товарищи, мне, приезжему из провинции, придется сказать несколько слов также о том, что делается там. Весь вопрос в следующем: нам, Советам Р. и С. Д., на местах приходится встречаться со многими вопросами и, в частности, с вопросом относительно того, каково должно быть взаимоотношение у нас, Советов Р. и С. Д., с центральной властью. Я приведу один пример: у нас Советом Р и С. Д., по требованию рабочих, было арестовано несколько черносотенцев, которые состояли членами Исполнительного Комитета и, можете себе представить, какую они вели там политику.

И вот, повторяю, по требованию рабочих они были арестованы, и один из них, Коржов, по требованию Временного Правительства был вытребован в Москву и затем из Москвы он был освобожден. Несмотря на то, что Совет Р. и С. Д. требовал, чтобы этот бывший погромщик, за которым числится несколько деяний уголовного характера, должен быть возвращен туда обратно, для того, чтобы держать его с другими соратниками по

погрому 1905 года, которые в настоящее время находятся еще в иваново-вознесенской тюрьме, что вот, я говорю, если бы в настоящее время Иваново-Вознесенский Совет Р. и С. Д. осмелился бы его снова арестовать, какое взаимоотношение было бы? Несомненно, сказали бы нам, что здесь в наличности республика иваново-вознесенская. Должен сказать, что у нас в Совете из 115, находящихся в заседании, 100 большевиков, и наверное, если бы мы один шаг сделали против Временного Правительства, нас несомненно бы объявили республикой иваново-вознесенской. Я указываю только на маленький факт, — каково взаимоотношение, которое иногда устанавливается между Временным Правительством и провинцией.

Затем я хочу коснуться того вопроса, который был здесь поставлен тов. министром Черновым. Он здесь нам очень много говорил относительно захватов всякого рода, которые проявляются в провинции, и в частности касался вопроса о земле. Я хочу указать только одно: что такого рода захваты производятся, действительно, некоторыми крестьянами в настоящее время, но должен указать и на то, что большие захваты произведены и нашим Временным Правительством старого еще состава. Вы помните, что объявлены государственной собственностью все земли, принадлежащие Николаю II. А мы знаем, что у Николая II 42.000 десятин земли находится только в Сибири. Затем также конфискованы те земли, которые находятся у Николая II здесь, в Европейской России. Дальше, мы еще знаем, что удельное ведомство лишено также этих земель. Так что по вопросу о захватах, в которых так много обвиняют некоторых крестьян и в частности большевиков, которые поддерживают это, так сказать, здесь повинно даже и наше Временное Правительство, не коалиционное, а старое. К этому даже некоторое прикосновение имеет и тов. министр Чернов. В 1905 г. он также в этом отношении кое в чем погрешил, ибо он также призывал к захватам. И вот, в одной из газет я случайно прочел, что он, оказывается, вносит поправку, говоря: я потому не призываю вас к этому, что я уверен, что земля будет у крестьян. А другие министры говорят, что если в Европе революции не будет, то русская революция будет задушена. Следовательно, крестьяне землю получат, вероятно, только тогда, когда они помрут и их похоронят на земле. Вот, вероятно, только тогда, потому что, если революции не будет, значит, и земли не будет. Товарищи, одни министры утверждают, что землю не нужно брать потому, что она будет крестьянская, а другие министры в то же самое время говорят, что если революции в Западной Европе не будет, то и нашу революцию раздавят, и крестьяне, следовательно, землю не получат. В этом отношении, грешным делом, виноваты в призывах на счет того, чтобы запахать землю, дабы обеспечить крестьянство, виноваты также и кое-кто еще из товарищей, сидящих на этой стороне. Мы знаем, например, в Тамбовской губернии, — там, как известно, товарищи социалисты-революционеры, — тем не менее там все-таки сделано постановление, которое очень близко к тому, чтобы землю запахать. Они говорят, что ее следует запахивать в тех случаях, когда она пустует. Здесь тоже не дожидаются Учредительного Собрания, здесь также уже выступает захватная политика. Так что обвинения, которые бросаются на левый сектор, следует перебросить также и на правый сектор, так как он в этом тоже немножко виноват. (Аплодисменты.)

Теперь, товарищи, я хочу сказать несколько слов о том, что мы, сюда собравшиеся, в особенности такие, как я, делегат провинции, с меня, несомненно, спросят, что здесь делают, с меня потребуют ответа. Здесь заметно стремление иногда дать доверие Временному Правительству, не только товащам министрам, но и всему Временному Правительству. И вот, я думал,

что сюда придут министры, которые будут отчитываться перед парламентом, и, по крайней мере, не слышал ничего, что делается в министерстве. Тут, можно сказать, министров мы не видели. Ничего мы не знаем и о министре путей сообщения, [потому] что здесь этого министра не было. Ничего не знаем о министре народного просвещения. Мы ничего не знаем также о министре финансов, потому что нам до сих пор ничего об этом не сказано. Но с меня и с других делегатов, товарищи, которые здесь присутствуют, несомненно, спросят и нам придется в этом отчитываться. Так вот, я думаю, что на эти вопросы мы совершенно не обращаем внимания, а, по-моему, Съезду следовало внимание обратить и потребовать более или менее основательных данных, с помощью которых мы могли бы что-нибудь сказать в провинции; в противном случае мы скажем, что мы здесь были, слышали великолепные речи полемического характера, а о том, что здесь делается в Петрограде, что сделали министры в различных областях, мы ничего не можем сказать.

Теперь несколько слов по вопросу о власти. Прежде всего, я должен заметить, что у нас давно есть девиз, что освобождение рабочих есть дело самих рабочих и, в частности, освобождение крестьян таким же образом, если только они сами будут принимать горячее участие, только тогда из этого может что-либо выйти. Теперь нам предлагают поручить управление страной лицам, которые далеко стоят от рабочего и крестьянского класса.

Мы знаем, что в большинстве во главе стоят крупные капиталисты, а также и помещики, и, конечно, они, как класс имущий, по самому существу защищать интересы трудящихся классов не сумеют, ибо ни один человек не уронит на свою ногу топора, и было бы очень странно ожидать, чтобы все чаяния крестьянской и рабочей массы были выполнены. (Аплодисменты.) Я говорю, что выполнить эту задачу может только та власть, которая не заинтересована в сохранении драгоценной частной собственности. Придется в настоящий момент, который мы переживаем, коснуться и этой священной собственности, и проводить радикальные меры может только тот класс, который в данном случае на эту священную собственность может покуситься. Таким классом может быть только рабочий класс и крестьянский; иначе всякие разглагольствования, всякие красивые фразы и слова останутся пустым звуком, который ни к чему не приведет, который будет кормить нас только обещанием. Придется нам снова ждать и следовать тем примерам, как раньше советовали: не ешьте в пост скоромного, поведением будьте скромны, начальству подчиняйтесь да иконам поклоняйтесь, и получите все. (Смех и аплодисменты.)

МОИСЕЕВ. Товарищи, формы революционных организаций не могут выдумываться из головы. Ни одна партия не может придумать таких форм, которые бы отвечали данному моменту революции. Эти формы слагаются в процессе революции, они создаются стихийно самим революционным народом. И вот, мне кажется, для того, чтобы разрешить вопрос о власти, для того, чтобы не ограничить этот вопрос маленьким вопросом относительно доверия вот именно этому составу, я полагаю об этом речи не может быть: министрам-социалистам, которых послал Совет С. и Р. Д., которых он еженедельно проверяет, мы, конечно, не можем не доверять и мы вполне доверяем; может быть, члены того самого Совета, которым я послан, готовы были положить по первому слову тов. Церетели свою жизнь. Но не в этом дело. Дело в том, что нам надо решить, какая форма правления наиболее подходит для настоящего революционного момента, и, решая этот вопрос, мы должны не выдумывать эту форму, а должны взять ее из реальной действительности, — вот в этом и состоит наша задача.

Чтобы решить этот вопрос наверняка, нам надо бы иметь в виду требования местной жизни, потому что ведь нельзя же, товарищи, форму центральной власти брать другую, чем та, каким образом сложилась власть на местах. Если бы на местах была теперь бюрократическая власть, то, ясное дело, что народная, выборная власть не могла бы управлять Россией, имея такой аппарат для управления страной; точно также, если на местах имеется революционная, выдвинутая народом, выборная власть, то здесь не может быть наверху бюрократической власти. Я беру самые резкие примеры, товарищи, но вообще всегда революционная власть на местах и революционная власть в центре должны соответствовать одна другой. Если они не будут соответствовать, если они будут построены на разных основаниях, на разных принципах, то, товарищи, никогда не может получиться гармонии, никогда не может получиться действительно твердой власти. Но, товарищи, для того, чтобы разобраться в этом вопросе, мы должны посмотреть, что делается на местах.

Да, товарищи, приехав из медвежьего уголка, из маленького уездного городка Тамбовской губернии, о котором вы, вероятно, никогда не слышали, я скажу вам: когда там собрался крестьянский съезд для того, чтобы выбрать своих депутатов на Всероссийский Крестьянский Съезд, в то время здесь происходил кризис власти, и съехавшиеся крестьяне стали обсуждать вопрос, какая им нужна власть: только, говорят, не двоевластие,—должна быть твердая, единая власть. И вот они сидели, думали, раскидывали умом и, наконец, придумали: послали своих делегатов и дали наказ, чтобы была власть твердая и единая, чтобы Совет Кр. Д. вместе с Советом Р. и С. Д. был бы временным революционным парламентом (аплодисменты), а Временное Правительство чтобы было ответственно перед таким министерством, — просто и ясно рассудили. Это выдумали, товарищи, не какие-нибудь теоретики, не какие-нибудь с.-р. или марксисты, а дьякон сельский. (Аплодисменты и смех.)

Товарищи, тут радуются некоторые и, возможно, злорадствуют, но не в этом дело, — я говорю, как на местах слагаются мысли: они слагаются из жизни.

Вот, товарищи, посмотрим, как на местах сложились формы правления. Кто там действует? Правительство поручает власть комиссарам, но вы сами знаете, имеет ли хоть какой-нибудь комиссар власть; мы видим, что нет таких комиссаров. У нас, например, комиссар такой. На другой день после того, как его выбрали, он пришел в Совет и говорит: «что хотите делайте, меня выбрали, если меня поддержите, буду служить, а не поддержите, завтра сложу с себя полномочия». Мы говорим: «если будешь служить хорошо, поддержим; нет, — не будем, поддержим постольку—поскольку...». «Хорошо, буду стараться». Когда новый командир полка был выбран, он приходит и говорит: «поддержите, — хорошо, не поддержите, — не могу». «Мы поддержим постольку — поскольку...», и дело пошло. Теперь, товарищи дали ему поддержку, а толку нет: за что ни возьмется, ничего не выходит. Как сами начинаем, — дело у нас идет. Но как только дойдет до известной точки, то если мы пойдем дальше, уже произойдет некоторый беспорядок, некоторое противоречие между нами и официальной властью, произойдет то, что называют анархией, и то, против чего мы у себя боремся. Против всякой анархии мы боремся, а в результате получается двоевластие, или, лучше сказать, безвластие; и народ, и крестьяне, и все наше население совершенно измучены таким положением дела и не знают, что делать.

Я напомню вам, как говорил Церетели: «экономическая разруха, продовольственная разруха, которые ежеминутно грозят стране голодом; только

путем неслыханных мер, неслыханных жертв можно спасти Россию. Нужны героические меры и все-таки это приведет только к некоторому разрешению насущных потребностей. В России, после трех лет [войны], государственной власти приходится реформировать всю экономическую жизнь, чтобы спасти революцию». А вот, что говорил Скобелев... (Голоса: «Мы слыхали»). Товарищи, вообще я думаю, что вы многое слыхали, слыхали и то, что говорят марксисты. Вы, может быть, слыхали и то, что я говорю. Вот, что говорил тов. Скобелев: «Не во власти правительства провести свои проекты в жизнь, если оно не будет поддержано организациями на местах. Нужны решительные меры, опирающиеся на организованную волю организованной демократии».

Товарищ министр безусловно прав. У нас грандиозные задачи и их можно решить, только опираясь на организованную волю организованной демократии. Теперь вопрос: может ли опереться правительство на организованную волю? Мы можем проголосовать, если бы это зависело от нашего Совета, но он видит, что из этого ничего не выходит и он ничего не может сделать с продовольственным вопросом. Перед Советом стоит вопрос: как быть с твердыми ценами на продукты первой необходимости? Мы посылаем на места своих агитаторов, которые успокаивают население. Но, господа, мы такое положение выдержим месяц, полтора, я даже думаю, что мы выдержим две недели, а дальше нам не справиться с этим делом.

Возьмите другой вопрос: как теперь бороться с анархией? Тут говорили о дезертирах, что никакое начальство ничего не может с ними сделать. Мы ввели на железных дорогах такие железные порядки, что совершенно прекратилось дезертирство: не только военного, а каждого штатского останавливаем и спрашиваем его документ, чтобы видеть, какие у него права на отсрочку отбывания воинской повинности. Таким образом мы прекратили всякое дезертирство, и только эта дисциплина одна может спасти страну, и та психология штрейкбрехерства, которую мы воспитываем в народных массах и с чем вы не соглашались, когда тов. Троцкий говорил, вспомните, что делается на местах, и только мы можем внушить это сознание психологией штрейкбрехерства, чего ни один комиссар и ни один исполнительный комитет не сделает[1]).

И теперь, когда создадутся на местах земские и городские самоуправления, когда сила от нас отойдет, тогда, благодаря тому, что первый пыл прошел у наших Советов, если им не будет дано никаких обязательных прав, не будет возложено на них обязанности, то наша деятельность ослабнет, и мы не в состоянии будем ничего сделать. Вот к каким последствиям это может привести. Поэтому мы должны беречь ту революционную власть, ту единственную силу, на которую опирается в настоящее время правительство. Между тем, недавно, на-днях, кн. Львов выпустил циркуляр, чтобы местные власти боролись с самочинными организациями, которые присваивают себе власть. Если это увенчается успехом, то, конечно, можно сказать, что успех анархии обеспечен, тогда, действительно, начнется анархия, не будет той единственной силы, которая вносит порядок в страну.

И вот мы говорим, что единственный способ на местах: вручить нам не власть, — мы ее имеем, — а ответственность. Здесь, в Петрограде, возложить эту ответственность опять-таки не на власть, а ответственность на соединенные Советы Кр., С. и Р. Д. Только тогда, когда Временное Правительство будет зависеть от них, как от временного революционного правительства, только тогда мы вырвем страну из анархии. Это — единственный выход.

---

[1]) Так в подлиннике.

Я думаю, что вы должны считаться с тем, что творится на местах, а не с теми теориями, которые, в сущности говоря, на прямой вопрос не отвечают.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. По личному вопросу слово принадлежит тов. Соколовскому.

СОКОЛОВСКИЙ. Товарищи, вчера тов. Гоц, говоря о моей характеристике отношения партии соц.-рев. к тов. Керенскому, сказал, что я покушаюсь с негодными средствами. В ответ я хочу вам привести те постановления, которые были у меня в руках и на основании которых я сделал соответствующее заявление.

Газета «Воля Народа». Заголовок «Партия социалистов-революционеров» (читает): «Группа центра выдвинула, между прочим, кандидатуру Керенского. Но левые высказались против нее, мотивируя это, с одной стороны, недовольством политикой Керенского, а с другой, что он слишком занят военным министерством».

Теперь, товарищи, сообщение корреспондента газеты «Речь», не опровергнутое. «В состав Центрального Комитета партии не прошел Керенский. Непосредственно перед выборами, по инициативе крайних левых, с трибуны оглашается приказ Временного Правительства о дезертирах, подписанный военным министром. Это оказало свое действие».

Вот на основании этих материалов я и сказал то, что сказал.

Теперь, товарищи, прошу вас судить, кто же, собственно говоря, покушается с негодными средствами: мое ли заявление или опровержение его тов. Гоцем? (Рукоплескания.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ По личному вопросу слово принадлежит тов. Старостину.

СТАРОСТИН. Товарищи, сейчас мы были свидетелями выпада против большевиков через мою фамилию с этой стороны. Я не имею чести знать этого гражданина. Я заявляю, что я освобожден четвертый месяц из александровской тюрьмы, являюсь представителем Иркутского Совета. Я вернулся сейчас из Одессы, куда был вызван телеграммой. Я являюсь представителем Т... района. Как моряк, будучи на каторге, я плавал на судах торгового Черноморского флота и сейчас являюсь представителем Исполнительного Комитета Всероссийского Союза моряков Черноморского торгового флота. Я заявляю, что жизнь торговых портов я знаю очень хорошо. Точно таким манером знаю ее, как, не будучи крестьянином, тов. министр Чернов знает крестьянскую жизнь, как Церетели, не будучи рабочим, знает рабочую жизнь. Я все-таки заявляю от имени моряков Черноморского торгового флота, а не военных. Я нахожу, что этот выпад господина по адресу большевиков, а в частности, через мою фамилию, я считаю недостойным: я считаю, что это было сказано с умыслом, как клевета, как борьба с негодными средствами.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Я должен довести до вашего сведения, что президиум предлагает назначить заседание Съезда завтра, в 5 часов, для того, чтобы дать возможность всем фракциям проделать ту работу, которая необходима, чтобы вы быстрее закончили поставленный на обсуждение вопрос. Объявляю заседание закрытым.

---

*

ЗАСЕДАНИЕ 8 ИЮНЯ

(вечернее).

Заседание открывается в 5 ч. 50 м. под председательством Чхеидзе.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Объявляю заседание открытым. Прошу выслушать приветствия.

СЕКРЕТАРЬ. «Полковой комитет 83-го Самурского пехотного полка...» (читает). (Рукоплескания.) «Трапезундский Совет...» (читает). (Рукоплескания.) «Команда линейного корабля «Полтава»... (читает). (Рукоплескания.)» Астраханский губернский крестьянский съезд приветствует русского рабочего и солдата в лице Всероссийского Съезда Советов С. и Р. Д. и выражает твердую уверенность в том, что только общими силами всех трех великих армий трудящихся — крестьян, рабочих и солдат — обновленная Россия сумеет отстоять завоеванную свободу, доведет страну до Учредительного Собрания и добьется там воли и земли. Вместе с тем крестьянский съезд полагает, что, отвергая с негодованием все попытки к сепаратному миру, работая над усилением на фронте и в тылу на пользу всемерного укрепления боеспособности армии в целях защиты отечества, революционный народ вместе с тем сумеет добиться почетного мира, не обидного ни для кого, сумеет слить трудящихся всех стран в одну трудовую могучую семью, установить всемирное братство народов и через социалистический интернационал создаст благоприятные условия для дальнейшей борьбы рабочего класса за окончательное свое освобождение, за социализм. — Председатель Терещенко, секретарь Цыпина». [2]) (Рукоплескания). «Учительский съезд 5-й армии...» (читает). (Рукоплескания).

..... [3]) Товарищи, нижепоименованных товарищей просят немедленно явиться в мандатную комиссию. Если они сегодня не явятся, их полномочия будут считаться недействительными. (Читает фамилии.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Товарищи, сейчас вашему вниманию будет представлена резолюция Исполнительного Комитета, которую огласит вам сейчас тов. Гегечкори.

ГЕГЕЧКОРИ. Товарищи, от лица президиума разрешите мне сделать следующее заявление. Из газет, по всей вероятности, вы знаете, что вчера или позавчера Временное Правительство, в лице министра юстиции, предписало подведомственным ему лицам принять надлежащие меры к тому, чтобы захваченная некоторыми группами дача Дурново была очищена [114]. Это распоряжение министра юстиции встретило со стороны тех лиц, которые заняли самовольно эту дачу, противодействие, и они, товарищи, вос-

---

[1] Печатается по тексту д. № 9. — [2]) Приветствие астраханского крестьянского съезда печатается по подлиннику телеграммы. — д. № 9, л. 56; подлинников остальных приветствий разыскать не удалось. — [3]) Фамилия выступавшего не указана.

пользовавшись некоторой стороной этой истории, сумели создать среди населения Выборгской стороны возмущение. Об этом обстоятельстве сегодня было доложено Исполнительному Комитету Петроградского Совета, и Исполнительный Комитет, совместно с президиумом вашего Съезда, предпринял следующие шаги, — он выработал воззвание, которое я позволю себе, с вашего разрешения, тут огласить:

«От Исполнительного Комитета Петроградского Совета Р. и С. Д. и президиума Всероссийского Съезда Советов Р. и С. Д. ко всему рабочему населению Выборгского района.

Товарищи рабочие и работницы!

Некоторые лица, называющие себя анархистами-коммунистами, заняли жилой дом на даче Дурново, на Выборгской стороне. Петроградский Совет Р. и С. Д. в свое время заявил, что захватывать частные дома без согласия их хозяев недопустимо, и что дом Дурново должен быть освобожден. Временное Правительство настаивает теперь на том, чтобы дом Дурново был немедленно освобожден.

Это требование правительства привело в волнение часть рабочего населения Выборгской стороны: некоторые рабочие Выборгской стороны почему-то решили, что это требование правительства контр-революционно, и заявляют, что они с оружием в руках будут отстаивать дом Дурново. В связи с этим на некоторых заводах Выборгской стороны началась забастовка.

Товарищи рабочие и работницы! Исполнительный Комитет Петроградского Совета Р. и С. Д. и президиум Всероссийского Съезда Советов Р. и С. Д., обсудив создавшееся положение, постановил:

«1. Поручить Исполнительному Комитету Петроградского Совета принять немедленно меры к сохранению за населением Петрограда права пользоваться садом при доме Дурново.

2. Подтвердить всему населению Петрограда, что Совет воспрещает всякие самочинные захваты частных или общественных помещений и считает их действиями, направленными против дела русской революции. Власть настояла на освобождении захваченной анархистами типографии «Русской Воли». Власть настаивает теперь на освобождении помещения дома Дурново. Это не контр-революция, — наоборот, водворение революционного порядка.

3. Призвать рабочее население Выборгского района немедленно возобновить прерванную работу на заводах; их забастовка сейчас играет в руку контр-революции.

4. Признать совершенно недопустимым и крайне опасным для дела революции устройство вооруженных демонстраций без прямого постановления о том Петроградского Совета Р. и С. Д.

Товарищи! Разрозненные действия отдельных групп рабочих доставляют радость врагам революции. Не дайте им торжествовать. В дисциплинированности, единстве и сплоченности вся наша сила. Все, как один человек, становитесь на работу! Петроградский Совет Р. и С. Д. стоит на страже ваших интересов».

Во исполнение настоящего постановления Исполнительный Комитет Петроградского Совета Р. и С. Д. вошел в сношения с министром юстиции.

Министр сообщил Исполнительному Комитету:

«1. Распоряжение прокурорской власти об очищении особняка дачи Дурново относится исключительно до жилого дома, расположенного на участке Дурново, и ни в коей мере не затрагивает пользования со стороны местного населения садом, расположенным на этом участке.

2. Распоряжение это относится только к той группе лиц, которая заняла помещение в жилом доме Дурново, действуя именем «анархистов-коммунистов», и среди которых имеются лица, учинившие уголовные преступления, и не относится к профессиональным союзам, находящимся в этом доме». Председатель Петроградского Совета Р. и С. Д. и Председатель Всероссийского Съезда Советов Р. и С. Д. Чхеидзе» [1]).

Товарищи, наш президиум считает и с точки зрения политической и с точки зрения интересов дела нужным и необходимым, чтобы вы одобрили этот шаг вашего президиума, и вместе с тем мы думаем, что этот шаг, находящийся в полном соответствии с интересами революции и в полном соответствии с тем делом, которому вы, товарищи, призваны служить, встретит с вашей стороны единогласное одобрение. Если же будут возражения, то позвольте мне, товарищи, с вашего разрешения сделать возражения. (Рукоплескания!)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Товарищи, президиум, обсудив вопрос, в какой форме надлежало бы вести обсуждение только что сделанного заявления, пришел к заключению, что было бы наиболее целесообразно дать фракционным ораторам по 3 минуты для мотивов голосования. Если такой план вы одобряете, тогда мы будем держаться этого плана. Возражений нет? Я просил бы список фракционных ораторов. Слово принадлежит по мотивам голосования тов. Каменеву — 3 минуты.

КАМЕНЕВ. Товарищи, несколько дней тому назад, по вашему уполномочию, я с группой товарищей ездил для того, чтобы освободить захваченное анархистами помещение типографии «Русская Воля» от этого нелепого и дезорганизующего революционные силы захвата. [115] Я принял ваше поручение потому, что наша партия стоит на той же точке зрения, на которой стоит и Петроградский Совет Р. и С. Д., относительно недопустимости захвата частных помещений отдельными группами лиц; во-вторых, потому, что там дело шло о предотвращении назревшего кровопролития между группой захватчиков-анархистов и военной силой, стоявшей уже там.

В Выборгском районе сейчас дело обстоит не так. Прежде всего оказывается, что приказание министра Переверзева было формулировано таким образом, что совершенно естественно, как это признает и резолюция, вызвало движение не среди маленькой группы анархистов, а среди всего рабочего населения Выборгской стороны. И министр Переверзев должен был дать дополнительное разъяснение в срочной ноте, которая вызвала возбуждение в том смысле, что он отнюдь не претендует освобождать для Дурново тот сад, который с момента революции перешел в распоряжение семей рабочих и их детей, и что он не прегендует выселять из дачи те профессиональные союзы, которые там с начала революции поместились. Я думаю, что если бы министр Переверзев с самого начала внимательно отнесся к тому, что создалось на Выборгской стороне, то ему не пришлось бы после того уже, как там произошли забастовки и возбуждение всего рабочего населения, после внесения сумятицы в нормальное течение рабочей жизни разъяснить так, как он делает это сейчас.

Сейчас перед нами стоит факт, — действия самого правительства, которые он признает, по крайней мере, достаточно неясными, достаточно двусмысленными, создали это массовое движение. Это движение ничего общего не имеет с самой группой анархистов. Я говорю не во имя защиты анархистов, — мы их осуждаем, — но мы не можем обращаться к тем массам рабочих, которые представляют один из наиболее дисциплинированных райо-

---

[1]) Резолюция печатается по «Известиям» № 87 от 9 июня 1917 г.

нов Петрограда, с тем, что их движение играет в руку контр-революции, как предложено в резолюции.

Слишком часто, товарищи, пытаются массовые, широкие движения рабочих, вызванные виною, — неудачно формулированными требованиями, — самого правительства, слишком часто пытаются затуманить их тем, что они играют в руку контр-революции. Товарищи рабочие будут читать, что настоящее движение, как оказывается, за сад играет в руку контр-революции. Им будет приходить в голову, что одновременно с их движением в Петрограде заседает ряд общественных организаций или якобы общественных, в роде Казачьего Съезда, который несомненно контр-революционен, из рядов которого невозбранно раздаются слова о мобилизации казачьих сил против революционных сил, против внутреннего врага; эта терминология там повторена и против наших Советов. Против них у нас не оказывается той энергии, тех клеймящих слов, с которыми обращаются к рабочим, повидимому, только потому, что они организованно, без всяких эксцессов пытались стать в защиту своего права на помещение и сад, — право, которое отчасти должен был признать и министр Переверзев.

Я скажу даже больше: если Петроградский Совет с первых дней революции поторопился бы сделать то, что ему надлежало, — обеспечить профессиональные союзы и организации помещениями, — этих эксцессов не было бы. Мы здесь, в Петрограде, знаем, что Центральное Бюро профессиональных союзов в течение нескольких недель тщетно добивалось от министра юстиции помещения для профессионального союза, и профессиональные организации бродят, гибнут из-за того, что нет помещений, а Петроградский Совет не нашел в себе достаточной энергии, чтобы этот вопрос разрешить, и находит, по нашему мнению, слишком много энергии, чтобы клеймить те массовые движения рабочих, которые так или иначе там и сям в той или другой форме возникают...

Мы не думаем, чтобы этим клеймением, этим затыканием дыр, этим штопанием Тришкина кафтана можно было бы накормить рабочих, успокоить их, действительно удовлетворить их требования; поэтому мы на себя не берем ответственности обращаться к рабочим с подобным воззванием, — мы против этого текста возражаем и будем здесь голосовать против него. (Рукоплескания.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово принадлежит тов. Гоцу.

ГОЦ. Товарищи, вопрос о даче Дурново приходится рассматривать с двух точек зрения. Ведь здесь прежде всего и сейчас, в разъяснениях, данных министром Переверзевым, было установлено, что никто не покушается на право рабочих организаций Выборгского района пользоваться для своих собраний, как местным клубом, дачей Дурново. В этом отношении никакого стеснения на рабочие организации никто налагать не желает, — это раз. Затем, никто не желает ограничивать право местного рабочего населения пользоваться садом при этой даче. Ибо я могу подтвердить, что это—единственное место, действительно, где семьи рабочих и их дети могут дышать чистым, свежим воздухом; значит, с этой стороны приходится определенно заявить, что здесь никакого покушения ни на право профессиональных организаций пользоваться дачей, как клубом, ни на право пользоваться со стороны местного населения садом, как местом для отдохновения, никем сделано не было. Вопрос исключительно заключается в том: можно ли предоставить группе анархистов самочинно захватывать отдельные помещения?

Дело даже еще шире обстоит. Я вместе с тов. Анисимовым был сейчас на даче Дурново и беседовал с представителями анархистской организации, кото-

рая там помещена. Они нам заявили, что дело идет не только о помещении, именуемом дворцом Дурново, но они еще выставили некоторые иные требования, которые я вам сейчас оглашу. Помимо того, что они считают, что дворец Дурново должен им принадлежать, они выставляют еще следующие пункты: 1) освобождение всех социалистов и анархистов, арестованных за промежуток времени революции, вне зависимости от характера проступка, за который они были задержаны; 2) конфискация типографий «Нового Времени», «Русской Воли» и «Речи» и передача их в распоряжение социалистических и анархистских организаций.

Вот как обстоит дело, и я думаю, что по существу этих широких требований Всероссийский Съезд должен сказать свое властное и авторитетное слово. Я думаю, что он его скажет, и я не сомневаюсь, что скажет в том духе, как сейчас было предложено от имени президиума в той резолюции, которая была оглашена тов. Гегечкори. Я от имени фракции приглашаю Съезд присоединиться к резолюции, которую огласил тов. Гегечкори.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово принадлежит тов. Луначарскому.

ЛУНАЧАРСКИЙ. Товарищи, фракция объединенных социал-демократов-интернационалистов не может голосовать за ту резолюцию, которая предложена здесь и вот почему. (Голос: «Понятно».) Я думаю, товарищи, вам не понятно. Совсем не потому, чтобы мы были против сильного, властного слова с вашей стороны. Вся наша тактика с самого начала заключается в том, чтобы вы, наконец, говорили сильные и властные слова, но когда ваши сильные и властные слова превращаются в одни полицейские окрики, тогда оказывается каждый раз, что вы кого-то должны унять, кого-то удержать, кому-то что-то запретить и кому-то что-то не дать, и каждый раз, когда мы говорим, что надо урегулировать отношения в стране таким образом, чтобы самые корни этих эксцессов были устранены, и что этого нельзя сделать без той сильной власти, которая имеет действительное право урегулировать экономические и бытовые отношения в стране, на это вы отвечаете: «Пусть это сделает Временное Правительство».

Правительство делает ошибки за ошибками, плодами которых оказываются беспорядки, и мы потом эти беспорядки, как какой-то департамент полиции, помогаем устранять.

Говорится вообще: никакие захваты недопустимы, но сад Дурново, так как он нужен для детей пролетариев, пусть остается. Дом только — нет; но в нем поселились профессиональные союзы. Ну, значит, и та часть дома, в которой поместились профессиональные союзы! Отнимем только те части, которые заняли анархисты. Что это такое? Если бы оказалось, что за анархистами стоит большая масса, которая бы потребовала властно, что это ей нужно, то и ей уступили бы. Это не сильная власть, — это значит раскассировать слабые группы, — как бы нелепы, слабы они ни были, я об этом не говорю, — но отступать всякий раз от того, что может грозить серьезно. Это не есть сильная власть, это есть путаница. Когда говорят: «Нужно захватить захваченное, но мы признаем захват таких-то помещений, а не признаем таких-то», — этим в дело внесена путаница, и так как не могут уже настоять, в виду движения, уже происшедшего на Выборгской стороне, то хотят, чтобы Съезд дал санкцию полицейского распоряжения.

У вас хотят получить санкцию в одной части, пятой, шестой, полицейского распоряжения. Мы же просим, если вы хотите представить собою авторитетное учреждение, если вы согласны говорить властные слова, то мы просим назначить особую следственную комиссию, которая бы разобрала дело фактически и которая могла бы постановить не в пять минут, заслушав

доклад президиума, явно путаный и противоречивый, а постановить так, как соответствует достоинству Всероссийского Съезда Советов Р. и С. Д., и до тех пор, пока не будет выработана такая резолюция, на основании действительного знакомства с делом, а не на основании отрывочного доклада президиума, который только-что вы выслушали, до тех пор, пока текст не будет лишен тех противоречий, которые сделают его посмешищем и буржуазной и левой прессы, до тех пор мы голосовать за такую резолюцию не можем. (Рукоплескания.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Тов. Луначарский в своей речи сказал: «когда ваши слова превращаются в полицейские окрики» и т. д. Очевидно, товарищи, тов. Луначарский не отдавал себе отчета в этой части своей речи. (Рукоплескания.) Я, товарищи, считаю такие выражения перед Съездом абсолютно недопустимыми. Я протестую против таких выражений. (Рукоплескания.) Слово принадлежит тов. Никольскому.

НИКОЛЬСКИЙ. Речь идет не о полицейских мерах и не о репрессиях по отношению к населению Выборгской стороны. Речь идет о том, чтобы, товарищей, которые в силу атмосферы недоразумений, которая создалась вокруг этого дела, авторитетным словом Съезда и Исполнительного Комитета призвать и указать им, что в данном вопросе не может быть места увлечению, что в данном вопросе немыслимы те выступления, которые распыляют революцию и напрасно исчерпывают и истощают силы революции.

Если бы речь сводилась к тем полицейским окрикам, то, разумеется, президиум не предлагал бы с своей стороны того самого документа, который здесь прочитал тов. Гегечкори. Речь идет только о том, и указания на контр-революцию здесь понимаются только в том смысле, что поскольку такие разрозненные и частичные выступления, не вызываемые задачами разрешения того или другого вопроса, который ставится на очередь и вызывает открытое выступление, постольку они распыляют эту революцию, и я от имени меньшевиков заявляю, что фракция меньшевиков присоединяется к этому заявлению президиума и будет голосовать за это заявление. (Рукоплескания.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово принадлежит тов. Державину.

ДЕРЖАВИН. Товарищи, происшедший случай имеет гораздо большее значение, чем ему здесь придают некоторые. Контр-революция, замолкшая в начале самой революции, начинает подымать голову и, пользуясь постепенно каждым случаем, каждым недоразумением, возникающим в рядах начинающей организовываться демократии, со временем соберется с силами и обрушится на эту самую демократию и заставит ее захлебнуться в собственной крови.

Товарищи, в данном случае этот факт, происшедший на даче Дурново, нужно рассматривать, как стремление разъединить силы организующейся демократии, разрознить их. И вам здесь, полномочным представителям организованной демократии, нужно сказать свое веское, властное слово, что такие выступления не могут иметь места, иначе то дело, для которого вы собрались сюда, которое вы должны здесь разрешить, останется голосом вопиющего в пустыне.

Фракция трудовиков и народных социалистов всецело разделяет мнение президиума и предлагает вам, товарищи, голосовать за резолюцию, предложенную президиумом.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово принадлежит тов. Рабиновичу.

РАБИНОВИЧ. Товарищи, тот факт, перед которым мы поставлены сегодня, по существу однороден с тем фактом, перед которым мы стояли

позавчера, когда речь шла о захвате типографии «Русской Воли». Мы здесь имеем дело с отказом отдельной группы подчиниться не только постановлению в данном случае Временного Правительства, но и постановлению той самой организованной, полномочной революционной демократии, [к] которой здесь в течение всего Съезда и вне его взывают [1]) товарищи большевики. Мы знаем, что Петроградский Совет постановил, что такие захваты помещений недопустимы, и вот, товарищи, я в виду этого совершенно отказываюсь понимать, как нам могут говорить, что мы такого факта судить не можем и не должны. Ведь, товарищи, когда здесь говорилось тов. Луначарским, что Временное Правительство не имеет такой власти и силы и нужного авторитета, чтобы такое массовое движение подавить, то неужели и с их точки зрения, товарищей большевиков, мы не имеем права, мы, я повторяю, та самая организованная демократия, по отношению к которой они считают возможным превращение ее даже в конвент, тоже не имеем права? Поэтому, товарищи, не только с нашей точки зрения, но и с точки зрения товарищей большевиков, вопрос должен был бы быть ясен, и я от имени фракции всеобщего еврейского союза Бунда заявляю, что фракция будет голосовать за предложение президиума. (Рукоплескания.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Товарищи, по этому вопросу считает необходимым дать разъяснение министр юстиции, который сейчас здесь присутствует. Угодно собранию выслушать заявление министра юстиции Переверзева? (Голоса: «Просим»).

(Предложение выслушать министра юстиции баллотируется и принимается).

ПЕРЕВЕРЗЕВ (Рукоплескания). Я прежде всего должен доложить Съезду, что фактическая сторона заявления, сделанного тов. Каменевым, не соответствует действительности.

В этом печальном инциденте, который сейчас занимает ваше внимание, ни я, как министр юстиции, ни прокурор петроградской судебной палаты, который исполнял мое приказание, ни в чем не виноваты. Я открыто иду на сделанное здесь предложение расследовать это дело, потому что доказательства моей невиновности в том, что произошло, вполне документальны.

Вчера по моему распоряжению комиссару Выборгского района прокурором петроградской судебной палаты было послано письменное предписание, которое гласило буквально следующее: «Прошу принять меры к выселению из особняка Дурново лиц, занявших этот особняк, именуемых партией анархистов-коммунистов». Только такое и было постановление. Только такое требование и было предъявлено тому населению, которое пользовалось и дачей Дурново, и парком, который около этой дачи находится. Кто и во имя каких интересов использовали это наше приказание, которое я не знаю в каком виде появилось в газетах, и за которое мы не отвечаем, но, во всяком случае, не власть вызвала то смущение и возмущение со стороны населения, которые мы наблюдаем сейчас.

Необходимость той меры, которая была нами принята, вызывалась обстоятельствами момента. По тому инциденту, который разыгрался недавно на Ивановской улице, [116] когда вооруженные пулеметами, винтовками и снабженные бомбами люди ворвались в чужое помещение и захватили чужое помещение, когда наши власти расследовали это обстоятельство, то было установлено, что среди тех лиц, которые ворвались в типографию, находились лица, имеющие пребывание в качестве анархистов-коммунистов на даче Дурново. Вот в виду этого обстоятельства было сделано распоряжение,

---

[1]) В подлиннике «вызывают».

вовсе не желая использовать какие бы то ни было съезды, вовсе не бросая никаких вызовов демократии, которые, я, как министр революционной России, как человек, который всю свою жизнь, не только после революции, был верен идеям демократии и подтвердил это не на словах, а на деле, я не мог этого сделать.

Я имел целью лишь взять тех лиц, деятельность которых была преступна и осуждена не только Петроградским Советом Р. и С. Д., но которая недопустима ни при каких обстоятельствах и которая прежде всего составляет угрозу нашей революции и завоеванной нами свободе. (Рукоплескания.) Поэтому мне теперь в своих объяснениях не в чем оправдываться и суживать свой приказ. Я только его разъясняю, потому что население, которое было поднято против меня и моих представителей, не знало в точности этого приказа; вы поймете, почему это было. Приказ отдается одному представителю власти, представителю милиции или комиссариата, а не публикуется во всеобщее сведение, — такого порядка не было и не может быть, и этого не было сделано. И я не знаю и нельзя знать, какая злая воля и в каком направлении использует ваши добросовестные действия. (Рукоплескания.)

Теперь только в виду возбуждения умов я и предпринял это разъяснение по предложению Исполнительного Комитета Совета Р. и С. Д. Я должен вам сказать, что никакого противоречия, по крайней мере, с моей точки зрения, нет в том, что мы требуем только выселения этих анархистов по обстоятельствам, которые вы знаете. Что касается других рабочих организаций, которые занимают этот дом, то, с одной стороны, это обстоятельство мне было неизвестно, а с другой стороны, само собою разумеется, я не вижу в этом такого факта, который бы требовал с моей стороны немедленных и решительных мер. Должен вам сказать и как прокурор петроградской судебной палаты, которым я был первые два месяца после революции, и как министр юстиции, я не только не препятствовал рабочим организациям использовать те или другие помещения, вызывая этим ярые нападки буржуазной печати, я оказывал им содействие. В настоящее время по моему приказанию при прокуроре петроградской судебной палаты существует и функционирует квартирная комиссия, целью которой — разрешить неотложный вопрос предоставления необходимых помещений рабочим клубам и вообще рабочим организациям. Я считаю предоставление таких помещений неотложным требованием момента для того, чтобы рабочее движение, демократическое движение могло лучше организоваться, могло правильнее функционировать. Этим организациям необходимо иметь помещения, где бы могли соединяться лица для тех или других целей развития рабочего движения. Я считаю это своей обязанностью и, само собою разумеется, что я никак не мог дать такого приказания, чтобы немедленно разогнать во что бы то ни стало тех людей, которые там мирно существуют. Я должен сказать, что это прежде всего мне было неизвестно, но теперь я вам объявляю, что после того, как я узнал об этом, я приму меры к тому, чтобы узнать, на каких основаниях эти лица пользуются этим помещением, и с своей стороны приду им на помощь, чтобы это не было захватом, а было бы правомерным пользованием этих помещений (рукоплескания), в которых они находятся.

Я скажу несколько последних слов. Граждане, мы тут все говорим о контр-революции, но, мне кажется, я не ошибаюсь, потому что это не мое только представление, не моя только мечта, но на основании тех мелких фактов, которые ко мне, как министру юстиции, стекаются со всех концов России, я утверждаю, что контр-революция, по крайней мере, в настоящий

момент не придет в своем открытом и неприкрашенном виде, что на нас, на защитников свободы демократии, не пойдут со знаменами, где будет написан девиз «самодержавие», не пойдут с портретами бывшего царя. Контр-революция организуется и она придет к нам под маской дезорганизации. Она не побоится выбросить самые страшные лозунги для того, чтобы ввести в смущение умы и чтобы раздразнить темные инстинкты. Вот этого мы, товарищи, боимся и с этим мы, как представители революционной власти, считаем необходимым бороться, бороться всеми средствами и не отступать до конца. И я полагаю, что вы, вы, перед которыми я в первый раз в жизни имею честь говорить, как представителями организованной русской демократии, победоносно сломившей старого и заклятого врага моей родины, я думаю, что вы поддержите нас в этой борьбе. (Шумные рукоплескания.)

ГЕГЕЧКОРИ. Товарищи, первым и главным условием, которое я и всякий честный революционер обязан ставить в политической борьбе, это — ясно и открыто сказать, чего мы хотим и к чему идем. И с этой стороны я должен сказать, что когда сегодня на заседании бюро Исполнительного Комитета я выслушал представителей той организации анархистов-коммунистов, которые заняли дачу Дурново, товарищи, я должен сказать, я был возмущен, я негодовал, но вместе с тем я должен признать, что их заявления непосредственны, они, может быть, наивны, но открыты и просты. Чувство презрения во мне это [не?] возбуждало.

К чему я, товарищи, это говорю? Говорю я это к тому, что то, что сейчас происходит у нас в России, в особенности в Петрограде, этот захват дачи Дурново, этот захват типографии «Русской Воли», это желание реквизировать дом «Нового Времени» и все остальное надо назвать или анархическими выступлениями, дезорганизующими революцию, и в таком случае надо противодействовать таким явлениям, надо бороться против них; или же надо признать, что эти явления совпадают с нашими стремлениями, с общими нашими целями, и тогда надо с ними считаться.

Что же нам говорят такие ораторы, как Луначарский, Каменев и другие? Товарищи, разве в этих заявлениях, неопределенных, половинчатых, разве в них видна какая-нибудь ясность? Я должен сказать, что этого я не усмотрел. Что же они говорят? «Да, с одной стороны, мы, конечно, осуждаем, но, с другой стороны, мы не можем не признать, что вот власть» и т. д., и т. д.. (Рукоплескания.) Я считаю, что тот, кто печется о достоинстве и о престиже власти революционной демократии, организованной в вашем лице, с такими заявлениями не имеет права сюда выходить. (Шумные рукоплескания.) Надо было, товарищи, сказать, что выступления президиума, порицающие подобного рода факты, мы признаем и их поддерживаем, или надо было сказать, что мы по существу не разделяем этого и противодействуем. Они этого не сказали. Они приплетали то обстоятельство, что Временное Правительство и мы как будто бы не выступаем против контр-революционных выступлений, против шагов казачества.

Прежде всего, я должен сказать, товарищи, что та связанность, которую они хотят перед вами представить, эта связанность является лишь с моей точки зрения только их желанием выйти из положения. Я утверждаю, что у нас найдутся решимость и энергия, а также и желание для того, чтобы все контр-революционные выступления, откуда бы они ни исходили, пресечь и бороться с ними. Но сейчас речь шла не о казачестве,—об этом будет речь впереди: тогда т.т. Луначарский и Каменев узнают, какое будет наше отношение к этому факту.

Сейчас же вопрос мы ставим определенно: если мы желаем, чтобы наша революция, наши выступления, наша борьба носили организованный, целостный характер, если мы желаем, товарищи, чтобы революционная борьба шла победоносно к своему конечному результату, такие выступления анархические, которые дезорганизуют революцию, — они сами это признают, — должны пресекаться. Мы к этому вас призываем, мы на это обращаем ваше внимание, товарищи. И я убежден и надеюсь, что мы получим единодушную опору и единодушное одобрение нашим действиям. (Рукоплескания.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Итак, товарищи, я ставлю на голосование оглашенную резолюцию, предложенную вам от имени Исполнительного Комитета и от имени президиума. Я голосую, товарищи. (Баллотировка). (Во время баллотировки раздаются возгласы: «Лицемеры!»). (Голос: «Я вношу предложение, чтобы выяснить, кто воздержался»). Товарищи, я прошу поднять руки тех, кто воздержался [1]).

Товарищи, в порядке дня просит слова тов. Хинчук.

ХИНЧУК. Товарищи, от имени меньшевистской фракции считаю необходимым предложить вам следующее. В виду того, что по вопросу о Временном Правительстве высказались и со стороны фракции, и с мест довольно много, вопрос окончательно выяснен, и в виду того, что мы уже заседаем семь дней и тем не менее мы еще стоим на первом вопросе, в виду того, что у нас имеется целая масса важнейших и неотложнейших вопросов, как в секционной работе, так и в пленарной, мы считаем необходимым, чтобы прения сейчас были прекращены, чтобы слово было предоставлено только докладчику. (Голоса: «Правильно».)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Так вот, товарищи, угодно будет кому-нибудь высказаться за, другому — против? Слово принадлежит тов. Меньшиковскому.

МЕНЬШИКОВСКИЙ. Товарищи, я вполне согласен, что много выслушали фракционных ораторов и политических речей по вопросу о том, как смотрит с.-д. большевистская, с.-д. меньшевистская, с.-р. такие и сякие; мы выслушали очень много политических речей, но вопроса об отношении к Временному Правительству мы вполне еще не разъяснили.

Представьте себе, что многие не попали в фракционные ораторы, что многие, быть может, имеют свое отдельное мнение, которое вы не выслушали. С другой стороны, я вполне понимаю, что вам нет времени говорить все время об одном и том же вопросе, и если вы, товарищи, желаете по такому важному вопросу, как вопрос об отношении к Временному Правительству, который имеет огромное значение и огромную связь с вопросом о войне, так же, как и ко всем организационным вопросам, то уж позвольте, товарищи, если вы считаете возможным прекратить теперь прения, то вы и по другим вопросам сначала выслушайте многое попутно с другими вопросами. Тогда, товарищи, отложите решение о резолюции до тех пор, пока вы не выслушаете всех мнений по отношению к войне и по отношению к другим вопросам, так как многие из нас, может быть, желают выступить и сказать свое слово. Ибо здесь все были официальные ораторы, ни одного неофициального оратора здесь перед вами не было, и поэтому я считаю, товарищи, что ваше решение прекратить прения и сразу же этим прекратить прения [2]) по всем кардинальным вопросам в то время как многим из нас, инако мыслящим, желательно высказать свое мнение, необоснованным. Одно из двух: или вы обязаны считать

---

[1]) В «Известиях» № 88 от 10 июня, после речи Гегечкори следует: «При голосовании Съезд подавляющим большинством голосов одобрил предложения президиума».— [2]) В подлиннике: «решения».

себя морально принужденными продолжать прения и выслушать других ораторов, либо отложить вопрос о своем отношении к Временному Правительству, которое стоит в зависимости от многих кардинальных вопросов, а главным образом в зависимости от вопроса о войне, потому что первый источник всех вопросов, это — война. И вот я призываю вас голосовать: либо за то, чтобы продолжать прения, либо, еще лучше, — вынести резолюцию после того, как вы выслушаете прения по отношению к вопросу о войне.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Позвольте поставить на голосование вопрос о том: угодно вам, товарищи, прекратить прения или же нет? (Баллотировка.) Прения прекращены. Слово будет предоставлено сперва тов. Церетели, а потом докладчику Исполнительного Комитета тов. Либеру.

ЦЕРЕТЕЛИ (Шумные рукоплескания). Товарищи, прения по вопросу об отношении к Временному Правительству закончены, и вам предстоит принять свое решение. И вот, товарищи, я, как представитель революционной демократии во Временном Правительстве, хочу сказать с полной ясностью, чтобы не было никаких недомолвок, никаких недоразумений, в каких условиях мы считаем возможным работать, что с своей стороны мы можем сделать во Временном Правительстве в будущем и какой поддержки от вас ждем в том случае, если вы признаете необходимым оставить нас, ваших представителей, во Временном Правительстве.

Товарищи, коалиционное Временное Правительство, это — соглашение революционной демократии с буржуазией, попытка совместными силами со всеми прогрессивными слоями страны решить те задачи, преодолеть те великие трудности, которые стоят на пути революции. И вот, товарищи, мне кажется,—я внимательно прислушивался к прениям, здесь происходящим, — недостаточно отчетливо выяснены и причины, и характер этого соглашения. Я считаю, товарищи, что в настоящий момент, когда требуется напряжение всех сил для преодоления и внутреннего и внешнего кризиса, бесспорно, справиться с этой задачей может только власть, объединяющая доверие громадного большинства населения.

Несмотря на огромное влияние, которое всем ясно, всеми признано, органов революционной демократии, я считаю столь же бесспорным, что в настоящий момент в стране единственной властью, объединяющей все живые силы, такие органы явиться не могут. Когда говорят: господствующие классы—буржуазия, то это не пустая фраза и вместе с тем не только выражение экономического положения данного класса. Для всякого, кто умеет видеть действительность, ясно, что в самых широких слоях населения есть еще другие нити, связывающие господствующие классы с народными массами, цензовые элементы с неимущими классами.

В начальный момент революции, когда оказалось, что вокруг третьеиюньской Думы впервые мобилизовались революционные силы, когда они окрестили третье-июньскую Думу революционным огнем, мы увидели воочию, что для очень широких слоев демократии открытое народное представительство, хотя и на самых урезанных цензовых началах, все-таки являлось носителем прогрессивных идей. И именно здесь впервые оказался тот центр, который, несомненно, — этого мы здесь отрицать не можем, — оказал услуги революции. Мы считаем, товарищи, что революция, чтобы она окрепла, чтобы она достигла всего того, к чему стремится весь народ, эта революция должна развиваться по восходящей линии, и она не может остановиться. Она должна итти вперед, ставя на очередь коренные вопросы и внутренней и внешней политики и разрешая эти вопросы так, как это соответствует интересам огромных слоев населения.

И вот в этом поступательном ходе революции, в этой практике революции воспитывается народное сознание. Этот поступательный ход революции вместе с тем ставит на испытание авторитет тех или иных общественных групп, признаваемых населением. И вот относительно буржуазии совершается именно этот процесс. Если в первый момент революции в центре движения оказалась Государственная Дума вместе с Советом Р. и С. Д., и из недр этих двух организаций была создана революционная власть Временного Правительства, если так было в начальный период революции, товарищи, то в дальнейшем, при поступательном ходе революции, при новых задачах, перед ней стоящих, и при необходимости разрешать эти задачи в интересах всего населения, обнаружилось, что многие слои, стоявшие раньше как будто бы по линии развития революции, откололись от этого и остались в стороне от всенародного движения.

В первый момент революции, товарищи, не возникало сомнения в том, могут или не могут быть представленными во Временном Правительстве даже и такие по существу империалистские слои буржуазии, как Милюков, Гучков. Вы знаете, что правительство было признано всей революционной демократией. Но когда перед лицом всего народа стали вопросы, разрешения которых в своих интересах ожидал весь русский народ, и когда эта часть буржуазии не смогла решить эти вопросы, как того требовали интересы всей страны, и они перед лицом всего народа оказались лишенными доверия, они были отброшены поступательным движением вперед революции. И я думаю, товарищи, это — тот путь, которым будет вообще итти вперед наша революция. Каждый данный момент вокруг задач, выдвигаемых моментом, она сплачивает все те силы, которые способны стать под это знамя. Движение вперед — вопрос жизни или смерти революции. Она должна двигаться вперед, чтобы остаться живой, чтобы победить. И вот, идя по этой восходящей линии, революция выдвигает все новые задачи, дает определенные решения, воспринимаемые всенародным сознанием. Она зовет всех, кто способен стать под этим знаменем, под это знамя; и если кто окажется неспособным под этим знаменем, они отходят, но отходят, не увлекая с собою широких народных слоев, отходят, оставаясь изолированными, как отошли и Гучков и Милюков, как отошел также и Коновалов.

Революция не выдвигает утопических задач, революция не выдвигает авантюристических способов решения ни во внешней, ни во внутренней политике. Она понимает, что платформа сегодняшнего дня, линия, по которой движется революция, эта линия — демократическая республика в ее наиболее крайних, радикальных формах и в области политической, и в области социальной. И вот, выдвигая эту всенародную платформу, платформу, воспринимаемую и рабочим классом в качестве этапа для осуществления своих конечных целей, платформу, воспринимаемую и революционным крестьянством и революционной армией, как наиболее соответствующую задачам данного момента, она предлагает встать на эту платформу всем живым слоям населения, всей буржуазии, способной возвыситься над своими узкими, своими корыстными интересами во имя этих общих демократических задач, не исключающих их существование, — наоборот, открывающих свободный простор для развития демократической страны. И, выдвигая эту платформу, она считает, что кто ее принимает, принимает в том соглашении, которое призвано провести в жизнь, осуществить эту платформу.

И преобразованное Временное Правительство, коалиционное настоящее правительство, именно такую платформу выставило и во внешней, и во внутренней политике. И вот является вопрос: правильно ли мы учли обстоятельства, не привлекли ли мы под эту платформу людей, не спо-

собных осуществлять ее, людей, вступивших туда для того, чтобы саботировать эту программу, чтобы помешать ее практическому осуществлению? Я вам скажу, товарищи, в настоящий момент огромное большинство населения объединилось под этой платформой. Там могут быть слои, которые пришли, недостаточно осознав значение этой платформы, которые пришли, может быть, со злой волей саботировать эту платформу. Да, это возможно, но, во всяком случае, товарищи, единственный способ закрепить ее, осуществить, единственный способ — это поставить перед всем народом в практической форме решение всех тех задач, которые диктуются нашей платформой. Если есть элементы буржуазии, ставшие под эту платформу, но не воспринявшие ее на самом деле, если есть такие элементы буржуазии, то при практическом решении этих вопросов, когда будут предложены практические мероприятия для проведения их в жизнь и они откажутся принять ее, вот в этот момент перед лицом всего народа они будут отброшены от соглашения и отброшены, будучи изолированными, не увлекая за собою всех тех, кто необдуманно, быть может, но именно их облекает своим доверием.

Это—единственный путь, товарищи, каким революционная демократия, не расстраивая собственных рядов, не расстраивая рядов всего народа, может во главе со всем народом итти по пути, закрепляющем завоевания революции и углубляющем эти завоевания. Если верны те подозрения, что наш блок с буржуазией ошибочен, то не нужно забывать, что эту ошибку в настоящий момент разделяет огромная масса народа. Мы не можем говорить, как пророки, что мы знаем наверное, что именно так будет, но мы можем с уверенностью сказать так: мы от своей программы не отступим, мы поставим в порядок дня проведение ее в жизнь, и все те, которые не принимают эту всенародную платформу, помешают ее проведению в жизнь, все те будут отброшены от нас и отброшены в таких условиях, которые гарантируют победу революции. (Рукоплескания.) Но пока это не сделано, товарищи, расстраивать ряды народа, исходя из своих предположений, не разделяемых огромной частью народа, это значит дезорганизовать силы революции, ибо никто здесь не может отрицать, товарищи, — только утописты будут это отрицать, — что все-таки представители буржуазии — та самая Государственная Дума, которая здесь трактовалась, как уже безнадежно отпетое контр-революционное учреждение, — может быть, это так и есть, товарищи, но в народном сознании это выявится только при постановке практического вопроса, только при проведении в жизнь всей буржуазной программы.

Нужно итти вперед и отбрасывать в сторону всех, кто мешает, но если начинать с того, что мы будем отталкивать всех, не оставляя никого, кроме себя, и в таких условиях, когда ты знаешь, что те, кого ты отталкиваешь, пользуются доверием очень широких народных слоев, ты навредишь тому делу, к которому ты идешь. Это не было путем революционной демократии с самого начала революции, это не будет ее путем, потому что тот прежний путь, про который здесь справедливо говорили, что он ведет демократию от победы к победе, только этот путь может повести демократию еще к новым победам.

И вот, товарищи, в настоящий момент представители революционной демократии в современном правительстве напряженно работают над этой задачей, чтобы в практической форме перед лицом всего народа поставить вопрос о социальном и политическом преобразовании, которое нужно революционной России.

Когда здесь критиковали наши действия, то, кажется, всеми было безмолвно признано, что сразу, в готовом виде, выдвинуть все эти мero-

приятия было бы не по силам не только тем отдельным представителям революционной демократии, но и всей революционной демократии, вместе взятой. Принципиальное решение вопроса и отношение к тому или иному общему вопросу, — все это у нас есть, товарищи; превращение всего этого в конкретные законопроекты, сообразованные с интересами революционной демократии, это требует времени, это требует работы, и, конечно, не вина революционной демократии, что она свергла старую власть, стала хозяином положения в таких условиях, когда ею не была еще проделана вся техническая работа. Три месяца тому назад представителям революционной демократии или ее организации смешно было бы сидеть над разработкой законопроектов в предвидении, что она окажется хозяином страны.

Конечно, тогда боролись за свержение; когда это свержение случилось с молниеносной быстротой, наступила пора творческой работы, необходимость некоторой подготовительной стадии, формулирующей принципы революционной демократии в форме конкретных мероприятий. Конечно, мы любой из этих вопросов поставим перед Временным Правительством и, в зависимости от того, как они будут слагаться, как они будут проводиться в жизнь различными слоями населения, наше отношение к этим слоям будет определяться, и мы глубоко убеждены, как мы идем по линии демократического развития выдвигаемой всенародной платформы, но в этих условиях если мы будем расходиться с отдельными слоями, то вместе со всеми народами будем итти вперед, мимо них.

Вот наша задача, товарищи. Когда мы говорим о поддержке Временного Правительства, мы отстаиваем именно этот путь; мы не беремся за задачу пророчествовать, кто именно до конца будет итти с революцией, но мы говорим: до тех пор, пока к этой всенародной платформе примыкают те или другие прогрессивные слои, до тех пор, [пока] все практические задачи, нами решенные, нами выдвинутые, принимаются из тех же соображений, — из соображений всенародного блага и развития революции, — до тех пор было бы безумием отталкивать эти слои, но было бы безумием отклоняться от этого пути решительных демократических преобразований ради того, чтобы заглаживать какие бы то ни было расхождения, чтобы цепляться за компромиссы. Вот в этом случае, если бы мы, товарищи, пошли таким путем, если бы отказались от проведения в жизнь всего того, что обязаны проводить в жизнь, то в этом случае нас нельзя было бы поддерживать, и демократия должна была бы нас отозвать и послать других представителей, способных до конца отстаивать революционную линию революционной демократии. Вот в этом смысле надо понимать поддержку: идя вперед и ведя всех тех, кто способен итти вперед, и в тот момент, когда те или другие слои отстают, в этот момент отрываться от них и продолжать поступательное движение вперед. Вот в этом смысле мы говорим о поддержке Временного Правительства в целом. (Рукоплескания.)

Затем, товарищи, мы не раз говорили здесь, что мы являемся ответственными представителями революции. Это говорили мы не только как министры, ответственные перед вами, но как члены революционной демократии, члены этой великой семьи, являющейся в настоящий момент определяющей силой революции, несущей ответственность за весь ход революции. И вот здесь делались возражения, что и другая часть, часть, критикующая наши действия, часть, выдвигающая другую программу, тоже чувствует себя не менее ответственной, тоже считается с тем, что за каждое свое предложение, за каждый свой шаг она отвечает перед всем народом. С такой общей постановкой, товарищи, я согласен: все мы оди-

наково ответственны, но я утверждаю: ответственность политическая, это — не только ответственность за свои добрые намерения, нет, не только ответственность за те цели, к которым ты идешь, нет: ответственность революционной демократии, это — ответственность и за те последствия, к которым поведут ваши шаги. (Рукоплескания.) Вот в этом смысле в этой зале ответственно огромное большинство и совершенно безответственно меньшинство. (Продолжительные рукоплескания.)

Я говорю: все то, что нам предлагалось, — я заранее признаю, что это предлагалось из прекрасных побуждений, революционных, из соображений об интересах рабочего класса, всей демократии, — да, но рассмотрите конкретные мероприятия, которые здесь предлагались от начала до конца. Нам предлагали итти путем ультиматума с союзниками, нам предлагался этот путь. Я говорю: намерения прекрасные — водворение всеобщего мира, и если за намерения спрашивать ответственность, то предлагавшие могут нести эту ответственность, — у них хорошие намерения. Но мы сознаем, что этот ультиматум может привести к разрыву дипломатических сношений, к тому сепаратному миру, который похоронит всю русскую революцию. За это кто отвечает? Конечно, революционная демократия хочет нести ответственность за это, учитывая объективные последствия своих шагов. Я утверждаю, эта ответственность — вне поля [зрения] тех, кто диктует такие, я бы сказал, авантюристические шаги. (Рукоплескания.)

Я вам скажу еще об ответственности во внутренней политике. Здесь диктовалось такое мероприятие: арестовать несколько десятков капиталистов. Наложить руки рабочего класса, создать революционное правительство даже, если бы это оказалось нужным, из представителей отдельной левой части, — даже такое предложение делалось. Да, намерения очень хорошие. Это правительство, правительство Ленина, очевидно, желает стать у власти, стать у власти в настоящий момент немедленно из желания принести пользу. (Шум, рукоплескания. Голоса: «Ничего подобного».) Товарищи, я только хочу напомнить, что когда я с такой горячностью доказывал здесь, что здесь нет сторонников немедленного захвата власти, на мои слова откуда-то раздались крики «неверно», а потому отсюда вас уже поучали: «да, мы готовы в любой момент, когда угодно»... (Рукоплескания. Шум). Это все равно, товарищи, я критикую не отдельных лиц, я критикую направления.

Я говорю, что если в том случае, если будет маленькая группа, отдельно взятые левые, если это будет представительство солдатских и рабочих депутатов, — я говорю: здесь намерения хорошие, намерения вывести страну из этого кризиса, в котором она находится. Но я говорю: каковы последствия этого шага? Гарантируют ли это, товарищи, которые настаивают на создании такого правительства, гарантируют ли они, гарантирует ли, например, Ленин, что правительство большевиков в настоящий момент, сегодня, будет признано всей Россией? (Рукоплескания.) Об этом говорил здесь Ленин. Я скажу другое, товарищи. Я не своей волей разделяю вас и Ленина; я только разделяю это, в виду заявлений, которые здесь услышал, в виду протеста против единства... (Шум.) Сейчас я скажу и о вашей позиции, товарищи, не беспокойтесь. (Рукоплескания.)

Товарищи, вот другая, совершенная форма оппозиции; она говорит: пусть станет у власти большинство Советов Р. и С. Д. Очевидно, товарищи, вы не исключаете принципа пропорционального представительства и в этом правительстве и для тов. Ленина будет место. (Смех, рукоплескания.)

Я говорю: гарантируют ли эти товарищи последствия, гарантируют ли они всенародное признание такого правительства, гаралтируют ли они

признание его всей революционной армией, всем крестьянством такого правительства? Если они, товарищи, гарантируют, то они не ведают, что говорят. (Рукоплескания.) Товарищи, организованное крестьянство, организованная армия, организованный рабочий класс, в вашем лице, товарищи, в лице Совета К. Д. в лице фронтовых съездов ясно и твердо сказали: нет, мы знаем, что в настоящий момент объединить все живые силы страны, выдвинуть их вперед может именно только преобразованное коалиционное правительство. (Рукоплескания.) И вот я говорю, товарищи: как же не назвать безответственными этих людей, которые все-таки хотят сделать попытку? Но ведь они же понимают, что в стране, во главе которой в качестве захватчиков оказались бы носители власти, не признанные всей страной, это неизбежно вызовет отпор, вызовет отпор со стороны широких кругов населения. Вот теперь, товарищи, когда бережное отношение к революции считается долгом каждого демократа, теперь, когда мы понимаем, что революция, это — осажденная крепость, и война, товарищи давит, и угроза голода и финансового краха, — все это стоит перед революцией, — но она крепка своим единством, она не поддается этому натиску, и мы верим: она сумеет преодолеть этот натиск. Если же изнутри, товарищи, будут сыпаться на те же стены удары, начнется гражданская война, дезорганизующая и демократию, и все население, то в этот момент представляете ли вы последствия этого?

Здесь много говорят о контр-революции. Но знаете ли вы, что единственный путь, которым эта контр-революция может притти к нам, единственный путь, это — путь гражданской войны, хоронящей революцию? (Рукоплескания).

И вот, товарищи, когда мы говорим: создайте Временное Правительство, способное объединить живые силы страны, то мы несем ответственность не только за наши добрые намерения, мы несем ответственность и за последствия, мы несем ответственность за то, что это именно есть единственный путь, спасающий страну, дающий ей выход из кризиса без предварительной кровавой бойни, к которой неизбежно приведет гражданская война. Гражданская война вызовет захват власти со стороны правых, сознательных контр-революционеров или со стороны левых, безответственных, но своими безответственными действиями подготовляющих почву контр-революции. (Рукоплескания.) Вот, товарищи, это трудная задача. Мы знаем, что, может быть, это может рухнуть, я не знаю, справимся ли мы со всеми теми трудностями, которые перед нами стоят. (Голоса: «Мы вас поддержим».)

Я знаю, товарищи, вы поддержите эту линию, и мы вместе или умрем, или победим. (Продолжительные рукоплескания.) Но я знаю, товарищи, что в настоящий момент мы присутствуем при решительном, поворотном моменте революции. Со всех сторон, товарищи, и в области международных отношений, и в области внутренних отношений, огромные задачи, почти непреодолимые препятствия. И вот теперь мы присутствуем при картине напряжения всех сил страны, объединения всех сил для того, чтобы этим героическим усилием, не останавливающимся ни перед какими жертвами, этим общим напряжением вывести страну из той пропасти, в которую она упадет, если на минуту ослабнет. И вот, если эту попытку мы делаем, мы делаем ее в условиях, гарантирующих демократии максимальное осуществление всех ее начинаний, в условиях, когда ни одна сила не сбрасывается с наших высот до тех пор, пока ее можно использовать для всенародного дела, в условиях, когда каждая сила будет сбрасываться не только нами, но всем народом, как только она придет в столкновение с реальными

интересами народа. Это—наша политика, это наше знамя, это наша честь, и под этим знаменем, товарищи, я надеюсь, нам придется или умереть, или победить. (Продолжительные рукоплескания.)

ЛИБЕР. Товарищи, со стороны многих делегатов мне пришлось слышать заявление, что прения наши приняли несколько односторонний характер, что они были заострены в сторону тех, которые стоят влево от нас, но не были заострены в сторону тех, которые стоят вправо от нас. Товарищи, я полагаю, что для этого имеется вполне определенные основания. Основания эти сводятся к следующему: прежде всего, по отношению к тем, которые стоят справа, а при теперешнем резком распределении соотношения сил справа от нас стоят те, которые в открытой или замаскированной форме подготовляются к контр-революционной работе, к урезыванию наших свобод на половину, вот по отношению к ним нужно не оружие критики, а критика оружием. (Голоса: «Правильно».)

Вот почему ясно, что заниматься полемикой с теми, которые подготовляют покушение, подготовляют поход против революционной демократии, не приходится. Затем причина состоит и в том, что нет лучшего средства, нет лучшего отпора натиску справа, постепенно подготовляющих поход против нас, как укрепление себя здесь, как превращение нас самих в единую мощную революционную организованную силу. Вот чем объясняется то, что наши дебаты в продолжение всех этих дней были сконцентрированы главным образом, вокруг одного вопроса, — вокруг вопроса о том, как бы нам создать ту единую организованную революционную силу, как создать единую организованную власть.

Переходя к этому вопросу, я должен сказать, что очень часто споры между нами, защищающими здесь эту точку зрения, как успело обнаружиться, зна́чительным большинством Съезда, споры с занимающими позицию меньшинства сводились к следующему: будто бы мы все вместе призваны к тому, чтобы выработать самую лучшую формулу, самый лучший рецепт образования этой единой сильной революционной власти в момент войны.

И вот, когда нам указывают, с одной стороны, правительство, которое состоит из Шингарева, Терещенко, Некрасова и среди них Пешехонов, Церетели, Скобелев, то нам говорят: ваша формула внутренне противоречива, а у нас есть более цельная, более действительная формула: 12 Пешехоновых — это гораздо проще, чем 6 социалистов и 10 других министров, принадлежащих к другому лагерю. Ясно, что это уже есть спор не о создании известной власти в данной объективной обстановке, — это сводится к игнорированию объективной обстановки, — а просто о создании измышления, изобретения наиболее радикальных, чудодейственных рецептов. И вот к рассмотрению этого я подхожу.

Ясно, что когда мы разрешаем вопросы тактики, то мы столь же обязаны считаться с тем, какова наша воля, каково наше желание, как и с тем, какова наша объективная среда, каковы те условия, в которых мы эти желания должны проводить. Всякое игнорирование этих объективных условий приведет к тому, что лучшие наши пожелания останутся только одними пожеланиями и в жизни осуществлены быть не могут, ибо эти объективные условия выдуманы не нами, они нам навязаны, быть может, этой войной, которая до известной степени осложняет нашу задачу. Если бы войны не было, все было бы проще, но эта война — она есть факт, который мы устранить не можем.

Точно также вопрос о том, что рабочий класс не в состоянии произвести социальной революции, — это определяется не тем, что рабочий класс или его вожаки не хотят социализма, а определяется теми объективными условиями,

которые нам даны, и которые мы изменить моментально не в состоянии, и которые определяют ту объективную обстановку, в которой осуществляется наша тактика. Если эти обстоятельства принять во внимание, то вы увидите, каковы могут быть способы разрешения тех больных вопросов, которые здесь подняты. Вопрос о том, как в обстановке войны и внутренних крупнейших неизбежных социальных конфликтов, как создать в этой обстановке единство власти, единство революционной демократии, как обеспечить закрепление демократических завоеваний революции? Прежде всего к тем лозунгам, которые в связи с вопросом о Временном Правительстве возникали по отношению к войне,— вы знаете, что был выдвинут следующий лозунг: лозунг революционной войны, который вентилируется теперь на страницах прессы; после того, как лозунг сепаратного мира оказался лозунгом клейменным, он был заменен лозунгом сепаратной войны, — это есть лозунг, который был ему противопоставлен.

В чем собственно состоит этот лозунг? Суть лозунга этого сводится к тому, — если в него вложить определенное содержание, — что Россия порывает всякую связь с союзниками и заявляет: с сегодняшнего дня, мы одни ведем войну против всех стран. Возьмите этот лозунг и поставьте его конкретно, и вам будет совершенно ясно, что те, которые его прокламируют, не могут предлагать его искренно, ибо главная их мотивировка против продолжения войны сводится к тому, что Россия не может вести дальше войны, ибо объективные условия нашей страны таковы: мы настолько истощены, что всякое продолжение войны до бесконечности является для нас совершенно невозможным.

И вот, когда в этот самый момент нам говорят, что мы бессильны вести войну вместе с Англией и Францией, но мы достаточно сильны вести войну против всего [контр]-революционного мира, вести войну не классовую, а войну, в которой мы, как воюющая держава, поведем бой против всех стран, то я предоставляю вам судить, в какой мере может быть политически искренним такой призыв. (Рукоплескания.)

Дальше нам говорят о войне без конца. Что такое война в той постановке, которую нам предлагают? Нам говорят: неправда, будто бы мы являемся пацифистами, сторонниками мира. Нет, дайте нам власть, и наша новая революционная власть с энтузиазмом поведет дальше революционную армию против всего мирового империализма. Хорошо, я предлагаю сторонникам этого лозунга послать делегацию на фронт и сказать делегатам: солдаты, не надейтесь на скорое окончание войны, дайте нам власть, и мы обещаем, что мы будем воевать еще год, сколько понадобится, пока не сокрушим войной империалистов всех стран. (Рукоплескания.) Более того, я предлагаю сторонникам этого лозунга, приходя на митинги в Петрограде, где они ведут кампанию против нас, как будто бы против сторонников войны, пусть пойдут они туда и скажут откровенно. Но там они говорят другое: «солдаты, вы устали, пора кончать войну», а здесь они говорят: «дайте власть». (Рукоплескания.) Вот цена этого лозунга. И дальше они говорят: переход власти — конец войне.

Теперь ясно, что в их постановке вопроса было бы таково объективное положение, что переход власти в руки рабочего класса только в России не знаменует конца войны никоим образом, и что, следовательно, в этой обстановке, когда они, играя на усталости народа, на желании поскорее покончить с этой войной, когда они говорят: у нас в руках есть это чудодейственное средство, — дайте нам власть, и мы сразу это прекратим, это есть не что иное, как попытка использовать усталость народа, использовать для победы определенных лозунгов, которые осуществлены ими быть не могут. (Рукоплескания.)

Дальше, нам говорят, что если власть перейдет к рабочему классу, то война сразу получит другой характер. Нам говорят: тов. Ленин развивал специально эти марксистские тезисы,—что вы рассказываете? Что ваше правительство провозгласило лозунги: война без аннексий и контрибуций? Не в этом суть. Спросите: кто стоит у власти? У власти стоит буржуазия, а если стоит буржуазия, то провозглашайте какую угодно платформу, а война все-таки будет империалистской. (Рукоплескания.) Я продолжу: поставьте у власти социалистов, но не превратите всю Европу сразу в царство социализма. Я спрошу вас: та война, которую будет вести правительство капиталистическое, какая она будет? Разве мы в истории не знаем одной войны, которой закончилась великая французская революция, когда войска думали, что несут по Европе знамена равенства, братства, свободы, что это есть революция, которая прокатывается по Европе и сокрушает троны? По существу, чем были наполеоновские войны? Я вас спрашиваю, если вы создадите социалистическое правительство и это социалистическое правительство будет вести войну, то не ответят ли тогда вам то же самое, что отвечают в настоящее время в ваших же собственных газетах,—не скажут ли вам английские и всякие иные империалисты: хотите с нами вместе или врозь? под социалистическим правительством или буржуазным правительством? немца вы бьете? Бьете и великолепно, следовательно, наша задача осуществлена. (Аплодисменты.)

И, следовательно, объективно, создавайте власть социалистическую, но пока вы строя не создали социалистического, а эта война существует, как война в пределах капиталистических, поражение ваше неизбежно, и, следовательно, по существу этого вопроса из этого обстоятельства не вывернуться.

Теперь дальше. Мы установили определенное положение после происшедшей революции. Мы сказали: война родила революцию, но революция пожрет войну. Вот был наш лозунг, лозунг, который мы продолжаем путем осуществления политики. Теперь, оказывается, нам говорят другое: «война породила революцию, но революция родит войну новую, которую Россия поведет против всех стран». Пусть этот лозунг открыто, смело и мужественно будет формулирован в программах, пусть предложат нам здесь продолжать эту войну, как войну социалистическую, и пусть тогда говорят о том, что они опираются на настроение широких народных масс.

Когда я после этого вопроса перехожу к вопросу о проблеме власти, то вы обнаруживаете здесь то же самое. Есть второй способ образования власти, этот способ характерен для т.т. Луначарского, Ленина и Троцкого и для того огромного настроения, широко развитого, которое называется бланкизмом. В чем же его суть? В том, что люди до такой степени верят в чудодейственные творческие силы всякой власти, что, говорят они, стоит эту власть, этот аппарат захватить в руки социалистам, как они моментально, как рычагом, повернут все общество в совершенно другую сторону. Вся задача сводится к тому, чтобы эту власть в свои руки взять.

Здесь попытались протестовать против того, что говорил тов. Ленин, будто бы Ленин этого не говорил. Я имею перед собою стенограмму. Ленин сказал: «гражданин министр почт и телеграфов Церетели сказал: нет в России политической партии, которая бы выразила готовность взять власть целиком на себя. Я отвечаю здесь: ни одна партия от этого отказаться не может, и наша партия от этого не отказывается, каждую минуту она готова взять власть целиком». (Аплодисменты и смех.) Совершенно естественно, что заявление, что партия большевиков готова взять на себя власть целиком, встретило гомерический хохот на этом Съезде, и это хохот

не в том отношении, что данный Съезд не желал ему [1]) дать власть, а потому что всякий понимает, что [это —] прокламирование о том, что мы готовы, весь вопрос только в том, чтобы портфели попали в наши руки, и мы все сделаем. Как легка эта власть, пусть расскажут нам представители большевиков, которые ездили на Выборгскую сторону уговаривать эти массы, чтобы они слушали призывы большевистских организаций, и эти массы их призывов тоже не слушали.

Когда мы ставим вопрос, почему Совет не берет власть, это и есть та точка зрения, которая неискушенным в политике народным массам так непонятна. Они говорят: зачем вам вступать в какие-то компромиссы, зачем переговоры, зачем возиться то с Шингаревым, то с Некрасовым, к чему это? Зачем вам так осложнять дело, как вы это делаете? Не проще ли так сделать: шесть министров социалистов вы имеете, добавьте только соответственное количество, и вы имеете чисто социалистическое правительство. Тогда мы являемся или чудаками, или людьми, которые прямо служат интересам буржуазии. Здесь вам на собрании определенно говорили неоднократно, что мы власть Совета Р. Д. признаем, и мы требуем перехода власти к Советам, и когда власть будет принадлежать Советам, эту власть будут признавать все. Данное правительство мы можем подозревать в склонности к предательству, а правительство Советов Р. и С. Д. в этом подозревать не будут.

Я не знаю, что не будет, а я знаю, что есть. Большевики в своей прессе пишут, что Советы Р. Д. служат интересам буржуазии, а не интересам пролетариата. (Аплодисменты.) Они пишут это в своей прессе, и, следовательно, не всякому Совету Р. Д., а тому Совету Р. Д., в котором им будет обеспечено большинство, они будут верить, и поэтому они последовательны в этом отношении. Но так как Совет Р. Д. есть не партия, а есть определенный союз на общей платформе различных элементов, то, когда внутри этого союза выяснится неизбежность противоположных интересов элементов крестьянских, рабочих и самих рабочих элементов разных, то тогда-то правительство, которое образует Советы, ведь будет коалиционное или нет? Разве в составе Совета теперь нет трудовиков, с.-р., н. с., социал-демократов всех крыльев, кроме того, нефракционные, — что же, вы их изгоните? А если не изгоните, то, следовательно, у вас останется правительство определенного блока, внутри которого есть вполне определенный антагонизм, и поскольку вы попытались в этом правительстве разрешить вопрос подобным образом, то те конфликты, о которых вы говорите, будут неизбежны по каждому вопросу...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вам по регламенту предоставлено слово на 15 минут. (Голоса: «Просим».) Угодно ли продолжить? (Голоса: «Просим».)

ЛИБЕР. И, следовательно, товарищи, ясно, что Совет не берет в свои руки власть не потому, что он не может, а потому, что он взять ее не хочет [2]) — ему это предлагали, — и потому, что, взявши эту власть, он берет на себя обязательство явиться правительством, которое сможет разрешить все те вопросы, которые выдвинуты революцией в данной обстановке, и разрешить самолично, не только без воли других слоев, а против воли других слоев под давлением воли других. И если Совет Рабочих Депутатов этого не делает, то вследствие тех объективных условий, которых здесь учитывать не желают.

Когда тов. Ленин выдвинул программу социальных вопросов, то, вы припомните, к чему они сводились. Это был тот великолепный рецепт, который был здесь выдвинут, — разбирать его я не стану, но думаю, что

---

[1]) Так в подлиннике. — [2]) В подлиннике: «не может».

с тов. Лениным произошла маленькая ошибочка: он думал, что он говорит на одном из заводов в Петрограде, где, вы знаете, естественная ненависть по отношению к классу капиталистов очень часто принимает персональные формы. И если вы будете говорить: что̀ нам разговаривать с правлением Парвиайнена или Лангезиппена, — арестовать эту банду и нечего разговаривать, — там такой эксперимент, в рамках завода, может показаться очень приятным; но когда он попытался этот рецепт рассказать на трибуне перед всей демократией, то, конечно, ничего, кроме здорового смеха, этот рецепт не получил. Тут уже получилось то положение, при котором наши товарищи народники должны были, что называется, нашим же добром нам бить челом, должны были нас поучать только благодаря тому, что тов. Ленин до сих пор не отказывался от той клички, от которой он собирался отказаться, когда он приехал, — от клички социал-демократа.

Вследствие этого создалось то положение, что т.т. Ленин и Троцкий говорили нам о социальной революции, при чем рецепт ее они предлагали нам только в национальных рамках, в России. Тов. Ленин выдвинул прекрасный проект и чуть ли не параграфы были там детально разработаны. Он забыл к чертежу добавить одно: что будет, если придут немецкие империалисты, английские и японские и своими штыками начнут ворочать эту постройку, — как она будет выглядеть, сохранит ли она свои стройные линии?

Представление о том, что социальный переворот может произойти в рамках национальных, это — та ошибка, от которой я предостерегал в своем докладе, которая сводится к тому, что люди забывают, что русская революция выявила такой антагонизм классовых интересов, который может быть разрешен только в международных рамках всеобщей народной революции, что национально этот вопрос разрешен быть не может, и поскольку они пытались его осветить в национальных рамках, это оказалось бы чем то в роде Парижской коммуны, которая была расстреляна союзом парижской буржуазии с нападающими германскими войсками, т.-е. такой способ разрешения социальных конфликтов, который при всем героизме, который проявился, вряд ли может кому-либо из нас представляться как пример, достойный подражания. Далее т.т. Ленин и Троцкий употребляли такое выражение: тов. Троцкий даже прямо сказал, что у нас имеется какой-то антиреволюционный страх перед властью, а у них имеется большая смелость по отношению к власти. Мы сопоставим страх и смелость, которая имеется в каждом из них. Если[бы] они проявили эту смелость, тогда бы их призыв к тому, чтобы власть была передана им, встретила бы гомерический смех на собрании, а когда они завтра должны были бы от имени этой власти устраивать огромную Россию и ликвидировать международную войну, то это была бы смелость, которая или граничила бы с безумием, или, во всяком случае, свидетельствовала бы о большой отваге.

Теперь нам говорят об антиреволюционном страхе перед властью. Чего мы боимся этой власти, — своей собственной власти мы боимся? Почему? Тов. Церетели вам первый ответил: потому что есть два способа отношения к действительности у деятеля. Первый способ это ответственный, который говорит: я не только действую сегодня, но я предвижу то, что получится в результате моего сегодняшнего действия завтра и послезавтра. Есть другие, которые говорят: безумству храбрых пою я песню; дерзай! Сегодня дерзай и завтра видно будет, а сегодня дерзай, захватывай власть; когда дело дойдет до ответа, там видно будет.

Это есть та смелость, которая свидетельствует об отсутствии под собой той огромной массы, которая только тяжестью своей умеряет наши порывы.

Этой умеренности в порывах мы не только не должны бояться,—побольше ее нужно для того, чтобы свой шаг соразмерять с шагом всей трудовой демократии России, которая еще не успела так быстро пройти через те подготовительные классы социализма, как это прошла часть петроградского пролетариата. Дайте пройти этой массе все эти подготовительные ступени и тогда можете быть уверены в том, что рабочий класс, даже без вашего великодушного предложения передать вам всю власть, найдет, кому передать власть для совершения социального переворота.

Говорят о том, что правительству,—я на это уже отчасти указывал,—что тому правительству, которое было бы образовано на однородных началах, ему было бы провозглашено полное доверие. Я уже, оставляю в стороне вопрос о том, что те слои, которые в Совете не представлены, они доверия не получили, но, как я отметил, внутри самого Совета, внутри самого правительства есть ряд таких слоев, которые, несомненно, если бы сегодня,—я ставлю вопрос прямо перед вами,—власть оказалась в руках тех элементов, которые стоят на точке зрения Ленина и Луначарского, даже здесь, внутри Совета, пользовалась ли бы власть тем доверием, которое дало бы возможность управлять страной без гильотины, без террора, без якобинского захвата власти? Одна горсточка лиц получает перевес, затем появляется другая горсточка, которая расправляется с предыдущими, за нею третья, которая грозит этой, и т. д., пока не является некто в сером, который давит нас всех вместе, до тех пор, пока все не будет уничтожено и обезврежено.

Товарищи, очень ошибутся те, кто подумает, что Петроградский Совет Р. и С. Д., поручивший мне прочесть доклад, что он, как и вообще все политические партии, которые примыкают в общем и целом к той платформе, которую выдвинул Совет, стоят на той точке зрения, что мы безоговорочно, раз навсегда и при всех обстоятельствах заявляем: вот вам наше правительство; с того момента, как оно создано, мы его поддерживаем не критически, без каких-либо поправок всегда, во всем и везде. Подобного рода политика, как я имел уже случай отметить, обозначала бы, что мы наших товарищей в правительстве оставляем без всякой поддержки, ибо поддержка сильна только тогда, когда это есть поддержка действенная, которая именно показывает ту линию, идя по которой они могут действительно не порвать реальной, форменной, органической, а не формальной только связи с рабочей демократией. Поэтому естественно, когда мы говорим о своей позиции по отношению к правительству, то наша позиция в поддержке есть позиция независимая: мы поддерживаем правительство потому, что оно осуществляет нашу программу, то, что мы считаем наиболее целесообразным в данный момент, применяясь к тем объективным возможностям, которые имеются у страны.

Не так обстоит дело, что Временное Правительство имеет свою программу, а мы его обязываемся поддерживать,—нет, мы имеем определенную программу; правительство ту часть программы, которая в стране может быть осуществлена, взяло на себя осуществлять, и мы поддерживаем свою программу, осуществление своих требований, и поэтому понятно, что наша поддержка здесь энергична и действенна. И вот, когда дело идет об этой поддержке, то совершенно ясно, что мы можем здесь сегодня при обсуждении этого вопроса повторить только ту линию, которая была нами намечена своевременно: во-первых, от правительства требовать,—мы настаиваем на этом,—чтобы оно активно вело внешнюю политику в том направлении, которое указал ему Совет Р. и С. Д., т.-е. в направлении создания тех условий, которые облегчили бы возможность международной ликвидации этой войны как теми средствами, которые доступны ему,

т.-е. путем дипломатических переговоров, так и теми, которые доступны только нам — облегчением тех международных условий, которые создадут возможность установления братских уз; во-вторых, правительство должно помнить, что каждый день отсрочки Учредительного Собрания есть колоссальный удар не только по революции, но и по самой возможности сохранения нового порядка.

Наше несчастье состоит в том, что мы не имеем в стране того единого авторитетного центра, который представлял бы авторитетную волю всего народа, вмешаться против которого не посмел бы никто, в том числе и организующаяся теперь под флагом либеральной или консервативной буржуазии контр-революционная кампания. Я полагаю, что нужно напрячь все усилия, не останавливаясь ни перед чем, хотя бы перед сокращением всевозможных формальностей, для того, чтобы созыв Учредительного Собрания приблизить в наибольшей степени. (Аплодисменты.) Каждый день, на который приблизится Учредительное Собрание, будет нашей победой.

И дальше, в области финансово-экономической. Я помню, когда тов. Скобелев провозгласил свою платформу, началась критика этой платформы как раз со стороны тех, кто обязаны были бы ее поддержать и которые говорили, что эта платформа слишком далеко идет. Задача была в том, чтобы наметить линию, а линия эта состояла в том, что буржуазия, совершенно сознательно используя крайне неблагоприятные для рабочего класса объективные условия, старается создать почву для контр-революции путем экономической разрухи. Правительство должно проявить в этой области всю ту решимость не проектов, а действий непосредственных, изо дня в день, которые спасли бы страну от этой опасности.

То же самое относится к демократизации власти на местах, — об этом было уже сказано достаточно.

Товарищи, я кончаю. Тов. Троцкий говорил здесь, и это было лучшее место его речи, что единство очень важно; но он это единство понимает так: мы едины в том смысле, как едино время — сегодня и завтра, они связаны между собою, после сегодня всегда следует завтра. Сегодня товарищи, стоящие на его позиции, будут всячески бороться против нас, не давая нам возможности осуществлять нашу программу, зато они обещают, что завтра, когда они будут у власти, они, вероятно, предоставят нам возможность мешать им. Только к этому сводится все то единство, о котором говорят они. (Аплодисменты. Голоса: «Верно».) После того тов. Троцкий идет дальше. Он говорит, что когда придет Гучков и начнет нас увязывать в мешок, — очевидно, мы тогда будем уже сидеть внутри этого мешка, а Гучков будет нас вязать, — то тогда они будут с нами солидарны до конца. Солидарности сидения в мешке мы имели достаточно при старом порядке, такой солидарности больше мы не хотим; задача сводится к тому, как бы нас в мешок не посадили, к этому сводится задача. (Смех и рукоплескания.) И вот в этом отношении по вопросу об единстве демократии мы можем провозгласить только один лозунг: всякая критика, которая исходит от наших товарищей, мнящих себя стоящими слева, является в высшей степени полезной, ибо она несомненно отражает настроение очень широких кругов демократии, на которые они опираются; но поскольку дело идет о действиях внутри Совета Рабочих Депутатов, о действиях, то с того момента, как они сказали: «мы сюда входим», они тем самым сказали себе: «входить сюда имеет смысл лишь тогда, когда мы заранее делаем определенную оговорку: мы знаем, что мы идем не в партию большевиков, не в партию троцкистов, а мы идем в Совет Рабочих Депутатов, где каждый из нас во имя того, что нас объединяет внутри, при координировании дей-

ствий, вынужден отказываться от целого ряда своих особенностей для согласования своих действий в том, что является общим для всех нас».

Я полагаю, что Съезд, внося резолюцию по этому вопросу, именно этого положения будет придерживаться и будет помнить, что при голосовании мы должны считаться не с тем, как свободна наша критика в тех или иных оттенках, а с тем, чтобы мы своим голосованием показали не только нашим товарищам, сидящим в правительстве, с которыми мы можем и ссориться и мириться, а показали бы всей стране, что те, кто собрались здесь, в своем отношении к той тактике, которую мы подавляющим большинством наметили, едины, и что с этой стороны этот вотум есть тот политический вотум, который является лучшим ответом на всякую организующую контр-революцию, откуда бы она ни исходила. (Рукоплескания.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Товарищи, я очень прошу не расходиться: сейчас будем голосовать резолюции. У меня сейчас на-лицо резолюции с.-д. большевиков, затем резолюция от имени объединенных с.-д. интернационалистов, потом имеется резолюция меньшевиков-интернационалистов и потом имеется резолюция от меньшевиков и от с.-р. Итак, четыре резолюции. Я полагаю, товарищи, что надо сперва вырешить вопрос о том, какую из этих резолюций вам угодно будет принять в основу, тогда к ней, если вам угодно, могут быть внесены поправки и тогда у нас получится одна резолюция, которую мы можем уже голосовать. Угодно будет вновь выслушать эти резолюции? (Голоса: «Просим».) Тогда я прошу авторов оглашать резолюции в порядке поступления их ко мне. Первая по очереди поступила ко мне резолюция от тов. Луначарского; прошу заслушать ее.

ЛУНАЧАРСКИЙ (читает резолюцию):

«Констатируя, что затянувшаяся война и произведенные ею во всем организме нашей страны разрушения ставят перед ее правительством поистине грандиозные задачи; что решение их возможно лишь при наличности сильной революционной власти, каковою может быть лишь власть, опирающаяся на массы; что первая попытка создать власть из представителей думского блока с империалистами Милюковым и Гучковым во главе, при условной поддержке Петроградского Совета Р. и С. Д., привела к необходимости опрокинуть это правительство; что вторая попытка создать власть путем коалиции в министерстве буржуазного большинства и социалистического меньшинства, при всемерной поддержке Петроградского Совета Р. и С.Д., не подвинула Россию ни на шаг к освобождению от кошмара войны и надвигающейся разрухи, а, напротив, привела к вредоносной пропаганде правительством наступления (несмотря на отказ наших союзников отрешиться от их империалистических целей), к ряду строгих мер по отношению к левому крылу революции и полному бессилию переход губительной для страны тактики капитала, — Съезд считает необходимым перед всей власти в руки трудовых классов народа в лице Исполнительного Комитета Всероссийского Союза Советов Р., С. и Кр. Д., при контроле Временного Революционного Парламента.

Съезд избирает из своей среды Временный Революционный Парламент из 300 делегатов при пропорциональном представительстве всех фракций. Съезд приглашает Петроградский Совет Р. и С. Д. пополнить этот состав 100 делегатами из своей среды. Съезд приглашает к тому же Всероссийский Совет Кр. Д.

Временному Революционному Парламенту поручается избрать из своей среды Исполнительный Комитет, которому и передана будет вся исполнительная власть в стране. Власть эту Исполнительный Комитет будет осуществлять через своих министров и специальную государственную коммисию.

Съезд полагает, что организованная таким образом центральная власть сможет оказаться действительно могучей лишь при замене старого бюрократического, а также буржуазно-помещичьего земского и стародумского аппаратов новым революционным и народным.

Для этого должны быть организованы в деревнях Советы Крестьянских Депутатов, волостные и уездные, а в городах — Советы Рабочих и Солдатских Депутатов, которые совместно организуют губернские и областные Советы Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов, которые посылают по одному делегату во Временный Революционный Парламент. Исполнительный Комитет связывается с Областными Советами через своих комиссаров.

Специальные и централизованные ветви государственного организма (железные дороги, почта и телеграф и т. п.) Исполнительный Комитет ведает через министров и специальные комиссии, при деятельном участии представителей от профессиональных союзов служащих и рабочих этих отраслей.

Сильная власть должна и на местах, и в центре быть построенной самим революционным народом и состоять из его доверенных лиц».[1])

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Теперь позвольте заслушать резолюцию фракции большевиков.

КАМЕНЕВ (*читает резолюцию*):

«Первое Временное Правительство, созданное революцией, образовавшееся из представителей империалистических — помещичьего и капиталистического — классов, очень быстро обнаружило полную неспособность удовлетворить интересы масс населения, спасти страну от разрухи, направить дело к заключению демократического мира.

Второе коалиционное правительство заслонило контр-революционную буржуазию от народа «социалистическими» министрами, которые оказались самым удобным для эксплуатирующих классов орудием, чтобы оттянуть разрешение всех коренных вопросов внутренней и внешней политики, поскольку решительная революционная постановка этих вопросов должна была бы затронуть на деле интересы русского и союзного империалистического капитала. «Социалистические» министры оказались прикрывающими, посредством ни к чему не обязывающих обещаний, ту же самую империалистическую буржуазную политику. Пользуясь этим прикрытием, буржуазия явно перешла к борьбе с революцией и открыто от имени третье-июньских контр-революционеров провозгласила лозунг «немедленного наступления». Такое наступление означало бы не только переход к активной империалистической политике, но и решительный поворот к контр-революции во всей внутренней политике.

Окончательно обрисовался, таким образом, критический, переломный момент русской революции. Растущая разруха, вызванная анархическим хозяйничаньем капиталистов, продолжающих наживать неслыханные прибыли на поставках, национальная политика коалиционного правительства, доведшая без всяких к тому оснований до конфликтов с угнетавшимися царизмом нациями внутри России (Финляндия и Украина), политика, создавшая конфликты с местными учреждениями из-за антидемократической претензии назначать или утверждать местные власти, политика, выразившаяся и в ряде угроз интернационалистическим элементам армии, — все это ускорило и обострило настоящий кризис всей русской революции.

---

[1]) Резолюция печатается по «Известиям», № 85, от 7 июня.

Констатируя, таким образом, полный крах политики соглашения с капиталистами, Съезд признает единственным выходом переход всей государственной власти в руки Всероссийского Совета Р. С. и Кр. Д.»[1]).

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Итак, товарищи, вы сейчас заслушали резолюцию с.-д. большевиков. Теперь позвольте заслушать резолюцию, предлагаемую меньшевиками-интернационалистами.

БЕР. Товарищи, мы предлагаем вашему вниманию две резолюции: одну принципиальную, другую конкретную.

«Принимая во внимание,

1) что обновленное вводом делегатов Совета Рабочих и Солдатских Депутатов и удалением Милюкова и Гучкова Временное Правительство не стало действительным органом революции, активно и последовательно выполняющим ее задачи, но подобно своему предшественнику ведет политику балансирования и топтания на одном месте;

2) что в области внешней политики оно, заявив о разрыве с империалистскими тенденциями у себя дома, пасует перед имериалистскими правительствами союзников и склоняет перед ними знамя российской революции;

3) что, заявив о намерении потребовать у союзников пересмотра тайных договоров, оно откладывает осуществление этого пересмотра в долгий ящик и в то же время не только не добилось устранения препятствий, которые союзными правительствами создаются делу общения между представителями их демократий и демократии русской, но и само наносит тяжелый удар международному движению в пользу мира таким актом, как высылка тов. Гримма и присоединение к той кампании империалистов, которая все движение в пользу мира изображает служащим целям Германии;

4) что, повинуясь настойчивым давлениям союзных правителей, не желающих отказаться от захватных целей, оно пытается подготовить страну и армию к новому наступлению, которое при данных обстоятельствах не может не означать одновременно величайшую военную авантюру, чреватую роковыми последствиями для России, и могучее орудие обуздания революционных сил в армии;

5) что всем этим укрепляется во всех воюющих странах позиция тех элементов демократии, которые идут со своими империалистскими правительствами, и, напротив, парализуется борьба интернационалистского авангарда демократии за мир;

6) что в области внутренней политики оно оставляет места представителей центральной власти в губерниях и уездах за ненадежными элементами, которые своим непониманием потребностей революции и частью сознательным противодействием ей тормозят организацию революционных сил, способствуют обострению политических, социальных и национальных противоречий, усиливают опасности хаотической гражданской войны;

7) что, уступая подстрекательствам открытых контр-революционеров, правительство уже проявляет склонность вступить на путь полицейских репрессий против своих политических противников, о чем, между прочим, свидетельствует опубликованный в печати законопроект в министерстве юстиции о восстановлении ненавистных всей России ст. ст. 129 и 131, направленных против той неограниченной свободы устного и печатного слова, которую уважать оно присягало,

Съезд констатирует:

1) что, таким образом, участие представителей Совета Р. и С. Д. в составе Временного Правительства привело лишь к тому, что связало

---

[1]) Резолюция печатается по «Известиям», № 87, от 9 июня.

руки революционной демократии и пролетариата в деле давления на буржуазию России и союзных стран, ослабив значение Советов, как самостоятельно воздействующей на центральную власть политической силы;

2) что в то же время это участие возлагает на революционные органы демократии и на социалистические партии ответственность за указанное направление политики правительства и тем вносит дезорганизацию и раскол в ряды рабочего класса и революционной армии;

3) что объективное значение участия представителей Совета Рабочих и Солдатских Депутатов вполне разоблачилось событиями, как сводящееся к попытке популярными именами революционных вождей прикрыть контр-революционные тенденции в области внешней и внутренней политики;

4) что, благодаря всему этому, вместо создания сильной революционной власти, достигается, напротив, ее еще большее расслабление, плохо прикрываемое выступлением отдельных министров, почему политический кризис еще более обостряется.

Чтобы вывести страну из этого кризиса, Временное Правительство должно стать действительным орудием воли пролетариата и революционной демократии к миру, преодолевающим активное и пассивное противодействие контр-революционных элементов буржуазии российской и европейской и проводящей решительные экономические и финансовые мероприятия, без которых немыслимо предотвращение грозящей России катастрофы».

Теперь маленькая резолюция о практических мерах. (Голоса: «Еще одна».) Да, представьте себе, еще одна, надеюсь, что вам хватит.

«Съезд требует от Временного Правительства:

a) созвать всенародное Учредительное Собрание не позже 1 сентября и немедленно упразднить Государственную Думу и Государственный Совет.

b) предложить союзникам незамедлительный созыв в Петрограде конференции для пересмотра целей и для соглашения о заключении общего перемирия на всех фронтах для приступа к переговорам о мире;

c) радикально очистить персонал местной и центральной власти от контр-революционных элементов и ввести без промедления систему демократического самоуправления сверху донизу;

d) уважать в полной мере демократические права граждан в стране и на фронте;

e) ускорить проведение в жизнь экономических и финансовых мероприятий, необходимых для предотвращения банкротства страны;

f) добиться от союзных правительств беспрепятственного пропуска в Россию представителей социалистических партий и беспрепятственного сношения с ними»[1]).

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Товарищи, вы сейчас заслушаете резолюцию с.-д. меньшевиков и с.-р.

ДАН. Товарищи, я оглашу проект резолюции, выработанной соглашением фракции с.-д. меньшевиков и с.-р. и принятой согласительной комиссией обеих фракций единогласно. Вот этот проект (читает):

«Выслушав доклад Исполнительного Комитета Петроградского Совета Р. и С. Д., Съезд признает:

1) что при создавшихся в результате первого министерского кризиса условиях, передача всей власти только буржуазным элементам нанесла бы удар делу революции;

---

[1]) Резолюция печатается по «Известиям», № 87, от 9 июня.

2) что переход всей власти к Советам Рабочих и Солдатских Депутатов в переживаемый период русской революции значительно ослабил бы ее силы, преждевременно оттолкнув от нее элементы, способные еще ей служить, и грозил бы крушением революции, —

поэтому Всероссийский Съезд Советов Р. и С. Д. одобряет действия Петроградского Совета Р. и С. Д., нашедшего выход из кризиса 20 — 21 апреля в создании коалиционного правительства на основе решительной и последовательной демократической реформы в области внешней и внутренней политики.

Заслушав объяснения товарищей министров об общей политике Временного Революционного Правительства и выражая им полное доверие, Всероссийский Съезд признает направление этой политики отвечающим интересам революции.

Съезд призывает Временное Правительство решительнее и последовательнее проводить в жизнь принятую им демократическую платформу и в частности:

а) настойчиво стремиться к скорейшему достижению всеобщего мира без аннексий и контрибуций на началах самоопределения народов;

б) проводить дальнейшую демократизацию армии и укреплять ее боеспособность;

в) принимать при непосредственном участии трудовых масс самые энергичные меры борьбы с финансово-экономической и продовольственной разрухой, порожденной войной и обостренной политикой имущих классов;

г) вести систематическую и решительную борьбу с контр-революционными попытками;

д) привести в скорейшее исполнение в области рабочего и земельного вопроса мероприятия, согласованные с требованиями организованных трудящихся масс и диктуемые жизненными интересами подорванного войной народного хозяйства;

е) содействовать организации сил революционной демократии путем быстрого и радикального преобразования системы местного управления и самоуправления на демократических началах и скорейшего введения земского и городского самоуправления там, где их нет;

ж) в особенности Съезд требует скорейшего созыва Всероссийского Учредительного Собрания.

Вместе с тем, для более успешного и решительного проведения в жизнь указанной платформы, для полного объединения сил демократии и выявления ее воли во всех областях государственной жизни, Съезд признает необходимым создать единый полномочный представительный орган всей организованной революционной демократии России, в который должны войти как представители Всероссийского Съезда Советов Рабочих и Солдатских Депутатов, так и представители Всероссийского Съезда Крестьянских Депутатов.

Перед этим всероссийским представительным органом министры-социалисты ответственны за всю внешнюю и внутреннюю политику Временного Правительства.

Эта ответственность даст уверенность в том, что пока министры-социалисты остаются в составе Временного Правительства, это правительство действует в согласии с демократией и потому должно пользоваться деятельной поддержкой всех демократических сил страны и всей полнотой власти.

Съезд призывает всю революционную демократию России еще теснее сплотить свои силы вокруг Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских

Депутатов и энергично поддержать Временное Правительство во всей его деятельности по укреплению и расширению завоеваний революции»[1]).

Я к этому должен прибавить, что резолюция о нашем отношении к Государственной Думе будет внесена особо в виде особой резолюции. (Шумные аплодисменты.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Значит, сейчас мы приступаем к голосованию резолюций в том смысле, какую резолюцию вам угодно будет положить в основу, и я буду голосовать в том порядке, в каком они были оглашены здесь. Сейчас идет речь не о голосовании в целом, а о том, какую резолюцию положить в основу. Кому угодно говорить по мотивам голосования? Слово принадлежит тов. Красинскому. Речь ограничивается тремя минутами.

КРАСИНСКИЙ. Фракция делегатов Бунда, полагая, что при данном соотношении сил к стране единственным выходом из создавшегося критического положения является Временное коалиционное Правительство, действующее на революционной платформе широких масс революционной демократии; полагая, дальше, что это революционное Временное Правительство должно пользоваться в интересах развития революции доверием широких народных масс и самой их энергичной поддержкой во всех его революционных мероприятиях, констатируя, дальше, что конференция Бунда и Центральный Комитет Бунда вынес свое постановление по вопросу о Временном Правительстве, как в общем, так и в целом совершенно сходное с проектом резолюции, предлагаемой фракцией с.-д. меньшевиков и фракцией социалистов-революционеров, фракция делегатов Бунда заявляет, что единодушно будет голосовать за резолюцию, предложенную с.-д. меньшевиками и социалистами-революционерами (Шумные аплодисменты.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. По мотивам голосования слово принадлежит тов. Таскину.

ТАСКИН. От имени делегации Киевского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, представленного здесь на Съезде в лице семи депутатов, я заявляю, что мы будем голосовать за резолюцию, предложенную с.-д. меньшевиками и социалистами-революционерами по мотивам, которые изложены в данном нам наказе, гласящем следующее: «признавая, что опасным ударом делу революции... (читает)[2]).

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. По мотивам голосования слово принадлежит тов. Бронзову.

БРОНЗОВ. Исходя из доверия Временному коалиционному Правительству и полагая, что резолюция, предложенная меньшевиками и социалистами революционерами, предусматривает создание сильной революционной власти, дающей возможность правительству во всякий момент опереться на широкие демократические круги народных масс и проявить величайшее напряжение всенародной воли, объединенная фракция трудовой группы и народных социалистов будет голосовать за резолюцию, предложенную меньшевиками и социалистами-революционерами.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. По мотивам голосования тов. Романенко.

РОМАНЕНКО. Украинская фракция Съезда, состоящая из представителей украинских социал-демократов и украинских социалистов-революционеров,[117] будет голосовать против доверия Временному Правительству по следующим мотивам: отношение Временного Правительства к украинцам вызвало такое положение, что украинская социалистическая демократия уже теряет почву под собой в работе украинской демократии с российской революционной

---

[1]) Резолюция печатается по «Известиям», № 87, от 9 июня. — [2]) Наказа киевским депутатам найти не удалось.

демократией, что в ответе князя Львова представителю Украинской Рады есть следующее выражение: так называемые украинцы не являются, по его мнению, представителями Малороссии, что свидетельствует о том, что означенный князь Львов прочно усвоил себе формулу Валуева: «украинской нации нет, не было и быть не может», что отказ Керенского второму съезду солдат украинцев привел к дезорганизованному выступлению украинцев-солдат,— мы будем голосовать против доверия Временному Правительству и за резолюцию объединенных с.-д. интернационалистов [118].

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Желающих говорить по мотивам голосования больше нет. Позвольте перейти к голосованию о том, какую резолюцию вам угодно будет положить в основу.

Я буду голосовать резолюции в порядке их поступления. Товарищи, я уже довольно громко, надеюсь, сказал, есть ли желающие говорить по мотивам голосования; никто не отозвался. Прошу внимания.

Итак, речь идет о том, чтобы положить в основу какую-либо из оглашенных резолюций. Ставлю в первую очередь резолюцию, оглашенную тов. Луначарским от имени объединенных с.-д. интернационалистов. Кто за то, чтобы эту резолюцию положить в основу, тех прошу поднять руки. (Баллотировка.)

Товарищи, я должен вам сообщить, что когда вы примете за основу какую-либо резолюцию из предложенных вам, тогда вам угодно будет вносить поправки к этой резолюции. Когда же вы покончите с вопросом о поправках, тогда от имени президиума будет вам предложено поименное голосование и до вашего сведения будет доведено, какова будет техника этого голосования. Сейчас речь идет не об этом. Теперь, товарищи, прошу поднять руки тех, кто против этой резолюции. (Баллотировка.)

Значит, в основу эта резолюция принята не будет. Теперь позвольте поставить на голосование в том же смысле резолюцию, оглашенную тов. Каменевым от имени большевиков. (Баллотировка.)

Резолюция эта также принята не будет. Теперь ставлю на голосование резолюцию, оглашенную тов. Бером и предлагаемую от меньшевиков-интернационалистов. Кто за эту резолюцию, прошу поднять руки. (Баллотировка.)

Резолюция не принята. Ставлю на голосование резолюцию, оглашенную тов. Даном от имени социал-демократов меньшевиков и социалистов-революционеров. (Баллотировка.)

Резолюция принята. (Рукоплескания.) Товарищи, прошу внимания. В виду того, что сейчас мы будем приступать к голосованию, очень просил бы созвать всех,—может быть, в коридорах кто-нибудь из членов есть. (Перерыв.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Товарищи, прошу занять места. Товарищи, вчера в Петроград был доставлен прах нашего товарища—Белоусова, члена 2-й Государственной Думы, принадлежащего к фракции социал-демократов. Тов. Белоусов после ссылки и каторги скончался в Америке. И вот теперь его прах принимает лоно революции. Товарищи, я предлагаю почтить славную память борца вставанием. (Собрание почтило память товарища Белоусова вставанием.)

Товарищи, президиум предлагает принять участие в проводах праха тов. Белоусова на Николаевский вокзал от $7^1/_2$ до 9 час. утра; предлагается, чтобы Съезд принял участие в похоронах через свою делегацию.

Теперь, товарищи, переходим к поправкам к резолюции, которые внесены,—резолюции, которую мы приняли в основу. Я прошу авторов оглашать поправки. Слово принадлежит тов. Мазурину.

МАЗУРИН. Я внес такую поправку: чтобы перед революционным органом было ответственно все министерство, а не только социалистические министры, потому что если перед этим революционным органом будут ответственны одни лишь социалистические министры, то может создаться то же самое положение, какое мы сейчас имеем в наличности, т.-е. то положение, что наиболее авторитетный орган на месте будет действовать совершенно автономно, и та мысль, которая вложена в самую резолюцию, т.-е. создание сильной революционной власти, совершенно не осуществится, и органической связи между этой революционной властью и революционными органами на местах опять-таки не будет. Если же все министерство в целом будет подчинено контролю и будет ответственно перед этими органами, то некоторой гарантией для революционного органа на местах будет то, что это министерство будет более последовательно проводить тактику революционного социализма; поэтому я предлагаю голосовать резолюцию с этой поправкой.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово принадлежит докладчику.

ДОКЛАДЧИК. Товарищи, после того, как приняли в основу ту резолюцию, которая была предложена согласительною комиссиею фракции меньшевиков и фракции социалистов революционеров, эта поправка неприемлема. Почему? Она говорит о том, что Временное Правительство, как целое, должно быть ответственно перед этим органом трудовой рабочей демократии. Дело в том, что Съезд, проводя данное голосование, стал на точку зрения образования коалиционного правительства, т.-е. такого правительства, которое состоит, с одной стороны, из социалистов, посланных Советом Р. Д., и, с другой стороны, из тех министров, которые представляют другие слои населения. Министры, которые будут ответственны перед нашим органом, это есть прямые наши представители, и формально, — подчеркиваю: формально, — перед нашим органом могут быть ответственны только они. Что же касается ответственности фактической, то само собой разумеется, что она создается действительным соотношением сил. Я полагаю, что наш орган будет представлять собою достаточную силу, но принятием этой формальной резолюции, что все Временное Правительство является ответственным перед данным органом, вы стали целиком на тот путь, который только что отклонили, — путь признания захвата власти со стороны данного органа, органа только революционных рабочих и демократии. Вот почему я полагаю, что эта поправка в настоящее время, как идущая в разрез с принятой резолюцией, не может быть принята. (Рукоплескания.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Товарищи, ставим на голосование поправку. (Балотировка.) Поправка отвергнута. (Рукоплескания.)

Голосование резолюции в целом предлагается произвести путем поименного голосования. Позвольте сообщить технику этого голосования. Товарищи, у нас имеется список членов Съезда. По этому списку будут вызываться члены Съезда, которые будут говорить, кто за, кто — против, при чем в порядке вызова будет ставиться плюс или минус: плюс будет выражать «за», а минус — «против». (Голос: «А воздержавшиеся?») Воздержавшимся поставим нуль. (Рукоплескания с мест.) Президиум нашел этот способ целесообразным. Во избежание всяких недоразумений, желательно, чтобы около товарища, который будет сидеть и отмечать плюсы, минусы и нули, сидели три — четыре человека от фракций. (Голоса: «Просим президиум».) (Голос: «Во избежание недоразумений я предлагаю изображать буквы д, н, в».) Шум. (Голос: «Я предлагаю при голосовании помечать — на том месте, где будет заноситься фамилия, обозначать, за какую резолюцию голосует каждый присутствующий».)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Товарищи, после того, как мы приняли в основу одну резолюцию, я абсолютно не понимаю, как можно голосовать все резолюции. (Рукоплескания.) Прошу избрать четырех представителей. (Голоса: «Просим президиум».) (Съезд переходит к поименному голосованию.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ ГЕГЕЧКОРИ. Товарищи, прошу занять места; сейчас будет объявлен результат подсчета голосов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ЧХЕИДЗЕ. Товарищи, я прошу занять места. Товарищи, при перекличке некоторых из членов Съезда не было, но во время процесса переклички они уже явились. Их не особенно много — несколько десятков. Не угодно ли устроить перекличку сейчас, чтобы дополнить. (Голоса: «Просим». Перекличка.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Позвольте огласить результаты голосования. За резолюцию подано 543 голоса, против 126, при 52 воздержавшихся. Таким образом, резолюция принята. (Голоса: «Сколько отсутствует?») Отсутствует 65 человек. (Голоса: «Позор!») По личному вопросу слово принадлежит Поршневу.

ПОРШНЕВ. Товарищи, вчера с этой трибуны по моему адресу было брошено жестокое, ответственное слово «клевета». Брошено оно было за мою речь, в которой я касался предложения фракции большевиков относительно организации власти. Оно очень ярко выразилось в аресте капиталистов, в таком методе, какой практиковался и при самодержавном строе. Когда такие предложения делались от лица лидеров, то их с места всячески поддерживали. Я пытался охарактеризовать силу этого аргумента на одном примере, — я охарактеризовал, насколько шаток тот личный опыт, который давал бы повод для таких резких, определенных и решительных заключений. Вывод, который нужно делать, был не опровергнут, а подтвержден и заключался в следующем. Я говорил, что тов. Старостин, который выступал до меня, имел пребывание в Иркутске три недели, на Черном море полтора месяца. Этот опыт не дает ни в коем случае права на голос с места. Далее, я еще указал, что в Иркутске, откуда он выступал, на совещаниях он был определенно в своих убеждениях осужден. Здесь он ссылался на то, что он был на каторге и на Черном море; центр тяжести как бы заключался в том, что он был на каторге, и это представлялось как бы его дипломом на безупречность. Товарищи, многие из нас имеют этот диплом, и я в том числе, но я скажу, что годы сидения на каторге и в тюрьме ни один из революционеров не может представить, как доказательство своей революционности. Только момент работы и характер этой работы могут являться критерием полезности нашей для дела революции. (Голоса: «Довольно!») Поэтому я считаю, что обвинение, брошенное по моему адресу, это—просто невыдержанность одного из товарищей. Люди, не умеющие собой управлять, так легкомысленно берутся за управление Россией. Тов. Старостин так энергично, я бы сказал сердито выступал против меня. Здесь вполне естественно напрашивается употребительный у нас афоризм: «Юпитер, ты сердишься, значит, чувствуешь, что ты неправ». (Рукоплескания.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Угодно, товарищи, продолжать заседание или считать порядок дня этим исчерпанным? (Голоса: «Просим закрыть заседание».) Ставлю это предложение на голосование. (Баллотировка.) Принято. Считаю нужным заявить, что завтра заседание назначено с 10 часов утра до 2 часов, а затем с 6 до 11 часов вечера.

ЗАСЕДАНИЕ 9 ИЮНЯ [1])

(утреннее).

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Объявляю заседание открытым. Прошу заслушать приветствие.

. . . . . [2]) (читает). «Симбирское чрезвычайное губернское собрание приветствует Всероссийский Съезд представителей Советов Р. и С. Д., как революционную демократию, обеспечивающую нам своей организованностью завершение дела революции и могущую вместе с Временным Правительством оградить страну и от возможности военного разгрома внешним врагом и от внутренней анархии. — Председатель собрания Георгиевский» [3]).

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Товарищи, относительно Думы у меня сейчас имеются две резолюции. Одна резолюция, которая была внесена тов. Луначарским от с.-д.-интернационалистов и большевиков. Другая резолюция относительно Думы у меня имеется от с.-д. меньшевиков и от социалистов революционеров. Других резолюций у меня сейчас в руках не имеется. Порядок будет такой: защищать эту резолюцию предоставляется внесшим ее по пяти минут, против резолюции дается слово по пять минут. Когда мы это закончим, я поставлю [4]) на голосование, какую резолюцию угодно будет принять в основу. Затем будем голосовать в целом ту резолюцию, которую вы примете за основу. Слово принадлежит тов. Луначарскому.

ЛУНАЧАРСКИЙ. Проект резолюции о Государственной Думе и Государственном Совете (читает):

«Съезд, принимая во внимание, что Государственная Дума, избранная на основании антинародного закона 3 июня, являлась не представительством народа, а организацией наиболее реакционных элементов цензовой России; что председатель Государственной Думы Родзянко, как видно из письма его, опубликованного в газетах от 3 июня 1917 г., продолжает считать ее важным фактором государственной власти, что в призыве его к членам Думы в том же письме «держаться на-готове, ибо скоро придет время для их вмешательства в жизнь страны», явно звучит надежда на контр-революцию и угроза ею; что Государственный Совет представляет собою обломок черной реакции, в механизме новой русской государственной власти; что министр юстиции Переверзев не только не считает ненормальным получение членами Государственного Совета, злейшими врагами русской свободы даже в ее самых бледных дореволюционных проявлениях, огромного жалованья из государственной казны русского свободного народа,

---

[1]) Заседание 9 июня печатается по тексту в д. № 10. — [2]) Фамилия выступавшего не указана. — [3]) Печатается по подлиннику, д. № 10, л. 33. — [4]) Далее зачеркнуто: «эту резолюцию».

но и признал за судебно-административными департаментами Государственного Совета важные судебные функции, вплоть до права кассировать в последней инстанции некоторые решения обновленного Сената, — находит, что надо положить предел всем заигрываниям с этими пережитками царской России путем немедленного и окончательного упразднения Государственной Думы и Государственного Совета» [1]).

Товарищи, когда эта резолюция была внесена, министр земледелия Чернов, возражая на нее, заявил, что принятие такой резолюции лишено, по его мнению, всякого смысла, так как нам предлагается, по его словам, убить покойницу. Дума уже умерла и не имеет никакого значения. Вам только предлагается формулировать факт, который имеется уже налицо. Я спрашивал себя, когда говорил министр Чернов, говорит ли это он по наивности или чтобы заговорить зубы. Наивным человеком я никогда тов. Чернова не считал. Между прочим, только так можно было бы объяснить это, если бы в словах Чернова не таилась иная задняя мысль. Между прочим, всякому ясно, будь даже Дума и покойница, — мы, революционеры, знаем хорошо, какую тенденцию реакционные покойники имеют к воскресению. Мы предложили нашей революции вбить в подозрительную покойницу осиновый кол. Если Дума умерла, давайте ее похороним, потому что ее разложение заражает дурным запахом нашу революционную атмосферу. Но мы знаем, что буржуазия даст за труп покойницы большое сражение, как в свое время давали сражение за труп Патрокла; защита будет чрезвычайно энергичная. Тов. Чернов, — я это утверждаю, — прекрасно это знал и, как государственный деятель, не мог не знать. Когда он старался спрятаться за тот аргумент, что этого не нужно делать, что Дума вовсе не занимает позицию наших врагов, он думал отвести ваши дебаты, ваши решения от правильного русла. Мы настаиваем на том, что вы должны со всей энергией, со всей властью заявить, что Дума впредь упраздняется. Мы рекомендуем вам, товарищи, ни в коем случае не принимать двусмысленной формулы, например, что революция упразднила Думу, что Дума упразднена тем самым фактом, что революция восторжествовала. Это не юридическая, не политическая формула, это какой-то консервативный довод, имеющий теоретически-исторический характер, — что революция восторжествовала и тем самым упразднила Думу. Мы должны обратить внимание на важный факт, упустив который из виду, вы не сможете принять правильного решения. Во вчерашнем заседании Государственной Думы [119], заседавшем, правда, частным образом, — кадеты туда не явились, но в их настроении не может быть сомнения, — Родзянко заявил, что Дума не только не распущена, не упразднена, но ни о каком ее упразднении не может быть и речи. Вот как говорит сама покойница. Дальше, новый министр, князь Львов, определенно заявляет, что в России в настоящем нет такой власти, которая могла бы распустить Думу до истечения ее законных полномочий, т.-е. полномочий, данных ей мнимо народом на основании самого омерзительного закона 3 июня, против которого народ всегда протестовал. В газете прямо сказано, что Временное Правительство высказывается против устранения Думы. [81] Быть может, газета ошибается, быть может, на самом деле вашим представителям, товарищам-социалистам, в министерстве и удастся устранить этот конфликт, разрешить его в благоприятную сторону, но помните, что для этого надо дать инструкцию в высшей степени определенную. Вот почему я настаиваю на этой резолюции. Вчера в вашей большой резолюции вы

---

[1]) Далее зачеркнуто: «эту резолюцию». — [2]) Резолюция печатается по «Известиям» № 85 от 7 июня 1917 г.

потребовали,—и в этом есть глухая, маленькая степень порицания прежней политики Временного Правительства,—чтобы Временное Правительство вело свою политику энергичнее и последовательнее, между прочим, и в направлении борьбы с контр-революцией. Если эти ваши слова—не пустые слова, если вы хотите действительно потребовать по первому пункту,—пункту как будто бы второстепенному, а на самом деле чрезвычайно важному,—чтобы действия Временного Правительства были энергичнее и последовательнее, то вы должны присоединиться к такой резолюции, которая определенно заявляет: от Временного Правительства вы, Всероссийский Совет Р. и С. Д., требуете, чтобы эти учреждения—Государственная Дума и Государственный Совет—были объявлены распущенными особым определенным декретом. (Рукоплескания.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово принадлежит тов. Гоцу.

ГОЦ. Я не считаю тов. Луначарского ни наивным человеком, ни человеком, желающим заговаривать вам зубы,—я считаю его обоснования только демагогией. Я считаю, что желание тов. Луначарского, чтобы мы говорили ясными, точными и определенными формулами, я считаю это пожелание вполне разумным и его приветствую. К сожалению, по всем основным краеугольным вопросам до сих пор никаких прямых, ясных, категорических ответов со стороны тов. Луначарского мы не видели,—мы видели туманные, скользкие, извилистые, двусмысленные ответы, и вот в той резолюции, которую предложил тов. Луначарский, я вижу ту же двусмысленность. Я прежде всего констатирую, что в этой резолюции не было сказано ни слова о декретах, между тем в ее обосновании весь центр тяжести он перенес на декрет. Я вас спрашиваю: что это,—двусмысленность или нет? Я говорю: это—двусмысленность. Затем он предложил не итти по тому пути, по которому приглашал нас итти тов. Чернов, т.-е. по пути констатирования фактов. Он говорил: не говорите то, что есть,—что Дума умерла. Он считает, что Дума является политическим покойником, но тем не менее он считает, что нужно вбить осиновый кол. Я думаю, что тот кол, который вбивает тов. Луначарский, это не осиновый кол, а просто лишь словесный или риторический кол, который ничего не выясняет по существу дела. От имени фракции социалистов-революционеров и меньшевиков я вношу следующую резолюцию (читает):

«Принимая во внимание, что в последнее время группа бывших членов Государственной Думы, выступая от имени Государственной Думы и используя положение, занятое ею в первые дни революции, пытается под империалистскими лозунгами стать центром для собирания сил, действующих против революции и демократии,—Всероссийский Съезд, считая необходимым установить, что революция, разрушив основы старого режима, тем самым:

а) упразднила Государственную Думу и Государственный Совет, как органы законодательной государственной власти,

б) что она же лишила их личный состав звания, дарованного им старым порядком,—

полагает:

1) что в дальнейшем отпуск средств на содержание и функционирование Государственной Думы и Государственного Совета, как законодательных учреждений, должен быть Временным Правительством прекращен, и

2) что поэтому все выступления бывших членов Государственной Думы и Государственного Совета являются выступлениями частной группы граждан свободной России, никакими полномочиями не облеченных»[1]).

[1]) Печатается по «Известиям» № 88 от 10 июня 1917 г.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Товарищи, по двум резолюциям высказались уже. Кто желает слово против резолюций?

ТРОЦКИЙ. Товарищи, вопрос, который сейчас поставлен этими двумя резолюциями, касается не того, есть ли у нас твердая власть, использована ли нами эта твердая власть, надо ли ее создать, а вопрос поставлен так: есть ли в России сейчас какая-нибудь государственная власть, т.-е. народный суверенитет, основанный на принципе демократии, находит ли он себе какое-нибудь конкретное выражение? Вот как стоит вопрос. Мы уже слышали раньше ответ на этот вопрос в том смысле, что Временное Правительство, революционное правительство, представляет собой нечто юридически не узаконенное, не связанное с прошлым исторической преемственностью. Но если оно представляет собою действительно революционную власть, то тем более оно должно в переходный период сосредоточивать в своих руках всю полноту народного суверенитета. Вот как стоит вопрос с точки зрения юридической и революционно-демократической.

Но есть другое учреждение за спиной у Временного Правительства, которое говорит: нет, я, Дума, являюсь матерью Временного Правительства, я ему делегировала законодательные права, но творчество правительства, создание новых правительств, если понадобится, я сохраняю за собой. Вот в чем существо вопроса, вот почему Родзянко призвал депутатов. Стало быть, есть в стране власть, которая считает себя стоящей над Временным Правительством, правомочной создать новое правительство, если та, которая существует сегодня, исторически споткнется. На вопрос о том, имеет ли право Дума создавать новое правительство, мы ответа не имеем. На вопрос о том, может ли существующее Временное Правительство упразднить Думу, мы имеем, по крайней мере по газетным сведениям, в высшей степени правдоподобный, находящий себе полное подтверждение во всех заявлениях министров-социалистов, ответ князя Львова о том, что Временное Правительство не правомочно распускать Думу, которая его создала. Таким образом, устами князя Львова, пока это не будет опровергнуто в самой категорической форме министрами-социалистами, Временное Правительство, как таковое, считает себя неправомочным посягать на Государственную Думу, считает ее, таким образом, стоящей над своей властью. Вчера мы слышали здесь о проявлении третьей власти, власти нашего Съезда, который заявил, что он запрещает захватывать частную собственность. И вот мы имеем три категории власти в России. Одна — Временное Правительство, которое якобы управляет страной, но признает себя неправомочным посягать на Государственную Думу; другая — Государственная Дума, которая делегировала законодательные права Временному Правительству, но считает себя правомочной создавать новые временные правительства, если представится возможным, т. е. если концентрация контр-революционной силы сделает это возможным; и, наконец, третья — Советы Р. и С. Д. и Съезд их, который отказался от каких бы то ни было законодательных или исполнительных прав, который только от случая к случаю выносит решения, что он запрещает захватывать частную собственность, — не рекомендует, а «запрещает». Я говорю, товарищи, что если вы для себя отказываетесь от другой власти, кроме власти запрещать захват, то вы отказываетесь, очевидно, не во имя Государственной Думы, а во имя какой-то другой власти, — той власти, которую вы делегировали вашим представителям. Я, товарищи, не могу понять ту психологию революционной демократии, тех элементов, которые считают себя представителями революционного народа, который пришел к самоуправлению, к власти путем разрыва со всеми третье-июньцами, выросшими из государственного переворота. Я не могу понять этих

представителей, которые не могут своей власти, — а вы Временное Правительство считаете представителем вашей власти, выражением народного суверенитета, — что вы не смеете ему сказать: «Временное Правительство, ты не смеешь признавать никакой власти над собой, никакой власти, которая связывает тебя со старым движением! Временное Правительство, над тобой нет священной родительницы — 4-й Государственной Думы; ты родилось из воли революционного народа!», и Государственной Думе, которая посягает на новое творчество правительств, нужно сказать: «Руки прочь, ты ликвидирована декретом!»

Не историческими формулами, а декретами выражается революционная власть. Если есть у вас власть, если это не обман и не самообман, то эта власть проявится в этом скромнейшем, но необходимейшем акте самообороны, и вы скажете: «Я есмь власть и нет другой надо мной». (Рукоплескания.)

БОГДАНОВ. Фракция меньшевиков, товарищи, от имени которой я говорю, целиком участвовала в составлении той резолюции, которую огласил от имени фракции меньшевиков с.-д. и с.-р. тов. Гоц. Я детально защищать и мотивировать ее не буду. Тов. Троцкий, говоривший до меня, отметил следующий основной дефект этой резолюции: это есть резолюция о трех органах власти, ибо первые два—Временное Правительство и Исполнительный Комитет Государственной Думы, — и эти три органа власти так же бессильны, так же слабы, как и все прочие. Отсюда, конечно, один вывод, — тот вывод, который здесь развивал все время тов. Тропкий. Я прежде всего хотел бы отметить одно обстоятельство. К вам приходят и говорят: «Вы должны стать законодательным органом», к вам приходят и объявляют вам: «Вы не смеете не быть законодательным органом, пойдите сейчас издайте нечто в роде декрета, отмените Государственную Думу», а затем, товарищи, они уходят и в другом месте [говорят] нечто совершенно другое и вот, что там пишут: «Всероссийский Съезд Советов» (читает). [120]. (Рукоплескания. Голоса: «Браво!» Шум.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Я покорнейше просил бы не шуметь. Прошу успокоиться. Если угодно слово, будьте любезны, тут есть кафедра, а с мест прошу не говорить и не шуметь.

БОГДАНОВ. Позвольте мне продолжать, товарищи. (Голоса: «Просим».) «Революционный пролетариат представлен...» (Читает).

Вот, как говорят они, товарищи, в других местах. Кто же пишет это, господа? Это пишет тот же самый тов. Троцкий, который предлагал вам сейчас стать законодательной властью... (Шум. Голоса: «Позор».) Я предлагаю вам, товарищи, разобраться в этой тройной бухгалтерии, где полититеское лицемерие и политическая трусость... (Рукоплескания. Шум.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Прошу, товарищи, с мест не говорить.

БОГДАНОВ. Я, товарищи, этого свидетеля отвожу; очевидно, что этот свидетель не может пользоваться никаким авторитетом в качестве свидетеля. (Рукоплескания.) Перед нами основной вопрос: что произошло со дня революции? Произошло то, что каждый из нас знает. Дума 3 июня, игравшая до революции определенную роль, в дни революции сыграла определенную роль: она бросила весь свой авторитет, все силы на чашу весов революции, — пусть колеблясь, пусть спотыкаясь, пусть будучи подталкиваема революцией и революционной армией, но, во всяком случае, это было так. (Рукоплескания.) Затем наступил другой момент; момент этот привел к тому, что российская демократия сплачивалась, усиливалась, становилась мощной, организованной и проч., и проч. В то же время сила пензовой буржуазии слабела, распылялась, отступала во всяком

случае на задний план. В заключение это привело к тому, что случилось 18 — 21 апреля: определенные слои буржуазии, слои, наиболее ярко представленные в Государственной Думе 3 июня, вероятно, отделились от революции. Часть буржуазии [1]) осталась пока с революцией, и это обстоятельство было констатировано в перевороте 18 — 21 апреля, в образовании коалиционного министерства; следовательно, революция пошла дальше Думы 3 июня, и это, и только это нам приходится констатировать. В ходе революции Дума перестала быть законодательным государственным органом; в ходе революции члены Государственной Думы перестали быть членами Государственной Думы и превратились просто в граждан, никакими особыми полномочиями не облеченных.

В ходе революции, совершенно естественно, раз Дума перестала быть государственным органом, перестала быть органом законодательной власти, она не может требовать никаких средств к своему существованию, и приток средств должен быть прекращен. Но как быть дальше? Могут ли они устраивать свои совещания, выступать и т. д., и т. д.? Ну, конечно, могут,— как мы можем им это воспретить? Разве мы можем воспретить тов. Троцкому и тов. Ленину выступать и устраивать всякого сорта совещания и т. д., и т. д., и вести свою политику? (Рукоплескания слева.) Я, товарищи, думаю, что аплодисменты, которые раздаются слева, свидетельствуют действительно о той политической незрелости, которая у них имеется. (Рукоплескания и голоса: «Браво».) Я глубоко убежден, что те, которые аплодируют сейчас, сейчас же выйдут и скажут: прекратите свободу слова для буржуазии, прекратите свободу слова для всех, кроме большевиков. Поэтому я считаю, что мы можем сказать то, что есть: что частные совещания всяких граждан свободной России совершенно допустимы, но это есть только частные собрания свободных граждан. Что касается Государственной Думы, то она прекратила свое существование. (Рукоплескания слева.) Она упразднена ходом революции. Товарищи, в нашей резолюции сказано то, о чем я сейчас говорил. Первый пункт говорит, что в ходе революции Государственная Дума и Государственный [Совет] упразднены, как органы государственной власти. (Голоса: «Кем?» Голоса слева: «Революцией!» Голоса справа: «Троцким».)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Прошу не мешать оратору.

БОГДАНОВ. Товарищи, нам предлагают декреты и проч., и проч. Я считаю, что сейчас для нас важен один вопрос: формулировать мнение демократии по этому поводу, формулировать его таким образом, как сказано в предложенной нами резолюции. Эта формулировка даст возможность нашим товарищам министрам ориентироваться соответствующим образом. Она заставит нас вести работу и борьбу в определенный момент. Когда нужно будет нашу резолюцию поддержать решительными действиями, мы ее поддержим. Я зову к единогласному вотированию именно этой резолюции. (Рукоплескания справа).

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Сейчас поступила следующая резолюция, внесенная от меньшевиков и интернационалистов. (Читает.) [2]) Слово принадлежит тов. Мартову.

МАРТОВ. Товарищи, несколько странное впечатление производит только-что выслушанный доклад.

В вопросе [3]) первостепенной важности, каким является вопрос существования или несуществования Государственной Думы, товарищ докладчик, дабы выявить позицию тех фракций, мнение которых он выражает, еще

---

[1]) В подлиннике: «революции». — [2]) См. стр. 300 — [3]) Первоначально: «Вопрос».

должен повести особого рода атаку одной части собрания на другую. Как можно было заключить из его доклада, он, однако, в этом вопросе о Государственной Думе как будто бы солидарен. Я ничего не имею против атак на ту или другую часть собрания, но я должен обратить внимание на характер этих атак, в частности для того, чтобы посеять недоверие к тем, которые возлагают на революционную демократию, органом коей вы являетесь, большие задачи. Товарищ докладчик прочел из газеты тов. Троцкого одно место, в котором Советы С. Кр. и Р. Д. характеризуются как мелко-буржуазные демократические органы, ведущие на практике, как он там сказал, политику умеренно-кадетскую.

Какую [1]) политику ведут Советы, по этому вопросу могут быть разные мнения; оскорбительного ничего в этом нет, если тот или иной товарищ полагает, что политика одной или другой фракции, или политика всех нас является, с его точки зрения, умеренной. Тут жаловаться не приходится. Что же касается того, что для тов. Троцкого и других некоторых товарищей органы революционной демократии суть органы мелко-буржуазной демократии, то в этом, с точки зрения той партии, к которой принадлежит тов. Богданов, в этой характеристике нет ничего оскорбительного и демагогического. Мелко-буржуазная демократия есть демократия, и когда говорят о мелко-буржуазной демократии, имеют в виду факт, что это есть не только демократия пролетариата, но и людей, имеющих частную собственность или стремящихся к ней. И тов. Богданову, который изобличает тов. Троцкого, в такой же мере можно поставить вопрос: он, тов. Богданов, по-прежнему ли стоит на той марксистской позиции, которая отличает социалистическую демократию от мелко-буржуазной, или же для него существует одна только трудовая демократия? И всякая попытка делать различие между теми или иными элементами демократии есть политическое преступление? Так как тов. Богданов на этот вопрос прямо не ответил, то все, что он говорит против демагогии, обращается против него самого. (Рукоплескания.) По существу дела, тов. Богданов предлагает вам, сколько я понял, признать Государственную Думу несуществующей, но ни в каком случае не посягать на ее существование. (Рукоплескания.) Этот метод нам очень хорошо известен, и я напомню вам только один самый яркий пример из применения этого рода государственной политики. Я напомню о моменте открытия первой Государственной Думы. Первая Государственная Дума созывалась при условиях, когда вопрос о том, существует ли самодержавная власть, оставлен был открытым. Вы помните, вероятно, что в государственных актах слово «самодержавный монарх», несмотря на манифест и обещания 17 октября, продолжало существовать, вызывая волнение и смущение среди прогрессивных слоев населения. Здесь были две точки зрения, две политики, которые предлагались народу. Одна политика говорила о том, что нужно взять прямо быка за рога и определить, что Дума есть учреждение законодательное, и поставить ребром вопрос об упразднении всех тех учреждений, права и привилегии которых идут в разрез с идеей властного народного представительства. Была и другая точка зрения, полагавшая, что достаточно только разъяснить авторитетному лицу, что с момента существования Думы не существует самодержавия, и дело будет в шляпе. Председатель первой Государственной Думы Муромцев, открывая Думу, в своей речи подчеркнул,—я точно не помню слов,—ту мысль, что мы вступили в область конституционной жизни, и кадеты полагали, что этим все кончено и все решено. Через два месяца самодержавие показало,

[1]) Первоначально: «По вопросу о том, какую». — [2]) В подлинном: «стоят».

что̀ кончено и что̀ решено [121]. Вот это самое вам теперь̈и предлагают. Я думаю, что не таков метод революционной демократии; она исходит из факта, что Дума потеряла под собой законную почву с тех пор, как революция низвергла династию и низвергла основания той контр-революции, из которых возникла третьеиюньская Дума. С тех пор под Думой есть, как государственным учреждением, столько же законной почвы, сколько имеется ее под Николаем Николаевичем или Николаем Романовым. Но мы не можем стоять лишь на юридической почве. Мы знаем, что факт налицо, — что эта Дума не распускается.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Тов. Мартов, ваше время прошло.

МАРТОВ. Я прошу позволения только прочитать резолюцию; мне нужно 2 — 5 минут, чтобы закончить.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Товарищи, угодно дать тов. Мартову пять минут? (Баллотировка.) Тов. Мартов, прошу вас продолжать.

МАРТОВ. С другой стороны, товарищи, я говорю: Дума существует явно и очевидно, и она существует не только потому, что не имеют решимости ее прекратить, а потому, что существует оставшийся нерешенным, открытым вопрос о том, законно ли существующее Временное Правительство. Дело в том, что в существующих буржуазных кругах есть теория, с которой нам нужно считаться, согласно которой, по упразднению самодержавия, вся власть в стране перешла к Думе, которая добровольно отдала ее через Временный Комитет Временному революционному Правительству, из чего вытекает, что если сегодня или завтра Временное Правительство перестанет существовать в нынешнем виде, если тот князь Львов, которому поручено составить правительство, уйдет почему-нибудь в отставку, недовольный развитием событий, то он должен власть эту, пока не созвано Учредительное Собрание, отдать назад в Думу. Это есть та теория, которая лежит в основе нынешних взаимоотношений государственных учреждений. Эта теория всецело выработана сегодняшними контр-революционными элементами, которые в феврале месяце принимали участие в перевороте. Они оставляют камень за пазухой, они остаются хозяевами революции в том случае, если вплоть до созыва Учредительного Собрания, с которым не спешат, если вплоть до этого созыва лица из буржуазного лагеря, взявшие на себя руководство государственным кораблем, почему-либо сочтут для себя удобным или нужным сложить с себя власть...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Тов. Мартов, сколько минут вам угодно говорить?

МАРТОВ. Я прошу пять минут.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Товарищи, угодно ли предоставить тов. Мартову еще пять минут? (Баллотировка. Голоса: «Просим».) Итак, тов. Мартов, вы имеете еще пять минут.

МАРТОВ. Этот вопрос, товарищи, именно тот, от которого мы не можем уйти. Вам говорят постоянно и с разных сторон: сторонники нынешнего правительства и противники его, все признают, что положение политическое далеко от того, чтобы быть благоприятным, что кризис, вызываемый и контр-революционными поползновениями, и растущей анархией, что кризис может наступить каждый момент. Может случиться в каждый момент, что та политическая комбинация, которую большинство считает самой лучшей, эта комбинация, — коалиционное правительство, — может оказаться несостоятельным не по своей вине, а по вине обстоятельств, — это все признают. Может случиться, что дальнейшее сожительство элементов революционных и умеренных окажется затруднительным. Правительство может подать в отставку. Кому же оно сдаст власть? Это вопрос, мимо которого мы не можем пройти. В интересах революции нельзя, чтобы этот

момент был пропущен. Тогда явится Дума и она получит полноту власти, она выберет спасителя России, она назначит на место князя Львова, который сочтет себя вынужденным уйти или захочет сам уйти, выберет она нового вождя правительства. Можем ли мы это допустить? О состоятельности юридической точки зрения об этом для революционера не может быть споров. Никакой полноты власти, никакого значения Государственная Дума, как источник революционной власти, не может иметь в наших глазах; она не есть орган, созданный революцией, несмотря на те услуги, которые она оказала революции в февральские дни. Она по своему прошлому является органом контр-революционным, и ясно, что она источником власти служить не может. И власть первому Временному Правительству если и передала формально Государственная Дума, то фактически эту власть передала петроградская революционная улица и закрепила революционная улица всей страны. И только на этой точке зрения могут стоять революционеры. Формально и принципиально, по существу, отвлекаясь от всякой фракционной и теоретической точки зрения, мы должны понять, что в данный момент уйти от этого вопроса нам нельзя, так как его поставила на очередь не какая-нибудь фракция, а поставила на очередь сама жизнь. Мы можем себя связывать в целом ряде шагов соображением о том, что̀ будет, если распадется нынешняя министерская комбинация, нынешнее коалиционное министерство, но мы не можем, подобно страусу, закрыть глаза на то, что такая перспектива может случиться. Мы не можем не поставить перед собой вопроса о том, кто и где решит вопрос о дальнейшем направлении власти. Неужели возможно тогда прибегнуть к гражданской войне, чтобы узнать, кто назначит Временное Правительство: Дума ли контр-революционная или же сама демократия? Вот почему мы не можем ограничиться констатированием факта, что Дума упразднилась. Мы должны сказать: правительство должно декретировать, что Дума и Государственный Совет не существуют, что они потеряли свои полномочия и в системе государственных учреждений России им нет места. Вот почему мы предлагаем резолюцию, которую я вам прочту.

«Принимая во внимание:

1) что с образованием Временного революционного Правительства и с низвержением династии законодательные учреждения старого режима утратили под собой всякую законную почву,

2) что третье-июньская Государственная Дума, сыграв свою роль в событиях, подготовивших низвержение царизма, стала вновь контр-революционной силой, как только революция поставила себе широкие демократические и социальные задачи,

3) что, параллельно с этим, Дума, которую революция лишь устранила, но не распустила, начинает все более сплачивать вокруг себя все реакционные и антидемократические силы, готовые в подходящий момент напасть на революцию,

4) что Дума явно претендует на роль источника революционной власти и при каждом политическом кризисе пытается воздействовать активно на его разрешение в духе, соответствующем интересам представляемых ею контр-революционных классов, и

5) что, благодаря этому создается неустойчивое положение, усугубляемое неизвестностью относительно времени созыва Учредительного Собрания, —

Съезд требует:

1) чтобы правительство особым законом объявило об упразднении Государственной Думы и Государственного Совета,

2) чтобы оно назначило срок созыва Учредительного Собрания не позже 1 сентября сего года» [1]).

Разумеется, принятие этого решения и принятие правительством соответствующего декрета не помогут решению самого вопроса. Дума может заявить, что она не признает такого толкования; она может заявить, что все-таки, не претендуя сейчас заседать, она в случае надобности соберется. Мы, разумеется, не будем призывать ни к каким арестам членов Государственной Думы в случае таких заявлений, но мы полагаем, что Временному Правительству не трудно будет добиться того выражения воли народа, которое моральное значение окажет. Нам возражают, что, принимая такое решение, предлагая правительству принять это решение, мы вызываем смуту. Поэтому я вношу такое предложение: пусть Временное Правительство и Совет Р. и С. Д. предложат в один прекрасный день всему рабочему и солдатскому населению Петрограда продефилировать перед Советом Р. и С. Д., для того, чтобы подтвердить свою волю, чтобы Дума была упразднена. Поверьте, разногласия в этом не будет. И воля народа проявится достаточно внушительно и убедительно для тех, кто заседает во Временном Комитете, в Государственной Думе. (Рукоплескания.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово принадлежит тов. Дану.

ДАН. Товарищи, хотя вопрос о демагогии вдвинут был в эти дебаты, по-моему, совершенно неуместно, ибо это вопрос особый, но раз он поднят, то должен сказать, что я демагогию вижу не там, где видит ее тов. Мартов. Само собой разумеется, что тов. Троцкий не лишен права характеризовать наше собрание по направлению, как кадетское; в этом я, конечно, демагогии не вижу. Но когда товарищ, в одном месте называя наше направление кадетским, тут перед нами свою тактику старается оправдать и свое решение протащить тем, что он обращается к этому собранию, как к чистому выразителю революционной демократической воли, то я думаю, что демагогия заключается именно здесь, и хорошо было бы, чтобы товарищи, приходя сюда, свою тактику мотивировали теми самыми аргументами, какими они мотивируют ее в статьях различных революционных газет.

Теперь, по существу этого вопроса о Государственной Думе: я считаю, что огромная часть того, что только что говорил тов. Мартов, не имеет отношения к вопросу о том, какую резолюцию мы примем, ибо в принципиальном взгляде на роль и значение Государственной Думы и Государственного Совета во всех трех резолюциях, которые тут предложены, разногласий нет. Все три резолюции одинаково исходят из того, что Дума, сыгравшая положительную роль в февральские дни, что она теперь мало-по-малу становится тормазом для дальнейшего развития революции и может стать тормазом серьезным, если ее деятельности не будет положен известный предел. В этом разногласия нет, и потому все, что говорил тов. Мартов на эту тему, было излишне здесь; это — общее место и общая мысль, которую здесь не надо доказывать. Вопрос не в том, надо ли или не надо бороться с Государственной Думой, как с государственным [2]) учреждением, а вопрос заключается в тактике, в методах этой борьбы, а тактика определяется соображениями целесообразности. Тут меня очень удивило, что в этой части у меня с тов. Мартовым, с которым в течение 20 лет мы были одних практических методов, теперь обнаружилось такое разногласие, что к точке зрения Мартова я никоим образом не могу примкнуть. Дело заключается в следующем:

---

[1]) Резолюция печатается по «Известиям» № 88 от 10 июня 1917 г. — [2]) Слово: «государственным» вписано.

Государственная Дума или остатки ее пытаются собрать вокруг себя контр-революционные элементы; надо этому положить предел. Но чему: не собиранию контр-революции в политическую организацию, — мы этому помешать не можем, наоборот, мы считаем полезным, что если контр-революция организуется, пусть она организуется открыто. Надо помешать тому, чтобы эта контр-революция поставила себе на службу учреждение, пользующееся правами и привилегией государственности. Это наша резолюция ясно и отчетливо говорит, что мы считаем, что Государственная Дума и Государственный Совет, как государственные учреждения, упразднены и поэтому жалованье им должно быть прекращено, что поэтому мы рассматриваем их, как частное собрание бывших членов учреждения, называвшегося Государственной Думой. Отсюда тот вопрос, который поднял тов. Мартов, — вопрос о том, кто будет решать судьбы власти, если наступит кризис ее, — формально разрешается. Как учреждение государственное, по нашей резолюции, всякие формальные права Государственная Дума потеряла. И если она предъявит претензии на соучастие в этом выходе из политического кризиса, то в наших глазах она предъявит претензии на соучастие, как частное политическое учреждение, и мы тогда взвесим, нужно ли нам это участие или нет. Если это участие нам будет навязываться помимо воли революционной демократии, если Государственная Дума предъявит такие права, которые революционная демократия за ней признать не хочет, то мы тогда не менее, чем тов. Мартов, не побоимся апеллировать к улице, чтобы эти претензии отмести. Но мы не хотим такого образа действий. Сегодня, когда Государственная Дума еще только делает первые шаги или, вернее, говорит еще первые слова, которые ее характеризуют, как силу, начинающую делаться контр-революционной, мы не хотим сегодня, когда у этой Думы еще нет никаких дел, в особенности дел достаточно ясных для тех широких масс народа, которые благодаря роли, сыгранной этой Думой в февральские дни, верят этой Думе, видят в ней силу прогрессивную, мы не хотим в этот момент делать эту Думу жертвой для того, чтобы дать возможность ей задержать вокруг себя те симпатии народных масс, которые, конечно, с каждым днем будут отходить, если она будет на деле и на словах разоблачать себя, как контр-революционную силу. Я думаю, что этот метод, эта тактика, которая апеллирует каждую минуту не к словам, а к делам и в каждый момент исходит не только от общих отвлеченных принципов и положений, а оценивает, как эти принципы и положения воспринимаются теми широкими народными массами, которые нам нужно иметь за собой и нужно иметь против Думы, — я думаю, что эта тактика именно та самая, которую мы с тов. Мартовым во всех политических вопросах практиковали более 20 лет, и та самая, которая себя оправдала в ходе революции, — та самая, которая приведет нас к победе. В заключение всей горячей речи тов. Мартова оказалось вообще, что не так страшен этот большевистский чорт, как его малюют. В конце концов, оказалось, что для тов. Мартова сейчас этот декрет, если Дума откажется ему подчиниться и т. д., то он еще не думает выводить народные массы Петрограда и сейчас громить Государственную Думу. Нет, он рассчитывает, как оказалось, на моральный политический эффект; но раз, тов. Мартов, вы вместе с нами, которые тоже прежде всего рассчитывают на моральный эффект, то и присоединяйтесь к той резолюции, которая хочет моральный эффект вызвать в максимальной степени, и отвергните большевистские методы борьбы с Думой, которые усиливают Думу и ослабляют нас. (Рукоплескания.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Я просил бы выступающих ораторов держаться в пределах предоставленного им времени, чтобы я не был вынужден

каждый раз обращаться к собранию за разрешением продления времени оратору.

Таким образом, товарищи, высказались по всем трем резолюциям, которые имеются у нас. Прежде всего я буду голосовать вопрос о том, какую резолюцию вам угодно будет положить в основу. Я буду оглашать их так: Сначала я ставлю на голосование резолюцию, внесенную тов. Луначарским. Кто за то, чтобы эту резолюцию положить в основу? (Баллотировка). Значит, как основа эта резолюция отвергается. Теперь в порядке поступления ставлю в том же смысле резолюцию, внесенную от имени с.-д.-меньшевиков и с.-р., оглашенную тов. Гоцом. Кто за то, чтобы положить эту резолюцию в основу? (Баллотировка.) Теперь я ставлю на голосование резолюцию, внесенную меньшевиками-интернационалистами. Кто за эту резолюцию в смысле основы? (Баллотировка.)

Итак, значит, в основу принята резолюция, внесенная от фракции с.-д.-меньшевиков и с.-р. (Рукоплескания.) У меня теперь никаких поправок к этой резолюции не имеется. (Голос: «Есть одна, прошу огласить».)

КАНТОРОВИЧ. Товарищи, от имени фракции объединенных с.-д. интернационалистов я предлагаю к резолюции, внесенной товарищами с.-р. и с.-д.-меньшевиками, следующее дополнение: «Съезд предлагает Временному Правительству в кратчайший срок издать декрет об упразднении Государственного Совета и Государственной Думы и Временного Комитета, как органа высшей государственной власти». Я беру это дополнение не из какого-нибудь большевистского источника: это — составная часть, 6-й пункт резолюции фракции с.-р., пункт, который с.-р. успели потерять во время соглашения с меньшевиками. (Рукоплескания.) И этот пункт я от имени с.-д.-интернационалистов предлагаю вам принять.

Разрешите аргументировать. Третьего дня вся буржуазная печать подняла страшный шум против того течения против Государственной Думы, которое наметилось на Съезде [122]. Они заявляли следующее: во-первых, право Государственной Думы продолжать занятия и свое существование до истечения законных полномочий, — это право не может быть отвергаемо; в особенности, говорили они, — это точная фраза из «Речи», — по сравнению с правом Совета Р. и С. Д. Во-вторых, говорили они, Государственная Дума может еще пригодиться пока что. Заметьте, товарищи, это «пока что». Пока что она своими правами не злоупотребляет, ее совещания носят характер частный. Товарищи, в качестве чего может пригодиться Государственная Дума? Конечно, в качестве ответственного выразителя мнения страны, в качестве парламента, в качестве государственного учреждения. А как называется тот момент, то положение вещей, при котором ответственным и адэкватным выразителем общественного мнения страны может явиться Государственная Дума? Такой момент называется эпохой реакции, контр-революции. Таким образом, Государственная Дума является резервом контр-революции, и на ней лежит ложный отблеск легальности. Для юристов совершенно очевидно, что Государственная Дума не имеет и на иоту больше легальных прав, чем хотя бы это собрание или всякое другое собрание, и не имеет и тысячной доли тех революционных прав, и мы должны положить предел ложным истолкованиям прав Государственной Думы; мы предлагаем, чтобы именно Временное Правительство, которое даже в глазах буржуазии имеет легальный характер, чтобы это правительство, верховная власть и в вашем мнении, постановило, что Думы нет и быть не может. Дума умерла. (Рукоплескания.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. К этой поправке имеет слово тов. Гоц. (Голос: «Это ваша, ваша резолюция».)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Никаких вопросов прошу не ставить с места. Если угодно поставить вопрос, то вот имеется кафедра. Пора усвоить эту мысль.

ГОЦ. И без вашего напоминания я знаю, что это наша резолюция. Товарищи, во имя достижения единства и согласованности действий между фракцией с.-р. и фракцией меньшевиков, мы, представители бюро фракции, сочли возможным откинуть этот пункт. (Иронические рукоплескания слева.) Товарищи, мы полагали и считали, что все то существенное, важное и основное, что мы хотели выразить в своей резолюции, все это выражено нами в той резолюции, которая принята нами совместно с представителями фракции меньшевиков. Мы ставили весь вопрос в плоскость определенного морального и политического воздействия. Мы считали, что мы этого достигли совершенно отчетливо и совершенно определенно. Что касается товарища, — я не знаю его фамилии, — то его поправка есть нечто иное, как желание контрабандой внести резолюцию тов. Луначарского, отвергнутую вами. (Рукоплескания.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Позвольте, товарищи, поставить на голосование ту поправку, которая сейчас оглашена. (Баллотировка.) Позвольте огласить подсчет. (Читает): Голосовало 748 человек; за поправку — 216, воздержавшихся — 41, против — 491. (Бурные рукоплескания.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Есть еще одна поправка, прошу ее заслушать.

МАРТОВ. Поправка, которую мы вносим к принятой резолюции, гласит: «И отменить декретом не отмененные еще государственно-законодательные права и функции Государственной Думы и Государственного Совета». (Голоса: «Это то же самое».) Нет, не то же самое. Различие в следующем... (Шикание.) Я повторяю: «и отменить декретом не отмененные еще государственно-законодательные права и функции Государственной Думы и Государственного Совета». Каков смысл этой поправки и чем она отличается от той, которую вы отвергли? В резолюции, принятой за основу [1]), предлагается ограничиться отменой жалованья депутатам. Между отменой жалованья и роспуском Думы существует градация — ступени. Так как мы не формалисты и стоим на сути дела, мы полагаем, что важно, чтобы правительственным актом было подтверждено, что Государственная Дума и Совет не могут претендовать на государственно-законодательные права и функции. Это положение вытекает из всего государственно-правового опыта Европы и из опыта всех революций. Вы не найдете ни одного случая, когда при созыве Учредительного Собрания сохранялись бы государственно-законодательные функции старых законодательных учреждений, и до тех пор, пока это не сказано правительственным актом, до тех пор Учредительное Собрание есть красивая сказка. Вот почему в этом центр тяжести. Мне кажется поэтому, что составители резолюций не пошли достаточно далеко, как это позволяет действительное соотношение сил и действительное положение дела. Они идут иначе, и мы слышали аргументацию, смысл которой сводится к тому, что не надо провоцировать преждевременно конфликт между слоями населения, стоящими за Государственной Думой, и нами, революционной демократией. Но цель нашего предложения, если оно будет принято, не в этом заключается. Дело заключается не в том, чтобы лучше выяснить разницу взгляда революционной демократии и людей, стоящих за Родзянко. Там положение ясно, и ваша резолюция еще раз подтверждает и в этом отношении достигает цели; она говорит: Родзянки считают, что они есть власть, а мы, революционная демократия, считаем, что это не есть власть. Но есть третий элемент, третий фактор, относи-

[1]) Слова: «за основу» вписаны.

тельно которого нужно выяснить положение. И об этом не говорили ораторы, защищавшие резолюцию. Есть само Временное Правительство и его большинство. Резолюция наша, которую вы приняли, констатирует взгляд собрания и, следовательно, взгляд социалистов-министров в правительстве; она говорит, что для них Дума не существует как орган, имеющий государственно-законодательные права. Но как думает Временное Правительство на этот счет? Должны мы это знать или не должны? Что получится, если мы будем продолжать исходить в своей деятельности из факта, что Государственная Дума, как фактор, не существует, а большинство Временного Правительства будет исходить из противоположного? Не будет ли это наихудший вид двоевластия, который вы желаете устранить? Ведь вы хотите гармонии между деятельностью революционных Советов и деятельностью революционного правительства. Какая же может быть гармония, если акты большинства Временного Правительства будут исходить из того, что Дума существует, как фактор, соучаствующий в государственной власти? Разве не ясно, что по этому поводу мы должны через наших представителей поставить правительству требования, предложить ему высказаться по этому поводу в духе революционной демократии. Разве не ясно, что без этого мы в своем сознании, в своем воображении отодвигаем момент конфликта, а на самом деле придаем ему острый характер, ибо сегодня тов. Дан говорит: тогда мы выведем рабочих на улицы. Мы, товарищи, меньшевики-интернационалисты, не восхищены перспективой, чтобы вывести рабочих на улицы в том или ином случае. Мы желали бы обходиться без этой необходимости. Если вы будете тянуть дело таким образом, что вопрос, кто прав в своем толковании, встанет в то время, когда не будет исхода и когда рабочих нужно будет вывести на улицы, это не будет мудрой тактикой, которую подсказывает политический революционный реализм. (Аплодисменты.)

ДАН. Я не знаю, товарищи, сколько будет внесено поправок. Я только констатирую, что пока вносятся уже две поправки, которые имеют целью в виде поправок восстановить отвергнутую резолюцию. То, что здесь говорил тов. Мартов, по-моему, несостоятельно. Мы сказали в нашей резолюции, что за Государственной Думой и за Государственным Советом после революции никаких решительно государственных законодательных прав не числится. Отсюда следуют две вещи: что Временное Правительство, в котором находятся наши делегаты, тем самым не может совершить ни одного акта или не [может] сказать ни одного слова, которым бы это значение Думы, как государственного учреждения, признавалось. Раз там есть наши делегаты, они там присутствуют постольку и за тем, чтобы те положения, которые мы считаем необходимыми, претворялись в деятельности Временного Правительства. Во-вторых, из нашей резолюции, из нашего постановления вытекает, что Государственная Дума сама не может совершить никакого акта, при котором она выступала бы, как государственное учреждение, не может потому, что это нежелательно и этого не допустит революционная демократия. Я уверен, что при таком способе действий именно это низведение Думы, поскольку она захочет быть контр-революционной, на-нет обеспечивается самым безболезненным, самым лучшим способом. Государственная Дума, к которой мы установили такое отношение и к которой будет установлено такое же отношение правительства, просто мирно сгниет. Тактика же, которую рекомендует тов. Мартов и большевики, заключается в том, чтобы поставить сегодня же вопрос так остро, чтобы завтра со всех концов России, от всех слоев населения, которые еще помнят революционную роль Думы в февральские дни, которые не видели еще контр-революционных шагов Думы, — тактика эта сводится к тому, чтобы с завтрашнего же дня

побудить все эти слои населения засыпать эту умирающую, гниющую Думу своими приветственными телеграммами. Эта тактика ведет как раз к обратным результатам, чем она хочет. Я повторяю: это есть та тактика, которая укрепляет Думу в тот момент, когда она начала умирать, и затрудняет нашу работу по похоронам Думы. Поэтому я думаю, что мы должны остаться на почве той тактики, которую приняли и выразили в нашей резолюции.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Ставлю на голосование поправку, которую внес тов. Мартов. Должен сказать, что надлежало бы не вносить таких поправок, которые были уже отвергнуты в то время, когда мы отвергли предыдущую резолюцию, в которой этот пункт содержался. Но раз эту поправку угодно было заслушать, то я должен ее поставить на голосование. (Баллотировка.) Тут просили слова по мотивам голосования. Я очень просил бы не просить слова по мотивам голосования в тот момент, когда уже поставлено на голосование. Предоставляю вам слово.

.....[1]) Товарищи, фракция с.-д.-большевиков будет голосовать против поправки тов. Мартова. (Смех, шум, рукоплескания.) И вот по каким мотивам. (Шум, голоса: «Продолжайте, просим!») Товарищи, я не сговорился (сильный смех, шум, голоса: «Браво!»), речь идет от имени организации, поэтому я говорю, что я точно не усвоил мысль, которая... (Голоса: «Правильно!» Смех, шум. Не слышно.)...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Позвольте поставить на голосование поправку тов. Мартова. (Баллотировка.) Отвергнута. Следующая поправка. (Голоса: «Довольно поправок!»)

МАРТОВ. Товарищи, я позволю себе сказать два слова; я считаю, что не злоупотребляю вниманием собрания, когда вношу поправки к принятой резолюции. (Голос: «Это ваше право».) Это, во-первых, мое право, а с другой стороны, я думаю, польза лишь для собрания и его большинства будет, если оно, принимая ответственные решения, со спокойной совестью сможет себе сказать, что оно все доводы за и против выслушало. (Голоса: «Правильно». Аплодисменты.)

Итак, поправка, которую я вношу, гласит: «И предлагает представителям с.-д. фракции и трудовой группы выступить из состава Временного Комитета Государственной Думы». Товарищи, тов. Хаустов и, если не ошибаюсь, тов. Дзюбинский до сих пор состоят представителями своей фракции во Временном Комитете Государственной Думы [123]. Если революционная демократия не признает Государственной Думы, то это участие представляется, по меньшей мере, странным. (Аплодисменты.) Для того, чтобы положить конец всякой двусмысленности, и для того, чтобы потом нам не сказали, что мы эти резолюции принимали для парада, а по сути дела признавали, что Дума существует, и Временный Комитет есть над правительством, есть то верховное, что сменяет в случае надобности и заменяет правительство, — скажите хоть это. Это будет минимальное, чего мы можем от вас требовать. (Аплодисменты.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Кто желает высказаться против, прошу подавать записки. По мотивам голосования.

.....[1]) От бюро фракции меньшевиков социал-демократов я заявляю, что мы поправку тов. Мартова принимаем. (Рукоплескания.)

.....[1]) Товарищи, от имени бюро фракции партии с.-р. заявляю, что поправка тов. Мартова принимается. (Рукоплескания.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Позвольте поставить на голосование. (Шум.) Товарищи, я абсолютно не в состоянии перекричать собрание, которое не совсем

---

[1]) В подлиннике фамилия выступавшего не указана.

соблюдает тишину. Ставлю на голосование поправку тов. Мартова. (Балотировка.) Принята.

Так как у меня больше поправок нет, то я ставлю на голосование всю резолюцию, предложенную с.-д.-меньшевиками и с.-р.

ЛУНАЧАРСКИЙ. Товарищи, фракция объединенных с.-д. воздерживается от голосования этой резолюции не потому, чтобы она была несогласна с той истиной, которая в ней в известной степени содержится, поскольку она лишает Государственную Думу прежнего ее авторитета, но мы воздерживаемся от голосования вследствие того, что мы считаем, что это выражено здесь крайне слабо.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Кто желает говорить по мотивам голосования, прошу подавать записки.

Позвольте перейти к следующему вопросу, — вопросу об отношении к войне. Слово принадлежит тов. Дану. (Голоса: «Просим перерыв».) Здесь раздаются голоса: «просим перерыва». Никакого перерыва быть не может.

ДАН [1]). Вопрос о войне есть важнейший вопрос русской революции. Судьбы революции теснейшим образом связаны с судьбами войны, и можно сказать почти с уверенностью, что если нам не удастся в более или менее близком будущем положить конец кровопролитию, дело русской революции если не погибнет, то потерпит серьезнейший ущерб [2]). Движение нашей революции вперед, во всяком случае, будет остановлено. Задача ликвидации войны и достижения [3]) мира есть важнейшая задача, которая стоит перед революционной Россией.

Но, говоря о [4]) мире, который может спасти революцию и вывести страну на путь свободного развития, мы прежде всего должны отдать себе ясный отчет в том, о каком мире мы говорим.

Сепаратный мир, с нашей точки зрения, не может разрешить тех задач, разрешение которых необходимо для свободного развития русской революции. Этот мир, при сложившихся международных отношениях, неизбежно отдал бы Россию в длительную кабалу мирового империализма. Более того. Пока весь капиталистический мир охвачен пожаром войны, Россия, втянутая давно в мировой капиталистический кругооборот, не могла бы даже долго пользоваться изолированно плодами мира: она неизбежно снова была бы втянута в войну, быть может, на стороне [5]) другой коалиции [6]). Во всяком случае, пока кипит война, всякий сепаратный мир для держав, уже втянутых в войну, мог бы быть лишь коротким перемирием.

Кажется иногда, что об этих сторонах сепаратного мира, которые делают его для нас совершенно неприемлемым, и говорить бы не стоило, потому что в России нет ни одной революционной партии или фракции, которая не заявляла бы, что она сепаратный мир отвергает, и уж, конечно, нет ни одной, которая писала бы сепаратный мир на своем знамени. Но, несмотря на это, необходимо все-таки всегда напоминать себе и другим о том, что значит сепаратный мир для революционной страны, потому что хотя все партии и фракции субъективно сепаратный мир и отвергают, но многие партии и фракции рекомендуют такую тактику в борьбе за мир, которая объективно и неизбежно ведет к сепаратному миру и которая поэтому именно для нас неприемлема.

---

[1]) Речь Дана печатается по машинописному тексту с собственноручными поправками. — [2]) Далее зачеркнуто: «и». — [3]) Первоначально: «достижение». — [4]) Далее зачеркнуто: «том». — [5]) Первоначально: «сторону». — [6]) Далее зачеркнуто: «но», и далее строчная буква переправлена на прописную.

*

Мы сепаратный мир отвергаем. Но точно так же отвергаем мы и другую идею, которая находит себе открытых защитников и апологетов. За последнее время, вместо сепаратного мира в обращение брошена идея о какой-то сепаратной войне. Сепаратная война мыслится ее авторами таким образом, что после того, как предъявлением определенных ультиматумов и отвержением их союзниками констатировано, что союзные с нами державы — Англия и Франция — не отказываются целиком от своих империалистических целей, — после этого революционная Россия порывает свою связь с этими державами. Но, отвергая сепаратный мир, она продолжает вести на свой страх войну, войну, цели которой ясно и определенно формулированы, как анти-империалистические, как цели революционные. Вот какая идея пущена в оборот.

Я считаю, что мы должны отвергнуть эту идею со всей решительностью. Я спрашиваю вас, товарищи: «С того дня, когда война, [1]) война революционной России, примет этот сепаратный характер, будет ли нами вестись пропаганда [2]) необходимости скорейшего заключения мира или нет? Здесь возможны два ответа: или, ведя сепаратную войну, мы будем настаивать на том, что спасение России заключается в мире, — и тогда вы сами понимаете, какой мир может вытечь из сепаратной войны. Из сепаратной войны может вытечь мир не всеобщий, а сепаратный. Следовательно, в этих условиях состояние России в сепаратной войне будет только коротким переходом к тому самому сепаратному миру, который сами авторы этой идеи отвергают.

Или же другое: с того момента, когда Россия будет вести эту сепаратную войну с открыто-революционной [3]), отрыто-антиимпериалистической целью, не будет связана никакими союзными обязательствами, — с этих пор [4]) мы будем видеть наше спасение не в скорейшем заключении мира, а [5]) в возможно более успешном и победоносном ведении войны. Словом, эту сепаратную войну мы обратим [6]) в ту революционную войну за освобождение Европы и за начало социалистического преобразования, идею которой выдвинули товарищи большевики. Но [7]) тогда сепаратная война окажется только скромной маской [8]), под которой [9]) скрывается наш старый знакомец.

Такого рода революционную войну мы отвергаем прежде всего потому, что полагаем, что задачи демократизации и пролетарского освобождения при тех условиях, которые существуют, при том классовом пролетарском движении, которое имеется в наличности [10]), войнами не решаются. Мы стоим попрежнему на той точке зрения, на которой стоял Базельский конгресс, а именно, что в обстановке XX века освободительных, прогрессивных войн быть не может [124].

С другой стороны, мы хорошо сознаем, что, будет ли эта война революционная или нереволюционная, самый факт продолжения войны не только не выведет нас из тех финансово-экономических, продовольственных, транспортных и других затруднений, в которых задыхается русская революция, но, наоборот, все эти затруднения усилятся. Особенно усилятся они при войне сепаратной, когда мы будем лишены всякой помощи извне [11]). Чтобы преодолеть все эти затруднения, нужен мир [12]). Война — революционная или

---

[1]) Далее зачеркнуто: «наша». — [2]) Далее зачеркнуто: «о». — [3]) Далее зачеркнуто: «целью, с». — [4]) Далее зачеркнуто: «стало быть». — [5]) «а» вписано. — [6]) Первоначально: «эта сепаратная война обратилась бы». — [7]) «Но» вписано над зачеркнутым «и». — [8]) Первоначально: «маскарадом». — [9]) Первоначально: «которым». — [10]) Далее зачеркнуто: «мы полагаем, что такие освободительные задачи». — [11]) Слова: «Особенно усилятся.... извне» вписаны. — [12]) Далее зачеркнуто: «т. к.», вставлена точка и далее строчная буква исправлена на прописную.

нереволюционная — одинаково предъявит такие требования к хозяйству, которых [1]) народное хозяйство, истощенное тремя годами милитаристской расточительности, выдержать не в состоянии [2]). С одной стороны, такая революционная война, для которой отсутствуют материальные и моральные предпосылки в умонастроении десятков [3]) миллионов русских крестьян, из которых рекрутируется армия [4]), не могла бы окончиться ничем иным, кроме неудачи [5]). С другой стороны, затягивание [6]) войны не могло [7]) бы не привести к гибели дело нашей революции вследствие того, что еще более обострило бы тот кризис, в котором мы задыхаемся. Поэтому одинаково с идеей сепаратного мира мы отвергаем и идею революционной войны во всех ее разновидностях, со включением идеи войны сепаратной. Нашей целью остается скорейшее заключение всеобщего мира без аннексий и контрибуций, на основе признания прав народа на самоопределение.

Теперь является вопрос о тех путях [8]), которые могут привести нас к достижению поставленных целей.

Здесь [9]), в среде революционной демократии, наметились два течения мысли: одни ищут выхода из затруднений [10]), ищут скорейшего пути к достижению всеобщего мира на указанных основах [11]) — в известных актах национальной воли, в известных проявлениях национальной самодеятельности нашей и деятельности нашего правительства. Это течение мысли полагает, что мы в наших национальных рамках можем вести то-ли какую-то особо решительную политику, то-ли предъявлять какие-то особо-решительные ультиматумы. И, поскольку мы такого рода действия будем совершать, мы решение проблемы мира приближаем. Иначе говоря, это течение полагает, что дорога к разрешению вопроса о достижении всеобщего мира лежит в национальных силах, в национальном соотношении сил России [12]). Апеллируя к национальным средствам, это течение почему-то [13]) присваивает себе имя «интернационалистов».

Есть другое течение, на котором стоит громадное большинство революционной демократии, которое отдало бы себе ясный отчет в том, что нынешняя [14]) война [15]) есть война мировая, что [16]) базис, на котором возникла эта война, обстановка, в которой она протекает, — все это связано мировой связью, интернациональной, мировой связью, в которой все капиталистические страны сплелись в один клубок, из которого ни одна страна — будь то революционная Россия — на свой риск и страх выйти не может [17]). Это течение говорит, что возникшая из интернациональной [18]) связи война может быть решена только интернациональными [19]) средствами же; что национальные возможности [20]), возможности [21]) всякого национального движения, будь оно архи-революционным, разрешить эту [22]) интернацио-

---

[1]) Первоначально: «которые», далее зачеркнуто: «это». — [2]) Далее зачеркнуто: «так что», вставлена точка и далее прописная буква вместо строчной. — [3]) Слова: «в умонастроении десятков» вписаны над зачеркнутым: «видя состояние сотен». — [4]) Далее зачеркнуто: «повторяю, эта война, для которой отсутствовали бы моральные и материальные предпосылки». — [5]) Далее зачеркнуто «а», вставлена точка, и далее прописная буква вместо строчной. — [6]) Слово: «затягивание» вписано над зачеркнутым: «идея продолжения». — [7]) Первоначально: «могла». — [8]) Далее зачеркнуто: «целях и о тех». — [9]) Далее зачеркнуто: «у нас». — [10]) Первоначально: «этого затруднения». — [11]) Далее зачеркнуто: «ищут». — [12]) Далее зачеркнуто: «именно потому, что это течение». — [13]) Слова: «это течение почему-то» вписаны над зачеркнутым: «оно». — [14]) Слово: «нынешняя» вписано. — [15]) Далее зачеркнуто: «идет». — [16]) Далее зачеркнуто: «фундамент». — [17]) Первоначально «могут». — [18]) Первоначально «интернационалистической». — [19]) Первоначально: «интернационалистическими». — [20]) Далее зачеркнуто: «или». — [21]) Первоначально: «возможность». — [22]) Первоначально: «этот».

нальную задачу [1]) ограничены, пока другие отряды [2]) международной армии труда, пока пролетарии Германии, Австрии, Англии, Франции и других стран, пока они не то, что [не] стали на ту ступень, на которой мы находимся, пока они не проявили самодеятельности в войне с империалистическим правительством до такой степени, что это давало бы нам возможность координировать свои действия. Это течение полагает, что национальная возможность для России, в смысле скорейшего прекращения войны, ограничена, и что она, достигнув известного предела этой национальной самодеятельности, вынуждена апеллировать к интернациональной самодеятельности, вынуждена всеми силами добиваться и ожидать, пока подтянутся другие отряды интернациональной армии труда, чтобы совместно, путем общей работы, положить конец интернациональному позору. Так как это течение стоит целиком на интернационалистической почве в своих взглядах на характер войны и борьбы за всеобщий мир, именно потому, что это течение целиком стоит на интернационалистической почве, вследствие чего другие наши товарищи клеймят его названием социал-интернационалистического [3]).

Так ли обстоит, товарищи, дело? Совет Солдатских и Рабочих Депутатов и вся революционная демократия России с первых же дней революции поставили перед собой во всей отчетливости эту проблему борьбы за мир. И вы знаете, что с первых же дней нашей революции мы стали засыпать нашими постановлениями, резолюциями, газетными статьями и прямыми обращениями трудящихся всех стран, призывая их вместе с нами к международной согласованности, призывая их открыто вести войну за этот мир. На этой почве мы стоим и сейчас. Мы знаем, что мы пришли к такому моменту, когда возможность международной согласованности войны всех трудящихся является вопросом жизни и смерти и для русской революции и, скажу я, для судеб международной демократии всего цивилизованного мира. Мы напрягаем все силы, чтобы вызвать это движение среди трудящихся. Я уже упоминал о тех средствах, которые мы пускали в ход; к ним прибавилось еще следующее: вы знаете, что у нас через Исполнительный Комитет С. и Р. Д. непрерывной чередой проходят разные делегации от социалистов и от различных организаций. Вы знаете, что Совет постановил созвать международную конференцию для международной организации борьбы за мир. Вы знаете, что самый процесс подготовки этой конференции мы старались и стараемся сделать орудием пробуждения пролетарских масс и пр. Вам, товарищи, по вопросу о международной конференции и по другим вопросам нашего сношения с Интернационалом будет представлен особый доклад от имени Исполнительного Комитета и вам придется судить вопрос о том, не настало ли время пустить в этой области в ход еще более сильно действующие средства, чем те, которые нам удавалось пустить до сих пор. Вам придется возбудить вопрос, не настала ли пора нам обратиться от имени Совета и социал-демократии России с воззванием к пролетариату других стран, не признаете ли вы целесообразным послать от себя делегацию во все страны Западной Европы, и в каком виде возможно будет признать необходимым вести работу по подготовке созыва международной конференции. Во всяком случае, ясно, что в этом направлении должна совершаться та важнейшая работа, которая даст нам возможность в деле борьбы за мир достигнуть реальных результатов, та работа, вне успеха которой никаких решительных реальных результатов борьба за

---

[1]) Первоначально: «интернационализм» и далее зачеркнуто: «что эти возможности».— [2]) Далее зачеркнуто: «этой». — [3]) Так в подлиннике.

мир дать не может, потому что иными средствами борьбы этот вопрос не может быть решен; нам приходится во что бы то ни стало ставить его в зависимость [1]) от орудия борьбы интернациональной. У нас есть и другое орудие борьбы за мир; орудие это есть та политика Временного Правительства, в котором заседают наши товарищи, и демократичность которой и соответствие нашим требованиям их пребывание там гарантирует. Вы знаете, что самое преобразование коалиционного правительства совершилось на основе платформы, первым пунктом которой было обязательство Временного Правительства вести активную внешнюю политику для скорейшего достижения всеобщего мира без аннексий и контрибуций, на основе свободного самоопределения народов. Мы полагаем, что правительство ведет эту политику, и вам предстоит сказать о том, находите ли вы, что оно ее ведет в достаточной степени активно или нет. Мое мнение на счет этого таково: мы, оценивая политику этого нашего правительства, не должны забывать того, что если вообще национальные методы действий борьбы за мир могут иметь место в весьма узких пределах, то деятельность дипломатии еще гораздо более ограничена в своем размере и в доступных ей результатах, чем деятельность революционной демократии, как таковой. Деятельность нашего правительства протекает в такой обстановке и непосредственно адресуется к таким силам, которые менее всего склонны поддаваться революционно-демократической пропаганде, усвоить условия демократических идей, менее всего склонны поддаваться морально-политическому воздействию русской революции. Дипломатия нашего правительства, как дипломатия вообще всякого правительства, обращается к фактам, к элементам международной жизни, для которых моральные аргументы отсутствуют, для которых существуют только аргументы силы. Поэтому, в смысле непосредственного влияния на эти факторы, на правительства других стран, успехи, которых непосредственно может достигать дипломатия русского правительства, всецело измеряются силой, которая стоит за этим правительством, а не теми идеями, которые это правительство выставляет. Здесь как-то в разговорах, которые были по этому поводу, раздавались голоса, что ставить вопрос так — это значит унижать национальное достоинство России. Так заботились о национальном достоинстве России, так понимали это национальное достоинство те, которые называют себя интернационалистами. Я же полагаю, что с точки зрения революционной демократии и, в сущности, с точки зрения пролетарской демократии, нисколько не унижает нашего национального достоинства, если мы говорим, что наша революционная демократия [2]) — морально-политическая сила: это есть сила, которая мощно действует, которая апеллирует не к правительству, к капиталистам или империалистам, а к народам, стоящим за этими правительствами. Я не вижу никакого ущерба нашему национальному достоинству в том, что мы признаем, что капиталисты всех стран, а не только нашей собственной страны, одинаково доступны воздействию не моральному, а воздействию силы. Я полагаю, что это необходимо констатировать, чтобы знать, чего мы можем требовать от тех средств, которые имеются в руках, в частности от тех средств, которые дает дипломатия нашего правительства. Имея в виду это, мы, российская демократия, требуем от нашего правительства активной политики в том смысле, который указан в революционной декларации; мы в то же время не должны, если не хотим вредить своему собственному делу, не должны предъявлять этому правительству требований, выставление которых от имени правительства повело бы к немедленному разрыву между союзниками, по-

---

[1]) Слова: «ставить .... зависимость» вписаны. — [2]) Слово: «демократия» вписано.

вело бы, следовательно, к неизбежности немедленно заключить тот сепаратный мир, который мы сами отвергаем, как пагубный для дела нашей революции. Мы не должны вести такую политику или предъявлять требования к нашему правительству, чтобы оно вело такую политику, которая, скажу я, в известных случаях и провокаторски могла бы быть использована национальными и интернациональными врагами русской революции, чтобы подвинуть ее к тому сепаратному миру, который эту революцию задушит.

Вот, стало быть, принцип нашего отношения к правительству, вот почему мы отвергаем все те ультиматумы, все требования ответов в 24 часа, которые нам подсовывают товарищи интернационалисты,— ультиматумы с признанием со стороны правительства, что оно от всяких империалистических посягательств отказывается, потому что такой ультиматум, заранее не подготовленный, не поддержанный народами союзных стран, поведет к неудачам, к разрыву и, значит, заранее можно сказать, к сепаратному миру. Кто рекомендует такую политику, тот должен прямо сказать, что все возможности борьбы за всеобщий мир исчерпаны и, следовательно, хотим мы этого или не хотим, с этого дня становится на очередь вопрос о сепаратном мире.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Ваш срок истек.

ГОЛОСА. Просим продолжать.

ДАН. Мне бы не хотелось вводить порядок продления времени, но тема настолько обширна, что я не смог изложить то, что я хотел сказать, в полчаса. Постараюсь возможно более сжато изложить то, что я хотел сказать.

Следовательно, этим мы должны руководствоваться по отношению к политике нашего правительства [1]). Вследствие этого, я полагаю, что то естественное неоднократное требование, которое мы предъявляем этому правительству, я считаю до некоторой степени уже выполненным этим правительством: поставить на очередь дня вопрос о пересмотре союзных переговоров в духе платформы русской революции. Товарищи, когда мы приветствуем этот акт Временного Правительства, который сделан в последней ноте, то, конечно, мы не ожидаем непосредственного воздействия этой ноты на империалистические правительства других стран. Мы не этого ожидаем, а мы ожидаем, что этот клич о необходимости пересмотра договоров в духе принципов русской революции, что этот клич, брошенный в лицо возбужденным и возмущенным войной трудящимся массам всех воюющих стран, что он сыграет роль полезного подсобного орудия в нашей собственной деятельности, что он даст материал для агитации среди народных масс в духе наших воззрений, что он даст толчек этим народным массам побудить свои правительства на предстоящий пересмотр, уступить требованию русского правительства и согласиться на пересмотр именно в том духе, которого требует русская революция. От движения народных масс в союзных странах больше всего мы можем ожидать успеха этого пересмотра в нашем смысле, а не от решительности или категоричности тех или иных элементов, которые будут представлять наше правительство.

Для того, чтобы голос нашего правительства вообще имел какой-нибудь вес непосредственно у других правительств, как я уже сказал, нужно, чтобы наше правительство представляло собою силу, ту силу, которая единственно импонирует господствующим классам всех капиталистических стран. Поэтому совершенно для меня непонятна и противоречива позиция тех,

---

[1]) Далее зачеркнуто: «мы должны себе это сказать».

кто, с одной стороны, требует наиболее решительных, ультимативных действий со стороны нашего правительства, как такового, с другой стороны, всячески протестуя против работ по укреплению боеспособности армии, всячески протестуя против всего того, что превращает эту армию в действительно большую боевую силу, ослабляют это самое правительство и тем самым лишают последнего веса тот его голос, который они хотят заставить звучать особенно громко. Здесь я подхожу к тому вопросу, который многих из нас тоже разделяет. Это — вопрос о боеспособности и о роли нашей армии. Для меня не подлежит сомнению, что дело должно в этом вопросе обстоять таким образом. Мы стремимся ко всеобщему миру. Всеобщий мир не может быть достигнут нашими исключительно национальными силами; он доступен только объединенным и международно-организованным силам пролетариата всех стран. Пока это не достигнуто, хотим мы того или не хотим, мы вынуждены пребывать в состоянии войны. Говорят, это положение противоречиво: стремиться к миру и вести войну. Да, оно противоречиво, но не более противоречиво, напримеp, чем такое положение, при котором, стремясь к социализму, мы находимся не только в области капиталистической, но, говоря себе, что поскольку не созрели силы это общество опрокинуть, мы вынуждены эту тактику развивать именно на почве капиталистического общества, на почве созданных капиталистическим обществом отношений. То же самое и в отношении между нашей борьбой за мир и между войной. Это противоречие принципиально то же самое, и выскочить из него каким-либо словесным образом нельзя. Это — противоречие, которое можно преодолеть только на почве той самой противоречивой объективной действительности, с которой мы хотим бороться. Мы в этой противоречивой действительности ищем орудий и средств для борьбы. Так вот, я говорю, положение такое: стремясь ко всеобщему миру, до тех пор, пока не создались международные силы, способные этого мира добиться, мы вынуждены эту войну вести. Но когда какая-нибудь страна вынуждена вести войну, она должна ее вести так, как вообще ведутся войны: не может быть какого-нибудь полуведения войны или ведения полувойны. Ничто подобное невозможно. Вот это есть настоящее противоречивое положение, которое не вытекает из объективных противоречий действительности и не стоит на их почве, а которое обнаруживает неспособность построить действенную тактику на почве этой объективной действительности. Пока война, надо вести войну, и если есть армия, надо, чтобы эта армия была армией, способной производить все те военные действия, которые в войне нужны, способной обороняться, способной наступать. При чем надо сказать, что наступление, как часто это бывает, не только лучший, но иногда по стратегическим и тактическим соображениям есть единственный вид обороны, если ее изображать таким образом, что армия должна заботиться [1]), чтобы она сегодня не была разбита, и [2]) должна заботиться о том, чтобы она не была разбита через три дня или через два месяца.

Так вот, стало быть, пока идет война, надо вести войну; пока есть армия, надо, чтобы эта армия была организована, чтобы она была боеспособна. Если эта армия не будет боеспособна, она будет грозить нам не только внешней опасностью в смысле разгрома, но она будет нам грозить и внутренней опасностью. Ибо если организованная армия есть в русских условиях революционная сила, то армия дезорганизованная, армия рас-

---

[1]) Далее в подлиннике следует: «таким образом». — [2]) Далее в подлиннике следует: «не».

пыленная, армия, где начинают говорить не общие интересы, не общие [интересы] организации, а отдельные частные интересы каждого ее члена, — такая армия превращается в силу, способную стать величайшей опорой контр-революции.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Тов. Дан, ваше время кончилось.

ДАН. Прошу дать мне еще десять минут. (Голоса: «Докладчику надо продлить время, просим его продолжать».)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Товарищи, угодно ли дать Дану еще десять минут? (Баллотировка). Прошу тов. Дана продолжать.

ДАН. Так вот, я говорю, такая дезорганизованная армия представляет большую внутреннюю опасность. Все мы знаем, какое пагубное значение в смысле увеличения сельско-хозяйственной продовольственной разрухи сыграло то обстоятельство, что из этой армии около двух миллионов дезертиров хлынуло по домам, которые закупорили все пути сообщения, перепортили массу подвижного состава и подвергли большие города и самую армию таким затруднениям, которые дали очень хорошую почву для агитации контр-революции. Кроме того, такое состояние армии подвергает нас опасности внешнего разгрома, и, наконец, я утверждаю, что такое состояние армии подрывает ту нашу работу по восстановлению пробуждения международного пролетарского движения и в особенности движения в союзных странах, которое необходимо для успеха борьбы за мир. Товарищи, все наши призывы о необходимости этой международной борьбы, о необходимости английскому и французскому пролетариату заставить свои правительства согласиться на пересмотр договоров,—все эти наши слова могут оказаться для французских и английских народных масс ничем перед лицом того дела, которое они видят; а дело это, как выразился один товарищ наш на фракционном собрании, заключается в том, что на каждый листок с призывом к совместной борьбе за мир, который французские и английские товарищи получают от нас, они получают десять тысяч или больше сопровождающих его пуль и гранат со стороны тех немецких войск, которые благодаря позиции нашей армии очистили свой фронт с нашей стороны и обрушились на наших французских и английских товарищей. Вот по этому обстоятельству эта пропаганда, поддерживающаяся только [1]) словами, и [2]) является неизбежным следствием того, если мы нашу армию оставим в таком состоянии, в котором она сейчас есть, или если мы признаем, что мы не должны вести настоящую войну, а должны вести какую-то войну игрушечную, какую-то полувойну. Поэтому, когда нас спрашивают, нужно ли наступление, должна ли наша армия переходить в наступление, мы должны ответить на это таким образом: вопрос об обороне, вопрос о наступлении есть вопросы военного командования, вопросы военной специальности, [так] что решать эти вопросы мы предоставляем командному составу и военному министру и на них возлагаем ответственность за то, что наступление будет предпринято во-время, будет достаточно подготовлено и действительно будет оправдано стратегическими соображениями. Мы же только [3]) можем сказать и заявляем, что, пока не создались условия для заключения мира, мы ведем войну. Мы тем самым говорим, что поскольку того требуют военные соображения, армия должна и обороняться и наступать. Армия должна в этом отношении верить своему командному составу, который ответственен перед нами, ответственен перед всем русским народом. Против чего мы должны бороться, так это против того проявляющегося в буржуазной печати стремления действовать и в

---

[1]) Слово: «только» вписано. — [2]) «и» вписано над зачеркнутым: «она». — [3]) Далее зачеркнуто «не».

военное время по образцу старого режима, который из Царскосельского дворца по политическим соображениям диктовал Куропаткину отступления и наступления. Против такого вмешательства политики в вопрос о наступлении, против этого крика, который хочет форсировать во что бы то ни стало наступление вне всякой зависимости от стратегических и тактических соображений, против такого крика о наступлении, который слишком ясно свидетельствует о том, что автор этого шума, вне зависимости от стратегических и тактических соображений, вне зависимости от судеб этого наступления, от необходимости и достаточной подготовки этого дела, исключительно руководствуется политическими соображениями. И эти политические соображения доминируют над всем. Вот против этого мы должны протестовать. Кроме того, мы должны протестовать против того, чтобы это состояние войны было использовано для того, чтобы внушать армии, солдатам и всему народу мысль, что настоящий мир может быть решен только военным путем, только путем доведения войны до победоносного конца, только путем военного разгрома враждебных нам коалиций. Нет, мы должны попрежнему настаивать и попрежнему внушать солдатам и всему русскому народу, что военные операции, война — это есть та необходимая почва, на которой нам приходится вести войну за мир, но что на этой почве действительная борьба за мир только та, которая может привести к успеху, заключается все-таки в объединении трудящихся всех стран для согласованной борьбы за мир.

И для того, чтобы вся армия и народ могли иметь уверенность в том, что военные силы не подвергнутся этим политическим соображениям и политическим злоупотреблениям, для этого в связи с военными действиями, в непосредственной связи с тем, что мы должны вести войну, необходимо усиленным темпом вести работу по организации армии, по организации на местах, для того, чтобы не только солдат, но и мы доверяли командному составу, что он будет руководиться только военными соображениями. Необходимо вести революционную работу внутри страны, разрешать политические вопросы, земельные, финансовые и экономические вопросы, разрешать это в самых широких слоях демократии для того, чтобы всякий солдат, крестьянин и рабочий были уверены в том, что то правительство, которое его ведет, есть правительство революции, что та политика, которая ведется правительством, есть действительно революционная политика, чтобы каждый солдат и все русское общество были уверены, что ни одного лишнего дня после того, как явится возможность заключить мир, благодаря усилиям международной демократии, это правительство не заставит проливать русских граждан свою кровь ради тех целей, которые станут им совершенно чуждыми с этого дня. Таким образом, наша внутренняя революционная работа и наша внешняя политика связываются в одну неразрывную цепь. Я думаю, что только таким путем, ведя непосредственно работу внутри страны, ведя усиленную работу по установлению международного единства пролетариата в борьбе за мир, только таким путем мы достигнем возможности успешно вести эту войну, сделать ее не орудием низвержения наших мирных задач, а, наоборот, сделать эту войну одним из тех орудий, которые нам помогут достичь наших мирных целей. (Рукоплескания.)

ЛЕНИН [1]) (Рукоплескания.) Товарищи, позвольте мне для вступления к разбору вопроса о войне напомнить два места из воззвания [к народам] всех стран, опубликованного 14 марта Петроградским [2]) С[оветом] Р. и С. Д.:

---

[1]) Речь Ленина печатается по машинописному тексту с собственноручными поправками Ленина. — [2]) Первоначально: «Петроградского».

«Наступила пора, — говорилось в этом воззвании, — начать решительную борьбу с захватными стремлениями правительств всех стран, наступила пора народам взять в свои руки решение вопроса о войне и мире». Другое место обращения — к пролетариям австро-германской коалиции, — где говорится: «Откажитесь служить орудием захвата и насилия [1]) в руках королей, помещиков и банкиров». Вот эти два места, которые повторены в различных формулировках в десятках, сотнях, даже, я думаю, в тысячах резолюций рабочих и крестьян России. Эти два места, по моему убеждению, показывают лучше всего то противоречивое, неудержимо-запутанное положение, в которое благодаря теперешней [2]) политике меньшевиков и народников [3]) революционные рабочие и крестьяне попали. С одной стороны, они за поддержку войны [4]). С другой стороны, они принадлежат к представителям классов, которые не заинтересованы в захватных стремлениях правительств [5]) всех стран, и они не могут этого не сказать. Эта психология и идеология, как бы она ни была смутна, почти у [6]) всякого рабочего и крестьянина заложена [7]) необыкновенно глубоко [8]). Это [9]) — сознание того, что война ведется из захватных стремлений правительств всех стран. Но, рядом с этим, в [10]) высшей степени неясно понимание, или даже есть [11]) непонимание того, что правительство, какой бы формы правления оно ни было, выражает интересы определенных классов, что поэтому противополагать правительство и народ, как это делает первая приведенная мною цитата, есть величайшая теоретическая путаница, есть величайшая политическая беспомощность, есть осуждение самих себя и всей своей политики на самое шаткое, неустойчивое положение и поведение. И точно также заключительные слова второй цитаты, которую я прочел, это превосходное обращение: «откажитесь служить орудием захвата и насилия в руках королей, помещиков и банкиров», великолепно, но только и [12]) своих собственных, потому что, если вы, русские рабочие и крестьяне, обратитесь к рабочим и крестьянам Австрии и Германии, правительства которых и правящие классы которых ведут такую же разбойничью и грабительскую войну, как русские капиталисты и банкиры, как английские и французские, — если [13]) вы говорите: «откажитесь служить орудием в руках ваших банкиров», а собственных банкиров пускаете в министерство и сажаете с социалистами-министрами, вы превращаете все свои воззвания в ничто, всю свою политику на деле опровергаете. На деле как будто не было ваших превосходных стремлений или желаний, ибо вы помогаете вести со стороны России ту же самую империалистическую войну, ту же самую захватную войну. Вы приходите в противоречие с теми массами, которые вы представляете, потому что эти массы никогда не станут на точку зрения капиталистов, открыто выражаемую Милюковым, Маклаковым и другими, которые говорят: «нет преступнее идеи, что война ведется в интересах капитала». Я не знаю, преступна ли эта идея; не сомневаюсь, что с точки зрения тех, которые сегодня полусуществуют, а завтра, может быть, существовать не будут, эта идея преступна, но она единственно правильна, она одна выражает наше понимание этой войны, она одна, которая выражает интересы угнетенных классов, как борьбу против угнетателей; и когда мы говорим, что война капиталистическая, захватная, не надо делать иллюзий [14]):

---

[1]) Первоначально: «насилиям». — [2]) Далее зачеркнуто: «своей». — [3]) Слова: «меньшевиков и народников» вписаны. — [4]) Слова: «С одной.... войны» вписаны. — [5]) Слово: «правительств» вписано. — [6]) «у» вписано. — [7]) Первоначально: «заложено». — [8]) Далее зачеркнуто: «в их сознании». — [9]) Слово: «Это» вписано. — [10]) «в» вписано. — [11]) Слово: «есть» вписано. — [12]) «и» вписано над зачеркнутым: «их». — [13]) Слово: «если» вписано над зачеркнутым: «Если». — [14]) Далее зачеркнуто: «что».

тут нет и тени того [1]), будто бы преступления [2]) отдельных лиц, отдельных королей могли вызвать такую войну. Империализм есть определенная ступень в развитии всемирного капитала; капитализм, десятилетия подготовлявшийся, свелся к тому, что небольшая группка гигантски-богатых стран, — их не более 4-х: Англия, Франция, Германия и Америка, — скопили в таком количестве богатства, сотнями миллиардов измеряемые, скопили такую силу в руках крупных банков и крупных капиталистов, — их штуки две или полдюжины, максимум, в каждой из этих стран, — такую гигантскую силу, которая весь мир охватила, которая весь земной шар поделила буквально в смысле территориальном, в смысле [3]) колоний [4]). Колонии всех стран встретились между собой во всех странах земного шара, и они переделили между собой его и экономически, потому что нет такого куска земли на земном шаре, куда бы ни проникли концессии, не проникли нити финансового капитала, нити банковского капитала. Вот — основы аннексий. Аннексии являются не выдумкой, они явились не потому, что люди из любителей свободы внезапно превратились в реакционеров. Аннексии есть не что иное, как политическое выражение и политическая форма того господства гигантских банков, которое вылилось из капитализма неизбежно ни по чьей вине, потому что акции — вот основа банков, а скопление акций — вот основа империализма. А крупные банки, которые господствуют над целым миром сотнями миллиардов капитала и целые отрасли промышленности соединяют [5]) с союзами капиталистов и монополистов, — вот вам что такое империализм, который расколол весь мир на три [6]) группы гигантски богатых хищников. Во главе одной, первой группы, которая ближе к нам в Европе, стоит Англия, во главе других — Германия и Америка; остальные пособники вынуждены помогать, пока капиталистические отношения держатся. Поэтому, если вы ясно представите себе эту суть дела, которую инстинктивно всякий угнетенный человек сознает, которую инстинктивно всякий русский рабочий и крестьянин в громадном большинстве сознают, если ясно вы себе ее [7]) представите, то вы поймете, как смехотворны мысли о борьбе против войны словами, манифестами, прокламациями, социалистическими съездами. Они смехотворны потому, что сколько бы таких деклараций вы ни [8]) выпускали, сколько бы политических переворотов ни [8]) делали, — вы свергли Николая Романова в России, до некоторой степени сделались республикой; Россия сделала гигантский шаг вперед, может быть, догнала почти сразу Францию, которая при других условиях сто лет взяла на это и осталась страной капиталистической, — банки остаются во всевластии. Остаются капиталисты. Если они потеснились, то они потеснились и в 1905 году, но разве это их подорвало? Если русским это внове, то в Европе каждая революция показывала, что при каждом подъеме революционной войны [9]) рабочие добиваются несколько большего, но власть капиталистов остается властью. Борьба с империалистической войной невозможна иначе, как борьба революционных классов против господствующих классов и против этих господствующих классов во всемирном масштабе. Это не помещики вообще, хотя помещики есть в России и они играют в России бо́льшую роль, чем где бы то ни было в других странах, но, это не тот [10]) класс, который создал империализм. Это — класс капиталистов, которые возглавляются крупнейшими финансовыми магнатами и

---

[1]) Далее зачеркнуто: «что». — [2]) Первоначально: «преступление». — [3]) Слова: «в смысле» вписаны. — [4]) Первоначально: «колониями». — [5]) Первоначально: «соединяются». — [6]) Слово: «три» вписано над зачеркнутым «три» и «две». — [7]) Слово: «ее» вписано. — [8]) Первоначально: «не». — [9]) Далее зачеркнуто: «что». — [10]) Слово: «это не тот» вписаны над зачеркнутым: «это тот».

банками, и пока этот класс, господствующий над угнетенными пролетариями в союзе с беднейшими крестьянами, — полупролетариями, как они называются в нашей программе, — пока этот класс не свергли, выхода из этой войны нет. И питать такие иллюзии на счет того, что вы можете прокламациями, обращениями к другим народам соединить трудящихся всех стран, можно только с ограниченной русской точки зрения, не знающей того, как западно-европейская пресса, где рабочие и крестьяне привыкли к политическим переворотам, видели их десятки, как она смеется над подобными фразами и обращениями. Они не знают, что в России действительно поднялась масса рабочих, которые абсолютно в своей массе искренно верят и осуждают захватные стремления всех стран и желают освобождения народов от банкиров. Но они, европейцы [1]), не понимают, что, пока вы [2]) не освободились от своих собственных банкиров, пока вы, имеющие такие организации, которых ни один народ в мире не имеет, как Советы Р., Кр. и С. Д., которые вооружены, что вы [3]) посылаете [4]) своих социалистов в министры. Вы [5]) все-таки отдаете [6]) власть этим банкирам. За границей вас обвиняют не только в наивности; это бы еще ничего, — европейцы разучились понимать наивность в политике, разучились понимать, что в России есть десятки миллионов людей, которые в первый раз просыпаются к жизни, что в России не знают, что такое связь классов, связь классов с правительством, что такое связь правительства с войной. Война есть продолжение буржуазной политики и ничего больше. Класс, который господствует, определяет политику и в войне. Война насквозь есть политика, продолжение [7]) осуществления этими классами тех же целей другим путем. Поэтому, когда вы пишете в ваших воззваниях рабочих и крестьян: «свергайте ваших банкиров», — над вами всякий сознательный рабочий в европейской стране либо смеется, либо с горечью плачет и говорит себе: «что мы можем поделать, если там свергли полудикого идиота и изверга монарха, каких [8]) мы убрали давно, — в этом все наше преступление, — и теперь поддерживают со своими «почти-социалистами» министрами русских банкиров?! [9])

Банкиры [10]) остаются у власти, ведут [11]) внешнюю политику путем империалистической войны, продолжающей целиком те договоры, которые заключены в России Николаем Вторым. У нас это особенно наглядно. Все основы русской внешней империалистической политики предопределены не теперешними капиталистами, а прежним правительством [12]) с Николаем Романовым, которого вы свергли. Он эти договоры заключил, они остаются тайными, капиталисты не могут их опубликовать, потому что они капиталисты. Но ни [13]) один рабочий и крестьянин этой путаницы понять не может, потому что он себе говорит: если мы приглашаем свергать капиталистов в других странах, тогда прежде всего долой банкиров наших, иначе никто нам не поверит и никто нас не возьмет в серьез; о нас скажут: вы наивные русские дикари, которые пишете слова, превосходные сами по себе, но не имеющие политического [14]) содержания, или подумают, еще [15]) хуже, — что вы лицемеры. Такие вещи вы можете встретить в заграничной печати, если бы она свободно всех оттенков проходила в Россию через границу, а не задерживалась в Торнео английскими и французскими властями. Из одного под-

---

[1]) Слово: «европейцы» вписано. — [2]) Слово: «вы» вписано. — [3]) Слова: «что вы» вписаны над зачеркнутым: «которые». — [4]) Первоначально: «посылают». — [5]) Слово: «Вы» вписано над зачеркнутым: «и». — [6]) Первоначально: «отдают». — [7]) Первоначально: «продолжения». — [8]) Слово: «каких» вписано над зачеркнутым: «которого». — [9]) Вписан знак абзаца. — [10]) Слово: «Банкиры» вписано над зачеркнутым: «которые». — [11]) Первоначально: «ведущие». — [12]) Первоначально: «правительствам». — [13]) Первоначально: «пе». — [14]) Первоначально: «критического». — [51]) Слово: «еще» вписано над зачеркнутым: «что».

бора цитат заграничных газет вы убедились бы, в какое вопиющее противоречие вы попадаете, убедились бы, как невероятно смешна и ошибочна эта идея против этой войны бороться социалистическими конференциями, соглашениями с социалистами на съездах. Если бы империализм был виной или преступлением отдельных лиц, тогда социализм мог бы [1]) остаться социализмом. Империализм есть последняя ступень в развитии капитализма, когда он дошел до того, что поделил весь мир между собой и в мертвой схватке схватились две гигантских группы. Либо служи одной, либо другой, либо свергай обе эти группы,—никакого иного [2]) пути тут нет. Когда вы отговариваетесь от сепаратного мира тем, что мы-де [3]) не хотим служить немецкому империализму,—это совершенно верно, поэтому и мы против сепаратного мира. Но вы фактически, помимо вашего желания, продолжаете служить англо-французскому империализму с такими же захватными, грабительскими стремлениями, которые и русскими капиталистами, при помощи Николая Романова, претворены в договоры. Мы не знаем текста этих договоров, но каждый, кто следил за политической литературой, кто хотя одну книжку просмотрел об экономике и дипломатии, тот знает содержание этих договоров. Да и Милюков, насколько я помню, в своих книгах писал [4]) об этих договорах и обещаниях, что они ограбят Галицию, ограбят проливы, Армению, сохранят старые аннексии и получат кучу других. Это все знают и их продолжают скрывать, а нам говорят, если вы отмените это,—это значит разрыв с союзниками [5]).

По вопросу о сепаратном мире [6]) я уже сказал, что сепаратного мира для нас [7]) не может быть и по [8]) резолюции нашей партии [9]) нет и тени сомнения, что мы его отвергаем, как всякое соглашение с капиталистами. Для нас сепаратный мир является соглашением с немецкими разбойниками, потому что они грабят так же, как и другие. Но [10]) такой же сепаратный мир есть соглашение с русским капиталом в русском Временном Правительстве. Их договоры остались, они также грабят и душат другие народы. Когда говорят: «мир без аннексий и контрибуций», как всякий русский рабочий и крестьянин должен говорить, потому что жизнь его этому учит, потому что он не заинтересован в банковских прибылях, потому что он хочет [11]) жить, я им отвечаю, что в этом лозунге ваши вожди теперешнего Совета Р. и С. Д. из партии народников и меньшевиков [12]) запутались. Они [13]) в своих «Известиях» сказали, что это значит status quo [14]), т.-е. довоенное положение,—вернись к тому, что было до войны. Разве это не капиталистический мир? И притом какой капиталистический мир! Если вы выдвигаете такой [15]) лозунг, знайте, что ход событий может поставить партию к власти,—во время революции это возможно,—вы должны будете делать то, что вы говорите, а если вы предложите мир без аннексий сейчас, то его примут немцы и не примут англичане, потому что английские капиталисты ни одной пяди земли не потеряли, а во всех концах мира награбили. Немцы многое награбили, но многое и потеряли и не только много потеряли, но получили перед собой Америку,—самого [16]) гигантского врага. Если вы, предлагающие мир без аннексий, понимаете под ним status quo, вы скатываетесь к тому, что из вашего предложения выходит сепаратный мир с капитали-

---

[1]) «бы» вписано.—[2]) Слово: «иного» вписано над зачеркнутым «третьего».—[3]) «де» вписано.—[4]) Слово: «писал» вписано.—[5]) Вписан знак абзаца.—[6]) Далее зачеркнуто: «как».—[7]) Слова: «для нас» вписаны.—[8]) «по» вписано над зачеркнутым «в».—[9]) Слова: «нашей партии» вписаны.—[10]) «Но» вписано над зачеркнутым: «как».—[11]) Слово: «хочет» вписано над зачеркнутым: «должен».—[12]) Далее зачеркнуто: «они».—[13]) Слово: «Они» вписано.—[14]) Слова: «status quo» вписаны.—[15]) Слово: «такой» вписано.—[16]) Слово: «самого» вписано.

стами, потому что если вы предложите это, то немецкие капиталисты, видя перед собой Америку и Италию, с которыми прежде заключали договоры, скажут: «да, мы примем этот мир без аннексий. Он для нас не есть поражение, он для нас победа против Америки и Италии». Вы объективно скатываетесь к тому сепаратному миру с капиталистами, в котором вы нас обвиняете, потому что вы не рвете принципиально в своей политике, на деле, в своих практических шагах, с теми банкирами, как выразителями империалистского господства во всем мире, которых во Временном Правительстве вы и ваши «социалистические» [1]) министры поддерживаете [2]).

Этим вы создаете себе то противоречивое и шаткое положение, при котором массы не так вас понимают. Массы, не заинтересованные в аннексиях, говорят: мы не хотим воевать ни из-за каких капиталистов. Когда нам говорят, что подобного рода политика может быть прекращена съездами и соглашениями социалистов всех других стран, то мы говорим: будь империализм делом отдельных преступников, — пожалуй [3]); но империализм есть развитие мирового капитализма [4]), с которым связано рабочее движение. Победа империализма есть начало неизбежного, неминуемого во всех странах раскола социалистов на два лагеря. Кто теперь продолжает говорить о социалистах, как о чем-то целом, как о чем-то таком, что может быть целым, тот обманывает себя и других. Весь ход войны, все два с половиной года войны вызывали этот раскол [5]), — с тех пор, как [6]) базельский манифест, который был подписан единогласно, сказал, что эта [7]) война на почве империалистского капитализма. В нем, в базельском манифесте [8]), нет ни одного слова о «защите отечества» [9]). Нельзя было иной [10]) манифест написать перед войной, как теперь ни один социалист не предложит написать манифест о «защите отечества» [9]) в войне между Японией и Америкой, когда не своей шкуры касается, не своих капиталистов и не своих министров. Напишите резолюцию для международных съездов. Вы знаете, что война между Японией и Америкой уже готова; она подготовлена десятилетиями, она не случайна; тактика не [11]) зависит от того, кто первый выстрелит. Это смешно. Вы прекрасно знаете, что японский капитализм и американский одинаковы разбойны. О «защите отечества» [9]) с обеих сторон будут говорить; это будет [12]) или преступно или это будет страшной слабостью, вызванной «защитой» [9]) интересов наших [13]) врагов — капиталистов. Вот почему мы говорим, что социализм раскололся бесповоротно. Социалисты ушли целиком от социализма, именно [14]) те [15]), кто перешел на сторону своего правительства или своих банкиров, своих капиталистов, как бы от них ни [16]) отговаривались, как бы их ни [17]) осуждали. Дело не в осуждении. Но подчас осуждение того, что немцы поддерживают своих капиталистов, прикрывает защиту того же «греха» со стороны русских! [18]) Если вы обвиняете немецких социалистов-шовинистов, т.-е. людей, которые на словах социалисты, — может быть, многие из них в душе социалисты, — а на деле шовинисты, на деле защищают не немецкий народ, а защищают грязных, корыстных и

---

[1]) Ковычки вписаны. — [2]) Вписан знак абзаца. — [3]) Слово: «пожалуй» вписано. — [4]) Первоначально: ««империализма». — [5]) Слова: «вызвали этот раскол» вписаны. — [6]) Слово: «как» вписано над зачеркнутым: «когда». — [7]) Слово: «эта» вписано. — [8]) Слова: «в базельском манифесте» вписаны. — [9]) Ковычки вписаны. — [10]) Слово: «ин[illegible]й» вписано над зачеркнутым: «такой». — [11]) Слова: «тактика не» вписаны над зачеркнутым: «она». — [12]) Слова: «это будет» вписаны. — [13]) Слова: «интересов наших» вписаны. — [14]) Слова: «от социализма, именно» вписаны над зачеркнутым: «куда бы они ни запрятывали от себя.» — [15]) Первоначально: «тех». — [16]) Слова: «от них ни» вписаны над зачеркнутым: «по договари». — [17]) Слова: «их ни» вписаны над зачеркнутым: «не». — [18]) Слова: «прикрывает... русских!» вписаны над зачеркнутым: «они тоже осуждают. Этого мы не можем иначе».

разбойных немецких капиталистов, то не защищайте [1]) капиталистов английских и французских и русских. Немецкие социал-шовинисты не хуже [2]) тех, которые в нашем министерстве продолжают ту же политику тайных договоров, грабежа и прикрывают это добрыми, невинными пожеланиями, в которых много доброго, в которых, с точки зрения масс, я признаю абсолютнейшую искренность, но в которых я не признаю и не могу признать ни единого слова политической правды. Это только ваше желание, а война продолжает оставаться такой же империалистской и за те же тайные договоры! Вы другие народы зовете свергать банкиров, но своих поддерживаете! Говоря о мире, вы не сказали, какой мир. Нам [3]) по поводу мира на основе status quo никто не ответил, когда мы [4]) указали на это вопиющее противоречие. Вы не сможете в вашей резолюции, в которой вы будете говорить о мире без аннексий, сказать [5]), что это не есть status quo. Вы не можете сказать, что это есть [6]) status quo, т. е. восстановление [7]) довоенного положения. Значит, что же? Отнять у Англии немецкие колонии? Попробуйте мирными соглашениями! Над вами все будут смеяться. Попробуйте отнять у Японии отграбленное Киао-Чау и острова Тихого Океана без революции! Вы запутались в противоречиях безысходных. А когда мы говорим: «без аннексий», то мы говорим, что для нас этот лозунг есть только подчиненная часть борьбы против всемирного империализма. Мы говорим, что все народы хотим освободить и начать со своих. Вы говорите о войне против аннексий и о мире без аннексий, а в России продолжаете внутри политику аннексий. Это есть нечто неслыханное. Вы и ваше правительство, ваши новые министры на деле продолжаете с Финляндией и Украиной политику аннексий. Вы придираетесь к украинскому съезду, воспрещаете его собрания через ваших министров. Это не есть аннексия? Это — политика, которая представляет надругательство над правами народности, десятки и тысячу лет терпевшей мучения от царей за то, что дети их хотят говорить на родном языке. Это значит бояться отдельных [8]) республик. С точки зрения рабочих и крестьян, это не страшно. Пусть Россия будет союзом свободных республик. Чтобы этому [9]) помешать, рабочие и крестьянские массы воевать не будут. Всякий народ пусть будет освобожден, прежде всего пусть будут освобождены все народности, с которыми вы революцию в России делаете. Без такого шага вы осуждаете себя на то, что вы на словах «революционная демократия» [10]), а на деле вся ваша политика контрреволюционная [11]).

Внешняя ваша политика антидемократична и контр-революционна, а политика революционная может поставить вас в положение необходимости революционной войны. Но это не обязательно. На этом пункте много останавливались и докладчик и пресса в последнее время. Я очень хотел бы на этом пункте остановиться [11]).

Как же практически представляем мы себе выход из этой войны? Мы говорим: выход из этой войны только в революции. Поддерживайте революцию угнетенных капиталистами классов, свергайте класс капиталистов в своей стране и тем давайте пример другим странам. Только в этом социализм. Только в этом борьба с войной. Все остальное — посулы или фразы или невинные добрые пожелания. Во всех странах мира

---

[1]) Слова: «то не защищайте» вписаны над зачеркнутым: «и ничуть не лучше». — [2]) Слова: «Немецкие социал-шовинисты не хуже» вписаны над зачеркнутым: «не чуть не лучше». — [3]) Слово: «Нам» вписано над зачеркнутым: «Но». — [4]) Слово: «мы» вписано. — [5]) Слово: «сказать» вписано. — [6]) Слово: «есть» вписано. — [7]) Слово: «восстановление» вписано. — [8]) Слово: «отдельных» вписано над зачеркнутым: «введений». — [9]) Далее зачеркнуто: «не». — [10]) Ковычки вписаны. — [11]) Вписан знак абзаца.

социализм раскололся. Вы продолжаете путаться, сносясь с теми социалистами, которые поддерживают свое правительство, и забываете, что в Англии и Германии настоящие социалисты, которые выражают социализм масс, остались в одиночках [1]) и сидят в тюрьмах. Но они одни выражают интересы пролетарского движения. Но если бы в России угнетенный класс оказался у власти? Когда нам говорят: как же вы вырветесь в одиночку из войны, то мы отвечаем: вырваться в одиночку нельзя. Каждая резолюция нашей партии, каждая речь нашего митингового оратора говорит, что это бессмыслица, чтобы в одиночку можно было вырваться из этой войны. Сотни миллионов [2]) людей, сотни [3]) миллиардов [4]) капитала запутала эта война. Из нее нет иного способа выйти, как переходом власти к революционному классу, который на деле обязан империализм, т. е. финансовые, банковые [5]) и аннексионистские нити, порвать [6]). Пока этого на деле не сделано, — ничего не сделано. Переворот ограничился тем, что вместо царизма и империализма вы получили почти республику, империалистскую насквозь, которая, даже в лице представителей революционных рабочих и крестьян, с Финляндией и Украиной не умеет [7]) обойтись демократически, т. е. не боясь разделения [8]).

Когда говорят, что мы стремимся к сепаратному миру, то это неправда. Мы говорим: «никакого сепаратного мира, ни с какими капиталистами, прежде всего с русскими». А у Временного Правительства есть сепаратный мир с русскими капиталистами. Долой этот сепаратный мир! (Аплодисменты.) Никакого сепаратного мира с немецкими капиталистами мы не признаем и ни в какие переговоры не вступим, но и никакого сепаратного мира с английскими и французскими империалистами. Нам говорят, что порвать с ними—значит вступить в соглашение с немецкими империалистами. Неправда, порвать с ними надо немедленно, потому что это союз грабежа. Говорят, что нельзя опубликовывать договоры, потому что это было бы предание позору всего нашего правительства, всей нашей политики перед глазами каждого рабочего и каждого крестьянина. Если бы эти договоры опубликовать и ясно сказать на собраниях русским рабочим и русским крестьянам, в особенности в каждой захолустной деревушке: вот за что ты воюешь сейчас,—из-за проливов, из-за удержания Армении, то всякий скажет: такой войны мы не хотим.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Ваше время прошло. (Голоса: «Просим».) Ленин просит еще десять минут. (Голоса: «Просим».)

ЛЕНИН. Я говорю, что неверно [9]) это противопоставление: «либо с английскими империалистами, либо с немецкими». Если с немецкими мир, то, значит, с английскими война, и наоборот. Это противопоставление угодно для тех, кто со своими капиталистами и банкирами не рвет [10]), с ними какой бы то ни было союз допускает. Это не угодно для нас. Мы говорим о защите нами [11]) союза с угнетенным классом, с угнетенными народами [12]). Оставайтесь верны такому союзу [13]), тогда вы будете революционной демократией. Эта задача не легка. Эта задача не может забывать того, что при известных условиях без революционной войны не обойдемся. Ни один революционный класс зарекаться от революционной войны не может, потому что иначе он осуждает себя на смешной пацифизм. Мы не толстовцы.

---

[1]) Первоначально: «в одиночку». — [2]) Слово: «миллионов» вписано. — [3]) Слово: «сотни» вписано над зачеркнутым: «и». — [4]) Первоначально: «миллиарды». — [5]) Первоначально: «банки». — [6]) Первоначально: «порвет». — [7]) Первоначально: «умеют». — [8]) Вписан знак абзаца. — [9]) Слово: «неверно» вписано. — [10]) Слова: «не рвет» вписаны. — [11]) Слово: «нами» вписано. — [12]) Первоначально: «угнетенным народом». — [13]) Слова: «Оставайтесь верны такому союзу» вписаны.

Если революционный класс возьмет власть, если в его государстве не останется аннексий, если не будет власти у банков и крупного капитала, что не легко в России, то такой класс будет вести революционную войну не на словах, а на деле. Зарекаться от этой войны нельзя. Это значит впасть в толстовство, в мещанство, забыть всю науку марксизма, опыт всех европейских революций [1]).

Россию не вычеркнешь одной из войны. Но у нее растут гигантские союзники, которые сейчас не верят вам именно потому, что ваша позиция противоречивая или наивная, именно потому, что вы другим народам советуете: «долой аннексии», а у себя ее вводите. Другим народам вы говорите: банкиров свергайте. А своих вы не свергаете. Попробуйте иную политику. Опубликуйте договоры и предайте их [2]) позору перед каждым рабочим и крестьянином [3]) и [4]) на собраниях. Скажите: никакого мира с немецкими капиталистами и [4]) полный разрыв с англо-французскими капиталистами. Пусть англичане убираются [5]) из Турции и не воюют за Багдад. Пусть они убираются из Индии и Египта. Мы не хотим воевать для того, чтобы были сохранены награбленные добычи, как не приложим ни единого атома своих действий, чтобы немецкие разбойники сохранили свою добычу. Если вы это сделаете [6]), — а вы это только [7]) говорили,—в политике словам не верят, и хорошо делают, что не верят, — если вы не только это скажете, но и сделаете, тогда те союзники, которые сейчас есть, себя проявят. Взгляните на [8]) настроение [9]) всякого угнетенного рабочего и крестьянина; они сочувствуют и жалеют, что вы так слабы, что, имея оружие, вы оставляете банкиров. Ваши союзники — угнетенные рабочие всех стран. Будет то, что революция 1905 года показала на деле. Когда она начиналась, она была страшно слаба. А каков ее международный результат? Как из этой политики определилась внешняя политика русской революции, из истории 1905 года? Теперь внешнюю политику русской революции вы ведете целиком с капиталистами. А 1905 год показал, какова должна быть внешняя политика русской революции. Этот факт есть тот факт, что после 17 октября 1905 года в Вене и Праге начались массовые уличные волнения и стройка баррикад. После 1905 года наступил 1908 год в Турции, 1909 год в Персии и 1910 год в Китае. Если вы призовете действительно революционную [10]) демократию, рабочий класс, угнетенных [11]), а не будете [12]) соглашательствовать [13]) с капиталистами, то ваши союзники будут [14]) не классы угнетательские [15]), а угнетенные [16]), не народности [17]), в которых сейчас преобладают временно [18]) угнетательские классы, а народности [16]), которых сейчас рвут на части. Нам здесь напоминают о немецком фронте, на котором никто из нас не только не предлагал никакого преобразования, кроме свободного распространения наших воззваний, которые написаны с одной стороны на русском языке, с другой — на немецком. Там сказано: капиталисты обеих стран — разбойники. Удаление их — только шаг к миру. Но есть другие фронты. На турецком фронте есть наша армия, численности которой я не знаю. Положим [19]), что, примерно, там 3 миллиона.

---

[1]) Вписан знак абзаца. — [2]) Слово: «их» вписано. — [3]) Первоначально: «каждого рабочего и крестьянина». — [4]) «и» вписано. — [5]) Первоначально: «собираются». — [6]) Слово: «сделаете» подчеркнуто двумя чертами. — [7]) Слово: «только» вписано, первоначально: «этого не». — [8]) Слова: «себя проявят. Взгляните на» вписаны над зачеркнутым «в». — [9]) Первоначально: «настроении». — [10]) Слова: «действительно революционную» вписаны. — [11]) Первоначально: «угнетенный». — [12]) Слово: «будете» вписано. — [13]) Первоначально: «соглашательство». — [14]) Далее зачеркнуто: «принуждать вас». — [15]) Первоначально: «классов угнетательских». — [16]) Первоначально: «угнетенных народностей». — [17]) Первоначально: «народностей. — [18]) Первоначально: «временные». — [19]) Слово: «Положим» вписано над зачеркнутым «думаю».

Если бы эта армия, которая сейчас держится в Армении и совершает аннексии, которые вы терпите, проповедуя другим народам мир без аннексий, хотя у вас сила и власть,—если бы эта армия перешла к этой программе, если бы она сделала из Армении независимую армянскую республику, и те деньги, которые с нас берут финансисты Англии и Франции, дала им, то было бы лучше [1]).

Говорят, что мы без финансовой поддержки Англии и Франции не обойдемся. Но поддержка эта «поддерживает» [2]), как веревка поддерживает повешенного. С того момента, как русский революционный класс скажет: долой эту поддержку, я не признаю долгов, заключенных с французскими и английскими капиталистами, я призываю к восстанию всех против капиталистов. Никакого мира с немецкими капиталистами и никакого союза с англичанами и французами! Если эта политика будет вестись на деле, то наша [3]) турецкая армия могла бы освободиться и вернуться на другие фронты, потому что все народы Азии увидали бы, что русский народ не на словах только провозглашает мир без аннексий, на основе самоопределения наций, а что русский рабочий и крестьянин на деле становится во главе всех угнетенных народностей, что борьба для него с империализмом не пустое пожелание и не парадная министерская фраза, а кровный интерес революции [4]). Наше [5]) положение таково, что революционная война нам [6]) может грозить, но не обязательно состоится, потому что английские империалисты едва ли смогут вести войну против нас [7]), если вы к народам, окружающим всю Россию, обратитесь с вашим деловым примером. Докажите [8]), что вы освобождаете республику армянскую, входите в соглашение с советами рабочих и крестьянских депутатов в каждой стране, что вы против помещичьей собственности на землю [9]) в каждой стране, что вы за свободную республику, — тогда внешняя [10]) политика русской революции стала бы на деле революционной, на деле демократической. Она сейчас такова только на словах, на деле она контр-революционная, потому что вы связаны англо-французским империализмом и не хотите это открыто сказать, боитесь это признать. Лучше бы, если бы вы вместо этого воззвания «свергать чужих банкиров» [11]) сказали бы русскому народу, рабочим и крестьянам прямо: «мы слишком слабы, мы не можем свергнуть с себя иго англо-французских империалистов, мы их рабы, поэтому мы воюем». Это было бы горькой правдой, она имела бы революционное значение, она на деле подвинула бы приближение к концу этой грабительской войны. Вот что в тысячу раз больше значит [12]), чем соглашение с социал-шовинистами французскими и английскими, чем созыв съездов, на которые они пойдут, чем продолжение этой политики, когда вы на деле боитесь порвать с империалистами одной страны, оставаясь союзниками другой. Вы можете, опираясь на угнетенные классы европейских стран, на угнетенные народы стран более слабых, которые Россия душила при царях, которых она душит, как сейчас Армению, опираясь на них, вы можете [13]) давать свободу, помогая их рабочим и крестьянским комитетам, вы бы стали во главе всех угнетенных классов, всех угнетенных народов в войне против немецкого и против английского империализма, которые [14]) соединиться против

---

[1]) Вписан знак абзаца. — [2]) Слово: «поддерживает» вписано. — [3]) Первоначально: «ваша». — [4]) Далее зачеркнуто: «потому что против вас, англичан и французов немцы вести войну не могут. В этом отношении». — [5]) Первоначально: «ваше». — [6]) Первоначально: «вам». — [7]) Слова: «едва ли смогут вести войну против нас» вписаны. — [8]) Слово: «Докажите» вписано. — [9]) Первоначально: «земли». — [10]) Слово: «внешняя» вписано над зачеркнутым: «конечная». — [11]) Ковычки вписаны. — [12]) Слово: «значит» вписано. — [13]) Первоначально: «она может». — [14]) Первоначально: «который».

вас не могут [1]) потому, что они в мертвой схватке друг с другом, они находятся в непоправимом трудном положении, когда внешняя политика русской революции, искренний союз на деле с угнетенными классами, с угнетенными народами может иметь успех; 99 шансов из 100, что он успех иметь будет.

Недавно в московской газете нашей партии мы встретили письмо крестьянина, излагающего нашу программу. Я позволю себе свою речь закончить краткой цитатой из этого письма, выражающего, как крестьянин понял нашу программу. Это письмо приведено в 59 № московской газеты нашей партии «Социал-Демократ» и перепечатано в № 68 «Правды»: [125] «Нужно побольше напирать на буржуазию, чтобы она лопалась по всем швам. Тогда война кончится. Но если не так сильно будем напирать на буржуазию, то скверно будет». (Аплодисменты.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово принадлежит тов. Керенскому.

КЕРЕНСКИЙ. Товарищи, гражданин Ленин окончил цитатой. Позвольте мне тоже начать прочтением одного документа, который, мне кажется, тоже имеет некоторое значение.

Вы помните, что на воззвание принца Леопольда Баварского, защитника русской демократии, Советы Рабочих Депутатов ответили воззванием к русскому населению и русской армии. Разрешите мне огласить вам теперь ответ на наше заявление от Совета Рабочих и Солдатских Депутатов союзника русской демократии принца Леопольда Баварского.

Германский радио принял 7 июня в 20 часов в ответ на прокламацию рабочих и солдатских депутатов от 28 мая — 10 июня по новому стилю: «Совет Рабочих и Солдатских Депутатов говорит, что русская революционная демократия непреклонно идет по пути к своей цели, и что цель ее — общий мир. Это и наша цель. Однако, для достижения этой цели до сих пор сделаны были только два существенных предложения, и оба они сделаны нами. Первое предложение мира сделано центральными державами в декабре 1916 года. [126] Центральные державы предложили в скором времени вступить в переговоры о мире, дабы предупредить дальнейшее кровопролитие и прекратить ужасы войны. Протянутая нами рука правительствами держав согласия была отвергнута с насмешкой. Только в это время в России существовало еще царское правительство. Второе предложение наше — циркуляр-прокламация австро-венгерского главнокомандующего. Центральные державы изъявили свою готовность назначить уполномоченных представителей для переговоров о целях войны и о возможности перемирия. В это время царского правительства в России уже не существовало. На его место встал Совет Рабочих и Солдатских Депутатов. Какой на этот раз был ответ? Россия желает мира без захватов и контрибуций. Но в то же время она не хочет отказаться от договоров с Англией, Францией и Италией. Вам эти договоры известны? — спрашивает верховный главнокомандующий нас. — Мы, немцы, не знаем подлинного их текста, но мы знаем, чего добиваются от нас Англия, Франция и Италия. Этим ясно высказана одна из специальных целей, — та, чтобы Австро-Венгрия отдала итальянцам Триест, Триент и побережье Далмации. Господин Рибо, французский министр-президент, объявил, что мы не хотим завоеваний, но это не значит, что мы отказались от нашего права требовать Эльзас-Лотарингию. Мы будем воевать до тех пор, пока эти провинции не будут возвращены отечеству. Провинций, о которых говорит г. Рибо, это старые немецкие земли, похищенные Францией у Германии 200 лет тому назад. Бриан хочет захватить весь левый берег Рейна и германские колонии. Все это с со-

---

[1]) Первоначально: «не может».

гласия Англии и прежнего русского правительства. Франция, Англия и Италия требуют больших захватов и, кроме того, контрибуции в 100 миллиардов, а Россия желает мира без захватов и контрибуций. Это, по-вашему, не противоречие? Где же истина? Чего желает свободный русский народ? Военных целей [1]) держав согласия, от которых Россия еще не отказалась, или неоднократно долетавшие до нас из рядов русской армии отзвуки желаний заключить мир? [2])

Если новое русское правительство, подстрекаемое своими союзниками, желает убедиться в том, стоят ли еще на нашем восточном фронте германские дивизии тяжелых орудий, пусть оно это сделает. Поступая таким образом, оно, конечно, отдалится от идеи общего мира и пойдет дальше по тому пути, на который с таким успехом вступило уже прежнее русское правительство, по пути к новым братским могилам. Тогда вы, наконец, убедитесь в том, что ваш могильщик — Англия. Как она для своих целей 13 лет тому назад довела вас до войны с Японией, так она и теперь погубит вас для того, чтобы поддержать и укрепить свою всемирную власть. Главнокомандующий германским Восточным фронтом».

На это последовал ответ: «Приняв только что провокационный радио германского главнокомандующего, мы, объединенные любовью к нашей родине, призываем всех верных сынов России заклеймить презрением новое выступление немецкого кулака и призываем всех к полному доверию нашему революционному правительству. Мы идем и будем итти к старым могилам наших братьев, дабы приобрести счастье и свободу. Одна из частей русского революционного фронта».

Вот, товарищи, нас призывали не заключать никакого сепаратного мира ни с какими капиталистами и главным образом с русскими. Нам говорили о борьбе со всеми капиталистами, как будто бы в других странах уже происходит [3]) эта борьба, как будто бы в других странах есть какие-то союзники, не в настроениях, а в действиях, которым мы можем подать руку для международной борьбы с капитализмом. Но нам предлагают уничтожить сепаратный мир с собственными капиталистами. Нам говорят о необходимости отказа от поддержки союзных капиталистов. Нам говорят, что только таким путем мы придем к торжеству мировой революции. Что значат эти слова практически, товарищи? Практически совершенно бессознательно эта линия поведения является союзной для тех обращений к русской демократии, которые позволяет себе делать немецкий принц. (Аплодисменты.)

И что же, товарищи, эти разговоры, которые здесь были о договорах союзников, о французских капиталистах, о том, что Англия, как 13 лет тому назад, желает нас погубить, что-де эти тезисы — они не встречают отзвука в капиталистических кругах германских, в капиталистических феодальных кругах? По признанию самого гражданина Ленина, капитализм германский не боится бросать эти лозунги в нашу массу и идет с нами. Потому, товарищи, что есть идея и есть жизнь. И та программа, которая вам предлагалась, в современной конъюнктуре мировой жизни будет означать не начало мировой революции, а конец революции в России, и будет означать практически, что мы, выйдя слабыми из своего положения международного, окажемся в распоряжении той ближайшей капиталистической державы, которая также нуждается и особенно нуждается в рынке и в территориях для эксплуатации.

---

[1]) В подлиннике: «В военных целях». — [2]) Так в подлиннике. — [3]) В подлиннике: «проходит».

Мы, большинство русской демократии, мы считаем, что путь, который вам сейчас только предлагался, ведет не к торжеству и победе революции в мире, и даже демократии в мире, а ведет к погибели всех идей и задач, которые мы достигаем и к которым мы стремимся. Ведь, и гражданин Ленин говорил вам, что капитализм — явление международное, что то, что происходит сейчас, является не результатом индивидуальной воли отдельных людей, представляющих класс, а результатом экономического и исторического развития. И, предлагая тот же самый метод, который предлагался во внутренней политике,—борьба с собственными капиталистами, уничтожение собственных капиталистов так, как говорилось тогда, путем физического устранения, путем изъятия одной России из законов и процессов обще-исторического развития, — чего же мы достигаем? Мы выводим Россию и русскую демократию из тех исторических условий, в которых находится весь мир. Мы будем пытаться делать бунт не против людей, а бунт против экономических законов развития. Мы будем пытаться напряжением индивидуальным уничтожить известные законы экономического и исторического развития. Конечно, товарищи, этот путь не приведет ни к каким другим результатам, кроме нового краха, новой гибели тех начинаний, тех начал, за которые мы боремся. Как сказал правильно докладчик Дан, мы ведем борьбу за наши идеалы и цели, поставленные нами, с соблюдением исторической обстановки, в международном масштабе. Мы идем постепенно, организуем демократию под новыми лозунгами. Мы идем постепенно и заставляем как правительство нашей собственной страны, так и правительства демократических стран Европы постепенно переходить на наши позиции под влиянием все более и более организующегося общественного демократического мнения.

Вы читали только-что то, что говорило большинство германских социал-демократов в Стокгольме [127]. Если вы сравните их выступление с речью г. Рибо, произнесенной во Франции, вы увидите, что дистанция вовсе не большого размера и что и та и другая группы не так далеко отошли друг от друга, потому что обе стороны не признают начала самоопределения, поскольку это касается территории, в которой они заинтересованы.

Нам говорят в этой прокламации, в этом заявлении в Стокгольме немецкого большинства, что война уже разрешила вопрос о независимости Польши и Финляндии, но они не говорят, что эта война разрешила уже вопрос о самоопределении полном, если пожелают, независимости территории той же Эльзас-Лотарингии. (Аплодисменты.) Этого там не сказано. Нам говорят, что политика Временного Правительства осталась та же самая и что мы служим интересам капитализма. Есть предел, когда незнание становится заведомым искажением истины! (Аплодисменты.)

Товарищи, в чем же заключалась борьба этих трех месяцев? Произносят имя Милюкова. Но разве он заседает во Временном Правительстве? Разве он находится сейчас в том органе революционной власти, которая управляет государством? Его там нет. Политика Временного Правительства в совершенно категорической форме в военной международной области идет по тому пути, который указывает ей разум демократии и интересы международного торжества демократических идей. (Аплодисменты.)

Мы можем отвечать сами за себя и сами за себя отвечаем. Мы можем вместе с тем оказывать наше влияние на мировую политику, на политику наших союзников; мы можем констатировать только одно,— что наше влияние дает положительные или отрицательные результаты. Я рад засвидетельствовать, что наша политика международная дает, несомненно, огромные и положительные результаты. Вам известно, что вопрос о конференции и

пересмотре договоров уже поставлен и не только поставлен, но принципиально это сделано возможным в среде всех союзников. Мы совершенно определенно и последовательно эту линию международной политики проводим.

Мы считаем, что она единственная, которая ведет к торжеству тех задач, которые мы себе ставим. А в это время утверждают, что мы действуем под влиянием или исполняя желания не русской демократии, а русских банкиров-капиталистов. Ведь если бы это было так, то переворот и замена состава Временного Правительства были бы в другую сторону, потому что всякая власть есть отражение соотношений реальных сил в стране. И если реальная сила и действительная власть капитализма в настоящее время была бы в России превалирующей, то этот переворот был бы не в нашу сторону, а в сторону политики Милюкова, и наоборот, если бы мы видели признаки, что германская демократия имеет достаточно силы реальной для того, чтобы заставить свое правительство итти демократическим путем, то это выразилось бы не прямо в международной политике, а сначала во внутреннем перевороте. (Аплодисменты.)

Товарищи, я спрашиваю вас: что же гражданин Ленин, почему он по дороге в Россию [через это] совершенно одинаковое капиталистическое государство, подчиненное идеалам капитализма и реакции, почему он не остановился в Германии и там не проповедывал то, о чем говорил здесь? (Бурные рукоплескания. Голоса: «Браво, верно», «В Германию Ленина..»)

Товарищи, разве задача сторонников интернационалистической [1]) политики заключается в том, чтобы ускорять то движение, которое идет по правильному пути там, где оно совершается, а не итти туда, где его еще нет, и, несмотря на личный риск, бороться там, хотя бы и сесть рядом с Либкнехтом в такую же тюрьму? (Аплодисменты.)

Возможно, что свободные условия, в которых мы живем, доказывают, что соотношение сил в Российском государстве, несомненно, определяет и определило уже полную победу русской демократии. Мы идем путем продуманным и прочувствованным, мы идем путем, который ведет русская демократия, — не путем мечтаний и не путем фантастических попыток совершить в самом слабом, в самом отсталом в капиталистическом развитии государстве первый скачек от полуразвитого капиталистического государства в государство социалистическое. Нет, мы идем путем, который ведет к торжеству наших идей социализма, идей демократии в международном масштабе. Мы хотим, товарищи, эту единственную в свете страну, победившую старый строй в полном смысле этого слова и создавшую возможность нового демократического строительства, не только политического, но и социального, мы хотим этот авангард демократического социалистического движения в Европе закрепить и создать из него реальную международную силу, заставить с нею считаться всех, кто думает, что русская революция есть распад, есть растление и расслабление, есть почва для торжества чужого капитализма. Мы хотим, чтобы такие обращения к русскому свободному народу от немецких принцев больше не [2]) повторялись... (Бурные аплодисменты.)

Я не буду, товарищи, вдаваться в детали, предлагавшиеся вам международной программой, но ведь эта программа говорит, что в известный момент революционному народу пришлось бы защищать свое существование, свои идеи, и это направление говорит, что не к маниловщине, не к пре-

---

[1]) В подлиннике: «индивидуалистической». — [2]) «не» вписано.

кращению войны, не к status quo ante зовет оно, а зовут они к войне всех социалистов и пролетариатов против всех капиталистов. Но если этих условий нет, если всякое ослабление наиболее демократического государства в Европе будет торжеством реакции и правовой и социальной, то мы не можем ни на одну минуту, товарищи, расседлывать наших лошадей и втыкать штык наш в землю. Этого сделать мы не можем, потому что все равно в международных условиях, которые мы переживаем, нам придется эту программу исполнять, — программу защиты революции демократией, но, может быть, начинать ее из таких исходных пунктов, где не окажется силы для организации и противопоставления мощности демократической армии мощности армии капиталистической. Мы идем этим путем. Мы считаем, что никакой другой путь в настоящих международных условиях невозможен. Я думаю, что каждый, кто слышал то, что здесь говорилось, может определенно сказать: нам, кроме плана, предлагаемого большинством русской демократии, никакого реального плана не предлагается, кроме революционной и социальной авантюры, построенной на предположениях, исключающих из своих оснований всякую ссылку на научный социализм, на доктрину демократии, на опыт и на ту обстановку, которую мы переживаем.

Я думаю, что итти по этому пути мы не можем, товарищи, и мы в настоящее время организуем страну и организуем армию. Мы организуем армию так, чтобы она была боеспособна, чтобы она способна [была] исполнять свой воинский долг обороны и наступления. Мы знаем, и это уже сказал докладчик Дан, это подтверждают и все [1]) научные, в особенности именно германские, авторитеты, что пассивная оборона,—это не оборона, а добровольное соглашение на разгром, поэтому там так усиленно указывают на то, что мы с вами не воюем, ожидая вашего ответа. Не даром в телеграмме, оглашенной сегодня в газетах, Гримм указывал, что единственная опасность скорейшего заключения мира с Россией заключалась бы в неосторожной попытке начать наступление на Восточном фронте. Не напрасно нас стараются запугать, когда видят, что мы не хотим исполнять чужую волю, а хотим жить так, как мы хотим. Нам грозят тяжелой немецкой артиллерией. Что же вы, товарищи, вы этих угроз испугаетесь? (Голоса: «Нет».) Разве это радио-сообщение не раскрывает вам всю глубину того международного скандала, который происходит и который поистине позорит честь и достоинство русской демократии и русской революции?

Говорят: не идите в поводу у ваших союзников. Но мы не идем в поводу. Я вам должен сказать, что дано категорическое запрещение русским войскам участвовать в высадке около О.... [2])[128]. Это не есть хождение в поводу,— это есть самостоятельная международная политика. Но для того, чтобы иметь возможность говорить полным голосом, голосом силы, голосом, который бы уважали все, мы должны быть организованы, как совершенно правильно здесь говорят, не только прокламациями, но и реальной силой. Мы действуем на наши союзные правительства, несомненно, гораздо больше демократически, чем полуабсолютическое правительство Германии и Австрии; мы действуем на них влиянием нашей революции, действуем на них обаянием силы русской демократии и дипломатическими действиями; там мы опираемся на постепенно меняющуюся психологию и настроение демократических масс, между тем мы должны определенно итти

---

[1]) Слово: «все» вписано над зачеркнутым «те». — [2]) В «Известиях»: «Охриды».

на помощь тем народам, которые хотят, — как об этом здесь говорил гражданин Ленин, — свободу самоопределения. Вместе с тем, мы должны оградить свою собственную свободу на самоопределение, свою собственную независимость и право жить свободно, в условиях политических и в условиях экономических.

Всякий марксист знает, что экономическая свободная жизнь, особенно жизнь демократического государства, зависит также и от того, в какой степени они могут противопоставить себя давлению интернационального и чужого капитала. Вместе с тем, мы должны, товарищи, действовать и на правящие классы Германии. Нам говорят, что есть какие-то огромные массы, которые ждут, когда мы у себя все раскрошим, когда мы у себя создадим новое царство, которого еще никто не видел, и сами мечтатели конкретно его изложить не могут, но они ждут, они не действуют, а действия их направлены в огромной массе, как я говорил, как раз к поддержке германского правительства, его задач и целей войны. И поэтому, чтобы сделать более свободными условия для их пропаганды, чтобы дать возможность товарищам гражданина Ленина у себя, в Германии, так же свободно, как и нашими усилиями русской демократии, проповедывать здесь, мы должны во что бы то ни стало действительно все правительства заставить признать наши лозунги войны, т.-е. мира на основании самоопределения всех народов.

Нам говорят, что Совет Рабочих и Солдатских Депутатов требует мира во что бы то ни стало [1]). Неправда, мы говорим о мире на основании самоопределения всех народов, и в ответ на это нам говорят: кто вам поверит, когда вы продолжаете аннексировать ваши собственные провинции. Нам говорят: чтобы доказать правильность тезисов, уведите кавказскую армию из свободной армянской республики. Я должен сказать, что здесь выявлено [2]) такое невежество в обстановке кавказского фронта, такое представление о том, кто находится в Армении, и что будет со свободным армянским народом, если уйдет русская армия, — что здесь совершенно спорить не приходится. Я не буду отвечать на обвинения по отношению к Финляндии и к Украине. Никто никогда не запрещал украинцам говорить на своем собственном языке с момента революции. (Голос слева: «Этого еще не хватало».)

Гражданин Ленин сказал: «мы боремся с украинской культурной автономией». Но мы боремся не с автономией Украины, и украинцы хорошо знают, что в 4-й Думе, когда фракция большевиков, под влиянием гражданина Ленина, являлась централистически непримиримой и отрицала в Государственной Думе право на самоопределение, [3]) в это время я выступал в Государственной Думе с заявлением, что необходимо дать автономию также и Украине [129]. Я опираюсь на общественное мнение русской демократии; в этом вопросе вся русская демократия, вся армия говорит: во время войны невозможна генеральная перегруппировка воинских сил на принципе национальностей (Рукоплескания, голоса: «Правильно»). Мы не можем допустить, чтобы во время войны, в самый острый военный момент, мы могли делать перегруппировку сил по признаку той или иной национальности, ибо и солдаты и офицеры понимают, что это невозможно тактически. (Голоса: «Правильно». Продолжительные рукоплескания.)

Прочтите документ о финляндской независимости социал-демократической финляндской партии. Между прочим, 2 — 3 недели тому назад, когда

---

[1]) Слова: «во что вы то ни стало» вписаны. — [2]) В подлиннике: «вероятно». — [3]) Первоначально: «право самоопределения».

я говорил о том, что они фактически хотят независимости немедленно, представитель большевистской фракции это отрицал и говорил, что я недостаточно осведомлен и что никакой независимости они не желают [130]. Этот документ обоснован недоверием и уверенностью, что русское революционное Временное Правительство и будущее русское правительство будут образцовыми, как здесь сказано: «мы не можем оставаться материалом для экспериментов и насилий центрального правительства». А мы говорим: товарищи социал-демократы всех народностей России, в настоящее время, когда русская демократия не путем борьбы с ними, как это делается, например, в других странах, и в том числе в странах, входящих в союз противников наших по войне, не долгими столетиями борьбы, а только что совершив революцию, мы провозгласили самоопределение народов для себя и своего государства. Мы установили принцип автономии для всех. Мы только говорим: товарищи социалисты-демократы, в этот момент, когда все будущее русской демократии и ваша собственная свобода зависят от успеха русской революции и торжества русской демократии, не вносите всеобщую борьбу тонов и слов, и приемов, разлагающих единство братства, единство всех трудящихся. (Рукоплескания, голоса: «Верно».) Идите вместе с нами, не увлекайтесь шовинистическими тенденциями (рукоплескания) о том, что необходим обязательно какой-то особенный украинский штык, чтобы создать свободу для всех народов России; идите вместе с нами, — русский рабочий, солдат и русский крестьянин — такой же демократ, — возьмите его рука в руку и идите вместе. И поскольку только всей армии и русской демократии те или иные явления грозят гибелью движению вперед русской революции, — мы говорим: нельзя! (Голос слева: «А съезд?») И на это я могу ответить: не о том идет речь, что якобы я запрещаю русским гражданам собираться. Меня просили устроить съезд, санкционированный моею властью, т.-е. просили разрешить съезд, на который люди ехали бы, имея право командировки. На это я сказал: в настоящий момент, при настоящем положении на фронте, я взять на себя право командировки на съезд не могу. Если же в обыкновенном порядке, как это предоставлено всем русским гражданам, съедутся какие угодно съезды, и если в том числе будут и военные, получившие в нормальном порядке отпуск от своей власти, от комитетов, на поездку, я ровно ничего против этого не имею; я не взял на себя только созыва официального съезда под моим покровительством. (Продолжительные рукоплескания.)

Товарищи, меня всегда очень удивляет, когда совершается нападение и толкование известных шагов без всякой попытки узнать, что собственно происходит на самом деле, как обстоит это дело в действительности. Прежде чем спросить: что же, действительно ли военный министр идет против свободы съезда, члены Всероссийского Совета Солдатских и Рабочих Депутатов сразу пишут статью: вот вам новый образцовый мракобес появился в России. Это никому и ничему не помогает, это только подрывает доверие к таким приемам, к такой критике и политической борьбе. (Рукоплескания.)

Я вполне присоединяюсь, товарищи, к тому тезису, который провозглашен докладчиком. Наша задача на международных основаниях во что бы то ни стало добиться приближения эпохи, когда мы, прекратив войну, займемся действительными мирными переговорами, и этот путь, по которому мы идем, мы признаем единственно правильным. Мы хотим голос русской революции и голос русской демократии сделать наиболее авторитетным и наиболее влиятельным, и для этого нам нужна революционная, смелая армия, армия, способная за идеи умирать и свое право на жизнь

отстаивать. (Рукоплескания.) Мы проводим свою линию поведения и за эту линию поведения, поскольку я уполномочен огромным большинством русской революции, я целиком на себя эту ответственность беру. (Голоса: «Правильно». Шумные рукоплескания.)

Нам говорят, что вот, несомненно, военный министр захвачен влияниями реакционными. Почему? Потому, что есть сочувственные статьи в буржуазной прессе. А если бы я принес сюда прессу наших врагов и показал, что там сочувствуют некоторым русским партиям, вы бы не сказали, что я мерзавец, негодяй? (Рукоплескания.) Мне говорят: вы прочли радио Леопольда. Но я, товарищи, совершенно считаю себя обязанным документы официальные от демократии не скрывать, а, кроме того, я совершенно уверен, что в нашей среде, во всем этом зале нет никого, кто бы не негодовал, слушая этот текст,—в этом я уверен так же, как в том, что я здесь. (Рукоплескания.) Я, товарищи, дал подробное объяснение о политике военного министра в закрытом заседании, которое было здесь. Я заявил там, что моя задача заключалась в том, чтобы создать из русской армии армию русской революции, чтобы демократизировать эту армию сверху донизу, сохраняя в этой демократизированной революционной армии действительную дисциплину, действительную железную дисциплину,—дисциплину долга перед революцией, дисциплину сознания и дисциплину уверенности каждого внутри себя, что выше личной безопасности и выше личной драгоценной жизни есть еще идеальные блага, есть благо всего народа и всех трудящихся, за которое можно пожертвовать и своим здоровьем, и своей жизнию. (Рукоплескания.) И здесь, как военный министр, именно как военный министр, я рад засвидетельствовать еще раз, что разум армии и разум армейской демократии со мной, и я с ним. (Продолжительные рукоплескания.)

Если угодно собранию задать мне отдельные вопросы, я на них отвечу. (Голос: «В комиссии, когда будем обсуждать специальные вопросы, абстрактно не будем задавать, а в секциях». Второй голос: «Господин министр, в «Новой Жизни» появилось заявление о том, что вы потребовали, чтобы давали сведения о всех солдатах, которые ведут политику против Временного Правительства,—известно ли это Временному Правительству и военному министру?») [131]

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Товарищи, будьте любезны, если есть вопросы военному министру, формулировать их на записках и подавать сюда, иначе ничего не выйдет.

КЕРЕНСКИЙ. Насколько я понимаю, по поводу вопроса, который я слышал, то такого предложения, чтобы кто-нибудь сообщал мне или Временному Правительству о лицах инако мыслящих, такого постановления нет, и пока я у власти, и быть не может. Вопрос, вероятно, идет о том, что в настоящее время в некоторых гарнизонах происходят события, которые осуждены вчера и Всероссийским Съездом Советов Рабочих и Солдатских Депутатов, а именно, явления анархии и недопустимый с точки зрения демократии произвол, и в отношении этих событий я дал телеграмму о том, чтобы все командующие округами о таких явлениях немедленно мне сообщали, чтобы я мог своевременно принять меры и чтобы они на месте так же принимали соответствующие меры. Эти меры в первую голову указаны в обращении к местным общественным организациям, особенно организациям демократическим, а засим в обращении непосредственно к военным организациям, потому что в тыловых городах общественные организации Советов имеют часто большое значение. Совместно с этими организациями должны быть организованы способы усмирения и прекращения подобных

безобразий. Я должен сказать, что недавно, например, в Томске произошел такой случай, который вы, вероятно, знаете из газет,—что там сами местные демократические организации, утомленные грабежами и насилиями, которые происходили под названием «анархистских», объявили военное положение и арестовали около двух тысяч людей, замешанных в этих грабежах и насилиях по мнению местных демократических организаций [132]. Если кто-нибудь спросит, что было сделано нами и мною в этом случае, я должен сказать, что нами было дано распоряжение о том, чтобы это все было выяснено по возможности скорее в законодательном порядке.

Даже когда на-днях в Севастополе произошло событие, которое вы читали в газетах, когда были обезоружены офицеры [133] и не под влиянием, и не по наущению Центрального Комитета, а под влиянием внезапно вспыхнувшего митингового движения, то здесь первой, единственной телеграммой, которая была послана Временным Правительством, было не распоряжение властям сразу действовать силой, а какими-нибудь [иными] методами,— сначала было предложено местному временно командующему флотом принять меры к водворению порядка и указать флоту на последствия этих беспорядков и подтвердить нашу уверенность, что флот,— оплот русской революции и свободы,— сумеет найти правильную линию поведения. Именно благодаря организованности русской революции и силы русской демократии, срок, который я предложил — двадцать четыре часа — за два с половиной часа до этого срока я получил рапорт от командующего флотом, который объявлял, что все недоразумения целиком ликвидированы и что делегатское собрание постановило по-старому оставаться в единении с русской революцией, с русской демократией и Временным Правительством и Петроградским Советом С. и Р. Д. (Рукоплескания.)

Товарищи, есть явления, когда сам народ начинает переходить на самоуправство. Я знаю случаи, что, несмотря на то, что первый день революции, первый день демократии отменил смертную казнь, в некоторых городах начинаются расстрелы грабителей и конокрадов, начинается самосуд. Настроение страны теряет спокойствие и теряет уверенность в том, что русская революция и ее власть сумеют водворить элементарный порядок. И здесь я, именно как военный министр, для которого спокойствие и организация армии есть в настоящее время первая забота и без этого не спасется русское государство от разгрома,— моя убедительная и низкая просьба Всероссийскому Съезду всем своим моральным авторитетом поддержать русскую революцию и ее власть от анархических и разлагающих влияний, призвать население к порядку, который бы давал возможность демократии бороться с врагами справа и в крайнем случае уполномочить нас, так, как это было до сих пор, принимать все меры для того, чтобы не дать возможности через анархию слева восторжествовать нашим подлинным врагам справа. («Браво». Шумные рукоплескания.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Объявляю перерыв до 6 часов вечера.
(Заседание закрывается в 2 часа 45 минут дня.)

ЗАСЕДАНИЕ 9 ИЮНЯ [1])

(вечернее).

Заседание открывается под председательством Хинчука.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Объявляю заседание открытым. Слово предоставляется тов. Мартову.

МАРТОВ. Товарищи, тов. Дан в своем докладе снова воспроизвел основные моменты того политического плана действий, который проводится органами революционной демократии и их представителями в современном правительстве. С первых дней революции, в целях ликвидации войны и в интересах демократии, нам прежде всего следовало бы задаться вопросом, в какой мере успешным оказался этот план при его проведении в жизнь. Три месяца — срок достаточный не для того, конечно, чтобы судить об окончательных итогах, но чтобы наметить, в какую сторону идет действительное развитие, и с этой точки зрения подходя к вопросу, я должен сказать, что для нас результаты двуединой политики, здесь обрисованные и впоследствии тов. Керенским защищавшиеся, представляются более чем сомнительными.

План рассчитан на то, во-первых, чтобы дипломатическим воздействием привести правительства союзных стран к пересмотру целей войны в духе тех целей, тех мирных стремлений, которые формулированы российской революционной демократией. Что же достигнуто в этой области? Нам говорят: достигнуто согласие союзников собраться пересмотреть договоры. Я считаю этот положительный результат приблизительно равным нулю. Вполне понятно, что там, где существует военный союз, военная коалиция, каждая сторона, каждая держава, входящая в коалицию, имеет право поднять вопрос о пересмотре, и было бы странно, если бы Россия играла роль такого бесправного раба в коалиции, чтобы даже не могла поднять вопроса о пересмотре. Поэтому любезное согласие союзных правительств пересмотреть договоры не означает никакой реальной уступки. Уступка началась бы с того пункта, где бы мы получили уверенность или надежду, что при пересмотре договора союзники действительно согласятся перечеркнуть старые договоры и заменить новыми, соответствующими нашим революционно-демократическим целям в этой области. В этом смысле ответ, который дали союзники на ноту Временного Правительства, не сулит ничего хорошего. Не только никакого отказа от аннексий и контрибуций не только нет в нотах Италии, Англии, Франции и Соединенных Штатов, но есть даже более точное определение этих целей, подчеркнутое снисходительно-насмешливым отношением к политике Временного Правительства, — политике Российской революции. Этот факт бросается

---

[1]) Заседание 9 июня печатается по тексту д. № 11, кроме речи Церетели, которая печатается по тексту д. № 68.

в глаза; все его знают, и поэтому совершенно не приходится говорить о каких-то, а тем более о значительных, успехах, достигнутых дипломатией российского Временного Правительства.

План двуединый заключался в том, чтобы одновременным воздействием органов революционной демократии на социалистические партии Запада вызвать такое демократическое движение в ней, такой натиск на свои правительства как союзные, так и враждебные, который бы смел с пути нашего препятствия, стоящие в виде неизжитых, неликвидированных стремлений той или другой коалиции в этой области. Такие результаты более чем незначительны. В этой области мы также имеем дело с тем фактом, что приглашаемые Петроградским Советом Р. Д. на международную конференцию социалистические большинства попрежнему стоят на точке зрения своего правительства. Каждое рассматривает себя, как ходатая по делам своей государственной власти. Каждое их них на почве гражданского мира или национального объединения [со] своими империалистскими классами и каждое, если оно и принимает в принципе, т.-е. на словах, формулу «без аннексий и контрибуций, на основах национального самоопределения», то тут же поясняет, что эта формула в его сознании, в сознании каждой из партий, приглашаемых Советом на созываемую конференцию, что это соглашение не исключает и даже включает защиту прежних, по существу хотя бы прикрытых аннексионных стремлений. Так надо заключить из заявлений французского и английского большинства. Каждое из них в большей или меньшей степени обнаруживает склонность столковаться с российской демократией на международной конференции, но попрежнему держится позиции отстаивания односторонних национальных интересов своего государства, понимая эти интересы, как включение в них всей той суммы скрытых или прикрытых аннексионных планов, которые в данный момент разделяются более умеренными частями господствующих классов этих стран. Тут результат почти нулевой, и этот факт нужно прежде всего констатировать. Не имея возможности разбирать причины этой неудачи с точки зрения того направления, от имени которого я говорю, я только резюмирую нашу мысль, сказавши, что неудачи в той или другой области одинаково объясняются политикой шатаний, колебаний, политикой лавирования. В этой области мы лавируем между политикой расчета на пробуждение революционных стремлений в массах воюющих стран, с одной стороны, и, с другой стороны, мы рассчитываем на то, чтобы, боже сохрани, не раздразнить союзников, союзные правительства не поставить в соблазн предъявить нам ультиматум, не поставить их в положение атакующих русскую революцию сторон. С другой стороны, в области политического воздействия на социалистические партии других стран мы колеблемся между тем, чтобы апеллировать к революционным элементам Франции, Англии, Италии и германского пролетариата, и между попыткой склонить на свою сторону и переубедить те из организованных сил демократии, которые находятся в добровольном плену у империализма своих стран и являются пособниками империалистических стремлений, затягивания войны со стороны данных правительств. Когда мы говорим, что эта политика лавирования, неопределенности, усвоенная лидерами Совета Рабочих Депутатов, объясняет неудачу плана и того, что мы через три месяца после начала революции и через месяц после вхождения наших товарищей в правительство, стоим на том же месте, на котором были раньше, нам отвечают: «Вы сами не можете предложить ничего, кроме тактики, ведущей к сепаратному миру фактически, хотя от него открещиваетесь». Почему так? «Да потому, что предлагаете не отступать перед возможностью столкновения с союзными правительствами». Тов. Церетели как-то здесь гово-

рил, что только дурак ничего не боится, и признал, что он боится этого разрыва, боится решительными действиями русской революции по отношению к союзникам вызвать преждевременный конфликт. Церетели прав,— ничего не боится только дурак, но из этого не следует, что нужно всего бояться. И из этого также менее всего следует, что надо бояться призраков. Призраком для русской революции является опасение, что если она будет последовательна, будет последовательно обращаться к народам и апеллировать к интересам пролетариата и демократии, то она попадет в худшее положение перед теми закабалителями империалистскими, в тисках которых она бьется сейчас. Нельзя говорить о требовании пересмотра военных целей, прибавляя тут же, что мы ни в каком случае на разрыв с этими империалистскими правительствами не пойдем. Конкретно что это значит? Третьего дня министр Терещенко в одном интервью заявил, что в июле месяце созывается в Париже конференция с союзниками, которая займется вопросом пересмотра договоров. Что это значит конкретно? Это значит, что Российское правительство предложит пересмотреть цели войны в том смысле, чтобы они не только с русской стороны, но и со стороны держав союзных не заключали в себе никаких поползновений на аннексии и контрибуции и никаких попыток затянуть войну во имя аннексий и контрибуций. Такие наказы мы даем своим представителям в правительстве, которые, мы надеемся, и правительство даст своим представителям на конференции. Каков может быть исход этих переговоров? Или союзники пойдут на эти предложения, и тогда, конечно, все хорошо, или они откажутся принять такую формулировку военных целей, но так как вопрос о пересмотре договоров поставлен в Петрограде, они не требуют от нового революционного правительства, чтобы оно, на место истлевшей подписи Николая II, дало свою подпись под договорами, столь же или во всяком случае одинаково аннексирующими. Спрашивается, какой совет, какой наказ даем мы нашим представителям в этой конференции? Должна ли русская революция, в лице своего правительства, склониться под ярмо империалистических правительств Англии и Франции и подписать такие договоры или отказать? А если она должна отказать, как вытекает из нашего взгляда, что она должна отказать, и от имени революции никоим образом не обещать проливать кровь русского народа за аннексионные цели явные и прикрытые, — если дело стоит так, то, спрашивается, можно ли говорить, возможно ли ставить вопрос, как бы если мы стоим перед разрывом? Говорят: это — сепаратный мир. Это неверно. Это одно из пугал, которым нас пугают. Отказаться дальше следовать за коалицией? Договоры старые не мы подписали, а новые не можем подписывать во имя демократических принципов. Отказаться итти за такой коалицией — выход формальный. Заявить, что отныне российского союза с союзниками нет, — это не значит итти на сепаратный мир, итти на мир с Германией. Это значит иметь руки развязанные по отношению к обеим коалициям и сказать всему миру, что российская революционная демократия одинаково не идет ни к тому, ни к другому империализму. Это значит не капитулировать перед Германией, значит не заключать мир с Германией до тех пор, пока условия обще-европейского мира не создались. Иногда это значит сепаратная война. Если Германия захочет воспользоваться изолированным положением России, чтобы развить свои аннексии, продолжать свое нашествие, во всяком случае это — сепаратная война, это не заключение мира.

Тут стоит вопрос, о котором здесь говорили больше всего, в связи с этой пресловутой боязнью: «да может ли Россия одна бороться без союза с прежними союзниками?» Я говорю, что российской революционной демо-

кратии не приходится бояться ничего на свете. В этой империалистической войне худшего положения, чем теперь для России, быть не может, а моральное значение того, что российская демократия вышла из коалиции постольку, поскольку ее хотели эксплуатировать, будет таким фактором, который, во всяком случае, не ослабит, а усилит и укрепит Россию на мировой арене и сделает ее голос более веским, чем он был до сих пор.

Мое время кончается, и вкратце я хочу указать, что, само собой разумеется, в постановке вопроса, даваемой той стороной и формулируемой тов. Лениным, мы не можем согласиться, — мы с ним никогда не соглашались. Мы никогда не стоим на той точке зрения, что война не может закончиться, пока капитализм будет существовать, пока он не свергнут революционным пролетариатом и повсюду не стоит социалистическая власть [134]. Так мы не смотрим на дело. Эта война может под давлением революционных народов быть закончена и нынешними империалистическими правительствами. И мы призываем пролетариат добиваться мира от этих правительств. Нас пугает тов. Ленин, как пугают с другой стороны, — что это будет мир, в лучшем случае, на основе status quo, т.-е. на основе того, что было до войны. Мы заявляем, что и мир на основании status quo тоже меньшее зло, в сравнении с продолжением войны, для российской демократии. Мир на основании status quo, без перемены какой бы то ни было в границах, представляет собой открытие, во всяком случае, возможности развязать те революционные средства, которые сейчас скованы самым фактом войны. Нельзя иметь претензии этим миром, заключенным еще империалистическими правительствами, устранить те революционные и национальные антагонизмы между государством и революцией на основе их взаимного соперничества, — это было бы жалкой утопией, и мы этих утопий не разделяем. Мир, какой ни на есть, лишь бы не возможность новых грабежей и аннексий, это — минимальная цель, к которой демократия должна стремиться. Разрешить национальный вопрос, хотя бы приблизительно на основе самоопределения народностей, — это, разумеется, тот плюс, возможность которого зависит от сознания народных масс. Но говорят, что мир не может быть заключен, пока у нас не будет достаточно сил, чтобы всю Европу перекроить по принципу национального самоопределения, — будет ли это под знаменем революционной диктатуры пролетариата, как у тов. Ленина, или под другим знаменем [1]) мы будем воевать в союзе с империалистическими правительствами, пока нам не удастся силою оружия навязать освобождение всем Эльзасам, Триентам, Трансильваниям, Познаням и т. д. Это значит уклониться от центральной задачи, которая стоит перед русской революцией, от задачи, от которой уйти нельзя. Или мы, во имя иллюзорных целей освободительной войны, будем содействовать убийству революции, или, исполняя завет революции, покончим эту войну в ближайшее время.

В заключение я должен сказать два слова по поводу того, что пришлось услышать от тов. Керенского. На все его аргументы я ответить не могу; могу сказать только одно, что по вопросу о наступлении он и, к сожалению, и тов. Дан, продолжают держаться системы закрывания глаз на политическую сторону дела. О стратегической стороне мы не спорим. Когда стратегически необходимо наступление для цели обороны армии от разгрома, об этом политического спора быть не может. Может быть спор только деловой, — правилен ли анализ или нет. (Рукоплескания.) Это — азбука, элементарная истина, и никто в этом зале спорить по этому вопросу не станет. Вопрос заключается в том, — и для политического органа, каким ярляется

---

[1]) В подлиннике далее следует: «что».

Съезд, в том прежде всего, — есть ли у нас достаточные гарантии, что кампания в пользу наступления, ведущаяся преимущественно стратегами, которые никогда не видели военной карты [1]) и не заглядывали в военные учебники, стратегия которых продиктована самыми определенными кружково-партийными, фракционными политическими соображениями, в данном случае, когда это ведется, как кампания в широком политическом масштабе, — есть ли у нас достаточно гарантий, особенно когда из лагеря наших конституционалистов стремятся звать к наступлению, есть ли гарантия, что наступление подготовляется не потому и не постольку, поскольку оно необходимо для целей безопасности и охранения армии, а постольку, поскольку это нужно этой компании парализовать движение в пользу общего мира. И только так стоит вопрос: до тех пор, пока в этом отношении гарантий нет, до тех пор, пока мы ценою усиления революционного давления на наше правительство и через наше правительство на другие правительства не добьемся ответа, во имя чего русский народ дальше ведет войну, — до тех пор вы не получите под призывом к наступлению подписи ни одного социал-демократа, ни одного социалиста-революционера, который не закрывает глаз на разницу между политикой и стратегией.

Еще два слова Керенскому. Он возражает против интернационалистов, ставит щекотливый вопрос о том, почему некоторые из них, едучи сюда с этими идеями, не остались сеять эти идеи в Германии. Я не говорю об уместности этого упоминания здесь, по отношению которого можно поставить большой вопрос, уместно ли оно; я хочу сказать, если мы не остались в Германии, чтобы сеять эти идеи, то не потому, что нам менее дорого распространение этих идей среди германских братьев, чем среди русских братьев. И если мы приехали, чтобы здесь пропагандировать эти идеи, то мы полагали, что в революции [2]), здесь совершившейся, мы продолжаем дело, которому мы отдали свои силы. Наш долг — остаться здесь и делать то дело, которое делают наши товарищи там, в Германии. (Голос: «Не видно результатов».)

Это мой ответ по существу тов. Керенскому. Я рассчитываю в качестве более старшего поколения, чем тов. Керенский, что и он доживет до тех пор, когда ему самому будут бросать, как это делали с Чхеидзе, вопросы, сколько он получил денег от немцев за то, что он пропагандирует в России демократические идеи [135], и я смотрю спокойно на то, что доводы тов. Керенского будут с комментариями раздаваться в «Новом Времени» и «Русской Воле». (Рукоплескания.) Я предостерегаю не тов. Керенского, а вас, рядовых представителей революционной демократии, дабы вы своими рукоплесканиями не позволили нашим лидерам вступить на путь этого способа борьбы, в то время, когда сам тов. Керенский решился в момент просветления сказать, что если бы кто-нибудь попытался сопоставить взгляды тов. Ленина с тем, что пишется в немецких газетах, то вы помните каким энергичным солдатским выражением он заклеймил эту манеру. (Рукоплескания.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Ваше время истекло. (Голоса: «Просим».)

(Баллотируется продолжение речи оратора и принимается.)

МАРТОВ. Здесь я слышал возглас: «стыдно так говорить, когда Керенского нет». Я скажу: я бы больше желал, чтобы Керенский был здесь и не говорил таких вещей, на которые удобно ответить только прямому в лицо и на которые приходится отвечать только потому, что завтра же они разнесутся с комментариями, о которых я упоминал, по всей Рос-

---

[1]) В подлиннике: «партии». — [2]) В подлиннике: «эволюции».

сии. Вопрос перед нами сейчас стоит так: через полтора месяца, как было уже здесь упомянуто, или через два месяца Российское правительство, опираясь на русскую революционную демократию, будет стоять лицом к лицу с союзниками; оно будет требовать от них, чтобы при пересмотре договоров были поставлены такие цели войны, которыми не затягивалась война, которыми бы не возлагалась ответственность за затягивание войны на союзные страны, которые бы сделали возможным мир без аннексий и контрибуций. В этом мы все согласны. Чего мы должны требовать, — чтобы, придя с такими мандатами и с такими требованиями, представители российской революции, какими является Временное Правительство, чтобы они должны были считаться не с одними дипломатиями империалистических стран, чтобы их выступления, каковы бы ни были результаты этого выступления, чтобы эти результаты оказали то могучее революционизирующее действие демократии как враждующих, так и союзных стран, на которое мы в праве рассчитывать, что мы должны требовать, чтобы не только цели войны должны быть формулированы ясно, как цели защитительные, в истинном смысле слов без аннексий и контрибуций, не перетолковывающие самоопределения [1]) так, чтобы его можно было уложить в завоевание целой Европы. Мы должны требовать, не только этого, — мы должны требовать, чтобы наше коалиционное правительство получило согласие союзников, что они готовы приступить к переговорам о мире и объявить всеобщее перемирие на всех фронтах, если другая сторона пойдет на эти условия мира. Вот, что мы должны требовать, чтобы рассчитывать выявить в полной мере те революционные возможности, которые заключаются сейчас в рабочем классе Германии и Австрии, с одной стороны, и союзных стран, с другой стороны. Нужно освободить народы от кошмара могущего повториться каждый день нашествия. Нужно дать ясно представить себе, что дело идет не о новых дипломатических шахматных ходах, когда одна сторона старается приппорить военный энтузиазм своего народа, — надо дать возможность поверить, что через три года этой бойни, наконец, наступает момент ликвидации. Вот почему всякие резолюции о войне, говорящие о ее ликвидации теми или иными способами и средствами давления и пробуждения солидарности, являются утопичными, если не идет с этим лозунгом соглашение о вступлении в мирные переговоры и заключение всеобщего перемирия на всех фронтах. Вот, что мы предлагаем сказать в резолюции, которую мы предлагаем.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово принадлежит тов. Виленкину.

ВИЛЕНКИН. Нет ничего удивительного, товарищи, что на исходе третьего года войны, кровопролитной, бессмысленной и никому или очень немногим нужной, всякая речь о войне начинается со слова «мир», и вполне естественно, что после трех месяцев разговоров о мире, таковой мыслится не иначе, как в международном масштабе, как мир для всех воюющих народов, мир на основе самоопределения народов, без аннексий и контрибуцией, и отнюдь не мир сепаратный. С этим согласились все, и сегодня лишний раз речь тов. Ленина рассеяла все могущие возникнуть сомнения. Всем стало ясно, что всякие попытки навязать товарищам большевикам желание заключить сепаратный мир основаны либо на непонимании того, что люди говорят, либо на желании им приписывать то, что является в данный момент самым опасным и самым позорным. В этом все согласны. Остается вопрос: всем понятно, что такой мир заключить ни сегодня, ни завтра, ни через неделю нельзя; что же делать до того времени и как этот мир заключить?

---

[1]) В подлиннике: «слова определения».

*

Мы прослушали за эти дни речи товарищей, вошедших в состав министерства, прослушали сегодня доклад тов. Дана и из них видели, что тот путь, которым предлагают итти товарищи члены коалиционного министерства, тот путь, с которым вполне солидарно большинство съехавшихся делегатов, этот путь не приблизит нас к заключению мира. Но мы слышали также сегодня от тов. Ленина, что и тот путь, которым идут большевики, тоже не гарантирует мира завтра же. И мне было бы только приятно, если бы те лица, которые, под маркой, совершенно незаконной, большевиков, у нас, на фронте, говорят, что если встать на их платформу, то мир будет заключен через неделю [1]). Очень жаль, что эти люди не пришли сюда и не поучились тому, что всю правду надо говорить в лицо. Там мы слышим другое, — там говорится: настоящая политика пагубна и преступна, есть другая — и мир будет завтра, а когда спрашивают: «Как?», отвечают: «Секрет у тов. Ленина; в Петрограде объяснят, а мы не можем». И сеется сомнение, потому что верят в то, во что хочется верить. Я боюсь, что если бы там, на фронте, те изнемогшие, усталые люди, которые радостно идут за новыми пышными лозунгами, знали, что идут по пути лжи, я боюсь, что их стало бы там меньше, чем теперь, хотя их и теперь не очень много.

Если дело обстоит так, что же делать для заключения мира? Здесь опять есть расхождение.

Все сходятся на одном: армия должна быть боеспособна, но как? Одни отвечают, как; другие, собственно, говорят — никак. Я извиняюсь, — когда я слушаю речь тов. Ленина, Мартова, Луначарского, даже Крыленко, приехавшего с фронта, мне кажется, они обходят тот факт, что как-никак на границе наша многомиллионная армия стоит лицом к лицу с армией страны, с которой мир не заключен. Есть старое правило: нормальный человек жив еще за две минуты до смерти. Позвольте сказать, что за две минуты до заключения мира война еще может продолжаться, и отрицать эту возможность, это значит держаться политики страуса, который закрывает глаза и думает, что если он не видит опасности, то опасности уже нет.

Нам надо сейчас решить вопрос о том, как нам быть и что нам делать в том случае, если сепаратное перемирие нарушится и война опять разгорится? Здесь надо отвлечься. Всем давным давно известно, что в России до войны специалисты были в загоне. Мы знаем, что министрами путей сообщения бывали то боевые генералы, то акушеры, министрами путей сообщения были все, кто угодно, кроме инженеров путей сообщения, а когда одного назначили — Войновского-Кригера [136], то случилась революция, и его смело. И наконец, военный министр славится искусством рассказывать анекдоты, сдавать очень быстро и небезвыгодно казенные подряды. Но ведь революция все это смела; и я позволю себе сказать, что в настоящий момент о военном искусстве, о вопросах войны можно говорить безбоязненно. Военное искусство, знание коего обязательно для войск, представляет собой совокупность всех правил, которые учат в наикратчайший срок с наименьшей затратой сил и, по возможности, крови, не разгромить противника, — ибо война такая, как теперешняя, когда сталкиваются два народа или десять народов, разгромом не кончается, — а когда можно поставить противника в необходимость подчиниться вашим условиям или устранить необходимость для себя подчиниться условиям противника. Такие правила существуют, и вот простой вопрос, который я желал бы поставить по отношению к вопросу о войне, — это вопрос о том, как нам до заключения мира воевать: по правилам или не по правилам войны? Правда, больше двух лет тому назад в Восточной Пруссии приш-

[1]) Так в подлиннике.

лось читать в немецких газетах заметку о том, что немецкий штаб извиняется, что никак не может добить русских, объясняя это тем, что русские воюют против всех правил войны и поэтому не знаешь, что они завтра сделают. Я думаю, что если им мешало нас добить то, что мы воюем не по правилам войны, то это же помогало им нас бить. Следовательно, я думаю, что и в данном вопросе, как во всех других, если сталкиваются специалисты-профессионалы, — а немцы воюют по правилам военного искусства, — и люди, воюющие не по правилам военного искусства сознательно или по глупости, или по политическим соображениям, или просто потому, что их никогда не учили военному искусству, то неспециалисты будут разбиты, как всегда бывает разбит борец-любитель, встретившийся с борцом-профессионалом.

И вот, с точки зрения военного искусства наступление о котором так много говорят, — и сейчас подошли к этому вопросу с точки зрения политической, — есть не что иное, как один из многих видов войны, притом войны не только наступательной с целью захвата, но и войны оборонительной. Наступление есть не только маневр, но и контр-маневр, не только желание схватить противника за горло, но и средство предотвратить неприятное ощущение быть самому схваченным за горло. И вот к этому вопросу до сих пор полагалось подходить с точки зрения стратегической. Нам говорят: с политической можно. Да, можно, но нужно ли? Думается, что нет. Ведь мы обладаем способностью подходить к цели с точки зрения политической. О русских иностранцы говорят, что они и чай пьют не иначе, как с точки зрения узко-партийной. И вот, если мы на ведение войны будем смотреть с точки зрения политической, а немцы будут смотреть на нее с точки зрения стратегической, то я боюсь, что они нам и стратегически, и политически вмажут по самое первое число. Я боюсь, что тогда будет такая яичница вместо армии, что нам придется думать о том, что старое правило: хорошая политика делает хорошую армию, может замениться словами: плохая политика уничтожает даже хорошую армию. И вот в этом вопросе, чтобы не быть голословным, я чувствую, что с моими оппонентами ни темпераментом, ни красноречием конкурировать я не могу, но попытаюсь конкурировать логикой.

Предположим, что мы будем смотреть на наступление с точки зрения политической. Либо эта точка зрения совпадает со стратегической точкой зрения, либо нет. Если они совпали, то беды никакой нет, — наступать так, как велит стратегия. Положим, что эти точки зрения не совпадут; что тогда произойдет? Возьмем случай: положим, что с стратегической точки зрения наступать надо, а с точки зрения политической не надо. Что произойдет? Либо послушаются политической точки зрения, либо с ней не будут сообразоваться. Если с ней сообразоваться не будут, то наступать не будут. Что произойдет? Произойдет то, что будет упущен тот стратегический момент, который давал возможность предотвратить поставление себя в необходимость принять условия противника. А так как нашим противником в настоящий момент является германское правительство, а отнюдь не германский народ, то очевидно, что такой исход был бы только на руку тем германским милитаристам, с которыми мира не собираемся заключать. Мне скажут: можно не послушаться; тогда, казалось бы, результат останется тот же. Наступать мы будем, но не так, потому что в наступлении дух и настроение — громадные факторы успеха, а если мы будем наступать, сознавая, что стратегически я должен, а политически нельзя, то мы будем наступать в пол-духа, и никакого успеха быть не может. Значит, в этом отношении политика есть фактор вредный. Но, товарищи, надо до конца сговориться. Ведь если политической точки зрения держаться в разрешении вопроса о наступлении, то, будем справедливы, надо нам итти до конца.

Могут быть случаи, когда стратегические соображения скажут: наступать нельзя, а политические скажут: нужно. Тогда как быть? Чтобы не быть голословным, скажу, что в эту войну из соображений политических было предпринято наступление на Дарданеллы [137]. Против него высказывались все военные авторитеты, но господа политики и политиканы сказали: а все-таки надо Дарданеллы взять, и заплатили за это 120-ю тысячами, правда, французов и англичан, но тем не менее людей, которые погибли, потому что в вопросе стратегическом были соображения политические доминирующие. Следуя такому принципу, положение может создаться угрожающее для всех, в частности для армии, которая может попасть туда, откуда она не вернется.

Пойдем дальше. Мне скажут: нет, только по политическим соображениям и только так, что если по политическим соображениям не надо наступать, мы не будем, а если надо, то мы вообще не будем наступать. Здесь вопрос переходит в область юмористики. До сих пор мы сообразовались со старыми положениями авторитетов военного дела; от Суворова до Драгомирова, от Мольтке до Клау, — все они рассматривают наступление, как главное условие для успешной обороны и наступления. Я думаю, что товарищи, которые выступали здесь и будут выступать, не откажутся от необычайности своего положения, что если на нас будут немцы наступать, то мы перейдем в контр-наступление, ибо сидеть в окопах невозможно. Я говорю, что это область юмористики, потому что сейчас в кулуарах я слышу такой совет: вы постройте окопы такие, чтобы их нельзя было взять. Я должен сказать, что таких окопов, которых нельзя было бы взять, нет. Впрочем, они есть, — может быть, это те окопы, в которых окопались люди, не желающие итти на войну. (Рукоплескания.) Таких окопов, действительно, никак не возьмешь; остальные окопы при некотором умении и настойчивости всегда будут взяты. Следовательно, может настать момент, когда наступать на нас будут немцы. Мне скажут, немцы на нас не будут наступать. Допустим, что это не политика страуса, что люди на чем-нибудь основываются. Говорят, что с немца взята подписка. Мне до сих пор ничего неизвестно. Единственное обязательство немца не наступать основано на документе за подписью Гофмана, где сказано, что немцы не будут предпринимать никаких активных наступлений, пока будет надежда на сепаратный мир [138]. Тов. Ленин сегодня вбил осиновый кол в надежду на сепаратный мир и, может быть, отпустил пружину, из которой вылетит стрела германского наступления. Если бы даже и была взята подписка, мы знаем, как господа германские правители относятся к письменным документам: «клочок бумаги — и больше ничего». Следовательно, быть обеспеченным от германского наступления нельзя и, следовательно, от русского контр-наступления также нельзя. Позвольте вам сказать, что для войск, участвующих в наступлении или в контр-наступлении никакой разницы нет, — и тут и там стреляют, и тут и там убивают, идут вперед и очень часто бегут назад: разницы никакой, а по существу большая: при наступлении идут там, где удобнее, там, где все заранее подготовлено и подвезено, а при контр-наступлении идут как-нибудь, кое-как только для того, чтобы оттянуть силы. Для такой страны, как Россия, со слабо развитой сетью железных дорог, при слабо развитом транспорте, в двух местах интенсивно, энергично воевать нельзя. Это так или иначе скажется...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Я должен сказать, товарищ, что ваше время истекло... (Голоса: «Просим, просим».) Если мы будем каждый раз отступать от регламента, то нам нужно вообще увеличить время речей ораторов, которые будут говорить. Я предупреждаю, что им остается пять минут. Необходимо так или иначе нашего регламента держаться. (Обращаясь к оратору.) Вы просите восемь минут?

ВИЛЕНКИН [1]). Мало того, кроме затруднений наступать или обороняться одновременно есть и другое. Контр-наступление самое ценное в войне, инициативу, передает в руки противника; он имеет возможность [2]) выбирать место, выбирать момент, и, следовательно, те товарищи, которые стоят на той точке зрения, не совсем логичной, что мы наступать не будем, но если на нас будут наступать, мы будем контр-наступать, устроят подарок, изъемля из рук русского генерального штаба, подконтрольного социалисту тов. Керенскому, и передавая в руки германского генерального штаба, подконтрольного Вильгельму, до сих пор социалистом себя не объявившему, решение вопроса о том, когда и где и сколько лить русской и немецкой крови. Я считаю, что такое разрешение вопроса не меняет ничего; это есть политика страуса — закрывание глаз.

Но это еще не все. Есть нечто еще более серьезное. Это есть вхождение в обсуждение вопроса о жизни тех, кому придется от жизни отказываться. Я надеюсь, что вы еще не полагаете, что если вопрос о наступлении может дебатироваться в тылу, то он может дебатироваться и на фронте. Было бы несправедливо считать, что об этом будут говорить те, которые никогда не были на войне, а не те, кто будет умирать. А если вопрос этот будет дебатироваться на фронте, то позвольте мне сказать, что я не считаю себя хуже других моих товарищей, и в тех добрых 200 делах, в которых я участвовал, я ни разу не считал правильным приказа о наступлении. Мне всегда представлялось, что это чистое безумие. Мне и моим товарищам казалось, что со всех точек зрения нас двигать не надо было, и только тогда, когда остатки дивизии приказали отвести в глубокий тыл для переформирования, мы единогласно признали, что это правильное распоряжение, и думаю, что все так отнесутся к этому вопросу.

Важность вопроса заключается вот еще в чем: когда речь идет о наступлении для целей стратегических, говорят, что это безумие, потому что там тысячи пулеметов; положим, их только двадцать, а у нас восемь, тогда нас могли убедить в том, что это вопрос стратегический: где вам, ремесленникам военного дела, обсуждать вопрос, который находится в руках у профессионалов; но если вы это сделаете, это вопрос политики, то не забудьте, что в политике никого нет, кто бы признал, что он неправ; всякий привык себя считать умнее всех остальных, и если он в меньшинстве, то считает, что большинство либо дураки, либо изменники. Вот в чем опасность политического обсуждения вопроса о собственной жизни. Если мы будем с политической точки зрения обсуждать на фронте вопрос, наступать или не наступать, то как только мы вынесем решение, как только дело дойдет до наступления, как только заговорит голос шкуры, который у массы очень сильно развит, у каждого зашевелится мысль, что начальство из глупости или из измены заставляет итти на смерть. Этот вопрос так ставить нельзя. Я думаю, что вопрос этот можно поставить в одной определенной плоскости; вопрос надо решить относительно войны: воевать или нет. Если не воевать, то скажу то слово, которого все, повидимому, боятся: тогда — сепаратный мир; тогда пусть будет ясно, потому что другого выхода нет; никак выскочить нельзя, — и капитал приобрести, и невинность сохранить. Это невозможно. Тогда ясно и определенно: сепаратный мир. И если этого [3]) не хотят, если мы считаем, что до того момента, когда германские правящие круги будут сломлены, мы должны для того, чтобы предотвратить их покушение на уничтожение нас [4]), быть сильными и готовыми. Я должен сказать, что я никого

[1]) В подлиннике: «оратор». — [2]) Слово: «возможность» вписано над зачеркнутым: «право». — [3]) Слово: «этого» вписано над зачеркнутым: «другого». — [4]) Далее зачеркнуто: «грозящей нам опасности».

наступать не зову. Если бы я стал голосовать за наступление или советовал голосовать за него, то я бы сам себя высек, как унтер-офицерская вдова.

Мне одинаково смешна тактика таких товарищей, которые говорят, что наступать невозможно, как тактика Родзянко, который кричит на всех переулках, что сейчас наступать нужно. Я считаю, что никакой шумихи в этом вопросе быть не может. Этот вопрос не может так обсуждаться. Мы должны сказать, что этот вопрос должны решать те [1]), кто учился этому делу, те, кто за это ответит, и повторяю, что если они сознательно поведут нас на новый разгром, то мы должны сказать, что мы поставили человека, которому верит вся армия и, думаю, вся Россия, человека, который стоит над нами, как недреманный страж, и смотрит, чтобы нас не ввели в новую трясину, — мы поставили Керенского, и его дело смотреть, чтобы штаб работал. Но в работу штаба мы вмешиваться не можем, ибо тогда штаб будет иметь возможность на нас переложить ответственность. Они скажут: мы разбиты, потому что, когда нужно было наступать для того, чтобы не быть разбитыми, мы занимались политикой. Вот, товарищи, где опасность, и от нее надо предостеречь.

Наша задача другая. Мы должны сказать армии и России: будьте сильны, будьте организованы, будьте готовы ко всему; знайте, что свобода не есть свобода уйти от обязанностей; знайте, что свобода не значит, что вы можете [2]) окопаться в [3]) окопах и жить там дачниками. Знайте, что если для царя молча вы ходили на смерть, то для свободы вы должны итти на смерть с песнями, и знайте, что если понадобится ваша жизнь для того, чтобы кровавый венок возложить на памятник свободы, равенства и братства, вы не имеете права отказываться от этого. И когда вы это скажете, когда эти слова разнесутся по всей России, тогда будет ясно для тех, кто в настоящий момент с пренебрежением на нас смотрит и кто говорит: так вот она, эта хваленая свобода, от которой колоссы рушатся, — они поймут, что с этим надо считаться. Это сумела понять армия, та армия, от лица которой я здесь заседаю: она [4]) сказала ясно и определенно, [5]) что офицерский съезд полагает, что только мощная армия может заставить противника считаться с ее волей и принять условия мира, благоприятные российской революционной демократии. Армия полагает, что необходимо принять самые энергичные меры для воссоздания боевой мощи армии.

Я кончаю свою речь, которую произнес здесь, куда не доносятся пушечные раскаты, и скажу, что здесь много людей, много лишних людей; когда они придут туда, то мир приблизится. (Рукоплескания.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово принадлежит тов. Каменеву.

КАМЕНЕВ. Товарищи, в предоставленное мне время я не смогу нарисовать вам все те соображения, которые заставляют меня занять известную позицию в вопросе о войне. Один вопрос хотелось бы мне в это короткое время перед вами поставить и выяснить, — это вопрос о мире без аннексий и контрибуций, на основе права наций на самоопределение.

Здесь предшествовавший оратор говорил: воевать или не воевать, — вот вопрос, который должен быть решен. Я думаю, что вопрос этот поставлен неправильно. Потому что для того, чтобы воевать в свободной стране, в стране, которая имеет армию демократизированную в такой степени, в какой она не демократизирована ни в одной из старых республиканских стран, в стране, армия которой, так же, как и армия других стран, истощена трехлетней

---

[1]) Слово: «те» вписано над зачеркнутым: «все». — [2]) Далее зачеркнуто: «из окопов или». — [3]) Далее зачеркнуто: «этих». — [4]) Слово: «она» вписано. — [5]) Далее зачеркнуто: «она сказала».

войной, армия, которая имеет право митингов, право свободного обсуждения, которого нет в других странах, — необходимо, чтобы эта армия должна была создать определенные условия, заботиться о которых не было нужды ни у французского, ни у английского, ни у германского генерального штабов. Русская армия требует, чтобы она знала, за что она должна воевать и за что она воевать будет. Петроградский Совет и прочие Советы с первых дней революции поняли, что для продолжения войны необходимо дать русской армии точный и определенный ответ, и он этот ответ формулировал словами: мир без аннексий и контрибуций, на основе права наций на самоопределение. И вот эта формула оказалась приемлемой. Я и спрашиваю себя, как ее надо понимать. Ни для кого из нас не тайна, что эта формула, выдвинутая всей революционной демократией и после кризиса власти вынесенная в декларации Временного Правительства [139] и как бы являющаяся официальной правительственной программой войны, что эта формула вызвала и в западно-европейских парламентах, и в социалистических группах, и среди рабочего класса целый ряд недоумений, целый ряд толкований, сделавших, в конце концов, возможным такое неестественное явление, что почти вся Западная Европа, заведомый противник этой формулы, нашла возможным словесно к ней присоединиться, а целый ряд социалистических групп пробовали эту формулу расшифровать и расшифровали ее так, что сделали ее неприемлемой для социалистического пролетариата России.

До сих пор тот орган, который ведает внешней политикой и правительства и революционной демократии России, т.-е. Петроградский Совет Р. и С. Д., не удосужился или не счел возможным точно и ясно формулировать то содержание, которое в эту формулу вкладывается. Я полагаю, что ваш Съезд только тогда станет на деловую почву, когда от общих прений о характере и значении этой войны перейдет к ясному и точному формулированию тех целей, которые нами на словах признаны, т.-е. к формуле без аннексий. Если мы выйдем отсюда с тем, что всему миру раз навсегда будет сказано: вот за что воюет русская революционная демократия и вот за что подняла винтовку русская революционная армия, то это будет громадный прогресс, потому что тогда мы действительно узнаем своих врагов и своих союзников в Западной Европе. Я стою на той точке зрения, что наивная, детская, темная вера сказалась в мечтах о том, что можно избавиться от этой империалистической войны тем, что какая-нибудь одна сторона сложит руки и скажет: мы воевать больше не желаем. Я повторяю: этой темной и наивной верой не может руководиться ни одна политическая сознательная партия, — выбиться от этой империалистической войны, созданной не по капризу того или иного военного вождя и даже не случайным захватом той или иной империалистической группы, а созданной неизбежным развитием империалистического строя вообще, — что эта кровавая баня может прекратиться каждым, — единовременным простым складыванием рук. Надежда на это совершенно пуста. Из этой империалистической войны нельзя выйти каждому в отдельности, ни нам, ни кому-либо другому. Перед нами стоит задача только одна: вести дело к всеобщему миру. Надо только отдать себе отчет, что должен этот мир представлять. И вот сказано: мир без аннексий, — вот наше знамя, вот за что мы сражаемся.

Но, как вы знаете, к сожалению, формула: мир без аннексий и контрибуций, весьма многим непонятна. Даже в официальном органе, в Петроградском Совете, его истолковывают в том смысле, что нам нужно воевать за такой мир, который бы окончился возвращением всех воюющих стран к старым границам, т.-е. который окончился бы восстановлением того порядка, который был до войны. Не надо новых аннексий, — так пони-

мают этот лозунг. Лозунг этот, во-первых, по существу недостижим, а во-вторых, лозунг этот тот, за который ни одна демократия из представителей социалистических стран стоять не может, как не может поставить знаменем лозунг: вернитесь назад, вернитесь к империалистическим своим границам, ибо это значило бы санкционировать продолжение тех насилий, которые до начала революции производились крупнейшими европейскими державами над остальными, включенными в их пределы, странами. Это значило бы, что Германия имеет право владеть Эльзасом и Познанью, что Россия имеет право на Польшу и Финляндию, что Франция имеет право на Марокко и Алжир, и Англия — на Египет и Ирландию; это значило бы сказать: выйти из этой войны с тем, что мы восстановим клубок международных отношений, из которых эта война возродилась. Поставить перед собой такую цель и толковать таким образом задачу,—мир без аннексий,— конечно, ни один социалист не может: это был бы план утопичный. Поэтому, конечно, если бы поставить целью вернуть Германии ее старые границы, ее старые владения, вернуть Германии захваченные Японией колонии, то это значило бы продолжить эту войну бесконечное время, ибо неизвестно, какими военными методами можно заставить Японию вернуть Киао-Чао. Таковое толкование мира без аннексий, которое поставило бы перед собой такую цель, толковать таким образом задачи мира без аннексий, конечно, это значило бы санкционировать утверждение прав крупнейших европейских держав владеть насильно присвоенными ими областями и нациями, фактически исключается из возможных методов реализации окончания войны и теоретически из тех целей, которые русская революционная демократия может поставить перед собой.

С другой стороны, попытка поставить [вопрос] так, что право нации на самоопределение должно быть предоставлено только тем нациям, которые фактически этой войной заняты, или, вернее, местожительство которых этой войной фактически затронуто, — это для нас тоже неприемлемо. Ибо неизвестно, почему Польше, так как она подверглась разгрому со стороны русских и германских войск, должно быть предоставлено право на национальное самоопределение, а какой-нибудь Богемии, Чехии, Хорватии или Венгрии право это не предоставлено, потому что по той или другой счастливой случайности они ареной военных действий не послужили. Толковать таким образом право на самоопределение, это значит считаться с военной картой, чего не может положить в основу ни один демократ, не говоря уже о социалисте. Следовательно, возвращений к тому, что было, узость толкования того, что свобода должна быть предоставлена только тем нациям, которые разгрому подверглись, никоим образом нами принята быть не может.

Но тогда какое же содержание, товарищи, вкладываем мы в лозунг всеми усвоенный, — мир без аннексий и контрибуций, на основе права наций на самоопределение? Не значит ли это, что когда мы сказали эту формулу, мы сказали, что целью того мира, который хотя бы в малейшей степени мог окупить те разрушения, те затраты, которые несли трудовые классы в этих странах в этой империалистической, навязанной им войне, что этот лозунг можно понимать только таким образом: на этой платформе мира должно быть предоставлено право самоопределения всем тем нациям, которые находятся в подчинении у других наций и которые удерживаются насильно в пределах того или иного государства? Я думаю, никакого иного толкования для социалиста и демократа, для Советов, как представителей русской революционной демократии, быть не может. Мы должны дать такой лозунг, который действительно охватил бы интересы всех угнетенных наций и который на сторону российской революции поставил бы интересы всех этих

наций. Этот лозунг может быть только: мир без аннексий на основании права наций на самоопределение, когда в него вкладывается то революционное содержание, о котором я говорил.

Вы должны сказать, обращаясь ко всему миру: тот мир, к которому стремится русская демократия, должен быть миром, предоставляющим право [на самоопределение] всем угнетенным нациям, затронутым войной или не затронутым, поскольку они насильственно включены и удерживаются [1]) в составе крупнейших европейских держав. Если это так, то не ясно ли, что мир без аннексий, понимаемый в этом смысле, требует для своего воплощения не вооруженные силы того или другого империалистического государства, а требует прежде всего внутренней борьбы пролетариата каждой нации против собственных империалистических правительств. Не ясно ли вам, что этот мир без аннексий в этом революционном смысле не может вычеркнуть из процесса войны как стратегическую задачу и что он может быть только результатом внутреннего движения каждой из втянутых в эту войну страны [2]). Если вы сказали, что вашим лозунгом является мир без аннексий, то вы должны в то же самое время сказать так, чтобы не было никаких двусмысленностей, чтобы этот лозунг не был игрушкой империализма, которой обманывают народы. Вы должны сказать, что мир может быть осуществлен, что лозунг этот осуществляется только на путях борьбы против империализма всех стран, втянутых в эту самую войну. И если вы желаете быть последовательными, то вы должны были бы сказать, что в этом лозунге: мир без аннексий, уже заключен ваш ответ на вопрос о войне и мире, что в этом лозунге уже заключена вся программа внешней и внутренней политики русской революционной демократии, ибо сказать: мир без аннексий, это значит перед всем миром поднять знамя восстания против империалистических правительств собственных, это значит отказаться от дипломатических переговоров с империалистическими правительствами и апеллировать от них к сознательности и революционному чувству тех классов, которые в эту войну ввергнуты их правительствами. Ибо выходов из этой войны может быть только два. Или переговоры с представителями империализма, которые ни о каком отказе от аннексий говорить не могут, потому что каждая аннексия, старая или новая, представляет собою капиталистическое, империалистическое хозяйничанье каждой крупной европейской державы. Ни один капиталистический класс ни в одном государстве не сможет и не захочет осуществить вашу формулу, — формулу российской революции. И если вы к французским или германским капиталистам, когда идете с этим лозунгом: мир без аннексий, т.-е. с предоставлением Алжиру, Хорватии, Познани права отделиться от тех государств, к которым насильственно присоединены, то, конечно, никаких переговоров на этой почве ни один капиталистический класс, ни одна капиталистическая держава с русской революцией вести не будет.

Если державы ведут переговоры до сих пор, то это потому, что мы не идем до конца в формулировке этого лозунга и, значит, предоставляем им толкование этого лозунга в качестве игрушки для дипломатического искусства. С другой стороны, мы должны понять, что у русской революции нет никакого другого союзника, кроме угнетенных классов всех воюющих стран, кроме социалистического пролетариата, который может быть обманут и который до сих пор продолжает быть обманутым и который только последовательным проведением в своей стране этого революционного лозунга «мир без аннексий» может порвать гнусные цепи связывающего

---

[1]) В подлиннике: «поддерживаются». — [2]) Так в подлиннике.

его капитализма. Вне этого, товарищи, надо сказать прямо и откровенно, — путь, которым будет протекать война, будет путем Милюкова. И милюковская политика представляет собой вполне реальный путь к окончанию этой войны, но путь империалистический, и этому пути нельзя противопоставить никакого среднего или половинчатого пути, рассчитанного на то, что нам удастся уговорить Рибо, Ллойд-Джорджа и Соннино согласиться с нашей революционной формулой, так как они прекрасно знают, что признание этой формулы поставит их в противоречие с капиталистическим классом в этих странах.

Поэтому милюковскому пути может быть противопоставлен только один путь, рассчитанный на мировую пролетарскую революцию,— путь, который единственно может поставить под ружье всю русскую революционную армию и вдохновить ее революционным энтузиазмом, дать ей ясные и определенные цели и облегчить ей задачу тем, что она привлечет на свою сторону угнетенные классы, угнетенные нации всех других стран. Этим русская революционная армия может победить. Иначе под нее подкапываются те, которые хотят заставить ее вести войну, не отменяя старых договоров и ведя переговоры с теми, которые издеваются над социальными задачами русской революции. Спасение для русской революции заключается в том, чтобы Россия осуществила прежде всего для себя самой лозунги отказа от аннексий и не создавала себе трений с Финляндией и Украиной, сама поставила бы во главе правительства представителей солдат и рабочих и, опираясь на угнетенные классы всех других стран, повела бы борьбу и войну в союзе с этими угнетенными классами против империализма всех держав.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ [1]). Слово принадлежит тов. Саакьяну.

СААКЬЯН. Товарищи, основные положения вопроса здесь более или менее выяснены, и подробно на них я не буду останавливаться; отмечу только некоторые моменты.

Я должен совершенно открыто признаться, что речь тов. Ленина очень стройно была построена, и если не следить за посылкой самой речи, если не найти ложности самой посылки, то ни в каком случае нельзя обнаружить неправильности всей системы, так как система была построена логично.

В чем заключается основная посылка речи? Основная посылка такова, что революционная демократия, если она революционна на деле, применяет революционные методы борьбы, и, применяя эти революционные методы борьбы, демократия ни в коем случае не отделяет свою буржуазию от другой буржуазии и во всеоружии должна выступить против своей буржуазии; нужно именно такой последовательной борьбой доказать, что политика ваша революционно-демократическая. Какие же доказательства нам нужны? Тов. Ленин призывал дать наглядные уроки обучения как германскому пролетариату, так и мировому пролетариату. Конечно, очень похвально очутиться в роли таких первых учителей, в особенности для нашей молодой демократии, и дать уроки тем странам, где 70 и 80% грамотных,— в Германии почти все население грамотное,— тем странам, где марксизм получил свое завершение. Это очень трудная, но очень похвальная задача. Какие же это наглядные уроки обучения? Во-первых, если мы в нашем манифесте призываем все народы не сделаться орудием в руках своих банкиров и помещиков, то и нам надо перестать быть орудием в их руках. Он говорит: вот ваше воззвание, а вы лицемерите или не понимаете, что вы непоследовательны. Тов. Ленин, очевидно, смешивает два понятия: стать

---

[1]) В подлиннике: «Председательствующий».

орудием в руках помещиков и банкиров и ликвидировать их. Это две разные вещи.

Наше «обращение к народам мира» исходит из реалистического понимания задач и ни в коем случае не претендовало на фантастическую вещь, — что настало время ликвидировать банкиров и буржуазный строй, а только призывало не делаться орудием в их руках. Орудие ли мы в руках наших помещиков и банкиров? (Голос слева: «Да».) Со стороны большевиков говорят: «да». Сейчас я приведу доказательства. Что значит перестать быть орудием в руках банкиров и помещиков: глава наших банкиров в идейном смысле находится в золотой клетке, а глава революционной демократии Либкнехт находится в тюрьме. Не достаточно ли наглядное обучение мы дали, что вместо Либкнехта нужно посадить другого? Не достаточно ли наглядное обучение мы дали, как надо освобождать Либкнехта? Нашим примером мы показали, что мы не орудие в руках банкиров.

Другое доказательство вам нужно? Вам известно, тов. Ленин, насколько вы рьяно призываете арестовывать банкиров, настолько же неистово они говорят: арестовать их. И мы проходим мимо и говорим: не нам и не вам. Мы не призваны арестами разрешать социальные проблемы, а революционной планомерной борьбой вести революционную демократию. Вот то обстоятельство, что ни один банкир не осмеливается лишать вас вашей свободы, и то, что в Германии банкиры руководят всем и Либкнехта сажают в тюрьму, наглядно показывает, что там демократия находится в руках банкиров, а здесь она, как дамоклов меч, висит над головой банкиров. (Аплодисменты.)

Другое наглядное обучение, это — такое, что ученик не будет особенно благодарен учителю, а учитель, вероятно, не будет зачислен в ряды педагогов. Значит, в чем же дело, — вывести наши войска из Армении? Тов. Ленин настолько был занят своей борьбой против оборонцев и против всех буржуазных мыслителей, как называют многих из нас, что даже забыл, что Армения вырезана, что там армян нет для того, чтобы вы объявили Армянскую республику, и что те армяне, которые остались, вывезены в Палестину, и если говорить о республике, то разве только о Палестинской [140]. Тов. Ленин говорит: что вы делаете с Украиной, что вы делаете с Финляндией? Ему недостаточно революционного слова победоносной демократии, что все народы получат самоопределение. Этого ему недостаточно. В период войны, в период революции, когда нужно укреплять свои позиции, тов. Ленин призывает нас заниматься тем, чтобы сейчас же осуществить автономию и отделение Украины. Если тов. Ленин революционер, — а он революционер, и мы должны его таковым считать, — то нужны тут не разговоры, а нужно провести принцип плебисцита. В период войны как же применять принцип плебисцита? Мы вызываем, вы видите, с фронта, и там, среди войск, которые принадлежат к украинцам, произведен плебисцит — за и против. Кроме того, нужно определить исторические границы, так как шовинисты говорят: нужно еще несколько губерний, а демократия говорит: нет, нужно меньше. Значит, нужна комиссия. Что сейчас должен делать революционер? Не то ли, чтобы думать о снабжении страны продуктами, чтобы в Донецком бассейне производительность труда повысилась, чтобы положение рабочих улучшилось, чтобы железные дороги были лучше, чтобы были организованы профессиональные союзы, чтобы получить могущественную опору и упрочение нашей революции, или он должен итти за шовинистами и контр-революционерами и заниматься тем, чтобы перекраивать карту? Нет, тов. Ленин, это будет удар в спину революции. Революционеры об этом не говорят... (Аплодисменты.) Революционер гово-

рит, что Россия — дом всех революций, и если этот дом объят пожаром, то нужно его спасти, и когда Россия будет спасена, когда Всероссийское Учредительное Собрание волею демократии соберется, то каждому в этом доме будет угол обеспечен. Вы говорите, — нет, дайте нам этот угол, но вместе с тем дайте все опоры вытащить, чтобы дом рушился. Это не есть спасение революции, а разложение революции.

Дальше, товарищи, нам предлагают еще другие средства. Сейчас я вернусь к сепаратному миру. Нам говорят, что война — мировая и, как мировая война, она соткана из таких переплетающихся нитей, что не знаешь, где начало, где конец. Сепаратным путем войну окончить нельзя. Это очень хорошо, это их официальное заявление, и мы будем его приводить против тех дезертиров, которые пачкают их имя, — мы скажем им: они за сепаратный мир не стоят. Это очень хорошо, но разберемся фактически: есть братание и противонаступление. Скажите: отсутствие наступления и наличие братания, — это фактически как называется? Это называется: или мир, или перемирие. А это не есть сепаратный мир? Безусловно, это является сепаратным миром, — юридически они не желают сепаратного мира, а фактически они его делают. Это худший способ, который разлагает и может разложить армию. Будьте последовательны и скажите: никакого, ни юридического, ни фактического, ни перемирия, ни мира мы не допускаем. Это было бы более последовательно. Но когда мы говорим о боеспособной армии, об армии, которая могла бы наступать и защищаться, когда нужно, то с той стороны к этому не совсем одобрительно относятся, а некоторые говорят: это нам нужно. Мы же говорим: да, это нужно не с целью разгрома Германии, — это второстепенная задача; боеспособная, революционная армия, — а ею должна стать вся Россия, та, которая работает на самооборону, — ее нужно вытянуть, чтобы она могла обороняться и защищать Россию, такая боеспособная армия нужна для того, чтобы мы не превратились в Персию. Даже крайние революционеры, когда читают текст благородного протеста Персии, что над ними глумятся, смеются, что у них силы нет, что это несчастная страна, то и у нас при отсутствии такой армии и наши благородные порывы, и слова превратятся в глазах других только в болтовню. Чтобы идея имела за собой фактическую силу, — а революционер не говорит только, а действует, — нужно, чтобы идея могла быть подкреплена штыком, когда это нужно; и не боясь нужно об этом говорить, если даже тебя назовут контр-революционером.

Еще одно. Говорят: какие цели преследует война? Война, как таковая, никаких целей, кроме грабительских, не может иметь. Этой войны у нас нет. Я рассматриваю войну, как восстание революционного народа; она — продолжение петроградских баррикад на западном фронте. Были выставлены известные цели против Романова и К°, и то обстоятельство, что один Романов сломлен, дает возможность сказать: баррикадная война окончена. Для революционера борьба кончается только тогда, когда или его самого уничтожат, или его требование исполнят. Нам говорят: они — наши братья, и с братьями надо по-братски поступать, нужно увещевать и т. д. Скажите, пожалуйста, Семеновский полк, который, как реакционная сила, наступал против нас, мы что же: считали их братьями? Тогда они были братья так же, как и весь народ, но объективно они были орудием в руках Романова, и мы били друг друга. Тогда они нас побили, но теперь Семеновский полк стал силой субъективной, революционной, и уже имеет право числиться в рядах нашей революционной армии, и мы этим полком гордимся. То же самое с Германией. Германия в объективном смысле есть сила, которой руководит венценосный Вильгельм, и, поскольку она руководится венценосцем, она ничем не отличается от нашей жандармерии, ко-

торую мы били и которая нас била, и от полков Романова, которые нас били и которых мы били. А когда Германия водрузит на Потсдамской площади красное знамя восстания, когда не Либкнехт, а Вильгельм будет сидеть в тюрьме, то тот революционер, который в то время осмелится произвести давление на эту Германию, будет заклеймен званием изменника революции.

Но как же нам дойти до этого момента? Вы говорите: мы дойдем, если начнем борьбу против собственных капиталистов. Объявление пролетарской революции это есть обьявление социалистической революции, поскольку мы являемся руководящей силой. Здесь кроется основная посылка тов. Ленина и К⁰ и других товарищей,— что именно теперь есть возможность объявить перманентную революцию и социалистическую республику, и защитниками ее являемся мы. Но тов. Ленин верит в чудо,— что эта социалистическая республика эхом раскатится по всей Германии и там вызовет восстание, и тогда революция победит. Неужели у нас менее громкие дела были несколько в другом масштабе и эхо их не докатилось до их уха? То обстоятельство, что мы освободили Пьяных и других из тюрьмы [141], могло дать повод, чтобы они освободили своего Либкнехта. А что, если это эхо раскатится слишком поздно — и мы уничтожим революцию и она погибнет не с тем, чтобы воскреснуть потом, а поведет ко многим кровопролитиям? Есть ли гарантия? Нет. Они верят в чудо,— что непременно эхо разнесется по всему миру, а мы не верим в чудо, и мы призваны вести политику, которая соответствует реальным, объективным условиям. Наша политика ясна и определенна. Она сводится, с одной стороны, к сплочению всех масс внутри, а с другой стороны, к созданию такой экономической организации, которая могла бы служить базой для нашей революционной работы, для сплочения нашей революционной боеспособной армии. Наша внешняя политика — давление наше на союзные правительства, чтобы они пересмотрели договоры в духе нашей революции.

Они особенно настаивают опубликовать договоры. Что же вас интересует,— то ли, чтобы мы пересмотрели все договоры и которые нам не нравятся смазали, или чтобы это фигурировало в наших требованиях? Предположим, что какой-нибудь договор сепаратный, мы опубликуем его, и в это время германская клика будет кричать: видите, граждане германские, какая жадная Россия и Франция, вот что они готовили. И вместо того, чтобы помочь германскому пролетариату очнуться, вы дадите материал шовинистическим элементам, чтобы они только затемнили их сознание. Мы же требуем пересмотра договоров в духе революции.

Теперь относительно битв. Как можно с этой стороны бить монархическую Германию, когда с той стороны ее бьет Франция? Я думаю, что мы, когда бьем какую-нибудь силу как революционеры, то не считаемся с тем, что с другого фланга ее бьет кто-нибудь другой. Цели могут быть разные, но объект удара может быть один и тот же. В стратегическом смысле это даже лучше, это помогает диктовать свои условия, и в этом смысле наша армия в стратегическом смысле не может пожалеть, что некоторой опорой для нее служат английские и французские армии и что она не изолирована.

Заканчивая, я повторю, что основных положений вопроса я не касался, но я говорю, что буду рассматривать эту войну, как восстание революционного народа, призванного осуществить внешнюю политику и уничтожить всякие аннексии и контрибуции и стоять за самоопределение народов и внутри и вне России. С этим знаменем мы пойдем с победоносной армией и с победоносным народом в революционном смысле.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Позвольте вас просить не расходиться, потому что сегодня будет поставлен чрезвычайно важный вопрос, который будет еще здесь обсужден. Следующий оратор — тов. Троцкий.

ТРОЦКИЙ. Товарищи (голоса: «Какие мы вам товарищи!»), мне представляется, что вопрос о войне и мире, который здесь обсуждается, испытывает ту же судьбу, как и наши прения по вопросу о власти. Дело ставится так или почти так, как если бы до настоящего времени мы не имели никакого опыта в этом вопросе, как если бы не было Советов Депутатов, революционной или коалиционной власти и известного отношения к программе министров-социалистов, определенных результатов этой программы, а самые прения развиваются между защитниками коалиционного министерства, как таковыми, и программой интернационалистов или, в частности, большевиков. Мы называем себя, с основанием или без основания, революционным парламентом [1]). По моему мнению, которое я высказывал не только в печати, но и здесь, здесь есть веяния, которые гораздо ближе к либерализму, чем к революционному социализму. (Голоса: «Какие веяния?») Этим я никому решительно не наношу оскорбления, — это есть политическое положение, политическая группировка. Это вопрос принципа. (Голоса: «Назовите точно». Шум.) Товарищи... (Голоса: «Какие товарищи?») Товарищи и граждане, тогда я прошу вас отнестись к этому вопросу с тем спокойствием, с которым пытаемся отнестись мы, меньшинство, находящееся, как и всякое меньшинство, в гораздо менее благоприятных условиях, чем вы, ибо вы определяете порядок дня, существо вопросов, вы имеете большинство в президиуме и за вами обеспечено принятие ваших резолюций, поэтому я думаю, что вы могли бы на этой основе проявлять несколько больше спокойствия и не вызывать естественной реакции со стороны меньшинства.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Прошу не мешать оратору. Время ограниченное. Вы отнимаете у него время, и все равно я возвращу его.

ТРОЦКИЙ. Я указал на то, что прения развертываются в странной плоскости. Выступают защитники Временного Правительства, и члены Временного Правительства, министры, например, Керенский, произносят полемические речи против интернационалистов или большевиков, как если бы в настоящих условиях задача деятельности Временного Правительства сводилась к тому, чтобы мобилизовать наиболее удачно аргументы против тов. Ленина. Казалось бы, с точки зрения военно-морской, задача сводится к тому, чтобы мобилизовать наиболее удачно аргументы против немцев. Но все наши прения с начала до конца развертываются по этой фальшивой плоскости. Нам приходится каждый раз приглашать министров и их единомышленников к тому, чтобы сказать нам: да что же вы, господа, думаете по существу того положения, в данном случае военного положения страны, которое сложилось в результате более чем трех месяцев революции? Что же вы думаете о путях выхода из нее? Не думаете ли вы, правящая партия, или коалиция правящих партий, Временное Правительство, что те методы, которые вы уже испробовали в широком масштабе, что они до сих пор вели не к вашему усилению и не к нашему общему усилению, а фактически ведут к дальнейшему ослаблению? Не думаете ли вы, что те жалобы, которые идут не с нашей стороны, а главным образом с вашей стороны, на так называемое разложение армии, что ведь это вопрос, перед которым вы прежде всего или вместе с нами должны остановиться?

---

[1]) Далее зачеркнуто: «Казалось бы, что наша задача, что наша обязанность, независимо от того, какие течения мы представляем».

Я беру, например, воззвание группы лиц. Под этим воззванием подписи ряда фамилий военных деятелей и целого ряда деятелей гражданских, как Плеханова, Дейча, Засулич, Лопатина и др. [142] Все это воззвание, которое было три дня тому назад и вчера опубликовано во всей петроградской прессе, говорит о том, что русская армия находится в состоянии хронического разложения, что в ней развивается трусость, шкурные интересы, что наступление неосуществимо; там называются [1]) отдельные лица, пытавшиеся [2]) путем личных героических примеров увлечь армию на путь наступления. Я считаю эту литературу грубо преувеличенной, но во всяком случае она некоторый факт отражает: то, что мы во всей прессе читаем об анархии в армии, — это термин, который стал шаблонным: «анархия в армии». Товарищи, вопрос стоит так: это та самая армия, которая совершила победоносную русскую революцию. Разумеется, эта армия не стоит на высоте революционного социалистического сознания. На это я указал в моей цитировавшейся здесь статье. Это есть армия, которая вышла из русских социальных и политических условий со всей их отсталостью, со всем их вчерашним, сегодня еще не вполне ликвидированным варварством. Но это наша армия, та героическая армия, которая совершила русскую революцию. Все объясняется тем, что в армии преобладают шкурные вопросы и личные интересы, что это разлагает армию. Эта постановка вопроса, по-моему, совершенно недостойна ни вас, ни нас. Мы думаем, что наша армия, та самая, которая, в лице каждой отдельной воинской части, совершая свое революционное освобождение, подвергалась всему тому риску, который в критические дни был связан с этим революционным актом, когда судьба революции стояла еще под знаком вопроса, то каждая такая часть и вся наша армия в целом способна и теперь к самопожертвованию и героизму, если эта армия спаяна единым революционным сознанием, единством политической цели, которую она внутренно признает. Вот все существо в этом. К счастью для всей русской истории, наша революция раз навсегда ликвидировала старую психологию русской армии, психологию саранчи или воблы, как говорил Глеб Успенский, когда сотни тысяч умирали пассивно, стихийно, не давая себе отчета в существе своей жертвы и не ставя перед собой вопроса о субъективной и объективной цели этой жертвы. Я говорю: да будет проклят тот исторический период, который мы оставили за собой! Если мы сейчас ценим героизм, так не этот массовый, стихийный, бессознательный, а героизм, который проходит через каждое индивидуальное сознание. (Аплодисменты.)

Я говорю, что в этой самой армии, которая вышла через революцию, прошла через нее, я говорю, что могут быть, должны быть и существуют и будут существовать идеи, лозунги, цели, которые способны эту нашу армию, крестьянскую и рабочую армию, сплотить единством энтузиазма. Перед такой армией нельзя демократическим путем поставить вопрос о том, хотите ли вы, братья, итти в наступление за те цели, которые общи всем, которые связывают? Неправда. Это могут только буржуазные филистеры думать, что если вопрос о наступлении, если это наступление субъективно прошло через сознание армии, если его поставить перед армией в целом, я отвечаю, что армия великой французской революции путем голосования, каким угодно путем, способна была и отвечала на призыв к наступлению совершенно сознательно. В чем же дело? Все дело в том, что такой связующей армию цели в настоящее время нет. (Голоса: «Есть».) Если бы, товарищи, это было, то не было бы жалоб на разложение, на распад и на анархию. Более того,—не было бы наших трагических прений здесь, на этом собрании.

---

[1]) В подлиннике: «призываются». — [2]) Слово: «пытавшиеся» вписано.

В чем же дело? Вы знаете сами, что наше Временное Правительство само перед лицом всего мира и перед лицом русской революционной армии поставило вопрос о целях войны. Мы получили войну, как наследство. Мы ее сами не затевали. Армия ее протащила на своей спине из старого самодержавного режима. Временное Правительство наше впервые поставило вопрос о целях войны. В какой форме? В форме необходимости пересмотреть старые цели войны перед каждым солдатом русской армии, перед тем солдатом, который, благодарение господу богу, перестал быть святой скотинкой, который мыслит о своей судьбе и о судьбе войны. Перед ним вопрос о целях войны стал в субъективной форме, в форме, освященной авторитетом революционного правительства и вашим авторитетом, ибо Советы Рабочих и Солдатских Депутатов постановляют, что необходимо пересмотреть старые, унаследованные от царизма цели войны. Это есть основной факт состояния армии, ее психология, цели наступления, и от этого основного факта вы никуда не уйдете, никакими софизмами не скроетесь, что каждый мыслящий солдат ставит перед собой вопрос, во имя каких целей он будет наступать, или, точнее сказать, если говорить в более субъективной форме, каждый мыслящий солдат говорит себе: из тех пяти капель крови, которые я пролью сегодня, не будет ли только одна пролита за интересы русской революции, а четыре за французскую биржу и за английский империализм? (Аплодисменты.) Вот, товарищи, в чем все существо дела.

Вы можете говорить, что те солдаты, которые так рассуждают, ошибаются. Но тогда вы сами повинны в том, что они ошибаются, ибо вы сами поставили вопрос, и Временное Правительство взяло этот вопрос под свой высокий авторитет. До тех пор, пока этот вопрос не будет разрешен, наступление не будет иметь необходимой психологической моральной предпосылки. Само собой разумеется, что Временное Правительство обнаружило не то, что оно сомневается в закономерности тех целей, во имя которых армия должна сражаться, а вместе с тем оно обнаружило свою неспособность или, если хотите, невозможность, объективную невозможность добиться пересмотра этих целей. Вся дипломатическая деятельность Временного Правительства и дополняющая ее социалистическая деятельность Совета Депутатов есть не что иное, как растянутое, многословное подтверждение того, что, солдаты, рабочие и крестьяне, мы при данных условиях неспособны добиться радикального немедленного пересмотра тех целей, во имя которых вам немедленно необходимо проливать вашу кровь. При этих условиях вопрос о выступлениях в армии, об единстве в армии может решаться только нажимом сверху, только командным авторитетом власти, только грозными окриками. Но сложный психический аппарат, тончайший инструмент пробужденного революционного сознания армии все равно будет развивать огромную силу сопротивления, в одних случаях в более уродливой форме, в других случаях — в формах нормальных, организованных, но сопротивление армии, которая взбудоражена, перед которой вопрос о смысле войны поставлен и которой на этот вопрос ответа не дано, сопротивление этой армии будет сказываться всюду и накануне наступления, и во время наступления. И в этой армии как раз не худшие, а лучшие элементы будут говорить, что вы сами сказали, что цель войны стоит под знаком вопроса. Вы нас посылаете в бой, не давши ответа на цели войны. Мы протестуем. Вы нас караете и тем самым вы создаете дисциплину властвования сверху, дисциплину нашей армии по отношению к целям, которые нам чужды, по отношению к целям, которые вас, Временное Правительство, кандалами связывает с парижской биржей и с английским и американским империализмом. Если есть лозунги ваших собственных действий, вот как они должны

отразиться в сознании каждого солдата. Что предлагает Временное Правительство? (Голоса: «Что же делать?») Меня спрашивают: что делать.? Прежде чем вы спросите, что делать, вы должны дать отчет в том, что делаете вы сами, ибо вы — большинство. (Аплодисменты.) Ибо у вас в руках представители правительства. Вы обязаны дать нам отчет, во имя чего послали вы ваших представителей в правительство, какую политику они способны вести. Я отвечаю, что прежде чем вы имеете право нам поставить этот вопрос, вы должны дать нам ответ относительно вашей политики.

Здесь, на одном фракционном собрании, вы говорите, что мы безответственное меньшинство. Это верно в том смысле, что мы не голосовали за Временное Правительство, что мы никого не делегировали, что мы являемся меньшинством, которое занимает критическую позицию со всеми удобными и неудобными чертами этой позиции. Вы являетесь ответственным большинством. В этом вашем звании вы обязаны указать пути выхода.

Возьмите тот же черноморский флот. Вы слышали о том, что в Кронштадте отделение, самостоятельная республика и проч. Черноморский флот является подлинным оплотом дисциплины организованной, сознательного патриотизма, и вот неожиданная вспышка. (Голоса: «Она ликвидирована».) Совершенно верно. Но дело в том, что в этом образцовом черноморском флоте, который разослал по всей стране патриотические депутации, что там, в этом гнезде организованного патриотизма, могла проявиться в такой критический момент такого рода вспышка,—что это показывает? Это показывает глубочайшее противоречие в психическом состоянии нашей армии.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Время ваше истекло. Угодно предоставить оратору еще 8 минут? (Голоса: «Просим».)

ТРОЦКИЙ. Нужно отдать себе отчет в том, как говорит последняя нота Временного Правительство, которое является одним звеном в целях этих переговоров, являющихся ничем иным, как политикой проволочек и топтания на месте. Как эта последняя нота отражается в сознании всего мира, в сознании социалистического пролетариата, лучшим свидетельством этого может служить издающаяся здесь газета французская «Entente», [143] которая издается, несомненно, при ближайшем участии французского посольства, которое имеет ближайшую связь и с нашим русским министерством иностранных дел. И вот эта заведомо официозная газета по поводу попыток нашего правительства пересмотреть цели войны по последней ноте пишет, — я могу процитировать прекрасную во всех отношениях, поучительную статью, но я приведу два-три слова, — она пишет, что, дескать, последней ноты нового правительства мы дожидались с большой опаской, но, слава богу, все прекрасно. Правда, там есть все прекрасные слова из революционного словаря,—свобода, равенство и братство в международных отношениях, весь необходимый парад фраз. Но не это для нас важно, а для нас важно то, что Временное Правительство говорит, что ни при каких условиях не выйдет из соглашения; оно объявляет, что приносит присягу на верность французским и английским и американским империалистам независимо от всех условий войны. Вот, я говорю, что является самым существом для этой официозной газеты.

Я, товарищи, говорю, что для нас, как для революционной партии, как для революционной демократии, если она хочет заслужить это почетное, высокое имя, нет другого решения, как сказать, что задачи и цели германского империализма нам точно так же ненавистны, как и цели американского и английского империализма, что если мы ищем опоры в сознании русской армии, как таковой, не в навязанной ей сверху дисциплине,

а в порождаемой энтузиазмом, если мы хотим итти от пути прогрессирующего разложения, все более и более обостряющегося приемами репрессий, кто бы их ни применял, Керенский или Гучков, если мы хотим итти нашей собственной исторической дорогой,—то мы должны сказать, что русская революция во внешней политике так же независима, как и во внутренней политике. Мы должны сказать, что русская революция, уже не рискуя своей армией, а, наоборот, передав власть во всей стране в руки организации, которая прямо и непосредственно отражает эту армию,—в руки Советов Рабочих и Солдатских Депутатов, — и тем создавши армию, ответственную за правительство, и правительство, ответственное за армию, создавши в армии глубочайшее внутреннее убеждение, что это правительство не связано ни с каким иностранным империализмом, может во имя успеха внешнего займа или во имя другой цели оказаться вынужденным к тем или иным стратегическим и дипломатическим шагам, — создав такого рода настроение, мы от имени этой армии кликнем клич ко всем европейским народам с призывом, что есть сейчас на карте Европы цитадель революции, постоянная армия революции, которая поддержит всякую попытку революционного народа, которая в той или иной форме поднимается против своего правительства и для ликвидации настоящей войны.

Товарищи, это в таком случае легко, но и очень трудно [1]) быть скептиком и отвечать: «Но мы не уверены в том, что эта революция разразится и что русская революционная армия, русская демократия найдет в Европе союзников. Гарантий нам никаких история не дала». Я отвечаю, что история не дала нам, революционной России, никаких гарантий, что мы вообще не будем раздавлены, что наша революция не будет задушена коалицией мирового капитала и что мы не будем распяты на кресте мирового империализма. Против этой страшной опасности нам не дано другого союзника на карте Европы, кроме пробуждающегося европейского пролетариата. Если он не пробудится, если слова скептиков и их предвидения оправдаются, если мы не вступим в эпоху социальной революции, то это значит — русской демократии грозит смерть, ибо та революция, которая у нас совершается, революция демократической армии с пролетариатом, который отвоевывает себе в обществе положение, какого он не имел никогда и нигде, революция с крестьянством, которое идет к коренной ликвидации помещичьего землевладения, — такая революция есть самая грозная опасность для частной собственности, для капитала во всей Европе и во всем мире. Если там не развернется революция трудящихся масс, то весь капитал Европы через месяц, год или позже объединится, чтобы затянуть петлю на шее русского народа. Вопрос тогда для нас стоит не только о ликвидации войны, не только о ликвидации дела на фронте, но о ликвидации всей судьбы русской революции, вопрос о том, будем ли мы развиваться как свободный демократический народ, или мы превратимся в распятую, подавленную колонию европейского или, еще вернее, американского империализма. Стало быть, вопрос стоит гораздо глубже. Те скептики, которые не верят в революцию европейского пролетариата, тем самым говорят, что, может быть, карта русской революции, а может быть, и всей страны бита историей. Это неправда, трижды неправда. Мы еще не померялись нашими силами. Великая французская революция, на которую здесь ссылались, имела перед собой отсталую, феодальную Европу. Мы имеем Россию с наиболее острыми противоречиями, несомненно, более острыми, чем до войны, в результате потрясающей настоящей войны. Кто был в Европе во время войны, кто

[1]) Так в подлиннике.

отдает себе отчет в атмосфере Европы, — а я был в одной воюющей стране, во Франции, — тот может создать себе убеждение, что эта война в Европе в ближайшую эпоху не пройдет для правящих классов бесследно, безрезультатно, что эта война поднимет глубочайшее революционное сотрясение трудящихся масс. От нас, от русской революции, зависит, станем ли мы таким звеном империалистического блока, останемся ли для того, чтобы подавлять авторитетом русской революции восстание масс против империализма, или развяжем наши руки на оба фронта, спаяем свою армию единством революционной дисциплины и сознанием, кликнем клич трудящимся массам. Если в этом случае Германия не поднимается или же поднимется слишком слабо, то мы двинем наши полки им навстречу не для обороны, а для революционного наступления. (Голоса: «Будет поздно».) Нет, не поздно, никогда не поздно. Не поздно покидать фальшивый путь и становиться на путь правильный. (Аплодисменты.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово имеет тов. Церетели.

ЦЕРЕТЕЛИ [1]). Товарищи, гражданин Троцкий выражал изумление, почему мы, министры-социалисты, уделяем столько внимания той незначительной группе, к которой он принадлежит на этом Съезде. Несомненно, удельный вес этой группы на данном Съезде далеко не соответствует тому вниманию [2]) которое этой группе уделяется не только нами, министрами-социалистами, но также всем Съездом. Но вместе с тем мы все имеем основания в настоящий момент особенно пристально обращать внимание, что делается на этом фланге революции, потому что, по нашему глубокому убеждению, в виду ошибочной позиции, ими занятой здесь, на этом фланге открываются те ворота, через которые может ворваться контр-революция. (Рукоплескания.)

Вот, товарищи, исходя из этого, я не только остановлюсь на аргументации, развитой здесь гражданином Троцким, но постараюсь соображения, им выдвинутые, опровергнуть соображениями, которые ему должны быть наиболее понятны.

Здесь гражданин Троцкий говорил: для русской революции в международном отношении [3]) самый верный путь, путь решительных действий, решительных ультиматумов, к нашим [4]) союзникам [5]) с требованием [6]) немедленного пересмотра целей войны.

Но вот гражданину Троцкому, который ознакомлен с настроением демократии союзных с нами стран, конечно, должно быть хорошо известно, что в настоящий момент ультиматумы правительствам Англии и Франции есть ультиматумы демократиям Англии и Франции. [7]) Пока [8]) демократии Франции и Англии в согласии с русской демократией не пересмотрели [9]) этих целей войны, в такой момент предъявление ультимативных требований со стороны русской демократии ко всем правительствам, это — ультиматум ко всем демократиям. (Голос с места. «Это неправда».) [10]) Вы думаете, это неверно? Плохо же вы знакомы с положением. [11]) Вот, я спрашиваю: насколько удобно разговаривать путем ультиматумов с демократией? [12])

---

[1]) Речь Церетели печатается по машинописному тексту с собственноручными поправками Церетели. — [2]) Слово: «вниманию» вписано над зачеркнутым: «влиянию». — [3]) Слова: «для русской... отношении» вписаны над зачеркнутым: «да, путь, нам предлагаемый, говорил он, путь не гарантирующий победу, но это». — [4]) Слова: «к нашим» вписан над зачеркнутым: «с». — [5]) Первоначально: «союзниками» и далее зачеркнуто: «нашими, направленных и требующих». — [6]) Слова: «с требованием» вписаны. — [7]) Далее зачеркнуто: «В настоящий момент это так. Ультимативные требования пересмотра целей войны. — [8]) Далее зачеркнуто: «еще». — [9]) Слово: «пересмотрели» вписано над зачеркнутым: «пересмотрят». — [10]) Слова: «(Голос... неправда)» вписаны синим карандашом. — [11]) Слова: «Плохо... с положением» вписаны. — [12]) Далее зачеркнуто: «Вот».

Чтобы наглядно представить это гражданину Троцкому, я спрошу его: вот здесь, в этом зале [1]), демократия, которая [2]) с гражданином Троцким не согласна; он с ней разговаривает; почему он ей не ставит ультиматума: или пересмотрите отношение к [3]) войне [4]), или мы отделимся? (Рукоплескания.)

Русская демократия говорит с демократиями союзных с нами стран, с демократиями всего мира языком, привычным для демократии. Русская демократия ясно, определенно, категорично выдвигает свою платформу. Она призывает принять эту платформу, она предлагает практические шаги для совместной выработки общих положений. Русская демократия никогда не пыталась занять положение диктатора по отношению к демократиям всего мира, потому что русская революционная демократия не привыкла быть в смешном положении. (Рукоплескания.)

Товарищи, кажется, здесь, на сегодняшнем Съезде, ряд ораторов, выступавших вот с этой стороны, нашел неожиданный выход: вот здесь впервые, отвергая попрежнему лозунг сепаратного мира, они формулировали [5]) новый лозунг: [6]) мы не боимся сепаратной войны, — вот, что они сказали. (Голос: «Еще месяц».) Еще месяц, — я в этом отношении отстал. (Рукоплескания.) [7]) Чтобы достаточно оценить содержание [8]) этого лозунга, который, оказывается, целый месяц уже развивается, представьте себе, товарищи, что же дает [9]) этот способ борьбы с империализмом. Допустим, что [10]) Россия окажется в силах [11]) изолированно продолжать войну [12]) с Германией [13]). В этих условиях [14]) чем более энергии она обнаружит в борьбе с Германией, объективно [15]) она фактически будет [16]) помогать всем воюющим с Германией странам не менее решительно, чем если бы она оставалась [17]) в формальном союзе с ними?

Ясно, товарищи, единственный, кто в этих условиях потеряет, — это будет русская революция и международная демократия [18]). Русская революция, конечно [19]), будет многого [20]) лишена в этом случае. Освобождены будут все союзные с нею страны от [21]) обязательства финансировать ее, от всяких [22]) других обязательств, которые в настоящий момент, конечно, укрепляют, а не ослабляют ее [23]). Это ослабит и международную демократию, потому что Россия, [24]) разорвавшая с демократией союзных с нами стран, лишила бы себя возможности воздействия на эти демократии, лишилась бы [25]) надежды найти опору своим международным идеалам [26]) в международной демократии.

Вот, товарищи, объективные последствия политики [27]) людей, которые хотят быть ответственными. За что они ответственны? За судьбы России?

---

[1]) Слова: «в этом зале» вписаны. — [2]) Слово: «которая» вписано. — [3]) Слова: «или пересмотрите отношение к» вписаны над зачеркнутым: «пересмотрите цели». — [4]) Первоначально: «войны». — [5]) Слово: «формулировали» вписано над зачеркнутым: «выдвинули». — [6]) Далее зачеркнуто: «сегодня впервые от них слышали. Они говорят». — [7]) Далее зачеркнуто: «Вот, товарищи». — [8]) Далее зачеркнуто: «вот». — [9]) Слово: «дает» вписано над зачеркнутым: «если». — [10]) Слова: «Допустим, что» вписаны. — [11]) Слова: «окажется в силах» вписаны. — [12]) Слова: «продолжать войну» вписаны над зачеркнутым: «воюющая». — [13]) Далее зачеркнуто: «Россия, разорвавшая с союзными странами, в этот момент фактически Россия». — [14]) Слова: «В этих условиях» вписаны. — [15]) Далее зачеркнуто: «будет ли». — [16]) Слово: «будет» вписано. — [17]) Слово: «оставалась» вписано. — [18]) Далее зачеркнуто: «Вот». — [19]) Слово: «конечно» вписано. — [20]) Слово: «многого» вписано над зачеркнутым: «действительно много». — [21]) Слово: «от» вписано над зачеркнутым: «и». — [22]) Слова: «ее от всяких» вписаны над зачеркнутым: «и много различных». — [23]) Слово: «ее» вписано над зачеркнутым: «я говорю». — [24]) Далее зачеркнуто: «разорвавшая по своей инициативе, разорвавшая в революционных условиях, когда демократия союзных с нами стран на стороне собственных правительств остается, Россия». — [25]) «Бы» — вписано. — [26]) Слова: «своим ... идеалам» вписаны. — [27]) Слово: «политики» вписано.

Если так, то мы разве не видим, что осуществление того, к чему они [1]) стремятся, объективно привело бы к гибели революционной России.

Конечно, мы это видим, мы это сознаем. И [2]) ответственности за подобные шаги [3]) революционная демократия никогда на себя не примет [4]). Она тоже не имеет гарантии, что непременно тот путь, которым она идет, ведет к победе. Но она знает, что этот путь обеспечит максимум сил революционной России, обеспечит ей [5]) всю ту поддержку, которую при нынешнем трудном международном положении она может найти, и что, идя этим путем, революционная Россия еще может рассчитывать на победу [6]). Только при этих [7]) условиях [8]) революционный народ может [9]) черпать [10]) тот энтузиазм, который нужен для великого дела спасения России.

Вот, товарищи, в общих чертах то, что я имел на этот раз сказать. Я приводил как раз те самые аргументы, которые должны подействовать на эту группу товарищей; все другие, более существенные, несколько раз с этой трибуны развивались и занимать ваше внимание этими аргументами я не хочу [11]). Я знаю, что та проповедь, которая [12]) раздается [13]) с этих скамей [14]), в настоящий момент, когда еще не вся страна организовалась в стальную, крепкую организацию [15]), может [16]) повести к деморализации, к усилению анархии в несознательных массах [17]). И я считаю, что долг всякого [18]) министра и всякого члена революционной демократии парализовать эту работу, раскрывать глаза на действительную сущность тех лозунгов, которые отсюда раздаются. (Рукоплескания.)

Таким же образом [19]) я хочу подойти к вопросу о наступлении; [20]) здесь также [21]) я хочу [22]) привести аргумент, вполне понятный им. Мы говорили: наступление и оборона, это — дело стратегии; решать, в какой час, в какой день наступать, должно военное командование. Но русская революция заинтересована в том, чтобы армия в каждую данную минуту была готова к нападению. Еще больше русская революция заинтересована в том, чтобы были созданы условия, способствующие переходу нашей армии в наступление, потому что лучший способ обороны, это — именно наступление. (Рукоплескания.)

Бездействие, товарищи, всегда деморализует боевые единицы, боевые группы. Вот [23]) тут я приведу один понятный им [24]) аргумент [25]). Они [26]) говорят, что до тех [27]) пор, пока не пересмотрены цели войны, русской революции, хотя бы она продолжала войну, выгоднее держать армию в неподвижном состоянии. Знают ли они, какие могут быть [28]) последствия?

Знают ли они [29]), что боевые единицы, если они остаются неподвижны, теряют свою силу, они деморализуются?

---

[1]) Слово: «они» вписано. — [2]) «И» вписано над зачеркнутым: «Вот этой». — [3]) Слова: «за подобные шаги» вписаны. — [4]) Далее зачеркнуто: «Она предпочтет». — [5]) Слова: «обеспечит ей» вписаны. — [6]) Далее зачеркнуто: «И вот». — [7]) Слово: «этих» вписано над зачеркнутым: «их». — [8]) Далее зачеркнуто: «революционная армия». — [9]) Слово: «может» вписано над зачеркнутым: «могут». — [10]) Первоначально: «черпнуть». — [11]) Далее зачеркнуто: «но». — [12]) Далее зачеркнуто: «здесь». — [13]) Далее зачеркнуто: «вот». — [14]) Первоначально: «скамеек». — [15]) Далее зачеркнуто: «способную противостоять всем бурям, стоящим на пути революции, в этот самый момент, когда есть стихийное движение, когда революция не собрала всех ресурсов, всех сил народных, — в этот момент в несознательных массах могут». — [16]) Слово: «может» вписано. — [17]) Слова: «в несознательных массах» вписаны над зачеркнутым: «те лозунги, которые здесь раздаются». — [18]) Далее зачеркнуто: «и». — [19]) Слова: «Таким же образом» вписаны над зачеркнутым: «Вот с этой точки зрения». — [20]) Далее зачеркнуто: «вот». — [21]) Слово: «также» вписано. — [22]) Далее зачеркнуто: «тоже». — [23]) Далее зачеркнуто: «я». — [24]) Слова: «я приведу... им» вписаны над зачеркнутым: «приведу один». — [25]) Далее зачеркнуто: «Вот тут, товарищи». — [26]) Слово: «Они» вписано. — [27]) Слово: «тех» вписано над зачеркнутым: «сих». — [28]) Слова: «могут быть» вписаны. — [29]) Слово: «они» вписано.

Знают ли они, что, собственно, своей тактикой они не только приняли принцип наступления, а переборщили в этом принципе? (Рукоплескания.) Знают ли они, [что], призывая завтра на улицу пролетариат Петрограда [1]), большевистский комитет уже мобилизует силы для действия, для атаки, для перехода в наступление и делает это в условиях, когда сами руководители [2]) еще не условились о целях кампании? Ведь [3]) вы слышали [4]), Ленин говорил о захвате власти хотя бы только большевистской группой [144], а другие говорили о захвате власти Советами, — значит, конечные цели еще не вполне однородны у Ленина и остальных, но они совместно выводят [5]) свои группы [6]) в дело [7]). Очевидно, они боятся [8]), что в бездействии их группы [9]) деморализуются [10]). Этот принцип наступления [11]) они [12]) поспешно и неуместно [13]) применяют [14]) в рядах нашей демократии, чтобы таким образом против тактики, принятой огромным большинством революционной демократии, мобилизовать свои силы. В междоусобной борьбе демократии, очевидно, по их мнению, это [15]) воспитывает массы, это сплачивает, это поднимает боевой дух, а они отказывают в этом великой русской революции, которая действительно стоит в настоящий момент под угрозой разгрома, которая видела результат вынужденного бездействия нашей армии, поняла, оценила и вместе со всем народом дала клич боевой способности армии, способности к наступлению и переходу в наступление, когда объективные условия для этого окажутся на-лицо [16]). Эти [17]) лозунги [18]) уместно применять [19]) в борьбе с империалистическими силами, посягающими на нашу революцию, грозящими [20]) нашей революции [21]). Пока [22]) война продолжается, боевая способность нашего фронта есть вопрос жизни и смерти нашей революции [23]). Но этот принцип, товарищи, нельзя принимать в семье революционной демократии. Вот здесь, не наступления, не форсированные атаки [24]) должны [25]) решать вопросы, — здесь место совместному обсуждению, идейной борьбе [26]), а не шагам [27]), которые могут [28]) похоронить общее дело.

Я говорю, товарищи, так часто, так подробно, так применяясь к ним, чтобы они восприняли характер наших аргументов. Потому мы, министры-социалисты уделяем так много внимания [29]) фракции большевиков и разделяющих их точку зрения, потому, повторяю, что здесь слабый пункт нашей

---

[1]) Далее зачеркнуто: «Центральный Комитет, так называемый Центральный Комитет социал-демократической рабочей партии, на самом деле только». — [2]) Слова: «и делает... руководители» вписаны над зачеркнутым: «ибо они понимают, что пока они». — [3]) Первоначально: «А ведь». — [4]) «Слово: слышали» вписано над зачеркнутым: «видели тов.». — [5]) Слово: «выводят» вписано над зачеркнутым: «выдвигают». — [6]) Первоначально: «свою группу». — [7]) Слово: «дело» вписано над зачеркнутым: «действие». — [8]) Слова: «очевидно, они боятся» вписаны над зачеркнутым: «они знают». — [9]) Слова: «их группы» вписаны над зачеркнутым «они». — [10]) Далее зачеркнуто: «Вот почему они». — [11]) Слово: «наступление» вписано и далее зачеркнуто: «который». — [12]) Далее зачеркнуто: «столь». — [13]) Слова: «и неуместно» вписаны над зачеркнутым: «и столь несвоевременно». — [14]) Далее зачеркнуто: «здесь». — [15]) Слова: «В междоусобной... «это» вписаны над зачеркнутым: «столь неуместно применяют принцип перехода в наступление. Это». — [16]) Слова: «окажутся на лицо» вписаны над зачеркнутым: «созрели». — [17]) Первоначально: «Вот эти». — [18]) Далее зачеркнуто: «лозунги русской революции они здесь неуместно применяют». — [19]) Слова: «уместно применяют» вписаны. — [20]) Слово: «грозящими» вписано над зачеркнутым: «грозящие». — [21]) Далее зачеркнуто: «Этого здесь не отрицают и в настоящий момент, когда.— [22]) Слово: «Пока» вписано. — [23]) Далее зачеркнуто: «Вот в этот момент этим путем должны мы идти».— [24]) Слова: «не наступления, не форсированные атаки» вписаны над зачеркнутым: «не наступлением, не атакой форсированной уместно и». — [25]) Первоначально: «должно».— [26]) Далее зачеркнуто: «идейной пропаганде, но не выступлению друг против друга». — [27]) Слова: «а не шагам» вписаны. — [28]) Далее зачеркнуто: «иметь последствия, способные». — [29]) Слова: «уделяем... внимания» вписаны над зачеркнутым: «выступаем здесь против».

революции. Сейчас контр-революция в прямой борьбе не страшна. Но она в нашу крепость революции может ворваться через эти ворота.

Сила цепи определяется силой самого неустойчивого звена. В цепи революции [1]) если хоть одно звено неустойчиво, стоит только [2]) тем, которые борются со всей революцией, разорвать это звено [3]), и вся цепь распадется. И вот нужно укрепить это звено, нам всем [4]) надо стремиться к тому, чтобы оно не разрушало единства революции. Если это окажется безнадежным, если вся наша идейная борьба, все наши убеждения ни к чему не приведут и [5]) спорадически, то там, то здесь будут подготовляться опасные эксцессы как бы [6]) для того, чтобы дезорганизовать революцию, тогда придется [7]) вообще поставить вопрос: может ли в цепи революции оставаться [8]) это слабое звено. (Рукоплескания.)

ВАЙНШТЕЙН. Тов. Троцким был брошен вопрос о том, что сделано и что намерено делать [9]), был брошен вопрос не только всем нам здесь, большинству, но этот вопрос был обращен к нашему правительству. Постольку, поскольку тов. Церетели на него ответил, я возвращаться к нему не буду, но то большинство России, которое здесь представлено, является правящим большинством революции, и ответить на вопрос тов. Троцкого о том, что делали мы за эти три месяца, необходимо. И этот ответ будет дан ему всеми нашими резолюциями.

Товарищи, нет волшебного средства, и этого волшебного средства нет ни у кого, — ни у большинства, ни у меньшинства, — чтобы все горе, чтобы все несчастья были ликвидированы сразу. И величайшее из несчастий, грозящее раздавить русскую революцию, — мировая война, в которую железными усилиями мирового капитализма была втянута Россия, — не может быть ликвидирована сразу. Демагогией являются заявления, несущиеся с левой стороны, которые говорят о том, что здесь искусственно затрудняется ликвидация войны. Тех средств, которые бы сразу, во мгновение ока прекратили бы кровопролитие, происходящее между народами Европы, втянутыми в эту войну, — тех средств нет, я заявляю, и [у находящихся] налево.

В самом деле, когда вам здесь тов. Ленин заявлял, что этот рецепт у него есть, нужно сказать определенно, что он вводил в невольный обман либо нас, либо себя. Что он говорил вам? Он критиковал нашу тактику, он говорил о том, что если вы из своих посылок не сделали правильного вывода, что вы, рекомендовав народам Европы разорвать цепи, связывающие их со своими правительствами, над ними, над этими народами, у себя в стране посмеялись. На самом деле, говорил Ленин, вы со своими капиталистами, со своими банкирами, со своими империалистами состоите в дружбе. Как вы хотите поднять знамя восстания на Западе, в странах Европы и мира, когда здесь вы знамени этого восстания не подняли?

Товарищи, несомненно, что то знамя восстания не только поднято здесь, но оно водружено здесь именно тем, что у нас сейчас существует правительство, которое единственно из всех правительств мира провозгласило лозунги, близкие сердцу и Ленина. Это показывает, что в настоящее время власти империализма, империалистического капитала в России не существует, что если Россия, вынужденная общими объективными условиями воевать, не

---

[1]) Слова: «В цепи революции» вписаны. — [2]) Слова: «стоит только» вписаны над зачеркнутым: «открывается путь». — [3]) Слова: «разорвать это звено» вписаны над зачеркнутым: «то». — [4]) Слова: «нам всем» вписаны. — [5]) Слово: «и» вписано над зачеркнутым: «возрастет то, что». — [6]) Слова: «будут... как бы» вписаны над зачеркнутым: «возникало». — [7]) Слово: «придется» вписано над зачеркнутым: «может быть». — [8]) Слово: «оставаться» вписано над зачеркнутым: «может ли быть». — [9]) Так в подлиннике.

имея возможности сама, — это признаете все вы, — изолированно выскочить из этой войны, то сознательно, как организованная воля народа, она, наоборот, заявила за себя,—ибо за других она заявить не может,—что власти империализма собственного она не признает. И, товарищи, произошло это не только потому, что Россия революционная стала такой силой, которая могла смести у себя империализм, но и потому,—это должен признаться и тов. Ленин, который, я надеюсь, вместе с тов. Луначарским не поспешил сбросить с себя «ветхого плаща» материализма, — потому что в России объективные условия развития капитализма не таковы, как на Западе. Россия, капиталистическое развитие которой возглавлено сейчас и будет возглавляться буржуазией, в современный исторический период может и должна пройти мимо империалистических, захватных целей войны. Оттого, товарищи, удалось нам с такой легкостью смести Милюкова и Гучкова, с такой легкостью, с какой просыпающемуся пролетариату и революционной демократии Запада не удастся, быть может, в ближайшем будущем смести своих собственных империалистов.

Дальше вам говорил тов. Ленин, что, помимо того, что вы должны произвести ряд определенных действий по отношению к своим капиталистам, а также перед всем миром демонстрировать, что вы предлагаете другое, есть еще другой способ кончить мировую бойню. Этот способ есть способ без аннексий. Об этом часто говорят большевики, об этом также нужно помнить, что значит нам в революционной свободной России принять этот лозунг. У большевиков стыдливо указано по этому поводу вот что: необходимо освободить от всякой связи с революционной демократической Россией Финляндию, Украину и т. д. Относительно Финляндии тут был дан исчерпывающий ответ. Вот по отношению к этому «и так далее» и к Украине мне хочется сказать несколько слов. Товарищам реалистам социал-демократам известно, что в определенные исторические периоды, в периоды, подобные тому, что происходит сейчас в России, капиталистические классы отдельных национальностей, помещичьи классы этих национальностей стараются прикрыться определенными демократическими и даже социалистическими лозунгами, на самом деле ничего общего не имеющими с общими пролетарскими и обще-демократическими лозунгами, объединяющими все революционное движение страны. И я нисколько не буду удивлен, если вслед за самоопределяющимися помещиками Украины, желающими уже сейчас отгородиться таможенной стенкой от России, если вслед за ними, за этими помещиками, появятся помещики и купцы других частей России. Я знаю, например, что в Сибири уже образовался республиканский социалистический союз. (В зале шум.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Товарищи, я убедительно прошу не ходить во время речи и не мешать ораторам.

ВАЙНШТЕЙН. Я видел, что в Сибири уже образовался, к радости большевиков и тов. Ленина, республиканский социалистический союз [145], который обращается с воззванием к новому угнетенному народу, сибирскому народу, и говорит о том, что сибирский народ много страдал под тяжестью империализма России и потому должен отделиться, завести собственное войско, свою монетную систему и т. д.

Товарищи, есть ли это право на самоопределение, которое мы в своих программах и действиях признаем? Да ведь это же распад не только России, но и распад дела великой русской революции; это же есть распад, прежде всего, общего пролетарского дела, которое должно быть одинаково близко, во всяком случае, одинаково близко и товарищам большевикам, и товарищам меньшевикам. И если мы сейчас займемся такого рода дезан-

нексией, то не погубим ли мы русской революции? Но мало этого. Допустим, мы все это сделаем, дезаннексируем Сибирь, Литву, Украину, быть может, и царство Казанское, и царство Астраханское, останемся на одном Окско-Волжском бассейне, то все-таки война в мировом масштабе будет продолжаться или не будет продолжаться? Ясно, конечно, что ответ может быть только один: да, конечно, будет продолжаться, но Россия и революционный пролетариат, авангард революционной России, будет такого рода действиями обескровлен, обессилен и нет никаких гарантий, что это приведет к миру. Нам здесь говорят, что вообще гарантий никто дать не может. Мы их не даем. Но что они предлагают не только не дает ни одной гарантии, а дает все шансы за то, что их тактика приведет к гибели России. Мы этой гарантии не даем, но их тактика есть тактика, которая рассчитывает на гибель и провал русской революции, не сознательно, конечно, а бессознательно.

Мне странно, что здесь тов. Ленин, который подробно развивал нам сцену того, как мечи перекуются в орала, забыл об одном моменте своей прежней постановки вопроса. Мне странным кажется, что ни Ленин, ни тов. Каменев, который говорил от имени большевиков, не указали вам на то средство, которое раньше они пускали в ход, как средство, могущее привести к миру. Средство это, товарищи, братание, при чем братание не отдельно по полкам, по ротам, а организованное. Я очень рад, если можно с этой трибуны засвидетельствовать, что ораторы, официальные представители большевизма, не считают больше этого средства действительным средством в международном масштабе ликвидировать войну, но вместе с тем радость моя несколько омрачена тем, что в их изданиях все-таки эта невероятная, чудовищная мысль о том, что братание есть метод социалистического воздействия для окончания войны, что этот метод братания все-таки в других их литературных произведениях, обращающихся к широким массам, находит себе место.

И я надеюсь, что здесь не нужно разбивать этого метода потому, что он разбит, опрокинут самой жизнью. Кроме этих трех средств,—посадки под арест банкиров и разрыва с ними связи в виде отозвания из нашего правительства министров-социалистов, дезаннексий, братания,—у них есть еще одно средство: это средство—немедленное опубликование договоров. Об этом здесь так много говорили, что возвращаться к этому мне не хочется. Но мне желательно обратить ваше внимание вот на какого рода недопустимую, с точки зрения марксиста, постановку вопроса. «Начинается,—говорится в проекте пересмотра программы, изданной Центральным Комитетом с.-д. большевиков,—эра социалистической революции». Ясно, казалось бы, для всех марксистов, что эти эры должны начаться как раз в тех странах, где внешние, объективные условия именно таковы, что решительно все возможности для империалистического капитализма уже превзойдены и где поэтому на место империалистической буржуазии появляется [1]) новый класс,—класс пролетариата. Так должен бы, казалось мне, рассуждать марксист, но оказывается, что у них выходит это совсем по-иному. Оказывается, что именно у нас, в стране убогой, с полунатуральным еще хозяйством, в стране преимущественно еще крестьянского хозяйства, в стране, где население городов до сих пор не составляет не только половины, но и четверти всего населения,—в этой-то стране и должна начаться эра социалистических революций. И, товарищи, когда вам становится неловко от этой постановки вопроса, когда вы говорите, что есть изоляция России в огненной цепи

[1]) В подлиннике: «влечется».

кольца войны, то вам говорят, что ничего в этом плохого нет, что к вам на помощь придут другие угнетенные классы, другие угнетенные нации. Тов. Ленин уверял нас, что лишь только знамя социалистического восстания, а не такое, которое сейчас победило, победно пройдет по русской земле, как только правительство будет целиком состоять из Советов Рабочих и Солдатских Депутатов, то тотчас России прибегут на помощь угнетенные нации и страны. Какие же это страны и нации? Он перечислил: это Турция, это Персия, это Китай, т.-е. страны с наиболее отсталой социальной структурой, с наибольшими пережитками старых, я скажу, полуварварских времен. Эти-то страны обещает нам тов. Ленин спаять с нами для того, чтобы вместе с ними нести по Европе красное знамя социализма. Товарищи, ничего общего эта концепция о том, что Россия идет впереди, подпираемая Турцией и Персией, с марксизмом не имеет, но она имеет очень много общего с бакунизмом. (Плеханов: «Верно».)

Действительно, в старое время говорили о том, что Россия и вообще отсталые страны покажут гнилому Западу самую настоящую дорогу к социализму, и вот эта-то убогая концепция, мне казалось, давным-давно отмершая, мертвая и беспочвенная, начинает у нас здесь, в этом всероссийском парламенте, изображаться, как последнее слово научного социализма, привесенного с Запада. Товарищи, несомненно, что тактика, которая здесь вам преподносится как тактика, продиктованная научным социализмом, ведет вот к каким обстоятельствам. Внутри страны она, желая поставить у власти Советы Рабочих и Солдатских Депутатов, сейчас же, мгновенно, на другой день, поведет к постановке внутри этих Советов вопроса о том, что у власти должен быть поставлен только пролетариат. Она ведет к изоляции революции внутри страны; не к расширению базы нашего влиявия ведет она, не к тому, чтобы от нас,—что для всех ясно,—были [от]брошены заведомо реакционные силы, проявившие себя в действии, а к тому, чтобы мы были изолированы. Эта тактика к такой же безумной изоляции ведет и всю революционную Россию, она отрывает русскую революционную демократию, буквально на-отрез отрывает, от всех демократий Запада.

Конечно, пролетарские демократии совершили ряд тяжких ошибок и в Германии, и во Франции, и в других странах,—массу одинаковых ошибок. Я знаю, что освобождение пролетариата из-под господства доминирующих классов волею судьбы оказалось вовсе не такой легкой задачей, какой она казалась некоторым из товарищей, сидящих налево, и эти трудности нужно нам учитывать. Но, товарищи, если [бы] мы неосторожными нашими действиями, под влиянием демагогических заявлений о том, что в три месяца мы не дали, будто бы, ничего реального, вступили на путь, рекомендуемый большевиками, мы не поможем пролетариату Запада освободиться из-под власти буржуазии, а наоборот, забыли при этом, что за эти три месяца произошло не только создание таких органов, как это собрание, как [Съезд] Р. и С. Д., которое и сам Ленин считает величайшим проявлением народной революционной энергии, но и забыли о том, что за это время, впервые за сто лет европейской истории, мы организованной волей русской революции заставили наложить штемпель правительства, ибо впервые за сто лет, — необходимо усвоить это,—правительство наше заговорило настоящим революционным языком. Правительство, — не только пролетариат, но и те слои буржуазии, которые до известной степени идут вместе с пролетариатом, — заявило во всеуслышание всей Европе и всему миру, что мы, организованная воля русского народа и правительство, будем бороться с империализмом, откуда бы он ни исходил. Так вот, товарищи, если вы усвоите этот факт непрерывного нашего усиления, врастания нашего в землю, то, конечно, вас не должны смутить

демагогические возгласы с той стороны, что практически ничего не сделано.

Товарищи, это анархисты нам всегда говорили, — когда мы говорили, о том, как трудна и сложна тактика рабочего класса, что на каждом шагу она натыкается на проволочные заграждения, что на этом пути лежат скрытые капканы и ямы, что нужен долгий, упорный труд, для того, чтобы, развивая последовательно нашу тактику и идя к нашей конечной цели, уметь проходить через эти проволочные заграждения,—анархисты нам говорили: «Да это все слова, слова, слова, это все организация, организация,—где ваша непосредственная цель?» И вот теперь, скажу, мы дожили до того, что целая часть русского социализма, воспитанная, очевидно, под влиянием этого анархического настроения, предъявляет к нам запросы, на которые нет и не может быть ответа, кроме того, который мы здесь даем.

Тов. Ленин на этой трибуне вам всем говорил о том, что над нами за границей смеются. Я, конечно, не знаю, в каких кругах общества и народа над нами смеются, но думаю, что, действительно, все должны хохотать над тем рецептом русской революции, который здесь нам преподносят товарищи-большевики. Я заявляю, что это неправда, — в Европе над нами не смеются; капиталисты и империалисты и всевозможные хищники нас боятся и ждут того, чтобы мы совершили неверные шаги. И на нас взирают, на нас с надеждой смотрят как раз те, которые так унижены и оскорблены, и друзья тов. Ленина, и Маклин и Либкнехт, конечно, они не смеются. Они ждут того могучего натиска, который их бы освободил из тюрьмы, так же, как он нас созвал в эту залу. Но, товарищи, действительно, сатанински посмеются за границей империалисты всех стран, в особенности германские, если план, развиваемый слева, вы попробуете осуществить. Какую великолепную картину распада и разложения представит из себя тогда революция! Если, товарищи, вы хотите, чтобы мы были победоносны, если хотите, чтобы мы не поддавались на демагогические зазывания той или другой стороны, мы должны итти тем путем, на который вступил Петроградский Совет Р. и С. Д. Это — единственный путь, который может вести Россию к окончательному укреплению революции и к скорейшему окончанию кровавой бойни. (Рукоплескания справа и в центре.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Слово имеет тов. Плеханов. (Продолжительные рукоплескания справа и в центре.)

ПЛЕХАНОВ. Товарищи, прежде всего позвольте мне поблагодарить вас за тот горячий привет, с которым вам угодно было ко мне обратиться. Этот привет тем дороже для меня, что на меня за мои воззрения на революцию и на задачи революции во время войны не раз сыпались такие обвинения, что когда о них вспомнишь, то делается стыдно, — не за себя, а за тех, которые с ними против меня выступали. Но я должен сказать, товарищи, что лично я никогда не смущался этими обвинениями. Иногда даже близкие мне друзья приходили ко мне и говорили, что мои противники в лагере революционеров стараются создать мне дурную репутацию; на это я вспоминал Дантона. Однажды к великому французскому трибуну пришли его друзья и сказали: «Ваши враги хотят запятнать ваше имя». Он на это ответил так: «Что̀ мне мое имя,—пусть запятнают мое имя, но пусть Франция будет свободна». Точно так же и я скажу, товарищи: пусть запятнают мое имя, пусть мое имя останется запятнанным в истории, но пусть русская революция восторжествует, пусть она не будет раздавлена под пятой германского империализма. (Рукоплескания справа.)

Затем, я должен сознаться, товарищи, что меня немножко удивило то обстоятельство, что как только я сегодня вечером явился в это заседание,— это, конечно, чистая случайность, но она довольно характерна, — мне прин-

лось сейчас же попасть, можно сказать, под неприятельский огонь со стороны, которую здесь называют левою. Я не знаю, нет ли тут известного терминологического злоупотребления, но, очевидно, термин этот у вас установлен. Так, гражданин Троцкий упоминал не без упрека то обстоятельство, что мое имя было подписано под воззванием, исходившем от военной «группы личного примера». Да, мое имя было подписано под этим воззванием, и, признаюсь, когда против меня и моих ближайших единомышленников, Дейча, В. Засулич, выступают с обвинением по этому поводу, я решительно не вижу оснований для какого бы то ни было обвинения; но раз тов. Троцкому угодно было выступить против меня с этим обвинением, угодно было выступить на меня с атакой немедленно после того, как я имел честь предстать перед вами, то я скажу словами Лассаля: «Я старый боец, мой щит усеян неприятельскими стрелами: одной стрелой больше, одной стрелой меньше,— это меня не испугает». Притом должен еще заметить, что та стрела, которую угодно было направить против меня гражданину Троцкому, оказывается, к сожалению, — я сожалею за него, — недостаточно заостренною.

В чем, собственно, дело, в чем преступление в данном случае, или,— не скажу преступление,—в чем проступок такой, который заслуживал бы хотя малейшего упрека? «Группа личного примера», заметьте, не такая группа, которая требует каких-нибудь наказаний, не такая, которая говорит: к солдатам нужно применить то-то и то-то, такую-то дисциплину,—нет, она говорит: по нашему мнению, настроение в нашей армии очень неудовлетворительно; по нашему мнению, боевая мощь России падает, мы должны личным примером поднять дух армии. Что же тут плохого, товарищи: подавать личный пример в том деле, которое люди, подающие этот пример, считают хорошим? Подать личный пример в этом деле даже анархисты разрешают, и я лично не понимаю, почему товарищи слева, по крайней мере, гражданин Троцкий огорчается этим обстоятельством? Личный пример подать никому не запрещено, тем более, если этот пример связан с самоотвержением, с героическим выступлением против врага. Говорят, в этом воззвании много грубых преувеличений; указывают на то, что, в сущности, в нашей армии настроение не падает, деморализации нет, а есть только известное недоумение и возникает вопрос о целях войны. Наша армия не выяснила себе целей войны, именно поэтому она и находится в том состоянии, которое некоторым из нас, проникнутым излишним пессимизмом, кажется нравственным разложением духа русского солдата. Так ли это, товарищи, на самом деле? Я спрашиваю вас, и, конечно, всем вам известно, что было огромное количество дезертиров из нашей армии; говорят, что число их достигает двух миллионов. И вот, я спрошу вас: что же, — неужели эти дезертиры оставляли свой пост, покидали окопы, покидали винтовки за тем, чтобы итти в деревню справляться у своих баб и деревенских стариков о целях войны? Так ли это? Нет. Разумеется, они оставляли армию не потому, что им хотелось выяснить себе цель войны, а потому, что они просто в войне не хотели принимать участия. Каждый шел за себя, каждый шел в одиночку, а если складывались в данном случае кучки, то единственно с целью побега. А на местах знаете, что происходило, какие страшные беспорядки учинялись теми же дезертирами?

Это ли свидетельствует о высоком подъеме духа у армии? Нет. Гражданин Троцкий сослался на один рассказ Глеба Успенского, в котором есть сравнение психологии русского народа с воблой. Он говорит, наша революция разрушила эту психологию. Я должен заметить, что этот рассказ, очевидно, нехорошо сохранился в памяти гражданина Троцкого. Психология воблы, жизнь воблы в данном случае не при чем. Всякий, кто знает, как

складываются животные общества, скажет, что эта рыба даже обществами не живет, — каждая единица живет отдельно, и никогда, разумеется, вобла не ставила перед собой каких-нибудь целей, которые заключались бы в дурно или хорошо понятой защите общих интересов. В том-то и дело, товарищи, что психология воблы — психология индивидуума, который хотя и живет в кучке, но еще не дорос, не поднялся, не возвысился до осознания общегражданских интересов. Психология этой воблы живет и в наших дезертирах, живет во всех тех солдатах, которые уходят из окопов и говорят: «ну вас совсем, я пойду к себе!» Это и есть психология воблы. Революция ее, к сожалению, не разрушила. И когда мы видим это, мы говорим словами Некрасова: «видит имеющий очи и за отчизну болеет». Как же не болеть за отчизну в самом деле? Вспомните некоторые примеры революций, вспомните английскую революцию XVII века. Товарищи, солдаты Кромвеля были лучшими солдатами своего времени: когда они выпили напитка революции, сердца их забились мужеством, у них явилось желание постоять за общее дело. Французские солдаты были лучшими солдатами своего времени: они, босые, голодные, одерживали такие победы, как победа под Жемаппом, под Валли; они не боялись наступления, они шли в наступление, потому что, опять-таки, в их сердцах революция разрушила психологию воблы, они возвысились до сознания общей цели. К сожалению, повторяю, у дезертиров, у людей, настроенных подобно им, эта психология воблы преобладает; ее нужно разрушить. Конечно, очень жаль, что она еще не разрушена. Разрушению этой психологии обязан способствовать каждый из нас личным ли примером, организованными или совокупными действиями, или, наконец, действиями нашего правительства, которое теперь является выражением воли страны. Но для того, чтобы разрушить эту психологию, нужно разъяснить сознание солдата точно так же, как и сознание той массы народной, которое, к сожалению, просвещено еще не вполне. А я утверждаю, что та тактика, которую рекомендуют. хотя бы по отношению к армии, наши противники, она не разъясняет народное сознание, она затемняет его. Вместо того, чтобы выяснить перед нашими солдатами, перед нашим народом цели той революционной войны, которая в настоящее время ведется, они не выясняют этих целей, а, напротив, выставляют их [1]) в таком тумане утопии, что народ окончательно теряется, — по крайней мере, часть народа, солдаты перестают понимать что бы то ни было, и из-за этого происходит разложение нашей армии, упадок ее боевой мощи.

Нам говорят, — и этот упрек обращается не собственно лично ко мне и моим ближайшим единомышленникам, он обращается, между прочим, и к нашему Временному Правительству, — это правительство упрекают в том, что оно недостаточно энергично напирает на наших союзников, что оно не грозит нашим союзникам сепаратным миром. Да, товарищи, сепаратный мир, это было бы самоубийство русской революции. Россия оказалась бы оторванной от союзников, лишенной военных припасов, финансовая система ее была бы окончательно подорвана, вместе с тем нам грозила бы с востока Япония, а Германия, видя нас совершенно изолированными, диктовала бы нам совершенно беспрепятственно свои условия. Россия была бы совершенно раздавлена; Россия в экономическом и политическом смысле была бы поставлена в такие условия, при которых ее развитие делалось бы если не окончательно невозможным, то, во всяком случае, чрезвычайно сильно замедленным, и это замедление нашего экономического и политического развития отразилось бы прежде всего на интересах нашей революции, на развитии

[1]) Далее в подлиннике следует: «в таком тумане от фракции».

пролетариата и революционных сил в народе. Мы превратились бы в нечто в роде Китая на востоке Европы, и, разумеется, такого застоя мы не желаем и желать не можем. Гражданин Троцкий говорит нам: «Да, изолированная таким образом Россия провозгласила бы своей целью социальную революцию и обратилась бы с призывом к народам всех других стран».

Один из предыдущих товарищей, возражавших гражданину Троцкому, сказал нам: да ведь это — старая бакунинская тактика, и он был совершенно прав; это именно старая бакунинская тактика. Гражданин Троцкий говорил: вы требуйте гарантий; боритесь [1]) за то, что есть, приглашайте только поставить такую цель, гарантию же мы не можем вам дать. Но вышло из его дальнейших рассуждений: «смелым бог владеет», и, во всяком случае, нам нужно сделать эту попытку. Но, ведь, это же и есть старая постылая бакунинская тактика. Бакунин говорил: каждый проповедует святое дело. Бунт, как бунт, хотя бы и подавленный, оставляет такой след, который будет способствовать дальнейшему революционному воспитанию народа. Это то совершенно ошибочное представление, которое было устранено из рядов русских социалистов по мере распространения в их среде марксистских понятий. Тов. Троцкий отстаивает решительность революционных действий. Решительность действия — прекрасная вещь, но надо знать, в каких условиях это совершается. Решительность — прекрасная вещь, но надо, чтобы решительность сопровождалась сообразительностью. (Смех.) Если же этого не будет, то сама решительность, вместо того чтобы нанести удар врагу, нанесет удар нам самим. По этому поводу, раз уже речь идет о войне, позвольте мне вспомнить, как во время севастопольской войны...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Тов. Плеханов просит еще 10 минут. (Голоса: «Просим, без ограничения времени».)

ПЛЕХАНОВ. Итак, товарищи, благодарю вас за продление срока моей речи. Итак, во время севастопольской кампании покойный граф Толстой сочинял стихи на решительность действий некоторых русских генералов. В стихотворении Толстого дело изображалось так: предлагали переходить в наступление генералу Липранди, а Липранди говорит: Липранди, — нет, атанде, нет, мол, не пойду. Вы пошлите на них Реада, а я посмотрю. А Реад был именно решительным генералом, сторонником решительного способа действий, и его послали именно потому, что он отличался если не умом, то решительностью. Так вот: «Ура, мы зашумели, да резервы не поспели» — и поспеть не могли. Но что из этого произошло? «На Федюхины высоты, — продолжает стихотворение, — нас пришло всего три роты, а пошли полки», и дальше повторяется, «а пошли полки». Так вот, во избежание такого поражения, при котором из целых полков революционной армии, — заметьте, — при отступлении пришли бы только роты, мы и предупреждаем вас от решительных генералов Реадов, а такие генералы не только в рядах старого правительства существовали, они, к сожалению, есть и теперь, и эти генералы Реады, которые кричат «ура», спросту ведут нас, эти генералы ничего, кроме поражения, нам не обеспечат и обеспечить не могут. Я сказал, товарищи, что тактика, которую нам предлагает г. Троцкий, есть не что иное, как старая тактика бакунизма. К этому я прибавлю и, расширяя свою мысль, скажу, что не только гражданин Троцкий рассуждает à la Бакунин, — нет, все те, которые в своих рассуждениях о войне повторяют те же самые аргументы, — а надо сказать, что большим разнообразием эти аргументы никогда не отличались и теперь не отличаются, — так все эти товарищи рассуждают совершенно по-бакунински.

---

[1]) Первоначально: «вы боретесь».

Действительно, странное дело, товарищи. Если взять наши взгляды на войну, наши исходные точки, то выйдет, к изумлению, что во многих отношениях мы совершенно согласны. Чтобы убедить вас в этом, я позволю себе прочитать несколько строк из одной брошюры, написанной человеком, чрезвычайно далеко отстоящим от меня по своим взглядам на войну, как и от огромного большинства из вас. Брошюра озаглавлена: «Кому нужна война». [146] Он пишет (читает): «Войны прекратятся только тогда, когда сломлена будет власть капиталистов, когда отнята будет у собственников и эксплуататоров возможность вредить народу, толкать его на путь кровавых схваток». «Что же делать, чтобы прекратить войну?» — продолжает автор. — «Надо отобрать все фабрики, все заводы, все промышленные заведения господ капиталистов, надо захватывать землю у помещиков, копи и шахты у всех владельцев... Когда сам народ будет владеть всем народным богатством, когда сам будет управлять государственной казной, когда сам будет заботиться об интересах всех граждан, о процветании родного края, стремиться к насаждению добрых отношений между собой, тогда не будет больше войн».

Да, это верно. Ведь смысл этого утверждения сводится к тому, что, когда утвердится на земле социализм, когда исчезнет эксплуатация среди общества, тогда, как говорили еще авторы Коммунистического манифеста, прекратится эксплуатация одного народа другим, а так как война имеет источником эксплуатацию одного народа другим, то прекратятся и войны. Это совершенно верно. Мы согласны с автором брошюры «Кому нужна война». Мало того, тут мы согласны и с анархистами. Далее автор говорит: «так как теперь началась война, сделайте так, чтобы власть перешла к рабочим, отнимите капиталы, осуществите социализм, и будет хорошо». Но ведь это всегда говорят анархисты; каждый раз, когда поднимается вопрос об уменьшении пределов капиталистической эксплуатации, анархисты выступали против нас.

Читайте сейчас историю Второго Интернационала, где говорится: эксплуатация капиталом труда прекратится только в социалистическом обществе. Когда будет социализм, тогда не будет эксплуатации. Это совершенно справедливо, но из этого какой вывод они делают? Они делают вывод: будем звать народы немедленно к социалистической революции. Тут-то мы, социалисты, и мы, марксисты, не могли с ними согласиться. Позвольте напомнить один пример, который, может быть, вышел из памяти многих, да, может быть, в своем конкретном виде многим из вас не был известен, потому что, чтобы знать его, нужно хорошо знать историю Второго Интернационала. На Парижском международном съезде в 1889 г. был поставлен вопрос о 8-часовом рабочем дне. Говорили: для того, чтобы организовать рабочий класс, нужно уменьшить эксплуатацию наемного труда капиталом; для того, чтобы добиться этого, нужно ввести 8-часовой рабочий день; для того, чтобы этого добиться, они решили праздновать 1 мая. Все идет оттуда.

Когда было сделано это предложение, осуществление которого, как вы знаете, принесло чрезвычайно много пользы всемирному пролетариату, вы знаете, что говорили анархисты? Они восставали против нас самым жестоким образом; они говорили нам: вы изменяете пролетариату. Почему? Потому что эксплуатация пролетариата прекратится только в социалистическом обществе. Поэтому нужно звать пролетариат не к фиксации 1 мая, нужно добиваться не 8-часового дня, а нужно, — дальше шла эта самая литания, ектения, — нужно отобрать фабрики от капиталистов, нужно то-то, нужно другое, — как раз то самое, что говорится в брошюре, написанной

человеком, который наверное считает себя марксистом. В этом было расхождение нашей тактики, социалистической, марксистской, с тактикой анархистов.

То же самое в вопросе о войне. Нам говорят: войны прекратятся только тогда, когда восторжествует социализм. В общем, это — содержание социализма. Но точно так же, как и в вопросе эксплуатации труда капилом, мы говорим, что немедленный социалистический переворот невозможен. Мы говорим нашим противникам слева так, как мы говорили тогда нашим противникам из лагеря анархистов. Точно так же, как мы им говорили: так как немедленный социалистический переворот невозможен, то нужен паллиатив, нужно ограничение рабочего дня и т. д.

Как тогда, так и теперь мы говорим: так как немедленный социалистический переворот невозможен, то нужен известный паллиатив. И вот одним из этих паллиативов являются те способы войны, которые вам здесь предлагаются. Отвергнуть эти способы—значит отвергнуть весь социалистический способ действий и стать на анархистскую точку зрения. Конечно, все, что можно предложить, сказав, что сейчас немыслим социалистический переворот, это — паллиатив, но так как переворот действительно немыслим, то можно предложить только паллиатив. Несомненно, что какой бы оборот ни приняла война, какой бы ни был благоприятный исход этой войны для дела демократии всего мира, несомненно, что так как демократия не в состоянии будет сделать сейчас же социалистический переворот, то война может вспыхнуть и в будущем. Но ведь из этого не следует, что нужно вести себя так, чтобы война, которая теперь ведется, окончилась неблагоприятно для дела демократии. Из этого не следует, что война, которая теперь ведется, должна окончиться торжеством германского империализма, самого организованного, самого сознательного и потому самого страшного из всех видов империализма.

Что касается той анархической тактики, которую предлагал нам здесь гражданин Троцкий, то несомненно, что если бы всемирный пролетариат держался этой тактики, то она привела бы именно к упадку дела демократии и к торжеству милитаризма. Это было признано еще Вторым Интернационалом, это было признано на Цюрихском международном съезде в 1893 г. Тогда же было выяснено анархистам, которые предлагали нам сегодня эту тактику, что если мы теперь, как только вспыхнет война, — тогда уже говорили о возможности войны, — если мы, социалисты, в каждой отдельной стране попытаемся сделать социалистическую революцию, призывая народы подражать нам, то из этого вышло бы, что в той стране, где по тем или иным причинам в данное время влияние социалистических партий на пролетариат было бы сильным, в этой стране военная мощь пролетариата была бы ослаблена. Пролетариат, создав у себя социалистический строй, не мог бы давать отпора внешнему врагу. Наоборот, в той стране, где влияние социализма по тем или иным причинам было бы слабым, там милитаризм продолжал бы свое дело, и в результате такого способа действий вышло бы то, что страны, наиболее пропитанные духом социализма, пострадали бы, оказались бы побежденными теми странами, в которых социализм пока еще, по той или другой причине, не имеет никакого решительно воздействия на массы. Словом, тогда признана была бы такая тактика услугой делу империализма. Говоря это, я не рассуждаю, это не теоретический вывод, это не гипотеза. Это факт. Кто хочет знать историю Второго Интернационала, тот может посмотреть протоколы Цюрихского съезда 1893 г. Там есть соображения, во имя которых была отвергнута анархическая тактика, при одобрении самых выдающихся вождей всемирного пролета-

риата. Туда [1]) к концу съезда приехал Энгельс, там был [2]) старый Вильгельм Либкнехт, Бебель. Как говорила буржуазная пресса, на Цюрихский международный съезд приехал социал-демократический папа — Фридрих Энгельс, окруженный своими кардиналами от всех стран цивилизованного мира. На этом Съезде эта тактика решительно была отвергнута, как тактика, которая была бы услугой милитаризму. Это надо и знать и помнить, товарищи. Горе тем, которые забывают это, горе тем, которые забывают историю Первого Интернационала и хотят устроить Третий Интернационал на основе, противной всем традициям того Интернационала, который был основан, Первый и Второй Интернационалы, или непосредственно Марксом, или Энгельсом, или под их глубочайшим влиянием. Вот почему и теперь, товарищи, если бы мы усвоили в своем отношении к войне ту тактику, которую нам рекомендуют слева, то это было бы ни чем иным, как огромной услугой Вильгельму и его приспешникам. Мы, желая бороться с милитаризмом, в сущности явились бы слугами милитаризма. Эту услугу мы не должны оказывать ни ради нас самих и ни ради тех демократических стран, которые борются рядом с нами.

Я не хочу злоупотреблять вашим вниманием (голоса: «просим»), но мне хотелось бы сказать еще два слова в защиту тех стран, о которых здесь говорили таким языком, который, мне кажется, не приличествует настоящему положению дела. Товарищи, здесь говорили рядом с нами, — это говорил товарищ, который не соглашался с гражданином Троцким, — что же, с нами рядом борется Франция, нам все равно, откуда бы ни шла помощь. Граждане, помощь, идущая от Франции, идущая от демократической республики, или помощь, идущая от Англии, которая есть одна из самых демократических стран в мире, — эта помощь не такая вещь, к которой можно было бы относиться с презрением, и почти нужно было бы извиняться, принимая ее. Это странно, этого я не понимаю. Нет, Франция есть демократическая республика, и если мы не думаем, что мы у нас, в России, можем немедленно осуществить социалистический строй, если мы думаем, что нам придется примириться с буржуазной республикой, то мы должны уважать и Французскую республику. Это ясно. Здесь, на одном собрании, когда я упомянул о Франции, кто-то из публики воскликнул презрительно: «а, буржуазная республика». Тогда я, обращаясь к этому товарищу, сказал: «товарищ, вы, повидимому, воображаете, что Германия представляет из себя социалистическую республику. Вы очень ошибаетесь. Германия очень далека от социалистической республики. Германия есть страна юнкеров и капитанов промышленности, за которыми, к сожалению, до сих пор еще во имя империалистических стремлений идет значительная часть германского рабочего класса. Вот что такое Германия». И в интересах будто бы социалистических, будто бы международного беспристрастия так пренебрежительно относиться к Франции, как к буржуазной республике, нам, для которых буржуазная республика является еще пока идеалом, потому что она не утверждена Учредительным Собранием, нам нет ни малейшего основания. Наоборот, так как мы убеждены, — а я думаю, что в этом убеждено огромное большинство этого Съезда, — так как мы убеждены, что немедленное осуществление социалистических идеалов невозможно в России, да и за границей невозможно, так как мы убеждены в этом, то нам приходится выбирать из двух зол меньшее. Разумеется, из двух зол, которые бы нам могли представиться, союз с Германией и Австрией, с Вильгельмом и Карлом, или, с другой стороны, союз с Англией, создавшей наиболее демократическую

---

[1]) Слово: «Туда» вписано над зачеркнутым: «Там». — [2]) Слова: «там был» вписаны.

конституцию в мире, и с Францией, которая сделала великую революцию, разумеется, это есть то зло, которое представляется наименьшим. И мы должны итти туда.

Нам говорят еще: вы немедленно должны выяснить все дальнейшие цели этой войны. Вы должны доказать, что вы не преследуете никаких империалистических целей. Да, конечно, если мы социалисты, то мы никоим образом не должны позволять себе преследовать какие бы то ни было империалистические цели. Тот, кто преследует империалистические цели, есть не социалист. Вот почему ваш покорный слуга вам говорит, что он не считает возможным итти в Стокгольм на конференцию, потому что там ему пришлось бы встретиться с людьми, несомненно, преследующими империалистические цели — с Шейдеманом и аггелами его [147].

Мы не должны преследовать эти цели и мы должны заявить это. Разве это не заявлено в декларации нашего Временного Правительства? Декларация категорически заявила, что правительство преследует цели заключения мира без аннексий и контрибуций, на основе свободного самоопределения народностей. Разве это не выяснение целей? Разве наши солдаты на фронте должны, покидая окопы, бежать в свою деревню, чтобы справляться у старухи Аксиньи или у старика Федота, каковы истинные цели войны? Эти цели указаны. Нужно помнить, что это главная цель; а в настоящее время что мы видим? В настоящее время мы видим Сербию, раздавленную австрийским сапогом. Мы видим Бельгию, превращенную в кровавое озеро. Мы видим значительную часть французских провинций, в которых германская армия, к сожалению, составленная на целую треть из социал-демократов, не оставляет камня на камне, вырывая из земли даже плодовые деревья. В настоящее время мы видим, что значительная часть России занята германскими войсками. Вот, что мы видим в настоящее время. И теперь. когда это происходит, когда дело находится в таком положении, когда Германия является победоносной на всем фронте, нам говорят: о, защищаться, конечно, нужно, но главное, чтобы не пересолить, чтобы не оказаться империалистами по отношению к Германии. Товарищи, не напоминает ли это вам, всем, проходившим гимназию и учившимся русской литературе, известную сцену из «Недоросля», когда Митрофанушка рассказывает о своем сне и его мать спрашивает: «какой же ты сон видел?» — «Я, маменька, видел сон, что вы били папеньку. И мне стало жалко». — «Кого же, Митрофанушка?» — «Тебя, маменька, ты так устала, бивши папеньку». Так и о Германии приходится сказать, что они со своими союзниками и с Австрией устали, бивши нас с союзниками. Если они устали, это лучше для дел мира, — скорее мир будет заключен.

Все мы стремимся к миру. Война на всех нас наложила тяжелое иго, на шею всех народов цивилизованного мира. Наша шея изранена этим ярмом, этим игом. Для того, чтобы скорее заключить этот мир, нельзя сидеть сложа руки, нужно действовать, нужно, чтобы наши души проникались могучей боевой энергией французского конвента, французских монтаньяров, которые [не]бежали за границу, но которые говорили: не может быть речи о мире до тех пор, пока нашу территорию попирает враг своей пятой. Вот о чем нужно говорить. Когда мы сбросим со своих плеч иго неприятеля и когда мы увидим, что наши противники задаются империалистическими целями, мы скажем: руки прочь, наступил момент для заключения мира на основе свободы, на основе свободного самоопределения народов. Когда мы заключим этот мир на основе этой формулы, при таких условиях дело мира будет прочно, и тогда каждый наш потомок в России и в других странах скажет о нас, что мы оказали огромную услугу делу свободы, делу про-

гресса во всем цивилизованном мире. Этим я заканчиваю. (Аплодисменты.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Товарищи, опять подтверждаю, что скоро будет внесен чрезвычайно серьезный вопрос, и поэтому прошу не расходиться.... (Голоса: «Поздно».) Товарищи. покорнейшая просьба быть спокойными. Слово принадлежит тов. Лапинскому.

ЛАПИНСКИЙ. Товарищи, я хотел бы после речи предыдущего оратора вернуться к той актуальной действительности, которая нас самым живым образом занимает. Я хотел бы припомнить тот ответ, который был дан правительствами союзных держав на предложение русского Временного Правительства отказаться от захватных целей и контрибуций. У меня создается впечатление, что пока Съезд недостаточно отчетливо посмотрел этой действительности в лицо. Характерным уже явилось то, что когда ответ союзников появился в Петрограде, то он мог благополучно несколько дней пролежать в петроградских дипломатических канцеляриях без того, чтобы мы, все руководящие круги нашего Совета, слишком обеспокоились... (Шум.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Покорнейше прошу не шуметь.

ЛАПИНСКИЙ... без того, чтобы Петроградский Совет проявил хоть каплю того святого беспокойства, о котором недавно говорил тов. Церетели, особенно на последнем заседании Совета Рабочих и Солдатских Депутатов [148]. Как же выглядел этот ответ?

Мы знаем, союзники в принципе выражают свое платоническое согласие на конференцию, где были бы пересмотрены эти договоры. Но по существу вопроса, — готовы ли они отказаться от захватных целей, от захватов и контрибуций, — они дали русской демократии весьма категорический ответ. Единственный результат, которого добилось русское Временное Правительство с этой стороны, является то, что наши союзники еще точнее и еще яснее, по крайней мере сравнительно, определили свои империалистические цели. Мало того, если до сих пор со стороны Франции, по крайней мере из официальных мест, мы слышали только об Эльзас-Лотарингии, только об ее присоединении, как единственной цели войны, то на этот раз в ответе Временному русскому Правительству мы в первый раз могли констатировать, что французское правительство в толковании привычной формулы гарантии прочного мира стало на позицию, до сих пор занимаемую в самой Франции только худшими реакционными шовинистами. Этой формуле в речи Рибо, которая предрешила ответ союзников, дано было открытое аннексионистское толкование... (Голоса: «А Германия?») Разрешите, скажу и о Германии... Об Италии говорить не приходится. Прежде чем ответить словом, [она] ответила делом, прикарманивая себе Албанию и превращая в ничто Лондонский договор, обойдясь с ним, как с лоскутом бумаги. Даже президент Вильсон счел необходимым в ответе русской демократии протестовать, — против чего, товарищи? Против тех властолюбивых планов, которые имеет правящий класс германский на всем пути от Берлина до Багдада, т.-е. определенно стал на сторону Англии и ее конкуренции с Германией на линии Берлин — Багдад, т.-е., иначе говоря, расписался под аппетитами английского правительства на Месопотамию и Аравию.

Вот существо ответа, который был дан русскому Временному Правительству и стоящему за ним Совету Рабочих и Солдатских Депутатов в ответ на известную ноту Временного Правительства. Я спрашиваю вас теперь, товарищи, на чем основаны наши надежды? Что если русское Временное Правительство, вместо того, чтобы в дальнейшем переписываться дипломатическим путем со своими союзниками, созовет через 4 — 6 недель конференцию, то союзники дадут другой ответ. Я опасаюсь, что эта на-

дежда покоится на чистейшем конференционном фетишизме, — надежда на то, что эти люди, представители этих правительств, вместо того, чтобы отвечать порознь, соберутся вместе, то от этого неожиданно произойдет перемена их позиции. Правда, нам было сказано вчера и позавчера министром земледелия Черновым, что, конечно, мы не так наивны, — мы, социалисты, понимаем, что одна идейная красота революции не сможет видоизменить подлинных намерений союза правительств. Какой же вывод они делают? Они делают вывод, что необходимо созвать конференцию уполномоченных представителей социалистической европейской демократии и с ними установить нормы воздействия на их правительства и тогда уже встретиться с представителями правительств. Одним словом, вся схема, вся надежда построена на том, что одна конференция должна предупредить другую.

На чем основана надежда, базирующаяся на первой конференции, — на конференции вождей европейского социализма? Товарищи, что касается вождей большинства социалистических партий союзных стран, то мы видели уже более или менее видных из них здесь, и здесь они вели переговоры с уполномоченными представителями российской революции. Какие же ответы они дали? С чем приезжал сюда Гендерсон? С тем, чтобы требовать от русской революции санкции на аппетиты британского правительства на Месопотамию и Аравию. С чем приезжали итальянские эмиссары, г. г. Сидней и Соннино? Они не постыдились выразить фактически свою солидарность, с теми или другими оговорками, с видами Италии на славянскую Далмацию, которые столь возмущали в свое время даже партию г. Милюкова. Здесь были другие, — здесь были Мутэ и Кашен. Какую пользу извлекли они из пребывания в России? Единственную пользу, — что они пришли к тому убеждению, что русскому пролетариату, юной русской демократии приходится сделать чисто словесные, вербальные уступки. В какой области? В области идеологии: придется переименовать аннексию в дезаннексию и контрибуцию в возмещение убытков. Примером этого может служить прецедент, что для того, чтобы убедить французский парламент в необходимости этих словесных, ничего не значащих уступок, пришлось потребовать от него тайного заседания. Вот единственный практический результат, какого мы добились в этой области.

В последние дни произошел еще новый факт, относительно которого, по неизвестным мне причинам, мы до сих пор очень мало слышали со стороны представителей Исполнительного Комитета. Товарищи, министр французский Тома и министр-социалист английский Гендерсон в кратком письме Петроградскому Совету выразили весьма явно и недвусмысленно свое отношение к созванию конференции [149]. Оба они отказались сразу прекратить политику национального единения со своими буржуазными классами, т.-е. ответили отказом на то, что требовала от них, как необходимого условия международной борьбы за мир, русская демократия. Кроме того, оба они в той или другой форме потребовали предъявления себе списков созываемых на конференцию партий. Что за этим скрывается? Это слишком ясно. И французские, и английские социал-патриоты не желают встречаться с немецкими социал-патриотами; они стараются свести русскую демократию на ту позицию, которая давно уже занимается французскими социал-патриотами, которые желают ставить встречу с их немецкими коллегами в известные для них неприемлемые предварительные условия. Поспешил и тов. Шейдеман дать ответ русской демократии, — ответ такой же ясный и такой же недвусмысленный. Стокгольмское бюро опубликовало заявление его и его друзей об отношении их к вопросу мира. Что говорит Шейдеман? [150] Он готов дать право самоопределения нациям, признать его за Польшей, Финлян-

дией, за колониями всего мира, конечно, за исключением немецких и Эльзас-Лотарингии.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Время истекло. (Голоса: «Довольно.»)

ЛАПИНСКИЙ. Я спрашиваю вас, товарищи, на чем основана наша надежда, что если теперь Шейдеман, Тома и Гендерсон и другие, вместо того, чтобы говорить порознь, соберутся вместе, — что от этого переменится, на чем базируется надежда, что они переменят радикальным образом свою тактику? Я опять отвечу: ни на чем! Эти люди связаны всем своим прошлым за все время войны органически со своим отечественным империализмом. Все это прошлое их обрекает фатальным образом на служение контр-революции. Революция явилась бы для них самоубийством, и они перестали бы быть нужны их правительствам, а рабочие массы от них отвернулись бы...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Товарищи, я не могу продлить речи оратора, не проголосовав вопроса относительно продления. Я вас предупредил за три минуты. Товарищи, я ставлю на голосование, угодно ли вам продлить речь тов. Лапинского? (Баллотировка.) Отклонено. Слово предоставляется тов. Чхеидзе.

ЧХЕИДЗЕ. Товарищи, я должен сказать вам несколько слов не по тому вопросу, который у нас сейчас обсуждается, а, по моему мнению, по более существенному вопросу. По имеющимся у нас точным сведениям завтра у нас, в Петрограде, предполагаются большие демонстрации [151]. Есть совершенно определенные призывы к выступлению завтра. По нашему учету, завтрашний день, товарищи, если не будут приняты соответствующие меры вами, Съездом, завтрашний день может быть роковым. Поэтому, товарищи, мы просим вас не расходиться, ибо, быть может, вам сегодня придется заседать здесь целую ночь. Я прошу товарищей не расходиться и призвать тех, которые в коридорах. Сейчас будет вам сделан подробный доклад о положении дела и будут вам предложены соответствующие меры и резолюции, которые выработает ваш президиум.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Товарищи, было выражено пожелание сделать перерыв на полчаса, но с одним условием: чтобы через полчаса собрание было бы в полном сборе и не расходиться. (Шум.) Товарищи, заседание не закрыто, прошу занять места. Спокойствие, товарищи. Сделано предложение о перерыве на полчаса при том условии, чтобы через полчаса все здесь были. Ставлю на голосование вопрос о перерыве на полчаса. (Баллотировка.) Меньшинство. Товарищи, я хочу вам сказать, что мы сейчас если не сделаем перерыва, то будем продолжать порядок дня прежний. Это для вашего сведения, ибо приступить мы только сможем к обсуждению вопроса, когда самый вопрос будет известным образом подготовлен. Поэтому я еще раз ставлю на голосование этот вопрос, полагая, что он не совсем был ясен. (Баллотировка.) Объявляется перерыв на полчаса.

(Перерыв был объявлен в 10 час. 40 мин.).

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Заседание возобновляется. Сейчас вам будет сделан маленький доклад по тому вопросу, о котором я вам говорил, но предварительно прошу вас иметь в виду, что завтра, в 8 час. утра, Съезд будет заседать в Таврическом дворце [152]. Слово принадлежит тов. Гегечкори.

ГЕГЕЧКОРИ. Товарищи, я напомню вам, что вчера по моему докладу вам угодно было принять воззвание, или обращение, к рабочему населению Выборгской стороны, и в п. 4 этого воззвания вы совершенно определенно и ясно сказали следующее: «Съезд признает совершенно недопустимым и крайне опасным для дела революции устройство вооруженных демонстраций без прямого постановления от Петроградского Совета». Товарищи, какими

мотивами вы руководствовались, принимая и определяя, повторяю, исключающее всякое сомнение, решение? Об этих мотивах тут распространяться не приходится. Вы этим самым сказали, товарищи, что единственной авторитетной организацией рабочей революционной демократии, по призыву которой рабочая масса может и должна выступить на улицу, является Совет Рабочих и Солдатских Депутатов. Этим самым, товарищи, вы с совершенной определенностью подчеркнули, что в единении, в организованности и дисциплинированности выступлений заключается та моральная политическая сила, которая является тем острым оружием, которым вы наносите удар врагам революции. И вот, товарищи, не прошло еще нескольких часов после этого вашего решения, как мы имеем дело с выступлениями, подрывающими в корне принятое вами решение. За вашей спиной, товарищи, подготовляется тот удар, который некоторые люди с нашей точки зрения враги революции, стараются нанести вам [1]). Что это так, товарищи, явствует из того документа, который находится в наших руках и который я, по поручению моих товарищей по президиуму, считаю долгом огласить. Это, товарищи, орган «Правды», оттиск этой газеты. Вот, что будет напечатано в завтрашнем номере этой газеты (читает):

«Всероссийская Соц.-Демократ. Раб. Партия.

Ко всем трудящимся, ко всем рабочим и солдатам Петрограда.

Товарищи!

Тяжелые испытания переживает Россия.

Война, уносящая миллионы жертв, все еще продолжается. Ее намеренно затягивают наживающиеся на войне миллионеры-банкиры.

Промышленная разруха, вызванная войной, ведет к приостановке заводов, к безработице. Ее намеренно обостряют жадные до сказочных барышей локаутчики-капиталисты.

Недостаток хлеба и прочих продуктов становится все ощутительнее. Дороговизна душит население. А цены все растут во имя прихотей мародеров-спекулянтов.

Зловещий призрак голода и разрухи носится над нами...

В то же время надвигаются черные тучи контр-революции.

Третьеиюньская Дума, помогавшая царю душить народ, требует теперь немедленного наступления на фронте, — для чего? Для того, чтобы потопить в крови добытую свободу.

Государственный Совет, поставлявший царю министров-вешателей, плетет в тиши предательскую петлю, прикрываясь именем закона, — для чего? Для того, чтобы в удобную пору выйти на свет и накинуть ее на шею народу.

А Временное Правительство, поставленное между царской Думой и Советом Депутатов, с 10 буржуа в своем составе, явно подпадает под влияние помещиков и капиталистов.

Вместо обеспечения прав солдат, — «декларация» Керенского, нарушающая эти права в ряде очень важных пунктов.

Вместо закрепления вольностей, добытых солдатами в дни революции, — новые «приказы», грозящие каторгой.

Вместо закрепления свободы, добытой гражданами России, — аресты без суда и следствия, повые предположения о 129-й ст., грозящие каторгой.

Вместо борьбы с контр-революцией, — попустительство разгулу и вакханалии контр-революционеров.

А разруха все растет, и — никаких мер против нее.

---

[1]) В подлиннике далее следует: «этот удар».

А война все идет, и — никаких действительных мер для ее прекращения.

А голод все надвигается, и — никаких действительных мер против него.

Можно ли удивляться, что контр-революционеры все наглеют, подбивая правительство на репрессии против солдат, матросов, рабочих, крестьян?

Товарищи! Молча терпеть дальше такие порядки нельзя! Молчать после всего этого преступно!..

Протест уже начинается в глубинах рабочих.

Мы — свободные граждане, мы имеем право протестовать и мы должны воспользоваться этим своим правом, пока не поздно.

Право мирной демонстрации остается за нами. Выйдем же на мирную демонстрацию и поведаем о своих нуждах и желаниях!

Пусть взовьются сегодня победные знамена на страх врагам свободы и социализма!

Пусть наш клич, клич сынов революции, облетает сегодня всю Россию на радость всем угнетенным и порабощенным!

Рабочие! Присоединитесь к солдатам и поддержите их справедливые требования: разве не помните, как они поддерживали вас в дни революции?

Все на улицу, товарищи!

Солдаты! Протяните руки рабочим и поддержите их справедливые требования: сила революции в союзе солдат и рабочих. Ни один полк, ни одна рота не должны сидеть сегодня в казарме!

Все на улицу, товарищи!

Стройными рядами шествуйте по улицам столицы.

Спокойно и уверенно, как подобает сильным, заявите о своих желаниях:

Долой царскую Думу!

Долой Государственный Совет!

Долой десять министров-капиталистов!

Вся власть Всероссийскому Совету Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов!

Пересмотреть «декларацию прав солдата»!

Отменить «приказы» против солдат и матросов!

Долой анархию в промышленности и локаутчиков-капиталистов!

Да здравствует контроль и организация промышленности!

Пора кончить войну! Пусть Совет Депутатов объявляет справедливые условия мира!

Ни сепаратного мира с Вильгельмом, ни тайных договоров с французскими и английскими капиталистами!

Хлеба! мира! свободы!» [1])

Вот та прокламация, товарищи, которая в десятках, а может быть, и в сотнях тысяч экземпляров завтра будет разбросана по всему городу Петрограду среди рабочего населения. Товарищи, нужно ли мне говорить, кто является автором этой прокламации? Товарищи, выслушанные вами речи даже сегодня, с достаточной ясностью указывают на то, откуда исходят эти прокламации. Я все же вам доложу. Кто же подписывает эту прокламацию? «Центральный Комитет Российской Социал-Демократической Партии, Петроградский Комитет Российской Социал-Демократической Рабочей Партии, Военная организация при Центральном Комитете Российской Социал-Демократической Рабочей Партии, Исполнительный комитет Центрального бюро профессиональных союзов, Центральный совет фабрично-завод-

---

[1]) Текст печатается по книге В. Владимировой, Революция 1917 г., том III, стр. 268 — 269.

ских комитетов города Петрограда, фракция большевиков в Петроградском Совете Рабочих и Солдатских Депутатов, редакция «Правды», редакция «Солдатской Правды».

Товарищи, я вам уже заявлял о том, что без всякого предупреждения, помимо желания и вопреки решения Совета Солдатских Депутатов, вопреки тому решению, которое я вам оглашал, в тиши, в тайниках подготовлялся этот удар. Я думаю, что ваш политический долг, товарищи, дать достойный отпор тем, кто этими темными путями хотят нанести удар делу революции. И вот, ваш президиум сегодня в полном согласии с Исполнительным Комитетом Петроградского Совета Р. и С. Д. выработал следующее обращение к рабочему населению города Петрограда. Позвольте мне это обращение огласить (ч и т а е т):

«Товарищи солдаты и рабочие!

Партия большевиков зовет вас на улицу.

Без ведома Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, без ведома Всероссийского Съезда, без ведома Совета Крестьянских Депутатов и всех социалистических партий делается этот призыв. Он раздался как раз в тот тревожный момент, когда Всероссийский Съезд призвал товарищей — рабочих Выборгского района помнить, что демонстрации в эти дни могут повредить делу революции.

Товарищи! От имени миллионов рабочих, крестьян и солдат в тылу и на фронте мы говорим вам:

Не делайте того, к чему вас зовут!

В этот тревожный момент вас зовут на улицу для предъявления требования низвержения Временного Правительства, поддержку которого Всероссийский Съезд только что признал необходимой.

И те, кто вас зовут, не могут не знать, что из вашей мирной демонстрации могут возникнуть кровавые беспорядки.

Зная вашу преданность революционному делу, мы говорим вам:

Вас зовут демонстрировать в пользу революции.

А нам известно, что вашим выступлением хотят воспользоваться притаившиеся контр-революционеры.

Мы знаем, что контр-революционеры жадно ждут минуты, когда междоусобица в рядах революционной домократии даст им возможность раздавить революцию.

Товарищи!

От имени всех Советов Рабочих и Солдатских Депутатов, от имени Совета Крестьянских Депутатов, действующих армий и социалистических партий мы говорим вам:

Ни одной роты, ни одного полка, ни одной группы рабочих не должно быть на улице!

Ни одной демонстрации сегодня!

Нам предстоит еще великая борьба!

Когда русской свободе будет действительно грозить контр-революционная опасность, мы вызовем вас. Дезорганизаторские же выступления — гибель революции.

Берегите силы!

Держитесь дружно со всей революционной Россией». [1])

---

[1]) Воззвание печатается по газете «Дело Народа», № 71, от 10 июля 1917 г., где оно было напечатано с заголовком «От Всероссийского Съезда Советов Рабочих и Солдатских Депутатов» со следующими подписями:

Всероссийский Съезд Советов Рабочих и Солдатских Депутатов; Исполнительный Комитет Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов; Исполнительный

Вот то воззвание, товарищи, которое мы предполагаем предложить на ваше усмотрение и решение, и я нахожусь в полной уверенности, товарищи, что вы единодушно и дружно еще раз подтвердите свое неуклонное желание и стремление взять в свои могучие руки дело революции и не дать никому посягать на это святое святых наше.

Товарищи, президиум вместе с тем предполагает организовать или создать бюро, которое поведет дело решительной борьбы, если только, конечно, вам угодно будет это решение принять и одобрить, — дело решительной борьбы с выступлениями тех, которые служат темным силам.

На завтрашний день из президиума предполагаются: тов. Чхеидзе, Гоц... (читает)... солдат Павлов [1]).

О деталях нашего предположения, товарищи, вам поведает другой докладчик. Я же считаю своим долгом, во исполнение решения, возложенного на меня моими товарищами по президиуму, обратиться к вам с покорнейшей просьбой, чтобы вы, товарищи, поддержали наши шаги, никому не позволяя посягнуть на дело революции, и что те, которые, заседая вместе с нами и принимая участие в наших решениях, если они позволят себе переступить ту грань, дальше которой начинается служение темным силам, то вы им скажете: прочь ваши грязные руки от великого дела! (Шум.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Товарищи, вам была предложена сейчас резолюция от президиума; угодно будет подвергнуть обсуждению эту резолюцию или же угодно будет поставить ее на голосование? (Голоса: «Просим голосовать.) Сейчас, товарищи, будет допущено заявление.

ЛУНАЧАРСКИЙ [2]). Товарищи, я говорю по поручению фракции большевиков; я не принадлежу к этой фракции, но говорю по их поручению. Они просили меня довести до вашего сведения, что они имели в виду демонстрацию чисто мирного характера, но так как, по данным теперешним, как выяснилось дело, действительно, эта демонстрация может привести к конфликтам и кровопролитию, то в настоящее время Центральный Комитет, Петербургский комитет и фракция Съезда сейчас, в настоящее время, обсуждают вопрос о том, следует ли принять меры к пресечению этой демонстрации и какие именно. Я не знаю, как решит партия, но товарищи большевики просили отложить окончательное решение вопроса до их решения; это ваша воля и ваше право. Я вам ничего не предлагаю [153]. (Шум.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Прошу спокойствия.

ЛУНАЧАРСКИЙ [2]). Я по их поручению довожу до вашего сведения, что весьма вероятно, что они при создавшихся условиях сделают все от них зависящее, чтобы эту демонстрацию прекратить. Теперь, если председатель мне позволит, я должен сказать только два слова по личному поводу. Моя фамилия прочитана здесь в числе выборных комитета, и я понимаю свое участие там в том смысле, что я употреблю все силы, какие употреблял и до сих пор в президиуме в данном конфликте, чтобы как-нибудь конфликта избежать для того, чтобы слишком большие трения, которые начинаются между левой и правой частями Съезда, ослабить. В том

Комитет Всероссийского Совета Крестьянских Депутатов; Организационный Комитет Российской Социал-Демократической Рабочей Партии; Центральный Комитет Партии Соц.-Револ.; Центральный Комитет Бунда; Центральный Комитет Трудовой Группы; Украинская фракция с.-р. Съезда; фракция объединенных интернационалистов, соц.-дем. большевиков и меньшевиков Всероссийского Съезда; Военная Секция при Организационном Комитете и Ком. Петр. Орган. Российской Соц.-Дем. Рабочей Партии. — [1]) Фамилии остальных избранных установить не удалось. — [2]) В подлиннике фамилия оратора не указана; по «Известиям» выступал Луначарский.

случае, если я увижу, что моя миссия окончательно не может иметь успеха и что конфликт обострился окончательно, я, конечно, буду вынужден уйти из этого комитета, так как принимать участие в борьбе одной или другой стороны я в данном случае не имею намерения.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Товарищи, я должен вам заявить, что резолюцию, которую вам угодно будет принять, сейчас надо отпечатать и распространить. Для этого времени у нас остается, может быть, два-три часа. Я прошу это иметь в виду. Угодно будет, товарищи, отложить? Я ставлю это предложение на голосование. (Баллотировка.) Отлагается. Угодно будет по этой резолюции открыть прения? (Голоса: «Нет».) Ставлю на голосование только что оглашенную резолюцию. (Баллотировка.) Принято единогласно. (Шум.) Прошу спокойствия. Товарищи, я предлагаю от имени президиума следующее постановление: Всероссийский Съезд Советов Рабочих и Солдатских Депутатов постановил: «На три дня — 11-е, 12-е и 13-е июня — воспрещаются всякие уличные манифестации в Петрограде. Нарушение этого постановления — удар по революции. Кто будет призывать к нарушению этого постановления, тот враг революции». Угодно будет подвергнуть это обсуждению? (Голоса: «Нет».) Ставлю на голосование это предложение президиума. (Баллотировка.) Проходит. Слово по вопросу о резолюции приналлежит тов. Дану.

ДАН. Товарищи, кроме подписи Всероссийского Съезда Советов Рабочих и Солдатских Депутатов под этим воззванием будут также стоять подписи Исполнительного Комитета Петроградского Совета Р. и С. Д., Исполнительного Комитета Всероссийского Съезда Крестьянских Депутатов, Организационного Комитета Рос. С.-Д. Раб. Партии, Центрального Комитета Партии с.-р., Центрального Комитета Бунда, Центрального Комитета Партии Народных Социалистов и Центрального Комитета Трудовой Группы.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Таким образом, с резолюцией покончено, и эти подписи будут также сюда приложены. Затем имеется несколько заявлений, которые прошу заслушать. Слово принадлежит тов. Воронкову.

ВОРОНКОВ [1]). Товарищи, здесь имеются определенные подписи под прокламацией Центрального Комитета Российской Социал-Демократической Рабочей Партии, и подписи эти говорят о том, что среди них имеется также и подпись Центрального Совета фабрично-заводских комитетов. И члены Организационного бюро этого Совета, и я, как товарищ председатель Совета, только что узнали, что эти подписи там имеются. Я протестую против этого.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Заявление имеет тов. Крыленко.

КРЫЛЕНКО. Я должен долженить Съезду от имени большевиков Съезда, что, в виду того, что наша просьба продлить перерыв для того, чтобы фракция Съезда могла окончательно столковаться по данному постановлению, [отклонена], нам тенденцией решения Съезда этой возможности столковаться и принять какое-либо решение, которое бы дало возможность определенным образом регулировать свои действия, не было дано. В силу этого, фракция Съезда большевиков была вынуждена, по причинам, от нее не зависящим, от участия в решении этого вопроса воздержаться. (Шум.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово принадлежит тов. Гегечкори.

ГЕГЕЧКОРИ. Товарищи, по поводу сделанного заявления я считаю долгом сказать следующее: то обстоятельство, которое заставило нас выступить перед вами с заявлением, это обстоятельство, теварищи, сделалось предметом обсуждения вашего президиума и Бюро Исполнительного Коми-

---

[1]) По «Известиям»: «Буников.»

тета с 7 часов или даже с 6 часов сегодняшнего дня. Я заявляю, что с первого же момента большевики участвовали при обсуждении этого вопроса, но они самым определенным образом заявили, что они в разработке этой резолюции участия не принимают, ибо они поддерживают организованную демонстрацию завтрашнего дня. Я скажу больше, товарищи: после этого, к 9 часам, мы получили заявление со стороны официальных представителей большевиков, что они требуют от нас час времени для обсуждения у себя в Центральном Комитете создавшегося положения. И мы, товарищи, ждали час, ждали полтора часа и получили, в конце концов, ответ, что они остаются при старом решении. Я пойду дальше, товарищи. После этого тов. Луначарский, который обязан подтвердить это, пришел к нам в 11 часов вечера и заявил, что фракция большевиков требует отсрочки времени на полчаса, и мы еще полчаса ждали. Таким образом, мы ждали бесконечно, а теперь они позволяют себе выйти и заявить, что им не дано было времени для того, чтобы столковаться и обсудить. Таким образом, товарищи, я предоставляю вам судить и оценивать искренность их заявления. (Шум.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово принадлежит тов. Старостину [1]).

СТАРОСТИН. Фракция объединенных с.-д. интернационалистов заявляет, что она присоединяет свою подпись к принятой резолюции. Заявляем, что такие дезорганизованные выступления, каким является завтрашняя демонстрация против нашего Съезда, нами решительнейшим образом отвергаются и осуждаются. (Рукоплескания.) Но, на ряду с этим, фракция заявляет, что мы призываем всех вас, товарищи, положить предел с этой трибуны той травле, которая была направлена исключительно в левую сторону и без малого проморгала контр-революцию справа. (Голоса: «Долой».) Мы просим вас, товарищи, считаться с тем, что тот или иной из нас говорил, и мы, интернационалисты, никогда не отказывались от идейной борьбы здесь. Мы признаем, что лишь постановления Съезда для нас, делегатов с мест, обязательны; мы подчинялись и всегда будем подчиняться решениям Съезда; мы будем бороться идейно, о всех решениях будем писать на места и никому не позволим выступать с теми дезорганизаторскими поступками, о которых вы здесь поставлены в известность. Но я еще раз обращаю внимание, чтобы товарищи, выступающие официально, и особенно товарищи-министры тоже подумали о том, что их авторитетное слово иной раз льет воду на мельницу этой травли. Еще раз заявляю, что мы, интернационалисты, будем бороться вместе, эти поступки осуждаем и отметаем от себя, и все же, товарищи, призываю вас относиться более серьезно и в нашей будущей работе прекратить эту травлю один другого.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Я прошу выступающих соблюдать экономию времени, делать заявления, а не открывать дебаты по тем вопросам, которые будут у нас обсуждаться и которые у нас обсуждались. Тов. Павлов имеет слово.

ПАВЛОВ. От имени Петроградского Комитета военной организации меньшевиков присоединяем свою подпись к этой резолюции. (Рукоплескания.)

РОМАНЧИК. Украинская фракция Съезда тоже самое самым решительным образом протестует против завтрашней демонстрации и просит присоединить свою подпись под воззванием президиума. (Рукоплескания.)

МАРТОВ. Само собой разумеется, что мы, группа меньшевиков-интернационалистов, равным образом, берем на себя ответственность за

---

[1]) В подлиннике: «Таскину.»

решение, принимаемое здесь всем Съездом, и присоединяемся к усилиям Совета помешать завтрашней дезорганизаторской демонстрации, но мы считаем своей обязанностью указать здесь на необходимость нашему парламенту и нашему Съезду сохранять в этом деле самое крайнее хладнокровие и власть над собой. Мы полагаем, что момент действительно серьезный, и обращаемся к Съезду с просьбой ни на минуту не забывать, что дело идет не об одном или двух комитетах, ведущих рабочую массу завтра на ложный путь, — дело идет о громадной массе петроградского пролетариата, в отношении которого нами прежде всего должен быть взят надлежащий тон. По поручению группы меньшевиков-интернационалистов я должен высказать сожаление, что официальный докладчик, тов. Гегечкори, отклонился от этого тона и употребил выражение, которое может только разжигать страсти в то время, как нужно сохранять хладнокровие для того, чтобы обладать полным авторитетом в глазах петроградского пролетариата. (Рукоплескания.)

КУЗЬМИН. Товарищи, как это ни печально, но я должен сказать: мы, представители большевиков, здесь, как бы то ни было, представляем около трех миллионов организованных рабочих и солдат, и теперь выяснилось такое положение, что многие не знали, что это все организуется. Вот я, будучи представителем, только сейчас узнал, что организуется такая демонстрация. У нас демонстрация действительно имелась в виду, но мирная, в ней имело в виду принять участие около 40 000 войск и рабочих всех районов, и когда приступили к этому, к нам поступили сведения, что за городом, верстах в 10 — 15 езды, группы казаков очень себя вызывающе держат. Мы решили принять меры против устройства этой самой демонстрации, которую мы организовали. (Шум.) Теперь, товарищи, что бы это ни было, у вас принято известное воззвание, но с той стороны, я думаю, те товарищи, которые заседают и обсуждают этот серьезный вопрос, не могут иметь в виду, что уже приняты меры к предотвращению этого. Я не знаю, может быть, там окончательное решение принято будет, и это воззвание выпущено не будет, и если в газетах будет напечатано, может быть, газеты будут задержаны. Я не знаю окончательного решения, но оно, вероятно, будет, и очень жаль, что здесь создают решение, а те представители трех миллионов рабочих не знают, что здесь решается.

КЕРЕНСКИЙ. Товарищи, должен заявить вам, что в городе распространяются слухи о том, что будто к Петрограду двигаются какие-то казачьи полки. Это является сплошной выдумкой и небылицей. Никакие казачьи полки ни откуда к Петрограду не двигаются и двигаться не могут, потому что наша задача заключается в том, чтобы направлять войска на фронт, а не в тыл. (Голоса: «Браво».) Кроме того, я должен сказать, что, как и раньше, войска петроградского гарнизона, — я совершенно не сомневаюсь, — исполнят свой долг, который заключается в том, чтобы до последнего предела и до последней степени сохранять спокойствие и никаким провокационным выходкам, с какой бы они стороны ни шли, не итти навстречу. Мы, Временное Правительство, и я, военный министр, всячески всегда избегали какой бы то ни было возможности уличных столкновений и призываем всех к тому, чтобы предотвратить [1]) возможность этого теми мерами, которые здесь рекомендует и Съезд, и Совет Рабочих Депутатов, и Временное Правительство. Нужно благоразумие и спокойствие, и никакие контр-революционные попытки не могут быть допущены и не будут допущены всей мощью революционной власти и силою, которою обладает военный

[1]) В подлиннике далее следует: «как».

министр революционного правительства, и подобные разговоры являются или плодом недоразумений, или явным стремлением возбудить в массах ни на чем не основанную тревогу и подозрение. Я прошу товарищей солдат и офицеров, находящихся здесь, просить петроградский гарнизон оставаться спокойным и не итти на провокацию, откуда бы она ни исходила. Еще раз повторяю, что никакие воинские части не могут двигаться и не двинутся никуда в другом направлении, как только в одном: в направлении на фронт. (Рукоплескания.)

АВКСЕНТЬЕВ. Товарищи, я хотел взять слово для короткого сообщения, но мне сказали, что оно уже сделано, — мне остается лишь повторить его. Под тем воззванием, которое вы выработали, воззванием к трудящимся и солдатам Петрограда, чтобы они не принимали участия в той демонстрации, которая готовится завтра, присоединяется Исполнительный Комитет Всероссийского Совета Крестьянских Депутатов. (Рукоплескания.) Мы полагаем, что подобными шагами, как завтрашняя демонстрация, мы не двигаем вперед русскую революцию, мы не укрепляем ее завоеваний, мы не устанавливаем восходящую линию революции путем постепенного завоевания новых позиций и закрепления тех, которые мы уже завоевали и на которых мы твердой ногой стоим; мы полагаем, как и большинство из вас, что подобные выступления чреваты опасностями именно для этой самой революции. Подобное выступление поселяет только рознь, подобные выступления способны погубить будущее российской революции и могут вести к братоубийственной гражданской войне, в то время, как все силы революционной демократии должны быть направлены к работе созидания и укрепления движения вперед российской великой революции. (Рукоплескания.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Товарищи, больше заявлений не имеется. Позвольте теперь повторить еще раз, что президиум предлагает завтра, в 8 часов утра, устроить заседание Съезда в Таврическом дворце [1]). Сейчас президиум будет иметь суждение о том, чтобы по закрытии заседания разойтись по фракциям и наметить надлежащее количество лиц, которые могли бы выработать план работы, рассеяться по городу, заводам и фабрикам и сообщить там и гарнизону, что здесь делается, и вести в этом направлении агитацию. Поэтому по закрытии заседания я от имени президиума предлагаю вам разойтись по фракциям и наметить лиц [154]. Объявляю заседание закрытым.

---

[1]) См. приложение.

ЗАСЕДАНИЕ 11 ИЮНЯ [1])

(дневное).

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Объявляю заседание открытым. Товарищи, от имени президиума я должен просить в 4 часа собраться в комнате, где заседает фракция с.-р., президиум Исполнительнпго Комитета Совета Р. и С. Д. и членов бюро всех фракций без опоздания, причем, товарищи от маленьких фракций в бюро будут представлены по одному человеку.

Слово принадлежит представителю от Казачьего Съезда тов. Ткачеву.

ТКАЧЕВ. Товарищи, Общеказачий Съезд всех 11 казачьих войск в России [135], представляющий и местное население своих станиц и казачьи силы на фронте, послал меня сюда, чтобы выразить самое глубокое, самое искреннее приветствие и сочувствие и пожелание доброго успеха в тех великих работах, которые совершает настоящий Съезд, и сказать, что казачество в его целом, без разделения, понимает, глубоко понимает и разделяет те концентрированные мысли большинства настоящего Съезда, на которое опирается правительство, на которое опирается вся наша страна. И казачество пришло заявить, что хотя оно своего решения еще не вынесло, оно только приступает к работе. До сих пор были только выступления приходивших приветствовать казаков, само же казачество выслушало только деловые сообщения с мест и только вчера приступило к разрешению вопроса об отношении к правительству, об отношении к войне, но все же, даже в своих предварительных решениях, оно заявляет, что его сердце, его мысли и чувства с тем Съездом, работы которого мы видели и видим в настоящее время. Мы пришли заявить это, чтобы не было тени сомнения относительно того, как смотрит казачество. Оно смотрит так, как смотрит большинство вашего Съезда. Оно в настоящее время чувствует, оно знает, что правительство, стоящее во главе России [2]), должно нашу страну довести до Учредительного Собрания, и пока истинный хозяин земли Русской вынесет свое решение, это правительство является объединяющим всю страну. Нужно, чтобы в этот момент правительство опиралось на авторитет власти и такой авторитет, какой представляете вы — соединенные рабочие силы и рабочая армия и тот Крестьянский Съезд, который был, — этот авторитет в настоящее время необходим. И что бы ни говорили о пропорциональности и проч., казачество признает настоящий Съезд великой государственной силой и государственным учреждением, и это оно пришло сказать вам.

Пока еще истинный голос казачества не раздался, досужие люди, которые ходят между нами и вами, являются нежелательными посредниками; они говорят нам, что вы говорите будто бы то, а вам говорят, будто бы мы говорим то. Этому не надо верить. Нашь Съезд с глубокой признатель-

---

[1]) Заседание 11 июля печатается по тексту в д. № 12. — [2]) В подлиннике далее следует: «которое».

ностью выслушал тов. Войтинского, который принес нам ваше приветствие и который слушал наши речи и вносил поправки и этим вносил благотворное настроение к нам. Сейчас мы делегированы от Казачьего Съезда, чтобы сказать вам, что наш Съезд будет слышать нашими ушами все то, что здесь говорится и в то же время, если будут [1]) какие-нибудь речи или сообщения, на которые нужно было бы дать наши разъяснения, наши делегаты должны это сделать. Что касается отношения к власти, то казаки власть поддерживают, казаки ее поддерживали, но только надобно разбираться в путях. И вот казакам кажется, что если они будут итти с тем большинством, которое представляете вы, которое представляет Крестьянский Съезд, которое представляют те группы, которые вчера развесили объявление для всего Петрограда, под которым не было подписи казачества, — им кажется, что и для вас, и для всех, которые задались великой задачей доведения страны до Учредительного Собрания, было бы необходимо, чтобы были все подписи сочувствующих этой программе. Казачество должно было подписаться и сожалеет, что там его подписи не было. Надеемся, что в будущем силы страны будут опираться на Совет Крестьянских Депутатов, на Совет Рабочих и Солдатских Депутатов, и под соответственными постановлениями будут отныне и подписи казачьих депутатов, потому что, повторяю, казачество в его целом сердцем, разумом и мыслию с вами всегда, но оно не имело возможности постоянно итти в контакте с вами и сказать: да, я тоже с вами; это послужило [к]тому, что явилось известное настроение в пользу того, что казачество как будто реакционно. Казачество не реакционно, казачество с контр-революцией не пойдет. Казачество объединяется как будто бы в отдельную единицу, но о расколе не заявляло и не заявляет, а в отношении к Временному Правительству, которому вы выразили доверие, оно от него не откалывается, а, наоборот, всегда говорило, что мы с вами.

Когда будут деловые сообщения, мы хотели бы, чтобы нам было предоставлено слово более подробно осветить ту работу Съезда, который теперь продолжается, но все-таки, повторяю, основная канва, основной разум — тот, что мы, как все верные сыны, в настоящее время забываем наши интересы на местах. С мест нам говорят, что хлеб правительству везут со своих запасных магазинов, деньги дают, на подкрепление рядов идут старики, и одна мысль — та, чтобы эти силы не были разрознены, а были бы всеми силами страны, на которых сейчас держится наше государство. (Аплодисменты.)

АЛЕКСЕЕВСКИЙ (поручик). Товарищи, вчера на собрании Исполнительный Комитет Петроградского Совета Р. и С. Д. и наш президиум поручил товарищу Соколову и мне отправиться на Казачий Съезд и приветствовать его, ознакомивши его с теми решениями, которые были приняты по отношению к предполагавшейся вчера демонстрации. Я должен доложить Съезду, что мы выполнили эту задачу, ознакомили Съезд с нашим решением по вопросу о вчерашней демонстрации и, пользуясь случаем, высказали ему и свое приветствие и выяснили ту основную линию поведения, ту точку зрения, которая выявилась на Съезде по вопросу об отношении к власти. Я должен констатировать тот факт, что наше заявление на Съезде было встречено в высшей степени сочувственно и, выражая настроение своего Съезда, председатель этого Казачьего Съезда обратился к нам со словом благодарности за наше приветствие и уполномочил нас передать Всероссийскому Съезду, что казачество в своих выступлениях, считаясь

---

[1]) В подлиннике: «бы».

с волей организованной демократии, здесь представленной, с ней не разойдется. (Аплодисменты.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово принадлежит тов. Державину.

ДЕРЖАВИН. Когда разразилась революция, то во время первых же [1]) дней ликования стали раздаваться редкие голоса, предупреждавшие от [2]) опьянения [3]) чудодейственным напитком свободы, опьянения [3]), которое будет [4]) заключаться [5]) в том, что будут [6]) раздаваться [7]) настойчивые попытки ввести в жизнь такие [8]) идеи, которые по условиям обстановки быть проведенными не могут [9]), что эти идеи могут вызвать очень острый конфликт и что они [10]) не получают своего осуществления [11]) в данный момент [12]). Это предположение в настоящий момент подтверждается целым рядом фактов. Вы видели [13]), когда обсуждался вопрос о власти, когда была выдвинута идея передачи ее в руки Советов Рабочих Солдатских Депутатов [14]), что требования жизни резко разошлись [15]) с указанной идеей [16]), выдвинув [17]) необходимость [18]) образования [19]) коалиционного министерства. Такой конфликт идеи с требованиями жизни вы видите теперь и в вопросе о войне.

После революции перед русской [20]) демократией встал вопрос борьбы за общий мир без аннексий и контрибуций, на праве самоопределения народов, и в связи с этим вопросом стал другой [21]): что же война вообще и война данная является ли необходимым условием в этой борьбе или возможно обойтись без нее [22])? Ясно, что только [23]) войной, только [23]) силой оружия [24]) вопрос борьбы [25]) разрешить нельзя. Война никогда не может привести [26]) к созданию прочного мира, и поэтому настоящая [27]) война должна быть рассматриваема [28]) только как фаза борьбы, фаза, которая [29]) должна служить общей цели установления мира. Среди всех способов, предложений для достижения мира, резко [30]) наметились [31]) два [32]): первое течение — сепаратный мир [33]), осужденный [34]) всеми представителями партий, находящихся на этом Съезде. Война — явление международное, и [35]) данная война — международная [36]) в полном смысле этого слова, и потому [37]) выход из коалиции воюющих держав одной только державы [38])

---

[1]) «же» вписано. — [2]) Слова: «предупреждавшие от» вписаны над зачеркнутым: «высказывавшие предположения, что». — [3]) Первоначально: «опьянение». — [4]) Слово: «будет» вписано. — [5]) Первоначально: «заключается». — [6]) Слово: «будут» вписано. — [7]) первоначально: «раздавались». — [8]) Слово: «такие» вписано. — [9]) Слова: «которые... не могут» вписаны над зачеркнутым: «несмотря на то, что жизнь ставила условия, при которых эти идеи войти в жизнь не могли». — [10]) Слово: «они» вписано над зачеркнутым: «эти идеи». — [11]) Далее зачеркнуто: «ни». — [12]) Далее зачеркнуто: «ни в дальнейшем». — [13]) Над строкой вписано и затем зачеркнуто «это». — [14]) Далее зачеркнуто: «вы видели». — [15]) Первоначально: «расходились». — [16]) Первоначально: «этими идеями». — [17]) Первоначально: «и было выдвинуто». — [18]) Слово «необходимость» вписано над зачеркнутым: «в первую очередь». — [19]) Первоначально: «образование». — [20]) Слово: «русской» вписано. — [21]) Далее зачеркнуто: «вопрос». — [22]) Слово: «нее» вписано над зачеркнутым «этой войны», и далее зачеркнуто: «что она должна быть ликвидирована». — [23]) Слово: «только» вписано. — [24]) Далее зачеркнуто: «этот». — [25]) Слово: «борьбы» вписано. — [26]) Далее зачеркнуто: «нас». — [27]) Слова: «и поэтому настоящая» вписаны. — [28]) Слово: «рассматриваема» вписано над зачеркнутым: «в этом отношении признана». — [29]) Слова: «фаза, которая» вписаны над зачеркнутым: «особенно данная война, война же вообще». — [30]) Слова: «служить общей... резко» вписаны над зачеркнутым: «быть ликвидирована. Вопрос стал дебатироваться в плоскости, каким образом ликвидировать эту войну. Предложенные способы (вписано и зачеркнуто «ликвидации», вписано «достижения мира») вызвали очень резкие горячие дебаты. Из них». — [31]) Первоначально: «намечались». — [32]) Далее зачеркнуто: «большие течения». — [33]) Первоначально: «к сепаратному миру» и далее зачеркнуто: «Этот способ был». — [34]) Первоначально: «осужден». — [35]) Первоначально: «а». — [36]) Слово «международная» вписано. — [37]) Слова: «и потому» вписаны над зачеркнутым: «международная. Возможен ли». — [38]) Далее зачеркнуто: «России».

не может окончить войны [1]). С выходом России из войны, путем заключения сепаратного мира, поставил бы [2]) в дальнейшем перед ней [3]) вновь [4]) вопрос о войне или же, в худшем случае, когда [5]) одним из условий сепаратного мира России могло быть поставлено условие об оказании военной поддержки врагу, Германии, заставил бы ее продолжать ту же войну, но в иной обстановке. Тогда [6]) еще большей иронией звучало бы [7]) содружество русской революционной демократии с прусским юнкерством против наших союзников, чем теперешнее содружество с союзниками против Германии [8]). Второй способ [9]), который [10]) предлагается [11]) для достижения мира [12]), способ [13]), исходящий из положения, что война есть явление международное, это — способ [14]) международных соглашений, способ [14]), при котором демократии воюющих стран должны были бы заставить правительства [15]) своих стран стать [16]) на точку зрения лозунгов, выдвинутых русской демократией. Когда это совершилось бы, когда эти лозунги стали бы господствующими во всех воюющих державах, тогда наступил бы момент, в который [17]) война прекратилась [18]) бы сама собой [19]). Осуществление последнего способа [20]) возможно двумя путями [21]), двумя потому, что [22]) приходится считаться с существованием [23]) армии, деятельность которой необходима [24]) как в том, так и в другом случае, ибо от армии [25]) требуют, чтобы она была сильной, боеспособной, чтобы она была готова к наступлению, к защите интересов демократии в любой момент, когда потребуется [26]). Первый путь тот [27]), когда нам говорят [28]) что мир [29]) может быть достигнут при посредстве [30]) международного соглашения и [31]) что в тот промежуток времени [32]), который [33]) будет протекать от настоящего момента до момента наступления [34]) соглашения, армия должна находиться на своих местах, на-

---

[1]) Первоначально: «может ли кончиться война». Дальше вставлена точка и большая буква вместо маленькой. — [2]) Слова «войны путем... поставил бы» вписаны над зачеркнутым: «коалиции, для нее (над зачеркнутым «России») этим война не окончилась бы». — [3]) Первоначально: «Россией». — [4]) Далее зачеркнуто: «стал бы». — [5]) Слова: «же, в худшем случае, когда» вписаны над зачеркнутым: «могло быть еще хуже». — [6]) Далее зачеркнуто: «я сказал бы». — [7]) «бы» вписано — [8]) Слово: «чем... Германии» вписано над зачеркнутым: «Вопрос о сепаратном мире таким образом был отвергнут». — [9]) Слова: «Второй способ» (первоначально: «второе течение») вписаны над зачеркнутым: «Единственный путь». [10]) Первоначально: «который», исправлено: «которое». — [11]) Слово: «предлагается» вписано над зачеркнутым: «оставался». — [12]) Слова: «достижения мира» вписаны под зачеркнутым: «ликвидации войны». — [13]) Слово: «способ» (первоначально «течение») вписано. — [14]) Слово: «способ» вписано над зачеркнутым: «путь». — [15]) Первоначально: «правительство». — [16]) Первоначально: «ставить». — [17]) Слова: «в который» вписаны над зачеркнутым: «когда». — [18]) Слово: «прекратилась» вписано над зачеркнутым: «ликвидировалась». — [19]) Далее зачеркнуто: «изжила бы сама себя». — [20]) Первоначально: «течения». — [21]) Первоначально: «способами». — [22]) Слова: «Осуществление... потому что» вписаны над зачеркнутым: «К разрешению этого вопроса идут два пути, которые здесь перед вами ставились. Международное соглашение достигается путем созыва международной конференции, путем развития (зачеркнуто: «этих») идей (вписано: «соглашения») среди демократии стран, путем деятельности т-щей, бывших на международной конференции, путем посылки от нас и других демократий в другие страны делегаций, путем развития агитационной деятельности в этом направлении. У нас в России (зачеркнуто: «в данный момент») приходится считаться с тем, что в наследие от старого режима мы получили войну. Раз это так, раз этот вопрос в своем разрешении связан с вопросом о наличности». — [23]) Первоначально: «существования». — [24]) Слова: «деятельность которой необходима» вписаны над зачеркнутым: «на которую ссылаются». — [25]) Слова: «ибо от армии» вписаны карандашом над зачеркнутым: «от которой». — [26]) Далее зачеркнуто: «конечно, голос армии в этом отношении имеет большое значение». — [27]) Слова: «Первый путь (первоначально «способ») тот» вписаны над строкой. — [28]) Далее зачеркнуто: «о том». — [29]) Слово: «мир» вписано над зачеркнутым: «вопрос о ликвидации войны». — [30]) Слова: «при посредстве» вписаны карандашом над зачеркнутым: «путем». — [31]) «и» вписано над зачеркнутым: «путем того». — [32]) Первоначально: «в это время». — [33]) Первоначально: «которое». — [34]) Слово: «наступления» вписано.

*

ходиться в состоянии пассивной обороны, принимая [1]) лишь [2]) участие в деятельной пропаганде революционных идей [3]) среди враждебной армии [4]). Здесь мы встречаемся [5]) с резким противоречием: с одной стороны, армия должна быть сильной и боеспособной [6]), с другой стороны, она должна находиться в том состоянии, которое [7]) ведет ее к дезорганизации и разложению. Я [8]) имею в виду пассивную оборону, а также способ революционной пропаганды [9]) в рядах германской армии, тот способ, который должен быть развит через организацию братания. Я заговорил о братании для того [10]), чтобы иллюстрировать, каким образом, как понимаются [11]) бросаемые в тылу [12]) лозунги, в рядах армии, на местах. Я укажу на один только пример из всех [13]) тех примеров, которые мне приходилось слышать в целом ряде заседаний наших дивизионных и корпусных комитетов. [14]). Кучка солдат германских и наших братаются; сначала идут разговоры о доме, о семье; затем германский солдат говорит: «Я знаю, у вас есть ротный командир поручик Ушаков [15]), который держит вас в страхе [16]), не дает вам поступать и делать так, как вы хотите». Наш солдат отвечает: «Нет, у нас вовсе не Ушаков, а Петров». «Да, да, это в [17]) пулеметной команде тот [18]) Ушаков [19]), который хотел вас за братание расстрелять из двух пулеметов, имеющихся в полку», — возражает немец [20]). «Нет, у нас не два пулемета, а двадцать два», — говорит наш солдат, и разговор продолжается в том же духе [21]). Для меня ясно, что такой способ братания, это — прекрасный [22]) способ переброски [23]) из русской армии в германскую не революционной пропагады, а [24]) весьма ценных сведений [25]), таких сведений, которых [26]) не добудешь иногда и [27]) в хорошей разведке. Пассивная оборона, которая предлагается [28]) в этом случае [29]) действует на [30]) армию [31]) дезорганизующим и разлагающим образом. Это отмечают [32]) все войсковые части [33]), находящиеся [34]) на фронте. Они говорят: [35]) таким путем мы не создадим условий для наступления мира и [36]) не будем готовы к защите свободы, когда грянет последний час борьбы [37]).

Второй путь для достижения мира [38]) — следование политике Временного Правительства, нахождение армии в состоянии [39]) активной обороны [40]).

---

[1]) Первоначально «принимать». — [2]) Слово: «лишь» вписано. — [3]) Слова: «революционных идей» вписаны. — [4]) Далее зачеркнуто: «то», вставлена точка, и дальше прописная буква. — [5]) Первоначально: «встретимся». — [6]) Далее зачеркнуто: «чтобы она была готова к наступлению, к защите интересов демократии в любой момент, когда потребуется, то, конечно, голос армии в этом отношении имеет большое значение. Когда нам говорят, что вопрос о ликвидации войны может быть достигнут путем международного соглашения, путем». — [7]) Далее зачеркнуто: «само по себе». — [8]) Далее зачеркнуто: «здесь». — [9]) Далее зачеркнуто: «в нашей армии». — [10]) Слова: «заговорил... для того» вписаны над зачеркнутым: «опять затронул этот вопрос в связи с тем». — [11]) Слово: «понимаются» вписано над зачеркнутым: «преломляются идеи». — [12]) Слова: «в тылу» вписаны над зачеркнутым: «здесь». — [13]) Слово: «всех» вписано. — [14]) Далее зачеркнуто: «пример довольно простой». — [15]) Первоначально: «Шишаков». — [16]) Слово: «страхе» вписано над зачеркнутым: «ежовых рукавицах. — [17]) Далее зачеркнуто «II-ой». — [18]) Слово: «тот» вписано. — [19]) Далее зачеркнуто: «тот». — [20]) Слова: «имеющихся... немец» вписаны над зачеркнутым: «которые у вас имеются» — [21]) Слова: «и разговор... духе» вписаны. — [22]) Слово: «прекрасный» вписано над зачеркнутым: «есть не». — [23]) Далее зачеркнуто: «революционной пропаганды». — [24]) Слова: «не революционной пропаганды, а» вписаны над зачеркнутым: «а способ переброски». — [25]) Далее зачеркнуто: «из русской армии в германскую». — [26]) Первоначально: «которые». — [27]) «и» вписано. — [28]) Первоначально: «которую предложение». — [29]) Далее зачеркнуто: «весли». — [30]) Первоначально: «действие на». — [31]) Первоначально: «армии». — [32]) Далее зачеркнуто: «мнения». — [33]) Первоначально: «всех войсковых частей». — [34]) Первоначально: «которые находятся». — [35]) Далее зачеркнуто: «что». — [36]) Далее зачеркнуто: «таким образом мы». — [37]) Слово: «борьбы» вписано над зачеркнутым: «войны». — [38]) Слова: «путь для достижения мира» вписаны над зачеркнутым: «путь для ликвидации войны». — [39]) слово: «состоянии» вписано над зачеркнутым: «постоянной». — [40]) Первоначально: «обороне».

Этот путь [1]) как раз соответствует [2]) голосу [3]) армии, с которым необходимо, конечно, считаться [4]). Армия [5]) — живой организм, и если этот организм лишить возможности действовать и работать [6]), то он [7]) придет к постепенной гибели [8]), он атрофируется. Армия должна проявлять свою деятельность, и эта деятельность, как говорит резолюция армейского комитета [9]), заключается в развитии [10]) оживленных действий [11]) на фронте [12]), но отнюдь не в сидении и стоянии на одном месте. Кроме того, для создания сильной и боеспособной армии, громадное значение [13]) имеет [14]) не только снабжение ее всеми видами довольствия [15]). Как ни хорошо было бы [16]) поставлено [17]) снабжение армии продовольствием [18]), фуражем и всякими боевыми припасами [19]), необходимо еще одно условие [20]) для того, чтобы она имела действительную [21]) силу. Это условие заключается в [22]) бодром, здоровом духе, том самом духе [23]), который на три четверти обеспечивает [24]) успех действий, предпринятых [25]) армией [26]).

Создание такого [27]) духа [28]) не может быть построено на [29]) аффекте, он должен быть создан [30]); он должен способствовать постоянному укреплению среди солдат сознания необходимости проводить ту или иную идею и вместо того, чтоб развивать [31]) среди солдат только [32]) неосуществимые идеи, каждому солдату [33]) нужно [34]) ясно и определенно сказать [35]), что война, оставленная [36]) нам в наследство старым режимом [37]), теперь не может быть [38]) империалистической, что она становится войной за всеобщий мир [39]) без аннексий, контрибуций, с правом [40]) самоопределения народов [41]). Нужно указать, что в данный момент [42]) создалось такое положение, что одна только Россия твердо поставила себе такую цель и пока [43]) не [44]) встретила [45]) такого же отношения ни со стороны воюющих с нами [46]), ни со стороны союзных нам держав. Нужно указать [47]), что выход из этого положения может быть только двояким: или русская демократия должна сказать: все, кто не со

---

[1]) Слова: «этот путь» вписаны над зачеркнутым: «этот путь, который». — [2]) Слово: «соответствует» вписано над зачеркнутым: «совпадает с». — [3]) Первоначально: «голосом». — [4]) Слова: «с которым... считаться» вписаны. — [5]) Далее зачеркнуто: «есть». — [6]) Далее зачеркнуто: «так должен действовать живой организм». — [7]) Слово: «он» вписано над зачеркнутым: «этот организм». — [8]) Слово: «гибели» вписано. — [9]) Слово: «армейского комитета» вписано. — [10]) Далее зачеркнуто: «во всяком случае, в каком бы то ни было масштабе в». — [11]) Первоначально: «действиях». — [12]) Слова: «на фронте» вписаны в. — [13]) Первоначально: «громадную роль». — [14]) Слово: «имеет» вписано над зачеркнутым: «играет». — [15]) Первоначально: «продовольствия». — [16]) Первоначально: «каково бы ни было». — [17]) Слово: «поставлено» вписано». — [18]) Слово: «продовольствием» вписано над зачеркнутым: «одеждой» и далее зачеркнуто: «каково бы ни было снабжение армии». — [19]) Далее зачеркнуто: «но». — [20]) Первоначально: «еще одно условие необходимо ей». — [21]) Слово: «действительную» вписано над зачеркнутым: «грозную». — [22]) Далее зачеркнуто: «духе». — [23]) Слова: «том самом духе» вписаны. — [24]) Первоначально: «обеспечил бы». — [25]) Далее зачеркнуто: «какой бы то ни было». — [26]) Далее зачеркнуто: «И этот дух может только создать способ активной обороны». — [27]) Первоначально: «нового». — [28]) Далее зачеркнуто: «духа заключается»; слово: «духа» зачеркнуто, повидимому, по недоразумению. [29]) Слова: «может быть построено на» вписаны над зачеркнутым: «в быстром». — [30]) Слова: «быть создан» вписаны над зачеркнутым: «поднять армию»; слово: «армию», повидимому, по недоразумению не зачеркнуто. — [31]) Слово: «развивать» вписано над зачеркнутым: «бросать». — [32]) Далее зачеркнуто: «определенные идеи, вместо того, чтоб звать их на невозможные». — [33]) Слова: «каждому солдату» вписаны. — [34]) Далее зачеркнуто: «им сказать». — [35]) Слово: «сказать» вписано. — [36]) Первоначально: «оставлены». — [37]) Далее зачеркнуто: «что она». — [38]) Слово: «быть» вписано». — [39]) Далее зачеркнуто: «на основе формулы». — [40]) Слово: «с правом» вписано над зачеркнутым: «и на основе». — [41]) Вставлена точка и дальше маленькая буква заменена большой. — [42]) Далее зачеркнуто: «в России». — [43]) Слова: «одна только... и пока» вписаны над незачеркнутым, повидимому, по недоразумению: «нельзя только лозунгами двигать русскую демократию». — [44]) Первоначально «не» зачеркнуто. — [45]) Первоначально «встречая». — [46]) Далее зачеркнуто: «держав». — [47]) Слова: «Нужно указать» вписаны.

мной, те [1]) против меня, и с ними она должна [2]) вести войну за установление всеобщего мира, т.-е. [3]) должна будет вести войну и с германской [4]) коалицией и со своими союзниками [5]). Или же выбирать [6]) из зол, из которых одно — сепаратный мир, а другое — продолжение настоящей войны. Первый выход [7]), — бесконечная война за общие лозунги со всеми, кто против, — для данного момента неосуществим. Он был бы безумием, ибо Россия была бы поставлена в такие условия, в которых проиграла бы войну. Остается меньшее зло [8]), — как раз то, которое в данный момент проводится политикой нашего правительства и которое является отражением голоса армии.

Вопрос только в том, имеется ли доверие к тому командному составу, который руководит [9]) армией [10]), имеется ли доверие к тому правительству, которое направляет политику страны и в связи с этим имеет в своих руках свою армию, как силу реальную, как силу, поддерживающую эту политику правительства, ибо всякое заявление и всякое требование, не опирающееся на силу, является пустой фразой. И на это мы имеем ответ, который дал Съезд в своей резолюции и который давала раньше армия. Она прямо говорила, что верит Временному Правительству, верит безусловно, облекает его всей полнотой власти и вопрос обороны и о наступлении предоставляет ему.

Итак [11]), мы здесь должны были бы высказать свое отношение, указать на то, что данная война, хотя она является злом, но является самым наименьшим злом, который мы можем принять по требованию жизненной обстановки [12]). А раз это так, то мы должны сделать самый простой логический вывод: война должна быть продолжена, и вопрос о наступлении и деятельности боевой армии, вопрос этот всецело связан с решением командного состава, который должен его [13]) так или иначе [14]) разрешить по условиям стратегической обстановки [15]). (Аплодисменты.)

КРЫЛЕНКО [16]). Товарищи, только вчера — позавчера ко мне приехали два делегата от частей, остающихся на позициях, и привезли мне резолюции полков для того, чтобы здесь, на Всероссийском Съезде, я мог их огласить. Эти резолюции, которые сейчас лежат здесь у меня, — президиум может проверить и подписи, и печать, и удостовериться в их подлинности, — эти резолюции как раз затрагивают тот вопрос, которого касался в последнем пункте своей речи предыдущий оратор, — вопрос о духе, вопрос о настроении, вопрос о наличности или отсутствии в войсках той внутренней спайки, которая дает возможность совершать с точки зрения технико-военной те подвиги, которые свершали русские солдаты в прошлом. Эта резолюция говорит следующее, — она говорит о вопросе нам всем известном, вопросе больном — о вопросе о наступлении, она говорит: «Мы не хотим умирать, когда в душу закрадывается сомнение, что снова вовлечены мы в бойню капиталистов. Нет сил с легкой душой двигаться вперед, — нужна

---

[1]) Слово: «те» вписано над зачеркнутым «должны итти». — [2]) Слова: «и с ними она должна» вписаны над зачеркнутым: «те должны вести»; слово: «вести» зачеркнуто, повидимому, по недоразумению. — [3]) «т.-е.» вписано над зачеркнутым: «со всеми, кто против лозунгов русской демократии, значит». — [4]) В подлиннике: «Германией». — [5]) Слова: «коалицией... союзниками» вписаны над зачеркнутым: «и с ее союзниками». — [6]) Слова: «Или же выбирать» вписаны над зачеркнутым: «Второй путь — выбор». — [7]) Слово: «выход» вписано над зачеркнутым: «путь». — [8]) Далее зачеркнуто вписанное: «ликвидация войны путем продолжения войны». — [9]) Слово: «руководит» вписано над зачеркнутым: «ведет сейчас». — [10]) Первоначально: «армию». — [11]) Далее вписано (повидимому, неоконченная правка стенограммы): «из приведенных 2-х способов, приемлемых по условиям». — [12]) Далее вписано (повидимому, неоконченная правка стенограммы): «только второй». — [13]) Слово: «его» вписано. — [14]) Далее зачеркнуто: «вопрос». — [15]) Слова «по... обстановки» вписаны. — [16]) Речь Крыленко печатается по машинописному тексту с собственноручными поправками Крыленко.

уверенность перед смертью, что умираем за дело народа, а для этого требуется, чтобы вся власть была в руках Советов Рабочих и Солдатских Депутатов, и если нужно тушить пожар, если для скорейшего достижения мира нужна война, если для этого нужно наступление, мы пойдем, но чтобы пойти вперед, необходимо, чтобы Совет взял власть в свои руки. (Голос: «Ленину дать».)

Этих резолюций у меня, товарищи, пять. Вот телеграмма, полученная мною уже здесь. Вот еще одна резолюция, привезенная делегатами из части, вот еще две резолюции, которые были привезены мне. (Голос: «Какого полка, какой части?»). Товарищи, части могут быть известны тов. председателю и президиуму. (Голос: «Из тыла!» Шум.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Товарищи, прошу не мешать.

КРЫЛЕНКО. Как бы вы ни относились к данным резолюциям, как бы вы ни относились к точке зрения, которая в них выражена, — с фактами нужно считаться. Эти факты таковы, что, если был момент, который мы переживали в первые дни революции там, на фронте, в окопах, — момент, который я лично никогда не забуду, момент революционного энтузиазма, когда вопросы о сапогах и пополнениях совершенно не ставились, когда ставился один вопрос о том, что сейчас, в момент свержения старого режима, судьба вопроса войны и мира передается [1]) в руки революционного народа и будет решена в его интересах, всеобщее настроение было настроением энтузиазма. Этот момент сейчас отсутствует, сейчас его нет, а без него нет того, что необходимо для того, чтобы военное движение и действие было бы успешно, — нет того духа, о котором говорил предыдущий оратор. Когда военный министр дает [2]) нам здесь уроки из истории французской революции, я позволю себе противопоставить его урокам тоже урок из той же истории, как «организатор победы [3]). Карно сумел влить военный дух в массы, когда голодные, холодные, босые французские солдаты сумели восстать против всей каолиции Европы и ее победить. Два момента было тогда, которых у нас сейчас нет. Первым моментом было то, что за «организатором [4]) победы» Карно в тылу стоял революционный конвент, стояла власть, которая опиралась на низы, на демократию Парижа, и который твердую революционную власть осуществлял прежде всего не по отношению к своему крайнему левому крылу, а по отношению ко всем своим врагам и противникам справа. (Аплодисменты со стороны большевиков.) Это было первым фактором, которого у нас нет. Второй момент был следующий: около каждого генерала стоял эмиссар, и знали генералы и знал генералитет, что за каждый свой шаг, за каждое свое действие они отвечают головой; знали они, что за каждый свой шаг они отвечают перед революционными низами. Мало того, — каждый солдат знал, что в своем ранце он несет маршальский жезл. Тот момент, о котором я говорил, — момент вдохновения и энтузиазма, — тогда там был. Как раз эти резолюции говорят, что этого момента сейчас у нас нет.

Товарищи, когда еще до войны, до русской революции у нас, у социал-демократов большевиков, ставился вопрос о методах борьбы, то в № 47 нашего центрального журнала было написано: если бы во время войны вспыхнула ревслюция и революционный класс стал бы у власти, то первым своим шагом он бы сделал следующее: «он бы обратился с немедленным предложением мира ко всем воюющим, ко всем союзным странам и этим

---

[1]) Первоначально: «передает». [2]) Слово: «дает» вписано над зачеркнутым: «говорит». [3]) Слова: «организатор победы» вписаны над зачеркнутым: «победитель». [4]) Первоначально: «организаторам».

вдохнул бы тот революционный энтузиазм, посредством которого он мог бы рассчитывать на непосредственное прямое содействие и перенесение войны из плоскости национально-буржуазной в плоскость борьбы классовой пролетариата мирового против мирового капитала». [156] Этот путь вы, товарищи, считаете утопическим, этот путь вы отвергли, отбросили. Прекрасно, пусть будет так. В таком случае я прошу вас посмотреть на те пути, которые вы предлагаете. Они формулированы здесь военным министром Керенским, который сказал, что для убеждения наших союзников в решении вопроса войны и заключения мира у нас есть три пути: моральное влияние русской революции,— это одно; обаяние сил русской демократии,—это второе; дипломатические действия,—третье. Что касается морального обаяния и морального влияния, то мы закоренелые скептики в этом отношении в том смысле, чтобы эти два фактора могли оказать определенное, желательное с нашей стороны влияние на тех, которые эту войну хотят вести, ведут и будут вести, и к которым вы обращаетесь с третьим фактором — дипломатическими действиями. Я скажу, что гражданин Керенский забыл добавить в этом перечне еще одно условие, о котором он случайно здесь оговорился. Он сказал: русским войскам запрещено формально участвовать в десанте союзных войск в Греции. Это уже явление не дипломатического характера, это не средство дипломатии; это — прямое воздействие, прямой отказ от определенных военных действий, это есть в малом масштабе разрыв того самого фронта, о восстановлении которого хлопочет министр Керенский на всем протяжении нашего фронта. Значит, может быть такой момент, когда встает вопрос о том, что нужно принять какие-либо иные шаги, кроме обаяния силы и морального влияния русской революции. Революция нам поставила вопрос: г.г. союзники, когда вы производите ваши аннексии, когда вы ведете такую политику, знайте, что может настать момент, когда нам с вами будет не по дороге. И вот желательно, чтобы министр Керенский сделал все выводы из того, из чего он делает лишь частичные выводы,—желательно, чтобы вы, товарищи [1]), чтобы демократия пришла к выводу [2]), чтобы своим моральным влиянием, своим обаянием вся революционная демократия оказала на министров давление [3]), чтобы они посмотрели, наконец [4]), на то, как обстоит дело. Мы, стоящее здесь меньшинство, мы предлагаем вам сделать это.

Теперь, товарищи, перед нами стоит другой вопрос, пред нами, работниками революционных низов, работниками в армии [5]). Был момент [6]) в армии, когда мы ставили вопрос так: нам необходимо работать над тем, чтобы революционный энтузиазм армии развить до максимума, поддержать его; мы боролись тогда [7]) со всякими эксцессами, которые нарушали [8]) нормальную революционную военную жизнь, но когда перед нами сейчас политически определились две линии поведения, когда перед нами стоит вопрос практический о наступлении и когда этот вопрос закрывают стратегическими фразами, то так, как раньше, мы ставить его не можем [9]). Когда представители демократии, здесь сидящие, отдают этот вопрос на разрешение отдельных лиц или министров Временного Правительства в его современном составе, когда перед нами стоит опасность [10]) поставить на карту все завоевания [11]) русской революции и снова двинуть революционные массы

---

[1]) Далее зачеркнуто: «это желательно». — [2]) Далее зачеркнуто «желательно». — [3]) Слово: «давление» вписано над зачеркнутым: «влияние». — [4]) Слово: «наконец» вписано. — [5]) Далее зачеркнуто: «стоит следующий вопрос». — [6]) Далее зачеркнуто: «там». — [7]) Первоначально: «боремся всегда». — [8]) Первоначально: «нарушают». — [9]) Слова: «таккак... не можем» вписаны над зачеркнутым: «ясно, что этот вопрос политический». — [10]) Слово: «опасность» вписано над зачеркнутым: «вопрос». — [11]) Первоначально: «о завоеваниях».

в наступление, приложить свою руку к такому решению этих вопросов, — тогда встают вопросы этики, вопросы чести революции и личной чести, личных обязательств перед своей совестью, встают вопросы, как же там, на местах, одному, другому, третьему, мне и другим отнестись к этому. И когда перед нами так становится вопрос, то я скажу, что наступит определенный момент, когда я не смогу найти в себе силы, чтобы замазывать снова положение вещей, которое создается и создалось, и на прямой вопрос солдатских масс я дам прямой ответ, — если выдвигается вопрос о наступлении, то я отвечу: наступление сейчас не нужно! (Голоса: «Трус»! Шум. «Это трусость».) Относительно трусости, товарищи, мы поговорим с вами в другом месте. (Шум, голоса: «Трус», «трус».) Когда здесь, на Съезде, сидит министр Керенский, то я заявляю ему сейчас, что в этот момент к наступлению я призывать не буду и в ответ на ваш проект законов, которым вы грозите отдавать под суд, я отвечу: меня привлекали в войска Николая II, и я сказал и написал, — этот [1]) документ хранится в полку [2]): полагаю, что не принесу особой пользы, служа в войсках его императорского величества. Я не испугался тогда Николая II и не испугаюсь сейчас и вас, товарищи. (Голоса: «Браво», рукоплескания, шум).

ГОЛОС. Прошу отметить, призвать к порядку оратора за выражение: «Николай II и мы».

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово принадлежит тов. Подвицкому.

ПОДВИЦКИЙ. В последней речи тов. Крыленко говорилось о том, что для успешности действий революционной армии необходимым условием является единство ее наступления, единство духа, твердости этого духа. В этом отношении он был вполне согласен с тов. Державиным, но он указал на то, что при данных условиях этого единства совершенно невозможно достигнуть, что есть условия, которые мешают в значительной степени революционной армии, в частности ему, Крыленко, решить вопрос о тех или иных активных операциях этой армии в соответствующих стратегических соображениях. Есть условия, которые мешают в этот момент, когда некоторые части армии ставят вопрос об активных действиях, мешают им сохранить это единство революционной воли и принять участие в общей работе; есть условия, которые мешают им ответить на вопрос: должны ли они участвовать в общей работе или не должны. Здесь было указано, что при данном положении вещей, пока власть не находится в руках Совета Р. и Кр. Д., а в руках коалиционного Временного Правительства, при тех условиях, когда платформа мира, выдвинутая революционной демократией, еще не осуществлена, эти части революционной армии не могут перенести вопрос в плоскость стратегии, и считают, что при таких условиях активные операции армии, ее наступательные действия являются сдвигом, являются попыткой спять с очереди вопрос о задачах революции, о платформе мира, о целях войны, что такого рода действия при данных условиях, когда власть не находится целиком в руках Совета Р. и Кр. Д., такого рода действия играют в руку, по мнению нашего левого крыла, империалистов.

Товарищи, надо вдуматься в то положение, которое здесь выдвигается, вдуматься в ту тактику, которая здесь предлагается, которая выдвигается нашими товарищами слева. Они говорят о единстве, но о каком единстве идет речь? Если вдуматься реально, практически в то положение, которое создается, то оно сводится к следующему: до тех пор, пока мы, большин-

---

[1]) Слово: «этот» вписано над зачеркнутым: «там есть». — [2]) Слова: «хранится в полку» вписаны над зачеркнутым: «по поводу этого».

ство российской революционной демократии, не считаем возможным согласиться с лозунгами, которые предлагаются нашими товарищами слева, до тех пор они считают себя в праве нарушать единство этой революционной воли. Вот практически, к чему сводится положение, и действительно, еще недавно, еще вчера, мы были свидетелями того, что наши товарищи слева считают возможным нарушать это единство революционной воли, потому что мы, остальная часть революционной демократии, ее большинство, не считаемся с теми лозунгами, которые они выдвигают. Вот положение, которое есть. Я должен сказать, что такого рода стремление к единству, такого рода отношение к этому единству, — это, конечно, есть тактика не единства, а тактика разъединения. Если так ставят вопрос наши товарищи слева, я должен сказать, что подобное отношение к вопросу о единстве есть тактика своего рода вымогательства, потому что они говорят: до тех пор, пока вы с нами не согласитесь, до тех пор, пока вы с нами не пойдете, до тех пор мы считаем для себя необязательными ваши директивы, ваши постановления и считаем необязательным координировать наши действия с вашими действиями. Вот какой ответ они дают нам.

Теперь дальше, по вопросу о войне, относительно того, что пока платформа мира, выдвинутая российской революционной демократией, не принята демократиями других стран, не принята правительствами других стран, пока французское и английское правительства не отказались от завоевательных целей войны, до тех пор товарищи слева говорят, что мы не можем принять участие в войне, принять тактику, которая диктуется задачами этой войны. Мы не можем перенести операции армии в плоскость стратегии. Мы считаем, что это является вопросом политики, а не вопросом стратегии. Товарищи, конечно, если подходить к этому вопросу жизни, действительности, если подходить ко всем вопросам революционной тактики теми упрощенными и прямолинейными способами, какими подходят наши товарищи слева, если будем подходить с точки зрения абсолютного морального легализма, тогда нельзя отрицать, что у них есть соответствующее основание. У них есть основание, что мы, действительно, не имеем полного отказа и полной гарантии в том, что эти захватные цели выброшены за борт. Но, товарищи, в этом заключается разница между нашей тактикой и тактикой наших товарищей слева. Мы вынуждены отказаться от этого упрощенного и прямолинейного понимания, мы вынуждены отказаться от морального легализма. Мы вынуждены ставить вопрос в условиях данной действительности. В таком случае нам приходится выбирать между сепаратным миром или фактическим или формальным сепаратным перемирием, — тогда приходится выбирать между отказом от всяких действий и таким образом поддерживать германский империализм, с одной стороны, и между участием в этой войне, с другой стороны, хотя бы мы и не добились полного торжества нашей платформы мира, хотя нам не удалось добиться отказа от империалистических планов со стороны французского и английского правительств. Нам приходится выбирать между этими двумя моментами, потому что третьего выхода нет, ибо это не выход, который нам навязывают товарищи слева, потому что те рассуждения, те фантастические рассуждения о том, что мы можем в рамках национального нашего масштаба вести социальную революцию и таким образом зажечь пламя социальной революции во всей Европе и этим снять с очереди вопрос о войне, — это не является выходом. Я думаю, что многие товарищи слева сами понимают, что это выходом при данных условиях не является. Если такого выхода нет, то остается два выхода. Это, с одной стороны, поддержка германского империализма путем отказа от всех активных действий на нашем фронте, а с другой, участие в войне,

соединенное в то же время с нашими международными стремлениями, направленными к тому, чтобы выдвинутую российской революционной демократией платформу мира провести в жизнь. Когда нам приходится выбирать между этими двумя моментами, то мы вынуждены принять второе, — это участие в войне.

Раз это так, раз мы принимаем участие в этой войне, считаем безусловно необходимым и обязательным перенести вопрос о тех или иных операциях, о тех или иных действиях революционной армии в плоскость стратегии, — это, товарищи, не значит, что мы снимаем вопрос о целях войны. Все наши работы, направленные к утверждению нашей платформы мира, остаются. Они не только не ослабляются, они усиливаются тем самым сознанием необходимости этих действий нашей армии, которые мы видим. Это так, потому что именно участием нашей армии мы усиливаем позицию наших французских товарищей, которые также борются за проведение платформы этого мира, и в то же время мы наносим определенный удар германскому империализму, который уже сумел использовать это сепаратное перемирие. Вот, товарищи, каково положение. Из этого положения может быть только один выход, который намечается большинством революционной демократии и с которого не могут свести эту революционную демократию те попытки, которые делаются нашими товарищами слева.

ЛУНАЧАРСКИЙ. Товарищи, я займу недолго ваше внимание и, быть может, не использую всех тех минут, которые мне будут предоставлены, потому что для серьезной критики той политики, которую вы уже выбрали, нескольких минут мало, а также и потому, что для меня, как я это говорил на собрании социал-демократов до Съезда, вопрос о войне и вопрос о власти связаны неразрывно. Если бы вопрос о власти вами не был уже решен, конечно, стоило бы приводить разные доводы к тому, что переход власти в руки демократии мог бы обозначать собою начало такой тактики, которая разрубит гордиев узел военных событий, о запутанности которых вам все время докладывали представители вашего правительства. Вне этого пути, вне перехода власти в руки демократии при том типе власти, который вы уже избрали, мы никакого реального пути для быстрого окончания этой войны не видим. Стало быть, развивать сейчас наши практические планы кажется нам довольно бесполезным. Теперь вам приходится продолжать ту политику, которую вы выбрали, и мы от души желаем, чтобы она вывела вас на правильную дорогу. Мы посмотрим, как это будет.

Я хотел бы остановиться только на одном месте из речи министра Керепского и указать на то противоречие, в которое впадают люди, стоящие на точке зрения, восторжествовавшей здесь на Съезде, когда начинают говорить конкретно о лицах, с которыми им приходится иметь дело и с которыми они думают итти и дальше и уладить эту всемирную разруху. Гражданин министр Керенский сказал, между прочим, характеризуя те условия мира, которые наметил Шейдеман и его сторонники, что он не видит большой разницы между Рибо и Шейдеманом. Мы тоже не видим этой разницы между Рибо и Шейдеманом, но эта фраза сама по себе была в высокой степени характерна. Если тов. Керенский находил, что такой разницы нет, то, очевидно, не потому, что оба хороши, а потому, что политика того и другого кажется ему расходящейся резко и многознаменательно с той политикой, которую он, опираясь на ваше доверие, думает вести. Рибо и Шейдеман оба придерживаются, каждый со своей точки зрения, империалистической линии ведения этой войны. Но что предлагает практически Керенский и его товарищи по министерству? С одной стороны, действовать вместе с Рибо потому, что, очевидно, не только разрыв с союзниками и сепаратная

деятельность с Россией, но даже постановка, не скажем, ультиматума, а просто постановка, подкрепленная известным условием, обусловленная каким-нибудь конкретным и значительным шагом со стороны России, — вот, мол, если вы не пойдете на то-то и то-то, то вы поставите нас в необходимость сделать так-то и так-то, — даже это отметается; все это рассматривается, как угроза, с которой мы в теперешнем положении не можем обратиться к кому бы то ни было. Все это рассматривается, как гибельная мера для России. С этим самым Рибо, который ничем не отличается от Шейдемана, думают наладить тем не менее какие-то переговоры и надеются каким-то образом, что эти переговоры могут привести к благоприятным результатам. Но рядом с этим тов. Дан отвечает: мы имеем и другие пути. Один путь дипломатии недостаточен, мы имеем еще другую дипломатию, — сговор с социалистами. С какими? С Шейдеманом. Конференция, которая здесь предлагалась, есть конференция с представителями большинства, т.-е. с теми немецкими социалистами, которые от Рибо нисколько не отличаются. Немножко увлекшись, тов. Керенский, когда он хотел охарактеризовать положение, в сущности говоря, ударил сразу по обеим ногам, на которых стоит ваша программа. Да, Рибо и Шейдеман друг от друга ничем не отличаются, почему мы говорим постоянно: Россия не выйдет на правильный путь, пока она находится в зависимости от Рибо, и замена зависимости от Рибо зависимостью от Шейдемана не есть решение вопроса. Прибавить к дипломатическим переговорам с Рибо и Ллойд-Джорджем переговоры с Гендерсоном и Шейдеманом — это значит ничего не прибавить.

Конечно, если в Западной Европе начнется среди самих правительств течение спастись от революционного движения, развивающегося внезапно, и выйти из этой войны без полного морального и политического краха, если будут искать спасения от этого на пути какого-нибудь скверненького буржуазного мира, тогда Шейдеман и Гендерсон получат соответствующие указания от своих правительств и, может быть, этот скверненький мир наладят. В этом случае возможно, что это как раз совпадет и с вашей тенденцией, с вашими стараниями, и вам позволят к этому скверненькому миру тоже руку приложить. Это лучший исход, который мы предвидим, и, по правде, этот лучший исход кажется до такой степени отвратительным, до такой степени не оправдывающим ужасных жертв, которые человечество принесло в этой войне, что мы не без ужаса смотрим на этот исход.

Если бы империалистические правительства предпочли выйти целыми из поднятой ими катастрофы путем чьей-нибудь победы, каждое надеясь, что, увенчанное венком победы, оно, перед лицом своей собственной, требующей ответа, страны, спасет свою власть, — если, таким образом, не путь соглашения между этими правительствами, а дальнейшая бойня будет целью каждого из них для спасения себя и правящих классов, в таком случае Шейдеман, Рибо и Гендерсон будут ставить препятствия дипломатическому соглашению и каждый будет действовать, как дипломатический агент своей империалистической державы. Между тем, только на эти компании вы рассчитываете. Когда министр Чернов спрашивал меня относительно моего перерыва — Zwischenruf'a: справились ли вы с волей меньшинств, когда хотите ставить ультиматум, справились ли вы, когда хотели этого Ланге и Гаазе? — незачем было спрашивать. Я знаю, что этого пути испугаются; точно так же, как вы не стоите на точке зрения Гендерсона и Тома, вы ближе к точке зрения Ланге и Гаазе, но они не представляют пролетарского большинства, а если скажут, что это большинство недостаточно себя проявляет, где гарантия того, что крайнее левое течение является действительно выразителем целей революции. Я скажу: да, тот, кто хочет

считаться с фактом, как он есть, кто не умеет проследить тенденции революционного развития, кто не умеет отнестись к диалектическому развитию, — скажу: здесь присутствует лицо, которое опирается ... (не слышно) (Голос: «Не на ваше!»)..., то само собою разумеется, тот окажется рабом факта, как он перед ним стоит. Потребовалось бы действительно глубокое знакомство с фактами западно-европейской жизни, потребовалось бы проследить, насколько растет недовольство в массах демократических всех этих стран, насколько растет оппозиция в социалистических партиях Западной Европы, чтобы мы могли с фактами в руках показать, действительно ли решительные действия со стороны России способны на развитие огромной силы протеста против войны. Но мы в значительной степени лишены этой возможности. Чернов говорил мне: вы должны были там осведомиться, а потом приехать сюда. Мы надеялись, что, приехавши сюда, можем также осведомляться. Но, несмотря на то, что военный министр социалист, стало быть, цензура вряд ли перехватывает ваши газеты, и несмотря на то, что министр почт и телеграфов социалист и поэтому связь почтовая с Европой, казалось бы, находится в его ведении, — несмотря на это, мы просто не можем иметь заграничных газет, даже буржуазных, а тем более вы не можете следить за тем, как развертываются события в Западной Европе. Бледными отблесками доходит сюда то, что нежелательно допустить в Россию для контролирующих ее высоких, могучих союзников-покровителей. Но мы утверждаем на основании того, что нам известно из западно-европейского опыта, что надежда на этот расчет, на то, что революционное движение избиваемых и истребляемых народов с каждой неделей, с каждым месяцем достигает все большего напряжения, и что произойдет взрыв, быть может, столь же неожиданный, как был неожиданный революционный взрыв в России, но столь же короткий, мощный и меняющий сразу весь ход дела, — что надежда на это имеет громадные шансы. А так как это единственная надежда, так как все другие надежды по существу представляют туман, в котором вы идете, не зная куда, к пропасти, в которую вы свалитесь, — так как это единственная надежда, то на эту карту приходится, действительно, ставить наш выигрыш. Это находят азартной игрой. Я говорю: в отчаянном случае, — а Россия стоит в отчаянном положении, — надо уметь дерзать, потому что та игра, которую вы ведете, на наш взгляд, есть игра на несомненный проигрыш. Азартная игра — вещь нехорошая, но невинная игра в дурачки может привести к нелепым результатам. Поэтому мы рекомендовали эту политику вам, но вы выбрали путь с правительством, которое вы имеете, путь, который не может привести к революционной активной политике. Ответственность за дальнейшие судьбы России вы берете на себя, и мы можем пожелать, как социалисты и друзья человечества, чтобы на этом пути вас ждало поменьше разочарований или чтобы разочарования появились в такой момент, когда дело можно будет еще исправить.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Тов. Луначарский, я просил бы вас избегать таких выражений, как игра в дурачки.

ПЕЧЕРСКИЙ. Товарищи, мы живем в исключительно трудное и в исключительно ответственное время, а для нас, представителей фронта, особенно ответственное, и этот момент всеми чувствуется. Вся русская революция находится как бы в заколдованном кругу, и круг этот — война.

Теперь, когда решается вопрос о войне и мире, разрешите вам напомнить, товарищи, о тех, кто несет на себе непосредственно бремя войны, для которых этот вопрос не академический, а вопрос кровавой расправы. Разрешите напомнить о нашей армии, о нашей революционной армии. (Аплодисменты.) Товарищи, я напомню вам об армии. Я должен сейчас

перейти к тем выводам, которые сделал тов. Крыленко. Для меня эти выводы имеют большое значение потому, что я предвижу от них глубокие драматические, даже трагические эпизоды. Что тов. Крыленко нам говорил? Он сказал, что когда солдаты поставят перед ним вопрос: нужно ли итти в наступление или нет, он скажет им: «не нужно». Я больше того говорю,— я предполагаю, что тов. Крыленко почтет для себя обязательным не ждать, когда солдаты поставят ему этот вопрос, а первый скажет им: товарищи, в наступление итти не нужно. Вот какие получаешь из этого выводы.

Нужно, товарищи, раз навсегда вполне определенно поставить вопрос о том, что мы здесь собою представляем. Если мы, действительно, тот революционный парламент, на который указывал Троцкий и другие товарищи большевики, если то решение, которое мы примем, является решением революционной демократии России, то из этих решений нужно делать соответствующие выводы, и, значит, эти выводы должны быть обязательны для всей демократии, ибо, товарищи, если мы исходим из того положения, что те решения, которые мы здесь принимаем, необязательны, тогда, товарищи, нам не зачем было бы собираться, не зачем было бы тратить драгоценное время, когда мы нужны в окопах. Раз это решение неоспоримо, то это решение особенно важно у нас на фронте. Я спрашиваю вас: к чему ведет та политика, которую рекомендуют товарищи большевики? Это значит, что на фронте, в то время, когда будут решаться вопросы первой важности, когда должны быть брошены массы народа на фронт, на спасение революции, тогда, товарищи, перед этими массами станет раскол, тогда возникнут междоусобицы, вооруженные массы пойдут друг на друга. Товарищи, я спрашиваю вас: может ли это быть в интересах революции, может ли кто-нибудь содействовать этому? Ни один честный человек, ни один честный революционер, который продумал то, что говорит, тот, кто ставит лозунги не на ветер, а для того, чтобы они получили определенное осуществление,— никто такого лозунга дать не может. Товарищи, в чьих интересах может быть разгром нашей армии? Иначе нельзя рассматривать эти лозунги. Когда армия должна вести политику борьбы, когда она должна воевать, когда в это время являются междоусобицы, когда вооруженные полки идут против вооруженных полков, тогда единственный путь, на ...[1]) что армия может [выйти] с честью из поставленных перед нею задач,— не приходится. Тогда надо раз навсегда предусмотреть, что мы идем на разгром армии. В чьих интересах может быть разгром? Конечно, не в наших интересах и не в их.

И вот, товарищи, теперь, перед лицом всей революционной России, не только перед армией, я считаю необходимым выяснить те вопросы, которые станут перед вами. Я спрашиваю товарищей большевиков: что вы намерены делать? Считаете ли вы возможным звать людей, в то время, когда имеется решение всей революционной демократии, вести ту или другую политику? Я спрашиваю, считаете ли вы возможным внести таким образом дезорганизацию [в] армию [2]), считаете ли возможным посылать туда маршевые роты и какие выводы из этого делаете? Вы должны дать на это определенный и ясный ответ, что вы думаете делать, как вы думаете себя вести, и этого ответа мы от вас ждем.

Тов. Крыленко говорил, что боеспособность армии зависит от двух моментов: армия должна быть подготовлена технически, но и армия должна быть едина духом, потому что иначе быть не может. В армии царской была сила кулака, и тогда можно было двигать армию силой принуждения,

---

[1]) В подлиннике дефектное место; в газетах это место пропущено. — [2]) В подлиннике: «армин».

палкой, но и только благодаря тому, что создался известный психоз на ряду с войною, можно было воевать. Теперь нет силы палки, и нужно, чтобы была единая революционная воля, чтобы армия знала, что она творит народное дело, чтобы у нее было доверие, когда мы заявляем, что армия должна оставаться на местах, когда мы ее не можем увести оттуда, и тогда мы должны иметь мужество сказать, что она должна оставаться на местах и оправдать волю демократии. Если же вы считаете возможным сказать, что армия может не итти в наступление, если считаете возможным заявить, что отдельные части должны пойти друг против друга, то вы должны иметь мужество сказать, что мы должны отозвать армию, и она должна штыки вонзить в землю. (Аплодисменты.)

Еще один момент. Слишком много людей имеется среди нас,— не здесь сидящие, а в России вообще, — которые говорят, что воевать нужно, что нужно итти в наступление и т. д. Я должен вам сказать, что слишком многие из этих людей находят возможным решать этот вопрос не для себя, а для других. Товарищи, есть один огромный позор: это — позор самооборончества от войны, и здесь, с этой трибуны, я от лица армии протестую и говорю, что есть огромная часть скрывающихся здесь, в тылу, от фронта. (Аплодисменты.) В армии вопрос ставится таким образом: если действительно нужна защита революции, если нужна защита свободы, воли и земли, тогда все должны пойти на фронт, потому что это общая задача, общая цель. (Аплодисменты.) Я говорю, здесь должно быть вполне определенно сказано в связи с теми вопросами, которые ставятся товарищами большевиками, что должны делать маршевые роты. Я должен сказать, что маршевые роты идут вяло; они часто приходят таким образом, что лучше бы они совершенно не приходили, и здесь от имени Съезда должно быть вполне определенно сказано: раз мы ставим вопрос так, раз война не может быть прекращена хотя бы усилиями большевиков, то должны быть двинуты все маршевые роты, — армия не может быть предоставлена самой себе на разгром и погибель. (Аплодисменты.)

НИКАНОРОВ. Я, товарищи, являюсь делегатом из той же самой армии, что и тов. Крыленко. Я не разделяю его взглядов, отчасти я его противник, но, как честный противник, я прежде всего должен сказать, так как я хорошо знаю тов. Крыленко, что он не трус (аплодисменты) и, во всяком случае, искренний человек, но у тов. Крыленко есть два больших греха. Первый грех — тот, что он слишком верит себе, когда говорит что-либо и когда думает о чем-либо, а второй его грех, самый трагический для него, это — то, что он, закрыв глаза, слепо верит тому, что он думает, и теряет доверие в солдатской массе, представителем которой он является. (Аплодисменты.)

Тов. Крыленко начал здесь свое выступление тем, что прочел две резолюции, необычайно патетически-сантиментально составленные. Я полагаю, что такого рода резолюции из ума и сердца чисто солдатского выйти не могли. (Голоса: «Правильно». Аплодисменты.) И в ответ на эти резолюции я прочту вам тоже две резолюции, которые являются не резолюциями отдельных полков, а Съезда корпусных и дивизионных, Съезда корпусного, на котором присутствовало до 20.000 солдат. (Шум). (Читает): «Солдаты, стрелки и весь командный состав такого-то корпуса...

Это, товарищи, одна резолюция, а вот вам и другое дивизионное постановление (читает): «Вверив свои силы, мы верим»... [1])

---

[1]) Зачитанные Никаноровым резолюции не найдены.

Я, товарищи, во многом, быть может, не согласен с тем, что говорят эти резолюции, но я должен был прочесть их как бы в противовес тем резолюциям, которые предложил вам тов. Крыленко.

Здесь слишком много говорили о теориях, очень хорошо, а иногда и очень дурно. Нам здесь рассказали о причинах, вызвавших войну, нам здесь объясняли происхождение этой войны и много говорили о том, должна ли она продолжаться или не должна, должна ли она закончиться или не должна закончиться. Товарищи, я здесь попробую говорить не теоретическими выкладками, а попытаюсь перед вами показать те мысли, те думы, те настроения, которые заполняют чистые солдатские, простые сердца. Они слишком далеки, — может быть, это будет обидно для нас всех, — от всякого рода теорий. Тов Крыленко, когда начал свою речь, говорил о том революционном экстазе, который, якобы, охватил в первый момент всю армию. Товарищи, я и все те, кто со мною приехал, кроме тов. Крыленко, мне кажется, нашли совершенно другое в первое время в настроениях окопов. Нужно сказать, что в сердцах и умах солдат, когда возбуждается вопрос о войне, он всегда претворяется в вопрос о мире и, — это прежде всего, — и этот вопрос клином сидел в его голове и в его сердце еще до революции. Когда же вспыхнула революция, когда первая волна ее докатилась до окопов, когда в первый момент, — я прямо скажу, — эти дезорганизующие начала захватили было окопную армию, тогда слишком прямолинейно и слишком примитивно был всей солдатской массой поставлен вопрос о мире: мы устали, изголодались, измотались, мы хотим мира, мы не хотим никого слушать, мы хотим домой, — вот определенные лозунги, в большинстве случаев неодпократные. Я не говорю о наиболее сознательной части тех, которые были тогда в окопах. Это привело, товарищи, к тому, что по всей линии начались хотя бы те же самые братания. В некоторых случаях замечались побеги из окопов.

Здесь, товарищи, меньше всего, мне думается, сыграли роль какие-либо идейные течения слева или справа. Было просто-напросто инстинктивное стремление к миру, которого каким бы то ни было путем хотели все, кто был в то время в окопах. Прошло, товарищи, два месяца, и солдаты увидали, что тем путем, на который позвал их в первую минуту инстинкт, к миру не придешь, и вот в это самое время большую роль сыграли комитеты, которые в настоящее время стоят, кажется, в глазах солдат превыше всего. Они сумели до известной степени вложить в сердца этих солдат некоторую идейную основу, но все же не эта идейная основа вызвала тот перелом, который за последнее время замечается во всей армии. Перелом вызвал иное. Я уже сказал, что два месяца солдаты ждали мира, ждали, что он придет к нам путем братания, путем сидения на месте, но так они пришли к пустому месту.

И вот, когда с их фронта начали немцы убирать дивизию за дивизией, убирать целые десятки и сотни пушек, которые когда-то громили русские окопы и убивали солдат, когда у них стала ясна мысль, что прежним путем до мира не дойти, то возникло, опять-таки по большей части инстинктивно, стремление к миру другим путем: мы не хотим завоеваний, мы не хотим контрибуций, — эту мысль комитеты успели вдохнуть, — но мы все-таки хотим мира каким бы то ни было путем, независимо от идейных построений; сейчас перед нами разрозненный немецкий фронт, сейчас перед нами нет пушек, и если мы пойдем и опрокинем врага, то приблизимся к желанному миру. Это, товарищи, было самым главным стимулом при решении этих резолюций, и на это следует прежде всего обратить внимание.

Товарищи слева предлагают подождать: подождите, — говорят, — скажут слово народы всего мира, а если получится такое сочетание отношений между странами, что нам придется выступать хотя бы против той же самой Германии, то мы сейчас повременим, но зато наступим после с огромными силами. Товарищи, я боюсь, я решительно боюсь, что к тому времени, когда это случится, настроение, которое сейчас есть в войсках, опять упадет, что к тому времени возвратятся на наш фронт и пушки, и солдаты немецкие, и вряд ли можно будет двинуть вперед тогда наши войска с такою легкостью. Я уже не говорю о том, что с помощью нашей армии можно произвести социальную революцию всего мира.

Я, товарищи, кончаю. Я не высказываю каких-либо собственных своих мнений, я передаю только те настроения, которыми действительно живет фронт, которыми живет простой, серый солдат. Я вам передаю, а вы, товарищи, по совести своей решите, как поступать. (Аплодисменты.)

СУХОВ. Товарищи, трудно сохранять спокойствие, когда в данную минуту на улицах могут совершиться неожиданно самые трагические события, но не нужно забывать, что мы должны сохранять спокойствие, потому что перед нами общегосударственные вопросы. И раз дело стоит таким образом, то мы должны сказать, что никакими запугиваниями нас нельзя совратить с того пути, который мы считаем правильным, и если бы нам пришлось не голосовать, а умирать за наше решение, то мы, как революционеры и социалисты, обязаны были бы поступить таким именно образом. (Аплодисменты.)

Хотя нас и называют кое-где и кое-кто полукадетами [157], но я думаю, товарищи, все мы своею жизнью доказали, что это не так, и если понадобится, мы еще раз это докажем. В свою очередь, товарищам большевикам я позволю сказать: товарищи, помните, что в настоящий момент вам кажется, что вы ведете кого-то за собой, но разве вы сами не видите, как по тонкой пленке полусоциалистического большевизма масс уже начинает проявляться лицо хаотического анархизма. Когда вам кажется, что вы ведете массы за собой, то, может быть, как раз дело обстоит наоборот. Вы стремитесь ответить желаниям голодных усталых масс, желаниям вполне естественным, но, поддаваясь этому желанию, вы отступаете от учета всей сложившейся исторической обстановки. Товарищи, вы были социалистами и теперь вы в значительном большинстве остаетесь ими, вернитесь же на правильный социалистический путь. (Шум. Отдельные возгласы.) Не вернетесь? Ну, ничего не поделать.

Товарищи, итак, мы вернемся к вопросу о войне, который будем рассматривать тоже с самой единственной рационально социалистической точки зрения. Конечно, когда мы читаем выкрики всевозможных газет о наступлении, я скажу, истерические выкрики, то они не представляются для меня такими комичными, как многим, может быть, из нас. Товарищи, от этого комизма пахнет кровью, поэтому мы не можем решать здесь вопроса о том, что мы должны во что бы то ни стало наступать. Конечно, нет, — не лозунг о наступлении может быть делом Съезда, но, с другой стороны, мы не должны забывать и того, что боеспособность армии мы можем защищать с полным правом. Я думаю, что в этом смысле лозунга никто не может усмотреть какого-нибудь шовинизма, какого-нибудь узко-националистического патриотизма — ни в коем случае.

Товарищи, русская революция, это — фактор не маленького, местного значения. Русская революция, это — мировой фактор, и защищать ее от всяких покушений извне и изнутри, это — наше святое право. И я думаю, что когда святая тревога за судьбу нашей революции, — за судьбу мировой

революции, я сказал бы, — нами овладевает, никто не посмеет упрекнуть нас в шовинизме. Я говорю: мы рассматриваем русскую революцию, как интернациональный фактор; с этой точки зрения мы глядим на нее и в этом смысле мы являемся настоящими интернационалистами и мы никому не уступим монополии на эту самую кличку. Товарищи, но только нам, так же, как и всем, страшно смотреть на этот урожай белых могильных крестов, который происходит во всех странах Европы, нам точно так же, — мы это подчеркиваем, — точно так же слезы немецкой матери представляются такими же слезами, как и слезы русской матери. Верно, и мы хотим мира, но только эту самую борьбу за мир мы должны вести такими способами, которые действительно приведут к результатам. Но, товарищи, может ли привести к результатам, например, этот фактически установившийся сепаратный мир, который господствует на одном из фронтов мировой войны? Товарищи, нам говорят, что, принимая участие в этой самой войне, мы служим интересам французских и английских империалистов. Да, но, останавливаясь здесь, не двигаясь совершенно, заключая фактический мир, разве мы не служим интересам другого империализма? Если, товарищи, Германии удалось бы раздавить Францию, то разве пострадали бы от этого французские империалисты, разве от этого не пострадал бы и весь французский народ, разве когда Бельгия была раздавлена, была раздавлена только бельгийская буржуазия, разве бельгийские рабочие и крестьяне не пострадали от этого?

Товарищи, вполне понятно, что когда мы учитываем опасность от одного империализма, мы не должны быть односторонними, мы должны вспомнить и о другом, не менее грозном, другом империализме воюющей с нами страны.

Товарищи, я хочу отметить вот какое обстоятельство: нам говорят, что если мы поведем войну, поведем войну энергично, то, быть может, от этого возникнет огромная опасность, а пример опасности — перемена лозунга. Сейчас мы выставляем лозунг «без аннексий и контрибуций», сейчас мы выставляем лозунг «самоопределение всех народов», но две или три хорошие победы, говорят нам, и изменится настроение. Товарищи, мы не должны опасаться только этого, — нет. Как мы можем предотвратить эту для меня тоже существующую опасность? Только организуясь. Когда революционная демократия будет действительной, могучей силой, то для нее никакие перемены лозунгов не будут опасны. Не дипломаты, не отдельные люди из привилегированных классов, а сам народ, организованный, не людская пыль, а сплоченный, будет диктовать эти условия, и слово революционной демократии России весит, право, гораздо больше, чем слово какого-угодно другого народа. С нашей стороны не будет никакой перемены лозунгов. Но если хотите, чтобы мы повлияли и на союзников в смысле перемены лозунгов, то каким образом мы можем поступить? Неужели оставаясь бессильными, неужели дезорганизуя армию лозунгами, которые неправильно понимаются в массе? Ни в коем случае. Если мы хотим, чтобы с нами считались, мы должны быть сильны. Я подчеркиваю. С этой точки зрения, мы должны сказать, что нужно не ультиматумами разговаривать, а такими заявлениями, за которыми скрывается настоящая сила. Если мы будем сепаратными, отдельными выступлениями расстраивать мощь страны, мощь тыла, мощь армии, то мы не будем ни в каком случае сильными, и все ультиматумы останутся только клочками бумаги. Я говорю, что если мы хотим итти настоящей дорогой к миру, то у нас есть один путь: сильная армия и сильная организованная демократия. Только опираясь на эту силу, мы сумеем заставить считаться с нами германских империалистов, а английским и французским империали-

стам сумеем навязать свою властную волю. Только это является действительным путем к борьбе за мир. Если кто занимается другими вещами и отдельными сепаратными выступлениями разбивает нашу мощь, то тот играет в дурачки.

ЗИНОВЬЕВ [1]). Товарищи. В [2]) только-что [3]) выслушанных речах говорилось о лозунге мира без аннексий и контрибуций. И не подлежит никакому сомнению, что в резолюции, которую вы вынесете по вопросу [4]) о войне, этот лозунг будет стоять на первом месте [5]). Лозунг «без аннексий и контрибуций на основе самоопределения народов» [6]) без всякого преувеличения является самым популярным лозунгом в народных массах. Но вместе с тем, надо сказать, что трудно было [7]) бы назвать другой лозунг, вокруг которого создалось бы столько неясностей, столько злоупотреблений, как вокруг этого наиболее популярного лозунга.

Вы знаете, как отвечают на воззвание Петроградского Совета германские империалисты и германские социал-демократы [8]) его величества Вильгельма. Еще [9]) на-днях мы читали, что господин [10]) Шейдеман, сторонник германского империализма, с которым мы [11]) не будем совещаться, но с которым вы [12]) — увы! [13]) — собираетесь совещаться в ближайшие дни [14]), этот Шейдеман заявляет, что «в принципе» он признает лозунг «без аннексий и контрибуций», но он «истолковывает» его так, что Эльзас и Лотарингия должны остаться за Германией [15]), как и [16]) прусская Польша [17]). Вы знаете, что так же поступают империалисты и социал-империалисты других стран [18]). На-днях мы читали речь Соннино, итальянского министра, речь, произнесенную им после того, как он «скушал» Албанию. И что же? [19]) Соннино заявляет [20]), что он сделал [21]) это исключительно для торжества пароля «без аннексий и контрибуций». Не так давно [22]) мы читали [23]) речь бывшего английского [24]) министра Асквита, одного из влиятельнейших политиков английской буржуазии. Когда перед английской буржуазией встал вплотную факт, что в России, кроме Временного Правительства капиталистов, существует зародыш другой власти в лице Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, который выдвигает требование мира без аннексий и контрибуций, когда английская буржуазия [25]) встала перед этим фактом, она должна была дать свой ответ.

И вот что сказал Асквит. Он вышел на трибуну английского парламента и заявил, что принцип «без аннексий и контрибуций» можно признать [26]). Но это дело надо разобрать. Бывают аннексии и аннексии. Их можно насчитать целых [27]) четыре [28]) сорта. Один из видов [29]) аннексий, это — голый захват для экономического и политического грабежа. Эта аннек-

---

[1]) Речь Зиновьева печатается по машинописному тексту в д. № 12 с собственноручной правкой Зиновьева.—[2]) «В» вписано.—[3]) Далее зачеркнуто: «в».—[4]) Слова «по вопросу» вписаны над зачеркнутым: «в резолюции».—[5]) Слова: «на первом месте» вписаны над зачеркнутым: «во главе».—[6]) Вставлены ковычки, зачеркнута точка, дальше прописная буква заменена строчной. — [7]) Слово: «было» вписано. — [8]) Первоначально: «германская социал-демократия». — [9]) Слово: «Еще» вписано. — [10]) Слово: «господин» вписано. — [11]) Слово: «мы» подчеркнуто. — [12]) Слово: «вы» подчеркнуто. — [13]) Слово: «увы!» вписано. — [14]) Слово: «дни» вписано. — [15]) Первоначально «для Германии» и далее зачеркнуто: «потому что лозунг самоопределения сюда не относится. Он позволяет себе говорить, что этот пароль не относится также и к». — [16]) Слова: «как и» вписаны. — [17]) Первоначально: «прусской Польше». — [18]) Первоначально: «в других странах». — [19]) Слова: «И что же?» вписаны. — [20]) Первоначально: «заявил». — [21]) Первоначально: «делает». — [22]) Слова: «Не так давно» вписаны над зачеркнутым: «на-днях». — [23]) Слово: «читали» вписано над зачеркнутым: «слышали». — [24]) Слово: «английского» вписано. — [25]) Слова: «английская буржуазия» вписаны. — [26]) Первоначально: «признавать». — [27]) Слово: «целых» вписано. — [28]) Слово: «четыре» подчеркнуто. — [29]) Первоначально: «одна из».

сия действительно [1]) незаконна. Но остальные три вида аннексий законны и справедливы. И Асквит [2]) начал их пересчитывать [3]) по пальцам [158].

Первый [4]) вид законных аннексий [5]), это — та аннексия, которая производится для освобождения маленьких угнетенных национальностей. Очевидно, он имел в виду Польшу [6]). Для нас, русских социалистов, Польша родная сестра. Этот пример нам ближе всего [7]). И вы знаете, кто только ни «освобождал» Польшу в этой войне? Вы помните, что первый «освободил» Польшу никто иной, как дядюшка бывшего царя Николай Николаевич. Он издал манифест об освобождении польского народа во имя лозунга [8]) освобождения маленьких наций. Тогда Вильгельм и его шайка сказали: что же, мы писать не умеем? И издали манифест, что дают Польше еще гораздо [9]) бо́льшую свободу. Их лаврам позавидовал престарелый монарх австрийский, ныне уже успокоившийся. Он [10]) сказал: а [11]) что же, у нас бумаги нет? — и издал манифест, в котором заявил, что даст Польше самую полную свободу. А [12]) когда у нас у власти стали г.г. Милюков с Гучковым, они сказали: да ведь и мы писать умеем [13]). И они издали манифест, в котором сказали: а [14]) мы дадим Польше самую [15]) наибольшую [16]) свободу и еще кое-что сверх того [17]) [159]. Все «освобождают» Польшу, а [18]) Польша лежит у ног этих державных разбойников. Поля ее истерзаны и орошены кровью. Вот вам первый [19]) вид «законной» аннексии, по Асквиту [20]).

Второй вид законной аннексии, это [21]) — когда надо освободить одну часть угнетенного [22]) народа и воссоединить [23]) его с братьями по языку. Очевидно, перед Асквитом носился пример [24]) Италии. Действительно, часть итальянского народа живет под игом Габсбургов. Против освобождения таких народов ни один социалист [25]) ничего не скажет. Но, товарищи, нужно считаться с действительным [26]) положением вещей в этой войне. Не так давно не какой-либо страшный большевик, а умеренный [27]) трудовик В. В. Водовозов опубликовал тайный договор [28]), заключенный [29]) Россией и союзниками [30]) с итальянскими капиталистами во время войны. Что же мы узнали оттуда? Мы узнали, что русский царь и та шайка, которая за ним стояла, и «союзники» [31]) наши, французские и английские капиталисты [32]), во время войны продавали [33]) сербов и другие славянские народы. Договор с итальянцами заключался в том, чтобы вознаградить их целым рядом земель, заселенных отнюдь не итальянцами. Итак, нынешняя [34]) война идет не [35]) для защиты угнетенных народностей, а для того, чтобы итальянским капиталистам отдать на съедение чужие народности. Это — второй вид «законной» аннексии по Асквиту [36]).

---

[1]) Слово: «действительно» вписано. — [2]) Слова: «И Асквит» вписаны над зачеркнутым: «он». — [3]) Первоначально: «насчитывать». — [4]) Слово: «Первый» подчеркнуто. — [5]) Первоначально: «законной аннексии». — [6]) Далее зачеркнуто: «Я скажу, что». — [7]) Слова: «Этот... всего» вписаны. — [8]) Далее зачеркнуто: «самоопределения и». — [9]) Слова: «еще гораздо» вписаны. — [10]) Слово: «Он» вписано над зачеркнутым «и». — [11]) «а» вписано: [12]) «А» вписано. — [13]) Первоначально: «а что же, разве писать не умеем?» — [14]) Слова: «И они .... сказали: а» вписаны. — [15]) Слово: «самую» вписано над зачеркнутым «еще». — [16]) Первоначально: «большую». — [17]) Слова: «сверх того» вписаны. — [18]) Слова: «Все освобождают Польшу, а» вписаны над зачеркнутым: «А наша». — [19]) Слова: «Вот вам первый» вписаны над зачеркнутым: «Но это». — [20]) Слова: «по Асквиту» вписаны. — [21]) Слово: «это» вписано. — [22]) Слово: «угнетенного» вписано над зачеркнутым: «революционного». — [23]) Первоначально: «соединить». — [24]) Слово: «пример» вписано над зачеркнутым: «образ». — [25]) Первоначально: «специалист». — [26]) Слово: «действительным» вписано. — [27]) Слово: «умеренный» вписано. — [28]) Первоначально: «тайные договоры». — [29]) Первоначально: «заключенные». — [30]) Слова: «Россией и союзниками» вписаны. — [31]) Ковычки вписаны. — [32]) Далее зачеркнуто «они». — [33]) Далее зачеркнуто: «наших». — [34]) Слово: «нынешняя» вписано. — [35]) Слово: «не» подчеркнуто. — [36]) Слова: «по Асквиту» вписаны.

Но особенно любопытен третий вид «законных» [1]) аннексий, это — стратегическая [2]), как выражается Асквит [3]), аннексия. Если на основании опыта этой войны я могу доказать, что данный кусок земли [4]) мне необходим по стратегическим соображениям, то эта аннексия будет законна, — говорит Асквит [5]). Но ведь малый ребенок поймет, что если я беру этот кусок земли по стратегическим соображениям, то ведь на этом куске [6]) земли живут люди, там строятся [7]) фабрики и железные дороги [8]), там живые люди, которым все равно, по какому пункту «хапнут» этот их [9]) кусок земли — по третьему или четвертому [10]). Не все ли им равно, по какому пункту их задушат. Не ответят ли они г. Асквиту: не вмер Данило, а болячка его задавила?.. [11])

Вот вам [12]) третий вид законных аннексий [13]).

И вот мы [14]) обращаемся к руководителям Съезда и ставим в упор им вопрос: товарищи, вы ответственны перед всей Россией. Вы — руководители, дайте же [15]) точный [16]) политически-научный, определенный ответ, что вы подразумеваете под «аннексиями и контрибуциями», что вы подразумеваете под «миром без аннексий»? Огромное большинство понимает под этим то, что вы просто [17]) возвращаетесь к старому, к тому [18]), что было до войны, к так называемому «статускво» [19]). Германским империалистам это в данный момент выгодно, они цепляются за эти лозунги, и громадное большинство понимает вас [20]) именно так. Мы ставили [21]) вам этот вопрос и в печати, и на съездах, мы вносим специальную [22]) резолюцию, чтобы заставить вас сказать [23]), что вы понимаете под формулой [24]) «без аннексий и контрибуций»: простой [25]) возврат к старому или что [26]) другое? Требуете ли вы освобождения всех колоний [27]), угнетаемых, напр. [28]), английскими капиталистами? Я думаю, что это ваш долг требовать этого. Все социалисты на международных [29]) конгрессах требовали [30]) освобождения всех колоний, при том [31]) без выкупа. Если вы не так толкуете, чтобы просто [32]) вернуться к старому, разбитому корыту [33]), тогда вы становитесь сами теми [34]) «утопистами», которыми вы объявляете нас [35]), тогда знайте, что эту [36]) программу нельзя осуществить иначе, как путем социальной революции. Если вы действительно хотите освобождения всех угнетенных [37]) наций, освобождения колоний в первую голову, тогда нет другого пути для достижения этой цели, кроме социальной революции.

Но большинство из вас [38]) понимает ваш лозунг «без аннексий и контрибуций», именно [39]) как возврат к старому, довоенному [40]) положению. И на это [41]) мы говорим вам [42]): наш долг, как социалистов [43]), прежде

---

[1]) Слово: «законных» вписано. — [2]) Слово: «стратегическая» подчеркнуто. — [3]) Слова: «как выражается Асквит» вписаны. — [4]) Слово: «земли» вписано. — [5]) Слова: «говорит Асквит» вписаны. — [6]) Первоначально: «кусочке». — [7]) Далее зачеркнуто: «банки». — [8]) Слова: «и железные дороги» вписаны. — [9]) Слово: «их» вписано. — [10]) Слова: «земли — по третьему или 4-му» вписаны и далее зачеркнуто: «Это вопрос политический, а не экономический». — [11]) Две последних фразы вписаны. — [12]) Слово: «вам» вписано. — [13]) Первоначально: «законной аннексии». — [14]) Слова: «И вот мы» вписаны над зачеркнутым: «Мы». — [15]) «же» вписано. — [16]) Слово: «точный» подчеркнуто. — [17]) Слово: «просто» вписано. — [18]) Слова: «к тому» вписаны. — [19]) Слова: «к т. н. «статускво» вписаны. — [20]) Слово: «вас» вписано. — [21]) Первоначально: «ставим». — [22]) Слово: «специальную» вписано. — [23]) Слова: «чтобы заставить вас сказать» вписаны. — [24]) Слово: «формулой» вписано. — [25]) Слово: «простой» вписано. — [26]) Слово: «что» вписано — [27]) Слова: «всех колоний» подчеркнуто. — [28]) «напр.» вписано. — [29]) Слово: «международных» вписано. — [30]) Первоначально: «требуют». — [31]) «при том» вписано. — [32]) Слово: «просто» вписано. — [33]) Далее зачеркнуто: «то». — [34]) Слово: «теми» вписано. — [35]) Слова: «которыми . . . . нас» вписаны. — [36]) Слова: «знайте, что эту» («эту» подчеркнуто) вписано. — [37]) Слова: «всех угнетенных» вписаны. — [38]) Слова: «из вас» вписаны. — [39]) Слово: «именно» вписано. — [40]) Слово: «довоенному» вписано. — [41]) Слова: «И на это» вписаны над зачеркнутым «Тогда». — [42]) Слово: «вам» вписано. — [43]) Слова: «как социалистов» вписаны.

всего составить обвинительный акт против капиталистов всех стран [1]). Мы говорим: [в] результате трехлетней кровопролитнейшей войны, о чем мечтают лучшие люди в разных странах [2])? Они мечтают о возврате к старому положению. Это и есть самый красноречивый [3]) обвинительный акт против капиталистов всех стран. Мы говорим капиталистам: из-за чего же было огород городить, из-за чего же было ввергать Европу в пучину войны [4])? Не долг ли каждого социалиста, рабочего и честного демократа из этого положения сделать обвинительный акт против всего насилия [5]), против [6]) капиталистов всех стран [7])? Нам говорят, будто бы мы [8]) теперь [9]) ставим [10]) все на одну [11]) карту, будто [12]) мы занимаемся игрой ва-банк. Десять лет тому назад, на международном конгрессе весь Интернационал [13]) который [14]) уже тогда [15]) имел [16]) сильное правое крыло, ожидал [17]) наступления этой войны [160]. И тогда было [18]) постановлено [19]): во-первых — что долг всех социалистов [20]) стараться добиться [21]) возможно скорее [22]) закончить войну [23]); во-вторых, использовать [24]) весь кризис [25]), созданный [26]) войной, для того, чтобы низвергнуть [27]) весь [28]) капиталистический строй, т. е. добиться социализма [29]). Еще в 1907 году и позднее [30]) во время Балканской войны, говорилось [31]): ясно для всякого социалиста, что мировая империалистическая война [32]) грядет, социалисты [33]) предвидели эту мировую войну. И социалисты говорили [34]): единственный ответ [35]) рабочих будет — беззаветная [36]) борьба за социализм, за социалистическую революцию [37]). Война нанесла громадный удар капиталистическому строю, она приблизила на десятилетие социализм. И когда мы теперь хотим бросить обвинительный акт капиталистам, когда мы говорим русскому рабочему классу: вам много дано, но с вас много и спросится, — приступайте к той борьбе, которая была намечена еще в 1907 году, — когда мы говорим это [38]), вы называете нас «анархистами» [39]), называете нас «утопистами» [39]). Нет, мы единственные [40]) остались [41]) верными знамени Интернационала. (Аплодисменты). [42])

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово принадлежит тов. Малевскому.

МАЛЕВСКИЙ. Когда здесь наши товарищи большевики говорят, что они считают положение таким-то и таким-то, и выход из этого положения такой-то, то мы слушаем со вниманием их, можем соглашаться или не соглашаться, но когда они говорят, что русская демократия так думает,

---

[1]) Слова: «всех стран» подчеркнуты. — [2]) Слова: «в разных странах?» вписаны. — [3]) Слово: «красноречивый» вписано. — [4]) Слова: «против капиталистов ... войны» вписаны. — [5]) Первоначально: «насилий». — [6]) Далее зачеркнуто: «всех». — [7]) Слова: «всех стран?» вписаны и далее зачеркнуто: «как это всегда делалось в момент международных кризисов». — [8]) Слово: «мы» вписано. — [9]) Далее зачеркнуто: «вся огромная армия». — [10]) Первоначально: «ставится». — [11]) Слова: «все на одну» вписаны. — [12]) Слово: «будто» вписано над зачеркнутым «что». — [13]) Первоначально: «все интернационалисты». — [14]) Первоначально: «которые». — [15]) Слова: «уже тогда» вписаны. — [16]) Первоначально: «имели». — [17]) Первоначально: «ожидали» — [18]) Слова: «И тогда было» вписаны. — [19]) Первоначально: «постановили». — [20]) Первоначально: «националистов». — [21]) Слова: «стараться добиться» вписаны. — [22]) Первоначально: «скорейшее». — [23]) Первоначально: «заключение мира». — [24]) Первоначально: использование». — [25]) Первоначально: «всего кризиса». — [26]) Первоначально: «созданного». — [27]) Слова: «низвергнуть...» подчеркнуты. — [28]) Слово: «весь» вписано. — [29]) Слова: «т.-е. добиться социализма» вписаны. — [30]) Слова: «и позднее» вписано. — [31]) Первоначально: «говорили». — [32]) Слова: «мировая империалистская война» вписаны над зачеркнутым: «царство социализма». — [33]) Слово: «социалисты» вписано. — [34]) Слова: «И социалисты говорили» вписаны над зачеркнутым: «предвидели эту борьбу за социализм». — [35]) Далее зачеркнуто «был». — [36]) Слова: «будет— беззаветная» вписаны над зачеркнутым: «что это есть». — [37]) Слова: «за социалистическую революцию» вписаны. — [38]) Слова: «приступайте... говорили это» вписаны. — [39]) Ковычки вписаны. — [40]) Слово: «единственные» вписано. — [41]) Далее зачеркнуто: «единственно». — [42]) Слово: «(Аплодисменты)» вписано.

то я протестую. Когда тов. Крыленко говорит, что он думает об армии то-то и то-то, я могу его слушать, но когда он говорит, что так думает вся революционная армия, я говорю, что это неправда. И вот, я представляю два документа в доказательство. Этот есть результат съезда целой революционной армии, и почти такие же результаты имеют съезды всех армий. Вот что вынесено на этом съезде (читает)[1]).

Второй документ, вынесенный на съезде целого фронта, а не каких-либо двух отдельных полков (читает)[1]).

Целый ряд армий, целый ряд съездов выразил доверие Временному Правительству. Если тов. Крыленко говорит, что вчера или позавчера ко мне приехали делегаты, которые привезли бумагу, где требуется передача власти в руки Совета Рабочих Депутатов, то я, представитель армейских комитетов, заявляю, что ко мне приехали товарищи-делегаты с заявлениями полного доверия Временному Правительству. Так что, товарищи, ко всем заявлениям надо относиться очень сознательно.

Заявление о том, что вся власть должна перейти в руки Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, опыт этого заявления мы вчера видели. Наш Съезд, который является полномочным органом всей русской демократии, вынес определенную резолюцию об отношении к Временному Правительству, и когда с этим не согласились товарищи большевики, то они сказали: Московский полк — на улицу, 1-й пулеметный полк — на улицу! Такое положение было все время. Если бы вся власть перешла в руки Совета С. и Р. Д., то как только этот Совет не вынес бы постановления, согласно с вами, вы сейчас же бы вызвали все войска на улицу. Это было бы не передачей власти в руки Советов Р. и С. Д., а просто мы такими угрозами поставлены были бы в положение передать власть в ваши руки, а мы этого не дадим и не желаем. Товарищи, это положение совершенно ясное и определенное, не требует, по-моему, бо̀льших доказательств.

Теперь, товарищи, дальше я буду с вами говорить, как представитель армии. Армия хочет и жаждет мира. Это понятно всем и это, тов. Зиновьев, всем ясно. Но как притти к миру? Наши товарищи, находящиеся в окопах, об этом тоже знают и определенно мыслят. Первый путь — путь поднятия восстания пролетариата в западных государствах, путь, которого мы не отрицаем и никто не отрицает, но в тактике и в уверенности, когда это произойдет, мы с вами не можем согласиться. Тов. Луначарский сегодня определенно заявил, — это слыхали все, — что это есть далекая, туманная надежда, но это, говорит, единственная надежда, которая превратится в реальную действительность, и мы, говорит, азартные игроки и ставим ва-банк. А мы заявляем, что нам дороги завоевания революции, и мы пойдем по тому пути, по которому хочет итти вся революционная демократия великой революционной страны, по которому хочет итти вся революционная армия. Первый путь желателен для нас, как социалистов, но если мы встанем на почву реальной действительности, то скажем: этот путь пока нас к миру не приблизит. Второй путь — путь ультиматума, путь воздействия. Этот путь мы признаем в том виде, что наша революционная демократия в лице правительства должна непрерывно усиленно давить на буржуазию воюющих с нами стран, на правительства воюющих с нами стран, и, наконец, агитировать и поднимать восстание пролетариата в соседних странах. Это наша программа, но, чтобы мы все это делали и чтобы мы не были смешными, мы должны иметь сильную, мощную революционную армию. Только тогда, когда каждое наше заявление, каждое наше требо-

---

[1]) Текст резолюции не найден.

вание будет иметь в глазах соседних империалистов такое значение и даже в глазах пролетариата, — они будут видеть, что революционная армия России велика, только тогда этот голос будет громко и властно звучать. Против этого положения, что армия должна быть сильна, здесь не спорят.

Следующее положение, которое является камнем преткновения,— наступление. Товарищи, мы должны наступать, и завтра вся страна ринется в атаку, этого никто не говорит, но если армия должна быть сильна, то понятие о силе армии определенное, — оно заключается в следующем: в целях самообороны и главным образом в целях того, чтобы нация была одинаково сильна с Германией, может быть и наверно будет момент такой стратегической обстановки, когда скажут: наступать, и в тот момент мы наступать будем, — это говорит вся армия. Теперь, товарищи, нам странным кажется, когда наши товарищи говорят: не надо наступать, вы способствуете империалистам. Неужели вы думаете, что мы такие дурачки, которые безумно хотят умирать? Уверяю вас, что так безумно умирать мы не хотим, но чисто инстинктивно наши солдаты, которые сидят в окопах и видят, что фронт германский разгружается непрерывно, увозятся тяжелые и легкие батареи, уводится пехота противника, — я оглашу документ: 170 батарей, 356 пулеметов, 40 легких орудий, 250 тяжелых орудий уведены с одного из наших фронтов, не со всего фронта русского, а с одного, — и вот солдаты увидели, что наступает такой момент, когда сила и мощь германской армии настолько поколеблена, когда сложилась обстановка, что у нас никогда не было столько тяжелой и легкой артиллерии, сколько теперь, то солдаты думают, что единственный конкретный выход — сейчас начать наступать, не для того, чтобы поработить кого-нибудь, не для того, чтобы аннексировать или громить германскую армию, но начать наступать, чтобы голос русского правительства и русской демократии мог прозвучать властно и громко везде. (Аплодисменты.) Нужно начинать наступать для того, чтобы мы стали, в конце концов, равными с германцами, как равная сила, а не как побежденные перед людьми более сильными, чем мы. Товарищи большевики, правда, говорят, что над нами смеются и хохочут. Они не смеются, но когда получают документ, а потом читают воззвание с призывом: уходите из окопов, не ходите в маршевые роты... обещать можно много, но как это подтвердить. Поэтому все армии говорят, что мы должны быть сильны, чтобы голос нашей демократии звучал мощно и чтобы наши требования не были пустым звуком, а были бы требованием реальным.

Теперь последний момент, на котором я считаю необходимым остановить ваше внимание, чтобы высказать это перед собранием. Пожалуйста, не думайте, что когда мы пойдем в наступление по приказанию коалиционного министерства, то мы превратимся моментально в патриотов шовинистов. Пожалуйста, не беспокойтесь. Мы пойдем в наступление в сознании, что мы русская революционная армия, мы революционный авангард, и если нужно, чтобы наш голос по отношению к пролетариату зазвучал громко, то мы пойдем в наступление совершенно сознательно.

И последний момент следующий: товарищи, положение страны грозное, положение страны очень тяжелое, и я вам говорю, если мы будем продолжать стоять на месте, если мы будем стоять в этих окопах, которые представляют собою узкую, глубокую и вонючую канаву, в которой развивается цынга и все, что угодно, если мы будем продолжать позиционную борьбу, которая вызывает бо́льшие жертвы, чем наступление, и только потому, что мы будем бояться, что мы будем играть в руку империализму и буржуазии, если мы не предпримем ни одного активного шага, — то, я повторяю, мы

будем играть безусловно в руку германскому империализму и германской буржуазии, потому что все газеты, которыми германцы в огромном количестве заваливают наши окопы, говорят одно: не наступайте, вам это не нужно, мы, ваши враги, — ваши друзья. То же самое говорят и слева. Я вывода не делаю, но я говорю одно: это положение играет в руку германскому империализму. Я скажу, что когда революционная армия будет могучей, когда она будет сильной, только тогда голос русской демократии будет звучать громко, только тогда голос русской демократии будет звучать властно и тогда этот голос повлечет за собою доверие и с ним будут считаться остальные. Если, товарищи, обстановка сложится так, что для самообороны, для поддержания мощи нашего движения нам придется наступать где-нибудь, то мы наступать будем.

ХАРАШ. Товарищи, еще в то время, когда у нас была царская армия, которая боролась не зная за что, в этой армии были известные группы, которые вели борьбу вполне сознательно. Они знали, что окончательный разгром армии означает полную невозможность для России экономического и политического развития. Исходя из этого, они считали своим долгом предотвратить разгром России. После революции, когда вместо царской армии мы получили армию свободного народа, сознание этой необходимости, — не допустить до разгрома, — проникло во всю толщу армии, и вся армия от того настроения отдельных кругов, которое можно было бы определить, как анти-пораженчество, проникласъ тем, что называют революционным оборончеством. Что этим проникнута вся армия, доказывается резолюциями всех армейских съездов. Я не буду приводить резолюцию армейского съезда 12-й армии, представителем которой я являюсь. Я только скажу, что там имеется указание на те цели, которые стоят перед армией, и имеется вывод, что армия должна быть сильна и, если потребуется, готова к наступлению. Как человек с места, я передам, с чем нам приходится сталкиваться на местах, потому что здесь со всех сторон говорилось о том, что здесь надо стоять на реальной почве, надо знать факты и из фактов делать выводы, и больше всего это [1]) говорилось слева. Они все время напирали на то, что надо знать вопрос, надо знать положение вещей.

И я скажу вот что: действительно, положение вещей таково, что в данный момент армия настроена по-оборончески, и в этом отношении в армии [2]) ведется то, что называется идейной борьбой, борьбой пропагандистской. Эту идейную борьбу можно только приветствовать, но при этом мы требуем от товарищей, сидящих слева, чтобы эта борьба была действительно идейной, мы требуем, чтобы вы отгородились от всех тех, которые проповедуют не идею, а играют на самых шкурных интересах, на инстинкте самосохранения, на усталости масс. Они обращаются не к разуму, а к чувству усталости. Мы требуем от вас, чтобы вы отгородились от таких листков, как «Окопная Правда» [161], которая призывает не к идейной борьбе, не к пропаганде словом, а к пропаганде действием. Мы требуем, чтобы вы поставили пропаганду так, чтобы ее можно было отделить от пропаганды газеты [3]) «Серет» [4]), которая [5]) присылается немцами на Румынский фронт, и «Русского Вестника», который присылают на Северный [6]) фронт. Я, товарищи, ценю идейную борьбу, но я хочу, чтобы вы действительно соблюли престиж социалистической партии и идеи социализма [7]), чтобы вы отмежевались от

---

[1]) Слово: «это» вписано карандашом. — [2]) Первоначально: «с армией». — [3]) Слово: «газеты» вписано. — [4]) Первоначально: «Серета». — [5]) Первоначально: «который». — [6]) Слово: «Северный» вписано над зачеркнутым: «Западный». — [7]) Слово: «социализма» вписано и далее зачеркнуто: «и».

грязных источников. Когда вы ведете идейную пропаганду, вы должны указывать, к чему вы нас ведете. Вы говорите нам об ультиматумах, об ультимативных требованиях, но вместе с тем вы должны заявить армии громко и во всеуслышание: после этого, товарищи, мы вас поведем на революционную борьбу на всех фронтах [1]). Если вы будете говорить так, армия поймет, кто вы такие и куда вы нас ведете. Теперь она не может сделать различия между вами и другими. Вы должны быть, кроме того [2]), осторожны в словах — [3]), этого мы от вас требуем.

Здесь [4]), на предварительном совещании всех [5]) социал-демократов, говорилось о дезертирстве, о том, что через 2 — 3 месяца армия разбежится. А я, член революционной армии, категорически заявляю, что в действующей армии, среди тех, кто сидит в окопах, дезертирства не было и нет, и нет человека, который просидел два года в окопах, который 2 — 3 раза был ранен и который бы убежал с фронта. Убегают с фронта те новички, которые идут с маршевыми ротами, которые в достаточной мере здесь распропагандированы и которые вместо себя присылают списки с перечнем фамилий, но не присылают людей. Эти, действительно, бегут. Бегут полицейские, бегут жандармы и среди них те, которые поседели [6]) на службе в охранке, а в армии [7]), пользуясь знанием партийной литературы, ведут «идейную» агитацию. От них мы зовем вас, товарищи, отгородиться.

Вы должны ясно и категорически ответить на тот вопрос, который был сегодня поставлен вам и на который товарищи большевики и тов. Зиновьев ответа не дали.

Тов. Крыленко нам заявил, что когда солдаты [8]) его спросят: нужно ли наступать, он скажет, что не нужно. Это его право, это его обязанность, убежденного человека, но мы требуем, чтобы вместе с тем он заявил, что если демократия все-таки решит иначе, если армия пойдет, то и он пойдет и позовет своих товарищей с собой. Пусть он скажет, что [9]), когда мы будем умирать на фронте, то пойдут умирать все, в том числе и большевики. Мы требуем, чтобы на этот вопрос нам ответили. Это — вопрос, на который вы должны дать ответ, вопрос, к которому прислушивается вся Россия. Вы можете находить, что итти не нужно, но вы должны заявить готовность пойти с нами, и что вы пойдете с нами [10]).

Товарищи, здесь говорили о революционных полках. Я должен сказать одно: если всякое неподчинение правительству вы априорно признаете революционным, то, конечно, те полки, которые Керенский приказал расформировать, были самые революционные. Но если революционность заключается в следовании революционным идеалам, с учетом всех сил, в сознании объективной [11]) обстановки и в сознании необходимости координировать свои действия с действиями всей демократии, если вы с этой точки зрения назовете [12]) поведение тех полков [13]) революционным, это будет обида и оскорбление для армии. Если вы называете такие полки революционными и санкционируете отказ полков итти в окопы и сменять там товарищей, которые истомились за долгие месяцы сидения, то это будет не просветление революционного [14]) сознания [15]) армии, а затемнение его [16]). Мы призываем вас

---

[1]) Первоначально: «всем фронте». — [2]) Слова: «кроме того» вписаны. — [3]) Далее зачеркнуто: «и». [4]) Первоначально: «затем». — [5]) Слово: «всех» вписано. — [6]) Слово: «поседели» вписано над зачеркнутым «прослужили». — [7]) Слова: «а в армии» вписаны. — [8]) Слово: «солдаты» вписано. — [9]) Слова: «Пусть он скажет, что» вписаны. — [10]) Далее зачеркнуто: «Мы этого от вас требуем». — [11]) Слово: «объективной» вписано. — [12]) Слова: «если... назовете» вписаны над зачеркнутым: «то эти действия будут революционными, и если». — [13]) Далее зачеркнуто: «вы называете самым». — [14]) Первоначально: «революционной». — [15]) Слово: «сознания» вписано. — [16]) Первоначально: «ее».

ог таких необоснованных слов и шагов воздержаться [1]), если вы не можете говорить иначе.

Здесь говорилось о том, что наступление — вопрос политический. Я признаю это. Но дело в том, что с политической стороны вопрос будет решать здесь российская демократия, а потом, когда он будет решен в ту или иную сторону, он станет вопросом стратегическим, и когда он будет таковым, никто не имеет права вмешиваться в распоряжения. Это будет предоставлено военному министерству, которому мы доверяем, это будет предоставлено командному составу. И напрасно тов. Крыленко говорил о том, что вопрос политический хотят передать в руки министерства. Это неверно, потому что мы именно политический вопрос сами разрешаем и разрешим.

Я должен вам сказать еще одно. Революционная армия в сознании своих обязанностей перед страной, перед народом и перед революцией исполнит все то, что от нее потребует полномочный орган российской демократии. Это она сделает каждую минуту, на это она всегда готова, но она, как часть демократии России, делает указания и ставит ряд определенных требований. Мы заявляем, что если армия, переносящая неимоверные тяготы боевой [2]) жизни, исполнит свой долг, то и вся страна тоже обязана свой долг исполнять; мы требуем величайшего напряжения всей страны, всего тыла и представителей этого тыла, в лице представителей демократии и в лице Временного Правительства. Вы обязаны позаботиться о том, чтобы армия была обеспечена и снабжена всем необходимым, и все свои силы должны напрячь для этого [3]). Помня о задачах революции и задачах классовых, вы не должны забывать, что [4]) вы возлагаете на [5]) армию [6]) и что вы для армии должны делать.

Далее, здесь много говорилось о демократизации армии. Это тоже одно из наших требований, и напрасно товарищи слева думают, что они одни сторонники этой идеи. Армия революционно-оборонческая [7]) тоже стоит на этой точке зрения и требует демократизации армии; она эту демократизацию проводит в жизнь. Мы требуем с вашей стороны поддержки для расширения [8]) и усиления этой демократизации для того, чтобы армия была действительно поставлена на ту высоту, на которой она должна стоять. Даже и без этого армия выполнила бы свои долги и свои обязанности, но, конечно, это явится лишним шансом успеха, лишним шансом того, что мы достигнем цели с наименьшими жертвами и потерями. Но, товарищи, и снабжение, и демократизация армии [9]) еще не все, чего мы хотим. Я в частности укажу на одну мелочь, которая очень характерна и на которой действующая армия настаивает, потому что она такое постановление выносила даже [10]) на фронтовых съездах. Мы, например, категорически требуем, чтобы все те пулеметы, которые ржавеют в Петрограде в подвалах, были отправлены к нам на фронт. (Аплодисменты.) Если у вас будет контр-революция, если у вас будут попытки начать гражданскую войну, демократия найдет силы, чтобы без пулеметов ее подавить, а пулеметы дайте нам и не прячьте в подвалах.

Еще одно. Мы требуем полного и беспрекословного подчинения в действиях воле [11]) большинства, потому что под маской идейности, под маской

---

[1]) Далее вписано и зачеркнуто: «совсем не говорить». — [2]) Слово: «боевой» вписано. — [3]) Слова: «для этого» вписаны и далее зачеркнуто «и». — [4]) Первоначально: «чем». — [5]) Слова: «возлагаете на» вписаны над зачеркнутым: «обязаны». — [6]) Первоначально: «армии». — [7]) Первоначально: «революционная» и далее зачеркнуто: «и». — [8]) Первоначально: «разрешения». — [9]) Далее зачеркнуто: «это». — [10]) Слово: «даже» вписано. — [11]) Первоначально: «воли».

желания проводить свои взгляды и идеи проводится в жизнь самый наглый обман. Мы требуем, чтобы никто не имел никаких привилегий при уплате налога кровью, которые добываются работой так называемой «на оборону», а в сущности самооборончеством. Все те, которые занимаются самообороной, которые говорят нам, что надо [1]) воевать, а сами сидят в теплых местах, в тылу,—все они должны притти к нам и как можно скорее и в возможно большем количестве. Это одна категория, и эту категорию погонит вся революционная демократия. Но есть, товарищи, еще одна категория, и эту категорию должны погнать вы, сидящие слева [2]). Мы требуем, чтобы никто, никогда, прикрываясь идейными лозунгами и соображениями, не смел отказываться от поездки на фронт. Мы требуем, чтобы все те, которые не хотят воевать, и те трусы и те подлецы, которые прикрывают свои шкурные интересы высокими идеалами, были погнаны к нам на фронт. (Рукоплескания.) Если будет такой момент, — я не знаю, может быть, он [3]) и не наступит, — но если будет момент, когда армия должна будет умирать, то умирать, товарищи, должны все. (Шум.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Это не к вам относится; почему вы принимаете на свой счет?

ХАРАШ. Я обращаюсь не к вам, а говорю о том, чтобы вы сорвали фиговый листок с тех, которые прикрываются большевистскими идеями. Вы должны сказать, что большевики против этого. (Шум, аплодисменты.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Товарищи, я должен заявить, что во время слов предыдущего оратора я сказал, что слова его не были направлены по вашему адресу: я сказал, что не зачем это было принимать на свой счет. (Аплодисменты.)

ЭРМАН. Товарищи, история жестоко карает всякое политическое лицемерие и она жестоко покарала и вас. Вспомните, что вы, товарищи, говорили в большинстве своем два с половиною года тому назад. Вспомните, что вы говорили, когда 4 августа 1914 г. немецкие социал-демократы вотировали военный кредит и подписались в союзе со своим собственным правительством. Товарищи, тогда мы их клеймили всеми злыми словами, какие у нас были в распоряжении. Мы вылили все потоки грязи, какие у нас были, на их головы, на головы этих социал-шовинистов. Мы говорили, что германские социал-демократы — изменники рабочему классу, что они не достойны говорить в Интернационале, что они не могут оставаться в рядах тех, кто ставил своей задачей освобождение рабочего класса во всех странах. Это мы говорили, когда дело касалось социал-демократов чужой страны, и у себя мы демонстрировали в течение трех лет отказ от военных кредитов, когда в парламенте нас было 7 человек и этим мы не могли предрешить вопроса о войне, когда это было безответственным жестом, которым могли великолепно рисоваться на весь мир. Германские социал-демократы вполне определенно рассуждали: у нас имеется 120 человек в парламенте. От нашего вотума может так или иначе измениться отношение к войне. Если мы скажем четырем миллионам наших избирателей, чтобы они положили ружья, то будем разбиты. Вам хорошо разговаривать, когда у вас кучка людей, которые могут так или иначе рисоваться и показывать крепость интернациональных принципов. Мы смеялись и говорили, что вы напрасно стараетесь сбить нас с истинного пути и представить нам истинность тех ложных шагов, которые вы сами делаете. И вот прошло два с половиной года, и история, как на зло, поставила вас в то же самое положение, в каком

---

[1]) Первоначально: «нельзя». — [2]) Слова: «сидящие слева» вписаны. — [3]) Слово: «он» вписано.

стояло большинство германской социал-демократии 4 августа 1914 г. (Аплодисменты и шум.) Теперь, товарищи, перед вами стоит вопрос: если вы поддержите эти кредиты, если вы поддержите всю политику правительства, то этим самым вы подписываетесь, в коалиции со своей собственной буржуазией, в отказе от той интернациональной политики, которую вы рекомендовали германским друзьям по ту сторону окопов. Если вы не откажете своему правительству в кредите, в желании поддерживать эту войну, то тем самым берете на себя огромную ответственность за решение тех фактов, которые вы сейчас предпринимаете. И когда это стали реальные слова, а не пустые фразы, то вы стали повторять точь-в-точь те слова, которые повторялись там 4 августа 1914 г. Товарищи, я говорю: пора бросить это лицемерие, пора скинуть маску этих марксистских и других слов, которыми вы прикрываете сущность наших целей, наших задач и того, во имя чего мы воюем и что мы делаем. Нужно, товарищи, говорить правдиво. Ведь для всякого ясно, что революция, которая у нас совершилась, изменила форму правления, но она не изменила того соотношения сил в стране и не изменила тех задач войны, которые остались попрежнему; будет ли демократическая республика, будет ли абсолютизм или какая-нибудь другая форма,— все равно война ведется не в интересах рабочих и все равно война ведется не в интересах масс, чтобы вам ее поддерживать. Во всяком случае, не в интересах тех, кого вы представляете.

Товарищи, раз вы держитесь той же самой политики, которой держались раньше, то должны честно и прямо сказать, что мы должны в данный момент потребовать изменения целей войны и тогда мы будем продолжать ее. Если цели войны не изменятся, то, очевидно, вы не можете поддерживать [ни] политики, ни кредита, ни всего того, что предпринимается в этом направлении. Иначе все ваши слова были ложью, иначе, товарищи, вы рисовались, иначе вы были лицемерны. Итак, я утверждаю, что цели войны не изменились, что мы попрежнему связаны по рукам и ногам империалистическими захватными тенденциями капиталистов западных стран и хищническими стремлениями своей собственной. Если для англо-французов это есть новые колонии, то для русских капиталистов это есть способ задушить революцию, потому что если война продолжится еще хотя бы один год, то от вашей революции, от ваших завоеваний не останется камня на камне. И те, кто заинтересован в том, чтобы революция пошла на смарку, те, без сомнения, заинтересованы в том, чтобы война продолжалась, и на это, товарищи, глаз закрывать вам нечего. И если вы, товарищи, хотите стать ясно и определенно на точку зрения действительных интернационалистов, людей, стоящих на международной точке зрения в смысле ликвидации войны, то мы должны сказать, что то наступление, которое будет иметь сейчас место, это не стратегическое наступление, это — беда. Мы сейчас имеем факт: на фронте имеется перемирие, на нас никто не нападает в настоящий момент, и если говорят о наступлении... (шум, голос: «Дезертирство»)... если говорят о наступлении, говорят о том, чтобы наша армия сейчас перешла в наступление по нашему собственному почину,—мы не говорим, что когда наступит бой, то та или иная часть может наступать или не наступать, не об этом идет речь, а речь идет о том, что сейчас имеется вполне определенное затишье на фронте, и вам рекомендуют в то же время произвести наступление, т.-е. вам рекомендуют перестать думать о революции у себя, перестать думать о том, что революция может вспыхнуть где-то извне, заняться тем, чтобы грохотом пушек там, на границах, заглушать у себя по эту сторону всякую возможность революционных вспышек. И мы говорим, что до тех пор, пока не будут ясны цели, пока не будет ясно, во имя чего

наступать, пока мы будем знать, что наше наступление есть пролитие крови во имя чуждых интересов, до тех пор мы будем неизменно повторять: ни одной капли крови во имя чуждых нам интересов! (Аплодисменты.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Товарищи, мы не будем здесь повторять той азбучной истины, что здесь каждый оратор пользуется полной свободой критики и оценки всего того, что здесь происходит, и насколько оратор эту критику хочет подвести под наличие лицемерия, эта критика здесь допущена быть не может, и насколько говоривший товарищ оратор дал уклон в эту сторону, эта оценка должна быть ему возвращена обратно. (Бурные аплодисменты.)

ЛОРДКИПАНИДЗЕ. Товарищи, спор, с одной стороны, по-моему, уже закончился. Если среди нас были люди, которые могли сомневаться в выборе позиции между этими аргументами и крайними левыми аргументами, те должны убедиться, что спор окончился в пользу мнения, основанного на тех началах, которые мы положили в основу своей деятельности на фронте и тут. Я, как представитель 6-й армии, хочу сделать несколько фактических указаний, и я заявляю, что то, что я буду излагать, как представитель 6-й армии, целиком относится и к тому фронту, к которому я имею честь принадлежать, к Румынскому фронту, и все остальные армии полностью поддерживают те мнения, которые здесь были изложены.

Я хочу для иллюстрации того, что делается на местах и что люди называют в окопах, привести маленький документ, — постановление, вынесенное в последних числах мая и привезенное мне товарищем. Это постановление армейского комитета, пополненного представителями всех дивизий: «Приветствуя все шаги Временного Правительства и Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, направленные к скорейшему достижению мира без аннексий и контрибуций, на основах самоопределения народов...» (читает [1]).

Вот, товарищи, что говорят не отдельные части, не отдельные люди, не отдельные роты, а армия. И я заявляю, что там, на фронте, те, которые не подчиняются нашему решению, они ничего общего с идейным большевизмом не имеют, хотя они на каждом шагу кричат, что они большевики.

Разрешите из жизни моей армии привести один факт. Армия наша организована довольно хорошо, но в одном полку, после отхода этого полка с позиции, появился «большевик» подпоручик Филиппов [162]. Вы наверно знаете его, наверно читали в газетах. Он заявил, что полк не желает воевать и солдаты его должны поддержать и они прислали в армейский комитет заявление, что они не пойдут на позиции. Все наши просьбы, все наши мольбы, чтобы заставить их сменить товарищей в окопах, ни к чему ни привели. В конце концов, этот Филиппов объявил Нигульскую республику, роздал всем окружающим крестьянам землю, а солдатам, в виду того, что некоторые были из Тамбовской губернии, из Пензенской, из Закавказья, им земли раздать нельзя было, он роздал все находящееся в городе вино. И что делалось там после этого, вы великолепно знаете. Вы должны знать, что первое решение против этих безобразий принять экстренные меры было вынесено не министром Керенским, не главнокомандующими армиями, а было вынесено выборными от армий, и мы просили, чтобы командующий армиями дал распоряжение в войска, потому что окружные части были так взбудоражены, что без нашего организованного наступления на эту взбунтовавшуюся часть войска могли напасть и всех их перебить. Поэтому мы пошли вооруженные, с пулеметами, окружили эту часть и арестовали подпоручика Филиппова и

[1]) Текст резолюции не найден.

10 человек, — к сведению товарищам, которые бросают эти лозунги в армию, что мы арестовали подпрапорщика Филиппенко, двух офицеров и 185 солдат, из которых 116 оказались в большинстве бывшими городовыми, жандармами и охранниками. (Аплодисменты.)

Товарищи, все это пол-беды, но когда тут заявляют, что это удар по революционному войску, то я не знаю, знают ли эти люди, что они пишут. В «Солдатской Правде» за подписью старшего унтер-офицера Еремеева была написана статья, где говорилось, что бонапартист и контр-революционер Керенский расформировал лучшие полки [163]. Я заявляю от имени той армии, где был этот полк, что мы ничего общего с такими революционерами не имеем и близость даже к таким революционным полкам отметаем в сторону. Дальше, товарищи, я заявляю, что из моей армии из окопов во время революции никто не уходил, дезертиров не было; единичные случаи считать нельзя, но дезертирство в тылу есть. Мы дезертирами считаем только не тех, кто, одевая солдатский мундир, на второй день снимает и бежит, а всех тех, которые от воинской повинности уклоняются в тех или иных общественных организациях, всех тех, которые именуются самооборонцами, и против всех этих дезертиров мы принимаем определенные решения.

Я должен с удовольствием констатировать, что все мероприятия правительства, все мероприятия Керенского направлены именно к тому, чтобы все требования нашей армии в этом отношении удовлетворить. Этим вы можете объяснить себе то странное положение, кажется, гражданина Рязанова, который хотел нас погубить изречениями «бонапартиста» Керенского, когда читал приказы Керенского о дезертирах. Это учтите и учтите и то, что ваш представитель присяжный поверенный Козлов[ский] в совещании по созыву Учредительного Собрания не защищал бы дезертиров и не говорил бы, что дезертирство — политический факт [164]. Если мы завтра решим, что нам воевать не нужно, если мы решим действовать так, как нам предлагают большевики, то мы будем делать это все вместе, но пока этого нет, пусть все господа, которые прикрываются, пришли бы к нам нести эту тяжелую ношу вместе с нами.

С этой точки зрения, я не понимаю тов. Крыленко. Я лично тов. Крыленко не знаю, но товарищи, приехавшие с Юго-Западного фронта, заявляли, что тов. Крыленко выгодно отличается от других большевиков тем, что ведет идейную пропаганду, и когда его спросили на съезде: прапорщик Крыленко, что вы сделаете, как командующий ротой, если вы получите приказ итти в наступление, то он отвернулся — в это время был там Керенский — и сказал: я сделаю то, что мне прикажет мое военное начальство, потому что в данный момент оно поставлено волею революционного народа. Это была правильная точка зрения идейного большевизма. Но когда тут тов. Крыленко заявил, что, может быть, он будет поставлен в необходимость заявить, что он в наступление не пойдет, то я могу объяснить это только тлетворным влиянием фракционной розни Петрограда, которая может погубить и русскую армию и всю Россию вообще. Крыленко на фронте этого не говорил, он это говорит только тут, и я бы просил его притти и сказать: что же произошло, почему сразу изменилась психология тов. Крыленко? (Голос: «Ситуация изменилась».) Вы считаете, что изменилась ситуация, так, пожалуйста, объясните, в чем изменилась ситуация со съезда Юго-Западного фронта, который был ровно две недели тому назад? С этой точки зрения, я не могу его понять. Когда [говорят] «ленинцы» в ковычках, то я их понимаю, я знаю, что̀ это за люди, но когда говорят товарищи, представители рабочих, представители войск, говорят лидеры большевизма, — я ничего не понимаю. Я стратегии не знаю, стратегических вопросов не решаю,

но когда приходит тов. Ленин и говорит, что у него есть стратегический план, и в этот план входит объявление освободительной войны всему миру и в то же самое время в номере «Правды», который должен был выйти вчера, напечатано: долой всякую войну, то я не понимаю, что это значит. Когда к нам приходит Ленин и говорит военному министру, который должен считаться со стратегией: уберите кавказскую армию и пошлите ее на Западный фронт, то я протестую не как представитель 6-й армии, а как житель Грузии, потому что я уверен, что прекрасные глаза Ленина, если его туда поставить, турецких войск и полчища курдов не удержат.

Есть еще другой стратегический маневр: аннексируем известную часть Галиции по рецепту гражданина Ленина и войска переведем либо на границу, либо против Двинского фронта, — тоже великолепный стратегический маневр. С этой точки зрения, всех разговоров о том, что можно сидеть, закопавшись в окопах, годами, я не понимаю, потому что я имею честь заявить от имени армии, что сидеть в окопах еще три года мы не желаем. Если есть такая армия, которая может эту функцию исполнить, пусть она идет туда, а мы посмотрим, как они закопаются и будут сидеть. Мы заявляем, что всякий из окопов стоит перед такой дилеммой. Командующий рижским фронтом отдает приказ наступать, потому что готовится удар на Юго-Западном фронте, но солдаты не идут в наступление. Какой отсюда сделаете вывод? Когда мы здесь устроили сепаратное перемирие, то дивизия с нашего фронта била французов, но их били и те русские войска, которые находились во Франции.

Вот, товарищи, исходя из этой точки зрения, мы должны сказать, что литературный критик имеет право критиковать любое сочинение, но когда политический деятель критикует нашу политику, наше поведение, наши политические действия, он обязан предложить что-либо серьезное и если этого серьезного нет, то из-за того, что их лозунги имеют известное влияние на массы, они не имеют права бросать их, потому что эти лозунги преломляются в массах совершенно иначе. Мы были свидетелями вчера того, как относились к этим лозунгам те круги, которые подвержены агитации большевиков. В одном из заводов тов. Либеру, произнесшему великолепную речь, ответил один из присутствовавших солдат: «Э, мы знаем, что тут жиды делают»! Вот как преломляются эти лозунги в массах. Товарищи, вы знаете, что под видом большевизма идут все элементы, которые уже устали, что это движение переросло вас. (Голос: «А меньшевики солдаты разве не говорили этого?») Солдаты меньшевики никогда этого не скажут.

Вот, товарищи! Мы стоим перед фактом, что война продолжается, и эту войну надо покончить. Все меры, которые предлагаются большевиками,— если уважать достоинство этого собрания, — абсолютно принять нельзя, а нашим меры, предлагаемые здесь, ясно и определенно были высказаны нами, нашим Съездом и нашими министрами. Я не понимаю гр. Зиновьева, когда он, выходя с критикой выражения «мир без аннексий и контрибуций», забыл маленькую деталь, что после мира без аннексий формула нашего правительства такая — право на самоопределение наций. Я не знаю, как это люди хотят из сути дела выхватить самую главную фразу и развивать теорию об аннексиях.

Теперь два слова о настроении армии. Настроение армии излагали уже все представители армии, потому что армия всех фронтов стоит на определенной точке зрения: она требует от тыла, чтобы все возможное для усиления боеспособности армии было сделано в ближайшее время. Мы принимали все практические меры, мы боролись с дезертирством, мы требовали пополнения армии маршевыми ротами и мы будем бороться самым

решительным образом против всех, кто возражает против посылки маршевых рот. Заявить об этом мы не боимся, потому что всякий товарищ, честно служащий русской революции, не может не поддержать этого.

Как армия встречает приказы Керенского и вообще как относится к нападкам, которые делались на него? Конечно, критиковать легко отдельные приказы, но нужно считаться с тем, выражают ли эти приказы желания, чаяния и настроения армии, соответствуют ли этим настроениям армии приказы Керенского. Я утверждаю, что тов. Керенский не только ничего вредного не сделал, но все товарищи, присутствующие здесь, пусть подтвердят, что имя Керенского пользуется доверием. Оно было тем именем, благодаря которому мы в продолжение, может быть, недели сделали то, что не могли сделать в течение двух месяцев. Керенскому верила и верит русская армия, и нам, рядовым работникам армии, он дал возможность вести борьбу еще с большей энергией, вести борьбу с разложением русской армии. Мы эту борьбу вели и будем вести и впредь. Мы просим только помнить одно: когда мы будем выполнять свой долг, т.-е. когда мы будем наступать вопреки каким бы то ни было советам или стоять на месте, или отступать, когда все те, которые хотят во что бы то ни стало наступать или во что бы то ни стало отступать, или во что бы то ни стало сидеть на месте, — все они должны подчиниться решению большинства русского народа, волю которого в данный момент представляете вы, а через вас — те министры, которым вы доверяете.

Я закончу свою речь теми словами, с которыми я обратился на румынском фронтовом съезде, где я участвовал как представитель Одессы, словами, которые поручили мне передать всей России: «Мы уверены, пока в министерстве сидят Церетели, Скобелев, Смирнов, мы уверены, что министерство нас не предаст, и пусть они знают, что мы их тоже не предадим».

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово принадлежит тов. Арсону.

АРСОН. Я должен заявить, что выступаю сейчас, как делегат шестидесятитысячного [1]) гарнизона г. Екатеринослава, как член бундовской организации Совета Рабочих и Солдатских Депутатов.

По существу по вопросу о войне спорить в течение 10 минут не приходится, ибо вопрос слишком сложный и недостаточно освещенный. Я буду только возражать против некоторых пунктов тех речей, которые здесь были произнесены товарищами слева. Оттуда бьют нас двумя козырями: империализмом и социализмом. На счет социализма говорят: что война придвинула к нам социализм. Спорить с этим я не могу и не хочу. Я только попрошу отсрочки у наших товарищей слева еще лет на пятьдесят для водворения социализма.

Теперь я скажу несколько слов по вопросу о том, как вызвать встречное движение западно-европейского пролетариата. Для защиты мира, такого, о каком заявил Петроградский Совет Р. и С. Д., для защиты мира в международном масштабе, нам дают целый ряд советов, начиная с главаря большевиков Ленина и кончая рядовыми большевиками. Они говорят: прежде чем сделать что-либо, вы должны у себя дома «устроить» социализм, устроить так, чтобы порвать сепаратный мир с нашими капиталистами. Вы должны самоопределить все нации, которые у вас имеются. Вопрос о самоопределении национальностей набил оскомину, и говорить об этом не приходится. Но я должен сказать о том самоопределении народов, которое было в Украине и в центре Украины — Екатеринославе. Я скажу, что в этом случае Ленин должен бросать упрек не коалиционному правительству, а не-

[1]) В подлиннике: «600 т.».

посредственно Совету Рабочих и Солдатских Депутатов. Когда к нам явилась депутация от украинцев [1]) с просьбой разрешить им устроить в Екатеринославе 22 мая национальную украинскую демонстрацию с ружьями в руках, то наш Совет Рабочих Депутатов, в который входят главным образом украинцы, заявил, что он решительно ничего не имеет против праздника, с чьей бы стороны он ни происходил, но устраивать национальный праздник с ружьями в руках они не позволят. Это ли не притеснение самоопределения народов? Мы имеем еще следующий факт. Когда Московский Совет Р. Д. в ответ на предложение Бунда постановил, что никакие национальные войсковые организации не должны существовать, то этим Московский Совет Р. Д., отняв шовинистическую мечту евреев, посягал на самоопределение еврейской нации.

Вот, товарищи, нам предлагают нарушить у себя перемирие с нашими капиталистами. Когда мы разорвем с капиталистами и произведем чудовищное самоопределение, тогда западно-европейский пролетариат поверит в искренность стремления нашего пролетариата к интернационалистическим идеалам. Тогда будет приближен мир. Других выходов, по мнению товарищей слева, не существует. Они говорят, что они достаточно дальнозорки для того, чтобы констатировать глубокое движение народа, который протестует против того, чтобы поддерживать войну или чтобы организовываться для возможных военных действий. Я должен останавливаться на отдельных фактах потому, что в течение десяти минут невозможно спорить по существу. У нас в Екатеринославе была демонстрация против Петроградского Совета Р. и С. Д. [165]. Большевики говорили, что Совет Рабочих и Солдатских Депутатов не прислушивается к мнению солдатских масс. Когда мы стали присматриваться, кто ведет эту демонстрацию. то мы узнали там офицеров, которые имеют близкое отношение к полицейским участкам. Ясное дело, что хотя большевики обладают даром провидения, интуиции, однако, когда мы их спросили, почему мы их не видели в этой демонстрации, то они ответили, что это движение переросло их и попало в руки бывших полицейских чинов. Такой ответ мы слышали здесь 10 июня: они сказали, что они не могут остановить этого движения, что оно их переросло.

Товарищи, для нас, для армии, нужен ясный единый ответ на тот вопрос, который ставится здесь ребром: как нам быть? Я приехал сюда, чтобы узнать, как решить этот вопрос. Товарищи, мне часто приходилось сопровождать напутственными речами солдат на фронт. Эти солдаты ждут ответа. Ясное дело, что рецепты слева их удовлетворить не могут. Тов. Троцкий утверждает, что армия не знает, для чего стоит на фронте, но это неверно. У нее имеется это сознание. Армия понимает, что она вынуждена стоять во имя великой мировой революции. Это сознание существует с первых дней. Надо сказать солдатской массе ясно и определенно, зачем она идет туда. Я не буду говорить о принципиальных разногласиях, но я скажу, что я согласен с одним из ораторов противной стороны, — я согласен с тов. Луначарским, но он напрасно думает, что монополия понимания этого момента существует у него одного. Вопрос о войне и о Временном Правительстве тесно связан с реальным соотношением сил. Пока в такой форме существует действительное соотношение сил, существует и правительство. Никакие разговоры, никакая критика отдельных шагов правительства не может его свергнуть. Только то или иное перемещение сил может смести данное правительство. Правда, по отношению к войне мы говорим, что мы имеем то же самое соотношение, но только мировых сил, то же самое, игру мировых сил, и говорю, что игра

---

[1]) В подлиннике: «украинских рас».

мировых сил вовсе не такая, чтобы мы могли подумать, что завтра наступает социализм. Игра мировых сил вовсе не такая, чтобы мы могли думать, что в западно-европейском пролетариате наросло такое могучее встречное движение, чтобы завтра можно было нам кликнуть клич о всеобщем перемирии и тотчас же это перемирие наступит. Этого соотношения нет, этой игры сил нет, и ошибается тот, кто так говорит. Нам необходимо только подготовить это соотношение сил, нам нужно теми или иными актуальными действиями, определенными действительными шагами вызвать могучее встречное движение западно-европейского пролетариата. Единственным таким действием является организация, организация наших военных сил. Я не касаюсь вопроса о наступлении, я отношу его в плоскость стратегии, но наше дело — организовать тыл и всю страну и главным образом страну. Я представляю себе такое воображаемое положение: когда весь фронт будет единым, но страна будет дезорганизована, с нами на Западе считаться не будут, и вопрос о пересмотре договоров может быть только тогда действительно реальным вопросом, когда за ним будет стоять организованная сила.

БЕР. Товарищи, в течение десяти минут я не буду в состоянии развить перед вами точку зрения той группы, от имени которой я говорю,— группы меньшевиков-интернационалистов, но я хотел бы ответить на несколько определенно поставленных здесь вопросов. Прежде всего, на вопрос о наступлении.

Мы решительно осуждаем сепаратные отдельные отказы от наступления, мы считаем, что это не есть метод борьбы за мир, борьбы с войной. Отказ от подчинения в вопросе о наступлении есть призыв не к восстанию. Мы не отказываемся в известных случаях применить этот метод там, где мы считали бы целесообразным восстание. В настоящих условиях, я думаю, ни один человек в этом зале не будет считать целесообразным восстание в революционных войсках, восстание в армии, и при таких условиях мы полагаем, что призыв к отказу от подчинения является недопустимым, но мы со всей решительностью в то же время высказываемся против той агитации в пользу наступления, которая имеет определенный политический смысл и которая отнюдь не преследует стратегической цели, а направлена для мобилизации общественного мнения во имя определенных империалистических задач, которые, по компетентному свидетельству французского «Temps», продиктованы французским правительством и Рибо.

Другой вопрос, на который я хотел бы ответить сейчас, это — вопрос о целях войны. Товарищи, мы все здесь считаем, что затягивание войны ведет к гибели революции. Но если окончание войны связывать с такими задачами, как социальная революция, как перекройка всей карты Европы по национальному принципу, то я спрашиваю: что означает такая постановка вопроса? Такая постановка вопроса означает затягивание войны и, больше того, это означает, повторяю, под другим соусом провозглашение освободительных лозунгов освободительной войны, которые мы сами резко осуждаем, когда их произносит Шейдеман, когда их повторяет Гендерсон или французское большинство. Та постановка вопроса о целях войны, которую придают здесь товарищи слева, с которыми мы в главном почти согласны, когда они отклоняют тактику, затягивающую войну, — эта постановка вопроса, в свою очередь, именно ведет к затягиванию войны.

Товарищи, мы остаемся на той точке зрения, что способ войны не есть выход из положения. Вот почему мы одинаково отрицательно относимся и к лозунгам освободительной войны и к тем военным лозунгам, которые выдвигаются также с этой стороны, когда нам говорят: а что же вы пред-

лагаете, где выход из положения? Да, товарищи, нужно себе дать ясный отчет, — есть ли выход из положения то, что предлагает большинство данного собрания? Если проанализировать и разобрать то, что предлагают с этих скамей, то что получается? Получается отказ от разрешения вопроса, получается пассивное подчинение событиям, пассивное подчинение той линии, которую диктуют союзные империалисты. Вот тот выход, который в сущности предлагается с этих скамей. Говорят так: перед нами нет выбора, — или здесь германский империализм, или тот путь, который мы предлагаем.

Здесь даже пытались теоретически это обосновать: империалистские действия, борьба за войну, пока она происходит в рамках национальных, она содействует империализму противной стороны, — в известном смысле это правда. В известном смысле это может быть применено к той борьбе, которую ведет у себя Либкнехт, которую ведет германская оппозиция, к той борьбе, которую ведет французская оппозиция. Борьба с войной за гражданский мир против империалистских правительств ослабляет военные силы данной коалиции и в известном смысле содействует империализму противной стороны. Что же, вы прикажете им отказаться от этой борьбы с империализмом? Но это только в известном смысле верно, но в этом не вся правда, а правда заключается в том, что отказ от империалистской борьбы даже в национальном масштабе есть также содействие империализму другой страны. Когда вы отказываетесь от борьбы за мир, когда вы отказываетесь, вынужденные, вы говорите, обстоятельствами, связанные с империализмом союзных стран, вы отказываетесь от решительных шагов, это, в свою очередь, является также содействием империализму другой стороны, закрепляя гражданский мир, закрепляя союз с буржуазией. И это неверно, что есть только два пути: или содействие своему империализму и союзных с нами стран, или содействие империализму противной стороны. Это неверно.

Есть третий путь, — путь самостоятельный, независимый от империализма: мобилизация сил и борьба во имя мира. И, товарищи, та позиция, которую предлагают сторонники большинства, есть отказ от этого третьего пути, отказ от создания той силы, которая одна может ликвидировать войну. Товарищи, это не только общее положение, это конкретный факт. Вы говорите: «мы связаны с союзными правительствами». Какое следствие отсюда вытекает, товарищи? Мы всем говорим, что пока не подымется западно-европейская демократия, до тех пор мы не в состоянии будем ликвидировать войны.

Товарищи, та тактика, которую вы предлагаете, тактика, основанная на тактической связанности с союзными правительствами, она содействует или мешает пробуждению западно-европейской демократии? Когда правительство издает ноту, опубликованную недавно, которую здесь с этой стороны столько приветствовали, и когда в этой ноте говорится, что между нами есть незначительные разногласия, которые мы разрешим ближайшей конференцией, то, товарищи, я спрашиваю: это содействует мобилизации демократии против империализма или препятствует? Когда, вместо того, чтобы сказать: восстаньте против своего правительства, как вы говорили вначале, вы говорите, что разногласие между нашей демократической точкой зрения и точкой зрения ваших империалистических правительств мы разрешим на конференции, это мешает той борьбе, исход которой вы считаете единственным.

И вот, товарищи, мы все полагаем, что без пробуждения западно-европейской демократии, без борьбы с империализмом не будет выхода

из создавшегося положения. Я хотел бы здесь спросить: можете ли вы с полной независимостью и самостоятельностью эту идею пропагандировать сейчас? Могут ли сюда выйти министры и сказать французскому пролетариату, английскому пролетариату, наши министры, связанные с Рибо и Ллойд-Джорджем, могут ли они призывать английский и французский пролетариат свергнуть Ллойд-Джорджа и Рибо? Нет, товарищи, не могут, ибо это есть разрыв с империализмом чужих стран. Когда здесь тов. Керенский спросил у Ленина, почему он не остался в Германии проповедывать свою идею, я спрашиваю, товарищи, Керенского, мог ли он отправиться в Англию, во Францию, куда его пропустят, и сказать французскому и английскому пролетариату: свергните Рибо и Ллойд-Джорджа, если вы хотите заключить мир без аннексий и контрибуций! Они не могут этого сделать потому, что они связаны с империалистическими правительствами, они не могут перейти эту грань. Наш путь, это — путь самостоятельной классовой борьбы, зовущий всех бороться против империализма, и только [этим путем], не завися [1]) от этого империализма, можно обеспечить победу.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Еще раз попрошу товарищей иметь в виду, что в вечернем заседании придется голосовать вопрос о прекращении прений. Я не поставил его сейчас для того, чтобы дать возможность фракциям договориться и чтобы это заявление не застало вас [2]) врасплох. Поэтому я заявляю вам, что, вероятно, вечером придется этот вопрос выслушать. Затем, товарищи, в виду отсутствия большинства, может быть, угодно будет объявить перерыв до 7 часов? Объявляю перерыв.

---

[1]) В подлиннике: «независимо». — [2]) В подлиннике: «меня».

ЗАСЕДАНИЕ 11 ИЮНЯ

(вечернее) [1]).

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ЧХЕИДЗЕ. Заседание возобновляется. Прошу занять места. Предоставляю слово тов. Вандервельде [166].

ВАНДЕРВЕЛЬДЕ (говорит по-французски; речь переводится). Тов. Вандервельде напоминает, что в 1914 г. он прибыл в Петербург, чтобы приветствовать социалистов от имени рабочих социалистической Бельгии; он прибыл для того, чтобы проповедывать общий союз. Тов. Вандервельде указывает на то, что союз между социалистами кажется ему в данный момент более необходимым, чем когда-либо, а Россия, говорит он, переживает грозный момент. Все то зло, которое было порождено царизмом и привело к революции, расстройство финансов, негодность средств обороны страны и т. д., все это ставит сейчас перед революционной демократией огромное дело, требует от нее забвения того, что ее делит, и объединения всех сил в сверхчеловеческом усилии. Час грозный, — для вас он грозен и для всего мира. Вопрос сейчас стоит так: восторжествует деспотизм в мире или после нескольких лет страданий и борьбы народы смогут, наконец, дышать воздухом свободы? (Аплодисменты.)

Три года тому назад я призывал вас к братскому союзу на национальной почве. Я хотел бы верить, что теперь возможен союз международный между всеми, кто хочет искренно дать народам возможность самоопределения, возможность располагать своей судьбой независимо от владык внутренних и владык внешних. (Аплодисменты.) Я только что говорил товарищам, с которыми познакомился в течение последних шести недель и которых привык уважать и любить, я говорил им, что мы вполне согласны с вами в целях, согласны настолько, насколько такое согласие возможно: как и вы, мы отвергали бы всякую войну, кроме войны освободительной или кроме войны, имеющей характер законной защиты; мы, как и вы, не хотим посягать на достояние других народов, ни в форме отобрания у них земель, ни в форме возложения на них каких бы то ни было контрибуций. (Аплодисменты.) Между нами существует согласие в целях, но между нами существует разногласие в средствах, в методах. Иначе и быть не могло; мы так долго были разделены, будучи заключены в траншеях, обстановкой войны, мы жили в различной среде. Вы только что покончили с деспотизмом и сейчас находитесь в состоянии счастливого опьянения свободой. Мы были свободны до войны, но теперь мои братья и товарищи бельгийские рабочие оказываются рабами императора Вильгельма. (Аплодисменты.) В течение этих шести недель, проведенных в обстановке русской революции, я говорил часто: если бы я был русским, я думал бы, как думаете вы, но если бы вы были бельгийскими пролета-

---

[1]) Заседание 11 июня печатается по тексту в д. № 13.

риями, если бы вы страдали так, как страдает пролетариат Бельгии, часть которого находится в изгнании в чужих странах, часть в заточении у себя, в своей стране, вы думали бы, несомненно, так, как думают бельгийцы. Но что̀ наши разногласия в сравнении с тем, что нас соединяет, с тем интернационализмом, который живет в наших сердцах, в сердцах некоторых немецких товарищей, в сердцах Розы Люксембург, Карла Либкнехта, заточенных сейчас в немецких тюрьмах, потому что они восстали против германского империализма, в сердцах революционеров великой Франции, низвергнувших Бастилию? (Аплодисменты.)

Три года уже прошло с тех пор, как Бельгия была захвачена завоевателями, народный дом в Брюсселе захвачен ими же, с тех пор, как рабочее население Бельгии уведено в чужие страны, рабочая социалистическая Бельгия переживает тяжелые дни. Но в этом году у рабочих социалистической Бельгии был день великой радости, — это был тот день, когда рабочая социалистическая Бельгия узнала, что Петербург восстал, что царизм низвергнут и что пламя, которое зажглось там, обойдет всю Европу. (Аплодисменты.) Конечно, я не сказал бы вам всей правды целиком, если бы не прибавил, что к нашей радости в тот день, когда мы узнали о русской революции, что к нашей радости примешалось некоторое беспокойство. Перед нами вставал и беспокоил нас вопрос: сможет ли революция исполнить ту задачу, которая перед ней стоит? Пробыв среди вас в качестве наблюдателя и пламенного друга, я унесу теперь, уезжая, впечатление благоприятное. На наших глазах образовалось коалиционное правительство, которое является теперь в России комитетом общественного спасения. Мы были свидетелями той чудесной энергии, с которой Керенский работает теперь над организацией революционной армии, и этот конгресс, этот Съезд, сейчас здесь заседающий, Съезд Рабочих и Солдатских Депутатов есть орган, который должен закончить, дополнить и завершить дело революции. (Аплодисменты.) Я и мои друзья Б. Бруккер и Д. Ман приехали, чтобы приветствовать вас, солдат и рабочих свободной России, от имени солдат и рабочих завоеванной и угнетенной Бельгии, приветствовать вас с великой надеждой на роль российской революции. В истории человечества каждая революция развивалась со своими последствиями далеко за пределы той страны, где она происходила. Так, английская революция породила переворот Соединенных Штатов, события в Северной Америке имели влияние на французскую революцию, французская революция освободила Европу. Мы, — говорит тов. Вандервельде, — уверены теперь, что российская революция освободит весь мир. (Аплодисменты.)

Мы приветствуем вас не только от своего имени, но и от имени всего бельгийского пролетариата. И мы вернемся сейчас к нему в траншеи, и с волнением, которое я с трудом сдерживаю, я говорю вам: прощайте, — нет, впрочем, не прощайте, а до свиданья—до того момента, когда вся Европа будет свободна, когда Интернационал возродится более живучий, более мощный, чем когда-либо. Я кончаю, говоря вам спасибо за гостеприимство. Да здравствует революция! Да здравствует Интернационал! Да здравствует мировая свобода! (Шум. Аплодисменты.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ЧХЕИДЗЕ [1]). Позвольте принести нам искреннюю благодарность за ваш привет. Приветствую вас от имени Съезда. (Рукоплескания.)

---

[1]) Речь Чхеидзе печатается по машинописному тексту с поправками. В деле имеется второй экземпляр исправленной стенограммы речи Чхеидзе с надписью сверху в правом углу: «В русское посольство. Просим перевести и вручить министру Вандервельде следующую стенограмму речи».

Тов. Вандервельде. Мы глубоко чувствуем, глубоко понимаем страдания бельгийского пролетариата и бельгийского народа. Мы глубоко чувствуем и понимаем страдания всего пролетариата. Мы в России [1]) свергли царизм,— это правда, и наша революция победоносна, но когда вы были свободны, тов. Вандервельде, нас держали в оковах, мы страдали, и этого вполне достаточно, чтобы мы глубоко понимали и чувствовали страдания пролетариата, не только страдания одной Бельгии, но и всего мира, в особенности пролетариата тех народов [2]), которые ввергнуты [3]) в [4]) войну. Но какой путь наиболее верен для того, чтобы облегчить эти страдания [5])?

Тов. Вандервельде, вы лучше, может быть, чем кто-либо другой из наших заграничных товарищей, и раньше знали и в особенности теперь, за эти шесть недель, ознакомились с нашими [6]) желаниями, с намерениями, приемами борьбы за всеобщий мир [7]). Вы отлично знаете ту платформу, которую мы сейчас выдвигаем, после того как убедились в том, что наша революция победоносна. Мы выдвигаем платформу, на основании которой должен быть заключен мир. Мы находим, что чем скорее будет ликвидирована война, тем скорее будут ликвидированы и те страдания, которые переносит бельгийский народ; мы мыслим мир только на этой платформе, другого мира мы не мыслим и не желаем.

Мы знаем, тов. Вандервельде, что наше обращение к [8]) пролетариату уже дало отклик, и для нас это большая поддержка. Это нас ободряет в нашем движении вперед [9]). Но, тов. Вандервельде, есть французская поговорка, что самая красивая из женщин не может дать более того, что она сама имеет. И русская революция тоже не может дать более того, что она может дать. Она может стать сильной, победоносной, она может ликвидировать войну на нашей платформе только тогда, когда мы дружными рядами двинемся вперед вместе с свободным европейским пролетариатом. И мы просим вас сделать все возможное для того, чтобы координировать все силы пролетариата всей Европы, всего мира [10]), для того, чтобы итти к концу войны тем способом, который совершенно ясно и определенно выражает нашу платформу.

Мы просим, тов. Вандервельде, вас запомнить, зафиксировать в своей памяти, что освобождение Бельгии нам так же дорого, как и интересы нашей великой революции (рукоплескания), и мы не можем мыслить несвободным бельгийский народ, как не можем мыслить, что мы сами [11]) останемся [12]) униженными и оскорбленными [13]), как не можем мыслить нашу революцию не доведенной до конца. (Рукоплескания.)

От имени Съезда я прошу вас, тов. Вандервельде, передать наше приветствие революционному бельгийскому пролетариату, бельгийскому народу [14]). Да здравствует свободная Бельгия! Да здравствует Интернационал! Да здравствует социализм!

Товарищи, еще в дневном заседании я говорил, что поступило предложение о прекращении прений. Теперь я должен поставить на голосование вопрос о прекращении прений. Кому угодно высказаться по этому вопросу? [15])

---

[1]) Далее зачеркнуто: «русский народ». — [2]) Первоначально: «этого народа». — [3]) Первоначально: «который ввергнут». — [4]) Далее зачеркнуто: «эту». — [5]) Далее зачеркнуто: «и чтобы стать (первоначально «встать») таким же свободным народом, как была Бельгия и бельгийский народ». — [6]) Слово: «нашими» вписано. — [7]) Далее зачеркнуто: «которую мы здесь выставляем». — [8]) Далее зачеркнуто: «румынскому». — [9]) Далее зачеркнуто: «в этом направлении». — [10]) Слова: «всего мира» вписаны. — [11]) Слова: «мы сами» вписаны. — [12]) Первоначально: «останутся». — [13]) Первоначально: «униженные и оскорбленные». — [14]) Слова: «бельгийскому народу» вписаны. — [15]) В подлиннике последний абзац зачеркнут карандашом.

Речь товарища за прекращение прений[1]). Товарищи, когда мы обсуждали вопрос о власти, многие касались, не могли не касаться вопроса о войне и мире. Эти вопросы тесно связаны друг с другом. Они связаны настолько, что в настоящий момент, когда здесь выступали фракционные ораторы, эти ораторы обращались к старым вопросам о власти. Я полагаю, что поскольку мнение Съезда высказалось в резолюции об отношении к власти, постольку нового решения, непосредственно вытекающего отсюда вопроса о войне быть не может. Я полагаю, что этот вопрос ясен, и что ничего нового фракционные ораторы не внесут. Поэтому я полагаю, что нужно прекратить прения и перейти к секционной работе. Секционная работа самая продуктивная, она колоссальна, мы должны к ней скорее приступить, ибо мы не можем быть долго в Петрограде, ибо на местах нас ждет колоссальная работа.

Речь товарища против прекращения прений[1]). Товарищи, я думаю, что, вынося известную резолюцию по вопросу об отношении к Временному Правительству, мы тем самым не предрешили вопроса о том, как мы относимся к войне и миру. Это во-первых. Я имею основание так говорить потому, что мы с некоторыми оговорками и очень существенными вынесли это постановление. Во-вторых, перед нами здесь демонстрировали борьбу только фракционные лидеры, а мы не слышали еще голоса непосредственно от наших представителей, мы не слышали простых слов. Я желал бы слышать их, желал бы сам лично сказать, и думаю, что некоторые товарищи тоже хотят сказать что-нибудь. Вот почему я против прекращения прений.

ДАН. Товарищи, самое прекращение прений по вопросу о войне, после того, как высказалось сравнительно небольшое число ораторов, уже показывает, что вопрос этот достаточно ясен для нас. Это не могло быть иначе с тем вопросом, с которым каждый из нас сталкивается ежедневно в своей революционной практике, не могло быть иначе с вопросом, который у каждого из нас требует повседневного ответа. Ответ этот вы, очевидно, дали всей своей предшествовавшей деятельностью и сегодня вам остается только еще раз подтвердить его. Товарищи, сегодня тот день, когда мысли каждого из нас прикованы к тем событиям, которые мы переживали вчера, которые всех нас так глубоко взволновали. Я говорю, сегодня трудно сказать заключительное слово по этому общему вопросу о войне. Сегодня приходится говорить по этому общему вопросу и для громадного большинства из нас уже решенному вопросу, но не хочется говорить о нем, а хочется говорить о том, что накануне привело почти на край гибели нашу революцию и что вместе с тем могло сделать излишними и ненужными все те общие решения, которые мы могли принять, в том числе и по вопросу о войне. Но я думаю, что эти только что нами пережитые события, в которых так ярко отразилась тактика определенного крыла революционной демократии, все эти события проистекают из непосредственной связи с теми вопросами, к разрешению которых мы собираемся приступить. Мы должны, решая этот вопрос, подумать и поставить перед собой ту тактику, которая определенным крылом применяется везде и всюду, применяется к вопросу о войне, и практические последствия которой мы вчера могли почти осязать своими руками, ибо та же самая тактика, которая вчера применялась по отношению к вопросам нашей внутренней жизни тов. Лениным и его единомышленниками, применяется ими к вопросу о войне. Тот же самый ход рассуждений, то же самое обоснование.

---

[1]) Фамилия выступавшего не указана.

Два основных, принципиальных возражения делались против того отношения к войне, которое было принято Всероссийским Совещанием [и] неуклонно проводилось в жизнь Петроградским и громадным большинством Советов Рабочих и Солдатских Депутатов. Одно из этих возражений было высказано т.т. Лениным и Троцким, также тов. Мартовым. Т.т. Ленин и Троцкий ставили вопрос таким образом,— я читаю точные слова тов. Троцкого, записанные мною: «Русская революция не распускает армию, а, передав власть в руки Советов Рабочих и Солдатских Депутатов, кликнет клич ко всем народам, что есть цитадель революции,— постоянная армия, которая поддержит всякие революционные движения народа» [167]. Вот эта мысль, общая Ленину и Троцкому, которые, не говоря о том, как нам кончить войну, как заключить нам мир, без заключения которого не может развиваться русская революция, отвечают: надо вести революционную войну отдельную, которая была бы не буржуазной, не империалистической, [а] была бы социалистической.

На вопрос о мире они дают ответ о войне. Они вам не обещают мира, они вам не говорят, что их тактика приведет к миру,— они вам рекомендуют тактику, которая ведет к затягиванию, к бесконечному продолжению войны и к приданию ей только другого характера. Спрашивается, товарищи,— и здесь многие из говоривших товарищей с фронта отмечали это,— почему эту мысль о том, что большевистская тактика несет не мир, а меч, почему ее не говорят тем солдатам, которые сидят в окопах, тем рабочим, солдатским массам, которые требуют мира? Почему, ведя эту тактику войны, хотя бы и революционной, придают себе вид людей, борющихся за мир, людей, ведающих неведомый какой-то секрет заключения мира так скоро, как не можем сделать мы? И почему с точки зрения тактики, повторяю, тактики не мира, а войны критикуют наши методы борьбы за мир, утверждая, что недостатком этих методов является то, что они слишком медленно ведут нас к цели? Здесь, я утверждаю, политически практикуется двойная бухгалтерия, при чем одна политическая мысль существует для себя, другая для широких масс,— та бухгалтерия, которая позволяет демагогически использовать стихийное настроение масс, по существу не имеющая ничего общего с теми целями, к которым стремится эта критика, к которой стремятся товарищи большевики.

Как в вопросах внутренней жизни, эти стихийные вспышки недовольства масс, угнетаемых тяжелыми экономическими кризисами, используются для политики, которая совсем не лежит ни в духе, ни в интересах масс, так в области внешней политики стихийное тяготение к миру, к своему дому, к своей земле используется для тактики, которая ничего общего с этим стремлением к миру не имеет, для тактики, которая имеет [последствием] революционную войну, с которой ничего общего не имеют, которой не признают, которую, несомненно, отвергнут те десятки миллионов солдат, которые утомлены сейчас войной и ищут возможность возвратиться домой. Мы должны эту тактику безусловно отвергнуть, потому что она не решает вопроса о мире, потому что мы знаем, что и революционная война потребует тех же самых материальных и моральных жертв, которых не может не дать русская революция, если не хочет сама себя привести на край гибели. Поэтому эта тактика для нас неприемлема,— мы эту революционную войну отвергаем.

Тов. Ленин здесь говорил, что крестьяне и рабочие в Западной Европе якобы смеются над тем, что русский народ, свободный народ, вооруженный народ, 10 или 15 миллионов сынов которого имеют ружья в руках, что этот народ, [который] сегодня свергает своих капиталистов, не становится на их место.

не захватывает власть в свои руки, не перестраивает свою жизнь соответственно с интересами трудящихся, что он не уничтожает ярма капиталистов, — над этим будто бы смеются крестьяне и рабочие Европы, когда мы говорим о наших методах борьбы за мир. Но ведь такие утверждения бьют в лицо действительности. Если бы, действительно, крестьяне и рабочие Западной Европы полагали, что достаточно иметь в руках ружье, чтобы свергнуть капиталистический строй, т.-е. они понимали бы, что и у них, у их братьев и сыновей имеются ружья в руках и они не стояли бы на нашей границе непроницаемой стеной, не стояли бы грозной армией, подчиняющейся не только своим капиталистам, но и своим феодалам, они сами бы первые показали пример, как эти ружья можно обратить против своих внутренних врагов и угнетателей. Неверна, стало быть, ссылка ваша на угнетателей Западной Европы и неправильно это стремление опорочить нашу тактику борьбы за мир, единственную тактику, которая может действительно привести к цели, указанием на смех, который она будто бы возбуждает в Западной Европе.

Не смех, а радость во всех сознательных элементах пролетариата и трудящихся масс Европы возбуждает та тактика борьбы за мир, которую ведет с первого дня своего существования русская революция, и мы должны продолжать эту тактику неустанного стремления к объединению с силами международного пролетариата и в то же время укреплению боеспособности нашей армии, пока упадок этой боеспособности грозит гибелью и нашей революции и всему делу международной демократии. Мы должны продолжать нашу тактику, потому что никто нам не указал еще другого выхода, не указал другого средства, которое вело бы к цели.

Правда, его пытался указать тов. Мартов. Тов. Мартов, который не разделяет этих утопий о революционной войне и понимает, что не Россия есть та страна, где прежде всего пробьет тот час свержения капитализма и установления социалистического общества,—тов. Мартов видел исход положения не в том, чтобы передать власть в руки Советов, не в том, чтобы продолжать войну, как войну революционную; он видел исход в той более решительной тактике, в том отказе от политики шатания и лавирования, какою ему представляется наша тактика. Он представил перед нами и правительством целый ряд задач, выполнение которых означало бы предъявление определенных требований к нашим союзникам, разрыв с этими союзниками в случае неудовлетворения этих требований, что привело бы к сепаратной войне, потому что тов. Мартов не хочет мира, т.-е. к той самой сепаратной войне, о которой я говорил в докладе. Я пояснял, что сепаратная война ни к чему другому, кроме сепаратного мира, привести не может. Оставаясь сепаратной войной, она несет для нашей революции всю ту гибель, которую несет война не сепаратная, только он говорит: ведите войну по-прежнему с германским милитаризмом, но так, чтобы ваши союзники не дали вам ни одного рубля, ни одного куска угля, ни одной тонны необходимых припасов. Почему такой способ может спасти русскую революцию, — мне непонятно.

Мир вытекает из сепаратной войны и не может быть ничем иным, как миром сепаратным, а мы уже говорили, что мир сепаратный есть гибель для России, и тактика тов. Мартова сводится к тому, что так как положение нашей революции отчаянное, так как мы стоим на краю гибели, то не попробовать ли пойти на самоубийство. Мы этой тактики не понимаем и не принимаем. Как ни плохо положение нашей революции, как ни отчаянно наше положение, но мы верим, что та объективная сила, которую выдвинула война, не может не пробудить веры пролетариата Западной

Европы, не может не разбудить того движения, которое пойдет нам навстречу, и мы верим и продолжаем верить, что нам удастся довести наше дело до той минуты, когда к нам протянется из-за рубежа эта пролетарская рука и когда мы, совместно с другими народами Европы, свергнем то иго, которое накладывают поработители, которое втягивает народы в войну; мы верим, что это положит начало общему миру народов.

Мы верим в это и продолжаем стоять на своей позиции. Мы боремся за мир и укрепляем нашу армию. Пока ведем войну, мы ведем войну и мы хотим, чтобы армия вела ее, как действительная сила. Это так понятно, это так диктуется, это так навязывается уму и сердцу революционера, что не даром в этой зале среди присутствующих я вижу столько грудей, украшенных георгиевскими крестами. Это показывает, что те наши товарищи, которые сидят в окопах, которые несут тяжесть войны, это показывает, что на них, революционеров, легла обязанность там, где ведутся эти битвы, стоять в первых рядах и там итти впереди тех солдат, которые вынуждены итти на смерть, потому что трудовые массы Европы еще не в состоянии свергнуть ига своих поработителей и обеспечить мир. Одни эти георгиевские кресты, с моей точки зрения, убедительно говорят, что тактика, которая принята Всероссийским Совещанием, что она вытекает из самой жизни, что в ней отражается голос жизни, что это есть та единственная тактика, которая имеет почву в действительности, которая одна может привести к победе, если победа суждена русской революции, но пока мы не теряем веры в победоносность русской революции, мы верим, что огонь, зажженный ею, перебросится в страны Западной Европы, и мы верим, что в этом огне сгорит позор человечества, который в течение трех лет опустошает цивилизованные страны, и что из этого костра возродится, как феникс из пепла, тот общий мир, который принесет счастье народам, который даст возможность укрепить завоевания русской революции, который положит начало возрождения пролетарского Интернационала, даст возможность пролетариям всех стран итти верными, быстрыми и смелыми шагами к тому царству социализма, первые лучи которого блещут в кровавом тумане войны.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Товарищи, прения исчерпаны по вопросу о войне. Надлежало бы сейчас поставить на голосование резолюцию, но должен сообщить, что не все фракции имеют резолюции, и они будут завтра предоставлены на ваше усмотрение. Тов. Розанов даст маленький обзор относительно созыва интернационального конгресса [168].

РОЗАНОВ [1]). Товарищи, вы только что слышали сегодня одну из самых блестящих речей, произнесенных тов. Вандервельде, на ту тему, что революция и мир, это — слова, близкие друг к другу, и у нас, в России, слово «мир» было сказано очень скоро после того, как восторжествовала революция.

В конце февраля революция была победоносна, а в середине марта русская революция обратилась к народам всего мира, которых приглашала также произвести революцию, призывала демократии к власти, и тогда, казалось, не будет препятствий к всеобщему миру. И в следующем воззвании к социалистам всех стран, которое было написано после того, как реорганизовалось Временное Правительство и один из покровителей и защитников этой войны, Милюков, ушел со своего места, и в этом втором воззвании социалисты всех стран вновь приглашались оказать давление на свои

---

[1]) Речь Розанова печатается по машинописному тексту с собственноручными поправками Розанова.

правительства и работать в пользу всеобщего мира. Можно констатировать, что с самого начала русская революция жила этой мыслью, той мыслью, которую всегда проповедывали социал-демократы всех стран. Эта мысль заключается в том, что народы не имеют причин воевать друг с другом, и если война существует, если она началась, если она продолжается, то вина за это будет не на демократических слоях [1]) народов, а на их империалистических правительствах. Эта мысль, товарищи, не была исключительно русской мыслью.

Как только русская революция восторжествовала, так везде во всех странах Европы родилась та же самая мысль, что мир близок, что война если не кончилась, то кончается, и в связи с этим появились различные планы относительно объединения всех сил, которые должны будут кончить войну, т.-е. демократических сил и [2]) в первую голову [3]) социалистических сил пролетариата. Международная конференция предполагалась к созыву, с одной стороны, крайними левыми социал-демократами, циммервальдцами, с другой стороны, голландско-скандинавским комитетом, представляющим собою течения большинства. И та и другая инициативы были доведены до сведения Исполнительного Комитета, и Исполнительному Комитету было прислано приглашение принять участие в этих конференциях. Однако, ни одно из этих начинаний не могло удовлетворить Исполнительный Комитет Петроградского Совета Р. и С. Д. вполне, и вот по каким соображениям. Что касается циммервальдской инициативы, то эта конференция объединяет собою левую часть социал-демократии, ту часть, которая все время с начала войны наиболее энергично боролась против империалистических правительств. Если эта часть была, с одной стороны, наиболее близка [нам], как революционерам, то, с другой стороны, мы не могли закрывать глаза на то, что эта часть во всех воюющих странах представляет собой только меньшинство и иногда только ничтожное меньшинство, так что как ни желательны объединения с этой частью социал-демократии и как ни легко это объединение, мы должны были сказать себе, что фактического значения, в смысле быстрого окончания войны, объединение с этой, только частью международной, социал-демократией значения иметь не будет.

Что же касается другой инициативы, инициативы голландско-скандинавского комитета, против которой в буржуазной прессе велась такая ожесточенная травля, то эта инициатива не удовлетворяла нас по тем же соображениям, что она представляет собою только часть социал-демократии и, с другой стороны, самая постановка [4]) дела этого голландско-скандинавского комитета нас не удовлетворяла [5]). Эта конференция была замышлена в виде дипломатических переговоров между отдельными партиями, которые приезжали в Стокгольм, записывали свои условия мира, и относительно этих условий мира должны были в будущем вестись переговоры.

Мы, русские революционеры, свергшие у себя царское правительство и потом удалившие из первого Временного Правительства Милюкова, лучше всех других могли знать и судить о том, насколько важно не только соглашение о конечных целях войны и относительно условий мира, но насколько важно также соглашение в действиях. Мы в революционной стране всегда отдавали предпочтение действиям перед соглашениям на словах. И, в самом деле, вопрос состоит [6]) не только в том, что между социал-демократиями различных стран существуют разногласия относительно конкретных условий мира

---

[1]) Первоначально: «демократической силе». — [2]) «и» вписано. — [3]) Далее зачеркнуто «и». — [4]) Первоначально: «в самой постановке». — [5]) Слова: «нас не удовлетворяла» вписаны. — [6]) Первоначально: «стоит».

и что вследствие этих разногласий мир невозможен. Нет, товарищи, таких больших разногласий, таких решительных несогласий, из-за которых стоило бы вести мировую войну в течение столь долгого времени и еще неопределенно долгое время, между социал-демократами различных стран никогда не было и нет, хотя, конечно, разногласия были. Дело не в этом, а дело в том, что демократии, как бы они ни хотели мира [1]), во всех воюющих странах, за исключением теперь России, не имеют решающего голоса во внешней политике: они могут говорить нам только о том, что они имеют большее или меньшее влияние на свои правительства, но решающего голоса, равного с буржуазией, социал-демократы в настоящее время не имеют ни в одной европейской стране. И вот нам казалось самым важным для дела мира — это то, чтобы демократии, разъединенные теперь вследствие взаимного недоверия, которое породила и поддерживает [2]) эта война [3]), чтобы эти демократии [4]) объединились [5]) прежде всего на той очевидной мысли, что нужно для окончания войны вести энергичную борьбу против милитаристических целей во внешней политике всех стран.

В виду этих соображений Исполнительный Комитет 25 [6]) апреля, выслушав доклады относительно других конференций, о которых он говорил, постановил, что он берет на себя инициативу созыва международной социалистической конференции. Это решение Исполнительного Комитета было встречено везде с большим удовлетворением, даже, — могу больше сказать, — с восторгом; наиболее ярким выражением этого настроения было решение национального совета французской социалистической партии, который в продолжение всех трех лет войны настойчиво отказывался от всякой мысли о [7]) международной конференции в ее полном составе, т.-е. такой конференции, на [8]) которой будут присутствовать также социалисты воюющих с Францией стран, — этот национальный совет [9]) после сообщения т.т. Муте и Кашена, бывших здесь, в Петрограде, и имевших с нами много раз разговоры и собеседования, постановил принять участие в созываемой нами [10]) конференции. Факт этот тем более отрадный, что Муте и Кашен стояли на точке зрения французского большинства, т.-е. принадлежали к той части партии, которая относилась с недоверием ко всякого рода социалистическим международным, в полном смысле слова, конференциям [169].

Они приехали сюда, в Петроград, к нам, Исполнительному Комитету, с согласия своего правительства, чтобы постараться убедить нас, насколько важно продолжать войну, насколько несвоевременно в настоящее время говорить о мире, в особенности с каким большим недоверием следует относиться к противоположной стороне, не только к германскому правительству, что само собой разумеется, но и к германским социалистам. Они приехали сюда, чтобы убеждать нас от имени своего буржуазного правительства, и они уехали из Петрограда, они, крайние правые социалисты, пропикнутые [11]) нашим настроением, они явились там пропагандистами нашей конференции. Вы, вероятно, читали в газетах, — так, по крайней мере, телеграфировали, — что этот национальный совет, т.-е. совет французских социалистических партий, со слезами на глазах принял решение принять участие в конференции, созываемой Исполнительным Комитетом. Депутаты голосовали за эту резолюцию со слезами на глазах, потому что они в этот

---

[1]) Далее зачеркнуто: «они». — [2]) Слово: «поддерживает» вписано над неразобранным словом. — [3]) Первоначально: «эту войну». — [4]) Первоначально: «эта демократия». — [5]) Первоначально: «объединилась». — [6]) «25» вписано. — [7]) «о» вписано. — [8]) Слово: «на» вписано над зачеркнутым: «в». — [9]) Слова: «этот национальный совет» вписаны над зачеркнутым: «все социалисты французских партий». — [10]) Слова: «созываемый нами» вписаны над зачеркнутым: «созыва в Петрограде». — [11]) Далее зачеркнуто: «конечно, до известной степени».

момент отказывались от многого, что они считали неопровержимым, непреложным, чему они в течение трех лет следовали. Точно также из Англии мы получили телеграмму, что все рабочие партии, без различия их отношений, т.-е. те, которые всецело поддерживали свое [1]) правительство, а также и те, которые стояли [2]) в оппозиции к нему, принимают инициативу Исполнительного Комитета. Они отложили созываемую ими конференцию социалистов держав согласия. Это был несомненный успех, свидетельствующий о том, что именно престиж [3]) Исполнительного Комитета [4]), т.-е., собственно говоря, престиж русской революции чрезвычайно велик и он помогает преодолевать те препятствия, которые иначе преодолеть было бы чрезвычайно трудно.

Решение взять на себя созыв международной социалистической конференции, как я вам уже сказал, состоялось 25 апреля. Вследствие различных дел, которые не имеют принципиального отношения к этому вопросу, да и вообще не имеют никакого отношения к нему [5]), Исполнительный Комитет затянул дело созыва конференции. Обвинять его за это не приходится, — вероятно, его не будут обвинять те товарищи, которые сколько-нибудь представляют себе условия работы Исполнительного Комитета, тот калейдоскоп самых острых [6]), жгучих вопросов, которые ежедневно возникают и которые, конечно, отодвигают на второй план всякие вопросы международного характера, хотя бы и первостепенной важности.

Наше письмо-приглашение на международную конференцию вышло спустя три недели после того, как было принято Исполнительным Комитетом решение созвать конференцию, а именно 14 мая. Основная мысль в этом письме — та же, которая лежала в воззваниях [7]): «К народам всего мира», «К социалистам всех стран»; только здесь, в деловом письме, эта мысль была выражена без всякого пафоса, деловым, определенным образом. Это была, если хотите, дипломатическая нота, направленная к социалистическим партиям всех стран. Как в дипломатической ноте, в ней, конечно, не было призыва. (Голос: «Громче».) Я прошу вас поверить, что я громче говорить не могу, я напрягаю голос насколько я могу.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Прошу верить тов. Розанову, что он громче говорить не может; прошу вас, товарищи, не шуметь.

РОЗАНОВ. Вот товарищи, когда это наше письмо о приглашении принять участие в конференции было опубликовано и передано по телеграфу во все страны, то мы могли заметить, что, кроме доверия к инициативе Исполнительного Комитета, имеются и [8]) явления [9]) обратного порядка, а именно, что конференция встречает некоторого рода [10]) препятствия, по крайней мере к скорому созыву. Из этих препятствий прежде всего надо отметить, что буржуазия всех стран, — решительно всех: воюющих с нами и союзных стран, — относится с одинаковым недоверием, с одинаковой подозрительностью ко всякого рода международной социалистической конференции. Факты эти, товарищи, достаточно многочисленны. Довольно будет указать на то, что решение того же самого французского национального совета, которое было принято при глубоком подъеме чувства, как я вам уже говорил [11]), что это самое решение встретило самую ожесточенную брань со стороны некоторых органов французской шовинистической печати. Одобрения

---

[1]) Слово: «свое» вписано. — [2]) Первоначально: «стоят». — [3]) Слово: «престиж» вписано. — [4]) Первоначально: «Исполнительный Комитет». — [5]) Слово: «нему» вписано над зачеркнутым: «этому вопросу». — [6]) Слово: «острых» вписано над зачеркнутым: «нужных». — [7]) Первоначально: «воззвании». — [8]) «и» вписано. — [9]) Первоначально: «заявления». — [10]) Далее зачеркнуто: «серьезные». — [11]) Далее зачеркнуто: «со слезами на глазах многими делегатами».

оно не нашло ни в одном органе, кроме органов социалистических. Нужно вам также указать на тот факт, также всем известный [1]), что при приезде наших товарищей социалистов не из стран с нами воюющих, а из стран с нами союзных встречались препятствия в отношении паспортов [2]), то, что нам кажется [3]) естественным правом каждого гражданина: за своей, конечно, гражданской ответственностью вести переговоры со своими единомышленниками, и притом [4]) это право буржуазии западно-европейских [5]) культурных стран кажется в настоящее время сомнительным.

Разумеется, товарищи, это только внешние препятствия, и они, в конце концов, будут преодолены, но есть и препятствия другого, более глубокого характера и более печального для нас свойства, скрывать которые было бы неразумно для всякого реального политика. Препятствие это заключается в том, что в западно-европейских странах далеко не преодолено то взаимное недоверие между демократиями [6]) различных стран, которое питалось систематически в течение трех лет войны. И вот, когда письмо наше появилось, со стороны наших товарищей французских и бельгийских последовали возражения. Тов. Тома, тов. Вандервельде, которого вы тут слышали, который так же, как и мы, верит, что русская революция перекинет свое пламя и во все другие страны Европы [7]),—тов. Вандервельде находит, что невозможно в настоящее время относиться с таким полным доверием к демократии противоположной стороны уже по одному тому, что эта демократия не может иметь по самой конструкции государственной власти [8]) абсолютно никакого влияния на определение внешней политики Германии и Австро-Венгрии. Кроме того, вы знаете, что немецкая [9]) социал-демократическая партия [10]) с самого начала поддерживала эту империалистическую войну и поддерживала ее, по ее заявлению, потому, что она считала, что Германия очутилась бы в пропасти, в [11]) громадной опасности, и всей стране грозила бы гибель, если бы она этой поддержки не оказала. С другой стороны, это же самое большинство германской социал-демократии всегда проповедывало в своей собственной стране своим рабочим, что нельзя безусловно полагаться на то, что Франция и Англия, эти [12]) демократические [13]) страны, не питают замыслов полного уничтожения Германии.

При такого рода опасениях с той и другой стороны, самый факт войны в еще бо́льшей степени, естественно, порождал, питал и укреплял взаимное недоверие. У нас, в России, подъем революции это недоверие смел. Но в других странах, где трудящиеся классы этой империалистической силы не преодолели, где [14]) им придется еще [15]) вести всю борьбу с начала до конца, чтобы вырвать руководство внешней политикой из рук буржуазии [16]), там, разумеется, не может еще [17]) быть ни такого [18]) доверия к собственным силам, как у нас [19]), ни еще больше доверия к силам противоположной стороны.

С этим фактом, товарищи, приходится считаться, и весь тот кризис социализма, который продолжался в течение трех лет, не может быть, конечно, исправлен во мгновение ока под влиянием призыва из чужой страны, хотя бы и революционной, хотя бы и такой, которая признается всеми

---

[1]) Первоначально: «известно». — [2]) Первоначально: «паспортной системы». — [3]) Далее зачеркнуто: «само собой». — [4]) Далее зачеркнуто: «не в воюющих, а в союзных странах». — [5]) Далее зачеркнуто: «стран». — [6]) Слово: «демократиями» вписано над зачеркнутым: «демократами». — [7]) Далее зачеркнуто: «но все-таки». — [8]) Слова: «государственной власти» (зачеркнуто «в Германии») вписаны. — [9]) Слово: «немецкая» вписано. — [10]) Далее зачеркнуто: «немецкая». — [11]) «в» вписано. — [12]) Далее зачеркнуто: «более чем». — [13]) Далее зачеркнуто: «даже». — [14]) Слово: «где» вписано над зачеркнутым: «там». — [15]) Слово: «еще» вписано. — [16]) Слова: «из рук буржуазии» вписаны. — [17]) Слово: «еще» вписано. — [18]) Слово: «такого» вписано. — [19]) Слова: «как у нас» вписаны.

идущей во главе всего мира в смысле борьбы за свободу. Это недоверие должно быть преодолено постепенно. Конечно, мы должны сделать все, чтобы преодолеть его возможно быстрее, но, во всяком случае, мы не должны удивляться тому, что некоторого рода препятствия с этой стороны встречаются и что нам приходится вести продолжительные переговоры относительно платформы нашей конференции, относительно того, что подразумевает та или иная фраза, каковы будут условия мира этой конференции, как смотрит Исполнительный Комитет или Совет Р. и С. Д. на тот или иной частный вопрос будущих условий мира. Все эти вопросы, товарищи, конечно, чрезвычайно важны, все они подлежат обсуждению, но точно так же понятно, что Совет Р. и С. Д. до настоящего времени всех этих вопросов [1]) еще не обсуждал и что перед ним в международной его политике стоит прежде всего не тот вопрос, как мы согласимся [2]) о той или иной границе, будь [3]) это [4]) граница между Францией или Германией, — значит, вопрос о Лотарингии, — или граница [5]) будущей свободной Польши, а вопрос заключается прежде всего в том, чтобы дать фактическую возможность заключить самый мир, а эта фактическая возможность будет дана только в том случае, если демократии всех воюющих стран начнут и поведут упорную и энергичную борьбу против империалистов, каждая [6]) в своей стране, и против господства империализма во всей внешней политике великих держав. К этому направлены все наши усилия. Дальнейшие подробности, товарищи, есть подробности чисто деловые, и, я думаю, их нет никакой надобности подвергать обсуждению на этом Съезде, раз эта линия намечена и раз вы эту общую линию одобряете.

Если бы вы меня в заключение спросили, уверен ли я в том, что международная социалистическая конференция состоится и что она приведет к желанному результату, — в настоящее время, товарищи, мы, конечно, не называем желанным результат в том смысле, как мы называли его до войны, когда просто принималась резолюция, на которой все соглашались, — сейчас дело идет не об этом, а сейчас дело идет о том, чтобы окончить войну и если вы спросите [7]), в этом смысле [8]), будет ли достигнут [9]) желательный [10]) положительный результат, то я должен буду ответить на этот вопрос, что да, по моему мнению, международная социалистическая конференция состоится, она должна состояться и она не может не состояться. Что же [11]) касается другого вопроса, насколько быстро эта социалистическая конференция может привести к окончанию войны, что касается вопроса, каковы в этом отношении наши надежды, то я, товарищи, на этот вопрос никакого положительного ответа в настоящий момент дать не могу. Я верю, это наше основное убеждение, убеждение всех социал-демократов всех стран, а после русской революции, я думаю, не только социал-демократов, но и всех [12]) здравомыслящих людей, убеждение, состоящее в том, что только господство демократии закончит эту войну, начатую империалистическими безответственными царистскими или полуцаристскими правительствами [13]). Таково наше убеждение, — в нем нас ничто не колеблет, наоборот, все укрепляет. В этом смысле несомненно, что окончание войны

---

[1]) Первоначально: «все эти вопросы». — [2]) Первоначально: «согласуемся». — [3]) Первоначально: «будет ли». — [4]) Первоначально: «эта». — [5]) Первоначально: «о границе». — [6]) Первоначально: «каждый». — [7]) Слова: «если вы спросите» вписаны над строкой. — [8]) Слово: «смысле» вписано над зачеркнутым: «отношении». — [9]) Слова: «будет ли достигнут» вписан над зачеркнутым: «действительно». — [10]) Первоначально: «желателен». — [11]) «же» вписано. — [12]) Первоначально: «всяких». — [13]) Первоначально: «империалистским, безответственным, царистским или полуцаристским правительством».

придет не откуда-нибудь с неба [1]) или будет дано какими-нибудь ловкими посредниками, а будет исключительно завоевано стремлениями и усилиями демократий всех стран. Но, товарищи, когда это состоится, это будет зависеть от будущей борьбы в западно-европейских странах, а также и от успеха нашей революции [2]). Наша революция, заключающаяся в том, что Россия реорганизуется совершенно заново и вносит действительно совершенно новое в свою внешнюю политику и [3]) в то же время и во всей [4]) мировой политике производит решительную перегруппировку [5]). Русская революция будет оказывать тем более сильное влияние не [6]) только на социалистические партии всех стран, но и на все народы, чем тверже и последовательнее будет укрепляться господство демократии внутри России. (Аплодисменты.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Товарищи, таким образом сегодняшний порядок дня исчерпан. Завтра на ваше обсуждение и решение будет представлена резолюция о войне. Завтра же собранию будет предложен план организации секционных работ, и, быть может, после завтра вам удастся приступить к работам в секции. Завтра заседание в 11 час. дня. Объявляю заседание закрытым.

---

[1]) Далее зачеркнуто: «свалится». — [2]) Далее зачеркнуто: «поскольку». — [3]) «и» вписано над зачеркнутым: «а». — [4]) Слово: «всей» вписано. — [5]) Далее зачеркнуто «и чем сильнее эта перегруппировка будет», далее не разобрано. — [6]) Слова: «Русская.... не» вписаны.

ПРИЛОЖЕНИЯ

I. ФРАКЦИОННЫЕ СОВЕЩАНИЯ НАКАНУНЕ ВСЕРОССИЙСКОГО СЪЕЗДА СОВЕТОВ.

1. РЕЧЬ ЛЕНИНА НА ЗАСЕДАНИИ ФРАКЦИИ БОЛЬШЕВИКОВ 31 МАЯ [1]).

Ленин приветствует от имени Центрального Комитета всех социал-демократов интернационалистов без различия их фракционности.

Оратор переходит к вопросу о том, как может быть ликвидирована европейская война. Здесь оказывается, что он представляет себе разрешение европейского кризиса не в таких оптимистических тонах, как А. Луначарский. Формула «без аннексий», — говорит он, — отнюдь не значит желание вернуть Европу в «status quo ante». Мы считаем: «без аннексий» — это и без захватов, которые были совершены до нынешней войны. Для нас эта формула означает предоставление народам полной свободы отделиться от одних государств и присоединиться к другим. Но осуществление такой формулы без социалистической революции невозможно, и потому нет иного выхода из европейской войны, как всемирная революция.

Переходя к братанию, Ленин говорит: Стихийное братание дело мира не решит, но мы ставим его во главе угла революционной работы. Братание само по себе не решает вопроса, но ведь и ни одна другая мера не решает революции, пока она не приводит к ней. Что такое стачка, демонстрация? Ведь это тоже только звено в общей цепи революционной борьбы. Нам говорят, что братание ухудшило положение на других фронтах. Это неверно. Оно создало фактическое перемирие на нашем фронте и вызвало небольшие изменения на западном фронте. Но в чью пользу? В пользу Англии и Франции. Зато в Азии Англия достигла большого успеха: она скушала Багдад. Прекращение войны на нашем фронте вызвано революционным братанием, против которого Керенский ведет войну, против которого объявлено наступление, подписанное меньшевиками.

Надо сделать братание сознательным, надо добиться, чтобы оно превратилось в обмен идей, чтобы оно перенеслось на другие фронты, чтобы оно зажгло революцию по другую сторону окопов.

Перейдя к вопросу об урегулировании промышленности, оратор говорит: С 28 февраля правительство не сделало ни одного шага, чтобы урезать барыши промышленников. На-днях мы читали об образовании комиссии из нескольких министров, во главе со Скобелевым, для выработки мер контроля. Но ведь комиссии существовали при царе, ведь это один обман. Оратор говорит о необходимости немедленного захвата помещичьих земель

---

[1]) «Новая Жизнь» 1917 г., № 37, 14 (1) июня. На фракции, помимо большевиков, присутствовали также социал-демократы интернационалисты различных направлений.

и заканчивает речь указанием, что Советы Рабочих и Солдатских Депутатов должны получить всю власть или умереть бесславной смертью.

Оратору со всех сторон подают записки. В течение небольшого времени число их достигает 20. В первой предлагается вопрос, надо ли отправлять маршевые роты на фронт. Отвечая на этот вопрос, Ленин говорит: Пока была царская власть, нам приходилось итти в армию и работать там. Либкнехт одел мундир, чтобы вести агитацию против войны. Думать, что отдельными анархическими выступлениями можно ликвидировать войну, наивно.

Обсуждение остальных вопросов, предложенных в записках, отложено.

2. ОБЩЕЕ СОВЕЩАНИЕ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТОВ 1 ИЮНЯ [1]).

В объединенном совещании с.-д. членов Съезда 1 июня были заслушаны три доклада: доклад тов. Дана, доклад тов. Троцкого и тов. Ерманского.

Доклад тов. Дана.

— Я не предполагал выступать сегодня докладчиком, — для меня это было несколько неожиданно, но, тем не менее, я постараюсь обрисовать ту позицию, на которой стоит Петроградский Совет Р. и С. Д. и Исполнительный Комитет, и доказать правильность этой позиции по вопросу о войне.

Та экономическая разруха, которая происходит сейчас в России, тесно связана с войной. Долг революционной демократии стремиться всеми силами к скорейшей ликвидации войны. Вся деятельность Совета направлена в эту сторону, согласно решения Всероссийского Совещания, согласно формуле «мир без аннексий и контрибуций». Кроме того, Всероссийское Совещание установило, что мир должен быть всеобщим. В той стадии, в которой сейчас находится Россия, ни сепаратный мир, ни перемирие, советуемое так настойчиво товарищами интернационалистами, не спасет Россию ни от разрухи, ни от экономического разорения, так как одна Россия ликвидировать войны не может.

Мир должен быть всеобщим. Всероссийское Совещание указало средство к достижению такого мира: всеми силами стараться пробудить движение западно-европейского пролетариата с целью протеста против войны и против буржуазных империалистических правительств.

Совет сделает все возможное, чтобы вызвать к жизни его движение. Не наша вина, что ответа мы еще не получили.

Второй путь, который указало Всероссийское Совещание, — путь международной конференции, с участием социалистов всех течений. Я надеюсь, что конференция будет созвана в ближайшем будущем. Временное Правительство оказывает также все давление на союзные правительства, какое только может оказать, для успеха созыва конференции.

Мы не закрываем глаза на то, что поле наших действий в этом отношении ограничено. Ни для кого не секрет, что мы находимся в сильной зависимости, как военной, так и экономической, от наших союзников.

---

[1]) «Известия», № 82, от 3 июня 1917 г.

Мы бессильны в глазах наших союзников, — с нами не считаются, потому-то мы и употребляем все усилия, чтобы поднять боеспособность нашей армии.

При наличности боеспособной армии, с требованиями революционной России нельзя будет не считаться, и мы заставим с нами считаться. Отсюда и вытекает та военная политика, которую проводит Совет. Не сепаратный мир, не братанье, не фактическое перемирие ликвидируют войну, а международная конференция и возможно более широкая пропаганда среди пролетариата Западной Европы, которая пробудит его от сна и империалистического дурмана.

Доклад тов. Троцкого.

— Я считаю необходимым прежде всего настаивать на классовом характере войны, которая сейчас ведется.

Та война, которая сейчас ведется, есть война империалистическая, и демократия должна вести самую жестокую борьбу против этой империалистической войны. Ведь русская революция нисколько не изменила ее характера. Попрежнему все государственные аппараты находятся в руках буржуазии, пропитаны насквозь империалистическими стремлениями. Если буржуазия останется у власти, она употребит все усилия к тому, чтобы достигнуть своих империалистических целей.

Итак, данная война — империалистична. Тактика Петроградского Совета, его усилия создать боеспособную армию, таким образом, только играют в руку правящей буржуазии.

Его давление на союзные правительства смехотворно. Ему отвечают одной пощечиной вслед за другой. Занятие Италией Албании, насилие Англии и Франции над Грецией свидетельствуют об этом. И я утверждаю, — говорит тов. Троцкий, — что сепаратный мир будет следствием той политики, которую ведет Временное Правительство при поддержке большинства Петроградского Совета.

То, что сейчас происходит в армии, т.-е. братанье или фактическое перемирие, — явление стихийное, продукт революции, и никакие усилия Совета создать боеспособность армии боеспособности не создадут, ибо нельзя остановить стихию.

А международная конференция, разве она ликвидирует войну, войну империалистов? Я вам отвечу: нет, это — самообман, это иллюзия. Только европейская революция, только беспощадная борьба всего пролетариата против своих буржуазных и империалистических правительств окончит войну. И это революционное брожение растет с каждым днем повсюду в Европе. И только захватом власти пролетариат раз навсегда обеспечит себя от империализма.

Доклад тов. Ерманского.

Вся социал-демократия согласна в том, что мир необходим. Какие ценности отстаивает социал-демократия? Во-первых, классовую самостоятельность пролетариата, во-вторых, международную солидарность пролетариата. Что сделала война? Она разрушила интернационал, т.-е. международную солидарность пролетариата; она усугубляется тем, что эта война может повести за собой ряд новых войн, если пролетариат, наученный горьким опытом, могучим противодействием империалистической политике буржуазных правительств, не предотвратит этого. Нужно, чтобы эта война кончи-

лась не так, как кончались до сих пор войны, — кончилась вмешательством пролетариата. И потому наша задача — война за мир, а не военная политика. Не усиление войны поддержкой военного займа и пропаганды наступления, — позиция Петроградского Совета Р. и С. Д., — а категорическое требование от союзников отказа от империалистической политики и аннексий и контрибуций; немедленное перемирие, но не сепаратный мир.

Речь тов. Либера.

— Здесь нам доказывают, что данная война империалистична, но ведь против этого никто не спорит. Спорят о том, каким путем ликвидировать войну, ибо совершенно несомненно то, что вся русская демократия стремится к скорейшей ликвидации этой войны. Совершенно несомненно также то, что если к ликвидации мировой войны будет стремиться только одна сторона, то ликвидации не произойдет потому, что ее усилий, или в данном случае усилий России, мало, необходимы усилия всего пролетариата в его целом, и только усилиями всего пролетариата война будет ликвидирована. Эта трудная задача пробудить мировой пролетариат стоит перед русской демократией. Не нужно забывать того, что данная международная война вырвала из рук [пролетариата] фактическую возможность сноситься между собой, она разрушила Интернационал. Это осложняет задачу, но не делает ее невозможной. Нам бросают упреки в том, что направление, которое приняла русская революция, совершенно не изменило международной политической структуры, ее империалистического характера, но ведь это неправда, — ведь Россия-то не ведет империалистической политики, ведь она-то отказалась от империалистических целей, — это громадный шаг вперед.

Тов. Троцкий нам сказал, что русская революция погибнет, если мы не вызовем европейской революции, но где тот конкретный рецепт, при помощи которого это можно сделать, — тов. Троцкий его дал? Нет, и дать его не может.

Есть два пути к ликвидации войны: первый — путь международной конференции, второй, — сторонники его ему дают массу названий, но не говорят одного, самого ясного, самого правдивого, — это сепаратный мир.

Есть два сепаратных мира, умный и глупый. Первый, говорит: я даю тебе, а ты мне; второй: я тебе даю все, а ты мне ничего. Глупость последнего настолько очевидна, что не нужно даже говорить. Но и умный сепаратный мир не даст России ликвидации войны, а только заставит ее войти в другую коалицию, — коалицию Австро-Германии, ибо Германия заставит нас войти в нее путем насилия, как только мы заключим с ней сепаратный мир.

Остается, следовательно, другой путь, — путь международной конференции, и это — путь единственно правильный. Тот факт, что Франция и Англия не дают паспортов своим социалистам, то, как Англия и Франция отвечают на наше воззвание, ухудшит положение империалистической буржуазии внутри своих собственных стран. И наша политика, наша тактика, тактика Петроградского Совета Р. и С. Д., пробуждает западно-европейский пролетариат от тяжелого сна и заставит его выступить с протестом, а не утопические призывы т.т. Троцкого и Ленина к социальной революции.

3. ОБЩЕЕ СОВЕЩАНИЕ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТОВ 2 ИЮНЯ [1]).

Совещание открылось в 7 часов вечера.
Присутствовало около 350 человек. Председательствовал тов. Хинчук.
Порядок дня — вопрос о власти.

Речь тов. Войтинского.

Докладчиком от Исполнительного Комитета выступает тов. Войтинский.
— Я, прежде всего, должен заявить, — говорит тов. Войтинский, — что Исполнительный Комитет не считает нынешнее Временное Правительство идеальным решением вопроса о власти, а только выходом из того положения, которое создалось 5 недель тому назад. Другого выхода не было. Мы дадим подробный отчет Всероссийскому Съезду Советов Р. и С. Д. Вы или утвердите, или отвергнете нашу тактику, но то или другое вы должны решить совершенно определенно и категорично. И если вы найдете нашу тактику, наши действия неправильными, мы подчинимся вашему решению. Если же вы утвердите нашу тактику, то ваше решение должно заставить смириться наших политических противников.

До образования коалиционного правительства мы поддерживали правительство первого состава условно, — «постольку-поскольку». У нас не было полного доверия, и фактически получалось так, что единой власти не было. Между тем, необходимость в твердой, единой власти ощущалась всей Россией. Экономическая и военная разруха, анархические вспышки во многих местах — все вело страну к разложению, вело к распаду. Распадалась самая русская революция. Мы должны были взять дело организации власти в свои руки.

Какой же должна быть власть: коалиционной или социалистической? Решая этот вопрос, нельзя не учитывать того обстоятельства, товарищи, что крестьянская масса, т.-е. огромная часть населения, правее нас. Вспомните Крестьянский Съезд. Захватив власть, мы откололись бы от остальной огромной России, которая оказалась бы не с нами.

Нам говорят, что наши министры в меньшинстве, что их подавляет числом своих представителей буржуазия. Это неправда. Я утверждаю, что за время пребывания министров-социалистов во Временном Правительстве не было не одного случая, чтобы наше предложение не прошло, ни разу не было случая, чтобы наши министры были в меньшинстве. Через Временное Правительство мы осуществляем волю революционной демократии.

Итак, товарищи, я повторяю, Исполнительный Комитет и министры-социалисты дадут на Съезде вам, делегатам Всероссийского Съезда Советов Р. и С. Д., самый подробный отчет о своей деятельности по всем вопросам. Ваше постановление для всех нас будет законом.

Речь тов. Каменева.

Мы слышали здесь только-что хвалебную речь тов. Войтинского, но мы не видели здесь анализа того, что сделано за эти 5 недель.

Войтинский говорит, что Временное Правительство направляется волей революционной демократии. Правда ли это? Почему же у Временного Правительства все больше и больше столкновений со стремлениями, идущими снизу? Почему проявления твердой власти идут не вправо, а влево? Разве

---

[1]) «Известия», № 82, от 3 июня 1917 г.

ряд рабочих движений, вплоть до угрозы забастовкой, — анархия? Разве националистические движения в Украине и Финляндии — анархия? Это слишком поверхностное суждение. Это происходит именно потому, что правительство ничего не сделало.

Что оно сделало в экономической области? Разве оно наложило свою руку на капиталистов, разве оно обложило их военной прибылью, обязало их принудительными займами? Нет.

Где же тут воля революционной демократии?

Прибавки железнодорожным рабочим, которые они просили, даже минимума, им дали? Нет.

То, что новое правительство все время сталкивается со стремлениями, идущими снизу, — чрезвычайно показательно. Эти стремления не случайны. Поднялась новая волна нового революционного сдвига, и ее нельзя оста[но]вить, но ее можно организовать. Для этого требуется новое правительство, которое обопрется на эту волну, а не будет кричать об анархии.

Нам нужна твердая революционная власть, и такая власть есть: эта власть — Совет Рабочих и Солдатских Депутатов.

Речь тов. Мартова.

Верно ли то, что социалистам нужно властное правительство? Нет, нам нужна организованная воля, которая помогла бы классовому самоопределению пролетариата.

Не Временное Правительство равняется на Исполнительный Комитет, а Исполнительный Комитет равняется по линии Временного Правительства. Коренная ошибка Исполнительного Комитета и Петроградского Совета Р. и С. Д. заключается в том, что он вошел в правительство, в лице своих министров-социалистов. Это коренная ошибка. Нужно было предоставить власть в руки буржуазии и держать ее под своим контролем в лице Советов Р. и С. Д., под тягчайшим давлением, — вот единственно правильная позиция.

Речь тов. Либера.

Основная причина кризиса власти, который сейчас испытывает Россия, — не война, а то, что у нас, в России, нет ни одного политического организованного класса, вполне самоопределившегося. У нас получилось трагическое скрещение двух революций: буржуазной и начинающейся социальной, трагическое скрещение национализма и интернационализма. Вот истинная причина кризиса. Трагизм положения заставил нас взять власть и ответственность, которую буржуазия с большим удовольствием опустила на наши плечи. Мы взяли власть потому, что буржуазия от нее отказывалась и больше некому было брать, кроме нас. Ведь какая-нибудь власть должна существовать в стране. Без власти жить нельзя. Перед нами стоял выбор: или наша власть, или власти никакой.

Кроме того, нужно было укрепить завоевания русской революции, нужно было сделать власть орудием наших целей.

Во главе русской революции оказался пролетариат, и трагедия в том, что пролетариат, как класс, вынужден строить общество и государство буржуазное. А строить он должен потому, что он во главе революции, и потому, что он оказался единственным классом, в котором находятся живые, творческие силы. Ленин и Троцкий упрекают нас за то, что мы не идем дальше. Они призывают к социальной революции, но почему же когда на-

ступили апрельские события, то они забили тревогу, заявив в своей печати, что в их лозунгах никакого реального, фактического содержания нет. Я убежден, что они потому выставляют эти лозунги, что уверены в том, что фактическое осуществление их невозможно.

Здесь, на Всероссийком Съезде Советов Р. и С. Д., нужно выработать твердую линию поведения, нужно наметить ту действенную тактику, которая необходима сейчас.

---

4. ФРАКЦИОННОЕ СОВЕЩАНИЕ МЕНЬШЕВИКОВ.

В половине одиннадцатого утра 2 июня открылось совещание меньшевиков. Присутствовало около 150 человек. Председательствовал Хинчук.

Первым разбирается вопрос о выработке общей платформы для всех оттенков социал-демократии.

В результате прений в основу принята платформа всероссийского совещания меньшевиков и объединенных организаций.

Далее рассматривались организационные вопросы, главным образом об организационном бюро.

Большинство совещания постановило образовать постоянное организационное бюро.

По вопросу об отношении к общему совещанию всех социал-демократических течений собрание решило продолжить совещание, прерванное накануне.

Вопрос о президиуме совещание постановило снять с обсуждения и поручить выработку его организационному бюро фракции совместно с бюро других фракций и Исполнительным Комитетом Петроградского Совета Р. и С. Д.

В перерыве были намечены кандидаты в организационное бюро. Туда же в совещание явился представитель фракции большевиков и заявил от имени фракции, что она решила на общем социал-демократическом совещании прекратить прения по вопросу о войне и перейти к вопросу о власти.

Совещание приняло это решение.

В организационное бюро выбраны следующие товарищи: Хинчук, Ермолаев, Войтинский, Исув, Никольский, Шер, Вайнштейн, Романов, Смирнов, Ламтатидзе, Налетов, кроме того, два товарища меньшевика-интернационалиста: Бер и Орлов, и три товарища от фронтовой группы: Захватаев, Клюхин и Печерский, итого — 16 человек.

II. СЪЕЗД И СОБЫТИЯ 9 ИЮНЯ [1].

Перед закрытием заседания [10 июня] председатель Чхеидзе заявил, что Съезд переносится в Таврический дворец немедленно.

Сейчас же после заседания Съезда организовался особый орган для руководства всеми действиями Петроградского Совета и Съезда Советов по ликвидации демонстраций.

---

[1] «Известия», № 89, от 11 июня 1917 г.

В состав этого органа вошли представители Съезда, представители Исполнительного Комитета Петроградского Совета, Организационный Комитет Р. С.-Д. Р. П., Центрального Комитета партии с.-д., представители Исполнительного Комитета Всероссийского Совета Кр. Д., предствители Ц. К. Бунда, представители внефракционных социал-демократов и представители Ц. К. трудовой группы.

Заседания этого центра были немедленно перенесены в Таврический дворец, куда были перевезены и все члены Съезда.

Во исполнение принятых решений немедленно во все рабочие кварталы, во все воинские части были командированы члены Съезда, которые разъяснили товарищам рабочим и солдатам необходимость воздержаться от выступлений и подчиняться воле громадного большинства всероссийской революционной демократии.

В то же время было приступлено к распространению воззваний и резолюций Съезда.

В 3 часа 15 минут ночи до сведения Исполнительного Комитета было доведено известие, что Центральный Комитет большевиков решил подчиниться Съезду и призывает рабочих и солдат к отказу от устройства демонстраций.

Всю ночь и утро члены Съезда продолжали объезд фабрик и заводов.

III ЧАСТНОЕ СОВЕЩАНИЕ ЧЛЕНОВ СЪЕЗДА 10 ИЮНЯ [1]).

В 9 часов утра 10 июня, открывается частное совещание членов Съезда.

Выступает тов. Луначарский, который указывает, что назначенные на сегодня демонстрации организованы не Ц. К. большевиков, а самочинно организовавшимся комитетом движения из представителей заводов Выборгской стороны, в составе анархистов и большевиков.

У большевиков теперь очень трудная задача — удержать массу от выступлений, поэтому надо прекратить нападки на них.

Ф. И. Дан заявляет, что события приняли слишком серьезный характер, чтобы можно было присоединиться к елейному призыву Луначарского. Мы не исполнили бы революционного долга, если бы мы не отнеслись к фактам, чуть не приведших к кровопролитию, определенным образом. Очень хорошо, что Центральный Комитет принял меры, чтобы ликвидировать демонстрацию и приостановил ее. Но этого мало. Необходимо раз навсегда покончить с тем положением, при котором возможны такие неожиданные осложнения. То, что удалось предотвратить сегодня, может не удастся завтра. Необходимо детально расследовать дело, выяснить виновников создавшегося положения и резко осудить подобные разрозненные выступления. Это тем более необходимо, что после того, как Центральный Комитет в глубокой тайне подготавливал свое выступлеиие за спиной Съезда и готовился нанести удар революции, после таких действий нельзя ограничиться одним лишь призывом к доверию. Необходимы более реальные гарантии.

Большевик Ногин. Он указывает, что несколько дней назад Совет обсуждал декларацию прав солдата, которая вызвала глухое недовольство петроградского гарнизона. Следующий факт, вызвавший недовольство массы,

---

[1]) «Известия», № 89, от 11 июня 1917 г.

был арест Хаустова и Харитонова, пользовавшихся известностью среди рабочих. Результатом этого явилось известное выступление на Выборгской стороне. Оно могло без вмешательства Центрального Комитета принять нежелательные формы. Затем в Центральный Комитет стали поступать заявления рабочих с требованием организации демонстрации. Центральный Комитет, видя невозможность удержать массы, решил дать выход революционной энергии и постановил организовать демонстрацию, но никому не давал разрешения выходить с оружием.

Когда Центральный Комитет узнал, что готовится контр-революционное выступление, решено было созвать экстренное заседание Центрального Комитета. К сожалению, не скоро созвали всех. Представители районов указали, что не надеются справиться с настроением рабочих масс. Лишь около 2 часов ночи удалось собрать всех. Когда выслушали доклад о том, что Съезд высказался против демонстрации, мы решили подчиниться этому решению.

Один из большевиков указывает, что заседание временного революционного комитета на даче Дурново вызвало демонстрацию. Он от фракции большевиков поехал на это заседание и сообщил о решении Центрального Комитета. Большевики постановили выйти из состава этого комитета. Социалисты-революционеры максималисты тоже решили подчиниться, и осталась лишь кучка анархистов.

Затем выступает ряд членов Съезда, докладывающих о результатах своих поездок по районам.

Около 3-х часов дня заседание закрывается, при чем постановлено членам Съезда не расходиться.

Заседание Съезда назначено на 11 июня, в 10 часов утра.

IV. РЕЧЬ ЛЕНИНА НА ЗАСЕДАНИИ ПЕТРОГРАДСКОГО КОМИТЕТА Р. С.-Д. Р. П. 11 ИЮНЯ 1917 г. [1]).

Недовольство большинства товарищей отменой демонстрации весьма законно, но поступить иначе Ц. К. не мог по двум основаниям: во-первых, мы получили формальное запрещение демонстрировать со стороны полуоргана власти; во-вторых, это запрещение было мотивировано: «нам известно, что вашим выступлением хотят воспользоваться притаившиеся силы контр-революции». В подкрепление мотивировки нам назвали имена, например, одного генерала, которого обещали через три дня арестовать, и другие заявили, что на 10 июня назначена и демонстрация черносотенцев, которые должны были вмешаться в нашу демонстрацию и сделать из нее побоище.

Даже в простой войне случается, что назначенные наступления приходится отменять по стратегическим причинам, тем более это может быть в классовой борьбе, в зависимости от колебания средних мелко-буржуазных слоев. Надо уметь учитывать момент и быть смелым в решениях.

Отмена явилась безусловной необходимостью, что доказывается дальнейшими событиями. Сегодня Церетели произнес свою историческую и истерическую речь. Сегодня революция вступила в новую фазу своего развития. Они начали с запрещения нашей мирной демострации на три дня, хотят запретить на все время Съезда; они требуют от нас подчинения

[1]) «Красная Летопись», № 9 (1924), стр. 11—12.

решению Съезда и грозят нам исключением из состава Съезда. Но мы заявили, что предпочитаем быть арестованными, но не отказываемся от свободы агитации.

Церетели, показавший себя в своей речи явным контр-революционером, заявил, что с большевиками надо бороться не словами, не резолюциями, а надо их лишить всех имеющихся в их руках технических средств,— итог буржуазных революций: вначале вооружить пролетариат, потом обезоружить, чтобы он не пошел дальше. Если понадобилось запрещение мирной демонстрации, то положение очень серьезное.

Церетели, явившийся на Съезд из недр Временного Правительства, выразил ясное желание обезоружить рабочих. Он проявил дикое бешенство, он требовал, чтобы большевики были партией, стоящей вне рядов революционной демократии. Рабочие должны трезво учесть, что о «мирной демонстрации» теперь речи быть не может. Положение гораздо серьезнее, чем мы предполагали. Мы шли на мирную демонстрацию, чтобы оказать максимум давления на решения Съезда, — это наше право, — а нас обвиняют, что мы устроили заговор, чтобы арестовать правительство.

Церетели говорит, что, кроме большевиков, контр-революционеров нет. Собрание, судившее нас, было организовано с особенной торжественностью из президиума Съезда, из Исполнительного Комитета Совета Р. и С. Д. в полном составе, из бюро фракций всех партий Съезда, и на этом собрании они выболтали нам всю правду, — они объявляют нам наступление.

Ответом со стороны пролетариата может быть максимум спокойствия, осторожности, выдержки, организованности и памятования, что мирные манифестации, это — дело прошлого.

Мы не должны давать повода к нападению, пусть нападают они, и рабочие поймут, что они делают покушение на самое существование пролетариата. Но жизнь за нас, и еще неизвестно, как удастся им нападение: на фронте стоят войска, дух недовольства у них очень силен, в тылу дороговизна, разруха и пр.

Ц. К. не хочет произвести давление на ваше решение. Ваше право протестовать против действий Ц. К. законно, и ваше решение должно быть свободным.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Всероссийское Совещание Советов происходило 29 марта — 3 апреля 1917 г. Совещание было созвано по инициативе Петроградского Совета Р. и С. Д.

На нем присутствовало 480 делегатов — 37 членов Исполкома Петроградского Совета Р. и С. Д. и 443 иногородних, представлявших 138 местных Советов, 13 тыловых армейских частей, 7 фронтовых армий и 26 отдельных частей фронта. Большая часть делегатов принадлежала к партиям меньшевиков и с.-р.

Гвоздем Совещания явились вопросы о войне и об отношении к Временному Правительству. Все остальные вопросы прорабатывались в секциях, и резолюции по ним принимались Совещанием почти без прений, в большинстве случаев единогласно.

На всех работах Совещания ярко отразилась его политическая физиономия, то, что Ленин называл «добросовестным революционным оборончеством масс».

По вопросу о войне подавляющим большинством была принята резолюция Церетели о необходимости демократической внешней политики и борьбы за мир путем организации давления всех народов на свои правительства для отказа их от завоевательных программ. Как текущую очередную задачу Совещание выдвинуло «мобилизацию всех живых сил страны во всех отраслях народной жизни для укрепления фронта и тыла« Большевистская резолюция, предложенная Каменевым, была Совещанием отвергнута.

В том же духе была принята и вторая принципиальная резолюция Совещания о поддержке Временного Правительства, «не принимая на себя ответственности за всю деятельность Временного Правительства в целом».

По организационному вопросу Совещание признало необходимым возможно скорейший созыв Всероссийского Съезда Советов.

Подготовительная работа по созыву этого Съезда была поручена Исполнительному Комитету Петроградского Совета Р. и С. Д., который впредь до Съезда был объявлен «политическим представителем всей революционной демократии».

Для пополнения состава Исполнительного Комитета в его состав было избрано Совещанием 16 человек — 10 от областей и 6 от армии.

Полный текст резолюций Совещания см. в изданном Центрархивом стенографическом отчете.

[2] 3 июня 1907 г.— день роспуска II Государственной Думы и ареста 55 членов ее с.-д. фракции. Большая часть втородумцев с.-д. пробыла в ссылке в Сибири до февральской революции 1917 г.

[3] Трудовая группа составилась из беспартийных крестьян-депутатов и народнически-настроенных интеллигентов I Думы. Ее программа, отражая радикальные требования крестьян в земельном вопросе, в политической области была крайне расплывчата, приближаясь к кадетской программе; такой же характер носили трудовые фракции и всех остальных трех Дум.

Учредительный съезд партии народных социалистов происходил в июне 1917 г. По существу народные социалисты ничем не отличались от трудовиков, и тот же съезд постановил слиться с ними в единую «трудовую народно-социалистическую партию».

Лидерами партии были Пешехонов, Брамсон, Мякотин, Чайковский и др.

В революции 1917 г. трудовики занимали крайне правую позицию из всех «социалистических», партий, ничем практически не отличаясь от кадетов.

После Октябрьской революции трудовики стали ярыми врагами Советов, — (напр. Чайковский был в 1918 г. главою белого правительства в Архангельске).

[4] Организация объединенных с.-д. — «межрайонцы» — возникла в 1913 г. Колеблясь по принципиальным вопросам между большевиками и меньшевиками, межрайонцы в организационном вопросе выдвигали лозунг объединения большевиков и меньшевиков в единую Р.С.-Д.Р. партию. Во главе их стояли Троцкий, Юренев и др.

После февральской революции межрайонцы все более и более приближаются к большевикам. Уже в период I Съезда Советов их тактическая линия почти совсем не отличалась от большевистской, а в июле 1917 г. на VI съезде Р.С.-Д.Р.П. они влились в большевистскую организацию.

[5] Гримм — центрист, председатель Международной социалистической комиссии, выделенной на II Циммервальдской конференции.

Приводим сообщение Временного Правительства, на которое ссылаются ораторы:

«От Временного Правительства:

Из источника, достоверность которого не может подлежать сомнению, Временному Правительству сообщена следующая телеграмма:

«От политического департамента. Господину Одье в Петрограде. Берн, 5 июня 1917 г.

Федеральный советник Гофман уполномачивает вас сделать Гримму следующее словесное предложение: Германия не предпримет никакого наступления, доколе будет казаться возможным соглашение с Россией. После многократных разговоров с видными лицами я убежден, что Германия ищет с Россией почетного для обеих сторон мира, с установлением тесных коммерческих и экономических отношений и финансовой поддержкой для восстановления России. Никакого вмешательства в русские внутренние дела. Дружеское соглашение о Польше, Литве и Курляндии, с признанием равенства народов. Возвращение оккупированных областей взамен возвращения Россией захваченных австрийских провинций.

Я убежден, что, при желании союзников России, Германия и ее союзники готовы были бы начать немедленно переговоры о мире. О германских целях войны прочтите сообщение в «Северо-Германской Газете», где в согласии с Асквитом по вопросу об аннексиях утверждается, что Германия не желает никакого территориального приращения с целью расширения или экономического или политического возвеличения».

По поводу этого документа Временное Правительство поручило членам Временного Правительства И. Г. Церетели и М. И. Скобелеву затребовать объяснений у швейцарского гражданина Р. Гримма. В результате объяснений Р. Гримм вручил И. Г. Церетели и М. И. Скобелеву следующий документ:

«1. Незадолго до моего отъезда министры Церетели и Скобелев сообщили мне, будто швейцарским посланником в Петрограде получена из Берна телеграмма, в которой содержится поручение сообщить мне некоторые мирные планы Германии.

Я констатирую, что мне не было сделано такого сообщения швейцарским посланником ни прямо, ни через чье-либо посредство.

2. Содержание телеграммы приходится рассматривать, как попытку с германской стороны использовать мои петроградские выступления за восстановление международных социалистических связей и всеобщий мир в интересах германского правительства, его дипломатических планов и сепаратного мира, к которому оно стремится. Такая попытка представляет собой грубый маневр.

3. Еще в Берне, явившись в германское посольство для визирования паспорта, необходимого для поездки, я уклонялся от всякого политического разговора, а во время путешествия в Стокгольм избегал даже всяких сношений с представителями германской социалистической партии большинства.

4. Что касается участия швейцарского правительства в этом деле, то действительную подоплеку я смогу установить лишь на месте.

5. Как социал-демократ, я не позволю пользоваться собой, как передатчиком империалистических планов мира между правительствами. Всякую попытку такого рода я буду беспощадно разоблачать.

Роберт Гримм.»

Петроград 31 мая (12 июня) 1917 г.

И. Г. Церетели и М. И. Скобелев признали это объяснение неудовлетворительным

Временное Правительство постановило предложить Р. Гримму покинуть пределы России. Р. Гримм выехал из пределов России».

Позднее в газетах появилось следующее сообщение:

«Швейцарское агентство сообщает через Берлин:

Роберт Гримм пытался 24 апреля передать швейцарской миссии в Петрограде телеграмму на имя члена союзного совета Гофмана, в которой он сообщал, что в России повсюду наблюдается жажда мира, и что окончание войны для России стало необходимым в силу политических, экономических и военных причин. Это уже вполне понято всеми компетентными учреждениями. Воспрепятствовать миру может единственно только германское наступление на восточном фронте. Если этого не случится, возможна ликвидация войны в сравнительно короткое время. Вместе с тем в телеграмме выража-

лось желание, чтобы Гофман сообщил Гримму определенно о целях войны центральных государств, так как таким путем могут значительно облегчиться переговоры. Шифрованная телеграмма Гримму была ответом Гофмана на эту телеграмму».

[6] Подтверждая верность России всем договорам царского правительства с союзниками, Временное Правительство вместе с тем давало согласие и активно участвовало в целом ряде империалистских выступлений союзников. Так, например, в мае 1917 г. произошла высадка союзнических войск в Греции, короля Константина заставили отречься от престола. Вскоре Греция вступила в войну на стороне союзников. Опасаясь чрезмерного усиления англо-французского влияния на Балканах, Временное Правительство пыталось несколько ограничить их империалистские интересы в Греции, но не протестовало ни против высадки войск, ни против «отречения» Константина. В июне 1917 г. Италия, по соглашению с остальными союзниками, в том числе и с Россией, оккупировала Албанию, провозгласив ее независимость под своим фактическим протекторатом. Северная Персия была оккупирована русскими войсками еще до Февральской революции; Временное Правительство всеми мерами боролось с национально-революционным персидским движением.

[7] Правительства Антанты не давали пропусков для проезда в Россию многим левым социалистам—русским эмигрантам. Такая политика союзных правительств заставила многих эмигрантов (в том числе и Ленина) ехать в Россию через Германию. Союзники не давали пропусков в Россию не только русским социалистам, но и своим; так, даже Макдональду было отказано английским правительством в паспорте.

[8] «Циммервальдская левая», оформившаяся уже на I Циммервальдской конференции, считала необходимым «превращение империалистской войны в гражданскую», и отрицательно относилась к пацифистскому лозунгу: «борьба за мир», выдвигавшемуся циммервальдским центром, к которому принадлежал Р. Гримм. В организационном отношении циммервальдская левая стояла за беспощадную борьбу и безоговорочный разрыв с оборонцами и пацифистами, а циммервальдский центр — за единство всех социалистов.

[9] В первые месяцы после Февральской революции несколько представителей социалистического большинства западных партий приезжали в Россию с официальной целью «передать русской демократии привет от демократии союзных стран». На деле это были, как показывают дипломатические документы того времени, агенты своих правительств.

Такими «почетными гостями русской революции» были: представители английского рабочего движения» О'Греди, Вильям Торн и Стивен Сандерс, прибывшие в Петербург 31 марта 1917 г., французский министр снабжений социалист А. Тома и представители французского парламента, тоже социалисты Кашен, (тогда социал-патриот), Мутэ, Лафон, английский министр труда — Гендерсон, прибывший в середине июня, и бельгийская делегация во главе с Вандервельде — в мае.

[10] Ноты английского и французского правительств о целях войны, в ответ на соответствующую русскую ноту, были опубликованы 27 мая 1917 г.

Соглашаясь на словах с выдвинутым русской революцией правом наций на самоопределение, союзники вместе с тем рядом оговорок сводили на-нет это право, подчеркивая необходимость «освободить Польшу от германского владычества», «вернуть Франции верные и преданные ей области — Эльзас и Лотарингию», «уничтожить германский империализм, чтобы искоренить причины для следующих войн» и т. д.

[11] Заметка в «Речи» о Гримме появилась в № 129 от 4 июня под названием «Священный пламень Циммервальда» за подписью «Петр Рысс».

[12] Инициатива созыва Стокгольмской конференции всех социалистических партий в целях борьбы за мир и воссоздание Интернационала принадлежала социалистическим партиям нейтральных стран, создавшим для этой цели специальный Голландско-Скандинавский Комитет; за спиной их стояли германские социал-демократы, действовавшие с согласия своего правительства. В мае 1917 г. инициатива созыва конференции перешла к Исполкому Петроградского Совета Р. и С. Д., принявшему 25 (12) мая постановление о ее созыве.

Главной трудностью, которую встретил созыв конференции, было отсутствие сговора между социал-патриотами стран Согласия и Четверного союза. Французская и английская социалистические партии категорически отказались от участия в одной конференции с немецкими социал-патриотами, на которых, по их мнению, лежала ответственность

*

за войну. Конференция несколько раз откладывалась и в конце концов так и не состоялась.

В среде циммервальдистов по вопросу об отношении к Стокгольмской конференции разгорелась борьба. «Левая Циммервальда» во главе с русскими большевиками считала участие на «конференции прямых или косвенных агентов различных империалистических правительств» принципиально недопустимым; наоборот, правые циммервальдисты (Каутский, Аксельрод) выступали защитниками необходимости участия на конференции и требовали даже, чтобы Интернациональная Социалистическая Комиссия Циммервальдского Объединения во главе с Гриммом взяла на себя инициативу созыва Стокгольмской конференции.

Вопрос об отношении Циммервальда к Стокгольмской конференции социал-патриотов обсуждался на совещании представителей русских социалистических партий 30 — 31 мая 1917 г. в Петербурге. На нем было подтверждено решение Кинтальской конференции 1916 г. о созыве специальной Циммервальдской конференции для обсуждения вопроса об участии в Стокгольмской конференции социал-патриотов. Такая конференция (3-я Циммервальдская) и состоялась осенью 1917 г. и приняла решение не участвовать в Стокгольмской конференции социал-патриотов.

[13] Речь идет о фракционных собраниях с.-р. и меньшевиков, протоколы которых не сохранились.

[11] Декларация большевиков о наступлении отмечает ныне бесспорные факты о длительной подготовке июньской бойни, начатой еще в конце 1916 г. По соглашению в Шантильи от 15 и 16 ноября 1916 г., подтвержденному в феврале 1917 г., русская армия должна была не позже трех недель после наступления на западном фронте начать наступление на всем восточном фронте.

Революция помешала осуществлению этого плана, установив на русском фронте фактическое перемирие.

Тогда союзники приказали Временному Правительству повести в бой русскую армию. Уже 8 марта генерал Нивель передавал генералу Алексееву телеграмму с предложением начать наступление на русском фронте в первой половине апреля (ст. стиля); 18, 26 марта и 10 апреля следуют новые категорические директивы наступать в срок. Эту же цель преследовал и приезд союзных «социалистов» — Вандервельде, Альбера Тома, Гендерсона и др. (см. прим. 9).

Русское верховное командование вначале заявило негласный протест против неподготовленных атак. 12 марта ген. Алексеев писал Гучкову о том, «чтобы с меньшей потерей нашего достоинства перед союзниками или отсрочить принятие обязательств, или совсем уклониться от исполнения их». Наступление переносилось на первые числа мая. Через неделю ген. Рузский, командующий северным фронтом, выступил против наступления и за пересмотр старых обязательств. Но его голос оказался одиноким: все остальные командующие фронтами высказались за наступление. 30 марта, резюмируя содержание их телеграмм, верховный главнокомандующий ген. Алексеев высказался за наступление.

Причины, заставлявшие Временное Правительство согласиться на наступление, прекрасно вскрывает тот же Алексеев и посол в Англии Набоков.

«Мы находимся в столь большой зависимости от союзников в материальном и денежном отношении, что отказ союзников от помощи поставит нас в еще более тяжелое положение, чем мы находимся ныне», — писал главнокомандующий военному министру 12 марта. 1-го мая из Англии Набоков телеграфировал Правительству: «... Здесь утратили веру в то, что Россия способна оказать содействие в победе над немцами... Ни заявления Временного Правительства, ни знаменательные слова нашего главнокомандующего в телеграмме к английскому фельдмаршалу этого безверия не уничтожили. Вот причины того, что никакие... представления о необходимости для нас новых многомиллионных кредитов не в силах убедить здешнее правительство. Бороться с этим более чем трудно... И пока Россия не проявит на деле доказательства того, что наша армия попрежнему способна на подвиги... и к ним стремится, до тех пор никакие слова не восстановят поколебленной веры в боевую мощь России и в прочность нового строя. Набоков 1/V 1917 г.» (Воен.-Ист. Арх. Ф. «Мировой войны», дело 455, лл. 181-182).

Меньшевистско-эсеровский Совет Р. и С. Д. поддерживал наступление. Возможность оборонительных действий защищалась уже в манифесте от 14 марта. На Всероссийском Совещании Советов в конце марта — начале апреля раздавались авторитетные речи о допустимости наступательных действий во имя обороны. Приказ Керенского от 2-го мая — прямо призывал армию к наступлению.

В приказе Керенского от 12 мая этот призыв повторяется:

«Вы пойдете вперед туда, куда поведут вас вожди и правительство... Вы пой-

дете... окованные дисциплиной долга... по воле народа вы должны очистить родину от насильников и захватчиков. На этот подвиг я зову вас».

После образования коалиционного правительства 5 мая подготовка к наступлению еще более усилилась. «Решительно на путь войны и заботы об армии, как единственном средстве к достижению мира, Комитет (Исполком Совета) вступил после событий, связанных с апрельской нотой» — свидетельствует член Исполкома трудовик Станкевич («Воспоминания»).

Также оценивал смысл коалиции и г. Милюков. «Все значение, весь смысл создания первой министерской коалиции, с точки зрения войны и союзников, заключался в том, чтобы восстановить боеспособность русского фронта. («Россия на переломе», т. I, стр. 80).

[15] Временное Правительство всячески противодействовало украинскому национальному движению. В частности, Керенским был не разрешен съезд всех украинских военных организаций, так наз. украинского войскового съезда, назначенный Центральной Украинской Радой на 17 (4) июня. Когда съезд, несмотря на запрещение, все же собрался, Керенский особой телеграммой принужден был сообщить, что не встречает препятствий к дальнейшему существованию и деятельности Украинского Войскового Комитета.

[16] Совещание членов IV Государственной Думы по вопросам внешней политики состоялось 3 июня 1917 г. Принятая после долгих прений резолюция говорит об опасности немецкого нашествия, необходимости немедленного наступления на фронте, и обращается ко всем гражданам, а в особенности к солдатам с соответствующим призывом.

[17] В мартовские дни 1917 г. первое Временное Правительство было образовано по соглашению Временного Комитета Государственной Думы с И. К. Совета Р. и С. Д. Отношение соглашательского большинства Советов к Временному Правительству было формулировано в известной резолюции Всероссийского Совещания Советов (см. прим. 1); Совещание признает необходимость постоянного политического контроля и воздействия революционной демократии на Временное Правительство и его местные органы для побуждения его к самой энергичной борьбе с контр-революционными силами, к решительным шагам в сторону полной демократизации всей русской жизни и к подготовлению всеобщего мира без аннексий и контрибуций, на основе самоопределения народов. Совещание призывает демократию, не принимая на себя ответственность за деятельность правительства в целом, оказывать поддержку Временному Правительству, поскольку оно будет неуклонно итти в направлении к упрочению и расширению завоеваний революции и поскольку свою внешнюю политику оно строит на почве отказа от захватных стремлений. Вместе с тем Совещание призывает революционную демократию России, организуясь и сплачивая свои силы вокруг Советов Р. и С. Д., быть готовой дать длительный отпор всякой попытке правительства уйти из-под контроля демократии или уклонить их от выполнения принятых им на себя обязательств».

Последовавшие события, однако, несколько изменили эту форму «поддержки постольку-поскольку..., не принимая на себя ответственность за деятельность Временного Правительства в целом». Апрельско-майский кризис власти был, как известно, «разрешен» вступлением в правительство официальных представителей Петроградского Совета Р. и С. Д., заявивших перед вступлением, что они «вступают в правительство впредь до создания Всероссийского Совета Р. и С. Д. [и] признают себя ответственными перед Петроградским Советом Р. и С. Д. и обязуются отдавать ему отчет о всех своих действиях».

Коалиционное Временное Правительство в своей декларации 5 мая 1917 г. заявляло, что «преобразованное и усиленное новыми представителями революционной демократии», оно «будет с полной решительностью проводить в жизнь идеи свободы, равенства и братства, под знаменем которых создалась великая российская революция».

[18] После Февральской революции, по постановлению Временного Правительства, «впредь до создания демократически избранных органов самоуправления» власть на местах должна была перейти в руки старых органов самоуправления, земств и городских дум, пополненных представителями демократических организаций.

[19] 18 апреля 1917 г. министр иностранных дел Временного Правительства Милюков обратился к союзникам с нотой, в которой подтверждал верность Временного Правительства всем договорам царского правительства с союзниками о продолжении войны до полной победы над Германией. Ответом на ноту было массовое выступление петроградских рабочих и солдат на улицу под лозунгами: «Долой Милюкова», «Да здравствует мир» и т. д. Буржуазия ответила патриотическими контр-манифестациями на Невском; в некоторых местах происходили вооруженные столкновения демонстрантов; наблюдались случаи стрельбы по рабочим демонстрациям. Выступление рабочих вызвало от-

ставку Милюкова и правительственный кризис, затянувшийся до создания коалиционного Временного Правительства 18 (5) мая.

[20] После апрельских событий, кроме министра иностранных дел Милюкова, в отставку ушел военно-морской министр Гучков. Ген. Корнилов был во время апрельских событий главнокомандующим войсками Петроградского военного округа. В связи с апрельскими событиями он подавал прошение об отставке, но был переведен на должность командующего VIII армией на Юго-Западном фронте.

[21] Здесь фактическая ошибка. В «апрельские дни» Ц.К. большевиков в специальной резолюции категорически высказался против лозунга «Вся власть Советам» (см. «Правду» от 4, 5 и 6 мая (21, 22, 23 апр.) 1917 г. За этот лозунг была только часть работников Петербургского Комитета Р.С.-Д.Р.П. (б) во главе с С. Богдатьевым, дезавуированная Ц. К.

[22] В газетах за 1917 г. сведений о демонстрации перед съездом 17 (4) июня не появлялось.

[23] Приводим текст ноты Временного Правительства от 3 июня 1917 г. (передана А. Тома 31 мая).

«Русская революция является не только переворотом во внутреннем строе России, но и могучим идейным движением, выявившим волю русского народа в стремлении к равенству, свободе и справедливости, как во внутренней жизни государства, так и в области международных отношений. В воле этой члены русского революционного правительства почерпают свои силы, в служении ей их долг и задача.

Отстаивая во внешней борьбе великие начала свободы, Россия стремится к достижению всеобщего мира на основаниях, исключающих всякое насилие, откуда бы оно ни исходило, равно как и всякие империалистические замыслы, в какой бы форме они ни проявлялись. Она не питает сама никаких завоевательных стремлений и решительно восстает против каких бы то ни было попыток в этом направлении. Верный этим принципам, русский народ твердо решил бороться с явными или скрытыми империалистическими замыслами наших противников, как в политической, так и в финансовой или экономической области.

Если в отношении преследуемых в войне целей и могут проявляться различия во взглядах между нашим и союзными правительствами, мы не сомневаемся, однако, что тесное единение между Россией и ее союзниками обеспечит в полной мере общее соглашение по всем вопросам на основании выставленных русской революцией принципов.

Оставаясь непоколебимо верной общему союзному делу, русская демократия приветствует решение тех из союзных держав, которые изъявили готовность пойти навстречу желанию русского Временного Правительства — подвергнуть пересмотру соглашения, касающиеся конечных задач войны. Мы предлагаем созвать для этой цели конференцию представителей союзных держав, которая могла бы состояться в ближайшее время, когда создадутся для этого благоприятные условия. Но одно из этих соглашений,—то, которое подписано в Лондоне 5 сентября н. с. 1914 г.,—предано с тех пор гласности и, исключая эту возможность заключения одной из союзных держав сепаратного мира, не должно подлежать обсуждению этой конференции».

[24] К моменту первого Съезда Советов были приняты и частично проводились в жизнь следующие постановления Временного Правительства о городском и сельском самоуправлении, а также об уездном и губернском земстве:

1) Постановление от 15 апреля о «производстве» выборов гласных городских дум и об участковых городских управлениях; 2) постановление от 21 мая о «волостном земском управлении»; 3) постановление от 21 мая «о производстве выборов губернских и уездных земских гласных». (См. «Вестник Временного Правительства» за соответствующие числа).

[25] О «Кронштадтской анархии» и «Кронштадтской республике» тогда очень много говорили и писали представители буржуазии, как о ярком примере разложения, самостийности, непризнания власти Временного Правительства, пытаясь запугать Кронштадтом мелкую буржуазию.

Поводом для этой буржуазной агитации послужил тот факт, что Кронштадтский Совет Р. и С. Д. в заседании 30 (17) мая вынес резолюцию, согласно которой он объявил себя единственной властью в городе и заявил, что по делам государственного порядка он будет вступать в непосредственные сношения с Петроградским Советом Р. и С. Д. Это постановление касалось лишь дел общего государственного значения, но не исключало деловых сношений с Временным Правительством. Вся власть в городе фактически была

сосредоточена в руках Совета Рабочих и Солдатских Депутатов. Присланный Временным Правительством комиссар В. Н. Пепеляев был поставлен под контроль Совета. Через некоторое время Совет Р. и С. Д. решил упразднить эту излишнюю должность назначенного сверху чиновника, и тем самым принципиально заявил, что не может быть иных администраторов, кроме выборных. В армии и в гражданском управлении последовательно проводился принцип демократизации. «У нас нет ни одного не выборного офицера, до командующего морскими частями и коменданта крепости включительно»,— заявляли кронштадтцы. (См. «Правду» №№ 63, 69 от 3 и 13 июня н. с. 1917 г.).

[26] Ссылка на речь Милюкова, произнесенную 3 июня на «совещании членов Государственной Думы по вопросам внешней политики». Совещание носило демонстративный характер против первого Съезда Советов.

[27] Речь идет об апрельской Всероссийской конференции Р.С.-Д.Р.П. (б) 24—29 апреля 1917 г. (ст. ст.). Конференция, игравшая по своему составу и значению роль партийного съезда, в своих резолюциях отразила происходившую тогда смену стратегических планов большевизма. Все ее резолюции по своей установке рассчитаны на борьбу за перерастание русской буржуазно-демократической революции в социалистическую в духе «апрельских тезисов» Ленина. Важнейшие резолюции конференции: о текущем моменте, отношении к войне, предложении Борбьерга (о Стокгольмской конференции), подготовке III Интернационала, национально-колониальном вопросе, программе партии. См. протоколы конференции, изданные Истпартом ЦК ВКП (б).

[28] Ляхов — командир русского экспедиционного корпуса в Персии, разогнавший в 1908 г. персидский парламент-меджилис и подавивший очень жестоко персидское революционное движение 1908 — 1909 г.г.

[29] Всероссийский Крестьянский Съезд происходил в Москве 4 мая — 2 июня 1917 г. Подавляющее большинство его делегатов принадлежало к партии с.-р.; большевиков было всего несколько десятков (из более чем 1000 делегатов). На Съезде выступили от большевиков по земельному вопросу Ленин и по вопросу о войне—Зиновьев. Ленин говорил о следующем пункте резолюции Съезда о будущем политическом устройстве России: «Всероссийский Совет Крестьянских Депутатов призывает русское трудовое крестьянство настоять в Учредительном Собрании на установлении в России федеративно-демократической республики, в которой все народы будут иметь полную свободу устроения своей внутренней жизни».

[30] Базаров в своей статье «Что же дальше?» («Новая Жизнь», № 40) предлагает заявить союзникам, что «в виду категорического отказа союзных правительств отрешиться от захватных планов и стать на почве демократической программы мира, мы отныне считаем себя свободными от всяких обязательств».

Базаров предлагает разорвать с союзниками, но продолжать войну, «революционную войну», на этот раз с англо-французским и немецким империализмом под демократическими лозунгами.

[31] Приводим текст воззвания Петроградского Совета к народам всего мира от 14-го марта.

«Товарищи пролетарии и трудящиеся всех стран! Мы, русские рабочие и солдаты, объединенные в Петроградском Совете Рабочих и Солдатских Депутатов, шлем вам наш пламенный привет и возвещаем о великом событии: Российская демократия повергла в прах вековой деспотизм царя и вступает в вашу семью полноправным членом и грозною силой в борьбе за наше общее освобождение. Наша победа есть великая победа всемирной свободы и демократии. Нет больше главного устоя реакции и жандарма Европы.

Да будет тяжким гранитом земля на его могиле! Да здравствует свобода, да здравствует международная солидарность пролетариата и его борьба за окончательную победу.

Наше дело еще не завершено: еще не рассеялись тени старого порядка и не мало врагов собирают силу против русской революции. Но все же огромны наши завоевания. Народы России выразят свою волю в Учредительном Собрании, которое будет созвано в ближайший срок на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования. И уже сейчас можно с уверенностью предсказать, что в России восторжествует демократическая республика. Русский народ обладает полной политической свободой. Он может ныне сказать свое властное слово во внутреннем самоопределении страны и во внешней ее политике.

И, обращаясь ко всем народам, истребляемым и разоряемым в чудовищной войне мы заявляем, что наступила пора начать решительную борьбу с захватными стремлениями правительств всех стран; наступила пора народам взять в свои руки решение вопроса о войне и мире.

В сознании своей революционной силы, российская демократия заявляет, что она будет всеми мерами противодействовать захватной политике своих господствующих классов, и она призывает народы Европы к совместным решительным выступлениям в пользу мира.

И мы обращаемся к нашим братьям — пролетариям австро-германской коалиции, и прежде всего к германскому пролетариату. С первых дней войны вас убеждали в том, что, поднимая оружие против самодержавной России, вы защищаете культуру Европы от азиатского деспотизма. Многие из вас видели в этом оправдание той поддержки, которую вы оказали войне. Ныне не стало и этого оправдания: демократическая Россия не может быть угрозой свободе и цивилизации.

Мы будем стойко защищать нашу собственную свободу от всяких реакционных посягательств как извнутри, так и извне. Русская революция не отступит перед штыками завоевателей и не позволит раздавить себя внешней военной силе. Но мы призываем вас: сбросьте с себя иго вашего полусамодержавного порядка, подобно тому, как русский народ стряхнул с себя царское самовластие; откажитесь служить орудием захвата и насилия в руках королей, помещиков и банкиров, и дружными объединенными усилиями мы прекратим страшную бойню, позорящую человечество и омрачающую великие дни рождения русской свободы.

Трудящиеся всех стран! Братски протягивая вам руки через гору братских трупов, через реки невинной крови и слез, через дымящиеся развалины городов и деревень, через погибшие сокровища культуры, мы призываем вас к восстановлению и укреплению международного единства. В нем залог наших грядущих побед и полного освобождения человечества.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Петроградский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов».

[82] Какую статью или заметку «Дела Народа» имеет в виду В. И. Ленин, выяснить не удалось.

[83] Временное Правительство упорно отказывалось дать Финляндии автономию «впредь до решения Учредительного Собрания. После целого ряда конфликтов оно принуждено было, в конце концов, согласиться на автономию Финляндии. Соответствующий закон был издан однако только за день до Октябрьской революции, 24 октября 1917 г.

[84] Речь идет о следующем факте: большевистская фракция IV Думы была против принятия во фракцию польского депутата Ягелло, но не потому, что он был поляк, как говорит Керенский, а по следующим мотивам: во-первых П. П. С. (Польская Социалистическая Партия), к которой принадлежал Ягелло, являлась не с.-д., а националистической партией, а во-вторых, Ягелло прошел в Думу от блока бундовцев и П. П. С. с еврейскими буржуазно-националистическими элементами, при чем польские с.-д. голосовали против его кандидатуры; семью меньшевистскими голосами против большевистских шести Ягелло был принят в с.-д. фракцию IV Думы.

[85] Текст воззвания Леопольда Баварского см. дальше, в речи Керенского, на стр. 325.

[86] В декларации, прочитанной Керенским на заседании IV Государственной Думы 27 июля 1914 г., есть, правда, пункт об ответственности правительства за мировую войну, единстве трудящихся всех стран и протесте против войны, но в то же время он говорит и о «великой стихии российской демократии, которая даст решительный отпор нападающему внешнему врагу и защитит родную землю и культуру, созданные потом и кровью поколений».

При голосовании военных кредитов трудовики не голосовали против, а покинули зал заседания. Объясняя этот факт, тов. Ленин пишет, что голосовать за кредиты они, может быть, и хотели, но не посмели, не рискуя вызвать возмущения рабочих масс.

[87] Эта фраза принадлежит не Марксу, а Лассалю в его «Гласном ответе Центральному Комитету».

[88] Несмотря на неоднократные требования со стороны революционной демократии, Временное Правительство упорно отказывалось издать закон о роспуске Государственной

Думы и Государственного Совета, ссылаясь на то, что «они уже умерли», что они «не представляют никакой реальной силы, на которую могла бы опереться контр-революция» и т. п. Фактически Государственная Дума и Государственный Совет были центрами сплочения контр-революционных-кадетских сил.

[39] Оратор цитирует доклад Либера на Съезде.

[40] Конференция фабрично-заводских комитетов гор. Петрограда открылась 30 мая 1917 г. В ее работах приняло участие 480 представителей рабочих организаций. Подавляющим большинством (290 из 421 голосовавших депутатов) конференция приняла по вопросу о положении промышленности резолюцию, предложенную большевиками. Эта резолюция подчеркивает, что спасение от промышленной катастрофы может быть достигнуто лишь путем введения рабочего контроля, при чем во всех решающих учреждениях должно быть не менее $^2/_3$ голосов, принадлежащих рабочим. «Планомерное же и успешное проведение всех указанных мер,—гласит резолюция,—возможно лишь при переходе всей государственной власти в руки рабочих и солдатских депутатов». Полный текст см. «Правда» № 71, от 15 (2) июня 1917 г.

[41] Совещание депутатов всех четырех Дум происходило в 11-ю годовщину созыва I Думы — 27 апреля 1917 г. Большинство депутатов говорило о необходимости сохранить организацию членов Думы для воздействия на Временное Правительство «в сторону направления, выразителем которого всегда были Думы».

Скобелев ссылается здесь на заключительное слово своей речи 27 апреля: «Государственная Дума умерла. Да здравствует Учредительное Собрание!»

[42] Растущее революционное настроение крестьянских масс, захват ими помещичьих земель и недовольство политикой Временного Правительства приводило в целом ряде мест к отказу повиноваться постановлениям Временного Правительства. Иногда во главе таких движений становились и подозрительные лица. Так в Переяславле «власть захватил», по выражению буржуазных газет, Хрусталев-Носарь, бывший председатель Петербургского Совета 1905 г., впоследствии совершенно разложившийся морально человек. В Кирсанове (Тамбовской губ.) такую же роль играл торговец Трунин. Буржуазные газеты травили эти движения всеми способами, перенося на все движение личные недостатки отдельных его руководителей.

[43] Николай (Никита) Черногорский занял со своей армией в 1915 г. Скутари. После нового наступления австрийцев черногорская армия сдалась в январе 1916 г. австрийцам, а Никита бежал морем в Лион.

[44] Хвостов, член IV Государственной Думы, помещик, бывший нижегородский губернатор, позднее министр внутренних дел царского правительства, заявил на одном из заседаний Думы, что лучший способ ликвидировать все хозяйственные и политические затруднения—это «сурово расправиться с левыми безответственными элементами, мешающими правительству делать свое дело».

[45] Документ, о котором говорит Мартов, был опубликован в газете «Речь», в № 129, под таким заголовком: «Срочное введение закона о преступлениях против государственного спокойствия». Тексту статьи 129-й предшествует такая мотивировка: «В связи с обстоятельствами текущего момента министерством юстиции возбужден вопрос о срочном введении в действие выработанных комиссией по пересмотру уголовного уложения двух статей, касающихся преступлений против государственного спокойствия. Вводятся эти статьи в следующей редакции, принятой комиссией». Дальше следует текст статьи 129-й, цитируемой Мартовым.

[46] Оратор говорит о следующем месте декларации 1-го Временного Правительства 3-го марта: «Кабинет будет руководствоваться следующими основаниями... Свобода слова, печати, союзов, собраний и стачек с распространением политических свобод на военнослужащих в пределах, допускаемых военно-техническими условиями».

По поводу последней оговорки о военных условиях Милюков заявил, что она не будет служить основанием для отсрочки установления всех этих свобод.

[47] 5 июня группа анархистов ворвалась в типографию «Русской Воли» и захватила ее. Их намерения лучше всех характеризуются следующим воззванием, выпущенным в объяснение захвата:

«К рабочим и солдатам! Граждане, старый режим запятнал себя преступлением и

предательством. Если мы хотим, чтобы свобода, завоеванная народом, не была растоптана лжецами и тюремщиками, мы должны ликвидировать старый режим, иначе он опять поднимет свою голову.

Граждане! Всем известно, что газета «Русская Воля» была основана бывшим министром Протопоповым, ныне находящимся в Петропавловской крепости за свою провокационную деятельность. Сеятель сидит за тюремной решеткой, но зерно, брошенное им, дает всходы. Газета «Русская Воля», поддерживаемая русскими и германскими капиталистами, врагами народа, отравляет сознание общества, сеет смуту и междоусобия, натравляет солдат на рабочих, продолжает предательское дело своего вдохновителя и это в то время, когда истинный голос народа оказывается заглушенным благодаря невозможности прозвучать громко, благодаря отсутствию типографии и материальных средств.

Граждане, тщательно обсудив все это, мы, рабочие и солдаты, возмущенные до глубины души, хотим возвратить народу его достояние и потому конфискуем типографию «Русской Воли» для нужд анархизма, социализма и революции. Предательская же газета не будет существовать.

Но пусть никто не усмотрит в нашем захвате угрозу для себя. Свобода слова прежде всего. Каждый может писать, что ему заблагорассудится. Конфискуя «Русскую Волю,» мы боремся не с печатным словом, а только ликвидируем наследие старого насильнического режима, о чем и доводим до общего сведения.

Исполнительный Комитет по ликвидации газ. «Русская Воля».

Временное Правительство ответило на захват посылкой к типографии отряда войск, предложившего анархистам сдаться. Постановление Съезда Советов известно из протоколов.

После долгих переговоров анархисты поздно вечером сдались, были арестованы и доставлены под конвоем на Съезд Советов.

[48] В Красноярске была сильная большевистская организация. На выборах в городскую думу в начале июля большевики получили 9 000 голосов из поданных 18 000. Соглашатели всех сортов поэтому особенно рассказывали разные небылицы про «изолированную Красноярскую республику».

Правильную характеристику положения вещей дал на VI съезде Р.С.-Д.Р.П. (б) тов. Шумяцкий, говоря: «Красноярский Совет является единственным правящим органом и при помощи особого бюро возглавляет деятельность всех Советов Рабочих и Солдатских Депутатов Средней Сибири. Комиссар Временного Правительства существует только номинально... В городе проведена карточная система на продукты продовольствия. Влияние большевиков распространяется и на крестьянство».

[49] Пешехонов стал министром продовольствия 5 мая 1917 г.

[50] Оратор неправильно излагает линию Ленина и резолюцию апрельской конференции большевиков. Высказываясь за немедленный переход власти к Советам, Ленин подчеркнул, что он «сводит вопрос к борьбе за влияние внутри Советов». Вместе с тем большевики не только не отказывались от взятия власти в свои руки, когда у них будет большинство в Советах, но и прямо заявляли об этом.

[51] Речь идет о статье З. Лилиной «Каким образом можно уничтожить хвосты» в № 66 «Правды». В статье рассказывается об опыте нескольких домовых комитетов, организовавших у себя домовые лавки для снабжения жителей продовольствием и ликвидации хвостов.

[52] Коновалов — либеральный текстильный фабрикант, министр торговли и промышленности Временного Правительства. В конце мая 1917 г. подал в отставку, после того как Совет Р. Д. принял постановление о введении контроля над производством.

[53] В связи с уходом в отставку Коновалова Временное Правительство вело переговоры с Третьяковым, лидером московской буржуазии, о вступлении его в правительство. Переговоры закончились неудачно.

[54] Протоколы Петроградского Совета не сохранились. В опубликованных в газетах отчетах указаний на это заседание нет.

[55] Специального закона о примирительных камерах и свободе коалиций в начале 1917 г. издано не было; свобода коалиций на ряду со всеми прочими свободами была провозглашена декларацией первого же Временного Правительства.

[56] О речи Милюкова и последовавшей затем его статье см. прим. 107.

[57] Здесь фактически ошибка. Кронштадтское восстание произошло не 6 июня, а 18 июля 1906 г.

[58] В начале января 1916 г. по приказанию Николая II была сформирована и отправлена на французский фронт для помощи союзникам пехотная бригада в составе 8 000 человек, высадившаяся в Марселе в апреле того же года. В августе 1916 г. была послана еще одна бригада и два маршевых батальона, так что общее число русских войск во Франции достигло 27 000.

[59] Всероссийский Крестьянский Совет был избран на Всероссийском Крестьянском Съезде. Председателем его был правый эсер Н. Д. Авксентьев.

[60] Речь идет об уходе Милюкова и Гучкова. См. прим. № 20.

[61] Оратор имеет в виду Милюкова.

[62] Каменев цитирует резолюцию апрельской конференции большевиков о войне и мире.

[63] Со второй половины 1916 г. буржуазия, не довольная политикой царизма, явно неспособного вести войну, пытается организовать военный заговор и низложить Николая Романова, заменив его Михаилом, чтобы предупредить таким образом революцию. Участниками этого заговора были Родзянко, Гучков, ген. Крымов и др. Сочувственно к заговору относился и английский посол Бьюкенен. Основная цель заговора—создание благоприятных условий для победоносного окончания войны.

[64] После событий 20 — 21 апреля ст. ст., когда вопрос об уходе Милюкова был фактически предрешен, Церетели и ряд других деятелей И. К. Петроградского Совета хотели оставить Милюкова в министерстве на посту если не министра иностранных дел, то министра народного просвещения.

В тексте, повидимому, ошибка. Следует читать: «хотя бы на посту министра народного просвещения».

[65] Речь идет о вступлении социалистов в коалиционное майское Временное Правительство.

[66] Минский фронтовой съезд открылся 7 апреля 1917 г. На нем присутствовало свыше 1 200 делегатов, при чем большевики были представлены слабо. Съезд осудил братание, присоединился к резолюции Петроградского Совета о мире без аннексий и контрибуций и пытался оформить существующие армейские выборные организации в стройную систему.

[67] По неполным сведениям, которые были известны ко времени Съезда, выборы закончились по восьми районам гор. Петрограда (из 11). Всего было подано голосов 675 000, из них за меньшевистско-эсеровский блок—357 000 (53%), за кадетов—152 000 (24%), за большевиков 118 000 (17%), остальные голоса разбились по мелким партиям.

[68] «Письма о тактике» Ленина оратор излагает неверно. Настаивая на «решительном размежевании пролетарских и мелкобуржуазных элементов», Ленин в то же время категорически возражал против бланкистских методов захвата власти, «не опираясь на большинство народа».

[69] В 1870 г. Бисмарк, желая спровоцировать войну между Германией и Францией, опубликовал в газетах в извращенном виде сообщение о беседе французского посла в Берлине Бенедетти с прусским королем Вильгельмом, давшее Франции повод объявить Германии войну. Буржуазные историки обычно преувеличивают значение эмской депеши, считая, что именно ее опубликование является причиной войны 1870 — 71 гг.

[70] 8 мая министр торговли и промышленности А. И. Коновалов обратился с письмом к председателю совета министров, в котором, между прочим, пишет: «в министерство торговли и промышленности поступает целый ряд телеграмм и заявлений с жалобами на самоуправные действия многочисленных Исполнительных Комитетов, Комитетов общественной безопасности, Комитетов народной власти и других, самочинно возникших по всей стране организаций. Действуя на ряду с законными органами—город-

скими самоуправлениями, земскими управами и городскими думами, эти комитеты стали в коллизию не только с этими органами, но и с центральной правительственной властью». Перечисляя далее подробно «бесчинства, творимые этими организациями», Коновалов просит министра-председателя принять соответствующие меры для их устранения («Вестник Вр. Правительства» № 53).

Результатом этого письма была следующая телеграмма кн. Львова губернским комиссарам.

«По имеющимся в министерстве внутренних дел сведениям, в разных местностях государства имели место и не прекращаются до ныне случаи самовольных арестов, обысков, устранения от должности, заведывания имуществами, управлениями фабричными, заводскими предприятиями, разгромами имуществ, грабежей, бесчинств, насилий над частными и должностными лицами, присвоения различными организациями принадлежащих только правительственным органам прав и полномочий, обложения населения налогами, сборами, возбуждений толпы против местных представителей власти, одной части населения против другой на почве классовой, национальной и вероисповедной розни. Все подобного рода действия должны почитаться явно неправомерными, в некоторых случаях даже анархическими, подрывающими новый строй; энергичная борьба с которыми во исполнение декларации Временного Правительства от 5 мая является ближайшей задачей как представителей правительства на местах, так и всего населения. Прошу вас при поддержке образованных на местах общественных комитетов принять самые решительные меры для ликвидации указанных явлений, дезорганизующих страну, и обеспечения нормальных условий жизни».

[71] Соответствующего номера «Голоса Солдата» в московских архивах и библиотеках нет.

[72] В комиссии по выборам в Учредительное Собрание при И. К. Петроградского Совета некоторые члены комиссии защищали лишение избирательного права всех дезертиров. Представители большевиков в комиссии категорически возражали против этого. См. стр. 415 и прим. 164.

[73] На каком именно заседании происходил этот спор, выяснить не удалось. Повидимому, речь идет об одном из заседаний И. К. Петроградского Совета или избранной им комиссии, обсуждавшей вопрос об организации власти.

[74] Сведений о совещании фронтовой группы в архиве не сохранилось.

[75] Краткая история выборных солдатских организаций такова: они строились в жестокой борьбе с генералитетом и офицерством. Можно наметить три этапа борьбы в армии: первый — командование против организаций; второй — командование пытается взять в свои руки дело организации с основным девизом «возглавить, чтобы обезглавить»; третий—движение перерастает все преграды и развивается помимо и против воли контрреволюционного генералитета.

В дни революции по почину Комитета Государственной Думы офицерство петроградского гарнизона попыталось обезоружить революционные войска. Организованный в Совет гарнизон ответил приказом № 1, провозгласившим основные принципы организации солдат в наиболее развернутом виде.

4 марта военный министр Гучков учредил комиссию для разработки военных реформ под председательством генерала Поливанова.

5 марта Гучков подписал основной приказ этой комиссии № 114, отменявший обращение на «ты».

И. К. Петроградского Совета, испуганный революционным почином и творчеством масс, отменил приказ № 1 двумя последующими разъяснениями—приказами № 2 и № 3. Однако фронт руководствовался приказом № 1.

Следующим документом была принятая Советом о правах солдата декларация 9 марта. Она вслед за приказом № 1 узаконивала:

а) политическую и личную свободу солдат,

б) их выборные организации—комитеты,

с) ограничение власти офицерства.

21 марта петроградский гарнизон прямо признал Совет своим «высшим и единственным руководителем». Солдатская секция Совета стала органом законодательства по солдатским вопросам.

В первые дни марта Ставка деятельно сопротивляется проникновению советских депутатов и агитаторов на фронт (телеграмма генерала Алексеева от 3 марта о расстреле всех самовольно проезжающих и агитирующих).

Но уже после письма Гучкова к Алексееву от 9 марта (см. приложение № 3 к книге Зайончковского «Кампания 1917 года») генерал Алексеев 11 марта телеграфировал командующим фронтами уже в несколько новых тонах: генерал держит курс на сплочение «умеренных элементов» и соглашается на допущение минимального демократизма. Документ столь интересен, что мы его даем целиком.

Телеграмма Главковерха о Советах.

(Секретная телеграмма на имя командармов Главкоюз от 12 марта).

Сообщаю полученную мною телеграмму Верховного Главнокомандующего:

«Поток распоряжений, приказов, воззваний Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, захвативший ныне тыл действующей армии, докатился, без сомнения, до боевых линий, особенно [благодаря] присутствию радио-телеграфа и специальных агитаторов, навербованных большей частью из крайних элементов.

Бороться против наплыва воззваний и проникновений пропаганды, как показывает опыт, крайне трудно.

Временное Правительство не имеет реальной силы, фактически сосредоточенной в руках Совета Депутатов.

Какое бы ни было распоряжение правительства, оно может появиться в свет только при согласии Совета, который лишь в силу морального значения правительства считается с ним.

Все основано на компромиссах. Рассчитывать на помощь правительства в борьбе с пропагандой невозможно: оно бессильно, и все, что могло, сделало, издав ряд воззваний.

Для ограждения армии от беспорядков нам нужно, к сожалению, стать тоже на путь компромиссов.

Совет Рабочих Депутатов в известной части состоит из умеренных, понимающих положение, элементов, признающих необходимость продолжения войны до победы, сохранения в армии дисциплины, порядка, подчинения начальникам; эти умеренные элементы вынуждены вести борьбу в Петрограде с крайними элементами.

С другой стороны, в городах тыла организуются спешно местные Советы Рабочих Депутатов из мало развитых людей крайних убеждений, они-то и будут играть наиболее растлевающую для армии роль.

1) Полагал бы соответственно в каждой армии или на фронте организовать особые комитеты из подходящих работников Земгора и других организаций, пригласить членов Государственной Думы и войти в сношение с правительством о командировании представителей Совета Рабочих Депутатов из числа умеренных и здравомыслящих, рекомендуемых Думой или правительством. Этот комитет должен объехать части войск и быть всегда в готовности командировать своих членов для беседы в те части, в которых замечается колебание.

2) Настоятельно необходимо организовать офицерский состав, подготовить его к ответам на солдатские вопросы: дать возможность солдатам присутствовать, слышать и знать, что говорится, делается на этих офицерских собраниях, и убедиться, что все направлено на благо солдат и сближение с ними офицерского состава в смысле понимания их жизни, запросов, нужд.

3) Если где-либо сформировались солдатские комитеты помимо воли начальства, нужно ввести в их состав офицеров для достижения целей, указанных в пункте 2, дабы взять ход событий в свои руки, руководить ими, а не сталкиваться беспомощно с явлениями, получившими жизнь явочным порядком; исключительность переживаемых событий и быстрое их развитие заставляет выйти из рамок обычных мероприятий и прибегнуть к приемам исключительным лишь бы достигнуть цели.

Прошу спешно ответить на эти вопросы и внести те дополнения, которые считаются необходимыми для сохранения дисциплины и порядка, в это больное время. № 3127. — 11/III. Алексеев».

«Вполне соглашаясь с вышеизложенным, приказываю учредить по одному комитету на армию, согласно пункта 1 телеграммы, а в каждом корпусе иметь свой (специальный военный) комитет из офицеров и солдат.

Согласно пункта 3 о командировании членов Государственной Думы и Совета Рабочих Депутатов на фронт [распоряжения] мною сделаны.

Намеченная схема учреждения комитетов, конечно, может быть видоизменена и развита в зависимости от обстоятельств на месте по вашему усмотрению. — 12/III 1927 года. № 959. — Брусилов».

По всему фронту началось строительство комитетов.

30 марта издается приказ № 51 с «временным положением об организации...». Он подводит итоги движению и формулирует задачи организации следующим образом: «1) Усиление боевой мощи армии и флота, дабы довести войну до победного конца и тем способствовать народившейся свободе. 2) Выработка новых форм жизни воина-гражданина свободной России. 3) Содействовать просвещению среди армии и флота».

Наконец, 16 апреля Гучков опубликовал приказ № 213, явившийся результатом соглашения Совета и командования.

Данным приказом роль выборных организаций определялась так, что они должны обеспечить «каждому воину осуществление его гражданских и политических прав». Таковыми организациями являлись: 1) комитеты: ротные, полковые и армейские; 2) дисциплинарные суды.

Основные задачи комитетов:

1) сплочение всей русской армии в единую армию;
2) наблюдение за поддержанием дисциплины и порядка в своих частях;
3) контроль за хозяйственной деятельностью в своей части;
4) принятие законных мер против злоупотреблений и превышения власти со стороны должностных лиц в своей части;
5) решение вопросов, касающихся внутреннего быта части;
6) обслуживание недоразумений между солдатами и офицерами;
7) содействование просвещению и развитию спорта;
8) подготовка к выборам в Учредительное Собрание.

На дисциплинарные суды возлагалось:

1) поддержание дисциплины в частях;
2) разрешение ссор и недоразумений, возникших в солдатской и матросской среде.

Выборы этих двух организаций должны были происходить на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования.

Апрель и май были временем окончательного оформления организации фронта: происходили армейские и фронтовые съезды, фронт покрылся сетью комитетов — от ротных до фронтовых включительно. В апреле же было созвано всеобщее совещание депутатов фронта и тыла.

На ряду с комитетами возник и институт комиссаров.

6 марта первый комиссар был назначен к командующему Петроградским военным округом генералу Корнилову.

16 марта Исполнительный Комитет признал нужным назначить комиссаров в Ставку, в военное министерство и к командующим фронтами. 19 марта утвердил инструкцию комиссарам.

Первые комитеты были очень неопределенны по составу и политической физиономии. Потом их захватили меньшевики и с.-р. Разночинное офицерство, чиновничество, студенчество, младший командный состав — господствовали в комитетах. Были случаи (6-й корпус), что в комитетах сидели и кадеты. Первый фронтовой комитет Юго-Западного фронта состоял из 5 офицеров и 10 солдат. Съезд Западного фронта избрал в комитет 27 офицеров, 3 врачей и 35 солдат. Комитет Лужского гарнизона состоял из 4 офицеров, 1 врача и 7 солдат.

[76] Приказ Керенского опубликован не был и в архиве найти его не удалось.

[77] 17 апреля Временное Правительство утвердило «временные правила об устройстве полковых судов в мирное и военное время», выработанные комиссией под председательством генерала Поливанова. Пункт 7-й этих правил гласил: «общее собрание выборщиков избирает из своей среды, голосованием или по жребию, шесть полковых судей, трех из офицеров и трех из солдат, и четырех запасных судей, двух из офицеров и двух из солдат». Пункт 8-й: «Полковые судьи избирают председателя полкового суда и его заместителя из числа полковых судей-офицеров; при разделении голосов поровну, вопрос об избрании того или другого кандидата решается жребием».

[78] 28 (15) мая ген. Гурко главнокомандующий армиями Западного фронта подал рапорт Верх. Главнокомандующему и Врем. Правительству, что он снимает с себя всякую ответственность за положение на фронте «при создавшихся в армии условиях — при проведении декларации прав военнослужащих». 7 июня (25 мая) приказом Керенского он был уволен от занимаемой должности.

[79] Речь идет об одном из фактов контр-революционной агитации в армии. Название полка в «Известиях» не указано по соображениям военной цензуры.

[80] Степан Шаумян, выдающийся большевик, вождь революционного пролетариата Баку и Закавказья. Работал в партии со студенческих лет, делегат IV, V и VI съездов.

партии. В 1917 г. председатель Бакинского Совета; на VI съезде избирается в Ц. К. Р.С.-Д.Р.П. (б); в 1918 году — чрезвычайный комиссар Кавказа, председатель первого С.Н.К. в Баку и одновременно комиссар иностранных дел. 20 сентября 1918 г. погиб в числе 26 расстрелянных английскими империалистами бакинских комиссаров.

[81] Меньшевики-интернационалисты — течение среди меньшевиков во главе с Мартовым, возникшее во время войны, входившее в циммервальдское объединение и занимавшее в нем правое крыло.

Во время февральской революции меньшевики-интернационалисты делали попытки объединиться с большевиками, но вследствие глубоко принципиальных разногласий это объединение не могло состояться.

Меньшевики-интернационалисты были противниками коалиции с буржуазией и защищали план создания однородного социалистического правительства.

[82] В революции 1905 г. Дан, как и все меньшевики, был против вхождения представителей социал-демократии во временное революционное правительство.

[83] В заседании Петроградского Совета от 13 мая министр труда Скобелев в своей речи заявил: «Нужно обложение прибыли, военной сверхприбыли, всей прибыли, взятой за два года войны. Это уже поручено разработать министру финансов. Прогрессивно-подоходный налог — средство возвратить государству утекшую в карманы военную сверхприбыль. Мы предложили работать без процентов. Весь дивиденд — в государственное казначейство». Как известно, дальше благих пожеланий Скобелев не пошел.

[84] В период времени с 25 мая по 1 июня включительно в Петрограде происходил съезд поляков-военных. Инициаторы этого съезда стремились к образованию чисто польских военных организаций, другими словами, — к созданию польской армии. С этой целью съезд и был созван инициаторами его. Вот что писал о нем Ф. Кон в «Новой Жизни»: «Кому и для чего нужна польская армия?... Революция находится еще только в начальной фазе. Дальнейший ее ход еще неизвестен. Может наступить момент, когда «усиливающуюся анархию», по терминологии обеспокоенных ходом революции буржуа, надо будет подавлять силой... Русский солдат ненадежен и поэтому мало для этой цели пригоден. Иное дело польский. Он так же храбр, мужественен, как русский, — но и... дисциплинирован. Его можно будет, придав делу подходящую патриотическую окраску, употребить в дело не только против внешнего, но и против внутреннего врага. Таковы расчеты представителей русского империализма, русской сознательной буржуазии».

[85] Акт Временного Правительства о независимости Польши был издан в первых числах марта 1917 г. Отмечая национальный гнет старой царской России, указывая, что те государственные права, которые установлены Германией на части территории Польши ею занятой, есть «призрачные» права, Временное Правительство в обращении к полякам говорит: «Сбросивший иго русский народ признает и за братским польским народом всю полноту права собственною волею определить судьбу свою». Указывая, что Временное Правительство верно соглашениям с союзниками, «верно общему с ними плану борьбы с воинствующим германизмом», Временное Правительство считает, что образование независимого польского государства явится прочной гарантией мира в Европе.

«Освобожденный и объединенный польский народ сам определит государственный строй свой, высказав волю свою через Учредительное Собрание, созванное в столице Польши и избранное всеобщим голосованием. Россия верит, что связанные с Польшей веками совместной жизни народы получат при этом прочное обеспечение своего гражданского и национального существования».

В заключение, Временное Правительство указывало, что Российскому Учредительному Собранию принадлежит окончательное «согласие на те изменения государственной территории России, которые необходимы для образования свободной Польши».

[86] О Керенском и съезде с.-р. см. дальше заявления Гоца и Соколовского, стр. 219 и 250.

[87] Временное Правительство в Персии продолжало империалистскую политику царизма и всемерно подавляло национальное движение, направленное к изгнанию русских войск из Северной Персии, захваченной ими в 1915—16 г.г.

Набоков, член Ц.К. партии к-д. и русский посол в Лондоне, был одним из наиболее крупных и последовательных представителей русского империализма.

[88] Съезд представителей армий и частей фронта заседал с 7 апреля по 17 мая 1917 г. Речи Зиновьева и Церетели были произнесены на заседании 30 апреля.

[89] Революция 1905 г. оказала огромное влияние на Ближний и Дальний Восток, вызвав в Турции, Персии и Китае революционные движения.

В 1908 г. в Турции было введено ограничение самодержавия султана. Турецкая революция поставила у власти партию «Единение и прогресс»,— младотурков.

Непосредственным результатом персидской революции (1909 г.) явилось создание меджилиса (парламента), который, правда, скоро был разогнан полковником Ляховым, стоявшим во главе русского экспедиционного корпуса в Персии.

Революция в Китае, начавшаяся на богатом и торговом юге, руководимая первое время Сун-ят-сеном, изгнала из Пекина богдыхана и объявила республику. Позднее Юаньшикай, при поддержке капиталистических держав, главным образом Японии, разбил войска южан, провел себя в президенты и возглавил китайскую реакцию. Юг объявил себя самостоятельной республикой.

[90] Стачечное движение на Западе, резко уменьшившееся в начале войны, сильно возрастает в 1917 г., далеко отставая, правда, от довоенных размеров. Так, в Англии число стачек с 1.497 в 1913 г. упало до 578 в 1916 г. и выросло до 803 в 1917 г., в Германии с 2.127 упало до 137 в 1915 г. и снова поднялось до 561 в 1917 г. и т. д.

Непосредственными причинами роста стачечного движения были рост хозяйственных затруднений в результате длившейся войны, а также влияние русской революции.

[91] Приказ № 51 Алексеева и о комиссии Поливанова см. прим. 77.

[92] Речь идет о 45-м, 46-м, 47-м и 52-м полках 12-й и 13-й дивизии, расформированных по постановлению Временного Правительства за отказ выступить в поход. В этом отношении небезынтересные факты приводит «Новая Жизнь», в № от 2 июня, в статье: «Отказ от выступлений», написанной, несомненно, под впечатлением расформирования указанных четырех полков. Вот что там, между прочим, говорится: «почему иногда отказываются выступать отдельные полки?... N-ский полк отказался выступать по следующим мотивам: при сформировании полка выделено было имущество—живой и мертвый инвентарь, абсолютно негодный для употребления. На позиции полк оказался в таком положении: окопы обвалились, одежды не было, блиндажи тесные, не защищающие даже от легких снарядов; вторая линия с обрушенными окопами и без убежищ. Одним словом, никакой защиты от огня, несмотря на то, что позиция семь месяцев была занята полками. В полку отсутствие обоза, дров, недостаток хлеба. Пулеметов и телефонов мало, и те — сборные от других частей; в резерве два поломанных пулемета. Тыловые учреждения не работают, а на требование материалов для укрепления позиций отвечают, что его нет, хотя материал буквально сам просится в дело. В виду всего изложенного, полк находит невозможным стать на позицию до приведения его в полную боевую готовность».

[93] Донецкое совещание, происходившее в Харькове 28 марта, являлось объединенным совещанием, составленным из представителей Советов Р. Д. и горнопромышленников Донбасса.

На данном Совещании было признано необходимым введение в горнопромышленных предприятиях 8-ми часового рабочего дня. Меньшевики от имени рабочих заявили, что для укрепления добытой свободы и для усиления производительности рабочие будут работать прежнее количество часов, только оплата труда должна будет производиться, исходя из расчета 8-ми часового рабочего дня, оплачивая сверхурочные часы в полуторном размере. Предприниматели, конечно, согласились с таким «требованием» рабочих. Кроме того, было решено организовать при Донецком комитете расценочную комиссию для выработки ставок зарплаты.

Фактическое выполнение даже такого соглашения в виду саботажа буржуазии затянулось на несколько месяцев.

[94] Конфликт Церетели с почтово-телеграфным съездом имел место в конце мая 1917 г. Сущность его сводится к следующему: почтово-телеграфный съезд постановил, что увольнение почтово-телеграфных служащих может происходить только с согласия окружных или равных им почтово-телеграфных профессиональных организаций, и делегировал для переговоров с Церетели, министром почт и телеграфа, трех делегатов. Церетели вместо ответа дал по линии телеграмму, что союз не должен вмешиваться в дела ведомства. На съезде эта телеграмма вызвала большие прения, в которых поступок Церетели квалифицировался как поступок жандарма (см. «Вестн. П.-Тел. Союза» № 14—15).

Ответ съезда сводился к следующим трем положениям:

1) «В вопросах п.-т. жизни министр почт и телеграфа должен прислушиваться к постановлениям п.-т. пролетариата и принимать эти постановления к руководству».

2) Вопрос об устранении п.-т. служащих «подлежит компентенции только организаций п.-т. служащих».

3) Разрешение вопроса об устраненных в первое время революции усердных слугах царского режима подлежит только окружным организациям п.-т. служащих, а не комиссиям из представителей администрации, которые думал создать Церетели.

[95] Специального постановления Всероссийского Совещания Советов по вопросу об ограничении прибылей нет. В заседании 2 (15) апреля Всероссийское Совещание заслушало внеочередное заявление В. Г. Громана о борьбе с экономической разрухой. Внесенная им от имени Исполнительного Комитета Петроградского Совета резолюция намечала следующие две задачи, разрешить которые должно было Вр. Правительство: 1) планомерное регулирование всей хозяйственной жизни страны, организовав все производство, обмен, передвижение и потребление под непосредственным контролем государства; 2) отчуждение всей сверхприбыли в пользу государства и ограничение всех видов капиталистических доходов строго определенными нормами; рабочему же классу должны быть обеспечены достойные условия существования и труда.

Заявление Громана и внесенный им проект резолюции Исполкома, после незначительных прений, Совещанием был принят к сведению.

[96] В начале марта 1917 г., когда Временное Правительство пыталось отправить Николая Романова за границу, Керенский в качестве министра юстиции не возражал против этого.

Все семейство Романовых было арестовано по постановлению П. К. Петроградского Совета от 3 марта, подтвержденному Временным Правительством 7 марта.

После переговоров П. К. Совета с Временным Правительством было решено, что выезд бывшей царской семьи за границу будет разрешен не иначе, как по соглашению между Временным Правительством и Петроградским Советом.

[97] Акт 18 апреля — нота Милюкова союзникам. См. прим. 19.

[98] Речь идет о расстреле в марте 1902 г. забастовавших рабочих казенного металлургического завода в Златоусте на Урале.

[99] При выборах в районные думы в Петрограде большевики отказались от блока с с.-р. и другими партиями, предлагавшими им соглашение. В четырех районах большевики шли с самостоятельным списком и заключили блок с интернационалистическими организациями — межрайонцами (в 6 районах) и с новожизненцами (в 4 районах).

[100] Выпуск бумажных денег в 1917 г. легко проследить по расширению эмиссионного права Государственного банка. Оно составляло к 1 января 1917 г. 6,5 мрд руб., 4 марта 1917 г. было увеличено до 8,5 мрд, 15 мая до 10,5 мрд, 11 июля до 12,5 мрд, 7 сентября до 17,5 мрд и 6 октября до 16,5 мрд. руб.

[101] Приводим резолюцию, принятую Петроградским Советом по вопросу о займе.

«Обсудив вопрос о займе свободы, Совет Р. и С. Д. пришел к следующему заключению: 1) Революции необходимы немедленно крупные денежные средства для закрепления своих завоеваний и для обеспечения их от нападения извне. 2) Укрепление завоеваний русской революции, ее дальнейшее развитие есть самое могучее орудие для пробуждения и укрепления революционного движения в других странах, возрождения международного братства для совместной борьбы на мирных демократических началах. 3) Но это укрепление, как признало Всероссийское Совещание Советов Р. и С. Д., требует решительной защиты страны до тех пор, пока пробудившаяся международная демократия не принудит свои правительства к отказу от политики захвата, аннексий и контрибуций, и революционная Россия не будет ограждена от опасности военного разгрома. Отсутствие необходимых средств неминуемо поставит в критическое положение и фронт и тыл революции. 4) Поэтому Совет Р. и С. Д. считает прямой обязанностью революционного пролетариата и армии как перед страной, так и перед трудящимися всего мира содействие финансированию русской революции. 5) Признавая, что выдвинутое революцией Временное Правительство в общем и целом исполняет принятые на себя обязательства и будучи твердо уверено в том, что революционная демократия России сумеет заставить правительство и дальше итти по пути отказа от империалистической политики, пролетарпат и революционная армия заинтересованы в том, чтоб в распоряжении Временного Правительства были средства для осуществления революционных задач. 6) Так как заем является в настоящее время одним из способов быстро добывать необходимые средства и так как неуспех внутреннего займа заставил бы Временное Правительсто либо стать путем внеш-

ного займа еще в большую зависимость от империалистических кругов Франции и Англии, либо путем выпуска бумажных денег внести еще большее расстройство в народное хозяйство, — Совет Р. и С. Д. постановляет поддержать объявленный ныне «заем свободы». 7) В то же время Совет Р. и С. Д. призывает всю революционную демократию к все большему сплочению: а) чтобы добиться скорейшего проведения коренной финансовой реформы, правильно построенного прогрессивного подоходного и поимущественного налога, налога на наследство, обращения в пользу государства военной сверхприбыли и т. д.; б) чтобы усилить демократический контроль своих полномочных органов над целесообразным расходом народных средств; в) Совет Р. и С. Д. обращается к гражданам свободной России с призывом поддержать заем, помня, что успех займа будет укреплением успехов революции». («Известия» № 48, от 23 апреля 1917 г.) Оценку этого акта Петроградского Совета см. статью Ленина «Как они себя привязали к капиталистам» — Правда, 1917, № 36.

[102] Конфликт между техническими служащими и предпринимателями в Петрограде возник главным образом в силу отказа Петроградского общества фабрикантов и заводчиков удовлетворить требования служащих о 6-ти часовом рабочем дне, о прожиточном минимуме в 150 рубл. и о создании смешанных комиссий с правом контроля за приемом и движением служащих. Конфликт не дошел до забастовки, которая стачечным комитетом служащих была назначена на 23-е мая, так как общество фабрикантов и заводчиков пошло на уступки, полностью удовлетворив требования служащих.

[103] Конфликт между текстильными фабрикантами Орехово-Зуева (Моск. губ.) и рабочими произошел главным образом вследствие требования рабочих установить контроль над производством.

Конфликт с рабочими Донбасса принял затяжной характер.

8 мая конференция промышленников юга России отказалась удовлетворить требования южно-русской конференции рабочих и солдатских депутатов повысить зарплату на 50%, послав протест членам Временного Правительства.

23 мая закончилось совещание южных промышленников и рабочих, происходившее при министерстве труда. Все требования рабочих остались неудовлетворенными.

Рабочая делегация, сложив с себя всякую ответственность за дальнейшие события в Донбассе, заявила, что она приложит все усилия к тому, чтобы работы не прекращались. 27 мая Временное Правительство назначило особую комиссию для разрешения данного конфликта на месте. Фактически весь этот конфликт не был разрешен до Октябрьской революции.

[104] Вопреки уверениям Скобелева, Временным Правительством чрезвычайно мало было сделано в области рабочего законодательства как до первого Съезда Советов, так и после него. Была образована комиссия под председательством Казакевича, которая к первому Съезду Советов провела только одно постановление Временного Правительства «о рабочих комитетах в промышленных предприятиях». Все же остальное было только в проектах. Деятельность Временного Правительства в рабочем вопросе ограничивалась репрессиями и всевозможными обращениями к рабочим увещевательного характера.

[105] Экономический Совет и Главный Экономический Комитет были образованы при Временном Правительстве в июне 1917 г. «для выработки общего плана организации народного хозяйства и труда, а также для разработки законопроектов и принятия общих мер по регулированию хозяйственной жизни». В составе обоих органов абсолютное большинство принадлежало представителям буржуазии и государства, и лишь несколько голосов имели представители рабочих и Совета Кр. Д.

[106] В передовице № 74 «Правды» — «Третьеиюньские зубры за немедленное наступление», принадлежащей Ленину, говорится, что перед русской революцией стоят два пути: первый путь — вместе с капиталистами воевать «до полной победы», и второй путь — путь разрыва с капиталом, «путь доверия к международной рабочей революции против капитала, путь всемерной поддержки ее».

[107] В ответ на заявление Троцкого, назвавшего Милюкова бесчестным клеветником (см. стр. 158 протоколов съезда), последний поместил в «Речи» от 7 июня заметку, в которой утверждал, что не произносил приписываемых ему Троцким слов. Далее Милюков писал: «Я, действительно, недоволен тем, что г.г. Ленин и Троцкий гуляют на свободе, но я мотивирую необходимость для правительства «быть последовательным» относительно их не тем, что они состоят агентами Германии, а тем, что они достаточно нагрешили против уголовного кодекса».

[108] Под «алкогольной революцией» разумеется пьяный погром, имевший место в Самаре. Погром начался с того, что 1 мая на Самарской улице толпою громил был разбит винный погреб, в котором находилось около 500 ведер вин. Затем погром перекинулся в другие части города, где также было разбито несколько винных складов с большим запасом спиртных напитков, часть которых Самарскому Совету Р. и С. Д. удалось предварительно привести в негодное для питья состояние. 3 мая погром был ликвидирован усилиями организованных самарских рабочих и солдат-артиллеристов под непосредственным руководством Самарского Совета Р. и С. Д.

[109] Всероссийский продовольственный съезд (21 — 26 мая 1917 г.) состоял из представителей «революционной демократии», Советов Р. и С. Д., кооперативов, профсоюзов и т. п. и цензовых элементов: городских управ, бирж и т. п. Преобладающую роль играли на съезде меньшевики и с.-р. Министры Шингарев, Пешехонов и др. выступили на съезде с отчетными докладами о своей деятельности; по их докладам были приняты подробные директивные резолюции о дальнейшей работе соответствующих министерств.

[110] Об Урюпинской республике в 1917 г. никаких сведений найти не удалось. Возможно, что оратор говорит о восстании 2-го Урюпинского полка на Северном Кавказе во время первой революции, но там перечисляемых им фактов не наблюдалось.

[111] На заседании Литовского сейма 3 июня 1917 г. выдвигались две резолюции: резолюция правого блока, требовавшая полной независимости Литвы, которая должна быть гарантирована мирным конгрессом, и резолюция меньшевиков и с.-р. необходимости особого Литовского учредительного собрания, которое одно может разрешить вопрос о политическом будущем Литвы.

Большинством 140 против 128 была принята резолюция правого блока. После этого меньшевики и с.-р. покинули заседание, мотивировав свой уход тем, что подобные резолюции разрушают единство демократии и играют на руку буржуазии.

[112] Приказ этот был издан 27 мая. Сущность его так определял сам автор в беседе с журналистами: «впредь до окончательной организации всероссийского железнодорожного союза и возложения на него законодательным порядком определенных государственных функций, основной формой участия органов союза в железнодорожном деле должно быть осуществление им общественного контроля и наблюдение за работой железных дорог и дача указаний ответственным лицам. Указания эти отнюдь не могут, однако, носить императивного характера».

Вскоре после издания приказа совет частных железных дорог обратился в особое совещание по транспорту с протестом, в котором, между прочим, говорилось: «совет частных железных дорог единогласно признал циркуляр министра от 27 мая не только не способствующим какому-либо улучшению транспорта, но, наоборот, грозящим окончательно расстроить работу железных дорог, и постановил довести до сведения особого совещания по перевозкам, что, по мнению совета, этот циркуляр, проводящий под видом служения идеям свободы антигосударственные начала и потому явно опасный для родины, не должен быть приведен в исполнение».

[113] На почве тяжелого экономического положения в первом участке службы тяги паровозо-строительных мастерских Николаевской ж. д. в начале июня вспыхнула стачка; прекратило работу около 200 человек. После опубликования распоряжения Временного Правительства о создании комиссии по улучшению условий труда железнодорожных служащих, стачка была прекращена.

[114] Дача б. сановника Дурново была занята в февральские дни явочным порядком рабочими организациями Петроградской стороны и анархистами.

Владельцы ее требовали освобождения дачи, и Временное Правительство всемерно поддерживало эти их требования. Под предлогом, что на даче скрываются уголовные элементы, министр юстиции Переверзев в ночь на 19 июня ст. ст. предпринял вооруженный набег на дачу, в результате которого помещение было разгромлено и двое анархистов убито. Этот факт вызвал взрыв возмущения в среде Петроградского пролетариата.

[115] См. прим. 47.

[116] На Ивановской улице помещалась типография газ. «Русская Воля», захваченная анархистами.

*

[117] Персонального состава украинской фракции Съезда установить не удалось, так как материалы мандатной комиссии не сохранились.

[118] Речь идет об ответе Временного Правительства на декларативные требования, предъявленные украинцами Временному Правительству и И. К. Петроградского Совета в конце мая 1917 г. Эти требования сводились к принципиальному признанию желательности автономии Украины, украинизации школы, управления и армии и т. д. Кн. Львов ответил на эти требования отказом.

Валуев, П. А. — министр внутренних дел при Александре II (1861 — 68 г.г.), известен своей обрусительной политикой.

[119] Здесь, как и дальше, ораторы ссылаются на следующую появившуюся 9 июня в правых газетах заметку.

«О роспуске Государственной Думы.

Сегодня под председательством Родзянко состоялось заседание Временного Комитета Государственной Думы. В виду отсутствия на заседании прогрессистов и кадетов, никаких постановлений принято не было. Происходил лишь обмен мнений в связи с поднятыми на Съезде Р. и С. Д. вопросами о роспуске Государственной Думы.

Участники совещания единогласно указывали на то, что роспуск Государственной Думы является политически нецелесообразным. Кроме того, по мнению участников совещания, до созыва Учредительного Собрания или истечения в октябре полномочий Государственной Думы нет той власти, которая могла бы Думу распустить.

Роспуск Государственной Думы, как указывают Шульгин, Шидловский и др., хотя бы он и исходил от Временного Правительства, был бы таким же актом насилия, каким является всякое насилие.

Между прочим, на совещании было подчеркнуто, что от законодательных функций Дума сама отказалась и что при таких условиях самое возбуждение вопроса о роспуске Думы является совершенно непонятным.

Кн. Львов, как передают, заявил в беседе с Родзянко, что он стоит на той точке зрения, что Временное Правительство не в праве распустить Государственной Думы.

На-днях, как передают, во Временном Правительстве состоялся обмен мнений по этому вопросу, при чем Временное Правительство высказалось против роспуска, тем более, что в октябре все равно истекают полномочия Думы».

В газетах от 13 июня появилось заявление Родзянко, в котором он, между прочим, пишет: «если можно было раньше протестовать против старой IV Думы, то теперь перед страной — Дума, которая стала во главе революционного движения и сама добровольно отказалась от своих законодательных прав».

«Временное Правительство,— по мнению Родзянко,— не имеет права ликвидировать Думы, — судьбу палаты должно решить Учредительное Собрание».

[120] Оратор цитирует начало статьи Троцкого «На пути к развязке», помещенной в № 2 «Вперед» от 20 июня 1917 г. Троцкий пишет: «Всероссийский Съезд Советов Р. и С. Д. определился в первый же день: мелко-буржуазные и рабочие отсталые слои представлены на нем элементами кадетского или полукадетского типа; революционный пролетариат представлен большевиками и объединенными интернационалистами. Армия, в которой принудительно организованы самые широкие слои, впервые пробужденные для политической жизни, дала этим обывательски-кадетским политикам неожиданную для них самих опору; но плебейский народный состав этой опоры заставил интеллигентских и полуинтеллигентских мещан — «вождей» на час усвоить дюжину социалистических выражений и принять страшно подешевевшее теперь имя меньшевика или социалиста-революционера. Таких депутатов на Съезде подавляющее большинство. Они все отражают крайнюю беспомощность обывательски-крестьянской массы, которая оказалась вынуждена, в качестве армии, подавать свой голос прежде, чем революция внесла в ее собственную среду элементы политической организации. (См. Собр. соч. т. III, ч. I, стр. 109.)

[121] Кадетской тактике в I Думе, характеризованной Лениным как «вера в конституционные иллюзии», Мартов противопоставляет меньшевистскую борьбу за «полновластную Думу». Большевики первую Думу, как известно, бойкотировали.

[122] Буржуазная печать видела в попытке роспуска Государственной Думы угрозу разрушения одного из ее политических центров.

[123] Трудовики и меньшевики, послав своих представителей во Временный Комитет Государственной Думы еще в конце февраля 1917 г., заявлений об отзыве своих представителей из Комитета так и не сделали.

[124] Базельский международный социалистический конгресс 1912 г. был созван в связи с Балканской войной и опасностью международной империалистической войны. Принятая им резолюция говорит о недопустимости «защиты отечества» в империалистической войне и необходимости использовать эту войну для совершения социалистической революции.

[125] Приводим полностью письмо крестьянина П. Андреева.

«Я мужик, крестьянин. Летом езжу в деревню; и до фабрики жил в деревне, а теперь бываю в год раза два или три. Много раз слушал социалистических ораторов партий эсеров и эсдеков, большевиков и меньшевиков, а вчера был на митинге и хочу поговорить насчет партий.

У нас рабочие записались, кто эсер, кто меньшевик, а кто и большевик. Я был эсер с 1905 г.; но как стали они говорить, что де нужно землю у барина захватывать, то у меня мысль стала отпадать от них; а когда дали согласие на заем свободы, то я убежал и стал в партию большевиков, но не меньшевиков, потому что я хоть чуть, но понимаю, что для меня нужно.

Значит, у нас один говорит за свою партию, другой за свою, а третий (меньшевики) не известно за чью. Мы, рабочие, одни, но нас кто-то разделил, и смешались языцы. Но кто хоть чуть понимает, то дело другое. А у нас, у Прохорова, из 8 000 понимающих не больше 600; остальные — темнота непроглядная.

Я хочу немного изложить свой взгляд на разные партии и хочу приложить партии к деревне, к сходу. Я представляю сход так: земский начальник, старшина, староста, мужик-глот (побогаче) и бедный крестьянин, как я.

Земского начальника я применяю к кадетам, которые защищают капитал и всю буржуазию. Волостного старшину применяю к ученым профессорам, которые хотят, чтобы одним было хорошо, но и других не обижать, но оттянуть дело лет на тысячу, а пока всем успокоиться.

Старосту применяю к меньшевикам. Он говорит: «Братцы, нужно же нам как-нибудь закончить войну: не мы ее начали, но кто начал, тот пусть первый кончит; нам нужно скорее ее кончить, и это мы делаем по силе возможности».

Мужика-глота (побогаче) я применяю к социалистам-революционерам. Насчет войны он говорит подобно меньшевикам, а насчет земли он все шел дальше и дальше, а как дошел до земли, — встал и думает: как мне быть? Сейчас ее брать или подумать до Учредительного Собрания.

Возьму мужика бедного. Его я применю к социал-демократам большевикам: насчет войны думают не так, как староста или мужик-глот: раз война не нужна народу, то народ должен ее кончить не тяп да ляп, и не должны ставить свои головы под пули. Брататься на фронте, а в тылу не спать, работать не покладая рук за святую правду. Не должны останавливаться и ждать, когда кто-то придет откуда-то с неба, да и кончит нам войну. Нужно побольше напирать на буржуазию, чтобы она лопалась по всем швам, и тогда война кончится. Но если не так сильно будем напирать на буржуазию, то скверно будет.

Насчет земли большевик хочет чем скорее, тем лучше, а не ждать и не раздумывать. На это было времени много лет, все можно было обдумать заранее. А теперь куй железо, пока горячо: знай, кувалдой стучи, пока не остыло, и вещь готова будет.

Всем крестьянам и рабочим я советую следовать примеру большевиков, а не травить их, как собак. Мы и так измучены, истерзаны буржуазией, а меньшевики и эсеры еще заставляют нас догрызать друг друга. У мужика замычка большевика, но он еще не достиг узнать все; в уме у него есть, да объяснить не может. Я про себя скажу. Приехал я после Пасхи в Москву, пошел в Кремль, а там кадеты. Я не знал, что они за господа, думал, что теперь все люди хорошие. Я и махни несколько слов в защиту себя, — а они на меня: Ленинец ты. — Нет, говорю, я смоленский. — Значит, ты шпион германский. — Нет, говорю, я крестьянин. Я не знал, что такое Ленин, и думал, что это губерния. Но потом понял».

[126] В декабре 1916 г. Германия, воспользовавшись разгромом Румынии и благоприятным для нее положением дел на остальных фронтах, обратилась к папе Римскому и президенту Вильсону с нотой о предложении мира. Никаких кокретных условий мира Германия не предлагала, а говорила лишь о победах четверного союза, несокрушимости австро-немецкого фронта и желании Германии заключить мир, не доводя до полного разгрома союзников. Антанта ответила на ноту резким отказом «принять предложение, лишенное искренности и содержания».

[127] Керенский говорит о речи Рибо в палате депутатов. О целях войны в этой речи Рибо заявил: «мы будем продолжать борьбу не в целях завоевания и порабощения народов, а одушевленные твердой решимостью вернуть то, что нам принадлежит», и далее: что достигнуть мира «можно лишь при условии сокращения агрессивного немецкого

деспотизма, таящего в себе вечную угрозу». Настаивая на продолжении войны, он заявлял: «Пусть реорганизованная русская армия докажет мощным наступлением, что она понимает обращенный к ней призыв».

[128] Повидимому, в «Известиях» ошибка, так как Охрида не является портовым городом, а расположена вдали от моря, в Македонии, и высадка в ней произойти не могла.

[129] Позицию тов. Ленина Керенский излагает неверно. Ленин, как известно, всегда был сторонником требования самоопределения народов, вплоть до полного отделения.

[130] Речь идет о революции финляндской с.-д. по вопросу о взаимоотношениях Финляндии и России, принятой на внеочередном съезде финляндской с.-д. партии 15-19 (2-6) июня 1917 г. В этой резолюции партия требовала полной политической автономии Финляндии и независимого финляндского правительства, исходя из того, что стоящая у власти русская буржуазия неизбежно захочет, если власть будет находиться у нее в руках, закрепостить Финляндию.

[131] Требования Керенского давать ему сведения о всех солдатах, которые ведут агитацию против Временного Правительства, в «Новой Жизни» напечатано не было. Повидимому, в речи оратора какая-то ошибка.

[132] В начале июня в Томске, по сообщению «Русского Слова», из призванных в войска уголовных образовалась группа, совершавшая грабежи банков, магазинов и убийства деятелей общественных организаций. Чтобы прекратить подобные явления Исполнительный Комитет Совета Р. и С. Д., совместно с гарнизонным Советом, Комитетами с.-д. и с.-р., объявил военное положение.

[133] Речь идет о конфликте между командующим Черноморским флотом адмиралом Колчаком и Центральным Комитетом Севастопольского Совета Депутатов армии, флота и рабочих. 30 (17) мая по постановлению Совета было арестовано несколько офицеров. Колчак подал заявление Временному Правительству об отставке. Вмешательством Керенского конфликт был ликвидирован, и офицеры освобождены.

[134] Мартов, как и вся правая Циммервальда, выступал против большевистского утверждения, что «война открыла эру социалистической революции» и против лозунга превращения империалистской войны в гражданскую. Этому лозунгу правая Циммервальда противопоставляла лозунг борьбы за мир без революции путем давления демократии на правительства.

[135] Речь идет о черносотенной агитации во время войны, когда даже социал-патриота Чхеидзе и других социал-демократов обвиняли в том, что они немецкие шпионы, получают деньги от Германии и т. д.

[136] Войновский-Кригер, Э. Б. был назначен министром путей сообщений 28 декабря 1916 г. и пробыл на этом посту до революции.

[137] Закончившаяся неудачей Дарданельская операция союзников 1915 — 1916 гг. преследовала две цели: во-первых, союзники хотели, прорвав турецкие укрепления, организовать регулярное снабжение русской армии военными припасами и тем обеспечить ей возможность успешной борьбы с Германией, во-вторых, союзники хотели, захватив Константинополь и проливы, тем самым выбить почву из-под требований русской дипломатии о присоединении Константинополя и проливов к России.

[138] Документ Гофмана см. прим. № 5 о деле Гримма.

[139] Для характеристики «мирной» программы коалиционного правительства приводим выдержку из его декларации 5 (18) мая.

«1. Во внешней политике Временное Правительство, отвергая в согласии со всем народом всякую мысль о сепаратном мире, открыто ставит своей целью скорейшее достижение всеобщего мира, не имеющего своей задачей ни господство над другими народами, ни отнятие у них национального их достояния, ни насильственный захват чужих территорий,—мира без аннексий и контрибуций на началах самоопределения народов. В твердой уверенности, что с падением в России царского режима и утверждением демократических начал во внутренней и внешней политике для союзных демократий

создался новый фактор стремлений к прочному миру и братству народов, Временное Правительство предпримет подготовительные шаги к соглашению с союзниками на основе декларации Временного Правительства 27 марта.

2. В убеждении, что поражение России и ее союзников не только явилось бы источником величайших бедствий для народов, но и отодвинуло бы или сделало невозможным заключение всеобщего мира на указанной выше основе, Временное Правительство верит, что революционная армия России не допустит, чтобы германские войска разгромили наших союзников на Западе и обрушились всей силой своего оружия на нас. Укрепление начал демократизации армии, организация и укрепление боевой силы ее как в оборонительных, так и наступательных действиях будут являться важнейшей задачей Временного Правительства».

[140] Речь идет о резне, устроенной в Армении турецкими властями при отступлении.

[141] Ньяных, член И. К. Всероссийского Совета Кр. Д.

[142] 19 июня в «Единстве» и ряде других газет было опубликовано воззвание от военного союза «личного примера». В этом воззвании говорилось: «Наша армия распадается. Тают ряды бойцов. Нет дисциплины. Угас боевой дух. Спасайте армию. Погибнет она — погибнет Россия». Далее воззвание призывало: «Сформируем железные полки для немедленной отправки на фронт». «Подчинение Временному Правительству, добровольное подчинение стальной дисциплине, бесстрашие в наступлении на врага — таковы лозунги железных полков». Воззвание подписано военным комитетом из 10 военных чинов и группой гражданского содействия: Плеханов, Лев Дейч, В. Засулич, Н. Иорданский, Н. Морозов, Г. Лопатин, Г. Алексинский, Леонид Андреев, председатель Государственной Думы Родзянко.

[143] Соответствующего № газеты «Entente» в архивах и библиотеках нет.

[144] Оратор, повидимому, ссылается на реплику Ленина во время речи Церетели, что большевики готовы взять власть. Как известно, Ленин и Ц. К. большевиков неоднократно заявляли, начиная с апреля 1917 г. до июльских дней, что партия стоит за переход власти к Советам.

[145] Сибирский республиканский союз образовался в Новониколаевске.

[146] Речь идет о брошюре «Кому нужна война», написанной А. Коллонтай и вышедшей нелегально в 1916 г. После революции брошюра была переиздана.

[147] От участия в Стокгольмской конференции отказались, как известно, правые социалисты большинства стран согласия.

[148] Речь идет о выступлениях Церетели на заседании Петроградского Совета 26 мая по вопросу о событиях в Кронштадте (см. прим. 25). Церетели в своей речи утверждал, что «анархистские выступления», в роде Кронштадтского, «грозят гибелью всем завоеваниям революции».

[149] А. Тома, Гендерсон и Вандервельде обратились 4 июня (22 мая) 1917 г. к И. К. Петроградского Совета с письменным протестом против созвания международной социалистической конференции. Заявляя о своем согласии на формулу «мир без аннексий и контрибуций», они вместе с тем требовали такого определения и разъяснения этой формулы, чтобы «под понятие аннексии не могло быть подведено освобождение территории, согласное с волей населения, а под контрибуцией не подразумевалось возмещения убытков, причиненных в захваченных странах самым фактом нашествия». Далее Гендерсон, Тома и Вандервельде требовали «устранения с конференции всех социалистических фракций, которые не согласились бы участвовать в общей работе, направленной против империализма», подразумевая под ними социалистов Четверного союза.

[150] Речь идет о меморандуме, опубликованном в Стокгольме представителями германской социал-демократии (большинства). Пункт 4-й этого меморандума о праве народов на самоопределение делил все государство на три группы: Первая группа — государства, потерявшие во время войны свою независимость (Бельгия, Сербия и т. д.). Германская социал-демократия заявляла, что она стоит за восстановление независимости этих государств. Вторая группа — народы, бывшие зависимыми, но получившие независимость (Польша, Финляндия). Они должны получить право на самоопределение. Третья

группа — «некогда независимые народы высокой культуры, которые, став прежде жертвой империалистического подчинения, не испытали изменений в государственно-правовой принадлежности и в настоящую войну» (Ирландия, Египет, Триполи, Марокко, Индия и т. д.). По отношению к ним германская социал-демократия заявляла, что она «живо сочувствует стремлению этих народов к восстановлению своей национальной свободы».

[151] 23 (10) июня большевистским Ц. К. была назначена в Петрограде демонстрация под лозунгами «Вся власть Советам», «Долой министров-капиталистов». Съезд Советов запретил демонстрацию, и в ночь на 10 июня все делегаты Съезда разъехались по заводам, агитируя против демонстрации. Большевистский Ц. К., узнав о запрещении Съездом демонстрации, в 2 часа отменил ее, дав соответствующее объявление в «Правде» и известив об этом районы.

[152] О заседании Съезда 23 (10) июня см. в приложении.

[153] Среди большевиков вопрос об отмене июньской демонстрации вызвал некоторые разногласия. Ряд работников Петербургского Комитета настаивали на том, чтобы не отменять демонстрацию. Ц. К. партии эта линия была отвергнута.

[154] Агитация меньшевиков и с.-р. по фабрикам и заводам была в большинстве случаев враждебно встречена рабочими, которые, отказываясь от демонстрации в силу решения Ц. К. большевиков, вместе с тем выносили решение об осуждении политики меньшевиков и с.-р.

[155] Общеказачьим съездом был объявлен «Учредительный съезд 12 казачьих войск— 20 (7) - 30 (17) июля 1917 г. Контр-революционный характер съезда выявился уже в избрании председателем известного ген. Дутова.

Уже на первом его заседании отдельные делегаты, выступая с приветствиями, призывали к «защите родины с оружием в руках». С приветствием от Государственной Думы на съезде выступил Родзянко, сказавший: «раздаются речи, расшатывающие все устои государственного строительства... Только война до победного конца сможет примирить начала свободы и порядка». Керенский, выступивший на съезде, закончил речь призывом к «защите родины и созданию единого сильного государства». Милюков, выступая с докладом от партии к.-д., заявлял, что «нашим министрам мы сказали, что они должны настаивать на ведении войны до победного конца и в тесном единении с союзниками».

В резолюции об отношении к Временному Правительству заявлялось, что «съезд верит Временному коалиционному Правительству, которое в области внешней политики в полном согласии со всеми нашими союзниками сумеет вывести Россию на светлый путь свободы и мирного труда».

В резолюции о войне заявлялось о необходимости решительного перехода в наступление.

О приветствии Войтинского на общеказачьем съезде от Всероссийского Съезда Советов газеты дают разноречивые сообщения. Так, «Русское Слово» сообщает, что Войтинский призывал казачество к сплочению всех сил демократии, без чего Россия погибнет. Далее он указывал, что армия сейчас под руководством Керенского делается сильной. Вопрос о том, кто за кого: за Совет или за правительство, — уже отошел, он больше существовать не должен, ибо кто против Временного Правительства, тот против Совета, который всем своим авторитетом поддерживает правительство.

По сообщению же «Новой Жизни», суть речи Войтинского заключалась в следующем. Он говорил, что государственный строй не может быть основан на интересе или воле того или иного из элементов русского населения. Нужно воспользоваться завоеванной свободой только для того, чтобы выяснить волю большинства народа, иначе и свобода и революция и даже государство погибнут в грязи и в крови вследствие междоусобий. «Вы знаете, как поднялся дух армии, когда она услыхала, что во главе военного министерства поставлен революционер. Но дух армии и, следовательно, свобода России падет тогда, когда вы отнимите уверенность у армии, что она сражается за революцию, за свободу России. Прежде всего подчинение большинству и выяснение свободной воли большинства. Вот цели, которые всегда преследовал Совет Рабочих и Солдатских Депутатов, и к этому же от его имени призывает собрание».

[156] Речь идет о «нескольких тезисах», написанных Лениным осенью 1915 г. и помещенных в № 47 ЦО РСДРП «Социал-Демократ» (см. Ленин, Собр. соч. т. XIII, стр. 207 — 210). В речи Крыленко ошибочно записано, что тезисы появились «до войны».

[157] Речь идет о статье Троцкого в № 2 «Вперед». См. прим. 120.

[158] Речь Асквита об «аннексиях в четырех смыслах» была произнесена в палате общин 4 мая в ответ на предложение члена рабочей партии Сноудена «выразить приветствие декларации демократического правительства России, в которой Россия отказывается от всех империалистических завоеваний и увеличения территории».

[159] В первые же недели войны главнокомандующий русскими армиями Николай Николаевич Романов, желая привлечь симпатии польского населения, издал манифест, обещавший что-то в роде автономии Польши в случае победы царской России. Однако, повседневная политика царизма в Польше нисколько не соответствовала этому манифесту.

О манифесте Временного Правительства см. прим. 85.

[160] Речь идет о резолюции Штуттгартского конгресса 1907 г. и Базельского 1912 г.

[161] «Окопная Правда» — большевистская газета, орган военной организации XII армии. Первый № вышел в апреле 1917 г.; закрыта Временным Правительством после июльских дней.

[162] Сущность дела Филиппова сводится к следующему. Несколько полков VI армии отказались выступить на фронт для занятия позиций. Командный состав одного полка в составе командира и 7 офицеров был подвергнут аресту. Во главе этого сопротивления стал подпоручик Филиппов, агитировавший за раздел земли. По месту пребывания и действия частей, руководимых Филипповым, очевидно, названа Нигульская республика.

[163] Речь идет о статье К. Еремеева в № 37 «Солдатской Правды» о расформировании 45, 46 полков 12 дивизии, 47 и 52 полков 13 дивизии, произведенном специальным постановлением Временного Правительства на основании сообщения комиссара VII армии об отказе частей выступить на фронт.

Еремеев писал: «приказ о расформировании, это — тот шаг к твердой власти», на который давно уже подзуживает временных правителей буржуазная печать — от суворинских помоек и «Единства» до «Сатирикона».

[164] Козловский на совещании по подготовке Учредительного Собрания (13 июня) по вопросу о лишении избирательных прав осужденных за преступления и дезертиров заявил, что дезертирство в массовом масштабе нелепо считать преступлением, и что проект закона о лишении дезертиров избирательных прав без судебного приговора есть просто орудие политической борьбы буржуазии с политическими противниками.

[165] Речь идет о запрещении Екатеринославским Советом националистической вооруженной демонстрации.

[166] Вандервельде приезжал в Россию как представитель международного социалистического Бюро в 1914 г., накануне войны. О его пребывании в России см. книгу Шляпникова «Канун 1917 г.», в. I.

[167] См. выше, речь Троцкого, стр. 356.

[168] См. прим. 12.

[169] По докладам Мутэ и Кашена, возвратившихся из России, национальный совет французской социалистической партии в заседании 28 мая принял решение об участии в стокгольмской международной социалистической конференции.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

Австро-Венгрия 6, 98, 99, 192, 310, 316, 325, 329, 339, 346, 371.
Албания 42, 75, 214, 373, 403.
Алжир 347.
Америка 73, 317, 319, 320, 334, 423.
Англия 6, 11, 43, 44, 45, 46, 60, 73, 76, 94, 98, 105, 106, 114, 115, 165, 166, 192, 308, 310, 317, 324, 325, 326, 334, 335, 336, 371, 431.
Аравия 373, 374.
Армения 319, 322, 324, 330, 349.
Армия 42, 53, 58, 59, 60, 81, 82, 101, 106, 116, 179, 180, 181, 182, 187, 188, 192, 193, 194, 201, 202, 204, 205, 206, 215, 217, 285, 324, 330.
- Армейские суды 180.
- Армейские организации 188, 192.
- Настроение армии 391, 392, 399, 400, 401, 407, 409, 411, 416, 417, 418.
- Боеспособность армии 313, 314, 329, 331, 340, 344, 350, 353, 360, 366, 367, 387, 388, 389, 390, 398, 401, 408, 427.
- Демократизация армии 287, 332, 344, 345, 411.

Бакунизм 364, 368, 415.
Базельский конгресс 308.
Базельский манифест 320.
Балканы 73.
Балтийский флот 96, 200.
Батальоны смерти 42.
Бельгия 372, 402, 422, 423, 424.
Бланкизм 278.
Богемия 346.
Братание 22, 74, 79, 80, 81, 101, 102, 192, 197, 350, 363, 388, 400.
Брянский завод 200.
Бухара 75.

Власть 65, 70, 76, 84, 87, 108, 125, 126, 137, 138, 139, 140, 141, 144, 145, 147, 149, 151, 154, 157, 163, 171, 173, 177, 182, 184, 189, 195, 196, 198, 200, 202, 203, 207, 210, 212, 241, 249, 302.
- Захват власти 51, 147, 197, 211, 212, 214, 215, 216, 217, 274, 278, 280, 360, 427.
- Бездействие власти 195.
- Централизация власти 100, 109, 137.
- Власть на местах 172, 173, 214, 240, 257, 258.
- Власть исполнительная и законодательная 211.
- Классовый характер власти 213, 278, 284, 318, 361, 362.

Война 12, 42, 44, 45, 54, 71, 84, 97, 101, 102, 103, 117, 134, 141, 142, 156, 190, 191, 270, 276, 277, 309, 316.
- Война гражданская 11, 65, 66, 67, 103, 113, 170, 275, 285, 300, 383, 411.
- Война революционная 73, 74, 75, 277, 278, 308, 309, 321, 322, 323, 324, 329, 426, 427.
- Война освободительная 419, 422.
- Война сепаратная 308, 309, 336, 358, 427.
- Международный характер войны 309, 310, 350.
- Цели войны 315, 355, 359, 366, 367, 372, 373, 376, 393, 394, 402, 413, 414, 422, 429.
- Военные ассигновки 80, 412, 413.
- Военные долги 324.

Временный комитет Гос. Думы 303, 306.

Галиция 319, 416.
Германия 13, 15, 25, 27, 29, 72, 73, 75, 80, 86, 98, 99, 103, 104, 156, 158, 165, 202, 310, 316, 317, 325, 329, 330, 336, 338, 339, 346, 348, 349, 350, 351, 357, 358, 364, 367, 371, 372, 373, 388, 402, 403, 408.
Голландско-Скандинавский комитет 429.
Голод 3, 61, 144.
Государственная Дума 4, 42, 45, 74, 80, 83, 87, 88, 93, 108, 111, 112, 113, 114, 122, 123, 141, 144, 148, 153, 158, 164, 174, 190, 218, 270, 271, 272, 286, 288, 289, 292, 293, 294, 295, 296, 297, 298, 299, 300, 301, 302, 303, 304, 305, 306, 330, 376, 377.
- Думский блок 283.

Государственный Совет 84, 87, 93, 164, 286, 292, 293, 294, 295, 300, 303, 304, 305, 376, 377.
Греция 11, 42, 70, 75, 115, 117, 214, 392.
Группа личного примера 353, 366.

Далмация 374.
Дача Дурново 260, 261, 262, 263, 264, 265, 266, 268.
Дворцовя площадь 49.
Дезертиры 177, 193, 197, 202, 205, 206, 258, 314, 350, 366, 367, 410, 415, 416.
Декларация прав солдата 205, 377.
Дело Гримма 6—40, 114, 153, 158, 171, 187, 211, 285, 329.
Демобилизация 29, 147.
Демонстрация 10-го июня 375, 376, 377, 378, 379, 380, 381, 382, 383, 385.
Донецкий бассейн 199, 200, 247, 251, 349.

Египет 323, 346.

Заем принудительный 229.
Заем свободы 228, 229.
Земельная политика 63, 100, 110, 147.
Земельный вопрос 100, 125, 215.
Земельная реформа 110, 176.
Земства 109.

Избирательное право 177.
Интернационал 369, 370, 371.
Парижский международный съезд 369.
Цюрихский международный съезд 370, 371.

Индия 76, 323.
Ирландия 346.
Италия 106, 165, 320, 325, 326, 334, 335, 373, 374, 404.

Киао-Чау 321, 346.
Китай 76, 191, 323, 364, 367.
Классы.
Буржуазия 11, 50, 68, 76, 86, 99, 100, 127, 137, 139, 144, 146, 150, 153, 155, 162, 164, 165, 166, 167, 170, 178, 184, 186, 190, 196, 200, 208, 213, 218, 237, 238, 270, 271, 272, 278, 279, 282, 284, 362.
Крестьянство 47, 51, 78, 86, 91, 110, 130, 132, 146, 148, 161, 163, 176, 183, 184, 205, 212, 213, 214, 215, 237, 275, 356.
Помещики 47, 69, 139, 145, 146, 147, 176, 213, 317, 348, 349, 356, 362.
Пролетариат 8, 10, 46, 50, 51, 53, 73, 76, 92, 98, 104, 105, 116, 134, 139, 147, 148, 150, 151, 153, 155, 156, 167, 170, 183, 184, 185, 186, 196, 201, 213, 218, 238, 275, 278, 279, 281, 310, 356, 359, 362, 364, 369, 370, 417, 419, 421, 423, 424.

Комитет снабжения 234, 236.
Конвент 111, 176, 372, 391.
Константинополь 114.
Контроль 157, 158, 188.
Рабочий контроль 61, 70, 377.
Контр-революция 25, 31, 113, 114, 115, 122, 164, 176, 204, 216, 240, 261, 262, 265, 267, 268, 275, 276, 282, 284, 299, 302, 303, 357, 360, 375, 376.
Красноярск 126, 127, 128, 137, 172, 173, 201, 247, 249, 252, 253, 254.
Кронштадт 65, 67, 107, 121, 146, 160, 172, 178, 198, 203, 217, 219, 355.
Кронштадтская тюрьма 31.
«Кресты» 83.
Курляндия 156.

Литва 244, 245, 363.

Малороссия 289.
Месопотамия 373, 374.
Министерство торговли и промышленности 128, 143, 152.
Министерство труда 150, 151, 152, 230, 234, 235.
Министры-социалисты 9, 10, 11, 12, 19, 20, 21, 26, 29, 30, 35, 36, 37, 38, 40, 50, 53, 61, 63, 66, 70, 71, 75, 77, 93, 96, 111, 116, 118, 120, 121, 122, 123, 125, 126, 128, 129, 142, 148, 157, 168, 171, 175, 179, 185, 195, 200, 201, 204, 208, 210, 217, 218, 233, 237, 242, 249, 284, 287, 290, 293, 295, 305, 352, 357, 360, 363 397, 417.
Мир 6, 8, 13, 20, 21, 26, 37, 41, 43, 44, 45, 52, 54, 71, 72, 74, 75, 76, 86, 167, 181, 187.
Мир без аннексий и контрибуций 10, 11, 72, 73, 77, 78, 79, 81, 114, 164, 167, 181, 190, 278, 287, 309, 311, 319, 321, 324, 325, 326, 334, 335, 336, 337, 339, 344, 345, 346, 347, 351, 372, 373, 374, 386, 389, 394, 402, 403, 404, 405, 416, 421.
Всеобщий мир 17, 18, 27, 28, 46, 55, 64, 165, 174, 281, 287, 309, 310, 313, 339, 345, 389, 390, 424, 428, 429.
Сепаратный мир 9, 13, 28, 56, 57, 71, 102, 117, 119, 165, 166, 174, 193, 202, 206, 274, 277, 307, 308, 309, 312, 319, 320, 321, 326, 335, 336, 342, 343, 350, 358, 367, 377, 386, 387, 390, 394, 402, 417, 428.
Конференция о мире 10, 20, 33, 57, 94, 114, 191, 201, 286, 310, 319, 320, 324, 327, 328, 335, 372, 374, 396, 402, 420, 428, 429, 430, 431.
Германское радио о мире 325, 326.
Всеобщее перемирие 339.
Можайск 193.

Налоги.
Подоходно-прогрессивный налог 225, 226.
Наследственный налог 226.
Поимущественный налог 226.
Косвенные налоги 228.
Народный доход 90, 134.
Распределение народного дохода 134, 135.
Наступление 42, 43, 53, 58, 59, 60, 71, 73, 74, 76, 84, 86, 87, 104, 116, 193, 194, 205, 283, 284, 285, 313, 314, 315, 329, 337, 338, 340, 341, 342, 343, 350, 353, 354, 359, 360, 376, 390, 391, 392, 393, 394, 398, 399, 401, 408, 409, 410, 411, 413, 414, 415, 416, 419.

Офицерство 181, 182, 186, 187, 215, 390.

Паек 176, 193.
Палата общин 45.
Парижская коммуна 68, 280.
Партии.
Анархисты 120, 166, 167, 168, 261, 262, 263, 264, 365, 366, 369, 370.
Британская социалистическая партия 106.
«Бунд» 266, 288, 380, 417, 418.
Жирондисты 108.
Кадеты 33, 71, 147, 166, 204, 215, 293, 298.
Народные Социалисты 5, 38, 41, 43, 161, 162, 178, 265, 279, 288, 380.
Независимая английская рабочая партия 44, 106.
П. П. С. 79.
Социал-демократия 6, 80, 85, 86, 97, 173, 194, 206, 279, 280, 289, 306, 372, 403, 428, 429, 430.
Большевики 4, 5, 21, 22, 38, 41, 43, 65, 69, 78, 79, 102, 103, 104, 137, 139, 145, 146, 154, 155, 156, 157, 165, 168, 173, 183, 184, 187, 200, 205, 206, 211, 214, 217, 220, 237, 240, 259, 266, 269, 274, 278, 279, 282, 283, 284, 289, 291, 349, 364, 365, 404.
Отношение большевиков к войне 308, 339, 340, 352, 360, 362, 363, 391, 398, 399, 401, 406, 407, 408, 410, 412, 414, 415, 416, 417, 418, 425, 426.
Отношение большевиков к Госуд. Думе 292, 297, 305, 306.
Большевики и демонстрация 10-го июня 377, 378, 379, 380, 381, 382.
Меньшевики 4, 5, 23, 31, 34, 41, 43, 116, 154, 178, 185, 189, 265, 269, 283, 286, 288, 289, 290, 306, 307, 338, 362.
Меньшевики-интернационалисты 154, 185, 283, 285, 289, 297, 303, 305, 381, 382, 419.
Отношение меньшевиков к войне 316, 319, 416.
Меньшевики и демонстрация 10-го июня 380, 381.
Отношение меньшевиков к Государств. Думе 292, 294, 295, 297, 303, 304, 306, 307.
С.-д. (объединенные) 5, 40, 41, 43, 194, 264, 283, 289, 292, 303, 307, 381.
С.-д. Германии 412, 413, 432.
С.-д. Украины 288.
С.-д. Финляндии 330, 331.
Социалисты-революционеры 4, 5, 23, 28, 34, 41, 42, 43, 128, 140, 160, 173, 183, 189, 206, 212, 214, 215, 219, 257, 259, 269, 279, 283, 286, 288, 289, 290, 338.
Отношение с.-р. к Госуд. Думе 293, 294, 295, 303, 304, 306, 307.
Отношение к войне 316, 319.
С.-р. о демонстрации 10-го июня 380.
С.-р. Украины 288.
Трудовики 5, 38, 41, 43, 265, 279, 288, 306, 380, 404.
Французская социалистическая партия 431.
1-е мая 369.
Персия 42, 71, 73, 75, 76, 114, 167, 191, 214, 323, 350, 364.
Петропавловская крепость 31.
«Письма о тактике» 172, 174.
Плебисцит 349.
Познань 346, 347.
Польша 186, 327, 346, 374, 403, 404.
Пораженчество 104, 409.
Правительство:
Буржуазно-цензовое 50.
Временное Правительство 7, 8, 10, 18, 25, 27, 29, 31, 46, 47, 48, 49, 69, 71, 74, 77, 79, 86, 88, 91, 92, 93, 94, 112, 113, 115, 116, 121, 126, 128, 129, 131, 138, 139, 140, 149, 150, 151, 152, 154, 160, 161, 167, 174, 177, 194, 208, 219, 241, 243, 246, 247, 255, 256, 264, 266, 269, 270, 271, 285.
Внешняя политика Временного Правительства 47, 48, 52, 56, 57, 60, 114, 117, 167, 190, 209, 310, 321, 327, 334, 335, 339, 352, 356.
Внутренняя политика Временного Правительства 48, 53, 61, 62, 63, 64, 113, 135, 149, 210, 235.
Кризис Временного Правительства 12, 144, 145, 146, 212.
Ноты Временного Правительства 312, 334, 355, 373, 420.
Отношение к контр-революционным выступлениям казачества 268.
Отношение к Государственной Думе 295, 296, 299, 300, 301, 305.
Отношение к Р. Гримму 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 27, 40, 187.
Коалиционное правительство, 50, 51, 52, 66, 69, 70, 84, 85, 86, 107, 115, 124, 144, 155, 157, 161, 163, 168, 177, 185, 189, 192, 204, 275, 284, 285, 286, 386.
Поддержка правительства 216, 217, 218, 235, 239, 240, 270, 273, 281, 283, 284, 287, 288, 385.
Доверие правительству 239, 288, 289, 390, 406.
Однородное правительство 281.
Социалистическое правительство 161, 278, 279, 337.
Пресса 6, 8, 208, 321, 353, 429, 431, 432.
«Биржевые Ведомости» 30.
«Вестник Временного Правительства» 175.
«Воля Народа» 259.
«Голос Солдата» 176.
«Дело Народа» 75.
«Entente» 355.
«Известия» 72, 185, 210, 319.
«Новая Жизнь» 75, 392.
«Новое Время» 8, 264, 268, 338.

«Окопная Правда» 409.
«Правда» 140, 178, 193, 240, 325, 376, 378, 416.
«Рабочая Газета» 69, 87.
«Речь» 8, 30, 240, 259, 264, 303.
«Русская Воля» 8, 30, 120, 242, 261, 262, 264, 266, 268, 338.
«Русские Ведомости» 242.
«Русский Вестник» 409.
«Русское Слово» 242.
«Серет» 409.
«Солдатская Правда» 378, 415.
«Социал-Демократ» 325.
«Temps» 419.
Прибыли 70, 73, 75, 90, 91, 102, 134, 136, 141, 143, 185, 210, 225, 284, 376.
Продовольственный вопрос.
Продовольствие 5, 61, 65, 91, 127, 147, 148, 153, 173.
Продовольственное положение страны 17, 129, 130, 131, 132, 133, 138, 143, 242.
Снабжение столиц хлебом 130.
Заготовки хлеба 129, 131, 132, 180.
Методы заготовки 132, 133.
Распределение продуктов 61, 132, 133, 136, 143.
Промышленность 61, 62, 63, 89, 90, 98, 99, 100, 136, 143, 144, 149, 150, 151, 152, 154, 156, 199, 200.
Демобилизация промышленности 233.
Профессиональные союзы 80, 92, 151, 261, 262, 263, 264, 284, 349.
Проливы 322, 381.
Рабочая политика.
Безработица 232.
Биржа труда 92, 232.
8-ми часовой рабочий день 217, 221, 222, 232, 369.
Заработная плата 92, 135, 138, 147, 153, 199, 200, 217, 240, 251, 252.
Отдел рынка труда 233.
Охрана труда 231, 232.
Примирительные камеры 92, 147, 148, 151, 152, 232.
Принудительный арбитраж 230, 231.
Производительность труда 128, 133, 134, 135, 136, 195.
Социальное страхование 232, 240.
Разруха 35, 48, 61, 69, 71, 75, 84, 88, 89, 90, 93, 97, 107, 108, 126, 148, 153, 156, 157, 167, 169, 175, 236, 243, 282, 283, 284, 287, 376, 377.
«Республика» Кирсановская 101, 107, 113, 121, 244.
«Республика» Кронштадтская 201.
» Нигульская 414.
» Переяславская 107, 113.
» Урюпинская 244.
» Царицынская 121.
Революция 4, 6, 7, 10, 11, 12, 16, 17, 20, 21, 26, 27, 28, 32, 33, 34, 35, 36, 38, 44, 72, 94, 96, 97, 104, 107, 116, 117, 122, 124, 142, 166, 167.
Движущие силы революции 47, 66' 91, 108, 110, 139, 174, 213.
Международный характер русской революции 280, 323, 326, 327, 348, 351, 356, 397, 401, 407.
Особенности русской революции 3, 47, 72, 86, 93, 99, 109, 155, 271.
Перманентная революция 351.
Революция социалистическая 155, 157, 168, 200, 280, 281, 349, 351, 356, 363, 364, 368, 369, 370, 371, 392, 394, 401, 405, 406, 419.
Французская революция 68, 77, 80, 108, 111, 118, 119, 121, 122, 176, 218, 278, 353, 356, 367, 391, 423.
Углубление революции 83, 149, 218, 272.
Революция 1905 года 3, 4, 68, 77, 174, 191, 323.
Революция 1848 года 199.
Саботаж 91, 194, 197.
Самоопределение народов 72, 79, 100, 101, 186, 324, 330, 331, 337, 344, 345, 346, 347, 349, 351, 362, 372, 374, 386, 389, 402, 403, 416, 417, 418, 422.
Самоуправление местное 64, 92, 109, 114.
Самарский 83-й пехотный полк 260.
Свобода слова 123, 285, 297.
Свобода коалиций 92, 151.
Свобода союзов и собраний 210.
Семеновский полк 350.
Сенат 84, 293.
Сербия 372.
Симбирское чрезвычайное губ. собрание 392.
Скутари 105.
Социал-шовинисты 320, 321, 324, 335, 374, 412.
Советы Р. и С. Д. 4, 7, 11, 18, 23, 27, 33, 40, 49, 50, 67, 74, 76, 77, 79, 82, 84, 85, 88, 93, 94, 101, 116, 124, 125, 127, 148, 149, 160, 168, 169, 178, 208, 267, 271, 282, 298, 301.
Отношение Советов к войне 310, 316, 318, 325, 330, 335, 345, 346, 352, 354, 365, 373, 403, 405, 507, 418, 426, 429.
Советы как органы власти 68, 107, 154, 155, 157, 212, 216, 217, 219, 237, 257, 274, 279, 283, 284, 285, 287, 295, 296, 364, 377, 386, 391, 393, 403, 407, 427.
Совет Бакинский 188, 218.
Совет Иркутский 173, 209, 217, 219, 259.
Советы местные 48, 127, 128, 146, 184, 189.
Совет Минский 206, 219.
Совет Московский 418.
Совет Тифлисский 189.
Совет Трапезундский 260.
Союзники 20, 45, 55, 57, 75, 94, 105, 114, 115, 116, 119, 142, 162, 165, 170, 190, 191, 274, 277, 283, 285, 286, 308, 311, 312, 319, 323, 326, 328, 329, 334, 335, 336, 339, 357,

358, 367, 372, 373, 387, 390, 392, 395, 397, 402, 420, 427.
Договоры с союзниками 285, 318, 319, 320, 321, 323, 325, 334, 336, 338, 348, 351, 363, 373, 377, 404, 419.
Спекуляция 88, 131, 135, 376.
Стокгольм 327.
Съезды.
Всероссийское Совещание Советов 3, 4, 410, 213, 417.
Донецкое совещание 199.
Казачий съезд 263, 384, 385.
Минский фронтовой съезд 189.
Печтово-телеграфный съезд 204.

Таврический дворец 148, 375, 383.
Торговля 127, 173.
Транспорт 143, 147, 149, 150, 228.
Турция 191, 323, 364.

Украина 72, 78, 79, 167, 185, 186, 284, 321, 322, 330, 348, 349, 362, 363, 417.
Украинская Рада 289.
Урожай 150.
Учредительное Собрание 3, 41, 63, 72, 79, 93, 109, 110, 113, 114, 123, 148, 155, 160, 161, 172, 177, 185, 188, 215, 240, 241, 260, 282, 286, 287, 299, 300, 301, 304, 350, 371, 384, 385, 415.

Федерация 100, 101.
Финляндия 72, 78, 79, 167, 284, 321, 322, 327, 330, 346, 348, 349, 362, 374.
Финансовая политика 90, 92, 135, 141, 149, 150, 157, 185, 223, 224, 225.
Финансовая реформа 64, 113.
Финансовые затруднения 61.
Финансовый законопроект 62.
Франция 6, 11, 22, 45, 68, 72, 73, 75, 77, 80, 81, 94, 98, 106, 114, 115, 118, 142, 156, 165, 168, 192, 308, 310, 317, 324, 325, 326, 327, 334, 335, 336, 351, 357, 364, 365, 371, 372, 373, 402, 416, 428, 430.

Хива 75,
Хорватия 346, 347.

Цены.
Политика цен 134, 135.
Цены на промтовары 69, 132, 133.
Цены на сельхоз. продукты 131, 133.
Твердые цены 91, 173, 258.
Ценз 107, 108, 109.
Циммервальд 6, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 27, 80, 429.

Черноморский флот 200, 209, 259, 355.
Чехия 346.

Швейцария 6, 9, 11, 13, 14, 15, 16, 18, 20, 26, 28, 29, 30, 36, 77.

Эльзас и Лотарингия 75, 114, 156, 325, 327, 346, 373, 375, 403.
Эмиссия 227.
Экономическая политика 61, 62, 63, 90, 141, 143, 151, 153.
Народное хозяйство 61, 62, 147, 149, 150.
Регулирование хозяйства 90, 152, 154, 156, 233, 234, 235.
Катастрофа экономическая 145, 156.
Экономический совет 234, 236.
Эмская депеша 174.

Япония 56, 73, 142, 166, 191, 320, 326, 346, 367.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Абрамович 6, 28, 34, 35.
Авксентьев 160, 383.
Аксельрод 8, 9, 10.
Алексеевский 200, 385.
Алексеев 4.
Алексеев, ген. 179, 180, 182, 187, 192.
Андерсон Вильям 44.
Андро 180.
Анисимов 4, 120, 263.
Арбатов 249.
Арсон 417.
Асквит 36, 403, 404, 405.
Афанасьев 244.
Базаров 73.
Бакунин 368.
Баранов 243.
Басинов 236.
Бебель 371.
Белоусов 289.
Бер 285, 289, 419.
Бетман-Гольвег 8, 15, 102.
Богданов 4, 5, 41, 296, 297, 298.
Богданович 213, 214.
Бонар-Лоу 60, 167.
Брамсон 4, 120, 129, 145.
Бриан 325.
Бронзов, 288.
Бруккер, Б. 423.
Брусилов, ген. 182.
Буников 380.
Бьюкенен 190.
Вайнштейн 361, 362.
Валуев, министр 289.
Вандервельде 36, 422, 423, 424, 428, 432.
Васильев 212, 214.
Виленкин 192, 194, 339, 343.
Вильгельм II 343, 350, 351, 371, 377, 403, 404, 422.
Вильсон 373.
Водовозов, В. 404.
Вознесенский 177.
Войновский-Кригер 340.
Войтинский 38, 40, 86, 385.
Вольпе 38.
Воронков 380.
Гаазе, Гуго 396.
Габсбург, Карл 371, 404.
Гвоздев 230.
Гегечкори 4, 5, 41, 54, 260, 264, 265, 268, 269, 291, 375, 380, 382.
Гейне, Генрих 119.
Георгиевский 292.
Гендерсон, А. 22, 24, 36, 191, 374, 375, 396, 419.
Герман 37.
Гинденбург 104, 106, 167.
Гололобов 248.
Гофман, ген. 14, 15, 21, 23, 26, 35, 36, 102, 342.
Гоц 4, 27, 28, 38, 40, 120, 219, 253, 263, 294, 296, 303, 304, 379.
Гримм, Роберт 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 36, 37, 38, 39, 40, 114, 153, 158, 171, 187, 211, 285, 329.
Гурко, ген. 181.
Гучков 50, 66, 84, 149, 164, 180, 182, 187, 205, 249, 271, 282, 283, 285, 356, 362, 404,
Дан 4, 45, 46, 86, 111, 137, 141, 144, 147. 162, 176, 177, 185, 196, 209, 210, 286, 289, 301, 305, 307, 312, 314, 327, 329, 334, 337, 340, 380, 396, 425.
Дантон 122, 365.
Дейч 353, 366.
Демулен Камилл 122.
Державин 4, 160, 265, 386, 393.
Дзюбинский 606.
Драгомиров, ген. 342.
Дрейфус 30.
Дурново 260, 261, 262, 263, 264, 265, 266, 268.

Еремеев, К. 415.
Жордания, Ной 189, 218.
Завадье 4.
Засулич, В. 353, 366.
Захватаев 4, 187.
Зиновьев, Г. 4. 21, 24, 25, 27, 189, 191, 192, 200, 403, 410, 416.
Иванов 39.
Исув 158.
Каменев, Л. 4, 38, 39, 40, 120, 163, 172, 174, 214, 262, 266, 268, 284, 289, 344, 363.
Каменский 39.
Канторович 194, 303.
Караваев, 248.
Карно 391.
Кашен 374, 430.
Керенской, А. 3, 21, 42, 45, 58, 59, 68, 77, 78, 83, 111, 112, 116, 144, 163, 176, 179, 180, 181, 182, 183, 186, 187, 188, 192, 201, 204, 205, 206, 207, 213, 214, 215, 217, 238, 246, 248, 259, 289, 292, 325, 332, 334, 337, 338, 343, 344, 352, 356, 376, 382, 392, 393, 395, 396, 410, 414, 415, 416, 421, 423.
Киселев 254.
Кнау 342.
Козловский 415.
Колышко 158.
Коновалов 66, 143, 144, 145, 146, 147, 148, 175, 197. 210, 243, 249, 251, 271.
Коржов 254.
Корнилов, ген. 49, 50.
Красинский 288.
Кринский 148.
Кромвель 967.
Крыленко 4, 17, 182, 187, 192, 194, 201, 204, 205, 215, 340, 380, 390, 393, 398, 399, 400, 406, 410, 411, 415.
Крутинский 160.
Крутовский 173.
Крушицкий 4.
Кузьмин 382.
Куропаткин, ген. 315.
Ллойд-Джордж 348, 396, 421.
Лазурский 4.
Ланге 396.
Лангезиппен 280.
Лапинский 373, 375.
Лассаль, Ф. 366.
Легин 80.
Ленин, В. И. 65, 67. 72, 73, 77, 78, 80, 83, 89, 90, 97, 100, 101, 108, 109, 112, 139, 141, 153, 154, 158, 161, 172, 183, 184, 199, 214, 215, 240, 242, 274, 278. 279, 280, 281. 292, 297. 315, 322, 325, 326, 327, 328, 330, 337, 338, 339, 340, 342, 348, 349, 351, 352, 360, 361, 362, 363, 364, 365, 391, 416, 417, 421, 425, 426.
Леопольд Баварский 79, 106, 325, 332.
Лепский 239, 241.
Лерман 53.
Либер 24, 27, 30, 31, 38, 39, 40, 46, 85, 86, 190, 209, 210, 270, 276, 279, 416.
Либкнехт, Вильгельм 371.
Либкнехт, Карл 7, 73, 74, 99, 328, 349, 361, 365, 420, 423.
Липранди 368.
Лопатин 353.
Лордкипанидзе 4, 414.
Луначарский, А. 4, 5, 46, 83, 93, 106, 111, 113, 140, 141, 172, 182, 196, 197, 198, 199, 207, 209, 219, 264, 265, 266, 268, 278, 281, 283, 289, 292. 294, 303, 304, 307, 340, 362, 379, 381, 395, 397, 407, 418.
Львов кн. 147, 148, 164, 175, 198, 258, 289, 293, 295, 299, 300.
Львов 252.
Любович 203.
Люксембург, Р. 423.
Мазуренко 43.
Мазурин 126, 137, 138, 254, 289, 290.
Макдональд Рамзай 7, 43, 44, 45, 47, 70, 73.
Маклаков 71, 316.
Маклин 46, 73, 72, 365.
Малаевский 215, 406.
Малиновский 78.
Ман, А. 423.
Маркс, Карл 69, 77, 83, 111, 183, 184, 371.
Мартов 6, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 17, 18, 19, 20, 22, 31, 32, 33, 34, 35, 38, 39, 53, 85, 86, 111, 112, 114, 115, 117, 118, 119, 141, 157, 175, 297, 299, 301, 302, 304, 305, 306, 307, 334, 338, 340, 381, 426, 427.
Меньшиковский 269.
Милюков, П. 7, 22, 48, 49, 50, 66, 71, 72, 75, 84, 86, 112, 114, 115, 139, 158, 164, 166, 190, 213, 238, 240, 250, 251, 271, 283, 285, 316, 319, 327, 328, 348, 362, 374, 404, 428, 429.
Моисеев 253, 256.
Мольтке, ген. 342.
Муромцев 298.
Муте 374, 430.
Набоков 190.
Некрасов 174, 204, 249, 250, 276, 279.
Никандров 399.
Никита Черногорский 105.
Никольский 4, 172, 175, 207, 209, 218, 253. 254, 265.
Ногин 4, 40, 241.
О. Греди 22.
Одье 26.
Орлов 199.
Орловский 4.
Павлов 379, 381.
Переверзев 84, 112, 117, 118, 144, 243, 262, 263, 266, 292.
Печерский 4, 397.
Пешехонов 64, 126, 129, 135, 137, 141, 146, 147, 148, 152, 153, 154, 173, 174, 178, 195, 208, 211, 242, 243, 276.
Плеханов 353, 364, 365, 368.
Подвицкий 393.
Позерн 42, 219.
Поливанов, ген. 180, 192.
Понсонби 44, 45.
Попов 252.
Поршнев 253, 291.
Преображенский, Е. 217, 220, 221.
Пуришкевич 88.
Пьяных 351.
Рабинович 265.

Раковский 30.
Релд, ген. 368.
Рибо 325, 327, 348, 379, 395, 396, 419, 421.
Родзянко 42, 83, 107, 149, 190, 249, 292, 293, 295, 304, 344.
Розанов 428, 431.
Романенко 288.
Романов 214.
Романов, Николай 71, 83, 177, 193, 213, 255, 299, 317, 318, 319, 336, 350, 351, 393.
Романов, Николай Николаевич 299, 404.
Романчик 381.
Рязанов 175, 192, 415.
Саакьян 4, 348.
Сако 182.
Селиванов 244.
Селиверстов 244.
Сен-Жюст 122.
Сесиль, Роберт 45.
Сидней 374.
Скобелев 7, 8, 9, 11, 12, 13, 14, 18, 21, 22, 23, 26, 27, 28, 30, 32, 37, 38, 39, 88, 113, 121, 144, 145, 149, 185, 223, 229, 242, 248, 258, 276, 282, 417.
Сметанин 39.
Смирнов 197, 417.
Советов 247.
Соколов, Н. Д. 181.
Соколовский 259.
Соколовский, ген. 213, 214.
Сокольский 185, 219.
Соннино 348, 374, 403.
Старостин 179, 206, 254, 259, 291, 381.
Суворов, ген. 342.
Сухов 236, 243, 401.
Сухомлинов, ген. 25.
Таскин 288.
Терещенко 72, 75, 87, 115, 147, 276, 336.
Ткачев 384.
Толстой, Л. 368.
Тома, Альберт 22, 24, 36, 191, 374, 375, 396, 432.
Тревельян 44.
Третьяков 144, 148.
Троицкий 217.
Троцкий, Л. 35, 37, 40, 53, 142, 153, 158, 170, 171, 173, 178, 197, 198, 205, 206, 240, 243, 249, 268, 278, 280, 282, 295, 296, 297, 298, 301, 352, 355, 357, 358, 361, 366, 368, 370, 371, 398, 418, 426.
Трунин 101.
Успенский, Глеб 353, 366.
Филиппенко 415.
Филиппов 414.
Филипповский 167, 171.
Фирсов 153, 154.
Фишгендлер 204.
Хараш 400, 412.
Хаустов 306.
Хвостов 111.
Хинчук 4, 41, 264, 334.
Церетели 4, 7, 8, 9, 10, 11, 17, 21, 22, 23, 26, 27, 28, 31, 32, 33, 34, 35, 37, 38, 39, 54, 83, 86, 88, 89, 94, 115, 117, 118, 121, 128, 129, 145, 161, 164, 175, 176, 177, 178, 179, 187, 190, 191, 196, 204, 208, 211, 217, 218, 219, 221, 239, 243, 253, 257, 259 270, 276, 278, 280, 335, 336, 337, 361, 373, 417.
Цион 43.
Ципина 260.
Чернов, В. 10, 22, 96, 111, 113, 114, 115' 169, 171, 185, 186, 191, 196, 201, 255 259, 293, 294, 374, 396, 397.
Чиж 38.
Чукалинский 249.
Чхеидзе 3, 4, 30, 31, 40, 44, 96, 120, 160, 176, 179, 236, 260, 262, 291, 338, 375, 379, 422, 423.
Шейдеман 102, 372, 374, 375, 395, 396, 403, 419.
Шингарев 147, 242, 246, 276, 279.
Шнитников 161, 176.
Шумяцкий 4, 247.
Энгельс, Ф. 69, 371.
Эрман 250, 412.
Ягелло 79.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие Я. А. Яковлева ..... III—XXII
От редакции ..... XXIII—XXVIII

Стенографический отчет

Стр.

Заседание 3 июня ..... 3—40

Открытие съезда. Речь Чхеидзе — 3. Выборы председателя и президиума — 4. Утверждение регламента — 5. Организация секции съезда—5. Оглашение приветствий съезду — 5. Внесение в порядок дня вопроса об изгнании Роберта Гримма — 6. Прения о высылке Роберта Гримма: речь Мартова — 6; речь Церетели — 11; речь Скобелева — 18; речь Керенского — 21; речь Зиновьева — 21; речь Либера — 24; речь Гоца — 27; речь Абрамовича — 28. Заключительная речь Мартова — 31. Заключительная речь Церетели — 33. Принятие резолюции по поводу высылки Роберта Гримма — 37. Закрытие заседания — 40.

Заседание 4 июня (утреннее) ..... 41—53

Принятие дополнений к регламенту — 41. Утверждение выборов в мандатную комиссию — 41. Утверждение программы работ съезда — 41. Приветствие Мазуренко от Главного Организ. Комитета Всероссийского Крестьянского Союза—43. Приветствие Циона—43. Оглашение приветствия Чарльза Травельянса — 44. Внеочередное заявление Дана — 45. Об отношении к Временному Правительству (доклад Либера)—46. Закрытие заседания — 53.

Заседание 4 июня (вечернее) ..... 54—95

Прения по докладу об отношении к Временному Правительству: речь Церетели — 54; речь Ленина—67; речь Керенского—77; речь Луначарского — 83; речь Скобелева — 88. Закрытие заседания — 95.

Заседание 5 июня (утреннее) ..... 96—119

Оглашение приветствий от Кавказского краевого съезда и от съезда представителей Балтийского флота—96. Продолжение прений по докладу об отношении к Временному Правительству: речь Чернова — 96; речь Мартова — 111; речь Церетели — 117.

Заседание 5 июня (вечернее) ..... 120—159

Внеочередное заявление президиума — 120. Принятие резолюции о захвате анархистами типографии Березина — 120. Продолжение прений по докладу об отношении к Временному Правительству: речь Брамсона — 120; речь Мазурина — 126; речь Пешехонова 129; речь Дана — 137; речь Троцкого — 142; речь Скобелева — 149; речь Фирсова—153. Заявление Троцкого — 158. О проверке голосования резолюции о высылке Р. Гримма — 158. Закрытие заседания — 159.

Заседание 6 июня (утреннее) ..... 160—178

Приветствие от русских войск во Франции — 160. Приветствие Авксентьева от Крестьянского Союза — 160. Продолжение прений по докладу об отношении к Временному Правительству: речь Шнитникова—161; речь Каменева—163; речь Филипповского—167; речь Никольского—172; речь Рязанова — 175; речь Вознесенского — 177. Закрытие заседания — 178.

Стр.

Заседание 6 июня (вечернее) . . . . . 179 — 222

Продолжение прений по докладу об отношении к Временному Правительству: речь Крыленко — 179; речь Сано — 182; речь Сокольского — 185; речь Захватаева — 187; речь Зиновьева — 189; речь Виленкина — 192; речь Канторовича — 194; речь Смирнова — 197; речь Орлова — 199; речь Алексинского — 201; речь Любовича — 203; речь Фишгендлера — 204; речь Старостина — 206; речь представителя Черноморской организации — 210; речь Васильева — 212; речь Романова — 214; речь Малевского — 215; речь Преображенского — 217. Заявление Гоца — 219. Заявление Позерна — 219. Заявление Церетели — 219. Закрытие заседания — 222.

Заседание 7 июня (вечернее) . . . . . 223 — 259

Продолжение прений по докладу об отношении к Временному Правительству: речь Скобелева — 223; речь Баснина — 236; речь Лепского — 239; речь Ногина — 241; речь Сухова — 243; речь Советова — 247; речь Шумяцкого — 247, речь Арбатова — 249; речь Эрмана — 250; речь Попова — 252; речь Поршнева — 253; речь Киселева — 254; речь Моисеева — 256. Заявление Соколовского — 259. Заявление Старостина — 259. Закрытие заседания — 259.

Заседание 8 июня (вечернее) . . . . . 260 — 291

Оглашение приветствий съезду — 260. Сообщение Гегечкори о захвате анархистами дачи Дурново — 260. Прения по поводу захвата дачи Дурново: речь Каменева — 262; речь Гоца — 264; речь Луначарского — 265; речь Никольского — 265; речь Державина — 265; речь Переверзева — 266; речь Гегечкори — 268. Принятие резолюции о захвате анархистами дачи Дурново — 269. Заключительное слово Церетели по докладу об отношении к Временному Правительству — 270. Заключительное слово Либера по докладу об отношении к Временному Правительству — 279. Внесение резолюций по докладу об отношении к Временному Правительству: резолюция объедин. с.-д. интернационалистов (Луначарский) — 283; резолюция с.-д. большевиков (Каменев) — 284; резолюция с.-д. меньшев.-интернационалистов (Бер) — 285; резолюция с.-д. меньшевиков и с.-р. (Дан) — 286. Принятие резолюции по докладу об отношении к Временному Правительству — 288. Сообщение о прибытии праха члена 2-ой Гос. Думы Белоусова — 289. Заявление Поршнева — 291. Закрытие заседания — 291.

Заседание 9 июня (утреннее) . . . . . 292 — 333

Оглашение приветствия от Симбирского Чрезв. Губерн. Собрания — 292. Внесение резолюций о Государственной Думе и Государственном Совете: от объедин. с.-д. интернац. и большевиков (Луначарский) — 292. От с.-д. меньшевиков и с.-р. (Гоц) — 294. Прения по внесенным резолюциям: речь Троцкого — 295; речь Богданова — 296; речь Мартова — 297; речь Дана — 301. Принятие резолюции о Государственной Думе и Государственном Совете — 303. Об отношении к войне. Доклад Дана — 307. Прения по докладу об отношении к войне: речь Ленина — 315; речь Керенского — 325. Закрытие заседания — 333.

Заседание 9 июня (вечернее) . . . . . 334 — 383

Продолжение прений по докладу об отношении к войне: речь Мартова — 334; речь Виленкина — 339; речь Каменева — 344; речь Саакьяна — 348; речь Троцкого — 352; речь Церетели — 357; речь Вайнштейна — 361; речь Плеханова — 365; речь Лапинского — 373. Сообщение Чхеидзе о демонстрации 10-го июня — 375. Доклад Гегечкори о положении в Петрограде — 375. Сообщение Луначарского — 379. Принятие резолюции о демонстрации 10 июня — 380. Закрытие заседания — 383.

Заседание 11 июня (утреннее) . . . . . 384 — 421

Приветствие Ткачева от Казачьего съезда — 384. Сообщение Алексеевского о приветствии им Казачьего съезда — 385. Продолжение прений об отношении к войне: речь Державина — 386; речь Крыленко — 390;

*

Стр.

речь Подвицкого — 393; речь Луначарского — 395; речь Печерского — 397; речь Никифорова — 399; речь Сухова — 401; речь Зиновьева — 403; речь Малевского — 406; речь Хараша — 409; речь Эрмана — 412; речь Лордкипанидзе — 414; речь Арсона — 417; речь Бера — 419. Закрытие заседания — 421.

Заседание 11 июня (вечернее) . . . . . 422 — 434

Приветствие Вандервельде — 422. Ответ на приветствие Вандервельде Чхеидзе — 423. Заключительное слово Дана по докладу об отношении к войне — 425. — Сообщение Розанова об интернациональном конгрессе — 428.

Приложения . . . . . 435 — 446

Примечания . . . . . 447 — 473

Предметный указатель . . . . . 474 — 478

Именной указатель . . . . . 479 — 481

ОБЪЕДИНЕННАЯ БИБЛИОТЕКА И. К. П.